

ВОСЬМОЙ СЪЕЗД ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ВОСЬМОЙ
съезд
писателей
СССР

Стенографический отчет

**Восьмой
съезд
писателей
СССР**

24 ИЮНЯ — 28 ИЮНЯ 1986

СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ

**МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1988**

*Редакционная коллегия: Г. М. Марков,
В. В. Карпов, Ю. Н. Верченко, Е. А. Исаев,
Ю. И. Суровцев, К. Н. Селихов, В. Н. Ере-
менко*

Составители:

С. П. Колов, К. Н. Селихов, А. А. Тюрина

В 76 **Восьмой съезд писателей СССР: Стенографиче-
ский отчет.**— М.: Советский писатель, 1988.— 512 с.

ISBN 5—265—00426—2

Стенографический отчет включает выступления советских писателей на VIII съезде писателей СССР, проходившем в Москве с 24 по 28 июня 1986 года.

460300000—216

В 083(02)—88 **474—88**

ББК 83 ЗР7

083(02)—88

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ

Восьмой съезд писателей СССР
открылся 24 июня 1986 года в 10 часов
в зале заседаний Большого Кремлевского дворца

Продолжительными аплодисментами, стоя встретили делегаты и гости съезда появление в правительственных ложах товарищей М. С. Горбачева, Г. А. Алиева, В. И. Воротникова, А. А. Громыко, Л. Н. Зайкова, Е. К. Лигачева, Н. И. Рыжкова, М. С. Соломенцева, Э. А. Шеварднадзе, П. Н. Демичева, В. И. Долгих, Н. В. Талызина, А. П. Бирюкову, А. Ф. Добрынина, М. В. Зимянина, В. А. Медведева, В. П. Никонова, А. Н. Яковлева, И. В. Капитонова

Съезд открыл первый секретарь Правления Союза писателей СССР Г. М. Марков.

Г. МАРКОВ. Товарищи!

На VIII съезд писателей страны избрано 567 делегатов. Прибыло 543 делегата. Остальные отсутствуют по уважительным причинам.

Есть предложение начать работу съезда. Разрешите мне по поручению правления Союза писателей СССР объявить VIII съезд писателей СССР открытым.

Для руководства работой съезда нам необходимо избрать Президиум, Секретариат, Мандатную комиссию и Редакционную комиссию. Всем делегатам розданы проекты составов названных руководящих органов съезда, предложенных партийной группой съезда.

Позвольте приступить к избранию этих органов.

Предлагается избрать Президиум в составе 116 человек. Есть другие предложения? Нет. Позвольте проголосовать. Кто за это предложение, прошу поднять временные удостоверения. Прошу опустить. Кто против? Нет. Кто воздержался? Нет. Принимается.

Персональный состав Президиума, предложенный партийной группой, у вас имеется. Есть другие предложения, соображения? Нет. Тогда позвольте проголосовать Президиум в том составе, который рекомендуется партийной группой. Кто за это предложение, прошу поднять временные удостоверения. Кто про-

тив? Нет. Кто воздержался? Нет. Принимается единогласно. (Члены Президиума занимают места в президиуме.)
Товарищи!

Есть предложение избрать Секретариат съезда в составе 31 товарища. Нет других предложений? Нет. Кто за это предложение, прошу поднять удостоверение. Прошу опустить. Кто против, воздержался? Нет. Принимается единогласно.

Персональный состав намеченных товарищей у вас имеется на руках. Есть другие предложения? Нет других предложений. Позвольте проголосовать. Кто за избрание Секретариата в этом составе, прошу поднять удостоверение. Кто против? Нет. Кто воздержался? Нет. Секретариат утверждается.

Есть предложение избрать Мандатную комиссию в составе 31 человека. Есть другие предложения? Нет. Кто за это предложение, прошу поднять удостоверение. Прошу опустить. Кто против? Нет. Кто воздержался? Нет. Принято единогласно.

Персональный состав рекомендованных имеется у вас на руках. Кто за избрание этого состава, прошу поднять удостоверение. Прошу опустить. Кто против? Нет. Кто воздержался? Нет. Принимается.

Нам осталось избрать Редакционную комиссию съезда.

Предлагается избрать ее в количестве 31 человека. Есть ли другие предложения? Нет. Кто за то, чтобы избрать Редакционную комиссию в составе 31 человека, прошу поднять удостоверение. Прошу опустить.

Персональный состав Редакционной комиссии имеется у всех делегатов на руках. Есть ли другие предложения? Нет. Кто за этот состав Редакционной комиссии, прошу поднять удостоверение. Прошу опустить. Кто против? Нет. Кто воздержался? Нет. Редакционная комиссия избирается единогласно. (Составы руководящих органов VIII съезда писателей СССР прилагаются к отчету.)

Дорогие товарищи!

Нам необходимо утвердить повестку дня и регламент съезда. У вас на руках эти предложения имеются. Есть ли другие предложения по повестке дня и регламенту съезда? Нет. Кто за повестку дня и регламент в том виде, как они имеются у вас, прошу голосовать. Прошу опустить. Кто против? Нет. Кто воздержался? Нет. Принимается единогласно. (Повестка дня и регламент работы VIII съезда писателей СССР прилагаются к отчету.)

Дорогие товарищи!

На наш съезд прибыли делегации писателей из социалистических стран, писатели из многих стран Европы, Азии, Латинской Америки. Позвольте мне от имени съезда и от лица писателей Советского Союза сердечно приветствовать наших гостей и поблагодарить их за высокую честь, которую они оказали нам, приехав на наш съезд. (Аплодисменты.)

Уважаемые товарищи! За 5 лет, прошедших после VII съезда писателей СССР, многонациональная семья советской литературы понесла тяжелые утраты. Ушли от нас

многие прекрасные художники слова, наши товарищи по литературе и среди них: М. А. Шолохов, Ф. А. Абрамов, М. П. Алексеев, А. П. Алдан-Семенов, А. Н. Арбузов, К. С. Бадигин, Н. П. Бажан, П. А. Байдебура, Я. В. Баш (Башмак), Г. С. Березко, Д. Д. Благой, М. С. Бубеннов, Е. Н. Буков, О. О. Вацетис, В. К. Велиев, Б. А. Галин, С. А. Герасимов, Н. Г. Гиппиев, Л. К. Гурунц, Л. Д. Дмитерко, Н. В. Думбадзе, И. Есенберлин, А. А. Жаров, В. А. Закруткин, Ю. П. Казаков, В. П. Катаев, В. М. Кожевников, Г. М. Корольков, А. Ю. Кривицкий, А. А. Крон, С. А. Крутилин, Т. Курбанов, К. Ш. Кулиев, Б. С. Ласкин, С. Л. Львов, А. Е. Макаенок, Р. А. Марганин, Г. А. Медынский, Г. Д. Мдивани, Г. М. Мусрепов, Г. Мустафин, С. А. Наровчатов, П. Ф. Нилин, С. И. Олейник, В. Н. Орлов, М. Н. Пархоменко, А. Я. Пельше, А. А. Первенцев, Е. А. Пермяк, А. И. Покрышкин, Б. Н. Полевой, Н. С. Сафаров, Г. А. Семенхин, Л. И. Славин, В. Н. Собко, М. А. Стельмах, А. А. Сурков, В. Ф. Тендряков, В. П. Туркин, Т. Н. Тэсс, В. Д. Федоров, Ш. К. Фолманис (Жан Грива), В. Г. Харитонов, М. Б. Храпченко, С. С. Чиботару, В. А. Чивилихин, В. М. Чичков, М. С. Шагинян, М. А. Шатирян, В. Б. Шкловский.
Прошу почтить память ушедших от нас товарищей вставанием. (Все встают.) Прошу сесть.

В. КАРПОВ. Слово для отчетного доклада правления Союза писателей СССР «Никогда не отгораживаться от тревог современного мира, от жизни нашего народа» представляется первому секретарю Правления Георгию Мокеевичу Маркову.

Г. МАРКОВ Товарищи!

VIII съезд писателей СССР собрался в знаменательное время. Наша партия и народ живут и работают в обстановке борьбы за осуществление решений XXVII съезда КПСС, когда энергия замыслов превращается в энергию действий. Июньский Пленум ЦК КПСС, состоявшийся на днях, с новой силой нацелил нас на более интенсивное воплощение предначертаний партии по коренной перестройке всех отраслей жизни, на безусловное выполнение планов двенадцатой пятилетки.

Курс партии на ускорение социально-экономического развития, стратегия прочного мира нашли понимание и поддержку всего народа.

Исторические решения партийного съезда открывают перед работниками литературы широкий простор для новаторского и талантливого художественного поиска, для активной и напряженной творческой деятельности. Съезд определил серьезные задачи, стоящие перед мастерами слова. В Политическом докладе ЦК КПСС съезду партии отмечалось: «Нравственное здоровье общества, духовный климат, в котором живут люди, в неменьшей степени определяются состоянием литературы и искусства. Наша литература, отражая рождение нового мира, вместе с тем активно участвовала в его становлении,

формируя человека этого мира — патриота своей Родины, подлинного интернационалиста. Тем самым она верно выбрала свое место, свою роль в общенародном деле. Но это и критерий, с которым народ, партия подходят к оценке работы писателя, художника, да и сама литература, советское искусство — к собственным задачам».

Именно с высоты идей партийного съезда мы должны ответственно и взыскательно оценить современный литературный процесс, всесторонне и вдумчиво осмыслить наши успехи, просчеты и недостатки, определить реальные пути для раскрытия всех наших возможностей.

Съезд партии дал нам всем пример честного, принципиального подхода к упущениям и недостаткам — настоящий урок правды.

Этот урок был продолжен во время встречи Генерального секретаря ЦК КПСС товарища М. С. Горбачева с писателями, депутатами Верховного Совета СССР, участвовавшими в работе его пятой сессии, и группой литераторов столицы. Говоря об историческом моменте, переживаемом нашим обществом, М. С. Горбачев подчеркнул, что сейчас открывается огромное поле деятельности для художественного творчества с его огромной силой общественного воздействия. В выступлении было отмечено, что советские писатели никогда не отгораживались от тревог современного мира, от жизни нашего народа. Несомненно, что эта встреча обогатит работу нашего съезда и писатели используют советы партии в своей повседневной деятельности.

Главный предмет нашего обсуждения — литература, главная наша забота — расцвет художественной культуры страны, главный ориентир наших устремлений — идеи XXVII съезда КПСС, идеи коммунистического социализма.

Для нас, писателей, сегодня нет более важной заботы, чем забота о духовном развитии человека. Своей творческой работой мы будем и впредь помогать партии осуществлять ее масштабный реалистический курс на ускорение и эффективную перестройку во всех сферах экономической и социальной деятельности. И прежде всего — в перестройке мышления людей, отношения их к делу, укреплении организованности и дисциплины. Само нынешнее время бросает нам вызов, требует от нас целеустремленности и решительности, деловитости и наступательности, оно зовет писателя к созданию новых произведений, достойных нашего народа, нашей великой Родины.

В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии подчеркивается необходимость понимания каждым человеком остроты переживаемого момента, его переломного характера. Анализируя путь, пройденный литературой за последние годы, мы видим, что движение было нелегким поиском нового, истинно художественного выражения современной народной жизни во всей ее многогранности, драматизме и величии. На этом пути были свои немалые трудности, обретения и потери.

Лучшие художественные произведения пос-

леднего времени показывают, что литература жила и развивалась, ощущая назревшую в обществе потребность в переходе на качественно новую ступень. Она оказалась внутренне подготовленной к курсу, взятому партией. Она нащупывала болевые точки нашего бытия, неблагоприятные тенденции в социально-духовной сфере. Острейшие социальные и нравственные проблемы, которые сейчас находятся в центре внимания общественности, были поставлены в ряде талантливых романов и повестей, поэмах, пьесах, очерках, созданных писателями всех республик.

И что немаловажно — журналы и газеты смело предоставили свои страницы публицистике. Особенно оживилась наша литературная печать после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС.

Вместе с тем мы должны признать, что последние годы отмечены и определенным неблагополучием в развитии литературного процесса. Читатели сетуют на появление серых и конъюнктурных произведений. И в прозе, и в поэзии порой лишь назывались негативные явления, но не было слышно призыва к борьбе с ними, к той борьбе, на которую нас подняла сегодня партия, — с застоём, парадностью, благодушием.

Но, что самое печальное, границы между литературой и псевдолитературой временами стирались, сглаживались, причем не без помощи критиков, пренебрегающих объективностью. Сложилась целая «обойма» писательских имен и произведений, весьма различных по идейно-художественному уровню, но восхваляемых с одинаковым рвением. Борьба против этих тревожных проявлений ставит перед сегодняшней литературой и критикой острые и сложные проблемы.

Сейчас, когда общественная атмосфера проникнута поиском новых интенсивных путей развития общества, мы с особенной остротой чувствуем, насколько актуально активное участие литераторов в этом процессе. Откликаясь на программные требования партии, каждый из нас должен настойчиво и целеустремленно выявлять творческие резервы метода социалистического реализма, самоотверженно служить повышению идейно-художественного качества литературы, ее воздействию на жизнь.

В этой большой работе немалую роль призваны сыграть выборные органы союза, его штатный аппарат. К сожалению, в их деятельности есть много недостатков.

Правления и секретариаты писательских организаций могут успешно выполнять свои функции, лишь постоянно совершенствуя стиль работы. В первую очередь это — конкретность, деловитость, последовательность, единство слова и дела, гласность и постоянный учет мнения членов союза.

Надо сказать, существенные недоработки были присущи в отчетный период и деятельности секретариата правления Союза писателей СССР. Мы недостаточно внимания уделяли совершенствованию организации своей работы. Нередко наша реакция на запросы литературной жизни, развития

литературного процесса выливалась лишь в заслушивание вопроса и принятие очередного — которого по счету! — документа. Мы недостаточно думали над тем, как еще больше повернуть писательские организации к тому, чтобы писатели каждодневно чувствовали внимание своих выборных органов к главному делу литераторов — созданию произведений. Случалось, что обсуждение проблем совершенствования идейно-художественного уровня творчества, создания яркого образа современника, борьбы с негативными явлениями нашей жизни происходило без должной остроты и всестороннего анализа писательских работ.

Устраняя подобные недоработки, будущее Правление СП СССР и его секретариат, безусловно, должны способствовать еще более тесной связи писателей с жизнью, укреплению обстановки принципиальности и организованности в писательской среде, ответственности за результаты творчества и общественное поведение.

I

«Вызов времени», токи современности, глас народной совести... Это вечно, и это всегда ново. Это было и в те далекие годы, когда легендарный поэт складывал свои бессмертные строфы о дружине князя Игоря и бедах княжеских междоусобиц; это было и тогда, когда гений Пушкина пророчески предсказал союз свободных народов; так было в годы, когда всю нашу необъятную Родину охватило революционное преобразование; и в годину фашистского нашествия, когда перед каждым советским человеком встал неумолимый вопрос: «Да будем ли мы сами на земле наших предков?». «Вызов времени» мы слышим и в нынешние восьмидесятые годы, когда уже близок уход героического двадцатого века с арены истории — хронологической, только хронологической арены.

Время зовет художника... Пусть бегло, но хочется сразу же очертить главную особенность нашего литературного бытия — жажду художников к познанию современной действительности, к глубокому пониманию человека, его действий и чувств. Это наша традиция, завещанная нам классиками, это — черта нашего социалистического первородства! Мы с удовлетворением, более того — с гордостью чувствуем себя частью народа-новатора, прокладывающего в мировой истории неизведанные пути, созидającego общество, какого не знала многовековая цивилизация.

На западе нашу творческую жизнь изображают так: партия и общество называют нам те или иные темы, и мы, писатели, выполняем этот заказ. Как говорится — и легко, и дешево! Еще одно искажение истины, доведенное до абсурда.

Мы пишем не по указке, а исходя из той объективной потребности, которая рождается в самом обществе, складывается в нем, поднимаясь из глубинных источников народного сознания; это еще и предчувствие потребности духовного развития и массы, и личности.

Чтобы такой «заказ» был исполнен или хотя бы принят для исполнения, писательское сознание должно быть подготовлено к этому. Услышал писатель «вызов времени» или не услышал, верно понял его или ошибся — вот тут-то и начинается то, что мы называем творческим риском, а без этого риска вхождение писателя в осмысление действительности, воссоздание образа героев времени невозможно.

Курс партии на уважение к таланту, на поддержку таланта, понимание того, что талант расцветает, если относится к себе со всевозрастающей ответственностью, этот курс целиком и полностью вписывается в стратегическую концепцию социально-экономического и духовного ускорения, намеченную апрельским (1985 г.) Пленумом ЦК КПСС и развернутую XXVII съездом партии.

Здесь уместно вспомнить важнейшее для нас положение из Политического доклада ЦК КПСС: «Когда возникает существенная потребность осмыслить время, в особенности время переломное, оно всегда выдвигает людей, для которых это становится внутренней потребностью. В такое время мы живем сейчас. Ни партия, ни народ не нуждаются в парадном многописании и мелком бытокопательстве, в конъюнктурщине и делячестве. Общество ждет от писателя художественных открытий, правды жизни, которая всегда была сутью настоящего искусства».

В работе наших союзов писателей, их правлений и секретариатов нужны действительно реальные перемены. Справедливо сказано на XXVII съезде КПСС, что «главный итог их работы измеряется не резолюциями и заседаниями, а талантливыми, оригинальными, нужными обществу книгами, фильмами, спектаклями, картинами и музыкальными произведениями, которые способны обогащать духовную жизнь народа».

Всякий человек, который знает историю советской литературы, который способен объективно судить о том, как двигалась наша литература в историческом времени, не может не отметить, что доверие партии постоянно растет, углубляется, становится с ходом нашего развития качественно иным — все более действенным. Роль творческих союзов — писателей, композиторов, художников, кинематографистов, работников театра — никогда не была поднята на такую высоту, как теперь.

В новой редакции Программы КПСС, принятой XXVII съездом партии, есть чрезвычайно важный и вдохновляющий нас постулат: партия руководит литературно-художественным процессом, опираясь на творческие союзы. Опираясь! Мы идем за партией, черпаем в ее идеях, в ее политике, в практике ее гигантской работы свое воодушевление, но в свою очередь и она заявляет, что опирается на творческую интеллигенцию; на творческие союзы.

Вот почему вопросы работы нашего союза, всех его звеньев должны быть сегодня предметом особого внимания.

Возьмем наше журнально-газетное хозяйст-

во: это 86 ежемесячных журналов, 16 газет с одноразовым тиражом, превышающим двенадцать с половиной миллионов экземпляров. А издательства наши? Одно центральное издательство Союза писателей СССР «Советский писатель» ежегодно выпускает в свет по пятьсот и более названий книг тиражом, превышающим двадцать пять миллионов экземпляров, из них более трети в переводах с языков народов СССР. А Литфонд с его разносторонним хозяйством, с его обязанностями, от выполнения которых во многом зависит уровень социального обслуживания и самочувствия писателей... Но поставим вопрос: как мы используем эти возможности? Все ли названные организации и учреждения работают слаженно, четко, с пониманием своей большой ответственности?

Нужно заметить, что на республиканских писательских съездах, почти на всех, достаточно много говорилось об опыте организационно-творческой работы. Прямо скажем, что мы далеко не всем довольны и в своей работе — так называемого «большого союза», и в работе республиканских организаций и редакций журналов и газет.

Мы не всегда активно используем свое конституционное право на общественную инициативу, но зато кое-что делаем, как говорится, «для галочки», ради оперативности, не оставляющей никакого заметного следа.

Очень серьезно надо подумать о том, как в дальнейшем, сохранив все положительное — а оно есть, и его немало, — проводить Дни советской литературы, творческие конференции, литературные праздники, как строить взаимоотношения с читателями, имеющими теперь свою организацию книголюбов.

Наступило, нам кажется, то время, когда необходимо основательно пересмотреть систему отношений издателей и писателей, писателей и читателей, найти в ней стимулы, которые бы облегчали выход талантливых произведений и поставили заслон серости и посредственности. Но к этому вопросу я еще вернусь.

При всем критическом подходе к нашей работе следует отметить, что в последние годы многие писательские организации больше стремились активизировать свое влияние на литературный процесс. Об этом, в частности, свидетельствует такая область нашего общения, как творческие обсуждения. Но достаточно ли принципиально мы их проводим?

Мы часто говорим о важности критики и самокритики, о создании требовательности в литературной среде и часто упускаем из виду, что подлинный профессионализм складывается только тогда, когда о литературе, о ее отдельных явлениях мы говорим заинтересованно, принципиально, с партийных позиций, не мелчим, не примешиваем к большому делу мелкие групповые страстишки.

Мы стремились к такой постановке дела и порой добивались неплохих результатов. Особенно, когда прислушивались к мнению читателей. Вспомним хотя бы Всесоюзные творческие конференции в Тюмени, Алма-Ате, Фергане, Ленинграде, на которых с широким участием общественности, представителей

больших трудовых коллективов обсуждались проблемы жизни и литературы. Не раз и не два на пленумах правления СП СССР, на секретариатах рассматривалась деятельность наших журналов, обсуждалась работа Союзов писателей республик как в целом, так и по отдельным вопросам. На советах по братским литературам и советах по жанрам литератур такие обсуждения тоже помогали создавать атмосферу коллективизма, стимулировали поиски наиболее правильных художественных решений, повышения общественной активности писателей.

Если тщательно просмотреть все, что говорилось в СП СССР о литературе, ее отдельных жанрах и произведениях, то можно увидеть, сколь много было высказано ценных предложений, замечаний, соображений. Но вот по-умному, настойчиво, шаг за шагом воплощать их в жизнь мы не научились. Были и такие случаи: обсуждаем журнал, а потом видим — дело не двинулось, можно повторять все, что говорилось некоторое время тому назад. Значит — и редакция слабо учла свои недостатки, но и секретариат не помог своевременно осуществить то, что сам же намечал.

«Активизация человеческого фактора». Это имеет к нам самое прямое отношение. Коротко говоря, задача писательских организаций сводится к тому, чтобы более разнообразно, не формально стимулировать творческую отдачу, общественный результат и коллективных усилий, и, конечно, личных усилий каждого писателя.

Говорят, что программировать писательскую работу нельзя. Кто-то работает много и быстро, а кто-то — медленно и мало. Сказать по правде, качество не всегда зависит от количества проделанной работы, от темпов ее: талантами природа не оделяет всех одинаково.

Посмотрим на многих ветеранов многонациональной советской литературы — и тех, кто, к нашему горю, ушел из жизни как раз в эти годы, и тех, кто здравствует и работает. Работает хорошо и много! Потому что за столом письменным, когда работает, спуску, поблажек себе не дает. Ни М. Шагинян, ни М. Бажан, ни В. Катаев, ни Г. Мусрепов, ни Кайсын Кулиев, ни М. Храпченко — не давали себе поблажек. Не дают поблажек себе ни В. Каверин, ни И. Абашидзе и Г. Абашидзе, ни А. Токомбаев, ни Д. Лихачев, ни И. Андроников, ни К. Яшен, ни С. Рустам, как не дают себе поблажек многие и многие писатели — участники Великой Отечественной войны. Нам есть с кого брать пример!

У нас в Союзе писателей почти десять тысяч членов, а если учесть вообще печатающихся, на профессиональном, как говорится, уровне, то минимум в два раза больше. И все хотят печататься, причём немедленно, без всяких проволочек и чтоб непременно затем об их сочинении затрубили трубаки на всю страну, а может, и подальше... Вот тут-то, при эдаком-то «напоре», нас всех и не должны покинуть чуткость, внимание, умение разглядеть талант, всеми силами поддер-

жать его, дать дорогу яркому произведению, а также и решимость вернуть автору посредственное произведение, твердо и безбоязненно — иной раз и на доработку, коль рукопись не безнадежна.

Кажется, ну чего проще — отличить по-настоящему талантливое произведение от серого?! Ан нет. Дело это требует идейной ясности, остроты ума и характера, художественно-эстетической вооруженности и большого товарищеского, человеческого прилежания. А все это и есть то самое, что мы называем личной ответственностью каждого из нас перед партией и обществом.

Поддерживая талантливого произведения, конечно же, рискуешь, делишь творческий риск с автором, и вполне возможны тут ошибки, но какое же счастье ждет тебя — и критика, и издателя, и товарища по «цеху», — когда твое предчувствие талантливости автора потом оправдывается активной читательской поддержкой, одобрительными отзывами печати, очевидным, всеми ощутимым художественным дарованием писателя.

Сказать, что в этой области у нас все обстоит благополучно, было бы украшательством. Нередко еще произведения посредственные, более того, просто серые проскакивают на страницы журналов, выходят отдельными изданиями без малейших задержек, а вещи талантливые притормаживаются, надолго откладываются, обрастают множеством внутренних рецензий.

У нас много интенсивно работающих литераторов всех возрастов — и это наше счастье. Такими писателями движется вперед вся громада нашей многонациональной литературы, все ее жанры. Имена таких писателей на виду у миллионов читателей — и это великая им награда за неустанный труд. Нам необходимо — и это долг нашей печати, и прежде всего «Литературной газеты», — систематически рассказывать об опыте таких писателей. Ведь давно известно, что нет лучшего способа вызвать других на здоровое соревнование, чем предать широкой гласности пример мастера, владеющего тайнами своей профессии и готовностью к выполнению своего творческого и гражданского долга.

Главная линия, которой надо следовать, определяется одним: видеть основное в жизни и изображать это основное ярко, правдиво и мужественно. Да, мужественно.

Пусть не посетуют на меня наши люди мужественных героических профессий, что я будто бы нарочито пристраиваю к ним литераторов. Такого желания нет. Но когда писатель поднимает глыбы нового материала, когда он обрушивает силы своей души против косности, застоя, эгонизма, отживших представлений, когда он расчищает морально-нравственные завалы на путях развития социалистической личности — от него требуется предельное напряжение, он идет в бой. А бой, как известно, дело не простое, требующее и убежденности, и стойкости.

Делегатам нашего съезда известно, что разговор на пленарных заседаниях будет сочетаться с разговором в жанровых комис-

сиях. Сделано это для большей конкретизации, для обеспечения большего внимания к тому опыту, который накоплен нашей многонациональной советской литературой за последнее время.

Многонациональное наше единство крепнет. В этом, может быть, самая существенная особенность литературного развития последних лет.

Сегодня мы без всяких скидок и ложной учтивости видим реальность приумножения общесоюзного литературного богатства опытом каждой национальной литературы.

Не перечисляя всех возможных примеров, скажем в этой связи о том, что, например, русский роман о современности, как и русский историко-революционный роман, а вместе с ними и русский очерк задают высокий тон всем нашим литературам. И русский рассказ дал за пятилетие великолепные образцы мастерства.

Наша критика справедливо, на мой взгляд, пишет об общесоюзном творческом подъеме исторического романа. Тема близкого и далекого прошлого имеет остросовременное звучание, когда речь идет о героических страницах истории, об исследовании путей, которыми наши народы вошли в состав многонационального Отечества, о предпосылках нынешней нерушимой братской дружбы социалистических наций. Такие книги должны быть и чаще всего на деле являются для читателей, да и для самих авторов, подлинной школой интернационализма. Здесь проходит проверку, закаляется, оттачивается классовая острота зрения писателя любой национальности. Это еще и школа овладения мастерством эпического мышления, и именно таким мышлением, соединяющим движение масс и драму личностей, отмечена историческая проза Д. Балашова, П. Загребельного, Т. Каипбергенова, О. Чиладзе, И. Гусейнова, П. Зейтунцяна, Ю. Давыдова, Я. Красса, В. Чивилихина, А. Якубова.

Трудней поддается пока эпико-драматическому освещению наша современность, хотя в изображении движения времени, подводящего к нашим историческим десятилетиям, к нашим дням, мы получили весьма ценный и поучительный опыт в новых книгах И. Шамякина, С. Залыгина, А. Кешокова, В. Белова, М. Ибрагимова, В. Адамчика, И. Чобану, В. Лама, Ю. Нагибина, А. Рекемчука, А. Боршаговского, С. Ханзадяна, А. Нурпеисова. И это тоже результат коллективных многонациональных усилий, завоевания мастеров прозы братских литератур.

Мы вправе сказать о серьезных приобретениях за прошедшее пятилетие в латышской драматургии. Не случайны яркие краски и популярность у зрителей латышского театра — они «обеспечены» и драматургами Латвии.

Если взять теперь «срез» стилового разнообразия, применительно, скажем, к прозе, то наряду с русскими примерами, русским творческим опытом заслуживают пристального внимания поиски в области различных стилей — от строго документированных до самых что ни на есть фантазийных — гру-

зинских и украинских, азербайджанских и молдавских прозаиков. И, кстати, критики в этих республиках предметно изучают эти поиски.

То же можно сказать о литовском или эстонском опыте. Здесь разнообразие стилей, как и повсюду, значительно увеличилось, и добросовестное качество работы литовских и эстонских писателей в каждом стилевом ответвлении укрепило их творческий авторитет.

Тематическая проблематика — это куда больше, чем просто отражаемый писателем жизненный материал. Это, если угодно, еще и национальная и социально-культурная традиция, и потенциал обновления, движения вперед. Можно порадоваться тому, например, как продолжает нарастать — к удовольствию и пользе всесоюзного читателя — художественное воплощение темы Великой Отечественной войны в белорусской литературе: и в прозе, и в драме, и в лирике, написанной ветеранами войны, а также их детьми и внуками. Многообразие психологических типов, богатство стилистических красок и при этом яростная непримиримость к врагу, суровое антимилитаристское обличение ужасов войны... Все это один из признаков новых, истинно сегодняшних рубежей в теме Отечественной войны. Это и предупреждение современникам: будьте бдительны, люди!

Сорокалетие Великой Победы — для всей нашей литературы века, указывающая пути вперед, расширяющие горизонты самой разнообразной в художественном освоении и святой для всех нас темы. Сорокалетие как бы сконцентрировало обостренно гуманистический пафос, столь созвучный нашему времени. В этом смысле белорусские писатели дали нам образцы произведений, будь то знаменитые повести героико-трагического звучания В. Быкова, эпически-развернутая проза И. Чигринова, философско-публицистическая А. Адамовича, полные боли и гордости лирические воспоминания П. Панченко или антивоенные произведения тех, кто родился уже после Победы, как, например, получившие широкую известность документальные книги С. Алексиевич.

Тема героического подвига народа в Великой Отечественной войне, послевоенного обустройства жизни широко прозвучала и в других литературах. Достаточно вспомнить известный роман А. Ананьева «Годы без войны», романы И. Стаднюка, Н. Горбачева, В. Попова, О. Смирнова, повести В. Кондратьева, А. Нуршаихова, С. Баруздина, В. Субботина, А. Сахнина, Е. Ржевской, блокадные новеллы О. Шестинского.

Поучителен для всех нас опыт освоения так называемых производственных тем, связанных с преобразованием жизни, формированием рабочего класса, развитием производительных сил, изменением самих ландшафтов даже. Хотелось бы отметить заметный вклад в этот огромный опыт казахских, таджикских, туркменских, киргизских, башкирских, татарских, якутских, чувашских и бурятских писателей. Человек, во всем остающийся представителем своего народа, носителем нацио-

нального характера и традиций, все больше и глубже вырисовывается как интернационалист, как деятель, которому близки и дороги интересы родного края в нерасторжимой связи с интересами всей Советской страны.

Как и в жизни, так и в литературе есть свои плюсы и минусы. Но совершенно очевидно, что лучшие произведения всех братских литератур СССР все глубже отражают качественно новые процессы, которые происходят в советских республиках.

О молодых писателях я еще выскажу некоторые соображения, но сейчас, не откладывая, хочу отметить, что во всех братских литературах появилась молодая писательская поросль, берущая на свои плечи вместе со старшими поколениями литераторов большие заботы о дальнейшем развитии родных литератур. И это обнадеживает, подводит под наши планы на будущее реальную основу.

В этнографии существует понятие — «малые народы». В литературе такого понятия нет, если иметь в виду не одно количество населения. Литературы малочисленных народов Севера, Дальнего Востока, Сибири, Северного Кавказа и Дагестана демонстрируют все более возрастающую творческую мощь. К широко известным именам Б. Шинкубы, Ю. Рытхэу, А. Абу-Бакара, Ф. Алиевой, А. Бокова, И. Машбаша, А. Кымытваль, В. Санги, Ю. Шесталова, Г. Ходжера, Б. Укачина прошедшая пятилетка добавила немало новых имен. Они уже обозначились на читательском горизонте, и теперь многое зависит от них самих и от нашего умения вовремя оказать им поддержку.

Уместно будет напомнить важнейшее положение, высказанное в Политическом докладе ЦК КПСС:

«Мы обоснованно гордимся достижениями советской многонациональной социалистической культуры. Вбирая в себя богатство национальных форм и красок, она становится уникальным явлением в мировой культуре. Но важно, чтобы здоровый интерес ко всему ценному, что есть в каждой национальной культуре, не вырождался в попытки отгородиться от объективного процесса взаимодействия и сближения национальных культур. Это надо иметь в виду и тогда, когда под видом национальной самобытности в некоторых произведениях литературы и искусства, научных трудах предпринимаются попытки представить в идеалистических тонах реакционно-националистические и религиозные пережитки, противоречащие нашей идеологии, социалистическому образу жизни, научному мировоззрению».

В этом свете особенно велико значение наших переводчиков, зарекомендовавших себя долготелней работой по пропаганде достижений братских литератур... Но и тут немало накопилось проблем дальнейшего улучшения переводческой деятельности. Стоило бы в недалеком будущем Правлению СП СССР совместно с заинтересованными организациями созвать всесоюзную конференцию переводчиков.

II

Писатели и критики очень любят слово «нравственное»: «нравственные мотивы», «нравственный пафос», «нравственные поиски». И это, конечно, правильно. Без такого нравственного прожектора искусство лишает себя роли воспитателя, критика, трибуна. Вспомним, как настойчиво А. М. Горький подчеркивал неразрывность этики и эстетики.

Нравственные поиски нашей многонациональной литературы состоят по содержанию своему в утверждении нравственности человека-коллективиста, человека — борца за коммунизм. Острое разоблачение и развенчание антиподов нашей морали является необходимой частью воспитательной работы литературы. Чаще всего литература в этих случаях верно улавливала типы и явления, чуждые нам. Психологический анализ приобрел здесь новые оттенки и глубины, точность писательского наблюдения не оставляла в тени малейших отклонений от нашего идеала, а тон изображения негативных явлений становился по существу своей гневно-бескомпромиссен, нередко в прямом звучании авторского голоса в тексте. Так происходит в горячо поддержанных читателями и большинством критиков повести В. Распутина «Пожар» и романе В. Астафьева «Печальный детектив».

В борьбе за подлинно человеческую нравственность, против карьеризма и эгоизма, пьянства и взяточничества, бесхозяйственности и вещизма, клеветы и очернительства, духовной опустошенности — в этой нелегкой борьбе тоже раскрывается созидательно-гуманистическая устремленность советской литературы.

Пристальное внимание к проблемам нравственности позволило литературе расширить границы своих исследований человека, его морально-нравственных свойств и приобрело, можно сказать, всеобъемлющий характер. Уместно заметить, что это обстоятельство говорит о богатстве и многосторонности самих социалистических нравственных принципов.

Проникновение в нравственную сферу позволило писателям запечатлеть новые явления, новые качества, которые рождает наша действительность. Мы немало упрекали самих себя в неумении высвечивать труд человека как деяние, обогащающее его душу, раскрывающее в нем несметные источники творчества, которые делают человека великаном перед лицом глобальных задач, и все-таки, справедливо упрекая себя, мы не стояли на месте.

Вот я читаю роман Г. Немченко «Проникающее ранение», посвященный жизни молодёжи, ее радостям и бедам, сложному миру, в котором живет молодой человек, и вижу, с какой силой понимания вторгается писатель в самые сокровенные переживания, удивляя и радуя читателя своим умением через строгий нравственный фильтр пропускать поступки, чувства, мысли людей, населяющих роман.

Беру книги И. Васильева. Они с первых страниц погружают читателя в проблемы современной деревни, страстно повествуют о решенных, а в особенности нерешенных проблемах сельской жизни. Несомненно, его «экономико-управленческие» размышления привлекут да уже и привлекли внимание и общественности, и государственных организаций. Но вот писатель с волнением начинает говорить о сельской интеллигенции, о значении художественной культуры для развития села. Потом, всматриваясь в общий портрет современных сельских руководителей, с прозорливостью воссоздает типы людей, принявших на себя трудные и почетные обязанности. Какова же в этом рассказе главная мысль автора, что движет им? А двигателем его сознания являются нравственные критерии, отношение человека к труду, к земле, к месту его проживания.

В романе, по внешнему рисунку спокойном, местами элегическом, а внутренне насыщенном и нетерпением, и конфликтностью, — в романе Д. Гранина «Картина» писатель в качестве нравственного фокуса берет историю. Но история взята здесь с особым умыслом — через отношение к ней, а также и к искусству, как запечатленной памяти, писатель развертывает картину подлинных борений по глгчим вопросам современности, которые он в ряде мест ставит, что называется, на ребро.

Вообще идеи прошлого, близкого нам и далекого, жизненный материал другого времени, поставленный под луч выверенных критериев нашего мировоззрения, социального опыта и задач времени, приносят убедительный художественный эффект. Об этом говорит работа М. Шатрова, создавшего вместе с Театром имени Ленинского комсомола в Москве по пьесе «Диктатура совести» темпераментный спектакль. Об этом же свидетельствует и опыт исторической драматургии Ю. Марцинкявичюса.

Строгие нравственные критерии отличают пьесы и других мастеров драматургии: В. Розова, А. Салынского, А. Софронова, А. Штейна, А. Мишарина, А. Дударева, А. Кудрявцева. Огромный вклад в нашу драматургию недавно ушедшего от нас А. Арбузова, отдавшего свой незаурядный талант борьбе за торжество социалистической нравственности.

Вера советской литературы в человека — это вера прежде всего в его возможности, перспективы. И тут самокритический запас в сознании — одно из решающих условий духовного роста человека. В яркой поэме «Убил охотник журавля» Е. Исаев сумел раскрыть в психологии обыкновенного человека, не наделенного какой-либо исключительностью, тончайшие душевные перемены, обладающие большой поучительностью для других.

Наши нравственные критерии обладают поразительной универсальностью. Умело использованные, талантливо примененные, они озаряют художника в решении самых сложных и своеобразных проблем. Убеждает в этом пример В. Карпова, его повествования

«Полководец». Тут, с одной стороны, поднят большой пласт истории Великой Отечественной войны, а с другой — это исповедь, откровенная и суровая, о полководце, превратности судьбы которого освещаются лишь с высоты пройденных лет, критического осмысления исторических событий и фигур. Чистотой нравственного чувства отмечены у Г. Бакланова и повесть о людях войны, ее светлых героях «Навеки — девятнадцатилетние», и другая его повесть — «Меньший среди братьев».

Совсем не похожи ситуации, характеры, стилистика в новых, недавно переведенных на русский язык произведениях латышской писательницы Р. Эзеры, эстонской Э. Бэзман, украинца Ю. Мушкетика, армянина В. Петросяна, таджика Ф. Мухаммадиева, молдованина В. Бешлягэ, азербайджанца М. Ибрагимбекова, белоруса А. Кудравца, — но вот чистота, ясность, определенность нравственного чувства роднят их всех, да и не только их — всех советских писателей.

Реальная диалектика проявлений в жизни наших нравственных критериев, их противостояние антиподам социалистической нравственности насыщены беспредельными возможностями для художественного исследования. Это особенно поучительно проследить на многолетней работе комедиографа С. Михалкова. Его пьесы остры и всегда точно нацелены на реальных противников. Критический настрой, который задал обществу XXVII съезд КПСС, расчищает дорогу сатире, в этой области литературы наши нравственные критерии получили могучую поддержку партии. Разве не помогают, например, идейно-нравственной работе, проводимой в Грузии, острые социально-психологические романы Г. Панджикидзе или Г. Цицишвили, очерки К. Лордкипанидзе и Р. Джaparидзе?

В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии с большой озабоченностью говорилось о семье. Не скажешь, что писатели наши не уделяли проблемам современной семьи внимания. Но каким было это внимание? Всегда ли литература достигает здесь высоких идейно-художественных результатов?

Сотни романов, повестей, пьес, стихов написано о неудавшейся любви, о несбывшихся надеждах на семейное счастье, о домашней неустroенности, о тяжести истинного чувства, поставленного в условия быта то коммунальной, то изолированной — и от соседей, и от жизни — квартиры. Много написано всего.

И если ты вырос в многодетной семье, да еще по воле судеб и обстоятельств сам оказался в кругу большой собственной семьи, да к тому же ни разу не разводился, то и начинает тебя как читателя под воздействием разных наших сочинений точить червь сомнения. А так ли ты живешь, не стал ли ты рабом брачных уз, состоялся ли ты как личность?

И невольно встает и другой вопрос: а не несем ли и мы — представители всех видов искусства — прямую ответственность за все

тревожное, что происходит в семейно-бытовой сфере? Спросим себя: а много ли у нас произведений, которые ярко, глубоко, строго рассказывают о сложности семейного мира, о трудных и ответственных обязанностях семьянина, о долге перед детьми, родителями, перед фамильной традицией? О радостях крепкой семьи много ли мы пишем? Увы, мало. Правда, все-таки есть, к нашему счастью, произведения о любви и о семье, которые доказывают, что и в этой сложной для литературы проблематике есть иной материал и опыт, нежели беззаботный и безответственный. В жизни есть, оказывается, не одни несчастные, непрочные союзы, не одни адюльтеры, не одни разводы да уходы, есть и счастливые, в известной степени образцовые семьи, скрепленные взаимной и непроходящей любовью.

Пример талантливой писательской работы в этой теме показал Ю. Куранов. Его повесть «Тепло родного очага» вызвала живой интерес читателей.

Есть еще одна область, в которой литература с большим пристрастием ведет исследование, опираясь на наши нравственные критерии, — это сама литература, само искусство. Привычки мелкобуржуазного индивидуализма, необузданная зависть к успеху другого, болезненное самомнение и все прочее в этом роде. От всего этого не застрахована среда художественной интеллигенции. Случайно ли, что за последние годы так много написано романов и повестей о художниках и кинорежиссерах, актерах и архитекторах и, конечно, о писателях? Наверное, не случайно. За этим угадывается осознанность выросшего значения литературы и искусства в обществе и несомненно желание видеть их более совершенными.

Справедливо писал критик А. Бочаров в «Правде» о произведениях такого рода: не интерес к «замочной скважине» и не умиление таинствами «священного дара» движут серьезными писателями, а их напряженные раздумья о месте искусства «в рабочем строю», потребность отзываться на тревоги, драмы, свершения времени, деятельно помогать людям становиться лучше.

Сколь сложно, а порой и драматически тяжело талантливому художнику провести в жизнь требования нравственных критериев в жестких условиях жизни современного искусства, когда оно кровотоцит наболевшими проблемами времени, — об этом взволнованно рассказано в романе Ю. Бондарева «Игра». Роман Ю. Бондарева — это повествование о драмах таланта, о живучести в искусстве ремесленничества и примитивов, о их многоголикости и коварстве. О романе Ю. Бондарева спорят: оценки автора, его выводы не всем кажутся бесспорными. Но, может быть, этой острой дискуссией и важен роман «Игра» для общества, для творческой среды в особенности, которая накопила немало устоявшихся стереотипов и привычек негативного свойства. Истинный спор, устремленный к поискам конструктивной мысли, всегда содержит в себе энергию движения. А то, что роман Ю. Бондарева зовёт к лучшему,

к оздоровлению творческой сферы,— это, думается, очевидно. И зовет он громко, талантливо.

Романы и повести Ю. Трифонова, Н. Думбадзе, Ю. Бондарева, И. Авижюса, М. Слуцкиса, А. Иванова, П. Проскурина, С. Сартакова, П. Кадырова, В. Амлинского, С. Есина, И. Тарбы, В. Маканина и многих других писателей воссоздают радости и горести людей творческой профессии, впечатляющую картину их жизни в условиях общества, отзывчивого на все талантливое, но и беспокойно-требовательное к их труду, к их нравственным поискам. И все-таки хотелось бы как-то предостеречь авторов, которые берутся за эти темы, от тенденций искусственной усложненности и некоей «богоизбранности», нередко портящих образы героев из творческой среды. В ряде книг конкретно-исторический материал в силу этого теряет очертания, обволакивается туманом иллюзий и мистицизма. Иногда начинается неоправданная «философизация» интеллигентского эгоизма, размеры некоторых бед изображаемых творцов вырастают чуть ли не до вселенских масштабов, а их душевная неуравновешенность, простекающая от тех или иных житейских неурядиц, объясняется не меньше, чем ущербностью века, техницизмом, рационализмом, негативизмом и пр., и пр. Едва ли такой подход сближает нас с истиной и помогает раскрытию ее...

XXVII съезд КПСС в своих документах определил наш путь на многие годы. С еще большей энергией, чем в прошлые периоды, советское общество будет бороться за чистую и ясную морально-нравственную атмосферу, за человека, достойно выражающего принципы коммунистической нравственности. Накопив значительный опыт в деле воспитания человека в коммунистическом духе, советская многонациональная литература и впредь будет четко и зорко улавливать психологические сдвиги в сознании и поведении людей и воссоздавать правдивую картину нашей духовной жизни.

III

«Вызов времени»... В наши дни он с особой остротой тревожит сердце каждого честного писателя. И каждый в часы сокровенных раздумий терзается одним и тем же: как лучше отозваться собственной работой на те события, которые происходят в нашей стране? Мысленно перебирая самые разнообразные варианты своего участия, естественно, обращаешься к опыту писателей других поколений, других времен и даже эпох. Ведь они тоже старались ответить на зов своего времени.

Жизнь такова, что многие истины, казалось бы, бесспорные, прошедшие через века и десятилетия, порой всплывают вновь с такой остротой, будто возникли сегодня. Причина этого не только в тех или иных субъективных заблуждениях. Есть и более основательные причины: необыкновенная сложность всего того, что совершается в живом процессе нашего созидания, в тех

противоречиях и трудностях, которые пронизывают движение самой действительности. И, конечно, причина в стремлении художников быстрее овладеть материалом движущейся действительности, подкрепить эти свои усилия за счет пережитого и испытанного другими. А тут есть разные школы и разный опыт — и более близкие нам, и более далекие, приемлемые и совсем неприемлемые нами.

И вот тот опыт, который мы считаем приемлемым, более того — плодотворным, властно говорит нам: наиболее полный отклик на вызов времени возможен тогда, когда художник вплотную подошел к образу положительного героя, к образу человека, который воплощает лучшие черты общества своего времени. Такой человек был всегда в своей исторической конкретности, он прошел через все эпохи, и мы часто воспринимаем его как полпреда своего времени, как доказательство существовавшего уклада жизни, борения идейных и художественных страстей той поры.

Литература социалистического реализма с первых шагов своего появления на исторической арене бескомпромиссно определила свою причастность к передовым революционным идеям и людям, которые приняли на свои плечи великую работу по осуществлению этих идей.

Герои ряда произведений восьмидесятых годов XX века ведут свою родословную прямо от Павла Власова, возвестившего миру, что рабочий класс России берет судьбы страны в свои могучие руки. Всю историю революционного преобразования мы можем восстановить по именам литературных героев: Кожух и Чапаев, Левинсон и Чумалов, Давыдов и Вихров, Олег Кошевой и Кирилл Извеков, Теркин и Серпилин,— и до наших дней: Михаил Пряслин Ф. Абрамова, Едигей Буранный Ч. Айтматова, Степанида В. Быкова...

И в самое последнее время советская многонациональная литература немало работала над воссозданием образа передового человека нашей Родины. У писателей есть на этом пути большие удачи, есть герои в их книгах, которые привлекли внимание читателей, оказывают на них благотворное влияние. Может быть, самое примечательное здесь состоит в том, что литература выявляла и исследовала героя наших дней на обширном пространстве жизни, на широком фоне ее созидательного процесса. Каждая национальная литература в меру своих сил и исторического опыта отразила на страницах своих книг подвиг людей восьмидесятых годов. Это люди самых разных профессий, возрастов и социальных групп. Трудовой подвиг предстал в литературе как дело многих, как явление, протекающее на почве движения масс, рождающееся из самых глубоких источников народной инициативы. «Твой это сын, земля, твой это сын, народ» — вот наш угол зрения на положительного героя.

И все-таки сегодня нам приходится признать, что в обобщенно-индивидуализированном изображении нашего героя мы еще не

достигли той яркости и выразительности, которых сумели достигнуть советские писатели предшествующих нам поколений.

Объяснить это только слабостью таланта писателей-современников — значило бы упростить дело. Скажу без всяких опасений: литература наша талантлива на редкость.

Тогда в чем же причина отсутствия положительных литературных героев, равных по яркости, глубине и масштабу личности героям советской классики?

Причины тому существуют, хотя возможны и споры относительно степени влияния этих причин на литературную практику. Ну, прежде всего — это недостаточное знание самим писателем своего героя, так сказать, недоисследованность героя в условиях конкретных обстоятельств, слабая философская вооруженность, а также отсутствие у писателя необходимой убежденности в том, что масштаб деяний его героя должен быть равен историческому подвигу. А отсюда ограниченность в выборе изобразительных средств, некоторая шаткость в подходе к возможным художественным решениям, уступка предубеждениям, имеющим место в литературной среде.

К сожалению, в проблему положительно-го героя внесено немало путаницы. Пережив когда-то период, известный как «лакировка действительности», правильно осужденный по своей исторической и идейно-художественной несостоятельности, некоторые наши товарищи качнулись в другую сторону. Началось развенчивание классической категории положительного героя в искусстве, ведущей якобы к изображению только позитивного, только исключительного, покусавшегося на правду и критический пафос литературы. В статьях, в устных выступлениях замелькали другие терминологические обозначения: «хороший человек», «человек с душой», «интеллектуальный человек» и так далее. Это не могло не оказать отрицательного воздействия на художника, на его сознание и повседневную практику. Получила изрядное распространение мысль, что будто бы талант получает настоящее развитие, если он сталкивается лишь с негативным материалом, воссоздает типы отрицательного звучания. Позитивный, мол, материал сковывает художника, обедняет его палитру, бюрократизует человека.

На прошлом, VII съезде писателей СССР в 1981 году эти тенденции получили резко отрицательную оценку, но преодолеть их и в теории, и в художественном процессе не удалось.

И тут есть своя причина. Известно, что литературный процесс обладает многоликостью явлений. Они живут не изолированно, они постоянно взаимодействуют, образуя тематические, то стиливые течения, то подстраиваясь под актуальные вопросы текущего момента, то принимая вид отклика на запросы читателей.

И нередко, к сожалению, в этом потоке выявляют исключительную живучесть посредственности и серость, порой они отталкивают произведения талантливые. В литературе последних лет продолжало увеличиваться и

количество книг, не отвечающих идейно-художественным требованиям. В ряде произведений литературы, кино, театра основное место стало занимать изображение человека, мелкого по своим позициям и интересам, погрязшего в корыстных заботах о своем благе, человека, лишенного тех качеств, которые присущи советским людям, — коллективизма, любви к Родине, готовности к труду и подвигу во имя торжества идей коммунизма. Характерной чертой таких произведений является снижение требовательности к человеку, копание в противоречиях мелкой души.

М. Алексеев, писатель многоопытный и чуткий к жизни, в одной из своих статей в «Правде» справедливо заметил о таких литераторах: они признают правду с некоторым изъятием, лишь в том случае, если произведение насыщено избытком недостатков, и отказываются признавать правду, когда речь идет о наших достижениях и победах. Есть над чем задуматься! Действительно, без воссоздания полной правды подлинный образ нашего современника не создать.

«Но правда — не отвлеченное понятие, она конкретна, — говорится в Политическом докладе Центрального Комитета КПСС XXVII съезду партии. — Она — в свершениях народа и в противоречиях развития общества, в героизме и повседневности трудовых будней, в победах и неудачах, то есть в самой жизни, во всей ее многогранности, драматизме и величии. Только литература — идейная, художественная, народная — воспитывает людей честных, сильных духом, способных взять на себя ношу своего времени».

Вооружаясь мудрыми указаниями и советами партии, наши писатели должны создать новые яркие произведения, которые рисовали бы образ героя нашего времени в полном объеме его деяний, в его эпохальном величии. Он это заслужил.

Сегодняшнего литератора не может не вдохновить образ партийца, коммуниста, не только вперед смотрящего, но и впереди идущего, деятельного, инициативного, авторитетного в массах.

Мы и сейчас, отойдя на почтительное расстояние, с изумлением смотрим на девятнадцатый век, принесший литературе и искусству нашего Отечества мировую славу. И кому не известно, что слава эта поднималась по всему, как бы мы сказали теперь, литературному фронту: роман и повесть, рассказ и очерк, поэма и стихи, драма и комедия, критическая статья и фундаментальное исследование, публицистическое выступление на самую жгучую тему современности и философская эссеистика — во всех жанрах, видах и формах литература выявляла себя с великой гражданской силой и эстетической зрелостью.

Советской литературе по наследству перешли не только передовые традиции — социальной чуткости, подлинной народности и патриотизма, — но и колоссальный художественный опыт мастеров, признанных человечеством.

Как и в послереволюционные годы, так и

ныне советские писатели высоко ценят классическое наследие наших литератур, стараются усвоить уроки учителей, опираясь на них, двигаться вперед по пути новых художественных открытий.

Жанровое богатство, стилевое многообразие — это важнейшие доказательства жизнеспособности литературы, ее потенциальных возможностей. Традиции М. Горького, М. Шолохова, А. Толстого, А. Фадеева, Л. Леонова, К. Федина, Н. Тихонова, А. Твардовского, В. Катаева, Л. Соболева, А. Лахути, М. Ауэзова, Б. Кербабая, П. Тычины, М. Рыльского, Я. Купалы, Я. Коласа, Я. Райниса, А. Упита, Л. Кнечели, А. Исаакяна, Е. Чаренца, С. Вургуна, С. Айни, Хамзы — их традиции, их уроки не отошли в прошлое.

Скажем прямо, годы, о которых мы ведем сегодня речь, являют в смысле жанрового и стилового развития картину и внушительную, и обнадеживающую, хотя одновременно и выдвигают новые проблемы.

Мы с удовлетворением отмечаем, что прошедшее литературное пятилетие обогатило то многообразие стилей, искание в области формы, которое свойственно искусству социалистического реализма в принципе. При этом необходимо отметить усиление публицистической насыщенности и прозы, и поэзии, и драматургии, актуальную идеологизацию не только произведений о настоящем, но и о прошлом, как близком, так и далеком. Существенно, что реалистическая основа была преимущественной во всем многообразии этих поисков, хотя проявлена она не одинаково. Давали о себе знать различного рода условные формы и стили — притчевые, метафорические, «неомифические», различные допущения, игра воображения, настройка читателя на непривычные правила восприятия и так далее.

Все это отмечают наши аналитики, имеющие дело с многообразием нынешнего литературного опыта. Не будем ни преуменьшать, ни преувеличивать значение факта разнообразия, отнесемся к некоторым стилистическим поискам как к попытке отдельных товарищей потренировать мускулы на тяжестях разного веса. Но вместе с тем напомним: мы реалисты, которые по своему методу — это хотелось бы подчеркнуть — овладевают в том числе и теми стилистическими формами, о которых велась речь выше. Мы социалистические реалисты, мы видим мир в его революционном изменении. И важно, чтобы этот осознанный принцип революционного развития мира мы всегда держали в своем сознании и в своем сердце. Всегда — и тогда, когда мы пишем просто, доходчиво, и тогда, когда фантазматические и прочие формы врываются в творчество как неизбежность, продиктованная заботой донести до читателя тот или иной образ.

Разнообразие реализма? Да, мы за это. Уж на что, казалось бы, в суровые условия ставят писателя, автора современного политического романа, требования этого строгого вида романистики, однако и в этой области художественной прозы с ее очень сильным публицистическим антимилитаристским лейт-

мотивом нашлось место и для элементов фантастичности. Вспомним для примера романы Н. Шундика «Древний знак», В. Степанова «Громовержцы», Э. Скобелева «Катастрофа», В. Бэзмана «Ночные летчики» и «Год Осла».

Фантастические допущения, безусловно, усилили нравственный пафос таких произведений, как повесть Н. Евдокимова «Происшествие из жизни Владимира Васильевича Махонина» или проза грузина Г. Дочанашвили, казаха О. Бокеева. Отметим также, что фантастика, гиперболизация, допущение невероятного сочетаются в нашей литературе и с сатирическими целями, и с комическими интонациями, чему свидетельство, к примеру, «Живая вода» В. Крупина, многие произведения эстонских писателей.

Но мы, повторяю, реалисты. Нужно понимать, что изображение может быть разнообразным, в том числе самым невероятным, но историческая, социальная правда характера должна быть ясной. Это во-первых. И, во-вторых, нам надо всегда помнить логику организации и развития исторических и социальных обстоятельств, не выдвигать вместо устоявшихся социально-исторических критериев абстрактные, вневременные обоснования. Правильными некоторые критики отмечали, что роман «Белка» А. Кима в этом смысле весьма уязвим.

А. Ким строит сюжет этого произведения на бесконечных перевоплощениях различных людей в различных животных и наоборот. Вероятно, все это допустимо в избранной писателем манере. Недостаток «Белки» в другом: во вневременном понятии зла, мещанства, эгоизма.

Мы живем в трудное, но интересное, насыщенное борьбой время. Формы общественного бытия и сознания, человек в его конкретно-исторических условиях труда и существования, трудности и противоречия нашего социально-экономического развития — все это определяет содержание литературы, ее устремленность и вместе с тем незримо диктует литературе своеобразие ее стилей и форм художественных поисков. Если несколько условно сказать об этих поисках — они идут в двух направлениях. С одной стороны, писатели стремятся к большим обобщениям материала эпохи в самых существенных ее проявлениях. А с другой — писатели хотят как бы сломать дистанцию между событием и литературой, поставить их в прямую и непосредственную связь. На этих путях у нас достигнуты заметные результаты, отмеченные и талантливостью, и гражданской смелостью, и — что самое важное — во всех жанрах. Перечислить даже самое лучшее невозможно, и потому назову несколько имен из областей как бы полярных жанров, чтоб ярче обозначилась мысль: поэмы и стихи Р. Гамзатова, Э. Межелайтиса, Е. Евтушенко, А. Дементьева, Д. Кугультинова, А. Чепурова, С. Викулова, очерки А. Калининна, Ю. Черниченко, В. Пальмана, Ю. Грибова, Ю. Галкина, А. Салуцкого, В. Пескова, Е. Будинаса и других. Иногда такая «полярность» удивительным образом соединяется в

творчестве одного и того же автора — например в поэмах и очерках Иманта Зиедониса или в прозе и драматургии Мустая Карима.

Тут наступило время подчеркнуть, что в жанровое и стилевое многообразие советской многонациональной литературы существенный вклад внесли молодые писатели. Как более старшие из них, так и совсем молодые, самого последнего призыва. С оригинальными произведениями, получившими теплый прием читателей, выступили В. Хайрюзов, А. Буйлов, Ю. Сергеев, П. Краснов.

Совсем недавно — для меня, по крайней мере, — один-два наших съезда назад, в молодых мы числили Р. Киреева, А. Курчаткина, Ю. Бородкина, В. Дрозда, В. Яворинского, А. Саакяна, В. Личутина, Ю. Антропова, Р. Файзуллина, В. Шугаева, А. Арипова, С. Санбаева, В. Митыпова и многих других. Но теперь представить наши литературы без этих имен невозможно: полноты взгляда не будет.

Видимо, нужно более основательно рассмотреть, как ведется работа по укреплению мировоззренческой базы молодого писателя.

На XXVII съезде КПСС требования к искусству выдвинуты по самому крупному счету. Общество ждет художественных открытий. Нет необходимости доказывать, что такие открытия возможны наряду с талантом при самом широком кругозоре и твердых марксистско-ленинских позициях.

Между тем надо признать, что кое-где среди молодежи бытует беззаботное отношение к мировоззренческим вопросам. Дескать, в школе проходили, в институте сдавали... Постановка политической учебы творческих кадров, к сожалению, далека от совершенства. Здесь непочатый край работы для наших партийных организаций.

Нужно убеждать творческую молодежь, что высшую общественную ценность представляет не просто природная одаренность. Решающее значение имеют социальная направленность таланта, его соответствие потребностям эпохи. Что сложность процессов в современном социалистическом обществе, напряжение политического и идеологического противоборства между социализмом и капитализмом, глобальные проблемы современности, огромные исторические перемены, происходящие в мире, — все это требует масштабного, классово-социального мышления.

Воздадим должное еще одному жанру — публицистике. Все, полагаю, согласятся с тем, что мы переживаем время большого подъема публицистики, усиления ее действенности, возросшей активности писателей в печати и в других средствах массовой информации. Понятна общественная почва этого подъема: развитие социалистического демократизма, требование обновления во всех сферах жизни, развитие гласности. Печать — могучее оружие партии. Она — могучая сила воспитания граждански активной литературы.

Никогда так часто и так много не выступали наши писатели в газетах, в журналах, по радио и телевидению с очень широким диапазоном публицистических статей, памфлетов, очерков, эссе. Можно сказать, что такая

работа писателей, выступающих в «Правде», «Известиях», «Комсомольской правде», «Труде», «Советской культуре», «Литературной газете», «Литературной России», «Красной звезде», в республиканских изданиях, — такая работа писателей помогает партии в непосредственном осуществлении мер по ускорению социально-экономического развития страны. Самые разнообразные темы затрагивают писатели. Тут и экология, и агрономия, и педагогика, и мораль, и эстетика, и градостроительство, международная политика и экономика, короче сказать — жизнь во всех ее проявлениях.

Развитие публицистических и других видов и жанров литературы, развитие идеологически насыщенных форм в прозе, поэзии и драматургии, расширяющийся опыт публицистической критики или публицистики в критике — все это явление, к сожалению, пока не повсеместное, хотя никогда прежде эта повсеместность не была так нужна, как сейчас.

Мы высоко ставим стимулирующую роль нашей литературной печати, но опять-таки отметим, что далеко не каждый наш журнал и не каждая газета могут похвастать постановкой на своих страницах проблем жанра, формы, стиля, хотя, казалось бы, писатели и критики, не равнодушные к этому, у нас есть везде...

Картина жанровых и стилевых поисков была бы неполной, если бы не коснулись еще одной области нашей литературы — литературы для детей и юношества. Как известно, этой многомиллионной аудитории читателей принадлежит все лучшее, что создается литературой. Значительная часть книг была адресована всем возрастам.

Произведения С. Михалкова, А. Алексина, М. Прилежаевой, В. Крапивина, И. Токмаковой, А. Лиханова, В. Железникова, А. Кулешова, О. Иваненко, М. Миршакара, К. Тангрыкулиева и многих других проникнуты и поисками актуальности в доступных юношеству формах, и объемными художественными решениями. Повесть А. Алексина «Сигнальщики и Горнисты», посвященную благородным поступкам подростков, хотелось бы оценить как предвестие новых и новых произведений литературы о пионерах и комсомольцах школы. Жизнь школы, в особенности жизнь ПТУ, на фоне происходившей реформы образования все еще остается темой, ждущей своих пристрастных исследователей — художников. Здесь мы в большом долгу перед молодым поколением.

Активнее, смелее должны развиваться в детской и юношеской литературе все жанры, и, думается, решающее слово могут сказать здесь молодые писатели. По числу их немало. Семинары, проводимые Союзом писателей по жанрам прозы, поэзии, драматургии, собирают их многие десятки. Но голос их зачастую звучит приглушенно. Скорее всего, не они в том виноваты. Замечено, что меньше всего наша литературная печать пишет о тех, кто работает в детской и юношеской литературе. И терпеть такое положение дальше нельзя!

И не подумать ли нам, товарищи, о проведе-

нии силами работников литературы и искусства своеобразного Года Школы? Как это было бы замечательно! Мы все пошли бы в школы, в ПТУ, написали бы детям и о детях новые книги, пьесы, песни и, может быть, учебники. В содружестве с другими мастерами вдохнули бы в классы и школьные залы искусство высокого звучания. Это было бы реальным вкладом в дело выполнения решений XXVII съезда КПСС о коммунистическом воспитании юного поколения. Если вы согласны с этим, давайте попросим ЦК ВЛКСМ собрать представителей всех творческих союзов за одним столом и разработать план проведения Года Школы, с тем чтобы осуществить его с вдохновением.

В Политическом докладе ЦК партии XXVII съезду с исчерпывающей ясностью было сказано о недостатках литературно-художественной критики, о ее задачах и месте в нашей духовной жизни. Справедливо говорилось о том, что литературно-художественной критике пора стряхнуть с себя благодущие и чинопочитание, разьедающие здоровую мораль, памятуя, что критика — дело общественное, а не сфера обслуживания авторских самолюбий и амбиций.

С такими требованиями нельзя не согласиться. Ведь не секрет, что некоторые писатели сами организуют рецензии на свои книги. Однако стоит появиться где-либо действительно критической статье, как на автора ее обрушиваются всевозможные обвинения.

Комплиментарная, уклончивая критика расточает завышенные оценки и тем самым искажает подлинное представление о картине развития литературы и искусства и возможностях отдельного художника.

Прямо и невзирая на лица критиковать недостатки пусть даже произведений авторитетных авторов, уметь разглядеть удачное, перспективное в их работе — значит проявить заботу о таланте художника, о его развитии и, возможно, уберечь от повторения ошибок.

Советская литературно-художественная критика всегда была сильна своим непримиримым отношением к проявлениям мировоззренческой всеядности, идейной приблизительности или неточности. Эту традицию успешно продолжают многие органы нашей печати.

Однако, случается, основополагающие принципы литературно-художественной оценки как бы сдвигаются на задний план, а то и забываются вовсе. Тогда и встречаемся мы с явлением для нас странным и противоестественным, когда тот или иной критик активно рекламирует произведение сомнительного идейного качества, отход художника от четких классовых позиций преподносит как «смелость» и «раскованность», попытку обойти острые социальные проблемы современности выдает за углубление в сферу «вечных моральных императивов», «незыблемых общечеловеческих истин» и тому подобное.

Важная задача критики — способствовать укреплению и расширению связей литературы и искусства с жизнью, поддерживать стремле-

ние творческих работников жить интересами народа.

Насущная задача критики — бороться не только против идейного несовершенства тех или иных сочинений, но и против художественного брака, компрометирующего советское искусство. Успешно решать эту задачу может только критика, которая сама отличается высоким профессиональным уровнем, непредвзятостью и принципиальностью. Отвечает ли она этим требованиям в полной мере? Не всегда.

Являясь пропагандистом советской литературы и одновременно лоцманом в ее просторах, критика призвана эффективно помогать массам глубоко и всесторонне воспринимать и осваивать ценности культуры. Нередко встречается рецензия, из которых невозможно понять, хороша или плоха книга, а если все-таки хороша или плоха — то чем именно.

Наши критики охотно пишут о ярких, значительных произведениях литературы, вызывающих большой общественный, читательский интерес, — и это закономерно. Попададут под критический «обстрел» отдельные неудачные, а то и откровенно халтурные поделки. Но между этими двумя полюсами остается большая часть литературного потока, о которой критики пишут неоправданно мало или вообще не пишут. Это касается порой целых тематических пластов, жанровых направлений, таких, как фантастика, приключенческая литература, детективы, имеющие массовую читательскую аудиторию и, что особенно важно, аудиторию молодежную. Столичная критика не балует своим вниманием мастеров культуры и искусства, живущих на периферии.

Вполне закономерно, что, говоря о состоянии литературно-художественной критики и ее задачах, мы адресуемся прежде всего к самим критикам, к литературоведам и искусствоведам — тем, для кого анализ и оценка художественного процесса — прямое и непосредственное дело, профессия. Но разве можно забывать о важной, а очень часто и решающей роли во всей этой деятельности органов печати, руководств газет и журналов, их главных редакторов лично? Ведь очень часто и предмет внимания критика, и его позиция, даже стиль выступления непосредственно зависят от позиций, предпочтений, вкуса редактора. И если в том или ином печатном органе ощутимы какие-то критические перекосы, проявления субъективизма или групповых пристрастий, то ответственность за это несут не только и, вероятно, не столько выступающие здесь критики, сколько редакторы, редакционные коллеги этих изданий.

Многое зависит и от подготовки критиков. У нас есть немало опытных, высокообразованных мастеров этого жанра. Для того, чтобы критика могла функционировать с должной эффективностью, ей нужен постоянный приток свежих талантливых сил. Конкретно и с большей, чем это было до сих пор, ответственностью этот вопрос должны решать творческие вузы, научные учреждения.

Часто спрашивают: почему критики уходят

в литературоведение, в академические институты, почему целиком и полностью не отдаются текущей критической работе? Объяснение не такое уж сложное. Потому что там, в литературоведении, лучше. Там высокие оклады, творческие дни, научные степени, издания ученых трудов. Оправдывается ли все это там? В значительной мере оправдывается. Кадры литературоведов у нас устойчивые. Издание литературоведческих трудов протекает по более строгому плану. Престижность труда литературоведа высокая.

Как же создать более стабильное положение для критиков?

Прежде всего нужно поправить материальное и правовое положение критиков.

Есть смысл в связи с этим во всех журналах Союза писателей учредить должности обозревателей с введением их в редакционные коллегии. Этот шаг сблизит печатные органы с творческими поисками критиков, крепче свяжет их с актуальными проблемами текущего литературного процесса. Несомненно, обозреватели должны получить свое заслуженное место на радио и телевидении. Существенной помощью критике было бы введение обозревателей в штат республиканских газет и в газеты наиболее крупных краев и областей.

Имеется и еще один значительный резерв для улучшения этого дела — повернуть к текущему литературному процессу научно-исследовательские силы. В стране существуют десятки институтов литературы и языка, кафедры университетов и педагогических вузов. Там работает много хорошо подготовленных, владеющих марксистско-ленинской методологией научных работников. Почему бы им не принять участие в подьеме критики до уровня, который необходим обществу?

Считаю необходимым также сообщить съезду и о мерах, которые намечены по усилению роли Литературного института имени А. М. Горького в подготовке критических кадров. Секретариат Правления СП СССР вошел в Совет Министров СССР с предложениями о преобразовании института из учебного в учебный и научно-исследовательский с открытием факультета критики и аспирантуры по подготовке критиков, расширении кафедры творчества за счет создания новых критических семинаров. При институте создается также курсовая база, через которую критики, прежде всего молодые, систематически будут повышать свою квалификацию.

Вся литература, все мы должны помочь литературной критике выйти на передовую линию борьбы.

Прочный интерес читателей к советской литературе, ко всем ее жанрам, добрая традиция тесного общения писателя с читателем позволяют нам высказать некоторые соображения об углублении этих контактов, о более эффективном использовании их во взаимных интересах.

Когда мы говорим о писателе и читателе, то неизбежно возникает третья сторона в этом общении, без которой этот благород-

ный союз не будет полным, — речь идет об издателе.

Бесспорна истина: книги издаются для чтения, главным потребителем их является читатель.

Всегда ли этот принцип осуществляется, как должно? Имеет ли он значение определяющего фактора или учитывается «постольку поскольку» и «по возможности»? Едва ли кто-то возьмется утверждать, что все в этой области ясно и никаких тут проблем не существует.

Начнем с того, что изучение читательского интереса не только в объеме страны, но даже в пределах отдельных регионов поставлено слабо. В этом деле нет никакой единой системы. Справедливости ради отмечу, однако, что попытки к этому делаются. Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина регулярно выпускает свои важные обобщения читательских интересов. Но, во-первых, данные Библиотеки имени В. И. Ленина мало известны. Они публикуются лишь в специальных изданиях, рассчитанных прежде всего на библиотечных работников. Во-вторых, эти данные — преимущественно данные библиотек, и, конечно, не всех, а лишь части библиотек, по методике выборочного обследования. И, наконец, в эти данные не входит такой существенный показатель, как работа книготорговой сети.

Таким образом, у нас, в сущности, нет точного учета читательского интереса, это дело никак не организовано. И если до сих пор это не вызвало серьезных осложнений, то это можно объяснить лишь нехваткой книг, отсутствием настоящего выбора и проистекающей отсюда уверенностью издателей и писателей, что любая книга у нас найдет своего потребителя.

Но вот в самое последнее время в ряде крупных городов образовался относительный, конечно, но все-таки переизбыток поэтической и другой литературы, и уже понеслись отовсюду сигналы: «Книжный бум кончился! На полках магазинов образовался книжный затор!»

Кое-где в связи с увеличением тиражей прозы, улучшением обслуживания читателей библиотеками, роста вкусов и запросов читателей понизилось приобретение книг всех жанров.

В отдельных издательствах уже поговаривают о необходимости снижения выпуска книг, уменьшения тиражей и прочих оргмерах. Не может не вызвать озабоченности сокращение выпуска художественной литературы в издательствах «Молодая гвардия» и «Художественная литература».

Вместе с тем Госкомиздат, издательства, редакции журналов и газет, Союз писателей СССР получают огромное число писем, в которых с большой настойчивостью указывается на нетерпимое положение: в магазинах годами невозможно купить наиболее известные книги советских писателей. Вероятно, все это требует внимательного подхода, так как забвение или хотя бы недооценка читательского спроса таят в себе нежелательные последствия.

Думается, наступило время также включить писателей в систему материального поощрения, которое ныне почему-то применяется лишь в отношении работников издательств и полиграфии. Получается довольно странно: основной фигурой производственного процесса издательства является книга, а ее создателем — писатель. А когда речь заходит о материальном поощрении, то в нем участвуют все, кроме самого автора произведения. Такое отстранение писателя от участия в производственном процессе — до конечного результата — нельзя признать справедливым.

Кроме того, писатель, как известно, получает свое вознаграждение, в настоящее время, по авторским листам и строкам независимо от того, как расходуется его произведение, пользуется ли популярностью у читателей. Нам представляется, что вовлечение писателя в более активную борьбу за своевременный выход и высокое качество книги, как это диктуется в наше время интересами социалистического общества, могло бы дать дополнительные резервы в этой первостепенной работе, подчеркнуть значение писательской индивидуальности.

* * *

Товарищи! Человечество ныне переживает исключительно опасный и потому особо ответственный период своей истории.

Еще В. И. Ленин отмечал, что империализм для достижения своих целей не считаетя ни с какими жертвами, не гнушается никакими средствами, доходит до крайних пределов ожесточения. Примеров в истории этому было немало. Но то, что происходит в наше время, превосходит самые мрачные фантазии. По вине правящих кругов США возникла реальная опасность термоядерной катастрофы.

15 января этого года М. С. Горбачев в Заявлении, распространенном на весь мир, изложил целостную и честную программу полной ликвидации ядерного оружия до конца двадцатого века. XXVII съезд КПСС подтвердил эту историческую по своему значению программу.

А что же американская администрация? Она цинично, с явным вызовом всем миролюбивым силам продолжает наращивать усилия по осуществлению тотального ядерного вооружения вплоть до использования космоса в интересах войны.

Во все времена люди считали пределом бесчестия злорадство чужой беде. Постыдное поведение американской администрации в дни аварии в Чернобыле с новой силой разоблачило аморализм тех, кто и этот повод использует для того, чтобы посеять новые семена недоверия и подозрительности к социалистическим странам, поставить новые преграды на пути к ядерному разоружению.

Сегодня нельзя вести речь о литературном процессе, не учитывая того «вызова времени», на который наша литература должна дать ответ в свете событий, происходящих на мировой арене, не учитывая, в сколь тесной связи находятся международные проблемы с жизнью каждого человека.

Советская литература приняла этот вызов, остро почувствовала свой высокий долг и старалась его выполнять. Наши идеологические противники, набившие руку на клевете, готовы и тут обвинить нас в том, что мы идем в фарватере государственной политики. Да, внешнеполитический курс нашей партии и правительства — это курс всех советских людей. За все годы советской эпохи, в том числе и самые последние, у нас в стране не появилось ни одной книги, скажу точнее, ни одной писательской строки, в которых бы проповедовались война, насилие, человеконенавистничество, шовинизм как способы решения проблем, выдвигаемых историческим движением современного мира. И если иные буржуазные идеологи, иные литераторы стремятся зафиксировать в умах миллионов образ Советского Союза как «агрессора» — то наша литература разоблачает эту ложь.

Опыт развития общественной жизни, литературы и искусства в XX столетии показывает, что определенный уровень их политизации существует всегда, но особенно обостряется в моменты бурных социальных потрясений, на гребне крутых исторических переломов. Известно, какой значительнейшей художественный пласт составили в мировой литературе произведения, вызванные к жизни первой мировой войной, Великой Октябрьской социалистической революцией, предвоенными 30-ми годами, великими битвами второй мировой войны против немецкого фашизма и японского милитаризма.

Конец 70-х и первая половина 80-х годов ознаменовались появлением целого ряда художественных, художественно-публицистических и художественно-документальных произведений советских писателей, в которых тематической и формообразующей основой является непосредственное изображение развернувшегося в мире противоборства сил социализма и капитализма, борьбы КПСС и Советского государства, социалистических стран, братских партий за мирное сосуществование государств с различным общественным строем, социальный прогресс, интернациональную солидарность в этой борьбе. Мы — за диалог, за сплочение всех демократических, антимилитаристских сил.

Сегодняшний советский политический роман, и в частности роман на международную тему, продолжает гуманистическую традицию и одновременно является специфическим для литературы нашего времени направлением. Важно отметить, что это направление получило свое выражение во всех жанрах. Назову лишь некоторые произведения: романы А. Чаковского «Победа» и «Неоконченный портрет», романы А. Проханова об Афганистане, Кампучии, Латинской Америке и Африке, роман «Лицо ненависти» В. Коротича, роман-эссе Г. Боровика «Пролог», роман О. Гончара «Твоя заря», повести об Афганистане К. Селихова и А. Мухтара, очерки В. Овчинникова и А. Лауринчукаса, книги Ю. Жукова и Ц. Солодаря, поэма Е. Евтушенко «Фуку!», книги стихов и поэм И. Шкляревского, Е. Долматовского, Б. Олейника, П. Боцу, Н. Хазри, М. Танка, Р. Рождест-

венского, А. Вознесенского, М. Дудина, Г. Эмина, О. Сулейменова, М. Каноата, Ю. Друниной, памфлеты Н. Грибачева, А. Кривичко, С. Кондрашова, М. Стуруа, повесть В. Ардаматского «Туристская поездка в Англию», романы М. Домогацких, Ю. Семенова, Е. Парнова, А. Тимонена.

Определенно новым, в сравнении с послевоенной литературой на международную тему, является показ интернациональной помощи, оказываемой советскими людьми народам развивающихся стран в самых различных областях их жизни. Начинают появляться произведения, рассказывающие о выполнении Советскими Вооруженными Силами воинского и интернационального долга за рубежом, о несении боевой вахты советскими летчиками, моряками, подводниками далеко за пределами Родины.

Интернациональная солидарность всегда была огромной силой в борьбе за социальный прогресс. Теперь же, в новых условиях движения за ядерное разоружение, она может перерасти в силу, представляющую общечеловеческую солидарность на международной ниве борьбы за мир. Империализм понимает, куда это может привести, и поэтому всячески стремится подорвать любые попытки людей активизировать формы защиты мира.

В этом плане постоянным публичным «агументом» агрессивных империалистических кругов в пользу гонки вооружений, политики с позиции силы, организации «крестового похода» против социализма вплоть до оправдания подготовки к ядерному удару является пресловутая версия о советской угрозе. На поддержание и раздувание этой лживой версии, внедрение ее в сознание как можно большего числа людей направлены многочисленные идеологические средства, в арсенале которых и литература. Поэтому открыто и прямо мы бросаем сегодня обвинение тем реакционным литераторам Запада, которые воспевают войну, культивируют низменные инстинкты, подталкивают человека к выбору недостойных и гнусных путей существования.

Всесоуму вкладу советских людей в дело защиты мира, усилению звучания международной темы в современной советской литературе во многом способствовали связи Союза писателей СССР с зарубежными литературными организациями и многими прогрессивными мастерами. Мы поддерживаем такие связи с литераторами более чем ста стран и постоянно стремимся к их расширению.

Наш интерес к содружеству продиктован пониманием того, что литература — это такая область духовной жизни, которая по своей гуманистической природе нуждается в широких межнациональных общениях. Советских писателей всегда живо интересовал художественный опыт других литератур, будь это литературы с вековым опытом или молодые литературы народов, ставших на путь своего политического и культурного возрождения. Замечу попутно, что столь же горячим интересом к литераторам Европы, Азии и Америки отличались наши классики.

Не противопоставляя свой опыт и никому

не навязывая его, мы имеем нравственное право делиться с зарубежными художниками, в том числе художниками других школ и пристрастиями, своим опытом и своими пристрастиями. При этом мы никому не навязываем наш испытанный творческий метод — социалистический реализм. Да его и нельзя навязать: социалистический реализм, как всякий творческий метод, вырастает из самой исторической почвы той или иной культуры. Социалистический реализм существует и развивается сегодня не только у нас. Это, как доказано серьезными научными исследованиями, явление мировой культуры, подчас определяемое за рубежом другими терминами.

К сожалению, предвзятое отношение к советской литературе, подогреваемое антисоветизмом, проникает до этажей высшей администрации некоторых государств, и это сдерживает, а часто сводит на нет литературные контакты.

Глубоко прав Михаил Сергеевич Горбачев, неоднократно подчеркивавший в своих беседах с зарубежными политическими деятелями и журналистами, что новое время требует в мировой политике нового мышления. А оно означает — взаимопонимание, учет реальной роли, ответственности и возможностей СССР и США, уважение к суверитету и законным интересам всех стран и народов, исключение из отношений с ними методов силового давления и угроз.

Как видите, «вызов времени», обращенный к нам, писателям, касается не только нашей творческой работы, но вызывает и к нашему общественному поведению, к тому, чтобы принять личное участие в акциях, которые отражают чаяния народов. Недаром поэт сказал: «Слово — полководец человеческой силы». И надо, чтобы это слово помогало благоденствию, счастью, творчеству, а не отравляло чистое поле общения и сотрудничества народов.

Сегодня хочется отметить деятельную работу Ассоциации писателей Азии и Африки. Ее конференции, встречи молодых писателей, заседания исполкома и секретариата всегда оставляли добрый след в общественном мнении, поддерживали инициативу отдельных мастеров и национальных организаций, способствовали участию писателей в борьбе с империализмом, сионизмом, расизмом за свободу, независимость, солидарность народов против американо-израильской агрессии на Ближнем Востоке. Движение идет навстречу своей очередной конференции, которая состоится в Дели в 1987 году. Союз писателей СССР, как всегда, будет и впредь активно участвовать в деятельности Ассоциации писателей Азии и Африки, крепить связи с литераторами этих континентов.

Весьма результативными являются писательские встречи в Софии под девизом «Мир — надежда планеты», на которых ведется содержательный, открытый разговор об ответственности писателя за судьбы мира, его месте в борьбе за мир. Очередная встреча в Софии состоится осенью этого года.

В международных контактах Союза писателей

телей СССР были за отчетное время события, о которых следовало бы сказать особо ввиду их большого значения. Шире стало наше общение с писателями Латинской Америки. После длительного перерыва восстановлены контакты с писателями Китая.

Товарищи! Политический доклад ЦК КПСС XXVII съезду партии, исторические решения съезда, конструктивный дух нашей жизни обязывают нас на многие вопросы посмотреть по-новому. Бесспорно, мы многое делали по линии международных литературных связей. Но ход событий, неотразимая притягательность крупных инициатив Советского государства, необходимость своевременно и полно отвечать на жгучие запросы зарубежной общественности, в том числе и литературной, обязывают нас расширять творческие связи, как индивидуальные, так и коллективные, более энергично, настойчиво искать новые формы общения с зарубежными литераторами.

В этом плане нуждается в перестройке работа Иностранной комиссии Союза писателей СССР. Всем писательским организациям предстоит решительно отказаться от стереотипов, от привычек вести дела аппаратным способом. Нужно полнее использовать общественные формы. Создать писательские комиссии по литературам отдельных стран и регионов, учитывая, что и в Москве, и в республиках выросло число литераторов, знающих и изучающих те или иные литературы зарубежных стран. Нелишним будет использование в этом деле опыта наших общественных советов по литературам народов СССР. Смелее надо раздвинуть рамки встреч с зарубежными литераторами, больше привлекать писателей из республик, творческую молодежь.

По-прежнему предметом особой заботы должны быть переводы произведений иностранных литератур на языки народов СССР и переводы наших книг на иностранные языки. С помощью ВААП и определенных звеньев Госкомиздата здесь удалось кое-что улучшить. В целом повысилось качество переводов. Строже стал отбор произведений, достойных переводов. Вместе с тем надо использовать все пути и возможности, чтобы произведения, получившие у нас признание, находили путь к зарубежному читателю, чтобы он получал верное представление об истинном художественном уровне нашей литературы.

* * *

Товарищи! Эпоха, в которую мы живем, и заботы о сохранении нашего общего дома Земли все больше и больше сближают народы. Хотят этого империалисты или не хотят, но это так. Борьба за мир, за предотвращение термоядерной угрозы — а этого миролюбивое человечество все-таки добьется — создаст и уже создает новые резервы для совместных созидательных усилий народов, в том числе и в сфере культурного обмена. Мировая гуманистическая литература замечательно этому способствует, она служила и служит этой

великой цели. И потому, чем активнее, многостороннее, талантливее будет выступать советская многонациональная литература во всех проявлениях и формах международной культурной жизни, тем мощнее будет ее интернациональное влияние, тем ощутимее ее вклад в общее дело нашего народа и партии по обеспечению прочного мира и устойчивого сотрудничества народов планеты. С таких позиций мы смотрим на наше участие в мировой литературной жизни, под этим углом зрения видим свой интернациональный долг.

Товарищи! Я заканчиваю свой доклад.

Высокая партийная требовательность — важнейшая движущая сила многонациональной советской литературы. Новаторские идеи, выраженные с трибуны XXVII съезда КПСС, открыли писателей, распахнули перед ними широкие горизонты смелого художественного поиска. Сегодня у нас на вооружении богатство партийной Программы, Политического доклада ЦК, других документов съезда. Счастливы художник слова, которому будет дано выразить наше время, время крутого, переломного этапа истории!

Тот, кто связал свою судьбу с литературой, ныне не вправе работать вполсилы. Каждый день наша художническая мысль и совесть указывают нам конкретные адреса новых славных дел, подсказывают имена новых героев. Сердцем и душой мы обязаны чувствовать, что это ориентиры завтрашнего дня, это — напоминание нам о социальном заказе литературе, который дало наше время — время обновления и радикальных перемен во всех областях жизни.

Масштабы задач, стоящих перед работниками литературы, требуют всестороннего совершенствования деятельности нашего творческого союза. Надо решительно искоренять инертность и бюрократические подходы к живому делу литературы. Союз писателей призван быть школой высокой коммунистической гражданственности для всех литераторов, школой воспитания достойной смены мастеров советской литературы.

По призыву партии страна наша поднялась в большой поход. Советские люди, творцы всего сущего, горячие патриоты Родины, ждут от нас, писателей, не затейливых иллюстраций, а вдохновенных художественных открытий, правды жизни, во имя исполнения предначертаний партии. Только находясь на позициях партийной принципиальности и высокой взаимной требовательности, деля со своим народом его радости и беды, каждый из нас может оправдать свой долг советского писателя.

От имени всех делегатов съезда, от лица всех писателей страны разрешите заверить ленинский Центральный Комитет КПСС, что, безраздельно, целиком и полностью поддерживая курс партии, ее идеи и планы, писатели сделают все, чтобы создать новые произведения, достойные нашего времени! (Аплодисменты.)

С. МИХАЛКОВ. Объявляется перерыв на 30 минут.

После перерыва председательствует О. Т. ГОНЧАР

О. ГОНЧАР. Товарищи! Продолжим нашу работу. Слово для доклада представляется председателю Центральной Ревизионной комиссии Союза писателей СССР товарищу Тельпугову Виктору Петровичу.

В. ТЕЛЬПУГОВ. Уважаемые товарищи! Время глубоких перемен, происходящих в жизни советского общества, придает особую ответственность деятельности нашего писательского союза, всех его звеньев. Союз писателей СССР давно и прочно утвердил свой авторитет, утвердил прежде всего патриотическим вкладом писателей в великое дело борьбы за победу коммунистических идеалов.

Сегодня, принимая всем сердцем смелую новаторскую политику партии, работники литературы испытывают необходимость еще активнее участвовать в свершениях народа. Высокие критерии нашей работы определены идеями и решениями XXVII съезда КПСС. Деятельность Союза писателей, его Правления и Секретариата строится таким образом, чтобы всемерно поддерживать, объединять устремления художников слова, способствовать точной идейной направленности их труда, укреплению их связей с народной жизнью.

Крупные вопросы творческого и общественного характера рассматривались на пленумах Правления. Союз писателей принял участие в двух объединенных пленумах Правлений творческих союзов и организаций страны. Один был посвящен 60-летию образования СССР, другой — 40-летию Победы.

Был проведен юбилейный пленум Правления Союза писателей СССР, посвященный 50-летию создания нашего союза. На пленуме СП обсуждались задачи писательских организаций и литературной печати в свете материалов пленумов ЦК КПСС 1983 — 1984 гг., а также в свете Постановления ЦК о творческих связях литературно-художественных журналов с практикой коммунистического строительства.

После апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС задачи писательских организаций были обсуждены на пленуме Правления СП, нацелившем литераторов на подготовку к XXVII съезду партии.

Регулярно проводились заседания Секретариата Правления с обсуждением важнейших идейно-творческих и организационных вопросов. Деловой, принципиальный разговор шел на заседании, состоявшемся вскоре после XXVII съезда и рассмотревшем задачи, вытекающие из его решений.

Секретариат, опираясь на писательский актив, на существующие при Правлении общественные советы и комиссии, провел за отчетное пятилетие ряд заметных творческих конференций и совещаний. Они состоялись в Москве и Алма-Ате, в Тюмени и Минске, в Волгограде и Киеве и в других городах, были посвящены насущным вопросам литературного развития, рассматриваемым в сопряжении с событиями современности. Предста-

вительный международный характер носила прошедшая в Ленинграде конференция «Ради жизни на земле».

Однако не все общественные советы при подготовке подобных мероприятий действуют в полную силу, некоторые из них вообще проявляют инертность. Между тем именно в деятельности общественных советов кроются большие резервы интенсификации творческой работы союза.

На заседаниях Секретариата заслушивались отчеты Ленинградской, Ворошиловградской писательских организаций, Литературного фонда СССР, Литературного института имени А. М. Горького. Была обсуждена работа журналов «Новый мир», «Дружба народов», «Советская литература», «Юность», «Север», «Урал», «Дальний Восток», «Звезда».

Проводились совещания руководителей писательских организаций республик, краев, областей, редакторов литературных журналов и газет. Секретариат осуществлял координацию шефских связей органов печати с предприятиями и стройками, содействовал расширению географии поездок писателей, как индивидуальных, так и в рамках Дней литературы.

Задачи нынешнего времени требуют дальнейшего совершенствования той большой, разносторонней работы, которая ведется Союзом писателей СССР, Секретариатом, Правлением. Главное сегодня — результативность, придание максимально конкретного, практического характера руководству литературно-общественными процессами, обеспечение здоровья, подлинно творческой обстановки в писательских коллективах, коллегиальности в работе и гласности. Стремясь к достижению этого, Секретариату Правления, секретарю тов. Верченко, отвечающему за всю организационно-творческую работу Союза, следует больше заботиться о том, чтобы ширился круг компетентных людей, участвующих в анализе деятельности тех или иных организаций. Надо ввести за правило проверку исполнения решений, которые принимаются, скажем, при рассмотрении работы журналов: спустя определенное время возвращаться к обсуждению, пусть уже не в столь развернутой форме. Нуждается в активизации практика индивидуальных писательских отчетов на Секретариате: в последние годы внимание к ней, к сожалению, явно ослабло. Наконец, необходимо настойчиво думать над тем, как усиливать творческие начала в традиционных, многократно доказавших свою полезность Днях советской литературы, полностью изжив тут элементы парадности и формализма. Безусловно, и здесь основным критерием должно быть внимание к интересам конкретного писателя, к реальным творческим результатам.

Говоря о заботливом отношении к писателям, о создании необходимых условий для их труда, естественно обратиться к анализу деятельности Литфонда СССР (председатель правления А. П. Кешоков, директор Ю. Н. Воронин).

Как и обычно, Центральная Ревизионная комиссия осуществляет контроль за этой

деятельностью. О выводах хочу доложить съезду.

Нечего греха таить, есть среди нас товарищи, которые уже при одном слове — Литфонд — принимают боевую позицию, готовы видеть в его работе только недостатки. Не понимаем такого рода критиков. Мы видели и видим в работе Литфонда немало доброго, всегда это доброе поддерживаем.

За последнее пятилетие Литфонд значительно — на 19⁰/₀ — увеличил расходы на улучшение условий жизни писателей. И процесс такого увеличения, создающий материальную основу для развития советской литературы, будет продолжаться. Литфонд обладает солидными возможностями, его финансовое положение стабильно.

Общая сумма доходов Литфонда за пятилетие — 47 млн. рублей (из них 34 млн. руб. — отчисления от издательств и от сборов театрально-зрелищных учреждений). Помимо того, Секретариат Правления СП СССР передал Литфонду 30 млн. рублей на капитальное строительство и приобретение оборудования.

Что касается расходов, то они составили 70,9 млн. рублей. Из этой значительной суммы почти 32 млн. рублей пошли на социально-бытовые нужды писателей и дотации Дома творчества, клубам литераторов, поликлиникам и т. д. Другая часть, более 23 млн. рублей, — на капитальное строительство, а также реконструкцию.

Среди сооружений нынешнего пятилетия — новое здание Центральной поликлиники в Москве, оснащенное современным медицинским оборудованием. На базе одной из московских больниц создано стационарное терапевтическое отделение для писателей (им могут воспользоваться, естественно, не только москвичи). Писатели страны получили также 482 благоустроенные квартиры.

Это примеры полезных дел Литфонда. Однако таких дел могло быть больше. Могло — если бы литфондовская экономика лучше, рациональнее планировалась.

Возьмем то же капитальное строительство. Да, сумма вложений здесь велика, она возросла в сравнении с предыдущим пятилетием на 79⁰/₀. Капитальное строительство — это прежде всего создание Домов творчества. В течение минувших пяти лет вошли в строй Дома творчества в Киргизии, новый корпус в Дурмене, под Ташкентом, велось строительство новых корпусов в Ялте и в Пицунде. Заканчивается сооружение Дома творчества в Ислоче под Минском. В стадии реконструкции находится новый корпус в Переделкино. Проектируется Дом творчества в Репино, под Ленинградом, ведутся предпроектные работы по строительству большого Дома творчества в Сочи. Открыт мини-Дом творчества в Голицыне.

Перечень этот при внимательном рассмотрении оказывается уязвимым — выдает недостаточное умение руководителей Литфонда хорошо считать, а также заботиться о реальном, а не «валовом» удовлетворении запросов писателей. К сожалению, «вал» торжествует. Если бы в Литфонде чаще

задумывались над тем, какие Дома творчества пользуются наибольшим спросом, наиболее приспособлены для работы, то не была бы столь обострена, как сейчас, ситуация с Малеевкой, Переделкино, Ялтой, Коктебелем, Дубултами, — они были бы своевременно приведены в порядок и расширены на современной основе. Литфонд же увлекся строительством новых Домов творчества, причем далеко не все из вновь построенного оказалось окупаемым (особенно это относится к домам республиканского значения, расположенным подчас в неблагоприятных климатических условиях). За пятилетие сумма дотаций на Дома творчества возросла до 8 млн. рублей, и рост ее продолжается.

Приходят на память слова В. И. Ленина, сказанные о незадачливых хозяйственниках: «Не заботятся о том, чтобы сберечь копейку, которая им дана, и не стараются превратить ее в 2 копейки, а составляют планы на миллиарды...»

Недавно Секретариат Правления СП СССР обязал Литфонд пересмотреть планы строительства новых Домов творчества и сосредоточить основное внимание на приведении в порядок и улучшении уже существующих. Это важное решение. Жаль только, что оно не было принято раньше, что Секретариат вообще не часто готов «власть употребить» по отношению к Литфонду. Это, кстати, проявляется и в отсутствии должного контроля за кадровой практикой Литфонда: в Домах творчества на ответственных должностях подчас оказываются люди случайные.

О недостатках в деятельности Литфонда уже говорилось на наших съездах. На прошлом съезде отмечались, в частности, ошибки и в планировании строительства Домов творчества, ошибки, так сказать, стратегического характера. Товарищи из Литфонда вроде бы согласились с критикой, но, как видим, в последовавшие за этим пять лет положение усугубилось. Странно: память, что ли, подводит нинх литфондовских работников? Чтобы быть поделикатнее, выражусь так: память у них, конечно, хорошая, но... короткая.

Промахи в хозяйственной стратегии тревожны тем, что они имеют долговременное воздействие. Мы долго еще будем ощущать потери оттого, что Литфонд вовремя не позаботился о Домах творчества в Подмосковье, хотя о неизбежных плодах такой беззаботности говорилось много и возражений на сей счет, кажется, не было. Малеевка, некогда воистину процветавшая и доведенная до аварийного состояния, наконец поставлена на капитальный ремонт. А одновременно пришлось на три месяца закрыть Переделкино. Что же касается нового Дома творчества в Красновидове, недопустимое затягивание строительства которого отмечалось на прошлом съезде, то повествование об этой строительной эпопее могло бы очень оживить 16-ю полосу «Литгазеты». Вот и еще пять лет прошло, а на том месте, где давным-давно должен стоять Дом творчества, по-прежнему конь не валялся...

По-моему, следует подумать об активизации

и демократизации президиума Литфонда СССР. В составе этого органа — главным образом представители Москвы. Какая уж тут коллегия! Что касается правления Литфонда, то его роль бывает снижена — на обсуждение выносятся подчас не кардинальные вопросы, а частные, которые вполне может решить дирекция.

Снова скажу: Ревизионная комиссия отнюдь не ставит целью чернить Литфонд. Однако просчеты в его деятельности и впрямь серьезны, особенно в свете требований сегодняшнего дня. Нужно стать истинно рачительными хозяевами во всем — и в стратегии, и в повседневной практике исходить из взвешенного, реалистического взгляда на вещи. Нужно отрешиться от благодушия — того красочного, глянцевого благодушия, которым прямо-таки пышет альбом, посвященный юбилею Литфонда, изданный «Внешторгиздатом», напечатанный, разумеется, за рубежом: чего мелочиться!.. Интересно, кого хотели обмануть составители альбома, представляя райскими кущами наши Дома творчества? И, между прочим, там, где ретушь не очень сильна, видно: на крыше переделкинского главного корпуса — ржавчина, явно ведь протекает!.. Очень хотелось бы, чтобы остались в прошлом вот такие памятники парадному, показному стилю.

Попутно замечу, что куда скромнее мог бы быть оформлен альбом, выпущенный к 50-летию Союза писателей и потрясающий воображение посетителей книжных магазинов своей ценой — 25 рублей...

Еще о проблемах Литфонда. Есть признаки того, что, модернизировав Центральную поликлинику (гл. врач Е. Б. Нечаев) и открыв стационарное отделение, работники, стоящие на страже нашего здоровья, несколько подуспокоились. Между тем надо бы превратить поликлинику в реально действующий методический центр для республиканских поликлиник и медчастей Домов творчества. У Центральной поликлиники, в целом неплохо ведущей работу, укомплектованной квалифицированными кадрами, есть для этого все возможности. Что касается стационара, то поступают резонные жалобы на плохую организацию там питания — Литфонд скупит-ся в средствах на содержание больных.

Я даже стесняюсь привести цифру. Настолько мало отпускается на это денег. Это положение стоит поправить, следует поправить. Нас поддержат на всех уровнях. Во всем, что связано с улучшением условий труда, быта и медицинского обслуживания писателей, мы находили и находим реальную помощь со стороны партийных и советских органов.

Должен сказать, что документальные ревизии финансово-хозяйственной деятельности Литфонда выявили ряд нарушений. Злоупотреблений, как таковых, не было. Но известно, что любые нарушения создают для них почву. Причем, в ряде случаев работники Литфонда элементарно нарушают установленные нормы порядка и дисциплины.

Проверки, проведенные Ревизионной комиссией, обнаружили и нарушения в финансово-хозяйственной деятельности Союза писателей

СССР. Они допущены в оформлении документов по подотчетным суммам. Секретариат Правления вынес повинным строгие взыскания. Начальник планово-финансового отдела СП СССР т. Магер должен сделать выводы из критики, усилить ревизионную службу с участием ревкомиссий нашей общественности.

Ревизионная комиссия, как обычно, осуществляла также контроль за состоянием финансово-хозяйственных дел в Правлении республиканских союзов, Всесоюзного бюро пропаганды художественной литературы, Литературного института имени Горького, Центрального Дома литераторов имени Фадеева, других организаций.

Проблем существует предостаточно. Так, что касается, например, Бюро пропаганды, то настоятельно требуется, чтобы перед читателями не выступали люди, не имеющие отношения к литературе. Особенно актуален этот вопрос для местных писательских организаций, где напор самозванных «пропагандистов книги» необычайно велик и, соответственно, велик урон, наносимый ими литературе, ее авторитету.

Снизился за последние годы идейно-творческий уровень работы ЦДЛ (председатель правления т. Рождественский). Да и элементарный порядок в Доме до сих не налажен. Были вскрыты серьезные недостатки в хозяйственной деятельности ЦДЛ, за что ряд работников получил строгие взыскания от Секретариата Правления СП СССР.

Ревизионная комиссия проверяла работу издательства «Литературная газета» и «Советский писатель». Оба издательства, осуществляя свою деятельность под руководством Секретариата Правления СП СССР, немало делают для совершенствования производства, повышения полиграфического уровня выпускаемой продукции, приносят большую прибыль. Вместе с тем организация издательского дела нуждается в улучшении.

На примере «Советского писателя» (председатель правления т. Еременко) видно, как тесно связаны вопросы организационные с вопросами творческими. В увеличивающемся потоке издаваемых «Советским писателем» книг встречаются книги малохудожественные, незначительные по содержанию. Руководство издательства нередко сетует на авторов. Но разве не задача издательства — поставить прочный заслон на пути серой, посредственной рукописи? Между тем до самого недавнего времени в издательстве более чем треть рецензентов составляли люди, не являющиеся членами Союза писателей.

После того, как проверка, проведенная Ревизионной комиссией, вскрыла эти, а также и другие неполадки, дело поправляется. Веское слово сказано тут Секретариатом правления СП СССР. Однако Секретариат все равно следует упрекнуть за недостаточное внимание к издательству. У «Советского писателя» нет собственной полиграфической базы. Это сильно затрудняет всю работу коллектива. Как известно, ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление о дополнительных мерах по укреплению материально-технической базы книгоиздательского процес-

са. Союзу писателей, опираясь на это постановление, надо бы перейти к решительным действиям по улучшению положения издательства «Советский писатель».

Давно назрела необходимость восстановления издательства в крупных областных центрах. Совершенно справедливо говорил Георгий Мокеевич Марков на XXVII съезде партии: сеть издательств нуждается в расширении, их работа — в серьезной перестройке.

Так получилось, что мы ко многому привыкли, притерпелись в издательской практике, стали считать нормой то, что на деле является как раз отклонением от нормы. Издательские планы бывают слишком долго закрыты для книг актуальных, неотложных по своей общественной проблематике, идейно-эстетическим достоинствам: такие книги, хотя это противостоит, приходится «пробовать». Отношения издательства с авторами нередко строятся по принципу прямо-таки феодальной зависимости, и, наверное, не надо пояснять, кто от кого зависит. Разве это прилично, что издатели не желают заключать с писателями авансовых договоров, обеспечивая себе легкое житье и беззащитно нарушая авторское право? Почему мы терпим это? Пришла пора Союзу писателей использовать свой авторитет, чтобы раз и навсегда покончить с этим уродливым положением. (Аплодисменты.)

Причем работа в этом направлении должна делаться не от случая к случаю, а систематически. Вы знаете, в Москве, устраивается время от времени «День пешехода». Говорят, это помогает пропаганде правил дорожного движения. Нам «День автора», если вдруг его учредить, не поможет. Автор, талантливо работающий советский писатель, всегда должен быть объектом уважительного внимания со стороны наших писательских организаций, со стороны Госкомиздата, ВААП, других учреждений, от которых зависят сроки и условия нормального прохождения рукописей. (Аплодисменты.)

В работе издательства нужно всемерно развивать демократические начала, гласность. Надо всем нам подумать над тем, как разумнее, демократичнее формировать правление «Советского писателя».

Развитие демократизации, гласности, строго следование уставным нормам необходимы во всех делах нашего Союза. Понятное недовольство литераторов-москвичей вызвали организационные неполадки в ходе отчетно-выборной городской писательской конференции: первый пленум вновь избранного правления проходил ночью, в отсутствие многих товарищей. А ведь выбирался секретариат, которому, что называется, вершить дела в крупнейшей организации нашего Союза!

Необходимо добиться перелома в практике приема в Союз. Пока об усилении требовательности, о соблюдении принципов справедливости при приеме много говорится, но мало делается и в Москве, и на местах. И опять-таки путь к исправлению один — демократичность обсуждений, гласность.

Хочу также обратить внимание съезда на

участие писателей в редколлегиях и редсоветах. Во многих изданиях писательские имена лишь украшают список коллегий, а обладатели этих имен никакого отношения к реальной работе редакционных коллективов не имеют. Одни и те же люди входят в состав коллегий и советов разных, подчас совсем разных печатных органов, а это как бы априори ставит под сомнение саму возможность их полезной работы. Тут надо навести строгий порядок, расширить круг писателей, которые могли бы быть не номинальными, а действительными членами коллегий: достойных кандидатур у нас хватит. Давно пришла пора выработать положение о правах и обязанностях членов редколлегий. И давайте уговоримся твердо: писатель может состоять только в одной коллегии, только в одном редсовете.

Несколько слов о международных связях Союза. Они развиваются, крепнут, и наша Иностранная комиссия много делает для того, чтобы содействовать этому процессу. А вместе с тем недостатков в работе комиссии еще немало. Хотя круг писателей, выезжающих в зарубежные командировки, постепенно расширяется, все-таки мы до сих пор не преодолели страсти к обоймам. Нередко делегации формируются наспех, без должного учета задач поездки, в дорогу снаряжают не тех, кто съездил бы с наибольшей пользой, а тех, кто находится на подхвате. Бывает, писателей не успевают толком проинформировать о целях поездки, а по возвращении не спрашивают у них отчета о проделанной работе. Вот и появляются у нас при попустительстве Инокомиссии любители превращать деловые командировки в туристско-развлекательные путешествия.

Товарищи! Завершая доклад, вношу предложение Центральной Ревизионной комиссии: признать работу Правления Союза писателей СССР и его Секретариата за отчетный период удовлетворительной.

Слагая с себя полномочия, Ревизионная комиссия считает нужным поставить вопрос о ее правах и обязанностях. В уставе СП читаем: «Контроль финансово-хозяйственной деятельности Союза писателей». Нам думается, функции Ревизионной комиссии гораздо шире. Справедливо будет сформулировать так: «В обязанности Центральной Ревизионной комиссии входят контроль финансово-хозяйственной и организационно-творческой деятельности Союза писателей СССР, всех его подразделений». На практике в последние годы так уже фактически и происходит. Но надо это узаконить, записать в Устав, который, кстати говоря, нуждается в изменении и уточнении целого ряда позиций, в том числе и правового порядка. Думается, что нам следует на этом съезде создать комиссию по выработке проекта нового Устава СП СССР. (Аплодисменты.)

Углубление, улучшение работы Союза писателей СССР — общая забота всех нас, членов творческой, профессиональной организации. Мы должны так вести дело, чтобы шире использовались богатые возможности демократизма, заложенные в структуре, в са-

мой идее писательского Союза, чтобы каждый выборный орган, в центре и на местах, в полном объеме осуществлял свои функции. Мы постоянно ощущаем огромную помощь со стороны партии и государства. У нас большие права. Давайте же умело пользоваться ими, делать все, чтобы каждому художнику, отдающему Родине свой талант, работало, чтобы он всегда чувствовал надежную товарищескую поддержку своего Союза. А хорошо реализуя свои права, мы еще лучше будем выполнять свои высокие гражданские обязанности — взаимозависимость тут очевидна.

Все это будет в конечном счете выражением нашего вклада в культурную и социальную политику КПСС, в осуществлении курса партии, выработанного XXVII съездом. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Приступаем к обсуждению докладов, прослушанных сегодня на съезде. Слово предоставляется Сергею Владимировичу Михалкову.

С. МИХАЛКОВ. Уважаемые товарищи делегаты! В отчетном докладе Правления Союза писателей СССР была достаточно широко развернута картина литературной жизни нашей страны, освещены те проблемы и задачи, которые нам с вами предстоит решать в ближайшее пятилетие. В развитие того, что мы сейчас услышали с этой высокой трибуны, разрешите и мне поделиться с вами некоторыми мыслями.

Профессия писателя — интеллигентная профессия. Она интеллигентная не только в том смысле, что человек, к ней принадлежащий, должен быть органичен в соблюдении законов и норм общежития, но и в смысле самом высоком, включающем в себя активность общественного, гражданского действия. Я думаю, что именно на нашу партийную сознательность рассчитывает сегодня Коммунистическая партия, остро и требовательно поставив на своем XXVII съезде вопрос о повышении общественной отдачи литературы, искусства, литературно-художественной критики. «Общество ждет от писателей художественных открытий правды жизни, которая всегда была сутью настоящего искусства».

С полным основанием скажу, что писатели Российской Федерации, представляющие русскую литературу, другие национальные литературы республики, обладают завидным творческим потенциалом, большим желанием работать лучше. Полгода назад, еще до съезда партии, мы провели свой Шестой Республиканский съезд. Он прошел под знаком апрельского Пленума ЦК КПСС, его идей и решений. Думаю, что он мог бы быть отмечен и более предметным вниманием к литературным проблемам, мог бы пройти в этом плане и под знаком большей критичности. В целом же VI съезд показал главное: российские писатели живут одной жизнью с народом, делят с ним и радости, и заботы, и тревоги.

От наших писательских союзов ждут реальных дел — реального содействия тому, чтобы больше было хороших книг. По моему убежде-

нию, сердцевина перестройки в литературном деле — это значительное улучшение творческо-организационной работы, а не организационно-творческой, которая помогла бы полнее проявиться каждой творческой индивидуальности.

Нами в Союзе писателей РСФСР накоплен немалый опыт профессиональных взаимобобщений литераторов в ходе широких обсуждений на традиционных выездных секретариатах и советах, в комиссиях по жанрам.

Но при всем этом ничем не заменишь заботу о конкретной творческой судьбе писателя. Мы должны проявлять больше заинтересованности в судьбах талантливых рукописей — доброжелательно и требовательно обсуждая их, делать энергичные представления издателям, будущая нужная книга надолго увянет в неувязках планирования. Мы должны быть более внимательными к обеспечению бытовых условий работы литераторов, доказавших трудом свою профессиональность. Не первый раз писательская организация России ставит вопрос о создании своего Литфонда и Бюро пропаганды. Пришло время этот вопрос решить. В то же время необходимо проявлять заботу о том, чтобы ряды Союза писателей пополнялись только творчески состоятельными людьми, а не окололитературными индивиденцами. О вреде либеральничанья, поддерживающем обывательские представления о легкости писательского труда, Владимир Маяковский в свое время сказал, что печатаемая ерунда одного создает еще у двух убеждение, что и они могут написать не хуже, а эти двое, написав и будучи напечатанными, возбуждают зависть еще у четырех.

Признаюсь, эти слова актуальны и сегодня, и нам немало надо сделать, чтобы приучить литературную молодежь к подлинно строгим критериям оценок.

Хорошая организация повседневной деловой работы несомненно может способствовать вовлечению в литературно-общественную жизнь новых активных, истинно талантливых сил, она поможет поддержанию здорового морально-политического климата в писательских организациях, без которого немислима нормальная творческая жизнь.

Вернусь к понятию интеллигентности нашей профессии.

Мне думается, что здесь всем нам следовало бы учиться у великого Горького — истинного русского интеллигента, вышедшего из низов народа.

Подлинная интеллигентность писателя — это, прежде всего, внутреннее достоинство, выдержанность и элементарный такт. И пусть меня не осудит замечательный русский прозаик Виктор Астафьев, если я скажу, что его рассказ «Ловля пескарей в Грузии», опубликованный в журнале «Наш современник», обидно и бестактно задевает национальные чувства братского народа.

А как выглядит попытка поэта Юрия Кузнецова издевательски опорочить снискавшее в годы войны всенародную любовь и ставшее солдатской молитвой — «Жди ме-

ня» Симонова? Какая уже тут интеллигентность? (Аплодисменты.)

И как важно для критика увидеть объективную ценность литературного произведения! Под знаком перестройки в литературной среде вряд ли стоит сегодня говорить, что целый период истории нашей литературы прошел под знаком всеобъемлющей и всепобеждающей серости, и задним числом уничтожительно третировать произведения, пусть и имеющие свои художественные недостатки, но широко известные в народе, пользующиеся общественным признанием, повествующие о серьезных, политически актуальных событиях. Это тоже, по-моему, не интеллигентно и, если хотите, неблагородно.

Да, о недостатках произведений сегодня надо говорить прямо и откровенно, не боясь испортить отношения. Но всякий раз мы должны исходить из истинной ценности конкретной писательской работы, а не из приходящих конъюнктурных соображений.

Нездоровая суета, проявления беспринципности, все разедающей зависти и ревности, всякого рода групповых и цеховых пристрастий, проникая в творческую среду, лихорадят ее, мешают здоровому течению творческого процесса, непростительно отвлекают людей от создания произведений, которых от них ждут.

Уместно, наверное, сказать так: и на нашем писательском производстве должна быть на высоте техника безопасности. Тут приходит невольное сравнение с заводскими цехами, оснащенными тончайшим современным оборудованием, где люди сосредоточено работают: их нельзя отвлекать от трудового процесса, это нарушит весь технологический режим. В нашем литературном цехе режим работы, техника безопасности как раз и обеспечиваются партийностью и интеллигентностью.

Товарищи!

В литературе последних лет мы встречаемся с образом героя — человека творческой профессии, болеющего за судьбы мира, остро чувствующего несовершенство жизни и желающего помочь обществу в их преодолении. Пример этому «Игра» Ю. Бондарева. В то же время не могу понять пристрастие некоторых авторов, живописующих в своих произведениях советскую творческую интеллигенцию ущербной, приземленной, состоящей едва ли не сплошь из людей, погрязших в личных конфликтах и далеких от интересов своей страны. Тут явно дает себя знать метод изображения, названный на съезде партии бытокопательством.

От этого бесперспективного метода нельзя ждать художественной правды: ее способен дать лишь глубокий, ответственный взгляд на мир.

Недавно я, как и ряд других писателей, имел встречу в Ленинграде с очень интересным человеком — генеральным директором объединения «Светлана» Олегом Васильевичем Филатовым. Слушая его, ощущая масштабность его работы, воодушевляющие планы, глубокие размышления о жизни, я думал — вот он реальный прототип советского интеллигента, творческая личность — поло-

жительный герой нашего времени. Вот с таких и хорошо бы писать нашего современника!

Перед нами, советскими писателями, стоит задача — полнее, ярче рассказывать о таких людях, об их делах, в которых раскрывается высота социалистической морали, зрелость мышления, преимущества советского образа жизни. Да, конечно, литература не вправе обходить теневые стороны действительности, должна говорить о них честно, правдиво, и хорошо, что такие произведения у нас есть. Но стоит подчеркнуть: основа, позволяющая нашему обществу действительно бороться с недостатками, пороками, ошибками, — это основа глубоко положительная, она очень прочна и действенна. И наша сатира, смею вас заверить, тоже неизменно опирается в своей критике на веру и могучую силу разума, добра, высокой активности советских людей.

С величайшим волнением мы следим сегодня за тем, как мужественно, самоотверженно ведётся работа по ликвидации последствий чернобыльской беды, как органически проявилось здесь чувство долга и солидарности, как героическая советская нравственность вновь и вновь в любых, самых тяжелых обстоятельствах доказывает свою жизнеспособность и силу.

Нас не может не волновать и другое — то, что наряду с проявленным к нам благородным сочувствием людей доброй воли, граждан других государств, низкопробный буржуазный эгоизм не преминул воспользоваться нашей бедой ради нагнетания антисоветской истерии, ради того, чтобы бросить тень на советские инициативы в области международной политики, дающие человечеству реальную перспективу прочного мира, избавления человечества от кошмара ядерного оружия.

Мир вокруг нас необычайно тревожен и необычайно сложен. Имперализм ведет против нас продуманную и наступательную борьбу. Он делает ставку на разобщение нашего общества, на развязывание националистических настроений, на идеологию разоружения и пропаганду бездуховности, ориентируясь при этом особенно на нашу молодежь. Вот почему ответственность писательского слова сегодня все более и более возрастает.

Будем же стремиться к тому, чтобы быть на уровне требований времени и тех задач, которые ставит перед нами Коммунистическая партия. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Борису Олейнику.

Б. ОЛЕЙНИК. Уважаемые коллеги! Эти коварные стереотипы, которые ныне мы преодолеваем, иногда просматриваются даже... в самой борьбе со стереотипами. (Аплодисменты.)

В том смысле, что, критикуя отжившее, мы пытаемся изъять себя из отжившего, к которому причастны, и как ни в чем не бывало ставим задачи другим, начисто забывая о себе. (Аплодисменты.)

А ведь перелом, как это ни скучно, надо начинать с самого себя. Хотя бы для того, чтобы, осознав открыто свои промахи,

начертив конструктивную программу их преодоления, отрезать путь к трибунам тем, кому волгоотно жилось именно в застойниках прошлого и которые, не страдая элементарной совестью, конечно же первыми полезут на трибуны учить, как жить и работать по-новому. (А плодисменты.)

И конечно же отречутся еще задолго до рождения библейских петухов не только от плохого, но и от хорошего, от отца-матери и даже от самих себя.

Критикуя и самокритикуясь, мы должны помнить уроки правды, преподанные партией. Резко и доказательно осудив застойные явления, она на своем XXVII съезде не забыла по достоинству оценить все доброе, разумное, мудрое, содеянное нашим талантливым народом в прошлом. Народ ведь работал и, к слову сказать, кормил и поил нас, естественно, молоком, квасом и прочими земными соками.

Соразмерного вольтажа и принципиальности в оценке своей деятельности общество вправе требовать и от литературы. Конечно же с учетом ее специфики, ее особой органики, которая далеко не адекватна, скажем, природе журналистики. Стоит ли доказывать, что время в художественном полотне начинается не с мига первого движения пера, а с момента подключения этого мига к аккумулятору живой энергии предыдущих борений, тревог и раздумий, синтеза и анализа бытия. И если под этим углом зрения посмотреть на осмысливаемый период, то можно сказать, что наша литература в своих лучших образцах готовила не только эмоциональные, но и философские предпосылки перелома, параграфированного XXVII съездом партии.

Сошлюсь лишь на один пример. Еще в конце 60-х Олесь Гончар в известном романе «Собор» не фрагментарно, а комплексно поднял проблемы охраны природы, языковой среды и памяти, суровой подотчетности выдвиженцев перед выдвигающими их. Он одним из первых указал на опасность карьеризма не только в морально-этической, но и в плоскости общественно-политической. Ныне этот аспект нашел отражение и в основополагающих документах партии.

Напомню, что «Собор», несмотря на все сложности для автора, был все-таки опубликован на Украине. Скоро он выйдет в переводе на русском благодаря стараниям журнала «Дружба народов», который 18 лет тому назад начал борьбу за его публикацию, явив нам образец истинной дружбы. (А плодисменты.)

Следовательно, роман стал той реальностью, которая влияла на стиль художественного мышления не только в пределах Украины. И если внимательнее присмотреться к романам прекрасного русского писателя Юрия Бондарева, то мы почувствуем в них те же тревоги, которые стучали в сердце и его украинского побратима.

А творчество классика нашей многонациональной литературы Леонида Леонова или романы и повести Залыгина, Айтматова, Астафьева, М. Алексеева, Распутина, Белова, Бакланова, Ананьева, Иванова, Быкова —

разве они не формировали мировоззрение тех, кто ныне сражается на аванпостах перелома?

Следовательно, не все было так уж скучно и грустно на нашем духовном небосклоне.

Но должны мы со всей откровенностью сказать и то, что нарушение принципа социальной справедливости особенно больно ударило по литературе. Суть этого нарушения выразилась в наговоренных на диктофон романах обо всем и ни о чем конкретно, в длиннющих суконных стихах, отважно именованных поэмами. К сожалению, не только опубликованных, но подчас и отмеченных высшими литературными наградами. Нередко лавры получали те, кто был поближе к венценосным, к сильным мира вообще и литературного в частности. (А плодисменты.)

Не буду углубляться в плотные слои атмосферы, где горят обшивки самых современных космоланов. Скажу лишь, что настало время изменить структуру писательской организации, исповедуя священный принцип сменности. (А плодисменты.)

Стоило бы, мне кажется, избирать Секретариат не больше чем на три года. За первое двухлетие человек просто не успеет обрасти спутниками, а уже с начала третьего года он должен готовиться к отчету. (А плодисменты.) Это, между прочим, не только мобилизует, но и слегка устрашает.

Преемственность же должен осуществлять аппарат, в котором хотелось бы побольше видеть людей с юридическим и экономическим образованием, защищающих права писателей перед фининспекторами и держателями издательских акций.

Литература наша многонациональная. Естественно, к проблемам организационным прибавляются и вопросы межнациональных отношений.

На недавно прошедших республиканских и, в частности, на съезде писателей Украины звучала острая критика в адрес некоторых союзных изданий, теле- и радио, которые, нередко по девизом публикаций и передач о советской литературе, оперировали в основном столичными именами. Попробуйте, к примеру, найти в центральной прессе, включая и «Правду», хотя бы информацию о ежегодном Всесоюзном Шевченковском празднике литературы и искусства, на который съезжаются не только представители братских литератур стран социалистического содружества, но и писатели из Индии, Китая, Канады... О том, как можно и нужно отражать объективную картину нашей многонациональной литературы, подсказывает весьма позитивная практика журнала «Дружба народов» или «Роман-газеты».

Затрагивались на съезде и вопросы языка. И это естественно, ибо проблема развития родного слова всегда тревожила и будет тревожить писателя уже по той причине, что слово — это его строительный материал.

Но вот проблемы родного языка в школе, в театре, в детских садах — это уже вопросы нашей ленинской национальной политики, малейшее нарушение принципов которой ранит остро. Здесь надо быть особенно осторожными, а учитывая то, что на любом

сбое в этой деликатной сфере спекулируют наши враги, и особенно бдительными.

Как правило, идеологические диверсанты все наши домашние недочеты в этих вопросах пытаются списать на «руку Москвы». Главная опасность здесь вот в чем: враги — то прекрасно знают, что Москва, русские, как правило, ни сном ни духом не ведают о том, что где-то уменьшилось число, скажем, школ с преподаванием на родном языке или мове. Но им выгодно списать на Москву перекосы, содеянные преимущественно местными, родными, доморощенными ревнителями нашей политической девственности, унаследовавшие, очевидно, лакейскую психологию от тех, кто за искорверканный русский получил от царя наделы своей же родной земли. (А плодисменты.)

Мне ли говорить, что подобный нигилизм категорически противоречит национальной политике нашей партии. И надо ли говорить, что, защищая свой родной язык и культуру, мы защищаем честь и достоинство воистину великого русского народа, который делал и делает все для расцвета национальных культур? (А плодисменты.) Что «чувство семьи единой» как раз и пульсирует по артериям русского слова.

Это священное чувство — «чувство семьи единой» — с особой убедительностью проявилось на берегах Припяти. Да, Чернобыль — это беда. Это — не тема, а сама боль народа. И высший грех — спекулировать на ней кому бы ни было с того или с этого света. И высшим проявлением сочувствия здесь являются не слезы и вздохи, а реальные дела, которые и в эту минуту вершат сыны всех народов и наций в Чернобыле, подавляя взбунтовавшийся атом.

Вот где проходит испытание огнем и наше слово. И, как очевидец, скажу — проходит с достоинством. Не кем-то свыше, а именно нашей литературой были воспитаны те, кто первыми пошли в огонь четвертого реактора и отвели огонь от нас, сущих. Последние салюты над ними потрясли не только наши души, но и весь мир, который уже не из теории, а из трагической практики осознал, что станет, когда взбунтуется атом, пока еще сдерживаемый в атомных боеголовках.

Чернобыль заставил нас многое переосмыслить. И то, что расхожая метафора «мирный атом» — всего только метафора, поскольку он мирный только в естественных соединениях. Чернобыль призывает нас убедить ученых в том, что хотя они и уверены подчас до самоуверенности, что знают все, но в действительности — далеко не все. Что иногда писатель дарованной ему интуицией предвосхищает то, что не укладывается в самую мудрую формулу. (А плодисменты.)

С первых дней чернобыльской беды я получаю письма от своих коллег из Москвы, Ленинграда, всех братских республик. Они, разделяя наше горе, с какой-то особой деликатностью приглашают адресата и его друзей погостить у них. Это благородное чувство сопричастности к чужой беде не только волнует до слез. Оно рождает чувство гордости за нашу великую литературу, которая воспи-

тала и в самих творцах ее эту душевную отзывчивость.

И я хочу в лице самого далекого моего адресата народного поэта Туркмени Керима Курбаннеспесова сказать вам, дорогие братья, искреннее человеческое спасибо за то, что вы есть, что в этом прекрасном и яростном мире есть великая многонациональная советская литература! (Продолжительные аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Следующее слово предоставляется Александру Борисовичу Чаковскому.

А. ЧАКОВСКИЙ. Товарищи! Более года тому назад, выступая здесь, в Кремле, на объединенном Пленуме творческих союзов, я говорил о том, что наша партия, ее ЦК, наше правительство почувствовали, угадали жажду народа и сделали всё, чтобы святой для всех нас праздник — День Победы стал поистине историческим торжеством на века. Об этой же чуткости к биению сердца народа, к людским болям, думам и чаяниям я хочу сказать и сейчас. XXVII съезд партии и последующие пленумы ЦК преподали всем нам урок правды, урок социальной справедливости, урок решительной и непримиримой борьбы с халугами и взяточниками, жуликами и тунеядцами, очковтирателями и «показушниками» — словом, со всем, что мешает нам жить и работать.

И радостно сознавать, что советские писатели, во всяком случае лучшие из литераторов, вняли призыву партии, велениям времени, деятельно включились в такую трудную, но необходимую работу по оздоровлению общественной атмосферы. И жить, и думать о жизни, и писать о ней стало, бесспорно, интереснее. Недаром же так заметно активизировалась литературная, творческая жизнь в стране, конкретнее, ответственнее и, наконец, просто умнее стали наши споры о месте писателя в рабочем строю.

Появились уже и произведения, которые, мне кажется, соответствуют духу времени, будят нашу совесть, требуют от читателя мобилизации его гражданских чувств. Не хочу пускаться в обычную на писательских съездах перечислительность, когда все порой стрижется под одну гребенку, и поэтому назову здесь лишь «Пожар» В. Распутина, «Печальный детектив» В. Астафьева и «Карьер» В. Быкова. Очень нужные, правдивые и современные книги! А за ними, я не сомневаюсь, последуют новые и другие талантливые произведения, вооружающие читателя мощным зарядом общественной активности, вдохновляющие его на внесение своего вклада в наше общее дело — ускорение социально-экономического и духовного развития страны.

В то же время я твердо убежден в том, что мы совершили бы тяжкую ошибку, ограничив понятие правды в литературе только обличительным пафосом. Тем самым мы давали бы однобокую, а следовательно, и искаженную картину жизни. К тому же есть правда, сиюминутная правда, так сказать, текущего момента, правда отдельного

факта. Но художественная правда в том понимании, которое мы унаследовали от гигантов русского реализма, от основателей социалистического реализма, — это правда лучших исторических обобщений, возвышающаяся над преходящими бытовыми обстоятельствами. Эта правда всегда исторична и социальна. Я убежден, что именно такое понимание правды имел в виду товарищ Горбачев, выступая на XXVII съезде нашей партии. Жажда правды для писателя — художественной правды — это прежде всего страстное утверждение нашего социалистического достоинства, утверждение нашего социалистического образа жизни.

Товарищи! На крутом переломе истории нам, писателям, важно трезво, реалистически соизмерять достигнутое с тем, что намечено партией, что ждет от нас советский народ. Пора наконец научиться определять не только удачу — тут, по части парадных реляций, мы имеем немалый опыт, — но и «узкие места», проблемы, нуждающиеся в безотлагательном решении.

Незачем повторять, что для советского писателя нет запретных тем и недостойных внимания героев. Но меня, признаюсь, тревожит мелкотравчатость иных сочинений и охота к глубокому философствованию на мелких местах.

Я нередко с горечью вспоминаю слова Балзакка: «Есть писатели, которые рассматривают важнейшие события в уменьшительное стекло». Меня огорчает наметившийся в некоторых книгах, причем и в тех, что написаны талантливым, опытным пером, процесс размывания идеалов, снижения не только собственно литературных, но и идеологических, духовно-нравственных критериев, которыми поверяется реальность. Мне кажется важным обратить внимание на то, что нравственные понятия иных героев, а порою и их авторов стали чересчур гибкими, я бы даже сказал, эластичными, применяющимися к обстоятельствам, а не возвышающимся над ними.

О чем бы ни заходила речь в книге — о проблемах экологии или о характере внутрисемейных отношений, о производстве или о «вечных вопросах» бытия, мы обязаны в каждом явлении видеть его политический смысл, его идеологическую суть.

Об этом не худо бы помнить и литературным критикам, среди которых некоторые либо самозабвенно закапываются в глубины абстрактного, оторванного от живой практики теоретизирования, либо занимаются мелкой межгрупповой и явно недостойной советского литератора грызней, либо превращают свои высказывания о литературе в средство сведения счетов, карьеристского самоутверждения и самопоения. Нас не может не заботить то обстоятельство, что в нашей печати — в том числе и на страницах «Литературной газеты» — спор иногда идет не по существу, и по мелочам, мало интересным широкой читательской аудитории.

Уверен, что советской критике по силам большие задачи. Критика могла бы стать «соавтором» лучших и актуальнейших про-

изведений современной советской литературы, подобно тому, как революционно-демократическая критика XIX века явилась «соавтором» вершинных произведений отечественной классики.

Одна из важнейших черт нашего времени — дальнейшая демократизация общественной жизни. Убежден, что это не может не сказываться и на развитии литературы: на расширении круга героев, на пристальном внимании к судьбе, как говорится, рядового человека, который является — и наш долг это ярко показывать — подлинным хозяином общества, творцом и созидателем.

Вспоминается в связи с этой статьёй Вячеслава Кондратьева в одном из последних номеров «Литературной газеты». Там есть такой эпизод. (На всякий случай напомним его.) Дело происходит во время войны. Подразделение потерпело поражение, военную неудачу. Наутро политработник встречается солдата, присаживается с ним, закуривает, беседует и спрашивает: «Как все-таки это могло произойти? Почему мы потерпели эту неудачу?» И тут возникает другой вопрос: а часто ли вот так по-человечески, по-деловому присаживается поговорить с писателем, не с писателем вообще на каком-то меропрятни, а с конкретным, болеющим душой за весь мир человеком секретарь обкома, секретарь горкома, работник вышестоящих партийных органов. Советскому писателю крайне важно ощущение своей «нужности», необходимости в общенародном деле.

Я не знаю, как хотите, назовите это тщеславием. Но писателю важно знать не только, что он принадлежит к литературе, пользующейся огромным вниманием партии, ему важно знать и то, что он сам, его личная работа тоже нужна партии. Нужна государству. И чем больше будет таких вот разговоров с глазу на глаз, тем быстрее двинется это дело.

И, думается, не случайно именно такое, человеческое общение на всех уровнях ставит в центр угла прошедший июньский Пленум ЦК КПСС. (А п л о д и с м е н т ы.)

Сравнивая военные и мирные дни, нельзя не сказать и о другом священном долге советского писателя.

Писатель и мир — эта тема сегодня так же неотвратима, как писатель и гуманизм. Потому что нет большего проявления гуманизма, чем спасение человечества от угрозы самоуничтожения. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово для выступления предоставляется Даниилу Гранину.

Д. ГРАНИН. Представьте себе, товарищи, что вас послали в разведку. Выполнив задание, вы возвращаетесь и докладываете, что насчитали сто танков противника. «Э-э, нет, — вам говорят. — Это слишком много! Доложите, что не больше 20. Так приятнее». Примерно в таком положении находилась наша литература еще недавно.

Принудительный оптимизм, редактора под дулом ультиматума — должен сказать, что это

отнюдь не помогало перед силами реального зла. За последние полтора года зло приоткрылось перед нами, оснащенное широкими связями, правами, наглостью и, я бы сказал, — временами бесстрашием. Обнаружились его масштабы, которых мы не представляли. Очистительная работа партии требует немало мужества, непримиримости, она продолжается, будет продолжаться, и это великое благо нашего времени. Многое увиделось иначе, многое в наших книгах кажется теперь робким, мелким, сглаженным, без буревестников. Кто в этом виноват? Наше соглашательство? Давление полуправды? Обстановка в Союзе? Причин много, но оправданий мало.

Для всех нас было крайне важно требование полноты правды. Полнота правды относится не только к нынешней пятилетке. Она и о ближайшем прошлом, о послевоенных годах и о войне. И о русской истории. Но это относится и к самой литературе. Русская литература накопила сокровища произведений авторов двадцатых, тридцатых годов. Василий Андреев, Добычин, Алейников, Замятин, Введенский, Кузмин, Хмельницкий — десятки замечательных писателей, несправедливо вычеркнутых, пребывают вне круга чтения, фактически изъяты из литературного наследия. Это неоправданно, безхозяйственно и незаконно.

Движение жизни заставляет задуматься не только о положительном герое, но и о так называемом отрицательном герое. Мировая литература, и русская в частности, создали галерею героев зла и порока. На них проверялись и ставились острее проблемы нравственности. Растигьяк и Смердяков, Иудушка Головлев и Яго, Клим Самгин и Тартюф. И вот на фоне этих великих антигероев наши злодеи — как они слабосильны, безвредны и глуповаты.

Между тем борьба, которая разворачивается сегодня, укрупнила и чувства и характеры. В этом единоборстве зло предстало куда более сильным, опасным и многочисленным, чем нам казалось. Оно не очень-то выбирает средства, если посягают на его власть. У него связи, деньги, умение приспособиться. Это люди, вооруженные философией эгоизма, скепсиса, отнюдь не примитивной. Мы многое узнали о них, узнали и о борьбе с ними и, часто героической, борьбе одиночек. И надо признаться, что многим нашим положительным героям не по плечу были бы такие испытания. Очень уж они у нас инфантильные, слишком заботливо их охраняли редакторы и платные и бесплатные, живущие в нас самих, от торжества несправедливости, от поражения, отчаяния, от трагической развязки. Их лишали серьезных противников. Отрицательный герой нашей литературы это не сатана, не дьявол, это мелкие бесы, злодеи без масок, без поддержки, одинокие жулики. И они не столько явление, сколько случайность. Нам есть за что себя упрекать не в силу святой требовательности, положенной каждому художнику, а и за то, что по-своему мы (и это я отношу и к себе, и к своим товарищам) участвовали в припис-

ках, уступках в парадности и ориентировались не на собственную совесть, а на знаки одобрения.

Изменялись мерки нравственного и безнравственного, и то и другое выросло. Пришло время больших надежд, больших поступков, потому что слово и дело, разорванные до этого, стыкуются в одно целое.

При всем том надо сказать, что все эти годы создавались вещи действительно значительные, без мысли о быстрой печати и успехе. Судьбы некоторых из них оказались неоправданно трудными, решаются годами. Я знаю несколько талантливых романов, написанных во имя непреложных требований совести и боли. Кто должен был заинтересоваться их многолетними мытарствами, помочь обсудить, разобраться. Кто? Думаю, что Союз писателей. Иначе для чего же он? Союз этого не делал. Уклонялся. (А п л о д и с м е н т ы.)

Это относится и к ленинградскому, и к московскому, и к нашему Всесоюзному, что ли, Союзу.

XXVII съезд партии, его решения, его дух, смысл требует от нас, писателей, поддержать усилия партии, обновить общественную жизнь. Но чтобы активно и действительно помогать партии — как надо перестроить свою работу? Та перестройка, которая сегодня идет во всех областях жизни, касается и нашей писательской организации. Потому что, как это ни противостоит, но творческий наш союз страдает бюрократическими недугами. Мы превратились в учреждение. Списки отмеченных, принятых, изданных, средний возраст, поездки, отчеты... Но кому это нужно, если Союз не беспокоит судьба острого, спорного, талантливого произведения! Тогда зачем все эти кабинеты, те референты, секретари и секретарши, машины и машинистки? И на съездах каждый раз признаем, что да, не занимались творческими вопросами. Думаю, что на фоне перестройки во всех областях хозяйства и управления пришла пора покончить с бюрократизацией Союза.

Вот я слушал доклад, искал ответа на вопрос, который мне кажется важнейшим вопросом. Как сделать так, чтобы в нашем Союзе талантливым писателям было хорошо, а приспособленцам было плохо?

Почему этого не происходит? Союз лишился творческого духа. Идет молодой писатель в Союз, что он видит? А видит то, что писатели, которые занимают высокие должности, пользуются литературными привилегиями. Должность и звание часто защищают от объективной критики, следовательно, надо стремиться к положению, рассуждает он, видит, что выигрывают не те, которые ищут правды, не те, кто занимается мастерством, а те, кто занимается суетой. (А п л о д и с м е н т ы.)

Он уверен — служение музам терпит суету. Можно ли творчество измерять наградами? И как соотносятся награды с читательским признанием? Не странно ли положение, когда литература расщепляется: лоявляется писатель, известный своей деятельностью,

и писатель, известный своими книгами. (Аплодисменты.)

Судьба рукописи и судьба книги — вот две судьбы, из которых складывается судьба писателя. И это должно прежде всего заботить Союз. Убедить тех, кто не понимает значение той или иной трудной рукописи, взять на себя ответственность за ее судьбу.

Судьба рукописи это не только те экстремальные случаи, о которых я говорил. На производстве ОТК призвано обеспечить качество продукции. Наше ОТК сплошь и рядом понижает, ухудшает качество нашей продукции. Недавно состоялся Секретариат СП РСФСР об экологии. Слушая этот боевой разговор, обсуждения, я думал, как хорошо, что писатели горячо, обоснованно выступают против неразумного вмешательства в природные процессы. Природа болеет от экологического невежества. Но и литература тоже страдает и болеет от грубого конъюнктурного вмешательства редакторов, издателей, и хорошо бы заняться охраной рукописи, охраной прав писателя. Речь идет и об охране индивидуальности писателя, его непохожести. Писатель дорог читателю своей отдельностью. А издателю он, наоборот, удобнее своей похожестью.

Однажды, давно это было, обсуждая вопрос о редакторе журнала, я предложил Веру Федоровну Панову. Нельзя, сказали мне, она неуправляемый человек. Неуправляемый — значит имеющий свое мнение, свои взгляды. Мне сказали: хватит нам Твардовского. (Аплодисменты.)

Может быть, им и хватит Твардовского, а нам не хватает таких редакторов, как Александр Грифонович Твардовский. (Аплодисменты.)

У нас управляемые редакторы, управляемые издатели, у них управляемые критики, писатели. Плохо для них, что читателя нельзя сделать управляемым. (Аплодисменты.)

Литература наша как разведка, она может помочь партии, разведывая правду, и надо надеяться, что не послушность и соглашательство, а талант с его принципиальностью, непримиримостью будет все больше цениться в нашей литературной практике.

Наш съезд должен стать началом перестройки Союза, чтобы не получилось так, что вот мы проговорим тут три дня, а съезд кончится и все вернется на круги своя. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Сергею Павловичу Залыгину. (Аплодисменты.)

С. ЗАЛЫГИН. Товарищи! Мы всегда помним, что литература должна отражать положение в мире, современность. Но что такое положение в мире, что такое современность? Я думаю, что то и другое складывается в двух сферах — в сфере отношений людей друг с другом, в семье, в обществе, в отношениях международных, во-первых, и в отношениях человека и природы — во-вторых.

В наше время особенно тревожны и опас-

ны международные отношения, и прежде всего потому, что они — не по нашей вине — лишены реализма. Реализм здесь стал крайне дефицитен, он — почти утопия, а в результате нормальная человеческая жизнь на просторах Земли подменена жестокой конфронтацией, жизнью на краю пропасти в состоянии «быть или не быть».

И мы знаем авторов теорий о том, что в этом положении виновен социализм, наше общество, подчас именуемое «империей зла».

Но давайте подумаем, когда же впервые возникла угроза самоистребления человечества?

Я думаю, это произошло в начале века с возникновением первой мировой войны. Она была первой мировой из 15 тысяч войн, ей предшествующих, она разработала задачу господства над всем миром, избрала средства массового уничтожения — танки, отравляющие вещества, военную авиацию и подводный флот, она же заложила предпосылки и для второй мировой, и для третьей, очевидно последней, войны. Но даже сам президент самой могущественной капиталистической державы не сможет доказать, что это мировое зло произвел социализм. Нет, это было детище капитализма, только его — и никого больше.

Социализм первым своим декретом в октябре 17-го года провозгласил мир, и именно это вчерашние союзники России не могли ей простить и вторглись в измученную страну более чем десятком жестокими оккупационными армиями.

Затем капитализм продолжил мировое зло второй мировой войной. А какая роль тут выпала социализму? Опять самая миролюбивая, а потому и самая жертвенная, самая трудная роль. Как же ответил на это капиталистический мир? Да так же, как и в первую мировую войну, — для острастки своего союзника он, на всякий случай, сбросил на Хиросиму атомную бомбу. То, что не успел Гитлер, безо всякой на то необходимости удалось сделать так называемое демократическое правительство, и от того, что затем имели место парламентские дебаты, что свободная пресса выражала свое свободное мнение, дело ничуть не менялось.

И страшно подумать, но это так — человечеству еще повезло со второй мировой войной: если бы она началась лет на десять позже, она началась бы с атомной бомбы.

Вот такое утешение.

Итак, достаточно иметь в виду историю возникновения двух мировых войн, чтобы сказать, кому принадлежит инициатива в подготовке третьей.

В конце концов, давайте согласимся с тем, что социализм несовершенен, что он в своей краткой истории допустил трагические и крупные ошибки, но существа своего он не потерял, он не потерял своего миролюбия.

Давайте согласимся с тем, что капитализм за это же время достиг многих высот в организации производства и быта, пусть будет так, не будем спорить, но бесспорно одно — он не приобрел миролюбия. Наоборот, он уже полностью подчинен военно-

промышленному комплексу, интересам получения им баснословных прибылей. И вот он проделал путь от освободительной войны буров до грязной войны Боты против коренного населения Южной Африки, путь от Линкольна к Рейгану.

Всю эту раскладку физических и интеллектуальных сил мирового сообщества можно истолковать в пользу капитализма, только отказавшегося от реализма.

В силу этого из сознания человечества и вытравляется реализм, а важнейшие понятия переворачиваются с ног на голову.

Но в море антиреализма возвышаются неприступные острова реализма, непревзойденного по силе своей убедительности, и прежде всего это — русская классическая литература. Все знают, какое внимание привлекают во всем мире Достоевский и Толстой, Чехов и Горький, Гоголь, Шолохов. И не потому ли это происходит, что человеческое сознание продолжает нуждаться в реализме, в нем, в реалистическом мышлении, в его достижениях оно видит выход из создавшегося положения?

Мировая и советская литература повидала множество модернистов, но вот человечеству пора спасаться, и где же оно, средство спасения, как ни в старом, добром, испытанном реализме?

Конечно, письмо и все творчество Толстого или Гоголя, так же как и их жизнь, не могут повториться нынче, реализм не был бы самим собой, если бы оказался глух к новым потребностям новых людей, но его дело — по-прежнему называть вещи своими именами и делать это ради жизни на земле и в той, если хотите, наивной ее простоте, в которой видел жизнь таковой герой, как Василий Теркин. Лев Толстой и Габриэль Маркес — разные писатели разных эпох, но оба они реалисты в понимании задач и целей литературы. Им обоим одинаково близка жизнь в ее, если хотите, теркинском восприятии. Реализм не только традиционен, но он и последователен, как никакое другое мышление.

Да, земной шар это теперь не более чем хоть и многометражная, а все-таки коммунальная квартира с одним из всех водопроводным краном, и литературе тоже надо научиться жить в этой коммуналке. Ей нужно учиться писать о человечестве, поскольку все оно в количестве четырех миллиардов шестисот миллионов человек так же реально, как и отдельно взятый человек, поскольку все оно без исключения становится героем еще не написанного романа о войне и мире.

И нам, литераторам, нужно идти от человека к человечеству.

Есть и вторая сфера нашей деятельности, нашего самоутверждения и самоуничтожения — это наши отношения с природой.

Если в международном плане социализм многими был принят в штыки, то, кажется, сам бог позаботился о том, чтобы первой социалистической стране были созданы все необходимые условия со стороны природы. Природа — наш союзник. В ее собственном устройстве уже заложены начала социалистического устройства человеческого обще-

ства. Потому что природа-то по фактуре и по существу своему, по своему реализму, во многом социалистична, нам надо только реализовать эти ее особенности. Задача, к решению которой человечество рано или поздно все равно пришло бы. Но вот какая ситуация. Еще лет тридцать тому назад студенты жаловались мне, что вот-де по прогнозам ученых через десять тысяч лет наступит ужасное испытание — ледниковый период, который мы, возможно, и не сумеем пережить. «Стоит ли жить, — спрашивали меня студенты, — если впереди такая судьба? И почему так несправедлива природа? Сама породила человека и сама же убивает его?»

Спустя тридцать лет мы думаем: «А вот бы дожить людям до следующего ледникового периода — вот это было бы счастье и благо!»

Не будь гонки вооружений, и природе в тот же день полегчало бы, и у нас появилось бы время задуматься над тем, как ее сохранить, заключить с ней разумный договор и выработать экологическую юриспруденцию, обязательную для всех и каждого, создать высокую литературу о природе и человеке вместе взятых.

Наверное, у многих уже возникла догадка: сейчас Залыгин сядет на своего конька и понукнет его в направлении водного хозяйства.

А что поделаешь, если все тот же реализм этого требует?! Если ведомства то и дело разрушают природу — источник нашего существования?

Дело в том, что государство, создавая то или иное ведомство, вырабатывает для него программу деятельности. Но ведомство сосредотачивает все свое внимание лишь на некоторых пунктах этой программы, самых для него выгодных, напрочь пренебрегая всеми остальными. Вот и Министерство мелиорации и водного хозяйства действует таким образом, тем более что оно, как писала «Правда», должно государству миллиард, а чтобы расплатиться, ему нужно получить кредиты под новый проект независимо от того, целесообразен он или нет. В первую очередь речь идет о проекте переброски части стока северных рек в Волгу.

Пять отделений АН СССР начисто опровергли необходимость переброски, а из Госплана следует письмо тов. Паскаря, в котором категорически говорится, что Академия проект поддерживает и строительство, не в пример другим важнейшим объектам, форсирует (хотя проект и не утвержден в целом технической экспертизой). Так и Минводсовхоз, и Госплан форсируют осуществление порочной идеи.

Вопрос: зачем перебрасывать в Волгу 6 кубокилометров, если ежегодный сток Волги теперь на десятки кубокилометров выше нормы, если мы даже не располагаем такой гидрометрией, которая позволила бы эти 6 кубокилометров в стоке Волги учесть, и, следовательно, никто никогда не заметит, есть они там или их нет?

Если сток Волги поднимает уровень Каспия настолько, что уже сейчас требуется

200 млн. рублей, чтобы предотвратить затопление прибрежных сооружений? Если за последние 8 лет объем Каспия увеличился на 430 кубокилометров.

Дальше. Мы, писатели и наша литература в целом, еще только готовимся к тому, чтобы воспринять идеи Вернадского о преобразовании биосферы в ноосферу, в сферу разума.

Когда-то мысль человека, прежде всего научная, оторвала человека от природы, обозначив воздух метеорологией, землю — геологией и почвоведением, воды — гидрологией, но теперь наша бесконечно обогащенная знаниями мысль снова должна соединить нас с природой, с ее процессом, чтобы экология стала не только наукой, но и животрепещущей нашей необходимостью. Это задача наша, литературная.

Однако же, товарищи, мы живем не только глобальными, международными и государственными проблемами, а у каждого есть еще свои деловые заботы, в данном случае — по литературному делу.

Любое дело решается тем успешнее, чем меньше человек занимается чем-то посторонним, данному делу несвойственным. Освобождается от всего того, что несвойственно делу, от лишней работы — в этом я тоже вижу смысл тех призывов, с которыми партия обращается нынче к народу и к литературе.

Что я вижу в литературе, несвойственное ее делу?

Прежде всего — канцеляризм, никому не нужную и не совпадающую с творческими интересами заорганизованность и централизм. Отсюда — неизбежное давление одних литераторов на других. В одних руках оказались сосредоточенными такие мощные службы и учреждения, как издательства, редакции журналов, Литфонд, а отчасти даже некоторые Госкомитеты.

При всем этом мы еще и задыхаемся от притока все новых и новых членов в Союз. И так идет: больше численность Союза — больше аппарат, больше аппарат — больше всей и всяческой деятельности, никак не связанной с творчеством.

Нам по крайней мере на два года надо прекратить прием в Союз и осмотреться — что же мы собой представляем, чем располагаем и количественно и качественно? Надо собрать за это время больше заявлений о приеме, а уж затем выбрать из них самые достойные. Может быть, нам нужно снова ввести кандидатский стаж.

Конечно, мы не решим всех наших проблем, но с чего начать?

Я думаю, что надо начать с восстановления решающей роли Правления. Нынешние наши заседания Правления — это пустое времяпрепровождение. Секретари произносят друг для друга набившие оскомину речи, члены Правления сидят в буфете или скучают в зале. Зачем же тогда избирать Правление? Может быть, ограничиться секретариатами?

Я читал стенограммы заседаний Правления, состоявшихся сразу после I-го съезда писателей. Какие они были боевые, какие насыщенные вопросы там ставились! Нам это теперь

непонятно. Нужно вернуть правлениям их первоначальную роль.

Возник вопрос о том, чтобы создать центр по изучению советской литературы в Литературном институте. Я считаю, что это совершенно напрасная затея. Дело в том, что это еще одна централизация, еще одна, а то и несколько должностей при Союзе писателей. (Аплодисменты.)

У нас критических журналов больше, чем других. Поэтического журнала нет ни одного, а по критике 5—6 журналов. Каждый четвертый-пятый член союза — критик. Дело не в том, что нам не хватает критиков, а в том, что они попали в эту централизацию и на них оказывается постоянное влияние — куда, о ком и что писать. (Аплодисменты.)

Надо избавить критиков от такой опеки, и тогда совершенно лишним нам сразу же покажется и этот центр.

Итак, итог того, что происходит сейчас в наших мыслях и в наших рукописях должен подвести наш съезд. Именно этим актом — избранием настоящего, деятельного Правления. (Аплодисменты.)

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ

После перерыва — председательствует А. А. АНАНЬЕВ.

А. АНАНЬЕВ. Товарищи! Съезд продолжает свою работу. Слово предоставляется Юрию Васильевичу Бондареву. Подготовиться Максиму Танку.

Ю. БОНДАРЕВ. Дорогие товарищи! Мы переживаем время решительных перемен, начатых партией в апреле прошлого года. Процесс духовного обновления продолжается. Какое же место в нем займет литература?

Замечали ли вы, что многие классические герои западной литературы никогда не судят себя, никогда не чувствуют за собой вины, не проходят через муки раскаяния? Герои Толстого, Достоевского, Горького и Шолохова судят себя верховным судом совести. И это превыше всего: нельзя не пройти мимо мрака, идя к свету. Нынешняя советская литература говорит о тревожном состоянии человека в беспокойном мире трезво, сознавая, что иллюзии всеобщего мирового благоденствия сгорели в ядерном взрыве в Хиросиме.

Да, каждый из нас пишет историю любви и смерти. И самые серьезные из нас, мучаясь повторяющимися трагедиями человека, то и дело стирают пыль с забытых людьми истин — такой удел человекопоклонников.

Говорят, что сейчас нет в литературе какого-либо абсолютного авторитета, и не потому, что она ниша, сира и гола, а потому, что многие годы размывались и размываются критерии художественности и правды, и потому, что хрупкие имитаторы то и дело выдаются в родном отечестве и за границей за эталоны. В самом деле, не слишком ли без-

заботно мы относимся к критике? Кого завтра «Литературная газета» назначит талантливым?

Чувство меры, спокойная умеренность, профессиональная честь, здравомыслие — предпосылка всех истин, всех оценок, и в первую очередь самоуважения. Но вот они, сверхизлишества, кричащие на многих страницах одной крупной литературоведческой работы: «несносность характера Буннина», «поразительная его злобность», «эта назойливая кичливость»... И далее цитирую о Бальзаке: ему «удалось со злой завистливостью подсмотреть и мстительно осмеять новых пришельцев жизни». В дневнике за 1915 год Бунин записал: «плакал, пища конец...» Речь идет о рассказе «Господин из Сан-Франциско». И тут литературовед спрашивает с грозной злорадностью: «Над чем плакал писатель — над неожиданной гибелью своего безмятного американского миллионера?»

Теоретическая критика становится и некой литературной позой с отфенком модного кокетства, всеразрушающей смелостью, и здесь проступает, как болезнь века, вспыльчивость и несдержанная бестактность, вызывающие крайнее сожаление.

В юбилейной статье о Достоевском один известный беллетрист, имя которого из уважения к его почтенному возрасту мне не хотелось бы называть, высказал о гении мировой культуры удивившее многих читателей умозаключение, которое привожу: «Его национальная ограниченность неизменно отталкивала меня, а необъяснимая ненависть к другим нациям внушала отвращение». После этой цитаты приходят на память бурные двадцатые годы и призыв к битью Достоевского, к суду над ним как над изменником. А что сегодня имеет в виду наш старейший беллетрист? И создается какое-то колючее чувство стыда и неловкости от этой резкой фразы уважаемого писателя, который словно бы забыл (что вполне возможно) романы Достоевского, многие его высказывания из «Дневника писателя», а суть их была недвусмысленной: лишь тот может называться русским, кто в братстве со всем миром, со всеми народами.

Что ж, поистине — в лавровом венке всегда есть терновые иглы, жалящие даже мертвого. Вероятно, будь жив Достоевский, он остро почувствовал бы это незаслуженное отвращение, но неизвестно: поднял ли бы он так зло и вызывающе брошенную ему полемическую перчатку. В хорошие старые времена, как говорится, коли дело не закончилось бы дуэлью, то независимо от уровней талантов следовало бы тогда поклониться друг другу, играя воспитанность, и выйти в разные двери, все-таки думая об одном-единственном на земле банальном сюжете, об одной-единственной банальной теме, которые называются жизнью и смертью, уравнивающей и гениев и негениев беззащитностью после их ухода. Какая прозрачная классическая этика!

Современная литературная критика, и устная, и печатная, долгое время по разным причинам влачила жалкое существование, а сейчас устремилась не только к горячему

утверждению правды, но и к тихим, коварным шалостям, пропитанным сладким ядом нигилизма, сопровождаемым искусными брезгливыми гримасами в сторону нашей культуры. И без тени застенчивости со страниц, казалось бы, respectable журнала «Вопросы философии» озорник и философ Архипов с воинственной надменностью, равной иногда невежеству, отказал русской и советской литературе в высокой мыслительной способности, отобрал, так сказать, разум, доказывая, что мыслительное качество было заимствовано из литературы немецкой, как бы облагораживая примитивную изобретательность тулупной нашей словесности.

За последние же десять лет мы, испытывая невиданный натиск нестеснительных критических сил, с неиссякаемым любопытством читали и читаем статьи, в которых мыслящий писатель упрекался в отсутствии мысли, крепкий и тонкий стилист — в неумении строить фразу, серьезный — в психологичности и аполитичности, и с интересом узнавали, что Волга впадает в Каспийское море, а талант это редкость, но узнавали и новых гениев, запоздало пришедших из тылов и поставленных в ряд с крупнейшими писателями, узнавали о том, что проза жалко погрязла в элитарности, изображая интеллигенцию, торшеры, неприлично красивых героинь, что изображать надо пролетариат войны, что думать герою — недемократично, что факт — наивысший властитель художества, что пить коктейль возмутительно антинародно, что нашу бедную притомившуюся литературу не посетил величайший мифотворческий гений Маркеса, что миф, притча, натурализм — это поднебесного порядка искусство, а всякая иная «псевдофилософия» противопоставлена реальности, что нужна правда, а не правдоподобие, беллетризм, а не бытовизм. И сколько было исторических нравочувствий, страдальческой иронии по поводу инородных статей или иных повестей и романов, вылезших из кассет банальных или групповых установлений.

И создается нелепое впечатление: кого-то хвалят, кого-то ругают, кому-то на что-то намекают, кого-то в чем-то подозревают, кого-то к чему-то призывают, но при этом кое-кто из этих критиков держит руки в карманах, где пальцы судорожно сложены в известную комбинацию, нацеленную в литературу, в читательские затылки и шен.

Крупнейшие мастера мира — в том числе и Гёте, и Анатоль Франс, и Толстой, и Бунин — жаловались на тягчайший упадок вкуса, на эпидемию литературных скандалов, несправедливостей и баррикады нелепостей.

Неужели критика — это способность раздраженного своеволия? Неужели художники и критики от века принадлежат к враждующим племенам? Или, может быть, кто-то дьявольски использует критику как средство для замутнения чистых источников? Что ж, сначала деформируется вкус, потом происходит распад художественного сознания. Нет, критика — не наука, не социальное доктринерство, не словесный вампир, не добродетельная пивявка, необходимая для здоровья

писателя, а это жанр литературный в квадрате, средство воспитания вкуса, то есть чувства правды и красоты. Сам же критик — это писатель «соединительной зоны», строитель мостов, законодатель мнений, с которыми читатель вправе считаться или не считаться. Если писатель позорно и жалко флиртует с критикой, он признает свою слабость и свое поражение. Художник в конечном счете должен рассчитывать только на самого себя.

Кто из писателей оказал влияние на нашу эпоху? Здесь первое слово должно бы отдаваться критике.

Кто же из критиков оказал влияние на литературный процесс? Пожалуй, здесь ответ принадлежит писателям.

Пушкин, Достоевский, Некрасов, Александр Островский обязаны своим утверждением и известностью Белинскому, Добролюбову, Аполлону Григорьеву. Кто из серьезных современных писателей обязан своей славой серьезному критику? Кому? Какому критику? Каким критикам?

Если современная критика пока еще не способна влиять на литературу и на читателя, то полностью ли действительна критика общественная?

Можно ли сказать слова хвалы этому оздоровительному инструменту общества, если разрушены сотни бесценных исторических памятников, если победила в архитектуре жесткая плоскость, прямой угол бесстилевого стиля, изуродованные типовыми чудовищами наши города, развеявшие их тепло, дух истории и таким образом нанесшие огромный вред ничем не заменимому чувству патриотизма?

Расширяя границы гласности, не рано ли говорить о ее победном влиянии, если Министерство мелиорации и водного хозяйства СССР после всей серьезнейшей критики в свой адрес накануне XXVII съезда партии продолжает тайно подготовительные работы, то есть идет осуществление злополучного проекта, известного под названием переброски части стока северных рек, — проекта плохо научно обоснованного, легкомысленного, если не вредного? Неужели мы сами хотим лишиться своих черноземов, плодородных русско-европейских, украинских, среднеазиатских земель, неужели мы хотим через несколько лет лишиться чистой пресной воды, уже сейчас имеющей стратегическое значение, и посадить наших детей и внуков на полугодный паек, на конвейер вымирания? Не лучше ли направить народные миллиарды, требуемые для водных экспериментов, на сохранение той внушительной части урожая, которую мы теряем.

Неужели мы являемся нерадивыми учениками у собственного опыта, который ничему нас не научил? Мы должны испытывать не чувство тревоги, а настаивающей опасности, видя и осознав, что происходит с «покоренной» восемь раз Волгой (с ее водой, берегами, рыбой), с измененной флорой Днепра, которому угрожает химическое отравление, целая таблица Менделеева, если он соединится с Дунаем, что происходит с обезрыбленным Доном, с рекой Урал (был кис-

лым — стал щелочным), с Кременчугским и Цимлянским загнивающими морями, со знаменитым Ладожским озером, перенасыщенным фосфором, с загрязненным, недавно кристально чистым Онежским озером, с некогда прекрасным Валдайским озером, из которого пить теперь нельзя, с высыхающим Аралом, с озером Севан, уровень которого естественно изменился, с тысячами других водоемов и малых рек.

Страшен карьеризм, который прикрывается социальными нуждами, карьеризм, свойственный безнаказанным чиновным охранителям не человека, а цифр, по сути компрометирующим идею плана и делая его тормозом экономики.

Можно ли согласиться с враждебным истинной науке фаталистическим оптимизмом, который после невеселой истории с Байкалом, с Ясной Поляной, спасаемой сейчас только вмешательством ЦК, после всех экологических проблем и недавней беды в Чернобыле принес не триумфальные победы, а уже стоил народу миллиарды рублей. В то же время наша надежда — наука, основа культуры, призванная в XX веке удерживать разумное равновесие между человеком и окружающей средой, порой оказываясь в руках лукавцев, обманывающих нас обещаниями, лстыных честолюбцев, вожаками мечтающих о славе, о следующей ступеньке служебного восхождения, — наука в руках таких людей губит, умерщвляет, превращает в стоячую яму природу, а значит, и совершает убийство ее и человека.

Если мы не остановим разрушение памятников архитектуры, если не остановим насилие над землей и реками, если не произойдет нравственный взрыв в науке и критике, то в одно прекрасное утро, которое будет последним и погребальным, мы со своим неясным бодречеством и оптимизмом проснемся и поймем, что стерта, навсегда исчезла, умерщвлена, погублена национальная культура огромной России, ее дух, ее любовь к отчей земле, ее красота, ее великая литература, живопись, философия, а мы, голые и нищие, сидим на пепелищах, вспоминая милую нашему сердцу, родную азбуку, и не можем вспомнить, ибо исчезли и мысль, и чувство, и радость, и историческая память.

Критика в жизни и в литературе обязана идти против омертвело застывших вкусов, пошлых привычек, ожиданий и желаний мирового обывателя, групповых лжеценностей, то есть идти против течения средней морали, извращенной нравственности. При этом критика не должна быть синонимом дурного вкуса, хорошо зная, что она, критика, как и литература, — это выражение народного самосознания. Впрочем, в любые времена надо было иметь мужество, чтобы быть в этом жанре реалистом и гражданином, приближаясь к позициям, близким Сент-Бёву или Белинскому, вышедшим за пределы анализа только одних законов искусства.

У нас пока еще нет гражданской критики. Хотя, к счастью, есть талантливые и очень талантливые критики, то есть писатели соединительной зоны.

И все же — неужто так близок, так ощутим ледниковый период между литературой и критикой?

Я вижу лишь один выход.

Для того чтобы обрести спокойный и мужественный критерий и в литературе и в жизни, не надо ли иногда помнить несправедливые слова студента («Некрасов выше Пушкина!»), сказанные на похоронах поэта. И не надо ли помнить достойный ответ Достоевского: не Некрасов, а «правда выше Пушкина, выше народа, выше России».

Ибо мы все, дорогие товарищи, пишем сюжет, одинаковый для всех,— жизнь, где главное «политика сознания». (А плодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Максиму Танку.

М. ТАНК. Товарищи! Ощущая на себе благотворное влияние, воспринимая опыт всех братских литератур Страны Советов, белорусская литература поднимается на новые ступени своего развития. Об этом убедительно говорит и то, что за годы советской власти многие лучшие ее произведения тиражом в 200 миллионов экземпляров, переведенные на русский язык, вышли далеко за пределы республики, за свои этнографические рубежи.

Трудно переоценить огромную роль переводов в укреплении дружбы наших литератур, без чего сегодня ни одна из них не может обойтись в развитии своего идейно-тематического диапазона и стилеобразующих направлений. И не случайно переводы с братских литератур сегодня занимают видное место в творчестве многих наших поэтов и прозаиков. Они дополняют каждую из литератур тем новым, что еще не нашло в ней своего отражения, и дают возможность лучше видеть и свои достижения, и свои недостатки.

Даром судьбы для каждого мастера слова было творчество. Этим даром обладали и основоположники нашей литературы — Я. Купала, Я. Колас, М. Богданович, М. Грецкий. Этот дар унаследовали от них и новые поколения белорусских писателей, развивающих их славные традиции, поднимающих «художественное мышление» до высот интернационального, общесоюзного состояния великой советской литературы.

Я не буду перечислять имена достойных упоминания авторов, чьи книги — особенно книги о великом подвиге советских людей, избавивших народы Европы от фашистского порабощения, — пользуются заслуженным признанием читателей.

О войне. Колокола Хатыни — и сегодня живая боль белорусской души. Мы о ней писали и будем писать. К этой теме — и исторической и современной по своему патристическому и воспитательному значению — приковано внимание и тех, кто в тяжелых солдатских сапогах прошагал по огненным дорогам войны, и тех, чье детство прошло через все испытания тех суровых лет, и даже тех, кто только сердцем прикоснулся к вечно

живой памяти народа, к граниту обелисков, к венкам у их подножий.

Исследуя истоки советского патриотизма, Василь Быков написал произведение этапное для всей многонациональной литературы. Изображенная беспощадно правдиво жизнь белорусских крестьян Степаниды и Петрака в повести «Знак беды» предстала впечатляющим отблеском всенародной борьбы против фашизма. Книга эта, отмеченная высокой Ленинской премией, еще раз подтвердила идейно-художественную зрелость как автора, так и всей белорусской литературы.

Всеобъемлющая, жестокая правда о войне, изображаемая нашими писателями, помогает увидеть в военном прошлом явления, во многом определяющие нынешнее самосознание советского народа, людей доброй воли всей планеты. Эта суровая правда служит сегодняшней неустанной борьбе за мир, против ядерного безумия, которое в руках заокеанских милитаристов угрожает всему живому на земле.

Как многие, я верил и верю, что слово всех прогрессивных деятелей культуры, науки, слившись с могучим хором многомиллионных голосов людей доброй воли, может и должно оказать свое решающее влияние на судьбы мира, может и должно наложить свое вето на все планы стратегов и фабрикантов смерти, разоблачая сущность их антисоветской империалистической пропаганды и псевдокультуры, отравляющих сознание своей молодежью.

Атом призван служить созиданию, а не разрушению. И это с особой силой ощутили и ощущают все, кто воспринял чернобыльскую беду как свою личную. Боль Чернобыля обнажила души людей, открывая миру все новые стороны величия советского человека, вступившего в осознанную борьбу со стихией. Чернобыльская трагедия — это предупреждение всем живущим в XX веке и готовым переступить порог XXI. Ученые, руководящие партийные и советские работники думают об уроках технических и организационных, а нам, писателям, надо задуматься над уроками психологическими.

Мы живем в конце XX века и порой забываем об этом, исследуя душу и деяние человека. Технический век, век атома требует от людей более высокой образованности, строжайшей дисциплины, самой высокой культуры работы. Все это и есть человеческий фактор, подлинное содержание души человека, а значит, и художественной литературы.

Успевать литературе за быстро идущей жизнью, безусловно, трудно и с каждым днем будет становиться все труднее. Ведь страна, народ вступили на новый, коренным образом обновленный стратегический путь — путь ускорения научно-технического прогресса.

Положительным явлением в белорусской литературе является заметное усиление публицистического стремления к активному вмешательству в жизнь. Об этом в частности свидетельствуют и выступления видных белорусских писателей на страницах такой авторитетной трибуны, как наша «Литератур-

ная газета». И все же не только среди молодых авторов еще ощущается недостаточно глубокое осмысление и отражение в произведениях сегодняшней действительности.

«Мы, славяне, любим сентиментальные элегии», — говорил А. Мицкевич. Но в наше тревожное время необходимо, чтобы и литература была более гражданской, мобилизующей все наши силы и бдительность перед лицом опасности, угрожающей человечеству.

Мне кажется, что мы искусственно разделяем литературу на поколения. Не «паспортный» возраст определяет уровень своеобразия, самобытности таланта, а гражданская политическая зрелость и способность художественно осмысливать увиденное, услышанное, воспринятое душой, сердцем, умение не только оттенить верное изображение действительности, но и причаститься, как писал Белинский, к «достоинству идеального содержания».

А не воспитываем ли мы вступающих в литературу так, что теряем чувство меры в своих повседневных заботах только о них (вспомним постановление Секретариата СП СССР о работе с молодыми). Порой мы забываем, что все эти курсы, семинары, вечера, совещания, фестивали, библиотеки молодой поэзии, молодой прозы и так далее, и тому подобное уведят многих от самостоятельного труда.

Надо, преодолевая этот своего рода сепаратизм, представителям всех поколений и всех национальных литератур чаще встречаться на страницах каждого печатного писательского органа — «толстый» он или «тонкий», молодежный или маститый. Только в таких условиях возродится подлинный дух состязания за качество на литературной ниве, отчего выиграет вся литература.

Атмосфера XXVII партийного съезда, которая проникла во все сферы нашей политики хозяйствования, пока недостаточно охватывает сферу культуры, духовного пребывания человека. Недостатки, на которых акцентировала внимание партия в Политическом докладе ЦК, и на литературном фронте не менее сложные. То же ускорение в области литературы не столько материальная, физически ощутимая категория, а глубинная, основанная на изменении психологии изображаемого человека, его морального совершенствования в нашем обществе. Но есть один фактор ускорения, требующий безотлагательного практического решения. Речь идет об ускорении прохождения талантливых рукописей через многочисленные барьеры, об ускорении издательского и полиграфического процесса.

Ибо талантливая, яркая и подлинно современная книга насущно нужна как хлеб, как сталь, как важнейший род духовного оружия в нынешний решающий момент истории.

Чтобы помочь партии, народу в решении всех неотложных и сложных планов, литература должна взять на себя ответственность за судьбы человека и человеческой нравственности, за возвышение его как личности — действующей, творческой, масштабной. И мы,

художники слова, с предельной искренностью и правдивостью будем содействовать всему процессу обновления, который властно утверждается в нашей многогранной советской жизни, содействовать ему своими произведениями, подлинно художественными открытиями. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Алексею Дмитриевичу Лизичеву — начальнику Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота.

А. ЛИЗИЧЕВ. Дорогие товарищи! Позвольте доложить съезду писателей страны, что Вооруженные Силы нашей Отчизны живут жизнью и чаяниями своего народа, а их боевой потенциал, их боевая готовность поддерживается на таком уровне, который позволяет надежно защитить мирную творческую деятельность советских людей.

Солдаты и матросы, сержанты и старшины, наш офицерский корпус восприняли решения XXVII съезда партии как свое родное и кровное дело, а перестройка работы армейских кадров подчинена полному и качественному решению тех задач, которые определены его решениями, требованиями июньского Пленума ЦК КПСС.

В условиях когда опасность войны сохраняется, когда социальный реванш остается стержнем стратегии и милитаристских программ Запада, войны всех видов и родов войск в полной мере отдадут отчет той ответственности, которая легла на их плечи вместе с погонями, и достойно выполнят свой долг, неся нелегкую службу на земле, в воздухе и в океанах.

И в решении своих задач мы чувствуем повседневную заботу и внимание всего советского народа, Центрального Комитета партии и Советского правительства, их требовательность к нам и высокое доверие.

Товарищи! Половина нашего населения проходит школу боевой выучки, воспитания дисциплины, мужества, гражданской ответственности и патриотизма в армейских рядах. И всегда солидный вклад в это святое дело вносили и вносят надежные бойцы нашего идеологического фронта — советские писатели.

В биографии нашей страны «человек с ружьем» занимал всегда достойное место. И литература дала нам блестящие образцы большевика-солдата и матроса, идущего на штурм прогнившего старого строя, дала Василия Чапаева и Павку Корчагина времен гражданской войны, целое созвездие тех бойцов, которые шли сквозь неимоверные тяготы Великой Отечественной и пришли к заветной Победе.

Немало хороших книг написано и о тех, кто сегодня, в мирные 80-е годы, с честью выполняет почетный долг защитника Родины, воина-интернационалиста.

Но будем ответственны, время, в которое мы живем, ответственность армии за судьбу мира, красота и величие духовного облика советского воина, его суровый и напряженный ратный труд заслуживают большего внимания

и большей заинтересованности лучших литературных сил страны.

Об этом в преддверии вашего съезда шел откровенный и, как мне кажется, полезный разговор на состоявшейся встрече членов Коллегии Министерства Обороны с руководителями творческих союзов и организаций, ведущими деятелями литературы и искусства.

Среди делегатов съезда есть и писатели-фронтовики, прошедшие огненными дорогами войны. Многие из них оставили нам бесценное наследство — рассказы очевидцев о ее солдатах. Нам дорогá святая правда о войне из уст тех, кто сполна хлебнул фронтового лиха, обрел моральное право честно, убедительно, с позиций социалистического реализма поведать о ее суровых днях и ночах.

Они видели главное — патриотизм советских людей и героическое утверждали героическим словом.

Для нас Великая Отечественная война — это не только история. С помощью вашего, дорогие товарищи, правдивого и образного слова, сегодняшнее поколение может зримо ощутить, понять и осмыслить величие совершенного старшими поколениями подвига, увидеть нерасторжимую связь, диалектическое единство героики военных лет с днем сегодняшним, гордиться боевыми традициями, брать в пример себе жизнь героя.

Солдатское спасибо вам за это и творческих успехов на будущее!

Приятно, что у нас есть и прекрасная молодая поросль литераторов, которая по-своему, с позиций сегодняшнего дня, художественно осмысливает героинку прошлого. От них все мы ждем продолжения летописи военной поры. Уверен, что их книгами заинтересуется наша издательская индустрия и, в частности, Военное издательство Министерства обороны.

Товарищи!

Память прошлого неразрывно связана с заботами дней сегодняшних. Хотелось бы еще раз обратить ваше внимание на два обстоятельства.

За годы, прошедшие после войны, выросли новые поколения, не знающие, что такое война. В их представлении мир стал обычным состоянием общества. Это невольно может привести к самоуспокоенности, к недопониманию реальной военной угрозы.

Другой момент. Сейчас перед человечеством стоит острейшая проблема — проблема войны и мира. Никогда не была столь грозной опасность, нависшая над цивилизацией, самой жизнью на Земле. Никогда столь острой не была и идеологическая борьба между силами войны и прогресса. Но сегодня существует и реальная возможность сохранения и упрочения мира. Наша партия и правительство делают для этого все возможное. Могучим фактором сдерживания агрессивных устремлений империализма остаются Вооруженные Силы СССР. В этой связи особое значение приобретает военно-патриотическое воспитание населения, особенно молодежи и, конечно, воинов армии и флота. Роль художественной литературы в этом

общенародном, общепартийном деле трудно переоценить.

Сегодня вряд ли есть необходимость убеждать кого-либо, сколь велика и почетна задача художественного отображения современной армии и флота. В то же время глубокий взгляд на произведения о защитниках Родины, их далеко не легком ратном труде наводит на мысль о том, что пахотное творческое поле и засеяно далеко не полностью, да и урожай с этого поля не столь щедрый.

В числе проблем, которые могли бы увлечь художника слова, тема повышения социальной роли и ответственности ратного труда в решении оборонных задач; развитие взаимосвязи личности и коллектива; постоянный процесс обновления техники и вооружения, а в связи с этим и усиление интеллектуального содержания воинского труда; единичность и исполнительность; морально-психологическая подготовленность воинов к перенесению трудностей воинской службы и другое.

Сегодня в наших Вооруженных Силах служат прекрасные люди. Дружной армейской, флотской семьей живут многонациональные коллективы.

Уже после войны у нас выросла замечательная плеяда Героев Советского Союза, чьи дела, чьи подвиги сродни фронтовым. Высокими примерами выполнения своего долга насыщена жизнь тех солдат Родины, что сегодня несут свою службу в Демократической Республике Афганистан. Какой же это неистощимый кладезь интересных судеб, удивительных примеров верности воинскому и интернациональному долгу, любви к Родине, боевого братства!

Или взять Чернобыль... Наша боль. Боль за случившееся. И в то же время — это гордость за советских людей, в том числе за военнотружущих, без страха шагнувших навстречу опасности. Стихотворение Евгения Евтушенко «Внутри пожара», недавно опубликованное в «Литературной России», яркое тому подтверждение:

Он шагнул,
как шагнула тогда, в сорок первом,
вся наша держава —
внутри пожара...

Мне довелось видеть наших воинов в работе по ликвидации последствий аварии на самых опасных участках. Поверьте, это те же герои. И они достойны вашего внимания.

Конечно, о жизни сегодняшней армии и флота невозможно писать в кабинетной тиши. Армию нужно видеть. Писателю крайне важно самому почувствовать, понять побудительные мотивы славных ратных дел, которые каждодневно вершат наши солдаты и матросы, командиры и политработники. И только увиденное, пережитое может обратиться стоящей художественной строкой, которую поймет и которой поверит читатель.

По-доброму вспоминаю, как в Забайкальском военном округе мы принимали группу писателей — сибиряков и забайкальцев, в числе коих был и Валентин Распутин. У нас не было тогда пространств разговоров. Писа-

тельский десант был сразу сориентирован на работу в войсках, там, где куется мастерство, где из вчерашнего мальчишки-школьника рождается солдат. С какой же энергией, каким творческим зарядом трудились эти литераторы в частях! И, помню, какие обильные плоды принесла эта поездка и для нас, и для них. При этом не только в центральной печати увидели свет их труды, но и в окружной газете. Поучительный и достойный подражания пример!

Кстати, всяческого одобрения заслуживает работа писателей в армейской и флотской печати. Со страниц журнала «Советский воин», газеты «Красная Звезда» часто и весомо звучит писательское слово. Но не забывайте, товарищи, что всем вам рады и на страницах окружных, групповых и флотских газет, имеющих большую читательскую аудиторию.

Как видите, вопросов, ждущих вашего внимания, немало. Их положительное решение будет способствовать обогащению как художественного творчества, так и военно-патриотической работы в стране, в Советских Вооруженных Силах. Со своей стороны Главное политическое управление будет и впредь уделять самое серьезное внимание развитию героико-патриотической темы и всемерно поддерживать творческих работников. Глубоко убежден, что эти целенаправленные усилия принесут свои плоды.

Добрых вам успехов, товарищи. Спасибо за внимание. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Николаю Матвеевичу Грибачеву.

Н. ГРИБАЧЕВ. Некий злыязычник вопрошал перед съездом: «Что же, будете изображать ту вдову, которая сама себя высекала, или гречневую кашу, что сама себя хвалит?» Отвечать на такие вещи всерьез — несерьезно, и ему было сказано: «Да вот, разработаем проект переселения лириков на голубую утренне-вечернюю Венеру, прозанков — на Юпитер, где высокая гравитация способствует долгосидению в рабочих креслах, а критиков — на Плутон, о котором мало что известно».

Но съезд дело серьезное и невольны раздумья — какими новыми идеями и планами мы его завершим? Что он даст для всех и каждого?

В прошлом мы не раз сотворяли резолюцию о новых путях и высотах, а потом ехали по привычной колее. На этот раз такой исход не удовлетворил бы ни тех, кто нас сюда делегировал, ни читателей — никого.

Цитирую строки письма из Белоруссии: В стране началась, по сути дела, хозяйственная и нравственная революция. Подчеркиваю понятие *нравственная*, оно для литературы — как чернозем для пшеницы». И строки письма из Московской области: «Не слишком ли долго мы говорим о преодолении негативных явлений, вместо того чтобы от слов решительно переходить к делу».

Эти письма — из огромного потока, который бурлит по всей стране. С апрельского

(1985 г.) Пленума ЦК КПСС, дух и решения которого были развиты и подтверждены XXVII съездом партии, народ наш живет в напряженном поиске и размышлениях, с новыми надеждами и повышенными требованиями ко всем сторонам бытия и, в первую очередь, к человеку, его нравственности, в понятие которой входят убеждения, честь, порядочность, достоинство, социальная активность — иначе говоря, качества, которые всегда были фундаментальными для литературы и искусства. Резонно, что литература, по своим свойствам призванная писать правду о человеке и времени, не останется в стороне от новых процессов. А что сделать, чтобы урожай был выше? Конечно, для больших романов нужна дистанция времени, но для рассказа, поэзии, очерка, публицистики, сатиры, подвижных жанров — время деяния наступило. Пора в поле — пахать и сеять.

Но для высвобождения новой энергии надо тут — на съезде или сразу после съезда — решить ряд вопросов, в том числе организационных, на разных уровнях. Я коснусь одного — критики, поскольку без ее развития не решится ничего.

С ухмылкой или всерьез нас потчуют формулой: «Всякая литература имеет ту критику, которой достойна». Думаю, в лучшем случае это баловство, игра в кошки-мышки. Поскольку критика не флюгер на литературном здании, а сама неотъемлемая часть литературы. Она должна обрести свою ведущую ось.

В последнее время критики, в частности Феликс Кузнецов в телебеседе с Михаилом Алексеевым, декларируют верность идеалам революционных критиков-демократов, где первоначны Белинский и Добролюбов. Их традиции, что известно, блестяще продлил Максим Горький, особенно в докладе на Первом съезде писателей. Значит, ориентация достойна уважения, особенно, если слова станут делом с поправкой на современную философию и познание мира. Но становятся ли?

Здесь не все прямолинейно и следует серьезно разобраться. Во-первых, критики-демократы анализировали с точки зрения содержания и формы весь литературный процесс, от вершин до низин, и, таким образом, их работы становились не только оценочными, но и ориентирующими на будущее. Есть ли что-либо подобное сейчас? В литературоведении — бывает, в текущей критике — нет. Да, в многонациональной нашей литературе при почти десяти тысячах писателей ежегодные обзоры литературы вряд ли одолимы. Но возможны годовые или двухгодовые обзоры произведений в каком-либо журнале или книге, выпущенных тем или иным издательством. При этом ведь тоже можно проследить все тенденции и поставить все животрепещущие проблемы литературы. Но таких работ, серьезных и глубоких, нет. А диалоги критиков с критиками, с рассуждениями о «нравственности» вообще, добре и зле в отвлеченности от социальных категорий таких обзоров не заменяют, а, скорее, плодят путаницу в умах. Характерно, что иные критики вроде даже стесняются произносить

слова «социализм и капитализм», хотя противостояние этих систем сегодня определяет жизнь мира и самым непосредственным образом затрагивает судьбу каждого человека — от ребенка в люльке до глубокой старости.

Критики-демократы, каждый по-своему, были революционерами, косвенно или прямой наводкой вели огонь по самодержавию. И по отступлению от свободолюбия — письмо Белинского к Гоголю известно всем. У нас: новые поколения о самодержавии знают лишь по кино и литературе, но появились уже в мире новые кандидаты в «самодержцы» в облике «нового глобализма». Так что это оружие критиков-демократов вкладывать в ватные ножны преждевременно.

Во-вторых, критики-демократы исполняли великую миссию просветительства, воспитывали любовь к хорошей книге, художественный вкус, вскрывали пласты народного творчества с его историческими корнями и, вместе с тем, несли в народ идеи свободы, уважения к человеку, к творчеству, к труду.

Наконец, критики-демократы заложили фундамент реалистической критики, разработали ее методологию, исходя из того, что великие произведения рождаются из народной жизни и, воплощая в себе неповторимость художественного таланта, возвращаются в жизнь для ее обогащения и совершенствования. Так сложным путем возникает единство объективного и субъективного. И не случайно Белинский указывал, что критика — есть сравнение произведения с жизнью, его породившей, и с идеалом искусства, причем под идеалом подразумевается не только форма, но гармония целого, включая новизну и плодотворность идеи.

И еще: критики-демократы соотносили литературные явления с процессом в целом, от истока до устья, что называется. В нашей же критике последнего времени образовался разрыв в преемственности даже советской классики; нередко можно было встретить ссылки на Булгакова, Марину Цветаеву, что имеет свой смысл, но из текущей критики почти полностью выпал, отдан литературоведам и юбилейным ораторам опыт Горького, Алексея Толстого и многих других. Неужели наша литература потеряла родство с такими произведениями, как «Мать» и «На дне», «Петр Первый» и «Хождение по мукам», «Золотой теленок» и «Двенадцать стульев», с Маяковским, Есениным, Фадеевым, Тихоновым, Павло Тычиной, Якубом Коласом и многими другими?

Нашим критикам нельзя переотправлять эту живую часть нашей литературы в литературоведение с его маленькими тиражами. Это — проблема охраны интеллектуальной среды.

Наконец, произведения критиков-демократов блестящи по форме, читаются как высшие образцы публицистики. Современная критика так же должна овладеть мастерством формы, оставив псевдонаучную терминологию псевдонауке, а вязание замысловатых кружев — кружевницам. Литературы достойна лишь критика, владеющая литературным языком.

Но и критикам надо помочь, освободив литературную атмосферу от мелкой обидчивости, мстительности, визга ущемленных самолюбий. С критиками можно спорить, но не надо, споря, класть камни за пазуху — сперва будет рак на коже, потом на душе. Устраивает ли это критику и литературу? Давайте думать.

Сложное у нас время, интересное, трудное и ответственное. Тот, кто читал доклад Михаила Сергеевича Горбачева на июньском Пленуме ЦК КПСС, понимает это. Доклад этот политико-экономический, но, между прочим, там есть прямо-таки готовые сюжеты и для драмы, и для повести, и для сатиры, и даже для лирики. Так образуется единство всех сторон нашей жизни. И поэтому еще цитата одного московского письма: «Я не член партии. Но, по-моему, каждый честный гражданин стоит в одной цепи с коммунистами».

Мы и наша литература — тоже. Будем же, исходя из этого, искать, и да повезет каждому находить. (А п л о д с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я хотел бы сказать, что регламент, который мы установили, полностью соблюдается. Тем не менее я прошу соблюдать его и впредь. Нам надо выступить каждому, кто этого захочет. А сейчас слово предоставляется Феликсу Феодосьевичу Кузнецову.

Ф. КУЗНЕЦОВ. Уважаемые товарищи! Как в годы революции, первых пятилеток или Великой Отечественной войны, как на любом другом повороте нашей истории, литература сегодня должна найти самые пронзительные и точные слова, чтобы раскрыть глубинный смысл начавшихся в стране перемен, нравственную и идейную суть воюющих за эти перемены характеров. Перемены эти — неумолимая историческая необходимость.

Писатели, московские писатели — всем сердцем с партией в этой борьбе и готовы всячески способствовать победе этих воистину революционных, судьбоносных для нашего Отечества начал и идеалов. Возможности советской литературы неисчерпаемы.

Но чтобы эти возможности в полной мере реализовать, наш творческий Союз также должен пройти через решительное обновление, через очищение от бюрократизма, застоя и рутины. Но что такое бюрократизм в литературе?

Как известно, сущность бюрократизма состоит в подмене ценности истинных ценностями ложными. Бюрократический подход в литературном деле, питавшийся, конечно же, определенными обстоятельствами минувшего времени, проявлялся прежде всего в том, что скрывалось слово правды, в результате чего литературе подлинной, правдивой, «болеющей» было куда труднее, чем литературе конъюнктурной, ремесленной, бесталанной. А между тем именно эта литература, настоящая, а не поддельная, бесстрашно выносившая на общественный суд самые трудные вопросы современности, и мстила, готовила в созна-

нии общества почву для совершаемых сегодня партией перемен.

Партия справедливо призывает нас сегодня освободиться от благодушия. Но вот парадокс: благодушие у нас проявлялось только по отношению к литературе плохой. По отношению к литературе хорошей, настоящей, подлинной такого благодушия ни у издателей, ни у критики почему-то не наблюдалось! Напротив! Утвердился даже своеобразный закон: чем талантливее, честнее, гражданственнее рукопись, тем сложнее ее судьба. Давайте вспомним: большинство наших наиболее значительных книг, ставших в итоге гордостью советской литературы, встречалось перестраховщиками, с предубеждением и подозрительностью.

А в это время малоталантливая, конъюнктурная, художественно несостоятельная продукция получала «зеленую улицу», вольготно и бесконтрольно располагалась на наших ограниченных журнальных и издательских площадях. Более того, в условиях литературно-эстетического благодушия и вседозволенности эта продукция смогла отвоювать себе привилегированное место в литературе, поставить себя вне критики. Средняя и даже слабая литература всегда существовала рядом с хорошей и подлинной. И это нормально. Ненормально, когда средняя и слабая литература пытается выдавать себя за подлинную, претендует чуть ли не на эстетическое лидерство, забирая себе лавры, почести, привилегии и отличия.

Мы живем во многом по перевернутой шкале ценностей, своего рода иерархической шкале, согласно которой подымается и возмечивается не столько талант, сколько положение и чин! Одно дело, когда литературный авторитет и руководящее положение совпадают — так оно и должно быть. А если нет?.. Тогда-то и возникает благодатная почва для нарушения принципов эстетической справедливости, искусственно раздуваемой славы для вызывающих сомнения и протесты премий и наград, словом — для оскорбления таланта возвышением посредственности. Но ведь в литературе все равно никого не обманешь, и все в конечном счете знают, кто есть кто и кто чего стоит.

И здесь в полный рост встает вопрос о роли, значении и положении в нашей литературе литературной критики. На недавней встрече в ЦК КПСС было со всей отчетливостью сказано: мы должны учиться работать в условиях демократии. Но чем больше будет демократии, чем меньше — администрирования и диктата, тем большую роль в литературе будет играть литературная критика. Готова ли она к этому? Станет ли верной заветам революционных демократов как в отношении принципов историзма и социальности, так и в своей эстетической неподкупности?

Возможности нашей критики велики, но приведу одну цифру: из огромного, необозримого книжного «вала» в зону внимания литературной критики попадает всего одна десятая часть. И еще одна цифра недавних лет: из 590 книг, получивших за год оценку на страницах литературной периодики, критическую оценку

получили только три. И это соотношение — с большими или меньшими колебаниями — вот уже долгие годы стабильно. Это соотношение вскрывает механизм литературных приписок, с помощью которых утверждается парадность и показное благополучие в литературе. Оно убедительно характеризует то униженное положение, в которое вот уже долгие годы поставлена в литературной печати наша критика, что опять-таки является проявлением формально-бюрократического отношения к литературе в Союзе писателей и его органах.

А как обстоит дело сейчас — после XXVII съезда партии и апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС? Готовясь к писательскому съезду, я перечитал отделы критики девяти центральных литературных журналов за последние полгода и среди сотен отзывов о книгах прозы и поэзии обнаружил лишь один критический — на книгу никому не известного автора. Да в журнале «Вопросы литературы» — доказательную, объективную статью Э. Кардина о художественной несостоятельности последних романов Юлиана Семенова. И это — все. В жизни бушует девятибалльный шторм критики невзирая на лица, а на страницах отделов критики наших печатных органов (в отличие от отделов публицистики) за редчайшим исключением по-прежнему стоит неколебимо штиль благодушия и комплиментарности. О самых острых и трудных вопросах действительности, даже о повороте рек, оказывается, говорить легче, чем о повороте дел литературных.

В этой связи я хотел бы интеллигентно поспорить с С. В. Михалковым, отвечая его призывам, он считает, что если произведение уже получило общественное признание, признание критики и читателя, то говорить сегодня о его художественных особенностях неинтеллигентно. Но вина критики (и моя лично), а точнее, беда наша в том и состоит, что в пору благодушия общественное признание, вплоть до Ленинских и Государственных премий, получали и многие несовершенные и даже художественно слабые произведения. Так что же делать сегодня критике? Вносить коррективы, когда необходимо уточнять свои позиции, или по-прежнему молчать, не говорить всей правды о литературе? С. В. Михалкову, видимо, больше нравится последнее, это значит — сохранить неприкосновенность неприкасаемых. Не потому ли мы пока что слышим в литературной печати одни лишь призывы к критике, а критики как таковой все нет и нет. Не потому ли перестройка литературных дел идет так туго и практически буксует на месте?! Говорю об этом самокритично и в отношении Московской писательской организации.

Перестройку, на наш взгляд, надо начинать с узких и больных мест — с литературной критики, с журнально-издательского дела. Практические предложения в докладе хороши, но начинать надо с психологической перестройки руководителей литературного процесса, с изменения литературной политики журналов и газет, ибо критика — не устный жанр, с создания и упорения в нашем творческом союзе атмосферы принципиальности и требовательности, полной гласности и соревновательности

талантов, любви к литературе и заботы о ней, нетерпимости к сведению счетов за нее, торможению критики. Тогда будет и критика!

Положение с изданием книг просто бедственно. Здесь — особенно много нерешенных проблем, бед и обид, горечи, несправедливостей, попреков — как со стороны читателей, сетующих на обилие плохих книг, так и со стороны писателей, жалующихся, что крайне трудно издать хорошую книгу. Во всем этом давно необходимо со всей пристальностью разобратся, но Союз писателей СССР даже своими журналами, а не то что государственными издательствами практически не занимается. У него практически и приводных ремней для этого нет.

Создание в свое время огромного книжного министерства — союзно-республиканского Госкомиздата пока не оправдало надежд писателей. Полиграфическая база страны крайне запущена. А что касается сроков, планирования, качества издания книг, то здесь за эти десятилетия дело тоже, кажется, не улучшилось, если не ухудшилось. Нужны коренные реформы нашего полиграфически устаревшего, до крайности несовременного, медлительного издательского дела, демократизация его. В последнее время Госкомиздат ищет пути налаживания связей с писательской общественностью. И это — благо. Нельзя больше допускать, чтобы издание книг, этот конечный результат писательского труда, был до такой степени отчужден от творца, писателя и неподконтролен писательской общественности.

Глубокие и решительные перемены необходимы и в работе самого Союза писателей, с тем, чтобы дух творчества, культуры и заботы о настоящей литературе, провозглашенный XXVII партийным съездом принцип соревновательности талантов и живой творческой дискуссии выдворил дух равнодушия, формализма и делячества. Талантливая, истинная литература — вот кто должен наконец стать полным хозяином, целью и смыслом существования нашего творческого союза.

Если судить по вершинам, мы имеем сегодня могучую, во всем мире уважаемую литературу. Так пусть же именно эта, большая и подлинная литература, истово отстаивающая идею преобразования общества, по праву и авторитету вершит дела в нашем творческом союзе, задает тон в духовной жизни страны. (А п л о д и с м е н т ы).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Ульмас Рахимбекович Умарбеков.

У. УМАРБЕКОВ. Дорогие товарищи! Определяя назначение искусства, Лев Николаевич Толстой писал, что одной из главных основ художественного произведения является нравственное отношение автора к описываемому предмету, без чего невозможна художественная литература. Эта мысль великого писателя, в которую вложены такие понятия, как правдивость, честность, принципиальность и гражданская активность, приобретает особую актуальность сегодня, в те дни, когда идет решительный перелом в нашей жизни, начало которому положено апрельским Пленумом ЦК КПСС.

И говоря о литературе Узбекистана за отчетный период, нельзя положение дел в ней рассматривать вне критики негативных явлений, о которых объективно, справедливо и резко было сказано на XXVII съезде КПСС.

Да, за это время в нашей литературе создано немало ярких, значительных произведений в прозе, поэзии, драматургии, которые, есть все основания думать, надолго и прочно войдут в духовный мир нашего многонационального советского читателя.

Отрадно отметить, что наряду со старейшинами, — Камилем Яшеном, создавшим широкое эпическое полотно, роман об основоположнике узбекской советской литературы — Хамзе, наряду с Уйгуном и Зульфией, обогатившими библиотеку узбекской советской поэзии циклами новых стихов, талантливыми представителями среднего поколения, поднялась, мужает и молодая одаренная литературная поросль.

И все же то, что произошло в Узбекистане, — грубые нарушения социалистической законности, хищения и взяточничество, беспринципность, замалчивание недостатков и упущений, безудержное восхваление старших по чину, насаждавшееся и поддерживавшееся бывшим руководством республики, — не могло отрицательно не сказаться и на литературе. За все это несем ответственность и мы, писатели республики. Больше того, некоторая часть литераторов и критиков в республике, да и в центре, приспособившись к обстановке, и сами извлекали из нее немалую выгоду. Они восхваляли, причисляли чуть ли не к бессмертным шедеврам писания Ш. Рашидова, бывшего первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана. Лесть и угодничество возмещалось таким одописцам высокими служебными назначениями, многократными переизданиями их книг, присвоением почетных степеней и званий. А многие честные люди, которые имели смелость и гражданское мужество во всеуслышание говорить об отрицательных явлениях, называть поименно перерожденцев, занимавших высокие посты, подвергались гонениям и преследованиям.

Скажем прямо: на многих и многих страницах отдельные писатели слащаво описывали мнимые успехи и достижения, не желая замечать в реальной жизни республики каких-либо острых проблем, тем более недостатков. Отступил в тень рядовой труженик, рядовой человек — истинный творец жизни, носитель всех лучших нравственных принципов.

Горько, что именно те критики, которые предавали истинное назначение художественной литературы — нравственное отношение к жизни, сегодня громче всех говорят о необходимости морального очищения и крутой перестройки, учат писателей принципиальности и неподкупности, не желая тем не менее самокритично признать свои ошибки. (А п л о д и с м е н т ы.)

Позволю себе также сказать и о том, что Союз писателей СССР, его творческие советы мало интересовались положением дел в литературе Узбекистана, не видели или не желали видеть тех явлений, которые уводили ее от правды и реализма.

Многим было неведомо, что огромные приписки в хлопководстве имели место и в духовной сфере, в частности в Союзе писателей республики. За отчетный период численность республиканской писательской организации из-за резкого снижения требовательности, из соображений внелитературного порядка едва ли не удвоилась. Такое положение отрицательно сказалось на творческом климате в литературе. Оно усугублялось также и тем, что в нашем Союзе слабо была поставлена идейно-политическая работа. И в результате — отход от острых проблем современности, ностальгия по прошлому, которая зачастую сопровождалась неверной классовой и политической трактовкой исторических событий и личностей.

Республиканская партийная организация под руководством ЦК КПСС вскрыла и дала должную оценку негативным явлениям, объявила решительную и непримиримую борьбу со всем отрицательным, порочным, что проникло в общественный организм. Добрые сдвиги уже налицо. Но борьба продолжается, и в этой борьбе огромная роль принадлежит литераторам. Писатель, в каком бы жанре он ни работал, какие бы жизненные или исторические пласты ни подымал, — писатель прежде всего должен быть честным, он должен обладать несгибаемым гражданским мужеством, неподкупной и чистой совестью, высокой коммунистической нравственностью.

Сегодня в литературе Узбекистана — она создается дружными, коллективными усилиями писателей узбекских и русских, каракалпакских и крымско-татарских, уйгурских и корейских — идет коренная глубокая перестройка. Активизировалась и обрела новую наполненность жизнь творческих советов и секций. Положен конец заседательской суете и бюрократическому администрированию в литературе. Больше внимания и действительной, а не показной заботы уделяется идейному, нравственному и профессиональному воспитанию талантливой молодежи. Устанавливаются новые деловые по своему характеру контакты с Госкомиздатом и подведомственными ему издательствами, что позволит ускорить и во многом облегчить движение хорошей, полноценной рукописи от писательского стола к читателю. Дальнейшие успехи в развитии всей нашей многонациональной литературы в известной мере обусловлены и решением ряда назревших организационных вопросов. Я имею в виду такой насущный вопрос, как вопрос о создании театра Дружбы народов в Москве, о котором мечтал еще Горький. Об этом шла речь на VII съезде писателей СССР, однако решение этого вопроса все еще находится в стадии мечты.

При всех несомненных успехах, достигнутых нами в деле взаимного перевода и издания, следует все же сказать, что и в этом вопросе время требует новых масштабных решений. Переводится и пропагандируется большими тиражами иногда не то, что есть лучшего и значительного в национальной литературе. Дает себя знать субъективность, случайность отбора. Хотелось бы внести в это важное дело больше системы, порядка и коллегиальности. Это послужит стимулом для развития

всех и каждой из наших национальных литератур, обогатит нашу общую духовную сокровищницу.

Центральное телевидение делает большое дело, организуя встречи в Останкино с известными писателями, деятелями науки и культуры. Было бы хорошо, если бы оно расширило рамки этих популярных и нужных передач, привлекая к ним деятелей литературы и искусства и из союзных республик.

Друзья! Нет на свете ни одного народа, ни одной нации, которые бы не имели своим нравственным идеалом правду и справедливость. Узбекский народ не исключение. Он доказал это всей своей историей.

И то, что сейчас в республике предпринимается для установления социальной справедливости, показывает: за правду и справедливость, чтобы они не зачухли, не утратили своей силы, должно бороться каждое новое поколение.

Именно к этому зовет нас XXVII съезд. Именно об этом и сегодня с трибуны нашего съезда идет прямой и нелицеприятный разговор, ибо в этом главное назначение советского писателя, наше призвание, наш партийный, гражданский и творческий долг! (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово для выступления предоставляется Григорию Яковлевичу Бакланову.

Г. БАКЛАНОВ. Уважаемые товарищи! Время бежит быстро, что было как будто бы недавно, смотришь — отделено уже многими годами. Вроде бы недавно тогдашний оргсекретарь нашего Союза Константин Васильевич Воронков обрадовал писателей на пленуме. Как о большом нашем достижении он сказал, что Союз писателей приравнен к министерству, а председатель его — тогда был Константин Александрович Федин — приравнен к министру, заместители соответственно вводятся в ранг замминистров со всем вытекающим отсюда.

И наша задача теперь добиться «Чайки», как и положено министру. Задача эта до сих пор не выполнена. (О живление в зале.) Но министерское мышление укрепились. И министерские взаимоотношения. Винить кого-то персонально? Да ведь Союз писателей как организация просто отражал дух времени с его парадностью, торжественными выездами по сто и более человек и соответствующими кормлениями. Даже после сильного наводнения на Дальнем Востоке и в Приморье лет пять назад намеченный торжественный выезд в эти районы состоялся. Ну, до того ли было людям, которых постигло бедствие? Но видимость дела совершилась, мероприятие провели и застолья были.

О чем — вот так послушать — больше всего разговоров в Союзе? О новой книге, ставшей событием? Нет, главные соображения и разговоры о том, кого куда назначат и что от этого произтечет. Не случайно родилась крылатая фраза: писатель без власти — не писатель. Что же ругать критику нашу? Она и должна быть кому-то родная мать, кому-то злая мачеха. В соответствии с табелью о

рангах этого нельзя критиковать, потому что он занимает такой-то пост, избран туда-то и туда-то, этого полагается упоминать только с такими-то эпитетами и не иначе, поскольку он отмечен тем-то и тем-то. Критика наша в большинстве случаев как речка: все сверху вниз течет. (О живление в зале, аплодисменты.) И все же я должен тут поспорить с Феликсом Феодосьевичем Кузнецовым — он ушел, это жаль. Он сказал: «Критика находится в униженном состоянии». Да, это так.

Но не унижайтесь! Не унижайте сами себя!

Почему прозаик или поэт может годами выдерживать книгу и не давать исчерпать ее, а критик (я говорю не обо всех критиках) сопровождает захвальные статьи те самые произведения, которые сегодня ругают. Разве те удостоенные высших наград, не заслуживающие наград произведения не сопровождали этими захвальными статьями? Не унижайте сами себя! А потом уж не жалуйтесь, что находитесь в униженном состоянии. (А п л о д и с м е н т ы.)

Да, нелегкое положение критики. Если прозвучит некомплиментарное слово, что да, мол, и именит и все прочее, а книга-то неудачна, тут сразу организуются и приводятся в действие такие силы, что остается еще только танковую дивизию поднять по тревоге. И уж, конечно, своя личная обида изображается как всенародная, как чуть ли не подрыв устоев. Странное дело: чем выше подымается писатель по административной лестнице, тем ниже требует опустить для себя критическую планку. Вот бы еще на спорт перенести это полезное начинание: опустите планку до земли, чемпион прыгает. (А п л о д и с м е н т ы.) А еще Львом Толстым сказано: «Только стóбит приписать человеку великое, исключительное — и делаешь из него урод. Стоит приписать себе — и погиб». Сколько раз мы это наблюдали.

Единственная власть, которой может и должен обладать писатель, это власть духовная, власть над душами и умами людей. Не власть имущий, а властитель дум — вот высшее назначение. И достигается это не внешними отличиями, ни авторитета, ни достоинства они не прибавляют. Достигается это лишь силой таланта, силой нравственного примера. Не министерство мы, а творческий союз. И нужна нам более всего обстановка творческого союза. Потому, что литература — не служба, а служение обществу, имя в литературе не выслуживают, а заслуживают. Исследователями отмечено, что род Пушкиных, уходящий корнями в древность, никогда не наживал добра захватом чужого, не ловчил, никто в роду не склонился в измену. Это один из честнейших родов России. Скоро сто пятьдесят лет со дня гибели минет, и триста минет, а Пушкин был и остается властителем душ.

Пока книга пишется, писатель один на один с листом бумаги, свое дело каждый делает сам. Но когда книга написана, когда она должна стать общественным явлением, вот тут писатель должен быть уверен, что Союз писателей, наш профессиональный союз, не оставит его один на один со всем, что встает на пути

талантливой книги. А многое встает. Но наш Союз, занятый мероприятиями, держится так, словно бы книга — это не только судьба писателя, но и его личная беда. А сколько раз те книги, судьба которых была трудна, именно они в дальнейшем влияли на духовный и нравственный климат общества, составили богатство советской литературы.

Не в том наше ускорение, чтобы поспеть раньше других откликнуться на то или иное мероприятие, даже не вдумавшись хорошенько, а в том, чтобы помочь партии в едва ли не самом трудном деле: перестройке нравственного климата, мышления общества. И тут нужна и публицистика высокого класса, умеющая видеть суть проблемы, поддержать новое, но так же, как в науке, нам в литературе нужны и фундаментальные исследования, будь то повесть или роман. Дело, не закрепленное словом, исчезает. Но страстное, умное слово способно рождать энергию для новых дел. Нужно искусство. А искусство второго сорта не бывает: либо искусство, либо не искусство. И живет искусство только правдой.

Как любой гражданин, писатель может и должен жертвовать всем во имя Родины. Единственное, чем он не имеет права жертвовать, это правдой. Отчего же так живуча серость, с которой вроде бы борются, а она не убывает? Каждый раз, когда совершается видимость дела, требуется видимость литературы. Видимости дела нужна видимость литературы, живущая отсутствием гражданских убеждений.

Когда молодой ныне, а в то время начинающий поэт принес в «Новый мир» свою так называемую производственную поэму, быстрый отклик на обозначившееся тогда веяние, и ни за что не хотел даже сокращать ее, Твардовский сказал: «Если бы вам самому пришлось высекать на камне каждое слово, вы бы сразу сократили». Требовательность и мудрость — вот что более всего необходимо в работе с молодыми. Но мы проводим многочисленные совещания молодых писателей, все многолюдней, многолюдней, словно бы весь смысл в том, чтобы числом поболее, а потом книги, рекомендованные совещанием, лежат в издательствах по пять лет. Разве это не видимость дела? Да что по пять! Талантливая повесть Юрия Стефановича «Снега» была написана в 73-м году, когда ему было двадцать восемь лет. А напечатана только сейчас, когда ему 41 исполнился. Я перечитал ее. Повесть не постарела, она так же талантлива. Но не потеряли ли мы писателя?

И вот еще о чем надо сказать. Написаны песни, книги о героях целины. Но наши города ползут на пахотные земли. Они бесценны, эти земли, кормившие не одно поколение, но они вроде бы ничего не стоят, их не покупать. И строителям — немыслимое дело! — выгодней строить на пахотных выровненных землях. Каждый год, по данным нашей печати, под строительство уходит 2 миллиона гектаров земель, и эти гектары не всегда обособованы. Значит, за прошедшие тридцать лет мы дважды лишились целины. Еще недавно на душу населения у нас приходилось 1,05 гектаров пашни. Сегодня — 0,85. Шестую часть

пашни мы потеряли и не только потому, что росло население. А плодородие черноземов за последние 20 лет сократилось на 25—40%.

О людях, проложивших Туркменский канал, написаны книги. Но, по данным нашей печати, в ближайшие семь лет от излишнего засоления выйдет из строя 80 тысяч квадратных километров поливных земель, тяготеющих к Туркменскому каналу.

Если наша литература хочет быть и оставаться совестью народа, его полным сознанием, в котором отражена любовь народа к добру и правде, народное понимание справедливости и красоты, словом, «самые дорогие задушевные сознания народа», она не имеет права смотреть на жизнь одним глазом и стыдливо прикрывать другой. Полуправда по своим последствиям опасней лжи, она превращает народ в толпу, приучает его жить не интересами общества, а частными эгоистическими интересами.

Есть древняя притча. Разнесся слух, что вымерло некое племя. И послали двух человек разузнать, и они шли и шли и никаких признаков жизни не встречали. И вдруг услышали что-то. Прислушались. Там, вдалеке, поют. Они поют, значит, они живы!

Пока жива душа народа, его духовная энергия, совесть, нравственные принципы, пока живо его искусство — песнь народа, — народ жив. Мы живы и способны на самые большие свершения на нынешнем переломном моменте истории.

Тот писатель исполнил свое назначение и долг, кто подобно Чаадаеву может сказать с чистой совестью: «Слава богу, я ни стихами, ни прозой не содействовал совращению отечества с верного пути. Слава богу, я всегда любил отечество в его интересах, а не в своих собственных». (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи! Продолжим нашу работу. Есть предложение: в связи с тем, что выступающих у нас много, поработать еще час с небольшим. Примем это предложение? Принимается.

Слово предоставляется Георгию Шалвовичу Цицишвили.

Г. ЦИЦИШВИЛИ. Столетия похожи на людей. Они, как и люди, бывают счастливые и несчастные, бедные и богатые, длинные и короткие, схожие и несхожие, и каждое из них имеет свое лицо, свою биографию, свое имя.

Но наш век не похож ни на одно из предшествующих столетий. Ему выпала совершенно иная судьба. Он ознаменовал новую эру в истории человечества. И хотя до конца нашего века осталось всего 14 лет, думается, что именно эти годы определяют его историческую значимость.

Оставшиеся 14 лет совершенно особые. За этот срок мы должны пройти путь, который прошли с 1917 года по сегодняшний день. То есть нашему народу за полтора десятка лет предстоит сделать столько же, сколько за все годы существования советского строя, то есть за целых 70 лет. Вот это и есть стратегия ускорения, властно требующая решительного перелома и коренной перестройки.

XX век — век грандиозных преобразований, и не только в народном хозяйстве. Несомненно вырастает роль психологического настроя людей, человеческого фактора.

Со всей определенностью можно сказать (конечно, не в обиду другим сферам культуры), что для перестройки мышления нет силы могущественнее художественной литературы. С ней не может сравниться ни один из видов искусства. Литература — первооснова духовной культуры — властелин дум, самое сильное средство облагораживания человеческого характера, утверждения красоты, веры в добро, целеустремленной воли.

Мы, советские писатели, сознаем, что литература — это тот магистральный канал, по которому до самых широчайших народных масс, в самой доступной форме, форме художественных образов доходят всеильные и всепобеждающие идеи нашей идеологии.

Мы, советские писатели, сознаем, что это обстоятельство возлагает на нас такую ответственность, которая никогда, ни в одну историческую эпоху не предъявлялась художественному мышлению. Это хорошо понимали и грузинские писатели, творчество которых за отчетный период ознаменовалось рядом удач. Я не буду говорить здесь об успехах и о недостатках современной грузинской литературы, поскольку отчетный доклад VIII съезду писателей Грузии опубликован отдельной брошюрой и роздан делегатам.

Тем не менее хотелось бы отметить, что за отчетное пятилетие грузинские писатели, так же как и писатели автономных единиц, входящих в Грузинскую Советскую Республику, абхазские и югоосетинские, создали ряд запоминающихся произведений высокого идейно-содержательного и художественного качества.

Во главе литературного процесса, как всегда, идут грузинские поэты. Отменно поработали грузинские прозаики, многие из которых получили всесоюзное и международное признание. На широкую арену вышла грузинская драматургия. Пьесы наших авторов ставятся и на сценах страны, и за рубежом.

Если грузинское кино завоевало мировую славу, в этом большая заслуга писателей-кинодраматургов. Широкий размах получила публицистика. Успешно развивается детская и юношеская литература и переводческое дело.

Далеко вперед шагнула абхазская литература, в которой появился ряд талантливых писателей. С увлечением, творческой интенсивностью трудятся писатели Южной Осетии.

Но у нас есть один большой хронический недостаток, к стати свойственный и другим литературам, — отсутствие правдивого, впечатляющего, привлекательного образа нашего современника.

Около двух десятилетий тому назад некоторые наши незадачливые теоретики ворожили: через сколько лет мы войдем (именно войдем) в коммунизм. Эта ворожба осеняла и отдельных деятелей советской литературы. Наша современность представлялась им недолгим переходным этапом, лишь кратковременной остановкой перед коммунизмом. В их понимании наша современность уподоблялась ма-

ленькому разезду, где наш поезд в ожидании зеленого света остановился всего на несколько минут, чтобы въехать в большой, светлый город — коммунизм.

Такие настроения отнюдь не способствовали правильному пониманию величия и сложности нашего времени.

В результате мы недостаточно активно воспитывали в сердцах людей чувство должного уважения к сегодняшнему дню, к его задачам. А наша повседневность требует к себе больше любви, уважения, преданности.

Лишь успешно решив грандиозные задачи дня сегодняшнего, мы сможем дать все необходимое для полного счастья человека. Если, конечно, устраним те недостатки на нашем пути, о которых сегодня говорится смело и во весь голос.

Думается, что мы, советские писатели, должны более глубоко вникнуть в суть исторических решений, принятых партией. Без проникновенного освоения новых тенденций невозможно проблемно и с перспективой отобразить сегодняшнюю нашу действительность. Без этого современная литература уподобится кораблю без руля и ветрил.

Не принявая воспитательного значения и не отрицая важности историко-революционной тематики, хочу подчеркнуть, что главнейшие наши задачи требуют решительного поворота к современности, к ее насущным потребностям, ибо перестроить мышление современников легче всего именно на материале современной действительности.

О литературной критике сегодня говорится много и преимущественно неодобрительно. Создается впечатление, что даже сами критики теряют желание говорить о критике. В этой связи хочу сказать лишь одно: сейчас необходимо более серьезно позаботиться об обновлении ее кадров, о резервах критики. Без этого ее не сдвинешь с места. В частности, надо поощрять обращение художников слова к критическому творчеству, воспитывать вкус к критике. Пора отказаться от взгляда на критиков как на присяжных поверенных или адвокатов, призванных обслуживать именитых полуписателей.

Надо пересмотреть и отношение к литературной молодежи, освободить ее от чрезмерной опеки, повысить к ней требовательность и взыскательность.

Внимательность и чуткость не должны мешать требовательности. Ранняя профессионализация — большое зло. Молодые люди с еще не раскрывшимися способностями, еще нигде по-настоящему не работавшие, которые, по сути, никогда не были членами коллектива, в погоне за земными благами энергично осаждают Союзы писателей. Этому должен быть поставлен надежный заслон. Товарищи делегаты!

Мы, советские писатели, должны глубоко и восторженно понимать силу и значимость нерушимого братства народов. И не только понимать, но только быть глашатаями величайшей заповеди социалистического общежития, но и ее последовательными проводниками, верными стражами этого вы-

сокого проявления интернационализма. И сколь прискорбно, когда некоторые писатели и руководители литературных печатных органов допускают грубые, причем не всегда по заслугам наказуемые ошибки. Именно об этом пишут Союзу писателей Грузии рабочие, колхозники, интеллигенция и особенно молодежь, и не только Грузин, но и других республик.

О чем они пишут? В майском номере журнала «Наш современник» за этот год (об этом говорил Сергей Владимирович Михалков) мы с горечью и досадой прочли рассказ писателя Виктора Астафьева «Ловля пескарей в Грузии». В нем автор, прибегнув к непозволительным обобщениям, грубо, беспардонно оскорбил весь грузинский народ, и не только грузинский. Он язвительно, высокомерно, с издевкой отнесся ко всем народам Кавказа.

Астафьев с недопустимой бестактностью пишет о нравах, обычаях всего грузинского народа, намеренно искажая их, в превратном свете представляя национальные особенности. Рассказ этого писателя возмутителен не только для грузинского и других кавказских народов, но и для русского народа. В суждениях Астафьева и его архисубъективных оценках проявляются взгляды, связанные с активизацией религиозно-церковных тенденций, что, вероятно, тоже не случайно ни для автора, ни для опубликовавшего его журнала «Наш современник», который, к сожалению, не всегда современен в своих проявлениях. (А п л о д и с м е н т ы.)

Дорогие товарищи!

У нас, советских писателей, воодушевленных величайшей созидательной деятельностью, великолепное настроение, неодолимое желание трудиться на благо народа. Это и есть порука тому, что наша многонациональная писательская армия, перестроившись соответственно духу новых требований и одолев все трудности, займет новые творческие рубежи. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Миколасу Слущкису.

М. СЛУЦКИС. Уважаемые товарищи, гости! С вашего разрешения поблагодарю своих коллег, литовских писателей, которые, поручив мне сказать слово с этой высокой трибуны, не взвалили на меня бремя отчета или хотя бы список уважаемых имен. Это, как мне кажется, свидетельствует не столько о скромности, сколько об уверенности, что ничто значительное в национальной литературной жизни не останется без всесоюзного внимания. Иногда это происходит быстрее, иногда медленнее, но происходит обязательно и выражает суть наших взаимоотношений, безрезультатно оспариваемых советологами от культуры.

С некоторых пор на Западе стали «заботиться» не только о русской, но и о других советских литературах. К сожалению, это не всегда перерастает в желание лучше узнать их, а тем более — приоткрыть для несведущих

своих читателей. А литературы республик — например, прибалтийских, которые сейчас оплавиваются Белым домом и Капитолием, — в социалистических условиях не только все-сторонне развили свой национальный творческий потенциал, но и создали солидную переводческую базу для усвоения основного фонда мировой литературы с оригиналов.

Совершенно ясно, что взаимность пока не очень впечатляет. Хотелось бы чуть больше порядочности. Ведь не секрет, что интерес к нашей литературе используется антикоммунистами отнюдь не в просветительных целях. Они стараются опорочить не столько само искусство, сколько духовные ценности и нравственный облик социалистического общества, предлагающего человечеству беспрецедентные программы разоружения, мира и сотрудничества. Я более чем уверен, что никакие обвинения в «ангажированности», «тенденциозности» и т. п. не возымеют никакого воздействия на безусловную поддержку этих программ литераторами всех наших республик.

Свои путаные диагнозы кое-кто пытается обосновать ссылками на изменения в советской литературе. Естественно, что по ходу исторического процесса меняются как тематико-проблемные пласты, так и образно-структурные формы любой из советских литератур. Очевидно, например, почему в годы войны на первый план мощно выдвинулись героические образы, а сейчас, в отягощенные проблемами будни, в дни решительной перестройки, все резче заявляют о себе мотивы критические, точнее — критический пафос. Вряд ли кто-нибудь из чуть более здравомыслящих наших зарубежных критиков мог ожидать, что на данном этапе, когда партия со всей решительностью взялась за искоренение социальных зол и экономических несуразностей, советские писатели станут слагать оды. Их было более чем достаточно. К счастью, в недрах нашей литературы давно зрел протест против чванства и тупости, против забвения принципов социалистической морали и социальной справедливости теми, кто был призван их оберегать.

Однако, не нуждаясь в чьей-то непрошеной опеке, вряд ли станем самих себя или кого бы то ни было обольщать. Суровые, художественно выдающиеся вещи еще редки. Не густо просто умных и серьезных, равно как и умных, но «несерьезных»: юмористических, сатирических, гротескных и вообще оригинальных, не вмещающихся в привычные нормы и понятия как неожиданностью взгляда на сущее, так и способом выражения.

Без решительного выхода из общепринятого, возможно чем-то интересного, но уже примелькавшегося, нам не осилить время, не проникнуть в его суть так, чтобы наши усилия не растаяли вместе с календарными временем. Без выхода за привычный горизонт мышления, чувствования, фантазирования мы не заглянем в проблемы и психологию нашего современника так пронзительно, чтобы это стало откровением не только для него, но и для идущего ему вослед. Такой выход,

означающий вход в трагическую конфликтную атмосферу конца XX века с его отчаянной борьбой за спасение человечности и человечества, не обязательно означает погружение и мифы или отвлеченные философские модели. Такой художественный раскрой конечно же очень нужен и уже осваивается молодыми русскими, литовскими и эстонскими прозаиками. Тем не менее все, что в силах искать человеческая фантазия, можно найти и рядом — в жизни и в нас самих. При одном, разумеется, условии: если будем копать глубоко, не разрешая никому и ничему отвлечь нас от поиска того, что каждый из нас в силу своих убеждений и совести считает главным.

В последние годы наблюдается бюрократизация писательской жизни, бюрократизация процесса книгоиздания в стране. Многого по этому вопросу сегодня уже было сказано. Я позволю себе добавить некоторые частности.

В погоне за мнимой экономией делались строгие внушения тем из издателей, кто, вопреки запрету и в силу давней традиции, продолжал печатать поэзию иначе, чем прозу, т. е. не в подбор, не набивая страницы тонкой книжки, как сундук. Или возьмем «Сочинения» и «Избранные сочинения», которых иногда достаивается литератор солидного возраста. Прозаик или поэт, оказывается, не вправе включать в такое издание ни критику, ни публицистику, пусть он занимался этим всю свою творческую жизнь. Подобные ограничения, видимо, были введены Госкомиздатом СССР с благой целью — чтобы издания не распухали за счет мелочей, как это нередко случалось. На практике же наглухо закрыли проход критике и публицистике. В таком случае — спрашивается — не смеемся ли сами над собой, когда безусловно списываем в отходы творчества то, за что горячо ратуем на каждом углу изо дня в день?

Такие тонкости — что и как включать в любое издание! — должны решаться не вышестоящим ведомством, а издательством и автором в соответствии с литературной спецификой и уважением к индивидуальности. И уже совсем ненормален порядок, когда книга 1988 года, например, должна лежать на издательском столе уже с 1985 года. С учетом труда автора над рукописью получается необозримое временное пространство. В нем, как в бурном море, может утонуть утлый челнок замысла, измениться не только предполагавшийся объем вещи, но и ее суть. И не случится ли так, что трудно переводимые национальные шедевры поэзии будут доходить до нас, как свет далекой звезды?

Конечно, книги выходят и быстрее, не обязательно поседевшие. Всегда есть некоторый плановый резерв, делаются всякие исключения, но зачем, спрашивается, нормальное возводить в исключительное? Зачем годами держать писателя на плановой привязи, сковывая его поиски и фантазию? Может, в другом случае он бы бросил канителиться с «обязательным» и блестяще на-

писал бы «необязательное», неучтенное в зародыше?

Книжное производство — сложное, трудоемкое. Книга — и товар, не только ностальгическое словоизлияние. Но одно дело план на годы, а то и десятилетие вперед, когда организуются целые библиотеки литератур или библиотеки классики, а другое — структура для живого художественного процесса с его изменчивостью и неожиданностями. Если стоящая вещь поступает в начале 1986 года, то разумнее всего и издать ее в том же году, а если мы к этому еще не готовы — то в следующем. Само собою, неспокойно, хлопотно, даже рискованно будет так работать. Зато не пришлось бы, скучая, выдумывать все новые инструкции. При всех обстоятельствах надо себе отдавать отчет в том, что не литература существует для удобства издательского механизма, а этот механизм — для удобства литературы. (А плод и с м е н т ы.)

Всем, имеющим прямое или косвенное отношение к книге, не следует забывать, что она — плод творческой фантазии, не поддающейся даже благожелательной регламентации. Вдохновению, неожиданности, эксперименту всюду необходим больший простор, а всякое организующее начало в литературном быту будет оправданно постольку, поскольку не будет мешать творческому подъему, созвучному подъему в других сферах общественной жизни.

Конечно, было бы наивно взваливать на кого бы то ни было, в том числе и на издателей, ответственность за то, что наш огромный многонациональный творческий потенциал не всегда дает ожидаемые результаты. Заботясь о завтрашнем дне литературы, следует освободить талант от всего, его опутывающего. Но многим из нас придется по-новому взглянуть в себя и окружающий мир, попытаться переломить в своем умонастроении то, что лишает замысел смелости, а написанную вещь — высшей меры правды и художественности.

Порою лишь один-два шага отделяют произведение от черты, за которой оно бы приобрело выдающееся значение. Но как он труден, этот шаг! И предполагает не только максимум физических и душевных усилий, но и сверхусилие, готовность к риску, который всегда сопутствует выдающемуся. Перебороть привычные самооправдания и самообольщения не поможет ничто, кроме огромной личной убежденности в правоте и незаменимости рождающегося слова как орудия в тяжелейшем споре за человека, за мир, жизнь. (А плод и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Юрию Михайловичу Мушкетнику.

Ю. МУШКЕТИК. Товарищи! Прошедшие годы были напряженными и плодотворными для всей писательской организации. Мы имеем полное право сказать, что в той титанической работе, которую проводит Коммунистическая партия, советский народ, мастица и нашего труда, импульсы и нашей

мысли. Но достаточны ли они на сегодня, охватываем ли мы мир в его диалектическом развитии, в его истинных параметрах? Писатель и жизнь, точнее — жизнь и писатель. Сегодня несем ответственность перед всем: перед рабочим и крестьянином за воспитание его детей, перед полем, засеянным рожью, перед чистым небом и рекой. Как личным успехам радуемся тысячам гектаров возделанной целины, стальным магистралям, новым городам и всенародным стройкам. Вместе в тем мы, писатели, в частности украинские, в ответе за тысячи гектаров засоленного чернозема на юге Украины и планируемое учеными строительство канала Дунай — Днепр, которое вызывает в общественности республики обоснованное беспокойство, ибо сточные воды Европы, пропитанные солями лиманов, пойдут на поля Украины и в уже почти неподвижный Днепр, к тому же, кстати, то есть не кстати, по плану отгораживаемый плотинной от Черного моря. Не много ли экспериментаторов для одной реки? Мы несем ответственность за потерю вкуса к земле и равнодушие к ней землепашца и за наши с вами красивые слова о закатах и восходах, воспевание на протяжении десятилетий престижных профессий — врача, учителя, инженера в урон тому же землепашцу. А сколько романов и поэм мы написали, в которых наш герой оставляет родной двор и куда-то спешит, что-то осваивает, едва ли освоив что-то в собственной душе. И таким образом обрывает глубинные корни, по капиллярам которых течет в его сердце ответственность перед родом, семьей, совестью, родным словом. Понятно, речь здесь не о тех великих стройках, которые поднимаем сообща и которые служат образцом интернационального единения, а о некоей тенденции.

В нынешнем мире мы переплетены так прочно, что обязаны решать сообща все проблемы, которые ставит жизнь и которые ставим сами. И пусть нам не говорят некоторые ученые, почему, дескать, суется не в свое дело, оспариваете построение новых плотин. А потому, говорим мы, что для некоторых из вас, узковедомственных специалистов, занятых только тем, чтобы получить единоразовый экономический эффект, например, тот же Днепр или Волга это только сколько-то миллионов кубометров воды, а для нас это еще великая река народа, его история, его память, его будущее, что течет он, Днепр, через сердца народа и наши дети и внуки должны видеть его таким, каким видели Шевченко и Гоголь. (А плод и с м е н т ы.)

И поэтому нас не могут не удивлять аргументы и заявления, которые мы услышали недавно из уст некоторых ученых по поводу известной аварии: «Мы получили ценный опыт» и «Наука требует жертв». Жертв требуют боги, но их, как доказала та же наука, нет. Настоящие же советские ученые, советские люди, об этом уже говорил мой друг Борис Олейник, проявили в Чернобыле истинный героизм и интернационализм: первыми стали на пути беды парни из древне-го полесского местечка, им на помощь при-

шли воспитанные на лучших примерах советской литературы люди всей нашей страны. Мы гневно осуждаем попытки мировой реакции использовать Чернобыль в своих милитаристских целях и всем сердцем приветствуем конструктивные, направленные на повсеместное разоружение мирные инициативы Советского правительства. Да, пора отвести от головы человечества дамоклов меч, который делает человека не похожим на само себя. Трудно сказать — привык человек к подобному состоянию, и каков же он ныне, в конце концов?

Идейную сущность передовой литературы прошлого века составляли упорные поиски смысла бытия, всеосвещающей правды; в нашем обществе сущность человека в корне изменилась, но только вот выразили ли мы ныне вполне человека, носителя глубочайших истин, удалось ли нам увидеть, что изменилось в человеке в условиях современной глобальности, в познаниях добра и зла, его возможностей, его созидательной силы, много ли произведений, оплодотворенных желанием сказать что-то значительное о жизни и времени, предложили читателям?

И не стал ли для нас еще острее вопрос: кто же мы на вселенском поле, только ли пылинки в вечном потоке материи или наше предназначение значительнее. Я не знаю, поверьте, не знаю, что сейчас напишут киевские писатели, для нас многие ценности изменили свое содержание, и смысл нашего бытия как-то изменился, даже героизм — величайший порыв души человека, оставаясь таким же важным, — он тоже не укладывается в привычные, скажем, военные рамки. Пожалуй, не изменились эталонно такие вот ценности, как совесть, честь, правдивость, истинность. Но хочется задать вопрос: возрастает ли эта категория — нравственность — на уровне ускорения века, не отделяется ли она иногда от нас как некая ступень? Человек должен знать о себе правду, хотя он не всегда хочет ее знать.

Не случайно некоторая часть читающей публики ныне жаждет только одного — комфорта. Комфорта домашнего, транспортного, литературного, не жаждет переживать, тревожиться, хотя, придя с работы, взять в руки книгу и почитать про красивую жизнь. Немало людей, в том числе руководителей, смотрят на литературу как на что-то вспомогательное, скажем, в сезон уборки свеклы, отсюда некоторое падение престижа литературы. «Властители дум», «выразители эпохи» — это почти литературоведческие термины, относящиеся к прошлому. Идя на поводу у этих читателей, некоторые писатели начали создавать поделки, на экране, например, стали модными фарсы по драмам классиков, появились романы и повести, в которых весь конфликт сводится к дележу дачного наследства, в поэзии, скажем, за творческую глубину подается так называемый космизм. Некоторые мои коллеги так уж вздыхают по космосу, по звездным братьям, что и жить без них не могут, а родного брата в Ивановке за 20 километров от Киева не проводывали по десять лет. Настоящий же

космизм всегда земной и всегда в душе человека. И он в нашей литературе есть. В украинской в частности. Я не буду утомлять вас перечнем имен и книг, скажу только, что на протяжении ряда последних лет украинская литература, пусть и не до конца решительно, боролась против примитивизма и схематизма, углубляла реалистично-критическое осмысление действительности, усиливала аналитические тенденции, утверждала истины, потерянные в предыдущие годы, начала глубже и правдивее отображать жизнь во всех ее измерениях. Она стала объемнее и разнообразнее в стилях и оттенках. Жаль только, что союзная критика почему-то и далее видит в ней почти одну только краску — романтическую. Да и в отчетном докладе анализу украинской и других национальных литератур уделено неправомерно мало места. Так вот — разве можно свести сегодня к одному течению все идейно-художественное богатство произведений Олеса Гончара, Павла Загребельного, Александра Ильченко, Евгена Гуцало, Романа Иванчука или такого яркого созвездия поэтов, как Дмитро Павлычко, Борис Олейник, Лина Костенко, Иван Драч, Виталий Коротич, Микола Винграновский? Эти имена говорят сами за себя. Немало сделала украинская литература и по утверждению в ней человека труда, героя, который может стать примером для других, увлечь за собой, а также по утверждению гуманизма, который проникнут тревогами о самом бытии земном, по укреплению связей с трудовыми коллективами, в борьбе за мир. В атмосфере партийной требовательности и активных процессов перестройки и обновления всей жизни общества видим свою задачу в дальнейшем углублении реалистического изображения жизни, постановки общенародных проблем, ставя которые, обязательно находим большой конфликт и сильные характеры.

Украинская писательская организация работу союзного правления за истекший период одобряет, ряд своих замечаний и предложений выскажет на заседании комиссий. В частности, уже сейчас поддерживает пожелание выработать юридический статус Ревизионной комиссии Союза, которого фактически нет, а также подумать о возобновлении литературных декад, существенно укрепляющих узы братских литератур.

Товарищи! Служить делу коммунизма, интересам народа, выражать свою волю, чувства и мысли — это и призвание, и дело чести каждого советского писателя. Будем же достойны этого призвания! (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Мишину Виктору Максимовичу — первому секретарю ЦК ВЛКСМ.

В. МИШИН. Уважаемые товарищи! Ускорение и перестройка — два ключевых понятия нынешнего дня. Эффективные способы их перевода на язык практических дел ищут сегодня рабочий и министр, инженер и ученый, писатель и комсомольский работник.

При этом общим для нас всех является движение к последовательному реализму на основе трезвого анализа достигнутого, и строгой объективности, взыскательной критики и поиска резервов.

Именно такой ленинский, партийный подход к литературе показала недавняя встреча в Центральном Комитете КПСС.

Со всей ответственностью могу сказать: проблемы, о которых идет речь на вашем VIII съезде, которые поднимаются ведущими писателями на страницах книг,— проблемы морального долга и социальной ответственности, сохранения природной среды, культурного наследия прошлого и мирного будущего планеты — глубоко волнуют нашу молодежь.

Но не менее важной была и остается для нее тема современника, ровесника, соратника по борьбе за идеалы партии, который вошел бы в литературу из трудовых будней и вновь вернулся в рабочий строй с книжных страниц, чтобы помочь молодым глубже осмыслить жизнь, выверить нравственные ориентиры, ринуться в бой с рутинной и косностью.

Но где же этот герой? Трудно отыскать его на страницах многих журналов и сборников, на театральном подмостках и среди главных персонажей романов. Зато здесь вальяжно разгуливает великовозрастный циничный недоросль, щеголеватый иждивенец в пресловутых джинсах, инфантильный и прагматичный одновременно.

Что тут скажешь? Может быть, растратила наша молодежь весь свой пыл в погоне за модными тряпками, растрясла в дискотеках, разменяла на мелочи быта? Но, думается, здесь уместно вспомнить — чьими руками строился БАМ? Кто добывает тюменскую нефть, хранит рубежи Отечества? Кто ценой своей жизни отвел еще большую беду в Чернобыле?

Ответ на эти вопросы дает сама жизнь. Но не всегда дает наша литература, призванная сеять в юных душах разумное, доброе, вечное, жечь молодые сердца глаголом искренним, мудрым и праведным, талантливо и зорко вглядываться в жизнь, высвечивая то, чему принадлежит будущее.

«Мы знаем, что рабочий — это звучит гордо,— писал в «Комсомольской правде» молодой зиловец Сергей Дюжев.— Но нам обидно, когда экраны и страницы книг заполнены журналистами и режиссерами, художниками, сотрудниками милиции, чудаками и жуликами, разведчиками, артистами, писателями — только не рабочими... Кто же увидит наши проблемы?.. Кто расскажет о них страстно и талантливо, ускорит тем самым их решение?»

Не дал ответа рабочему парню и Всесоюзный конкурс на лучшее произведение о рабочем классе. Первая премия оказалась вакантной. Книги о рабочей смене, о становлении молодежи в труде в эпоху научно-технической революции на конкурсе о себе не заявили. Эту важную сферу жизни писатели, увы, обходят стороной.

В последнее время стали поветрием сетова-

ния музыкантов на то, что молодежь слушает не ту музыку, школьных педагогов — на отсутствие у детей интереса к учебе, родителей — на их невоспитанность. Раздаются упреки по поводу невысокого художественного вкуса молодежи и со стороны писателей.

Нас с вами не может не беспокоить, что, по данным социологов, лишь третья часть юношей и девушек отмечает влияние художественной литературы на развитие их нравственных и политических представлений. Происходит это, наверное, и потому, что комсомол подрастерял многое в работе с книгой и молодым читателем, и потому, что в литературе последних лет не нашли отражения те социальные противоречия, с которыми реально сталкивается молодое поколение.

Есть у этого вопроса и другая сторона, связанная с притоком в литературу пополнения, способного «услышать свое поколение и свое время» и правдиво и ярко выразить его.

XXVII съездом партии поставлена задача открыть простор молодежной инициативе во всех областях общественной жизни. И сфера литературы, на наш взгляд, не должна быть исключением.

Вряд ли можно признать нормальным положение, когда многие писательские организации почти не пополняются молодыми силами, когда даже лауреатам уважаемых конкурсов и премий дорого в Союз искусственно растягивается на долгие годы.

К примеру, местные писательские организации до сих пор не хотят считать состоявшимся творчество Юрия Гречко, Юрия Доброскокина, Александра Герасименко, Анатолия Пшеничного и ряда других, уже получивших признание читателя.

Нельзя считать нормальным положение, когда в писательском пополнении молодежи меньше, чем людей пенсионного возраста. Напомню, что в составе двухтысячной столичной писательской организации, где к молодежи вроде бы относятся неплохо, насчитывается один-единственный представитель комсомольского возраста, что составляет ноль целых пять сотых процента!

За минувшие годы мы с вами создали такую обширную сеть литературных объединений, различных совещаний, семинаров и конкурсов, что сквозь ее ячейки, кажется, не проскочит ни один подающий надежды автор.

И вместе с тем не стихают дискуссии в прессе, накаляются страсти в кулуарах: входят молодые писатели в литературу или пробиваются в члены Союза? Во благо ли им положительные отзывы творческих семинаров или они оказывают медвежью услугу, вселяя молодым да ранним уверенность в исключительности собственного таланта и необязательности напряженного труда? Где граница отеческой заботы признанных мастеров о начинающих и литературного кумовства? Эти и другие острые вопросы не снимаются с повестки дня.

Мы тоже против того, чтобы вместе с членскими билетами высокое звание советского писателя получали молодые конъюнктуришки. Видно, не место в рядах Союза и

бойким ремесленникам со скудным жизненным опытом, которые, по саркастическому замечанию критика, могут и путешествие таракана по мусоропроводу изобразить с такой красочностью, что даже некий символ померещится.

Ежегодно выходит в свет около 300 книг начинающих авторов. Работники издательства уверяют, что ни одна талантливая рукопись не останется незамеченной. Между тем все громче звучат голоса, в том числе и сегодня, утверждающие, что издательский лабиринт скорее преодолевают вещи ординарные, скроенные добротой, но без той искры самобытности, которая может «озадачить» редактора.

Кстати, не исключение это и для нашего комсомольского издательства «Молодая гвардия».

Видимо, в издательском деле надо смелее искать и экспериментировать. Интересным мог бы стать эксперимент по изданию, скажем, небольших поэтических книг малыми тиражами для пробы молодого таланта «на прочность». Наверно, можно было бы их сделать безгонорарными или выпускать на кооперативных началах, как это делалось в 20-е годы.

Совершенствование издательской практики освободит книжные прилавки от пылящихся годами фолиантов нынешних пробивных «кудреватых Митреек и мудреватых Кудреек».

«Есть ли у нас талантливые издатели? — задает вопрос читатель. — Такие, что поставят рукопись начинающего литератора в ближайший план, на место 10-го стереотипного издания маститого автора?» Надо признаться, вопрос звучит риторически. Всего один пример.

Семь лет назад принес в издательство «Современник» рукопись 22-летний поэт Михаил Попов. За это время не раз он публиковался, был отмечен как один из наиболее ярких выпускников Литературного института, стал победителем конкурса «Моя Москва».

VIII Всесоюзное совещание молодых рекомендовало вниманию издательства его рукопись, и она, пролежав там столько лет, включена, наконец, в план будущего года.

«Очень легко стать «молодым писателем», перестать им быть почти невозможно», — с горькой иронией отмечают многие уже поседевшие авторы.

Самокритично надо признать, что и у комсомола особых успехов в индивидуальной работе с молодыми литераторами, к сожалению, нет. Хотя с точки зрения формы и количества мы вместе с вами делаем немало.

Деление литературного процесса на поколения, конечно, не безусловно, но очевидно одно: обновление невозможно без требовательного доверия к молодым. Тогда и процесс постижения сложностей нашей жизни, которым зачастую объясняют «объективность постарения» молодого писателя, будет идти быстрее.

Партия и сама жизнь подвели нас к мысли о том, что на всякую работу — от бригадира до министра — надо готовить смолоду, что молодые научные и технические таланты

надо смелее двигать вперед, пока они не закисло и не обросли брюшком. Думается, что смелее надо привлекать молодые кадры и к участию в формировании литературного процесса.

Видимо, не случайно шестой номер «Театральной жизни» в киосках не залежался. В этом журнале создали молодежную редакцию, которой поручили выпуск четырех номеров в течение года. Эксперимент себя оправдал и обещает интересное продолжение.

Позволю себе напомнить, что журнал «Новый мир» Константин Симонов возглавил в 31 год, Александр Твардовский — в 40. По нынешним представлениям такое выдвижение вызвало бы сенсацию в литературных кругах.

Мы глубоко уверены в том, что молодые голоса в литературе будут звучать тем свежее и интереснее, чем больше молодых и обязательно талантливых будет в составе редколлегий, советов и комиссий, чем настойчивее будут следовать наши маститые писатели прекрасной горьковской традиции не жалеть сил и времени для всыскательного воспитания литературной смены.

Нет сомнения, дорогие товарищи, что VIII съезд писателей СССР придаст ускорение процессам литературной жизни, явится этапной вехой в развитии советского художественного слова. Наше динамичное время требует от Ленинского комсомола и мастеров многонациональной советской литературы дружной совместной работы. Работы энергичной и творческой.

Позвольте выразить уверенность, что это содружество будет развиваться и крепнуть на основе жизненной правды и общей нашей ответственности за нравственное здоровье советской молодежи! (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Расулу Гамзатовичу Гамзатову.

Р. ГАМЗАТОВ. Товарищи делегаты! В эти дни нам задают вопрос: что же вы ждете от вашего VIII съезда писателей? Это — вопрос не главный. Но все же мы советовались с основателем Союза Алексеем Максимовичем Горьким, и он сказал те слова, которые мы сказали на I съезде: «Никто из нас не имеет права друг над другом командовать. Учитесь друг у друга — это наша обязанность».

На поспешно переименованной Зубовской площади Михаил Шолохов повторял слова, сказанные на II съезде писателей: «Маленькие речки много шумят». А Маяковский, когда мы были в воскресенье у него, воскликнул: «Жаль, что не доругался». В канун съезда был день рождения Твардовского. Я с группой писателей был у его могилы и дома. Если бы с этой трибуны повторилась его речь, произнесенная на Третьем съезде писателей, это было бы наиболее актуально и сегодня. Еще тогда, в 1959 году, когда членов Союза писателей было наполовину меньше, чем сейчас (сейчас их около 10 тысяч), Твардовский, высмеивая многочисленные оргмероприятия бюрократов от литературы, говорил: «Так дальше жить

нелзя». И добавлял: «Мы так жить и не будем». Но, увы, до сих пор так живем. И как говорил Николай Глазков: «От моря лжи до поля ржи дорога нелегка».

Да, товарищи, великие, споры, суждения о литературе и жизни, о художнике и обществе, о времени и музее, о позициях и нациях, об утратах и приобретениях, о полях родины и памятниках культуры накопилось много. Мастера и кустари, тихие и шумные, «генералы» и рядовые, народные и модные — много деревьев растет в нашем саду и посажено в наших парках. Говорят, что все знают только все. Но даже все мы не можем рассказать, тем более сказать о нашем обнаженном и в то же время таинственном ремесле. Это такой узел, что руками развязать невозможно, зубами как-то неудобно, а с кинжалом надо быть осторожным. Им мы часто не туда махали. И не тех рубили.

В этом вопросе и в других вопросах наши учителя — природа, опыт годов и гениальность веков. Говорят, что от кривой палки прямой тени не бывает, но по кривому, тернистому, темному девятнадцатому веку, словно шахтеры с лампой по туннелю, шли отчаянные гении, освещая своими размышлениями все стороны жизни всех времен и всех народов. Подумайте только: «Былое и думы», «Война и мир», «Преступление и наказание», «Отцы и дети!» Думаю, что более важных тем и проблем и сегодня для каждого человека и всего человечества нет. А какие вопросы гении России перед обществом ставили! Послушайте: «Что делать?», «Кто виноват?», «Кому на Руси жить хорошо?», «А судьи кто?». Эти социальные и нравственные поиски совестливых художников прошлого подтверждают истину: гениальное в то же время актуально, а актуальное, когда оно глубоко связано с судьбами народов и веков, в то же время гениально. Однако на эти вопросы достоверно ответили Ленин и великая наша Революция. Потом на эти же вопросы ответила Отечественная война и наша Победа. А в настоящее время на эти вопросы отвечает наша партия повседневными делами страны. Правда, мы пока что предпочитаем больше говорить, что виновато, чем кто виноват. И человеческий фактор, о котором теперь часто стали говорить, мы пытаемся использовать по-своему и для себя. Появились современные обломы, хамелеоны, хлестаковы. По-своему стали перестраиваться многие чиновники и чиновничьи читатели. Кое-кому не по душе курс, взятый на демократию, гласность, ясность, требовательность. Все еще существуют посты ГАИ на пути свежих мыслей, новаторских начинаний, новых форм и поисков нашей работы. Эти всезнающие ГАИ продолжают проверять наши удостоверения по правилам движения, и порою мы больше страдаем от их бдительности, чем от притупления бдительности.

Наша литература, великая многоязычная литература, достойно и хорошо продолжает свое великое дело. Лучшим писателям из нас, цельным художникам нет необходимости перестраиваться и переодеваться. Либо лучшие писатели из природы и не из погоды, не из

праздноболтающихся, а из болеющих за великое дело Любви. Что греха таить, многие из нас научились быстро перестраиваться: роботные романы и компьютерные стихи выдавать за моду ускорения.

У нас в Дагестане есть высокая гора Гуниб. Говорят, где бы гром ни гремел, град и дождь падают туда. Художник на виду. Он — высокая гора. Где бы гром ни гремел, где бы огонь ни горел — все колокола тревог, обид и более звенят в нас. Мы из раненых и искалеченных, но говорящих правду, без которой нет смысла жить и работать. Язык беды, так же как и язык победы, не нуждается в переводе. Но одной из особенностей нашей литературы является ее многоязычность. У нас заслуженным людям присваиваются разные звания. Мне по душе звание, которое присваивается в Японии заслуженным людям, его называют там «Человек — это сокровище». Я бы так назвал лучших переводчиков нашей страны, которые познакомили нас друг с другом. Они довели нас из далеких аулов до Москвы, до самого Кремлевского Дворца.

Важность и значимость этого дела требует от нас быть требовательными, чтобы хорошее дело не имело отрицательных результатов для нашей литературы.

Больно и обидно, что второе рождение того или другого произведения проходит у нас часто не только не безболезненно, но и стало носить инкубаторный характер. Подрядные и бригадные методы, в которых нуждается народное хозяйство, неприемлемы в деле переводов. Это не должно быть массовым явлением. Нужно к этому делу относиться серьезно. Эти командировочные стихи и туристические поэмы выдаются за интернационализм, эта кинжально-браслетная литература выдается за глубоко национальную. Часто эти произведения появляются на русском языке раньше, чем на родном языке.

Я точно не знаю, где в нашей стране рождается больше. Но незаконнорожденные произведения носят довольно опасный характер. В свое время один из персонажей Шекспира говорил, что есть что-то гнилое в Датском королевстве. Но думаю, что есть что-то датское в нашем переводческом государстве. Вот тут бы требовать вмешательства ГАИ, о котором я говорил, чтобы, прежде чем переводить на другой язык, художник был признан на своем родном языке, в своем родном ауле. Получается парадокс. Люди, своими произведениями призванные утверждать краски, мелодию, богатство языка своего народа, люди, обязанные передавать его родниковую чистоту другим поколениям, своими неряшливыми выдумками губят его, а через многочисленные переводы посредственных переводчиков засоряют великую русскую литературу.

Я вношу предложение: было бы целесообразным, чтобы наши издательства проявили осторожность, принимая рукописи, не обсужденные, не рекомендованные писательскими организациями республик, кто бы их автор ни был. А то очень много нас — народных

и заслуженных, как будто другие писатели антинародные и незаслуженные. Часто эти звания, поощрения, награды выдают как факт торжества национальной политики, но это не политика, а политиканство. Но, с другой стороны, мы часто перестаем учитывать национальные особенности того или другого народа. Я имею в виду тиражную, листажную политику и отношение к историческому прошлому тех или иных республик, особенно наших автономных. Обычный тираж одной поэтической книги на Украине 4 тысячи. Это с учетом многомиллионного населения республики. А у нас, в Дагестане, даже на том языке, на котором говорит менее ста тысяч человек, обычным считается тираж десять тысяч экземпляров. Где же тут логика? В республике нашей литература издается на девяти языках. В Татарии, где говорят на одном языке, книг больше, чем в Дагестане. Когда мы напоминаем об этом, нам говорят: почему у вас так много языков? Языки объединить нельзя, лучше, когда языки нас объединяют.

У каждого народа есть свое историческое прошлое, оно дорого и свято. Но в последнее время появились охотники коверкать, высмеивать, а то и вовсе вычеркивать сложные и потому неоднозначные исторические события и этапы прошлого того или другого народа. А ведь необъективное, несправедливое отношение к истории сказывается на духовной атмосфере современности и, естественно, не способствует возрождению культур, которое ныне плодотворно идет в стране, не благоприятствует спокойному и естественному развитию национальных отношений, укреплению дружбы народов. Мост из прошлого в настоящее и через настоящее в будущее должен быть без расщелин, ровным и надежным.

Может быть, то, что я говорю, не главное, но эти вопросы не должны пройти мимо главного. А главное для нас: это миру — мир и порядок в стране. (А плод и с м е н т ы.)

Мы глубоко уверены в том, что молодые голоса в литературе будут звучать тем свежее и интереснее, чем больше молодых и обязательно талантливых будет в составе коллег, советов и комиссий, чем настойчивее будут следовать наши маститые писатели прекрасной горьковской традиции — не жалеть сил и времени для взыскательного воспитания литературной смены.

Нет сомнения, дорогие товарищи, что VIII съезд писателей СССР придаст ускорение процессам литературной жизни, явится этапной вехой в развитии советского художественного слова. Наше динамичное время требует от Ленинского комсомола и мастеров многонациональной советской литературы дружной совместной работы. Работы энергичной и творческой.

И позвольте выразить уверенность, что это содружество будет развиваться и крепнуть на основе жизненной правды и общей нашей ответственности за нравственное здоровье советской молодежи! (А плод и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи. Необходимо заслушать доклад Мандатной комиссии. Разрешите предоставить слово председателю Мандатной комиссии Николаю Андреевичу Горбачеву.

Н. ГОРБАЧЕВ. Товарищи делегаты! В единстве с советским народом, испытывая чувство удовлетворения и гордости за наш социалистический строй, за Коммунистическую партию, писатели страны восприняли непреходящие решения XXVII съезда КПСС. Единодушно и горячо поддерживаем мы Программу внутренней и внешней политики партии, изложенную в Политическом докладе Центрального Комитета КПСС, — программу дальнейшего мощного ускорения социально-экономического и духовного движения страны, программу установления мира и безопасности на всей Земле.

Принципиальная и подлинно партийная оценка нынешнего состояния литературы, данная в Политическом докладе, требует от нас перемен: отказа от устоявшихся форм работы, трансформации сознания и психологии писателей, крутого поворота литературного дела к новым, по сути, революционным задачам общества. Эти задачи, их решение зависят от каждого человека, ставят во главу угла потребность самосознания каждым советским человеком себя как личности, ответственной за судьбу страны, за ее роль и место в общечеловеческой перспективе. Естественно, что это всецело относится к нам, советским художникам слова, а значит, от нас ожидается действенная помощь партии в ее подвижнической работе, более взыскательное и ответственное отношение к пониманию роли художественного творчества. Ясно, что книги наши должны быть пронизаны и освещены этой новизной и остротой. Ускорение как главный движитель нынешнего развития для нас должно проявиться в более глубинном проникновении в заботы и свершения нашего современника, в воспевании трудовых подвигов советского человека, должно способствовать духовному и нравственному возвышению народа.

При этом горячность, восприятие нового, душевный пыл и остроту нам надлежит направить на достойное нашего писательского предназначения занятие, по главному, что называется, руслу — творческому, в книгах и только в книгах раскрываться нашим силам и таланту.

Советские писатели были и останутся впредь верными, надежными помощниками партии в ее неустанных и каждодневных усилиях в воспитании народа, советского характера, в сплочении монолитного единства советского общества, в создании климата неподдельной справедливости.

Заинтересованное и вместе с тем взыскательное отношение партии к сущности творческой деятельности, помыслам и заботам художников слова, высокое уважение к их народному по смыслу труду — вдохновляют нас, вселяют надежду. Безусловно, будут созданы новые произведения высокой гражданской страсти, бескомпромиссные по

неприятно всего негативного, что мешает нам двигаться вперед, произведения — актуальные по социальной и нравственной зоркости.

Товарищи! Мандатная комиссия докладывает VIII съезду писателей, что его делегатами избрано 567 человек. На Всесоюзный съезд прибыло и участвуют в работе 543 делегата. По уважительным причинам не смогли прибыть 24 делегата.

Проверив полномочия делегатов VIII съезда писателей СССР, Мандатная комиссия отмечает, что все они избраны в соответствии с Уставом Союза писателей СССР тайным голосованием, с соблюдением установленных норм представительства — один делегат от 17 членов писательской организации. 474 делегата — члены КПСС, один делегат — кандидат в члены КПСС, следовательно, коммунисты составляют 82% от общего числа делегатов. 38 писателей были делегатами XXVII съезда КПСС, 9 из них избраны в руководящие органы КПСС, 63 — в составы высших органов компартий союзных республик.

Мандатная комиссия отмечает, что в межсъездовский период произошли существенные, продиктованные жизнью изменения в составе нашего творческого Союза. На VII съезде делегаты представляли 8773 члена Союза писателей, на нынешнем, VIII, — делегаты представляют 9561 члена Союза писателей 89 национальностей, пишущих на 78 языках. Между VII и VIII съездами в творческий союз было принято 1986 человек, из которых 406 в возрасте до 35 лет, или 20% от всех принятых.

Вдохновенный творческий труд, широкая общественная деятельность многих писателей достойно оценены партией и народом. Так, в числе делегатов съезда 26 депутатов Верховного Совета СССР, 42 депутата Верховных Советов союзных республик, немало депутатов автономных республик и местных Советов народных депутатов. Среди делегатов съезда 2 Героя Советского Союза, 34 Героя Социалистического Труда, 467 делегатов отмечены высокими правительственными наградами.

142 делегатам присвоены почетные звания: народный поэт и писатель, заслуженный деятель искусств, заслуженный работник культуры, 16 делегатов — лауреаты Ленинской премии, 87 — лауреаты Государственной премии СССР, 234 — лауреаты республиканских Государственных премий, 29 — лауреаты премий Ленинского комсомола, 77 — лауреаты республиканских комсомольских премий, 26 — лауреаты премии ВЦСПС и СП СССР.

Состав делегатов нынешнего съезда по возрасту таков:

до 35 лет	3 человека,
до 40 лет	15 человек,
от 41 до 50 лет	117 человек,
от 51 до 60 лет	184 человека,
от 61 до 70 лет	160 человек,
старше 70 лет	88 человек.

Среди делегатов 44 женщины, 523 мужчины. В работе писательского форума принимают участие старейшины многонациональной советской литературы. Среди них 22 члена Союза писателей СССР с 1934 года, т. е. со дня образования нашего Союза. 470 делегатов приняты в СП в послевоенный период. Участников Великой Отечественной войны среди делегатов 156 человек.

Мандатная комиссия отмечает высокий общеобразовательный уровень делегатов: 461 имеют высшее образование, из них 71 — выпускники Литературного института имени А. М. Горького; 56 делегатов имеют незаконченное высшее образование, 49 — среднее и незаконченное среднее, у одного делегата — самообразование. Это Коптелов Афанасий Лазаревич.

По жанрам литературы делегаты съезда представлены следующим образом:

прозаиков	249
поэтов	215
драматургов и кинодраматургов	20
критиков и литературоведов	49
детских писателей	27
переводчиков	3
очеркистов	4

Конечно же, эти цифры в известной степени условны, поскольку есть немало примеров, когда одни и те же писатели продуктивно трудятся в различных жанрах.

Национальный состав делегатов полно и ярко демонстрирует торжество ленинской национальной политики, интернациональное единство нашего общества и подлинно народной социалистической культуры. На съезде в числе делегатов представители 47 национальностей и народностей, пишущие на 43 языках.

Мандатная комиссия с удовлетворением подчеркивает, что на VIII съезде писателей широко представлены национальные литературы, все поколения советских литераторов, являющихся, несомненно, творческим и общественным активом Союза писателей.

Подобный представительный состав делегатов, бесспорно, будет способствовать успешной и вдохновенной работе съезда и, следовательно, активному и плодотворному участию всех писателей страны в решении актуальных задач нового этапа развития социалистического общества, поставленных XXVII съездом КПСС.

Мандатная комиссия просит VIII съезд утвердить ее доклад и разрешить обменять временные удостоверения на мандаты.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи! Вносится предложение утвердить доклад Мандатной комиссии. Есть ли другие предложения? Нет.

Кто за то, чтобы доклад Мандатной комиссии утвердить, прошу поднять временные удостоверения.

Кто против? Кто воздержался? Нет.

Доклад Мандатной комиссии утверждается.

Сейчас я хочу предоставить слово нашему другу Любомиру Левчеву — председателю Союза болгарских писателей. (Аплодисменты.)

ЛЮБОМИР ЛЕВЧЕВ. Уважаемые товарищи! Дорогие друзья! От имени Союза болгарских писателей, от имени болгарской литературы — голоса непреклонности, борьбы и светлой веры приветствую VIII съезд писателей СССР. Примите нашу братскую любовь, наше восхищение и преклонение перед талантом вашей страны вечного поиска. Примите наши приветствия. Мы глубоко верим в великую советскую литературу социалистического реализма.

Люди во всем мире уже хорошо знают, что московские съезды — пульс живой истории. С огромным волнением и радостью мы недавно слушали голос будущего, голос строгой, бескомпромиссной, трезвой и мужественной ленинской правды с трибуны XXVII съезда КПСС.

Мы не только приветствуем идеи о всестороннем ускорении материального и духовного прогресса, мы готовы разделить с вами, дорогие друзья, вдохновляющий долг быть солдатами истины, честно и талантливо оглашать всю истину перед всем человечеством.

И нет такой силы, которая разлучила бы нас с вами, дорогие друзья!

Нынешней весной в Софии состоялся XIII съезд Болгарской коммунистической партии. Я, как болгарский писатель-коммунист, хочу заверить вас, дорогие товарищи, что мы с огромным удовлетворением еще раз прочувствовали разумом сердца единый ритм, в котором шагают вперед наши партии, народы, в едином порыве к общему идеалу.

Так мой болгарский народ смотрит на свою священную дружбу с народами Советского Союза. Эта дружба не только вечна и животворна. Она для нас — волшебное и вместе с тем реальное зеркало истинно нового, в котором мы сверяем свои мечты и дела.

Мы верим, что отношения между всеми народами станут в будущем такими же чистыми, творческими и братскими, как отношения между болгарским и советским народами.

Советский Союз — самая необъятная страна в этом мире. Но здесь пространство не угнетает, а словно окрыляет и бросает вызов. На этой бескрайней земле человек не чувствует себя маленьким. Здесь рождаются великие идеи, великие страсти, великие человеческие души, великое возвышающее искусство.

И съезд писателей СССР — событие всемирного значения. Двадцатый век, уже наводящий мосты в следующее тысячелетие, помнит многих философов и пророков, мрачно предрекавших гибель всемирной литературы, самого гуманизма. Среди этой оргии отчаяния именно советская литература высоко подняла и продолжает гордо нести знамя человеческой Надежды.

Литература Горького и Маяковского, Блока и Есенина, Алексея Толстого и Фадеева, Шолохова и Полowego защищает Человечность,

защищает законы красоты и защищает оптимистическую концепцию о человеке.

Герои советской литературы, сражавшиеся против фашистского чудовища, учили, какими быть стойкими, огонь быть пламенным, а жизнь — нежной и мудрой.

Этим творческим подвигом, дорогие друзья, восхищается все человечество и благодарит вас за него.

Благодарим вас и мы, верим в вас — нынешних талантливых и смелых, вдохновенных и прекрасных творцов советской литературы.

Весенний ветер обновления, веющий из Москвы, мощная волна возрождения вдохновляют народы всего мира, вселяют надежды. С этим же высоким настроением мы соберемся этой осенью в Софии на Шестую Международную писательскую встречу под девизом «Мир — надежда планеты». Невзирая на яростные атаки новых крестоносцев антикоммунизма, колесо истории, как говорил Георгий Димитров в Лейпциге, вращается и будет вращаться до окончательной победы коммунизма.

Советский Союз — несокрушимый оплот всемирной Надежды, великий маяк мира.

От всей души желаем вашему съезду успеха, всем вам здоровья и творческих сил в окончательном осуществлении ваших дерзновенных замыслов.

Мы — с вами! Да здравствуют советские писатели! Да здравствует советский народ! Да здравствует мир! (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи! Разрешите мне от вашего имени поблагодарить нашего дорогого гостя за добрые, прекрасные слова о нашей партии, о народе и о нашей советской литературе и в адрес нашего съезда. Спасибо вам! (Аплодисменты.)

Слово предоставляется товарищу Лисандро Отеро, — исполняющему обязанности президента Союза писателей и деятелей культуры Республики Куба. (Аплодисменты.)

ЛИСАНДРО ОТЕРО. Товарищи писатели! От имени Союза писателей и деятелей искусств Кубы мы благодарим вас за братское приглашение и желаем вашему съезду больших успехов в выполнении намеченных целей. С каждым днем становится все более очевидным контраст между деятельностью Советского Союза в защиту человечества и будущего людей и действиями некоторых других стран, обостряющими ситуацию в мире. Нарастает производство оружия всех видов в интересах торговцев оружием, крупные монополии нагнетают атмосферу военной истерии, сводится на нет возможность мирного урегулирования, мирных взаимодействий между народами. В то время как американский империализм выделяет огромные суммы на военные расходы, Советский Союз укрепляет узы дружбы, сотрудничества и взаимного доверия со всеми народами мира.

Для нас исключительно важна роль, которую играет СССР в области экономического сотрудничества с развивающимися странами.

Нас, кубинцев, радуют достижения братской Страны Советов, активное развитие советской экономики. Культурный обмен, установленный

между нашими странами, позволяет укрепить уже существующие отношения дружбы и братства. Культура и искусство создают тесную связь между народами.

Наши поэты и прозаики не жалеют сил на распространение многонациональной литературы и искусства братского Советского Союза.

Систематическое развитие наших связей за эти годы стало более прочным и носит необратимый характер. Мы верим: нам удастся сделать и новые шаги в этом направлении — такова сущность самого социалистического сознания, таковы сплочение и единство, возникающие внутри социалистического сотрудничества.

Все это приобретает небывалое значение сейчас, когда народы Латинской Америки усиливают борьбу против эксплуатации и империализма и встают на путь социального прогресса во имя целей, общих для всех народов, идущих по пути социализма, народов, у которых общие идеалы.

Мы, писатели, являемся свидетелями роста авторитета латиноамериканских литератур в нашем мире. Лучшие произведения наших писателей связаны со своей эпохой и создают основу для взаимопонимания между народами.

Союз писателей и деятелей культуры Кубы провел за эти годы большую работу по пропаганде литературного творчества советских коллег. Выходили специальные номера на-

ших журналов, проводились вечера, посвященные выдающимся советским поэтам и прозаикам, выходили в свет произведения русских и советских классиков, большое внимание обращалось на пропаганду творчества молодых современных писателей, отмечались литературные даты.

Все это укрепляет связи между нашими странами и обогащает культуру нашего народа.

Примите же, дорогие, уважаемые советские писатели, наши искренние братские приветствия вашему съезду и сердечное пожелание обильных урожаев на полях многонациональной советской литературы и в борьбе за мир. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Разрешите от вашего имени поблагодарить товарища Лисандро Отеро за братские слова, сказанные в адрес нашей советской литературы.

На этом мы сегодняшнее заседание заканчиваем.

Позвольте мне выразить всем вам благодарность за наш первый трудный и плодотворный день работы.

Завтра, как вам известно, будут работать пять жанровых комиссий. А двадцать шестого июня заседание съезда будет продолжено в этом зале, в Большом Кремлевском дворце оно начнется в 10 часов утра.

Заседание комиссии по прозе

Руководитель комиссии А. С. Иванов

Открывает заседание М. Н. АЛЕКСЕЕВ

М. АЛЕКСЕЕВ. Прозанков, которые избраны на съезде в президиум, прошу занять свои места.

Уважаемые товарищи! Мы продолжаем работу съезда и открываем заседание комиссии по прозе. Разрешите представить слово руководителю этой комиссии Анатолию Степановичу Иванову.

А. ИВАНОВ. Уважаемые товарищи! Вчера, на пленарных заседаниях первого дня нашего съезда почти все ораторы с высокой степенью горячности говорили лишь о недостатках советской литературы, эмоционально объясняя и причины этого. Говорить о недостатках, конечно, надо, но ведь прошедшее пятилетие не было только временем неудач, были в литературе и немалые достижения.

В Политическом докладе Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза отмечалось, что «нравственное здоровье общества, духовный климат, в котором живут люди, в немалой степени определяются состоянием литературы и искусства».

Каково же нынешнее состояние советской литературы? Это как раз и должен определить наш съезд, ибо писательские съезды — это всегда очередной тщательный анализ достижений и недостатков в творческой работе художников слова, смотр состояния советской многонациональной литературы. Это всякий раз рубеж, достигнутый литературой в художественном исследовании объективных социально-общественных законов, по которым развивается жизнь, в исследовании истории и современности, в открытии и исследовании тех новых человеческих типов и характеров, которые рождает жизнь.

По состоянию прозы всегда судили и будут судить об уровне и качестве отечественной словесности. И нашей комиссии следует сообщить проанализировать итоги творческой работы прозаиков не только за прошедшее со времени VII писательского съезда пятилетие, но предельно уяснить себе тот рубеж, которого мы достигли к нынешнему дню в художественном исследовании и осмыслении жизни.

Да, мы нередко говорим, и вчера на пленарных заседаниях съезда отмечалось ораторами, что литература отстает от жизни, она в долгу

перед народом. Ну, что в долгу — тут и спорить нечего. Дети, как бы ни заботились о родителях, всегда в долгу перед ними, ибо родители дали им жизнь, вырастили, воспитали. А вот положение, что литература отстает от жизни, всегда нуждается в конкретном уточнении. Где отстает? Как отстает? Какие животрепещущие проблемы она еще не исследовала или исследовала поверхностно, недостаточно? Не может отставать сразу вся литература, по всем жанрам и темам.

В общем, отстает или не отстает литература от жизни — вопрос не простой. Появись, скажем, «Тихий Дон» сегодня — вряд ли бы кто осмелился сказать, что это произведение отстало от времени, от нашей революционной эпохи.

Я бы сказал наоборот — многие и многие художественные произведения опережают свое время. И не только произведения очерковые, публицистические, которым в силу своего жанра положено быть разведчиками жизни, не только исследовать уже существующие проблемы, а видеть грядущие и указывать на них. Назову для примера такие известнейшие романы и повести, как «Журбины» Всеволода Кочетова, «Закипела сталь» и «Испытание огнем» Владимира Попова, «Битва в пути» и «Повесть о директоре МТС и главном агрономе» Галины Николаевой, «Плавающая станция» Виталия Закруткина, появившаяся, как известно, еще в 50-х годах, в которых авторы со всей страстностью ставили и исследовали проблемы реконструкции устаревшего оборудования, внедрения прогрессивной технологии, увеличение производительного труда в промышленности и в сельском хозяйстве, перестройки сознания человека. Уже тогда все эти вопросы и проблемы выдвигала жизнь, поэтому-то писатели их и увидели, обратили на них внимание всего общества. Но только сейчас, три с половиной десятилетия спустя, все эти вопросы и проблемы стали настолько горячей злобой дня, что общество приступило к их решению в общегосударственном масштабе.

Так что я бы не стал со всей категоричностью утверждать, что литература отстала от жизни, понизилось ее качество. Как сказано в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду, наша литература, отражая рождение нового мира, вместе с тем активно участвовала в его

становлении, формируя человека этого мира — патриота своей Родины, подлинного интернационалиста. И здесь за прошедшее пятилетие наши прозаики добились значительных успехов, в своих лучших книгах достойно продолжали и развивали славные традиции великой русской литературы и наших национальных литератур.

В своем докладе съезду, который вчера мы все слышали, первый секретарь Правления СП СССР Г. М. Марков сделал глубокий, исчерпывающий анализ развития и нынешнего состояния всей многонациональной советской литературы, в том числе и прозы, отметил все наиболее талантливые произведения, назвал их авторов. Мне повторяться нет смысла. Но все-таки я попытаюсь выделить несколько тематических направлений, на мой взгляд, наиболее важных в современной литературе, где художественные искания прозаиков были особенно активны, а достижения вследствие этого наиболее ощутимы и очевидны.

Жизнь развивается по классовым законам, мир разделен на два противоположных полюса. Все планетарные силы зла, сосредоточенные в Соединенных Штатах Америки, давно во всеуслышание объявили о крестовом походе против коммунизма, о намерении взять социальный реванш в мировом масштабе и, как мы все более убеждаемся, всерьез пытаются это безумное намерение осуществить. Ныне противостояние социального добра и зла, полярных сил прогресса и реакции достигло критического состояния.

Советская литература, оставаясь верной ленинскому наказу быть частью общепролетарского дела, в нынешних условиях обращается прежде всего к глубинному исследованию высоко нравственных начал в современном мире, сосредоточенных в коммунистической идеологии, этих самых прогрессивных на планете сил, способных предотвратить гибель человечества, отстоять и сохранить жизнь на Земле. И, естественно, стремясь постичь эту главную особенность нынешнего мира, советские писатели обращаются прежде всего к изображению и воплощению образа Коммуниста.

Наша проза за последнее время здесь накопила достаточно богатый опыт. Вспомните хотя бы секретаря обкома партии Брюханова из романа Проскурина «Имя твоё», парторга Андреаса Яллака из романа Куусберга «Капли дождя», председателя исполкома Апейку из «Полесской хроники» Мележа, секретаря райкома Подрезова из тетралогии Абрамова, редактора Бачану Рамишвили из «Закона вечности» Думбадзе, Клавдию Вилор из повести Гранина. А вспомните героев-коммунистов документальных произведений хотя бы только некоторых из наших ведущих очеркистов — Ивана Васильева, Леонида Иванова, Юрия Черниченко, Анатолия Салуцкого, Петра Ребрина, Камилы Икрамова, Анатолия Зябрева... Эти герои демонстрируют высочайшие качества борцов за благополучие и постоянное укрепление нашего социалистического государства, за народное счастье, жертвуя при этом, если необходимо, даже своей жизнью.

Значительным достижением нашей литературы последнего времени в этом отношении является роман Георгия Маркова «Грядущему веку». Главный герой произведения Антон Соболев — это коммунист, стоящий на самом острие современных противоречий и конфликтов, взваливающий себе на плечи весь груз ответственности не только за настоящее, но и за будущее, за сохранение человеческой цивилизации.

Роман «Грядущему веку» плотно пронизан мировоззрением рабочего класса, в нем открыто и страстно выявлена партийность художника в понимании и глубинном художественном исследовании главнейших проблем, вставших сейчас перед советским обществом и всем человечеством, перед нашим тревожным временем.

Недавно один из белорусских писателей сообщил мне такой факт. На пилораме распиливали бревна на доски, но стальные зубья пилы беспрепятственно крошились, сами пилы рвались, как тряпки. Оказалось, что эта партия леса была заготовлена в том месте, где в сорок первом году шли ожесточенные бои с танками Гудериана, и в деревьях с тех пор остались многочисленные осколки снарядов.

Эти могучие деревья, принявшие в себя немалое количество вражеского металла, но выстоявшие под ураганным танковым огнем, напомнили мне многих героев-коммунистов вышеупомянутых книг.

Изображение героической личности, борца за сокровенные народные чаяния всегда было и остается одной из самых высших, самых главных целей искусства. Но наивно полагать, что сколько-нибудь крупный характер борца может быть создан в отрыве от значительной идейной, социальной проблематики, от тех серьезнейших конфликтов, являющихся следствием главнейших противоречий времени. Это понятно каждому художнику.

История становления социалистического общества не знала легких, спокойных этапов. Борьбы и огня для всех поколений советских людей, созидающих новое общество, всегда хватало. Поэтому исследование природы положительного героя есть исследование нашей революционной эпохи, исследование героической борьбы народа за социальную справедливость. И в советской прозе за последнее время созданы крупные характеры, в которых явственно проступает величие народной души.

Возьмите хотя бы образ простой крестьянки Степаниды из повести Василя Быкова «Знак беды». Ее душа, ее характер сформированы этим героическим и драматическим опытом нашей нелегкой истории. Она гибнет, не поступая и миллиграммом своей совести, воспринятой ею из самых глубин народной нравственности, самой своей смертью обличая античеловечность фашизма, те силы мракобесия, которые постоянно грозили залить планету несправедливостью и злом, а ныне грозят вообще уничтожить на Земле всякую жизнь.

И в силу этого обстоятельства становится предельно ясным, почему советские писатели,

всесторонне исследуя самые высоконравственные начала современного мира, заключенные в коммунистической идеологии, постоянно обращаются в своем творчестве к обличению фашизма и всяческого мракобесия. «Каратели» Адамовича, «Полководец» Карпова, «У войны не женское лицо» Алексиевич, «Маршал Жуков» Яковлева, «Война», «Москва, 41-й» Стаднюка, «Свои и чужие» Чигринова, «Коридор» Бээкмана, «Воздушные тропы» Емельяненко, «Навеки девятнадцатилетние» Бакланова, «Самоходка номер 120» Колесова, «Вечные Картелисы» Яворивского... Все это книги о войне, и художественные и документальные, в которых противостоят идеологии и убеждениям, противостояние моральных норм достигает предельно драматического, а то и трагического, как в «Знаке беды», накала.

Огромную читательскую аудиторию обрела в наши дни мемуарная литература — книги полководцев, военачальников, бывалых людей, героев войны. Читатели, особенно молодые, хотят знать правду о войне из уст ее непосредственных участников. Хотят знать все, что было, и взять их опыт и умение бороться за жизнь в огне, холоде и голоде — опыт побеждать сильного и коварного врага. И спрос на такие книги не спадает, а возрастает. Он продиктован чувством ответственности за судьбу завоеванной победы, чувством требований времени.

Военные мемуары и воспоминания участников войны раскупаются мгновенно, в библиотеках огромные очереди за книгами крупнейших полководцев и военачальников Г. К. Жукова, К. К. Рокоссовского, А. В. Василевского, С. М. Штеменко, В. И. Чуйкова и других. Не залеживаются на полках воспоминания и записки генералов, офицеров и рядовых участников войны. Рассказывая о своем опыте, о виденном и пережитом, авторы этих книг вносят свой вклад в моральный арсенал нашего общества, воспитывая молодых читателей быть верными борцами за наши идеалы.

Заметная активизация патриотической линии в советской прозе понятна, ибо силы мировой реакции действуют все более нагло и коварно, стремятся не допустить даже малейшего снижения напряженности и в нынешний Международный год мира, объявленный Организацией Объединенных Наций, без конца, с демонстративной лихорадочностью производят ядерные взрывы и совершают прямые агрессии, как это было с Ливией, доходят до гнусных провокаций в территориальных водах СССР.

В контексте сказанного выше понятно и активное обращение писателей к исторической тематике, к тем корням народной жизни, из которых выросло настоящее. Ибо все более и более становится сейчас очевидным, что одним из важнейших способов и методов воспитания гражданственности, советского патриотизма, интернационализма было и остается воспитание историей. Потому что история — это борьба народов за свою лучшую долю, за светлые идеалы человечества и, в конечном итоге, за коммунистическое общество.

Проза на историческую тематику настолько обильна, что проанализировать ее всю невозможно по времени, поэтому остановлюсь лишь коротко на том направлении этого вида литературы, которое в открытую, как говорится, связано с целями гражданского, патриотического воспитания народа.

«Огромное значение в укреплении чувства Родины имеет обращение к героическим примерам ее истории», — писала недавно газета «Правда», подчеркивая важность воспитания историей. И в последние годы пример в этом показал своим замечательным романом-эссе «Память» безвременно ушедший от нас Владимир Чивилхин.

Успех «Памяти» у читателя был и остается феноменальным. И главная причина такого обостренного читательского интереса к этому произведению в том, что все повествование одухотворено глубоким патриотическим чувством Родины, гордостью за великое прошлое своего народа.

Чувство Родины! Есть ли в человеке чувство выше и благороднее, чем это?! С этим чувством люди совершают героические подвиги, с ним, если другого выхода нет, идут безбоязненно на смерть. И такие прозаические книги, как, скажем, давно написанный «Мой Дагестан» Гамзатова, сравнительно недавно созданный «Дастан о каракалпаках» Каипбергенова или только что опубликованное повествование «Росс непобедимый» Ганичева, с наибольшей полнотой воспитывают это великое патриотическое чувство к родной земле, советскому Отечеству.

Мощный толчок развитию патриотического направления в исторической прозе дали 60-летний юбилей нашей Великой Революции и 600-летие Куликовской битвы. Популярная серия «Пламенные революционеры» пополнилась книгами о жизни и борьбе за народное счастье его выдающихся сынов — Александра Ульянова, Чернышевского, Герцена, Бестужева-Марлинского, Карамзина... Другая популярная серия — «Жизнь замечательных людей» — продолжала выпускать книги, исследующие жизнь и деяния на благо Отечества выдающихся личностей разных времен. Только в самое последнее время изданы книги о полководцах Древней Руси Святославе и Владимире Мономахе, о Минине и Пожарском, о Пугачеве, Татищеве, Денисе Давыдове, Кондратии Рылееве, Римском-Корсакове и других.

Но эти две серии не исчерпали, конечно, всей историко-патриотической литературы, созданной между съездами. Выпуском ее занимались все издательства, романы и повести на историческую тему печатали почти все журналы. Периодические издания, естественно, отдавали предпочтение произведениям историко-революционного характера. Из всей прозы на историко-революционную тему, созданной между съездами, я бы выделил роман белоруса Ивана Шамякина «Петроград — Брест», исследующий титаническую деятельность Владимира Ильича Ленина по установлению после Октября мира и спокойствия для истерзанной контрреволюцией и интервентами страны, для ее истрадавшего народа и об активном

противодействию этому Троцкого, действовавшего самыми подлыми способами.

За последнее пятилетие отряд исторических писателей значительно увеличился, «география» исторической прозы расширилась. Назову для примера хотя бы Елегичева и Люфанова из Воронежа, Наволочкина из Хабаровска, Любовцева и Маркова из Волгограда, Цаголева из Орджоникидзе, Богданова из Архангельска, Балабасова из Саранска... Романы и повести на историческую тему выходят в Вологде, Саратове, Ярославле, Краснодаре, Горьком, Мурманске, Йошкар-Оле, Петрозаводске, Калининграде, Владивостоке и т. д., и т. д.

Это новое и отрадное явление в нашей литературе последних лет.

О чем бы советский писатель ни писал, какие бы пласты истории и современности он ни исследовал, какие бы противоречия жизни ни изображал, — решающими критериями были и остаются верность правде, партийность позиции художника, его забота о совершенствовании жизни и человека.

Жизнь, несмотря на драматичность и даже трагизм определенных ситуаций и длительных порой отрезков времени, всегда оптимистична. Но оптимизм, как метко сказал Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, «никого не освобождает от работы». Не освобождает он и писателя от той повседневной напряженной творческой работы по созданию таких произведений, которые активно и эффективно способствовали бы искоренению недостатков в нашем обществе, мобилизовывали бы все нравственные, экономические, интеллектуальные резервы для преодоления отставания, для ускоренного продвижения вперед.

От всего этого, прежде всего, не освобождают себя сами писатели. Возьмите последние произведения Михаила Алексея, Отара Чиладзе, Ананьева, Николая Горбачева, Петросяна, Бондарева, Чаковского, Балтушица, Проханова, Виктора Степанова, Мусрепова, Анфиногенова, Амлинского, Айлисли, Сергея Воронина, Леонида Фролова, Гария Немченко, Юлиана Семенова, Михаила Колесникова, Дмитрия Евдокимова, Ивана Акулова, Александра Крона, Ульмаса Умарбекова, Михаила Годенко, Ивана Падерина, Николая Сизова — разве эти, как и многие другие писатели, не ставили в своих книгах темы и проблемы революционной, социалистической нравственности, гражданской ответственности за состояние дел в стране, за свою окружающую жизнь, борьбы против перестраховки, бесприщипности и формализма, бюрократической рутин, взыскательности каждого к самому себе, тему героики труда — всякого труда — и физического, и умственного, раскрывая ее прежде всего в сфере нравственной ответственности человека перед обществом — то есть те темы и проблемы нашей жизни, которые во всем их грандиозном объеме были подняты на XXVII съезде КПСС?

Опять же у меня нет возможности проанализировать все произведения с подобной тематикой, коротко скажу лишь для примера о нескольких книгах такого плана.

Еще в начале семидесятых годов огромный

резонанс вызвал роман Г. Панджикидзе «Камень чистой воды». Роман, который откровенно, честно исследовал явления протекционизма, хищничества, взяточничества в Грузии. А возьмите роман А. Якубова «Совесть». Разве он не превосходил той решительной борьбы против вседозволенности, очковитательства, нарушений законности, которая спустя лишь значительное время развернулась в Узбекистане? Писатель бил тревогу по поводу волюнтаризма, показухи, злоупотребления ядохимикатами, разрушения природы. Картина взлета и падения знаменитого председателя колхоза Атакузы Умарова нарисована им психологически точно. Первые успехи, первые рекорды — и опьянение ими, и убеждение в собственной непогрешимости, и вошедшая в плоть и кровь привычка пренебрегать этикой, мнением односельчан ради сиюминутных выгод. Этаким современным хан в масштабах колхоза. А точнее сказать, не хан, а хам. Однако писатель четко разграничивает при этом вину и беду человека, распознает за противоречиями личности питающие их противоречия обстоятельства. И это не пассивная регистрация фактов. Мы видим в романе, как это обстоит всегда в реальной жизни, людей, способных добиться перелома, людей, стремящихся перестроить работу на современный лад, решить сложные проблемы с учетом достижения науки.

В этом же ряду произведения, которые смело вторгаются в гущу болезненных проблем действительности, могут быть названы романы казаха А. Нурпенсова «Долг» и литовца Й. Авижюса «Дягима». Многие произведения русских писателей — Залыгина, Астафьева, Распутина, Белова, Носова... Эти книги, как и многие другие, задают читателя за живое, подкупают страстностью, откровенностью разговора о современности. Писатели обращаются к сложному комплексу причин, вызывающих экологические катастрофы, скажем, на Арале, на Байкале и в других местах, и к тем плачевным экономическим, моральным последствиям, которые связаны с оскудением и обмелением гигантских степных водоемов, некогда полноводных рек, с гибелью природы во многих регионах страны. Гнев героев этих книг направлен против безответственности, бесхозяйственности, хищничества и расточительства, против бездумной погони за сиюминутными, часто мнимыми выгодами, которые позже влекут за собой горькие разочарования. Писатели встают против измельчения нравов, узколобого практицизма, сложна жить настоящим, не заботясь о завтрашнем дне, о будущем, исследуют пагубное воздействие на человеческие души таких негативных явлений, как пьянство, очковитательство, показуха, потребительство, расхождение между громкими лозунгами и повседневной практикой.

Такие произведения заставляют думать, зорче вглядываться в происходящее, учат видеть и понимать суть противоречий нашего времени. А ведь понять причины негативного явления — значит наполовину уже его устранить.

Я не утверждаю, что книги, которые я называл, в художественном отношении совершен-

ны. Нет, им, видимо, присущи те или иные недостатки. А есть ли, спрошу я, существуют ли художественные произведения вообще без недостатков? Увы, совершенство — категория бесконечная. Но всякое произведение литературы и искусства надо судить прежде всего по заключенным в нем достоинствам, по сумме тех полезностей, которые оно несет людям. Иначе мы скатимся на позиции тех, кто делает попытки бездоказательно утверждать, что за время между съездами и даже более — за несколько последних десятилетий в нашей литературе, за исключением трех-четырёх произведений, не появилось якобы ничего стоящего. Подобные высказывания несправедливы и крайне неуважительны по отношению к нашим мастерам, которые работали и продолжают работать в полную меру таланта.

Литературный процесс в последнее пятилетие носил противоречивый характер. Те негативные явления, которые отчетливо проявились в экономической и общественной жизни 70-х и начала 80-х годов, по-своему сказались и в нашем искусстве. Выше я приводил некоторые примеры, как писатели в течение прошлых лет разрабатывали темы и конфликты, ставшие сейчас, после XXVII съезда КПСС, особенно злободневными. Но мы не можем сказать, что эти и другие конфликты и противоречия, так остро осознаваемые сейчас, были разработаны в полном объеме. Наблюдалось в эти годы и литературное чинопочитание, снижение требовательности к мастерству, снисходительность к мелкотемью, к серости. Главная вина здесь нашей критики. Поэтому совершенно справедлив упрек, сделанный ей в этом отношении в Политическом докладе XXVII съезду КПСС.

Но критика критикой, а немало — специально повторяюсь — зависело от самих условий развития литературы, которые в известной степени препятствовали смелому и тщательному анализу жизни, создавали искусственные трудности перед правдивым исследованием как современности, так и некоторых этапов истории. Некоторые журнальные и издательские работники не воспринимали доброжелательно произведений, исследующих острейшие проблемы времени, тормозили их выход к читателю.

В межсъездовский период литературный процесс в разных республиках развивался по-разному. На Украине, например, конечно, немало появилось в этот период содержательных и по-настоящему хороших книг. Кроме вышеупомянутых мною, это «Рубеж» и «Позиция» Мушкетика, повесть В. Дрозда «Шапка Сластиона», книги Иванычука, Коротяча, Загребельного. Но все же украинскую прозу нельзя сейчас назвать в числе республиканских флагманов всесоюзного литературного процесса, ибо произведений столь же значительных по мысли, по художественному мастерству, как, скажем, роман Олеся Гончара «Твоя заря», о котором много говорилось на предыдущем съезде писателей, украинскими писателями за пятилетие не создано.

В активе казахстанских прозаиков можно назвать, кроме мной уже упомянутых, последние книги Тахави Ахтанова, Тарази, Джаксы-

баева, узбекских — Аскада Мухтара, Пиримкула Кадырова, белорусских — книги В. Козько, А. Жука, А. Кудровца. Увы, за пятилетие это не так уж и много. Особенно если учесть, что главные творческие достижения, скажем, белорусских писателей связаны лишь с военной темой, узбекских — с исторической, а современная же проблематика освоена куда слабее.

Немного, прямо скажем, очень немного создано в межсъездовские годы прозаических произведений, которые стали бы событиями во всесоюзном масштабе в Киргизии, в Таджикистане, в Азербайджане, в Прибалтийских республиках.

Вызывает беспокойство положение в некоторых автономных республиках. Конечно, и здесь можно назвать, кроме уже упомянутых, недавно появившиеся неплохие повести и романы Баграта Шинкубы из Абхазии, Нафи Джусойты из Осетии, Софрона Данилова из Якутии, Абу-Бакара из Дагестана. Но все-таки крупных литературных свершений здесь за пятилетие явно недостаточно.

Точно так же можно большего было ждать от прозаиков Татарии и Удмуртии, Мордовии и Калмыкии, Бурятии и Башкирии. Творческие потенциалы здесь довольно богатые, но, как говорят, съём продукции с производственных площадей пока невелик.

Ни для кого не секрет, что в последнее время стали все чаще появляться прозаические произведения в идейно-художественном отношении слабые, в которых отсутствовало серьезное исследование реальных жизненных противоречий и конфликтов. Подобных рассказов, повестей и даже романов появлялось все больше, и вот уже заговорили о потоке литературной серости, который якобы захлестнул книжные полки, затопил все талантливое в нашей прозе.

Ну, захлестнул и затопил — выражения, наверно, слишком крепкие. Но факт остается фактом — слабых и просто плохих прозаических произведений у нас печатается много.

В чем же дело, в чем причина этого? Мы ищем ее, эту причину, опять же в нетребовательности отдельных журнальных и издательских работников, выпускающих в свет беспомощные, сырые, слабые произведения, в благодушии критики, которая снисходительно относится к серой прозе. Да, конечно, тут вины с редакторов и критиков не снимешь. Но это производное от главного. А главное, на мой взгляд, заключается в том, что в последнее время в стране вообще заметно понизились идейно-художественные критерии в оценках явлений литературы, да и всего искусства в целом. Вы посмотрите, что происходит. Какая-нибудь экстравагантная певчиха или хриплоголосый певец помелькает на телеэкране — их тут же объявляют звездами, а вскоре они становятся заслуженными и народными артистами. Поставил иной режиссер парочку пустопорожных спектаклей или фильмов, иногда сомнительных в идейном отношении, но зато сцепленных в какой-нибудь на западный образец авангардистской манере, и в силу этого всколыхнувших обывательский интерес, — а эта цель чаще всего открыто и пресле-

дуются подобным режиссером — и вот он уже какой-нибудь лауреат. И так далее. Вот и плодятся у нас бездарные певцы, актеры, режиссеры, скульпторы, музыканты, живописцы, но зато все они очень шустры, активные, пробивные. Они заполняют своими убогими творениями эфир, теле- и киноэкраны, сценические площадки, выставочные залы, площади наших городов.

И литература здесь, как я сказал выше, увы, не исключение. Нередко ведь у нас бывает как? Появляется, скажем, откровенно слабый роман какого-нибудь известного, а то, не дай бог, маститого писателя, увенчанного, как правило, высокими государственными наградами и литературными премиями. Критика тотчас бросается его хвалить. Мы хвалим и хвалим взахлеб произведения подобных авторов, если даже невзыскательностью к языку, композиционной неряшливостью, формалистическими выкрутасами они откровенно бравируют. Хвалим, если эти авторы мусолят и мусолят давным-давно исследованные жизненные проблемы, хвалим иногда даже, к сожалению, и в том случае, если в их произведениях протаскивается чуждая для нас философия, замаскированная, конечно, всегда под революционность, но видимая без труда; разглядеть ее как-то не могут лишь профессиональные, опытные критики. А если к тому же подобный литератор так же запросто, как к себе на дачу, т. е. в любое время, удобное ему, вояжирует в европейские капиталистические страны, а тем более за океан, — тут уже он вовсе неприкасаемый для критики. А начинающие свой путь в искусстве люди, молодые литераторы, все это чутко улавливают. Подражания же в начале творческого пути вещь обыкновенная, для многих неизбежная. Вот и идут косяками произведения с придуманными роковыми страстями, ущербные, наполненные обывательским мелодрамматизмом, написанные до того красивым литературным языком, что от него тошнит.

Появление на книжных полках слабых литературных произведений объясняется рядом многих причин. Вот возьмем так называемую проблему молодых. Мы отыскиваем новые таланты по всей стране, помогаем их становлению и по справедливости гордимся той огромной работой, которую проводим с начинающими и молодыми авторами.

Но, к сожалению, здесь имеются у нас и издержки, главная из которых — опять же отсутствие должной требовательности. У иных молодых авторов, кое-как слепивших первые рукописи, таланта нет, но есть неумное желание выйти в писатели. И вот такие-то бездарности, коих, увы, намного больше, чем талантливых людей, пользуясь нашей заботой о литературной смене, кричат на всех трибунах, мы же и есть искомая вами литературная смена, такие буквально стучат кулаками по редакторским столам — печатайте нас, иначе обвиним в третирувании молодых талантов, затаскаем по инстанциям.

И, увы, нередко их беспомощные, антихудожественные произведения идут в печать. Наш Союз писателей засорен случайными в литературе людьми. Есть члены Союза писа-

телей, не имеющие ни одной изданной книги. Как они туда попали — остается загадкой. В Союз писателей пытаются проникнуть и проникают порой всякие руководящие чиновники, нынешние и особенно бывшие, сделавшие с помощью подчиненных какую-нибудь книжонку. Многие из таких бывших откровенно заявляют: я теперь вышел на пенсию и решил всего себя посвятить литературе, потому давайте-ка принимайте меня в Союз писателей. Параллельно с Союзом писателей СССР есть еще где-то, при Литфонде СССР, что ли, какой-то таинственный профком литераторов. Многочисленные члены этого так называемого профессионального комитета литераторов тоже что-то сочиняют, всеми силами проталкивают свои писания в журналы и издательства, а потом требуют приема в Союз писателей и чаще всего добиваются этого.

Мне кажется, настало время внимательно посмотреть на численный состав членов Союза писателей СССР, предельно повысить, ужесточить требовательность при приеме новых членов Союза писателей, поставить условием для приема не умение писать посредственные рассказы, повести или даже романы, а умение видеть и осмысливать по-писательски глубинные жизненные противоречия, видеть и понимать, как в результате разрешения этих противоречий рождаются новые человеческие типы и характеры, умение отображать все это на бумаге ярким, эмоциональным, народным языком, т. е. руководствоваться при приеме новых членов Союза писателей жестким законом — обладает или не обладает человек настоящим литературным талантом. Для того чтобы убедиться в наличии такого таланта, следует, может быть, установить на определенный срок институт кандидатов в члены СП СССР. Иной автор не долго будет ходить в кандидатах, ибо первые же его книги покажут, что он настоящий художник. А автор бездарный этот рубеж не преодолеет, а может быть, к своему же благу и поймет, что ему надо заняться чем-нибудь более полезным для общества.

Следует хотя бы несколько слов сказать о состоянии переводческого дела. Страна наша многонациональная, советская литература создается на 78 языках, СССР — крупнейший издатель всей прогрессивной литературы мира, а переводческое дело поставлено у нас плохо, а если точнее сказать, оно никак не поставлено, идет стихийно, никто этой важнейшей стороной литературного процесса в общем-то не руководит. И тут часто возникают, ну, мягко говоря, ситуации, не способствующие объективной оценке того или иного произведения национального автора, изданного на русском языке, и неловкие для самих авторов. Так, многие произведения национальных авторов неизменно поднимаются на щит московскими критиками, а критика местная об этих же произведениях говорит, как правило, более сдержанно, а то и сурово. И тут одно из двух — либо московские критики недобросовестны, либо переводы не соответствуют оригиналам.

А кто скажет, какие сложности возникают при переводе произведений с одного нацио-

нального языка на другой национальный язык, скажем, с туркменского на эстонский, с татарского на армянский и т. д. Да никто не скажет, кроме самих авторов и переводчиков, потому что никто этого, кроме них, и не знает. Чаще всего произведение национального автора переводится на русский язык или делается подстрочник на русском языке, а потом уже осуществляется перевод на другой национальный язык.

Словом, проблем здесь великое множество. Переводческое дело в стране следует глубоко, всесторонне изучить и принять меры по его улучшению.

Ныне переводчики являются членами Союза писателей СССР. И мне кажется, было бы в высшей степени полезно основать переводчикам свой собственный творческий союз, Союз переводчиков, как это сделано во многих социалистических странах. Это дало бы возможность целенаправленно руководить переводческим делом, контролировать качество переводов, а самим переводчикам профессионально совершенствоваться, улучшать свою работу. Создание такого Союза было бы только на пользу дальнейшего развития и расцвета нашей многонациональной литературы. (А п л о д и с м е н т ы.)

В Политическом докладе XXVII съезду КПСС есть такие слова, обращенные к художникам: «Когда возникает общественная потребность осмыслить время, в особенности время переломное, оно всегда выдвигает людей, для которых это становится внутренней потребностью».

Удивительно точные, емкие и глубокие слова.

Назовем основные переломные моменты в истории нашей страны. Это Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война, это индустриализация и коллективизация, это Великая Отечественная война, это первые десятилетия послевоенного времени. И назовем хотя бы некоторых художников, раньше других пришедших на ум, которых родили эти переломные времена, в которые они жили, воевали, работали, которые их призвали к творчеству, — Фадеев, Алексей Толстой, Константин Федин, Шолохов, Леонов, Гладков, Эренбург, Катаев, Паустовский, Симонов, Полевой, Георгий Марков, Кочетов, Вадим Кожевников, Бондарев, Михаил Алексеев...

Все эти названные мною художники слова, вместе, конечно, с сотнями и сотнями неназванных, составляют сейчас славу и гордость советской литературы. Но ведь в те же переломные времена, которые призвали их к творчеству, все они были молодыми, а большинство просто начинающими писателями.

К чему я все это говорю? Конечно, осмысливать в своих произведениях нынешнее переломное время будут все без исключения писатели, ибо талант, как говорил Блок, это обязанность, а не право. Но в значительной степени это дело тех прозаиков, которые начинают сейчас, в это переломное время, свой творческий путь, свою творческую биографию, дело новых творческих поколений.

Готова ли молодая, как мы говорим, литера-

тура, молодые писатели встать рядом со старшим литературным поколением, подхватить и продолжить их творческое подвижничество в художественном исследовании нынешнего переломного времени? Мне кажется — да, готова.

Я не буду здесь называть имена талантливых молодых писателей, на которых можно было бы возложить особые надежды. Не буду по той причине, что время в этом смысле коварно, оно может выдвинуть этих, а может и совсем других, ныне даже не известных людей, ибо таланты природа рождает непрерывно. Важно то, что талантливой литературной молодежи у нас много, что молодые писатели понимают главную задачу литературы наших дней — глубоко осмысливать и исследовать сложный процесс кардинальной перестройки народного сознания, который происходит и будет происходить впредь в связи с разработанными партией грандиозными планами обновления и совершенствования всех сфер нашей жизни, понимают, что в ходе этой перестройки будут возникать серьезные преграды, трудные препятствия и психологического и экономического порядка, что обществу придется преодолевать и рутину, и косность, и бюрократизм на пути к осуществлению намеченного и что в связи с этим в искусстве необходимо выдвигать на первый план героя активной, наступательной позиции и небывалой ответственности за жизнь на Земле.

Процесс обновления во всех жизненных сферах советского общества, начавшийся после XXVII съезда партии, неизбежно скажется в советском искусстве, в том числе и в литературе. И главное здесь для нас не просто резко повысить идейно-художественные критерии в оценках литературных произведений, а создать в писательской организации страны такую атмосферу, такую обстановку, в которой эти высокие, а еще правильнее было бы сказать, высочайшие критерии стали бы само собой разумеющимися, постоянной нормой творческой жизни. Только так можно поставить надежный заслон на пути мелкоотемных, невыразительных, серых, одним словом, плохих, никому не нужных произведений.

Товарищи!

Человек, обладающий настоящим литературным талантом, не может не размышлять постоянно об исторических путях своего народа, о народных идеалах и чаяниях, о тех препятствиях, которые мешали и мешают их полному осуществлению, о тех нелегких дорогах, омывтых потом и кровью, которые привели людей в мир интернационального братства, о тех непростых проблемах, которые еще предстоит решить нашему советскому народу для полного торжества социальной справедливости.

Как будут советские люди решать эти непростые проблемы, какие противоречия в ходе решения этих проблем будет преодолевать советское общество конца XX века — обо всем этом мы и должны в своих романах, повестях, рассказах, очерках поведать нашим современникам, должны запечатлеть в своих книгах грандиозный народный подвиг для грядущих за нами поколений.

И нет никаких сомнений в том, что рубеж,

достигнутый ныне многонациональной советской литературой, есть увертюра к появлению новых крупномасштабных произведений о нашей легендарной истории, о нашем революционном времени. (А плоды сменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово для содоклада предоставляется Анатолию Самуиловичу Салуцкому.

А. САЛУЦКИЙ. Полезно было бы поведать с этой трибуны о сложностях и противоречиях современной жизни, о тех борениях, нелепостях и методах прямого торможения, которыми богат нынешний переломный период. Еще совсем недавно это считалось хорошим тоном. У нас в московской организации некоторые опытные ораторы стали даже кокетничать своим знанием жизни и без всякого риска вызывать неудовольствие коллег, старательно обходя литературные дела, научились закармливать аудиторию жареными фактами, почерпнутыми из нашей далекой от совершенства действительности.

Безусловно, знание жизни — основа творчества. Но что означает — «знать жизнь»? Если говорить о публицистике, до недавнего времени высшей доблестью здесь считали постижение острых хозяйственных проблем. Не случайно два года назад на Всесоюзной литературной конференции в Алма-Ате деловой проблемный очерк называли «царь-очерком». По заслугам! Он много лет будоражил общественное мнение, накапливая в обществе нравственный потенциал для преодоления застойных явлений.

Сегодня очевидно, что психология становится важнее технологии. Этот поворот произошел не вдруг, не сразу, но многие публицисты, особенно московские, соревнуясь в изучении социально-экономических проблем, не заметили назревавших перемен. Зато их чутко уловил человек, чье знание жизни оказалось на порядок глубже, — возможно потому, что он долгие годы несуетно живет в глубинке и не изучает народную жизнь, а целиком погружен в нее. Говорю об Иване Афанасьевиче Васильеве, который давно отстаивает в публицистике нравственно-психологическое направление, а сейчас, в период психологической перестройки, оно особенно созвучно времени.

Вообще, пришла пора громко сказать, что в Иване Васильеве наша литература обрела крупного писателя, чьи очерки опередили повседневное течение жизни и творчество которого для нашей публицистики стало этапным.

Но наше бурное время требует двигаться дальше. В каком направлении? Размышляя над этим вопросом, добавлю к сказанному, что мы располагаем мощной гражданской экологической публицистикой, где тон задают крупнейшие прозаики. У нас есть хороший судебный очерк, созвучный нынешним очистительным процессам. Сильным мне представляется и боевой жанр педагогических раздумий. Наконец, набирает силу публицистика об НТР, хотя ей заметно не хватает социальной, она пока увлечена сугубо техническими проблемами.

Но кто возьмет на себя труд глубокого познания важнейших общественно-политиче-

ских процессов периода обновления? Кто публицистически осмыслит ту крутую синусоиду общественного развития, которая пролегла между ноябрьским (1982) и апрельским (1985) Пленумами ЦК? Кого вдохновит не одышка экономики, не болезнь нравов, а состояние общества в целом? Кто попытается вскрыть неясную для многих суть психологической перестройки? Возможно, кому-то эти вопросы покажутся странными — так мы привыкли, что литература наша берется за осмысление общественных процессов потом, после, когда уже выставлены все оценки, с совершенно безопасной для писателя исторической дистанции.

Один известный прозаик, глубоко почитающий Льва Толстого, недавно сказал мне, что пока не следует приниматься за прозу о времени перестройки. Надо посмотреть, как повернется жизнь, какие тенденции возьмут верх, а уж тогда — с богом! За перо! Не скрою, сперва я согласился с этим мнением, тем более оно было подкреплено соответствующей цитатой Толстого, а тут уж не поспоришь. Однако потом отверг его. Но, учитывая маститость оппонента и его кумира, призвал на подмогу Шолохова, который взялся за «Поднятую целину», не дожидаясь, когда завершится исторический переворот в деревне, ускоряя его.

Да, можно изучать жизнь, чтобы потом художественно осмыслить ее, — уже повернувшую тем или иным боком. И можно сейчас же сунуть перо в этот кипяток — в нашу противоречивую действительность, чтобы писать о перестройке немедленно, обжигаясь, ошибаясь, набивая шишки. Конечно, с точки зрения теории литературы эти два подхода — элементарные следствия жанровых различий между очерком и романом, противопоставлять их не следует. Верно, не следует. Но и забывать, что в особо сложные, переломные годы они служат мерой гражданской активности, тоже ни к чему.

После периода застоя общество наше пришло в сильное движение. Резко возросла роль критики и гласности, наряду с изменениями в системе управления, хозяйственного механизма и кадровой политики готовятся перемены в таких сферах, которые десятилетиями оставались застывшими: в принципах оплаты жилья, прав наследования, учета доходов, налогообложения, индивидуально-трудовой деятельности. Как все это отразится на горожанах и селянах, мужьях и женах, пионерах и пенсионерах? Безусловно, весь комплекс намеченных мер приведет к заметному изменению привычного образа жизни и мышления миллионов людей, даст импульс к формированию новой социально-психологической среды. Какой именно?.. Не знаю. И не уверен, что кто-либо из сидящих в зале способен убедительно ответить на этот вопрос. Разработка этих и других столь же острых проблем отдана на откуп специалистам. А серьезного публицистического осмысления того, как «сработает» в реальной жизни весь комплекс перемен, какие тут могут встретиться сложности и как их избежать, — такого осмысления пока нет.

Между тем, полностью разделяя природо-

охранную писательскую тревогу во имя будущего, не могу согласиться, что нынешние острее проблемы общественной жизни менее значимы для потомков.

Если романистам пока дозволено безмолвствовать о крутых и неоднозначных процессах перестройки — не каждому ведь дано равняться на Шолохова, — то публицистика не вправе уклоняться от них. Однако среди очеркистов пока нет особого интереса к проблемам общественного бытия. Исключением служит лишь недавний очерк Стреляного в «Знамени» о социализме мысли и социализме чувств. Но в целом наша несколько утилитарная, прагматическая публицистика оказалась не готовой к осмыслению того стремительного обновления общества, которое наметил XXVII съезд КПСС.

Так что же — некому в нашей литературе во всеоружии серьезной идейно-художественной подготовки взяться за публицистический анализ новых явлений и черт общественной жизни? Конечно, есть перья, именно к этому и предназначенные, но словно позабывшие о своем высоком предназначении.

Веду речь о наших славных критиках.

Море чернил извели они, доказывая на примере русских революционных демократов, что литературное произведение дает критику законный повод толковать о явлениях самой жизни. Действительно, вспомните раздумья Добролюбова о повести «Накануне» — это же публицистика высочайшего класса! И название ее — «Когда же придет настоящий день?» — свидетельствует, что критик пошел куда дальше автора — от кануна к грядущему. А какой сочный срез общественной жизни представил Чернышевский, вслед за тургеневской Асей пригласив русского человека на randevu? Все творчество этой бессмертной плеяды критиков основано на глубоком анализе действительности, которую они знали уже во всяком случае не хуже писателей, публицистически осваивая грядущий день. Воистину, они были его разведчиками.

А что же наши «неистовые виссарионы»?

В этой связи хочу выразить решительное несогласие с тезисом, который давно и настойчиво пропагандирует Феликс Кузнецов и который в его устах звучит так: «Какова литература, такова и критика». Это пассивно-оборонческий тезис, он закрепляет обслуживающую функцию литературной критики, лишая ее ведущей роли, он не требует от критика активного познания живой жизни, тем самым уводя его от злободневной публицистики, от традиций русских революционных демократов, чье наследие так глубоко изучил Кузнецов. А поскольку доказано, что в поле зрения критики попадает лишь десятая часть литературы, то на практике принцип обслуживания оборачивается изнанкой знаменитой шутки Чехова. Чехов, как известно, однажды сказал: «Я не обедаю на юбилеях тех писателей, которых не читаю». Похоже, критики наши, наоборот, не читают тех писателей, с которыми не обедают.

Литературно-критическая мысль бьется в тисках идейно-эстетических оценок, а если и выходит за рамки произведений, то лишь для историко-литературных аналогий, а не для глу-

бокого самостоятельного анализа текущей действительности. В критических статьях мало жизни. В итоге получается всего лишь литература о литературе. Это, конечно, необходимо, но недостаточно, особенно на таких крутых поворотах общественного развития, как сейчас. Наше динамичное время и проза последних лет позволяют критикам очень сильно, публицистично, говоря словами Добролюбова, толковать о явлениях жизни. Но мы имеем уйму противоречивых суждений о некоторых наиболее заметных произведениях, однако никто еще не попытался, например, вскрыть ту беспринципную возню, какую под лозунгами перестройки и обновления затеяли сейчас во всех сферах жизни серые, мелкие люди, стремясь огульно опорочить своих недавних кумиров. А к такому анализу прямо побуждает «Игра» Бондарева, которая художественно предвосхитила это распространенное ныне явление.

Кстати, о серости, которую без конца поминуют на наших собраниях. Ведь ее клеймили еще на II съезде писателей в 1954 г. На том же съезде Фадеев протестовал против «отвратительной групповщины». Овечкин и Федин требовали сломать существовавшую в ту пору систему присуждения литературных премий. Шолохов высмеивал практику сколачивания литературной обоймы. Всеволод Иванов на III съезде говорил о возникновении «аппаратных талантов». То же, что и сейчас! Далеко ли мы уехали за минувшие тридцать лет в решении своих внутренних проблем? На этот вопрос можно ответить предметно, так сказать, с географической точностью, если вспомнить еще одно меткое замечание Овечкина на том съезде. Основываясь на письме Горького, осуждавшего создание писательской «касты», Овечкин говорил о неблагоприятной атмосфере в литературной среде, о столкновениях честолюбий и самолюбий в сообществе писателей из московского Лаврушинского переулка. Сегодня это сообщество вместе с былыми проблемами переселилось в Астраханский переулок. Выходит, недалеко уехали — рубль на такси!

Это к вопросу о перестройке сознания. Не пора ли и впрямь покончить с эгоистическими распрями и сообща взяться за ту благороднейшую, истинно писательскую задачу, которую выдвинуло время: способствовать улучшению общества.

Разумеется, сие не означает, что надо отказать от пблемики по принципиальным вопросам. II съезд тоже проходил в сложный, переломный для страны период. Был острым, обсудил множество проблем, накопившихся в обществе. Но с годами этих проблем становилось все меньше, пока, наконец, в середине семидесятых не настала полная благодать. Проблемы кончились, ушли. Куда? На этот вопрос ровно 10 лет назад на VI съезде по своему ответил один из наших ведущих публицистов Грибачев. Он сказал: «Когда сейчас (10 лет назад) берешься за рассказ или повесть, то сюжет становится каким-то проклятием, конфликты растекаются, нет остроты... конфликты ушли за рубеж, на международную арену». Вот, оказывается, в чем дело. За

рубеж конфликты ушли! И куда только пограничники глядели?.. К счастью, мы не слышали жалоб на отсутствие жизненной остроты от Астафьева и Распутина, от Быкова и Белова, не то тяжко пришлось бы нашей литературе. Впрочем, не думайте, будто писательские съезды целиком отражали царившую тогда атмосферу благодушия. Публицисту Грибачеву немедленно возразил прозаик Проскурин, и это был образец принципиального спора.

Но как тут не вспомнить вчерашние, под аплодисменты, слова Бориса Олейника о том, что те же люди, которые раньше способствовали благодушию, теперь первыми рвутся на трибуну, чтобы прославлять перестройку. Проскурина, Астафьева, Белова, Распутина мы пока на съезде не слышали. А вот Грибачев, отрицавший жизненную остроту в период застоя, как и тогда, выступил одним из первых. Все как раз по Олейнику! Это тоже к вопросу о перестройке, и не где-нибудь, а непосредственно в нашей среде. (А п л о д и с м е н т ы.)

Выше я говорил, что перья критиков не спешат публицистически откликнуться на общественные проблемы периода перестройки. Но есть у нас и другие перья — поэтические, которые, наоборот, торопятся сделать это. Порой слишком торопятся — как поповна замуж. Конечно, трибунность поэзии — добрая традиция советской литературы. Но худо, если вместо набата с газетной полосы несетя кукареканье по принципу: «Я первый!» Современная действительность весьма сложна, чтобы познать ее, нужен огромный труд души, с петушиного наскоку, даже учитывая прежний опыт, психологическую новь народной жизни не одолеть. Пример не конъюнктурного подхода здесь подал нам Сергей Павлович Залыгин, певец деревни, который нашел в себе мужество публично заявить: «Современного крестьянина не знаю и писать о нем не могу».

Почему я останавливаю ваше внимание на этих честных словах? Да потому, что у некоторых писателей появилась тенденция под видом новых проблем реанимировать старые и тем самым искажать представление о действительности. Именно так, на мой взгляд, поступает Евтушенко, утерявший луповинную связь с народной жизнью, которая отличала автора «Братской ГЭС», не постигший истинных сложностей современного этапа общественного развития и умозрительно проецирующий в наше время проблемы периода своей бурной юности.

Да, они живучи, те проблемы, но сегодня есть заботы и куда злободневнее. А в сложное переходное время смещать акценты общественных конфликтов с целью поддержания былой популярности — дело не совестливое. На Всесоюзном совете по публицистике мы обсуждали «Фуку», и там я имел удовольствие подробно высказать свое мнение в глаза автору, есть стенограмма. Сейчас скажу лишь одно: не следует путать 1986 год с 1956 годом, общество наше заметно повзрослело. А невиданная для моего поколения динамика социальных процессов, как учит история, служит предвестием скорых, еще более решительных перемен. На таких крутых переломах святая обязанность писателя с обострен-

ностью чувств, со свежестью мысли не только слушать глас, но и провидеть пока не изреченную, трудную думу народа.

В заключение — об одной негативной черте наших дней, о которой твержу постоянно на писательских собраниях, на страницах «Правды». В нашем обществе появилось значительное число молодых или сравнительно молодых людей, которые восприняли период обновления кадров как удобный момент для совершения карьеры. Эти люди не страдают отложением солей в позвоночнике и готовы гнуться в любую сторону. Им в подметки не годится иной кинодрал, уже вышедший на пенсию. Надо все сделать — немаловажна тут и роль литературы, чтобы завтрашний день не оказался бы в руках этих новоявленных «мальчиков». Не допустить их к власти — значит дать дорогу тому молодому, здоровому, полному созидательных сил поколению, которое сформировалось не у подножия бюрократической иерархии, а в гуще жизни. Тому поколению, на которое полностью может положиться партия в осуществлении своих планов. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово о проблемах художественного перевода предоставляется Элиэзбаре Георгиевичу Ананишвили.

Э. АНАНИШВИЛИ. Уважаемые товарищи! С годами все обширнее и значимей становится в нашей многоязычной литературе сфера художественного перевода. Все обильнее наше переводческое хозяйство — но далеко не до всех дальних углов этой разросшейся области достает в последнее время наш хозяйский глаз. Между тем переводческая деятельность в стране все ширится. Десятками и сотнями появляются переводные книги на всех языках народов СССР, почти что ни один номер толстого или тонкого журнала, а порой и газеты, не обходится без переводного материала. Около сорока процентов всей появляющейся у нас литературной продукции есть переводная литература, плод работы писателей, занимающихся переводом.

Значение этого рода литературной деятельности — художественного перевода — для нашей культуры трудно переоценить. Я позволю себе остановиться на некоторых его аспектах.

За годы, протекавшие после Великой Октябрьской революции, народы нашей многонациональной страны, некогда мало знакомые друг с другом, почти чуждые друг другу, все больше сближались и образовали в наши дни, не утратив своих языков и национальных особенностей, новое, донныне невиданное, равноправное единство, более тесное, чем сообщество или союз: единство, цельность, которому вполне отвечает принятое наименование — братство. Это межнациональное единство, это братство народов, которому общее имя — советский народ, является созидателем и носителем культуры, единой по своему существу, хотя и составленной из многих культур, своеобразных и зачастую немало различающихся по своим особенностям. Среди них есть культуры разного возраста и уровня развития, но ни одна, даже самая высокоразвитая, не

подавляет и не поглощает никакую другую, хотя бы самую молодую или младописьменную. Голос каждой из них необходим для полноты общей культуры — и литературы в том числе. От возможно большего развития каждой части зависит единство, слитность, прочность целого — общей нашей социалистической культуры.

Велико и очевидно значение перевода — в частности, и даже в особенности, художественного перевода для духовного сближения наших народов. Дело не в знании или незнании языков одних народов другими, а в том, что художественное совершенство вообще, художественная суть произведения связаны с языком: в языке выражается и своеобразие внутреннего мира любого народа. А ведь художественная литература отражает самые глубокие слои духовной жизни наций, их внутреннюю, подчас сокровенную суть. Взаимопроникновение литератур есть средство взаимного познания народов, путь к братству и единению. И задача полноценного воспроизведения художественного текста на другом языке — задача нелегкая — играет первостепенную роль. Именно потому А. М. Горький, говоря на I съезде писателей СССР о возникновении и развитии единой советской литературы, призвал разноязычных писателей нашей страны «переводить друг друга». Особое же значение получил перевод на русский язык, понятный всем народам Советского Союза, делающий переведенное на него произведение сразу общим их достоянием и выводящий его на всемирную арену. Таким образом, художественный перевод оказывается фактором и орудием ленинской национальной политики нашего государства.

Но размах переводческой активности на всех языках нашей страны есть не только свидетельство углубления межнациональной общности народов СССР. Он также знаменует культурный рост всех — от древнеписьменных до младокультурных — наших народов, быстро приобщающихся к богатствам и сокровищам, накопленным в веках мировой культурой, и ко всем истинным ценностям, создаваемым сегодня прогрессивно мыслящей частью человечества. За последние десятилетия произошел поистине удивительный, подчас взрывной расцвет наших национальных культур. Менее развитые, совсем молодые догоняют древние, передовые, и ни один народ, входящий в состав Советского Союза, не может сегодня именоваться культурно отсталым. И немало шедевров русской и мировой классики пришло на языках народов СССР к читателю в полноценных переводах.

На предыдущих VI и VII Всесоюзных съездах писателей работала специальная комиссия по художественному переводу. На нынешнем съезде переводческие вопросы стали предметом рассмотрения в разных комиссиях. Между тем задачи и проблемы переводчиков прозы и поэзии в общем однородны и за малыми, не принципиальными отличиями, можно сказать, совпадают. Почти все, что может быть сказано о переводе прозы, здесь, на этой комиссии, возможно отнести с небольшими модификациями и к переводу поэзии.

В этом ограниченном по времени выступлении я попытаюсь лишь обобщенно очертить круг проблем, встающих сегодня перед нашей переводческой общественностью.

Круг этот определяется в первую очередь вопросами о выборе переводимых произведений, о качестве перевода, о контроле над переводческой деятельностью и о развитии теории перевода.

Итак, прежде всего, что мы переводим? Литература народов СССР переводится у нас в стране в немалых количествах. Правда, это касается в основном русских переводов. С одних языков братских народов на другие художественной литературы переводится значительно меньше. И отбор здесь, естественно, не может отличаться полнотой. Чаще всего это — образцы великой классики, в значительной мере определяемые годовщинами и юбилеями, или же наиболее популярные, привлекшие к себе в последнее время внимание произведения современных авторов. Между тем многие произведения разноязычных советских писателей могли бы занять заметное место в духовной жизни других братских народов, будучи переведенными именно на их родные языки и тем самым приближенными к самым широким массам читателей.

Русскоязычные переводы произведений литератур народов СССР частично издаются в соответствующих республиках, частично — в московских, реже в ленинградских издательствах. Выбор здесь определяется успехом, популярностью переводимых произведений, но подчас и инициативностью и настойчивостью авторов или переводчиков. В результате в число издаваемых переводов попадают произведения, публикация которых на русском языке ничего не дает русскому и всесоюзному читателю и не прибавляет лавров данной братской литературе. Это касается не только республиканских, но и столичных издательств, которые также порой выпускают мало-значительные книги, но зато иногда запаздывают с изданием примечательных произведений просто потому, что не успевают вовремя их обнаружить. Центральным нашим издательствам необходимо организовать постоянное слежение за развитием литературы в республиках, упрочить или наладить повседневные связи, даже создать у себя соответствующий информационный аппарат. Связи с Союзом писателей республик, конечно, существуют и сейчас, но они не обеспечивают систематической информации и практически сводятся к запрашиванию рекомендаций для поступающих заявок, — рекомендаций, которые любому мало-мальски настойчивому автору нетрудно добыть.

Следовало бы постоянно и систематически издавать — и тем самым пропагандировать — великую классику народов СССР. Сейчас от издания до издания Руставели, Шевченко, Махтум-Кули или Низами проходят годы, и желающий обогатить ими свою библиотеку вынужден вести поиски по букинистам. И почему бы центральным нашим издательствам не предпринять издание библиотек различных наших литератур?

С переводом зарубежной литературы дело

обстоит сравнительно благополучно, но и здесь немало остается сделать. Конечно, Гете, Данте, Бальзак, Шекспир и вообще большая часть великой мировой классики имеется в русских переводах, и, конечно, если иные из переводов нельзя считать окончательными, то это зависит от появления переводчиков — не рождающихся, как все большие таланты, по заказу, — способных свершить эти поистине героические творческие дела. И все же есть еще белые пятна на карте мировой классики. В особенности заметны они на карте литературы XX века, той ее части, что стала уже классикой. В нашей переводной словесности, которая является составной частью такой богатой, имеющей всемирный авторитет и всечеловеческое значение литературы, как советская, общемировой литературный процесс — историческое развитие того, что Гете называл всемирной литературой, — должен быть представлен с исчерпывающей полнотой. Впрочем, следует отдать *должное нашим главным издательствам*: они ведут интенсивную, в значительной мере поисковую работу в этом направлении. Хотелось бы только, чтобы объем этой работы был больше, и чтобы хорошие, любовно выношенные замыслы не дожидались осуществления по многу лет.

Что касается современной зарубежной литературы, здесь выбор переводимых произведений часто спорен, случаен, субъективен. Отчасти это объясняется не успешными установками, подчас дискуссионными оценками. Необходимо систематическое, внимательное слежение за литературным процессом на разных языках, в разных регионах мира, детальное и углубленное. И слежение это должно производиться именно издательствами. Сегодня отбор для перевода произведений современной зарубежной литературы в значительной мере произволен и часто подсказывается различными внелитературными соображениями.

Советская школа художественного перевода давно получила всемирное признание. Многие работы прославленных наших переводчиков последнего полувека — да и более ранние — стали классикой перевода в нашей стране. Речь идет не только о русском переводе — превосходные, ставшие явлением родного языка и культуры переводы были созданы во многих братских советских республиках именно по этим принципам. Прошли, однако, времена, многие из прежних мастеров ушли из жизни. Переводческая деятельность за последние десятилетия необычайно расширилась, стала привычной повседневностью. Теперь уже каждая новая работа не представляется, как в былые годы, событием, привлекающим к себе пристальное внимание. Переводом стало заниматься больше людей, снова порой случайных, не обладающих ни знаниями, ни талантом. Во многих переводческих работах чувствуется небрежность, поверхностность, недостаток культуры слова. Если пятнадцать лет назад на третьем Всесоюзном переводческом совещании говорилось о бесцветной гладкости, о серости переводов как о грозившей опасности, то сейчас эта средняя, невыразительная гладкость встречается гораздо чаще и, вдобавок, вновь появились слу-

чан в ту пору сходящей уже, казалось, на нет халтуры, невежества, участились переводческие курьезы. Словом, дело, как это случается нередко, разросшись вширь, потеряло в глубине, в совершенстве исполнения. Между тем плохой перевод способен убить интерес не только к переведенному произведению, но и к целой культуре.

Не следует, однако, думать, что советская школа перевода сдает свои позиции — несмотря на сомнительное качество ряда переводческих публикаций в массовой прессе, в не специально литературных журналах (но, бывает, что и в солидных органах, при публикации высокохудожественных произведений), общий уровень перевода остается достаточно высоким. И на этом общем фоне еще резче выделяются отдельные великолепные образцы перевода художественной прозы, созданные за эти годы признанными нашими мастерами.

Не столь близким, как в поэтическом переводе, взглядит в области прозы набивший уже оскомину, неисчерпаемый вопрос о подстрочнике — точнее, о переводе через подстрочник прозы народов СССР. С целого ряда наших братских языков прозаический перевод осуществляется в большинстве с оригинала. Выросли кадры переводчиков, знающих языки народов СССР, и в республиках — так что переводы, скажем, с грузинского на эстонский или украинский по подлиннику теперь не редкость, а правило. Однако целые участки переводческого дела — в частности, русского перевода, области, самой обширной из всех и уже поэтому наиболее страдающей от недостатка компетентных творческих кадров, — все еще вынуждены опираться на перевод по подстрочнику. Собственно, в области прозы это не перевод, а литературная обработка мастерами — а порой и далеко не мастерами — несовершенных переводов, которые мы условно называем подстрочниками, — люди эти остаются безымянными и безответственными. О курьезах, возникающих вследствие такой организации дела, приходится часто читать в печати и слышать на переводческих встречах. Выход из этого положения может принести лишь будущий рост кадров переводчиков, знающих языки народов СССР. Пока мы организуем кружки и курсы для изучения языков при Союзе писателей, в Литинституте в надежде, что эта работа принесет плоды в не столь уж далеком будущем...

Однако в многоступенчатом процессе сотворения переводной книги — в феномене воссоздания произведения, принадлежащего одной языковой, национальной сфере, на другом языке, важнейшая, первостатейная роль принадлежит издательствам. Они организуют переводческий процесс, разрабатывают планы изданий — то есть определяют общественную потребность и удовлетворение ее в этой области, они контролируют творческий процесс и участвуют в нем, редактируя представляемые рукописи. Словом, отбор переводимых произведений, выбор переводчиков и выдвижение новых, окончательный текст перевода — все это зависит от издательства и от редакций журналов. Именно они занимают ключевые по-

знани в процессе создания переводной литературы, направляют его. Это накладывает на издательства и редакции большую ответственность и создает для них немалые трудности. Прежде всего для успешной их работы необходим постоянный приток квалифицированных редакторских кадров. Между тем трудно обеспечить каждую из редакций хотя бы, скажем, нескольких столичных издательств полным комплектом знающих языки редакторов. А ведь для полноценного контроля и редактирования именно перевода, а не просто русского текста знание языка оригинала необходимо. Издательства прибегают к помощи литераторов как рецензентов, иногда — редакторов текста. Последнее, к слову, следовало бы практиковать, вероятно, чаще. Но всего лучше укреплять связь с писательскими организациями, с их переводческими объединениями и советами, помощь и сотрудничество которых могут немало способствовать преодолению редакционных трудностей всех родов. Опыт такого, притом тесного, сотрудничества имеется в Грузии, где при Союзе писателей существует специальная коллегия по переводу и литературным взаимосвязям. Эта коллегия, созданная по правительственному постановлению, за полтора десятка лет своей работы сплотила вокруг себя лучшие переводческие кадры, и сотрудничество ее с издательствами стало частым и привычным. Немало изданных в Грузии книг наряду с маркой издательства отмечено грифом коллегии.

Контакт с писательскими организациями — советами, секциями, введение их представителей в советы редакций и правления издательств, предоставление им более активной, ответственной роли, думается, целесообразны, а то и необходимы.

Но самая большая помощь, которую может оказать литературная общественность переводческой практике, и самое эффективное воздействие, какое можно иметь на развитие искусства перевода, — это критика. Критика нам крайне нужна, ничем не заменима. Я говорю о конкретной критике, о текущей, постоянной оценке переводческих работ, качества именно перевода. До сих пор в рецензиях на переводные книги редко и ничтожно мало говорится о самом переводе. Бывали даже случаи, когда автора хвалили за язык, за слог произведения, забывая, что слог, язык в переводе — все-таки заслуга переводчика. Систематическому рецензированию должна подвергаться вся наиболее значащая часть переводческой продукции. Это позволит поставить на должный уровень борьбу с вновь поднимающей голову халтурой и остерегать от участвовавших заблуждений, от неверных установок талантливых, ищущих переводчиков.

Для этого нам необходим печатный орган, посвященный текущей переводческой жизни и обзору переводческой продукции. Вопрос о таком переводческом журнале ставился с давних пор, а на Всесоюзном совещании по переводу в 1970 г. необходимость создания его была подчеркнута в авторитетной резолюции. С тех пор вопрос этот поднимался неоднократно переводческими организациями

Союза писателей. Надо надеяться, что он наконец будет положительно решен.

Однако критике нужен не только орган, нужны и кадры критиков — компетентных в вопросах переводческого мастерства и двуязычных, ибо для правильной оценки качества перевода необходимо сравнение с оригиналом. Подстрочник, если он есть, сам нуждается в оценке. И заниматься критикой должен критик, специализирующийся в вопросах перевода. Сами переводчики неохотно занимаются разбором чужих работ. Лишь профессиональная критика поможет наведению порядка в переводческом хозяйстве. Пока у нас таких кадров маловато. Но, надо полагать, спрос породит предложение. Будет орган, появятся и постоянные его компетентные сотрудники.

Кроме текущей критики, нужна и обобщающая теория, в переводческом деле особенно явственно и неразрывно связанная с практикой. Теория перевода развивается у нас успешно не только в Москве и Ленинграде, но и в ряде республик. Есть у нас филологи-переводоведы с учеными степенями, постоянно публикуются работы по общим и частным вопросам теории перевода. Но чтобы вся эта разрозненная деятельность слилась в общий поток исследования, необходима систематизация, нужен объединяющий центр, который разрабатывал бы и координировал основные направления исканий. В резолюции Всесоюзного совещания 1970 г. ставился вопрос об организации такого исследовательского центра при каком-либо ведущем научном учреждении. Предложение это, хотя и встречное положительно, не было, однако, осуществлено. Думается, что сейчас целесообразно сплотить вокруг авторитетного центра исследовательскую работу, разпыленную по различным научным и учебным учреждениям.

Вопрос о создании отдельного переводческого Союза — об объединении мастеров художественного перевода от литераторов других жанров — поднимается не впервые. Общественность и руководство решали его всякий раз так, как он решен сейчас. Это — единственно правильное решение. Художественный перевод есть один из полноправных и ответственных родов литературного творчества — не копирование и не перенесение, а воссоздание литературного произведения из другого языкового материала, в сфере иного языкового мышления, иной поэтики. Выделение его из общего круга литературного искусства, независимо от любых посторонних соображений, нелогично и не может принести ничего, кроме вреда самой литературе.

Я попытался бегло и по необходимости обобщенно обрисовать круг проблем, занимающих сегодня нашу многонациональную переводческую общественность. Конечно, обзор получился неполным. Надеюсь, впрочем, что мое выступление не окажется единственным по данной теме, и мы еще услышим компетентные высказывания по вопросам теории и практики художественного перевода.

Спасибо за внимание. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Владимиру Ильичу Амлинскому.

В. АМЛИНСКИЙ. 20 лет тому назад, тогда еще молодым писателем, а по нынешним временам — юным специальным корреспондентом одной из больших газет, я оказался в Ташкенте, чтобы написать о гибели памятников культуры Хивы и Бухары. Но в это время грянула страшная беда — беда Узбекистана, беда всенародная — землетрясение. Узбеки, которые здесь находятся, и связанный с Ташкентом В. В. Карпов наверняка помнят, что это было такое, когда горело так жарко, когда было ощущение гибели города, когда над всеми нависло ощущение страшной опасности, предательства земли...

Я попытался тогда об этом написать без, так сказать, «розовой воды», мне хотелось сказать о боли, о том, как это было тяжело. Меня тогда стали править, и я понял, что некоторые люди в то время (инерция времени есть и сейчас — об этом я скажу потом) хотели тогда доказать, что наше, советское землетрясение — лучшее в мире. Но так не бывает.

Мы много сейчас говорим об экологии, говорим о других проблемах, но все мы думаем о том, что случилось, — думаем о Чернобыле. Это и наша беда, это и драма. Это и серьезный показатель наших возможностей, показатель того, что и к чему может привести наука. Не наука виновата в этом, а человеческое обращение с наукой.

Я хочу сказать о том, какое наша литература — это первые отклики — сказала слово об этом трагическом событии. И вот здесь я, честно говоря, с каким-то огорчением говорю об этом. Я понимаю, что это люди храбрые. Я читал о прекрасной рыбалке и о рыбаках, о рыбах, которые вообще существуют; о соловьях, которые бесконечно поют (очерк так и называется — «Соловьи над Припятью»). Что-то идиллическое сказывается в этом, хотя мы прекрасно знаем (и об этом тоже сказали писатели), что есть и прекрасные очерки, полные мужества, нескрывания проблем, гласности, не той гласности без правды, а гласности действительной, например, очерк Юрия Щербака в «Литгазете» или выступление Бориса Олейника, выступление которого и вчера мне очень понравилось, в той же «Литературке».

Мы не должны ощущать, что наше землетрясение — лучшее в мире. Мы должны понимать, что у нас есть свои возможности, созданные определенными традициями и обстоятельствами, социальными условиями, которые создали взаимовыручку наших людей, но вместе с тем многие беды и грозы стоят надо всем. И об этом надо говорить бесстрашно.

Много об экологических проблемах говорилось на съезде писателей РСФСР. Я сейчас хочу сказать о некоторых проблемах культуры.

Мое поколение воспитывалось практически без Есенина, о котором было сказано, что он не столько поэт, сколько орган, созданный для того, чтобы выражать звуки. Это сказал Горький. Без Платонова, без Булгакова,

без многих-многих других писателей, без которых трудно представить развитие нынешнего литературного поколения.

Но зато я жил в Москве, которая тоже была древней патриархальностью своего духа. И были в ней прекрасные переулки — Машков, Лялин, Гусятников, с их домами, которые не были памятниками архитектуры, но были памятниками времени, памятниками истории, были не только украшением, но смыслом и духом этого города и района. Слава богу, не посягнули на Харитоньевский переулок — там ступала нога Пушкина. Потом был создан Новый Арбат, теперь реконструирован старый, в котором нет черт старого Арбата, а есть блестящая бронза, фонари, напоминающие старый Пловдив, что-то чужое, привозное, музейное, лишенное жизни.

Мы не научились оберегать. Тысячи ошибок не научили нас этому. Владимир Маяковский писал:

Белогвардейца
найдете — и к стенке.
А Рафаэля забыли?
Забыли Растрелли вы?
Время
пулям
по стенке музеев — тенькать.

Конечно, тот же Маяковский сказал совсем другое, и это осталось от него:

Может,
я
один
действительно жалею,
что сегодня
нету вас в живых.

Но пафос, который призывал к разрушению, к тому, чтобы «время пулям по стенке музея тенькать», до сих пор не остановлен, до сих пор путь ему не прегражден.

Кстати, в некоторых произведениях возник образ благополучного такого, обеспеченного москвича. А ведь это не так. Москва по среднему уровню жизни человека занимает одно из самых плохих мест. Это и коммунальные квартиры, и многое-многое другое. Это огромный город, изматывающий душу и совсем не такой уж благополучный. Причем часто ругают этот город те, которые очень рвутся в него. Также парадоксальное явление.

Мне хочется сказать, что сегодня мы вспоминаем многие вещи, о которых сказала литература. Анатолий Степанович правильно отметил, что литература задолго до постановлений партии вышла со многими вещами — правдивыми, бесстрашными, не опасаясь, хотя были и одергивания. Здесь уместно вспомнить Валентина Овечкина, Тендрякова. Я недавно перечитал, как ругали Тендрякова, писали, что он извращает советскую школу, что его «Ночь после выпуска» — клевета. А он писал, что в школе неблагополучно, что литература разъята на пункты, что гуманитарное образование задвинуто на второй план, что физики вышли вперед, что лирики в загоне. Вот лирики и остались в загоне.

Смелость литературы не только в постановке

проблем, смелость — в отношении к человеку. И в этом отношении очень выделяется Ю. П. Казаков, писатель смелый, который не ставил проблемы социальной проблемы, но ставил проблемы незащищенности человека — экологической, социальной, нравственной, всякой незащищенности человека — перед природой, перед людьми. И в этом его огромная смелость, именно художническая смелость.

Сейчас мы много говорим о молодых, всегда их опеем. Дело это святое. Я работаю в Литинституте, веду семинар заочников. Делаю это с радостью. Многому можно у них научиться. Это люди со своими темами, которые порой не знают или не хотят знать, что можно, а что нельзя. Но дело это страшно заорганизовано. Возник какой-то каскад бесконечных совещаний, бесконечных семинаров. Я об этом уже говорил, мне ответили, что нет, это неправильно. А в общем-то из огромной массы иногда с трудом пробиваются единицы талантливых людей. У меня в семинаре занимались Курносенко и Набатникова — сибиряки, талантливые люди. Курносенко выпустил свою первую книгу. А он писал странно, на других непохоже. Он врач, а пишет не о поликлинике, не о больнице, а об истории, о Нероне. Я не стал его одергивать. Он хочет сказать какие-то вещи о смысле бытия. Он изучил все это и видел это как художник. Его ругали: зачем все это несегодняшнее? Сейчас он выпустил хорошую книгу, которая была подвергнута критике. Потом его поддержали, в частности Астафьев. Беда в том, что мы не имеем чувства меры ни в ругани, ни в хвалбе. А чувство меры — это уважение к личности, к писателю, талантливому писателю.

То же самое было с Пальмовым, написавшим повесть о том, что в прошлом было не все так благополучно, но были личности и люди. И сегодня очень многое заставляет тревожиться и беспокоиться. Его переводили с курса на курс. Но в «Молодой гвардии» вышла книга. Это талантливый, интересный писатель.

Я уважаю нашу замечательную «Роман-газету» и Валерия Ганичева, хорошего, публицистического писателя. Но что мы видим? «Роман-газета» расходит хуже, чем обыкновенные газеты, она пылится на полках. Нужно об этом думать.

Надо издавать то, в чем есть сегодня жизнь, сегодняшней день. Я думаю, что мы готовы к истинной правде. Она отразится в том, что мы пишем, а не только в том, что мы говорим на съездах и форумах. Наше дело — увидеть сегодняшний день, очень сложный, очень тревожащий нас. И все-таки наш, и все-таки обещающий. (А п л о д с м е н т ы.)

М. АЛЕКСЕЕВ. Я позволю себе небольшую реплику по поводу «Роман-газеты». Вероятно, там много слабых произведений печатается. Поэтому она и залеживается в киосках, «Роман-газета», чего раньше никогда не было. Ведь в три раза повысили цены. А это издание было придумано как самое массовое, как самое дешевое. В погоне за деньгами мы погубили такое прекрасное по сути издание.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Адылу Якубову (Ташкент).

А. ЯКУБОВ. Дорогие товарищи! Мне кажется, в отличие от вчерашнего пленарного заседания работа нашей Комиссии должна носить более рабочий характер, который даст возможность рассказать о состоянии наших литератур, о том, что сделано в них между двумя съездами, об их успехах и срывах, хотя бы в общих чертах.

Разумеется, я понимаю, что нам, представителям национальных литератур, очень трудно рассказывать на таких всесоюзных форумах о делах своих литератур хотя бы потому, что все мы судим о литературах других братских нам народов исходя из того, насколько она вышла на всесоюзную арену.

Мерило это, что и говорить, весомое, хотя и не всегда справедливое. Ибо каждый из нас, писателей национальных республик, хорошо знает, что сам выход произведения на всесоюзную арену является нелегким, очень сложным, болезненным, волнующим многих художников вопросом, нередко зависящим не столько от качества произведения, сколько от качества перевода и не в последнюю очередь от настырности автора. И все же я беру на себя смелость утверждать, что и нам есть о чем рассказывать, опираясь на опыт нашей узбекской литературы за период между двумя съездами, на опыт, в котором были и свои успехи, и радости побед, но была, так сказать, и горечь поражения.

Жизнь еще раз, но в более суровой, что ли, форме подтвердила непреходящее значение правды для литературы и искусства и столь же громадную опасность одних лишь голубых и розовых красок, создающих, как известно, иллюзию ложной лучезарности и благополучия во всем. И я хорошо понимаю радость и взволнованность своих товарищей по перу, когда они не раз повторяли четкие и ясные задачи, стоящие перед искусством, которые были поставлены в Политическом докладе Центрального Комитета нашей партии XXVII съезду о необходимости полной правды во всем.

Да, прошедший период между двумя съездами был периодом серьезных испытаний и для нашей узбекской литературы. И со спокойной, чистой совестью могу сказать с этой трибуны, что в основных своих аспектах и наиболее значительных произведениях, появившихся в этот период, наша литература выдержала это испытание. Можно с уверенностью сказать, что она развивалась в общем русле всей многонациональной литературы страны, развивалась, освобождаясь от чисто производственной темы, надуманных конфликтов и облегченного изображения сложных явлений жизни, все больше и смелее ставя во главу угла моральные, нравственно-этические проблемы времени: вопросы совести, честности, справедливости, за сохранение красоты и бережного отношения к природе, все эти жгучие вопросы, которые можно назвать вопросами нравственного совершенствования человека и которыми «болеют» лучшие писатели нашей страны. Они все больше привлекали внимание и узбекских литераторов.

Это, конечно же, не означает, что у нас все шло хорошо и гладко.

Дело в том, что те негативные явления, которые были подвергнуты мужественной и суровой критике на XXVII съезде партии, в немалой степени имели место и у нас.

Эти негативные явления нанесли не только большой материальный урон, но и не менее значительный моральный ущерб. Часть высокопоставленных жегероев перекочевала в литературу, особенно в документальную и очерковую прозу. Далеко не все мы распознали этих псевдогероев, наделенных огромной властью, творивших зло против собственного народа. Обо всем этом, о том, какой суровый урок преподнесла жизнь для литературы, мы со всей откровенностью говорили и на своем писательском съезде, и с трибуны XXI съезда компартии республики. Мы без боязни признались себе, что писательский барометр не всегда работал четко, что бывали моменты, когда его стрелка не совсем точно различала погоду от непогоды, правду от неправды. И тем большим уважения заслуживают те наши писатели, которые и в тот нелегкий период творили, упорно следуя правде жизни и своей гражданской совести. Здесь я имею в виду и новый остро сюжетный политический роман известного прозаика Аскада Мухтара об Афганистане, и городской роман Примкула Кадырова «Алмазный пояс», опубликованный в журнале «Дружба народов» и получивший хорошие отзывы в прессе, и романы и повести талантливого прозаика Тимура Пулатова, чьи произведения переведены и переводятся на многие языки мира, и новый роман Уткура Хашимова «Между двух дверей» о героизме советских людей в трудные годы Великой Отечественной войны, и рассказы, публицистические статьи Саида Ахмада и Ульмаса Умарбекова, Хамида Гуляма и Р. Файзи, исторические романы Мирмуksiна и Тулепбергенова Каипбергенова, книги интересного русского прозаика Олега Сидельникова, Евгения Березикова, молодых наших прозаиков Тагая Мурада, Мурада Мухаммад Доста, Эркина Агзама и многих других.

Я с особым удовлетворением выделяю эти имена, ибо, несмотря на большие трудности, они находили в себе смелость говорить о тех самых отрицательных явлениях, которые получили суровую, но справедливую оценку на наших партийных съездах и тем самым заслужили уважение читателей.

В этой связи мне хочется поделиться своими мыслями вот о чем: не успели еще появиться серьезные, аналитические произведения, дающие глубокий, всесторонний анализ тем отрицательным явлениям, которые нанесли огромный моральный урон нашему обществу, как некоторые наши критики уже выступают с риторическими вопросами: а надо ли так? Не нанесет ли это ущерб престижу нашего народа? Иначе говоря, начинаю свою старую песню, песню, под убаюкивающей мелодией которой появилось столько розово-голубых, но, как теперь стало известно, никому не нужных произведений.

Здесь мне хочется привести замечательные слова из доклада М. С. Горбачева на только

что закончившемся Пленуме Центрального Комитета нашей партии. Как бы отвечая на вышеприведенные высказывания деятелей нашего цеха, Михаил Сергеевич Горбачев сказал: «В любой ситуации мы должны помнить предостережение Ленина: «Страшны иллюзии и самообман, губительна боязнь истины». Партии и народу нужна вся правда — в большом и малом. Только она воспитывает людей с развитым чувством гражданского долга, а ложь и полуправда развращают сознание, деформируют личность, мешают выработке реалистических выводов, оценок, без чего не может быть активной партийной политики».

Наша многонациональная советская литература — детище Великого Октября — растет и мужает с каждым днем. В каждой из них уже есть и рождается на наших глазах все больше произведений, достойных внимания всесоюзного читателя. Но пропаганда этих произведений, как уже говорилось до меня, составляет желать лучшего. Конечно, было бы великой неблагодарностью с нашей стороны быть равнодушными к той огромной работе, которая проводится в этом плане журналом «Дружба народов», стараниями которого многие яркие произведения народов нашей страны стали достоянием всесоюзного читателя.

В последнее время стали больше внимания уделять братским литературам и другие органы Союза писателей СССР, такие как «Литературная газета», «Молодая гвардия», а отчасти и «Новый мир». Я не говорю здесь о таких критических журналах, как «Литературное обозрение» или «Вопросы литературы». Их нелегкую работу мы высоко ценим.

Но при всем этом нельзя не согласиться с теми ораторами, которые и вчера, и сегодня не без горечи говорили о том, что многие яркие произведения, которые могли бы обогатить нашу советскую литературу, так и остаются в пределах своих республик. Здесь я не могу согласиться со своим литовским собратом М. Слуцкисом, который вчера утверждал, что все талантливые так или иначе, рано или поздно выходит на всесоюзную арену. Бывает — и нередко, — что и талантливые и яркие произведения пропадают на пути к русскому читателю, самому тонкому ценителю красоты, подобно тому, как пропадают на долгом пути прекрасные плоды наших садов из-за халатности хозяйственников и безответственности железнодорожников. Сейчас партия ведет решительную борьбу с такой бесхозяйственностью в области производства материальных благ. Хочется, чтобы такая борьба началась и с бесхозяйственностью и в области духовных ценностей.

Из всех мыслей, которые вчера были высказаны на пленарном заседании, мне очень близка мысль о том, что главным делом Союза писателей СССР и Союзов писателей братских республик должно быть дело защиты всего талантливого, смелого и самобытного в литературе. Ибо, чего греха таить, у нас не перевелись еще критики, особенно в республиках, которые на словах ратуют за те благотворные перемены, за борьбу с негативными явлениями как в жизни, так и в литературе, а на деле, в силу своей ограниченности, коснос-

ти и просто эстетической глухоты как раз и выступают против всего самобытного, яркого и смелого. Такие критики часто и много говорят о положительном герое, но при этом забывают, что все подлинно положительные герои наших классиков на пути к правде и справедливости сталкиваются с невероятными жизненными трудностями, к победе приходят, пережив нечеловеческие страдания, пройдя и горечь потерь, и боль поражений, и смерть близких и родных им людей, т. е. борясь с подлинным, а не мнимым и облегченным злом. Недаром, наверное, и Чапаев, и Давыдов, и Левинсон трагически гибнут в борьбе за торжество правого дела, да и личную судьбу Корчагина никак не назовешь счастливой. А между тем стоит нам поставить перед героем серьезные трудности, приводящие к страданиям, провести его через горечь потерь и удары судьбы, как тут же начнется: а типично ли это, а много ли носителей зла? Плохих людей у нас единицы и т. д. и т. п. А жизнь показала, что плохих людей далеко не единицы, и они наделали столько зла, что борьба с ними, как сказано в Политическом докладе, еще будет продолжаться не один год.

Оптимизм оптимизму рознь. И из двух, если можно выразиться, оптимизмов, нам нужен тот оптимизм, который основан на правде жизни, а из двух героев лишь тот, который выходит из борьбы, пройдя через все испытания судьбы и оставшись при этом человеком высокой души, даже если он гибнет в этой борьбе. Ведь именно этим качеством отличаются наиболее значительные произведения, в которых созданы крупные противоречивые характеры, со сложной, подчас трагической судьбой в крупных романах Бондарева, Айтматова, Быкова, Карпова, Проскурина, Анатолия Иванова, Гончара, Баруздина, Думбадзе, Нурпенсова и наших узбекских писателей, о которых я уже говорил. (А плоды смента.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Ивану Фотиевичу Стаднюку.

И. СТАДНЮК. Отмечая в прошлом году 40-летие нашей Победы над гитлеризмом и японским империализмом, мы в достаточной мере поразмышляли устно и печатно о проблемах нашей литературы, отражающей всемирно-исторический подвиг советского народа в Великой Отечественной войне. Можно было бы на время прекратить словопроения на эту тему и углубиться в дальнейшую творческую работу.

Но коль мы собрались на Всесоюзный съезд, надо все-таки учесть и то обстоятельство, что в эти дни исполнилось сорок пять лет, как наша страна подверглась вероломному нападению фашистской Германии. Ведь от тех далеких июньских дней 41-го берет начало отсчет мыслям, чувствам, художественному видению всех, кто пишет о войне. Давно отгремевшие сражения и бедствия народа продолжают жить в нас, хотя все реже сняты с нас бомбежки и атаки.

О небывалой в истории человечества битве с фашистскими претендентами на мировое господство мы продолжаем писать,

понимая, сколь важны итоги этого противоборства не только для судеб советского народа, но и для всего человечества. Не обращаясь ко многому тому, о чем давно известно (я имею в виду и наши тяжкие людские, и материальные потери), вдумайтесь еще и в такие факты: Советские Вооруженные Силы освободили от коричневой чумы одиннадцать европейских государств с населением 113 миллионов человек. В сражениях за пределами территории СССР мы потеряли только в живой силе более одного миллиона человек. А сколько миллионов раненых!.. О том периоде войны написано, к сожалению, еще мало, и нет особых надежд, что этот пробел будет восполнен, ибо прежние родники, питающие военно-художественную литературу, угасают. Странный писателей-фронтовиков с каждым годом редет. Книжки же тех, кто ушел из жизни, почти не переиздаются, хотя среди них есть очень много превосходных. Зато процветают в кино и на телеэкранах боевики с невероятными приключениями героев-одиночек, действовавших в расположении фашистских штабов и гитлеровской верхушки.

Фильмы эти с удовольствием смотрит молодежь, ибо в большей части сделаны они на высоком профессиональном уровне, остроумно и динамично. Но приводят киноевреи и к такой мысли: зачем было терять в войне 20 миллионов советских людей, когда можно было выиграть ее усилиями десятка Штирлицев, Вайсов и им подобных. Это не упрек авторам картин, тем более что действительно велика роль советской контрразведки в войне, как и велики заслуги в борьбе с фашизмом наших славных партизан и подпольщиков. Но преобладанием на экранах фильмов о них не надо заслонять главную силу, сломавшую хребет фашистскому зверю — Советскую Армию и ее прославленных талантливых военачальников.

Нельзя, разумеется, утверждать, что у нас нет хороших кинолент, посвященных фронтовым событиям; их много, в том числе и экранизаций наших прозаических произведений. Большую роль, например, в изображении войны сыграл многосерийный фильм «Освобождение». Его сценарий написал Юрий Бондаревым, Оскаром Кургановым и Юрием Озеровым — он же постановщик фильма. К 40-летию Победы появился многосерийный фильм «Битва за Москву». Его режиссер-постановщик Юрий Озеров на этот раз обошелся без писателей — создал сценарий сам. Не буду вдаваться в оценку сериала. Могу только сказать, что мне больше понравилась его вторая часть — «Тайфун». Но мне бы хотелось с этой высокой трибуны задать тов. Озерову вопрос: не испытывает ли он угрызения совести от того, что в его сценарии почти ничего не содержится собственного. Все взято из самых разных источников. А ведь сам он фронтовик, мог бы привнести в киноленту и свое художественное видение войны, ее кризисных моментов, ее периодизации, концепций и свои отношения к лицам, руководившим войной. Может, следовало бы Юрию Озерову сказать в титрах фильма, пусть даже в обобщенной форме, что его сценарий — плод обработки чужих книг, и поблагодарить их авторов хотя

бы так, как благодарят войска военных округов за их участие в натуральных съемках или упоминают фабрику, на пленке которой снят фильм.

Разумеется, никто не имеет единоличного, собственного права на исторические факты или конкретные исторические документы. Но коль эти факты, ситуации, документы, прежде чем обрести гласность, кем-то добывались тяжелой и длительной работой в архивах, в кропотливом, если хотите, научном труде, в многочасовых беседах с людьми, причастными к тем историческим событиям, в сопоставлениях услышанного с документами, на это нельзя закрывать глаза.

Вместе с тем я горячо ратую за то, чтобы писатели военной темы активно и обязательно использовали в своей работе воспоминания наших прославленных полководцев, если в рождающемся произведении идет речь об авторах этих воспоминаний. Но писатель обязан при этом творчески раскрепощаться, превращая факт в картину, в живое чувство, создавая из документа художественную плоть. Этот принцип, как я полагаю, обязателен и для работников киноискусства. Ибо «...для художника, — как утверждал Белинский, — должна существовать только разумная действительность. Но и в отношении к ней он не раб, а творец, и не она водит его рукою, но он вносит в нее свои идеалы и по ним преобразует ее».

Попутно скажу еще и о том, что на наш уважаемый «Мосфильм» сейчас не пробьешься ни с одним сценарием о войне. Там ведущие режиссеры, в том числе и Озеров, распределили производственные площади для новых своих фильмов на многие годы вперед. Они стали главными законодателями в кино. Не потому ли столь бурно проходил недавно съезд кинематографистов СССР?

Но вернемся к проблемам литературы...

Для сегодняшнего дня в интересах сохранения мира очень важно глубоко исследовать, на каких основах удалось во второй мировой войне сколотить антигитлеровскую коалицию государств. Говоря об основах, обстоятельствах, очень важно осмыслить в литературе те социальные категории, которые если не помогали, то не сумели помешать сближаться государствам в точках понимания общей опасности нацизма. И при этом нельзя сбрасывать со счетов личностные черты характеров, мировоззрений, убеждений и социальных устремлений лидеров государств, составивших антигитлеровскую коалицию, те слои и партии в обществах, особенно буржуазных, которые их поддерживали или которые упорно и слепо противились победе над нацизмом. Очень трудно все это сформулировать в ясную концепцию, но чтоб упростить понимание тревожащей мысли, надо уяснить причины, которые помешали нашим союзникам не заключать сепаратного мира с Германией и не повернуть оружие против Советского Союза. А такие устремления и прямые попытки имели место.

Проблема взаимоотношений Советского Союза с Америкой и Англией во время войны еще ждет своих литературных исследователей.

Она дает повод для многих размышлений и прогнозов. Сейчас нам пока ясно, что на фоне стремительных побед Советский Вооруженных Сил над гитлеровскими армиями в 1941—1945 годах правительства США и Англии не решались на прямое предательство перед лицом своих народов. Были тому и другие причины, одна из которых заключалась в том, что Соединенные Штаты Америки не хотели ухудшать отношений с СССР, поскольку американское командование было крайне заинтересовано в активном участии Советских Вооруженных Сил в войне против Японии, в чем, как известно, была достигнута договоренность на Ялтинской конференции.

А что значила ставшая известной советскому командованию попытка Кейтеля от имени командующих тремя родами войск договориться с командующим союзными войсками в Западной Европе генералом Эйзенхауэром и его заместителем английским фельдмаршалом Монтгомери о заключении на Западном фронте перемирия на 100 дней, чтобы нанести Советской Армии (цитирую телеграмму Кейтеля) «уничтожающее поражение между Вислой и Одером».

Сейчас задачи стоят такие, сложность которых трудно чем-либо измерить. Мы должны с удовлетворением отметить, анализируя политику руководителей нашей партии и нашего государства, что объем этих задач они понижают в полной мере и делают сверхусилия, чтобы образумить лидеров империалистического лагеря во главе с США. Нужен и наш с вами вклад в решение этой задачи, масштабы которой еще не знала история человечества. Сейчас мы, да и все мыслящие люди планеты, на примере той же черной трагедии, с особой ясностью уразумели, что межгосударственные границы для ядерной радиации не могут существовать. Облегающая нашу планету атмосфера — это ее общая, неделимая животворная одежда. Любой ядерный взрыв в любой ее точке явится смертельным ударом по всему человечеству. И никого пусть не тешат надежды на превентивность удара не только потому, что эти надежды не сбыточны, но и потому, что любой взрыв, даже случайный, нанесет бедственный удар по генетическим кодам даже тех народов мира, которые окажутся далеко от взрыва.

Надо, чтобы в это ответственное время были порушены границы отчужденности между деятелями культуры и литературы, пусть и исповедующих разные идеологии, но понимающих, над какой пропастью поставлено человечество властью ядерного оружия. Необходимо объединить наши усилия, во весь голос объявив нашим коллегам по профессии, что мы, существуя в разных социальных климатах и исповедуя разные по духу и сущности философии, должны быть едиными в борьбе за мир, в своих обращениях к разуму тех людей, от которых зависят возможности развертывания термоядерной войны.

Но вот как конкретно решать эту задачу, сказать затрудняюсь. Известно, что наши писатели, оказываясь за рубежом, страстно проповедуют идеи борьбы за мир. Однако нужны еще и какие-то организующие начала,

нужны целеустремленные меры. И хотелось бы, например, чтобы упростилась процедура наших выездов за рубеж. Я не раз получал личные приглашения от своих переводчиков из разных стран. Но как подумаешь о том, сколь хлопотно оформление нужных бумаг, отпадает охота к поездкам. И пора бы финансово упрочить наши пребывания за границей. Каждая наша книга приносит не малые доходы государству, и было бы справедливо, чтобы мы не чувствовали себя в заграничных поездках нахлебниками или бедными родственниками. Более того, чтобы воспользоваться также собственной валютой, например югославской, находящейся в международном банке, надо бежать с официальным письмом в Министерство финансов за разрешением.

Верно, иностранная валюта нужна государству. И душа болит, когда узнаешь, что где-то гибнет на заводских дворах закупленное на миллионные валютные суммы оборудование. Но ведь духовные общения людей не поддаются коррозии, а идеология не измеряется валютой. Надо заботиться о достоинстве советской литературы и советских литераторов.

В нашем Союзе писателей недостаточно создается возможностей для встреч, а тем более для свободных дискуссий с зарубежными писателями. Часто мы даже не знаем об их пребывании в СССР, а только читаем в литературных газетах информации об их отъездах.

А нам подчас очень важно посмотреть на самих себя, на нашу жизнь, на советскую литературу их глазами. Да и взаимобмен литератур в целом от этого только выиграет.

Проблем перед нами встает много. Но перед писателями военной темы главная — творить активно, черпя силу из духовно-нравственных, идейно-философских, а потому и художественных источников творческого вдохновения. (А плодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Владимир Васильевич Бешлягэ (Кишинев).

В. БЕШЛЯГЭ. Молдавской советской прозе не более трех десятков лет. Это — если говорить по большому счету, приложив к ней требовательный, настоящий критерий: силу социального анализа, глубину психологического проникновения, создание ярких народных характеров, высокий уровень художественной выразительности, человеческой чистоты и правды. Очень малый срок, но в этом отрезке времени вместились целая эпоха ее развития, со взлетами, временами блестящими, и со спадами, иногда трагическими, а иной раз и смешными...

Вторую половину пятидесятых — шестидесятые годы можно назвать для молдавской повести и романа и зарождением и расцветом. До этого в прозе господствовал схематизм, поверхностное видение и отражение социальных и духовных явлений, продиктованные атмосферой культа личности, разных пагубных теорий и тезисов (была и теория бесконфликтности), всеобщего подхода к историческим событиям с позиции антитезы: все, что было

вчера, было плохо, все, что происходит сегодня, — хорошо, прекрасно и т. д. и т. п. XX съезд дал толчок развитию наших воззрений на жизнь, отрезвил, расковал мысль, инициативу масс... Для молдавской литературы это тем более существенно и жизненно важно, что в те годы были наконец решены вопросы издания классического наследия, были восстановлены права и нормы литературного языка, без которого невозможно развитие — настоящее, плодотворное — литературных сил и дарований.

За какие-нибудь восемь — десять лет вышли книги, составляющие ныне как бы основу, золотой фонд национальной литературы и духовной культуры молдаван. Непревзойденными остаются и по сей день многогранные, внутренне богатые, умудренные жизненным опытом и вобравшие в себя всю многовековую крестьянскую мудрость и ценные моральные принципы, народные характеры в образах Онакия Карабуша Иона Друцэ, Тоадера Лэфтера Иона Чобану, Серафима Поноарэ Василия Василэке, яркие, живые герои книг А. Бусуйока, Дж. Менюка, В. Малевой, С. Шляху, А. Чиботару, Анны Лупан и других. О молдавской прозе заговорила всесоюзная критика, она активно включилась во всесоюзный литературный процесс... В конце шестидесятых была издана монография «Современный молдавский роман» литературоведа В. П. Коробана, давшая серьезный анализ достижений и слабостей жанра...

В эти годы было задумано и подготовлено обсуждение нескольких книг прозы молдавских прозаиков в Москве. Готовились критики, были напечатаны афиши, приглашения... Все, как говорится, в ажуре. Но с места, т. е. из Кишинева, раздалась команда: «Отставать!» И все пошло кувырком.

Тогда началась для молдавской прозы, да и для всей литературы и культуры республики, эпоха «благодущия», как выразилась «Литературная газета» в отчете о VII съезде писателей Молдавии, или «полоса», как квалифицировал этот период наш ветеран, поэт Андрей Лупан, а точнее сказать, применение волевых приемов, административных мер ориентации литературы к ее прикладному развитию. Т. е. проза должна была обслуживать все те мероприятия и эксперименты в хозяйственной жизни республики, о которых слишком шумно говорилось на разного рода активах и совещаниях, но которые, увы, ожидаемых результатов не дали...

С самого начала прозаики почували неладное, но мало-помалу втянулись в эту «захватывающую деятельность». Один за другим начали появляться объемистые творения, названные романами, об агрокомплексах, о различных объединениях, о моноблочном строительстве, о свинофермах, которые тоже стали именоваться комплексами... Пухлые, приблизительно написанные рукописи, ставшие книгами, шли к читателю. Но... их не жаловали — никаких откликов, никаких эмоций... Стал задыхаться журнал «Нистру», который не успевал печатать урожайную романную продукцию, входил в конфликт с авторами, ставя их на очередь; они жаловались, и резонно,

так как в издательстве принимали только уже напечатанное в периодике... А как прикажете автору ждать, если он уже работал над продолжением своей книги? Над второй и третьей частью?

Проходили годы... Читатель все больше отворачивался от таких книг, да и от чтения вообще. Тираж названного журнала падал... В конце семидесятых на страницах «Нистру» развернулась дискуссия о современной молдавской прозе. Да, надо было бы раньше это сделать, но это было невозможно по причине сплошных праздников и юбилеев. Не успевали прибрать тарелки после одного застолья, как уже готовились к следующему.

Где тут будешь дискутировать, анализировать, судить-рядить и приводить в порядок литературное хозяйство?..

Основной идеей дискуссии была констатация того, что за десятилетие молдавская проза отстала в разработке острых, жгучих проблем и явлений современной жизни, пошла по пути расхваливания всего и вся, лишилась социальной зоркости и остроты анализа, стала фотографично-поверхностной, сугубо провинциальной, саму себя исключив из всесоюзного литературного процесса. В подтверждение тому приводились лучшие книги братских литератур: русской, кавказских республик, литератур Прибалтики. Участники дискуссии (и прозаики и критики) все до единого высказали свое неудовлетворение состоянием наших дел, хотя у иных и были возражения против такой острой постановки вопроса. Как бы то ни было, а дискуссия, по правде первая и последняя, дискуссия, удавшаяся в литературной жизни республики (все другие попытки кончались взаимными потасовками авторов и критиков), взбудоражила многих, ее резонанс чувствовался на протяжении лет. Можно утверждать, что страсти не утихли по сей день. Подтверждением тому солидные сборники статей, монографии, подписанные учеными-филологами, книга-эссе известного прозаика, обзоры прозы последних десятилетий в том же журнале «Нистру».

Сейчас, по прошествии лет, без пристрастия и преувеличений анализируя состояние дел в прозе семидесятых — начала восьмидесятых, справедливо будет утверждать следующее:

— во-первых, хотя писалось и печаталось в это время много, проза потеряла глубину в художественном отношении, в разработке живых народных типов и характеров, в разнообразии романтических форм и средств художественной выразительности; в подавляющем большинстве книги, напечатанные в этот период, носят на себе печать скорописи, хронологически-вялого изложения фактов, лишены глубоких обобщений, нерва жизни — одним словом, молдавская проза потеряла свое оригинальное лицо, свою идентичность;

— во-вторых, она исчезла из поля зрения всесоюзного читателя, всесоюзной критики, даже в солидных научных изысканиях, в обзорах литературы страны она не упоминалась, — курьез, но факт остается фактом, что при рассмотрении литератур европейской части группировка шла по регионам — русская, украинская, белорусская, потом кавказские

республики: грузинская, армянская, азербайджанская; прибалтийские: литовская, латышская, эстонская и... все! Об оставшейся в одиночестве, о молдавской литературе, единственно создаваемой на неороманском языке, забывали, она как бы не в счет;

— в-третьих, из литературного процесса, в частности из прозы, выпал, точнее, был искусственно исключен такой писатель, как Ион Друцэ, о произведениях которого говорили вполголоса, а то и на ухо. Из литературной жизни республики он исчез. Также не издал на протяжении пятнадцати лет ни одной книги другой самобытный, значительный прозаик — В. Василаке... А в отсутствие творчества этих писателей художественный критерий, а это означает и критерий истины человеческой правды, был понижен до такой степени, что о нем и позабыли; то, что было как раз на руку халтурщикам, графоманам, околотуртурным дельцам.

Я говорил о волевом, административном воздействии на литературный процесс. Как это ни прискорбно, но такое было, проводилось на протяжении всего упомянутого периода. Да и ныне дает себя чувствовать, и сегодня такая практика у нас далеко не изжитая. Вы можете судить об этом по ряду выступлений в центральной печати по вопросам культуры Молдавии, да и относительно издательских дел, молдавского кинематографа, театра республики... В эти годы было разнесено, что называется, до основания молдавское кино. Был заведен в тупик молдавский национальный театр. В эти времена Госкомитет по кинематографии республики таскал в суд писателей, обращаясь с ними как с последними проходимцами. Шайка, орудовавшая в кино республики, нанесла огромный ущерб развитию нашей культуры. Республиканская печать все большие вопросы обходила молчанием. Например, накануне Нового года солидная республиканская газета обратилась ко мне с просьбой высказаться о положении дел в нашей литературе, в искусстве. Я высказался со всей принципиальностью, откровенностью. Не напечатали. Так же и ответ на анкету накануне VII съезда писателей республики — отвергли!

Вернемся к прозе. Еще на рубеже шестидесятых — семидесятых, к нашей чести, несколько писателей проявили смелость и высказали в своих произведениях правду о происшедшем в жизни республики, назвали вещи своими именами, как мы сегодня говорим. Одна из них, молодая тогда писательница, напечатала повесть о негативных явлениях на селе, в трудовом коллективе. То была как бы повесть-предостережение. Другой, тоже молодой тогда автор выступил с остро критичным рассказом о состоянии дел в театре. Оба чудом были напечатаны, но, о боже! Какой последовал скандал! На долгие годы оба эти автора замолчали, стали как бы козлами отпущения, пугалом для остальных литераторов. Тем временем некоторые деятели районного масштаба продвинулись в столицу, сделали карьеру на том, что разнесли этих двух смельчаков. Да не только их, и не только некоторые. Таких, с позволения сказать, ру-

ководителей в республике, в частности в области культуры, и поныне держится предостаточно. Смотрят они с высоты своих кресел на происходящие ныне изменения в духовной и социальной жизни страны и ухмыляются: «Ан вылезет это вам боком. У нас в Молдавии это не пройдет».

Два факта, свидетельствующие об инертности молдавских литературных и издательских нравов, о косности мышления и боязни, трусости взглянуть правде в глаза. Несколько лет назад появилась документальная повесть, абсолютно вся основанная на достоверных документах, о замечательном народном борце за справедливость начала прошлого века гайдуке Тобултоке. Кому-то показалось, где-то что-то не так, как бы ему хотелось, и книга пошла под нож. Автору объяснили: «Знаете... все равно, некоторые акценты мы поправим, кое-что сместим... и издадим. Да еще большим тиражом. Двухязычным изданием: на молдавском и на русском». Так и не была издана и по сей день — книга была загублена при рождении, жестоко, несправедливо, точь-в-точь как был злодейски убит народный борец царской охранкой... Есть, живет пока в Молдавии старый коммунист, один из организаторов колхозного движения, строитель Советской власти в республике в послевоенное время, ныне работающий председателем сельского Совета А. Т. Марьян. С молодых лет ведет дневник, отмечая в нем все значительное в своей жизни, в жизни своих товарищей по работе, коллектива, событий в стране, в мире. К своему семидесятилетию подготовил часть своих заметок для печати (у А. Марьяна уже издана книга о селе, в котором он многие годы трудился). Что же произошло? Рукопись пропустили через такие фильтры, состряпали столько рецензий, почти все отрицательные, что поистине ошеломили человека. Он, последовав так называемым советам рецензентов, редакторов, перedelывал, сокращал (это, понимаете ли, перedelывать самим собою пережитое, увиденное, выстраданное!). В конце концов, рукопись отвергли, а на самого автора издательство подало в суд... Это то самое издательство «Карта Молдовеняскэ», о котором выступила газета «Советская культура», с тем же директором во главе... Вот вам свежие факты из нашей бытности...

То же случается с произведениями наших прозаиков, которые снимаются со страниц журналов безо всяких причин, без объяснений, по чьей-то прихоти, снимаются теми, кому не по вкусу правда, не по душе решения недавно прошедшего поистине исторического XXVII съезда партии, давно нами ожидаемые и всей душой принятые.

Но, как говорится, нет худа без добра. В этот период спада прозы о современности, о ее гжухих, наистрейших проблемах зародилась и начинает набирать силу историческая проза, исторический роман. Видится в этом жажда более полного познания жизни, как свой, индивидуальный, так и своего народа на протяжении десятилетий и веков, его борьбы, страданий, обретений и потерь, заблуждений и прозрений. Появилось сразу несколько книг, повествующих о более близ-

ком, революционном прошлом или же о событиях далекого средневековья на нашей земле. Воспитание историей — большой силы литературное явление, в наше время особенно. Но хочется высказать одно суждение, одно замечание. Писатели с большим литературным опытом, а тем более молодые, разрабатывая исторический сюжет, как правило, концентрируют свое внимание на выдающейся исторической личности, прослеживая иногда поэтапно, почти по годам, согласно летописям, жизнь, политическую и просветительскую деятельность данной личности, сражения, в которых участвовал, и т. д. Роль простых, рядовых людей, их дела, народ вообще отодвинуты на второй, а то и на третий план, что приводит к не полноте исторической правды, к ее обеднению, искажению. В жанре мирового, прогрессивно-демократического романа — это пройденный этап; трудовой люд, низы, согласно нашему мировоззрению и самой истине, всегда несли и будут нести на своем горбу тяжесть истории. Об этом нам нельзя забывать...

К слову сказать, в семидесятые годы один из тяжких грехов наших был тот, что романисты почти полностью перешли на разработку, так сказать, образов руководящих кадров. Генеральный директор агрообъединения, первый секретарь райкома, директор комбината, председатель колхоза, главный агроном, все одни главные, первые, генеральные... А у некоторых авторов в конце книги появлялись даже секретари ЦК, чтобы одобрить содеянное главными героями, продвинуть их вверх по служебной лестнице. Что до простых тружеников, то они лишь мелькали как тени, обслуживая главных, или же появлялись в роли воров, жалобщиков-кляузников, попрошайек...

Несмотря на все сложности и трудности этого времени, появилось все же несколько добротных, честных, родившихся из боли книг. Правда, мало, по пальцам перечесть. Это — правдивое повествование Анны Лупан «Черешни горькое цветенье» о митарствах молодой девушки на войне, о ее несгибаемой душе... Поэтически проникновенный роман Д. Матковского «Осень белых голубей» о борьбе и смерти старого фронтовика в борьбе с подлостью своего соседа-односельчанина. Наконец, встреченный в штыхы критики роман С. Сака «Ваши долги» о борьбе талантливого архитектора с косностью... Сюда можно добавить остросатирические рассказы Н. Есиненку, романы А. Бусуйока, В. Малевои, но эти книги буквально на подходе...

Итак, если взглянуть по серьезному, строгому принципу на актив молдавской прозы, охватив и последние межсъездовские пять лет, придется с немалой тревогой признать, что хвастать особенно нечем. Утерянные позиции прозаики перезапевают медленно, робко или же совсем не намерены это делать. Отчего? Из глубоко укоренившегося опасения: «А вдруг новые веяния всего лишь временная кампания? А вдруг все это лишь сон?» Эта робость проявляется не только у молодых, целая группа которых влилась в последние годы в нашу литературу, но и у старшего поколения.

Наш широко известный прозаик И. К. Чобану, например, издал последнюю часть своей трилогии о селе Куккоара «Виноградари», в которой жизнь героев прослеживается вплоть до наших дней. На заключительных страницах книги показан неожиданный, смелый поворот в судьбе одного из главных героев трилогии, первого секретаря райкома, выпестовавшего юного Фрунзе. Автор как бы освобождает Алексея Шеремета от его ореола, каким он был насыщен на протяжении многих лет... А молодой герой-повествователь удивляется многим неблагоприятным переменам в жизни родного села, потерявшего много хорошего, что выработало веками крестьянство. Но проблема испытания человека властью, борьба за морально чистые принципы народной жизни, охрана окружающей среды в произведении нашего уважаемого писателя лишь вскользь затронуты, художественно не исследованы...

Первые появившиеся в последние годы книги молодых прозаиков: Н. Виеру, С. Челака, К. Мунтяну, Г. Марин, В. Куюмжу, Н. Русу, И. Богату, В. Михаил, Х. Морару и других привносят в молдавскую современную прозу дух обновления. Н. Виеру, например, был издан в Москве, о нем упоминала центральная пресса, факт отрядный, радующий. Однако же хотелось высказать одно соображение, касающееся, в частности, романной концепции молодых прозаиков, но в первую голову их отношения к сложным, больным вопросам нашей жизни, нашего общества. Молодые авторы чрезмерно заняты вопросами формы, соревнуются в поисках неожиданных средств выражения, в то время как правда жизни, живой, суровой, неумолимой, остается как бы в стороне. Они, можно сказать со всей откровенностью, нахватались всего самого неудачного и слабого у старших своих товарищей и доводят эти стороны до абсурда. Споры нет, к профессионально высокому письму стремиться следует, но это лишь во имя борьбы за чистоту моральных принципов нашей сегодняшней жизни, за правду и справедливость человеческих отношений, а не ради мелочных амбиций и интриг... И еще: смутно, а то и вообще отсутствует в их взглядах и творческих поисках, так сказать, историческое чутье, историческое сознание. Т. е. широкой перспективы социальное видение и интерпретация развивающихся ныне событий. Я понимаю — они сформировались в очень сложном, противоречивом в моральном отношении времени. На их глазах, в их жизни большей частью говорилось одно, а делалось совсем противоположное. Они с самого вхождения в жизнь были вынуждены приладиться, приспособиться, чтобы как-то завоевывать себе место, выжить, утвердиться... Одним словом, жить двойною жизнью — одна для себя, вторая для других людей. Двойная жизнь означает: двойная мораль, двойное поведение... Для художника — это неминуемая гибель, ибо такая позиция толкает к фальши, наигранности, неискренности.

Как поверит читатель нашим книгам, если они будут неискренни, неправдивы?

Сегодняшний человек издерган, измельчен.

Его жизнь составлена из кусков, осколков... Он идет к нам, к нашим книгам с надеждой найти мир опять цельным, опять единым, неделимым, очеловеченным высоким идеалом добра и справедливости.

Если все это мы поймем, этим проникнемся — и молодые, и более опытные, но довольно отошедшие от великих принципов вечно неуязвимо даваемого искусства, — то мы, каждый в меру своего таланта, дарования, трудясь в поте лица, как говорится, выполним свой долг и перед читателем, и перед временем, и перед своей собственной совестью... (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Савва Артемович Дангулов.

С. ДАНГУЛОВ. Когда я думаю над природой и особенностями нынешнего момента в развитии нашей литературы, я обращаюсь к той поре в ее истории, когда деятельная энергия Горького содействовала ее сплочению, способствовала собиранию ее сил. Несмотря на то что соответствующие исторические ассоциации всегда должны сопровождаться оговорками, полагаю, что при известных коррективах в этой ассоциации есть определенный смысл. Полезно воссоздать принципы нашей литературы, как их видел Горький, соотнеся эти принципы с самим обликом Алексея Максимовича, писателя и гражданина, чью суть отразила русская революция, ее страдный и светлый путь.

Хочу думать, что именно Горький может помочь высветлить положение дел на нынешнем этапе нашей литературы, многое рассмотреть и понять. Алексей Максимович считал, что первосутью нашей литературы является сама природа нашей словесности, по всем параметрам многонациональная. Помните известную реплику Алексея Максимовича о Сулеймане Стальском как Гомере XX века — в ней существо. Сам факт возникновения таких фигур нашей словесности, как Николай Семенович Тихонов и Микола Платонович Бажан, великих знатоков наших многонациональных литератур и борцов за их возвышение, является живым воплощением идей Горького о новой природе художественного слова Страны Советов. Очевидно, задача заключается в том, чтобы поднять на новую ступень то доброе, что было сделано Тихоновым и Бажаном, при этом не только в смысле дальнейшей популярности этого дела, но и в смысле идейного и эстетического постижения этой проблемы. Наверное, многое тут сделано и на это закрывать глаза было бы несправедливо, но труд этот требует деятельного продолжения. В свое время по поручению соответствующего отдела ЦК КПСС мною был сделан специальный обзор, имеющий целью показать, как многонациональные литературы представлены на страницах столичных журналов. Я тогда счел возможным заметить, что, если этот процесс лишит руководства, то наши журнальные публикации ограничатся в сущности тем, что печатает журнал «Дружба народов». С тех пор такие журналы, как «Новый мир» и «Октябрь», многое сделали. Но есть на

столичной журнальной карте и иные издания. В свое время, выступая на пленуме правления СП, я, как припоминаю, был единственным, кто почти все свое выступление посвятил журналу «Наш современник», отметив высокие достоинства его прозы. Говоря о достоинствах прозы, я имел в виду уровень и иных публикаций журнала. Если говорить о моем мнении, а оно скромно весьма, то сегодня оно будет не тождественно прежнему. Не могу отказать в справедливости тем, кто предъявил претензии журналу в связи с публикацией известного рассказа — убежден, что тут журнал оказал плохую услугу хорошему писателю. Это тем более обидно, что В. П. Астафьев, как подсказывает опыт общения с ним нашего журнала, внимателен к мнению редакции, видит в ней советчика. Полагаю, что по-прежнему важной гранью проблемы является вопрос представления многонациональных литератур и всей многосложности темы на страницах наших журналов. Если говорить о «Молодой гвардии», то редакции есть смысл позаимствовать достоинства доклада своего главного редактора, прозвучавшие сегодня, — речь идет не только о перечне писателей, который привел докладчик, но и о самом пафосе доклада... Если все это применить к журналу, то он заметно выиграет. Его публикации скудны, носят формальный, отписочный характер, в сущности нет осмысления процесса, да и это логично — все, что относится к национальным литературам, делается без элементарного знания вопроса.

Полагаю, что многонациональная природа нашей литературы требует от журналов труда серьезного. Очевидно, свои недостатки свойственны и «Советской литературе». Что нами сделано и что необходимо сделать? Если говорить о представлении на наших страницах русской литературы, то журнал дал серию специальных номеров, посвященных Гоголю, Тургеневу, Толстому, Достоевскому, Чехову, Блоку, Алексею Толстому, Шолохову, в настоящее время в работе находится леоновский номер. Журнал достаточно широко представил современную русскую прозу: Залыгин, Алексеев, Бондарев, Проскурин, Каверин, Катаев, Гранин, Панова, Белов, Носов, Астафьев, Распутин, Кожевников, Ананьев — этот перечень можно продолжить. Что же касается литератур народов СССР, то журнал дал цикл специальных книжек, посвященных литературе и искусству союзных республик, повторив этот цикл дважды, а в отдельных случаях трижды. Предметом особого внимания журнала были специальные книжки, посвященные литературам, рожденным Октябрем, — это было сделано впервые в нашей журнальной практике. Наверно, впервые была сделана попытка выпуска специальных номеров — антологий, посвященных многонациональным повести, рассказу, поэзии. В этом году журнал сделал попытку дать своему читателю специальную книжку, в которой представлена детская литература Латвии. Повторяю, журнал тут сделал далеко не все, что в его возможностях — нам надо представлять полнее литературу автономных республик, несмотря на публикацию большого количества

проблемных статей, относящихся к осмыслению процессов в национальных литературах, работа тут предстает значительная — уделив внимание русской классике, журнал, как мне кажется, не воздал должного классике многонациональной. В процессе работы над специальными номерами мы устанавливаем контакт с республиками непосредственно перед выходом этих номеров, а надо, чтобы этот контакт был повседневным. Редакции необходимо работать над устранением этих недостатков.

Готов закончить тем, с чего начал: нам надо чаще возвращаться к заветам Горького, помня о том добром, чему учил великий писатель, имея в виду и многонациональный характер нашей литературы. Убежден, что нам очень недостает деятелей литературы такого типа, как Тихонов и Бажан, чьи знания и труд во благо нашей многонациональной словесности сплывали писателей многоплеменной и многоязыкой Страны Советов, помогая ее духовному возвышению. (А п л о д и с м е н т ы.)

А. ИВАНОВ. Я хочу дать справку: нет номера журнала в «Молодой гвардии», который не публиковал кого-нибудь из молодых авторов национальных республик. И в последнем номере опубликован роман казаха и повесть Магомедова из Казахстана. Но, конечно, мнение есть мнение...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Выступает Бекир Ахмедович Набиев (Баку).

Б. НАБИЕВ. В азербайджанской литературе последних пяти лет заметно превалирует эпический взгляд как на современную действительность, так и на отдельные периоды нашей истории. Роман занимает значительное место как в творчестве таких прошедших большой путь мастеров, как Иляс Эфендиев, Сулейман Велиев, Байрам Байрамов, так и у авторов второго поколения — Г. Аббасзаде, И. Третьякова, И. Гусейнова, В. Бабанлы, С. Ахмедова, Г. Ибрагимова, Дж. Алибекова. Свои первые созданные на достаточно высоком уровне, хоть и не во всем равноценные романы опубликовали А. Айлисли, Эльчин, Ф. Керимзаде, Ю. Самедоглы, А. Абдуллазаде, М. Сулейманлы, С. Сехавет.

В арсенале нашей прозы между двумя съездами имеется немало хороших романов на историческую тему. Это «Караванный путь» Байрама Байрамова, «Баку-1501» Азизы Джафарзаде, «Мост Худаферин» Фармана Керимзаде. «Обнаженный меч» Джалала Баргушада. Эльчин же опубликовал роман «Махмуд и Марнам», в котором исторический материал переключается с мотивами народно-поэтического творчества, а точнее, известного любовного достана «Асли и Керем». Однако, учитывая ограниченность отпущенного для выступления времени, я очень коротко остановлюсь на произведениях прозы, отображающих наше время. Лучшие образцы этой прозы независимо от того, в какой год пятилетия они созданы, на первый план выдвигают человеческий фактор, духовные, нравственные проблемы, которые исследуются посредством

художественного раскрытия внутреннего мира человека.

К их числу относятся «Каменистый ручей» Сулеймана Велиева, «Тень дуба» Байрама Байрамова, «Безумно влюбленный» Исы Гусейнова, «Последний рейс» Алибали» и «Просьба» Гусейна Аббасаде, «Белый верблюд» Эльчина, «Семейные тайны» Чингиза Гусейнова, «Структура момента» Рустама Ибрагимбекова, «День казни» Юсифа Самедоглы, «История с благополучным концом» Максуда Ибрагимбекова, «Обманутые цветы» Мамеда Оруджа, «Весенний дождь» Гусейна Ибрагимова, «Тупик» Сабира Азери, «Свет голубых глаз» Азизы Ахмедовой, целый ряд рассказов.

В этих произведениях отражены самые различные грани и аспекты жизни и деятельности наших современников. Но где бы ни разворачивалось в них действие — в городских кварталах или иной раз даже в небольшом тупике, в бухгалтерии крупной организации, в научной лаборатории, в творческом коллективе, среди пассажиров вагона или судна, в районном комбинате бытовых услуг или в отделении связи, в современном колхозном селе либо на отдаленной горной ферме, в одном из санаториев на Каспийском побережье или в столь далеких географических, но таких близких сердцу уголках Сибири или, наконец, в исправительно-трудовой колонии, — отношение персонажей к художественно обобщенным конкретным фактам и ситуациям рассматривается как важнейший показатель их отношения к основным нравственным ценностям.

Романом «Каменистый ручей» С. Велиев расширил тематические рамки азербайджанской прозы, ввел в нее реалистические образы сибиряков, вписав тем самым новые страницы в художественную летопись великой дружбы азербайджанского и русского народов. Автор, завершивший свою «Одиссею» о прошлой войне в Сибири, с честью выдержавший все испытания таежной жизни, глубоко изучил духовный мир людей этого края, физически крепких, выносливых, но душой тонких и благожелательных: вот от того-то и образы его героев выписаны столь реалистично и правдиво.

Несмотря на разницу во времени написания, романы «Белый верблюд», «День казни» и «Безумно влюбленный» изображают события и людей очень сложного периода нашей истории: предвоенных, военных и первых послевоенных лет. Проблемы, охваченные в этих трех произведениях, в чем-то сходны, перекликаются между собой. Пронизанный духом высокого гуманизма, утверждающий высшей ценностью человеческую личность, полный страстного протеста против попыток создания искусственных преград, мешающих свободному проявлению чувств и мыслей, «День казни» то в строгой реалистической манере, то в стиле устного народного творчества воссоздает события двух временных потоков — недавнего прошлого и глубокой древности.

Главный пафос романа заключается в призыве встать на защиту человека, сберечь эту нашу самую дорогую ценность. Сила воздействия «Безумно влюбленного», «Дня казни»

и «Белого верблюда» прежде всего в нестремимой жизненной правде, заключенной в этих произведениях концепции веры. И хотя черным тучам недавнего трагического прошлого удалось окутать тьмой таких, как Саади Эфенди, Самед Амирли, Ханум-хала, эти тучи не смогли остановить победное шествие справедливости, и после тяжких испытаний и жесткой борьбы, ценой многочисленных жертв восторжествовала чистота наших социальных и нравственных устоев. Используя мифический образ белого верблюда в своем одноименном романе, Эльчин прослеживает почти полувековую жизнь одного бакинского двора, проникает во внутренний мир его обитателей. Белый верблюд — это условно-художественное воплощение высшего нравственного критерия, с позиции которого оцениваются люди и события.

Наших писателей всегда настойчиво влекла к себе сельская тема. Как указывалось на XXVII съезде, еще «медленным темпом идет ликвидация отставания сельского хозяйства». Сегодняшнее село имеет свои специфические, важные проблемы, время решения которых уже давно назрело, а в ряде случаев и истекло, свои достижения и недостатки, свою слабость и горечь. Для азербайджанской литературы не является новым вопрос о том, что надо так перестроить работу, таким образом распределить трудовые ресурсы, поднять организацию труда и отдыха сельчанина на такой уровень, чтобы стали значительно выше социально-экономические и культурные возможности села, чтобы крестьянин, продающий домашнюю скотину для того, чтобы купить «Жигули», именно работал в колхозе, совхозе, на приусадебном участке, создавая материальный достаток, а не ездил бы на тех же «Жигулях» в город за мясом, хлебом, порой даже за овощами, не терял бы времени в очередях в продовольственных магазинах.

Ряд вопросов, поставленных в романе «На заходе солнца», перекликается с проблемами романа А. Айлиси «Аг дере», где они решаются на новом жизненном материале в свойственной автору лирико-ассоциативной манере изложения.

С чувством глубокого удовлетворения необходимо отметить, что весь ход XXVII съезда партии от начала и до конца был озарен бессмертными идеями В. И. Ленина, светом Великой Октябрьской социалистической революции. В будущем году все прогрессивное человечество будет широко отмечать 70-летие Октября. Ясно, что советский писатель, пишущий о любом периоде в жизни нашей страны после 1917 года, пишет о завоеваниях Октября, и к какому бы периоду до 1917 года ни обращался он в своем художественном исследовании, он рассматривает и освещает этот этап развития человечества под углом зрения эпохи Октября. Однако читатель ждет все новых и новых произведений, посвященных Октябрьской революции.

Следует отметить, что основным недостатком азербайджанской прозы за период между двумя съездами является отсутствие серьезных романов и повестей, посвященных рабочему классу. Мы надеемся, что наши писа-

тели, наша творческая организация приложат все усилия, чтобы в ближайшие годы ликвидировать этот пробел. Благодарю за внимание. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Раймондас Феликсович Кашаускас (Вильнюс).

Р. КАШАУСКАС. Уважаемые коллеги! Многие мысли, которыми я хотел поделиться, были высказаны на съезде вчера, и есть опасность повториться. Но это доказывает, что все мы, советские литераторы, живем общими чувствами и заботами. В Литве за последние годы было создано немало новых романов, повестей, сборников новелл. Наряду с привычной для нас деревенской темой появлялись произведения о городе, об интеллигенции. Вместе с традиционными формами повествования существуют более новые, рожденные нашим временем, то и дело появляются сложные условности, аллегории, философские мотивы. Рядом со спокойным эпосом сосуществует более энергичный и тонкий лиризм или наблюдается синтез двух этих начал. Наши книги переводятся на русский и другие языки, многим читателям знакомы имена Й. Авижюса, В. Пяткявичюса, В. Сирос Гиры, В. Мартинкуса, Ю. Апутиса, М. Служкиса, А. Беляускаса, И. Микелинскаса, Ю. Балтушиса, В. Бубниса, Г. Кановича, С. Шалтяниса. Здесь надо назвать еще Б. Радзивишюса, рано ушедшего от нас, проза которого, отмеченная высокой духовностью, переводится на русский язык, и других. Я назвал только эти имена, но нет возможности подробно остановиться на каждом из них, хотя сделать это стоит, ибо литература без имен, без своеобразных личностей ее творцов — лишь «процесс», безмянный, безликий, лишенный жизни.

Всесоюзная критика о нас достаточно пишет, хотя не так много говорит о новых открытиях нашей прозы, как раньше. Много стало как бы повседневностью или прошлым.

Мне, как, наверное, многим из нас, очень нравятся стабильность, серьезная творческая атмосфера, когда можно, спокойно и основательно все обдумывая, работать. Это иногда дороже всяких шумных «взрывов», потрясений, появления литературных школ и групп, соревнующихся или борющихся между собой, легкости литературных «побед», иногда настоящих, организованных. Наша работа, даже чисто техническая ее сторона, очень трудна, и хорошо, когда она не усложняется всякими искусственными, подчас мимолетными бурями. Проза — эпос народа и человека — создается долгим и терпеливым трудом.

Литовская проза очень внимательна к современнику. Это видно по количеству и по качеству книг и по самому тону современности, который чувствуется в них. В то время, когда в нашем обществе ожидалось и назревали перемены, которые выразил и закрепил XXVII съезд КПСС, наша проза их как будто предчувствовала. Это делает ей честь. Правда, острота жизненных проблем у разных авторов звучит по-разному. Это кто как и сколько может, умеет, сколько у кого сил, чтобы поднять нелегкую ношу забот современного человека, современной жизни; сколько у кого

гражданской и человеческой смелости, веры в свои силы, знания проблем, настоящих, а не мнимых, жизни. Но обходится современность, ее радость и боль считается грехом, а работа и жизнь литератора — бессмысленной.

Мы, литовские писатели, задумывались над жизнью, думали не только о своей нации и ее культуре, но и всей Советской стране, ее народе, его настоящем и будущем. Эти мысли и раздумья — серьезные, подчас несельские. Их усложняло и опасное положение в мире, создаваемое нашими недругами. И у нас, и у наших читателей. И часто читатели из всего, что печатается в наше время, прежде всего брали наши книги, веря в писательскую честность, добросовестность. Но ведь так должно и быть: настоящая, честная, наполненная знанием жизни и высокими идеалами литература должна делать свое дело, не покидая поля вечной борьбы между добром и злом. Иногда читатель, правда, чувствовал, что ему дают не то, чувствовал себя обманутым, но тем не менее веру в литературу не терял. По существу рождается современная литовская историческая проза.

В нашу прозу приходит много молодежи, в последнее время — много женщин. Это, кстати, нас не пугает — у истоков нашей прозы стояла ее мать Жемайте, другие женщины. Молодежь иногда как будто заново открывает мир, не принимает наших рецептов, отбрасывает дидактику. Иногда она острее чувствует правду и неправду, отбрасывает правила «игр взрослых». Таким образом, мы получаем аутентичную картину души поколения, которую следует внимательно изучить. Иногда она познает жизнь через литературную и культурную надстройку, т. е. не прямо из первоисточников бытия. Но это результат известных процессов жизни, и кто знает, из чего вырастает дерево будущего. И уж очень тревожит то обстоятельство, что часть наших молодых прозаиков слишком поздно вводится или вовсе не вводится во всесоюзный литературный оборот. Всесоюзная литературная арена дает импульсы для развития каждой национальной литературы.

Кстати, хотелось пожелать нам всем более подробно знакомиться с работами друг друга, не только с творчеством модных иностранных авторов или некоторых своих признанных звезд. Не надо, конечно, читать всей серности, которая издается, пробивается, рекламируется, но я верю, что в каждой литературе еще существуют незамеченные звезды, неизведанные глубины. Но грустно, когда писатель, прозаик не читает книг не только коллег по братской, но даже по своей родной литературе.

Сейчас остро ставится вопрос о правде, правдивости. Тонус правды, социальной справедливости повышается во всех сферах жизни. Кое-кому надо будет переоценить свою работу, значимость своей личности, свое понимание честности и свое отношение к другим. Но зато другим будет легче жить и работать, проявить себя, раскрыть свои душевные ценности, которые так нужны обществу. Пусть не так скоро, и не так легко, но все-таки возродится в людских сердцах вера в слово, выделятся новые силы. Радуемся остроте наблюдений.

умению писать многих журналистов, печатающих интересные и откровенные статьи в центральных газетах. Откуда они появились, как научились так писать — во всю силу своего таланта?

Ну, а мы, литераторы? Думаю, что никто из нас, честно служащих высоким идеалам социализма, человечности литературы, не может сказать: до сих пор я писал неправду, а теперь буду писать правду. Так не бывает. Тот, кто писал неправду или полуправду, будет ее писать и дальше. И тот, кто хорошо научился ее дозировать так, чтобы не повредить себе самому, вряд ли станет другим. Я говорю о тех, кому препятствовали и отжившие литературные нормы и суеверия, но кто все-таки оставался самим собой, до конца верил в идеалы социалистического гуманизма. Они стояли на страже правды, этики, высокой духовности нашего общества, а теперь партия еще раз подтвердила правильность их позиции.

Многие из нас, прозаиков, до сих пор писали, может быть, и недостаточно хорошо, но все-таки не так уж плохо. Наш труд оценен народом. Время обновления напоминает, что надо идти дальше, и открывает перед нами большие возможности. Мы это понимаем и не останемся в долгу. (Аплодисменты.)

А. ИВАНОВ. Хочу внести ясность по поводу необъективного выступления Саввы Дангулова, его голословного утверждения о том, что я предъявляю к нему непомерные требования, изгоняю начисто национальную литературу. Это клевета. Послушайте, что мы опубликовали из прозы в последние год-полтора два:

Белорус И. Шемякин — «Торговка и поэт» — повесть, «Петроград — Брест» — роман; казах Тахави Ахтанов «Свет очага» — роман; Дагестан — Муса Магомедов — несколько повестей; Азербайджан — Аббас-Гусейнзаде — повесть; казах Медеу Сарсекеев — «Металлургия» — роман.

Цикл рассказов литовских, грузинских писателей, произведения авторов из национальных и автономных республик: например, Рахима Эсенова, Дениса Булякова, Саида Ахмада, Ванды Мелгалве и многих других.

Ранее были напечатаны: «Дума про тебя» Стельмаха; «Гиляя» Зарудного (в переводе Стаднюка); «Разгон» Загребельного.

Поэмы: Наби Хазри, Бориса Олейника, Фазу Алиевой.

В каждом номере журнала печатаются циклы стихотворений поэтов братских республик.

Ведется активное рецензирование произведений национальных авторов.

Кроме того, множество произведений молодых авторов выпускает библиотечка журнала «Молодая гвардия». В 52 выпусках опубликованы произведения около 20 поэтов и прозаиков разных национальных республик.

(Реплика с места: «Зачем вам давать справки, когда мы сами читаем журнал!»)

С. Дангулов. «Дайте мне слово».
С места: «Не давать!»)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Владимир Николаевич Крупин.

В. КРУПИН. Товарищи, каждому из нас приходили письма или звонили в дверь, или останавливали на улице люди, которые потеряли надежду найти правду в жизни, и, пройдя все инстанции, все редакции, все приемные, они обращались к писателям, как к последней инстанции совести.

Почему? Потому что мы еще не утратили доверия народа как выразители его дум. Но такие слова, как совесть, душа — о них, к сожалению, мало говорится.

Темы литературы неисчерпаемы. Но проблема не делает литературу — это все литература следствия. А литература причины — это состояние совести. Мы знаем и говорим о том, что природа накануне катастрофы — одинокие старики и рушащиеся семьи, брошенные деревни и тут же рядом мракобесные планы поворота рек на юг. Где первопричина?

Нет панацеи от всех бед. Раньше искали пенициллин и еще что-то, что спасло бы, но всегда оказывалось, что от смерти не убежишь, что спасти физическую жизнь невозможно. Можно спасти только душу. И именно этим занимается литература. А литература — это прежде всего язык. И не тревожно ли, что писательский разговор о языке исчез. «Литературная газета» затевает дискуссии о языке, о диалектизмах, возможны ли они. Это совершенно чудовищная постановка вопроса.

Помню, когда был студентом, печатались проекты реформы русского языка. А Л. Леонов выступил в «Правде» по этому вопросу. Он говорил: «Это не первое нашествие на русский язык, но последнее ли?» И вот теперь мы видим новое нашествие. Это нашествие началось и идет под натиском техницизма, научно-технической революции. А мы, писатели, все время выступаем как обслуживающий персонал для чиновников, славословим их любые мероприятия. Перекрывание рек однозначно перерезанию вен. Мы уже перестали воспевать вторжение чудовищное в природу. Мы понимаем, что мы часть природы, но получается, что далеко не лучшая.

Я русский писатель и вижу, что русская словесность находится в наиболее тяжелом положении по сравнению с национальными литературами. Издание, сохранение эпоса, фольклора является главным в сохранении и языка, и духа науки. Мы видим, что только та литература трогает сердца людей, которая из народа, из традиций народного творчества. А мы живем так, будто фольклора и не существует, литература стала весьма легким и доходным делом. Называют литературой описание застольной беседы дипломатов и называется это «политический роман».

Все знают слова А. С. Пушкина, что неуважение к прошлому — есть дикость. Лет пять-шесть назад мы, группа писателей, были на приеме в Комитете по печати и там говорили о нашей боли, о том, что историю любого африканского государства легче найти, чем нашу собственную. И Валентин Распутин тогда сказал, что давайте откажемся от своих изданий и отдадим свои листы в пользу Ка-

рамзина. И все писатели, которые тогда были: Белов, Астафьев, Потанин, Лихоносков, Личутин, Ким, старшие товарищи — Залыгин и Гариф Ахунов — делегаты настоящего съезда, эту идею поддержали и, думаю, сейчас не откажутся.

У нас до сих пор нет музея русской сказки. Это очень важно, уверяю вас. Может быть, вам это смешно...

(С места: «Это не смешно, это грустно».)

У нас нет словаря славянской мифологии, нет словаря фольклориста, у нас нет словаря юного фольклориста. И в то же время словарь юного химика и словарь юного физика уже устали переиздавать.

Не изданы сборники сказок Худякова. У нас любят революционных демократов. Это революционный демократ. Нет работ Шапова. У нас нет двухтомного собрания фольклора Ончукова. У нас в последний раз издавался двухтомник Смирнова в 1914 году.

А прекраснейший сборник «Сказки и загадки», собранные учителем Тульской губернии, составитель Эрленвейн? Где он?

Любой эпос нашей страны гораздо счастливее, чем русский эпос. Вот калмыцкий эпос «Джангар». Калмыки знают, что это означает «сирота», но он вовсе не сирота в издательской судьбе. Или возьмем монгольский или бурятский эпос. Недавно только утихла дискуссия по поводу того, был Чингисхан прототипом Гэсера или же, конечно, Гэсер — собирательный народный образ.

Я был в Латвии и знаю, как празднуют там дни латышского эпоса.

«Витязь в тигровой шкуре» — прекраснейший грузинский эпос, у него счастливая издательская судьба. Почему нет такой судьбы, например, у русских былин?

Белинский писал о сборнике Кириши Данилова, что это книга драгоценная, истинная сокровищница величайших богатств народной поэзии. Доступен ли нам Кириша Данилов?

У нас не издан Свод русского фольклора, и это главная наша вина перед предками. Здесь нам пример, как издаются сборники белорусского фольклора, антология грузинского фольклора в 12-ти томах, мордовское издание в 10-ти томах, эстонское — в 45-ти томах, латвийская песенная поэзия в 17-ти томах. А где у нас Буслаев, сестры Крюковы, братья Рябинины, Федосову мало издавали. А где сборники Рыбникова, Маркова? Где, наконец, Зеленин, его удивительные исследования творчества русского народа?

24 мая этого года было прекраснейшее событие, которое получило не очень большую огласку, но это событие должно иметь огромное значение в жизни страны. В Мурманске впервые в стране был праздник славянской письменности. Все, кто был в Болгарии, знают, что они такой праздник празднуют прекрасно.

Слово, которым можно убить, слово, которым можно поднять с постели, слово, которое служит для сообщения между людьми: душа с душой говорит. И надо, чтобы этот праздник слова стал всесоюзным. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Юрий Николаевич Сбитнев.

Ю. СБИТНЕВ. Я начну с того, чем кончил Владимир Крупин. Он сказал: почему в России получилась такая диспропорция с фольклором, с нашим родным словом, не обижая наших братьев, узбеков, грузин и таджиков. Я уверен, что не найдется ни одного человека другой национальности, который мог бы сделать упрек русскому человеку, что он националист. Но почему, Володя и дорогие коллеги, у нас в могиле слово? А потому, что это дело не писательское, это дело руководства нашего Союза.

И наш уважаемый Сергей Владимирович Михалков нашел самую главную проблему на съезде писателей — упрекнуть Астафьева в том, что он оскорбляет национальные чувства национальных меньшинств. Это абсурд, товарищи, и уже готовый ответ на то, о чем вопрошает здесь Крупин: надо заниматься не этим, надо заниматься не собой, не людьми, которых мы избираем, а надо заниматься литературой.

А что такое мы? Это судьба каждого человека. Значит, надо заниматься судьбой каждого человека.

Я думаю, что задача литературы — держать руку на пульсе народа. А задача съезда — разобраться в наших делах, в местных делах. Кто читает, а кто не читает литературу. Не место людям, которые никого не читают, кроме себя, в литературе. И разобраться, что с ними происходит в этом климате, потому что у нас в таком узком кругу возник уже конфликт между Дангуловым и А. С. Ивановым. Я думаю, не надо было Анатолию Степановичу говорить, насколько прекрасен журнал «Молодая гвардия»: мы даем оценку журналу, и мы знаем, кого вы печатаете и почему вы кого-то не печатаете.

Я хочу сказать о климате. Климат у нас, друзья (можно в нашем литературном обществе это сказать), ненормальный. Мы привыкли многое терпеть, о многом не говорить и друг на друга смотреть с высоты каких-то своих, в своей же голове создаваемых заслуг.

Мы же — товарищи, друзья, а не враги, зачем друг другу устраивать такой ранг должностей. Климат у нас какой? И об этом климате мы должны говорить.

На съезде главная задача — выбрать нам людей, которые должны не о литературе болеть — о литературе болеют все, а болеть о каждом, кто создает эту литературу.

Я говорю о правлении большого Союза писателей, что многое в докладе Г. М. Маркова подлежит критике по человеческим причинам. Климат и наш нравственный долг требуют самой решительной перестройки, как говорил вчера Борис Олейник. Он говорил, что мы сами нуждаемся в перестройке, это значит вернуть человеческие отношения, о которых мы пишем в своих книгах.

Хочу ответить Дангулову.

У нас есть единственный русский российский журнал — «Наш современник». Почему повсюду от того же С. Михалкова идет постоянная критика в адрес этого русского журнала,

и ваши упреки в адрес «Нашего современника», уважаемый Дангулов, неправильны.

(Дангулов: «Не я один говорю это».)

Я знаю, что вы не один это говорите, хуже еще, что не один! «Наш современник» в свое время, к великой радости, поднял серьезно русскую литературу. К сожалению, сейчас не так часто встречаются прекрасные произведения в русской прозе. Но это беда не «Современника», а всей нашей русской прозы, о которой мы должны говорить не на большом съезде, а в своем кругу, на своем съезде, что у нас на русском съезде не получилось. Все мы любим Родину свою, партию свою, зачем об этом говорить с трибуны. Все, кто не любил, давно уехал и, нужно сказать, пишут плохо, пишут хреново. (Аплодисменты.) Спасибо за внимание.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Борису Николаевичу Никольскому.

Б. НИКОЛЬСКИЙ. Слушая то, что говорится на съезде, думая о тех сложных проблемах, которые встанут сегодня перед нами, я вспоминаю давний эпизод. Было это в те дни, когда я учился в Литературном институте. Однажды перед нами, студентами Литинститута, выступал весьма известный поэт, один из тогдашних руководителей Союза писателей. Человека этого уже нет в живых, поэтому фамилию его я называть не буду. Выступая перед нами, он размышлял о чувстве долга, об ответственности писателя перед временем. «Как известно, — говорил он, — 200 лет назад Александр Радищев совершил знаменитое путешествие из Петербурга в Москву, душа его ужаснулась от всего увиденного, и он написал свою бессмертную книгу, исполненную боли и горечи. Сразу после окончания Отечественной войны, — продолжал поэт, — мне довелось проехать из Ленинграда в Москву почти в точности тем же маршрутом, которым ехал Радищев. Я увидел разоренные деревни, я увидел такие картины страданий и бедствий, от которых сжималось сердце. Но если гражданский долг Радищева заключался в том, чтобы сказать об увиденном в полный голос, чтобы написать свою книгу, то мой гражданский долг, как советского писателя, заключался в том, чтобы промолчать...»

Промолчать... Не правда ли — несколько странно понимаемое чувство долга применительно к литератору? Во всяком случае, достаточно безопасное.

Об этом давнем эпизоде можно было бы и не вспоминать сегодня, если бы подобные уроки — а их было не так уж мало за жизнь нашего поколения — не оставляли следы в нашем сознании, если бы многие из нас в той или иной мере не оказывались под их влиянием. Это — во-первых.

А во-вторых, и, пожалуй, в главных, я считаю нужным сказать об этом потому, что и сегодня нет-нет да и приходится сталкиваться с подобными рассуждениями, и сегодня еще приходится слышать, что бывает, мол, правда полезная для народа и вредная,

нужная и ненужная. Не случайно Виктор Конецкий в недавней своей публикации на страницах журнала «Нева» так сказал об этом: «Да, заскорузла в нас уверенность в том, что наступление на собственное горло, умолчание — необходимы народу. А это преступление перед народом и историей, это хилость мысли и страх души, а не величие самоотречения, как считалось когда-то».

Вообще, вокруг этого вопроса, вопроса о художественной правде разного рода перестраховщиками наворочено столько ловкой демагогии, что просто диву даешься. Тут и рассуждения о правде факта и правде обобщения; о правде большой и правде маленькой. С помощью подобных рассуждений любую правду можно обкорнать до такой степени, что от нее останутся лишь рожки да ножки. До последнего времени у нас в ходу была такая формулировка: запретных тем в искусстве нет, важно, мол, только, как подать ту или иную тему, с каких позиций к ней подойти.

Думаю, мы таким образом обманывали себя, успокаивали собственную совесть. Потому — что запретные темы были. Многие из нас это хорошо знают.

Так, например, я убежден, что в жизни моего поколения, в формировании его мироощущения огромную роль сыграли два события. Первое — это война, победа в войне. Второе — это XX съезд партии, то партийное слово правды, которое было произнесено на нем. Все то, что открылось нам тогда, явилось глубоким потрясением для нашего поколения. Однако если роль войны, этой всенародной трагедии и всенародного подвига, в формировании становления ряда поколений сейчас уже достаточно хорошо, достаточно глубоко исследована художественной литературой, то роль и значение перелома в нашем общественном сознании, вызванного разоблачением культа личности XX съездом партии, практически остались неисследованными, более того — намеренно замалчивались. Это серьезная проблема. Потому что главная беда культа личности и его последствий заключалась ведь вовсе не только в чрезмерном возвышении одного человека над другими, главная его беда — в той атмосфере, при которой людям отводилась роль лишь послушных исполнителей, чье собственное мнение, чья живая мысль не берется в расчет. Так в человеке изживалось чувство хозяина, чувство собственной ответственности за происходящее, так человек приучался думать одно, а говорить другое. В этом, именно в этом истоки многих наших больных проблем сегодняшнего дня. Долг литературы глубоко и правдиво сказать об этом, не избегая сложных и противоречивых моментов в истории нашего общества. Прошу понять меня правильно: я вовсе не призываю литературу сосредоточить отныне свое внимание лишь на этих вопросах, нет, но и намеренно умалчивать о них, закрывать на них глаза — это значит, лишать себя возможности создать жизненно полнокровные, сложные характеры, нарисовать по-настоящему яркие и драматические судьбы.

В своем выступлении я уже несколько раз употреблял слово «правда» и, разумеется, я не

одинок в своем пристрастии к этому слову. Сегодня оно постоянно произносится на наших писательских собраниях, звучит на страницах литературной печати. Это, конечно, хорошо. Но вот о чем невольно задумываешься: а что, разве раньше когда-то мы говорили, будто надо писать неправду? Разве даже, допустим, во времена теории бесконфликтности, мы не клялись в том, что именно жизненная правда должна быть основой литературы? И разве знаменитое шукинское «нравственность — есть правда» не прозвучало еще несколько лет назад и не цитировалось с тех пор неоднократно? Но разве все это тем не менее мешало многим из нас грешить против правды в своих книгах, говорить так называемую неполную правду? Более того, обвинения в отступлении от жизненной правды, в искажении ее порой раздавались в адрес как раз наиболее честных писателей, таких, например, как Федор Абрамов или Василь Быков. Значит, дело, наверное, не в декларациях, не в громких заверениях — дело прежде всего в нас самих, в нашей внутренней готовности, в нашей собственной честности, в нашем умении и в нашем моральном праве говорить правду, бороться за нее, отстаивать ее. Готовы ли мы к этому, достаточно ли в каждом из нас гражданского мужества, глубины понимания современной жизни и, наконец, того, что называется талантом, чтобы иметь право обращаться к народу со своим словом? Вот о чем, по-моему, каждый должен спросить самого себя, спросить требовательно, без всяких скидок. Этому учит нас партия.

Позволю себе еще одно воспоминание. Много лет назад я был в творческой командировке у десантников. Помню, армейское начальство не очень-то охотно соглашалось на то, чтобы разрешить мне прыгать с парашютом вместе с солдатами. «Зачем вам это? — убеждал меня генерал. — Посмотрите снизу, с земли, как мы прыгаем, и потом прекрасно все в своих книжках опишите». Что ж, теоретически я действительно вполне мог представить, что чувствует человек, прыгающий с парашютом, и описать это, но, боюсь, что в моих описаниях тогда бы не хватало чего-то самого существенного...

Почему я вспомнил этот случай? Мне кажется, что, к сожалению, многие из нас, когда речь идет о сложных процессах, происходящих нынче в обществе, в производственных коллективах, в науке, оказываются в положении людей, наблюдающих за этими процессами, образно говоря, «снизу, с земли». Это, конечно, проще, это требует куда как меньше усилий души и ума, но, увы, и результаты получаются соответствующие. Разумеется, художественный уровень книги, сила воздействия ее на читателя зависят прежде всего от одаренности литератора, от его таланта. Но беда в том, что нередко тот или иной писатель и цели-то перед собой ставит заведомо мелкие, незначительные, и страсти-то, темперамента, боли на страницах его книг не ощущается. Зато куда как больше он озабочен своими литературно-издательскими делами. Я часто думаю: если бы подобный писатель с такой же страстью, с какой отстаивает он

свое право попасть в издательский план или получить путевку в Дом творчества в разгар сезона, если бы он с такой же страстью писал о заботах и тревогах нашего общества, то, честное слово, он сумел бы создать великое произведение.

К сожалению, умение говорить правду некоторые из нас привыкли рассматривать как некую особую доблесть, за которой немедленно должно следовать вознаграждение — моральное или материальное. На самом же деле, умение говорить правду — это порой не очень-то благодарное занятие. Тут и синяки можно нажить, и шишки. Это надо понимать, к этому надо быть готовым в первую очередь тем, кто вступает в литературу. Поэтому мне всегда очень нравилось слушать, как говорил с молодыми Федор Абрамов. Его словами я и хочу закончить свое выступление: «Человек, который идет в литературу... должен раз и навсегда знать — он идет на сложное, может быть, на самое трудное дело, которое может предстоять молодому человеку. И даже человеку вообще. Потому что литература — это всегда борьба...» (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Эрнсту Ивановичу Сафонову.

Э. САФОНОВ. Уважаемые товарищи! Буквально в предсезонские дни на страницах центральных газет прочитал я бодрые донесения из южной республики о том, что там никаких особых затруднений на фронте борьбы с многоголовым «зеленым змием» уже как бы и нет, и более того — сделан поистине стратегический шаг вперед: беспощадно вырубая на плантациях вчера еще золотые винные сорта винограда, здесь уже запустили в производство — на потребление народу — бутылки с «безалкогольным вином». Наклейка, значит, как и бывало, — со словом «вино», однако жидкость в бутылке — без градусов. Так сказать, любителям веселых застолий — в утешение ли, а может, в унижение, не знаю, — дается возможность имитировать выпивку. Не лимонад, мол, не пепси-кола, не квасок какой-нибудь, а читай своими глазами: в и н о! Этакая порочная игра для взрослых, порожденная лукавым умом.

Понятно, надеюсь, что этот факт привлек мое внимание и вынесен сюда, на трибуну, не ради него самого... Он вызвал в сознании определенные ассоциации в связи уже с нашими, творческими делами, которые сегодня обсуждаются на съезде: в чем причина засилья граждански никчемной, так называемой «усредненной» литературы, — литературы без «градуса» истинной художественности и суровой правды, без «градуса» высокой одухотворенности и авторской честности? Не потому ли (может возникнуть вопрос), что само сложное время — с его громадными глобальными требованиями и нередко зыбкими, но резко меняющимися волевыми инструктивными решениями — привело к затуханию талантов? Нет, конечно, ибо талант — извечное свойство души народа, а значит, он тоже вечен в своих проявлениях, пока жив народ. Но тогда — во многом — не оттого ли наши литературные

беды (наши, а следовательно — и читателей!), что мы многолетне бьемся в тесных, холодных лабиринтах безудержно очиновленной, лишенной уважения к труду художника издательской машины? С ее должностными умелыми именно такого вот, ставшего им привычным ремесла: ловко выбивать «градусы» художественной правды с авторских страниц, по-парикмахерски делать им единообразную, в общем-то, прическу, при этом мнимое «благополучие» издательского «вала» выдавать за реальное отражение современного литературного процесса. Хотя каждому в этом зале известно, но все же напомию, какова сейчас схема прохождения авторской рукописи в любом центральном издательстве до выхода ее книгой... Вначале рукопись читают рецензенты (и это разумно), затем начинается заниматься ею редактор, от него она поступает на стол к заведующему редакцией или его заместителю, от них — в главную редакцию (придумана и такая!), а в случае «остроты» вещи с ней обязательно станут знакомиться «сам» главный редактор или директор издательства... Я не всех назвал (скажем, не ссылаюсь на разветвленную должностную сеть госкомиздатовских департаментов, где тоже всегда наготове «чтецы» и «эксперты»!), однако и так видно, что на одного автора, на одну рукопись — мощный отряд «издательского ОТК». А если к тому же принять во внимание, что каждый писатель сам по себе своеобразная фабрика, своеобразный завод, «продукция» которого, помимо духовной, моральной ценности, становясь запущенной в продажу книгой, имеет и конкретное товарное, в дензнаках выражение, приносит государству конкретный доход, — то тогда к месту вспоминается мудрое народное присловье: «Один с сошкой, семеро с ложкой»... С сошкой писатель, с ложкой — ясно кто... И разве — уже если подойти тут с чисто экономической стороны — не накладно сие государству? Платить из казны неизвестно за что там, где вместо семерых перестраховщиков могут быть два, допустим, толковых работника, наделенных персональной ответственностью. На это ведь, собственно, и нацеливает партия — опираться в каждом случае на личную ответственность работника. Или такой принцип для издательской практики?

Сославшись на одну пословицу, приведу другую: «У семи нянек дитя без глаза». То есть от халатного недосмотра «дитя без глаза»... Но у семи издательских «нянек», наоборот, ступенчатый досмотр авторской рукописи похлеще всякого таможенного досмотра, — с движением от младших по чину к старшим. И определяется он, этот «досмотр», должностной боязнью младших «пропустить» хоть что-нибудь такое, что может показаться «криминальным» старшим (за что получить порицание, выговор, лишат премии и т. п.); определяется должностной самодовольной властью старших, замешанной на вкусовщине («Это, по-моему, плохо!..», «Считаю, нужно снять!»), и, в конце концов, при такой вот беззащитной к о л л е к т и в н о й редакции рукописи она превращается из предмета искусства (творения художника) в «нечто от

искусства» (благопристойное — с точки зрения канцелярской отчетности). Прелестное «дитя», отданное тобой на издательскую «санобработку» таким вот лихим «нянькам», нередко затем является перед тобой слабо узнаваемым: как бы оно — и вовсе не оно... вместо кудрей — стандартный «полубокс», а то и полублатная челка конца 40-х — начала 50-х годов, «осаженные», укороченные ручки, что-то безжалостно отрезанное, к тому же даже то подчас отрезается, без чего этому «дитяти», хотя оно и выпускается в мир, лучше уже и не жить на белом свете...

И в том угнетавшем страну эле — *з а с т о й н ы х*, как жестко определил партийный съезд, явлениях, в разгуле коррупции, должностной вседозволенности, очковитирательстве, беспринципности, — разве нет солидной доли вины и нашей нынешней издательской системы с ее воинствующим требованием: «Не пущать!..» Не давать выхода смелому и страстному, кровно озабоченному и, скажем так, граждански обязательному. Разве сама издательская машина *т а к о г о в и д а* — в ее чиновничьей перегруженности — наращивая и наращивая свой бюрократический «вес», не явилась в чем-то порождением осужденных на партийном съезде и апрельском Пленуме ЦК тех самых, упомянутых уже мною «застойных» явлений во внутригосударственных общественно-производственных построениях?

Редакторский произвол имеет, само собой, свои причины, среди которых и вот такая... В последние годы на смену толковым, большой культуры издательским редакторам стали шеренгами приходить до странности неквалифицированные, а оттого агрессивные в своем поведении работники: оставившие школу барышни с дипломами учительниц; чьи-то свояченицы или племянницы, не осознавшие до прихода в издательство, зачем и чему они учились в вузах; не стяжавшие себе желанного литературного успеха настойчивые, с неутоленным самолюбием сочинители неведомых миру произведений и т. д. Сядут они поначалу робко в редакторское кресло, осмотрятся за полгода — за год, и уже начинает блуждать на их устах самонадеянная усмешка воинствующих дилетантов, уже автор, если он не именуется, видится им почти что досадливым просителем, его *п р а в о* на *с а м о с т о я т е л ь н о с т ь* раздражает их точно так же, по-бывательски, как какую-нибудь неумную продавщицу, вдруг возомнившую себя кормилицей народа, раздражает любой покупатель с настойчивым голосом.

Уж они-то, быстро приспособившиеся к издательской атмосфере, всегда готовы пропустить авторскую рукопись «сквозь строй», не пожалеют на нее шпицрутенов, и даже там, где начальство ничего не требует, отойдет мягко и снисходительно, с усердием добавят «горячих»... от себя!

Разумеется, у многих из нас были и есть свои хорошие, умные, сочувственно настроенные к автору редакторы, у многих из нас самые добрые отношения с теми или иными издателями, ведь кое-кто из них сам является, помимо всего, пишущим, сам, значит, «жерт-

ва», — но я говорил не о единичном, а о типичном, не о случаях, а о явлении, тенденции.

И разве это не партийный, не государственный вопрос — кем и как заполняются в издательствах редакторские места, может ли тут и дальше оправдывать себя принцип: этого или эту берем — он «хороший парень», она «милая девушка»? Не созрела ли необходимость иметь авторитетный центр по подготовке редакторов издательства — какую-нибудь Высшую школу редакторов, по принципу нынешних Высших литературных курсов, только более мощную, в которую отбирались бы — именно при творческом отборе! — выпускники филологических вузовских отделений, и где для них, помимо всех прочих, ввели бы особый и обязательный предмет: права автора и исключительное уважение к авторской рукописи.

И разве не партийный, не государственный вопрос, уже достаточно громко прозвучавший на съезде: не писатель должен быть как массовое «сырье» приспособлен к издательскому производству, а оно должно быть настроено на индивидуальность писателя — со стремлением всячески помогать художнику оставаться художником?

Для народной, а следовательно — государственной пользы...

И, конечно, тревога моя, как и тревога многих, сидящих в этом зале, исходящая из того, что нас беспокоит, что у нас болит, — она вот еще в чем: как бы спустя четыре года снова я или кто-нибудь другой не вышел бы на эту трибуну опять с такими же словами. (А плоды...)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Владимир Александрович Яворивский (Киев).

В. ЯВОРИВСКИЙ. Дорогие товарищи! Я выступаю четырнадцатым и полагаю, что это всего лишь проявление той литературной демократии, о которой вчера говорилось на съезде, а не намек на место украинской прозы в общесоюзной литературе...

Весна этого года началась мощным толчком в наших мыслях и чувствах. Все то, о чем еще вчера даже честные люди говорили шепотком или вполголоса, — обрело нормальную, без глушителя или форсажного надрыва интонацию на трибуне партийного съезда.

На наших глазах началась девальвация, а то и разрушение многих, изрядно одряхлевших моделей не только экономики, но и духа, нравов, целых жизненных связей и выгодных для демагогов полуправд, полустин и полуправ. И если что-то за это время изменилось, давайте не будем забывать, что этому в значительной мере способствовала, подготовив общественное сознание, та честная проза нашей страны, которая отстаивала свое право и обязанность все договаривать до конца. Или же — ставить многоточие именно в том месте, где читателю уже не нужен проводник.

Когда мы сегодня говорим о чрезвычайно интенсивном общении наших народов и литератур, — мы помним, что народы общаются, как и литературы, только на уровне правды. Ведь только талантливая правда может быть

и национальной, и интернациональной в одно и то же время. Стало быть, это общение происходит и на уровне нашей прозы, созданной в последние годы Айтматовым и Гончаром, Бондаревым и Быковым, Амирэджиби и Загребельным, Распутным и Матевосяном, Астафьевым и Друцэ, Бубнисом и Кимом, Димаровым и Вэтэмаа... Впрочем, дело не в конкретных именах, а в том, что у нас есть и национальная и честная проза, по которой можем судить о сегодняшнем духовном облике наших народов.

Стоило Василию Быкову вскрыть в повести «Знак беды» обойденный многими конфликт, заложенный, как мина замедленного действия, еще в годы коллективизации и взорвавшийся в годы войны, — как оказалось, что это произведение сразу же восполнило то, что не сказала украинская проза своему читателю. Должна была, но не сказала. Стоило Айтматову вскрыть, обнажить духовную (а точнее — бездуховную) язву «манкуртства», как оказалось, что он досказал то, что начал Гончар в «Соборе» — романе, который был замолчан на полтора десятилетия по вине именно «манкуртствующих» критиков (правда, не весьма литературных). А вспомните «Запах айвы» Друцэ, «Мальвы» Иванычука, «Закон вечности» Думбадзе, «Курдземите» Зиедониса, «Печальный детектив» Астафьева — и почти бесспорной станет мысль, что нас сегодня уже не разделяют даже специфические, национальные проблемы. Оказывается, даже объединяют, если о них говорить честно, страстно и талантливо, если не «перетягивать одеяло» на себя, помня, что оно — небезразмерное...

Это чувство стало обостренно реальным в конце апреля и в начале мая этого года, когда разорвал свою смиренную рубашку обезумевший четвертый блок на Чернобыльской атомной, и в центре обжитой, плотно населенной людьми Европы образовалась зияющая дыра мертвой зоны. Зоны, со следами бывшей здесь цивилизации, где только с украинской стороны выселено около ста тысяч человек. Вдумайтесь: наша родная, так тяжело выстрадавшая нами цивилизация на небольшом пятачке украинского и белорусского Полесья на неопределенный срок стала мертвой, опасной для человека, отдавая душу жуткой фантастикой. Нет, жутким реализмом восьмидесятых годов этого столетия.

Да, то, что произошло в Чернобыле, можно измерять и вчерашними, не потерявшими смысла мерками, выработанными нашей честной прозой: бескомпромиссный драматизм ситуации смысл грим со многих, казавшихся очень естественными, лиц. Проблема выбора, которую в последние годы так интенсивно исследовала наша проза, — в Чернобыле решалась мгновенно, с драматической категоричностью определяя маски и истинные лица. Да, ситуация в несколько часов проявила и героев и подлецов. Но разве мы сомневались в их наличии, а главное — в способности нашего народа на жертвенный героизм?

Стало быть, героизм — это еще не Чернобыль, если помнить, что героизмом мы расплачивались за просчеты ученых и проектантов, самое главное — за авантюризм и глупую

попытку «вытрясти» из реактора все возможное и даже запрещенное ради наград и почестей для себя. Последние, игнорируя мнение опытных людей (но ниже их по чину), забыли, что руководят не кирпичным заводом или городской котельней, а — реактором, рядом с которым 50-тысячный город энергетиков, тихие полесские села, Припять, Днепр... Вот и расплатились... ста тысячами человеческих судеб и покамест — несколькими десятками жизней.

В момент взрыва четвертый реактор перестал быть мирным. Мы оказались уже в ином измерении атомного века. Не метафорическом, а — реальном.

То, что случилось в Чернобыле,— это последнее предупреждение сущего столетия и, возможно, первое — грядущего. Может быть, это даже коварный намек на то, что наши старые представления о времени, о мнимом всеисилии человека в чем-то исчерпались и нам надо искать новых измерений и ответственности, и величия духа, и подлости в пределах все той же человеческой души.

Ведь вчера еще едва замечаемый нашей прозой бюрократизм, боязнь взять на себя всю ответственность, позиция «кабычегоневышленков» — в Чернобыле привели к тому, что на тридцать шесть часов передержали людей в зараженном городе Припять, а в Чернобыльском районе — еще дольше. А какой бессовестной показухой была первомайская демонстрация в самом Чернобыле. Вот как обнажились наши моральные просчеты прошлых лет в чернобыльской ситуации. Да и наша пресса вынуждена сегодня расплачиваться за «передержку» информации. Уже вдогонку приходится воевать с фактами, вложенными в сознание западному мещанину. И нашему — тоже.

Да, Чернобыль — это не тема, если его измерять только героизмом и «проявлением дружбы народов», пришедших на помощь, или — дежурными словами о неулетевших из Чернобыля аистах...

Все то, что успела покамест сказать наша литература о Чернобыле,— обозначено издержками нашего вчерашнего мышления, наших вчерашних представлений о мире и о человеке в этом мире. Возможно, больше других предупредил нас о Чернобыле Распутин своим «Пожаром». Предупредил интуитивно. А Чернобыль — это тотальное предупреждение уже двадцать первого века и третьего тысячелетия.

Думаю, что именно нашей украинской прозе в первую очередь предстоит прорваться не только к чернобыльской драме, к ее потрясающему фактажу, но и к новому художественному мышлению. И это будет главным испытанием украинской прозы на ее зрелость в конце двадцатого столетия. В Чернобыле сошлось все: и бунт тех таинственных сил природы, в которые мы внедрили, и наши просчеты во многих сферах общественной жизни, накопившиеся в предыдущие годы.

Хочу сказать еще об одном. Три десятилетия существуют у нас атомные электростанции. Литература или кино могли за это время «про-

моделировать» версию аварии на атомной? Обязаны были это сделать. Но никто не отважился, понимая, сколько сил надо было потратить на пробивание такого произведения, которое могло «посеять панику». Стало быть, Чернобыль — это и наша вина. Слишком мы доверчивы ко всем проявлениям цивилизации. Ведь и экологическую проблему мы проглядели настолько, что теперь вынуждены идти «в рукопашную» против «перебросчиков рек», против губителей Байкала и Днепра прямо со съездовских трибун, ища поддержки в последних инстанциях.

Несколько слов о наболевшей проблеме переводов. Я не сбрасываю со счетов несколько отличных переводчиков, выводящих украинскую прозу на всесоюзную арену без «замены группы крови» во время ее переливания. Но близость украинского, белорусского языков с русским кое-кому дает повод думать так, как цензору, визирующему «Кобзарь» Шевченко... Издатель Мартос боялся, что «Кобзарь» задержится из-за того, что цензор не знает украинского языка, на что последний сказал: я однажды проезжал рядом с Курской губернией, а этого достаточно, чтобы знать малороссийский...

Пожалуй, это проблема не только украинской и белорусской литератур. Трудно определить потери национального (не русского) слова во время перевода его на язык нашего межнационального общения. Очевидно, эксперимент шестидесятых годов надо развернуть на уровне государственной политики обмена студентами-филологами между республиканскими университетами. Издержки «самодельности» в этом вопросе уже сегодня слишком очевидны.

И — последнее.

Хочу поспорить с Расулом, высказавшим вчера мысль о том, что некоторые писатели очертя голову рвутся на всесоюзную арену. Если он говорил о бездарях, ищущих покровителей в Москве,— тогда заслон Гамзатова справедлив. А если, скажем, в украинской или другой какой-то прозе появляется произведение, которое, в силу разных обстоятельств, не может по достоинству оценить республиканская критика (пример того же «Собора») или книгоиздатель... Никакой крамолы в этом нет, если оно выйдет сперва в переводе. Ведь было так с произведениями Быкова, Друцэ, Харчука... Лет тридцать тому назад с Украины пришло «прошение» в Москву — запретить выход произведения в Москве, если оно не напечатано на Украине. Давно нет в живых авторов этой петиции, но она действует и сегодня. Только этим и напоминая, что такие писатели были в украинской литературе. (А плодисменты.)

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Дорогие друзья! Продолжим нашу работу. Слово предоставляется Тулепбергону Каипбергону.

Т. КАИПБЕРГЕНОВ. Товарищи! Несколько лет тому назад мне пришлось участвовать в диалогах с зарубежными писателями-коллегам. Они говорили о своих трудностях, а мы, как водится, — о своих достижениях. И тогда они с иронией спросили: если нет у вас никаких проблем, то откуда же возьмется литература? После этого мы дружно стали вспоминать свои трудности, свои проблемы и так увлеклись, что кое-что даже присочинили.

Действительно, без проблем не может быть литературы, но нам необходимо постоянно помнить о насущных проблемах и не выдумывать несуществующих.

Когда мы хотим подчеркнуть важность того или иного события, важность того или иного решения, мы называем их историческими. Называем часто, очень часто! Это даже превратилось в некий штамп. Со штампами, конечно, надо бороться, в искусстве слова штамповка не нужна, но все же, если вдуматься, то поймешь, что редко, излишне редко мы говорим о действительно историческом значении наших дел и решений. Я пятнадцать лет отдал исторической прозе, осмыслению жизни народа во времени и теперь хочу сказать, что у такой великой державы, как наша, у такого великого союза наций, как наш советский народ, не исторических дел вообще нет и быть не может. Все они исторические, и не только в том смысле, что наши победы и наши просчеты, наше развитие и наш застой, наши достижения и наши негативные явления — все влияет на развитие мира, на сегодняшнюю и завтрашнюю историю человечества. Если бы не было у нас этих пресловутых негативных явлений, если бы не было почти десятилетнего застоя, то уже сегодня мы были бы такими могущественными, что вряд ли у кого-нибудь возникло бы желание испытывать нашу экономику на выживание, не было бы желания испытывать наши нервы и терпение. Мы собираемся за пятнадцать лет удвоить экономический потенциал страны, значит, если бы не было почти десятилетнего застоя, то сегодня, а не к двухтысячному году этот потенциал был бы уже если не двойным, то полуторным. Повторяю: все наши дела — и хорошие, и плохие, и так сказать, недостаточно хорошие — все до единого имеют всемирно-историческое значение, и нам нельзя ни на час, ни на минуту забывать об этом!

Я не очень чисто говорю по-русски, но считаю русский язык очень точным и мудрым уже за то, что в нем слова «советское» и «совесть», как мне кажется, происходят от одного корня. Все, что по совести, — то советское, что против совести — то антисоветское. Это единственный критерий, хотя всегда находились люди, которые полагали, что если они сидят в больших кабинетах и получают большую зарплату, то им и решать, что полезно для советской власти, а что вредно. Но время доказало, что это не так. В 1981 году я закончил роман «Зеница ока», в котором говорил о том, что сегодня в Узбекистане, да и не только в Узбекистане, называют «негативными явлениями». Антигерои романа узнали себя, книгу они назвали очковтирательством, чуть ли не поклепом, уже готовый типографский на-

бор приказали рассыпать. Теперь роман готовится к изданию. Но ведь прошло пять лет! Ошибки можно было начать исправлять на пять лет раньше.

В прошедшие десятилетия наша литература подняла много важных проблем, поставила очень серьезно чрезвычайно важные вопросы. Она всегда стремилась быть совестью общества и в лучших книгах действительно была совестью народной. Но совесть — это не только внутренний контроль, запрещающий делать то-то и то-то, это не только «нравственная таможня», это еще и советчик, говорящий, как жить по совести, как дела делать, как быть человеком среди людей. По-моему, пришло время, когда литература — эта наша общественная совесть — должна уже не только вопросы ставить, но и ответы искать. Не зря, думаю, в мудром русском языке слово «ответственность» происходит от слова «отвечать». Иногда думают, что ответственным является тот человек, который отвечает перед немногими, но за многих людей. Это неверно. По существу, ответственный человек должен отвечать за все и отвечать многим и многим людям. Отвечать — что делать? Как жить? Это очень трудно. Отвечать всегда трудно. Если, допустим, я буду спрашивать: «Как же дошли мы до жизни такой?», то тут многие согласно закивают головами — да-да, он верно говорит. А если стану объяснять, как прийти к лучшей жизни, то, вероятно, многие не согласятся — не всех устроит предложенный мной путь. Но при всем при том полагаю, что настоящие художники перейдут от вопросов к ответам, ибо вопрошать и критиковать ныне научились уже все, и даже те, кто еще вчера со всем соглашался и все оправдывал. Более того, эти вчерашние соглашатели и оправдатели сегодня на наших глазах превращаются в самых яростных ругателей, потому что пустозвонство может быть не только в восхвалении, но и в критике, для пустозвонства главное: что бы ни говорить, лишь бы ничего не сказать нового, существенного, не выразить свое мнение, ничего не сказать по сути дела. А говорить они большие мастаки, большие умельцы, давно натренированы, в этом с ними состязаться невозможно. Да и не хочется. По-человечески и как художник я не хочу быть с ними в одном ряду — стыдно. Пока они будут критиковать создавшееся положение — а по сути не создавшееся, а ими же самими созданное положение, — мы должны искать выход из этого положения.

В общих чертах выход известен, он называется — интенсификация. Я все думаю, как это приложить к литературе? Не выдавать же нам больше художественной продукции за единицу времени? Охватывать все новые и новые темы? Вовлекать новый жизненный материал? Но ведь известно, что годовые поступления в фонды Ленинской библиотеки в Москве, если их выставить корешок к корешку, растянутся на 16 километров. Надо ли нам, чтобы они растянулись на 30 километров? Едва ли. Во-первых, это не интенсивный, а уж скорее экстенсивный ход развития. Во-вторых, любой писатель хорошо может написать лишь о том, что он знает, за что и

впрямь переживает от всей души. Значит, остается одно — интенсификация души, интенсификация совести, потому что общество — не футбольная команда: пришел новый тренер, сменил состав, набрал новых людей — и вот теперь можно ждать побед. Нет, в обществе нам жить и работать тем же составом, но, прежде чем увеличится количество любой продукции на душу населения, надо, чтоб в самой этой душе населения увеличилось количество совести. Думаю, что литература — не самый компетентный орган при решении производственно-экономических задач, но что касается задач духовно-совестливых, то кто же тут может быть компетентнее ее?

На моем родном каракалпакском языке литература звучит так: адебият,— и слово это состоит из двух слов: «адеп-ият», что означает «честь и стыд». Вот этим-то, как я полагаю, нам и надлежит заниматься, если хотим помочь своему народу. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Артему Захаровичу Анфиногенову.

А. АНФИНОГЕНОВ. Дорогие товарищи! Утверждение в жизни и человеке истинных ценностей и осуждение ложных — изначальная миссия великой русской литературы. Эта животворная традиция сегодня особенно важна.

Три года назад, когда Центральное телевидение показало и фронтовикам, и молодежи, как легко появляются в обстановке подхалимажа и нравственной безответственности и трижды, и четырежды Герои Советского Союза, вышла документальная повесть Александра Крона «Капитан дальнего плавания». Она сделала достоянием страны имя Александра Ивановича Маринеско, выдающегося командира-подводника, снискавшего в годы войны своим ратным мастерством и отвагой легендарную славу. Самообытная личность, страстная натура, Маринеско предстает перед нами в подвиге, истолкованном с ясным пониманием его масштаба, его военной и патриотической значимости, его места в национальной истории. Рассказывают, что курсанты морского училища по прочтении повести раздобыли многопудовый корабельный якорь и на плечах снесли его на могилу капитана, беззаветно служившего защите Отечества... Да, каждый факт торжества справедливости работает против удручающей девальвации высших наград и званий. Прошлогоднее награждение активных участников войны наглядно это подтвердило.

Пользуясь случаем, хочу, как к тому призывает обширная почта «Капитана дальнего плавания», именно с трибуны писательского съезда поднять вопрос о присвоении звания Героя Советского Союза Александру Ивановичу Маринеско. (А п л о д и с м е н т ы.)

Это было бы к чести доблестного корпуса Героев Советского Союза, поощрило бы документальную прозу на дальнейший поиск, открытие и утверждение подлинных, а не юбилейных героев.

Я участвовал в работе II съезда писателей, как журналист, хорошо помню царившую на

нем атмосферу больших ожиданий, возбужденных преддверием XX съезда партии, и солидарен с Борисом Никольским, отметившим в своем выступлении непоследовательность литературы в разработке проблем, вставших перед нашим обществом в конце пятидесятых годов. Это не было «время великих иллюзий», как посчитал один режиссер на страницах «Литературной газеты». Это было развернутое партией широкое выступление против наследия злейшего врага революции — российского бюрократизма, в его своеобразном партийно-государственном проявлении, получившем наименование «культ личности». Без глубокой разведки, без надежных резервов, при явной недооценке сил противника. Последующие десятилетия принесли немало разочарований, но дали и опыт. «Не повторять ошибок прошлого» — призвал последний Пленум ЦК. Эти слова надо считать программными. В борьбе против застойных явлений нашему общественному мнению недостает традиций достоинства и мужества, а наш творческий Союз, еще на том же II съезде названный департаментом по делам литературы, демонстрирует хроническую неспособность к отстаиванию жизненных интересов литераторов.

Очерк Юрия Черныченко «Комбайн косит и молотит», убедительно показавший несовершенства и беды нашей сельскохозяйственной техники, вызвал широкий резонанс. Партком Московской писательской организации поддержал выдвижение этой смелой поисковой работы на соискание Государственной премии. Бывший секретарь Ростовского обкома партии выступил против очерка, потребовав убрать писателя с завода: «Он мешает нам работать». Конфликт, конечно, не нов. Александр Левиков хорошо отпрепарировал его природу в книге «Весь доверия», особенно в главке, названной «Гражданская война в организациях». Я же отмечу, что, наверное, не без воздействия бесхребетной, розовой очеркистики, обслуживающей интересы ведомств, а также по скромности культурного багажа, у некоторых партийных функционеров сложилось мнение, будто коренной перелом в социально-экономическом развитии страны сподручнее осуществлять силами своего дисциплинированного аппарата... И пасовать перед таким невежеством, принимая стойку «смирно», значит подсекаеть гражданскую активность писателя.

А вот другой красноречивый факт. Два года мыкался Ярослав Голованов, предлагая московским редакциям свой очерк «Космонавт номер один», не только рисующий облик Юрия Гагарина, но и воссоздающий исполненную драматизма, созидательной воли и поучительного смысла историю советских первооткрывателей космоса. Сколько новых, ведомых нам имен, какие яркие судьбы. И кто объяснит, почему надо секретить от народа имена его героев, проложивших человечеству путь во Вселенную двадцать пять лет тому назад! Миллионы читателей «Известий» смогли с интересом и благодарностью прочесть эту работу документалиста лишь после вмешательства двух секретарей ЦК. Спасибо им за «добро», за «зеленую улицу» мате-

риалу, раздвинувшему рамки космической темы, но такое вмешательство — исключительный случай. Оно не может и не должно быть нормой литературного процесса. Между прочим, и потому, что секретари ЦК — тоже люди, им тоже свойственно ошибаться. А на моей памяти не существует прецедента, когда кто-нибудь, на любом уровне, понес бы наказание, был привлечен к ответственности за то, что полезная, нужная, даровитая рукопись вышла в свет отдельной книгой через пять, через семь, через девять лет после ее написания...

Не изменив состояния умов и сердец, нельзя изменить состояния дел.

Публицистический арсенал советской литературы велик. К сожалению, автор вчерашнего, основного доклада не дал хотя бы краткого анализа современной публицистики, а ведь именно в ней сфокусированы сегодня основные проблемы, вставшие перед обществом после апрельского Пленума и XXVII съезда партии и представляющие первостепенный интерес для всех делегатов съезда.

Выступая как мощный катализатор развития общественного сознания, публицистика продемонстрировала себя, свои возможности на современном этапе в привлечших внимание статьях и работах Виктора Астафьева, Евгения Евтушенко, Бориса Можжева, Виктора Розова, Майи Ганиной, Алеся Адамовича, Олега Волкова, Анатолия Злобина, Аркадия Ваксберга, Александра Борина, Юрия Аракчеева, Юрия Галкина, Анатолия Стреляного, Евгения Добровольского, Анатолия Рубинова, Ольги Чайковской, Вениамина Каверина и многих, многих других.

Внутренняя готовность к откровенному разговору, художническая чуткость к тому, что наболело, и высокий уровень профессионального мастерства убедительно свидетельствуют о теснейшей связи писателей с жизнью народа.

Сделав первые серьезные шаги в разработке проблем общественной жизни, в постановке морально-этических, правовых, педагогических вопросов, наша документалистика недопустимо, катастрофически отстает в разработке и освещении проблем современной науки.

Ежегодник «Пути в неземное», вот уже четверть века существующий подвижническим трудом горстки писателей-энтузиастов, связанных с наукой, — единственное в стране издание, объединяющее мастеров научно-художественной литературы в пору расцвета НТР, проникновения науки во все сферы жизни, оно не может привлечь к себе того внимания, на которое вправе рассчитывать.

Сама же НТР действует иначе. Пользуясь средствами классической драматургии, научно-техническая революция потрясает сознание и таким образом овладевает им. Гибель американского «Челенджера» ввела в словесный обиход твердотопливные установки, чернобыльская трагедия заставила заглянуть в черные бездны атомного реактора. Наш долг вмешиваться в дела науки по высшей и ничем не заменимой компетенции писательской союзу. Меня глубоко взволновал рассказ нашего украинского друга Владимира Яворин-

ского о трагических днях Чернобыля, этого тихого городка на Припяти, ставшего болью также и всей русской интеллигенции. Нельзя допустить, чтобы в «могильнике», сооружаемом на месте великого бедствия, были похоронены причины, приведшие к этой катастрофе.

Конечно, многое мог бы дать журнал писательской публицистики и документальной прозы, собрав вокруг себя и аккумулировав усилия всех писателей, не равнодушных к злобе дня. Говорю об этом не без некоторого сомнения, потому что имею в виду журнал, о котором как раз сегодня можно мечтать, т. е. не просто дежурное издание, а журнал — трибуну, журнал — властитель дум... Вопрос о таком журнале уже поднимался, но, согласно емкой и горькой сентенции, всякий раз уходил в песок.

Все уходит в песок.

Все уходит в песок потому, что одна амбициозная дама может, подобно гоголевской героине, взбунтовать весь город и не допустить издания социально-острого романа, поскольку в главном его персонаже отразилась судьба ее покойного мужа, и это даме очень не понравилось. Потому, что подборка интереснейших писем писателя Григория Медынского и полярного летчика Михаила Каминского, несущая в своих свободных строках тревоги и заботы наших современников, гуляет по редакциям без всяких видов на издание, так как письма эти, видите ли, содержат субъективные оценки. Потому, что на полях рукописи Владимира Богомолова «В августе сорок четвертого...» («Момент истины») против ключевой, пятидесятой седьмой главы романа «В Ставке» шариковой ручкой генерала может быть начертано: «Параграф пятьдесят седьмой исключить», и понадобится железная стойкость, свойственная, к счастью, этому автору, чтобы сохранить в неприкосновенном виде и 57-ю главу, и весь роман в целом. Все уходит в песок. Потому, что обсуждение рукописи Анатолия Приставкина «Ночевала тучка золотая» на бюро московских прозаиков с участием актива, поддержавших работу, не только не изменило судьбы рукописи, но даже не оставило следа в виде информационной заметки на страницах «Московского литератора». Потому, что страстная публицистика Юрия Карякина, набатный призыв писателя-коммуниста «Не опоздать!» — осознать нависшую над человечеством угрозу самоистребления, не может пробиться ни на страницы «Правды», ни на страницы «Литературной газеты», и только помянутый мною ежегодник «Пути в неземное» печатает эту работу, до сих пор не замеченную и вместе с книгой сборника не оцененную...

И так далее, и так далее, и так далее...

Почему же так несовершенен механизм воздействия общественного, писательского мнения на судьбу рукописи? Вчера эта тема прозвучала в выступлениях Даниила Гранина, Феликса Кузнецова, Григория Баконова и других товарищей, озабоченных живучестью бюрократизма. Мне тоже хочется сказать несколько слов об этом.

Мы часто говорим о фактах и мало думаем о причинах.

Исторически сложилось так, что мы, граждане Союза республик, в условиях однопартийной системы не получили опыта собственно республиканского развития, с его навыками гласной борьбы за самостоятельность мысли, свободу мнений, права на индивидуальность. Мы пока что республиканцы без закалки. Республиканское воспитание так же важно, как патриотическое, как интернациональное. Гражданское поведение — это поведение убежденного республиканца. Стало быть, есть в природе нашего строя механизм, есть драга, позволяющая извлекать из песка, куда пока что уходит все, как в прорву, чистое золото общественной пользы. Этот способ — в последовательном развитии, неуклонном проведении республиканских принципов, провозглашенных Октябрем. Менять в процессе перестройки надо не людей, не должности, а именно принципы: бюрократические — на республиканские, демократические. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Сайын Муратбеков (Алма-Ата).

С. МУРАТБЕКОВ. Товарищи! Самым важным для нас является — серьезно, глубоко осознать нашу задачу борьбы за высокое, несравнимое с прежним нашим «общим уровнем» качество всех видов и родов литературы. Период после XXVII съезда партии в стране — это не просто, но номинально новые условия существования литературы, это иная, новая мера требовательности, предъявляемой к нам народом, которая решительно отделяет нас от минувшего периода.

Каждый автор претворяет свой замысел в жизнь по силе своих возможностей, по силе своего таланта. Основным проблемам сегодняшнего дня посвящены многие романы и повести, рассказы и очерки казахстанских писателей: А. Нуршаихова, С. Шаймерденова, И. Щеголихина, К. Исакова, Ш. Шаваева, Ю. Герта, А. Алимжанова, А. Нурпеисова, В. Ларина, Г. Чернооговиной, Г. Толмачева. Т. Нурмагамбетова и других. Главный герой современной казахской прозы — наш современник, претворяющий в жизнь материальные и духовные богатства нашего общества, где все для человека и совершается только ради счастья его. Он наделен всеми страстями, присущими человеку.

Как и во всей многонациональной советской литературе, в казахской литературе издавна утвердилась хорошая традиция — откликаться на самые животрепещущие вопросы повседневной жизни. В разное время наши талантливые писатели смело поднимали на страницах своих произведений неотложные проблемы, связанные с сельским хозяйством, тяжелой индустрией и с другими отраслями народного хозяйства, а главное, явлениями общественной жизни. Хотя с тех пор, как были написаны романы «Племя младое» М. Ауэзова, «Вера» З. Шашкина, прошло больше четверти века, но значимость поднятых в них вопросов не потеряла и до сего дня своей жизненной важности. Эстафету старейшин нашей литературы подхватили новые поколения прозаиков. Сегодня нет, наверное, ни

одного казахского прозаика, который бы не писал об ауле. И мы не вправе не назвать писателей, активно разрабатывающих данную тематику. Это К. Жумадилов, Б. Тогисбаев, О. Букеев, Р. Токатаров, С. Балгабаев, Д. Досжанов и другие. Произведения их затрагивают новые перемены, происходящие в жизни аула в 70—80-е годы, поднимают важные проблемы сельского хозяйства. Такен Алимкулов хорошо знает то, о чем пишет, он жил среди животноводов Каратау. С грустью писатель рассказывает о тяжелом труде и незавидном быте чабана в эпоху всеобщего прогресса, когда наука и техника успела шагнуть далеко вперед, но только не для него, чабана.

И тут, говоря о достижениях казахской прозы, аульной, если прибегнуть к аналогии, невольно начинаешь тревожиться о том, как бы под одну линейку не подвести всех. Знакомясь с их произведениями, замечаешь сходство происходящих в них событий, изобилие сцен, копирующих друг друга, и однотипность характеров. Кроме того, в этих произведениях, где в аннотации сказано: «Разговор пойдет о современном ауле, о повседневных делах и свершениях сегодняшних жителей его», картины, обрисованные писателем, почему-то воскрешают аул пятидесятых — шестидесятых годов, да и поступки и действия персонажей ничем не отличаются от поступков и действий малограмотных аульчан, двадцати-тридцатилетней давности. А сегодняшний аул, как известно, ушел уже далеко вперед и в экономическом, и в культурном развитии. Видимо, эти авторы живут впечатлениями своего давнего детства.

Мы много, даже слишком много говорим о важности современной темы в советской литературе, но не здесь ли и должен проявиться самый суровый и неподкупный спрос в отношении качества отображения всего того, что составляет душу эпохи, ее высокий порыв и величие ее свершений? А ведь приходится прямо сказать, что в нашей литературной художественной продукции мы и до сих пор, иногда почти заведомо, допускаем многие несовершенства и недозелки.

Мы живем в одной из самых индустриально развивающихся республик. В рабочем коллективе легче всего узнается человек, и подлость, и честность там не спрячешь. Хотя далеко не все и там воспитываются героями, есть и негодяи, рвачи, карьеристы. Но ведь как важно, не идеализируя, жестко, реалистично исследовать писателю круглую атмосферу современных производственных коллективов. Потому что в конечном итоге в этой среде формируется новое сознание. Вот почему романы «Клад» М. Сарсекеева о казахстанских геологах, «Русло» К. Исабаева о строителях канала Иртыш — Караганда, «Площадка» С. Санбаева о рабочих медеплавильного комбината Балхаша. Убедителен роман А. Тарази «Руда». Писатель в течение нескольких лет изучал историю Каратау-Джамбулского рудного края. Роман о жизни вчерашних кочевников, которые круто изменили свою жизнь. Теперь это рабочие династии, которые уже насчитывают три поколения.

Примерно с шестидесятых годов казахская литература активно начала осваивать историческую тему. Всесоюзный читатель хорошо знает исторические романы Г. Мусрепова «Пробужденный край», И. Есенберлина «Кочевники». Я непременно включил бы в этот список исторические романы дилогии М. Магауина «Вешние снега», заслуженно удостоенной Государственной премии КазССР. Эти исторические романы являются бесспорными достижениями нашей литературы последних лет.

История создания нашего государства всегда оставалась в центре внимания наших прозаиков. Интерес к ней неугасаем. Героя повести С. Жунусова «Заманай и Аманай» судьба подвергает испытаниям в буре революционной борьбы. Писатель исследует события, которые пережил наш народ за полвека, размышляет о времени и обществе.

Теме коллективизации посвящен роман Б. Тлегенова «Время». В этом широко-масштабном произведении охвачено временное пространство от коллективизации до начала Великой Отечественной войны.

Время благоприятствует нам, писателям. Время дает нам любой на выбор материал действительности, какой тебе больше с руки и по душе.

Читатель остро нуждается в полноте правды о жизни. Ему претит уклончивость и непрямота художника. И необходимый контакт между тем, кто пишет, и тем, кто читает, нарушается, а это уже дело непоправимое. И мы не должны идти на это, не должны избегать показа трудностей. Это необходимо не только в интересах непосредственной практики нашего великого времени, но еще и потому, что это затрагивает душевную, психологическую сторону человека. Мы в своих писаниях часто вовсе умалчиваем о тех лишениях и трудностях, которые он переживает в своей жизни.

Довольно суровый, но честный роман написал казахский писатель Роллан Сейсенбаев. Три года роман кочевал по инстанциям. В этом году мы выпустили его роман в своем издательстве. Я знаю, что данный роман «Трон сатаны» в двух номерах печатает журнал «Молодая гвардия».

Казахский читатель высоко оценил роман «Трон сатаны». Я уверен, что этот роман явится замечательным достижением казахской романистики.

Уводя читателя от правды, мы тем самым ущемляем его законное горделивое чувство человека, справляющегося с трудностями и неуклонно идущего к высокой избранной цели. А мы, писатели, как раз должны укреплять в нем это горделивое чувство, отдать должное его мужеству, выносливости, терпению, благородному бескорыстию и готовности в необходимых случаях идти на жертву. А это можно сделать только правдивым до конца, верным жизни отображением трудов и подвигов советских людей, без лакировки, без лукавого сглаживания противоречий. Думается, что именно к этому обязывают те строки Политического доклада XXVII съезду КПСС, в которых говорится о необходимости укрепления связей литературы с жизнью, о правдивом и высоко-

художественном отображении многообразия нашей действительности.

В нашем деле кое-кто из писателей стремится «приподнимать» действительность в целях придания ей большего величия и красоты. Мне как писателю думается иначе, это нам самим необходимо приподняться до нее. (А плодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Борис Андреевич Леонов.

Б. ЛЕОНОВ. Товарищи! Литература развивается не по призывам и лозунгам, а по общественным потребностям. Когда их нет — в духовный мир вторгаются заменители истинных ценностей. Общественная потребность вызывает из глубин жизни и творчества такие произведения, как «Поднятая целина» и «Как закалялась сталь», «Бруски» и «Журбины».

Сегодня в разговоре о литературе отмечается некая странная, но вполне объяснимая закономерность. Не кажется ли вам, что на трибуне происходит своеобразное соревнование выступающих в том, кто острее скажет, кто будет более критичным и остроумным в этой критичности. Но, к сожалению, мало в наших выступлениях позитивного, того, что имеет прямое отношение к сделанному тобой и твоими коллегами, отнюдь не менее обеспокоенными негативными тенденциями в жизни общества. Но жизнь жалобами не построишь. Литературу критическими соревнованиями не создашь.

Литература делается, живет по своим законам, совпадающим с законами жизни нашего социалистического общества. И делает она свое дело.

В раскрытии сложных жизненных коллизий на нашем пути к дням нынешним, к сложным, но реальным задачам, какие выдвигает перед обществом и народом партия, литература наша принимала посильное участие. И сделала в этом направлении немало. Могут называться такие произведения, как вторая книга романа А. Иванова «Вечный зов», романы П. Проскурина «Имя твоё», «Годы без войны» А. Анянueva, «Драчуны» М. Алексеева, «Дом» Ф. Абрамова, «Комиссия» С. Залыгина, «И дольше века длится день» Ч. Айтматова, «Прощание с Матёрой» В. Распутина и др. «Эхо» далекой поры крестьянских забот в дне нынешнем создает полифонию острого социального и нравственного звучания произведений о жизни колхозного села. Именно они, эти произведения, были отмечены вниманием критики и общественным признанием. И не только потому, что принадлежат перу талантливых, известных художников, которые, кстати, не застрахованы от ошибок и неудач. А потому, что названные книги как бы «конденсируют» в себе те колебания духовных исканий современника, которые активно вела и ведет деревенская публицистика и рядом с нею «малая форма» прозы — рассказы, повесть.

Кстати, публицистика на новом качественном этапе жизни колхозного села, продолжая действенные традиции В. Овечкина, Е. Дороша, Г. Радова и др., активно вторгается в проблемы деревни. Свои «миры» создают

очерки Л. Иванова, Ю. Черниченко, И. Васильева, И. Филоненко, А. Стреляного и др. Отнюдь не собираясь выявлять индивидуальные особенности каждого из писателей в их книгах, очерках, скажу, что к решению текущего момента в жизни села в его нравственных аспектах средствами публицистики обращаются ныне и наши известные художники — В. Белов, Е. Носов, В. Распутин. Не о том ли свидетельствуют превосходные очерки В. Белова «Требуется доярка», очерк-эссе Е. Носова «На далекой станции сойду», повесть В. Распутина «Пожар».

Мастерство художника проявилось здесь не только в проникновении в сущность затрагиваемых проблем, но и в выходе из сугубо профессиональных сфер бытия к вопросам общезначимым, касающимся всех нас.

Я убежден, что качественно новый, публицистически-страстный анализ колхозного бытия даст нам «плоды» в виде серьезных художественных произведений о деревне 80-х годов, позволит положительно ответить на наши сетования, что, к сожалению, литература о деревне пока еще не создала мира современной деревни, в котором бы предстал в жизни герой нашего времени.

К сожалению, активного исследования мира фабрично-заводского производства, равного деревенскому, не было в рассматриваемый период. Однако это не значит, что здесь не пульсировала мысль художника, что рабочий человек выпал из поля зрения литературы, как то нередко можно слышать в устах тех, кто несколько драматизирует ситуацию в современной литературе вообще и в прозе на так называемую производственную тему в особенности.

В 70—80-е годы проза о рабочем классе активно вторгалась в сферу героики труда, раскрывая ее через проблему нравственной ответственности человека перед коллективом. И выявилось это чувство не в декларативных заявлениях и высказываниях героев, а в психологическом раскрытии характера, настроенного на выполнение порученного дела.

Памятными представляются романы М. Колесникова о жизни рабочего человека С. Алтунина, романы о заводских буднях В. Попова, И. Герасимова, романы «Белые воды» Н. Горбачева и «Центр» Дм. Евдокимова, производственные очерки и документальные повести А. Злобина, И. Падерина, А. Проханова, В. Поволяева, В. Болтromeюка, А. Зябрева, А. Шавкуты и др.

Я не ставлю перед собой цели обозреть необозримое. Важнее выявить главные, как мне представляется, тенденции в прозе о людях производства. Это позволит наметить и определенные пути дальнейшего развития прозы.

Сегодня, для того чтобы создать значительное произведение, уже недостаточно исследовать конфликтную ситуацию в сфере производства, поскольку на повестке дня стоит вопрос постижения причин возникновения самих конфликтов для исключения их из жизни. Иными словами, художник ныне должен вторгаться не столько в сферу профессиональных человеческих отношений, сколько в природу со-

циальной нови, порождающей негативные явления. Иными словами, интересоваться и постигать не «пережитки прошлого» в дне нынешнем и в человеке, а то, что можно назвать «недожитками настоящего» и что мешает обществу и человеку. Это высокая и ответственная задача — исследовать на новом уровне роль человеческого фактора, делая упор на первой части этого, уже примелькавшегося и устаревающего на глазах термина.

И литература не осталась в долгу у времени. Тон здесь задавал художник, посвятивший все свое творчество рабочему классу, Вадим Кожевников. Это его повести «Пустыня» и «Белая ночь», «Лилась река» и роман «Корни и крона» выдали новый интерес писателя к проблемам современности, к личности молодого современника.

Если попробовать проследить путь его героев, начиная с известных произведений «Сорок труб мастера Чибирева» и «Март — апрель» и кончая повестями 80-х годов, мы по их биографиям восстановим вехи на пути развития советского общества.

Это не только личная заслуга В. Кожевникова. Это достижение литературы социалистического реализма в целом. Это наш опыт. И всякому художнику в своей творческой биографии приходится не только усваивать этот опыт, но и преодолевать его, чтобы выйти к самому себе. Это безусловно сложный процесс, очевидный в серьезных произведениях последних лет Г. Немченко и В. Мирнева, Г. Николаева и А. Герашенко, А. Рыбаса и П. Краснова.

Интересны вещи тогда, когда в них интересно затрагиваются не сугубо профессиональные вопросы, а с их помощью, через них — вопросы житейские, общечеловеческие. Тогда в редакцию и издательство не будут приходить письма, что у авторов в произведении неправильно включают станок, затачивают резец и т. д. Когда читателя увлекает изображенный в книге мир, он многое прощает автору, хотя это не оправдывает последнего, если он чего-то не знает. Писатель должен знать намного больше, чем обнаруживает в своем произведении.

Я это говорю к тому, что в последние годы мы с вами утратили вкус к социальным проблемам. Нас завлекла нравственная проблематика. И мы стали дружно повторять: «нравственные искания», «нравственные поиски» и т. д. Но никто при этом не сказал, а каковы наши нравственные обретения? Ведь все время искать и не находить — это явление безнравственного порядка. Литература должна находить такой эквивалент нравственности, который становится той нормой, что затем переходит по наследству к другим. А это возможно лишь в том случае, если нравственное исследуется как результат социального. Как ни печально, молодежь творческая утратила ту энергию социально-активного вторжения в жизнь, какую несли в себе писатели и 30-х и 50-х годов. Общественная потребность заставляла ехать на стройки, в колхозы, в геологические партии людей, которым был не очень-то близок труд на бетонных заводах, на шахтах, в маргеновских цехах. Но они

ехали, потому что таковым был зов времени, таковой была общественная потребность. И тогда мы получили превосходную литературу, представленную в истории классическими произведениями о рабочем классе и колхозном крестьянстве.

Где сегодня все это? Я не склонен драматизировать состояние дел. Просто хочу надеяться, что Союзу писателей, издательствам удастся всерьез и надолго привлечь внимание молодых к социальным проблемам начавшейся в стране перестройки. Когда-то А. М. Горький говорил: «Давайте создадим историю наших фабрик и заводов». Мы начали ее, да так и не завершили. Нынче время требует к этому лозунгу, призыву добавить и другой; а почему бы нам не создать историю колхозов и совхозов, в биографиях которых отразилась судьба отечества, народа на самых крутых испытаниях истории?!

Назрела пора создания художественных произведений о тех, кто создавал заводы и колхозы, кто руководил промышленностью или конструкторскими бюро. Это была бы биография истории нашего современника, открывшая миру героический смысл эпохи созидания нового общества, воплощенный в героические судьбы соотечественников. В такой работе высшую школу сопричастности к своим героям прошли бы многие советские писатели, особенно молодые. Для них создание подобных произведений было бы связано с постижением глубинных проблем общества и личности, производства и отрасли, дня нынешнего и истории.

Именно на этом пути, учит нас опыт, советскую литературу ждали и ждут новые успехи и удачи в постижении жизни, серьезное и заинтересованное участие ее в выполнении тех задач, которые поставила перед ней партия в решениях своего исторического XXVII съезда. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Вячеслав Владимирович Адамчик (Минск).

В. АДАМЧИК. Утихает боль Чернобыля. Мы входим в ритм обычной жизни. Снова можно читать дневники Толстого и, сопереживая, понимать страдания одинокого гения, который, по собственному признанию, так засорил душу и не может докопаться до бога, до жизни добра для добра. А в дни чернобыльской трагедии я лично откладывал толстовские дневниковые записи, как-то мало значила прошлая, давняя боль одного человека, пусть даже великого, и его безутешные обиды и мученья за разбитых параличом странников, погорельцев беззубых старух, жалких мутноглазых оборванных вдов, хромых, в припадках мальчишков.

Не знаю, может, трудно осмыслить и понять, но мне казалось, что ту беду и отчаяние можно было утешить, предотвратить, но вот сейчас пришла беда, еще до конца не осознанная человечеством, беда, которая своим черным крылом может накрыть наши будущие поколения. Чернобыльские дни так внезапно отбросили нашу публицистику и все те, казалось, насущные проблемы, которые она старалась

поднять, разрешить и осмыслить. Будто бы прошла резкая грань, пусть невидимая, но четко определившая пережитое, хотя у каждого по-разному, мирное житье, и вот оно — уже грозное, неотвратимое и для всех одинаково и равно страшное — как будто военное. Для нас, белорусов, все неотвратимо-страшное связывается с войной и мерится ценой, болью и потерями войны. Война живет в памяти народа. Горе, пережитое белорусским народом, выливается в балладные сказания. Рассказы матерей, на глазах у которых убивали родимых детей, несут далекое эхо языческих, фольклорных мотивов. Это можно заметить по книге «Я — из огненной деревни». Большое пережитое горе, рассказанное, как будто пропетое неоднажды, становится горькой, печальной песней.

К великому сожалению, во многих книгах о войне, особенно в мемуарной литературе, излишне выдумки, недоверности, мало живой жизни и ее правды.

Я понимаю авторов, прошедших войну, ступавших, как сказал великий русский поэт, в тот горячий след и искренне стремящихся поведать о нелегком пережитом, о солдатском залитом холодно-жгучей водой окопе, о партизанской холодной землянке.

Вспоминая пережитое, авторы без лишней претензии на остросоужетность, динамику событий, без стремления к широкому охвату происходящего, писали себя, будни военной поры. Их жизнеописания, скорее всего, напоминали рассказ «Одинокого Костюшки», который писал свою жизнь по просьбе Льва Толстого.

Но редакторы, привыкшие к шаблону и штампам, забраковали рукописи, посоветовав не искушенным в писании авторам найти литературных обработчиков, и те уже усердно беллетризировали оригинал, драматизировали события, вставляли выдуманные диалоги, словом, делали из документальной простой рукописи занимательный роман. Таких книг, в большинстве своем написанных малограмотным русским языком, в нашей республике издается немало. А ведь документальной литературе, особенно если произведения написаны от первого лица, читатель верит.

Советская документалистика завоевала прочный, стабильный авторитет. Сколько своих творческих дней пропаганде этого жанра отдал А. Твардовский, сколько потерял собственных «кроков» ради жизни документа на страницах «Нового мира». Не в обиду будет сказано людям, которые и теперь создают документальные книги, как говорим мы, белорусы, «вартые хвалы», — например, «Полководец» В. Карпова. Я лично люблю возвращаться к страницам, что написаны в первые послевоенные годы. В них не только больше достоверности, бытовых реалий войны, но и суровой, неподдельной правды. Там меньше надуманности. С позиции сегодняшних дней, с позиции нашего сегодняшнего гуманизма они кажутся до неправдивости жестокими. Но ведь таковой была война.

Мне помнится кабинет И. Мележа, полки с книгами, добрую половину которых солидно и авторитетно занимала мемуарная, доку-

ментальная литература, посвященная войне. Иван Павлович, вот уже прошло незаметно десять лет, как нет его в живых, готовился после своей «Полесской хроники» к книге о войне. К этой теме были уже и подступы — роман «Минское направление». Были напечатаны и краткие дневниковые записи о тяжелом лете 41-го, об изнурительном отступлении, о самом себе — двадцатилетнем политруке роты, раненном на Дону, о мытарстве по военным госпиталиям. Эти краткие дневниковые записи должны были послужить основой для нового произведения о нелегкой судьбе двадцати-двадцатитрехлетних, отдавших за Родину и молодость, и светлые мечтания, и чистоту души.

И я вспоминаю слова Мележа, может не так в точности, сказанные им на исходе дней своих: «Я вот живу, а сверстники мои, которым в ту пору было по 20 лет, погибли. Я чувствую вину, что не написал о них». Мележ умер, когда, по словам Достоевского, все только начиналось. Завершалась «Полесская хроника», а там уж был накоплен материал для произведения о войне. Не свершилось у Мележа.

За последние полтора года из белорусской прозы ушло еще два фронтовика, два приметных талантливых прозаика. Один из них, дважды раненный на Ленинградском фронте — Микола Лобан, второй — командир штрафной роты Алексей Кулаковский. Здесь бы я назвал и Миколу Лупсякова, тоже человека военной судьбы, вернувшегося домой с тяжелой раной.

Трагический список павших и умерших от старых ран белорусских писателей был бы велик.

Я называю четыре эти имени здесь не только для того, чтобы по солдатскому праву они стали живой памятью, а чтобы эта память о них была бы выражена изданием книг. Я имею в виду наше уважаемое издательство «Художественная литература». Мележ, Лобан, Кулаковский, Лупсяков — эти имена без извинительных ссылок на фольклорность подтвердили бы надлежащий авторитет и солидный уровень белорусской прозы.

Я выше оговорился о ссылке на фольклор. Поясню. Некоторые издательства выпускают подчас плохие, и не в лучшем переводе, стихи самодельных поэтов и решительно, отрекаясь, как любил говорить Твардовский, от роли «делопроизводителя собственной славы» и дабы упредить оценку и направить ее по должной линии, приписывают этим стихам тесную связь с белорусским фольклором, с традициями песенной белорусской культуры.

По-моему, подлинно великое народное творчество и литературная слава — вещи несовместимые.

Уважаемые товарищи!

В последние годы дискутируется вопрос о влиянии всеобщей массовой культуры на самобытные национальные культуры, о стирании национальных особенностей. Много пишется о благотворительном и разрушительном влиянии средств массовой культуры на традиционные духовные ценности, о неизбежной, неотвратимой потребности самоперевода,

о закономерном появлении в национальных литературах дву- и трехязычных авторов.

Да, проблема весьма сложная, учитывая век интенсивного развития науки, громадных социально-политических перемен, стремление всех народов земли к техническому прогрессу, необходимости широкого обмена информацией и всесторонних культурных связей.

Действительно, средства массовой коммуникации и информации ускорили и одновременно усложнили процесс взаимодействия культур. И трижды прав Чингиз Айтматов, сказавший в статье «Зерно и жернова», написанной для «Новостей ЮНЕСКО»: «Зерно самобытности ныне перемалывается в жерновах мельницы времени».

Если говорить иносказательно, языком аллегорий, то зерно самобытности подвержено действию радиоактивных лучей — этой самой галактической, космической, более развитой культуры. А мы знаем, что рентгеновское облучение способно изменить природную наследственную программу организмов.

Спор о судьбе национальных культур в век промышленного прогресса, универсализации образа жизни, спор о преобразовательном и разрушительном действии радиоактивных лучей массовой культуры на самобытную культуру малых народов, мне кажется, может разрешить краткое замечание одного из основателей генетики, академика Н. И. Вавилова: «...действие лучей Рентгена приводит при большой дозировке к разрушению клеточного аппарата (от себя добавлю: того же самого зерна), при малых же дозах — к преобразованию, к получению новых форм и стимулирующий».

Несколько слов о самопереводе. По-моему, иногда он необходим, особенно с белорусского. Я знаю, как заплакал удивленно-опечаленный И. Мележ, прочитавший перевод на русский язык своего романа «Люди на болоте», и «покутовал» над авторизацией полгода. Чтобы не приходило в отчаяние и не видя иного выхода, Василь Быков начал переводить сам.

Мы помним толстовское изречение: переведенное произведение — это перевернутый ковер.

Так разве сможет автор ткать этот ковер с равным на обе стороны узором? Конечно же — нет. И я не представляю, чтобы великий Шолохов переткал разноцветный, изумительный по тону ковер «Тихого Дона» на лад персидский или гениальный А. Мицкевич усердно исправлял свои «Крымские сонеты» в переводе И. Козлова.

С горечью, но соглашаюсь с В. Солоухиным, который заметил, что отдельных современных литераторов беспокоит не то, как произведение звучит на родном языке, а то, как оно читается в переводе. (А плоды смяты.)

А. С. ИВАНОВ. Слово предоставляется Каргалову Вадиму Викторовичу.

В. КАРГАЛОВ. Разговор на писательском съезде — это всегда подведение каких-то итогов и, одновременно, выделение новых тенденций в литературном процессе, взгляд

на перспективу. С этой точки зрения мне и хотелось бы поговорить о современной исторической прозе.

Какие новые тенденции здесь прослеживаются?

Прежде всего повышенный интерес к документальности исторической прозы, мощный порыв и писателя и читателя к материку исторической правды. Преимущественное внимание к документальной, воссоздающей достоверные картины прошлого исторической прозе — это, на мой взгляд, обретение последних лет, заслуживающее всяческой поддержки. Особенно популярен у читателя жанр научно-художественной исторической биографии.

Вторая тенденция, тоже ясно прослеживаемая и, как мне кажется, весьма плодотворная — это тяготение к героическим страницам отечественной истории. На предыдущем писательском съезде кое-кто пытался декларировать, что в центре внимания писателей должна быть неоднозначная, сложная, внутренне противоречивая историческая личность, о которой нельзя сказать — со знаком минус или со знаком плюс, некий «полугерой». К счастью, этого не случилось. Героическая тема все яснее, громче звучит в нашей современной исторической прозе.

Новым, пожалуй, является обращение к исторической прозе целого отряда профессиональных историков, произведения которых как раз и несут заряд исторической достоверности. Большой читательской популярностью пользуются новые книги В. И. Буганова, А. Г. Кузьмина, А. Н. Сахарова и других историков.

В докладе А. С. Иванова среди заметных явлений литературной жизни справедливо упоминается исторический роман Валерия Ганичева «Росс непобедимый». Мне хотелось бы отметить еще несколько писателей, которые в последние годы удачно включились в работу над исторической темой, выпустили интересные книги: Владимира Возовникова, Эрнста Сафонова, Юрия Федорова, Эрика Шабаева, Семена Шургакова. Все это — московские писатели, но и на периферии появилось много новых исторических романистов. Думаю, тенденция к расширению круга авторов, работающих над исторической темой, будет развиваться.

Теперь о перспективах, о некоторых нерешенных вопросах. В нашей литературе накоплен огромный фонд исторической прозы. Официальной статистики нет, потому что до сих пор не создана сколько-нибудь полная библиография исторического романа. Но, по приблизительным подсчетам, количество наименованных уже приближается к тысяче. Это — огромное духовное богатство. И мне кажется, наступает качественно новый этап развития советской исторической прозы, когда мы должны всерьез подумать о создании своеобразной художественной летописи Отечества. Эта проблема неоднократно обсуждалась в Совете по московской исторической прозе, была поддержана правлением Московской писательской организации. Конкретные предложения, как удачно сказал один из выступавших с этой

трибуны, «ушли в песок»: никто не отклонял их, но никто и не согласился, они просто исчезли где-то в госкомиздатском аппарате. Мне кажется, вопрос о создании межиздательской серии «Художественная летопись России» нужно поставить еще раз, воспитательное и познавательное значение этой серии бесспорно.

Историческая проза — специфический вид художественной литературы. Редакторская работа над историческим романом требует специальной подготовки, если серьезно говорить об исторической достоверности. Здесь не все благополучно. В настоящее время существует только одна специализированная историческая редакция — в издательстве «Детская литература». Редактирование исторических романов и повестей в других издательствах поручается случайным людям, имеющим об истории весьма приблизительное представление. Думается, пришла пора организационно оформить в центральных издательствах исторические редакции или специальные редакторские группы, для которых работа над исторической прозой была бы основным делом. Дилетантизм в работе над исторической темой нетерпим.

И еще вопрос, который, наверное, уже не первый десяток лет дискутируется на разных уровнях. Речь идет о массовом историческом журнале, художественном и научно-популярном, предназначенном в первую очередь для молодежи. А то ведь что получается: «Юный натуралист» — есть, «Юный техник» — есть, «Авиамоделист» — есть, а исторического журнала нет, хотя интерес к этому огромный...

(Из зала: «А «Вопросы истории»?»))

«Вопросы истории» — специальный журнал, не рассчитанный на массовую читательскую аудиторию, да и тираж его невелик. Правда, недавно ученые Академии наук СССР попробовали создать макет первого номера массового исторического журнала, который выпущен издательством «Молодая гвардия» под скромным названием «История». Научно-популярные очерки. Я рецензировал это издание. Есть в нем интересные материалы, но массового журнала не получилось. Думаю, над созданием массового исторического журнала должны совместно работать ученые, писатели и журналисты, во всяком случае, он должен быть совместным «детским» Союза писателей СССР и Академии наук СССР. А потребность в таком журнале огромная, стотысячный тираж «Очерков» разошелся мгновенно.

И еще об одном «больном» вопросе мне хотелось сказать. Не до конца еще изжито надуманное противопоставление исторической темы современности, хотя историческая проза находится сейчас на острие идеологической борьбы и не случайно вызывает больше споров, теоретических и не теоретических, чем некоторые произведения о современности. Какая-то перестройка в этом направлении в последние годы намечалась, но нужно признать, что эта перестройка находится в самом начале своего пути. Указание партии

о «воспитании историей» должно быть на деле реализовано в издательской практике.

Привычными стали слова об успехах исторической прозы, о постоянно возрастающем читательском интересе к этому жанру художественной литературы. Но, видимо, следует честно признать, что первопричина читательского интереса не столько наши, писательские, достижения, сколько широкий общественный интерес к истории как таковой. Мы поднимаемся сейчас на гребне большого общественного интереса к прошлому Отечества, и главная задача писателей, работающих в жанре исторического романа, — быть достойным этого подъема патриотических чувств. (А плоды.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Норайру Мартиросовичу Адаляну (Ереван).

Н. АДАЛЯН. Товарищи!

В эти дни мы ведем ответственный разговор о самых насущных вопросах советской литературы, чему предшествовали съезды национальных Союзов писателей. Исходя из отчетных изложений «Литературной газеты» и, в частности, духа нашего, армянского съезда писателей, можно сказать, что 1986 год стал или становится годом серьезного экзамена литературы перед самым высшим судьей — жизнью и временем. Она уже сегодня достойная самой высокой оценки реальность, внушающая надежду на успехи грядущего дня нашей литературы. Но так не будет, если стремление сказать всю правду о действительности не станет внутренним творческим требованием и повседневным живым сознанием как для всей нашей литературы, так и для каждого отдельного писателя. А это важно и необходимо не только для литературы, чтобы она стала еще более сильной, честной и прекрасной, но и для самой жизни, для которой литература — вернейшее средство от всевозможных болезней.

Правда неотделима от всех литературных жанров, однако, думаю мне, именно художественная проза сродни ей больше всего, ибо проза — наименее условный жанр и расстояние между ею и жизнью самое минимальное. Следовательно, чтобы определить меру и вес истинности всей нашей литературы, мы главным образом и прежде всего должны обратиться к ней. Думается, взгляд этот может и удовлетворить нас, и вызвать — и, пожалуй, даже больше — чувство неудовлетворения при виде того, как часто литература в своем зеркале искажает или приукрашивает истинное лицо жизни.

В последнее время произошли серьезные качественные сдвиги. Движущей силой этих изменений, перед которыми надо открыть все пути, чтобы как можно скорее перейти от слов к конкретному делу, является человек, а из этого, естественно, следует, что изменения эти пройдут и проходят через сердце литературы, волнуя его и даже — почему бы и нет? — заставляя его горячо или горестно сжиматься. Мне кажется, что сегодня нам не следует уже довольствоваться простенькой обыденной правдой — ее нынче немало даже в самых обычных произведениях, — сегодня нам

как воздух и вода нужны истины гражданские и общественные.

Есть ли такие истины в нашей современной прозе? Мне не хочется восклицать расхожее «не могут не быть», ибо их действительно может и не быть, а потому я говорю: есть! Есть в романах «Игра» Юрия Бондарева, «Кануны» Василия Белова, «Пожар» Валентина Распутина, «Картина» Даниила Гранина, «Реквием» Гурама Панджикидзе, «И долгие века длится день» Чингиза Айтматова, «Знак беды» Василя Быкова, а в современной армянской прозе они воплощены в романах «Зов пахарей» Хачика Даштента, «Сказание о Родине» Серо Ханзадяна, «Пустые стулья на дне рождения» Вардгеса Петросяна, в произведениях Гранта Матевосяна, Оганеса Мехконяна, Ананта Сагиняна, Ованеса Гукасяна, Агаси Айвазяна, Ваагна Григоряна, Меружана Тер-Гуляна и других. Гражданственность, рассуждать о которой в последнее время, к сожалению, стало модным и которая неизменно атрибутом вошла во всеякие статьи и выступления — ибо так принято, так положено, а потому давайте и здесь поставим «галочку» для пушей гарантии, — эта самая гражданственность прежде всего и по сути своей является большой и смелой истиной о жизни и человеке. И гражданственность всех упомянутых мной и других отличных писателей должна заразить всю нашу литературу и литературную жизнь, должна стать направленностью взгляда. Нам надо приложить все свои старания, чтобы преодолеть равнодушие к живой действительности, изжить писательскую самовлюбленность, уничтожить вирус потребительской психологии, который в последнее время проник и в литературную среду.

Наша современная литература нуждается в критическом взгляде, беспристрастном анализе, глубокой оценке положительного и отрицательного, прогресса и регресса, достижений и потерь, нового и старого, но прежде всего — истинного и ложного. Но чтобы взяться за все это, для начала нужно, как минимум, одно условие — признать, что у нас есть литература. А кто говорит, что нет? — могут спросить меня. Поищите ответ в многочисленных статьях, публикациях, протоколах литературных обсуждений, а также в кафе и роскошно обставленных гостиных, которые в последнее время стали своеобразными трибунами отрицания литературы, — поищите, наконец, это «нет» в нашем молчании и равнодушии, которое вот уже столько лет, с большей или меньшей угрозой, но висит над многими национальными литературами. Если сиракузский тиран Дионисий подвесил свой меч над Дамоклом, прекрасно зная его, мы делаем то же самое, зачастую даже не читая ту прозу, поэзию, драматургию, которую осуждаем почти на верную смерть. Именно это породило столь произвольное и безответственное явление, как безудержное восхваление — естественную нервную реакцию на угрозу забвения.

Совсем недавно в большой и многолюдной аудитории я спросил: кого из современных советских армянских писателей вы любите

больше всего? Мне назвали имя хорошего писателя. Я, естественно, заинтересовался, какое именно произведение писателя взволновало читателя превыше остальных. «Стихи», — был ответ, в то время как названный писатель — чистойшей воды прозаик и за всю свою жизнь не написал и, наверное, не напишет ни одного стихотворения. В данном случае ошибка не так опасна, ибо речь идет о действительно хорошем писателе. Но все-таки безнравственно судить понаслышке, не читая, лишь что-то где-то услышав, — будь ты хоть простой читатель, хоть критик. Однако как часто еще определяют атмосферу и переходят уже в качество те случаи, когда положительное или отрицательное отношение базируется на неосведомленности, силе инерции, прочитанной некогда случайной книге, в то время как автор ее давно уже не тот, да и сама литература изменилась, и песни они поют совершенно иные!

Нигилистический взгляд на литературу наших дней — факт тревожащий, хотя в общем-то не новый и с давними корнями. Еще наш великий поэт Ваан Терьян с болью душевной объяснял своим критикам: «Не только в гениях отражаются душа и сердце любого народа. Не только в морях отражается небо. Не только гении куют национальную культуру. Гении — всего лишь вершины на хребтах этой культуры». Не знаю, есть ли в этом нашем зале гении, как от всего сердца говорят в таких случаях — дай бог, но есть литература и есть писатели, которые и выковыряют литературную культуру нашего времени. Только признав существование здания нашей литературы и только войдя в него, можно начинать серьезный и полезный разговор о ее главных и существенных недостатках и предъявлять к ней высокие требования духа и дыхания нашего времени, которые во всем мире ныне сконцентрированы вокруг человеческих истин.

Каждый народ в мире знает сегодня цену науки и техники, и это хорошо, ибо он может обратить это знание — и обращает — на служение насущным нуждам своей жизни и экономики. Это действительно пока величайшая ступень развития общества, однако не будем забывать, что уровень цивилизации определяется, скорее, движением атомов человеческой души, тем, что именно они излучают — свет, любовь и красоту или нечто совсем противоположное. Ибо совокупность современных научно-технических достижений не всегда соответствует степени прогресса человечества и определяет его, а следовательно, она, как это считает расхожее мнение, не может быть абсолютным критерием прогресса века, но только относительным. Взрыв американской атомной бомбы в Хиросиме унес больше человеческих жизней, чем многие войны средневековья вместе взятые. Да, наука и техника одержали внушительную победу над обычной пушкой, однако нравственность, в исконном значении этого слова, потерпела сокрушительное поражение. И это великая истина и трагедия современного человека, который зачастую не знает, куда он идет. В этом огромном мире помочь ему может преж-

де всего литература — настоящий писатель-гуманист и хорошая книга.

Говорить правду высоким художественным словом — и не шепотом, а во весь голос и действительно большую, пусть даже жестокую правду, — означает спасти от застоя не только литературу, но и саму жизнь. Правда — высшая ступень нравственности вообще и литературы в частности, она важнейший критерий таланта писателя. Было время, когда свидетель присягал перед судом и своей совестью: говорить правду, одну только правду и ничего, кроме правды! К сожалению, этот светлый и возвышенный обряд встречается ныне разве что в некоторых фильмах. Необходимо восстановить его в наших судах и повсюду, но в особенности в литературе, ибо писатель — самый главный свидетель жизни, человека и времени, и если он нравствен, то, беря в руки перо, обязан писать правду, одну только правду и ничего, кроме правды. В этом его роль в судьбах народа и страны. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Маке Джохадзе (Тбилиси).

М. ДЖОХАДЗЕ. Все вы, наверное, замечали при просмотре картин периода Возрождения, с каким обостренным интересом оглядываются дети на сцену распятия, с каким пристальным вниманием всматриваются в отрубленную голову на серебряном подносе, на которую столь гордо взирает Саломея. Откуда этот живой интерес? Существует множество версий, его объясняющих.

Лично я связываю его с тем, что детские представления построены на абсолютном добре, нежности, а не на насилии и величии. Это нам, взрослым, дуб представляется символом силы и твердости. Для ребенка же дуб — это «большой цветок». Мы удивляемся такому видению и восприятию, они удивляются при виде распятого человека. Почему его убили? — спрашивают они.

Существуют вечные детские вопросы. Долго и исподволь набухающие, как почки, существуют и мгновенные, как почки же взрывающиеся. Они взрываются и распускаются, как кровавые цветы в беспредельной пустыне времени. И мгновенно разрушают и обесценивают массу открытий и достижений так называемого прогресса цивилизации.

Почему убили человека? Этот вопрос — юный стебель воспринявшего в себя теплый луч растения, сулящий подмогу огненному жару цветка и на наших глазах тянущийся выше и выше, к небу. И мы не должны лениться поднять взгляд на небо. Нужно приучить детей сызмала к порою жестокой правде. Сызмала видеть в ребенке личность и сделать его достойным ответственности.

На мой взгляд, наиболее сильно и достойно отвечает на все эти вопросы литература. И нередко с детской непосредственностью и своевременностью ставила она такие вопросы перед людьми. Кровавыми цветами богата мировая литература — русская, грузинская, армянская и другие.

Чем более высокого ранга, большего талан-

та творец ставит эти вопросы, чем честнее, мужественнее, искреннее старается он на эти вопросы ответить, тем шире аудитория его читателей, тем больше верит и с нетерпением ждет его слова народ.

«Глянешь в окно — оно срезает небо... но ведь ты родился для свободы». Кто знает, сколько тысяч людей искали ответа на свои вопросы в мужественных, энергичных песнях Высоцкого. В песнях, которым часто недоставало красивой мелодии, как оставшемуся на морозе мужчине женского тепла.

«Почему женщина пьет?» — на этот ультра-современный вопрос дает свой строгий ответ поэт Андрей Вознесенский. И эта женщина ждет опоры так же, как обманутый мальчик — оставившего семью отца.

«Почему отец покончил с собой?» — вот кровавый лейтмотив последнего романа Огара Чиладзе «Железный театр». Весь роман — по существу художественное исследование поставленного ребенка вопроса, столь же искреннее, честное и справедливое, как вопрос сына: «Почему отец покончил с собой?»

Помню, однажды вечером в молчаливой тишине кинозала ребенок спросил, отчего рыдает повалившийся на землю ничком человек, исторгая отчаянный крик: «Праздника хочется на душе!» Родители не смогли ему ответить, они сами глотали молчаливые слезы. Мальчик носил в себе недоуменный вопрос до тех пор, пока не вырос и не понял все сам. Жил истинный писатель Шукшин, и сердце у него было столь велико, что оно стремилось создать праздник на душе не у одного человека, а у всей России. Потому-то и стал он подлинно национальным писателем, и потому-то и любят его другие народы.

Если бы Дата Туташиа родился разбойником (ведь и такими рождаются), он не мог бы добиться столь глубокого сочувствия народа. Разбойником его сделала жизнь. А жизни народ доверяется больше всего. Мне говорили, что в дни, когда фильм о нем демонстрировался по Центральному телевидению, мальчишки в московских дворах, оседлав палки, играли в Дату Туташиа.

Почему? Потому что на фоне серого однообразия они увидели и осознали, сколь высоко деяние, когда один человек защищает другого. Когда человек бережен к общему добру и благу так же, как к репутации любимой женщины, как к будущему любимого сына...

«Что будет с Марией?» — это тоже вопрос ребенка, который сочувствует Марии, только Марии, и еще не знает, что еще большего сочувствия ждет крохотная сибирская деревушка, которая так и не сумела собрать для Марии деньги.

Нодар Думбадзе дал миру взглянуть на бедное грузинское село военной поры, в котором не хватало хлеба, не хватало людей, и все же никого не оставляла надежда, потому что в нем жили два вечных старца, печаль и радость, Илико и Илларион. Они, как драгоценные сосуды, были полны до краев мерцающими слезами веселья и грусти. В мире ничто не проливается без смысла, и отчего было продиться без смысла из слезам? Эта удивительная влага, излившаяся ради Зурикели,

увлажила сердца и лики миллионов грузинских и негрузинских юношей.

«Когда мужчина может быть несчастнее всего?» На этот условнейший вопрос Распутин ответил героически, написав поэму о дезертировавшем с войны. Для меня это в самом деле поэма, поэма о мучительном испытании. Это наказание без какого-либо сарказма, агитации, приговоров, наказание самим собой.

Удивительны судьбы, удивительны писательские судьбы! Было время, когда даже такого писателя, как А. Чехов, современная ему либеральная, народническая критика квалифицировала как «беспечного, беспринципного, политически индифферентного писателя».

Для чего отправился Чехов на Сахалин? Конечно же не ради того, чтоб что-то доказать так называемой критике. И тем более не ради законства с суровой природой Сахалина и сбора «научного и литературного» материала. Скорее всего, ради того, что менее всего полагался сам на себя, пытался сохранить внутреннюю активность, способность к сопереживанию. Утрату этой способности он называл духовным параличом. Он был глубоко национальным писателем, и именно это было причиной его пристального внимания к самому себе как к пациенту.

Почему Лев Толстой начинает свою блистательную повесть «Хаджи-Мурат» с описания удивительного цветка, не покоровшегося, как его сородичи, и потребовавшего за свою гибель крови? Почему восклицает восхищенный писатель: «Экая энергия! Все победил человек, миллионы трав уничтожил, а этот все не сдается». Потому что он велик, а великим всегда по плечу большие открытия. В простом цветке закодированы характер и энергия всего народа. С каким глубочайшим уважением, признанием подлинного достоинства говорит он об упрямом горном цветке, в котором сквозит сила и красота народа, породившего Шамля. Недаром целых семь лет работал писатель над повестью.

Какой великолепный пример! Почему же тогда происходит так, что сегодняшний писатель не использует своего опыта? Почему в сегодняшнем советском журнале печатается так называемый документальный рассказ с претензией на знание и понимание другого народа? Безусловно, время, ушедшее на написание такого рассказа, потрачено впустую. Как горный цветок у Л. Толстого, художественному представлению Астафьева не покорились ни море, ни земля этой страны, ни самое ее солнце, ни, тем более, история и характер народа. Зато в нем предстал духовный автопортрет писателя. Но почему писатель изобразил себя в таком облике? Не будем продолжать детские вопросы. Нас ждет столько значительных и близких сердцу проблем.

В романе Торнтон Уайльдера «День восьмой» певица-негритянка говорит слушателям-обывателям, которым не нравятся тексты ее песен: я всегда буду петь о своей любви и о своей вере. «Дурной вкус, слышали? Вот что я тебе скажу. Вообрази на минутку, что в мире на сто дней прекратилась любовь! Ну, вообра-

зи, сделай удовольствие своей Лорадель. Что же происходит?»

Очень животрепещущий вопрос, особенно для сегодняшнего писателя. Сколько существует писателей, столько и романов можно написать о таких страшных ста днях. Истинный, как Лорадель, писатель всегда должен петь о любви и о своей вере — Родине. Тем более сегодня...

Так же, как и все вообще, космополитизм в детстве чист и бескорыстен. Потому, что ребенок знает — небу свойственен цвет неба, солнцу — цвет солнца, крови — цвет крови, человеку — цвет человека. Это потом начинается цветоразличение. Уже взрослыми воспринимаются солнце мертвых (так зовется в Грузии заходящее солнце), кровь — голубая, человек — чернокожий, белокожий.

Сегодня чем национальнее писатель, тем он понятнее другим и ближе.

Бог знает, сколько могут продолжаться вопросы, поминутно рождаемые жизнью, народами, нашей землей. Их постоянно ставят и постоянно пытаются ответить на них в своем творчестве современные грузинские прозаики Отар Чхеидзе, Григорий Абашидзе, Резо Инаншвили, Реваз Джапаридзе, Тамаз Пирладзе, Гурам Панджикидзе, Нодар Цулейскири, Гурам Гегешидзе, Гиви Магулариа, Арчил Сулакаури, Джемал Карчхадзе, Наира Гелашвили, Гурам Дочанашвили...

С огромной скоростью и энергией вторгаются вопросы в жизнь писателя. Первый удар выпадает обычно на его долю. Так было, так есть, так будет и в будущем. Именно в сознании этого первенствования и большая привлекательность, и самая большая трудность сегодняшней грузинской литературы. (Апл одисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Выступает Тиркиш Джумагельдыев (Ашхабад).

Т. ДЖУМАГЕЛЬДЫЕВ. Товарищи, когда у нас впервые демонстрировался фильм Райзмана «Твой современник», я смотрел его в небольшом помещении одного кинотеатра. Рядом со мной сидели как раз те самые люди, чья бюрократическая деятельность была так ярко освещена в картине. На протяжении всего фильма я старался следить за реакцией этих людей: узнают ли они в киногероях самих себя. Ничего подобного! Полная невозмутимость во время просмотра и страстные слова о том, как своевременна и правильна картина, — после окончания фильма.

Я поразился. В памяти всплыл образ чеховского профессора-паразита Серебрякова с его разительным призывом: «Надо дело делать!» Вот и сегодня, когда повсюду говорят о новизне, все мы негодуем, что кто-то пишет плохие произведения, кто-то делает плохие работы. Но я никогда не встречал, чтобы кто-то встал и сказал: «И я причастен к этому». Просто поразительно! (О живление в зале. Апл одисменты.) Вчера на заседании в Кремле и сегодня на секции все мы говорим, что много у нас плохих произведений, но ведь кто-то их пишет.

Выступая на вчерашнем заседании писатель

Бакланов привел пример из Туркмении, рассказал, как в зоне Каракумского канала гибнут земли. Да, гибнут. Гибнут отвоєванные у пустыни драгоценные, прямо скажем, земли. И гибель эта началась, когда начали строить канал. А мы в это время били в литавры, плели лавровые венки для будущих героев-победителей и возвещали о том, что у нас здесь совершается великое дело.

Если мы настоящие писатели и настоящие граждане своей страны, то мы просто обязаны были уметь смотреть вперед, уметь прогнозировать будущие беды. Ведь каждый из нас видел, что мало было прорыть русло и пустить по нему воду. Нужны были еще агротехнические сооружения, мелиоративные работы, без них освоение земель начинать нельзя. Однако об этом никто не говорил. Великолепный писатель Ю. Трифонов написал «Утоление жажды». Наш Б. Кербабаев написал роман «Капля воды — крупица золота». А гибельный процесс тем временем шел своим ходом.

Сегодня мы криком исходим в поисках виновных. Но из тех, кто тогда нарушил незыблемые законы агротехники, одни уже на пенсии, а иных и вовсе нет в живых. О том, что это было и наше упущение, — ни звука. Порой мне кажется, что мы как будто довольны отведенной нам «нелегкой» ролью констатировать совершившийся факт.

Наверное, каждый должен смотреть на себя со стороны. Вероятно, каждый должен иметь смелость брать на себя ответственность и быть причастным к тому, что происходит. Тогда и начнется настоящая перестройка жизни.

У нас на Востоке есть прекрасная традиция — глубоко уважать и слушаться стариков — аксакалов. Вы скажете, везде уважают старших. Но у нас это уважение имеет особое, историческое обусловленное значение. У туркмен очень долго не было государства, и жизнью руководил институт аксакалов, или совет старейшин. Теперь государство у нас есть, но прекрасная традиция живет и диктует свои правила в областях, прямо скажем, неожиданных. Например, в литературе. Монополия литературных аксакалов наносит прямой ущерб развитию национальных литератур. Сколько талантливых имен по этой причине остаются неизвестными в Узбекистане, Казахстане, Туркмении, Таджикистане.

Сейчас мы активно боремся против пагубных издержек прекрасной традиции, добились на этом поприще некоторых успехов. Но вот беда! Теперь московские издательства и московские критики, влекомые могущественной силой инерции, продолжают замечать на литературном небосклоне все те же, одни и те же изрядно потускневшие звезды. Я не за то, чтобы прочь отмести литературное наследие наших старых мастеров. К примеру, не устаю восхищаться великолепной повестью казахского писателя Мухтара Ауэзова «Лихая година», написанной в 30-е годы. Какая глубина мысли, какая психологическая достоверность; здесь есть на что равняться! Я не против таких аксакалов. Но сегодня школьные учебные программы почти на них и держатся.

Настоящие литературные явления 60—70—80-х годов проходят мимо незамеченными, потому складывается впечатление, что литература стоит на одном месте. А ведь подрастающее поколение должно быть в курсе всех литературных событий, уметь в них ориентироваться, научиться отделять зерна от плевел, а не глотать все, что дают. Вот тогда мы сможем говорить о более или менее высоком уровне нашего учителя, а следовательно, и нашей литературы, потому как спрос определяет предложение. Мы обязаны раскрыть перед нашими читателями двери в сокровищницу мировой литературы, проложить мост в мир таких грандов, как Достоевский, Чехов, Толстой.

Я прошу московских критиков и литературоведов пристальнее приглядеться к процессам, происходящим в национальной литературе Советского Востока.

Теперь об исторических произведениях. Нас иногда упрекают, что мы слишком увлекаемся историей. Однако сама история остается почти нетронутой. Это большой минус для литературы, не только для нашей. Мы непомерно увлеклись сюжетом. Многие из нас не замечают, как в погоне за исторической достоверностью событий начинают смотреть сквозь колесо истории, не видя его самого, а общая канва повествования теряет дух описываемой эпохи. Приятным исключением из этого является, на мой взгляд, роман казахского писателя Абиша Кекильбаева «Конец легенды». Роман повествует о жизни великого повелителя — Тамерлана. Писателю Кекильбаеву удалось воплотить свой замысел в глубоко-мысленное произведение, где историческая, психологическая достоверность гармонично сочетается с принципиальной, гражданской позицией самого автора.

По сравнению с большими, многочисленными народами мы, я имею в виду среднеазиатские, — народы небольшие. Как и всем, нам хочется быть великими, хочется иметь великих полководцев, великих писателей, поэтов. У нас они есть, эти великие. Восток все-таки! Звание «великий» дается за особые заслуги перед своим народом, перед всем человечеством. И я не могу пройти мимо такой позиции, когда пытаются возвести недостойные исторические личности в ранг «национальных героев». Мы живем в многонациональном государстве, и все мы равны. Эту прописную истину порой забывают, чем вызывают нестерпимость и недоверие соседнего народа. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Зигмунд Янович Скуинь (Рига).

3. СКУИНЬ. Уважаемые товарищи! Однажды по телевидению в программе «Время» показывали цех по производству кормов одного из колхозов. Комментатор рассказывал о том, как этот цех выгоден, прогрессивен, необходим. И хвалил председателя колхоза: вот человек, который мыслит новыми категориями. Строить цех ему не разрешали, препятствовали, даже наказывали, но цех он построил.

И я подумал, разве это не сюжет для расска-

за или романа? Человека таскают по инстанциям, ревизоры составляют предупредительные акты, ходят слухи — на его место назначен другой. Нервы жены не выдерживают, сын получает плохую характеристику для поступления в вуз. Но время идет, и отрицательный образ становится чуть ли не героем. Между прочим, сюжет можно строить и наоборот — начинать славой и кончать позором. Важна сама механика. Величины меняются в зависимости не только от того, что человек делает, но и от того, как на это смотрят.

В последнее время много говорят, что «надо думать по-новому», «надо работать по-новому». Но мир полон старых инструкций, старых представлений, старых шаблонов, которые никто не отменил. И все это сохраняет инерцию. Должностные лица так и не знают: следует их придерживаться или нет. Но рука такого человека держит пишущее «орудие», рука такого человека держит круглую печать. И нередко человек так и не разбирается: может быть, это действительно «такое», о чем доступно писать только нашим недругам. Может быть, это предопределено на веки веков — им трубить, нам шапку ломать.

Разве это не жуткий абсурд? Можно было бы сделать лучше, умнее, результативнее, но... инструкция не позволяет. Тысячи и миллионы разных мелочных инструкций направлены главным образом на то, чтобы запретить, не разрешить, ограничить, стали бичом и опасной болезнью нашей жизни. Корень инструкции — недоверие, а почва — страх. Я не знаю ни одного крупного достижения в области хозяйствования или в искусстве, в основе которых лежала бы инструкция. Зато фетиш «инструкции» — небесная благодать лентяям, трусам, растяпам и дуракам.

Редакторов часто изображают невеждами, ограниченными, твердолобыми. Но не надо упрощать. Я имел дела с редакторшами, которые плакали от всего сердца: «Я знаю, что уродую вашу книгу, что это достойно сожаления, но я должна вычеркнуть это и еще это место».

Хочу сказать следующее. Труд редактирования угрожает стать аморальным, потому что редактор иногда вынужден требовать внесения поправок, в необходимость которых сам не верит. Редактирование — многоступенчатый процесс: редакции, главные редакции и контрольные редакции; существуют внутренние рецензенты и рецензенты Комитета по печати. Каждый что-то требует, но никто за свои требования лично не несет ответственности. Поэтому думаю, что пришло время и к издательствам применить новую установку о ликвидации промежуточных звеньев и упрощении структуры.

Я имею честь и поручение здесь, на съезде, представлять писателей Советской Латвии. Я не буду утруждать ваше внимание, перечисляя, что за прошедшие пять лет было у нас написано в прозе, что хорошо и что менее хорошо. Такие поверхностные перечисления, сами знаете, в одно ухо влезают, в другое — вылезают. Но мы работали и народ нас читает, за что мы ему благодарны.

Скажу самое главное: писатели Советской

Латвии с курсом партии связывают свои надежды. В последнее время правильнее стали оценивать духовные потребности человека. Писатели нашей республики чувствуют большую доверия со стороны инстанций. Это хорошо. Но остановиться или топтаться на месте — означало бы вернуться в старое русло. Писатели Латвии выступают за последовательность в развитии.

Нерешенных вопросов еще много. И об одном из них я хочу здесь говорить. Хочу, пожалуй, не то слово. Я должен сказать, это заставляет сделать честь моей профессии. Дело в том, что республиканские газеты в последнее время усиленно получают упреки читателей и критиков в адрес писателей, в том числе и в мой адрес — за известную долю уклончивости в изображении очень важных событий в истории народа.

Обращусь к энциклопедии Латвийской ССР. Там находим, что несколько сотен замечательных сынов нашего народа, чей вклад в дело революции высоко оценил лично В. И. Ленин и сама Советская власть, среди которых первый главнокомандующий Красной Армии Йоахим Вацетис, командующий Военно-Воздушными Силами Алкснис, писатель и начальник Военной академии имени Фрунзе Эйдман, заместитель Дзержинского Петерс и многие, многие другие, умерли почти одновременно — в 1937—1938 годах.

Через год будем отмечать 50-летнюю годовщину со дня их смерти. Этих великих людей латышский народ никогда не забудет, без них революционная история латышского народа немислима. И поэтому естественно и справедливо возникает вопрос: что с ними произошло? Что произошло в 1937—1938 году, что это была за историческая трагедия, которая в наших энциклопедиях записала такой черный мотив? Почему до сих пор не может быть правдивой книги о наших самых главных героях революции? Латышские эмигранты за рубежом уже давно написали книгу о Йоахиме Вацетисе. Мы до сих пор молчим. Стыдно и тяжело. Особенно перед молодым поколением. Это не делает нам чести. Писателю надо дать свободу самому отвечать за то, что он написал.

Колесо жизни мчится вперед. Выбранное нами направление открывает новые возможности. Сегодня мы, работники культуры, сильнее, чем вчера. Сегодня мы умнее. Так разрешим себе работать честно, правдиво, без умалчиваний. Решимся смотреть на мир и вещи не прикрывая глаза. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Юрий Николаевич Щербак (Киев).

Ю. ЩЕРБАК. Сто лет тому назад, в 1887 г., находясь где-то в 300 км от Чернобыля, один человек писал: «Наблюдения Эрстеда, Ампера, Ленца положили начало учению об электромагнетизме, невыразимо сильно увеличившем силы человека и в будущем обещающем совершенно изменить строй его жизни. Все это исходило из наблюдений над особыми свойствами магнитного железняка... И у меня является

вопрос: «Нет ли подобных свойств у других минералов... и если есть, то не откроет ли это нам целый ряд новых сил, не даст ли нам возможности новых приложений, не удесятерит ли силы людей?.. Нельзя ли вызвать неведомые страшные силы в разных телах...»

В 1910 г. тот же человек говорил: «Перед нами открываются в явлении радиоактивности источники атомной энергии, в миллионы раз превышающие все те источники сил, какие рисовались человеческому воображению. Невольно, с трепетом и ожиданием обращаем мы наши взоры к новой силе, раскрывающейся перед человеческим сознанием. Что сулит она нам в своем грядущем развитии. С надеждой и спасением всматриваемся мы в нового защитника и союзника». (Цит. по статье: И. И. Мочалов. Первые предупреждения об угрозе атомного омницида: Пьер Кюри и В. И. Вернадский.— «Вопросы истории естествознания и техники», 1983, № 3, стр. 50—57). Эти слова принадлежат великому отечественному ученому, первому президенту Академии наук Украинской ССР Владимиру Ивановичу Вернадскому. В. И. Вернадский для меня — идеал ученого и мыслителя, это человек, мечтавший о слиянии науки и нравственности, человек, рассматривавший науку не только как источник и средство получения информации, но и как огромную созидательную и разрушающую силу. Учение В. И. Вернадского о ноосфере — не что иное, как предупреждение человечеству о возможных последствиях нашего вмешательства в природу. Помните об этом надо не только ученым, но и писателям.

Авария на Чернобыльской атомной электростанции перевернула многие наши привычные представления. Чернобыль — это не тема. Это опаливший наши души новый уровень понимания взаимоотношения природы и человека. Какими схоластическими, далекими от жизни, прекраснотушно-наивными и жалкими оказались многие наши произведения, посвященные эпохе НТР, этому добренькому «мирному атому», многие наши литературные дискуссии. Вспомним многие скороспелые романы, пьесы и кинофильмы, романтически-лживые и возвышенно-жалкие герои которых с легкостью необычайной объявляли ретроградями и консерваторами каждого, кто осмелился высказать малейшее сомнение в целесообразности тех или иных технических новаций. Во многом это происходило от писательской технической и научной безграмотности, низкой философской культуры, от нашей лени и необразованности. И еще от того, что многие из нас забывали о нравственной позиции интеллигента, заставляющей говорить там, где это необходимо, «нет», нежели прекраснотушно восклицать «да».

Мы много говорим об отставании критики. Мне думается, что критики должны проводить широкие исследования каких-то болевых проблем литературы. Например — исследовать причины и условия появления ряда конъюнктурных, приспособленческих произведений: назвать их конкретно и показать их бесславный конец.

С этой точки зрения интересно было бы

сегодня поименно вспомнить многочисленные романы и повести, прославлявшие в свое время Лысенко и прочих псевдоученых деятелей, различные бездумные новшества, вроде «переделки природы» и т. п. Интересная получилась бы и поучительная картина. Быть может, такое исследование заставило бы задуматься новые поколения писателей, пишущих на темы науки, осторожнее относиться к разного рода «новациям», не боясь прослыть ретроградями.

Мы часто, как заклинание, повторяли слова о неизбежности «странного мира», повторяли форму Эйнштейна о том, что наука — это драма идей. Накануне своего отъезда в Москву я еще раз побывал в Чернобыле и убедился еще раз в том, что этот странный мир уже пришел на нашу землю. Странный и трагический. Этот мир, в котором стоят опустевшие дома, куда люди едва ли вернуться, — дома, в которых и до сих пор сушится белое и видно, как в лоджиях висят детские колготки. Это мир, в котором прекрасная природа, внешне ни в чем не изменившаяся, несет смертельную опасность человеку. И когда я возвратился из этой зоны, я почувствовал себя космонавтом, вернувшимся с какой-то далекой и мертвой планеты и вдруг ощутившим всю прелесть жизни, всю прекрасную будничность травы, на которой можно лежать, реки, в которой можно купаться...

Наука уже стала не только драмой идей, но и драмой десятков тысяч людей, переживших эвакуацию и опасности, нависшие над ними. Одна потрясающая деталь. Мне рассказывали о детях, эвакуированных из зоны, — так вот, вместо того, чтобы называть себя Вовами и Оксанами, они на вопрос «как тебя зовут?» отвечали по-взрослому: «Виктор Иванович Иванченко». Говорили они так, чтобы не потерять в кутерьме эвакуации.

Эта драма показала, что слепая вера в силы науки, которую мы исповедовали долгие годы, расшибая лбы перед ее алтарями, оказалась такой же идеалистической, как и слепая вера в бога.

Мы оглохли от барабанного боя и криков о наших победах над природой. А между тем нам надо было бы не забывать пророческих слов Ф. Энгельса: «Не будем, однако, слишком обольщаться нашими победами над природой. За каждую такую победу она нам мстит. Каждая из этих побед имеет, правда, в первую очередь те последствия, на которые мы рассчитывали, но во вторую и третью очереди — совсем другие, непредвиденные последствия, которые очень часто уничтожают значение первых». (Цит. по: К. Маркс, Ф. Энгельс. — Соч., т. 20, с. 495—496. «Диалектика природы».)

Сегодня мы пожинаем горькие плоды таких псевдопобед. Трагедия в Чернобыле, конечно, совокупный результат безнравственности ученых, которые принимали ответственные решения, молчание тех, кто мог бы и должен был бы сказать слово возражения, это результат халтуры и разгильдяйства, невежества и некомпетентности. И какой бы высокий героизм ни показывали люди, — а они его показывали невероятный, все, что пишут о героизме, это

правда, люди поразительно вели себя в этих условиях, — на какое бы самопожертвование ни шли (а жертвовали всем, даже жизнью, понимая, на что они шли), тем не менее мы не должны забывать о причинах, приведших к аварии.

Я хочу сказать, что, когда мы пишем на эту тему, нам надо понимать сложную диалектику этого явления и писать правду, потому что нельзя писать только одну часть, о героизме, и не сказать о тех людях, которые повели себя очень плохо. Я встречался с семьей пожарных: все они лежат в разных больницах, они получили тяжелую лучевую болезнь, спасая жизнь всем нам, они шли в кратер этого четвертого реактора, и тут же рядом были люди, которые спекулировали билетами в Киеве, настоящие хищники. В качестве специального корреспондента «ЛГ» во время чернобыльской аварии я встречался с сотнями людей — от безвестного пожарного до доктора Гейла, от рабочего до академика, от колхозника до учителя, от комсомольских работников из Припяти до митрополита Украины и митрополита Америки и Канады — и все они продемонстрировали безупречную нравственную позицию, понимание того, что трагедия Чернобыля — это трагедия всего человечества.

Но были и примеры отрицательного свойства. В одной из своих статей я приводил примеры трусости медицинских работников. Женщина-врач, которая приехала в опасную зону, на второй день начала паниковать, подбивать своих товарищей ударить оттуда и советовала всем поддельвать анализы крови. Это уже предельный цинизм врача, и ниже этого нет ничего! Ее коллеги не пошли на это, а она удрала. Ее коллектив, когда она вернулась, не принял, люди гневно очень выступили, сказали, что она потеряла доверие коллектива. И тогда эта женщина прислала заявление в Министерство здравоохранения УССР, в котором она, пользуясь какими-то статьями кодекса о труде, требует ее восстановить, возмущена коллективом и, наконец, она просит ее направить на санаторно-курортное лечение! Вот вам образец хищника, живущего в нашей стране и пользующегося всеми благами.

Так вот, когда статья моя попала к консультантам из Минздрава СССР, визирующим все публикации на эту тему, — они запретили писать об этом факте. Почему, на каком основании? Вопрос о консультантах и их роли — очень важный вопрос литературы. Есть военные консультанты, есть историки, а я как врач имею дело с медицинскими консультантами, которые и вычеркнули все негативные примеры из-за того, что близи честь мундира. Если мы будем направлять все свои произведения по разным ведомствам и ждать их разрешения, мы много не создадим, во всяком случае произведений острых и правдивых.

И еще об одном я хочу сказать. Об опасности легковесной литературной игры вокруг событий в Чернобыле, об опасности литературного мародерства. Об этом говорилось на нашем съезде писателей Украины. Я глубоко уважаю Андрея Вознесенского, но не могу понять — как мог он опубликовать свои более

чем безответственные стихи, где, спутав всю историю с географией, зарифмовал Нобеля с Чернобылем. Нехорошо это — устраивать пляски на горе людей.

(С мест: «Правильно!» Аплодисменты.)

Чернобыль показал, на краю какой пропасти мы стоим. Он показал, каким безумием является атомная война, сама мысль о ней. Колокол Чернобыля прозвучал как последнее суровое предупреждение всему человечеству: если «мирный» атом способен на такое, то к чему же приведет военный атомный взрыв? Поэтому я горячо поддерживаю предложение Олеся Гончара, прозвучавшее на съезде писателей Украины, — нашему Всесоюзному съезду обратиться ко всем писателям мира, людям доброй воли со специальным посланием, в котором в полную силу прозвучал бы наш голос в защиту мира, против испытаний ядерного оружия, против зловещей и бессмысленной программы «звездных войн». Ведь если даже не будет ядерных взрывов, а под воздействием лазеров просто посыплется на наши головы начинка ядерных боеголовок — то это будет почище сотни Чернобылей. Я хочу, чтобы через нашего председателя это предложение было бы доведено до сведения всех делегатов нашего съезда. (Аплодисменты.)

Все эти вещи надо разъяснять и нашему народу, и всем народам мира, активнее вести эту работу и поддерживать мирные инициативы нашего правительства. Все это является составной частью нового мышления, о котором говорилось на XXVII съезде партии. И это новое мышление не может насаждаться путем каких-то инструкций или постановлений, оно должно рождаться в каждом из нас, а мы обязаны нести его нашим читателям.

В моих руках — индивидуальный дозиметр, которым определяется уровень радиации в зоне Чернобыля. Мы вступили уже в ту эпоху, когда без такого инструмента нельзя жить и работать. Таковы суровые реалии века атомного, пришедшего на древнюю славянскую землю Украины и Белоруссии. Но каким инструментом, какой сверхчувствительной аппаратурой может измерить писатель все добро и все зло эпохи, все высокое и низкое, все праведное и лживое?

Нет и не будет такого инструмента. Остается только один старомодный, во многом несовершенный, но незаменимый прибор — нравственная позиция писателя, то, что Лев Толстой называл «таинственным явлением совести». Пусть никакие внешние и внутренние обстоятельства, пусть никакая злая радиация не выведут из строя этот наш прибор. Только совесть рождает слово, нужное современникам и потомкам, делает это слово бессмертным. Благодарю за внимание. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Иван Гаврилович Чигринов (Минск).

И. ЧИГРИНОВ. Выступать все труднее и труднее. Нас много на этом заседании, и мы повторяемся. Поэтому я не стану говорить о том, что даже отдаленно может напомнить мыс-

ли из выступлений предыдущих товарищей.

Как-то позвонили мне из радио и молодой голос сказал: «Вот мы готовим тут передачу о вас. Возник вопрос». — «Какой?» — «Нельзя ли изменить название вашего романа «Оправдание крови»?» — «Почему?» — спрашиваю. «Установка такая, — отвечает мне девушка. — Перед праздником Победы чтобы крови — ни-ни...» — «А разве те двадцать миллионов, — говорю, — которые погибли на войне и, собственно, принесли этот праздник, были бескровные?»

Странно, что хотя на том конце телефонного провода, в Москве, где находилась моя соседница, и в Минске, где находился я, никто не мог возразить против этого, но о возможности замены названия романа тем не менее вопрос на радио не отпал...

Я не раз потом думал об этом разговоре... Почему-то некоторым людям очень не хочется вспоминать и о «большой крови», которой мы добились перемены, и о тех поражениях, которые мы имели в начале войны; грешным делом, даже кажется иногда, что они не понимают главного: ведь опыт прошлой войны — это наука на будущее...

Может, кто-то не поверит в это, принимая во внимание иной характер будущей войны. Но речь идет не о технических средствах ведения войны; мы имеем в виду людей, которые уходят на войну совсем не «бескровными»... Именно они являются главным средством и ведения войны, и победы на войне... Я хочу привести слова Льва Николаевича Толстого: «Мне совестно было писать о нашем торжестве в борьбе с бонапартистской Францией, не описав наших неудач и нашего срама. Кто не испытывал того скрытого, но неприятного чувства застенчивости и недоверия при чтении патриотических сочинений о двенадцатом годе.

Ежели причина нашего торжества была не случайна, оно лежит в сущности характера русского народа и войска, то характер этот должен был выразиться еще ярче в эпоху неудач и поражений».

Продолжая свое выступление на эту тему, я хочу сослаться на практику. Может, это не практика. Скорее, возможность подойти к вопросу несколько иначе.

Например, в разговоре о «героическом и трагическом» наши белорусские критики иногда очень просто объясняют выбор некоторыми писателями военной темы, их преданность ей, — мол, по-другому нельзя, ибо мы «живем на земле, где погиб каждый четвертый».

Действительно, те безграничные испытания, которые выпали на долю белорусского народа в Великую Отечественную войну, можно назвать одним словом — Хатынь. Но когда белорусам, в какой войне было легко? Для нас войны всегда имели не только героическое содержание. Я осмелюсь припомнить лишь отдельные факты: во время наполеоновских войн в белорусских губерниях русского государства погиб так же каждый четвертый... За годы первой империалистической войны, которая началась в 1914 году, в Белоруссии погиб каждый пятый...

О тех войнах белорусы мало что знают. Зато

об этой, последней, знают хорошо. Знают о ней потому, что у нас уже богатая литература и хорошие писатели.

Не думаю, что и мне следует, даже ради праздника, менять название романа. Дело в том, что героического без трагического не бывает. Такова природа героизма.

В советской литературе, едва ли не с первых дней ее становления, утвердилось героическое начало как одно из примечательных достоинств, направленных на защиту справедливости, уничтожения зла и насилия. Но борьба героя с грозными силами природы или враждебными социальными силами, превышающими возможности борющегося, таит в себе трагический исход, особенно если борьба за осуществление идеала проходит в условиях, которые для этого исторически еще не сложились. Героическое всегда в жизни сочетается с трагическим.

Великая Отечественная война вызвала к жизни большую, глубоко патристическую литературу. С первых дней беды, нависшей над Родиной, она явилась выразительницей беспримерного героизма народа, сражавшегося на фронте и начинавшего исподволь сопротивление врагу в его тылу.

В прозе все эти сорок слепообедных лет продолжался разбег творчества писателей самых разных возрастных поколений, приводивших, как правило, к покорению недоступных, казалось бы, вершин постижения большой темы, которая остается неисчерпаемой. И долго еще будет таковой.

К вершинным достижениям стоит отнести произведения о войне, принадлежавшие перу тех авторов, которые не просто бравируют смелостью отображения трагического сорок первого или зверств гитлеровцев на оккупированной территории, а проникают необходимой необходимостью поисков новых аспектов отображения всенародного ратного и трудового подвига советских людей в годы войны, художественного воплощения истории борьбы советского народа за социализм. Ведь и поведение советского человека на фронте и в глубоком вражеском тылу направлялось прежде всего стремлением бороться не на жизнь, а на смерть за первые завоевания социализма, в котором он был уверен, несмотря на некоторые изъятия и перегибы в практике социалистического строительства.

Война не может обходиться без трагического, ибо дело в ней делается на рубеже жизни и смерти! Белинский содержанием трагедии считал «мир великих нравственных явлений». Герои ее, — писал он, — личности полные субстанциональных сил духовной человеческой природы... действие, производимое трагедией, — потрясающий душу священный ужас».

Нельзя забывать ни на минуту, что тема «человек и война» трагична по своей внутренней сути, и решать эту тему нельзя лишь на домыслах, хотя и самых смелых, а только на правде, извлекаемой из документальных начал, включая их во взаимодействие с художественной основой повествования, искореняя при этом как ложную патетику, так и плакатную беллетризацию.

И еще об одном хотелось сказать сегодня в связи с этим.

По-прежнему сильно дает знать о себе регламентация тем в литературе; я не говорю — запрещение. Речь идет о поощрении их, которое иной раз равносильно запрещению. Например, часто писателей отговаривают вспоминать трагические события 1941 года, говоря, что это уже совсем несвоевременно.

Вот сегодня и вчера много говорили мы о Чернобыле, о том, что там случилось. Конечно, беда есть беда. Спекулянт, какие бы они ни были, тут недопустимы. Но беда — это если смотреть на чернобыльские события издали, для моего народа — это трагедия. И нельзя поэтому делать вид, что своя, отечественная радиационная пыль лучше чужой. Это — во-первых. А во-вторых, по отношению к этой трагедии, как встретили ее в первые дни, как отнеслись к ней — хорошо угадывается 41-й год. Многие что повторилось. Хотя, конечно, трудно поверить сегодня в это, потому что никто еще всей правды о Чернобыле не знает.

Спасибо за внимание. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Николаю Андреевичу Горбачеву.

Н. ГОРБАЧЕВ. Уважаемые коллеги! Мне хотелось бы поразмыслить о судьбе литературы, такой, которую называют литературой о современной войне, или литературой о современной армии.

Мне кажется, что по отношению к этой литературе мы никак не можем отрешиться, словно бы в гипнозе, от довлеющего представления о ней как о втором эшелоне, — есть она или нет, не столь важно, но столь существенно. Правда, от случая к случаю приходится спохватываться, что вторые эшелоны существуют и их надо как-то подтягивать, потому что и от них кое-что зависит. При этом у ряда наших критиков, кому, казалось бы, надлежит, следуя высокой миссии, поддерживать, что называется, огонь и в этом литературном очаге, бытует сомнение: а нужна ли такая литература? Что она дает? Ведь солдат, мол, тот же рабочий, колхозник, одетый на два года в шинель, — так о чем речь?

Сомнения, известно, еще никогда не были позитивным двигателем в любом деле. Вот поэтому-то мы и назовем всего два-три имени среди критиков, кто свое творчество постоянно, порой в перенапряженном режиме, обращает к такого рода литературе. Борис Леонов, его книги — образец неизменной приверженности этой теме. И еще Александр Шагалов, но реже. Иногда, походя, словно орлиным крылом, ее заденет Иван Козлов. И на том, как говорится, точка. И им, как видим, при нужде не с кем поспорить, подискутировать, высветить в споре пути развития этой литературы, а при таком положении не возникает живого процесса, динамики движения, создается атмосфера статического положения. Но, скажут, а есть ли о чем говорить, тем более спорить, воспитывать читательские чувства и вкусы на по-

добной литературе? Думаю, что есть. Почему бы, к примеру, не поспорить, не выявить своеобличность военной прозы Виктора Степанова, целую серию его книг, включая роман «Громовержцы»? Или не обсудить заметный роман «Севера» Вячеслава Марченко? Не обратиться к творчеству, скажем, Анатолия Марченко, Александра Кулешова, Виктора Устьянцева, проанализировать, вскрыть сильные и слабые стороны? Или более молодых — Владимира Возовикова, Николая Черкашина, Виктора Верстакова, Виктора Лескова, опубликовавшего в «Новом мире» повесть «Вертикальный взлет».

Отвечая на тот подспудный вопрос некоторых критиков, — есть ли потребность в такой литературе, — следует определенно ответить: есть, и серьезная. Верно, что солдат — это вчерашний рабочий, колхозник, призванный на время стать хранителем Отечества, но армия — это важная жизненная школа, хотя и короткая, но мы знаем, что жизнь, которая в конечном итоге и делает человека человеком, состоит из уроков, существенных и несущественных, но и уроков краеугольных, поворотных. Армейская жизнь — тоже сплав из таких уроков, испытаний, она в своей сложности тоже несет и добрые и отрицательные начала и, следовательно, представляет собой одну из составляющих биографии молодого человека.

Безусловно, что в литературе о войне не так уж много достижений, есть слабые, малохудожественные произведения, как и в иных сферах нашей литературы, но все же следует сказать, что эта литература учит, как правило, мужественности, гражданственности, и, значит, направленности, прицельности, что ли, внимания критики к ней могли бы, с одной стороны, способствовать моральному климату, возвышению гражданского духа у молодого поколения, особо — в высшем его проявлении, т. е. готовности с оружием в руках защищать Родину. С другой стороны, в таком внимании критики сказало бы давно ожидаемое знамение — не пасынок видеть эту литературу, а реальным и полноправным звеном во всем литературном процессе. В этом есть прямая настоятельность, это было бы рачительно, по-хозяйски.

В четырехлетней Великой Отечественной войне духовная сила народа — вот что в первую голову стало крепостью, а после и всемогущим тараном, сломавшим хребет врагу и позволившим одержать труднейшую победу.

И наша литература в предвоенные годы делала немало для укрепления духовной силы народа. Стоит вспомнить такие эпопеи, как спасение ледокола «Красин», папанинский дрейф, знаменитый перелет Чкалова со своими товарищами в Америку, мужественный полет летчиц Гризодубовой, Осипенко и Расковой. Кто из молодых людей тогда не знал во всех подробностях эти героические дела, кто не мечтал стать похожим на Чкалова, Леваневского, Молокова, Каманина, Папанина? Героев тех дней знали буквально все, знали во многом благодаря умелому, верному по своей воспитательно-патриотической направленности напорному вторжению в каждодневные дела народа наших литераторов. Их рабо-

та, благодаря критике, прессе, обретала широкое звучание, становилась явлением. На этом воспитывался предвоенный духовный арсенал.

При нынешних космических одиссеях, при героизме наших воинов ограниченного контингента в Афганистане, при неизмерно возросших возможностях кино, телевидения мы, однако, не наблюдаем творческой воскрыленности, высокого потенциала, не появляются творения, которые бы взрывали обычную пресноту кино-телевизионных материалов по армейской теме. Но чтобы быть до конца объективным, такой упрек в равной мере должно принять и нам, писателям. Наши коллеги умели не только в войне, но и в воинской службе увидеть раскованно, без шорной обузности — и подвиг, и романтику, раскрыть весь диапазон чувств: боли, радости, печали, трагедии, ненависти, любви. Вот пример: «Три танкиста», «Парень из нашего города» (пьеса и фильм), «Истребители». Открывалося мироощущение человека в шинели, которое неизмеримо полифоничней и богаче, чем при тех прокурстовых рамках, в какие, следует опять правды ради сказать, загоняют своего героя ныне современные литераторы, пишущие об армии.

Что ж, такое, скорее, надлежит отнести к издержкам малоопытности литераторов, и это в какой-то мере естественно. Но мы наблюдаем грустную картину: многоопытные писатели отходят и даже отошли уже от темы современной армии, — такие, как Михаил Алексеев, Иван Стаднюк, ленинградец Борис Никольский, а вот притока новых сил крайне мало, что не может не вызывать беспокойства.

Что же следовало бы видеть в связи со всем сказанным?

На всесоюзных совещаниях молодых писателей нужно непременно создавать семинар пишущих о современной армии. Раз в два-три года собирать семинары армейских литераторов по типу проводившихся в Дубултах, сделать их подлинно рабочими, плодотворными.

При таких журналах, как «Молодая гвардия», «Литературная учеба», особенно при «Советском воине», «Пограничнике», «Смене», вести работу не только с одаренными армейскими поэтами и прозаиками, но и воспитывать актив критиков, имеющих «вкус» к литературе о современном воине.

Нет сомнения, что приток новых писателей такой темы возможен в первую очередь из самой армейской среды, за счет способных солдат и офицеров, ибо только они по существу знают жизнь армии, и потому не только Союз писателей, но и соответствующие армейские органы должны проявлять большую заботу о воспитании этих литераторов. Надо оздоровить и активизировать работу литературных объединений при окружных газетах и Домах офицеров, принять меры совместно с писательскими организациями на местах, определить руководителей ярких и даровитых писателей. Следовало бы комиссиям по военно-художественной литературе совместно, очевидно, с политическими органами рассмотреть возможность предоставления твор-

ческих отпусков для перспективных армейских литераторов, решать связанные с ними иные вопросы.

Шире, вероятно, можно практиковать издательские социальные заказы по такой теме для привлечения к созданию повестей и романов об армии опытных писателей, такое начало уже положено Военным издательством Министерства обороны.

Многие годы мы говорим о создании литературной армейской студии по типу студии художников им. Грекова, всего из 8—10 писателей, которые работали бы только в области создания книг об армии,— это реальный путь укрепления и усиления такой литературы. Не знаю тех глубинных мотивов, почему все же студии до сих пор нет?

И в двадцатом веке мы все еще поставлены в условия, когда вынуждены перед лицом угрозы штурма строить крепость, постоянно ее укреплять, чтобы оставаться сильными и не оборимыми. Еще должны денно и нощно заботиться не только о ракетах и антиракетах, но и в неменьшей степени — о духовной прочности, духовной вооруженности «хранителей» Родины. Потому-то литература о современной войне необходим значительный взлет, серьезная помощь, чтобы Солдат Мира в ней предстал подлинным Героем. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Иван Григорьевич Падерин.

И. ПАДЕРИН. Я бы хотел внести два предложения.

Первое предложение: подвести черту под сегодняшними выступлениями. (А п л о д и с м е н т ы.)

Второе предложение: я обращаюсь к докладчику с просьбой вынести на завтрашнее пленарное заседание вот такой вопрос. Впервые за многие годы руководящий работник Союза писателей, секретарь правления сказал о мемуарной литературе. Тысячи томов изданы за последнее десятилетие. Это явление в общественной жизни нашего народа. Есть Институт мировой литературы, кафедры общественных наук, но за эти годы не было ни одного более или менее обстоятельного исследования этого явления. А между тем эта литература завоевала гигантскую читательскую аудиторию. Как же можно смириться с такой «глухотой» наших критиков и теоретиков?

Я прошу Анатолия Степановича доложить об этом на завтрашнем пленарном заседании. (А п л о д и с м е н т ы.)

А. ИВАНОВ. Дорогие друзья! Больше записавшихся для выступления нет. Думаю, что мы примем предложение Ивана Григорьевича Падерина.

(С м е с т а: «П р и м е м!»)

Мое заключительное слово будет коротким. Мне кажется, на нашей комиссии царил подлинно рабочая атмосфера, подлинно рабочая обстановка. Мы с вами поработали хорошо, серьезно.

Мы здесь говорили о тех результатах, кото-

рых достигла наша проза за истекшее между съездами пятилетие; говорили и о наших писательских недостатках, и о тех наболевших литературных проблемах, которые, естественно, всех нас беспокоят.

Здесь было высказано много практических предложений по улучшению руководства всей нашей писательской жизнью, нашим творческим процессом, издательским делом и т. д. Все это, конечно, было продиктовано подлинной заботой о дальнейшем развитии нашей литературы, о ее дальнейших достижениях.

Я постараюсь суммировать все высказанные здесь предложения и на завтрашнем пленарном заседании доложить об этом съезду.

Спасибо всем за активное участие в работе нашей комиссии.

На этом работу комиссии по прозе VII съезда писателей СССР объявляю законченной. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРИЛОЖЕНИЯ

Ф. АВТОМОНОВ (Киев). В своем выступлении 19 июня на встрече с писателями — депутатами Верховного Совета СССР Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев напомнил еще раз, что Советская страна переживает переломный этап в своей истории, в общественном развитии, что решения XXVII съезда КПСС носят поворотный переломный характер и что во всех сферах экономической, политической и социальной жизни необходима глубокая всесторонняя перестройка. И начинать перестройку надо с перестройки мышления, психологии самого человека, с активизации человеческого фактора.

Не бывает дня, чтобы средства массовой информации не говорили, не писали о преодолении «психологического барьера» в экономике, в науке, в технологии и других сферах деятельности многими и многими нашими соотечественниками.

21 июня «Комсомольская правда» напечатала интервью с Егором Исаевым, в котором поэт образно говорил о народном академике Терентии Семеновиче Мальцеве, о его поле ржаном и пшеничном на земле и нравственном духовном поле в нашей жизни. Я скажу несколько слов о первом, то есть Хлебном поле. Оно, к сожалению, в Российской Федерации не такое уж широкое, это мальцевское поле. Как свидетельствуют кинодокументалисты, добрым помыслам о большом хлебе России и славным деяниям народного академика Мальцева не пройти даже в соседние колхозы! Причина?.. Целый взвод московских академиков и профессоров от земледелия за многие годы соорудили железобетонный психологический колпак вокруг инициативы полевода колхоза «Заветы Ильича» Шадринского района Курганской области и накрыли им замыслы и дело новатора. Как свидетельствует кинохроника, за последние десятилетия те же действительные академики и профессора высколили в своих сельскохозяйственных вузах тысячи таких выпускников — антимальцевцев.

Терентию Семеновичу 91 год, и его работа, его обоснованные самой жизнью заботы о великом Хлебе могут и не преодолеть этот «психологический барьер» столичных академиков, эту своего рода Великую Китайскую стену, которой опоясались от народного земледелия действительные академики «асфальтного земледелия».

Прошедшей весной страна узнала о производственном рывке черкасских скотников. Но, как сообщила программа «Время», работники из союзного Министерства мясо-молочной промышленности не запланировали в Черкасской области мясокомбинаты, холодильники, потому что не ожидали, что у первого секретаря Черкасского обкома партии, бывшего работника товарища Лутака и у целого ряда животноводов *слово* — это тоже *дело*. И здесь повредил такому очень нужному всему народу делу психологический барьер, который не могли преодолеть товарищи из министерств.

Вот уже двенадцать лет, как полтавские хлеборобы во главе с первым секретарем обкома партии, членом Союза писателей СССР, автором книги «Поле без плуга», солдатом и сержантом Великой Отечественной Федором Моргуном выступили инициаторами бесплужной обработки почвы. Апрельский 1986 года Пленум ЦК Компартии Украины подвел итоги многолетней работы полтавцев, были расшифрованы по всем параграфам цифры с большим плюсом в пользу полтавчан в прошедшие две пятилетки и в самые засушливые годы. К сожалению, метод полтавчан медленно пробивается в соседние области. И здесь виноват «психологический барьер», как сообщало республиканское радио, газеты «Сільські вісті» и «Правда України», у работников Министерства сельскохозяйственного машиностроения и научных учреждений. Первые до сих пор не сконструировали, а потому и не дали на производство плоскорезы, а вторые — не разработали агротехнические рекомендации для каждой почвенной зоны. А речь же идет — о насущном Хлебе, о большом Хлебе Украины!..

Недавно Ф. Моргун с болью в сердце писал в «Правде Украины», что в Полтаве бывал канадский бизнесмен и патриот безотвалки Лоуренс Шнейдер и с иронией заметил, что у полтавчан плоскорезы «самодельной конструкции». Я читал эти строки, и мои всегда бледные щеки вдруг стали румяными от стыда за Министерство сельскохозяйственного машиностроения. В самом деле, какой-то буржуй-капиталист, бизнесмен Шнейдер, Америка которого была открыта только через 2000 лет после того, как наши предки скифы-земледельцы на берегах Ворсклы, Сулы, Псла и Днестра выращивали пшеницу, просо и ячмень, да еще и на экспорт вывозили землякам греческого историка Геродота, и этот бизнесмен еще имеет право и повод учить украинским гречкосеев, как нужно хлеб растить и структуру почвы сохранить. К сожалению, этот капиталист Шнейдер имел право делать замечания полтавчанам. К сожалению для всех нас и к стыду товарищей из министерства, которые доныне не куют, не мелют, то есть не производят плоскорезов.

Видите, какие люди, по-настоящему масштабного советского характера стоят с плюсовой стороны в этих трех остроконфликтных ситуациях. А какие силы со стороны «минус»?.. Коса наскочила на камень. Я это говорю к тому, что характер литературного героя можно отточить только на камне, на мантачке, как и саблю, как и кóсу, а не на бруске мыла. Из камня можно высечь искры! Из мыла настрогаешь только мыльную пену!

Я солдат Великой Отечественной войны с первых ее дней: был на фронте, был на море, трижды летал во вражеский тыл как разведчик-парашютист, радист группы и знаю, что такое психологический барьер для солдата на войне. Наши пограничники, наши красноармейцы вблизи границы, моряки в одну минуту должны были побороть свой собственный страх, нерешительность, инерцию мирного бытия, а то и перечеркнуть все свои помыслы на будущее. *Никто за тебя воевать не будет, если ты сам не пойдешь в бой. Ни в чьих руках судьба народа, а только и только в твоих. Никто другой, а только ты должен выжить из своего оружия все, на что оно способно, чтобы остановить и одолеть вероломного, опытного и сильного врага. А если так, то ты ответственный перед своей совестью, перед родной матерью, перед Советской Родиной и потому ты не «пушечное мясо на войне», а сознательный боец, сын матросов революционного крейсера «Аврора», солдат, без которого нашим генералам и маршалам с их замыслами, планами ломаный грош цена!..*

Вот это credo пограничники-фронтовики, моряки, парашютисты на войне усваивали в несколько секунд, хотя, конечно, были до этого морально подготовлены нашей великой Коммунистической партией, комсомолом в свои одиннадцать — четырнадцать лет. И потому я осмелюсь от имени писателя, участников войны 1941—1945 годов высказать свое понимание этого тяжелого недуга в человеческом факторе: «Психологический барьер сегодня это такое психическое состояние того или иного работника, когда его ум убаюкан блаженным сладким литургическим сном, а совесть парализована безответственностью, благодушием и действует только язык, чтобы замылить очи народу, партии, чтобы жить и действовать по старинке».

Конечно, без языка, без разговора нигде не обойтись. Однако всех нас на десятилетия вперед Владимир Ильич Ленин еще на VIII съезде РКП(б), после победы Великой Октябрьской Социалистической революции, в марте 1919 года предупреждал: «МЫ ЦЕНИМ КОММУНИЗМ ТОЛЬКО ТОГДА, КОГДА ОН ОБОСНОВАН ЭКОНОМИЧЕСКИ...»

Выше я назвал трех витязей в борьбе за наши насущные проблемы — Терентия Мальцева, Ивана Лутака и Федора Моргуна. Эти люди одержимые, по-партийному бескомпромиссны, и все они неповторимые индивидуальности. Вот такие натуры бери и рисуй не только в публицистическую, но и в художественную прозу, отбросив так называемую творческую фантазию. Не только вымысел, но и домысел бледнеет перед конкретной борь-

бой этих товарищей за коммунизм. И то, что в нашей жизни людей уровня Мальцева, Мофгуна и Лутака — легион, великое завоевание социалистической революции, Коммунистической партии. Это наше писательское счастье, что такие люди рядом и вместе с нами. Они и достойны стать в наших произведениях героями первого ряда.

А в чем заключается наша психологическая перестройка?.. Мы немедленно должны самооблизываться, помыслими, душой и сердцем слиться с рабочими, селянами и интеллигенцией — с бойцами сегодняшней передовой. Пример этому есть: в окопах минувшей войны фронтовики читали не только публицистику, но и художественную прозу Шолохова, Алексея Толстого, Федора Тихонова, Вишневского и тогда молодых Овечкина и Симонова, моих земляков Довженко, Корнейчука, Яновского и тогда молодого Малышко. А в 1947 году уже вышли два романа Олеся Гончара «Альпы» и «Голубой Дунай», которые еще пахли порохом.

И именитые писатели, и рядовые журналисты, надев солдатские гимнастерки, стали душой и помыслами солдатами-фронтовиками. И в наше крупнопереломное время мы, писатели, должны стать фронтовиками в этой великой, трудной борьбе партии и народа за будущее нашей Родины — Союза Советских Социалистических Республик.

ОСКЕН ДАНИКЕЕВ (Фрунзе). До недавнего времени мы привыкли говорить вначале о своих достижениях и успехах, а потом только о недостатках и упущениях. Но день нынешний, определяемый историческими решениями апрельского (1985 г.) Пленума ЦК и XXVII съезда партии, требует иного, более самокритичного, трезвого подхода к любому вопросу, в том числе к литературно-художественному. Мы не боимся говорить гласно, открыто о своих нерешенных делах. Главное, вовремя выявлять свои упущения, просчеты и проблемы и поправлять их вовремя. Именно на это нацеливают нас программные документы высшего партийного форума, стратегия ускорения. И поэтому так актуально и своевременно звучат призывные слова из Политического доклада ЦК XXVII съезду партии: «...правда — не отвлеченное понятие, она конкретна. Она — в свершениях народа и противоречиях развития общества, в героизме и повседневности трудовых будней, в победах и неудачах, то есть в самой жизни, во всей ее многогранности, драматизме и величии. Только литература — идейная, художественная, народная — воспитывает людей честных, сильных духом, способных взять на себя ношу своего времени».

С позиций требований нашего времени, без скидок на заслуги и авторитеты, конструктивно, по-деловому шел разговор о литературе Киргизии на VIII съезде писателей республики. И в отличие от предшествующих лет больше, доказательно и заинтересованно говорилось не о серых, конъюнктурных, посредственных произведениях — в чем причины снижения ответственности литераторов за свое писательское слово и критериев оценки их про-

изведений. В отчетном докладе и выступлениях ведущих писателей, критиков были названы конкретные произведения, конкретные имена. Подобные же сдвиги, новые веяния наблюдались в материалах дискуссий о состоянии современного киргизского романа, повести и рассказа. Эти изменения, происходящие в современной киргизской советской прозе, в ее жанрах, обусловлены диктатом самой жизни, неумолимым ходом нашего переломного времени.

КПСС наметила реальные пути выхода нашей страны на передовые рубежи мирового развития на основе ускорения социально-экономического, научно-технического прогресса, интенсификации производства и тем самым намечено за предстоящие пятнадцать лет производить столько, сколько было произведено за все предшествующие периоды нашей истории. На первый взгляд это может показаться уму непостижимым. Но факт, что современный экономический, материальный и духовный потенциал нашего общества, высокий уровень производительных сил и постоянное совершенствование производственных отношений, всемерное улучшение механизма управления и планирования, усиление роли человеческого фактора во всех сферах общественной жизни — эти и другие мощные рычаги стратегии ускорения вселяют в нас оптимистическую уверенность в наших реальных возможностях успешно претворить в жизнь поставленные XXVII съездом партии задачи. В процессе осуществления всего комплекса этих грандиозных по масштабам задач и проблем необычайно возрастает роль мастеров художественного слова. Как никогда раньше повышается ответственность за писательское слово. На какую бы тему ни писали мы, писатели, какие бы проблемы ни затрагивали, сердцевинной нашего творчества, главным предметом нашего пристрастного слова должен стать человек — творец своего и чужого счастья, социальной справедливости и общественного благоденствия. Поэтому кого бы ни избрал писатель героем своих произведений — рабочего или крестьянина, интеллигента или воина, ученого или учащегося молодежь, он должен показать прежде всего полную, звучную гамму многообразных проявлений человеческого бытия, непримиримую, бескомпромиссную борьбу за добро и красоту, создавать живые, полнокровные человеческие характеры, соответствующие нравственным, социальным, идейно-эстетическим идеалам современников. Таково веление времени.

В течение прошедших межсъездовских пяти лет киргизскими прозаиками созданы произведения, в которых широко показаны внутренний мир современного человека, повседневная жизнь трудовых коллективов. Большим событием для нас стала публикация глав из нового романа Чингиза Айтматова. Чувствуется, что в нем будут затронуты серьезнейшие проблемы, которые волнуют сегодня человечество. Интересны и своеобразны романы старейшины киргизской прозы Т. Сыдыкбекова «Дорога», «Комик», Н. Байтемирова «Воспитание чести», К. Канмова «Конца Не жди», сборники повестей и рассказов Дж. Мавля-

нова «Я и мои односельчане», А. Стамова «Перелетные птицы», «Дом у дороги», К. Джу-супова «Весна моей жизни», «Лунная ведьма» Джакыпбекова, «Дикий гусь» М. Гапарова, «Мунаб и я» К. Акматова, произведения З. Сооронбаевой, Ш. Абдраманова, А. Ива-нова, Е. Колесникова и др. Увидели свет избранная проза А. Токомбаева, трехтомник Ч. Айтматова, киргизский перевод романа на рабочую тему А. А. Сальникова «Золотые глубины». В основном эти произведения кир-гизских писателей посвящены производствен-ной морально-нравственной, исторической те-матике.

Словом, произведений пишется достаточно много: романы, повести, рассказы. Но среди них было мало ярко-талантливых вещей, которые стали бы значительными событиями литературной жизни. XXVII съезд КПСС определил магистральные пути развития во всех сферах общественной жизни. Общество наше повернуло уже от экстенсивной полосы развития к интенсивной. Это касается не только сферы материального производства, но и духовного. Сейчас всюду идет перестройка стиля и методов работы, решительная ломка консерватизма, инертности и косности, ломка полуправды. Для нас перестройка художе-ственного мышления означает основательную переделку отношения к действительности, изменение ракурса видения жизни. Если при-знаться, до сих пор киргизская проза разви-валась в экстенсивном плане, развивалась ви-рширь, появлялись часто многословные фо-лианты в виде дилогии, трилогии и т. д. Это пример чистого бытокопательства. Подобные серые, мелкотемные, посредственные произве-дения не способны внести сколь-нибудь весо-мый вклад в общее дело. Сейчас задача наших прозаиков заключается в том, чтобы повер-нуть русло движения в полосу интенсивного развития, ускорения. Это несколько не озна-чает, чтобы каждый писатель в год создавал несколько произведений, или целый цикл. Совсем наоборот. Дело прежде всего касается резкого повышения идейно-художественного качества, общезстетического уровня своего творчества, социальной, гражданской значи-мости и действительности духовной продукции. Предстоит качественно повысить точность социального, психологического анализа мо-тивов и механизмов человеческих действий, поступков, потребностей, страстей и тревол-нений. Лишь практическое единство подоб-ного анализа и высокого профессионализма может послужить надежным гарантом успеха в нашем творчестве.

Здесь хотелось бы обратить ваше внима-ние вот на такой факт. Обычно эмпирическому, спекулятивному мышлению не дано охватить всю широчайшую область материальной и ду-ховной практики в ее исторической перспек-тиве, строго придерживаться принципа исто-ризма. Не дано ему диалектически понимать, каким образом социальные потребности вы-ступают в каждый новый исторический период могучим локомотивом общественного про-гресса. Наши прозаики, работающие в области крупных форм, должны знать, что даже в такой, казалось бы, сугубо личностной,

сфере человеческой деятельности, какой яв-ляется художественное творчество, среди многочисленных объективных и субъективных факторов эстетические потребности писателя познать и выразить в единственно подобающих формах и образах движущие мотивы и цели человеческого бытия порождают все новые и новые образцы художественных созданий. Именно эти, а не мнимые потребности выступают извечными двигателями эстетиче-ского прогресса. В профессиональном, обще-культурном росте прозаиков положительную роль невидимого, неосознаваемого ускорителя играет межличностная связность твор-чества писателей, в основе которой лежат эстетические, внутренние потребности выска-заться по-своему, оригинально. Кстати, по этому поводу в Политическом докладе ска-зано: «Вообще говоря, вопрос стоит так: если мы не сможем поднять на новый, несравненно более высокий уровень соревнования про-изводственное, экономическое, состязатель-ность в области науки, художественного твор-чества, мы не сумеем решить и задач уско-рения социально-экономического прогресса страны». Сказано точно и глубоко. Такое резюме вытекает из самой сути движения обще-ственной практики как ее главная квинтэссен-ция. Как видим, партия в один ряд ставит и на одну высоту поднимает решение всех задач, стоящих перед обществом. Вот почему мы, прозаики, с большой социальной и психоло-гической пронизательностью должны подхо-дить к отбору жизненных материалов, прояв-ляя гибкую человеческую интуицию. Ибо перестройка художественного мышления на-чинается с выбора жизненного материала и средств образного воплощения.

Разумеется, каждое новое произведение нуждается в объективной оценке читателей, литературной общественности. Здесь мы стре-мились вкратце дать общее представление о сегодняшней киргизской прозе. Но нацио-нальную целостность литературы, ее связи и взаимодействия с другими литературами составляет не один крупный писатель или даже не одно поколение, а вся совокупность твор-чества писателей разных поколений со всеми их плюсами и минусами. Можно было бы кон-статировать, что в нынешнее движение киргизской прозы вносят свою лепту и патри-архи национальной литературы — А. Током-баев, Т. Сыдыкбеков, представители сред-него поколения — К. Каимов, Т. Касымбеков, С. Омурбаев и более молодые — М. Байджиев, Э. Борбиев, К. Омуркулов, М. Абакиров и др. Думается, многие киргизские прозаики осозна-ли, что по-старому писать им уже нельзя, что надо изменить, перестроить весь арсенал эстетического освоения жизни и, в конечном счете, в корне обновить и содержание и форму создаваемых им произведений.

Художнику, находящемуся в постоянном движении и поиске, доступен неисчерпаемо богатый социально-экономический, историчес-кий опыт народа, накопленный на протяжении десятилетий, веков. Его личный жизненный и творческий опыт может развернуться гори-зонтально и вертикально только на основе разностороннего постижения, осмысления

накопленного общественного опыта. Главное для писателя — верно и безошибочно, безбоязненно ориентироваться в сложном, противоречивом и драматическом лабиринте современной ему действительности. Лишь такое познание и самопознание дает ему возможность верно освоить и показать правду жизни, постигать глубинные, определяющие тенденции и закономерности общественного развития. Этим самым писатель, воплощая в конкретных, типических образах и характерах нравственный социальный идеал людей, дает нам синтезирующий в себе, как в фокусе, наше вчерашнее, сегодняшнее и завтрашнее обобщенный образ человеческих действий и деяний.

Буквально перед VIII съездом писателей Киргизии вышел историко-революционный по жанру роман талантливого киргизского прозаика Т. Касымбекова «Кел-кел» («Возрождение»). Есть надежда, что в скором времени он увидит свет на русском языке и получит у всесоюзного читателя и критики достойную оценку. Это произведение писателя выражает выстраданный за первые годы Советской власти общественный, гражданский, нравственный, социальный и психологический опыт революционного обновления и преобразования в Киргизии.

За последние годы произведения наших писателей вышли в центральных издательствах. Также переводы на языки народов СССР и зарубежных стран. Но в переводческом деле до сих пор нет твердой системы и плановости. Каждый автор сам находит своих переводчиков и составляет договор с издателями. Поэтому это дело необходимо наладить безотлагательно. Естественно, во-первых, надо улучшить наши связи с московскими издательствами. Переводимые на русский язык произведения киргизских писателей должны быть рекомендованы только правлением СП республики.

С. БОРЗУНОВ. Все мы радуемся тому, что наша страна переживает историческое время. Все ошутимее дыхание благостных перемен. Все сильнее дают о себе знать родники народной инициативы: на заводах и фабриках, на предприятиях и в деревнях идет интенсивная перестройка, имя которой — ускорение. Происходит это во всех сферах производственной и общественной жизни. Сдвигаются с «мертвой точки» многие важные проблемы, которые не решались годами. Утверждается справедливость, требовательность, деловитость. Мало заметны лишь изменения к лучшему в области культуры, искусства и литературы. Пора и нам от слов, собраний и заседаний переходить к делу. И начинать, мне думается, надо с заботы о литературной смене, с выращивания молодых писателей, способных повести литературный процесс дальше, выше и глубже.

Вопрос о качественном составе нашего Союза — это очень важная не только профессиональная, но и политическая проблема. От нее во многом зависит целенаправленность и результативность наших местных, республиканских, краевых и областных организаций, а главное — идейный и художественный уро-

вень создаваемой литературы. Именно поэтому прием в Союз новых членов является важнейшей частью всей нашей работы, требующей высокой ответственности, принципиальности и объективности в отношении к вступающим.

Чаще всего в жизни мы сталкиваемся с такой практикой, когда молодой литератор при голосовании не добрал несколько голосов и вопрос о его приеме откладывался до выхода из печати новой книги.

Логично ли это? Всем нам хорошо известно, как нелегко порою начинающему поэту или прозанку выпустить в областном и тем более в центральном издательстве очередную книгу даже при самом благожелательном к ней отношении. На это уходит от трех до пяти лет. Следовало бы задуматься над таким положением и как-то его изменить применительно к наиболее талантливым молодым литераторам. В особенности это относится к критикам, которым гораздо труднее дается каждая новая книга. Да и молодому поэту долго приходится ожидать появления очередного своего сборника.

По-другому, весьма облегченно относятся у нас к приему в Союз людей, занимающихся переводческой деятельностью. Нередко занимаются требованиями к ним со стороны творческих бюро и приемных комиссий. Высоким писательским званием можно наделить лишь тех переводчиков-художников, чье искусство входит в общий процесс развития словесно-художественной культуры на русском языке, обобщает не только идейно и познавательно, но и эстетически. Надо учитывать также и объем проделанной работы и обязательное знание языка оригиналов.

В приемных делах имеют значение многие факторы, вплоть до proceduralных и так называемых технических. По существующим правилам вопрос о принятии в Союз писателей должен рассматриваться в каждой инстанции, в том числе и в начальной, не позднее 3 месяцев со дня поступления к ним материалов. Сроки эти зачастую нарушаются.

Вместе с тем, думается, неправомерно подвергать москвичей большим испытаниям, чем жителей других городов и республик. Я имею в виду необходимость прохождения ими четырех, а не трех, как для всех, приемных инстанций с тайным голосованием.

Положение осложняется тем, что ни на заседании бюро творческих объединений, ни на приемных комиссиях, ни на заседаниях секретариатов никто в глаза не видит того литератора, судьбу которого он должен решать.

А ведь речь идет об очень серьезном, очень важном деле.

При таком положении мы не можем быть застрахованы от того, что будут ошибочно приниматься в Союз авторы слабых произведений и отвергаться авторы книг, по которым они должны быть приняты. В подобных случаях решается творческая судьба не только человека, но и будущая судьба всей нашей литературы.

Тут правильно говорили, что следует вернуться к практике предварительных собеседований, а еще лучше, если творчество вступающего в Союз обсуждать с участием пред-

ставителей местной общественности. Такой опыт имеется в Саратовской писательской организации. Например, после широкого квалифицированного обсуждения бывало, что соискатель брал свое заявление обратно. Нам думается, следует приглашать на заседания приемных комиссий лиц, вступающих в Союз, а также повысить ответственность рекомендуемых, спрашивать с них непосредственно при обсуждении кандидатур, требовать их присутствия.

Объективному решению приемных дел мешает пороку существующая в нашем творческом Союзе болезнь, имя которой протекционизм. Именно этой болезнью объясняются факты, когда по протекции того или иного писателя, который руководствуется отнюдь не интересами дела, в Союз писателей попадают литераторы, не имеющие достаточных для этого оснований. Это чаще всего лица, которые, минуя жизненную, трудовую школу, не желая где-либо и что-либо делать, сразу же переходят на весьма почетное в нашей стране положение писателя-профессионала. Поступая на полное довольствие Литфонда, то есть на наше с вами иждивение, они тут же начинают сверх меры использовать свои писательские права на жильё, дачи, путевки, ссуды, заграничные командировки и даже на полный лимит больничных дней в году. Ничего еще существенного не создав, они в категорической форме требуют от издательств и журналов заключения с ними авансовых договоров и тем самым обостряют и без того не простые отношения писателей с издательствами.

Таким не в меру рьяным членам Союза, любящим прежде всего гонорары, а не литературу, следует напомнить мудрый совет Карла Маркса: «Писатель, конечно, должен зарабатывать, чтобы иметь возможность существовать и писать, но он ни в коем случае не должен существовать и писать для того, чтобы зарабатывать».

А вот свидетельство писателя А. С. Пушкина. Из своего личного опыта он сделал вывод: «Писать книги для денег, видит бог, не могу».

Как видите, проблем в приемных делах у нас немало. Во многом они порождены отсутствием четких требований, спомощью которых должны оцениваться литературные произведения вступающих в Союз, а также отсутствием точных правил прохождения приемных дел. На наш взгляд, настало время выработать единое для всех «Положение о приеме в члены Союза писателей СССР», которое строго регламентировало бы критерии оценки творчества вступающего в Союз, и, в частности, определяло бы дифференцированный подход к представителям разных жанров, устанавливало бы границы между, например, ученым-литературоведом и литературоведом-писателем, публицистом-журналистом и публицистом-художником, просто фельетонистом и писателем-сатириком и т. д.

Назрела необходимость в корне пересмотреть и отношение к Уставу в целом — как со стороны писателей, так и со стороны руководящих органов Союза писателей.

Сегодня есть все основания сказать, что

Устав Союза писателей СССР во многом устарел, бездействует, а некоторые его статьи стали «мертвыми».

Вот эти основания.

Во 2-м разделе, например, четко записано: «Членами Союза писателей СССР могут быть литераторы — прозаики, поэты, драматурги, критики, литературоведы и переводчики, — признающие и соблюдающие Устав...»

Но возвольте, как можно признавать и соблюдать Устав, если при приеме от кандидатов не требуют его знания, даже не знакомят с ним? Пожалуй, наш творческий союз — единственная организация, где установился такой «порядок» приема. Многие писатели в глаза не видели этого Устава, а некоторые даже не знают, что он существует. В местных писательских организациях Устава нет.

Во-вторых, по Уставу надо принимать и литературоведов. Однако нередко приемные комиссии категорически отказывают им в приеме. Кто прав тут — Устав или приемная комиссия? Одно из двух: или нужно принимать литературоведов, или вносить изменения в Устав.

Мертвым является и пункт «в» статьи 10 третьего раздела. Был ли хоть один случай исключения из Союза писателей за долговременную профессиональную бездеятельность? А между тем исключить надо. Речь идет, разумеется, о молодых, полных сил людях, которые, будучи принятыми в Союз, считают дело сделанным и умоляют на долгие годы. Работать нигде не хотят, а писать не могут — лишь потрясают писательским билетом, превращаясь, как я уже сказал, в иждивенцев.

Словом, настала пора кое в чем уточнить, а может быть, дополнить и Устав Союза писателей СССР, особенно в разделе задач нашей творческой организации в целом и обязанностей каждого писателя в духе современных повышенных требований; ведь со дня принятия его прошло пятнадцать лет.

Снижение требовательности при приеме в Союз и при рассмотрении рукописей в издательствах и журналах приводит к тому, что слишком много выпускается у нас серых, бесцветных, никчемных книг, на издание которых расходуются эшелоны дорогостоящей бумаги, масса людского труда и колоссальные суммы денег. Книги эти затем забивают полки магазинов и библиотек, не принося людям никакой пользы, а иногда даже и явный вред. И это, как правило, книги людей, которые не успели научиться писать, но зато научились пробовать, сочинять письма-жалобы. И опять же не без помощи некоторых влиятельных литераторов, слово которых магически действует на издателей. Это тоже протектирование.

Есть немало и таких людей, которые, пользуясь несовершенством авторского права, злоупотребляя нашей широкой демократией, отзывчивостью и совестливостью издателей, заставляют их тратить на рецензирование одних и тех же рукописей весьма большие суммы денег. Как старый издатель я знаю случаи, когда один весьма опытный в пробивных делах графоман стоил издательству не одну тысячу рублей. Принося свой пухлый опус, он требовал, чтобы рецензировали из-

вестные писатели. А когда все читавшие дали отрицательную оценку, пошли жалобы в инстанции — и все началось сначала...

Необходимо на всех уровнях, во всех творческих комиссиях и приемных инстанциях предъявлять вступающим в Союз к качеству их литературного труда повышенные требования, активно противоборствовать потоку мелкотемной, серой, безликой, лишенной своеобразия и высоких устремлений литературы.

Партия на нынешнем этапе коммунистического строительства предъявляет ко всем партийным и советским работникам требование трудиться напряженно, с полной отдачей, качественно. Это требование полностью относится и к нам, писателям. Тем более что наша продукция — особая, она тиражируется тысячами, десятками, а то и сотнями тысяч экземпляров и рассчитана на удовлетворение духовных потребностей людей — их самых тонких и самых чувствительных сердечных струн. При этом, в отличие от других профессий, которые обязаны давать необходимое количество и качество, от нас требуется только

одно — качество. В количественном отношении мы уже насытили наши книжные магазины и лавки, библиотеки и читателей. Количественные показатели нами давно выполнены и перевыполнены. Книжный бум спал. Теперь дело за качеством. Было бы весьма полезным объявить XII пятилетку — пятилеткой борьбы за высокое качество книг, за качество всей издательской продукции. В этой связи, думается, следует пересмотреть ставки гонорара по всем литературным жанрам: платить не с пуда, то есть не с физического веса и объема рукописей, а с их веса идейного, литературно-художественного, эмоционального. Платить не за количество листов, а аккордно за все произведение. Надо отбросить прочь такие оправдательные аргументы строчконогов, как острота и важность темы, ее сиюминутное значение и т. д. и т. п. Разгрузить издательства, журналы и газеты от пухлых, серых, никому не нужных книг и расчистить путь для книг талантливых, необходимых народу в его борьбе за построение нового общества.

Заседание комиссии по критике и литературоведению

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ

Руководитель комиссии В. М. Озеров

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Уважаемые товарищи! Приступая к работе нашей комиссии, позвольте предоставить вступительное слово Суровцеву Юрию Ивановичу.

Ю. СУРОВЦЕВ. Дорогие товарищи! Продолжаем работу VIII съезда, ведь наша комиссия является важной частью всего съезда.

Будем надеяться, что работа нашей комиссии, я думаю, что выражу общее мнение, пройдет в соответствии с решениями XXVII съезда КПСС, которые чрезвычайно важны для нашего разговора. Трудность заключается в том, чтобы быть на уровне той высоты требований, которые были высказаны и на XXVII съезде партии и на нашем съезде.

Не будем ставить перед собой задачу опровержения той критики, которая вчера была предъявлена и о которой еще будет впереди сказано.

Сейчас хотелось бы поставить на ваше обсуждение вопрос относительно нашей работы. В работе нашей комиссии участвуют 66 делегатов съезда. Нам предстоит заслушать доклады товарищей В. М. Озерова, Л. Н. Новиченко и Л. И. Лавлинского. Затем будет объявлен обеденный перерыв, с часа дня до двух часов. В 2 часа 30 минут начнутся прения. После каждых двух часов работы — кратковременные перерывы. Просьба строго придерживаться 10-минутного регламента для выступления в прениях. Если кто-либо не сможет выступить, то тексты выступлений просим передать в Президиум для приложения к стенограмме.

Таков, товарищи, порядок работы сегодняшнего дня. Если есть какие-либо замечания по регламенту, прошу их высказывать. Нет. В таком случае приступаем к докладу.

Слово предоставляется Виталию Михайловичу Озерову.

В. ОЗЕРОВ. Товарищи! Вчера писатели страны на своем высшем форуме выразили единодушное одобрение исторических решений XXVII съезда КПСС, твердую готовность выполнить все намеченное партией. Уверен, выскажу общее мнение собравшихся в этом зале, заявив, что наша комиссия целиком разделяет эти мысли и чувства, воспринимает деловой и конструктивный курс нашей партии как воодушевляющий ориентир развития

социальной, духовной жизни, культуры советского общества.

На партийном съезде очень серьезно стояли и вопросы литературно-художественной критики. Ее задачи партия органически связывает с таким естественным принципом жизнедеятельности советского общества, как критика и самокритика. В Политическом докладе ЦК съезду подчеркнуто: литературно-художественная критика является делом общественным, а не сферой обслуживания авторских самолюбий и амбиций.

В резолюции партийного съезда сформулировано:

«Литературно-художественной критике нужно стряхнуть с себя благодушие и чинопочитание, в оценке произведений руководствоваться четкими эстетическими и классовыми критериями, активнее выступать против бездейности, парадного многописания, мелкого бытокопательства, конъюнктурщины и делячества».

Партия поддерживает и будет поддерживать все талантливое в литературе и искусстве, проникнутое духом партийности и народности. Нормой работы партийных организаций с художественной интеллигенцией являются идейная принципиальность и выскательность, уважение к таланту, такт».

Суть требовательного внимания партии, ответственных целей, стоящих сейчас перед критикой, мы воспринимаем как мобилизацию своих творческих сил на энергичную поддержку глубокой и всесторонней перестройки, которую партия проводит во всех сферах жизни, в психологии человека. Осуществлять эту перестройку — идущий от сердца высший долг литературы, и критика должна всемерно стимулировать его, быть в авангарде социально-эстетического развития, добиваться повышения качества художественных произведений.

Работниками нашего литературного «цеха» движет настроение боевой приподнятости, стремление полностью преодолеть имеющиеся недостатки, ввести в действие все резервы, а самое главное — сплавить воедино дух самокритичности с энергией практических дел — залогом реальной, а не словесной перестройки.

С этих позиций нам и предстоит сегодня оглядеть литературно-критическое «хозяйство».

Следуя курсу, определенному в ряде основополагающих документов партии, в Постанов-

лении ЦК КПСС от 1972 года «О литературно-художественной критике», критики пришли к VIII съезду писателей СССР не с пустыми руками. Создан ряд ярких, талантливых работ. Растет творческий потенциал литературной мысли. Ведется борьба с чуждой идеологией.

Однако констатацией этого делегаты не могли и не хотели ограничиться. Ведь нельзя опровергать и другое: что критика еще не играет у нас той активной социальной роли, какую должна играть в столь ответственный для советского общества момент. Что далеко не всегда умеет оценить литературный процесс, его успехи и просчеты, верно ориентировать людей в круге чтения. Что не ведет по-настоящему настойчивой борьбы за кардинальное повышение идейно-эстетического качества литературы. Давайте откровенно поговорим о сложившейся ситуации, проанализируем ее причины и подумаем, как исправить положение, начав с перестройки собственного мышления, оно лишь началось — его нужно ускорить.

Для этого — преодолеть негативные явления в своей среде, строже подходить к оценке результатов творческого труда; в данной аудитории — литературно-критического труда. Они у нас на виду.

Перелистываем стенограммы заседаний Совета по критике: мы упорно требовали покончить с «комплиментарностью», с «некритичностью» писателей, особенно занимающих «посты». Определения правильные, впрочем, как теперь понимаем, чересчур деликатные. А основное, о чем надо сказать без недомолвок, — малоэффективные, ибо мы в секретариате правления СП СССР, в Совете по критике, делали недостаточно для нужных перемен. Партийные указания, несомненно, обуславливают принципиальные перемены. Будем безотлагательно осуществлять их. Сосредоточимся на «узких местах». Нужны не заверения, а дела.

Неопровержим факт: до сих пор слабо использовался такой могучий рычаг, как печать. Между тем еще в 1913 году В. И. Ленин писал в редакцию «Правды»: «...вспомните и литературно-критический отдел... без него «большая» газета невозможна».

Писательская пресса (доклад о ней делает Л. Лавлинский) неудовлетворительно выполняет функции организатора литературно-критической работы. Рецензируется только 10—12 процентов книжных новинок. Еще существеннее другая претензия к ней. Общественность не устраивает уровень публикуемых разборов. И прежде всего явная односторонность — печатаются почти исключительно одобрительные отзывы о произведениях, словно все созданное всеми писателями — сплошные шедевры. Статистика журнала «Литературное обозрение» сообщает: из сотен зарегистрированных ею рецензий в центральных журналах всего три-четыре относятся к тем, которые принято называть отрицательными. Не станем валить этот грех на всех критиков. В нем никак не упрекнуть А. Туркова или Наталью Иванову, Н. Худайбергенова или И. Золотусского, наших коллег из Литвы, Эстонии;

приходится ставить отточие. Но куда больше статей-восхвалений. Они сбивают критерии оценок и дезориентируют читателей. Зачастую современным писателем приравнивался к прославленному мастеру, о нем старались сказать позамысловатее, у него находили все мыслимые и немыслимые достоинства. «Объекты» глобальных восторгов не отвечают за них, поэтому не обязательно называть их имена в приводимых ниже цитатах.

Вот как в «Литературной России» Н. Смирнова охарактеризовала стихотворную пьесу: у автора светится «грибоедовское начало», оно помогает, чтобы герои стали «двойственны, тройственны» (что это значит?!). Кроме того, произведение отличается еще — цитирую — и «тонким (теперь уже в чеховском смысле слова) анализом характеров...».

Вот как откликнулся в журнале «Москва» Л. Ханбеков на добротный, но не нуждающийся в акафистах поэтический сборник: «Лирика поэта многослойна, многоступенчата» (кстати, нелегко понять, что такое «многоступенчатость» применительно к лирике). Затем читаем: «Рядом с многомерным, многоплановым образом огня — костра души — живет... образ ветра». Вот уже четыре пышных эпитета, начинающихся с «много». Не многовато ли для одной рецензии?

Вот чем в статье П. Вегина в «Литературной Армении» является для местного молодого поэта мировая поэзия: «Родной дом. Овидий, Беранже, Уильям Карлос Уильямс ему так же близки, как его товарищи по поколению...»

Елей, елей... Впрочем, не только он. Другая сторона конъюнктуры — разносы.

Чаше редакции представляли место для них не критикам-профессионалам. Дурную память о себе оставили заметки библиографа М. Жаворонковой в журнале «В мире книг» — выпады против А. Вознесенского как чуть ли не сознательного антипода Маяковского.

Закономерные протесты вызвали высказывания поэта Юрия Кузнецова в «Литературной учебе» о патристическом, всенародно признанном стихотворении К. Симонова «Жди меня». Это стихотворение, дескать, «...агрессивный эгоизм чистой заморской воды...», «не имеет ничего общего с народным воззрением на любовь».

Беда критика — не только безответственные оценки. Недопустимы попытки «одернуть» ее. Появилась, например, резкая критика романа известного писателя. Дискуссия, конечно, не запретна. Но она была бы куда достойнее, если бы грузинский журнал «Цискари» не назвал ответную статью весьма угрожающим заголовком: «Пресечь литературный терроризм».

Обвинения в «терроризме», к счастью, пока не стали массовыми. Способов же пресечь критические выступления имеется достаточно. «Обиженный» в лучшем случае перестает здороваться с «обидчиком», а то строчит жалобу на него. «Любимцу» же влиятельных «литначальников» живется не худо. В Киргизии не захотели терпеть действий бывшего первого секретаря писательской организации республики Т. Аскарара, который превратил

еженедельник «Кыргызстан маданияты» в собственную вотчину. В газете поносили неугодных, например хороший роман Т. Касымбекова «Сломанный меч». Хвалили «своих» беспардонно. Не лишенный изъянов роман Ш. Бейшеналиева «Стальное перо» ставили рядом с ауэзовским «Абаем». А когда начали «проталкивать» автора на премию, количество восторгов возросло. Критик К. Матиев печатно заявил, что автор «Стального пера» достиг ни много ни мало, как «полной гармонии содержания и формы...».

Республиканские писательские съезды подтвердили, что работа критиков в разных местах отнюдь не равнозначна. Порадуемся хорошему опыту. Не скроем досады случаями, подобными изложенному.

Все, конечно, не так просто. В самой жизни было, есть немало противоречий, они сказывались и на критике. Партия преодолевает их, создает благотворную атмосферу для работы во всех областях. Участвуя в развитии такой атмосферы, не забудем, что «захвалы» и «разносы» — наследие групповщины. Не будет нормальной жизнь в литературе, пока не изживем ее до конца. И пока не добьемся, чтобы все следовали единым этическим нормам.

Никто не опровергает: атмосферу в творческих союзах должна определять высокая партийная требовательность. Все ли помнят: взаимная! Писатель вправе ждать от критика профессионального, уважительного разбора своего творчества, но и критик вправе подойти к опубликованному произведению с высокой меркой и рассчитывать пусть не на восторги, но на уважение к сказанному им. Ныне же некоторые писатели больше говорить привыкли о своих правах по отношению к критике и об обязанностях критики по отношению к себе; не к литературе — а к себе.

Неблагодидное занятие обслуживать амбициозных авторов. Столь же неблагоприятно пользоваться этим обслуживанием. Нам нужно добиться, чтобы в писательских организациях резко, бескомпромиссно, гласно осуждались любые попытки отвергать справедливую критику, мстить за нее. Во всех литературных жанрах должен быть здоровый моральный климат, критика — конкретная, исцеляющая, без благодушия, без злопыхательства.

Критика — дело общественное. Долг ее полномочных представителей стоять выше узких литературных пристрастий, быть на уровне вехней жизни, ее процессов.

Достигнуто меньше, чем надо бы. Но итоги общественного развития страны ощутимы и в литературно-критической работе. Заслуживает поддержки та ее часть, которая предощущала назревающие в обществе перемены, которая с вниманием отнеслась к целым «пластам» искусства. К «деревенской прозе», к «военной литературе», исторической, к «политическому роману», острой и боевой публицистике, писательским выступлениям в защиту природы, памятников отечественной культуры, произведениям, в которых ставятся нерешенные, болезненные морально-этические проблемы, освещается жизнь творческой интеллигенции.

«Пласты пластами», но, как говорится, книга — штучный товар. Важны оперативные и

справедливые оценки конкретных произведений. Как обстоит дело с ними?

Воспользовавшись библиографией, я насчитал около сорока квалифицированных рецензий, без поддержки появившихся на такие известные теперь произведения, как романы и повести: Ч. Айтматова «И дольше века длится день», А. Ананьева «Годы без войны», Ю. Бондарева «Игра», В. Быкова «Знак беды», С. Зальгина «После бури», О. Гончара «Твоя заря», Г. Маркова «Грядущему веку», П. Прокурина «Полуденные сны», «Черные птицы», М. Слущикса «Поездка в горы и обратно», Огара Чиладзе «Железный театр».

После апрельского Пленума ЦК критика активизировалась. Это — начало, предстоит делать гораздо больше. Самое же лучшее в искусстве замечено и поддержано. Как повесть Распутина «Пожар», романы В. Астафьева «Печальный детектив», Ю. Мушкетика «Рубеж», пьесы Мишарина «Серебряная свадьба», М. Шатрова «Диктатура совести», поэмы Исаева «Двадцать пятый час», «Убил охотник журавля», Е. Евтушенко «Фукú». Это — принципиальные явления нашего искусства. О них, о нашей публицистике, представленной такими мастерами, как И. Васильев, Ю. Черниченко, А. Стреляный, критика начинает писать ярче, содержательнее.

Говорим об этом с удовлетворением. Полны? Если бы...

Во-первых, ссылкой на поддержанные критикой произведения не оправдать имеющиеся пробелы. Мимо некоторых сложных, негативных явлений, например, в отношении молодежи, мы робко проходили. Фильм «Чучело» получил широкий резонанс; опубликованную же ранее одноименную повесть В. Железникова литературная критика не заметила.

Литературные поколения тоже оказывались как бы на периферии. Когда бурно заявили о себе «сорокалетние», критика не сразу пригляделась к ним (раньше других в споры вступили И. Дедков и В. Бондаренко).

Во-вторых, в ряде статей об острых произведениях преобладают интонации пересказа, чисто эмоционального восприятия. Если разговору о литературе недостает аналитичности, его КПД на читателей ничтожен. Вряд ли выше КПД, если критик лишь касается поставленных писателем проблем, без углубления в их смысл.

Когда мы начинали подготовку к съезду и обменивались в кругу коллег соображениями о критике, я записал одно из таких соображений. В чем оно заключается? В том, что, скажем, «Быков, Айтматов, Марков не нуждаются в отклике. Критические статьи об их книгах должны быть статьями о жизни. Ибо по-настоящему «поддержать» писателя такого уровня может только критика, умеющая соотносить литературу и действительность, критика, способная в осмыслении реальности пойти порой дальше писателя. Поддерживать Бондарева, Распутина, Астафьева можно только на их уровне. Так же, как на их уровне можно и спорить с ними».

Пожелание может показаться максималистским. Но небезосновательным. Тем паче, что по-прежнему критическим выступлениям

не хватает проблемности, внимательности к нарисованным человеческим типам. А именно искусство может и должно с особой впечатлительностью показать, что все происходящее и предстоящее в жизни зависит от человека, от его активности, гражданской зрелости, нравственного облика. Вникая в человеческий фактор, художник способен сделать многое, чтобы духовно возвышать, психологически перестраивать людей.

Общественная потребность бесспорна.

В полной ли мере критика отзывается на нее?

Не слишком ли долгое время требуется, чтобы рецензенты вникали в проблематику новых книг, в характеры героев?

Вокруг повести С. Есина «Имитатор» завязались споры, читатели по-разному истолковывали изображенную в ней фигуру дельца от искусства. Не сразу нашли ответы у рецензентов. А. Латынина посчитала, что «главный недостаток повести в упрощенном понимании характера, нащупанном было, но не раскрытом, смазанном». Е. Шкловский объявил творческой задачей автора всего-навсего «портретирование». А. Образцов почему-то стал доказывать, что «вряд ли... «имитаторы» достойны романтического плаща и котурнов». Популярность повести и ее своеобразие точнее объяснил А. Бочаров в «Правде»: С. Есиным нащупана «действительно болевая точка», а иронически-гротесковая манера письма помогла — не без сбоев — «раскрыть имитаторство, двойничество... героя».

Приходится признать, что значительная часть нашей критики оказалась не вполне готовой к появлению произведений, которые ныне в центре общественных потребностей. Ей нужна более тесная связь с народной жизнью — это важнейшая забота Союза писателей. Верим, новые произведения высокой художественной кондиции в свою очередь будут стимулировать литературно-критическую мысль. Ведь острая, сложная тема требует, чтобы вместе с автором критик полным голосом высказался о ней, соотнес ее с жизнью, постарался осмыслить причины негативных явлений, деформации людей, застрявших в прошлом, пути перестройки тех, кто может перемениться. Словом, нужны не беглые отклики, а вдумчивые разборы произведений, человеческих характеров, что так блестяще делали Белинский, Чернышевский, Добролюбов.

Общество ждет от литературы художественных открытий, произведений, раскрывающих современные коллизии, накал борьбы за поставленные задачи, веру народа в осуществление этих задач. Когда такие произведения появляются — призвание критики поддержать их, показать их роль в общественном, художественном развитии.

О повести В. Быкова «Знак беды» появилось несколько хороших статей. Выступления о ней А. Адамовича были интересным разговором о силе правды, пронизывающей произведение, об общественном значении «Знака беды». Кстати, критика подметила типологические черты этой и не только этой повести: изображение исторической панорамы народ-

ной жизни, единства социального и нравственного аспектов действительности, органичность освещения и «военной» и «деревенской» темы и т. д.

Стимулировала критические суждения повесть В. Распутина «Пожар». Не знаю, все ли согласны со статьей Е. Стариковой «Ищущая душа» в «Новом мире». В ней содержатся размышления о социальных, нравственных явлениях, которые писатель вынес на общественный суд. Как они сказались на художественных исканиях В. Распутина? Нам, читателям, пишет Е. Старикова, полезно «со вниманием вслушиваться в его голос и пытаться вместе с ним искать ответы на вопросы, которыми встречает его и нас наша земля». Применительно к «Пожару» критика тоже задумалась о своеобразии современной прозы, в частности о публицистическом начале.

Проблемность, широкая панорама общественной жизни, публицистичность... Эти определения возникают в статьях, посвященных произведениям, созвучным атмосфере крутого общественного перелома, обещающим новые достижения литературе, импульсы — критике. Импульсы мобилизующие. Не забудем лишь о предупреждениях: не оправдывать злободневностью художественное несовершенство произведения.

Нераздельность социологического и эстетического критериев — завет нам революционно-демократической, марксистско-ленинской критики. Об этом нужно заботиться, совершенствуя опыт советской критики. А тут дел предостаточно.

В предсъездовские месяцы Совет по критике продумал и выдвинул на рассмотрение руководством Союза ряд предложений. Они разные, но все связаны с задачей задач: ориентировать критиков на повышение критериев оценки произведений, на точность и справедливость этих оценок, на поддержку художественных удач, на непримиримое отношение к безыдейности, парадному многописанию, мелкому бытокопательству, конъюнктурщине и делячеству. В этих целях вырабатывать и совершенствовать наиболее эффективные организационные формы.

Первое предложение связано с необходимостью глубоко обобщать ход современного литературного процесса. Силы для этого есть. Научные конференции организуют ИМЛИ им. А. М. Горького, Академия общественных наук при ЦК КПСС. Наш Совет по критике обсудил состояние прозы, поэзии, критики в межсъездовский период, методологию изучения многонациональный советской литературы, проблемы теории и практики социалистического реализма, критерии идейно-художественной оценки произведений и журнальную практику, развитие политического романа, поэмы, повести, вопросы современной литературы и школы. Думается, совместными усилиями названных организаций можно проводить содержательные научно-творческие сессии по итогам каждого литературного года. Это не очередное из многочисленных заседаний, а серьезная работа: проблемно-обзорный общий доклад, доклады по жанрам, диспуты, отчеты о дискуссии в газетах и журналах.

Вспоминаю (и многие из вас тоже), какими интересными были когда-то подобные начинания, к примеру, вызвавший споры, долгие споры доклад Фадеева о соотношении реализма и романтизма. В нынешних условиях мы можем и обязаны глубоко осуществлять связь теоретической мысли и художественной практики. Об этом говорилось в отчетном докладе Правления Союза писателей.

Пойдем дальше: а не подумать ли о создании в этих целях *координационного совета* творческих союзов, не только наших, а и научных учреждений. Такой опыт есть, например, в Таджикистане.

Мы крепим, должны лучше крепить связь со средней и высшей школой. Критики участвуют в Консультативном совете при главной редакции художественной литературы Госкомиздата СССР, работают над учебными пособиями, над многотомным, впервые предпринимаемым Энциклопедическим словарем «Русские писатели».

Второе предложение тоже находится в русле поставленных съездом задач — о гласности. А в писательской среде, где немислима жизнь без постоянного творческого общения, гласность предполагает интенсификацию дискусионности, товарищеской состязательности мнений. Критикам надо взять на себя миссию инициаторов в организации дискуссии. И устных. И в особенности — в печати.

Работа по старинке тут никого не удовлетворит. Как и ее размах. Дискуссии наиболее регулярно проводятся центральной и республиканскими литературными газетами, специальными изданиями, проходят на страницах «Дружбы народов», «Сибирских огней», «Урала», еще нескольких — немногих — журналов. Трудно понять, почему нет дискуссионных трибун в действительно «толстом» ежемесячнике «Новый мир» или молодежной «Юности».

Как сделать дискуссии нормой литературной жизни, вести их по-современному — об этом предстоит подумать новому составу секретариата. И не только секретариату. Издательство «Советский писатель» обсуждает идею выпуска ежегодника полемических статей. Что касается Совета по критике, высказываются соображения: он должен так перестроить свою работу, чтобы в центре ее была литературная печать, в особенности организация творческих дискуссий. Что думают на этот счет делегаты съезда?

В развитии сказанного в отчетном докладе Правления Союза писателей — третье предложение: обязанность Союза наладить по-новому, на научных началах работу с литературно-критическими кадрами.

Незачем застенчиво умалчивать о нелегком моральном и материальном, правовом положении критиков. В писательских организациях чаще вспоминают о них, когда ищут виновных в «проколах». Кое-где сдерживают их прием в Союз. Критику сложнее издаться, жить литературным заработком ему трудно. Его профессия становится дефицитной.

В общем, забота о кадрах — забота первоочередная.

Уже говорилось и вчера о том, что можно сделать. В первую очередь совместно с Госкомиздатом СССР создать нормальные условия для издания литературно-критических работ. Особо стоит вопрос о необходимости уже с этого года ввести систему подготовки и переподготовки критических кадров. У нас появился ряд способных молодых критиков — с пером острым и смелым. Активно участвуют в спорах о прозе и поэзии своего поколения Л. Баранова-Гонченко, П. Демирчян, А. Казинцев, В. Куницын, А. Мальгин, А. Неверов, М. Рябчук, И. Слюсарова и другие.

Молодых слушали, надо и впредь слушать на бюро совета. Нужна планомерность проведения семинаров молодых критиков.

Секретариат СП СССР принял решение ежегодно собирать в Москве на две недели заведующих отделами критики литературных журналов. Они смогут прослушать лекции и доклады, обменяться опытом.

При Литературном институте имени Горького организуется двухгодичное отделение критиков. На него будут приниматься те, кто уже зарекомендовал себя в этой области литературной деятельности. Вчера вы слышали: в Литинституте (это инициатива Совета по критике) будет усилена научно-исследовательская работа, создается кафедра литературно-художественной критики.

Надеемся, что делегаты расскажут о практических шагах в республиках для коренного перелома в литературно-критической работе.

Конечно, всего непосредственное читатели откликаются на текущие выступления критики в газетах и журналах. Но серьезное значение для общественно-художественного сознания, для углубления знаний и эстетических вкусов читателей имеют монографии, литературно-критические сборники. Не берусь создавать достаточно полную картину имеющихся изданий; в президиуме есть составленная Книжной палатой библиография. О трудах, посвященных классической литературе, пойдет речь в докладе Л. Новиченко.

Не вдаваясь в оценку отдельных изданий о советской литературе, отмечу характерную черту ряда наиболее заметных. Это работы, находящиеся «на стыке» критики и литературоведения. Их авторы — примета дня — стремятся к крупным обобщениям, выявлению исторических корней литературного процесса.

Удачи есть. Но их гораздо меньше, чем хотелось бы. Если литературная мысль ощущает ход жизни, способствует ему, зиждется на основах научных, не пора ли ей предлагать современное решение проблем, которые прежде только возникали, а затем подтверждали или не подтвердили свою жизненность?

К сожалению, такого рода обобщений не хватает нашей «крупномасштабной» критике. В ней зачастую преобладает пересказ сюжетов, перечисление персонажей. Небезосновательны упреки: мы работаем экстенсивно, бегло затрагиваем множество вопросов, зачастую второстепенных.

Тем ценнее имеющиеся в нашем активе фундаментальные труды, в которых с марксистско-ленинских позиций раскрыты закономерности художественного процесса современ-

ной эпохи, основополагающие принципы народности и партийности.

Совсем недавно мы простились с выдающимся ученым, академиком М. Храпченко. Его труды «Художественное творчество, действительность, человек», «Горизонты художественного образа» и другие вооружают критику в теоретическом плане, показывают неясную перспективность реализма, социалистического реализма, побуждают рассматривать художественные искания современности в контексте великих достижений классики, в свете революционно-демократических традиций.

Словом, точки отсчета у нас имеются. В рамках регламента невозможно классифицировать пусть даже малую часть книжной продукции, и все же пойду на этот риск, рассчитывая, что делегаты расширят представление о ней.

К работам общеметодологического характера, в которых с научной обоснованностью и острым чувством современности изучаются художественные открытия социалистического реализма в контексте отечественной и мировой культуры, по праву можно отнести книги В. Новикова «Движение истории — движение литературы», П. Николаева «Историзм в художественном творчестве и в литературоведении», Ф. Кузнецова «Родословная нашей идеи», А. Беляева «Идеологическая борьба и литература», И. Дзевекина «О литературно-эстетических взглядах В. И. Ленина», В. Щербина «Ленин и вопросы литературы», И. Черноуцана «Живая сила ленинских идей».

Стали чаще выходить труды не только о довоенном периоде советской литературы, но и о послевоенных этапах ее развития. Это книги В. Ковского «Литературный процесс 60—70-х годов», Г. Белой «Литература в зеркале критики», Ю. Суровцева «В 70-е и сегодня», А. Овчаренко «Большая литература», Ю. Андреева «Аспекты. Динамика социальной действительности и художественная литература».

Много примеров изданных книг тут не привести. Но и отказаться от разговоров о книгах, говоря о людях пишущих, странно. Ведь столько спорят у нас о некоторых. Л. Аннинский «Контакты», Д. Бугаев «Талант и труд», В. Гусев «Рождение стиля», В. Дончик «Единство правды и страсти», И. Золотуский «Очная ставка с памятью», В. Кожин «Статьи о современной литературе», Л. Лавлинский «Мета времени, мера вечности», Б. Леонов «Твой полигон мужества», А. Ланщиков «Возраст судьбы», В. Лукьянин «Труд, характер, время», Ал. Михайлов «Сила и тайна слова», Б. Панкин «Строгая литература», Е. Сидоров «Время, писатель, стиль», В. Сурганов «Человек на земле», С. Чупринин «Крупным планом», А. Эльшевич «Горизонтал и вертикали», Эльчин «Критика и проблемы нашей литературы».

Порой возникает вопрос о целесообразности выпуска книг, посвященных отдельным писателям. Оправданно ли публиковать биографии наших современников, не подталкиваем ли мы авторов на иконописную манеру? Наша комиссия могла бы сказать свое слово по этому поводу. Я лично не стал бы оспаривать права

на издание, но настаивал бы повышать качество редактирования.

Вместе с тем советский читатель нуждается в библиотеке апробированных книг о советских классиках. За отчетный период она пополнилась монографиями о Н. Асееве (автор И. Шайтанов), о М. Джалиле (Р. Мустафин), о С. Есенине (авторы Ю. Прокушев и С. Кошечкин), о Л. Мартынове (В. Дементьев), К. Симонове (авторы Л. Лазарев и Л. Финк), о А. Толстом (В. Баранов), о Ю. Трифонове (Н. Иванова), К. Федине (Ю. Оклянский, А. Старков), Е. Чаренце (С. Агабабян), М. Шагинян (Л. Скорин), Вяч. Шишове (Н. Яновский), М. Шолохове (авторы В. Литвинов, К. Прийма), В. Шукшине (авторы В. Коробов, В. Карпова, В. Горн). И все-таки такая библиотека грозит быть неполной. В первую очередь нужны новые серьезные работы о Горьком и Маяковском.

Здесь не место разбирать достоинства, недостатки отдельных литературно-критических, теоретических сочинений. Давая сжатый обзор их, согласимся, однако, с тем, что критикам необходимо теоретически обоснованнее решать свои задачи. Для этого на фундаменте фактических накоплений, выдвинутых концепций, дискуссионных прогнозов надо подняться к принципиальным обобщениям.

Это относится к разработке проблем социалистического реализма.

Искусство социалистического реализма, подчеркнуто в Программе КПСС, «сочетает смелое новаторство в правдивом художественном воспроизведении жизни с использованием и развитием всех прогрессивных традиций отечественной и мировой культуры».

Как, на каких путях, благодаря чему происходит это сочетание, активизируются основные функции социалистического искусства? Исследователи доказали идейные, художественные его преимущества перед другими творческими методами, его мировое значение. Но в характеристике его нужно идти дальше. Мы снова и снова повторяем выдвинутую еще в 60-е годы Д. Марковым концепцию социалистического реализма как творческой системы, открытой для постижения правды жизни в различных, а не только в непосредственно жизнеподобной форме. Участники ведущейся в «Вопросах литературы» дискуссии не смогли избавиться от своего рода «ножниц»: или рассуждения о методе «вообще», без опоры на произведение, которые обогащают ныне искусство, обозначают новые его особенности, или перечисления отдельных произведений без проникновения в их поэтику, как поэтику именно социалистического реализма. А на этом очень настаивал еще Б. Сучков.

Если наука отстает от практики, в том числе художественной, теоретические замочки неизбежны. А мириться с ними нельзя. Особенно важно раскрыть углубление реалистического мышления в современных условиях, когда столь очевидно проявились и развертываются движущие силы и противоречия социально-экономического развития, курс на его ускорение, на интенсификацию человеческого фактора.

Нет, не дежурное для нас это определение — «человеческий фактор». Людями, каждым конкретным человеком, его трудом, совместно осуществляется выработанная партией стратегия. Потому так остро стоит проблема героя наших дней, положительного героя.

Об истории вопроса вы знаете. Была когда-то догматическая регламентация. Потом — скептические реплики. Потом культ «амбивалентного персонажа». Теперь понятие положительного героя вслух не опровергается. Правда, некоторые художники в своих выступлениях предпочитают избегать этого термина.

Такая деталь. Кинорежиссер Станислав Говорухин месяца два назад, представляя телефильм по Жюль Верну, чистосердечно признал: у нас зачастую стесняются изображать положительного героя.

Сегодняшний момент общественного развития требует решительнее полемизировать с «застенчивыми». К чему игнорировать реальную жизнь? Передовые люди, коммунисты всегда возглавляют борьбу за интересы народа. Ныне, показывая крутой поворот в обществе, писателям нужно внимательнее приглядываться к ним — к тем, кто находится на острие борьбы за общественное обновление. Будущее, судьба наших планов — с ними. В поле первостепенных интересов литературы вопрос о том, каков он, наш современник, каким будет завтра. Как сказано в Политическом докладе ЦК, идейная, художественная, народная литература «воспитывает людей честных, сильных духом, способных взять на себя ношу своего времени».

А к чему оставлять без ответа домыслы о положительном герое как эстетической схеме? Герой нашего времени, вопреки эстетским предрассудкам, вовсе не стерильная фигура. Характерно, как и о чем говорили на XXVII съезде делегаты — деятели литературы и искусства. О ярком, впечатляющем изображении человека-борца без какой бы то ни было облегченности, внешних эффектов, в богатстве и сложности (истинной, а не надуманной) внутреннего мира. О том, что этот герой отнюдь не однозначная фигура; его удел — борения, ему доводится проходить через испытания и трудности, сквозь конфликты — подчас трагические, перестраивать и самого себя.

Немного можем назвать мы теоретически весомых книг о положительном герое. Но есть критики, которые постоянно изучают эту проблематику, будем внимательно приглядываться к очередным выступлениям М. Синельникова, Н. Федя, В. Пискунова, А. Карпова, И. Козлова, А. Гаврилова, А. Михайлова-младшего, других.

С проблемой героя тесно связана проблема современного конфликта. На съезде партии всем нам был дан вдохновляющий урок правды и бесстрашия. С полной определенностью сказано об острых противоречиях, с которыми столкнулось в своем развитии социалистическое общество. Тем большим анахронизмом кажется, что с той поры, когда прошла борьба с пресловутой «теорией» бесконфликтности, кое-кем ставились препоны к изданию острых

художественных произведений, что наша критика несколько приутратила вкус к исследованию проблемы в целом, конкретных форм воплощения художественного конфликта. Само это понятие как-то незаметно исчезло из книг и статей (хорошо, что интерес к нему сохранили в своих книгах А. Панков и А. Погрибный).

Проблема эта ждет своего исследования в ряде аспектов.

Прежде всего в аспекте социальном, эстетическом. Конфликт — понятие динамически развивающееся, каждый виток жизни порождает свои противоречия, критик должен точно и тонко соотносить с ними конфликтные ситуации в литературе, чтобы не свести их к своду нормативных установлений.

Далее — обязанность критика считаться с художественными формами бытования этих ситуаций. Напряжение может возникать между личностью и коллективом, обществом; между идеалом и реальной действительностью; между целями и средствами их достижения; между намерениями и свершениями. Ареной бескомпромиссной, нравственной борьбы становится внутренний мир личности.

Наконец, быть может, самое первостепенное: понимать природу современных конфликтов, проанализировать, убедительно ли показаны в произведении напряжение борьбы за намеченные задачи, поиски решения конфликта. Критический пафос искусства социалистического реализма острый, боевой, но он является антиподом негативизму, мелкотемью и бесхребетности. Этот пафос, отрицающий и сокрушающий все враждебное нашему обществу, силен своей конструктивной, гуманистической направленностью. Художник-реалист выявит правдивость изображения, покажет социальные силы, ведущие конфликт, передаст народную уверенность в победе партийных идеалов, коммунистической нравственности.

Углубленное решение коренных проблем художественного развития возможно лишь при условии четкого методологического подхода к каждой из них. Принципы партийности, народности, классового подхода к явлениям жизни и литературы — вот компас в творческом осмыслении художественного процесса.

К сожалению, методологической выверенности не хватает некоторым работам критиков.

Понятны высказывания против регламентации мысли. Но ее раскованность не должна превращаться в размытость мировоззренческих понятий, в отказ от таких, скажем, из них, как типичность, эстетический идеал, в абстрактные эстетические категории «добра» и «зла» вообще. А это бывает. Многозначителен печатный отзыв молодого критика о популярном писателе: «прозаик нямярек... — философ. Пусть во многом наивный, путанный и эклектичный, порой не слышком глубокий и оригинальный, но философ. Это принципиально».

Ну и ну! Принципиально, если это даже путаная, эклектичная философия.

Иногда своеволие якобы философских позиций оправдывают нежеланием сковывать авторскую индивидуальность. Но это не имеет ничего общего с бережным отношением к ней.

Стиль — это человек — признанное выражение, особенно применимое к людям творческих профессий. Но только почему-то само понятие — стиль — порой сводят лишь к стилю выражения, не задумываясь о приоритете стиля мышления. Иными словами — о мировоззренческих, философских основах нашей профессии. Поколеблются эти основы — и не выручит никакой стилиевой изыск.

Как известно, вопросы художественной специфики искусства невозможно толковать ни с позиции вульгарного социологизма, ни с позиций заэстетизированного «литературоцентризма». Внутренние законы искусства откроются лишь тому, кто осветит их лучом живой жизни. Без осознания закономерностей общественного и эстетического развития критика слепа, эмпирична. Понимание их — надежная основа для органического постижения явлений искусства во всей их специфике и в социально-политическом контексте жизни.

Этой органичности не всегда хватает авторам литературно-критических работ. Молодой критик А. Белоруцев в статье «Интерес к бесконечности» («Новый мир», 1986, № 3) высказал ряд оригинальных суждений о «мифологической прозе», которая популярна сегодня. Согласившись с ними, Ш. Умеров в «Литературной газете» имел основания указать на негативные последствия чрезмерной увлеченности автора. В некоторых местах статьи А. Белоруцева ощущается недооценка социальной действительности, опыта мировой реалистической литературы; автор категоричен в утверждении, будто именно «мифологическая» проза «успешнее прочих решает тему бесконечности на уровне века».

Дело, в конце концов, не в конкретной статье, а в научном толковании исторических, народных источников творчества. У нас немало спорили о структурализме, семиотике, о том же мифологическом мышлении. Ряд теоретических перекосов удалось снять. Но приближенность, ассоциальность иных суждений не изжиты. Недаром перед писательским съездом Грузии и на нем Г. Цицивили и другие наши коллеги правильно высказались за более серьезное изучение «мифологизма», без недооценки или универсализации его. А еще раньше, имея в виду вторую крайность, О. Чхеидзе опубликовал в ежегоднике «Кавкасион» статью-пародию «Гвиния разбился, или Миф и мифические модели в литературе». Он убедительно осудил ставшую модной привычку подменять объективный разбор реалистических произведений модерномифологизированными конструкциями, ветхой и новозаветными ассоциациями. Известны различные мифемы-символы, градации, преобразования животных, птиц, земных, небесных тел. И дошло до того, пишет О. Чхеидзе, что произведения последних лет буквально заполнились всякого рода лешими и водяными, запестрели образами, заимствованными из эллинского и римского, индийского и египетского мифов, из «Тысячи и одной ночи» и т. д. и т. п., а о Луне и говорить нечего, — глядя на ее бедственное положение, в пору было бы стенать и причитать от жалости к ней, — уж так вольно с ней обращают-

ся». Автор «Кавкасион» выступает не против сложной образности, аллегории и метафор, а против антиисторичности художественных изображений, их национальной безликости.

Не может методологически не пострадать работа, в которой эстетические категории существуют сами по себе, а общественные потребности, живые токи времени — сами по себе. Огорчительно, что долгое время поэтика изучалась слабо. Сдвиги произошли, но есть и срывы — последствия все того же литературного герметизма.

В какой-то степени он сказался, к примеру, на монографии В. Федорова «О природе поэтической реальности». Автор напоминает: поэтические произведения обладают *относительной* автономией. Но по ходу изложения выясняется, что относительная независимость вдруг обретает у него черты имманентности, ослабевают глубинные связи искусства и реальностей жизни. В монографии проस्कальзывает мысль, будто для верного восприятия поэзии «нужно отрешиться от всего земного, вульгарно-прозаического», ибо «прозаическая действительность», т. е. точка зрения жизни, «не дает ученому критерия для различения поэтического произведения от «стихотворной игрушки».

На повестке литературно-критических обсуждений — важнейшие в методологическом плане вопросы диалектики классового и общечеловеческого, интернационального и национального.

Обсуждений? Нет, они носили далеко не академический характер, выливались нередко в острую, страстную полемику. Ее упорно вели, отстаивая классовые позиции, Г. Бердников, Ю. Лукин, Б. Бялик, П. Николаев, М. Козьмин, Ф. Чапчахов и другие. Неизжитые поныне просчеты обязывают повышать требования к идеологической работе.

Путаница, смещение понятий характеризуют иные выступления, посвященные собственно методологическим проблемам. Из статей Н. Потапова в «Дружбе народов» и других критиков очевидно, что Аполлон Кузьмин в полемике с Ю. Суровцевым не ограничился различного рода обвинениями (зачастую грубыми) в адрес своего оппонента, а попытался доказать недоказуемое — будто ленинское учение о двух культурах в каждой национальной культуре было лишь тактическим маневром, продиктованным потребностями только определенного периода идеологической, политической борьбы.

Немыслимо мириться с тем, что священное чувство любви к родине, вера в созидательную, революционную энергию родного народа отодвигается кое-кем из, мягко выражаясь, недалевидных авторов на задний план ради любования «модерновыми» заморскими шоу. О «пропагандистах» пошлых заморских песен, музыкальных передач писали «Советская культура», литературные газеты и журналы.

Совершенно также понятно, что ни в коем случае нельзя соглашаться и с теми, кто гордость национальной культурой подменял умиленным любованием любыми традициями, в том числе косными, патриархальными, допуская отступления от принципов классовости,

историзма. Памятны путаные трактовки Обломова и обломовщины, попытки опровергнуть сказанное Добролюбовым о купечески-реакционном «темном царстве», «реабилитировать» Кабаниху.

Ложные теоретические послышки отзываются и в публикациях, посвященных истории советской культуры. Общественной критике подверглась статья М. Лобанова «Освобождение». Оспорены были положения статьи М. Любомудрова «Театр начинается с Родины» — в выступлениях на страницах «Правды» народной артистки СССР А. Степановой, в «Советской культуре» доктора искусствоведения М. Котовской. Это, впрочем, не помешало редакции «Нашего современника» отметить премией статью М. Любомудрова.

В этих статьях речь шла по преимуществу о более или менее отдаленных событиях нашей культуры. Но порой «жертвой» путаных толкований становятся и современные произведения. Большое недоумение вызывает статья Е. Лецки «Канун эпопеи. Над страницами «Знака беды», опубликованная в белорусском еженедельнике «Литература і мастацтва». Формально повесть одобрена. Но каким видится критику творческий путь писателя? А вот каким. Раньше якобы «целостного и органического народного характера... в творчестве В. Быкова не было», он писал стертým, безликим языком, «обычным» для советской военной прозы, а это не давало возможности создать самобытные характеры носителей «национального духа» и самосознания белорусов. Сотников, стало быть, не народный характер. И лишь теперь, полагает Е. Лецка, писатель преодолел былые «заблуждения»: «повесть видится кануном национальной эпопеи, которой так не хватает нам». Почему «не хватает»? Произведениями эпической плана белорусская проза издавна богата. А чего стоят невнятные рассуждения критика о проходившей будто бы в течение ряда лет «денационализации» Белоруссии?

Досадно, очень досадно, что в сегодняшнем докладе приходится говорить о разного рода методологических, мировоззренческих «завихрениях». Перестройка литературно-идеологической работы требует полного их преодоления, и об этом стоит недвусмысленно заявить на нашем съезде.

Долг критики — пристальное внимание к идейно-художественному богатству наших национальных литератур, к их взаимодействию, единству в созидании социалистической, коммунистической культуры.

На XXVII съезде КПСС подчеркнuto, что мы гордимся достижениями советской многонациональной социалистической культуры. Вбирая в себя богатство национальных форм и красок, они становятся уникальным явлением в мировой культуре. Но важно, чтобы здоровый интерес ко всему ценному, что есть в каждой национальной культуре, не вырождались в попытки отгородиться от объективного процесса взаимодействия и сближения национальных культур, чтобы под видом национальной самобытности ни в произведениях литературы и искусства, ни в научных трудах не предпринимались попытки представить в

идиллических тонах реакционно-националистические и религиозные пережитки, противоречащие нашей идеологии, социалистическому образу жизни, научному мировоззрению».

Литературная мысль располагает трудами, в которых показано наиболее ценное в отечественной культуре, ее интернационалистский пафос, резко осуждаются указанные пережитки.

Как благодарна деятельность литераторов, показывающих достоинства наших национальных культур! Не случайна писательская забота о судьбе памятников национальной истории: о музеях, о таких священных для каждого из нас литературных местах, как например, Ясная Поляна, пушкинские места в Ленинграде и других. В этом плане писатели, критики действуют, должны теснее действовать в контактах с министерствами культуры.

Снова повторю: должны действовать лучше. Но не бездействовали. Закономерен высокий авторитет академика Д. Лихачева. Символично название его последней книги «Прошлое — будущему». В ней, как и в других своих работах, он по-научному и с публицистической страстью укрепляет в людях социальную, моральную ответственность перед историей и за историю, за сохранение памятников отечественной культуры. Убедительно и увлеченно прививает людям любовь к русской литературе, сохранявшей и сохраняющей кровную связь с корнями народной нравственности, нашими поэтическими истоками, фольклором.

Эти патриотические, сближающие народы качества нашли выражение и в книгах, статьях, написанных И. Андрониковым, Б. Бурсовым, а из критиков помоложе — Е. Осетровым, Ст. Лесневским, и не только ими. Литераторов и Российской, и всех наших республик связывает братская дружба, живой интерес к духовной сокровищнице каждой. Так воспитала, воспитывает нас партия. Приведу штрих из собственной биографии. Студент ИФЛИ, я наизусть знал чуть ли не все «Слово о полку Игореве». Первым великим художником слова, с кем мне довелось увидеться (в его ауле), был Джамбул. Считал, считаю высочайшей для себя честью, что получал стипендию имени Шота Руставели.

А кто из делегатов съезда не преисполнен чувства гордости родной историей, освободительной борьбой трудовых масс, многонациональных литературных связей советской эпохи!

Свои чувства полагается подкреплять делами.

Нас радуют выступления, демонстрирующие дружбу братских литератур. Мы будем непримиримы к попыткам отгородиться от общенациональных интересов. От необоснованного восхваления заурядных произведений. А что скрывать, критике зачастую не хватает оперативности в откликах на новые тенденции в отдельных национальных литературах и в советской многонациональной литературе. Зато проявляется псевдоакадемизм, особенно в обращении к прошлому. Немало публикаций поверхностно-эссеистского толка, рожденных облегченным, «импрессионистическим» подхо-

дом к произведению или творчеству писателя, выдающих приблизительность, а то и дилетантизм в представлении о национальных традициях и современном опыте той или иной литературы. В некоторых суждениях значительные явления нынешней поэзии или прозы рассматриваются вне истории национальной литературы, сегодняшней жизни народа.

Мы много пишем и говорим о взаимосвязях братских литератур, подразумевая, главным образом, влияние старших по возрасту и зрелых по опыту на более молодые. Это было резонно в 30-е или 40-е годы. Теперь перед взглядом исследователя — многоплановая картина развития литератур, влияющих друг на друга, творчески оплодотворяющих друг друга. Поэтому взаимодействие, взаимообогащение и сближение — с учетом национальной специфики, разумеется, — ключевые понятия, ставшие формулой единства, выражением сущности современной социалистической художественной культуры.

Необходимо решительно преодолеть рецидивы представлений, согласно которым единство понимается как мозаика фактов, а взаимодействие, лишаясь прочной опоры на национальные традиции, представляет скорее эпизод развития, нежели универсальный закон мирового процесса, приобретающий особый смысл на почве социалистического многонационального общения.

В работах, раскрывающих многонациональный характер нашей литературы, довольно долго акцентировалось положение о том, что каждая национальная литература дает все больше произведений, которые получают общесоюзное значение и признание. Это само по себе верное положение сегодня не исчерпывает углубившуюся диалектику национального и интернационального. В большинстве своем литературы народов СССР достигли такого уровня, который предполагает общесоюзное значение не только отдельных вершинных достижений, но и всего идейно-художественного опыта данных литератур, они — неповторимая, драгоценная часть единого, общесоюзного опыта. Постигать, раскрывать это многокрасочное единство в динамике роста — значит выходить на новые укрупненные исследовательские плацдармы.

На них вышли авторы ряда работ концептуального характера: «Горизонты реализма» М. Пархоменко, «Чувство великой общности» и «Ленинизм и судьбы национальных литератур» Г. Ломидзе, «Необходимость диалектики» Ю. Суворцева, «Орбиты взаимодействия» Р. Бикмухаметова, «На языке дружбы» З. Кедриной. Возросшим интересом литературоведения и критики к диалектике национального и интернационального и в соответствии с этим к сравнительно-типологическому анализу разнонациональных литератур отмечены книги, увидевшие свет в союзных и автономных республиках: на Украине — В. Фащенко «Характеры и ситуации», Н. Жулинского «Человек и литература»; в Эстонии — Н. Басселя «Проблемы межнациональной общности эстонской советской литературы»; в Литве — Й. Ланкутиса «Литературный процесс»; в Киргизии — К. Дауто-

ва «Главное — поиск», С. Джигитова «Обретение новых традиций»; в Поволжье — З. Богомоловой «Как эхо долины родной». В республиках за последние годы издано немало коллективных трудов, посвященных многонациональным литературным связям.

Следует улучшать сборники «Единство», выпускаемые издательством «Художественная литература». Это ценное начинание. В общем русле исследований можно выделить два ведущих типа. Первый — монографии и статьи, для авторов которых категория единства в ее современном развивающемся содержании становится отправным началом, исходным и ключевым принципом подхода к литературному процессу. Такой методологический и теоретический угол зрения ошутим в книгах В. Огнева «Горизонты поэзии», Л. Теракопьяна «Параллели и пересечения», в монографиях М. Числова, М. Арочки, В. Киканса о современной поэме, в книгах и статьях Л. Новиченко, В. Оскоцкого, Г. Сивоконя, Н. Джусойты, З. Османовой, П. Тартаковского, Е. Озмителя, Казбека Султанова, В. Хмары.

Второй тип исследований — работы критиков, которые, опираясь на опыт своих национальных литератур, постоянно обращаются к сходным явлениям в других литературах, сопоставляют произведения разнонациональных писателей, решающих общие творческие задачи. Так пишут Н. Ильинский и Я. Мельник — об украинской, В. Коваленко, В. Гниломедов — о белорусской, В. Кубилюс, П. Браженас, А. Бучис — о литовской, М. Кошчанов, П. Шермухамедов, У. Норматов — об узбекской, М. Каратаев, Ш. Елеукунов, С. Кирабаев, А. Устинов — о казахской, М. Шукуров, А. Хакимов — о таджикской литературах.

Специалисты не опровергают правомерность обоих типов исследований. Но думается, окажется плодотворным синтез их методологических достоинств, где авторы видели бы себя представителями своей национальной литературы в общественной критике и всей советской литературы — в критике республиканской. Такая двуединая и слитная позиция полно выражала бы нераздельный патриотический и интернациональный пафос советской литературы, ее роль в формировании советского народа как новой социалистической и интернациональной общности.

Товарищи!

Мы живем в тревожной, очень тревожной международной обстановке, и наш съезд, нет сомнений, выскажется в духе миролюбивой конструктивной советской внешней политики, поднимет голос в защиту мира, существования жизни на Земле, будущего цивилизации.

Критике — быть плечом к плечу с писателями, стимулировать их единение в борьбе против разжигаемого империалистами во главе с США атомного безумия, курса на обеднение, оскудение культуры.

Общепризнаны усилия советских критиков по укреплению культурных связей между народами, обмену духовными ценностями — об этом говорилось на многих писательских встречах, на прошлогоднем конгрессе МАЛК в Алма-Ате.

Мы располагаем основательными работами

по многим проблемам. О литературах социалистических стран. Тем не менее все настойчивее звучит требование: еще ярче показать их в своеобразии и в единстве, в общечеловеческом значении. Располагаем работами о литературах капиталистических стран, содержащих признание прогрессивных мастеров, подлинных реалистов. Тем не менее — борьбу с чуждой идеологией, модернизмом, вандалской по своей природе буржуазной «массовой культурой» — эту борьбу надо резко усилить.

Задачи нелегкие, но у нашей критики есть кому их выполнять. Рядом с «ветеранами» В. Ивашевой, В. Днепровым, Ц. Кин, Е. Книпович, Т. Мотылевой, Н. Федоренко, активными исследователями зарубежной литературы и пропагандистами советской выступают представители последующих поколений Н. Анастасьев, Г. Анджапаридзе, Т. Балашова, В. Боршук, Д. Затонский, Н. Засурский, Л. Каюмов, В. Кутейщикова, И. Тертерян, П. Топер, Е. Чельшев, С. Шерлаимова...

Раз имеются силы, надо максимально ввести их в действие. Добиться, чтобы борьба за наши идеалы, против идеологических недругов велась гораздо наступательнее, чем пока ведется, дифференцированно и фронтально. Чтобы убедительно показывалась сила и привлекательность социализма, нового искусства.

Сегодня, в условиях идеологической обработки читателей Запада в духе антисоветизма и антикоммунизма, в условиях психологической войны, развязанной империализмом против СССР и всего социалистического содружества, необходимо еще энергичнее разоблачать агрессивную природу «массовой культуры», ее изощренную способность к социально-эстетической мимикрии.

Необходимо, чтобы наша подлинно народная, рассчитанная на широкие массы культура поднимала их эстетические вкусы и твердо противостояла тлетворной буржуазной.

И — решительный бой «советологам»! Действуя со все большей яростью, они ищут новые направления для атак на нашу литературу. Пытаются истолковать ее конструктивно-критический пафос как «антисоциалистический». Приписывают ей приверженность великодержавному шовинизму, национализму, реакционно-религиозным воззрениям. Как это не дико, даже высказывают в правдивых гуманистических произведениях об освобождении народов от гитлеровского ига, в книгах, зовущих защищать Родину, — проповедь милитаризма, «советскую военную угрозу».

Тенденциозность явная, дурно пахнущая и рассчитанная на непрерывное одурманивание масс — им хотят внушить, что не империализм, а социализм угрожает человечеству, его культуре. Тем важнее, чтобы наша критика следовала долговременной, продуманной стратегии действия на международной арене.

Всех нас воодушевляют строки партийной Программы: «Советская культура помогает взаимопониманию и сближению народов, активно участвует в борьбе против империализма, реакции и войны. Воплощая идейное богатство и многообразие духовной жизни социалистического общества, его реальный гуманизм, она обогащает мировую культуру,

все полнее проявляет себя как могучий фактор духовного прогресса человечества, как прообраз грядущей культуры коммунизма».

Быть работниками, строителями такой культуры почетно и ответственно. И чем больше делает каждый из нас, тем ошутимее будет практический вклад в осуществление культурной политики Коммунистической партии, в борьбу за высокое идейно-художественное качество советской литературы!

Спасибо, товарищи! (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Поблагодарим нашего первого докладчика, который дал нам глубокий анализ наших дел и в то же время уложился в предоставленный ему регламент.

Следующий докладчик Леонид Николаевич Новиченко. Предоставляю ему слово.

Л. НОВИЧЕНКО. «О, если бы не было своевременно Чацки у нас, где королати бы мы этот вечер? — воскликнул Леонид Леонов в своей юбилейной речи 1945 года о Грибоедове. — Может быть, на краю света, в дымных чумах, и огарок стеариновой свечи казался бы нам чудом цивилизации?»

Эти слова об одном из героев отечественной классики могут звучать еще более красноречиво в применении ко всей громаде литературного, художественного наследия прошлого. Действительно, вопрос не новый, но сегодня полный особой значимости, — что было бы с человечеством, если бы не родились у него своевременно Гомер и Данте, Шекспир и Руставели, Пушкин, Шевченко, Толстой и Горький?

На XXVII съезде КПСС дана глубокая характеристика катастрофического кризиса современной буржуазной культуры, охватывающего и сферу ее отношений к наследию минувших эпох. Более чем когда-либо в XX веке сейчас ясно, что капитализм несет народам обеднение культуры, размывание созданных веками духовных ценностей, делает все, чтобы отравить сознание масс культом насилия, проповедью шовинизма и расизма, пропагандой низменных инстинктов, морального нигилизма. «Сама жизнь ставит вопрос о сохранении культуры, о защите ее от буржуазного разложения, от вандализации. Это — одна из важнейших общечеловеческих задач, — говорится в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии. Достаточно оголенно эти явления демонстрирует так называемая «массовая культура», по крайней мере ее основная продукция, ставшая в руках господствующего класса средством усыпления социального сознания трудовых низов, реакционного манипулирования их чувствами и представлениями. У нас иной образ жизни и иное отношение к духовной сфере. Разительным контрастом культурной ситуации в современном буржуазном обществе (я не говорю здесь о современной демократической, прогрессивной культуре в странах Запада — это тема особая) является расцвет поистине народной социалистической культуры в советском обществе. Мы имеем право гордиться тем, что социализм, будучи по своей природе революционно-новаторским обще-

ственным строем, явил миру пример чрезвычайно органичного синтеза своих собственных духовных ценностей, прежде всего марксистско-ленинской идеологии, со всеми лучшими достижениями национальной и общечеловеческой культуры.

В нашей стране сокровища классического литературного наследия стали достоянием народа, всех его социальных слоев и групп, вспомнил хотя бы миллионные тиражи русских классиков или почти ежегодные полумиллионные тиражи «Кобзаря» Шевченко на Украине. Впервые к этим уровням приблизились, кстати, и некоторые, пусть пока редкостные, книги литературоведов, посвященные гигантам общественной словесности. Так, биография Пушкина, написанная Ю. Лотманом, вышла, по данным «Литературного обозрения», в количестве 1 млн. экземпляров, книга Б. Бурсова «Судьба Пушкина» издана 200-тысячным тиражом. Литературная классика у нас — и всегда плодотворная традиция для современных мастеров слова, и неисчерпаемый источник нравственного здоровья, эстетической просвещенности, высоких гражданственных и социальных чувств для широкого читателя, и предмет законной национальной гордости каждого из народов нашей страны, и златая цепь взаимопонимания и дружбы, соединяющая их, и просто — предмет искреннейшей всенародной любви. Думается, что такое отношение к сокровищам отечественной, а в конечном счете и мировой литературы, ставшие в Советской стране приметной чертой народного самосознания, в значительной степени и создает тот иммунитет против тлетворных «масскультурских» и прочих венний, который ныне так важен в нашем противоборстве с современной буржуазно-мещанской культурой. «Пока в России Пушкин длится, метелям не задуть свечу», — как сказал поэт. Впрочем, угрозы для этого иммунитета сегодня все же наблюдаются, и его надо заботливо оберегать.

Многонациональная советская литература тоже имеет, и уже давно, свою классику — вершинные произведения, с наибольшей глубиной и совершенством выражающие ее родовую сущность, а вместе с тем и эпоху, их породившую, и человека, стоявшего в центре этой эпохи. В классическую даль — не переставая принимать участие в формировании нашего сегодняшнего мироощущения — уже отошли не только Горький, Маяковский, Шолохов, А. Толстой, Фадеев, Тычина, Рыльский, Довженко, Купала, Колас, А. Упит, Г. Табидзе, Чаренц, Айна, Ауэзов, но и, скажем, совсем близкий к нам в чреде поколений А. Твардовский. И в то же время советская классика связана с нашей литературной современностью самым непосредственным идейно-эстетическим единством, она, по существу, неотделима от нее, как исток от реки, поэтому и разговор о ней неизбежно вплетается в любые наши суждения о культурной, художественной проблематике сегодняшнего дня.

Главная особенность нынешней актуализации классики таится в приметах переживаемого нами исторического момента и его пси-

хологии. В нашу эпоху проблемы конкретно-исторические, как никогда раньше, переплетаются с проблемами вечными, глобальными, общечеловеческими, которые к тому же с небывалой остротой и точностью доходят сегодня до каждой конкретной личности. Мы, люди конца XX века, напряженно ищем ответа на вопросы, которые, как говорит М. С. Горбачев, «продиктованы сложным характером, многообразием, противоречивостью и взаимосвязанностью современного мира и от которых никто уже не может спрятаться». Художественная классика помогает в нахождении этих ответов своим громадным, неоценимым знанием о человеке, его духовной вселенной, его силах и возможностях в борьбе против социального и нравственного зла, его неутомимых поисках разумного, достойного смысла жизни. Можно даже сказать: поскольку гуманитарность нашего социального мышления в век научно-технической революции и глобальных опасностей для человека закономерно возрастает и будет возрастать, с той же естественностью усиливается и будет усиливаться наша потребность в современном осмыслении гигантских энциклопедий художественного человековедения, созданных в минувшие эпохи.

Разумеется, мы отнюдь не думаем, что в деле приобщения широких общественных слоев к сокровищам культурного наследия, в самой его популяризации и истолковании все обстоит благополучно и бесппроблемно. Здесь тоже существуют свои противоречия, и наряду с несомненными успехами, достигнутыми в этой области, можно видеть и нечто иное — равнодушие значительной части молодежи к тому, что мы называем классическими ценностями, даже отчужденность от них, порождающую духовную недоразвитость, эстетическую и нравственную глухоту. Благородные импульсы классики подчас забиваются воздействиями всяческих образцов «массовой культуры», импортной и — досадно, но факт — нашеской, благополучно идущей в рост на неких окраинах художественной жизни общества. Фактически на потребу этой сомнительной «культуры» и ее потребителей порой используются — с соответственной мерой вульгаризации, а то и прямого опшления — образцы и мотивы знакомых нам с юности произведений: достаточно вспомнить в этом смысле некоторые экранизации известных литературных сюжетов, а пуще того — модные сегодня мюзиклы и фарсы «по классике», нередко трансформирующие свою литературную основу в угоду самому дурному вкусу.

Все это делает особо настоятельной одну из важнейших социокультурных задач нашего времени — беречь, пропагандировать, с точных методологических позиций осмыслять неоценимые богатства нашего наследия, способствовать глубокой их актуализации для поколений, строящих коммунистическое общество.

Экология культуры — слова, которые выражают одну из насущнейших забот нашего времени. Поднимать, укреплять уважение к памятникам истории и культуры народа, обес-

печивать их сохранность и действенное воспитательное функционирование, отстаивать наследие веков в споре и борьбе со всякими современными, по слову Щедрина, «Неуважай-Корытами», выступающими якобы от лица интересов практики, — долг, по существу, каждого литератора, тем более — историка литературы, хранителя ее преданий и заветов. И это не меньше относится также к обязанности хранить силу и красоту главного орудия культуры — языка, языка русского, покоряющего нас в творениях национального гения и ставшего в наше время могучим средством межнационального общения, и языка каждого из народов нашей страны, возрожденного Октябрем к свободной и деятельной творческой жизни.

Здесь, естественно, встает тема духовной и художественной преемственности современной советской литературы по отношению к наследию своих предшественников.

Силовое поле классики воздействует на литературное сознание современников всем многообразием своих импульсов — идейных, нравственных, философско-эстетических, стилевых, жанровых, языковых и прочих. Эти импульсы ныне приобрели особую притягательность, и недаром критика последних лет в общем убедительно говорила о действенной силе уроков Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского, Чехова, классиков национальных литератур, уроков, которые так или иначе обнаруживают себя в творчестве современных советских писателей.

Рядом существующих обстоятельств обусловлена довольно сильная нынешняя тенденция к возрождению в литературе классических форм, возрождению, разумеется, не в духе «неоклассицизма», не эпигонскому, а творческому, содержащему в себе момент обновления и развития. Видный советский критик В. Кубилюс (Литва) объясняет это, например, стремлением современного человека к стабильным, веками подтвержденным ценностям. «В эпоху технической цивилизации, — пишет он, — искусство слова четко осознало, что человек не может полноценно жить без таких ценностей, освещающих его бытие, что только познание и осмысление их составляет тот пласт духовности, который формирует личность и укрепляет связующие нити между людьми в этом сложном, исполненном противоречий мире».

Не следует, однако, думать (и цитируемый автор тоже так не думает), что это тенденция единственная или даже преобладающая в современном искусстве слова. Традиционное и новаторское в сегодняшнем художественном сознании находится в живом сцеплении и противоборстве. На тягу одних к ясности, упорядоченности, спокойной выразительности художественного языка (интересно присмотреться, например, к эволюции, которую проделали в этом смысле некоторые украинские поэты из поколения «шестидесятников» — И. Драч, М. Винграновский) другие отвечают горячечными исканиями нового, небывалого, обращением ко все более необычным условным формам и приемам. Температура этих поисков во многих течениях современной литературы

достаточно высока. При всем том если традиция не может существовать реально без оплодотворения ее опытом современности, то есть без новаторского продолжения, то и само новаторство должно затрагивать более глубокие эстетические и жизненные сферы, чем одна лишь форма. Мысль не новая, но нуждающаяся сегодня, принимая во внимание довольно поверхностный характер новизны у многих авторов, в особенно настойчивом повторении.

Именно поэтому вдумчивыми художниками с особыми чувствами воспринимаются сегодня духовные, граждански-нравственные заветы подвижников русского слова, передовой литературы всех народов нашей страны. Сегодня, когда советское общество переживает вдохновляющую пору обновления и устремленности к новым качественным ориентирам, для литераторов, работников культуры особенно поучителен тот дух идейной убежденности, гражданского беспокойства, даже, скажем так, — проповеднической страстности, который поражает и увлекает читателя в лучших произведениях отечественной классики. Эту убежденность, совестливость и боль глубоко ощутил в русской литературе, например, Иван Франко — вспомним его знаменитые слова: «Если произведения литератур европейских нам нравились, воздействовали на наш эстетический вкус и нашу фантазию, то произведения русских (писателей) мучали нас, затрагивали нашу совесть, будили в нас человека, будили любовь к бедным и оскорбленным». Смелюсь добавить, что в иных случаях и нашему современному писателю в его духовной, эстетической страсти (если она есть у него в самом деле) не зазорно было бы вызывать нравственные мучения у своего читателя, а еще чаще — мучиться самому в поисках верных отгадок на нелегкие порой загадки жизни.

Проблема особой значимости — осмысление и активная поддержка критикой, литературной наукой замечательных традиций советской классики, классики литературы социалистического реализма. Порой о них почему-то говорят у нас как бы вполголоса, будто бы мы из непонятной «застенчивости» остерегаемся напомнить о том, что молодой советский писатель духовно и творчески немислим вне традиций основоположников и зачинателей литературы, рожденной Октябрем 1917 года. Хорошо, что мы сегодня с полным признанием говорим о таких мастерах отечественной словесности, как А. Ахматова, М. Цветаева, М. Булгаков, Б. Пастернак, — но ведь в одном ряду с ними, в сложных взаимосвязях и отталкиваниях, должны еще так же крупно и отчетливо вырисовываться фигуры тех, кто прокладывая главную линию развития советской литературы, о которой говорится в Программе КПСС и в чьем творчестве особенно ярко выразилось идейно-эстетическое новаторство нашей художественной культуры.

Речь идет прежде всего о М. Горьком — родоначальнике советской литературы. Познание каждого крупного художника развивается вместе с историческим временем — однако на-

ше понимание Горького, его связей с заботами и тревогами переживаемой эпохи за последние десятилетия ненамного продвинулось вперед, если говорить о его теоретическом выражении. За исключением книг Б. Бялика, А. Овчаренко, трудов еще двух-трех авторов исследовательская горьковедная почти не обогатилась ничем новым и значительным. Вопрос — принципиальный, и он, пусть не с такой остротой, возникает подчас и в отношении других видных художников советской многонациональной литературы, основателей нашей ближайшей революционной традиции.

Изучение и осмысление литературного наследия в советской науке и критике всегда было делом глубоко современным, входящим в целостный комплекс культурно-общественной жизни страны. Его задачи и пути определяются органичными для социалистической культуры принципами партийности и народности, марксистско-ленинской научной методологией.

В 80-е годы у нас немало сделано в этой области. На русском и братских языках вышли десятки исследовательских и научно-популярных книг, развивается как жанр писательская эссеистика на литературные, историко-культурные темы. Последние годы отмечены появлением таких новых по типу, с большим интересом встреченных изданий, как, скажем, подготовленная Институтом русской литературы АН СССР «Лермонтовская энциклопедия», украинский 2-томный «Шевченковский словарь», 5-томная «Энциклопедия литературы и искусства Белоруссии» и др. Институт мировой литературы им. А. М. Горького, возглавивший большой авторский коллектив ученых, подготовил и издает 9-томную «Историю всемирной литературы» — первую капитальную и всеохватную работу такого рода в советском литературоведении.

К приметным особенностям современной историко-литературной мысли можно отнести ее ориентированность на широкой социально-культурный контекст, в котором рассматриваются художественные явления, а также на углубленное исследование процессов взаимодействия и взаимообогащения наших братских литератур. В ряде случаев оно происходит при полезном объединении усилий. Так, скажем, литературоведы Армении совместно с учеными Москвы, Ленинграда, союзных республик выпустили уже семь «именных» томов на тему: «Русская классика и литература народов СССР», посвященных соответственно А. Пушкину, М. Лермонтову, А. Некрасову, Л. Толстому, А. Чехову, М. Горькому, В. Маяковскому. Радует появление новых книг о русских классиках, в том числе о писателях конца XIX — начала XX века, и хотя среди них есть дискуссионные в отдельных положениях, в целом они вносят немало свежего и ценного в освещение истории отечественной литературы. Назовем, во избежание греха обильной перечислительности, лишь некоторые из них, начав с яркой книжки Д. С. Лихачева «Слово о полку Игореве» и культуры его времени». Так, творчеству А. Пушкина в последние годы были посвящены, кроме уже упомянутых Б. Бурсова и

Ю. Лотмана, книги В. Непомнящего «Поэзия и судьба», Е. Маймина «Пушкин. Жизнь и творчество», И. Фейнберга «Читая тетради Пушкина». О поэтах пушкинской поры пишет С. Рассадин в сборнике литературных портретов «Спутники», о Крылове — исследование М. и Я. Гординых «Театр Ивана Крылова», важнейшие проблемы творчества Н. Гоголя рассматриваются в книгах Г. Макогоненко «Гоголь и Пушкин», Д. Николаева «Сатира Гоголя», Ю. Манна «В поисках живой души»; с книгой о Лермонтове «С подорожной по казенной надобности» выступила А. Марченко; свой щедринский эпос продолжил С. Макашин, выпустивший книгу «М. Салтыков-Щедрин. Середина пути», ставшую третьим томом его фундаментального исследования; наблюдения над творчеством замечательного мастера русской прозы поделится А. Аннинский в книге «Лесковское ожерелье, миру идей и образов автора «Братьев Карамазовых» посвящены работы Г. Фридендлера «Достоевский и мировая литература», Р. Назирова «Творческие принципы Достоевского» (Уфа), В. Кирпотина «Мир Достоевского»; вышли книги К. Ломунова «Жизнь Льва Толстого», Э. Бабаева «Очерки эстетики и творчества Л. Н. Толстого», В. Ковалева «Поэтика Льва Толстого»; назовем также новые труды о Чехове — Г. Бердникова «А. П. Чехов. Идеи и творческие искания», А. Туркова «Чехов и его время», З. Паперного «Вопреки всем правилам (водевили и пьесы Чехова)». Актуальным вопросам классического наследия посвящены работы В. Кожина, П. Палиевского, В. Дементьева и ряда других авторов.

Довольно весомы и некоторые примеры по Украине: коллективная монография «Шевченковедение» (исторические этапы) и созданная тем же кругом авторов капитальная научная биография поэта, посвященные украинским классикам дооктябрьской эпохи труды Ю. Ивакина, М. Яценко, П. Жура, Т. Комаринца, Ф. Погребенника, М. Сиваченко и других исследователей. Вышло немало книг о виднейших мастерах советского времени, в том числе работы о П. Тычине (Г. Ключек, С. Тельнюк, Н. Костенко), М. Рылского (С. Крыжановский), А. Корнейчуке (Д. Вакуленко), П. Панче (В. Дончик), М. Бажане (З. Голубева).

Немалые трудности возникают при попытке охарактеризовать работы по аналогичной тематике, которые ведутся во всех наших республиках, ведь давно известно — нельзя объять необъятное. Тем не менее, хотя бы с высоты птичьего полета, попробую отметить, что в последние годы очень активно и квалифицированно исследовали творчество своих классиков литературоведы и критики Литвы, Эстонии, Азербайджана, Татарии (отметим в качестве сугубо краткого примера работы К. Амбрасаса, И. Ланкутиса, А. Бучиса, Ж. Сиймискер, И. Нуруллина, М. Джафара, А. Гаджиева), что ценные историко-литературные труды вышли в Белоруссии, особенно в связи со столетними юбилеями Я. Купалы и Я. Коласа (книги Г. Березкина, И. Науменко, В. Коваленко, А. Адамовича, О. Лой-

ко), что таджикские и узбекские литературоведы успешно трудятся над изучением наследия С. Айни и Гамзы (в отношении последнего отмечу, в частности, роман-эссе К. Яшена), что заслуженным признанием пользуются посвященные национальной классике исследования М. Каратаева, Р. Муминошвили, Г. Цицишвили, Л. Мкртчяна, В. Вавере, И. Корбу, Г. Гамзатова, многих литературоведов, работающих во всех концах нашей страны.

Общей и в целом положительной тенденцией в трудах историков литературы дооктябрьских периодов было, мне кажется, стремление к научной объективности и полноте рассмотрения литературного процесса с учетом всей сложности и противоречивости взаимоотношений между составляющими его направлениями, школами, течениями. Так, в 70—80-е годы во многом заново исследовано развитие русской литературы конца XIX — начала XX в. (что относится также, по моим наблюдениям, и к ряду трудов по украинской и белорусской литературе этого периода).

В итоге мы получили убедительное опровержение долго бытовавшей версии о «тотальном кризисе» критического реализма в эпоху исторического порубежья, а также более ясное представление о зарождавшемся социалистическом реализме и основных линиях его идейно-эстетических связей и противоборств. Правда, споры по отдельным вопросам здесь продолжают, и они полезны.

Важным аспектом, которому уделяется все более углубленное внимание в исследованиях по отечественной классике, является интернациональный, международный контекст, в котором объективно раскрываются и ее самобытность, и многообразные связи — контактные и типологические, — объединяющие ее с мировым культурным процессом. Задача чрезвычайно актуальная в условиях обостренной идеологической борьбы, в которой наши противники прибегают к разнообразным, порой самым злостным искажениям и фальсификации истории русской и других литератур нашей страны. Достаточно лишь вспомнить некий «социальный заказ», который фактически дал соответствующим исполнителям не кто иной, как вице-президент США Дж. Буш. Сей последний, как известно, объявил русскую литературу несамостоятельной и малозначительной, поскольку в ее истории не было, по его мнению, ни античности, ни Возрождения, ни Просвещения... Взвзвешив судить о мало известной ему литературе, вице-президент явно игнорирует закон исторического своеобразия, проявляющийся в развитии отдельных культур и целых регионов, и этим, кстати, подводит сокрушительную мину под собственную американскую литературу; вот уж где не было ни античности, ни Возрождения и не всегда помнились заветы европейских предков, а между тем никто из нас не сомневается в значительности и оригинальности того, что создано лучшими писателями США. Короче говоря, защиту чести, достоинства родной литературы, обоснование и показ ее полноценного гуманистического и художественного вклада в мировую культуру

нам надо вести с неослабевающей энергией.

Менее обильны, к сожалению, труды последних лет, посвященные опыту основателей и виднейших художников советской литературы. Среди них, вместе с переизданиями, книги Вл. Орлова «Здравствуйте, Александр Блок» и Л. Долгополова «Александр Блок», Ал. Михайлова «Я знаю силу слов. Традиции Маяковского — вчера и сегодня», В. Катаняна «Маяковский. Хроника жизни и деятельности», И. Эвентова «Три поэта», В. Баранова «Революция и судьба художника. А. Толстой и его путь к социалистическому реализму», В. Скобелева «В поисках гармонии», В. Литвинова «Михаил Шолохов», К. Приймы «С веком наравне», книги А. Бушмина и В. Озерова о Фадееве, И. Крука «Леонид Леонов» (Киев), Н. Грозновой «Творчество Леонида Леонова и традиции русской классической литературы», Г. Чегловой «Жанрово-стилевое своеобразие драматургии Леонида Леонова», работа А. Кондратовича о Твардовском «Ровесник любому поколению...».

Я назвал книги — далеко не все — только о мастерах русской советской литературы; в некоторых республиках, скажем на Украине или в Белоруссии, таких работ выходит, похоже, даже относительно больше по сравнению с книгами, посвященными классикам дооктябрьской эпохи. Исследование опыта наших ближайших предшественников сегодня разрастается преимущественно вширь, охватывая многообразную конкретную проблематику — и это правомерно, учитывая нарабатанное прежде. Однако мы вправе ожидать и появления трудов, тяготеющих к синтезу, к более высоким «этажам» обобщенности, работ с новыми подходами к предмету, подсказанными большой эстетической, общекультурной, идеологической проблематикой нашего времени.

Нет сомнения в том, что и достижения, и недостатки, а подчас и огорчительные промахи нашей историко-литературной науки (включая сюда и критическую публицистику на темы культурного наследия) обуславливаются прежде всего степенью ее методологического совершенства, верности принципам марксистско-ленинского историзма. Нет спора, методологический арсенал историка, критика неизбежно уточняется и обогащается в ходе конкретных исследований и тем более — в связи с развитием всей нашей общественной мысли. Важно, однако, чтобы этот естественный процесс совершенствования методологии не сопровождался вольными или невольными отступлениями от основных ее принципов, влекущими за собой искажения исторической правды, теоретическую путаницу и эклектику. Мы должны беречь завоевания марксистско-ленинской литературной теории и методологии, составившие прочную основу нашего понимания искусства слова и обеспечившие широкое, в том числе международное, признание лучшим трудам советских литературоведов.

В этой связи приходится сказать о принципиально неверном характере некоторых тенденций, давших себя знать за последние годы в отдельных историко-литературных и критических работах. Называть ли их проявле-

ниями стихийного антиисторизма, или критическим субъективизмом, или склонностью к надысторическим абстракциям — большой разницы, видимо, не будет, так как все эти «приметы» в них, как правило, присутствуют.

Споры, действительно, в большинстве случаев идут между научным и субъективистским, неисторическим пониманием явлений культуры, по сути дела исключающим социальный, классовый подход к предмету исследования. Были даже попытки теоретически обосновать такую «методологию» — имеются в виду утверждения историка А. Кузьмина, будто бы В. И. Ленин выдвинул в 1913 г. свое принципиальное положение о двух культурах в каждой национальной культуре только из соображений «тактической выгоды», а после Октября, в полемике с Пролеткультом, якобы и вовсе отказался от него (см. «Наш современник», 1985, № 3,9). Мысль, безусловно, ошибочная, не говоря уже о ее фактической несостоятельности; в своем конкретном развитии она ведет к снятию классовых, идеологических ориентиров, то есть с черного хода открывает дверь концепции «единого национального потока», давно и правомерно отброшенной советской литературной наукой.

Не будем отрицать трудностей, возникающих при оценке явлений «пограничных», особо противоречивых, явлений со сложной идеологической «наследственностью» и не менее сложной эстетической природой. Но единственно надежный ключ к их пониманию и оценке — именно принцип научного историзма, а не эклектика и легковесное теоретическое импровизаторство.

Наша критика в последние годы справедливо выступала против субъективизма, неточности социально-исторических критериев, попыток приукрашивать, даже оправдывать консервативные и реакционные явления национальной жизни. В печати уже критиковались в этой связи такие работы, как книги Ю. Лошица «Гончаров», М. Лобанова «Островский», И. Золотусского «Гоголь», статья В. Кожина «И назовет меня всяк сущий в ней язык», весьма уязвимые в ряде своих положений. (В отношении И. Золотусского, правда, не могу не напомнить, что он — автор не только упомянутой книги, где дается, в частности, весьма спорная оценка исторического письма Белинского к Гоголю, но и двух интересных сборников критических статей — «Очная ставка с памятью» и «Трепет сердца».)

Наша критика, ее наиболее зрелые в теоретическом отношении работники, надо сказать, давала принципиальную и своевременную оценку такого рода тенденциям. Хорошо запомнились, например, статьи Г. Бердникова «О партийном отношении к классическому литературному наследию» (журнал «Знамя»), П. Николаева «Время ответов» («Литературная газета»), В. Новикова «Неиссякаемый источник» (журнал «Знамя»), Ю. Суровцева «Об уроках нашей классовой памяти» (журнал «Знамя»), В. Кулешова «А было ли темное царство?» («Литературная газета»), близкие по теме и духу выступления Б. Бялика, И. Дзевкина, Ю. Лукина, других авторов.

Виднейший ученый, недавно ушедший от нас академик М. Б. Храпченко в своей последней прижизненной публикации «Метаморфозы критического субъективизма» на убедительных примерах показал, к каким отрицательным последствиям приводит «замалчивание или даже игнорирование роли передовых идей вдохновляющих... художников слова, замалчивание и игнорирование связей их с передовыми течениями времени». И пусть речь идет о явлениях, в общем, не характерных для нашей историко-литературной науки и критики, — утраты, приносимые ими, несомненно, что и должно определять в каждом таком случае соответствующую критическую реакцию.

Довольно часто современные историки и критики литературы впадают в такой грех, как замалчивание противоречий в мировоззрении и творчестве исследуемого писателя, несовместимое с исторической правдой, да и просто ненужное выпрямление его литературного пути. Примеров немало, а поэтому ограничусь лишь двумя из них.

В отзыве на вышедшую в Киеве книгу стихов украинского поэта 20-х годов «панфурриста» М. Семенко (издание этой книги — факт, безусловно, положительный) уважаемый рецензент «Литературного обозрения» Вяч. В. Иванов упоминает, помимо стихов, также теоретические высказывания этого поэта: «Следовало бы, — считает он, — переиздавать и изучать заново его манифесты и теоретические статьи, где он предстает как глубокий исследователь современного искусства, по своему духу близкий к новейшей науке». Дело только в том, что М. Семенко как лидер «ультра-левого» литературного течения именно искусство-то и призывал как можно скорее разрушить и ликвидировать, заменив его простой «умелостью» или же «метаискусством», которое будет представлять собой лишенный всякого духовного начала синтез искусства со спортом. Так ли это близко новейшей науке?

Или читаем небольшую «огоньковскую» заметку (1986, № 17) о Н. Гумилеве в связи с его столетней годовщиной. Тон — предельно апологетический, ни слова об идейных позициях поэта, о его политических заблуждениях после Октябрьской революции. При всем уважении к тому лучшему, что остается в поэзии Гумилева, согласиться с таким односторонним освещением этой сложной, не лишенной противоречий фигуры, мне кажется, никак нельзя.

Вообще, иконописание, придание изображаемому лицу всяческого обязательного благолепия — не самый приемлемый стиль для литературы и науки о литературе. Даже когда речь идет о больших и, безусловно, признанных художниках. Правда и поэзия, если под последний понимают восхищение исследователя своим предметом, здесь ни в коем случае не должны расходиться друг с другом.

Литературное наследие — составная и виднейшая часть национальной культуры народа. Однако важно, как указывается в Политическом докладе ЦК КПСС, «чтобы здоровый интерес ко всему ценному, что есть в каждой национальной культуре, не вырождался в

попытки отгородиться от объективного процесса взаимодействия и сближения национальных культур». Это случается — и мы не раз бывали свидетелями такого, — когда будто бы из патриотических побуждений приукрашивается и возвеличивается наследие авторов консервативных, противостоявших передовым движениям своего времени, забывается о взаимосвязях национальной литературы и ее мастеров с культурами других народов.

Неверная трактовка некоторых исторических лиц и событий допускалась, например, в трудах отдельных авторов в Узбекистане. Правда, иной раз бывает и так, что подобные отступления от исторической правды пытаются исправить «очистительными» переоценками с явным привкусом вульгарного социологизма — но на пользу истине это, конечно, не идет. И решительной критики заслуживают случаи, когда, как указывалось на XXVII съезде КПСС, «под видом национальной самобытности в некоторых произведениях литературы и искусства, научных трудах предпринимаются попытки представить в идиллических тонах реакционно-националистические и религиозные пережитки, противоречащие нашей идеологии, социалистическому образу жизни, научному мировоззрению».

Отдельная большая тема, в которой живо заинтересована писательская общественность, — преподавание литературы в школе, художественная классика и школа. Надо ли доказывать педагогам, работникам и руководителям народного просвещения роль литературы в воспитании гражданина, человека коммунистической убежденности и нравственности? Нам скажут, что в этом нет надобности, — пусть так, но ведь часы-то на литературу в средней школе почти из года в год сокращаются. (Заметим, кстати, что при этих сокращениях выпадают подчас вещи принципиального значения. Скажем, высоко ценимое В. И. Лениным письмо Белинского к Гоголю.)

Как показывает обсуждение этих проблем в общей и литературной печати, действовавшие до сих пор школьные программы по литературе не удовлетворяют многим справедливым требованиям. Они не обеспечивают необходимого единства в школьном курсе литературы познавательных и воспитательных задач, в одних отношениях перегружены материалом, в других недостаточно полны, в них царит засилье социологического анализа, часто обходится эмоциональная сторона искусства классиков, не всегда учитываются возрастные особенности школьников.

Хуже всего с самой практикой изучения литературы в школе. Методисты Минпроса, авторы многих учебников десятилетиями — что греха таить — насаждали в школе некий особый, предельно схематический стиль приобщения учащихся к богатствам родной словесности, в котором поверхностная социологическая иллюстративность сочетается с эстетически невыносимым, особенно для ребенка, распылением содержания и формы художественного произведения в целях якобы их конкретного анализа. Как давно уже было сказано, «музыку я разъял, как труп»...

В результате — масса детей и подростков, оттолкнутых, отпугнутых от литературы школьной скукой и формализмом, той черствостью, с которой в системе упомянутого стиля подчас преподносились дорогие для нас идеи и понятия. Так снижался — ошутимо снижался — престиж литературы как школьного предмета в глазах немалой части учащихся.

Школьная реформа, проводимая ныне, требует коренным образом улучшить всю постановку литературного образования в средней школе, а также на факультетах педагогических вузов. Сейчас самое важное — практически, с нашей литературно-научной и писательской стороны, помочь школе в позитивном решении вопросов, волнующих педагогическую и литературную общественность.

Возможно, главная наша помощь школе, помощь критиков и литературоведов, должна состоять в дальнейшем совершенствовании нашего собственного дела — критики и литературоведения. Это — не парадокс, хотя бы потому, что у нас мало работ, ориентированных на достаточно широкого народного читателя, мало критических, аналитических разборов, написанных с установкой на общепитательный характер разговора о литературе. Не очень удаются нам беседы о литературе, даже точнее — беседы о человеке в литературе, рассчитанные специально на юношество, школьное и внешкольное. Речь идет не о привычных школьных пособиях, а именно о беседах, серьезных по содержанию, живых и увлекательных по изложению, как, скажем, недавно вышедшие «Письма о добром и прекрасном» Д. С. Лихачева или книги Н. Долининой «Печорин и наше время», «По страницам «Войны и мира» и др.

В Молдавии замечательный букварь для I класса создал Г. Виеру — хороший пример для других писателей. И, конечно, можно лишь мечтать, чтобы для школы, для юношества было создано нечто вроде «Золотой розы» К. Паустовского — книга о загадках образа, секретах художественности. Можно даже представить, что каким-то авторским содружеством высокопрофессиональных литературоведов будет создан экспериментальный учебник по литературе, который стал бы именно пособием, но — оригинальным и смелым по методике анализа, способным заинтересовать юного читателя, помогающим вводить его в мир образов и идей литературного произведения.

А в общем — новые учебники по литературе должны помочь учителю проводить такие уроки, которые, по словам А. Твардовского, не будучи часами развлечений и отдыха от других наук, станут «часами воодушевления, эмоционального подъема и, я даже позволил бы себе примерно такое выражение, нравственного прозрения».

«Живая жизнь» — так когда-то назвал В. Вересаев свою известную книгу о Толстом и Достоевском. Живой, интенсивной жизнью живет в сознании, в общественной практике наших современников и большая литературная классика — дореволюционная и советская, отечественная и мировая. Силу ее благо-

творного воздействия мы ощущаем во всех сферах интеллектуальной жизни Советской страны.

И знаем, как тесно связано изучение и понимание литературного наследия прошлого с современной идеологической борьбой. Быть на высоте марксистско-ленинской методологии, на высоте исторической правды в осмыслении этого наследия.— значит по-настоящему хранить, умножать, неустанно возрождать его духовно формирующую силу.

Спасибо за внимание. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Поблагодарим нашего докладчика и прослушаем третий доклад на тему «Литературная критика и литературная печать». Докладчик — Леонард Илларионович Лавлинский.

Л. ЛАВЛИНСКИЙ. Чтобы понять, в чем сегодня состоят задачи журнальной критики, надо глубоко прочувствовать характер переломного времени, в которое вступила страна, — характер перемен и обновлений, начатых во всех сферах нашей общественной жизни. Всесторонний анализ противоречий и недостатков в развитии народного хозяйства, развернутый нашей партией накануне и в дни своего XXVII съезда, продиктован сложнейшим историческим моментом. В условиях, когда империалистический лагерь продолжает наращивать самоубийственную для планеты гонку вооружений, когда ради утверждения своего повсеместного господства американские милитаристы намерены использовать даже космическое пространство, — для нас осуществить трудный перевод народного хозяйства на рельсы интенсификации — означает не только резко поднять собственный жизненный уровень. Это означает еще наглядно показать всему миру преимущества социалистического строя, реализовать заложенные в нем великие возможности. А эти притягательные для всех возможности состоят в высоких достижениях советской гуманистической культуры. Поэтому, как бы мала ни казалась доля нашего личного участия в международных делах, мы, литераторы, вправе и обязаны мерить свои победы и поражения, свои успехи и просчеты масштабами страны и эпохи.

Мы должны работать с уверенностью, что без нашего личного вклада в духовную жизнь народа коммунизм никогда не будет построен. И если говорить о творческой интеллигенции в целом, ведь так оно и есть, ибо можно ли представить гармонически развитое, совершенное общество без искусства и литературы?

Казалось бы, художественное творчество — такая область, в которой все меняется значительно медленнее, чем в практической деятельности людей. Но время вносит значительные коррективы и в процессы социально-художественного развития, пересматривая иные критерии, ломая тесные для него эстетические мерки. И наиболее чуткие художники прекрасно слышат гул этого весеннего ледолома, используют его мощный напор для самопреодоления, для овладения новыми, недоступ-

ными прежде высотами. Думаю, не ошибусь, если скажу: в прежние годы трудно было бы представить появление в печати столь пламенного и горького очерка, как «Там, в окопах» Виктора Астафьева. А если бы он все-таки был опубликован, полагаю, нашлись бы среди нас коллеги, которые осудили бы писателя за пристрастие к так называемой «окопной правде». Но наше время, объявившее себя непримиримым врагом формализма, разъясняет читателю, что автор очерка смотрит на былое с вершины сорока лет размышлений о пережитом, что, рассказывая о тяжелых солдатских буднях, он свободно оперирует такими единицами, как дивизия или армия, а главное — общий смысл событий, характеры рядовых бойцов и военных руководителей изображены в очерке, несомненно, с общенародной точки зрения. Однако сердцевинной этих размышлений продолжает оставаться личный фронтовой опыт писателя, без которого высказанная им правда о войне была бы непонятна, приглажена, а возможно, и вовсе худосочна.

Думаю, что и дружно одобренная нашей критикой повесть В. Распутина «Пожар», показавшая, как расшатывает устой народной нравственности головоутокски направленная хозяйственная энергия, появившись эта вещь в другие времена, вызвала бы в печати куда более разноречивые толки. Сегодня спорят, насколько совместима с повествовательной формой избранная автором степень публицистичности. А вчера спорили бы — не стужил ли писатель черные краски, не страдает ли его произведение пессимизмом или другими смертными грехами идеологического порядка. Ведь на нашей памяти происходили события, связанные с различным отношением к распутинской «Матере». Будучи редактором критического издания, подозреваю, что и политическая поэма Евгения Евтушенко «Фуку» в другие годы пришла бы к читателю с основательными купюрами.

Привожу только три примера, свидетельствующие о широких возможностях, которые открывает для неравнодушного пера наше зыскательное время. В своих исторически необходимых решениях и во многих выступлениях на XXVII съезде Коммунистическая партия задала обществу такой граждански наступательный тон, показала такую меру ответственности и правдивости в борьбе с социальным злом, в анализе разного рода недостатков нашего общества, что многим писателям впору задуматься о своем профессиональном соответствии задачам эпохи. Говоря это, отношу сказанное и к своим коллегам по критическому цеху, хотя лучшие их работы свидетельствуют о глубоком понимании болей, чаяний и потребностей времени. Нельзя, разумеется, идеализировать какое бы то ни было время, нельзя представлять его себе отвлеченно. И прежде всего потому, что его делают реальными люди: в литературной критике — мы. Наш опыт, наши профессиональные достоинства и изъяны, наши личные вкусы и понятия о такте весьма различны, а это значит, что и сегодня наша деятельность не обходится без издержек. Однако время

и на эти издержки накладывает свой характерный отпечаток. Думается, еще года два назад в «Комсомольской правде» не могла бы появиться столь разностная статья о романе Ю. Бондарева «Игра», которая была опубликована сравнительно недавно. Но проявлять открытое пренебрежение к достоинству писателя, к его художественному замыслу и масштабам дарования — не означает идти в ногу со временем. Не должно быть в литературе неприкасаемых для критики фигур — это неоспоримо. И конкретный роман заслуживает вовсе не бездумного восторга. Но инструментом исследования едва ли должна служить давно сданная в музей критическая дубинка. Использую к случаю давнюю формулу Евгения Евтушенко: нашему времени нужно не «приспособленчество ко смелости», а истинная гражданская смелость, помноженная на высокий профессионализм и уважение к работе любого честного таланта.

Очевидно, что в пределах жесткого регламента совершенно невозможно сколько-нибудь полно рассмотреть все достоинства и недостатки текущей критики, остановиться на ярких или примечательных выступлениях. Наверно, и нет такой необходимости: полезнее очертить некоторые неотложные и наиболее трудные для решения проблемы, указать на характерные просчеты и недостатки с целью их делового и конструктивного обсуждения. Следует, однако, отметить, что за пятилетие между писательскими съездами журнальная критика продолжала во многих направлениях исследовать наше многоязычное эстетическое хозяйство. В центре ее внимания находились вопросы совершенствования научной методологии и наиболее крупные, узловые проблемы современного литературного движения. Так, должное внимание уделялось принципам художественного взаимообогащения национальных литератур, обсуждение которых (то есть принципов) происходило на страницах журнала «Дружба народов» и во многих региональных изданиях.

К слову сказать, подавляющее большинство этих изданий не склонно замыкаться в рамках своего региона. Будь то «Нева», «Дон», «Подъем», «Простор», «Памир» или «Литературная Грузия» — редакции этих журналов привлекают к своей работе критиков-москвичей и авторов из других городов страны, участвуют в обсуждении общесоюзных литературных проблем. Хотя и в разной мере, но откликаются на проводимые центральными изданиями дискуссии.

Думается, правда, что эту работу можно вести гораздо активнее. Одной из общих проблем нашей литературы является образ героя современности, многие редакции позаботились о своевременном появлении статей на эту тему.

В работах последнего пятилетия чаще рассматривалось жанровое и стилевое многообразие наших литератур, связанное с традициями и обусловленное устремленностью их творческого новаторства. Четче выделился в статьях и рецензиях, к примеру, актуальный жанр политического романа, причем от первоначальных неумеренных восторгов критика

перешла к более спокойному и объективному анализу сделанного.

Позволю себе однако не раздавать изданиям комплиментов в связи с тем, что, исходя из своих традиций и специфики, каждое умеет добиться успеха в осуществлении той или иной исследовательской линии.

Скажу о другом: все большей редкостью в нашей периодике становится центральный для подлинной литературной критики жанр проблемной статьи. По сути дела, многие критики обходят узловые вопросы как социально-нравственные, так и связанные с текущим литературным процессом. Во многих журналах («Москва», «Молодая гвардия», «Юность») заметно преобладают юбилейные или портретные материалы, а в тех случаях, когда в журналах появляется обзорная статья, конструктивный и требовательный разговор нередко подменяется безликими списками разномасштабных имен и названий. Так, к примеру, Н. Карлагин в статье «Живая цепь» («Сибирские огни», 1986, № 2) фактически ставит в один ряд произведения столь разных поэтов, как А. Жигулин, А. Прасолов, Л. Решетников, А. Плитченко, А. Люкин, А. Балин, а Вяч. Харчев в статье «Нравственные поиски и традиции» («Север», 1983, № 7) вслед за именем Паустовского в качестве одного из наследников традиции отечественной классики называет Вячеслава Марченко с его довольно средней повестью «Плавающий маяк». Беда такого рода материалов не только в том, что в них, как правило, игнорируется творческая индивидуальность писателя, но и сильно занижаются эстетические критерии.

Что особенно досадно: подавляющее большинство публикаций, а это характерно, к сожалению, для всех журналов, грешит критическим благодушием и отбечаемостью суждений. Беда большая, и не зря о ней сказано в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду нашей партии. Можно, конечно, отметить, что «Нашему современнику» или «Москве» полемический темперамент присущ в большей мере, чем скажем, «Дружбе народов», но в принципе это дела не меняет. Тем более что далеко не все критические стрелы, пущенные авторами «Нашего современника», бьют точно в цель. Бывает, резкое неприятие редакции вызывают произведения значимые, интересные, но по стилистике чуждые вкусам, господствующим в журнале. И напротив, если автор общепринятым вкусам угодил, это вызывает неумеренные похвалы. Да и «Москва», публикуя содержательные и во многом полемичные материалы в статейном разделе, продолжает из года в год печатать безлико-благожелательные отзывы о книгах среднего качества — в коротких рецензиях. И если в журнале «Нева» ежегодно появляется один-два, редко три собственно критических отклика на книгу, то мы уже радуемся и считаем, что это заслуживает быть отмеченным. Но радуемся мы, конечно, не от хорошей жизни. Скажем, в журнале «Молодая гвардия» за пять лет опубликовано больше 300 рецензий и все — положительные. Трудно примириться с тем, что другой журнал, «Литературная Грузия», во всех разделах печатает

только положительные отзывы, отличающиеся друг от друга размерами да степенью авторского восторга. Нелегко понять и редакцию «Литературной Армении», со страниц которой в 1985 г. как бы вовсе исчезла проблемная критика. Наконец, едва ли правильный выход из положения найден журналом «Простор», в котором установочно-проблемные и обзорные публикации перемежаются «полемиическими заметками», написанными в разносном тоне. В иных выступлениях такого рода разом перечеркиваются работы многих и многих авторов (особенно молодых). Столь резкий перепад критических температур на страницах «Простора» свидетельствует скорее о неумении выдержать последовательную линию, чем помогает объективному анализу процессов, происходящих в казахской литературе.

Болезнь комплиментарности — старая, неизжитая язва нашей критики. На нее неоднократно обращала внимание наша партия, в том числе и в известном Постановлении ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» (1972 г.), и во многих других документах. Теперь эта болезнь не просто названа, но получила четкое социальное определение. Здесь уже приводились точные партийные слова из Политического доклада М. С. Горбачева XXVII съезду КПСС — нельзя их не повторить: «Естественный принцип жизнедеятельности нашего общества — критика и самокритика. Без них нет развития. Литературно-художественной критике пора стянуть с себя благодушие и чинопочитание, разедающие здоровую мораль, память, что критика — дело общественное, а не сфера обслуживания авторских самолюбий и амбиций». Слова, над которыми всем нам стоит серьезно задуматься. Существует в быту не очень лестный термин «секретарская литература», что является синонимом серой, ремесленной скуки. Я далек от намерения бросить тень на всех секретарей Союза писателей, есть среди них люди бесспорно талантливые, хотя организаторские заслуги у нас часто путают с художественными. Но к «секретарской литературе» можно отнести не только произведения иных секретарей, но и книги некоторых служащих аппарата Союза, и сотрудников издательств, и журнальных редакций, конечно. Они-то в первую очередь являются поставщиками серой литературы и хвалебных отзывов на нее в печати. Получается замкнутый круг: друг друга издают, друг друга рецензируют. Так в литературе устраиваются дела, и это наносит огромный, хотя и трудно поддающийся учету вред общему делу. Вирусы нравственной неразборчивости в известной мере заражают и общий духовный климат, в котором все мы существуем. Комплиментарность, в какой бы форме она ни возникала в наших статьях, полагаю, все-таки производное от чинопочитания, хотя это и не всегда заметно с первого взгляда.

При всем моем уважении к разностороннему таланту С. Михалкова трудно понять редакцию «Юности», которая решила отметить 50-летие выхода «Дяди Степы» специальной панегирической статьей. Почему из всего богатства советской литературы для юбилей-

ных восхвалений выбрано именно это произведение? Или оно звучит сейчас с наибольшей актуальностью? А ведь как неуклюже просятся!

— Он не знает чувства меры,—
Говорят пенсионеры.

— Дядя Степа и сейчас
Хочет быть моложе нас!

Цитируются эти строки, затем следует комментарий: «Важно, чтобы чувство меры знал автор. Михалков естественно подходит к диалектическому скачку, от «я» к образу. Читатель снова узнает автора, не теряет его из виду, но одновременно узнает новое и в образе героя и тоже не теряет это из виду». «Природа популярной поэмы для детей — в яркой художественности. Популярность и художественность здесь понятия синонимические. Исключительный случай? Да. И поэма исключительная» («Юность», 1985, № 6. Вл. Александров, статья «...Хочет быть моложе нас»). Едва ли надо объяснять, что такое критическое косноязычие мало что прибавляет к заслуженной известности писателя.

Другой пример: рецензия Т. Ивановой на книги Гария Немченко («Новый мир», 1985, № 8). Из этой рецензии ясно только, что этот писатель привязан душой к Западно-Сибирскому металлургическому комбинату. В чем же состоит пафос авторской мысли, какие проблемы гражданские волнуют его, какие социально значимые конфликты он исследует, каковы, наконец, особенности его стиливого почерка — все это, по существу, остается вне поля зрения критика. Между тем Г. Немченко — писатель, активно, но отнюдь не бесспорно работающий в литературе, и серьезно разобратся в его творчестве было бы гораздо полезнее, чем заполнять рецензию общими и хвалебными словами.

Нет, разумеется, сомнения в том, что далеко не все коллеги заражены болезнью угодничества. Легко перечислить здесь имена критиков принципиальных, способных честно отстаивать свои позиции, высказывать о слабых произведениях резкие, нелюбимые суждения. Назову лишь нескольких — разных, нередко полемизирующих друг с другом — вы этот ряд при желании продолжите. Игорь Дедков, Владимир Огнев, Андрей Турков, Владимир Гусев, Игорь Золотусский, Алла Латынина, Лев Аннинский, Евгений Сидоров, Наталья Иванова. Их участие в дискуссиях обеспечивает читательский интерес к публикациям потому, что у каждого — своя позиция, стиль, язык. Потому что каждый в литературе — личность. Но всегда ли охотно публикуют журналы их полемические суждения? Что греха таить, даже наш специализированный журнал не смог, к примеру, опубликовать некоторых едких заметок А. Туркова из-за того, что одновременно в них задевалось несколько ответственных адресов. А мы по роду своих занятий печатаем острые выступления все же чаще других. Вот тут-то и надо подчеркнуть, что львиная доля ответственности за распространение угодливой критики лежит на редколлегиях изданий и их руководителей. Дорожащий своим достоинством

критик может; конечно, легко отказаться от участия в хоре торжественных и льстивых восхвалений. Но перекричать этот хор, противостоять потоку ему не дано. Тем более что в момент критической оценки у нас нередко включаются и групповые пристрастия. Не под силу перекричать было бы даже и специализированному изданию, если бы оно тщилось повлиять на общественный климат, действуя в одиночку. Ибо хорошо известно, что на один здравый критический отзыв при некоторой организационной расторопности обиженного автора — придется несколько противоположных. Да и нередки случаи, когда писатели, недовольные критикой, обращаются за помощью в различные высокие инстанции. Мне доводилось уже не однажды говорить об этом с разных писательских трибун — хочется подчеркнуть еще раз, что тут нужны общие и согласованные усилия редакционных коллективов.

Начало оздоровлению нашего литературного климата положено, кое-что меняется, но, к сожалению, куда медленнее, чем нужно.

Вот почему мне понятно состояние растерянности, которое сказалось в известном выступлении Ф. Кузнецова на Московской отчетно-выборной партийной конференции. Пафос некоторых пассажей этого выступления я мог бы даже разделить. «Вопреки постановлениям ЦК КПСС,— заявил тогда Ф. Кузнецов,— литературно-художественная критика уже долгие годы пребывает в положении литературной Золушки, первая обязанность которой наводить глянец на парадный мундир нашей литературы». Правда, в дальнейшем перечне имен Феликс Феодосиевич, я думаю, допустил изрядную долю лукавства, а потому и некоторые его патетические восклицания представляются риторичными. «Попробуйте,— говорит он,— сейчас поспорить с литературной печатью, скажем, с философской концепцией романа Айтматова «И дольше века...». Или скажите правду о слабом, на мой взгляд, романе Чаковского «Победа». Попробуйте даже тронуть Юлиана Семенова за незыскательность и затянутость его детективных повествований. Или историческую беллетристику Окуджавы, или посредственный роман Валерия Поголева. Скандал в благородном семействе! Отсюда «приписки» в литературе и этот благостный тон, ставший почти нормой».

Хочется, прежде всего, сказать, что слишком разноречивые и произвольно подобранные имена находятся в этом перечне. И явно преувеличена защищенность некоторых от критики. Например, если бы Феликс Кузнецов всерьез захотел поспорить с философской концепцией Ч. Айтматова, то, конечно, мог бы обратиться в «Литературное обозрение», членом редколлегии которого состоял многие годы. Даже в случае принципиального несогласия с позицией критика со стороны редакции его статья и год, и два назад была бы опубликована в разделе «С разных точек зрения», в которой мы поместили бы, конечно, и свое мнение. Примерно то же можно сказать почти что обо всех перечисленных именах. С Айтматовым полемизировал, кстати, Н. Потапов, даже в предисловии к молодоговардей-

скому трехтомнику писателя (1982 г.). Не говоря уже об Окуджаве, чьи произведения в разные годы подвергались критике на страницах нашей печати. Так что дело тут в том, претендует ли критик на непогрешимость собственных взглядов или не боится выслушивать возражения.

Совершенно очевидно, что в условиях критического благодушия и чинопочитания, охвативших значительную часть нашей критики, не может развиваться здоровая дискуссионность выступлений. Еще, правда, недалеко ушло время, когда едва ли не на каждом писательском форуме говорилось о плодотворности дискуссионных и диалогических форм и высказывалась радость, что эти формы у нас успешно приживаются. Но несмотря на эту радость, за последние годы дело не продвинулось вперед. Напротив, можно говорить о спаде гражданского тонуса, о некоторой вялости и инертности наших обсуждений. Разные точки зрения, высказываемые под соответствующей рубрикой, далеко не всегда являются на деле разными — нередко это лишь разные оттенки захваливания. Что касается проблемных обсуждений текущего процесса, в которых как раз и выявляются несовпадения авторских позиций, то такие мероприятия организует лишь «Литературная газета» и специализированные издания. Другие журналы принимают в дискуссиях более или менее эпизодическое участие, откликаясь, правда, на принципиальные публикации, но не проводят при этом определенной последовательной линии, не проявляют инициативы. О продуманной системе тут и говорить нечего. А стало быть, даже при наличии подходящего материала редакции упускают случаи, когда можно показать читателю происходящие в литературе реальные драмы и столкновения идей.

Журнал «Нева» опубликовал, например, статью А. Эльшевича (№ 3 за 1985 г.), написанную как бы вдогонку дискуссии, которую провела «Литературная газета». Речь в ней шла о герое современности. Автор статьи, рассмотрев произведения Г. Маркова, С. Дангулова, Ю. Бондарева, В. Карпова, А. Проханова и Ч. Айтматова и признав их героев «нашедшими истину», предложил свою типологию изображенных характеров и многих других персонажей нашей литературы отнес к числу «ищущих истину». Вместе с тем автор посетовал на «дефицит положительного героя» в современной прозе. Мне кажется, у журнала был в этом случае повод исследовать проблему более разнообразно и к ее обсуждению привлечь широкий круг авторов. Кстати, откликнулась «Нева» и на журнальные споры по ряду других вопросов. Но эти выступления так и остались единичными и не исчерпали сути затронутых проблем в той мере, в какой это ныне возможно.

Были предпосылки и у журнала «Октябрь» развернуть широкое обсуждение, связанное с воплощением современного характера, тем более что эта тема нашла тут неплохо подготовленное освещение в особом цикле статей, соотносимых по проблематике. Но и тут читатель не смог бы обнаружить коллективных

поисков истины, поскольку все эти статьи так и остались вполне автономными публикациями. Быть может, есть смысл подробнее остановиться на статье Ю. Андреева «Абсолютное и сиюминутное» (№ 7, 1985 г.), которая как бы завершила публикацию цикла, хотя, пожалуй, с нее лучше было бы его начать. Я с сочувствием отношусь к стремлению автора утвердить в современной прозе героическое начало, убедительно его обращение к документалистике В. Карпова («Полководец») и И. Филоненко («Землепашец»). Но когда критик говорит о своей «тоске по Рахметову», когда начинает мерить героев прозы 40-летних мерками Чапаева и Павки Корчагина, это вызывает возражение как методологическая неточность. Естественно, персонажи нынешних произведений предьявленных требований не выдерживают. Но позволительно в полемическом порядке спросить: «А можно ли мерки, вынесенные, скажем, из рассказов И. Бабеля, прилагать к творчеству В. Распутина? Помоему, ясно, что проза В. Маканина, В. Личутина, А. Проханова и А. Кима решает во многом иные проблемы и социально-исторические задачи, чем произведения, ставшие советской классикой... В таком подходе нельзя не уловить признаков нормативности, проявления которой мы наблюдаем довольно часто в статейных и рецензионных публикациях, и не только по отношению к героям, но и в оценке художественных конфликтов, композиционных особенностей, стилистической манеры.

Но если позицию Ю. Андреева в значительной части можно понять, ибо в ней чувствуется оправданная тоска по герою активного действия (условно — «по Рахметову»), то иные рассуждения о прозе 40-летних кажутся вовсе невразумительными. Скажем, в статье «Все-таки оно существует...» («Подъем», № 2, 1985 г.) В. Бондаренко (в который уж раз!) рассматривает эту прозу как нечто однородное и цельное, причем противопоставленное тому, что было в литературе до него. Между феноменом «поколения» и традицией ложится странный водораздел. Критик словно и не желает видеть, что произведения В. Личутина в стилево и во многих других отношениях гораздо ближе творчеству В. Белова, чем прозе многих сверстников (например, тех же В. Маканина и А. Кима). Что В. Маканин, в свою очередь, многому научился у Ю. Трифонова, но, право же, куда трудней найти какие-либо параллели между ним и А. Прохановым. Выводить этих и других сложившихся персонажей на сцену сообща, как детсадовскую группу, по меньшей мере неловко. Кстати, сегодня эти авторы не могут пожаловаться на малое количество статей об их творчестве, но при общем интересе к ним со стороны критики поражает, что журнал «Москва» словно бы их не замечает. Хотя, как известно, большинство этих писателей живут в столице, и в свое время бытовало, не очень, правда, удачное, обозначение — «московская школа».

Сообщенные факты, думаю, свидетельствуют о том, что редакции наших изданий не получили еще ни вкуса, ни навыка в проведении принципиальных, общезначимых и интересных

дискуссий. Участвуя от раза к разу в спорах, разгорающихся на страницах «Литературной газеты», в специализированных журналах, они вносят в эти обсуждения мало нового. Чаще — либо повторяются известные истины, либо, что уж никак не желательно, возникает путаница. Причем особенно нетерпимо, когда путаница приобретает оттенок методологический.

В течение двух лет наша редакция вела дискуссию «О закономерностях реализма XX века», в которой мы пытались как можно полнее выявить потенциал нашего творческого метода, соотнести достижения советской литературы с успехами современного мирового искусства. Нельзя сказать, что эта дискуссия проходила идеально. Как раз наоборот. Были в ней и пробуксовки, и повторения, были и досадные перерывы в публикации статей. Но, по крайней мере, она ввела в литературное обращение огромное количество произведений наших и зарубежных, позволила увидеть процессы сходные и параллельные, проведя, однако, четкую грань между искусством передовым, гуманистическим, с одной стороны, и различными реакционными течениями буржуазного антикискусства. Но публикация этих материалов была еще очень далека от завершения, когда на страницах журнала «Молодая гвардия» (№ 3, 1985 г.) появилась статья сотрудницы телевидения Марковой под названием «Ответственность». По мнению этого автора, советская литература вооружена столь передовыми творческими методами, что ее с зарубежными и сопоставлять не стоит: слишком-де от нас отстали. Сама возможность дискуссии при такой постановке вопроса, конечно, отпадает, а вопрос о реальном вкладе советской литературы в сокровищницу мировой — повисает в воздухе.

Конечно, редакция «Литературного обозрения» опубликовала по поводу статьи «Ответственность» едкую и точную реплику Н. Анастасьева (а эту реплику перепечатала потом в переводе венгерская газета «Нэпсбатшаг»), но хочется подчеркнуть, что столь неквалифицированное участие в серьезных дискуссиях, какое допустила «Молодая гвардия» (а редакция к тому же присудила названной статье годовую премию), не только сбивает с толку молодого читателя, но и вовсе не помогает в разрешении проблем литературы.

Появление статьи Е. Марковой на страницах журнала «Молодая гвардия» — не случайность. Ему предшествовала публикация статьи А. Байгушева «Романтика современности» (1982, № 2, 7, 11). Эту работу в целом характеризует сходная размытость эстетических критериев, о чем неоднократно говорилось в выступлениях литературной общественности. Один из наиболее броских примеров. А. Байгушев пишет: «Ю. Бондарев в «Мгновениях», В. Сидоров в «Свитке», В. Соколов в «Сюжете», В. Белов в «Канунах», В. Астафьев в «Последнем поклоне», Д. Балашов в «Великом столе» уже выходят на совершенно новые орбиты в трактовке времени и пространства». Это весьма громкое и обязывающее заявление ничем не подтверждено, а поименованное чехом, очень разных по своему художествен-

ному уровню произведений и вообще лишает его какой-либо серьезности. Но нарекания в адрес А. Байгушева не помешали редакции журнала отметить и его статью годовой премией.

Кстати сказать, зарубежная литература вообще очень редко обсуждается на страницах наших журналов. Претензии можно предъявить даже собственно журналу «Иностранная литература». Хотя на его страницах и анализируются конкретные произведения, однако проблемам взаимодействия советской литературы с мировым художественным процессом уделяется внимания недостаточно. Еще хуже обстоит дело в других журналах.

Положение с произведениями зарубежных писателей, особенно имея в виду литературу социалистических стран, представляется далее неоправданным. Процессы интеграции, происходящие в социалистической экономике, рост наших контактов с братскими странами, постоянный обмен творческим опытом и многое другое, чем ознаменовано наше время, безусловно сближает народы и в духовном отношении. Схожие процессы идут и в культуре разных социалистических стран — их необходимо тщательно изучать, разумеется, с учетом исторически сложившихся традиций, изучать и рассказывать об этом читателю. С другой стороны, возрастает необходимость (как уже здесь говорилось) давать энергичный отпор наплыву так называемой масскультуры, которой наводнен книжный рынок капиталистических стран. Очевидно, все это поможет раздвинуть и теоретические горизонты, поможет избежать отмеченных выше методологических промахов, укрепит и освежит стиль.

Едва ли можно признать оптимальным положение, при котором преобладающей формой теоретического выступления считается у нас проблемно-установочная статья, написанная в пресловутом псевдоакадемическом стиле (причем в ряде изданий — я уже упоминал об этом — даже такие статьи редкость, а в других и вовсе не появляются).

В журнале «Звезда» (№ 4, 1986 г.) опубликована статья М. Саакарова и Ф. Щербь: «Направление воздействия («Современная литература о человеческом факторе интенсификации общественного производства»). Статья, как видим, на актуальную тему, но написанная столь наукообразным, справочно-диссертационным языком, что читать ее и специалисту трудно. Вот ее выводы:

«Современная литература активизирует и наполняет конкретным жизненным содержанием общественное осмысление определяющих закономерностей ускорения социально-экономического развития страны. Наряду с художественным исследованием взаимообусловленности труда и морали как внутренней необходимости современного производства, во многих литературных произведениях последнего времени прослеживается зависимость социально-экономического развития от человеческого фактора, то есть уровня нравственной зрелости людей, состояния морально-психического климата в трудовых коллективах, стиля руководства и общения». И вся статья написана в таком духе, что не дает возмож-

ности убедительно проанализировать художественную форму произведений, о которых говорится, то есть реально оценить их по существу. Повесть Л. Лондона «Странный отпуск», роман Ю. Скопа «Техника безопасности», роман А. Плетнева «Шахта» и другие рассматриваются, по сути, только со стороны поднятых в этих произведениях хозяйственных и моральных проблем, в отрыве от степени художественной воплощенности. Но ведь это две нераздельные грани критического анализа, и статья, разрывающая их, фактически не выполняет своего назначения. Кроме узких специалистов, думаю, такие, они никого не интересуют. И если мы хотим решительных перемен в этом деле, нам, очевидно, следует меньше зависеть от портфеля научных работников, проживающих в регионе, от запланированных ими диссертационных работ. И, разумеется, надо шире развивать живые дискуссионные формы критики.

Хочется еще сказать и о довольно распространенном недостатке теоретических дискуссий (когда они все-таки проводятся). Анализируя в них внимание на широких возможностях, которые дает социалистический реализм для подлинно свободного творчества, мы обычно как-то скороговоркой проскакиваем, а то и вовсе не упоминаем о другой стороне вопроса. Да, вооруженность передовой теорией укрепляет, организует, вдохновляет художников, открывает перед ними широкие перспективы. Но подлинно идейно-художественная высота дается лишь ценой творческого подвига, ценой реального воплощения заложенных в методе возможностей. И, в конечном счете, успех тут зависит от масштабов творческой личности, от меры авторского таланта. Истина вроде бы давно всеми усвоенная, но в реальной критической практике часто упускается из виду. Между тем такое положение, с одной стороны, широко открывает дорогу комплиментарности, позволяет ставить рядом верные теоретические формулы и не подтверждающие их слабые тексты, а с другой — странным иллюзиям о якобы равных возможностях для всех писателей достичь когда-либо вершин реалистического искусства. В самом деле, стоит лишь овладеть вершиной теоретических знаний да определенным комплексом так называемых «художественных приемов»! А отсюда уже один шаг до своеобразной «концепции изоляционизма», которым грешит упомянутая статья «Ответственность».

Надо еще сказать, что и без того нечастые полемические выступления обычно грешат если не методологическими, то все же не совсем безобидными недостатками: менторским тоном, личным пристрастием, чрезмерной и обидной для чужого достоинства зыблительностью и вовсе неоправданным апломбом. Происходит подчас такое и произвольно, автор не всегда замечает, как его ирония переходит в оскорбительную издевку, как цитата из произведений оппонента насильственно укорачивается ради стройности собственных выводов. В итоге все-таки истина искажается.

Между тем любое произведение, будь оно идейно и высокохудожественно или, наоборот,

поверхностно, спекулятивно, так или иначе становится общественным явлением. И очень важно, чтобы критический отклик или полемическое выступление как можно точнее соответствовали социальному и эстетическому смыслу явления, соответствовали и по сути, и по тону. Хотелось бы обратить внимание собравшихся на то, в какой мере точен и корректен академик Д. Лихачев даже в самом решительном осуждении квазиследований А. Никитина (а эта публикация на страницах «Нового мира» — серьезный срыв в работе критического раздела). Развязный дилетантизм А. Никитина, решившего поставить вверх ногами целую науку о «Слове о полку Игореве», нашел заслуженную отповедь. Но ни единым словом автор этой отповеди не нарушил профессионального такта. Такой «академизм» хочется от души приветствовать. Ибо достоинство любого критического выступления — в наиболее полном соответствии истине, а не в словесных фейерверках. И когда статья отличается не только верностью доводов, но и радуется гармонией точно соотношенных пропорций, справедливо говорить о критическом таланте. В этом смысл утверждения, что критика — искусство, а вовсе не в том, какое количество метафор определено ей по роду занятий. Мы знаем, что критический талант редок. Ибо соединять в себе высокую философскую культуру мышления, гражданский темперамент и взыскательный эстетический вкус, да вдобавок еще неистощимое доброжелательство к любым честным усилиям в литературе, — соединять в себе эти достоинства очень трудно. И все-таки мы должны к этому стремиться. На эту высоту равняться.

Малое число ярких индивидуальностей в критике — общая беда всех журналов, без исключения.

Мы часто радуемся, что у нас, критиков, особый, чрезвычайно взыскательный, любящий свою литературу читатель. Но это и обязывает. Любое проявление нами неоправданных амбиций, грех комплиментарности, низкий профессионализм, неуважение к мнению оппонента им тотчас же замечаются, и в этом случае бывает за коллег стыдно. Кстати, давно пора открыть широкий доступ читательским мнениям на страницы журналов. Как-то не очень понятно, почему во многих изданиях вовсе отсутствует раздел «редакционной почты». В других — выступления специалистов разного профиля, обладающих достаточной культурой чтения, их размышления о жизни и литературе появляются редко и бессистемно. Это, само собой, не способствует знанию журналами своей аудитории, сужает тему, обедняет качество критических выступлений. Не помогает редакциям своевременно откликаться на острые проблемы самой жизни и увязывать их с литературными.

Глубоко понимать нужды своего времени — первая заповедь наших великих предшественников, классиков революционно-демократической критики, героических соратников В. И. Ленина.

Можно сказать, что история советской журнальной критики — свидетельство ее честного служения социалистической культуре. Пре-

одолевая разного рода недостатки, в том числе и методологические, связанные с вульгаризаторской недооценкой художественных ценностей, наша критика выковала за десятилетия надежное идеологическое оружие, разработала сложный и точный аналитический инструментарий, приобрела огромный исследовательский опыт. Нет сомнения в том, что нынешнее состояние аморфного благополучия она преодолет. Этого требует сама жизнь, дальнейшее развитие художественной литературы.

Благодарю за внимание. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Объявляется перерыв.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи! Продолжим нашу работу. Я прошу всех выступающих строго соблюдать регламент, так как у нас много записалось желающих выступить.

Слово предоставляется Валерию Васильевичу Дементьеву.

В. ДЕМЕНТЬЕВ. Дорогие товарищи! Недавно, в дни 175-летия со дня рождения Виссариона Григорьевича Белинского, в составе делегации Союза писателей РСФСР мне довелось побывать на родине великого критика. И я не буду говорить о том большом впечатлении, которое на всех нас произвел многотысячный митинг на стадионе районного городка, когда-то носившего название Чембар. Или о том, как своеобразна новая экспозиция, развернутая в старинном здании, стоящем рядом с домом-музеем.

Я скажу только о поразительной современности, а может быть, и злободневности многих положений эстетической программы Белинского, даже отдельных его фраз и высказываний. В дни пребывания на его родине я с особой остротой ощутил именно это.

«Дух анализа и исследования — дух нашего времени. Теперь все подлежит критике, даже сама критика» — так начинается его знаменитая «Речь о критике».

Да, критика в наше время критикуется на самых различных уровнях. В частности, о ней много говорилось вчера в Кремле. Но, понимая и осмысливая эту критику критики, я не могу не остановиться на одном положении, выском опять-таки Белинским и имеющим принципиально важное значение. Речь идет о том, что рассуждения о критике никоим образом не должны обособляться от рассуждений о литературе. К сожалению, в последнее время на многих ответственных писательских заседаниях рассуждения о критике (имеется в виду литературно-художественная критика, которая, конечно же, отличается от критики и самокритики как метода раскрытия противоречий общественного развития, как одна из движущих сил в нашем обществе) — так вот, рассуждения о критике служат некоей дымовой завесой, спасающей от необходимости размышлять о современной литературе,

конкретно судить о конкретных произведениях прозы и поэзии. В таких рассуждениях речь идет о литературе, а по существу ее, литературы, нет, как по существу не было поручика Кижэ. И не случайно именно такая «критика критики» сопровождалась ироническими аплодисментами: ведь если в такой критике «все наоборот», то почему не быть «наоборот» и аплодисментам.

Несколько ранее «Литературная газета» сообщила нам о том, что критики «отстают от жизни», что «критики жизни не знают», что произведения критиков — это набор разных и не проверенных самой жизнью суждений и т. д. Мне уже приходилось писать по этому поводу, и я не буду повторяться. Скажу только, что рассуждать подобным образом довольно-таки легко: ведь можно не читать ни Ал. Михайлова, ни А. Туркова, ни В. Огнева, можно не знать их фронтовой биографии, их сложной писательской судьбы...

Наконец, можно не ощущать и не чувствовать той «преобладающей думы об эпохе», которая, по словам Белинского, и рождает художественную литературу с критикой.

Вчера на съезде в целом ряде выступлений делегатов и, в первую очередь, в выступлениях Б. Олейника, С. Залыгина, Ю. Бондарева во весь гигантский рост встала проблема, которую бы я назвал проблемой создания этасферы. Иначе говоря, проблема создания сферы этически-разумного, основанного на историческом опыте многих поколений людей и достижений современной науки, бережного отношения к природе. Эта «преобладающая дума об эпохе», если еще раз повторить про себя все, что сказал Борис Олейник, вносит в нашу литературную жизнь совершенно новую ноту, она по-новому объединяет нас и рождает с нашими собратьями по перу, прозаиками и поэтами, рождает и вызывает чувство внутреннего неудовлетворения, ибо книжные знания не должны отчуждать нас от «жизни живой», от радостей и бед нашего времени, нашего народа. К сожалению, далеко не все из нас привносят в свои сочинения вот такую же страсть, вот такую же личную заинтересованность в делах общественных, делах государственных, которым мы и должны служить, какую привносят в свои книги и публицистические статьи наши товарищи — прозаики и поэты.

Опираясь на эстетический кодекс в статьях Белинского, Г. В. Плеханов в свое время убежденно сказал, что социология и не должна затворять двери перед эстетикой.

К великому сожалению, и в наших критических работах и особенно в учебниках и учебных пособиях по литературе двери перед эстетикой довольно плотно закрыты. Точно так же, как «пересказ содержания» преподавателем литературы или рецензентом гасит живой читательский интерес к художественному произведению как таковому. Приведу всего лишь один пример. Как-то попросили у меня томик А. Блока для десятиклассника: ему необходимо было прочитать поэму «Двенадцать» и «Незнакомку». Возвращает он книгу, и я спрашиваю его: понравилась ли,

мол, «Незнакомка»? Да нет, говорит он, там про пьяниц написано, а теперь это устарело.

Дискуссии, прошедшие по российским журналам и посвященные, в частности, школьной реформе, к сожалению, в малой степени коснулись «сотворения художественности», как однажды сказал Ю. Трифонов, понимая под этим не просто «секреты мастерства», но именно художественное, даже художественно-эстетическое совершенство прозы.

Вообще понятие художественности, с точки зрения Гегеля и марксистско-ленинской эстетики, развившей и углубившей это понятие, означает не что иное, как адекватное и адекватно воспринимаемое воплощение идеи. «Сотворение художественности» немислимо без высоких нравственных и гуманистических принципов, без стремления и умения говорить правду, — об этом есть высказывания и у Ю. Трифопова, и у Вс. Иванова, и других выдающихся писателей нашего времени.

«Сотворение художественности» позволяет понять и осмыслить эстетические воззрения писателя, его эстетический идеал, т. е. поднимает нашу работу на новый теоретический и общественно значимый уровень.

В последнее время мне пришлось познакомиться с рядом мастерски написанных статей, посвященных Блоку и его эпохе и принадлежащих перу Е. Ф. Книпович. Кроме того, высокой исследовательской культурой, на мой взгляд, отмечены монографии и сборники статей В. Гусева, А. Зися, Р. Баимова, С. Боровикова, В. Коробова, В. Лукьянина, В. Литвинова, В. Курбатова, Р. Мухамадиева, Д. Молдавского, Г. Рамазанова, И. Ростовцевой, К. Шаззо, Л. Финка, А. Шкляева, И. Шайтанова.

Естественно, что я называю критиков и исследователей литературы, в достаточной степени активно участвующих в творческой жизни нашего Российского совета по критике и литературоведению. Безусловно, у каждого из них есть свои достоинства и недостатки. Но именно в их работах я вижу стремление воссоздать творческий облик художника, не пренебрегая своим личным опытом и своим миропониманием. Да, если ты воспринимаешь «другого» как свою собственную возможность, ты можешь в этом «другом» раскрыть и его главные черты. Ведь даже история, как говорил Маркс, в известном смысле является психологической проблемой.

Вчера на съезде справедливо говорилось о том, что в работе наших общественных советов кроются еще большие резервы. К примеру, мы не раз проводили обсуждения наших российских журналов, но, к сожалению, дальше отдельных и весьма дельных высказываний дело не пошло. А хотелось бы представить себе роль и значение критики, которая конечно же менялась сама и меняла свои акценты на протяжении последних двух десятилетий.

Если обратиться к таким старейшим жур-

налам, как «Сибирские огни» или «Новый мир», то, вероятно, можно было бы проследить движение литературно-критической мысли в значительной временной ретроспекции. Вероятно, можно было бы увидеть, как в конце пятидесятих годов журнальной критике приходилось преодолевать некий «барьер новизны». Вспомним, что как раз в это время состоялось как бы «второе рождение» таких поэтов, как Н. Асеев, Н. Заболоцкий, Л. Мартынов, В. Луговской, появились молодые — Е. Евтушенко, А. Вознесенский, Р. Рождественский. Критика выступала тогда, условно говоря, адвокатом их новаторских тенденций, их ударного стиха. Но прошли годы, и критика — я имею в виду опять-таки критику поэтическую — стала все больше и больше выступать в качестве адвоката «усредненного» стиха. Именно в эти годы между нашим эстетически грамотным читателем и нашей обыденной поэзией все выше и выше вставал «барьер привычности», адвокатом которого теперь оказалась наша рецензионная газетно-журнальная критика, а «усредненный» стих не замедлил этим воспользоваться и тут же водрузить на свое чело академические (читай — гослитиздатовские) лавры.

Этот самый «барьер привычности», на мой взгляд, постепенно и создал тот микроклимат, в котором глохли и стихали отзвуки мировых потрясений и экологических бедствий, последствия которых нам самим еще не ясны. А часть критики охотно перенимала у поэтов их лирически-восторженный словарь, ритмическую монотонность, бедность и наивность творческого самовыражения.

Вы скажете: а где конкретные примеры? Примеры привести не так-то сложно. Сложнее понять: почему с такой быстротой в нашей поэзии возникали ядовитые зерна полуправды, полукренности, полускудства, о которых вчера говорил Г. Бакланов. Ведь искусство вообще и поэзия в частности просто немислима «без правды, прямо в душу бьющей» (А. Твардовский), как была бы ни горька эта самая святая и грешная правда.

Вот почему наша высшая обязанность — утверждать ее, эту правду, во всех жанрах, это с одной стороны, а с другой — бороться с проявлениями полуйскренности, полубобразованности, полухудожественности, то есть со всем тем, что в известном партийном документе названо серостью. И с чем необходимо бороться не только в произведениях твоих собратьев по перу, но и в своих собственных. (А плодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово для выступления имеет товарищ Эльчин (Баку).

ЭЛЬЧИН. Дорогие друзья! В истории литературы встречаются парадоксы, которые как нельзя лучше освещают высокую роль критики, ее огромные творческие возможности. Я имею в виду случаи, когда в памяти не только родного народа, но и человечества писатель, с успехом начинавший как художник, остается прежде всего критиком. Таков, например, Сент-Бёв. В молодости он издал от имени якобы умершего бедного студента Жозефа Делорма сборник стихов, получивший

шумную известность и во многом действительно новаторский. На стихи Жозефа Делорма обратил внимание Пушкин. Но всемирную славу Сент-Бёв все же снискал как критик и историк литературы.

В русской литературе красноречив пример В. Г. Белинского, который, как известно, начал свою творческую деятельность с темпераментной юношеской драмы «Дмитрий Калинин», но чьим истинным призванием и великой миссией стала литературная критика.

Великий азербайджанский реалист Мирза Фатали Ахундов начинал как поэт, затем, в зените своего мастерства, создал шесть гениальных комедий и повесть, заложив тем самым основы для новой прозы и театра не только в Азербайджане, но и вообще на Ближнем и Среднем Востоке. Однако и как философ, эстетик, литературный критик Ахундов имел не меньшее влияние, и оно не только не слабело, не меркло с годами, но, пожалуй, росло, крепло. И сегодня критику Ахундова я читаю и перечитываю с таким же интересом, как его художественные произведения. Его критика такой же выразитель таланта, индивидуальности, оригинальности, как и его драматургия, проза, поэзия. Именно поэтому она выражает и свое время.

Меня давно занимает фигура критика-художника. Ему, по крайней мере, не откажешь в яркой индивидуальности, в личностном начале, в своем неповторимом взгляде на вещи. Он живой человек, он тот автор, который в своих статьях выражает не только ход литературного процесса, даже не только эпоху, о которой я уже говорил, но и себя, свою индивидуальность.

Мы все были свидетелями горьких и вместе с тем глубоко справедливых упреков в адрес современной советской критики, прозвучавших в Политическом докладе XXVII съезду нашей партии. Я убежден, было бы в нашей критике побольше смелого самовыражения, конечно в сочетании (в органическом, естественном сочетании!) с высокой культурой, с богатым мировоззрением, и упреков она заслужила бы поменьше. Поубавилось бы подхалимажа, услужливости, заказных восторгов.

Из сказанного мною вовсе не следует, что я в принципе предпочитаю критиков-писателей. Нет. Просто статьи, критические работы, где индивидуальность автора раскованна, убеждают, открывают новое, учат. Критик может и должен писать тогда, когда ему действительно есть что сказать, когда он в силах сказать нечто своеобразное, неизбитое и когда он хорошо знает, что хочет сказать. А ведь сколько в нынешней критике общих мест, заведомых банальностей или прямого непонимания текста! Одна из бед нашей критики (и горше я, пожалуй, бед не знаю) состоит в том, что у автора статьи или рецензии не только нет своего взгляда на произведение, но и нет понимания его образного языка. Я отлично помню, как ставили в тупик представителей нормативной критики произведения нынешних «сорокалетних», чьим героям невозможно было выставить определенную отметку за поведение.

Личностная критика, если можно употреб-

лять такую терминологию, выступает на злободневные литературные темы объективно и с пониманием сути дела и, как правило, ее не затронула эпидемия критики «комплиментарной», критики, похожей либо на зазданный тост, либо на семейный пересказ понравившегося кинофильма. Ей чужд как «стиль лирического экстаза», по удачному выражению Евгения Сидорова (Е. Сидоров. Журнальная критика сегодня. — «Вопросы литературы», 1984, № 3, с. 42), так и жесткая, постная нормативность, чужд критический ширпотреб, как я его называю. Имею в виду при этом безликие статьи и рецензии, написанные по одиозной схеме; благожелательная или насто-роженная информационная преамбула, подслащенный или кислый пересказ содержания, заключительная часть с кратким перечислением «отдельных» недостатков в случае положительной оценки или некоторых достоинств в случае оценки отрицательной. Мне уже доводилось подробно писать об этой макулатуре, которая притворяется критикой; об этом много и убедительно говорили другие писатели, и нет нужды к этому без конца возвращаться.

Но хочется сказать несколько слов о другой макулатуре, «художественной».

Недавно я с интересом прочитал статью — размышление Валерия Дементьева о нашей современной критике, напечатанную в «Литературной России» (16 мая 1986, № 20). Хочу привлечь ваше внимание к полемике в этой статье. Писатель Виктор Астафьев говорит, что пока определенный круг критиков теоретизирует о «тонких эстетических материях», типографские машины печатают бесчисленное количество словесной макулатуры. «Но позвольте, — спрашивает В. Дементьев, — где уважаемый писатель, которому отнюдь не чужды размышления о «тонких эстетических материях», увидел засилье эстетствующей критики?» И продолжает: «Что же касается потока макулатуры, то ни один из нас, критиков, как бы активно он ни работал в литературе, не сможет остановить его, этот поток, в одиночку — если смотреть на вещи реально, а не с позиций рыцаря Печального Образа».

Я не буду вдаваться в первую часть этой полемики, но вторая ее часть в данный момент кажется мне примечательной. Да, *в одиночку* критик не сможет остановить поток словесной макулатуры. Ему, а я имею в виду принципиального, объективного критика, который вызывает доверие такого же принципиального, объективного читателя, нужно помочь! И тут я в первую очередь назову руководство Союзов писателей, как республиканских, так и большого, как мы его называем, Союза. Это относится и лично ко мне самому, как секретарю СП Азербайджана.

XXVII съезд партии призвал всех нас к откровенности. Так будем же откровенны и, положив руку на сердце, как говорится, спросим самих себя: сегодня, когда во всей стране идет созидательный процесс обновления, намного ли отличался отчетный доклад Восьмому съезду писателей от доклада Седьмому съезду писателей или даже от доклада Шестому съезду писателей?

Давайте скажем правду, ту самую правду, которую требует от нас наша партия: нет, не намного!

Говорить о новом, призывать к новому (я имею в виду наши литературные дела), опираясь на старые методологические штампы, невозможно, да и не нужно. Например, когда критикуется некий инкогнито, когда негативные явления нашего литературного процесса, литературной жизни критикуются трафаретными, скажу прямо, надоевшими всем нам общими фразами, когда не называются конкретные имена и произведения, о каком обновлении, я бы сказал, оздоровлении нашей общей литературной жизни может идти речь? Говорим о серой литературе, но не называем серого...

Мы много и справедливо пишем о так называемом «китче» на Западе. Да, явление это уродливое, оно растлевает не только вкусы, но и души. Однако почему мы, и в первую очередь руководство Союза писателей, умалчиваем, когда у нас самих с каждым годом увеличивается литературная продукция массовой культуры? Не создается ли этим плодотворная почва и для индустрии разных, так называемых остросюжетных, адольтерных или якобы политических опусов?

Ни «Как закалялась сталь», ни «Оптимистическая трагедия», ни «Разгром», ни тем более «Тихий Дон» или «Русский лес», «Вагиф» или «Путь Абая» не назывались политическими романами или драмами, но они, эти произведения, сыграли выдающуюся политическую, именно политическую роль не только в истории советской литературы, но и в истории самой нашей многонациональной страны.

Хочу быть правильно понятым. Я ни в коем случае не против художественного произведения на непосредственно политическую тему. Это нужное и важное дело. В нашей современной литературе, кинематографии есть интересные произведения на международно-политическую тему. Но я против того, чтобы ставить создание таких книг, многосерийных фильмов, пьес на своего рода производственную основу. Я против того, что так называемые остросюжетные романы, которые появляются как грибы после дождя, претендуют на репутацию серьезной литературы и, хуже того, занимают в центральной нашей печати место серьезной литературы, в том числе место лучших образцов национальных литератур.

Критика, хотя и робко, но говорит об этом. А что делает руководство Союза писателей, чтобы расковать эту робость? Призывает к принципиальности. Призывает общими словами. Такие абстрактные, безадресные призывы не имеют никакого эффекта. Тут нужно показывать пример собственной смелости. Личный пример партийной принципиальности. Тут нужна принципиальная, прямо адресованная литературно-художественная политика руководства Союза писателей, — политика, как говорится, без дипломатии, без страховки. Если не будет этой принципиальной поддержки критику, то, конечно, он будет уподобляться рыцарю Печального Образа. (А плод и с м е н т ы.)

Л. Н. НОВИЧЕНКО. Слово предоставляет министру культуры РСФСР Юрию Серафимовичу Мелентьеву.

Ю. С. МЕЛЕНТЬЕВ. Товарищи! Наше VIII Всесоюзное писательское собрание проходит под знаком новаторских, революционизирующих идей XXVII съезда партии. Понятна та взыскательная острота, которой отмечен уже первый день работы писательского съезда: нынешнее переломное время властно требует перестройки и в таком тонком деле, как литературное творчество, отказа от косности, инертности, идейной дряблости, требует глубокого осознания масштабности задач, поставленных ныне партией перед мастерами культуры.

Работа в нашем литературном цехе многообразна, многоаспектна, многозвенна. Хотелось бы особо выделить одно из решающих звеньев — звено, связующее писателя с читателем. Не будем повторять за булгаковскими героями горделивую, но часто и горестную фразу, что, дескать, «рукописи не горят». Как бы ни было талантливо, ярко, актуально произведение, оно начинает свою подлинную жизнь только после встречи с читателем. Лишь в этом контексте может вспыхнуть та дуга высокого духовного напряжения, которая светом правды и истины освещает мысли и чувства человека, а иной раз «перепахивает», по известному ленинскому выражению, всю его жизнь.

Мы по праву гордимся своими читателями, не без основания называем наших людей самыми читающими в мире, с законным удовлетворением приводим солидные цифры численности фондов государственных и общественных библиотек, несколько опасливо упоминаем о миллиардах томов, стоящих на полках в личных книжных собраниях.

Все это бесспорно так. Но также бесспорно, что путь к читательскому сердцу нужно торить и сегодня, дабы обратиться его к Белинскому и Гоголю, оторвав от «миллорда глупого», представленного в наши дни безмерно плодящимися посредственными детективами и другим время убивающим чтивом как зарубежных, так и доморощенных авторов. Достаточно поговорить с библиотекарями или приглядеться к книгообмену, чтобы убедиться в наличии такого досадного перекоса в круге чтения немалого числа людей. И что особо печально — молодежи.

Пропаганда литературы, работа с читателями у нас ведется достаточно широко. Ею занимаются библиотечные и клубные работники, школа, средства массовой информации, общество книголюбив, книгоиздатели и, разумеется, сами писатели.

Мы знаем немалые достоинства и немалые изъяны в освоении книжных богатств. Множество копий сломано в дискуссиях о преподавании литературы в школе, о путях приобщения подрастающего поколения к сокровищнице русской и мировой классики.

Один из таких путей следует, в частности, видеть в совершенствовании деятельности литературных музеев, которые могут и должны играть все возрастающую роль в системе

пропаганды литературы и передачи читателям того нравственного опыта, который заключен как в творчестве, так и в самой жизни наших крупнейших писателей.

Только в Российской Федерации сейчас более 120 государственных литературных музеев, а народных и школьных — сотни. Они пользуются неизменным интересом и устойчиво пребывают в зоне того «музейного взрыва», который характерен для последних лет.

Некогда Гете высказал мысль о том, что понять до конца поэта можно, лишь побывав в его стране. Сотни тысяч, в конечном счете миллионы, людей познают наших великих писателей и поэтов, проникают в таинства их творчества, побывав в их «стране» у Пушкина в Михайловском, у Лермонтова в Тарханах, Толстого в Ясной Поляне, у Некрасова в Карабихе, у Тургенева в Спасско-Лутовинове, у Шевченко в Каневе, у Чехова в Мелихово и Ялте, у Важа Пшавела в Чаргали.

О какой музейной тишине можно говорить, когда ежегодные всесоюзные и республиканские праздники в этих местах захватывают в свою орбиту широчайшие народные массы, становятся характерной чертой нашего времени, советского образа жизни.

Радуюсь такому людскому половодью, небывалому паломничеству в наши литературные Мекки, мы не можем не думать о том, что обязаны сохранить их на века, чтобы они могли служить нравственными ориентирами и для грядущих поколений. Надо нам активизировать и работу по музейному освоению памятных мест тех, перед кем мы пока в большом долгу: Шахматово (Блока), Спас-Угол (Шедрина), Хмелита (Грибоедова).

В последнее время в печати появилось, да и продолжает появляться значительное число материалов, критикующих органы культуры в центре и на местах, реставрационные организации за их упущения и ошибки. Эти упреки имеют основания. В реставрации много непорядков. Не оправдания ради, а правды для хочу сказать, что причины недостатков в сохранении памятников истории и культуры коренятся не только в плохой организации или небрежении. Ведь и в этом деле сыграл свою отрицательную роль осужденный XXVII съездом партии «костаточный принцип» планирования, финансирования и строительства социально-культурных объектов. Принятые в последнее время важные решения дают нам реальную возможность существенно улучшить положение дел и в этой сфере. Сейчас вопрос об улучшении реставрационного дела подготовлен для обсуждения в Совете Министров РСФСР, а осенью он будет вынесен на Всесоюзное совещание.

Решение многосложных проблем, возникающих вокруг славных литературных гнезд, — забота общая, требующая объединения усилий многих организаций и, в первую очередь, органов культуры и писательской общечественности. Именно это со всей очевидностью показала нам борьба за судьбу Ясной Поляны. Потребовалось вмешательство Центрального Комитета КПСС, чтобы рас-

путать сложнейший узел многих экономических и экологических проблем, составляющих грозную опасность для музея-усадьбы Льва Николаевича Толстого. И мы благодарны Центральному Комитету нашей партии за требовательные и решительные действия по спасению национальной святыни.

Наше время принесло небывалый всплеск народного интереса к отечественной истории. Читатель все с более пристальным вниманием обращается к литературным памятникам далекого прошлого, жадно поглощает исторические и документально-исторические книги. Мы обязаны более смело и последовательно идти навстречу этому интересу, разумеется, не потворствуя искажению исторической истины, а твердо отстаивая проверенные принципы нашего научного мировоззрения, ленинского отношения к культурно-историческому наследию.

Это относится и к нашему музейному строительству, 800-летие выдающегося памятника древнерусской литературы «Слово о полку Игореве» было ознаменовано открытием в Ярославле, именно в том месте, где был обнаружен его драгоценный список, первого музея «Слова», располагающего сегодня сотнями бесценных экспонатов.

На стадии завершения находится ныне создание Музея русской былины в Суздале, где уже несколько лет успешно работает Музей древнерусской летописной и старопечатной книги.

По-прежнему влечет к себе тысячи туристов музей Куликовской битвы, открытый в 1980 году на Красном холме между Непрядвой и Доном, где важнейшими экспонатами являются списки «Задонщины» и многочисленные издания произведений российских писателей и поэтов, посвященных полю судьбы народной.

Нам предстоит продолжить работу по ликвидации в научных разработках, музейных экспозициях еще существующих белых пятен, искажающих объективную картину историко-литературного процесса. Как говорил на Первом съезде писателей Алексей Максимович Горький: «Прошлое — не безупречно, но упрекать его бессмысленно, а вот изучать необходимо».

Возьмем, например, религиозно-литературные борения XVII века, фигуру протопопа Аввакума. Мы уже научились видеть в древней храмовой архитектуре не ее культовую оболочку, а рукотворную память о великой умелости мастеровитых прашуров наших, их неистребимое стремление к красоте и соразмерности. И мы должны помочь современнику увидеть и оценить в Аввакуме Петрове замечательного писателя Древней Руси, смело бросившего вызов высшим церковным кругам и самому царю. Если можно, применить этот термин к столь отдаленным временам, он был одним из первых русских публицистов, принявших мученическую казнь за свои убеждения.

В ближайшее время предстоят реставрационные работы в селе Григорово, где родился идеолог антиниконианской ереси и где в Музее нижегородского крестьянского быта будет

отражена жизнь и литературная деятельность Аввакума.

Введение не только в научный оборот, но и в духовный мир широкого читателя незадолго забытых или мало известных имен и целых периодов развития отечественной словесности тем более важно, что среди наших идейных противников есть немало желающих укоротить век русской литературы, свести ее истоки к западным заимствованиям и влияниям. Как тут не согласиться с мыслью Дмитрия Сергеевича Лихачева о том, что не научно и не патриотично начинать историю русской литературы со времен петровских преобразований.

За последнее время немало сделано по увековечению памяти декабристов, что называется, «во глубине сибирских руд». Мы благодарны сибирякам за их патриотические дела — открытие и дальнейшее развитие музеев в Чите, Иркутске, Ялуторовске, Кургане, Ново-Селенгинске.

Но можно ли считать нормальным, что до сих пор мы не имеем музея декабристов ни в Москве, ни в Ленинграде? Следует подчеркнуть, что такой музей неизбежно будет и литературным, ведь среди декабристов такие бесценные для российской словесности имена, как Кондратий Рылеев, Федор Глинка, Вильгельм Кюхельбекер, Александр Бестужев-Марлинский, Александр Одоевский!

Но сегодня лед тронулся: Моссовет близок к принятию решения о выделении под Музей декабристов дома Бестужевых на улице Карла Маркса, 23. Исторический и Литературный музеи уже готовят первую его экспозицию: «Пушкин и декабристы». Это станет еще одним вкладом в московскую Пушкинскую, обогащенную недавно Домом-музеем Александра Сергеевича на Арбате.

Для нашей секции особый интерес должны представлять имена Белинского, Добролюбова, Чернышевского — великих русских критиков, чье наследие было и остается одним из нетленных истоков и ориентиров советского литературоведения и критики.

Следует признаться, что музейное отражение их жизни и творчества до недавнего времени не соответствовало высокой роли «шестидесятников» в нашей истории и культуре. В последние годы открыты музеи Н. Г. Чернышевского в Астрахани и Чите, да и знаменитый саратовский музей получает серьезное приращение. В ближайшие месяцы примет посетителей новая экспозиция «Подвиг Чернышевского» в специально выстроенном здании.

150-летие Добролюбова было ознаменовано началом работы полнокровного музея великого критика в Горьком. Одновременно с комплексом мемориальных зданий здесь был открыт и замечательный памятник Добролюбову.

Пенза бережно хранит память о своем великом земляке В. Г. Белинском. В Чембаре создан, можно сказать, превосходный Музей-заповедник нестового Виссариона. В Пензенской гимназии, где он учился, готовимся открыть литературный музей писателей этого края. А вот в Москве и Ленинграде Белин-

скому пока не повезло, и надо сделать все возможное, чтобы исправить положение.

Следовало бы всем нам вместе серьезно подумать и о создании в ряде мест литературных экспозиций, которые носили бы не только мемориально-персональный характер, но связывали бы в диалектическом единстве многие писательские имена, показывали бы широкую панораму историко-литературной жизни того или иного региона в длительном временном периоде, перекидывали бы логические мостики от прошлого к современности. Разве не интересно и полезно было бы, скажем, в Новокузнецке суметь проследить пути, ведущие от «Мертвого дома» Достоевского к городу-саду Маяковского? Показать роль и место великой русской реки Волги в жизненном пути и творчестве многих корифеев отечественной литературы? Собрать в единую музейную цепь литературные реалии по дороге из Ленинграда (Петербурга) в Москву. А сколько интересных тем может дать в этом отношении Сибирь, Дальний Восток, где предстоит достойно увековечить такие крупнейшие литературные имена, как Александр Фадеев, Вячеслав Шишков, Василий Федоров, Василий Шукшин.

Эта работа уже начата, но она должна быть подкреплена серьезными научными исследованиями, бережным сбором мемориального материала, чтобы создаваемые музеи в полной мере отражали значимость этих писателей, ту щедрую меру народной любви, которой окружены их имена.

У будущих музеев советских писателей есть уже достойные ориентиры. Недавно начал складываться Музей-заповедник Михаила Шолохова на Дону. Но уже сегодня он обретает такие очертания, которые позволяют утверждать — здесь будет центр шолоховедения и место поклонения крупнейшему писателю XX века. Прочный авторитет завоевал созданный несколько лет назад Музей Константина Федина в Саратове.

Шире, ярче, убедительнее могли бы мы показать взаимосвязи и взаимообогащение наших национальных культур. Сколько тут благородных, но еще далеко не в полной мере раскрытых тем. Мы знаем, какую роль играл Кавказ в жизни и творчестве Пушкина, Лермонтова, Толстого... Гордимся сердечными братскими узами, связывающими многих русских писателей с Тарасом Шевченко, дружбой казахского просветителя Чокана Валиханова с Чернышевским и Достоевским. А сколько самых прекрасных примеров дает в этом отношении советская литература, наша сегодняшняя действительность.

Работа по воплощению в жизнь всех этих замыслов может быть успешной только при условии совместных целенаправленных усилий наших литературоведов, органов культуры и писательских организаций страны, как в центре, так и на местах.

Наверное, сейчас, в преддверии третьего тысячелетия, когда итожит свои пути-дороги наш бурный XX век, мы могли бы подумать о совместной разработке перспективного, научно обоснованного плана, который бы предусматривал комплексное, системное отражение музейными средствами, средствами

монументальной пропаганды достижений отечественной литературы. Такой документ мог бы, очевидно, войти достойной страницей в государственные, общенародные планы, которые определены решениями XXVII съезда КПСС.

Его основой может и должна стать та серьезная работа по составлению и изданию многотомного свода памятников истории и культуры, которая развернулась ныне по всей стране.

Но, конечно, нашей первейшей заботой является укрепление, рост и развитие Государственного литературного музея в Москве. Коллектив музея при повседневных контактах с Союзами писателей СССР, РСФСР, с московскими писателями, Институтом мировой литературы немало добился в последние годы. Достаточно напомнить открытие в канун 50-летия Первого съезда писателей капитальной экспозиции по истории советской многонациональной литературы.

Музей широко известен не только в нашей стране, но и за рубежом. Его выставки знакомят тысячи людей в разных странах с творцами нашей литературы, с ее развитием и служат тем самым благородному делу борьбы за мир, установлению духовных контактов между народами.

Музей активно осваивает ряд новых помещений, представленных для его нужд Моссоветом, делаются первые шаги по музеефикации литературного Переделкино. Однако отсутствие у Литмузея основного здания, которое несколько лет назад было снесено в ходе реконструкции центра, лишает нас возможности создать фундаментальную историко-литературную экспозицию. Имеется неоднократно откорректированный проект нового здания Литературного музея. Однако по разным причинам начало его сооружения откладывается из года в год. Но мы надеемся, что такое строительство, несмотря на все трудности, будет начато в XII пятилетке.

Товарищи!

Сегодня партия ставит перед нами задачу показать умение перестраиваться, искать новые формы и методы художественного освоения действительности, ни на минуту не обольщаться достигнутым.

На современном этапе неизмеримо возрастает роль духовных начал в жизни общества, ибо нравственный прогресс становится гарантом сохранения жизни на земле, самой возможности дальнейшего человеческого прогресса.

Нет сомнения, что писательский съезд внесет много нового в жизнь нашего литературного Союза, придаст свежие импульсы творческому труду и общественной активности советских писателей с тем, чтобы нравственные сокровища народа, аккумулированные в литературе, еще лучше служили делу мира и социализма. (А плоды с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Дмитрию Сергеевичу Лихачеву.

Д. ЛИХАЧЕВ. Товарищи! Я согласен с тем, что говорил Виталий Михайлович Озеров

в своем докладе. Но хочу, несмотря на то, что я согласен, одновременно и возразить ему по некоторым пунктам. Вернее, это не возражение, а уточнение.

Прежде всего, о нашей критике. Я боюсь, что после вчерашнего заседания съезда Союза писателей и после сегодняшних высказываний критика станет по преимуществу отрицательной, то есть товарищи критики шарахнутся в сторону отрицательных рецензий. Это неправильно. Рецензии и обзоры делятся не на положительные и отрицательные, а на глубокие и поверхностные. И это нужно усвоить.

Дело в том, что в той практике, которая существует в газетах и журналах, критикам отводится очень мало места, и тогда действительно приходится либо ругать, либо хвалить произведения.

Поэтому мне кажется, что нужно подумать о более глубоких рецензиях, анализирующих произведения, а не просто ругающих и хвалящих их.

Нужно подумать о том, какие журналы на это вообще способны. Потому что, скажем, журнал, занимающийся и критикой, «Русская литература» — хороший журнал. Но когда в нем пишутся общие статьи, то стыдно их читать. И не нужно «Русской литературе» заниматься теоретизированием, на которое у его авторов нет сил и способностей. Ведь авторы «Русской литературы» пишут статьи, книги и учебники, в которых из советской литературы исключаются Багрицкий, Эренбург, Булгаков, Мандельштам, Пастернак и так далее. Такого рода примитивные статьи печатаются и в журнале «Русская литература».

Надо подумать, какие журналы могут руководить критикой и давать более глубокие обзоры. Что такое наши обзоры? Это ведь *перечислительные* обзоры: вышли такие-то и такие-то книги и даются их примитивные оценки.

Критика должна быть глубокой и анализирующей.

Может быть, подумать, если на это хватит сил и средств, создать журнал «Критика», журнал больших статей и обзоров, в котором бы критики могли разговаривать друг с другом. Потому что случается так, что критик обращается только к читателю или к автору. Нужно, чтобы в области критики происходили споры между критиками.

Второе. Положительный герой. Я — за положительного героя. Об этом много говорилось вчера и говорится сегодня. Я могу также указать на те области, где можно искать положительных героев: среди учителей, музейных работников, экскурсоводов и так далее. Но произошел следующий казус в Ленинграде: там нет памятника Достоевскому. Это удивительно, но это так. Обратились к заведующей отделом культуры в горисполком. И она сказала: «Достоевскому? У него нет положительного героя в его произведениях». А ведь действительно такого положительного героя, которому можно было бы подражать, нет.

(В. М. Озеров: «Не считая самого Достоевского».)

Между тем «Преступление и наказание» — это самый актуальный роман, потому что

он направлен не только против фашизма и национализма, но и против терроризма, он воспитывает весь мир.

Здесь надо подумать, чтобы положительный герой не заполнял нашу литературу и не привел бы к самоуспокоенности, что есть положительные герои. Нужны еще положительные идеи.

И третий вопрос, о котором я хочу сказать, это вопрос о премиях. Этот вопрос касается критиков. Я не дам на него ответа. Если автор получает Ленинскую или Государственную премию, попробуйте подвергнуть разбору его произведение, ведь критиков подменяют часто Комитеты по премиям различного рода, после которых критику сказать свое слово очень трудно.

Надо подумать, за что писателей награждать — за произведение? Думаю, что нет. Потому что это выводит произведение из зоны настоящего серьезного критического обдумывания. Нужно награждать писателей за такие героические дела, как дело Залыгина, когда он боролся и продолжает бороться с нарушениями в природе, за это награждать нужно. А за произведение — это значит выводить писателя из-под критики.

Я не уверен, что надо отменить для писателей те премии, которыми награждаются авторы других областей, но характер мотивов, по которым даются премии писателям, должен измениться. Благодарю за внимание. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Владимиру Ивановичу Гусеву.

В. ГУСЕВ. Перед литературой и критикой стоят острые проблемы, на мой взгляд, нуждающиеся уже не столько в обсуждении, сколько в решении. Ибо с ними все ясно, только вот они не решаются.

Острейшая из творческих сфер последние 2—3 года — это соотношение искусства и публицистики, в том числе внутри самого искусства. Публицистика — на первом плане, и это ныне ясно, закономерно. Мы за публицистику как таковую и за естественную публицистичность в беллетристическом творчестве. Правда, есть тут проблема. Сочетая беллетристику с публицистикой, некоторые даже и наиболее авторитетные из наших писателей не выдерживают, мне кажется, того уровня художественности, который и публицистике дает ее силу. Это — путь наименьшего сопротивления. Дело усугубляется тем, что у нас, как водится, тут же нарочито спутали степень публицистической остроты и критерий художественности.

Возможно, публицистика сейчас важнее глубины художества. Многие согласятся с этим. Но тот минимум, который требуется от литератора, — это не путать того и другого: называть вещи их именами. Устали мы от всех и всяких подмен. Дискуссия о публицистике в «Литгазете» не внесла ясности в это дело. Дискуссия о правде и правдоподобию в той же газете тоже не внесла, а истерические статьи вроде статьи М. Ганиной (4 дек. 1985 г.) лишь запутали простые профессиональные истины. Вообще странные разговоры, которые ведут сейчас многие, в том числе

именно авторитетные писатели. У них выходит, что писатель обязан заниматься всеми вопросами, проваленными другими ведомствами, лишь не обязан писать хорошо. Это, мол, нынче никому не надо. Вообще мы по-прежнему проявляем мало истинного достоинства. У нас порой как в футболе, где нам при 2 миллиардах зрителей судьи дают пощечины, а мы лишь кланяемся да ругаем своих. Писатель должен писать обо всех острых и неострых жизненных вопросах и при этом писать хорошо. Иначе его писания будут иметь обратный эффект. Есть термин в социологии — «дискредитация идеи». Требуется ли заново доказывать все это?

Слишком многие беды, не только в литературе, но и в упомянутых ведомствах, у нас по-прежнему происходят от авантюризма, некомпетентности, дилетантизма, поспешности, шарахания из стороны в сторону, от низкого профессионального уровня. Возможно, от этого произошел и Чернобыль. У нас по-прежнему слишком многие заняты не своим делом. Говорят, главное — равнодушные. Но равнодушный дурак опаснее врага. Даже еще более опасен. Печально будет, если и публицистика займется не своим прямым делом, а чем-то иным. А именно, будет просто прикрывать собою чью-то нынешнюю творческую несостоятельность. Ведь проще всего писать плохие романы на острые темы и при этом утверждать, что ныне не до художества. Тогда как на деле ныне не до конъюнктуры духа и не до плохих романов.

Прозанки и критики, обсуждавшие вопрос о том, что во время пожара у нас начнется повальное воровство, оказались неправы. Они и не могли оказаться правы, ибо у нашего народа есть извечная черта: во время пожара он проявляет собранность. И не ворует, а тушит пожар. Иначе не только малые пожары, но и 1380, и 1605, и 1812, и 1941 годы кончились бы иначе. Вот и Чернобыль. Что же в будничной жизни мы порой все никак не проявим эту собранность? Что же по-прежнему в ней так много вранья, неустройства, приспособленчества и мертвых взаимоподмен? Вот о чем бы думать, а не о том, что художество изжило себя. А оно не изжило, ибо дух человеческий, мы надеемся, неизживаем.

В плане тематическом, мне кажется, исподволь продолжается то сталкивание лбами городской и деревенской фактуры, которое уж не довело и еще не доведет нас до добра. В деревне идут чрезвычайно новые процессы, которые уж освоены публицистикой как таковой и не освоены беллетристической прозой. В каждом народе, составляющем сейчас эту страну, есть одна острейшая коллизия, которая выражается словами: «русские в городе», «молдаване в городе», «литовцы в городе». Эта коллизия, и верно, большая, сложная. Исходное в нации — это деревня. Но ныне?.. В каждом национальном варианте есть тут свои оттенки. Но многие до сих пор замуриваются в адрес этой коллизии. И появляются или дешевый городской модерн, или вялая описательность и эмоциональная риторика под названием добротной деревенской прозы.

Если говорить о стилях в литературе —

назрело следующее. Давно пора нам специально разобраться в понятии «стиль национальный». Абсолютная неразработанность этого понятия тормозит развитие национальных культур. Я думаю, что, как минимум, надо подумать о том, что в национальной культуре есть два-три больших стиля, в диалектике коих и рождается самая целостность культуры. Стремление подчинить культуру одному какому-либо стилевому принципу есть кивок пустому позитивизму. Например, в современной русской поэзии, ориентированной на национально-фольклорную традицию, есть линия Кольцов — Есенин и далее, а есть линия Некрасов — Твардовский и далее. Стилистически это разное. Первое ближе романтическому мироощущению, второе четко реалистично. Подумать бы об их взаимовлиянии, об их разнице, а не вести дискуссии о том, каков должен быть «общий стиль» народной русской поэзии, как это делает порою, например, журнал «Русская литература».

Как не раз говорилось, острейшая проблема — это молодые писатели. Критика упустила целых 2—3 поколения в литературе. Положение сложное. У молодых не одни достижения. У них еще иждивенчество, раздражение и усталость за годы. Многие отучились мыслить, творить реально. Некоторые молодые и не очень молодые прозаики, прозаики, поэты, поэтессы, критики и критикессы настроены так, что они будут брать-то идеи, образы, тезисы у самих старших, но при этом старших же и ругать, грубить им. Что уже и делается. Важно жестко, сухо и холодно отобрать среди молодых все сильное, умное, даровитое, именно молодое, заставить этих людей работать, а не бить баклуши и требовать привилегий. Но уж тем, кто достоин, и верно давать дорогу. А может, и зеленую улицу.

Что касается Московской организации, то она переживает период споров, раздумий и даже мести за критику. В этом «выражается» перестройка в ней. Но, я думаю, такое состояние не столь уж интересно для общесоюзной критики. Вообще перестройка в Союзе писателей, по-моему, пока не наступила. Удивляет храбрость литераторов при разговоре о чем угодно и их же робость при разговоре о литературных порядках. Из-за всего этого в настроении у некоторых писателей, критиков есть элемент усталости и разочарования.

Что касается внутрицеховых проблем самой критики, то побольше бы ей свободы: как внутренней, так и внешней. Вновь и вновь встает проблема: критик и издатель, критик и печатный орган. Критик не сам себя печатает — об этом хотя бы забыть. Можно сказать, что и у поэтов, прозаиков так же. Так же, но не так. Критик зависит от печати плотнее. Он чаще связан с заказом; способ его высказывания более однозначен, чем у поэта, прозаика, и тем самым более резок для редактора. Подробней об этом говорилось в докладе Л. Лавлинского, с которым я согласен во многих положениях.

Между тем цель критика — не довольство редактора, а мысль и истина. Прогресс литературы и нравов. Все, что «остальное» — то от лукавого. (А плоды сменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Йонас Ланкутис (Вильнюс).

И. ЛАНКУТИС. В данном выступлении мне бы хотелось сказать несколько слов о необходимости расширения общественно-культурологического кругозора критики и литературоведения.

Наблюдения за ходом развития нашей эстетической мысли (я имею в виду положение не только в Литве, но и в некоторых других республиках) дают основание констатировать весьма интенсивный рост профессионального мастерства и теоретического уровня критики и литературоведения (кое-где происходит сближение или даже слияние этих двух сфер творческой деятельности). Основная тенденция, пожалуй, выразилась в том, что большинство собратьев нашего цеха активно стремились к повышению научных квалификаций, совершенствованию литературного анализа. Ярко обозначилась специализация по определенным проблемам, жанрам, авторам, регионам и т. п. Много сил отдано методологическим поискам, проблемам общей теории, поэтики, стилистики, освоению мирового литературоведческого опыта. Благодаря этим усилиям выросла наша эстетическая культура, по-новому воспринимаются многие идейно-художественные ценности как многонациональной советской литературы, так и классического наследия. Преодолевались рудименты примитивного комментирования, вульгаризаторства, схематизма и догматизма, иллюстративного подхода к явлениям художественного творчества. Все это не может не радовать.

Но одновременно раскрылось и другое. В целом ряде случаев литературный анализ стал обнаруживать черты узости и замкнутости, некоторые работы становятся тяжело-весными от труднодоступного наукообразия (особенно диссертации). Во многих публикациях как бы нивелируются идейно-эстетические ценности и их критерии, а на первый план выступает демонстрирование методологических приемов, отчего явления творчества становятся лишь материалом для абстрактных структурных схем или сопоставления формальных стереотипов, для мелкой и мало плодотворной классификации разных жанровых и стилистических моделей. Литературность, книжность, а иногда и салонность процветают не только на ниве нашей поэзии, беллетристики, но и во многих рецензиях, статьях, литературно-критических монографиях. Растет число способных, высококвалифицированных филологов, искусных эссеистов, но мало ярких индивидуальностей, авторитетных и дальновидных аналитиков духовного состояния общества, его отражения в литературе. Мало и подлинной самостоятельности, независимости, гражданской и нравственной устойчивости, полемики по крупным вопросам. Нет новых идей, озаряющих истинное положение современности и открывающих яркие перспективы будущего.

Узкая специализация, цеховая замкнутость все чаще приводят к тому, что критик, пишущий о поэзии, уже не решается сказать свое слово о прозе; исследователь драматургии

не считает себя компетентным говорить о документалистике. И уж совсем резкое разграничение наблюдается между критиками, занимающимися проблемами литературы, и критиками, оценивающими явления живописи, графики, театра, музыки, кино и других видов искусства. Порою здесь обнаруживаются различные критерии ценностей, неодинаковые методологические принципы, терминологическая разногласица. Разные виды искусства чаще всего оцениваются, интерпретируются и осмысляются изолированно, независимо друг от друга. А ведь надо вести речь об общих процессах развития современной культуры, ее общих тенденциях и закономерностях. Упуская из виду целое, вряд ли мы сможем увидеть что-либо существенное на тесном пространстве того или иного произведения, того или иного жанра или вида художественного творчества. К сожалению, почти ничего не делается для того, чтобы преодолеть эти «ведомственные» разграничения, чтобы найти общий язык между специалистами по литературе и искусству.

Этот вопрос, видимо, связан и с образовательной системой, особенностями учебного процесса в средних и высших школах. Ведь происходит странное явление. Например, в начале века и в довоенные годы в Литве было немало людей, главным образом лекторов, которые безо всякой скрупулезности рецензировали новые книги, театральные постановки, анализировали выставки изобразительного искусства, писали обзоры музыкальной жизни, выпускали монографии по фольклору, вступали в дискуссии по языковедческим проблемам. Во многих случаях их высказывания и по сей день цитируются в трудах по разным видам искусства и литературы. Сегодня гуманитарное образование и подготовка специалистов как будто достигли блестящих вершин, но ни критиков, ни писателей такого широкого гуманитарного кругозора почти нет. Видимо, это происходит потому, что студент филологического факультета слишком «специализирован», что эстетическая подготовка не способствует формированию широкого культурологического кругозора.

На мой взгляд, современная критика и литературоведение недостаточно контактируют и с такими отраслями общественных наук, как философия, социология, история, экономика, психология, право. Мало комплексных исследований, смежных дискуссий, нацеленности на крупные проблемы общественного развития, на всестороннее и синтезирующее познание современной личности, ее социального, нравственного и психологического статуса.

В суждениях о литературе и искусстве все еще недостаточно развит социологический аспект. Чаще всего мы встречаем лишь видимость социально-нравственного анализа, т. е. разговор ведется по давно сложившимся и застывшим схемам, в соответствии с патетическими и парадными представлениями о жизни. Поэтому даже остро поставленные проблемы иногда оказываются лишь псевдопроблемами. Молодые критики и литературоведы чаще всего формируются под воздей-

ствием таких факторов, которые больше увлекают их в сферу теории, чем в сферу активного вмешательства в жизненные процессы.

Наступило время, когда со всех сторон звучат голоса, призывающие к коренному переустройству нашей жизни. Эта задача особенно важна в различных сферах интеллектуальной деятельности. И, конечно, многое здесь будет зависеть от того, по какому руслу повернет наше общественное мнение. А литературно-художественная критика в этом деле может сыграть весьма существенную роль. Ведь именно так дело обстояло во времена Белинского, определившего критику как сознание действительности, как сознание эпохи. Критика нашего времени стоит перед необходимостью существенного обновления, нуждается в ярких подвигах творческой мысли. Таких усилий и изменений невозможно себе представить без прихода молодых талантов, без появления новой волны смелых критиков и литературоведов. Воспитание и профессиональная подготовка новых кадров приобретают первостепенное значение. Думается, немаловажную роль в этом деле могут сыграть и акцентированные в данном выступлении усилия по расширению общественно-культурологического кругозора литературной критики и литературоведения. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Валентин Петрович Лукьянин (Свердловск).

В. ЛУКЪЯНИН. XXVII съезд КПСС в своей Резолюции призвал литературно-художественную критику «активнее выступать против безыдейности, парадного многописания, мелкого бытокопательства, конъюнктурщины и делячества». Думаю, причины этих действительно распространенных пороков лежат не только в области профессиональной этики литераторов, но и в сфере теоретического сознания, потому что и безыдейность, и парадность, равно как и бытокопательство, и конъюнктурщина не любят себя афишировать, и критикам, редакторам подчас просто не хватает аналитических средств, чтобы доказательно отличить их от социального оптимизма, приверженности к правде, романтической устремленности к идеалу.

Теоретически неподготовленными мы оказывались в прошлом едва ли не всякий раз, когда в литературу входил сильный и своеобразный талант, не укладывавшийся в стандарты и каноны критического мышления. Для кратости я назову лишь имена В. Овечкина, Е. Евтушенко, В. Быкова, Ю. Трифонова. Каждый из нас легко продолжит этот — печальный, славный? (Не знаю как лучше сказать) — список.

Теоретическую беспомощность мы и теперь ощущаем всякий раз, когда встречаемся с вещью неординарной, чем-то нарушающей наш душевный комфорт. Не умея оценить такую вещь доказательно, мы отдаем ее во власть случайностей и тем самым подпитываем легенду, будто единственный объективный судья художника — время. И мне уже дово-

дилось слышать от профессиональных писателей, членов Союза, что редактор не вправе что-то отклонять, печатать надо все, а время выберет и сохранит достойное. В таких суждениях я вижу неуважение не столько к труду редактора, сколько к высокому искусству литературы, ибо псевдодемократическая общедоступность ее оборачивается — и обернулась уже во многих случаях — катастрофическим снижением ее духовного потенциала и, как следствие, общественной значимости.

Это все — очень тревожные симптомы. Означают они, что критика, которую Белинский очень точно назвал движущейся эстетикой, подчеркнув тем самым именно теоретическую, методологическую ее суть, определенно утратила вкус к теории, к проблемному мышлению, а потому в некотором смысле перестала быть сама собой. Почему это случилось? Думаю, что тут сработали две главные причины.

Во-первых, сама система организации труда критиков, сложившаяся в нашем творческом союзе, не способствует их вовлечению в круг забот текущей литературы. Мы принимаем в члены СП наших коллег-критиков — как и романистов! — за книги, и о нашем творческом престиже принято с некоторых пор судить по количеству и толщине изданных книг. Вот мы все и уселись писать толстые книги, в которых бранные хлопоты сегодняшнего дня едва просматриваются в обобщенной панораме целых десятилетий. А некогда боевые, непосредственно включенные в текущий литературный процесс журнальные и, тем более, газетные жанры рецензии, проблемной статьи отодвинулись на задний план — так, легкая разминка, отдых от главной работы, хобби.

Вторая причина. С каких-то приснопамятных времен мы приспособились подменять теоретическое осмысление реального литературного процесса слегка подновленным обоснованием давно сложившихся схем. Похоже на то, как ученик подгоняет решение задачи под готовый ответ, подсмотренный в конце учебника.

Поясню эту мысль примером.

В одном из февральских номеров еженедельника «Литературная Россия» появилась обзорная статья критика В. Скоробогатко о партийном работнике на страницах современной прозы. И вот как она начиналась: «На рубеже 80-х внимание к фигуре партийного активиста в нашей литературе значительно выросло». Фраза, конечно, вполне «дежурная»: издавна считается, что образ коммуниста — в центре внимания нашей литературы, а сейчас, когда партия повела народ по пути перестройки, внимание к нему, логически рассуждая, должно вырасти. Но вот что получилось: чтобы представить наглядно этот заявленный рост, критику пришлось, как говорится, изрядно «по сусекам поскрести»: кроме неперемного и, конечно, бесспорного в этом плане романа Г. Маркова «Грядущему веку», он сумел подобрать лишь четыре произведения, которые хотя бы в какой-то мере подтвердили посылку. Я сказал «хотя бы в какой-то мере», потому что одно из них —

уже пятилетней давности (для газетного обзора вроде бы и старовато), в других партийные активисты — где-то на втором плане, да и осмыслены авторами не очень-то свежо.

Впрочем, дело даже не в количестве: в конце концов в нашем безбрежном и многоязыком литературном потоке вовсе немудрено что-то и проглядеть. Другое наводит на размышление: что-то незаметно, чтобы названные обозревателем «Литературной России» произведения вызвали особый интерес читателей и критики. Говорят и пишут о других вещах: о романах Ю. Бондарева, С. Залыгина, В. Астафьева, о повестях В. Распутина, В. Быкова, В. Маканина и многих других вещах.

Невооруженным глазом видно, насколько это все разные произведения. Но не менее отчетливо видно и другое: их герои — положительные или отрицательные, принимаемые рецензентами или отвергаемые — выбраны авторами из безбрежного моря человеческих судеб и лиц отнюдь не по признаку непосредственной причастности к партийной работе. Более того, если даже герой по замыслу оказывается членом партии, то этому обстоятельству, как правилу, особого значения не придается: не в нем ищет автор ключ к его характеру, не оно определяет движение сюжета. То есть в этих и многих подобных случаях слово «коммунист» не подошло бы для обозначения, так сказать, родового признака главного героя повествования.

Вот такая реальная картина.

Зачем же понадобилось критику из «Литературной России» создавать видимость, что события в литературе развиваются не так, как на самом деле, а по схеме? Ведь схема — хорошая ли, плохая — не более как плод наших познавательных усилий, достояние нашего умозрения. В самой изучаемой реальности на ней ровным счетом ничто не держится, и разрушение ее, когда в том появляется нужда, никаких реальных устоев не подрывает. На самом деле, что вытекает из «ретического» признания, что литература 80-х годов уделяет меньше внимания образу коммуниста, партийного работника, чем, скажем, литература 60-х? Всего вероятнее, что идеологический заряд художественного творчества, получавший прежде наиболее концентрированное выражение в образе коммуниста, сегодня, сохраняя свою глубинную суть, нередко воплощается в иных формах. Почему? Да хотя бы потому, что образ коммуниста-вожака уже достаточно освоен художественным сознанием, а вот черты коммунистической нравственности в сознании и поведении людей простых, вроде бы далеких от какой бы то ни было общественно-политической деятельности, но воспитанных всем нашим образом жизни, — таких, как Степанида у Василя Быкова или Иван Петрович Егоров у Валентина Распутина, — составляют проблему, новую для литературы и в высшей степени актуальную.

Но даже если критик усмотрел в ослаблении внимания литературы к образу коммуниста утрату завоеванных прежде позиций, то почему это тревожное явление не сделать предметом обсуждения? Ведь, как заявил на

недавнем Пленуме ЦК КПСС М. С. Горбачев: «Партии и народу нужна вся правда — в большом и малом. Только она воспитывает людей с развитым чувством гражданского долга, а ложь и полуправда развращают сознание, деформируют личность, мешают выработке реалистических выводов, оценок, без чего не может быть активной партийной политики».

Я так подробно остановился на одной, и не будем преувеличивать, проходной газетной публикации лишь потому, что в ней наглядно проступили контуры общей и, как мне кажется, в высшей степени важной проблемы: по ряду существенных вопросов в своей критической практике мы руководствуемся не живой и гибкой теорией, а заостренными, обветшалыми схемами, которые, однако, мы воспринимаем как своего рода слонов, на которых держится мир нашей литературы. Очень уж мы боимся, чтоб хотя бы один из этих слонов не пошатнулся.

Надо решиться, наконец, сломать эту допотопическую космологию! Надо докопаться до истинной сути того, в чем новизна, достоинство и жизнеутверждающая сила нашей литературы и чем подлинная литература отличается от злоумышленных или благонамеренных ее подделок. Без решения этих вопросов, без серьезной теоретической, мировоззренческой подготовки заметных сдвигов к лучшему в нашей литературной жизни не произойдет. Я понимаю, что дело не только в теории. Но без надежных теоретических основ наши попытки что-то перестроить в литературе могут принести больше вреда, чем пользы.

И еще. Я понимаю, насколько общий характер носят мои призывы. Но конкретные пути обратного превращения критики в движущую эстетику — слишком сложный предмет для десятиминутного выступления. Скорее — это тема специального пленума Правления СП СССР и уж несомненно — важнейшее направление работы Совета по критике на предстоящие пять лет. (А п л о д и с с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Араму Паруйровичу Григоряну (Ереван).

А. ГРИГОРЯН. Обращенность к непреходящему и одновременно к сиюминутному в литературе составляет трудный парадокс самого жанра и феномена критики.

Сложность жанра усугубляется тем, что литературная критика, принадлежа художественной литературе и науке о литературе, ориентирована одновременно и на художественное, и на научное сознание, что также составляет ее специфику.

Внутренняя специфика жанра литературной критики, естественно, ввергает ее в сложные ситуации, в которых она должна сохранить не только ясность мысли и первозданность чувств, но и достоинство.

Очевидно, писательские съезды в числе других задач призваны выяснять и анализировать состояние литературной критики, ее движение, перспективы и современное качество. К большому своему огорчению, я должен сказать о том, что, как мне кажется, задача нашего

съезда в этом смысле значительно скромнее и вместе с тем драматичнее. Нам, вероятно, придется выяснять и другое — как выглядит у нас литературная критика как единый жанр и как многожанровая система: как невыразимо сложное, часто раздражаемое внутренними противоречиями двуединство художественного и научного сознания и, наконец, как общественный институт, как сила, влияющая на литературный процесс, на литературную жизнь и общественное сознание и поведение, как сила, что-то созидаящая и что-то сокрушающая? Боюсь, что такой панорамы литературной критики у нас нет.

Критики у нас есть, хорошие критики тоже есть, есть даже разные поколения критиков, у нас возникают критические споры и столкновения позиций, вкусов, пристрастий, симпатий и антипатий, как объективных, так и субъективных, есть много эпизодов из общественной и частной жизни критики. Но критики как жанра, как целостного единства, как системного явления, как общественного института и процесса с собственной судьбой и обращенностью к судьбам литературы нет. Это печальный парадокс, нам принадлежащий и нами творимый. Боюсь, что наши критические усилия разрозненны, а цели локальны или во всяком случае негибко индивидуальны.

Недостаточная целеустремленность и конструктивность, пренебрежение анализом, ложно-публицистическая запальчивость, камуфлирующая неискренность разговора о литературе лежит печатью, проштемпелеванностью на наших критических статьях.

Мечтательная неточность мышления критика определяет уровень беллетристического повествования, подменяющего в критической статье критический анализ. Заявленность и нераскрытость, непроанализированность проблемы и текста литературного произведения часто дискредитируют саму проблему и саму литературу.

Меня в последнее время смущает и другое — вызывающе новая фразеология как малопочтенный камуфляж, иллюзия новой проблематики и новых эпатирующие броских форм обращенности к этой проблематике, а по существу — следование старым стертым штампам, правда «поданным» ширококестельно и под видом новации.

Здесь важно помнить еще и о том, что критика как самостоятельный литературный жанр открывает и объясняет новые миры не только в литературе и жизни, но и в себе самой.

Исследуя литературу с ее проблемами, она имеет и свои собственные проблемы, так как она — не служанка литературы, а самостоятельная сфера творчества, самостоятельный жанр. Я имею в виду проблемы, которые, как мне кажется, мало занимают современную армянскую литературную критику — проблемы собственной методологии, стилей, форм, способов мышления, собственных мотиваций на эстетическом и логико-понятийном уровне.

Может быть, я не стал бы говорить об этом с трибуны большого писательского форума, если бы это касалось только наших — армян-

ских — дел. Но, очевидно, все это в какой-то мере «отблески» и «отсветы» наших общих критических дел, событий и явлений.

Жанровая недостаточность литературной критики как целостной системы, естественно, предопределяет и отсутствие форм и многожанрового качества самой критики — у нас чрезвычайно скудны виды литературно-критической статьи. А это значит, что нет многостилевого и многообразного диалога критики с литературой и с читателем — и квалифицированным, и широким. А ведь многообразие форм литературной критики — свидетельство не только содержательного богатства, но и — что не менее важно — культуры критического разговора и мышления в целом.

Здесь важно помнить не только о том, что различные виды критического исследования осуществляют различные принципы анализа, но и о том, что каждый литературный критик — это творческая индивидуальность, так же, как и любой другой художник или исследователь.

У нас бывает и одно мнение, и два мнения, и много эмоционально сбивчивых мнений, и отсутствие мнений, но слаб живой и целостный организм критики (бояться нужно не различных мнений, даже высказанных публично) — в конце концов это рождает право и возможность читательского выбора, иначе говоря, читательской свободы; а отсутствие мнения прикрывается эпатажем или критическим притворством.

Страшен не плюрализм во вкусах, оценках и суждениях, а отсутствие или элементарная однозначность этих вкусов, оценок и суждений, не столкновение или противостояние взглядов и точек зрения, а их безжизненность, бестрепетность и бессодержательность.

И еще, очевидно, важно обаяние самого критика. Я имею в виду его позитивную и негативную страсть, вкус, одаренность, форму эрудиции и манеру изъясняться — мягко обходительную, маниакально однозначную и слепую в этой своей однозначности, резко наступательную, двусмысленно расшаркивающую, устойчиво идеологическую, эстетически обостренную, профессионально и нравственно универсальную, жанрово сосредоточенную или жанрово раскованную, строгую или расцветченную, сакраментально нашептывающую или эпатирующе великолепную, или еще какую-нибудь другую.

Из всего, что делает критик, должна высвечиваться его личность, его стиль в широком смысле этого понятия (у нас же этот стиль очень часто так безнадежно нивелирован, что бывает невозможно ни интуитивно, ни в высочайшем напряжении интеллекта или даже детективной дедукции Шерлока Холмса угадать автора и даже группу, к которой он принадлежит или хотел бы принадлежать, и, что совсем уже непостижимо, поколение, которое он представляет). Это очень серьезное обстоятельство.

Наши критические статьи — нередко «царство» надмирной человечности и размытого профессионализма, а столкновение мнений порой выглядит буффонадно или театрално, так как часто бывает лишено подлинной

человеческой и профессиональной заинтересованности.

И еще — что также очень важно, хотя и об этом как-то немножечко неловко говорить — критик должен уметь читать художественное произведение и наслаждаться этим чтением — по-человечески, непрофессионально, импульсивно, незаданно, как это случается в самом детстве, когда книга — жизнь, смерть, божественное наслаждение, любовь, ненависть, смех, слезы, счастье, трагедия, совершенно своя. Только тогда он может и имеет право публично анализировать и интерпретировать, рассматривать и препарировать книгу. А то случается так, что один критик еще не научился читать, другой уже разучился читать — но оба с «хорошей» профессиональной испорченностью бросаются на текст и один непрофессионально, другой перепрофессионально терзают и рвут его на части. В этих случаях критику нужно просто преградить путь к критике, причем не только критической, но и хвалебной.

Многие вещи, которые живут в нашей литературной критике, мешают ей вырасти в силу, действительно влияющую на литературный процесс и общественное сознание и создающую собственную художественную и научную систему.

Это вещи простые и сложные, банальные и истонченные, более распространенные и менее распространенные, более опасные и менее опасные, движущиеся и константные, постоянные и переменные, субъективные и объективные, личные и коллективные, старые и новые. К сожалению, даже простой их перечень достаточно впечатляет.

Механический разговор «поверх» текста рассматриваемого произведения, с донаучной и донравственной беспечностью подменяющий анализ, серость и бесцветность формы и записи, а потому и самого рассуждения, рождающие скуку, царящую в самой статье и «вокруг» нее. Эти и некоторые другие недостатки армянской литературной критики разрушают самостоятельную жизнь жанра, делают его какой-то придаточной и элементарно-прикладной сферой деятельности, весьма неуверенной и вторичной.

Полушутка о том, что сейчас хорошей рецензией считается та, которая делает ненужным чтение книги, у нас подчас обретает зловеще-реальные очертания. И тем не менее мне хочется кончить этот разговор не в минорных тонах, а словами надежды. А для надежд на «новые времена» есть немалые основания.

Мне даже хочется помечтать и пофантазировать о тех временах, когда у нас появятся литературно-критические школы и критики, статьи которых читатели будут с нетерпением ждать и упоенно читать и перечитывать, как упоенно читают и перечитывают любимые книги. (А плодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Аркадию Павловичу Эльяшевичу (Ленинград).

А. ЭЛЬЯШЕВИЧ. Ветер социально-политических и нравственных перемен, пронесшийся в последний год над нашей страной, никого не может оставить равнодушным.

Все мы хотим видеть литературу более динамичной, масштабной, психологически глубокой и, главное, более мужественно отстаивающей социалистические идеалы.

Можно сколько угодно призывать к повышению художественного качества произведений, но эти призывы останутся на бумаге, если одновременно мы не будем отстаивать предельную правдивость в воссоздании жизни. Писать лучше — это прежде всего писать безбоязненной и честней.

Несколько дней назад на июньском Пленуме ЦК КПСС были сказаны замечательные слова: «Партии и народу нужна вся правда — в большом и малом. Только она воспитывает людей с развитым чувством гражданского долга, а ложь и полуправда развращают сознание, деформируют личность» («Коммунист», 1986, № 10, с. 9).

А ведь в книгах 80-х годов наряду с правдой находишь и немало того, что является не только полуправдой, но и четвертьправдой. Есть и такие произведения, о которых можно сказать — читаешь в них одно, а в действительности видишь совсем другое.

Мне кажется, наши проза и поэзия в первой половине 80-х годов не полностью отвечали запросам читателей, разбег, взятый литературой в минувшее десятилетие, ощутимо замедлился.

Конечно, прав был Игорь Дедков в одной из своих запомнившихся статей, упрекавший писателей так называемой «московской школы» в стремлении обойти острые жизненные углы, в склонности создавать произведения социально обтекаемые. Но ведь и многим более маститым художникам в 80-е годы заметно не хватало интереса к главным делам и заботам народа.

Как же так? Ведь мы и раньше нацеливали писателей и на правдивость, и на смелость в отображении жизни. Очевидно, слова и дела здесь у нас частенько не совпадали, да и сегодня не всегда совпадают.

Вспомните, к примеру, какой яростной критике подвергались отдельные произведения Тендрякова, Абрамова, Трифонова, по-настоящему нетерпимые к недостаткам в практике нашего общества и в психологии части людей.

Трудно вообще назвать в последние годы какую-либо социально острую книгу, которая получила бы у нас единодушную поддержку.

В прошлом году я прочитал в Ленинграде рукопись одного молодого автора. Ее действие протекает на кафедре медицинского учреждения. Характеры людей здесь выписаны очень зримо, а вот всего, что касается серьезных недочетов в системе нашего здравоохранения, писатель, к сожалению, старательно избегает. Когда я сказал ему об этом, он обиделся. Мол, кто же, товарищ критик, будет печатать мой роман, если в нем окажется эта столь желанная для вас социальная острота? Увы, эти слова имеют под собой основание. Да, в последние годы мы стали опасаться бескомпромиссных книг, опасаться, что кто-то

среди читателей может понять их неверно. Перестали подчас доверять способности художника глубоко интерпретировать действительность и самому решать, за какие братья темы, в каком ключе их решать, и какие герои — положительные или отрицательные — должны быть у него в фокусе повествования.

Мы часто преувеличиваем наши художественные победы. Распространился жанр критической статьи — обозрения, где в качестве нетленных шедевров перечисляются десятки новых книг. Хотя всем ясно, что половину из них критик просто физически не мог внимательно прочитать. А если бы прочитал, то убедился, что целый ряд этих произведений не больше чем добросовестная посредственность.

Впрочем, и в литературе 80-х есть безусловное немало ценного и, больше того, удивительно актуального сегодня.

Я не считаю художественно совершенными ни «Печальный детектив» В. Астафьева, ни «Имитатора» С. Есина, ни «Пожар» В. Распутина, ни «Картину» Д. Гранина. Но это исполненные гражданской боли, смелые и во многом неожиданные книги. И не случайно они вызвали такой широкий общественный резонанс.

Произведения, заслуживающие нашей поддержки, есть и в самых последних номерах журналов за 1986 г. Назову, к примеру, «Незавершенку» С. Есина и «Тещину станцию» — повесть доселе малозвестного В. Конова («Наш современник», № 4—5). Мне кажется, перед нами не просто авторские удачи. И баншица Прасковья Кузьминична, так называемый «простой человек из народа», страшная в своей простоте, хватистости и способности творить зло, у С. Есина, и колхозница Евдокия, поставившая свою цель выжать из своего приусадебного участка миллион, в повести Конова — это типы, ранее не встречавшиеся в нашей прозе. И переоценить значение таких художественных открытий невозможно.

В 80-е годы возникли или получили дальнейшего распространения и некоторые новаторские тенденции литературного процесса. Одна из самых важных — отход нашей эпической прозы от экстенсивных художественных форм, связавших себя в прошлом с жанрами романа-эпопеи или цикла эпических романов, к формам интенсивным, не признающим никаких жанровых барьеров. Эпическим звучанием сегодня наполнены и иные повести, и камерные романы (к примеру, «Знак беды», «Сказание о Юозасе», «Буранный полустанок», «Колесом дорога», «Каратели», «Еще заметен след»), в которых за судьбами героев ощущается судьба общества, судьба народа. Этот отход сопровождался выработкой новой поэтики, новых художественных приемов, которые еще не стали предметом нашего глубокого изучения.

Новые рубежи взяла в 80-е годы и наша проза о Великой Отечественной войне. Прежде всего в документальных, хотя и не только в документальных формах. Утвердились новаторские жанры, условно говоря «романа-оратории» и «повести-исследования», восходящие еще к замечательной и подзабытой

нами «Брестской крепости» С. Смирнова. Именно на этом пути возникли, с одной стороны, и «Блокадная книга», и «У войны — не женское лицо» и «Последние свидетели» С. Алексиевич, а с другой — «Капитан дальнего плавания», «Полководец», «Зеленая брама». Зона правды о войне во всех этих книгах, на мой взгляд, чрезвычайно расширилась. Изображение высокой цены, заплаченной нами за Победу, несколько не ослабило, а, напротив, усилило их патристическое и гражданское звучание. В последнее время к этим произведениям добавились и другие, не менее значительные. Среди них я назыву в первую очередь повести Л. Овчинниковой «Сталинград. Улица Карусельная» и А. Генатулина «Вот кончится война...» А наряду с ними исполненный волнующего драматизма, чрезвычайно яркий роман В. Салковского «На старой Смоленской дороге», рассказывающий о смоленской деревне в годы оккупации. Диву даешься, как этот бесстрашный в своем следовании за правдой времени роман мог пролежать много лет под спудом.

Хочу сказать коротко и о наших собственных внутрицеховых проблемах.

Очень слабо подвигается у нас разработка теории социалистического реализма. Возьмете ли вы театр, кино, живопись, литературу — всюду мы наблюдаем сегодня широкий веер художественных стилей, использование самых различных форм и приемов — и притчевых, и символических, и мифологических, и гротескных. А небольшая, но напористая группа ученых, не желая замечать реального положения вещей, сложившегося в литературе и искусстве, все эти годы продолжала настаивать на том, что реализм — это изображение жизни в формах самой жизни, а все иное — от лукавого, стремясь тем самым опровергнуть несомненно оправдавшую себя на практике концепцию социалистического реализма как открытой эстетической системы. Впрочем, и сторонникам этой концепции можно предъявить серьезный упрек: новых капитальных трудов для ее дальнейшего углубления за последние годы почти не было создано.

Меня тревожит и положение, сложившееся сегодня в издательствах и книготорге. Выпуск новых критических и литературоведческих работ уменьшается. Резко падают тиражи. Все это требует, как мне кажется, неотложного вмешательства литературной общественности.

Разумеется, невозможно проходить мимо серых, поверхностных критических выступлений, фактов пресмыкательства иных авторов перед литературными генералами. Ведь и сегодня стоит отдельным храбрецам вступить в спор с кем-либо из именитых писателей, у того тут же находятся разъяренные защитники.

Однако давайте воздадим должное тому, что заслуживает самого широкого общественного признания.

Как ни много грехов у нашей критики, трудно не заметить, что она все же неизмеримо выросла за последние тридцать лет. И в эстетическом плане, и в плане своего мастерства. Да и просто научилась говорить живым человеческим языком, а не подделываться под

интонации газетных передовиц и вещать от имени народа. На мой взгляд, лучшие создания современной критики стоят вровень с широко известными повестями и романами, хотя и не обладают, к сожалению, и десятой долей их популярности.

Напомню, к примеру, о таких книгах, как «Живое лицо времени» Игоря Дедкова, «Бесконечность поиска» Анатолия Бочарова, «Контакты» Льва Аннинского, «Трепет сердца» Игоря Золотусского. «В 70-е и сегодня» Юрия Суровцева. А сколько можно еще назвать талантливых критических работ!

Раздел «Критика критики» в «Литературной газете» себя оправдал. Однако, вероятно, стоило бы там ввести и другой постоянный раздел: условно говоря, «Поэзия критики», то есть постоянный обзор первоклассных литературоведческих и критических книг. В такой рубрике, по-моему, есть насущная необходимость и для других газет и журналов.

И последнее. Хотя не в смысле важности. Сегодня мы все чаще сталкиваемся, как вы хорошо знаете, с забвением некоторых основополагающих марксистских принципов подхода к классическому наследию. Зачем, к примеру, стирать все противоречия в творчестве автора «Братьев Карамазовых» и «Бесов»? Ведь даже такие уязвимые страницы его биографии, как сочинение адреса Александру II, кое-кто пытается ныне представить как свидетельство прогрессивности мировоззрения писателя. Исторические записки Волгина «Последний год Достоевского», где об этом, в частности, идет речь, не лишены ряда достоинств. И все же отдельные страницы этих записок проникнуты такой идеализацией взглядов великого художника, что невольно испытываешь за их автора неловкость.

Любовь к русской литературе несовместима и с противопоставлением одних писателей другим, с суетными групповыми заботами, во имя которых Тургенева то и дело побивают Достоевским, Белинского — Аполлоном Григорьевым, а, говоря о современных, Трифонова — Беловым и Белова — Трифоновым.

Групповые страсти и заботы... Долго же они нас одолевают. Не пора ли наконец поставить им надежный заслон. И чем скорее, тем лучше. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Лазису Пулатовичу Каюмову (Ташкент).

Л. КАЮМОВ. Прототип и художественный образ, доля вымысла в художественном творчестве, правдоподобие вымышленного и другие атрибуты образного мышления и отражения действительности разработаны в теории искусства достаточно полно. Но насколько все это правильно применяется, в каждом конкретном случае практики, точно определить — задача трудная. Не берусь утверждать, что сплошь и рядом происходят неверные оценки. Но есть немало фактов, когда из-за неправильного понимания этих вопросов, а также из-за различных субъективных причин, включая гражданскую трусость или злоумышленную хитрость, порою истина приносится в жертву.

Так получились с некоторыми произведениями писателей Узбекистана, где главные герои

оказались на деле далеко не положительными. Больше того, и в некоторой части документальной и художественной литературы позже положительные герои оказались преступниками, очковтирателями, взяточниками, приписчиками, зараженными другими негативными явлениями.

Все это было сформулировано XXI съездом Компартии Узбекистана так: «За последние годы у нас создано немало значительных произведений литературы и искусства, которые явились важным событием в духовной жизни. С партийных, народных позиций, в яркой, образной, художественной форме раскрывают достижения и проблемы современности, способствуют культурному росту людей.

Следует сказать, однако, и о том, что в последнее время в некоторых произведениях допускались и идейные отклонения, художественная неполноценность, нарушалась правда жизни и правда истории. Правление Союза писателей, работники издательств и другие ответственные лица знали об ущербности таких, с позволения сказать, произведений, как «Последний бархан» и «Дыхание земли», но открыли им дорогу в свет».

Все это получило принципиальную оценку, но, к сожалению, литературная критика только присоединилась к политической оценке. Более того, в свое время в печати были высказаны по вышеуказанным различным причинам об этих произведениях весьма похвальные отзывы литературной критики. Все это говорит о том, что как вывод из практики этого пятилетия следует подчеркнуть незыблемость принципа критики сопоставить любое явление с оригиналом, с действительностью, при этом весьма объективно.

Отсюда возникает необходимость глубокого знания самой действительности не только писателями, но также и критиками. По части знаний действительности многие из нас страдают скромностью представлений.

XXVII съезд КПСС в своих материалах раскрыл широчайшую панораму картины действительности. Назвал адреса патристических начинаний, добрых починов. Но если критика соберет в одно место все художественное отражение этой действительности и сопоставит ее, то окажется далеко не полноценная картина охвата жизни вниманием художника.

Если говорить на примере узбекской литературы, мы ощущаем большую задолженность перед нашим современником и в равной степени и перед своей историей. Если говорить об истории, хотя и количество исторических романов за это пятилетие стало больше, среди них романы К. Яшена, А. Якубова, П. Кадырова, Мирмухсина и других, но все же нельзя сказать, что качество соответствует количеству. Более того, отдельные романы, как, например, «Вечные вершины» М. Махмудова, оказались идейным браком, и наш идеологический враг не упустил возможности использовать его в своих классовых интересах.

Если говорить о романах на темы современности, то в некоторых, как указано выше, вымысел оказался больше, чем доля правды, от чего пострадал прежде всего читатель, не менее и литература. Потому что мы в таких

случаях шли на потерю доверия читателя к себе. А оно самое ценное, завоеванное литературой, и каждый писатель должен умножать его, а не уничтожать по частям. Причин такой потери можно найти много, среди которых я считаю главной недостаточное знание действительности и писателями, и критиками.

Любой критик измеряет правдивость образа в своем уме на глаз. Критерий этот зависит от ума, таланта и серьезности критика. Несомненно, момент субъективности в критике присутствует, но при всем том должна быть ось, объединяющая все субъективные оценки и различные мнения и суждения о жизни, о литературе. Такой осью считаю правду. Примером нарушения этой закономерности следует считать появление иронического выражения «секретарской» литературы, принадлежащего А. Твардовскому. Но мне кажется, это выражение почти полностью касается узбекской «секретарской» конъюнктурной литературы.

К сожалению, некоторые мои коллеги долго и упорно хвалили явно серые произведения отдельных писателей и, более того, старались в этом усердии превзойти друг друга.

Все это вспоминается, как дурной сон прошлого. Сегодня наша литературная критика трезво смотрит и на жизнь, и на литературу. То, что коммунистическая партия призвала называть вещи своими именами, имеет самое прямое отношение к литературной критике и больше чем к кому-либо другому. То, что партия сказала — не должны быть личности или зоны вне партийной критики, — имеет прямое отношение к литературной личности и зоне тоже. Да, пусть совесть критика будет главным мериллом критерия истинности.

Сегодняшняя многонациональная советская литература живет, трудится, развивается в упорной борьбе с вражеской идеологией, и эта борьба охватывает все аспекты литературного художественного творчества. Но при всем том есть один аспект, особенно актуальный для литературы Средней Азии, это — исламский фактор.

Потерявшая после победы Великой Октябрьской социалистической революции свою гегемонную позицию исламская религиозная идеология с тех пор и по сей день стремится ухватиться за соломинку, ибо она на самом деле в положении утопающего. Стараются вдохнуть жизнь идеологии панисламизма, пантюркизма и других видов национализма не только их сторонники с Востока, но не менее активно западные и американские их единомышленники. Объединяет их антирусское, антисоветское, антисоциалистическое стремление. Они стараются внушить мысль, что будто бы религиозные и националистические чувства превосходят над социальными чувствами, воспитанными советским обществом у наших людей. Потому и национализм в самых различных видах, формах и дозах стараются внедрить в сознание читателей, зрителей и слушателей.

Форма подачи этого яда разнообразна. Нас, среднеазиатские народы, запугивают потерей

национального своеобразия, русификации, разобщением, угрозой переселения в другие края — Сибирь, Тюмень. С другой стороны, жонглируя демографическими цифрами, многодетностью семей, запугивают русских поглощением их азиатами-мусульманами. Даже в интернациональных семьях они видят угрозу распада нации.

Вспышка теории панисламизма, горячо поддержанная мировой реакцией, видна в настоящее время на примере Ирана, где откровенно бросается клич собраться под знаменем ислама под предводительством аятолла Хомейни.

Конечно, все это советским людям старшего поколения ясно как старая, отвергнутая жизнью еще в первые годы Октябрьской революции бредовая теория. Она большей частью направлена на одурманивание молодого поколения, еще больше — зарубежной молодежи.

Но, к сожалению, элементы их влияния в виде национализма в различных позах и дозах имеют место и в некоторых произведениях и наших молодых современников. Им наш народ представляется обрубленными деревьями, и будто бы даже реки наши коют не на родном языке. Такое воспаленное чувство далеко от настоящей советской гордости, ибо оно лишено весьма существенного фактора — правды. В действительности же любое достижение нашей большой страны — явление не только национальное, но и интернациональное. Порожденное этим чувство семьи единой выдержало испытание во многих трудных моментах нашей истории и является залогом будущих больших побед.

Давайте рассмотрим этот вопрос в мировом контексте. Современный американский неоглобализм с амбицией претендента на мировое господство, угрозой атомного запугивания — вот пример ярко выраженного шовинизма, худшей формы национализма. И сегодня нет более важной задачи, чем объединить все свои усилия в борьбе за мир и за разъянение политики мирного наступления нашей страны. А это включает в себя и ленинское понимание интернационализма.

Прошедшее пятилетие поучительно во многом. Каждый из нас, кто жил и творил в этот период, чем-то обогатился, даже свои ошибки поучительны. Несомненно, наш съезд, объединяющий опыт не одного критика, критиков не одной литературы, а всей многонациональной советской литературы, представляет собой лучшие пять страниц современной мировой литературно-критической мысли. Всегда мы должны помнить, что мы в авангарде, что за нами следят не только враги, но так же и друзья и учатся у нас. Если с высоты полета окинуть современную литературно-критическую мысль мира, то мы находим состояние развития ее на самых различных уровнях высоты, и любой период нашей истории литературы и критической мысли поучителен не только для нас самих, но и для других тоже. Пусть чувство исторической значимости наших дел окрыляет нас на будущее. (А п л о д и с м е н т ы.)

литературе. А посмотрите, как яростно спорят между собой сами молодые!

Конечно, их проблемы ближе им самим, но разве внимание к этим проблемам и опыт старших не внесли бы в споры дух анализа! Не помешало бы иногда показать молодым и пример сохранения такта, выдержки, корректности в дискуссиях. Молодых раздражает императивный тон в критике. Один из них недавно в сердцах воскликнул: «Должны, должны, должны!.. Прямо какая-то болезнь литературы — выписывать рецепты».

Не надо думать, что молодые литераторы плохо осознают свой долг. Их обижают и раздражают, как сказал один из молодых поэтов, «беспомощные попытки свести новое к «хорошо забытому старому», их обижают и раздражает инерция мышления в критике.

Журнал «Литературная учеба», который я редактирую, привлекает многих молодых, и общение с ними мне лично доставляет огромное удовольствие. Среди них — на редкость люди не просто талантливые, но и умные, образованные, интеллигентные, оригинально мыслящие, прекрасно сознающие свой долг перед обществом. Их не надо подталкивать, не надо наставлять, с ними надо общаться, искать взаимопонимания, им надо помогать в силу своих возможностей.

Общение с молодыми продлевает и нашу литературную жизнь. Я имею в виду старшее поколение. Перед их лицом, перед их горячностью в отстаивании своего отношения к миру и своего творческого принципа нельзя оставаться старым и равнодушным.

На пути к прощальному рубежу жизни самым прекрасным, самым волнующим всегда было и остается сознание общности идеалов с молодым поколением.

Спасибо. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Харлампий Григорьевич Корбу (Кишинев).

Х. КОРБУ. Уважаемые товарищи! Перед критикой, как и перед всей художественной литературой, стоят сложные и неотложные задачи углубленного анализа жизненных процессов и процессов литературных, происшедших за пятилетний период и происходящих ныне на наших глазах. Дух требовательности, смелых, новаторских решений, творческого подхода к назревшим социальным, политическим и культурно-нравственным проблемам, которым была проникнута вся атмосфера XXVII съезда КПСС и основополагающие документы, принятые на нем, обязывает нас строже и ответственнее взглянуть на все наше литературно-критическое хозяйство, принципиальнее и последовательнее провести в жизнь принятые съездом решения во всех их многогранных аспектах, в том числе литературно-художественных.

Вчера на пленарном заседании в отчетном докладе и в ряде выступлений, сегодня в обстоятельных докладах В. М. Озерова, Л. Н. Новиченко, Л. И. Лавлинского затрагивались важные и принципиальные вопросы, касающиеся статуса и задач литературной критики. Прозвучали требования обоснован-

ные и для нашего духовного развития чрезвычайно актуальные. Если говорить суммарно о молдавской литературной критике, представленной сегодня рядом активных ее служителей, как Элиза Ботезату, Михаил Долган, Михай Чимпой, Николае Билецкий, Андрей Хропотинский, Анатолий Гаврилов и др., то ей присущи в целом те же характерные черты, те же трудности, недостатки и упущения, которые наблюдаются во всей общесоюзной литературной критике. Отмечу лишь, что проявляются они у нас по-разному и с разной интенсивностью.

В деятельности писательской организации Молдавии, как и страны в целом, важное место занимает воспитание молодой литературной смены. И надо признать, что сделано немало. Рубрика молодых писателей в литературно-художественных публикациях стала постоянной, чаще и квалифицированное стала откликаться на появление новых книг и новых молодых дарований литературная критика. В издательстве «Литература артистикэ» в серии «Дебют» вышло около 50 книг начинающих авторов, снабженных предисловиями-рекомендациями известных писателей и литературных критиков. Все это способствовало росту и возмужанию молодых.

Однако в работе с молодыми далеко не все гладко, не все благополучно. Те же предисловия к дебютам молодых во многом ставят под вопрос хорошо задуманное дело, ставят под вопрос порой своей профессиональной инфантильностью, претенциозностью, неужимым славословием в адрес начинающего писателя при полном отсутствии конкретного анализа и реалистической оценки конкретного произведения. Подобные предисловия-рекомендации могут лишь ввести в заблуждение и неопытного автора, и широкого читателя. А ведь под этими предисловиями стоят имена известных и уважаемых людей. Что это такое, если не своеобразное проявление равнодушия к такому ответственному делу, как воспитание молодой литературной смены.

Думается, необходимо строже и ответственнее отнестись к своим обязанностям литературным наставникам, чаще организовывать обсуждения и разбор творчества молодых на республиканском, региональном и всесоюзном уровнях, включая сюда и периодические всесоюзные совещания, посвященные творчеству молодых. При этом подобные встречи и обсуждения могли бы строиться по принципу жанровому или проблемно-тематическому.

Другой вопрос. Процесс освоения литературной критикой текущего литературного процесса идет рука об руку с покрытием тех белых пятен, которые имеются еще на литературных картах наших литераторов. Речь идет не только о литературном прошлом, более или менее отдаленном, которое является зоной действия литературоведения, но и о литературе и писателях весьма близких нам по времени и расстоянию, которые составляют постоянную заботу литературной критики, писательской общественности. И это вполне естественно, ибо не может быть полной ясности сегодняшнего положения дел и завтрашних пер-

спектив без прояснения всего пройденного пути во всей его сложности и многогранности.

Создание ряда фундаментальных трудов, в том числе многотомной «Истории многонациональной советской литературы», многотомной «Истории литературы народов СССР дооктябрьского периода», осуществленных коллективными усилиями литературоведов и критиков страны под эгидой Института мировой литературы АН СССР, заставляло и заставляет интенсифицировать усилия в этом направлении, сократить до минимума число белых пятен, дать аргументированный ответ на накопившиеся годами сложные проблемы. Об этом же свидетельствует и ряд острых выступлений писателей, опубликованных на страницах литературной печати. Запомнились волнующие размышления, посмертно опубликованные на страницах «Советской культуры», Константина Симонова, статья Евгения Евтушенко на страницах «Литературной газеты» и др.

Подобный процесс освоения литературного прошлого происходит и в Молдавии. Недавно, к примеру, молдавскому литературоведу С. Г. Пынзару удалось установить, что один из активных молдавских писателей периода революции 1905—1907 гг.— Влад. Фиалковский, ставший впоследствии, после победы Великой Октябрьской социалистической революции видным партийным и государственным деятелем Советской Грузии, продолжал интенсивно и плодотворно заниматься литературной деятельностью. Его литературное наследие, включающее различные произведения, в том числе и роман «Вечная красота», представляет собой важное звено в истории развития молдавской художественной культуры, являя яркий пример дружественных братских связей различных народов нашей страны.

К великому сожалению, нужно признать, что в нашей практике встречаются примеры и иного рода. Много лет подряд ведутся у нас острые и пока бесплодные споры вокруг литературного наследия предоктябрьского русскоязычного молдавского писателя Василия Лашкова. Деятель и мыслитель либерального толка, стоящий в целом на идеалистических позициях, Лашков активно и плодотворно работал в различных жанрах: поэзии, драматургии, эссе, перевода, создав ряд значительных и своеобразных философских и литературно-художественных произведений, представляющих несомненный историко-литературный и художественно-эстетический интерес. Конечно, Лашков фигура сложная и противоречивая. Положение усугубляется еще тем, что Лашков после Октября оказался среди членов предательского органа «Совет страны», проголосовавшего за отторжение Бессарабии от Советской России. Недостаточная изученность всего наследия писателя, с одной стороны, и крайний, воинствующий консерватизм некоторых исследователей с другой, привели к тому, что эта чрезвычайно интересная и колоритная фигура остается неосвоенной, чем и наносится серьезный урон, непоправимый ущерб молдавской культуре в целом. Думается, что в стране

накоплен в этом отношении большой положительный опыт и мы должны им разумнее и целесообразнее распорядиться с тем, чтобы все богатство и все краски нашей культуры были с нами.

На этом позвольте закончить. Благодарю за внимание. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Георгию Петровичу Бердникову (Москва).

Г. БЕРДНИКОВ. Дорогие товарищи! Хорошо, что наш съезд горячо и остро обсуждает накопившиеся проблемы современного литературного процесса, что самокритично рассматривается положение дел в литературно-художественной критике. Более того, оказывается, что литературно-художественной критике уделяется наибольшее внимание даже на пленарных заседаниях съезда. Все это в духе XXVII съезда партии и его установок.

Однако есть еще одна особенность работы XXVII съезда. Все проблемы, не только внешней, но и внутренней политики партии, включая стратегию ускорения нашего социально-экономического развития, рассматривались съездом с учетом проблем всего современного мира, в органической связи с ними. Такой подход, как мне кажется, необходим и при анализе проблем не только истории, но и сегодняшнего состояния нашей литературы.

Как это, может быть, ни покажется странным по ходу нашего разговора, но мне кажется, что настает пора со всей серьезностью (и хотелось бы об этом сказать со всей ясностью и определенностью) говорить о мировом значении советской литературы, о ее роли, как и роли других социалистических литератур, в современном мире. Небольшой пример.

Как известно, у нас начинают постепенно налаживаться деловые отношения с Китайской Народной Республикой. Коснулся этот процесс и литературоведческой сферы. В Москве и в Пекине состоялись встречи с китайскими учеными, среди которых оказалось немало таких, кто учился у нас и кому посчастливилось пережить период «культурной революции». И вот теперь во время как официальных встреч, так и в частных беседах, мы слышали все новые и новые заявления о том, что наши коллеги почувствовали себя гражданами, партийными или беспартийными коммунистами под могучим воздействием советской литературы.

Несколько лет тому назад в Ханое на городском собрании, посвященном памяти М. Горького, где мне довелось выступать с докладом, я слушал ораторов, которые рассказывали о том, как советская литература, роман Горького «Мать» помогли бойцам против американских оккупантов сражаться и жить, преодолевая чудовищные трудности. И таким примерам нет конца.

В Институте мировой литературы ведутся исследования мирового значения советской литературы. Итоги этой работы будут подведены в последнем, девятом томе «Истории всемирной литературы», издания, которое сейчас выходит в свет. Одна из двух книг этого

девятого тома будет посвящена советской литературе. Тут мы надеемся наглядно показать реальное значение советской литературы в духовной культуре XX века.

В ближайшие годы будет создан еще один обобщающий труд — «Революционные преобразования XX века и мировая литература. Творческие завоевания». Здесь речь пойдет о прогрессивных демократических литературах Запада и Востока, о советской литературе, а в период после 1945 года — о крепнувшем, развивающемся содружестве социалистических литератур. Готовится и ряд других трудов.

Однако надо признать, что это только начало изучения большой проблемы — советская литература в современном мире.

И все же сегодня можно, несмотря на все те проблемы, которые нас волнуют, с полной уверенностью говорить о том, что советская литература является совестью нашего века, провозвестницей торжества справедливости во всем мире. Таковы ее традиции. Следует ли говорить, как бережно надо их сохранять и приумножать.

Не надо забывать и о том, что традиции эти уходят своими корнями к заветам великой демократической, революционно-демократической литературы и критики прошлого века. Вот почему это наследие так близко и дорого нам, почему оно находится в центре внимания наших ученых. За годы Советской власти мы далеко продвинулись вперед в его изучении. Но именно поэтому мы имеем возможность отчетливо видеть, как много еще надо сделать. И прежде всего надо покончить с теми орехами, которые имеют место в этой работе. А они есть.

Как это ни странно, но в последние годы, как уже отмечалось, у нас стали все чаще появляться публикации, которые направлены на дискредитацию основных положений русской революционно-демократической мысли. Такие книги и статьи подвергались справедливой критике, но это ничему не учит их авторов. Более того, иные из них чувствуют себя настоящими героями.

Надо не менее бережно относиться и к традициям советской литературы, тем самым, которые определили ее выдающуюся роль в духовной культуре XX века.

И здесь делается немало. Только что прошедшие в стране горьковские дни — одно из наглядных тому свидетельств. Совместно с искусствоведами мы готовим сейчас коллективный труд, который предметно покажет масштабы значения творческого наследия Шолохова для развития всей советской художественной культуры. Подобных работ готовится и уже вышло немало. И все же мы и тут считаем себя должниками, так как у нас пока не хватает реальных возможностей осуществить многие уже сложившиеся замыслы, направленные на укрепление классических традиций советской литературы.

Вместе с тем здесь есть и тревожные явления. За последние годы значительно расширился круг изучаемых явлений советской литературы прошлых десятилетий. Это наше несомненное достижение. Однако мне хотелось

бы поспорить с высказываниями некоторых критиков и литературоведов о творчестве таких писателей, как Цветаева, Мандельштам, Хлебников и др. Естественно было бы ожидать, что читателям расскажут об их сложном, противоречивом творческом пути. Ведь у многих из них бывали не только открытия и глубокие прозрения, но и серьезные заблуждения, периоды мучительных переживаний в связи с непониманием хода исторического развития, а отсюда — ощущением своего отщепенства, творческого бездорожья. Преобладает же на эту тему литература, которую можно сравнить лишь с жанром благостных житий святых. А каковы последствия? Иные молодые люди, вступающие в литературу, начинают, к примеру, изощренные формальные поиски, ориентируясь на творчество Хлебникова, раннего Пастернака. Можно ли ожидать на этом пути развития тех традиций, которые определяют величие советской литературы, ее авторитет у прогрессивных читателей мира? Другой пример. Иные, начитавшись таких житийных сочинений, начинают склоняться к мысли, что произведения этих писателей и есть становой хребет советской литературы.

Как видим, наша литературная и литературно-критическая повседневность действительно неотрывна от глобальных проблем XX века. Это в полной мере относится ко всему современному процессу развития советской литературы и его оценки критикой.

Ответственны задачи, поставленные партией перед литературной критикой. Понимание, что на тебя и на твоих коллег возложена ответственная задача быть проводником культурной политики партии, обязывает ко многому. И прежде всего к тому, чтобы раз и навсегда покончить с ошибками, которые стали, к сожалению, чем-то вроде хронической болезни некоторых наших критиков. Ведь это действительно нередко бывает, когда хвалятся явно бездарные сочинения, так как они написаны на важную тему. Но художественная фальшь способна лишь скомпрометировать высокую идею. Бывает и по-другому. Восхваляются мнимые художественные достоинства произведений, в которых нет и намека на нашу кипучую жизнь, сочинения, в которых умиленно рисуются обыватели разного пола и ранга в их замкнутом, тесном домашнем или служебном мире, их философствования вокруг выеденного яйца. И подобное существование рекламируется как нормальная форма человеческого бытия. Между тем произведения такого пошиба всегда считались в большом искусстве одной из худших разновидностей мешанской, подлинно «серой» литературы. Надо ли говорить, что они прямо противоречат основам основ не только советской литературы, но и советского образа жизни.

Вместе с тем критике надо учиться на деле бережно относиться к тому хорошему, чем мы располагаем. Надо видеть и показывать все то ценное, что появляется в нашей литературе. Ведь это факт, что верно служат упрочению авторитета советской литературы и писатели скромного дарования, создающие, однако, произведения, в которых четко бьется пульс нашей большой жизни. И если они привле-

кают внимание и симпатии читателей, пробуждают в них добрые чувства и мысли, достойные советского человека, они честно выполняют свой долг сегодня. А какие из этих книг будут жить в последующие десятилетия и века — решит история. Не секрет все же, что только те произведения становились долгожителями, авторы которых были глубоко поглощены великими проблемами своего времени.

Последнее время критика активно обсуждает резкое оживление публицистики в советской литературе. Следует отметить также, что публицистика все заметнее вторгается в различные жанры и прозы, и драматургии, и поэзии. Все это очевидное следствие стремления художников без промедления, уже сегодня внести свой вклад в процесс претворения в жизнь стратегии ускорения. Конечно, явления эти также подлежат вдумчивому анализу, хотя бы уже потому, что подобная поспешность оборачивается подчас немалыми издержками художественного порядка. Но в целом процесс этот, безусловно, позитивен.

Он является наглядным свидетельством той вдохновляющей роли, которую сыграл XXVII съезд. Нет сомнения, советских писателей не может не увлечь художественный анализ сложных процессов жизни в эпоху великих свершений, созидания и борьбы. Будем надеяться, что эта эпоха окажется колыбелью и больших произведений, тех, которыми будут зачитываться и наши потомки. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Казату Акматову (Фрунзе).

К. АКМАТОВ. Товарищи! Я хочу перед вами честно признаться в одном. Побывав два дня в Москве, прослушав доклад Г. М. Маркова и выступления наших делегатов вечера, прослушав доклады и выступления делегатов съезда сегодня, у меня лично изменилось отношение к собственному тексту, который я заготовил дома, находясь во Фрунзе, для сегодняшнего разговора на секции по критике. И поэтому я не буду читать текст, чтобы не отнимать у вас времени. Тем более изменилось мое отношение к своему тексту в связи с тем, что в докладе Виталия Михайловича Озерова вкратце охарактеризовано состояние литературно-художественной критики в Киргизии. И поэтому мы, киргизские делегаты, посоветовавшись, решили вам сегодня рассказать о той обстановке, о той аномалии, что произошли в общественной жизни нашей республики, в том числе в литературной жизни и, конечно, прежде всего в процессе литературно-художественной критики.

Думаю, прожитый нами неблагоприятный период ошибок и заблуждений послужит полезным уроком для других.

Как вы знаете, на XXVII съезде партии были подвергнуты критике стиль и методы работы руководства Киргизии за прошедший период.

Укоренился волюнтаризм во всех своих проявлениях, эта болезнь охватила почти все сферы общественной жизни. Но вот литератур-

ная жизнь, особенно критика, оказалась точным, зеркальным отражением той негативной атмосферы в республике.

То обстоятельство, что во главе Союза писателей Киргизии долгое время находился критик, должно было обернуться пользой для критики. На деле Аскарков сам предался с головой угодничеству, а критику отдал на откуп беспринципным товарищам наподобие Матиева, о котором уже говорил В. Озеров.

В результате литературные критерии были поставлены с ног на голову. Возносилась серость, наилучшие произведения киргизской литературы последних лет и их авторы публично были ошельмованы.

Примером этому может послужить ряд произведений, в том числе новый роман крупного киргизского прозаика Т. Касымбекова «Возрождение», пьесы М. Байджиева, Б. Жакиева и др.

В обстановке перегибов и перекосов со стороны руководства Союза писателей многие способные, принципиальные критики, как К. Бобулов, К. Артыкбаев, видя бесполезность борьбы, отстранились от живого процесса критики, занялись спокойной для себя работой — наукой, литературоведением.

Формализм, парадность не любят соседство с подлинной литературой. Наша критика предпринимала все меры, чтобы имя Ч. Айтматова как можно реже фигурировало в литературном процессе. Об этом уродлимом явлении недавно, уже во время перемен и перестройки, рассказал на странице республиканской партийной газеты наш известный критик К. Асаналиев в статье «О ком забыл Тазбаймат».

Литературно-критические аномалии втянули в свой оборот ряд молодых критиков, отчасти и воспитанников ИМЛ им. М. Горького. Это самое досадное явление в ряду всех серьезных недостатков. Молодые люди, учув личную выгоду в критике комплиментарной, угоднической, поддались этому неблагоприятному соблазну. Начали делать служебную карьеру, обзавелись бытовыми благами, обольщались положением «приближенного начальству», предав при этом интересы подлинной литературы и подлинной критики.

Таковыми оказались подающие надежды молодые критики Э. Нурушев, Э. Калдаров и другие.

Как известно, из всех зол самое страшное зло — дезориентировать молодежь, наше будущее. В этом отношении вред, нанесенный литературе группой недобросовестных людей во главе с т. Аскарковым, чрезвычайен и вызывает возмущение.

Итогом всего этого стало, конечно, не признание читателей, а высокие звания, ордена и другие награды, полученные наперекор принципам настоящего художественного творчества такими, можно сказать, околелитературными авторами, как И. Исаков, Б. Абакиров, М. Джангазиев, Ш. Бейшеналиев и др.

Конечно, все эти и другие факты грубых нарушений со всей остротой разоблачены и осуждены на съезде Компартии республики, на съезде писателей республики. Сняты с занимаемых должностей бывшие секретари

Союза Т. Аскарров, М. Жангазиев, Б. Омуралиев и другие. Укреплено новыми работниками руководство местной и литературной печати, принимаются дальнейшие организационные меры, идет перестройка по всем линиям литературной жизни.

При всем этом главным остается сознание людей, и прежде всего кадров критики. Без преодоления рутинности, косности и консерватизма в сознании литераторов нам не сделать шага вперед. Именно на это будет нацелен пленум правления СП Киргизии, проведение которого планируем на декабрь текущего года. Собираемся пригласить на него критиков из Москвы и других городов страны.

Период перестройки и обновления в нашем обществе, современный литературный процесс и состояние литературной критики — вот основные вопросы, на которых сосредоточим внимание на пленуме. И будем благодарны, если кто из присутствующих в этом зале литераторов, критиков примет деловое участие в нашем предстоящем разговоре.

В рамках ограниченного времени я остановился лишь на некоторых общих аспектах положения дел с критикой в нашей республике и рассказал больше о явлениях негативного свойства. Еще раз хочу повторить, что горький опыт в одной братской республике может послужить уроком для другой. Спасибо за внимание. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово для выступления предоставляется Игорю Александровичу Дедкову (Кострома).

И. ДЕДКОВ. Среди тех, кого нам сегодня недостает, писатель точного и объективного социального зрения — Виталий Семин. Пусть и его имя прозвучит здесь. Семин писал: «Что может быть важнее доступа к смыслу? Это ведь дверца в бессмертие. Я это чувствовал. По количеству света, которое идет от мысли, от ее вспышки. По качеству этого света. По отзвукам во всем моем существе».

Заманчивая дверца? И какая, должно быть, возле толчея? Певцы «вечного», творцы «бессмертного»... Но в устах Семина та дверца — как острейшее сознание труднодоступности смысла. Пробриться к смыслу — все равно что ее приоткрыть: какой спящий прорыв света! Он знал, что толчея не там, толчея у парадных подъездов скорейшего успеха, подтверждаемого новыми и новыми знаками внешнего отличия. Он был убежден, что к смыслу ведет «дорога труда и опасностей», что смысл бескорыстен и требует самоотверженности, что корыстные от него отворачиваются и что чем больше тебе открылось, тем больше «ты сам от этого зависишь».

То есть, иначе говоря, ты начинаешь и втягиваешься, и все меньше принадлежишь себе. Ты его добываешь, и на это обречен. Должен же быть смысл в этих лицах, словах, благодеяниях, злодеяниях, в слезах и веселье, в этой мешанине жизни, — какой-то неанонсированный, неотретированный, независимый смысл?

Вспомним прочитанное из изящной словесности последних лет. Много ли добы-

того смысла? Такого, чтобы вспышкой света?

Вспомним написанное нами. Много ли добыто того смысла? И только ли потому, что не можем?

Романы все толще, обложки все краше, тиражи все выше, писателей-героев все больше, амбиции растут, значительность в лицах и словах соответственно — прекрасная умиротворяющая картина, процветающая отрасль промышленности!

Но так ли часто — спросим себя — торжествовал художественный разум над обыденным сознанием, над скопищем житейских фактов, над упоенным эгоцентризмом и нарциссизмом, над однодневными истинами, над безвкусицей и нравственной неразборчивостью, над низкими и мелкими страстями?

Не часто, но торжествовал... Будь иначе, мы засадили бы на берегах пересохшей реки. А так что же — река как река, как равнинные российские реки: и сбрасывают в них всякой дряни довольно, и очистные сооружения небезупречны, и течение небыстрое — плотины да шлюзы, не текут, не останавлишь... «Буранный полустанок» Айтматова, «Дом» Абрамова, «Ташкент» Матевосяна, «Знак беды» и «Карьер» Быкова, «Белая церковь» Друц, «Железный театр» Чиладзе, «Старик» и московские повести Трифонова, да и многое другое — разве это не яростная добыча смысла? А разве не благодарны мы документалистике, во многом вдохновляемой Адамовичем, за восполнение человеческой истории войны? Немало достойного можно припомнить из поэзии и деревенского очерка.

Нет, не бедна наша литература, но предсъездовское ее состояние то ли заторможенное, то ли заворожненное... Отмечая усиление публицистического начала в прозе, задумывались ли мы всеерьезно, а каков уровень авторской мысли и не напрасно ли принесено ей в жертву искусство? И вообще давно нарастает вопрос: насколько социально точна, пронизательна, объективна художественная мысль, воплощенная в прозе последнего времени? С публицистическими ли примесями, проповедями или без них, но насколько соотносима с действительным состоянием жизни и человека, с заботами и стремлениями общества?

Да, в «Печальном детективе» Астафьева есть что-то отрезвляющее. Мы уходим из сверкающего богатого центра современного города и добираемся до окраинных барачных сараев, заборов, пустырей, железнодорожных тупиков и пакгаузов. Местность словно понижается. Сырая низина жизни. Мы в мире, чрезвычайно далеком от совершенства и благополучия. Откуда совершенство, если рассказано с десяток уголовных историй с насилиями, кровавыми драками и т. п.

Житейские обстоятельства порою так запутаны, что нравственный закон перед ними словно тушется. Автор эту растерянность чувствует и ей поддается. «Смотрите, смотрите! — говорит он нам. — Что делается! Слушайте, слушайте, что я вам расскажу!» Слушаем и смотрим, а в итоге остаемся при том же, с чего начали слушать и смотреть: при том же негодовании и при том же недоуме-

нии. Словно художественный разум сам вошел в слои обыденного сознания и в них растворился. И если роман тревожит, то не за счет добытого смысла, а лишь благодаря высокой концентрации «тяжелого», «большого», благодаря писательской открытости всем — без изъятия — впечатлением действительности.

После чернобыльского пожара наши литературные «пожары» уже не те. Казалось, мощный образ пожара у Распутина, когда народное добро больше ташат, чем спасают, вмещает чуть ли не всю нашу гражданскую скорбь. Однако мысль о том, что на Руси ташат, даже усиленная талантливым художником десятикратно, стократно, оставляет нас в пределах чего-то знакомого. Может быть, чтобы разобраться в «пожарах» мира сего, все-таки недостаточно таких прекрасных понятий, как «душа» и «совесть»? И необходим социальный анализ, более конкретный и дальше достигающий? К тому же сама жизнь подтвердила, каким запасом надежных хороших людей располагает и сколь велика отзывчивость на общую беду. Жизнь снова заставила думать о главном: о сбережении первейшего народного богатства — самого человека. О праве человека на жизнь и реализацию своих лучших сил.

В конце мая в «Правде» было напечатано стихотворение Вознесенского «Озеро» в защиту Байкала. Там есть строки: «Надо вывешивать бюллетень, как себя чувствует омуль, тюлень». Вмиг стало ясно: *до* написано, *до!* И какое-то старое понимание вещей. Вроде бы верное, но не совсем.

Может быть, нам более всего не хватает разнообразных бюллетеней о том, как себя чувствует человек.

Почему-то писательская защита природы, необходимая и бесспорная сама по себе, не всегда начиналась с защиты человека, живущего под сегодняшним грозным небом. Хотя с нее-то, вероятно, и следовало начинать. Или, по крайней мере, иметь в виду как точку отсчета. Теперь, на мой взгляд, стало очевиднее, что вне такой первоочередной защиты человеческой жизни многие хлопоты о водах и лесах содержат в себе что-то недостаточное и нравственно непоследовательное.

Федор Абрамов говорил: «главное — докопаться до истины». Он был сполна наделен важнейшим качеством художника: ему были интересны обыкновенные люди, особенно там, в Верколе и вокруг, в глубине страны. Он спешил к ним. Он слушал, что они говорят, что думают и чем живут. И потому, наверное, не забивал свои романы тем, что думает сам. Он защищал русское поле, русские избы, но начинал неизменно с человека, прекрасно помня, что в XX веке человеку пришлось как никогда трудно и что слишком часто человек вынужден в своей недолгой жизни противостоять превосходящим его силам. Кстати сказать, не об этом ли — о человеке против превосходящих сил — лучшие книги военной и не только военной прозы?

Недавно Юрий Буртин писал, что один из уроков Добролюбова состоит в том, что «ни подлинной критики, ни подлинной публицистики, наиболее полно выражающей свое

время и вместе с тем способной его пережить, нет без большой общей идеи».

Это не значит, что все должны дудеть в одну дуду; большая общая идея, касающаяся современного состояния человека, общества, литературы, их объективного исторического смысла, должна быть, вероятно, внутренним огнем критики, воодушевляющей силой. Без большой идеи, к примеру, обзоры-обозрения невозможны.

Но критика зависит от литературы: от того, что есть. Критика зависит от себя: от того, из кого она состоит. Но еще критика зависит от литературной политики газет, журналов, издательств. В свою очередь, эта политика зависит от литературных и других инстанций, которые ее направляют и определяют иногда вплоть до отношения к какой-то конкретной книге. Начинать надо с этого конца.

Забыто, что имена ведущих критиков прошлого и нынешнего веков неотрывны от журналов определенного, выдержанного направления. Один из последних примеров: Александр Воронский и его «Красная новь».

В нашу среду проник дух безбрежного компромисса, социальной и эстетической безответственности, самодовольства и услужения. Это привело к снижению идейно-художественных критериев, подорвало авторитет критики. Но, чтобы быть правдивым, надо сказать, что упомянутое снижение произошло за последние годы по всему литературному фронту. Старые ограничители — художественного вкуса, честности, добросовестности, служения литературе! — стали срабатывать все реже. Ощущение вседозволенности иногда бывает очень сильным.

То, что Семин называл добычей смысла, роднит литературу и критику. Обстоятельства могут меняться или не меняться, но существо дела и наши обязанности остаются прежними. (А плоды с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Евгений Юрьевич Сидоров.

Е. СИДОРОВ. Уважаемые товарищи! Надо честно признать, что критика как реальная движущая сила нашего литературного развития долгое время находилась в незавидном положении. И дело, разумеется, не только в субъективной воле руководителей литературного процесса, но прежде всего в самой общественно-политической атмосфере, которая складывалась в стране долгие годы. Когда КПСС взяла курс на решительную перестройку хозяйственной и духовной сферы, высвободив творческие, созидательные силы народа, многие звенья нашего писательского творческого механизма все еще продолжают работать по-старому. И в первую очередь это касается издательской и журнально-газетной литературной политики, в которой то и дело нарушаются принципы социальной справедливости и состязательности талантов и открывается дорога писателям посредственного уровня, но зато вполне преуспевшим на ниве административной или какой-либо другой деятельности, часто далекой от подлинных целей литературы.

В наших резолюциях, на заседаниях и съездах о критике говорятся справедливые вещи, но на деле нередко создается обстановка, когда честный взгляд на ту или иную литературную ситуацию, книгу, явление должен с большим трудом пробивать себе дорогу на страницы литературных изданий. В то же время мы слишком долго миримся с публичными панегириками, неумеренными славословиями в адрес писателей, входящих в состав руководящих органов Союза. Исторически доказано, что памятники, поставленные при жизни, обладают повышенной способностью к саморазрушению. Об этом никому и никогда забывать не следует.

Сейчас положение медленно, но меняется. На многих писательских съездах в республиках шел острый разговор как о безусловных достижениях литературы и критики, так и о столь же безусловных их просчетах. Важно, чтобы наша дискуссия продолжалась и впредь конструктивно, без шарахания в крайности, без крикливой демагогии и сведения личных счетов, ибо ее главная цель — сплочение всех здоровых литературных сил на платформе XXVII съезда партии.

При этом никакой веры не может быть людям — перевертышам из нашей среды, вчера говорившим с высоких трибун одно, а сегодня с такой же страстью утверждающим прямо противоположное. Сама быстрота смены позиций безукоризненно свидетельствует о мелком политическом расчете на свою долю улова в мутной воде. Значит, надо сделать все для того, чтобы вода была чистой и прозрачной.

Хотелось бы, пусть и кратко, коснуться некоторых общетеоретических вопросов современного литературного развития. Мы как-то отыкли на всеобщих писательских съездах крупно ставить и дискутировать кардинальные проблемы творческого метода нашей литературы, намечать стратегию художественного процесса. А ведь было время (и это несомненно горьковская традиция), когда идейно-эстетические, профессиональные темы стояли в центре писательских обсуждений. Думаю, что хотя бы частично восполнить этот пробел призвана работа нашей комиссии.

Один из таких назревших вопросов связан с пониманием трагического в литературе социалистического реализма. Время от времени он возникает в наших статьях, но до сих пор не получил убедительного и аргументированного толкования. Между тем творчество Ф. Абрамова, В. Быкова, Ч. Айтматова, В. Распутина, Ю. Бондарева, В. Астафьева, К. Воробьева позволяет поставить проблему трагического в нашей литературе как одну из жизненно важных, имеющих прямое отношение к историческому оптимизму и художественной правде.

Что можно сказать по этому поводу? Прежде всего нужно отдавать себе отчет в том, что еще очень сильны позиции вульгарного, охранительного «оптимизма». Проникая в нашу идеологию и в литературу, литературно-художественную критику, он способен нанести огромный вред духовному развитию социалистического общества. По существу это род социального пессимизма, прикрываемый

бодрой фразой и лучезарной улыбкой. Он активен в отрицании глубоких противоречий в жизни человека и общества и поэтому так подозрителен к любой конструктивной критике сложившегося положения вещей. С точки зрения такого «оптимизма», трагический пафос не может быть пафосом жизнеутверждения, ибо он обнажает резко конфликтные отношения между реальностью и человеческим идеалом. Вульгарный оптимизм, вольно или невольно принимаемый желаемое за сущее, не имеет ничего общего с историческим оптимизмом и прямо противоположен ему.

Непримиримое столкновение вульгарного и исторического оптимизма может стать в условиях социализма источником трагических конфликтов. Такого рода конфликты рождаются целиком из почвы нашего собственного развития, его субъективных противоречий.

Если советская литература не скажет полную правду о советском времени, мы будем плодить пессимистов. Мы порою и делаем это, подрезая крылья героизму, на который так способен, так отзывчив наш великий народ.

Есть конфликты в советской истории, которые необходимо «изжить» в искусстве, чтобы навсегда распрощаться с прошлым. Например, замалчивание некоторых сложных моментов нашего развития, связанных с нарушением социалистической законности в период культа личности, пользы обществу принести не может. Среди жертв этих нарушений были реальные лица, крупные трагические фигуры, безраздельно преданные коммунистическим идеалам, заветам Ленина. Художественное обращение к этим сюжетам при условии исторической объективности и высокой степени зрелости может дать литературе и искусству социалистического реализма произведение большой трагической силы. Они, помимо всего прочего, выбьют из рук наших идейных врагов без конца повторяющийся аргумент о тематических «лакунах», которые якобы образованы государственным запретом. А самое главное — они вдохнут в наше искусство новые силы очищающей правды и оптимизма, ибо публично преодоленная, узнанная в лицо трагедия уже перестает быть источником сомнений и страданий. Народ расстается с прошлым, не только смеясь, но и скорбя. Важно, чтобы этот смех и эта скорбь были именно публичным, общественным, открытым переживанием.

VIII съезд советских писателей демонстрирует верность партийным решениям последнего времени, потому что они отвечают самым сокровенным надеждам подавляющего большинства нашего народа. И одновременно съезд чутко улавливает фальшь и неискренность, барабанную дробь литературного карьеризма, стремящегося любой ценой удержаться на почве, уходящей из-под ног.

На съезде решается и будущее советской литературной критики. Поэтому сегодня так важно каждому из нас честно и открыто определить свою гражданскую и эстетическую позицию. (А п л о д с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Калле Фердинандовичу Кургу (Таллин).

К. КУРГ. Какой бы ни была критика, на разных уровнях и разных формах ее существование оправдывает наличие в ней ее самых общих функций, а именно: фиксацию толкования и усиление культурного опыта. Это предполагает, что оценка, даваемая критику литературного произведения, должна перерасти в оценку реальной действительности в условиях, в которых эти произведения были созданы.

Эта функция обуславливает такое положение литературной критики, что мы ждем от нее больше, нежели просто исправление ошибок, и в духе тех сообщений, которые печатаются на последней странице газеты. Именно от того, обслуживает ли критика прагматические сиюминутные интересы литературы или она является ее партнером в стимулировании и развитии общественной мысли, развивает культурный опыт народа — зависит положение, авторитет критика и критики.

Когда я задумываюсь над тем, почему мне интереснее читать критику, написанную писателем, прозаиком и поэтом, а в Эстонии это довольно распространенное явление, а не собственно критика, то я прихожу к выводу, что писатели в своих критических опусах глубже, интереснее, ибо взятая ими на себя условная задача выходит за рамки конкретного произведения литературы и искусства, они пишут в контексте с жизнью и культурного опыта народа. Значение написанного ими шире, чем сама критика.

Сегодняшний занимающийся критикой писатель часто превосходит критика именно потому, что следует старой, доброй гуманитарной традиции, согласно которой представитель в гуманитарной сфере не только специалист, а интеллигент, который, используя свои профессиональные навыки, видит свою роль в том, чтобы учитывать чаяния не только литературы, а всей общественной жизни. Может быть, в представлении писателя о своей собственной роли сохранилось нечто от того, что можно сравнить с исторической ролью учителя — быть солью земли. Такой учитель не только давал уроки и исправлял ошибки в тетрадах, в эстонской деревне учитель был впрямую связан с жизнью деревни уже потому, что он сам пахал свое поле. Но в первую очередь он пробуждал духовную жизнь деревни, объединял устремления людей, учил жить интересами всего Отечества.

Смысл моих слов не только в том, что специалисты и теоретики нам не нужны. Конечно, они нужны. Но если на фоне общественных чаяний сегодняшнего переломного времени начать искать причины того, почему авторитет наших критиков не так высок, как мог бы быть и должен был бы быть, то неизбежно задаешься вопросом: что же в современном изменяющемся мире вызывает неизменное...

Справедливо подчеркивается научность наших критиков, но ведь научное мировоззрение является основой работы писателя. Дело не только в научности. Удовлетворяет ли современного читателя критика, которая дает до точности подробную инвентаризацию произведений или же дает их опосредованно, приблизительно, в готовых формулах говорит об их

правде, а ведь такой критики у нас пока хватает. Может быть, большинство читателей ждет простого, ясного, от сердца идущего разговора, насыщенного духовным опытом образованного человека, ждет правду, которой с ними делятся в форме непосредственного обращения, размышлений. Такой разговор быстрее и лучше доходит до читателя.

Судьба духовной жизни зависит не только от того, что считая знанием, а от того, что что-то любят. Истина рождается вместе с человеком, личностью. И люди ищут познания, истины.

Конечно, в критике, как и в литературе, имеют право на жизнь самые разные формы. Но они должны быть готовы помочь демократизации процесса восприятия литературы, чтобы читатель осваивал культурный опыт, который несет литература.

Я вношу конкретное предложение: приступить к изданию на русском языке сборника классиков советской многонациональной литературы, чтобы лучшие авторы стали достоянием широкого читателя.

Нам должны интересовать также и глубокие, содержательные произведения. Сегодня человек, который думает о своем месте в мире, нуждается не только в правде одного дня, особенно в философском, прогностическом знании, которое раскрывает основные направления исторического развития.

Приведу пример, характеризующий осмысление жизни эстонской литературой. Речь идет о поколении 40-летних. Их интересует обращение к проблеме преодоления формации исторического сознания. Именно с этих позиций они критикуют свое поколение. Они изображают, как человек на пороге истины прощается с формальным в своем знании и вырабатывает в себе социальную память.

Здесь мы сталкиваемся с тем, что сущность и идейное содержание остаются нераскрытыми.

С другой стороны критика порой не имеет связи художественной ткани с современной мыслью.

Думаю, что нашим ведущим журналам следует проводить обмен мнениями, стержень которых был бы рассмотрен социологическими категориями.

Третий узел. Пробовали в нашей политике и организации политической жизни литературную критику рассматривать чаще всего во взаимоотношениях с литературоведением.

Если мы хотим поднять престиж критики, то начинать это надо со школы. В Эстонии будут выходить школьные альманахи. Наряду с художественным опытом участников мы надеемся помещать там рецензии. Рецензии стали у нас в республике традиционными.

Первый семинар вместе с историками сейчас определен. Необходимо дать читателю возможность увидеть непрерывность развития литературы.

Как показывает опыт Эстонского радио и телевидения, знакомство с литературой имеет не меньшее значение, чем печатные альманахи.

Литературная критика должна сражаться и за будущего читателя. (А плоды с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Петр Алексеевич Николаев (Москва).

П. НИКОЛАЕВ. Что такое съезд писателей? Это коллективное обсуждение проблем литературного развития на нынешней исторической стадии, профессиональный разговор об искусстве и жизни. Но подобное обсуждение составляет главный смысл литературной критики. Определение связей между искусством и жизнью — ее прерогатива.

Следовательно, съезд писателей, строго говоря, есть литературно-критическое собрание. Справедливо, что на нем активнее всех действуют создатели словесного искусства. И все же странно, что на подобных съездах почти не слышны голоса людей, для которых оценка, интерпретации художественного творчества есть главное, специфическое дело их жизни. Почему на пленарных заседаниях не выступают, как правило, литературные критики? Ведь картина литературного развития в этом случае выглядела бы куда более объективно.

Почему бы И. Дедкову, речь которого нам здесь, на комиссии, так понравилась, не сказать чрезвычайно важные слова на пленарном заседании съезда? Это не частное обстоятельство: из таких «организационных» мелочей складывается репутация сложнейшей области писательской работы, называемой литературно-художественной критикой.

Не отсюда ли, в частности, пренебрежительное отношение к критике, в выражении которого прямо-таки соревновались на съезде наши беллетристы, в том числе, к сожалению, и хорошие писатели.

Конечно, критика сама позволила так к себе относиться, редко разговаривая с писателями «на равных», не убедив последних, что логическая, понятная форма мышления ничуть не ниже художественной.

Не отсюда ли множество противоречий и слабостей у современных талантливых художников? Складывается убеждение: изобразительная сила и конструктивные выводы, тот самый понятийный уровень, и у именитых писателей нередко, мягко выражаясь, весьма несхожи. Слабости этого уровня как бы амнистируются или просто замалчиваются восторженной критикой, что приводит порой писателей к некомпетентным рассуждениям о таких понятиях, как цивилизация и культура, интеллигенция, нравственность, христианство, город и деревня. А ведь это чревато творческими поражениями — мы еще будем их свидетелями.

Критике надо мужественнее и честнее разговаривать с подобными писателями: это куда необходимое обществу, чем беспредметные разговоры о так называемой «серой» литературе.

Разумеется, критика не может и в малой степени возвышать себя над художественной практикой. И все же у нее есть «учительская» функция по отношению к последней. Кто, как не критики, должны напомнить слова гениального Добролюбова, обращенные к писателям: не занимайтесь только «литературными мелочами прошлого года» (название добролюбовской статьи), то есть не довольствуйтесь

иллюстрациями того, что уже хорошо известно, что раскрыто в публицистических формах.

Ведь это и ленинская позиция. Конечно, литература отражает жизнь и, в частности, отражает правду жизни (впрочем, она отражает и ложь жизни), но есть у искусства еще одна великая задача: оно преобразует жизнь. Критика должна ориентировать литературу на способность к такому преобразению с помощью художественной типизации. По смыслу ленинской исторической диалектики, искусство — зеркало революции, зеркало общественной жизни, но и революция многими своими прекрасными формами напоминает искусство. В таком осознании художником своего значения первое место принадлежит критике.

Критика наша не всегда осознает себя одной из высших, логических форм мышления и порой радуется тому, что ей удастся эссеистски (в «художественной» форме) спокойно, восторженно или иронически пересказать сюжет повести или романа, не задумываясь о теоретических и просто аналитических аргументах. И подчас вызывающе пренебрежительно высказывается по поводу теории. В подобных условиях никаких глубоких разговоров о возможных мировоззренческих просчетах в художественных произведениях, конечно, быть не может. Эту функцию чаще всего выполняют философы и литературоведы, но не критики.

Ей, критике, нельзя жить без союза с теорией, невозможно культивировать эссеизм, исключать из критического обихода такие фундаментальные понятия, как реализм, социалистический реализм и т. п. Их постепенное исчезновение из критической литературы в последние годы прямо катастрофическое. Нужно постоянное ощущение того, о какой литературе идет речь — она идет об искусстве социалистическом.

И еще один тезис в защиту литературной критики. Она должна быть «на равных» не только с художественной практикой, но и с другими формами общественного сознания и научных знаний. В свое время покойный ректор МГУ Р. В. Хохлов опубликовал в «Литературной газете» статью, в которой сообщил, что он решил ввести на всех естественных факультетах университета курс теории литературы. Курса этого нет, а введена компьютеризация на гуманитарных факультетах. Против нее не стоит возражать — она полезна, но, думается, что подлинный союз между естественными и гуманитарными областями знаний мог бы осуществиться продуктивнее, в частности, и при реализации указанной идеи академика Хохлова.

Напомню сюжет романа английского писателя Кинга «Красная парадигма». На атомной станции в США произошла авария. Компьютеру был задан вопрос — кто виноват в аварии, и он ответил: «Человек, который обслуживал реактор». Было проведено расследование, и оказалось, что этот человек неповинен, хотя он и говорил о намерении с помощью аварии отомстить человечеству, ибо у него погиб сын во Вьетнаме. Виновным был компьютер, но в него была заложена ложь. Значит, компьютеризация социально-нравственное явление. Не-

обходимо создавать, подобно экологической этике, компьютерную этику. В этом процессе одно из первых мест должно принадлежать литературной мысли.

Многие прозаики и поэты не любят литературных критиков, это жаль, но не должно особенно тревожить. Важно, чтобы критику любило общество, но для этого ей надо быть достойной классических традиций прошлого и лучших достижений советской литературно-художественной критики. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Андрееву Юрию Андреевичу (Ленинград).

Ю. АНДРЕЕВ. Товарищи! Я хочу поговорить об эстетическом идеале, его соотношении с общественным идеалом, говорить не о том, что нам нравится или не нравится, а о том, чего требует принудительная сила реальности, от чего деваться некуда. Я буду говорить с позиции социальной, но в этой аудитории понятно, что эстетический идеал организует и все художественные элементы, все остальное, вплоть до метафор и сравнений.

Начну я с крайне острых и болезненных примеров, которые мы услышали на выездном пленуме писателей РСФСР в Ленинграде.

Так, самая урожайная республика в Советском Союзе — Эстония. Ее урожайность 31 центнер с гектара. На втором месте — Белоруссия. У нее урожайность — 29 центнеров с га. На пятом месте республика, которую принято называть «житницей» Советского Союза — Украина. У нее урожайность 22 центнера с га. И для сравнения: в тех же климатических условиях расположена Венгрия, где получают 58 центнеров с гектара, пользуясь именно украинскими семенами. И там очень много хозяйств, которые уже в течение 10 лет получают больше 100 центнеров с гектара. Пример заостренный. Для чего? 22 центнера и 58. Разница в них — это тот колоссальный налог, который платит наше общество за недостатки в своей организации. Не только по зерну — повсеместно. Мы в 2,5 раза слабее, чем могли бы быть. А это уже вопросы не только экономики. Это уже вопросы основы самого нашего существования. Это уже и вопросы международного престижа. Кто будет следовать и идти за слабыми, за теми, кто в 2,5 раза хуже, чем мог бы быть?

В чем причина, почему и кому мы платим такие налоги? Давайте подумаем, где эта причина. Почему Эстония и Белоруссия получают больше, чем Украина? Ответ простой. У них прямой обмен удобрениями, и они проходят гораздо меньше ступеней ведомственности, чем другие республики. У них меньше самодовлеющих, контролирующих, самосебязательных и процветающих за этот счет, ничего не производящих звеньев. Так вот: может быть, та «большая идея», о которой здесь говорил Игорь Дедков, заключается как раз в том, что от принципов жесткой, жесточайшей централизации с ее разветвленнейшим аппаратом нам пора переходить к демократическому централизму. Переходить к подлинному социалистическому демократизму, который

способствует и дает возможность раскрыть все возможности и государства, и общества, и каждого человека, потому что в этом случае человек становится хозяином дела, за которое он отвечает. Здесь сливаются интересы всего общества и отдельного человека. Без бесчисленных мертвящих надстроек, которые сдерживают реализацию его сил. Это та большая идея развития общества и человека, которая идет еще от Маркса, от Ленина.

Я приведу один пример, который для ленинградцев неприятен особенно. Вы поймете почему. Выдвинули у нас прекрасную идею интенсификации: к 1990 году наладить интенсивное производство. Все приветствовали ее, все аплодировали ей. А министерства выделили Ленинграду новую технологию на интенсификацию в таком количестве, что эту интенсификацию пришлось бы осуществлять более 100 лет, т. е. дали только один процент от того, что требовалось. Министерством не интересно передавать свои возможности, свои функции на места. Поэтому я и хотел бы, чтобы та сверхмысль, та сверхидея, которая определяет наш эстетический идеал, была идеей великой социалистической демократии, преодоления того мертвящего, обедняющего и компрометирующего нас барьера ведомственности, который становится опасным уже для самого существования, для самой жизни нашего государства.

Недавно в Ленинграде показывали фильм, сделанный на студии «Ленфильм», называется он «Письма мертвого человека». Это фильм-предупреждение о том, что произошло уже после того, как атомная война свершилась. Это мысленные обращения человека, который умирает, к сыну, который уже сгорел во время атомного взрыва. Там показывают, как остатки общества живут в бункерах и как люди один за другим уходят из жизни. И вот группа искусствоведов хоронит своего товарища, и над его могилой произносят скорбную речь, как положено над покойником: «Он был безмерно предан искусству». Так вот, чтобы над нами не произносили таких речей, а это случится, если мы будем говорить только о дефинициях самого искусства, я хотел бы, чтобы мы исходили из самых крупных этических, эстетических, политических категорий в своих оценках художественных произведений. Это будет реальным вкладом в расцвет нашей страны, в рост ее могущества. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Василию Васильевичу Новикову (Москва).

В. НОВИКОВ. Я полностью разделяю теоретические и критические положения, которые были высказаны в докладах В. Озерова, Л. Новиченко и Л. Лавлинского. Я считаю, что Совет по критике точно определил цели докладов. И нужно поблагодарить докладчиков за их содержательное слово. Они поработали очень серьезно. Дискуссия на нашей секции идет плодотворная. Я согласен с выступающими. Мне понравилось выступление Игоря Дедкова, Евгения Сидорова, высказавших оригинальные мысли. Я хочу для себя

ответить на один вопрос, который связан с требованиями перестройки нашей психологии, нашего сознания и всей нашей работы. Об этом здесь мало говорилось.

Почему ЦК КПСС такое внимание уделил литературной критике? Е. Сидоров совершенно прав, заявляя, что требование партии к критике связано с общей экономической и социальной перестройкой в стране и развитии демократии. В частности, все еще остро стоит вопрос о преодолении последствий культа личности. Не надо закрывать глаза на эти последствия, умалчивать о них. Они получили уродливые проявления и явились причиной произвола, нарушения законности и демократии во многих областях нашей жизни, в том числе в организации работы творческих союзов. Об этом речь шла на съезде кинематографистов. Преодолеть недостатки, добиться подлинной демократии, творческой атмосферы во всей нашей жизни можно прежде всего с помощью критики и самокритики.

В связи с этим остро встает вопрос о том, какой должна быть наша критика и самокритика, если мы ее признаем решающей силой в выполнении острейших задач, стоящих перед идеологическим фронтом, в том числе и в деле перестройки психологии сознания, системы мышления и формирования нового коммунистического отношения к делу. С помощью критики и самокритики нам необходимо поднять общественное сознание на новый уровень, отвечающий требованию времени.

Перестройка ведь только началась, предстоит огромная созидательная работа. М. С. Горбачев на встрече с писателями говорил о перспективах работы и больших трудностях, которые встречаются на пути крутого поворота к новому. Он подчеркнул: «Сегодня мы находимся лишь в начале намеченного пути». *В начале!* И всем надо понять, какая огромная работа предстоит, как многое нам надо пересмотреть, многое заново осмыслить, чтобы вести непримиримую борьбу с отрицательными явлениями, с рутинной, застоем, бюрократизмом, со всем, что мешает движению вперед.

Какой же должна быть наша литературная критика? Выступая здесь, академик Д. С. Лихачев говорил, что критика должна быть глубокой, аналитичной. И, конечно, талантливой. Критик должен уметь анализировать произведение во всей сложности, раскрывая и его достоинства и его недостатки, если они имеются.

Одновременно академик Д. С. Лихачев справедливо выразил опасение: не приведет ли требование только критиковать к крайностям, к тому, что критика не будет замечать достоинств произведения. Все начнут стараться во что бы то ни стало критиковать писателя, боясь его похвалить. А этого надо избежать. Достойные произведения надо хвалить, недостойные — надо критиковать.

С моей точки зрения, критика должна быть принципиальной, требовательной, но доброжелательной. Как трудно это проводить в жизнь, я покажу на конкретном примере.

Хочу отметить, что опасение Д. С. Лихачева

о крайностях, критиканстве имеет под собой почву и касается, по-моему, не только критиков, но и писателей. Есть писатели, считающие, что пришла пора критиковать все, не считаясь с диалектикой жизни и победой позитивных начал нашей жизни. На заседании секретариата Правления Союза писателей СССР 17 марта 1986 года Г. Боровик говорил, что в журнале «Театр» получено сейчас (т. е. в марте 1986 года) немалое количество пьес, где недавнее прошлое изображается только в черных красках. О борьбе положительного с отрицательным забывается. О наступательной силе нового тоже.

Я считаю, что вопрос о диалектическом восприятии жизни, о единстве критического и утверждающего начал в социалистическом искусстве приобретает сейчас особое значение. Е. Сидоров верно говорил о правде жизни, о трагическом и героическом как взаимосвязанных категориях. Следует добавить, что ядром этой взаимосвязи, своеобразным «слово-вым полем» здесь является сильный герой, высоких нравственных убеждений, способный вступать в борьбу со злом, если даже ему грозит гибель. Нравственная победа будет на его стороне. От верного решения конфликта и показа действия, чувств и мыслей активного героя зависит оптимизм произведения и его новаторство. Все это должна учитывать критика, если она хочет воздействовать на писателя.

Но как это сделать? Не так-то это просто, если вы хотите сохранить требовательность и доброжелательность к таланту. Вчера мы на пленарном заседании съезда слышали критику рассказа В. Астафьева «Ловля пескарей в Грузии», опубликованного в «Нашем современнике» (1986, № 5). Рассказ написан с добрыми намерениями. Повествование в нем ведется с юмором. Но... автор гиперболизирует один казус за другим, впадает в крайности и не замечает, что краски повествования меняются. И те герои, которые, по замыслу автора, должны быть симпатичными, становятся несимпатичными. Георгий Цицишвили имел основание высказать неприязнь к этому рассказу В. Астафьева, ибо в нем неверно, односторонне изображается грузинский характер. Национальное чувство — это очень сложное и тонкое чувство. И к нему надо относиться очень осторожно, с большим вниманием.

О недостатках в творчестве В. Астафьева мне больно говорить. Это мой любимый писатель. Я высоко оценил его повести «Стародуб», «Перевал», «Звездопад» еще 22 года назад, в 1964 году, в своей книге «Героическому времени — героическое искусство». Я полностью согласен с мнением Л. Лавлинского, что слово В. Астафьева-фронтовика «Там, в окопах» («Правда», 1985, 25 ноября) — новаторское, открывает перед писателями возможность более правдиво говорить о подвиге солдата на войне. «Последний поклон», «Царь-рыба», «Печальный детектив» — это значительные произведения В. Астафьева. Творчество его народно. Последнюю повесть В. Астафьева высоко оценил В. Быков, считая, что она пронизана болью писателя за человека, состраданием к нему, вызванным тем, что у нас все еще встречаются дикие преступления и прояв-

ления темных инстинктов. Однако, об этом стоит сказать, в повести «Печальный детектив» встречаются противоречия, несостоятельные заявления героя о том, что Достоевский и Ницше раскрыли гены зла, а в наше время этого никто не делает. Иногда автор впадает в натурализм, противопоставленный настоящему, большому искусству. Но как об этом сказать В. Астафьеву — доброжелательно и требовательно, чтобы писатель понял и принял критику. Ведь известно (об этом говорил В. Озеров), что критику-то писатели не принимают и всячески отвергают.

А вот второй рассказ В. Астафьева «Слепой рыбак», опубликованный в том же номере «Нашего современника». Это гуманный рассказ о бывшем фронтовике, потерявшем зрение и теперь живущем трудной жизнью. Рассказ полон сочувствия к фронтовику. Но вдруг повествование в рассказе прерывается авторскими рассуждениями о «святости духа» великого праздника пасхи, которую автор в детстве праздновал. А затем идет авторское обращение к читателю, т. е. нашему современнику, которое я принять не могу:

«Что с нами стало?! Кто и за что вверг нас в пучину зла и бед? Кто погасил свет добра в нашей душе? Кто задул лампаду нашего сознания, опрокинул его в темную, беспобудную яму, и мы шаримся в ней, ищем дно, опору и какой-то путеводный свет будущего. Зачем он нам, тот свет, ведущий в геенну огненную? Мы жили со светом в душе, добытым задолго до нас творцами подвига, зажженным для нас, чтоб мы не блуждали в потемках, не натыкались лицом на деревья в тайге и друг на дружку в миру, не выцарапывали один другому глаза, не ломали ближнему своему кости. Зачем это все похитили и ничего взамен не дали, породили безверье, всесветное, во все безверие. Кому молиться? Кого просить, чтобы нас простили? Мы ведь умели и еще не разучились прощать, даже врагам нашим...»

Это звучит как молитвенное заклинание. И встает вопрос: как вот в таких случаях тактично, доброжелательно, но в то же время требовательно сказать крупному писателю В. Астафьеву, что он здесь допускает крайность, ошибается, что его мироощущение (несомненно, временное, навеянное болью за несчастного человека) пессимистично в своей основе. Оно расходится с моим мироощущением читателя и почитателя таланта В. Астафьева, а затем — и с мироощущением (я в этом уверен!) тех, кто сейчас занят созидательной работой, ведет борьбу с недостатками, активно добивается крутого поворота всей нашей жизни к лучшему. Всякое искусство — обобщение, и нельзя возводить в абсолют временные, сиюминутные ощущения одного человека. Они оказываются односторонними.

Пример с В. Астафьевым доказывает, почему так остро стоит вопрос о перестройке психологии сознания и системы мышления не только критиков, но и писателей. Цельность восприятия явлений жизни предъявляет свои требования. Необходимо во всей сложности видеть, замечать и раскрывать новые конфликты, новые противоречия, новые деяния людей в

свете поступательного хода истории, с высокой точки зрения, как говорил Горький. Правда требует полноты, в том числе и раскрытия трудностей жизни. Но при всех случаях перспектива не должна исчезать. Наш светлый идеал, вера в созидательные силы народа и поступательный ход истории не могут тускнеть. Они должны просвечиваться во всей ткани и образной системе произведения. А это зависит от позиции писателя, от его душевного настроя. (А плодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Мухамеджан Каратаев (Алма-Ата).

М. КАРАТАЕВ. Товарищи! В ряду решающих факторов ускорения социально-экономического прогресса XXVII съезд КПСС признал важнейшим и человеческий фактор, на который оказывают могучее влияние литература и искусство. Особое значение было придано при этом роли литературно-художественной критики как необходимого условия идейно-художественного развития. Причем связывалось это с общим положением о роли критики и самокритики в жизни партии и народа. «Естественный принцип жизнедеятельности нашего общества — критика и самокритика. Без них нет развития, — сказано в Политическом докладе ЦК КПСС, с которым выступил на съезде тов. М. С. Горбачев. Говоря конкретно и четко о положении и задачах литературно-художественной критики, он подчеркнул: «Литературно-художественной критике пора стряхнуть с себя благодушие и чинопочитание, разъедающие здоровую мораль, память, что критика — дело общественное, а не сфера обслуживания авторских самолюбий и амбиций». Когда думаю о справедливости этого указания в отношении положения всесоюзной литературной критики, то касательно казахской литературной критики хочется воскликнуть: «Как в воду глядел!» Это у нас — устоявшееся явление. Можно сказать, главная причина отставания критики. Очень трудно, если не сказать — почти невозможно, его преодолеть. Почему? Потому что авторское самолюбие и амбиции имеют неодолимую крепость.

Но зато чрезмерно развита у нас критика критики в том плане, что она, литературная критика, не на уровне требований, что она инертна и беззуба и т. д. Причем совершенно не учитывается недоступность для критики крепости авторского тщеславия. Вот почему в критике берет верх комплиментарность, а истинная критика остается на задворках. Но не дай бог бедному критику осмелиться чуть капнуть горькую истину, так нет гарантии, что не повторится картина, которую описал А. В. Луначарский, говоря о реакции художника на критику: «Сам художник, — писал Анатолий Васильевич, — может надеть на свою голову несколько своих венков, на ноги — самые высокие котурны и начать плевать, как верблюд, на непочтительную критику». Или, как рассказал в прошлом году критик Игорь Дедков в статье на страницах «Литературной газеты», в которой сделал следующее признание: «Просто у нас мало критики крити-

кующей, а явись она — целый переполох: враг под стенами города, высыпает на стены, лют горячую смолу, рвут рубахи на груди». Все это всецело можно относить к психологии художников-недотрог и в казахской литературе, которые готовы при случае пожуричь, похулить бедную критику вместо помощи и поддержки, вместо взаимных усилий для поднятия ее уровня.

Можно понять, когда так поступают ограниченные персоны, но, к сожалению, подобному настроению поддается часть одаренных авторов. Недовольство их критикой обычно вызывается тем, что кто-то из них обижен отсутствием внимания к нему — не оценено его произведение, кто-то получил отрицательную оценку своего произведения — уж это совсем оскорбительно для него, то похвалили не его, а коллегу по жанру, а это вызвало его эгоистическую зависть и ревность. Вот вам истоки недовольства и раздражения состоянием критики!

Наряду с тем появляются у нас и идиллические выступления красноречивых мастеров критики, подливающих масло на указанное настроение, рисуя идеальную картину желаемой критики, тогда как нет нужды убеждать кого-либо в том, какой она должна быть, в том, что яснее ясного всем из основополагающих партийных документов.

Товарищи!

Отменяя серьезные негативные явления в казахской литературной критике, вытекающие из нездоровой для нее атмосферы в литературной среде, я хочу сказать, что пустым охаванием ее или разглагольствованием, т. е., как говорится у Салтыкова Щедрина, «хладным пережевыванием азбучных истин», делу не поможешь. Необходимо теперь в духе решений XXVII съезда КПСС и XVI съезда Компартии Казахстана принять решительные меры для коренной перестройки условий для развития литературно-художественной критики в соответствии с ленинским положением о том, что необходимо «связать и литературную критику теснее с партийной работой».

Поэтому, как мне представляется, речь должна идти не только и не столько о понятной в одностороннем аспекте критикой критики как таковой, сколько о том, что делалось, делается, должно делаться теперь для ускоренного поднятия уровня критики до уровня требований времени заинтересованным участием всей нашей литературной общественности, Союза писателей Казахстана, его партийной организации и печатных органов.

Пора всем нам понять, разобраться и различить, что от кого и от чего зависит, кто за что должен отвечать, что такое критика и кто такие критики, о которых мы неустанно и без адреса говорим, что для них сделано, какие созданы условия, чем они обязаны перед нами. Вот это самое сложное положение. При таком положении не с кого бывает спрашивать о конкретном состоянии дела критики.

Как правило, мы постоянно оглядываемся на практику и опыт работы Правления Союза писателей СССР, РСФСР и других братских организаций и видим, что на ответственных постах руководства проявляют активную дея-

тельность крупные литературные критики, такие, как В. Озеров, Ф. Кузнецов, Ю. Суворов, В. Карпов, В. Козьмин, Л. Лавлинский и др. У нас в Казахстане не найдете ни одного литературного критика у руководства, то бы заинтересованно и ответственно занимался судьбой литературной критики.

Еще в сентябре 1983 г. на юбилейном пленуме Союза писателей СССР было сказано, что «великая литература, большое искусство не могут существовать без высокопрофессиональной, граждански ответственной критики», а на XXVII съезде КПСС тов. Горбачев подчеркнул, что «критика — дело общественное», а в Программе КПСС подчеркнуто, что партия «всегда боролась и будет бороться, опираясь на творческие союзы, на общественное мнение, на марксистско-ленинскую критику, против проявлений безыдейности и мировоззренческой всеядности, эстетической серости, ремесленничества». Такое высокое назначение марксистско-ленинской критики обязывает весь литературный мир всеми силами и средствами осуществить эту программную задачу коллективно, согласованно, общими усилиями, потому что дело это не только узкого круга так называемых критиков и критиканов, а дело общее, дело всех тех, кто кровно заинтересован в развитии родной литературы.

Именно в единстве устремлений писателей и критиков, в атмосфере их идейно-творческого, организационного контакта видел Луначарский залог общего успеха литературного процесса: «На самом же деле, — писал Анатолий Васильевич, — именно из сотрудничества крупных писателей и литературных критиков с крупными талантами всегда выростала и впредь будет выростать истинно великая литература». Образец такого сотрудничества представляли в свое время С. Сейфуллин, Б. Майлин, И. Джансугуров, С. Муканов, М. Ауэзов, Г. Мусрепов, Г. Мустафин как основоположники молодой казахской советской литературы.

Таким образом, в наболевшем сегодня вопросе о состоянии литературной критики Казахстана необходимо как воздух и идейное единство, и творческое сотрудничество, и взаимная помощь, и поддержка. Дело тут вовсе не в том, что нет критики, как этого хотелось бы некоторым «художникам», «обиженным и оскорбленным», а в недостаточном ее уровне. Есть у нее в последнее время определенные сдвиги и успехи в росте и развитии, особенно в росте критической молодежи. О них убедительно сказано на IX съезде писателей Казахстана. Известное Постановление ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» за 1972 год сыграло значительную роль в развитии литературной критики Казахстана. Оно обратило внимание на этот жанр литературной общественности, стали у нас издаваться книги критиков и литературоведов, некоторые из них стали отмечаться премиями Ленинского комсомола и госпремиями республики. Выходят ежегодно коллективные сборники литературно-критических статей «Писатель и время». Так, только за одиннадцатую пятилетку увидели свет около 60 книг

литературно-критических и научно-литературоведческих трудов. Но дело, разумеется, не в количестве и объеме изданных книг, а в качественном уровне литературной критики.

Так что критика нуждается сегодня не в критиканском критике, а в деловом, принципиально партийном разговоре, предусматривающем конкретные эффективные меры подъема идейно-эстетического уровня литературной критики. Но все это не значит, что надо закрывать глаза на действительные недостатки и изъяны литературной критики, такие, например, как отсутствие отзывов на 70—80 процентов массы издаваемых книг, как абсолютное преобладание комплиментарных рецензий и т. д. То, что признано как недостаток всеобщей литературной критики на пленумах Союза писателей СССР последних лет и на дискуссиях «Литературной газеты», имеет место не в меньшей, если не в большей степени и в Казахстане. Оно заключается в следующем: «Все еще не изжита пресловутая комплиментарность, по-прежнему нередко сталкиваемся мы со статьями и рецензиями, выдержанными в хвалебном тоне по отношению к откровенно слабым произведениям». Видимо, не надо на них закрывать глаза, а, наоборот, надо их открыто выставлять. Объяснять их причины и указывать меры и средства устранения.

Наконец, необходимо обеспечить те возможности и условия подготовки и воспитания кадров литературной критики, которые досконально указаны еще в историческом Постановлении ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» 1972 г. Оно, это постановление, обязывает многому не одних только критиков, ставших и еще не ставших таковыми, а весь коллектив литераторов, объединенных в едином союзе, который и должен создать благоприятные условия и здоровую атмосферу для роста и развития всей литературной жизни. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Геннадию Сидоровичу Гоцу (Москва).

Г. ГОЦ. Уважаемые товарищи! Разрешите начать с цитаты: «...у нас хорошо расходятся даже сколько-нибудь порядочные книги, не говоря уже о превосходных,— писал критик в 1846 году, — стихотворений Лермонтова скоро потребуются третье издание, несмотря на то, что они все были первоначально напечатаны в журналах; второе издание (1842 г.) сочинений Гоголя разошлось в числе трех тысяч экземпляров; «Мертвые души», напечатанные в 1842 году в числе двух тысяч четырехсот экземпляров, давно расхватаны до последнего экземпляра». А далее автор с горечью отметил, что «сочинения Пушкина, дурно изданные, стоят по шестидесяти рублей ассигнациями. «Мертвые души» Гоголя, продававшиеся по три рубля серебром, теперь нельзя купить меньше десяти рублей серебром, а о новом издании даже и не слышно» (Белинский В. Мысли и заметки о русской литературе: — Собр. соч. в 9-ти т. М., Художественная литература, 1982, т. 8, с. 46—47).

Вы, конечно, узнали в авторе В. Г. Белинского. Ну, а насчет того, что нынче, т. е. 140 лет

спустя, слышно о новых изданиях классиков отечественной литературы, то слышно вот что: уже давно несут «мужики» с книжного базара сочинения Белинского и Гоголя, что нынче тиражи произведений великих мастеров слова в нашей стране измеряются астрономическими цифрами. Это общеизвестно. Но если говорить об издании классики как одном из ведущих направлений советского книгоиздания, то следует подчеркнуть, во-первых, что эта задача у нас решается на государственном уровне.

Так, в 1985—1986 годах Госкомиздат СССР совместно с ИМЛИ в соответствии с многочисленными просьбами читателей, педагогов осуществил беспрецедентную в истории мирового книгоиздания акцию — выпуск «Сочинений» А. С. Пушкина в 3 томах тиражом 10 млн. 700 тыс. экземпляров по безлимитной подписке.

В настоящее время закончен выпуск Собрания сочинений Л. Толстого в 22 томах тиражом 1 млн. экземпляров, выходит издание Собрания сочинений М. Шолохова тиражом 1 млн. экземпляров. Главная редакция художественной литературы Госкомиздата СССР, издательства «Художественная литература» и «Правда» подготовили и начинают выпуск сочинений В. Маяковского в 2 томах по безлимитной подписке.

Мы сейчас работаем над тем, чтобы в период до конца XX века продолжить выпуск произведений отечественной, советской классики многомиллионными тиражами по безлимитной подписке. В деле пропаганды классического наследия нам оказывают помощь партийные комитеты и их издательства (прежде всего издательство «Правда»). Все это необходимо с учетом задач, выдвинутых XXVII съездом партии, по усилению патристического и интернационального воспитания советских людей, особенно молодежи, по сохранению и приумножению национального культурного наследия, сбережению памятников отечественной и мировой истории и культуры (Материалы XXVII съезда КПСС. М., Политиздат, 1986, с. 273).

Именно поэтому в Комплексной программе дальнейшего увеличения выпуска художественной и детской литературы повышенного спроса определяющее место занимают популярные серии «Библиотека классики», «Классики и современники» издательства «Художественная литература». За годы их существования вышло 411 названий книг любимых писателей тиражом 354 млн. экземпляров.

Мы правомерно говорим о миллионных тиражах книг отечественной классики, о расширении круга чтения. Но, как известно, дело освоения и пропаганды классики принадлежит не только издателям, но и литературоведам. И здесь поле деятельности для них огромное. Школьники, учителя, студенты, просто любознательные читатели ждут интересно написанных, глубоко исследующих творчество писателей книг. Поэтому нам представляется целесообразным в Совете по критике СП СССР специально изучить эту проблему и по необходимости привлечь авторитетных литературоведов к этой работе.

Второе. Анализ издательской деятельности

за годы XI пятилетки свидетельствует, что практически и по названиям, и по тиражам советская литература превышает совокупные данные по отечественной классике и зарубежной литературе. В том числе не уменьшился, а возрос выпуск советских книг по тиражам в издательстве «Художественная литература», с 17,5 млн. экземпляров в 1983 году до 25,5 млн. экземпляров в 1986 году.

Доминирующим выглядит положение советской литературы и в самых престижных видах изданий. Собрания сочинений и избранные произведения советских авторов в XII пятилетке составляют 90% всего плана этого вида изданий.

В то же время необходимо сказать, что дальнейшее увеличение удельного веса художественной и детской литературы в общем объеме выпускаемых книг (а он возрос за пятилетку на 10% и достиг 54,3%) ограничено определенными пределами. Естественно, что вопросы идейно-художественного уровня книг, критериев их оценки при формировании тематических планов, серий и библиотек становятся как никогда актуальными для нашей критики.

Важным фактором увеличения выпуска современной литературы является также массовое и сверхмассовое тиражирование книг в популярных сериях и библиотеках.

Достижения многонациональной советской литературы в жанре романа представлены в семидесятитомной «Библиотеке советского романа», посвященной 70-летию Великого Октября, выпуск которой начнется в 1987 году. Читатель получит романы А. Толстого, Л. Леонова, М. Шолохова, В. Лациса, О. Гончара, Ч. Айтматова и многих других известных советских писателей. Открывает библиотеку роман М. Горького «Жизнь Клима Самгина».

Третий вопрос.

В условиях всевозрастающих масштабов советского книгоиздания все актуальнее становится необходимостью глубокого научного подхода в определении стратегических направлений выпуска художественной литературы, а также объединении усилий научных центров и наших издательств при решении возникающих сложных проблем.

Примером плодотворного творческого сотрудничества издателей и ученых-литературоведов является работа над выпуском серии «Памятники литературы Древней Руси» (12 выпусков) в издательстве «Художественная литература». Эта серия имеет огромное не только литературное, но и общественное значение. В ее подготовке приняли участие виднейшие специалисты, коллектив которых возглавил Д. С. Лихачев. Особо хочется сказать о вступительных статьях Д. С. Лихачева, каждая из которых — это высокое слово о древнерусской литературе. В совокупности все они — сама история литературы Древней Руси.

Но в то же время есть примеры и другого свойства. Указывающие на недостаточную активность и обязательность некоторых ученых ИМЛИ и Института русской литературы в работе по своевременной подготовке

академических собраний сочинений отечественной классики. В издательстве «Наука» более трех лет не выходит 12-й том Собрания сочинений Тургенева. Не сдан ни один том Полного собрания сочинений А. Блока (в 15 томах). А ведь это издание объявлялось в XI пятилетке, включено в план выпуска издательства на XII пятилетку, неоднократно упоминалось в советской печати. Могу добавить, что почти ежедневно мы получаем письма от читателей с вопросом: когда же, наконец, они получат эти книги?

Нужна также более тесная и конкретная работа творческих объединений, Советов по жанрам СП СССР и редакционно-издательских коллективов. Это важно для совершенствования работы по тематическому планированию, более качественного, объективного отбора произведений при издании, правильного, всесторонне взвешенного определения тиражной политики, обеспечения более прочной научной основы в разработке серийных изданий и библиотек.

С этой целью при Главной редакции художественной литературы Госкомиздата СССР действует созданный по предложениям литературной общественности Консультативный совет, в составе которого работают авторитетные писатели, поэты, критики, литературоведы. Руководители и члены совета С. П. Залыгин, П. А. Николаев, Ал. А. Михайлов, В. В. Карпов, Д. А. Гранин, Ф. Ф. Кузнецов, Ч. Г. Гусейнов, Л. А. Теракопян, В. А. Костров и другие вносят большой вклад в нашу общую работу во имя многонациональной советской литературы.

При их активном участии разрабатываются многотомные библиотеки, новые серии, решаются сложные вопросы, связанные с изданием творческого наследия целого ряда мастеров слова. С их помощью проводятся семинары редакторов московских издательств, в частности по подготовке поэтических и прозаических изданий, а совсем недавно — по проблемам выпуска книг по литературоведению и критике, где П. А. Николаев выступил с интересным докладом на тему: «XXVII съезд КПСС, основные тенденции и направления современных литературоведения и критики».

И последнее. Нам кажется, что значительные силы Совета по критике СП СССР еще не полностью привлечены к активной деятельности издательств и редакций, что в этом деле необходимо нашим редакционно-издательским коллективам больше проявлять инициативы и настойчивости.

С другой стороны, творческим объединениям и советам, в частности по критике, не мешало бы почаще интересоваться, каким спросом пользуются в наши дни книги разных жанров и почему многие из них годами не расходятся, а затем становятся предметом рассмотрения на комиссиях при решении вопросов, на чей счет относить убытки за нереализованные издания. Не секрет, например, что наиболее высокий процент нереализованных книг из всех видов художественной литературы сегодня падает на издания по критике и литературоведению — от 1 до 20% нераспроданных книг. С этим, видимо, надо конкретно разбираться,

анализировать причины подобных явлений, средствами литературной, научной печати лучше пропагандировать работы критиков и литературоведов.

В канун съезда и на самом съезде прозвучало немало замечаний и предложений по проблемам книгоиздания, требующих своего решения. В реализации высказанных делегатами идей, принятых решений, во всей нашей издательской работе мы намерены и впредь опираться на опыт и силы науки о литературе, на литературно-художественную критику, на подвижническую деятельность ведущих мастеров советской литературы. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Юрий Иванович Суровцев (Москва).

Ю. СУРОВЦЕВ. Генри Джеймс, а вслед за ним американский критик Малькольм Каули называли литературную критику «домом со многими окнами». Воспримем эту метафору и развернем ее.

Надо полагать (и приветствовать), что через эти окна читатель может увидеть разное: было бы печально видеть за каждым окном похожие друг на друга помещения, залы, комнаты. Мы за многообразие литературы и за многообразие критики. В частности, за многообразие «предметов» ее занятий, за широкую «географию» ее интересов.

Так вот, я хочу сегодня «зайти» в большой, по идее, зал, или, если хотите, цех, где куется и развивается теория социалистического реализма. Впрочем, зал ли? Цех ли? Мне кажется, более справедливо полагать, что сегодня этот участок нашей критики — вроде проходного коридорчика, который все минуют, не останавливаясь; там колеблются на стенах тени прошлого (читай: давно известного), да и пыли там осело немало, а звуков напряженной работы не очень-то услышишь. Вот и в нашем отчетном докладе на пленарном заседании, и в докладе на комиссии отмечено, что теория социалистического реализма находится ныне у нас как бы в пробуксовке, и сами доклады из нее нас не выводят. Надеюсь, что ощущение это возникло у многих, слышавших доклады.

Когда П. Николаев в своих статьях в «Литгазете» и в «Филологических науках» поставил вопрос, насколько часто мы употребляем в критике термин «социалистический реализм» и, тем паче, насколько «пропитываем» нынешним опытом его теорию, то должен был он дать достаточно пессимистичный итоговый ответ.

У нас в комиссии идет интересное обсуждение, и я бы пожалел, что некоторые выступления, здесь нами выслушанные, не вышли на более широкую аудиторию. Но и здесь, у нас в комиссии, получается так, к сожалению, что теорию социалистического реализма мы вперед не двинули. Я тоже ее вперед не продвину, но хочу хотя бы посетовать на эту самую пробуксовку.

Откуда она? Почему наша теория социалистического реализма и сегодня в основном повторяет то, что говорила вчера, та самая ли-

тературоведческая теория, которая составляет важный, необходимый этаж, скажу, верхний, увенчивающий все здание этаж в «доме со многими окнами»? Теория наша не любопытна к современному многонациональному творческому опыту — вот, я думаю, в чем дело. «Бойтся» его, потому что он нередко непривычен для привыкших к чему-то кажущемуся «навсегда данным». Непривычен настолько, что вправе мы спросить у теории, что сегодня происходит, какие новации — развитие ли это социалистического реализма или «отпадение», «отход» от него в сторону? Вопроса этого, товарищи, не следует бояться. В 1934 году в Уставе речь шла о социалистическом реализме, как об «основном методе» советской литературы. Потом — де-факто — он, основной, стал уже и единственным. Но выросло несколько новых поколений писателей, и большинство из них действительно обогащает опыт искусства социалистического реализма (и как художественного направления, и как творческого метода), но большинство, а не все и не каждый. Нельзя все, что у нас есть, относить к расширению спектра стилей социалистического реализма. Без конца повторяя эту «формулу» о расширении, мы рискуем конкретный опыт, само движение, в том числе и реальное расширение спектра, как раз и проморгать.

Сергей Залыгин вчера на съезде сказал: «Реализм не был бы реализмом, если бы оказался глух к новым потребностям новых людей». Эстетическое освоение новых сторон действительности, о чем много здесь говорили, происходит. Как? Какими путями?.. Нет ответа. Наша теория поспешает медленно. Первый том известной шеститомной «Истории советской многонациональной литературы» был пронизан идеей становления метода социалистического реализма в наших литературах. Потом в томах пошла хронологическая эмпирия, и закончилось дело рубевками, отстоящими от нашего сегодня на... вдумаемся!.. четверть века уже! Четвертьвековой опыт накоплен, а его обобщения не дано.

Вот вышли три прекрасных тома «Истории всемирной литературы». Методологически важных, во многом новаторски рассматривающих опыт античности, средневековья, Ренессанса. А мы, историки советской литературы, пока поспешаем медленно. Мы не любопытны и не оперативны к нашему собственному современному опыту, и не только к нему. Слов о необходимости *широкого кругозора* произнесено много, но мы не сделали широту кругозора инструментом анализа, инструментом работы нашей критики. Мы превращаемся слишком часто в узких специалистов — по той или иной теме, жанру, поджанру, подвиду. Верхоглядство от этого не исчезает все равно, а вот узость и знаний и интересов заметно сдерживает развитие критической мысли, особенно в некоторых республиках, и особенно на теоретическом именно уровне нашей деятельности.

Что вы читаете, принц? — спрашивали Гамлета. Он отвечал, как известно: «Слова,

слова, слова». Вот и наша теория дает нам нередко почитать «слова, слова, слова», считая, что *названием* каким-либо она дело свое сделала. Например, бытуют слова «мифологизм», «неомифологизм». «Обозначают» ими самых разных писателей. А вот книга Земскова о Габриэле Гарсиа Маркесе, кстати, убедительно развенчивает расхожий «миф» о мифологизме этого писателя...

За словами, терминами встает реальная социально-историческая действительность. Встает — и *проверяет* наши слова, наши термины!

Великая идея, новаторская идея Ленина о *единстве* демократических и социалистических элементов в той или иной национальной культуре стала у Земскова инструментом подлинно конкретного анализа. Показывается, куда идет Маркес, каково существо лучшего в его опыте, такого, что не противоречит современному социалистическому искусству, социалистическо-демократическому искусству, хотя Гарсиа Маркес не склонен причислять себя к социалистическим реалистам.

«Адам и Ева» Я. Козака, мы говорим, — это произведение социалистического реализма, там происходит преобразование крестьянской символики «библейского» типа. И у Айтматова мы такое допускаем, «мифичность» его принимаем. Козак и Айтматов, говорим, — художники социалистического реализма. И сами они себя таковыми считают. Но вот недавно я прочитал польский роман «Камень на камень», автор Веслав Мысливский. Он не вошел в Союз писателей Польши. Он человек католического воспитания. Его роман сложен. Это тоже своего рода демифологизация, это — можно сказать — человековедение против христианско-католической мифичности, в ракурсе которой воспринимали историю польские крестьяне. Конечно, скажи мы Мысливскому, что он написал роман социалистического реализма или что он идет в этом русле, участвует в этом движении, он, скорее всего, с таким суждением не согласится. Но будем видеть не слова, а существо дела!

Серьезная антология «Социалистический реализм за рубежом» выпущена в издательстве «Наука» под редакцией Е. Трущенко, очень серьезного специалиста. Посмотрите ее: туда вошло все то, что освящено *словом* «социалистический реализм». Если ты, писатель, применяешь это слово, значит... хотя там есть и такие писатели, которые отказались от этого слова. Тем не менее прежние их высказывания приведены.

Правилен ли эдакий прием, так сказать, номинализма? Не мешает ли такой подход объективному изучению объективных данных? Сегодня не так часто художники и вне нашей страны, да и у нас, декларируют, что они социалистические реалисты. Но что с того? Искусство-то этого типа в мире ширится!

В новой редакции Программы КПСС, принятой XXVII съездом партии, программе, которая реалистически и перспективно показывает сегодняшний изменяющийся мир, с новой силой звучит мысль Ленина о единстве

демократии и социализма, о многообразных путях к социалистическому демократизму как основе новой культуры. Нам всем — и «зарубежникам», и тем, кто занимается историей нашей литературы, ее движением сегодня и в завтра, — следует глубоко понять теоретический, методологический смысл Программы КПСС для нас, для нашего дела.

Нужен новый уровень нашей собственной теоретической мысли!

Между тем все еще по-старому, по-привычному готовятся у нас литературоведы и критики. Здесь много было сказано интересного о возможных организационных новациях в этой области. В заключение я хочу поддержать идею создания некоего центра научного (и оперативного!) изучения современного творческого опыта. Я не знаю, где это будет, — в Литинституте или в Институте мировой литературы, может быть, в особом институте многонациональной советской литературы (не пора ли ему появиться?). Или в тех группах, которые должны сейчас образоваться, согласно партийным документам, ратующим за объединение научных сил для разрешения определенных задач. Не знаю, в каких формах это будет, повторяю. Но нам нужно объединяться на *больших* задачах.

В порядке полшутки: справедливо сказал Петр Николаев в своей речи, что это... хорошо, что пока нам плохо. Правда, афоризм этот принадлежит Ролану Быкову, когда он был в роли Бармаля в фильме об Айболите, но как бы то ни было — это очень хорошо, что пока... теория движется плоховато. Значит, есть куда двигаться, и осознается, что от нас многого ждут. Разрабатывать теорию социалистического реализма на современном творческом опыте — задача не просто важная, но и неотложная... (А плодосменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Роману Северьяновичу Миминошвили (Тбилиси).

Р. МИМИНОШВИЛИ. Уважаемые товарищи!

Прошло не так много времени, как с высокой трибуны XXVII съезда КПСС прозвучали горькие слова в адрес литературной критики — о благодушии, о чинопочитании, о напоминании о том, что критика дело общественное. Да, прошло не так много времени, но мы не имеем права долго находиться в состоянии грога. Мы не только должны думать о перестройке, но уже должны действовать.

Перестройка нужна не только и не столько в организационном плане, но, главное, в плане психологическом.

Откровенно говоря, я пока не уверен, что перестройка уже началась. Мне кажется, что главная беда состоит в отношении к критике со стороны авторов — объектов критики, которые не уверены в ее искренности, со стороны читателя, который вместо того чтобы вникнуть в суть дела, задает себе вопрос: чем вызвана критика? Кто за этим стоит? Но все это еще полбеды. Мы дошли до того, что

порой и сам критик сомневается, не может разобраться в своих чувствах, а сомнение в творчестве — это предвестник поражения.

Искренность и уверенность необходимы для достижения положительного результата. Нет, речь идет не о достижении истины. Истина в искусстве не абсолютна, она относительна. Критик, как и художник, имеет право ошибиться, но и ошибка должна быть благородной, ибо она должна вызывать реакцию, направленную к утверждению положительных тенденций. Видимо, писателю больше помогает даже неверный, с его точки зрения, совет, направляющий его к более убедительному художественному решению, чем сказанная с недоброжелательных позиций правда, которой он уже не способен поверить.

В отчетном докладе Георгия Мокеевича Маркова шел предметный разговор о подготовке кадров литературных критиков. Это важное и полезное дело, и оспаривать положения доклада я, конечно, не намерен. Но я позволю себе поставить вопрос таким образом: откуда приходят хорошие критики? Мне кажется, из тех же дверей, откуда хорошие поэты, прозаики, драматурги, вообще писатели, ибо, по словам Шолохова, — «писатели растут не по закону».

Поэтому, разумеется, не плохо открыть в Литературном институте имени А. М. Горького факультет критики и аспирантуру, вести в этом институте и научную работу. Это хорошо для литературы, как и наличие филологических факультетов в университетах и институтах литературы в системе Академии наук. Но решить вопросы действительности литературной критики только подготовкой хороших литераторов, мне кажется, невозможно.

Считаю очень полезным и введение в органах периодической печати института литературных обозревателей. Это хорошо, но только с одним условием: если воспитанные нами хорошие критики будут печатать настоящие, объективные, боевые, целенаправленные, правильно ориентирующие, организующие статьи. Ведь они их не будут писать, а если и напишут, то не найдут издателя!

Представим себе, что в один прекрасный день все газеты и журналы отказались печатать стихи, все издательства отвернулись от поэтических сборников, в литературных вечерах зрители перед поэтами затыкают уши. Как, надо полагать, будет развиваться поэзия? Во всяком случае, большинство поэтов сменит жанр.

Нечто подобное происходит с теми критиками, которые начинают с большим энтузиазмом, но потом идут по пути наименьшего сопротивления, могут стать и докторами наук, хорошими специалистами, но в живом литературном процессе отдают предпочтение невинной и безболезненной позиции читателя, пуста и всепочитающего и искусственного.

Как будто делается все для развития литературной критики. Не хватает только одного — гражданской ответственности наших редакторов. С них никто не требует организации критической мысли, упрекают кого угодно — самих критиков, даже писателей —

потенциальных противников критики, но, мне кажется, мало кто думает о том, как задействовать такой резерв, каким являются организаторские возможности редакций литературных органов.

Может быть, в своем выступлении я сгустил краски, за что прошу меня извинить, но говорю так, чтобы подчеркнуть необходимость перевоспитания критиков, писателей и читателей с тем, чтобы вселить в них уверенность в искренности и необходимости критики.

Мне кажется, этим перевоспитанием должны заниматься не учебные заведения, а редакции журналов и газет.

Видимо, Союзу писателей, в частности Совету по критике и литературоведению, следует предметно заняться этим процессом, строго требовать с редакторов газет и журналов, с заведующих отделами критики этих органов. В первую очередь они должны нести не только моральную, но и административную ответственность. Ведь литературные органы — проводники политики партии в области литературы. Как они должны проводить эту политику, не заботясь о развитии литературной критики? Вряд ли достаточен для проведения любой политики, в том числе и литературной, лишь отбор материала для публикации, нужна и своевременная оценка положительных тенденций.

Нельзя ждать, пока критик наберется смелости, проявит инициативу, надо призвать его к действию, заказать статью, заранее, заблаговременно планировать его работу. Управлять работой критиков можно, можно и планировать.

Благодарю за внимание. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Виктору Антоновичу Коваленко (Минск).

В. КОВАЛЕНКО. Сегодня, видимо, мало кто из серьезно и трезво мыслящих людей сомневается, что ситуация в духовной сфере современной общественной жизни такая же сложная, напряженная и тревожная, как и в сфере материального производства.

Конечно же, изрядную долю вины за создавшееся положение должна взять на себя литературная критика. Это будет только справедливо. Однако, пристально разбираясь в недостатках и упущениях критики, мне кажется, острое аналитического рассмотрения необходимо направить не столько на то, кто из критиков и сколько раз впадал в грех беспочвенного восхваления, хотя и это важно, сколько на то, почему, имея на передовой линии крупный, довольно многочисленный отряд образованных, талантливых, предельно преданных своему делу работников, критика сделала для общества заметно меньше, чем могла бы сделать, если судить по ее потенциальным творческим возможностям. Это трудный, но существенный вопрос.

Тем не менее при всех недостатках у критики после XX съезда были крупные достижения — и об этом не стоит забывать, так как именно традиция глубокого социального

мышления, укрепившаяся в тот период и устоявшая позже перед сильным давлением антигисторических, но иногда внешне привлекательных концепций литературного развития, дает ей, критике, право с оптимизмом смотреть в будущее, уверенно ожидать завтрашнего дня, открывающего еще более широкий простор для больших и неотложных общественных преобразований. Будем объективными: ведь и в предшествующие годы отдельные писатели и критики, лучшие из лучших, напрямую выходили к ситуациям, требующим сегодня революционного, ускоренного решения. К примеру, хотя повесть В. Быкова «Знак беды» посвящена событиям предвоенных и военных лет, идейное и нравственное богатство ее содержания очень созвучно главному направлению общественных процессов, происходящих в стране сегодня. Это несомненно.

Критика тоже заслуживает не одних только упреков. В отдельных случаях она тоже поднимала свой голос на высоту грандиозного призыва, как это активно происходило в критической деятельности А. Адамовича. Одним словом, как в литературе, так и в критике появлялись произведения, в которых ярко воплотился авторский дар гражданского предвидения. Здесь можно было бы назвать также произведения последних лет И. Шамякина, В. Козько, А. Жука, А. Кудравца, И. Пташника и других.

Ошутимо помогает сегодня литературной критике и общая атмосфера углубления аналитического подхода при воспроизведении реальной картины жизни страны. Если еще совсем недавно мы умели более внимательно и намного глубже анализировать зарубежную действительность, чем свою собственную, то в последние годы исследовательский пафос при изучении внутренних проблем страны значительно усилился. Этот факт сам по себе является большим достижением, но в нем также поддержка передовых устремлений литературной критики. Наши лучшие публицисты и социологи могут сегодня не только почувствовать, выявить и назвать собственными именами явления, тормозящие общественное движение вперед, но и раскрыть их действительные истоки и причины. Однако как их изжить — это, к сожалению, представляется всем нам еще не всегда ясно и твердо.

«Как?» — это, пожалуй, важнейшая проблема из всех проблем современной общественной жизни, независимо от того, затрагивает ли она глобальные решения в области экономики и научно-технического прогресса или в сфере духовного существования. Тот, кто будет искать и находить — и важнее всего находить! — ответы на самые неотложные вопросы «как?», тот и станет самым главным героем нашего времени как в жизни, так и в литературе.

Обязанность критики — постоянно быть на чеку и поддержать такого героя. И время наше, видимо, не терпит, требуя от критики незамедлительного вмешательства в жизнь. Заметно, например, что в послесъездовском обсуждении неотложных задач научно-технического прогресса начинает появляться не совсем желательная и даже тревожная тен-

денция — склонность намечать планы и новые рубежи ускорения без надлежащего стратегического учета активности и результативности действия человеческого фактора (или просто «человека», скажем так). Для некоторых прагматических деятелей и даже ученых, имеющих явно узкие, технократические представления о грядущих социальных перспективах, человеческий фактор не так редко всего лишь послушность в реагировании на суровую начальственную повелительность, а не весь человек с его разнообразными гражданскими правами и неисчерпаемыми возможностями свободного личного и коллективистского творчества. Между тем сегодня уже понятно, что великая цель дисциплинированности не может быть достигнута без высокой степени активности человеческого фактора, — это значит, когда сам человек захочет быть дисциплинированным и работоспособным на всю нравственную мощь и силу.

К сожалению, и мы, литераторы, как мне кажется, не всегда еще полно представляем, какую огромную роль должен сыграть человеческий фактор в деле всестороннего и ускоренного преобразования страны. Например, в документальном фильме «Разговор по совести», созданном на «Мосфильме», показываются дела передовой строительной бригады из Минска, и там есть эпизод, когда однажды рабочие вынуждены простаивать. При этом один рабочий говорит: «Вот бы снять пол-оклада с того, кто должен плиты дать, тогда были б плиты. Неужели правды нет?» — «Правда есть, плит нет», — отвечает ему другой. И вот с этим тезисом, что правда есть, а плит нет, нельзя никак согласиться, если не упускать из будничного факта, события современного политический смысл. Все-таки истина, видимо, будет заключаться в том, что если плит нет, то и правды всей нет, значит, не вся она сказана, человеческий фактор не задействован на весь масштаб и силу.

В речи М. С. Горбачева на Пленуме ЦК еще раз подчеркивалось огромное значение урока правды во всей деятельности народа.

Проблема активизации человеческого фактора, которая так остро была поставлена в документах и решениях XXVII съезда партии, несомненно потребует уже сегодня уточнения некоторых важных философско-эстетических-предпосылок, связанных с принципами создания образа положительного героя в современной литературе. Для критики здесь очень широкое поле деятельности.

Нельзя сказать, что критика минувших лет не отдавала должного внимания проблеме положительного героя. Скорее всего, как раз наоборот. Появилось немало хороших книг и статей, теоретически хорошо оснащенных, написанных профессионально и с несомненным научным увлечением. Действительно, разработка этой проблемы стоит больших трудов. Единственно, в чем уязвимы эти книги и статьи — и сегодня особенно, — это в недостатке социальной и научной пронизательности. Мы, критики, в разработке проблемы положительного героя, пожалуй, больше заботились о том, чтобы положительный герой обязатель-

но был в произведении, чрезмерно старались описать его показательные черты, увлекаясь порой явной апологетикой, даже не прочь были поспрашивать писателя, если его герой не дотягивал до идеальности, вместо того чтобы больше всматриваться в его внутренний облик, замечая связь его душевного состояния с состоянием окружающей человеческой среды, коллектива, общества, и исследовать не только нравственный, но и социальный характер этой связи и этих отношений. Более широкое критическое исследование такой ориентированности избавило бы литературу и критику от довольно распространенной иллюзии, что положительный волевой герой именно потому, что он положительный и волевой, может практически все, что ему подвластно все стихии жизни, что если у нас что и не совсем хорошо, так это потому только, что в нашем обществе все еще будто бы не хватает порядочных, умных и решительных людей. Но это не так. Проблема эта давняя.

Еще В. И. Ленин предупреждал, что «полагаться на убежденность, преданность и прочие превосходные душевные качества — это вещь в политике совсем не серьезная» (т. 45, с. 94). Конечно, область политики с областью искусства не совпадают, но кто будет отрицать, что искусство всегда политично в своей глупинной сути!

К какому жизненному итогу могут приходиться в своей деятельности люди, идущие к благой общественной цели только через личное упорство, только через личную преданность избранной цели, способны проявить следующие, уже не один раз в критических статьях процитированные слова: «Подвижники и правдолюбцы устали, справедливыцы притомились и надоели. От них отмахиваются или только сочувственно улыбаются». Да, эти слова все более охотно приводятся критиками (впервые их процитировал Ф. Кузнецов в газете «Правда»), но их обязанность сказать, почему так происходит.

Критика должна на самом деле, а не только на словах более решительно повернуться лицом к живой жизни, к социальному бытию, к боевому общественному настроению сегодняшнего дня. Это избавит ее сразу от некоторых ненужных иллюзий и заблуждений, от удобных стереотипов и самодовольства, от все еще бытующего в разных формах интеллектуального иждивенчества. Творческая отдача критики должна сильнее чувствоваться в итогах жизни. Таково настоящее веление времени! (А плоды сменяются.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово для выступления имеет Мстислав Борисович Козьмин (Москва).

М. КОЗЬМИН. Товарищи! Мы живем в напряженное и сложное время, озаренное идеями XXVII съезда партии. Советская литература ведет великий поиск, продиктованный назревшей в нашем обществе необходимостью перехода на качественно новую ступень. Устремленная вперед, в будущее, она очищается от тех негативных тенденций, на которые указала нам партия. И в этом нелегком, порою болезненном, но жизненно необходимом про-

цессе немалую роль призвана сыграть критика. О ее состоянии, о ее достижениях и слабостях, о тех явлениях в области критической деятельности, которые нас тревожат, сказано в только что заслушанных нами докладах. Мне хотелось бы указать на некоторые, на мой взгляд, актуальные и перспективные подходы к осмыслению современной литературы. Это вопрос о критерии художественности, это вопрос о читателе как факторе литературного процесса, это проблема народности и массовости литературы.

Вопрос о критерии художественности приобретает особое значение в связи с усилившимся в последнее время потоком произведений серых, конъюнктурных и просто халтурных. С наибольшей силой прорвавшись в эстрадные жанры, в кино и телевидение, этот поток стал все более нарастать, отражая и выражая те негативные явления, на борьбу с которыми подняла нас партия, застой и парадность, идейную всеядность, общественную пассивность, снижение требовательности к творческому труду. Нам не может не волновать, что подлинная литература уступает позиции литературному браку, причем критика порою не препятствует, а способствует этому. Стало обычным делом расхваливать слабые произведения лишь за актуальность тематики, умалчивая об их художественном качестве. В проблемных статьях даются перечни имен и произведений, сугубо разных по своим идейно-художественным достоинствам. Посредственность уравнивается с талантом.

Можно и должно принимать необходимые организационные меры для того, чтобы путь мутному потоку серой литературы был прегражден в издательствах, в журналах, в редакционных советах, в кино и на телевидении. Можно и нужно создать общественную атмосферу непримиримости к литературному браку, а также к комплиментарной и сервильной критике. Но необходимо и другое. Необходимо теоретическое осмысление, что же такое в литературе «хорошо», а что такое «плохо», необходима марксистская разработка критерия художественной ценности, которая, к сожалению, у нас до последнего времени не велась. Если в формалистическом и вульгарно-социологическом литературоведении вопрос о ценности фактически снимался, то в современном марксистском литературоведении и критике он приобретает особое значение и остроту. Ведь без научно выверенных критериев, определяющих вес и значение того или иного произведения в общем литературном процессе, немислима последовательная и действенная борьба против серости в литературе, борьба за повышение ее идейно-художественного уровня.

Критерий ценности в литературе многогранен. В него входят и совершенство формы, и ее соответствие содержанию, и точность и образность языка, и — что самое главное — глубина постижения и воплощения жизненной правды и высота и благородство идеи.

Но есть и еще один критерий, который нельзя не учитывать при оценке художественных произведений. Это критерий действительности. Это коэффициент полезного действия литера-

туры. Как его определить? В чем он заключается? Известно, что критерием всякой теории и духовной деятельности в целом является практика. Для литературы такой критерий — это восприятие ее читателем, это ее воздействие на него, на его душу и разум, на общественную жизнь. Насколько сильно такое воздействие, каков его характер и направленность — вот вопросы, которые зачастую остаются без ответа. Кого читают, а кого нет и почему, что выносят из прочитанного, как его оценивают? Все это неясно и просто неизвестно нам, изучающим литературный процесс и забывающим такой существеннейший его фактор, как читатель, ради которого делается литература, к которому она обращена.

Не могу сейчас вдаваться в историю вопроса об изучении читательского восприятия и читательского мнения. Скажу лишь, что одним из первых у нас заговорил об этом академик А. Белецкий в начале 20-х годов, что в 20—30-е годы велся интенсивный сбор читательских высказываний о литературе и существовал специальный журнал «ЧИП» («Читатель и писатель»), проводились анкетирование и устные расспросы. На важность изучения читателя указывали Горький и А. Толстой, а последний даже включал новое отношение читателя к литературе в понятие социалистического реализма. Были попытки вернуться к проблеме читателя в 60-е годы. Начали собирать и изучать читательские отзывы некоторых библиотеки, в частности Ленинская. Но все это как-то не обнародовалось, а главное, не становилось достоянием критики, ее инструментом в изучении современного литературного процесса.

На мой взгляд, осознание важности этой проблемы может открыть новый подход к осмыслению современной литературы. Более десяти лет тому назад академик М. Храпченко положил начало новому подходу к изучению истории литературы — историко-функциональному. Нам нужно распространить этот принцип и на изучение современной литературы, взявшись за разработку, я бы сказал, социально-функционального подхода к литературным явлениям нашего времени. Ведущие у нас конкретно-социологические исследования необходимо сделать достоянием нашей критики, а не только ведомственным достоянием, которое остается недоступным даже для специалистов, изучающих современную литературу. Мне думается, что полезно было бы создать единый центр изучения читателя не только с чисто прикладными целями, но и с задачей обогащения нашего представления о современной литературе, о ее роли в духовной жизни общества. В него должны были бы войти писатели, литературоведы, критики, социологи, психологи, философы, а также книголюбцы, работники библиотек, книжной торговли и издательств. Этот центр мог бы функционировать под эгидой Союза советских писателей и Института мировой литературы.

Не надо пугаться того, что социологическое изучение читательских мнений покажет несовпадение популярности того или другого

писателя или произведения с той оценкой, которую им дает критика, и даже с их объективной художественной ценностью. С одной стороны, такая работа может подправить и откорректировать критические суждения. С другой стороны, и читательские оценки не абсолюты. Читатель, он ведь разный бывает. И успех у него зависит не только от уровня литературы, но и от уровня его самого. Кому нравится серьезная литература, а кому легкое чтение. Не секрет, что довольно часто популярность завоевывают произведения, не отличающиеся высокими художественными достоинствами: романы, повествующие об интимной жизни исторических лиц, произведения бездумно-развлекательные с пикантно-сексуальными сценами, вводимыми для так называемого «оживляжа», произведения тусклые по языку и пустые по идейно-нравственному содержанию, приравливаемые к запросам читателей-потребителей, в общем, так называемая массовая литература.

В последнее время понятие «массовая литература» как родственное понятию «массовая культура» начало употребляться по отношению к определенным явлениям нашей литературной жизни. Не убоимся этого термина, который применяется обычно к литературной продукции капиталистического мира. Но одной смелости тут недостаточно. Надо уяснить, что же представляет собой массовая литература у нас и чем она отличается от настоящей, высокой литературы, с одной стороны, и чем от буржуазной массовой литературы, с другой. Я не собираюсь сейчас ответить на эти вопросы, требующие серьезного и обстоятельного обсуждения. Но я уверен, что время для такого разговора настало. Настало время во всей глубине рассмотреть проблему народности искусства и его массовости, памятуя слова В. И. Ленина, что есть настоящее, большое искусство, а есть «зрелища», т. е. более или менее красивое развлечение. Народность и массовость так же неоднозначны, как неоднозначны понятия «народ» и «масса». Народ — наивысший ценитель духовных ценностей и их создатель, масса — это потребитель. И надо не угодить вкусу массового читателя, а отвечать художественному вкусу общества, воплощаемому в себе то общее и существенное, что заключено в индивидуальных вкусах людей.

Сегодняшняя борьба против серости и легковесности в литературе, борьба за высокое качество художественного творчества должна вести к вытеснению массовой культуры искусством народным, искусством высоким, великим искусством настоящего и будущего. И здесь, в этой борьбе, большую роль призвана сыграть критика, обращенная не только к писателю, но и к читателю, критика, помогающая ему глубоко проникать в художественные миры, создаваемые литературой, критика, воспитывающая эстетический вкус и высокие нравственные качества читателя и опирающаяся на его мнение, на его запросы. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Янис Фрицевич Рокпелнис (Рига).

Я. РОКПЕЛНИС. Я буду говорить о положении литературной критики в Латвии.

Не случайно в докладе Виталия Озерова не была упомянута ни одна фамилия латышского критика. Положение критики в Латвии весьма тяжелое, и крайне недоброжелательно со стороны писателей отношение к ней. И даже те писатели, которые сами более или менее регулярно выступают с критическими статьями, относятся к профессиональной критике отрицательно, часто враждебно.

Дело тут еще в том, что понятие «критики» на практике служит псевдонимом, обобщающим термином и для обозначения административного зажима — со стороны издательств, которые подчиняются соответствующим органам, которые, в свою очередь, подчинены еще более высоким органам. Ни одному литератору не выгодно ссориться с высокими инстанциями, а литературного критика можно безнаказанно «бить». Таким образом, литературная критика становится для писателя «мальчиком для битья», критике приходится платить и по чужим счетам. Но так ли смертельно грешны, скажем, редакторы и издатели? Мы очень хорошо знаем, что случается с редакторами газет или журналов, если они пропускают какую-то острую вещь, которую потом в более высоких административных органах подвергают разному. Не беда, если через пару лет это же произведение поднимается теми же лицами на щит. Однако что-то у меня на памяти нет таких явлений, чтобы какой-нибудь высокопоставленный чиновник, употребивший свою власть «не пущать» значительное, острое произведение, за это впоследствии пострадал, лишился должности и т. п. Пока выгоднее в искусстве перестраховка, боязнь риска, чем гражданская смелость тех людей, от которых зависит выход произведений в свет, в нашей литературе не произойдет крутой поворот к лучшему.

К сожалению, приходится говорить о профессиональном самолюбии критиков. У нас существует такое положение, что писатели расправляются с острыми, требовательными, принципиальными критиками не своими руками, а руками критиков же — только критиками комплиментарными, беззубыми по характеру и темпераменту.

В результате наиболее яркие индивидуальности уходят из критики в литературоведение, а то и куда подальше.

В Латвии наблюдается стойкое измелчание критики. Мы у нас часто повторяем, что нет критики литературного процесса в целом, а очень сильна раздробленность литературной критики по жанрам. Тем более что у нас абсолютно нет критиков, если не считать парочку компиляторов, которых всерьез никто не принимает, кто мог бы оценивать латышскую литературу в общесоюзном контексте, как это умеют, скажем, литовские критики. В результате из всех литератур Прибалтики латышская выглядит для всесоюзного читателя самой блеклой. В Латвии нет критиков, умеющих писать для всесоюзной аудитории. Но и наша литература, особенно поэзия, обладает несколькими подлинно крупными писательскими именами. У нас, например,

есть такой замечательный писатель, как Имант Зиедонис, чья публицистика буквально формирует духовный облик нации. И одновременно Имант Зиедонис — тончайший философский и интимный лирик, без всякой прямолинейной плакатности. Смее утверждать, что такого рода писателей во всей советской литературе весьма немного. Но достаточно ли знает о нем всесоюзный читатель?

У нас, как бы непривычно это ни звучало, нет так называемой секретарской литературы. Все секретари нашего писательского союза, за исключением первого (ему 46 лет), моложе сорока, и они из-за служебных дел творчеством занимаются довольно мало, хотя и успешно.

У нас существует другая опасность: требование под видом демократизации критики захваливать посредственности. Таким образом пытаются разрушить иерархию ценностей, которая является основой духовной культуры любого народа. Одновременно из-за боязни комплиментарности мы иногда стесняемся оценить выдающиеся произведения так же, как и поставить воинствующую посредственность на свое место.

Если хвалишь сильного поэта или писателя за действительные, а не прошлые заслуги, то это, конечно же, комплиментарность, и серая масса этим недовольна. Если же вы хотите сказать правдивое слово о посредственном литераторе, то тут же раздадутся укоризненные голоса, что это человек очень хороший, малоумный или больной. Получается, что литература — это просто разновидность богодельни.

Хотя говорят, что талантливый критик появляется очень редко и его выучить невозможно, все-таки стоит, по моему мнению, предпринять ряд неотложных мер для выявления и воспитания пусть не гениальных, но хотя бы хороших, принципиальных, не трусливых критиков.

Следует возобновить региональные совещания критиков Прибалтики, Белоруссии, Ленинграда. Латвия может проявить инициативу в созыве такого совещания, посвященного какой-то конкретной проблеме, например конфликту.

Аспирантура в Литературном институте — это очень полезно и нужно. Мы поддерживаем также идею стажировки критиков в периодических изданиях Москвы. Но критика требует значительных финансовых инъекций, капиталовложений. Всем известно, что профессиональных критиков практически нет, так как они на свои доходы от критики существовать не могут. Ядру профессиональных критиков надо предоставить возможность зарабатывать на хлеб при органах печати — на основе постоянных договоров и т. п. Эту финансовую проблему на уровне республики мы не можем осилить, здесь требуется всесоюзная инициатива. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Левон Мкртчян (Ереван).

Л. МКРТЧЯН. Уильям Сароян любил парадоксы. Есть у него не очень серьезное и тем не менее замечательное признание: «Я не умею

читать, потому что я писатель, моя профессия — писать...» («Иностранная литература», 1984, № 4, с. 227).

Мы с вами, критики и литературоведы, даже в шутку никогда бы так не сказали. Наша профессия — прежде всего читать, а уже потом писать, хотя нередко мы плохо читаем и плохо пишем. И особенно мало и плохо читаем переводные книги. А читать надо. Например, в одной переводной книге сказано: «Чтобы быстро высидеть птенцов, птица ведь не бросает яиц в огонь, а чрезвычайно медленно согревает их естественным теплом» (Ян Амос Коменский. Избр. педагог. соч. М., 1955, с. 167). И чтобы сегодня, сейчас, плодотворнее претворять в жизнь захватившую всех нас идею ускорения, чтобы вместо куриц не получить вдруг вареные яйца, надо об этом знать...

Работа переводчика сродни работе критика и литературоведа. Переводчик работает и как исследователь литературы. И дело не только в том, что выдающиеся переводчики (как, например, Иван Кашкин, Лев Гинзбург или Н. Любимов и С. Апт) так проникновенно пишут о литературе. Переводчик может и не писать статей. Во всяком переводе спрятана еще и статья переводчика, толкующая оригинал. Статья, скрыто присутствующая в переводе, во многом определяет и качество перевода, так сказать его компетентность.

Говорят даже о том (А. Федоров, Вл. Россельс, П. Топер, В. Ганиев, Н. Джусойты), что зачастую переводчик по сравнению с критиком глубже, всестороннее и тоньше читает оригинал.

Иной раз, казалось бы, в тексте все ясно, понятно, но пробуешь перевести текст и вдруг обнаруживаешь, что немало в нем трудных, а то и вовсе темных мест. Воистину, как утверждал В. Шкловский, всякий текст — это проблема. Есть даже такое мнение: чтобы до конца понять текст, надо его перевести. И не случайно, например, исследование о «Петербургских повестях» Гоголя в армянских переводах имеет подзаголовок: «Прочтение оригинала как переводческая проблема», то есть проблема та же, что и у критиков, литературоведов.

Андрей Битов однажды заметил, что слово «нос», существующее в языке, расширено словом «Нос», существующим у Гоголя («Литературная газета», 25 ноября 1981 г.). Часто именно при переводе полностью обнаруживается весомость слова и то значение, которое придал слову писатель.

Толстой говорит о Наташе Ростовской, что она «не устает быть умной». Именно не устает. Зачем, спрашивается, умной женщине (она станет женой, матерью, она и так умна) быть умной еще и сверх того? Армянский переводчик «Войны и мира» написал, что Наташа не строила из себя умную женщину. У переводчика в данном случае другая, не толстовская Наташа.

Будучи в Берлине, я встретился с Вернером Кройцигером, немецким переводчиком «Братьев Карамазовых». Кройцигер рассказал, как трудно подчас перевести одно лишь слово. Когда Дмитрий видит сон о по-

горельцах и когда ящик говорит ему, что «дитё плачет», Дмитрия поражает, что «он сказал по-своему, по-мужицки: «дитё», а не «дитя». И ему нравится, что мужик сказал «дитё»: жалости будто больше».

«С этим «дитё», — заметил Кройцигер, — я буквально замучился».

Кройцигеру обязательно надо было сохранить в немецком трудное русское слово «дитё» (он обратился к разговорному языку, к диалектам) еще и потому, что этот эпизод внутренне связан с другим, столь же значительным и столь же трудным для переводчика эпизодом.

О Лизавете Смердящей говорили, что росту она была «всего двух аршин с *малыш*». Это буквально бесит Смердякова: «Для чего же с *малыш*, когда можно просто «с малым» сказать, как все люди произносят? Слезно выговорить захотелось, так ведь это мужицкая, так сказать, слеза-с... Я с самого сыздетства, как услышу, бывало, «с малыним», так точно на стену бы бросился. Я всю Россию ненавижу...»

И здесь Кройцигеру пришлось изрядно помучиться.

В слове виден человек. И о писателях, как, впрочем, о людях вообще, можно судить по тому, как они относятся к слову.

Переводчик работает как критик и переводчик работает как писатель. Кстати, и критики достигают наибольших успехов, если им не чужд писательский дар.

В недавней своей книге «Сколько весит слово» Вл. Россельс цитирует перевод уважаемого ученого, академика: «А как поступить нам с женщиной, это решится ее наружностью», — переводит ученый. Вот вам пример отсутствия писательского слуха, вкуса.

Переводчики, как и писатели, влияют на литературный процесс внутри своего языка и благодаря взаимным переводом связуют между собой литературу мира.

В свое время Н. Г. Чернышевский говорил о том, что «до самого Пушкина она (переводная литература. — Л. М.) была несравненно важнее оригинальной» (Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. М., 1948, т. 4, с. 504). Но и сейчас роль переводной литературы велика. На современном этапе в развитых литературах мира, как замечает А. В. Федоров в своей книге, выразительно названной «Искусство перевода и жизнь литературы», понятие «литературного влияния стало уступать место понятию творческого взаимодействия литератур и художественных индивидуальностей» (с. 4).

Писатели пишут о жизни и тем самым вмешиваются в жизнь. Переводчики, они ведь тоже вмешиваются в жизнь.

Вряд ли кто из москвичей может сказать, имела ли какое-либо значение для Москвы книга Витрувия, римского инженера первого века нашей эры, «Об архитектуре».

А между тем когда книга была переведена на русский язык, то «Вечерняя Москва» в декабре 1933 года писала: «Трактат Витрувия, — сказал академик Шусев, — будет несомненно иметь большое значение в строительстве и планировании наших городов. В десяти книгах трактата приведены все те

огромные успехи, которые достигнуты в строительстве Древней Греции, Египта, Ассирии, Рима и других стран. Особенное значение в реконструкции Москвы будет иметь книга Витрувия о планировке площадей и улиц. Из этой книги можно будет почерпнуть весьма ценные сведения для Москвы».

Переводы имеют для национальных культур гораздо большее значение, чем принято думать. Переводные книги как те редкие люди, которые, сделав доброе дело, никогда не говорят об этом.

Переводы отображают действительность языка оригинала. Это понятно. Но переводные книги отображают (разные книги в разной мере) еще и действительность языка перевода.

Если бы все, что печатается, например, в журнале «Иностранная литература», не имело отношения к нашей с вами жизни, не отображало еще и нашу действительность, то журнал читали бы немногие специалисты, и он не имел бы такого колоссального тиража.

Я читаю армянские переводы, относящиеся к раннему средневековью, и вижу, что эти переводы могут выразить и то, что занимает нас в сегодняшней Армении. «Не забывайте в спокойствии волнения и в здоровье — болезни», — сказано в древнем армянском переводе из Григория Назианзина, и это мне близко, это мне нужно.

И разве только из интереса к балкарской жизни или жизни литовской, армянской мы переводим на русский язык и издаем огромными тиражами Кайсына Кулиева, Юстинаса Марцинкявичюса и Сильву Капутикян?

Любая книга, переведенная на тот или иной язык и популярная на том или ином языке, выражает еще и действительность языка перевода. А на примере судьбы русского перевода романа Э. Л. Войнич «Овод» можно сказать, что иногда именно в переводе приобретает оригинал особую злободневность и остро выражает действительность языка перевода.

Корней Чуковский любил и читал по памяти в переводе Наума Гребнева четверостишие Расула Гамзатова из его цикла «Надписи на могильных камнях»:

С неправдою при жизни в спор
Вступил джигит.
Неправда ходит до сих пор,
А он лежит.

И когда не о злобе дня (особенно сейчас, когда борьба со всякого рода негативными явлениями стала большой государственной политикой) кричит эта надпись в переводе с аварского?

Ю. Д. Левин, автор известных работ о литературных взаимосвязях и переводах, в новой своей книге «Русские переводчики XX века» (Л., 1985) дал литературные портреты ряда выдающихся переводчиков и показал, чьими стараниями, чьими глазами Россия прошлого века читала мировую литературу.

Но когда речь идет о современном литературном процессе, почти не пишут о том, кто из переводчиков и какие книги вводит в наши национальные литературы. Нет соответствующих обзорных, проблемных статей.

Хорошо разработаны советскими литературоведами и критикой вопросы теории перевода. Мне кажется, что пишущие о проблемах перевода теперь часто повторяются (особенно в журнальных и газетных статьях), вновь и вновь открывают давным-давно открытые общие теоретические положения.

Появляется много работ описательных. Этим грешат больше других диссертанты.

Один из прозаиков упрекал меня за книгу собрата по профессии:

— Читал книгу доцента. Что это за книга? — возмущался прозаик. — Во всей книге одна только мысль, выраженная словами: «Вот, например»...

Некоторые литературоведы охотно и, я бы сказал, высокомерно пользуются псевдонаучной лексикой.

Читал книгу о стихотворной культуре и проблемах перевода. Автор — симпатичный молодой человек, а книга оказалась, увы, не симпатичной — рябило в глазах от множества аббревиатур, имеющих целью подчеркнуть особую научность работы.

ГКНРС — это гетероморфные конструкции новаторского стиха, а вот что такое УТС, НцС, НрПК, МТ, ЛТК, ЦПКИТ, ДМ и САНУ, я не стал выяснять.

Так и хочется сказать автору ЗВДиОПЧ: зачем валять дурака и обманывать простодушных читателей?

Иногда правильными словами о переводах, взаимосвязях и дружбе литератур успешно проталкивают слабые переводы слабых книг.

Слабую книгу, на каком бы языке она ни была написана, нельзя, да и неловко называть оригиналом. Оригиналом может быть только сильная книга. И на вопрос: «Что нужно переводу?» — я бы ответил: «Переводу нужен оригинал».

Но, увы, часто об этом забывают издатели.

При всей теоретической разработанности проблем художественного перевода оказывается возможным для оправдания слабых, а то и халтурных переводов применение высоких и строгих критериев.

В своей книге «Об искусстве фортепианной игры» (М., 1982, с. 216) Г. Нейгауз говорит о том, что совесть «есть в то же время и хороший вкус».

Очень может быть, что все, что я здесь говорил, — это совсем не то и не о том. Надо было сказать о совести и хорошем вкусе... (А плоды сменты.)

В. М. ОЗЕРОВ. Дорогие товарищи! У нас день прошел напряженно. Выступили 32 человека: 30 делегатов, министр культуры РСФСР и главный редактор Главной редакции художественной литературы Госкомиздата СССР. Регламент соблюдал.

Выступления были из 14 республик. Выступили практически все товарищи, которые хотели. 2 человека по разным причинам не смогли выступить. Нескольким человеком оставили тексты своих выступлений. Я думаю, что, хотя мы на час задержались, в этом ничего дурного нет: люди приехали, пусть выступят, скажут.

Подводить итоги заседания сейчас, навер-

ное, не нужно. В целом мне показалось, что это была деловая работа, критичная, похвальбой никто не занимался, исходили из тех указаний, требований и надежд, которые высказаны применительно к литературно-художественной критике нашей партией. Говорили с чувством достоинства, потому что те, кто считает, что — такое выражение существует в литературной среде — критика — мальчик для битья — они вряд ли правы. Оно расходится с тем указанием на внимание к таланту, которое было высказано на XXVII съезде.

Не все мы рассмотрели. Было бы время — подробнее поговорить по вопросам теории перевода. Могли бы подробнее поговорить о наших международных, которые работают серьезно, и еще о целом ряде вопросов. Но все охватить мы не могли.

Мы надеемся — будет избрано новое руководство. Союз писателей будет жить и работать дальше, будет работать лучше, и все те надежды, которые возлагаются на критику, будут выполняться ускоренно, по-настоящему.

Я хотел завтра, докладывая об итогах работы комиссии, в общем сказать о ней одобрительно, главные проблемы здесь названы, упомянуть некоторых товарищей, которые здесь выступали. 32 человека, конечно, не упомяну. Опять это лишняя беда: упомянутые будут довольны, неупомянутые не очень. Но не получится всех — каждый из вас бывает в роли докладчика и понимает, что это за роль. Несколько проблем постараюсь назвать и оценить работу нашей комиссии, которая помогает творчески мобилизовать коллектив.

В заключение мне хочется сделать выводы: мы сегодня неплохо поработали, поработали очень качественно, по-новому, исправляли имеющиеся недостатки в нашей работе на качественно новом уровне, который соответствует тем задачам, которые решает наша партия во всех областях нашей жизни, в том числе и в духовной.

Может быть, у товарищей будут какие-то замечания, пожелания?

(С места: «Нет замечаний, все было хорошо, на высоком уровне».)

Позвольте мне от имени тех товарищей, которым было поручено руководить работой сегодняшней комиссии, сердечно поблагодарить всех присутствующих и пожелать всем вам больших успехов в вашей большой и интересной работе. Спасибо. (Аплодисменты.)

ПРИЛОЖЕНИЯ

У. НОРМАТОВ (Ташкент)

Парадоксы критики

За последнее время, особенно после партийного съезда, заметно усилилась критика критики. Это тем радостней, что мы, критики,

совсем еще недавно обвиняли писателей в «нетерпимости к критике», а сами, когда доводилось услышать хоть маленькое замечание в свой адрес, то сразу начинали защищать самих себя от критики. Разумеется, и ныне встречаются такие случаи, но в целом уважительное отношение к критике самих критиков становится нормальным явлением. (И это есть твердое утверждение чувства правды в нынешней критике.)

Мы должны прислушиваться к справедливым нареканиям в свой адрес, направленным на устранение недостатков в нашем цеху, но не игнорируя свои реальные достижения. К сожалению, и сейчас можно встретить факты голого отрицания достигнутых результатов, под видом «критика критики». Недавно за «круглым столом», организованным республиканским литературным еженедельником, один мой коллега прямо заявил, что якобы за последнее десятилетие в узбекском литературоведении не создано ни одного значительного научного исследования об узбекской советской и классической литературе. При оценке состояния уровня современной литературной критики необходимо учитывать все «плюсы» и «минусы». Если делать выводы исходя лишь из оценки посредственных и серых произведений, то это неминуемо приведет нас к отступлению от правды.

Искренне радуешься, читая последние исследования и статьи таких опытных и одаренных критиков, как Л. Аннинский, В. Кожин, С. Чупринин, Е. Сидоров, И. Дедков, Ф. Кузнецов, Ю. Суровцев, — ведь о таком уровне критической мысли, откровенно говоря, лет двадцать — двадцать пять тому назад мы только мечтали! Теперь такие критики есть и во всех союзных республиках, с их работами, хотя и частично, мы знакомы через центральную печать.

Во время итогового обсуждения проблем современной узбекской критики, организованного в канун IX съезда писателей Узбекистана, был приведен такой факт: ни одно значительное произведение, созданное нашими писателями за последние пять лет, не осталось вне поля зрения узбекских ученых, все они проанализированы и оценены по достоинству. Против этого факта никто не возразил, да и не смог бы возразить. Это и есть достойная оценка деятельности наших критиков. Книги и статьи И. Султанова, М. Кошчанова, Л. Каюмова, О. Шарафиддинова, Н. Худайбергенова, С. Мамаджанова, И. Гафурова признаны определенным достижением современной узбекской критики. Немало полезного, поучительного сделано в изучении литературного наследия: 5-томная «История узбекской литературы», книга Н. Камилова «Авиценна и Данте», научные труды ряда литературоведов, посвященные 500-летию «Хамсы», труды Э. Каримова и Б. Касымова, посвященные изучению сложного, во многом противоречивого литературного процесса начала нашего столетия. Все названные мною работы, без преувеличения можно сказать, стали заметным событием в литературно-критической жизни республики.

Необходимо отметить и тот отрадный факт,

что в развитие современной узбекской критики вносят свою достойную лепту известные писатели и поэты: Аскад Мухтор, Адыл Якубов, Пиримкул Кадыров, Ульмас Умарбеков, Т. Пулатов, Э. Вахидов, Уткур Хашимов и другие.

Однако несмотря на эти успехи, общее состояние и уровень нашей критики не могут нас удовлетворить. Наши критики не поднялись на уровень больших требований, выдвинутых партией, не используют всех своих потенциальных возможностей. Узбекские критики редко выступают на страницах центральной печати, на всесоюзных дискуссиях и диспутах. Заведомо субъективная и завышенная оценка произведений, чинопочитание, молчаливое примирение с серостью все еще имеют место в нашей критике. Горько вспомнить, как в недавнем прошлом наши критики открыто соревновались в создании пышных, громких од в честь писателя, занимавшего очень высокий пост, и в этом приняли участие не только наши, но и известные и опытные литературоведы из столицы. Об этом следует сказать, чтобы такое не повторилось никогда больше. Помнить об этом надо еще и потому, что во все эти годы отдельные яркие, честные таланты, активные борцы за утверждение правды, кто не сочинял дифирамбы и потому был не по душе «многочитаемым», оставались в тени, их беспрестанно травили, охаживали их правдивые произведения и принципиальные выступления (вспомним хотя бы Абдуллу Каххара).

Все еще продолжают оставаться серьезным барьером на пути развития критики и литературы в целом посредственность, бездарность, профессиональная беспомощность. Нередко читаешь статьи, которых не стоило бы писать. Печатные органы щедро дарят свои полосы статьям, авторы которых всячески избегают острых и насущных проблем, занимаются констатацией литературных фактов или, в лучшем случае, пересказом содержания произведения.

Вызывает большую тревогу и бытующий у нас бюрократизм и догматизм в области литературной критики. Тут-то и рождаются те парадоксы, о которых я хочу вести речь... С одной стороны, мы все признаем необходимость поднять и всесторонне изучить не разрешенные по сей день, сложные, запутанные и потому острые проблемы в истории литературы. Но с другой стороны, если кто-нибудь осмелится на этот шаг, тут же кое-кто спешит наклеивать на них политические ярлыки. Когда критик Н. Худайберганов в своей статье на страницах журнала «Вопросы литературы» затронул вопрос об изучении сложных и противоречивых фигур в узбекской литературе 20-х годов, наши некоторые коллеги восприняли это, мягко говоря, очень неприязненно, а то и с явной враждебностью.

С одной стороны, раздаются голоса, что у нас много комплиментарности и мало острой критики посредственных произведений. С другой же стороны, именно такие статьи, и острые, и дельные, подолгу задерживаются в редакционных портфелях, не находят путь к читателю. Например, недавно журнал «Шарк

юлдузи» и республиканская литературная газета отказались от публикации статьи М. Кошчанова и О. Шарафиддинова за критический анализ крайне беспомощного романа И. Рахимова «Генерал Равшанов». Печальные судьбы не только острокритических статей. По разным причинам сокращаются и резкие критические суждения, снижаются самые необходимые и существенные критические замечания из теоретических, проблемных и обзорных статей; если кто не согласен с решением редакторов, то публикация его статьи затягивается, а то она и вовсе не публикуется...

С одной стороны, мы все желаем, чтобы наши статьи были насыщены научно-теоретическими, жизненными, философскими размышлениями, однако, с другой стороны, наши «беспощадные» редактора, как с болью в душе говорил Игорь Дедков, одним росчерком пера вычеркнули из статьи именно такие места — так называемые «общее рассуждение». В результате наши статьи и рецензии превращаются в сухие, в безликие, бесстрастные сообщения.

Вслед за «Литературной газетой» и «Литературным обозрением» наши республиканские художественные органы печати представляют широкое место для читательских откликов, организуют дискуссии на основе читательских выступлений. Это, с одной стороны, хорошо. А с другой, оно же приводит к крайнему упрощению литературно-критического мышления. Как можно высказать ценную критико-теоретическую мысль, если мы каждую вещь начинаем изучать на уровне обыкновенного читателя. Более того, мнение неопытного читателя, высказанное о художественном произведении, о литературном процессе в первый и последний раз за всю его жизнь, иногда становится чуть ли не решающим голосом. Иногда отдельные уважаемые писатели и поэты, даже некоторые наши коллеги, свысока смотрят на достижения науки о литературе. Несмотря на то, что наши писатели признают его или нет, я все же глубоко убежден: современное передовое критическое мышление, в частности антинормативный, антидогматический пафос концепции социалистического реализма как «открытой системы», оказывает заметное влияние на плодотворное развитие литературы.

Мы много говорим о писательском таланте. Никто ничего не говорит о таланте критика, не затрагивается вопрос о мастерстве и личности критика. Ведь то бесценное свойство, называемое «талантом», столь же необходимо и для критика, сколько необходимо оно для писателя или поэта. В этом смысле достойны всяческого одобрения материалы под рубрикой «Портрет с автографом» о творческой лаборатории ведущих критиков, нашедшие достойное место в «Литературной газете», — статья С. Чупринина в «Вопросах литературы» «Критика — это критики».

Несколько лет тому назад была проведена широкая дискуссия вокруг вопроса «Как готовить критика?». Вопрос был важным, необходимым. Однако есть еще более важный вопрос: «Как использовать потенциальные силы имеющихся кадров — критиков?».

Основная часть критиков-литературоведов, членов Союза писателей СССР у нас в республике работает в вузах. Они, помимо учебных нагрузок, предостаточно на одного человека, прямо-таки выполняют огромную нагрузку: участие в сельхозработах, дежурство в общежитиях, плюс к этому многочисленные общественные мероприятия. Кроме того, на основе так называемого правила «шестичасового рабочего дня» требуется каждый день отсидеть на факультете, независимо от того, есть или нет учебные занятия. Спрашивается: когда же он, ученый-литературовед, критик, читает, обдумывает и пишет? Да еще сейчас, когда по приказу Минвуза СССР на курсах повышения квалификации филологов прекращены занятия по литературе, и все целиком перешли на изучение ЭВМ. ЭВМ, компьютеры нужны в жизни, пользоваться ими в процессе преподавания литературы можно и нужно, однако обязательно ли для этого прекращать занятия непосредственно по литературе и науке о литературе? Ведь научно-технический прогресс не включает в себя только лишь ЭВМ! В науке о литературе немало проблем, изучение и решение которых связано с НТР. Ведь представители литературы своими средствами должны способствовать развитию науки и техники.

В эти дни горячо обсуждается партийный документ о перестройке высшего образования. Пользуясь возможностью, хочу высказать одно соображение: с целью эффективного использования сил одаренных ученых-литературоведов и критиков, работающих в вузах, уместно было бы ставить вопрос о создании специальных групп исследователей на кафедрах литературы, так же как на кафедрах естественных дисциплин, непосредственно занимающихся наукой, сокращая их учебные нагрузки, таким образом, их основное внимание сосредоточить на исследовательской работе.

Несомненно, наш съезд примет практические меры по решению актуальных проблем как организационного, так и творческого характера в области критики, направленные на устранение любых бюрократических и формалистических барьеров на пути дальнейшего ее развития.

Б. ЖУТДИЕВ (Ашхабад). Как это ни странно, но в туркменской советской литературе возникла довольно любопытная ситуация. Вот уже в течение стольких лет наши поэты и писатели, как сговорившись, указывают на то, что литературная критика находится ниже уровня самой литературы, не говоря уж о требованиях сегодняшнего дня. Литературные критики, солидные товарищи из области литературоведения, долгое время и категорически не соглашались с этим мнением. Можно сказать, что они объявили войну против подобных заключений. Аргументы у них были примерно вот такие:

«Неверное мнение, пахнет клеветой».

«Не согласен. Уровень самой литературы невелик».

Один из критиков высказал даже такую мысль (видимо, посчитав, что она гораздо

обоснованнее): «Какова у нас литература, такова и критика».

Это предположение, вероятно, нельзя назвать беспочвенным. Может быть, именно поэтому подобный аргумент вызвал в стане критиков какое-то оживление, подъем и они тут же расправили плечи.

Как бы мне ни хотелось разделить радость своих друзей-критиков, истина требует от меня как от главного редактора литературного журнала, придерживаться реальных взглядов. Перефразируя известное выражение, попытаюсь выразить свое кредо: «Критик мне друг, но истина дороже». Кстати, и реальность сегодня требует от нас, по словам Маяковского, кричать «во весь голос».

В самом деле, каково состояние туркменской литературной критики? Нет никакой надобности закидывать шапки под небесный купол, великодушно заявляя: «Ничего страшного, все нормально».

Верно, есть у нас литературная критика, есть литературоведческая наука. Есть и литераторы, удостоенные государственных премий республики за литературно-художественную деятельность. Имеются и профессора. Много рецензий, обзоров статей, длинных и ровных, как проспект Свободы нашей столицы. Но... как говорится: «В доме сладостей — не счастье, но не суждено мне их съесть». Как обидно, что нет у нас ни одного критика, который бы работал по всесоюзным меркам! Примеры? Пожалуйста: между двумя съездами писателей СССР туркменские критики не выступили в центральной прессе ни единой статьей, привлекающей хоть маломальское внимание. А ведь период между двумя съездами составляет целых пять лет! Если так швыряться годами, то вполне возможно, что ни в молодости, ни в старости критик не достигнет подлинности, реальности!

Нашей литературной критике, на мой взгляд, недостает глубины анализа, элементов риска, способности защищать свое слово, драться за него. А ведь очень хочется, чтобы те, осмелившиеся переступить порог литературной критики, сохранили ей верность, регулярно совершенствовались, чтобы они стали не дипломированными учеными, а грамотными учеными, чтобы они не теряли способности будоражить *волну* и будить *волнение*. Нам нужны не ремесленники, которым не спится, если они не напишут каждый день по статье, а нужны настоящие покровители литературы, для кого литературная критика стала судьбой! Мы хотим, чтобы они не размельчались в середине пути, хотим, чтобы они стали ЛИЧНОСТЬЮ, чтобы они стали МУДРЕЦАМИ, как древние мыслители Востока, сумевшие вложить в единое слово вселенский смысл. Но что самое печальное — наши пожелания и по сей день остаются лишь пожеланиями. Проходят съезд за съездом, принимаются хорошие постановления, проводятся содержательные беседы, так называемые «За чашкой чая» и «За круглым столом», но все же не появляется *личность*, вызывающая уважение совершенством своих взглядов, широтой кругозора, кровным единством с художественным произведением. Словом, можно

сказать, что в нынешнем состоянии туркменская литературная критика не оказывает влияния на литературный процесс. Критика — сама по себе, литературный процесс — сам по себе. Там, где нет единства и кровной связи, в литературном процессе образовывается своеобразный вакуум, который вместо того чтобы показать истинное лицо критики, рубит ее под корень. Что же получится, если, к примеру, литературную критику отдать на службу восхвалителям, как дворцовым поэтам в старину? Или, скажем, каждый писатель будет иметь своего критика? Что за нелепость?!

Литературная критика проходит мимо объективной и принципиальной мысли, мимо разумного совершенства и превращается в своеобразное состязание *восхвалителей* и *воспевателей*. Добавим к этому и половинчатость. За последнюю четверть века ни один критик не остался ей верен до конца! Таким образом, критики сегодня образовали у нас такие вот группы: критик-романист, критик-поэт, критик-драматург и т. д. На критика-литературоведа, если имеется таковой, можно просто молиться!

Допустим, и это не беда, поскольку не одни мы в таком положении, но что может быть страшнее критика, долгие годы бичевавшего слабые произведения, но в конечном счете превратившегося в полуписателя, который сам теперь пишет слабые стихи и, важно выпятив грудь, как ни в чем не бывало, буквально одолевает редакции и издательства!

Нельзя сказать, что печатные органы Союза писателей Туркменистана совсем не обращают внимание на проблемы литературной критики. Еженедельник «Эдебият ве сунгат», журналы «Совет эдебияты» и «Ашхабад» провели в этом направлении определенные работы. Журнал «Совет эдебияты», к примеру, провел диспут на тему «Образ человека труда в литературе». Впоследствии, на основе материалов диспута, был проведен пленум Союза писателей Туркменистана. Но несмотря на это, надо признаться в том, что литературная критика страдает общей пассивностью, плаваньем по течению и низкой организованностью.

Каково же положение дел в Институте языка и литературы Академии наук республики? Там ученые-литературоведы изучают проблемы литературы в основном тридцатых, пятидесятых, в лучшем случае — шестидесятых годов. Что же касается последних лет, а точнее, периода между тремя съездами, то там просто-напросто зияет пустота.

Говоря о работе совета по критике писательской организации республики, мы должны отметить, что многие годы его работа не идет дальше планов, намечающихся на всевозможных заседаниях. Проблемы, которые надо ставить во весь рост и довести до решения конкретным делом сообща, дружно, откладываются всё дальше и дальше, на следующие и последующие дни.

Пользуясь случаем, хотим выразить признательность многим литературным критикам, особенно Суровцеву, Оскоцкому и Ульяшову. Солидные статьи и острые рецензии, вышед-

шие из-под их пера, сыграли и продолжают играть важную роль в разработке актуальных проблем туркменской литературы.

Вполне возможно, что возникает закономерный вопрос: «Товарищ редактор, вопрос вроде всем ясен, и если недостатки, как вы выразились, известны досконально, то нельзя ли их исправить?» Как это ни парадоксально, но исправить некоторые недостатки, о которых знают все, бывает порою очень и очень трудно. И тут мы, как всегда, обращаемся за помощью к Москве — Союзу писателей СССР, Совету по критике. И эта работа дала бы больше эффекта, если бы она, на наш взгляд, была построена таким образом.

Во-первых, в Союзе писателей СССР функционирует совет по туркменской литературе. Члены совета оказывают нам действенную помощь, за что мы им весьма и весьма благодарны. Но в отношении проблем литературной критики допускается, как нам кажется, какая-то однобокость, односторонность. Как правило, все сводится лишь к тому, что время от времени проводятся небольшие совещания в Ашхабаде. Собираются критики, и если не брать во внимание две-три небольшие проблемы, получается общий разговор, который можно вести в любом ином городе. Выступает несколько человек из местных критиков. Вот и все. Затем отдельные шустрые товарищи, имеющиеся среди нас, так никому и не показывают этих литераторов. А нам необходимо, чтобы состоялся тесный контакт критиков, обмен мнениями с последующей затем творческой дружбой. В качестве хорошего примера подобной дружбы хочу отметить творческие отношения между туркменским литературоведом Дурдымухамедом Нуралневым и известным московским критиком Львом Аннинским и профессором Горьковского университета Вадимом Барановым.

Во-вторых. Необходимо повысить уровень подобных совещаний и встреч. То, что на таких совещаниях неудачные в оригинале произведения выставляются в переводе как образец, приводит к противоположности мыслей, а следовательно, вызывает лишние, никому не нужные разговоры. В результате авторы, что «находятся выше критики», смотрят на критика с «недосягаемой высоты» и надменно заявляют: «Ты что, знаешь лучше того-то или того-то?» В общем, не зная как следует оригинала, опасно рассуждать о художественном произведении. Вот отсюда и возникает задача Союза писателей республики, его представителя в Москве: большое дело должно проводиться подготовлено, оно должно быть конкретным и результативным. Словом, друг — это зеркало, в котором отражается лицо друга. А зеркала, как сказал туркменский поэт Мамед Сендов, «Лучше разобьются вдребезги, чем соврнут, глядя тебе в лицо». Блестящая мысль!

В. ОСКОЦКИЙ (Москва). Не будем прельщаться живучим трюизмом, нет-нет да и всплывающим на белый свет: литература отстает от жизни, а критика отстает от литературы. Не отставали Ю. Трифонов, Ф. Абрамов, В. Тендряков. Не отстали ни «Пожар»

В. Распутина или «Печальный детектив» В. Астафьева, ни «Карьер» В. Быкова или недавние рассказы Б. Екимова. Не отстают и последние книги, статьи П. Николаева и А. Адамовича, В. Лакшина и В. Кардина, Н. Анастасьева и И. Дедкова. Но что правда, то правда: в своем нынешнем самосознании критика не поднялась до того уровня остропроблемных, принципиальных, не лицеприятных суждений о литературе и самой себе, на какой вышли предсездовские раздумья писателей — Е. Евтушенко, М. Рощина, С. Голованивского, В. Кондратьева, В. Каверина и вчерашние выступления на съезде Б. Олейника, Д. Гранина, Г. Бакланова. В лучшем случае она отваживалась на покаянное признание себя литературной Золушкой, первая обязанность которой наводит глянец на парадный мундир нашей литературы. Но доверие даже к такой кучей самокритичности тут же подрывалось исходящим, так сказать, адресом многоопытного и ответственного автора, в чьих руководящих силах вполне было бы воспротивиться низведению общественного назначения критики до незавидной роли обслуживания писательских самолюбий и амбиций.

Немало справедливых слов о состоянии и задачах критики сказано с сегодняшней трибуны. Но за единичным исключением в них редко и робко проникало беспокойство, созвучное тревоге старейшего мастера нашей прозы В. Каверина за общественный авторитет литературы, подрываемый бесприщипностью, за нравственный климат в ней, разрушаемый карьеризмом и лицемерием, за ее художественное достоинство, ослабляемое напором низкого и пошлого вкуса. Разве не ответственна критика за все это?

Примем во внимание объективные условия социальных и духовных деформаций, на преодолении которых направлена развернутая программа ускорения социально-экономического развития страны. Но не станем утешать свою профессиональную совесть привычным сетованием на неблагоприятные в недавнем прошлом условия. Они объясняют, но не оправдывают. Неубывающий поток равнодушной серости не был бы таким всепроникающим, если б встречал на своем пути прочный заслон объективных оценок. Бесцветные произведения не удерживались бы на плаву, если б пресловутая комплиментарность не служила им надежной опорой. Тщеславные амбиции бесталанности не находили бы выхода, если б издательская конъюнктура, поддержанная небескорыстным расчетом прытких рецензентов, не спешила утолить их. И много других «если бы...» можно поставить в упрек, вменить в вину критике. Статьейно-рецензионной, чье прагматическое, подчас откровенно деляческое вторжение в литературный процесс диктуется одномоментными надобностями, сиюминутными соображениями. И эссеистской, которая гордо взирает на текущую литературу с олимпийских высот самовыражения и даже претендует на замещение ее то дневниковыми записями давних лет, то другими беллетристическими ухищрениями собственного цехового производства.

Верно замечено: профессиональная терминология эстетического, литературоведческого ряда напрочь исчезла из лексического обихода писательских съездов и пленумов, конференций и собраний. Сказать больше: она исчезает или за ненадобностью совсем исчезла из лексикона печатной продукции литературной критики. Не удивительно: аналитический инструментарий излишен там, где анализ художественных явлений подменяется именными здравицами. «Ознобным волнам то ли удивления, то ли восхищения, то ли потрясения, то ли всего вместе» — так пишет поэт В. Устинов о поэте Ю. Кузнецове — критерии поэтики, понятия темы и сюжета, жанра и стили не нужны. Не до них критику В. Коробову в те «чудные дни и вечера ни с чем не сравнимого духовного наслаждения», что он провел за чтением современного романа, тайны которого «необходимо разгадывать, но не дано разгадать». Или критику В. Бондаренко, воссоздающему «автопортрет поколения» сорокалетних в неизменном ключе величальной одописи.

Уже не просто «московская школа», а «неореалисты московской школы», не просто писатели, а «жизнеписатели, анализирующие новое состояние общества», не просто слово, а «новое реалистическое слово», не просто правда, а «бесстрашие художественной правды». Все вновь и в неприменный противовес прежним, изжившим себя «стереотипам». Но все ли старое «стереотипно» и всегда ли новое лучше него? Вряд ли во благо литературе одобренные критиком-панегристом сознательный уход «от изображения типов», предпочтение типическому характеру «необобщенного живого человека». Теряет ведь правда, тем более новая, бесстрашная, когда эмпирические наблюдения над жизнью ставят выше художественных обобщений. Самое время вспомнить восходящую к Энгельсу классическую формулу реализма: опора на нее в анализе современного литературного процесса помогла бы выявить его порушенные связи, порванные сцепления с объективной реальностью народного бытия. Не на пользу литературе и исходная «ставка не на героя», а на «подлинного человека», для которого «пассивная борьба — это тоже борьба». Не вяжется это с духом общественных перемен, происходящих сегодня, смыслом и пафосом перестройки, требующей от каждого социально активной жизненной позиции. То же — «осуществление человека», названное «высшим достижением на земле». Совсем не безразлично для литературы и общества, какой ценой осуществляется человек. Худо, если ценой утраты «пламени костра» — социальных и нравственных идеалов минувших десятилетий, за избыточную приверженность к которым задним числом укоряется Ю. Трифонов, в чьем наследии якобы «не столько поиски будущего, сколько возвращение в прошлое». Поделкатнее бы с историей, да и с литературой тоже, молодого коллеги!

Думается, что В. Маканин или Р. Киреев, В. Крупин или А. Ким, А. Курчаткин или В. Мирнев, как и другие «сорокалетние», за произвольные столкновения своего творчества или, по крайней мере, лучшего в нем не отве-

чают. Но вот отнюдь не праздный вопрос: чем объяснить, что «поколение» — прием этот условный термин — шумно, не без саморекламы возвестившее о себе рядом манифестальных заявлений, не в пример, скажем, «военной» или «деревенской» прозе, не выдвинуло из своей среды критиков-исследователей? Серьезным исследованием сделанного им в литературе чаще и больше заняты А. Бочаров, И. Дедков, другие старшие по возрасту критики, а не сверстники по поколению. Не свидетельствует ли это о понижении критической температуры, тонаса самокритики в творческой атмосфере литературной жизни?

Конечно же свидетельствует, притом одно из многих. Непозволительно осторожна, недопустимо медлительна критика в отпоре парадному многописанию и мелкому бытокопательству, в раскрытии их социальной и эстетической природы. В анализе слагаемых писательского мастерства и особенно художественной формы. Небрежение ею порой столь демонстративно, что и о стиле уже толкуют вне структуры образа и материи слова, будто забыто ныне, что оно «первозлемент» литературы, «оружие» и «материал» ее, «одежда всех фактов, всех мыслей», что «языковая — лексическая — малограмотность... является признаком низкой культуры» (Горький). А по Ю. Трифонову, и верным симптомом ослабленного или вовсе не проявленного писательского самоуважения. Ибо любовь мастера к слову безмерна, писатель-мастер предъявляет себе «гигантский счет» и даже «под угрозой пистолета» не напишет: «Его глаза с добрым, лукавым прищуром». Такая фраза для него — предательство. Увы, язык иных бестселлеров, рекламно поддержанных критикой, строится зачастую на таких добровольных предательствах, что перед ними и «лукавый прищур» образец совершенства. Неужто не видно этого? Или не хотим видеть?

Благодушна, терпима критика к сюжетным имитациям художественности с их пестрым оперением прологов, эпизодов, монологических авторских и прочих лирических, публицистических отступлений, которые обрамляют вяло пульсирующее действие. И крайне нерешительна в защите «военной» прозы, самой памяти войны от приключенческих боевиков, исторического романа — от беллетризованных пересказов истории и романа политического — от описательного балласта газетной хроники или — того хуже — низкопробного детектива. Выжидательна, как правило, реакция критики на торопливые, скороспелые отклики на модную «злобу дня», форсированную оперативность, натушливую актуальность псевдопроблем и мини-конфликтов, не без изобретательности маскируемых то проговариванием расхожих «философем», заступающих место самостоятельной и оригинальной философской мысли, то завлекающим легковверных читателей приобщением к «большому свету» духовной элиты, которую представляют творцы прекрасного, загримированные не так густо, чтобы не разгадать прототипов. Велика перестраховочная осмотрительность при расчистке путей для возвращения в литературу старых и появления новых произведений, которые,

вопреки редакторским «нельзя», но к чести искусства, доскажут недоговоренное, воскресят обойденное, то, что наслаивалось десятилетиями, громоздя навалы запретных тем.

Есть, одним словом, от чего встревожиться, повторив сказанное В. Кавериним: «Самое пагубное... — это поверхностность и разобщенность. Мы постепенно стали терять те черты духовности в культуре, которые существовали в ней исторически...» Но кому восстанавливать утраченное, выступать носителем духовности, кому выражать и утверждать ее, как не критике? К этому в конечном счете сводятся ее профессиональные задачи, этим поверяется ее роль в литературе как дела раньше и прежде всего общественного...

А. ОВЧАРЕНКО (Москва). Сегодня, на мой взгляд, о критиках и критике сказано уже столько, что можно уделить немного внимания художественной литературе. Взаполнованный многими выступлениями на первых заседаниях съезда, в частности выступлениями Ю. Бондарева и Д. Гранина, я буду говорить о проблемах сугубо художественных. Даже — всего об одной проблеме, правильное решение которой должно предотвратить обмеление нашей литературы.

Приобретения советской литературы бесспорны. Вне спора и то, что она живет острыми вопросами дня, года, эпохи. Писателей постоянно заботят как проблемы экономического, научно-технического ускорения жизни в социалистическом мире, в нашей стране, в странах народно-демократического содружества, так и вызывающие неумную тревогу все усиливающаяся экологическая недостаточность и гнетущая человечество ядерная угроза. Неспроста такие длительные споры вызвали напечатанные в последние пять лет произведения советских писателей, включая рассказы и повести бывших «сорокалетних»: «Знак беды» и «Карьер» Василия Быкова, сибирские повествования и «Пожар» Валентина Распутина, рассказы и «Кечалый детектив» Виктора Астафьева, «Имитатор» Сергея Есина, «Игра» Юрия Бондарева, «После бури» Сергея Залыгина, «Раздумья на родине» Василия Белова, фрагменты нового романа Леонида Леонова, только что появившийся еще один роман Чингиза Айтматова, две поэмы Егора Исаева, две поэмы Евгения Евтушенко и «Костры на ветру» Сергея Видулова.

Не боясь впасть в парадоксальность, скажу: меня радует, что ни одно из этих произведений не было встречено читателями безоговорочно. О них спорят до сих пор. И не только потому, что произведения не лишены изъянов, несовершенны, как кажется не одному мне. Но потому, что быстро повышается активность и требовательность советских людей. Вместе с нашей партией весь народ и каждый человек в отдельности ищут ответы на тяжкие вопросы бытия и хотят, опять-таки каждый в отдельности, встретить в писателе не просто умного, честного, совершенно откровенного собеседника, а надежного и верного единомышленника. Вот почему неумудрено, что далеко не всякий приемлет безоговорочно последнее слово самого Леонида Леонова, или

Чингиза Айтматова, или Юрия Бондарева, или Евгения Евтушенко. Эта повышенная требовательность, предъявляемая читателями, народом к литературе, ко многому обязывает писателей.

Прежде всего к тому, чтобы, разбираясь в современной действительности, писатель не просто фиксировал ее («Вижу забор — пишу забор», — иронизировал в таких случаях Н. Щедрин), а исследовал до самых донных глубин ее, руководствуясь по-настоящему большой, всепроникающей, подкупающей и зажигающей идеей. Не только своя тема, своя проблема, но и такая своя идея была у Федора Абрамова, Василия Шукшина, у Юрия Трифонова — позднего, Владимира Бакланова, Александра Вампилова. Есть она у Юрия Бондарева, Чингиза Айтматова, Василя Быкова, Василия Белова, Григория Бакланова, Владимира Солоухина, Евгения Носова, Валентина Распутина, Гранта Матевосяна... Но такая идея с трудом прощупывается (если вообще прощупывается) у более молодых, например у Владимира Маканина, Руслана Киреева и других бывших «сорокалетних» (да и не у одних только «сорокалетних!»), что мешает некоторым из них подняться от быта к бытию, вызывая недовольство, скажу осторожно, у части читателей.

Все осложняется еще стремлением некоторых наших писателей быть «многозначными», «совершенно объективными» и оригинальными в изображении мира, многое недоговаривающими оттого, что не все ясно в самой жизни, или оставляющими в подтексте, в разрывах между разными пластами, горизонталями и вертикалями повествования. К сожалению, мода эта коснулась своим крылом и крупных наших писателей, таких, как Валентин Катаев, Юрий Бондарев, Чингиз Айтматов. Читатель же недолюбливает непроясненность, нечеткость авторской позиции. Если хотите, ныне он прямо-таки жаждет пушкинской ясности, толстовской сложности, Достоевской глубины и напряженности повествования, горьковской социальности, чеховской выразительности, увлекательности и лаконизма.

Иначе сказать, читатель (он же — активный строитель социализма, ныне направляющий главные свои усилия на изменение, совершенствование советского общества, качественное улучшение всех сторон нашей жизни, коренное обновление материально-технической базы посредством ускорения научного прогресса во всех сферах), он, этот человек, хочет, чтобы художественная литература оставалась в подлинном смысле *художественной*, чтобы наше время и наши люди воплощались ею в неотразимо ярких, живых до осязаемости, притягивающе интересных характерах, типах, чтобы жизненные конфликты, ситуации, коллизии, разрабатываемые в произведениях, не смягчались, не упрощались, не поторапливались в их разрешении, а действие развертывалось с захватывающей увлекательностью (не побоюсь употребить и другое слово: занимательно), страстная же публицистичность, если она органична в произведении, не исключала ни только что названных компонен-

тов, ни того, что великий поэт назвал «преlestью невнятной созвучья слов живых».

Об этом приходится говорить и потому, что произведения таких параметров появляются у нас до обидного редко, неожиданно, и еще потому, что вот уж какой срок советская литература захлебывается от информативности, описательности, необязательной всеохватности, порождающих Левиафанов страшной толшины. Каждый из вас может с ходу назвать их добрый десяток. У нас пишут повести, каждая из коих в несколько раз — по объему — превосходит все «Повести Ивана Петровича Белкина». (В журнале «Дальний Восток» мне встретилась повесть в трех частях, а в «Сибирских огнях» очерк, достигающий объема «Воскресения» Льва Толстого и, видимо, только потому тоже названный романом.) Не удивительно, что на их фоне «Пожар» Валентина Распутина уже своей худобой и мелкорослостью кое у кого вызвал недоумение, растерянность и даже насмешку: «Экая мелкота, а туда же!»

В связи с тучными Левиафанами, обременяющими нашу литературу, скажу еще: если сбросить с некоторых пестрое одеяло диалектизм, язык их не поражает обилием, напором и свежестью струй, его составляющих. Впрочем, язык большинства их «среднеарифметический» (как говорили в середине нашего века). Некоторые писатели пренебрегают все связывающим ритмом повествования, другие начисто забыли формулу Горького: «Художественным» произведением принято называть произведение, написанное без лишних слов, без ненужных деталей, экономно и целомудренно» (XXIX, с. 481—482). Валют в произведение все, что попадает под руку. К сожалению, не избежал этого и Евгений Евтушенко в поэме «Фукy!».

С некоторых пор в нашей литературе снова рассказывание, пусть порой и очень увлекательное, преобладает над показыванием, изображением. Читая произведение, именуемое повестью и даже романом, нередко вспоминаешь грустную фразу Горького: «Но вы не изображаете, а все только рассказываете» (XXIX, с. 446). А еще Гете с присущей ему категоричностью повторил: «Не рассказывай, художник, а рисуй!»

Заметно понизилось в произведениях наших писателей стремление к увлекательно раскручивающемуся сюжету, к загадочности воссоздаваемых характеров, к «неразрешимым» ситуациям. На встрече группы московских писателей и критиков с читателями, состоявшейся на заводе «Красный пролетарий» в 1984 году, Руслан Киреев рассказывал: составляя «что-то вроде антологии современных произведений о рабочем классе», он обнаружил, что «многое ушло из таких произведений, — ушла выдумка, тайна, ушел сказ... Очень много фотографичности, штампа» («Литературное обозрение», 1984, № 12, с. 98). Я тоже заметил это, рецензируя, по просьбе издательства «Советская Россия», рукопись трехтомного собрания произведений о рабочем классе.

Наряду с отсутствием у отдельных писателей по-своему трансформированной большой идеи нас в особенности должно беспокоить

то, что талантливый прозаик обозначил словами «ушла выдумка». Среди других факторов лично я склонен винить в этом в какой-то мере и документальность. По вполне понятным причинам она ворвалась в середине нашего века в художественную литературу. Не собираюсь отрицать, что сильнейшим образом повлияв почти на все жанры, документальность не просто стала неотъемлемой частью литературного процесса, а давала и до сих пор дает почти уникальные произведения, такие как «Брестская крепость» С. Смирнова или «Я из огненной деревни» А. Адамовича, Я. Брыля, В. Колесника... Воздействие ее легко ощутимо в романах А. Чаковского, С. Залыгина, М. Алексеева, И. Стаднюка, В. Гусарова и даже Ю. Бондарева, В. Белова, не говоря уж о сугубо документальных повествованиях «Капитан дальнего плавания» А. Крона, «Полководец» В. Карлова, «Маршал Жуков» Н. Яковлева, «У войны — не женское лицо» С. Алексиевич, где она властвует единоправно.

Несомненно, документальность позволяет легче всего добиться иллюзии, что перед тобой сама правда. Она порождает исповедальность, позволяет с помощью драматургии факта достигать редкостной по силе эмоциональной напряженности. Согласимся, однако, что в данном случае все зависит от самого приводимого факта, а не от таланта писателя, будь это сам автор «Печального детектива», не от его мастерства. Более того, как отмечали И. Золотуский и А. Адамович, с некоторых пор «документальностью стали спекулировать в литературе, латать ею дыры в прорезанной, слабенькой художественной ткани — одежды произведений» (слова А. Адамовича из статьи в журнале «Вопросы литературы», 1978, № 5, с. 44), легализировать серость, ремесленничество. Меня тревожит и то, что, неся с собой в литературу достоверность, конкретность, золотое обеспечение художественной правды, документ может легко сковать писателя в высокохудожественном отображении жизни, в смелом новаторском поиске, толкнуть его в натурализм, подрезать крылья его творческой фантазии и таким образом связать по рукам и по ногам на пути к большой литературе, невозможной без высокой художественности. Под художественностью я подразумеваю как отбор фактов и документов, их компоновку, осмысление и т. п., так и творческий вымысел — верное средство конкретизации реальных характеров и одновременно поднятия их до значения типов. «Художественность» без «вымысла», — говорил Горький, — невозможна, не существует» (XXXIV, с. 330). Поясняя свою мысль в одном из адресованных Ф. Гладкову писем, он утверждал даже, что «правдоподобность» для художника — дело опасное. «Золя, Гонкуры, наш Писемский, — развивал свою мысль великий писатель, — правдоподобны, это — так, но Дефо — «Робинзон Крузо» и Сервантес — «Дон Кихот» ближе к истине о человеке, чем «натуралисты», фотографы» (XXIX, с. 484).

Решаюсь связать с этой проблемой замечательный афоризм М. Шолохова: «Трудно писать правду, но истину — еще труднее».

Автор «Тихого Дона» говорил: «Писатель не должен всегда только выдумывать. Он должен уметь видеть, искать и находить интересные встречи». Но точнее же так углублял и уточнял свою мысль: «У Мелехова был прообраз, но речь не только об этом. Толстому послужил примером для образа Болконского его кузен, но Толстой же сказал: «Я не фотограф». Так и с Мелеховым. Был прототип, но Мелехов похож на него лишь отдаленно...» («Огонек», 1985, № 21, с. 23,29). Нет сомнения, наша литература последние пятнадцать лет писала правду, но всегда ли она добиралась до истины?

Сегодня нашей литературе существенно недостает подлинно художественного вымысла и, если хотите, легенд, о которых Виктор Астафьев недавно сказал: «Есть вымыслы, есть легенды, которые правдивей всякой правды, выше всех высоких речей, честнее и чище нашей суетной истины, приспособляемой к любому дуновению переменчивого ветра, к смраду блудных слов и грешных мыслей» («Наш современник», 1986, № 5, с. 131).

По-своему это проявляется и в психологическом аспекте литературы. Даже если мы располагаем такими уникальными документами, как, скажем, «Дневник Башкирцевой», они, документы, все же не позволяют создать яркие, рельефные, психологически убедительные характеры-типы. Это и привело видного польского литератора Рышарда Матушевского к заключению: «Все, что мы говорим о внутренней жизни человека, принадлежит к сфере вымысла, и именно поэтому художественная литература, понимаемая как проявление вымысла, является — во всяком случае, до сих пор — единственным доступным нам инструментом познания внутренней действительности человека» (Современная литературная критика европейских социалистических стран. М., 1975, с. 221). Нетрудно, взглянув под этим углом зрения на текущую советскую литературу, обнаружить уязвимость даже широко популярных произведений, скажем, «Блокада» или «Победа» А. Чаковского или «Капитан дальнего плавания» А. Крона, «У войны — не женское лицо» С. Алексиевич. Великий китайский художник Ци Байши, много рисовавший с натуры, сжал свое итоговое кредо в отличный афоризм: «Совершенство лежит между сходством и несходством, чрезмерное сходство ведет к пошлости, а несходство — к обману» («Иностранная литература», 1984, № 10, с. 247). Из-за недостатка времени не буду перечислять произведения, страдающие тем или другим изъяном. Избежать их можно лишь в результате синтеза реального жизненного материала и проникновенного осмысления, оформления его посредством художественного вымысла.

Думается, во всем сказанном можно найти объяснение, почему нашим писателям, даже обладающим богатейшими жизненными наблюдениями и не боящимся сгущать, заострять, гиперболизировать наиболее характерное, вот уже какой срок не удается создать понастоящему крупные положительные и отрицательные образы.

Заседания комиссии по поэзии

Руководитель Е. А. Исаев

Открывает заседание Е. А. ИСАЕВ.

Е. А. ИСАЕВ. Дорогие товарищи, позвольте начать работу нашей поэтической комиссии. Для этого нам надо избрать президиум. Слово по составу президиума предоставляется делегату съезда Фирсову Владимиру Ивановичу.

В. И. ФИРСОВ. Предлагаю следующий состав президиума:

1. Григол Абашидзе
2. Абылкасымова Майрамкан
3. Арон Вергелис
4. Андрей Вознесенский
5. Евгений Евтушенко
6. Павел Боцу
7. Расул Гамзатов
8. Нил Гилевич
9. Николай Грибачев
10. Михаил Дудин
11. Егор Исаев
12. Мумин Каноат
13. Мустай Карим
14. Давид Кугультинов
15. Станислав Куняев
16. Курбандурды Курбансахатов
17. Альфонсас Малдонис
18. Борис Олейник
19. Ян Петерс
20. Сергей Поделков
21. Роберт Рождественский
22. Сулейман Рустам
23. Арви Сийг
24. Анатолий Софронов
25. Сергей Смирнов
26. Олжас Сулейменов
27. Ольга Фокина
28. Владимир Цыбин
29. Олег Шестянский
30. Геворг Эмин
31. Шукрулло Юсупов

Е. А. ИСАЕВ. Будут ли какие-нибудь предложения по составу президиума? Нет. Есть предложение проголосовать за это предложение. (Г о л о с о в а н и е.) Состав президиума избирается единогласно.

Товарищей прошу занять места в президиуме.

Дорогие товарищи, нам надо утвердить порядок ведения собрания. Свои заявки на выступление в прениях нам подали 20 делегатов. Нам надо установить четкий регламент.

Для докладов предлагается регламент по 20 минут, для выступления в прениях — 10 минут.

Перерыв с 13.30 до 15 часов. Окончание работы в 19 часов.

Кто за предложенный порядок ведения комиссии, прошу голосовать. (Г о л о с о в а н и е.) Порядок ведения утверждается.

Н. ГРИБАЧЕВ. Товарищи, мы отправляемся в страну поэзии через взволнованное море под своими парусами. Желательно прибыть к месту назначения к 18 часам, потому что всех проблем поэзии не исчерпать ни до 19, ни до 20 часов, ни за неделю. Их слишком много.

Сейчас слово Егору Исаеву. Он откроет наше собрание.

Е. ИСАЕВ. Дорогие товарищи!

Литература — вторая действительность в слове. В лучших своих образцах она бессмертна, как бессмертен народ и его культура. Давно нет Твардовского, а его Теркин вот уже которое десятилетие живет среди нас и, верю, будет жить века. Такое чувство, что поэт не просто сочинил, а открыл его для нас, как открывали когда-то и наносили на карту новые земли, новые горные хребты, проливы, реки...

Нет литературы для литературы. Большая литература, в том числе, разумеется, и поэзия, не просто автоматически сопровождает жизнь, не просто информирует, как газетная периодика, и даже не просто отражает, как безупречная поверхность зеркала, а всесторонне и глубоко, из зазеркалья как бы, изображает жизнь и одновременно с этим силой своей гражданской страсти и социальной мечты прямо воздействуют на нее.

Меняется жизнь — меняется, естественно, лицо и заличье слова, не сразу, но меняется. И не может не меняться, тем более в такое исторически поворотное время, как наше, — время, которое требует от каждого из нас должной собранности и добросовестной отдачи в деле и в слове. Требует не как очередного, напоказ, рыжка на дистанции, а как естественной нормы, как любви к делу, как непрерывной новаторской традиции.

Немного арифметики. 1917-й год, год Великой Октябрьской революции, и год 1941-й, год начала войны с фашистской Германией, отстоят друг от друга на расстоянии всего лишь 24 лет. Возраст молодого человека, не больше. Но это по простому календарю так, а если по событиям, по всем тем героическим, а местами и горьким «этапам большого пути», он, тот

период, равняется, думаю, не двум, не трем, а многим десятилетиям.

Я вспоминаю нежно-нежно
Незабываемые дни,
Когда челюскинцы мятежно
Зажгли на льду свои огни.

А разве Чкалов с Байдуковым
Летели где-то в пустоте?
Нет, каждым выхлопом и словом
Они в любви и в чистоте.

Я низко кланяюсь Расковой
И Осипенко потому,
Что их полет, тогда рискован,
Был важен сердцу и уму.

Нельзя не согласиться с Владимиром Соколовым: важность сердцу и уму всего того, что пережил тогда наш народ, остается и теперь исключительно опорным моментом — опорным и в характере, и в сознании сменяющихся поколений.

Но эти строки — лишь штрихи к портрету. Сам портрет это литература, поэзия того времени — вся!

Разностное не исключало общности, наоборот, подчеркивало в нем способность к еще большему соединению в рамках принципа, к еще большему социальному и политическому родству.

Слова Маяковского «больше поэтов хороших и разных» были, можно сказать, своеобразным девизом того кипучего времени.

24 года всего, а какой эпохальный взлет поэзии! Ее нерв, ее мысль касались тогда буквально всего и проникали буквально во все. Даже, если хотите, в железо, делая его еще более опорным и крылатым.

Все подвластно ему:
Наша молодость и здоровье —
Это россыпи чувств и открытые солнцу года.
Наши сильные мускулы набухают тяжелой кровью.

В них на десять десятых — железо.
А в остатке — рассол и вода.
Выходи же в просторы, насыщенная и налитая,
Наша песня железу — отнюдь не посулы и лесть...

Не хватает железа в крови,
Понимаете ли, не хватает,
Так нередко бывает...
Так наступает болезнь...

Отвечаю за каждое слово,
принесенное вечером поздним.

Будет скоро жара...
Мир на эту ступень перешел.
Наши первые в мире настоящие
трехдюймовые гвозди

Приготовлены.
Все обстоит хорошо.

Какими пророческими оказались эти строки!
«Будет скоро жара...» — это, как мы теперь знаем, 1941 год, а все остальные годы — до

него — это как общая «ступень» навстречу к нему, то есть — годы ускоренной индустриализации, годы невероятно тяжкого, особенно для деревни, становления нашего большого железа — ходового, моторного, ударного, бронзового, взлетного, всякого.

В одном только Прокофьев оказался неправ, а именно в том, что в этой успокоительной фразе: «все обстоит хорошо». Нет, не все, как потом выяснилось, обстояло так уж хорошо. Хотя бы с тем же железом. Как ни торопились — запоздали мы все-таки. Потом-то, правда, быстро наверстали, но какой ценой. Что же касается духовного железа — железа в крови, в характере, в убеждении, — тут, к счастью, особых запозданий не произошло. Наоборот. И в этом значительную роль сыграла тогда и наша поэзия.

Она не торопилась объявлять себя классической, она торопилась — в жизнь, не думая о количестве однотомиков и многотомиков. Будни — вот ее главный и неизменный интрес. Рязенство под поэзию, пустое и пестрое краснобайство, антикварий ответшало эстетике декаданса были абсолютно для нее неприемлемыми. В радости и в гневе, в строгости и в простодушии она всегда была открытой на ветру времени. И — неотложной одновременно, как скорая помощь, как служба совести и красоты, а не предмет для забавы и всевозможного позерства. Ее лирика и эпос, ее рабочая философия и непосредственный восторг души, хлесткий и бескомпромиссный зигзаг сатирического разряда над головами рвача, подхалима и бюрократа, нежность от любви и строгость по чувству долга — все это до святости в сердце и до запятой в тексте с полной отдачей работало на социализм.

Мировоззренческим солнцем поэзии, как и всей литературы той поры в целом, был труд и еще раз труд, а богом ее — рядовым и всевышним — сам человек, хозяин страны и своего собственного достоинства, готовый, если потребуется, в трудный час встать насмерть за свои нравственные идеалы, за свое социалистическое Отечество.

Фашизм шел на нас невероятно лютым железом. Шел цинично, тупо, безлико почти. Шел и везде был страшно похож на самого себя своей какой-то почти автоматической безнравственностью. Все ценности человеческого духа — духа поэзии и подлинной красоты, были дико попораны и растоптаны им. Ненависть к неарийцам и ко всему коммунистическому была не просто злым поветрием, а непреложным законом, черной библией фашизма.

И какое же гневное железо нужно было иметь, чтобы противопоставить это праведное железо — железу неправедному, наглому и вероломному!

И какой же нравственной силой нужно было обладать, чтобы пересилить этой силой силу черной безнравственности и патологического высокомерия!

И какой же светлой идеей нужно было преисполниться, чтобы огнем и мечом заступать все пути вселенскому разбою и пунктуально продуманному мракобесию варваров двадцатого столетия!

И все-таки мы победили. Железом победили железо. Разумом победили безумие. Но мы победили еще и силой нашего слова — великоглагольного, многоязычного, талантливого. Победили мужеством стихов Джалиля и силой улыбки неунывающего героя-храбреца, солдата-философа Василия Теркина.

Там — на краю жизни и смерти — не было поэтов ни сугубо деревенских, ни отменно городских, ни специально экстрановаторствующих, ни напоказ сермяжно-традиционных, не было ни умников от поэзии, ни простаков от нее же... Это потом все напридумают, разделят и противопоставят.

А тогда была война — горячо было до смерти. Тогда были просто советские поэты-фронтовики. Разные в языке и даровании, но все — на высшем пределе коммунистической убежденности в сердце и в слове. Вот почему неприязнительная одежда стиха, как красноармейская гимнастерка, всегда была в пору высокому смыслу борьбы, присяге души.

Да, наша поэзия была воюющей, даже героической, я бы сказал, но чтобы воинствующей — никогда. Это вне ее духовных установлений, вне ее революционных, нравственных принципов.

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна!

Не злоба, как видите, а ярость, причем не какая-нибудь, а благородная! Ах, как это похоже на нашу фронтовую поэзию — благородная, яростная. И еще — правдивая.

Отсюда и «Землянка» Суркова с ее обжигающими строчками: «до тебя мне дойти нелегко, а до смерти четыре шага».

Отсюда — и «Жди меня» — Симонова.

Отсюда — и «Враги сожгли родную хату» — Исаковского.

Отсюда — и «Его зарыли в шар земной» — Орлова.

Отсюда — и «В окопе тесно одному, а хорошо вдвоем» — Друниной.

Отсюда — «И лучше прийди с пустым рукавом, чем с пустой душой» — Лукониной.

И так — через войну к Победе, от Победы — сквозь память войны к борьбе за мир...

И так — до той самой торжественной и грустной минуты в фойе Дома литераторов, когда в День Победы проводится переключка писателей-фронтовиков. И — больно каждый раз сознавать, что они уходят и уходят, фронтовики, друзья-побратимы. Одно утешает: уходят фронтовики — не уходят их таланты, как не уходит жизнь из их книг, а значит, не уходит от нас и то время, в котором они жили, творили. Их время — теперь уже наше время, время будущих поколений и поколений, время, как дорога из вчера в завтра.

Так что, дорогие товарищи, у нас есть, что помнить и во имя чего помнить.

У нас есть, что унаследовать и во имя чего унаследовать.

У нас есть, что продолжать и во имя чего продолжать.

И что самое главное — есть кому!

Одно лишь общее пожелание к ним, нашим наследникам и продолжателям, высказанное

ото всех нас, фронтовиков, поэтом Владимиром Карпеко.

Но и тогда, когда ступаем
За тот, последний окоем,
Мы вам
Не место уступаем —
Мы знамя вам передаем!

Один мой знакомый как-то сказал:

— Умный человек — это тот, кто при встрече с другими в первую очередь подумает, что среди них тоже есть умные, а то и много поумней. — Малость погоды, он добавил: — Никогда не думай, что твой пуп выше чужой головы.

Почему я об этом вспомнил?

А потому, наверное, что вот уже довольно долгое время никак не приду в себя от прямо-таки ошеломляющего высказывания в стихах одного известного поэта о якобы, мол, сплошном «беспозитии» в нашей современной поэзии.

Та же мысль, но только с бóльшим диапазоном охвата, до трех десятилетий, прозвучала и в его выступлении по телевидению. Тон и безапелляционность этого заявления грустно напомнили мне разные периоды наклеивания разных ярлыков: раз — и кто-то уже не передовой, а сопутствующий; раз — и кто-то уже дремучий традиционалист, а не новатор; раз — и кто-то уже деревенщик и казенный патриот... Да что греха таить, были времена, когда кое-кого из великих вообще с корабля современности собирались сбрасывать. Но даже и тогда это делалось выборочно, местами, что называется, а тут одним махом — раз! — и ярлык («беспозетья» — подумайте только!) наклеен гамузом на всех. Без никаких исключений. Нет, стоп! Одно исключение все-таки есть. Есть, как в той всем известной поговорке, где на безрыбье — читайте «беспозетья» — и рак — рыба. Кто тут рак, дополнительных пояснений, по-моему, не требуется. Остается под вопросом лишь то, в какой преимущественно роли он, этот исключительный рак, в данном случае выступает: то ли в роли единоличного хозяина лавки ярлыков, то ли — бери выше — в роли чрезвычайного посланника бога, монополично владеющего истиной? И все-таки, я думаю, что это — досадная оговорка. Поэтому распространяться на эту тему не буду. Осмелюсь лишь дать один скромный совет нашему размашистому другу, а именно: побольше читать не только самого себя, но и по возможности своих товарищей. Могу даже порекомендовать — кого, поскольку мне при подготовке к этому обзорному слову — и до него — пришлось прочитать и перечитать довольно значительное число поэтических сборников, не считая журнальной периодики.

Мне бы, например, хотелось назвать новую книгу Сергея Видулова — «Разговоры, разговоры...». Право же, она достойна того. Достойна и как рецепт к скорейшему излечению некоторых от излишнего верхоглядства, и как урок подлинной, а не очковитательской — для виду — гражданственности. Книга, как я потом выяснил, написана до XXVII съезда партии, а когда ее читаешь, такое чувство, что она только что с его высокой, исторической трибуны: такая она горячая вся, совестливая,

неуспокоенная. Со съезда — и прямо в жизнь. Она не воспевает, нет, как это любят у нас дежурно говорить, и не вещает с высоты торжественного слога, а просто работает стихом как инструментом живого повседневного дела.

Или вот книга Марцелиуса Мартинайтиса «Баллада Кукутиса». Она вся — из фольклора и вся — для современности, поскольку ее баллады учат самому главному — любви к народу. Учат на сегодня и на завтра. Учат как университету всех университетов, как наивысшему своду всех энциклопедий мира, учат одновременно и шутке и серьезу, высокому достоинству и обычному простодушию, лирике и философии. И все это — в живом языке, и все это — в едином образе, в цельной натуре Кукутиса, чем-то напоминающего мне Василия Теркина и деде Кельбука Ухсяя. Таковую линию я давно прослеживаю в поэзии Литвы, в частности в творчестве Марцинкявичюса, Межелайтиса, Малдониса... И вот — новое явление.

Книга Виктора Бокова — «Стежки-дорожки». Чем она интересна? Думаю, что в первую очередь тем, что она по большей части — простите за метафору — пешком написана... Да, да, именно так: не с колес, не с крыла самолета, а пешком, с шага то есть. Но только отнюдь далеко не прогулочного, туристического, а рабочего, каким обычно ходят агрономы, геологи-изыскатели, геодезисты, пастухи... И чаще всего — не вдоль дороги, а поперек, а то, бывает, и по бездорожью. Написана книга думой о Родине и великой радостью общения с ней, написана не общим планом, а как бы стежкой — через поле, тропинкой — к дому, словом — к сердцу человеческого... И как почти всегда у Бокова — экспромтом, с порыва прямо, от нетерпенья как можно больше и побыстрее узнать, почувствовать и непосредственно тут же рассказать обо всем этом, рассказать — как поблагодарить, рассказать — как поспособствовать делу, хорошему настроению, а уж если где беда приключилась, тут же помочь. Иногда, правда, экспромт подводит Бокова, слабину в строке дает, а бывает, и целое стихотворение портит, но это — издержки.

Каюсь, мало знал Андриса Веяна — латышского поэта послевоенного поколения. Знал Ояра Вацетиса — поэта-философа, историка, мастера прибалтийской лирической акварели, глубоко скорблю, что он так рано ушел от нас; знаю Яниса Петерса — воистину очень проникновенного человека, вы, наверное, читали о том, как он умеет входить в деревья. Так умеют только настоящие поэты. А стихи Мариса Чаклайса? Говорят, их очень любят в Латвии. С выходом его книги на русском — известность этого поэта быстро растет и по всей стране. Знаю, какое особое место в латышской и всей советской поэзии занимают поэмы Иманта Зиедониса, корнями своими глубоко погруженные в древние пласты индоевропейских саг. Знаю, что латышская поэзия вообще, опираясь на фольклор, спасает себя от излишней дидактики и от безбрежности форм.

Творчество Мары Залите — наглядный пример тому. Ее драмы в стихах «Мара» и

«Суд» обнимают собой целые эпохи, глубоко порицая скаредное накопительство, бессмысленность поиска абстрактного счастья.

И вот — Андрис Веян. Яркими его стихи не назовешь. А это даже и хорошо: они не спят, а как бы приглашают взглядеться, как в глубину, скажем, неведомого леса, приглашают вздуматься в смысл образа.

Цель жизни — смерть?

Мы все равно умрем?

Наш каждый вздох —

лишь к смерти приближенье?

Березе белоствольной быть столбом?
И ниве быть

соломою осенней?

Пока в тебе дыхание живет,

Ржаному полю снова колоситься.

Зерну,

березам,

людям — свой черед?

Да, новый колос на поле взойдет,

Березе новой возле пня ветвиться.

Цель жизни — жизнь!

Вновь сеятель родится.

Однажды в деревне я проснулся рано-рано, до коров еще. Вышел на улицу, гляжу, а там дядя мой, Нестеров Дмитрий Иванович, на крыльчке сидит и во все лицо улыбается.

Спрашиваю Дмитрия Ивановича:

— Чему ты так с утра радуешься?

— Как так чему? — искренне удивился он моему вопросу. — Гляди, солнце встает!

Трудная была жизнь у Нестерова. Голодное детство на глухом хуторе. Работа, нужда. Молодым ушел на фронт. Воевал, дважды был ранен, под Смоленском попал в плен. Били его там чем попадая, издевались как могли. С третьей попытки вырвался, бежал. Довоевал, отстроился после войны. Четырех сыновей вырастил. Письма они ему из города редко шлют. В колхозе дела не так, чтобы очень, здоровье давно ни к черту... А вот сидит человек и улыбается: солнце встает!

Так же встает, как когда-то, несмотря ни на что, оно вставало в знаменитой поэме «Знамя бригады» Аркадия Кулешова, в стихах Александра Межирова «Коммунисты, вперед!», в стихах Львова о родном и сердечном — прямая перекичка с Прокофьевым — железе нашем, победно дошедшем до Берлина, в меркнувших словах «Дорогая моя столица, золотая моя Москва» Марка Лисянского, в стихах о северо-западном фронте Михаила Матусовского, в новой поэме Сергея Смирнова об автостроителях города Тольятти, о Волге. Да, поэма преисполнена оптимизма, веры в правое дело и великое предназначение рабочего класса, вместе с тем в ней довольно явственно звучат и тревожные ноты, вызванные фактами негативного порядка — нерадивостью в экономике, черствостью и своеволием в обращении с природой.

Для меня до сих пор остается загадкой, почему наша критика и средства массовой информации — радио и телевидение — так дружно и тихо позабыли Николая Тряпкина, поэта больше чем значительного, грустного на первый взгляд, а вчитаясь — радостного.

Его новая книга, как и все его не очень шумное творчество, учит редкому сейчас чувству — чувству живого, разговорного русского языка, как учат, скажем, полю, лесу, небу, дороге, колосу у дороги, а не только правилу в его канонической тесноте. Учит не только смыслом слова, но и каким-то особым доверительным эхом в нем, акустикой слова, интонацией, строем строки. Читаешь Тряпкина и чувствуешь: история — это как твоя биография, родословная твоя.

Нет архива, есть неумирающее чувство времени. В ткани слога — больше всего полотняного, льняного. И это отнюдь никакой не вызов всему синтетическому. Просто — это природа Тряпкина писать так, а не иначе.

Много хорошего хочется сказать еще об этой замечательной книге, да жаль — времени в обрез: о других книгах сказать надо. И все-таки два слова о названии «Огненные ясли». Точнее и емче, пожалуй, и не скажешь. Что-то здесь есть от рождества человечества, прошедшего сквозь великие муки социального и политического обновления на пути к своему третьему тысячелетию.

А вот поэма Евгения Евтушенко. Сама поэма в общем-то, думаю, интересная, я уже об этом однажды говорил автору — нужная поэма, с довольно определенной, на мой взгляд, политической нагрузкой, хотя и не без некоторых опять же «впадений» в сомнительную романтику уже изрядно поднадоевшего блатного антуража и не без отдельных, прямо скажем, тяжеловатых прозаизмов и длиннот. Но в общем, повторяю, поэма, как мне кажется, получилась. Что же касается названия — «Фуку», уву: фонетически оно, как мне кажется, чужеродно русскому уху.

Можно было догадываться, почему Евгений Долматовский так репортажно прямо назвал свою новую книгу «Стихи из дневника». Содержание книги подтвердило мою догадку: книга эта — прямой вызов современному эстетству и всему тому, что стояло и стоит за этим, якобы особо тонким, якобы особо возвышенным, изящным, а на самом деле, если глубже вдуматься и взглядеться, — равнодушным по существу явлением, лишенным внутренней необходимости что-либо конкретно знать в действительности, переживать, думать о ком-то и о чем-то, кроме себя и своей исключительной исключительности, вслушиваться в ход событий, действовать по убеждению и убеждать, как действовать.

Книга Долматовского — это книга открытой строки, открытого взгляда и четкого неразмытого принципа. Она тоже складывалась до съезда партии, а по содержанию своему, по живой, что ли, материи дня — она вся, от начала до конца, съездовская и послесъездовская, выступающая против всех видов материальной и духовной показухи, против ускоренной в угоду быстротекущей моде пересменки, эстетических воззрений и вкусов.

Престиж, проникший в быт, —
Явление страшное.
Чтоб не престиж, а честь
не уронил,
Советую:

Себя почаще спрашивай —
Ты обыватель или гражданин?

Вопрос в духе времени. Ведь, что греха таить, под маской престижа, под напуском на лицо чужой значительности, бывает, порой и живого, нормального лица не разглядишь. Молодой человек, к примеру, плюс к тому же, допустим, студент, комсомольский вожак, а вот — поди ж ты? — по-молодому, спроста, что называется, и шагу не ступит и чубом не тряхнет. Лицо держит ближе к профессорскому уровню: усредненный взгляд, усредненная улыбка... Он даже когда идет, и то как не идет, а за столом президиума восседает. А как же иначе — престиж! Для таких, думаю, не солнце встает, а карьера.

«День семьи» — это книга Павла Боцу. То, что она так скромно, по-домашнему названа, никоим образом не означает бытовой замкнутости ее содержания. Быт — есть, да. Быт необходим поэзии, так же как и философия. Но кроме быта, это еще и слово о молдавском доме в саду, о молдавском поле вокруг того сада, о молдавском всхолмленном горизонте, в голубом кольце которого по Днестру, справа от него и слева, стоят города и села, работает жизнерадостный народ. И «День семьи» — это по сути день народа. Уютно и задумчиво рядом с этой книгой. Чувствуется прямое поэтическое родство Боцу с поэтами старшего поколения — Андреем Лупаном, Богданом Истру...

Нечто подобное я испытал и при чтении книги «Домой идущий» Хандо Руннеля. Имя этого поэта я слышал и раньше, но только где-то за грядой уже известных имен эстонской поэзии, таких как: Бети Альвер, Дебора Вааранди, Керси Мерилаас, Пауль-Эрик Руммо, Арви Сийг. И вот новое имя — Хандо Руннель. Его стихи, впервые вышедшие на русском языке отдельной книгой, как-то сразу доверительно и просто заговорили со мной эстонским вечерующим полем, подзакатной песней с остывающего горизонта, его древней и вечно новой проселочной дорогой вдоль косогора.

По косогору женщина прошла,
Домой, видать, скотину погнала,
Сама босая, вниз опущен взор,
А ребятишек, вона, полон двор.
По косогору женщина прошла.
Шумели сосны, паровоз гудел,
Высоко в небе лебедь пролетел,
Овца плелась, корова еле шла,
И сердце вдруг такая грусть взяла...
Шумели сосны, паровоз гудел.
По косогору женщина прошла.
И дни ушли, и годы — без числа.
Но чтоб там ни творилось под луной —
Святись веки этот труд земной.
По косогору женщина прошла.

Скажут, а где же здесь современность? Это же все — в прошлом. Да, это все в прошлом, согласен, но в настоящем, к сожалению, как раз порой и недостает этого якобы патриархального прошлого. Недостает и в кибернетике и в ядерной физике... Иначе бы, уве-

рен, не произошла трагедия в Чернобыле. В презыбтыке — высшего образования, в презыбтыке — всевозможных там НИИ, а в недостатке — любви к делу, самой элементарной философии труда, ответственности как совести. Тут, я думаю, дефицит посерьезней, чем на все такое заграничное... Вот почему так близко к сердцу пришелся мне этот почти молитвенный смысл простого, как воздух, двуступища: «Но чтоб там ни творилось под луной — святись векови этот труд земной».

Есть чувства, которые всегда будут опережать современность, даже межпланетные корабли. И одно из них — это чувство труда как чувство любви, как чувство Родины. К сожалению, как раз этот-то незаменимый предмет долгое время (слишком долго) находился в тени риторических стереотипов наших школьных программ. Что это за собой повлекло, вы хорошо знаете.

В легендах Востока — XX век определяется как век огня. Какое мудрое и в то же время тревожное пророчество. Вопрос состоит лишь в том — какого огня? Огня ядерной катастрофы или же огня жизни на земле? Вот — главный смысл книги Олжаса Сулейменова «Трансформация огня». Трансформация в сторону разума и только — к нему!

Этой зимой, в канун XXVII съезда партии, в Москве, в конференц-зале Правления Союза писателей СССР, состоялся большой разговор о положении дел в нашей современной поэзии. Обмен мнениями показал: наша поэзия остается большой поэзией. Может быть, даже самой большой в мире. Ее знают, ценят. И в основном любят. Вместе с тем в нашей поэзии есть и такие тенденции, которые все чаще и чаще дают о себе знать, как тенденции — больше с отрицательным знаком, нежели с плюсовым. Первая из них — это разрыв между словом и образом с одной стороны и между образом и делом — с другой.

Связь эта либо истончается, либо прерывается совсем. И тогда слово начинает служить слову, образ — образу, а дело остается либо недовыраженным, либо вообще лишенным слова.

В связи с этим Давид Кугультинов высказал такую афористическую мысль: много мы обрели в движении, но вместе с тем много и потеряли. Время сейчас благоприятствует литературе. Надо, по его мнению, активней выводить литературу за пределы самой литературы, дабы еще основательней ввести ее в соприкосновение с наукой и с другими сферами трудовой и общественной деятельности.

Григол Абашидзе заострил внимание собравшихся на проблеме молодых в Грузии. В прозу, он сказал, приходят интересные, а в поэзию малоинтересные. Наблюдается увлечение верлибрами среди молодых. Каждая форма оправдывает себя, если произведение талантливо, но, как подчеркнул в заключение Абашидзе, большинство таких верлибров очень и очень скудно.

Его поддержал Иван Тарба. Он сказал: молодые вообще стали писать очень сложно, непонятно и под видом псевдосложности и псевдофилософичности стали прятать свою беспомощность, прикрываясь новизной: мол,

вы уже устарили, вы не понимаете нас. Но, спрашивается, почему же мы тогда понимаем Пушкина, Лермонтова, Руставели, Исаакяна, Твардовского, Тихонова, Заболоцкого? О поэзии труда: нужно не описание процесса труда, нужно слово о человеке труда — что у него в душе, как он строит мир в себе и вокруг себя.

Современный эпос насквозь лиричен. Эта фраза принадлежит Анатолию Чепурову, который на большом подъеме рассказал о том, как поэты Ленинграда встретили 40-летие освобождения своего родного города, города революции, от фашистской блокады. Михаил Дудин выпустил книгу «Все с этим городом навек», Владислав Шошин создал патетическую «Ленинградскую симфонию».

Интересно и плодотворно работают В. Максимова, Ю. Шесталов, В. Соснора, В. Кузнецов.

Гражданская тема не теряет своей остроты и философской основательности в творчестве таких известных поэтов, как В. Шефнер, Г. Горбовский, С. Давыдов, С. Ботвинник...

Хочу особо отметить выступление на том авторитетном собрании замечательного нашего поэта-фронтовика Владимира Жукова. Говоря о новой книге Михаила Дудина «Полюнь», посвященной родной земле и великому крестьянскому делу на ней, он до глубины души разволновал нас всех не только яркостью и дельностью своих суждений о проблемах современной деревни, но и умением так сердечно радоваться успеху своего товарища. Именно, повторяю, радоваться, а не хвалить. Похвалой можно унижить, радостью — нет.

Разрешите и мне еще раз порадоваться. Есть такой поэт Александр Балин. Нет у него большой популярности — о нем мало пишут, мало говорят — но, уверяю вас, у него есть самое главное — талант как сама жизнь. Ни как умение писать только, как навык сочинять, а как способность сначала переживать, сопереживать, думать, взвешивать в сердце, страдать, радоваться, а уж потом, потом только писать, писать в муках постоянных сомнений и в редких сполохах восторга, а это, наверное, и есть то, что называется писать правдой, писать великой ответственностью перед людьми. Прочтите хотя бы его книгу «Суровая нежность» — книгу о войне, которую Балин провоял всю насквозь, о заводе, на котором, демобилизовавшись, он долгие годы работал сталеваром, о чувстве товарищества, которое он свято несет в сердце, о любви, которой он никогда не изменит...

И еще. Книга Лоица Шерали «Чаша Хайяма». Какое удивительное сочетание протяжной восточной музыки в строке и современных ритмов. И нигде ничего не теряется при этом: ни в колорите национального, ни в объеме глобального.

В долгу перед землею предков плоть,
И каждый вздох — глоток родного неба.
Мы делу отдаемся целиком,
Чтоб погасить немыслимость кредита,
Пульс взять взаимы у океанских волн...

Могу, если кто не читал, порекомендовать и еще ряд интересных книг фронтового,

послефронтового и вот уже нынешнего, новейшего, так сказать, поколения. Например, книгу Николая Грибачева «Да не умрет!», написанную мягко, в тонах, близких традициям бунинской лирики, книгу Льва Озерова «Земная ось» — глубокоую в раздумье и плавную в течении строки; Сильвы Капутикян «Тревожный день» — книгу, я бы сказал, какого-то особого равнинного слова, и это — представляете! — от тесноты полей в горах, от нежности вблизи родного камня; книгу Ивана Драча «Подсолнух» — к этой книге я даже и слова никак не подберу, не подходят к ней книжные определения — такая она ярая в своем языке, с крупным лепестком слова и мысли; книгу Овезбердыева «Светлоокая»; книгу Ваагна Давтяна «Утренний свет»; новые книги Мухтара Шаханова, Виталия Коржилова, Ларисы Васильевой, Мухаммада Али, Феликса Чуева, Арамаиса Саакяна.

Из молодых на меня хорошее впечатление произвели книги Геннадия Русакова, Анатолия Пшеничного, Валентины Мальми, Геннадия Герасимова. В их стихах есть жизнь, а не одна только молодость с неудержимым стремлением к сочинительству, ставшему за последнее время чуть ли не бедствием среди молодых. И не только молодых.

Помните у Есенина: «буйство глаз и половде чувств». Правда, прекрасные слова? Но они были бы еще прекраснее, если бы не навели на грустную мысль о половде слов в нашей поэзии. Факты? Пожалуйста. Статистика Госкомиздата показывает: две с половиной тысячи наименований в плане по выпуску в год поэтических книг, столько же примерно готовых рукописей из плана редподготовки и еще столько же не до конца пока рассмотренных. В сумме получается около 8 тысяч названий, претендующих на то, чтобы стать книгами. И это, заметьте, запас только одного года! На подходе с письменных столов все новые и новые рукописи.

О чем же это говорит? А говорит это о том, что занятие поэзией все меньше и меньше становится миссией, призванием — и все больше навыком, профессией. Уровень общего образования таков, что позволяет некоторым начинающим думать о возможности научиться писать стихи... И в среднем варианте это, к сожалению, удается. Но в том-то и вся беда, что в среднем. Среднее порождает среднее и способствует среднему. Талант застенчив, талант ищет себя в глубине, эффект — в поверхности. Отсюда и все диспропорции. Пока там скромный Владимир Семакин вынашивает строки: «что сердечно, то и вечно», другой, с навыком, без каких-либо мучений напишет — уж в который тысячный раз! — на тему любви — любовь в данном случае все спешит — нечто такое несусветное, что страх один. Судите сами:

Будь проклят я. Черно от солнца
утро,
И воронами стали соловьи.
О Клеопатра,
Словно самка каракурта,
Убивающая друга по любви!

Вот так. А ведь это написал профессиональный поэт, член Союза! К настоящим поэтам мало подходит слово «профессиональный». Сам язык корректирует это. Давайте проверим: профессиональный поэт Пушкин, профессиональный поэт Тарас Шевченко, профессиональный поэт Низами... Чувствуете разницу? Слова «профессиональный» и «поэт» — стоят порознь. Сами по себе уважительные, но порознь. Профессиональный поэт — это когда не пишется, а он все равно пишет, строку силком гонит. Настоящий поэт мучается, страдает словом, добывая его из времени, из кутерьмы событий, из всего, что радостно и больно мучает поэта... у него всегда больше не получается, нежели получается. И он не пишет, если не пишется. Вот как об этом сказал Марк Соболев:

Были вдохновенье и отвага,
Был сверкнувший молодости взлет.
Где-то между сердцем и бумагой
Молнию поймал громоотвод.
И пошли — какая там стихия! —
Просто бесполезнее трухи
Скучные, холодные, сухие
Гладко бессердечные стихи,
Но ведь был же вспышкой запала
Брошен ты за стол в ночной тиши.
Кончено. Прошло. Пиши пропало!
Нет, когда пропало — не пиши.

У настоящего поэта первое слово обычно начинается со ста перечеркнутых слов.

Помню, как страдал поэтом в себе Смеляков. И как мучительно, годами, отвергал в себе профессионала. Издательство, продлевая авансовый договор, пять лет ожидало от него новую книгу и даже готово было пойти на то, чтобы издать избранное вместо новинки... И лишь на шестом году книга пошла. Пошла сначала подборками, циклами — в газетах, в журналах... Пошла на восторге всех читателей — поэт, Смеляков, поэт! — а затем уже отдельной небольшой книгой. Теперь эту книгу знают все, она вошла в золотой фонд нашей поэзии. Книга называется «День России».

Или вот еще один пример. У Твардовского редко-редко выходили новые книги. Десятилетиями, а то и больше. Новые стихи он обычно подверстывал к своим не частым переизданиям. В этом смысле требовательность Твардовского к самому себе была просто невероятной. И когда ему однажды было предложено издать отдельной книгой те его стихи, которые время от времени появлялись в периодике, особенно в газете «Правда», то он искренне изумился: а получится ли? И, как вы знаете, книга получилась, да еще какая! «Стихи этих лет» — лебединая песня великого поэта.

А как долго писал свою поэму «Середина века» Луговской!

А как много работал над стихами и как редко позволял себе издавать Павел Антокольский.

Помню редкое из редкого — это когда я как редактор буквально силком заставлял Ваншенкина возвращать в рукописи для издания

стихи, которые в последний момент он в борениях души считал нужным почему-то снять.

Сергей Поделков — тот вообще, когда работает, то чуть ли не молится слову.

Несколько соображений к разговору о таланте. Есть люди, которые уповают на талант, как на нечто такое заведомо универсальное, способное заменить собой даже знание самой жизни. По-моему, это превеликое заблуждение, ведущее к иждивенчеству за счет таланта. У таланта две силы — сила в себе и сила — вокруг. Разъединенность этих двух сил неизбежно приводит к погашению таланта. Талант — это как элитное посевное зерно в закроме и одновременно — как поле, которое еще нужно подготовить к посевной, засеять это поле и лишь потом только надеяться на урожай. Конечно, издательское встречное внимание — это, как дождик в срок, всегда доброе подспорье для таланта, но и строгость, думаю, не во вред.

Но бывает еще и бесталанный талант — это талант локтей. Владая им, можно при широте наших возможностей и при довольно-таки сильной расшатанности наших идейно-эстетических принципов преуспеть куда больше, чем при наличии подлинного дарования: разнес разные рукописи в разные издательства и дави, как на клавиши.

Отсюда, наверное, и обеднение в тематике. Раньше, скажем, была в большем почете морская тема — фронтовая и послевоенная, в ней с успехом работали Г. Поженян, В. Гнеушев, Н. Флеров. А сейчас она как-то мало-помалу растворилась, потерялась в океане так называемых вечных тем. То же самое, можно сказать, происходит и с темой труда, вечность которой равна вечности работы солнца. А эту вечность почему-то все больше обходят и обходят. Нет почти стихов о жизни сталеваров, шахтеров, энергетиков. Где же у нас новые Смеляковы, Казины, Ручьевы? Это, я думаю, тоже результат слишком общего, а потому и поверхностного взгляда на поэзию, на ее роль в нашем обществе. Я бы сказал так: не хватает темы в стихах, как не хватало когда-то железа. А это чревато нездоровьем. Помните стихи Прокофьева?

Претерпела изменения, причем не в лучшую сторону, и внутрижанровая структура нашей поэзии. Когда-то очень трудоемкий и редкий в удаче жанр поэмы стал вдруг чуть ли не самым доступным, легким жанром. Пишут поэмы все, поскольку думают, что всем это под силу, хотя это далеко не так. Настоящая поэма по-прежнему остается явлением исключительно редким, потому что у нее, кроме определенной возможности быть длинной, есть еще и свой особый секрет, то есть свой особый, я бы сказал, родовой символический код. Это не трудно обнаружить в поэмах Расула Гамзатова. Я уж не говорю о поэмах мастера этого жанра Василия Федорова, так рано ушедшего от нас, о поэмах Мумина Каноата, А. Маркова, Р. Бабаджана, Георгия Чокая, Ф. Сухова, Наби Хазри, Платона Воронько, Игоря Ляпина, Шукрулло, В. Догадаева, Ивана Савельева... Подтверждает это и новая поэма Николая Старшинова. Три минуты кли-

нической смерти, а какая долгая жизнь проходит за эти три минуты! Какой слог, какое силовое напряжение мысли! А возьмите поэму Игоря Шкляревского. Много написано поэм о борьбе за мир, но не было еще ни одной такой, где бы так по-человечески разумно тревожились о мире неразумные существа Земли — звери, птицы, рыбы... Мысль: даже неразумное обретает разум, когда речь идет о ядерной войне, тогда как некоторые разумные особи, люди, безумно отвергают этот разум, толкая человечество в пропасть ядерной катастрофы. Вот ключ к поэме, вот ее родовой код.

Стала редкостью и драма в стихах, требующая особого напряжения сюжета, чувства разговорного языка, сцены и монологической формы характера, динамики жеста, узла конфликта. Это — жанр упорных и многознающих. Порыва здесь мало — необходимо постоянное действие словом. Именно так и работают в этом жанре старейший в этом жанре поэт — драматург Я. Апушкин; Мустай Карим, Николай Доризо, Константин Скворцов, Бахтияр Вагабадзе...

Совсем как-то потерялся между эпосом и лирикой жанр поэтического репортажа, памфлета как наиболее оперативный, горячий из всех жанров. Даже басня и та как-то приуныла, поглядывая в сторону от Михалкова: а нет ли там еще кого?

Есть сдвиги в поэтической периодике. С большим удовольствием я прочитал подборки новых стихов Бориса Олейника и Роберта Рождественского в «Новом мире», Геннадия Серебрякова в «Нашем современнике», Дмитро Павлычко и Валентина Сорокина в «Литературной газете», Андрея Вознесенского и Владимира Фирсова в «Правде».

С большим уважением отношусь к переводчикам. В какой-то мере они — работники двух языков-океанов. Людмила Шкина, которая родилась в Башкирии и хорошо знает быт этого народа, его поэзию, переводившая не раз с башкирского, сказала на том собрании поэтов, о котором я уже говорил выше: переводить — это дважды нести ответственность — за себя и за того, кого ты переводишь. Верная мысль. По-моему, просто знать язык — мало для того, чтобы переводить стихи. Надо еще и чувствовать его как поэт, как художник, нервом соприкоснуться с нервом, слогом со слогом, как земля соприкасается с землей, как народ — с народом. Вот почему наши лучшие переводчики, а я имею в виду таких, как Яков Козловский, Анатолий Передреев, Лев Смирнов, Инна Кашежева, Владимир Солоухин, Елена Николаевская, Евгений Евтушенко, Владимир Цыбин, Евгений Елисеев, Гарольд Регистан — сами поэты высокого класса.

Недавно в газете «Правда» я прочитал в переводе Якова Хелемского два блестящих стихотворения с белорусского. Одно — стихотворение о Ленине, о Первом съезде РСДРП в Минске Рыгора Бородулина, второе — Максима Танка о великом памятнике двадцати миллионам наших павших. Мысль о том, что они, эти двадцать миллионов, при переписи всегда будут оставаться в числе народа, меня

просто потрясла. Порадовался я и стихам Хуты Гагуа в переводе Юрия Ряшенцева, опубликованным в «Литературной газете». Из переводов не ушла Грузия — вот что главное. Грузинское стало моим, русским. Перевода уже нет, есть жизнь, есть поэзия.

У нас мировая школа перевода. Это действительно так. Но, как говорится, по Сеньке — шапка, а по уровню — спрос. Наша многонациональная литература, ей-богу, стоит того, чтобы всем своим могучим авторитетом заступить все пути усредненно-халтурным стереотипам от перевода, поскольку усредненных языков в природе не было и нет, как не было и нет усредненных талантов и усредненной природы вообще. Все имеет свое лицо, и все требует достойного соответствия в слове и образе другого языка.

Так вот, для того чтобы сделать это великое общение в поэзии еще более общительным и взаимноинтересным, нам, на мой взгляд, необходимо усилить свою дообогатительную работу по трем основным направлениям: первое — это строгий отбор, достойный перевода, второе — это перевод, достойный отбора, и третье — это широкая гласность, достойная самого произведения в целом, гласность в широкой печати, по каналам средств массовой информации, дабы закрепить в сознании читателя художественную ценность произведения и доброе имя его творца и переводчика. Только так, на мой взгляд, можно избежать массовой усредненности в таком исключительно важном деле, как перевод.

И, наконец, о критике.

То, что наша поэзия в массе своей так вольготно расплеснулась вширь, теряя при этом глубину, во многом, как мне кажется, произошло и происходит по причине функциональной недостаточности — простите за кардиологический оборот — нашего, так сказать, литературного ОТК, т. е. нашей критики. Порой даже казалось, что она не совсем в курсе своего дела, — таким незначительным был вес ее аргументов и таким неуверенным был шаг ее принципа. Недоставало анализа, преобладали общие рассуждения, не имеющие ничего общего с текстом произведения. Это и понятно почему: значительная часть авторитетных критиков ушла в литературоведение, а те, кто хоть как-то сохранил свою взыскательную причастность к поэзии — Ал. Михайлов, С. Лесневский, Ю. Прокушев, М. Числов, А. Турков, — они просто физически не могут охватить своим пристальным вниманием великий поток стихов.

Уповать остается на молодых. Но их тоже мало — раз, два и обчелся. Да и профессиональная база у них еще весьма и весьма зыбкая: много вузовской эрудиции и почти никакого жизненного опыта. В таком одностороннем качестве рассуждать в общих чертах еще как-то можно, а вот судить — ни в коем случае! Критику, на мой взгляд, надо два, а то и три университета. Один аудиторный, а два других — жизненных, чтобы было о чем думать и с чем сравнивать. И знать — ради чего. Иначе какой же он критик? Один престиж — и все.

Дорогие товарищи!

Писатель — величина более чем коллективная. Состав его коллектива — это он сам, герон его книг и плюс еще — его читатель, исчисляемый десятками тысяч, а то и миллионами. И поле его деятельности простирается не только в плоскости его рабочего стола и почти непроходимой белой страницы на этом столе, но и во всех временных, географических и социально-политических измерениях. Но самые главные для него измерения — это измерения человеческого сердца, человеческих отношений и общественной мысли, измерения совести и чести. Писатель — один, а в его нервной клетке — целые миры...

Партия это знает и всей своей деятельностью, как это еще раз подтвердила недавняя встреча группы писателей с Генеральным секретарем товарищем Горбачевым Михаилом Сергеевичем, всячески способствует этому максимально единенному, я бы сказал, коллективизму писателя, благодаря чему, собственно, и рождаются произведения, достойные нашего переломного времени. Думаю, что наша поэзия и на этот раз не останется в долгу перед народом, перед партией. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово для выступления предоставляется Станиславу Юрьевичу Куняеву.

С. КУНЯЕВ. Дорогие друзья! Я с большим интересом прослушал доклад Егора Александровича Исаева о положении дел в современной советской поэзии. Важна главная мысль доклада: никакого «беспозья» в современной поэзии нет, что в ней плодотворно работает целая когорта поэтов, пишущих не по соображениям престижа, карьеры, гонорара, а по велению сердца и совести.

Но вот какой возникает парадокс: значительные поэты есть, а связь поэзии и широкого читателя за последние годы ослабла. Об этом свидетельствуют скупые, но красноречивые цифры книготорга, прилавки магазинов, где порой подолгу лежат и хорошие стихи, тревоги и трудности издателей при составлении планов. Позволю себе кое в чем не согласиться с Владимиром Цыбиным: положение с нашими тиражами очень серьезное и нам следует посмотреть правде в глаза. Составляя планы, издательство на каждую книгу заранее определяет плановый тираж. Еще недавно заявки книготорга, как правило, превышали плановые тиражи, и издательства часто издавали поэта меньшими тиражами, нежели того просил книготорг. Но с 1984 года положение круто изменилось. В плане «Советского писателя» на 1986 год из 96 поэтических книг лишь 12 набрали плановый тираж — одна книга из 8!

Ни один переводной сборник поэтов из республик не набрал планового тиража. Поэты, пишущие на русском языке, тоже выглядят не лучшим образом. Но это не только русская проблема. На некоторых съездах (украинском, армянском) звучала та же тревога об упадке интереса к поэзии. Думаю, что те республиканские доклады, в которых об этом умалчивалось, приукрасили реальную действительность.

Сборники переводной поэзии в среднем со-

бирают по 4, 5, 6 тысяч экземпляров. Тревожный симптом! Нам надо разобраться, почему для поэзии остается все меньше места в нашей жизни: то ли к тому толкает прагматическое состояние современного мира, то ли мы сами в чем-то виноваты? То ли причиной является громоздкая книготоргово-госкомиздатовская бюрократическая система? То ли это влияние на читательские умы массовой культуры? Процесс читательского охлаждения коснулся и сверхпопулярных поэтов. Так, например, на Р. Рождественского и Е. Евтушенко раньше, как правило, было 600—700 тысяч заявок. Сейчас эта цифра снизилась до 300 тысяч. Правда, это им прямого ущерба не нанесет, все равно их книги выйдут 100-тысячными тиражами. Словом, как на свободном рынке: крупные трансконтинентальные корпорации легче преодолевают кризисы спроса и еще держатся, в то время как мелкие фермы и натуральные хозяйства идут по миру (сравнение, конечно, прошу понимать как шуточное!). (А п л о д с м е н т ы.)

Издательские работники считают, что завтра будет еще хуже и в 1987 году ни одна книга не наберет планового тиража. Пора мыслить о причинах. 20 лет тому назад по Союзу на русском языке выходило около 1100 поэтических сборников. Сейчас — около 3000. Один ответственный работник Госкомиздата недавно предложил резко сократить выпуск книг молодых малоизвестных поэтов. Но это вредное и примитивное решение проблемы. А через несколько лет что будет с нашей поэзией, если почти прекратить издание первых книг? Что ж... после нас — хоть потоп? Абсурд... Конечно же на спрос отрицательно влияет море переводной поэзии, она занимает около половины всех изданий? Плохая русская книга — это, конечно, плохо. Но когда плохую национальную книгу переводит плохой переводчик и выходит она скверно оформленная, это, как говорится, уже полный провал...

Я по-прежнему стою на той точке зрения, которую не раз высказывал в разных дискуссиях, о том, что на русский язык должно переводить лишь те стихи, которые получили признание у себя на Родине, повлияли на развитие родной поэзии, которые могли бы достойно представлять ее русскому читателю. Однако наши издательства не следуют этой практике и тем самым рубят под собой сук, на котором сидят.

Поэзия — необычная форма выражения и нуждается в необычной издательской подаче. Добавлю, что, хотя после длительного бунта поэтов против печатания в подбор Госкомиздат отменил свое решение, все равно, чтобы тебя не издали в упрощенном виде, ты должен обить пороги издательства с ходатайствами, с письмами от писательской организации, и не всегда твои старания увенчиваются успехом.

Во многом, если говорить об ослаблении связи с читателем, мы виноваты сами... Мы во многом пустили на самотек нашу традиционную пропаганду поэзии. Подумать только, за последние два-три года, мы, москвичи, разрушили такой прекрасный праздник, как традиционный осенний День поэзии. Конечно, не без помощи издательства, переставшего вы-

пускать наш всесоюзно известный альманах к определенному и привычному сроку. Раньше, бывало, создавались бригады, подбирались предприятия, библиотеки, школы Москвы, по всему городу расклеивались афиши — с подробным составом выступающих, на праздниках шла оживленная торговля и «Днями поэзии» и нашими книгами, в празднике участвовало все творческое объединение поэтов Москвы. А какая это была школа для молодых поэтов — школа общения с любителями поэзии, школа умения вести себя на трибуне, на эстраде, на аудитории. Сейчас от этого праздника, который мы практически уже не проводим второй год, ограничиваясь одним вечером в ЦДЛ, остались лишь рожки да ножки. Кто виноват? Все. И поэты, и руководство организации, и наше Бюро пропаганды. Нам необходимо восстановить во что бы то ни стало наш праздник, пока читатель и почитатель поэзии еще не забыл прежние времена.

Есть еще немало причин ложных и двусмысленных положений, в котором оказались поэты. Обо всех не скажешь. Но одно надо выделить особо, ибо, может быть, оно сегодня из самых главных: поэзия и средства массовой информации, в первую очередь телевидение.

Осенью прошлого года на Вологодчине проходили Рубцовские чтения и открытие памятника поэту. В них участвовали тысячи людей, около ста писателей и поэтов из Москвы, Ленинграда, Свердловска, Новгорода, Вологды. Это были настоящие общенародные литературные торжества, на которых было все, кроме одного — камеры Центрального телевидения. И все-таки, когда чуть позже московские поэты провели в Москве вечер Рубцова, он, благодаря выходу прямо на нового председателя Гостелерадио тов. Аксенова, был записан и вскоре передан в эфир. Вечер прошел триумфально. Три с половиной часа люди стояли в этом зале, заполнив проходы, многие из пришедших сидели в фойе, многие не попали в Дом литераторов — некуда было сесть и даже встать. Словом, все получилось хорошо. Плохо одно: мы не можем каждый раз пробивать такие поэтические передачи в виде исключения. Они должны стать правилом, нормальным делом, не требующим сверхусилий.

Когда мы в городе Тотье на высоком берегу Сухоны под мелким осенним дождиком открывали памятник Николаю Рубцову, я, глядя на сотни людей в плащах, куртках, телогрейках, обступивших скульптуру, думал: почему его поэзия стала столь необходимой народу? Никогда не был он модным, не стремился к известности, не рвался на эстрадные подмостки — ни на отечественные, ни на международные. Нет ни одного кадра Рубцова на нашем телевидении, сохранилась лишь одна короткая радиозапись голоса. И все равно его поэзия каким-то чудом естественно, постепенно и властно, без саморекламы, прессы, скандалов, конной милиции, антрепренеров, вопреки глобальной экспансии массовой культуры выжила, укоренилась и проводит благодатную работу по просветлению душ человеческих. Почему? Да потому, видимо, что как бы ни соблазнялась человеческая натура

потребительством, развлекаловкой, кайфом — все равно ее лучшая часть, пусть иногда бессознательно, но жаждет идеала, гармонии, цельности, света. А ведь именно этими жизне-рождающими стихиями живет поэзия Рубцова, и в этом его редчайшее значение для нашего времени, полное «тревог великих и разбоя». «Душа» — любимое слово поэта. «Душа хранит», «с душою светлою, как луч», «до конца, до смертного креста пусть душа останется чиста...». Он писал неоскорбляемой частью души и думал всегда о высоком. Его муза никогда не питалась похлебкой публицистического разгильдяйства, не соблазнялась модными темами сиюминутной фельетонности, мертво-громыхающей гражданственности, картинами социального и бытового распада. Он никогда не потрафлял низменным инстинктам публики, не ласкал ее потребительские страсти. Вглядываясь в свою душу, он пытался понять душу человеческую и, что особенно важно для нас, душу русскую с ее извечной добротой, широтой, милосердием, и несвоевременное слово «душа», вобравшее в себя как бы суть рубцовской поэзии, вдруг обратило к нему сердца и взоры современников. Иногда кажется, что цель иных современных поэтов — разложить душу и в буквальном, и в переносном смысле слова. Для Рубцова же душа, как бы ни давила на нее жизнь, как бы ни старалась превратить ее в «совмещенный санузел», цельна и неразложима.

«Самоуважение нужно нам, а не самооплевание» — вот одна из последних записей Достоевского в дневнике. И, наверное, Николай Рубцов становится с каждым годом все дороже и нужнее нам, потому что мы устали от разоблачений, самоунижений, кощунственного самооплевания в рифму и под гитару, а поэзия Рубцова, противостоя этим воспаленным страстям, растет в нас то самоуважение к себе, к родной земле, душе, русской истории, то самоуважение, без которого не может жить ни один великий народ. (А п л о д и с м е н т ы.)

Но вернусь к телевидению.

Телевизионное время — вещь суперпропагандистская. Сейчас во многом именно телевидение лепит вкусы, создает репутации, организуется спрос. Я уверен, что получасовое выступление со стихами перед десятками миллионов сейчас играет в судьбе поэта не меньшее значение, нежели издание книги.

Телевидение дает совершенно иной уровень контакта с публикой. Сейчас без телевидения почти невозможна пропаганда литературы. От телевидения зависит спрос, зависят наши тиражи, зависит прямая связь читателя и поэта.

Конечно, за последние месяцы в связи с приходом нового руководства кое-что в отношении телевидения к поэзии изменилось. Расширился круг имен, появилась новая передача «Литературный альманах», на которую мы возлагаем большие надежды, но трудно перестроить все сразу, трудно устранить крайности, складывавшиеся в течение долгого времени.

К сожалению, долгое время телевидение

(я говорю не только о редакции литературно-драматического вещания, но о телевидении в целом) ориентировало читателя и телезрителя, с одной стороны, на развлекательно-унижительно отношение к поэзии: вспомним хотя бы, сколько раз с голубого экрана в передаче «Вокруг смеха» грубо высмеивались поэты, и этому постоянному унижению крайне редко противопоставлялся серьезный разговор о поэзии, духовное осмысление ее лучших достижений. За эти годы мы воспитали, не без помощи телевидения, в читателе весьма упрощенное отношение к поэзии.

Итак, развлекательно-пародийное отношение к поэзии с одной стороны, а с другой, популяризация небольшой группки поэтов — вот две главных тенденции нашего телевидения последних полутора-двух десятилетий. Кто же пользуется постоянной благосклонностью телевидения? Их немного — Межиров, Окуджава, Рождественский, Андрей Деметьев, Сулейменов, Ахмадулина, Дудин, в последние годы — Егор Исач, в какой-то степени Шкляревский — словом пальцев двух рук хватит, чтобы всех перечислить. Это — капля в море. В том, что Вознесенский по нескольку раз в год выступает на голубом экране со стихами и песнями, с разговором о судьбах Арбата, с воспоминаниями об ушедших писателях, в передаче «Очевидное — невероятное», или в том, что Роберт Рождественский занимает, может быть, еще больше экранного времени, — ничего предосудительного нет... но при одном условии, если бы поэты других направлений, другой манеры, другой поэтической традиции получили бы на телевидении хотя бы малую часть таких возможностей для выхода в большой мир. (А п л о д и с м е н т ы.)

Напрасно А. Иванов, выступая недавно в «Литературной газете» как специалист по поэзии, пишет: «Сверхпопулярным поэтам в их продукции никакая реклама не нужна». Во-первых, эта реклама не прекращается, а во-вторых, прежде чем они стали сверхпопулярными, она работала на них четверть века. (А п л о д и с м е н т ы.)

Средства массовой информации, и в первую очередь телевидение, поставили дело так, что читатели живут до сих пор именами и иллюзиями 60-х годов, как будто бы время остановилось. А что, разве у нас нет других имен, которые могли бы достойно представлять поэзию на голубом экране? Ни разу в жизни не был пригласен на телевидение социально острый, граждански смелый поэт Валентин Сорокин, умеющий прекрасно выступать перед аудиторией, о чем свидетельствует хотя бы его блистательное прошедший вечер в апреле этого года в этом зале. Ни разу с телеэкрана не звучали стихи таких талантливых поэтов, как Валентин Сидоров, Василий Казанцев, Валентин Устинов. Поэты Анатолий Преловский, Владимир Цыбин, Олег Дмитриев, Владимир Фирсов, Игорь Ляпин, Глеб Горбовский, Алексей Марков с трудом вспомнили, что за последнее десятилетие они лишь по разу прочитали на телевидении по два-три стихотворения. Можно по-разному относиться к их творчеству, но без них картина

современной поэзии будет однозначна. А разве что-либо потеряла наша поэзия, если бы с телеэкрана почаше звучали стихи Олега Чухонцева, Виктора Лапшина, Юрия Кузнецова, на которого сегодня критика, не понимая всей глубины его стихов, ведет просто тотальное наступление? Не забудем, что всем этим поэтам под пятьдесят или уже за пятьдесят. И это я говорю в основном о москвичах, у которых, как говорится, все под боком, которые могут при очень большом желании все-таки чего-то добиться. А на что надеяться при таком положении значительным поэтам из российской глубинки — Николаю Благову, Владимиру Гордейчеву, Виктору Коротяеву? Михаил Львов в последний раз на телевидении выступал где-то в середине 70-х годов. Сергей Поделков — один из наших старейшин — в 1970 году. Виктор Кочетков — один из интереснейших поэтов военного поколения — ни разу в жизни не получал приглашения ни на Центральное телевидение, ни на Центральное радио. Буквально вчера мне позвонил знакомый читатель и сказал, что недавно после выступления на телеэкране Григория Поженяна он открыл для себя этого поэта. Я сказал об этом Поженяну, поздравил его с удачным телевизионным вечером, но Григорий Михайлович печально отозвался: «Я, конечно, рад, но это первое мое выступление на телеэкране, а мне уже седьмой десяток...»

Спрашиваю бывшего пулеметчика, ветерана войны, а ныне известного поэта Владимира Жукова, лауреата Государственной российской премии, звучали ли хоть раз его стихи по телевидению в связи с тем, что он талантливый поэт, или в связи с сорокалетием Победы, и слышу в ответ: «Никогда! Писали мои ивановские читатели на телевидение, чтобы такая передача состоялась, но ответа не получили...»

Живет на нижегородской земле в селе Красный Оселок прекрасный русский поэт Федор Сухов, прошедший всю войну командиром противотанкового расчета, награжденный самими что ни на есть боевыми орденами. Живет без рекламы, без литературных премий, копается в своем огороде, славит в своих стихах жизнь народную... Казалось бы, в наше время — в год сорокалетия Победы, или сорокапятителетия начала войны, именно такие поэты должны в полный голос говорить с десятками миллионов телезрителей. Ан нет. Ни разу в жизни Центральное телевидение не вспомнило о нем. Скажу больше: Горьковское телевидение создало несколько лет тому назад фильм о солдате и поэте Федоре Сухове, послали фильм на Центральное телевидение с просьбой показать его всеосозному телезрителю. Но до сих пор нет на эту просьбу ни ответа ни привета.

А Николай Тряпкин — о котором так точно и проникновенно сказал в своем докладе Егор Исаев... Ему уже под семьдесят, а у него, оригинальнейшего и глубокого поэта, нет никаких шансов выйти на массовую аудиторию при таком положении вещей. А между тем выступать он умеет своеобразно: непосредственно, естественно и буквально завораживает аудиторию. Когда я заговорил об этом

с одним работником телевидения и сказал: что вот помрет прекрасный русский поэт и спохватимся, что не можем показать его на экране поющего или читающего стихи, мне ответили: как-то пытались один раз показать Тряпкина, но, мол, пришли письма, будто выступление поэта производит болезненное впечатление: поет, заикается... А что, Межиров не заикается? (А плоды с менты.) А Рождественский не заикается? А, простите меня, Михалков не заикается? По-моему, гораздо большее болезненное впечатление производят, к примеру, ужимки и телодвижения певца Леонтьева на телеэкране. Знаю, что и письма по этому поводу приходят возмущенные, однако телевидение все продолжает демонстрацию этих телодвижений. Но это к слову.

А лучше переводные книги. Вспоминаю, что не слышал ни Рыгора Бородулина, ни Отара Чиладзе, ни Алфонсаса Малдониса, ни Визму Белшевиц, ни Лину Костенко, ни Рената Хариса и других, читающих по телевидению свои стихи.

Никогда не услышат телезрители чтения стихов Рубцовым, Прасоловым, С. Марковым, Борисом Ручьевым, П. Севаком, Д. Улзытуевым. Они не вышли со своими стихами к многомиллионной аудитории, в частности, и потому, что телевизионное время, отводимое на поэзию, в течение многих лет распределялось лишь среди очень ограниченного числа поэтов. Негоже одних разрекламированных свыше головы осыпать знаками внимания и дальше в то время, когда другим талантливым и серьезным поэтам двери самого мощного канала массовой культуры, в хорошем смысле этого слова, закрыты. Не побоюсь назвать такое положение дел социальной несправедливостью.

Но при этом и нам нужно исполниться чувством особой ответственности, выступая на ТВ. Одно дело — малый зал, другое — вся страна. Поэтам надо учиться говорить с массами естественно, ответственно, увлекательно, не упрощая себя, но уважая и телезрителя. Нельзя относиться к телевизионной эстраде легкомысленно, снобистски, от нас зависит, чтобы она стала серьезной трибуной, школой поэзии для читателя. Словом, чтобы вывести поэзию из положения, в котором она находится, когда по сути крупные ценности поэзии не доходят до широких масс, а спрос на книги падает, и потому образуется несправедливое суждение о «беспоэтье». Нам всем сообща нужно защищать честь поэтического цеха по-настоящему, не допуская понимания поэзии как развлекаловки, противостоять тенденции сделать поэзию Золушкой, обслуживающей массовую культуру, противопоставить компрометации и огульному высмеиванию поэзии серьезные поэтические передачи, обращение к телезрителю со своими лучшими стихами, для чего надо сломать редакторско-цензурные телевизионные требования к поэзии, при которых даже многие опубликованные стихи отвергаются при телевизионном отборе.

Сегодняшняя драма поэзии в том, что между ее объективными ценностями и массовым читателем образовался разрыв. Во многом

образованию этой трещины способствовало телевидение. Но оно же и способно с нашей помощью ликвидировать эту трещину.

Большое значение в пропаганде поэзии среди широких масс имеет деятельность наших комитетов по литературным премиям. Не даром в докладе Михаила Сергеевича Горбачева на XXVII съезде партии особо выделено: «Заслуживают серьезного внимания предложения общественности о повышении требовательности к произведениям, выдвигаемым на высокие премии».

Повысить требовательность — это значит, что нам надо усовершенствовать систему выдвижения, обсуждения и присуждения литературных премий.

Выдвижения у нас порой происходят келейно, списки всех выдвинутых кандидатур не публикуются, что резко ограничивает демократические возможности обсуждения, дружные обзоры хвалебных и только хвалебных статей и рецензий появляются лишь тогда, когда вопрос о премиях практически решен в кабинетах. Эту, мягко говоря, малодемократическую систему надо менять в корне. Тогда, может быть, нам удастся выдвинуть на премию, хоть с какой-то надеждой на успех, не только секретарей Союза и главных редакторов журнала, а просто хороших поэтов — Николая Тряпкина, Виктора Бокова, Давида Самойлова, Федора Сухова, Юрия Кузнецова, Владимира Кострова. К счастью, этот список можно продолжить. Не так уж плохи дела в нашем «беспозье»!

Словом, всем нам — и поэтам и руководству писательских Союзов — необходимо дружно взяться за то, чтобы в поэзии восстановить утраченные в последние годы позиции, чтобы мы с помощью всех средств массовой информации снова пробудили живой интерес к книге, чтобы снова вернули своего, несколько растерявшегося сейчас читателя.

Нельзя нам терять веру в бессмертие умной и отзывчивой читательской души, как бы она ни была сегодня затуркана шумным своеволием массовой культуры. Такое безверие — гибель для нас. Ахматова даже в самые тяжелые свои времена не теряла веру в читателя:

Наш век на земле быстротечен,
И тесен назначенный круг,
А он неизменен и вечен,—
Поэта неведомый друг.

Не терял этой веры и Александр Твардовский, хотя знал цену своему читателю-современнику, когда писал, что читатель бывает:

И крайним слабостям потатчик,
И на расправу слишком скор.

Но тот же Твардовский, думая о читательской любви к поэту, являющейся неким черновиком любви народной (хотя не всегда этот черновик переписывается временем на бело), в итоге пишет с исповедальной страстью:

И ради той любви бесценной
Забыв о горечи годов
Готов трудиться ты и денно
И ночью — душу сжечь готов.

Так давайте сообща возьмемся за общее дело возвращения к поэзии, любви нашего громадного и многомиллионного читателя! (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Владимиру Дмитриевичу Цыбину.

В. ЦЫБИН. Я выступаю с частным вопросом, это вопрос «Поэт и издательство».

Поэт и рецензент, поэт и издатель, поэт и книга, поэт и критик, — все эти взаимоотношения, в сущности, сводятся к одному: поэт и читатель.

Но как дойти до читателя? Сегодняшний читатель, перегруженный информацией телевидения, радио и газет, не в состоянии из нескольких тысяч выходящих ежегодно поэтических сборников найти те стихи, которые ему нужны. И выходит, что большинство поэтов пишут для себя и для издателя, кроме, конечно, признанных и рекламируемых имен.

Критика занята либо сама собой, либо высокомерно прицепила себя классике, выходясь в филологию и литературоведение, хотя иные критики уже выходят трехтомными собраниями сочинений, свидетельствующими о том, что критика превращается из жанра в продукцию. Это критика от «поста». Она забывчива, конъюнктурна и поэтому — не литература.

Сколько у нас действительно озабоченных поэзией критиков? Мало. Лев Аннинский, Михаил Числов, Евг. Сидоров, В. Кожин, А. Михайлов, Евг. Осетров и еще два-три имени. Но и они не в силах охватить и отразить характер поэтических процессов.

У критика должно быть свое лицо. Но мы видим пока нередко — маски. А поэту нужно видеть глаза критика, его живое лицо — не учителя, не поучителя, а истинного читателя, друга.

Так вот, в этом взаимоотношении — поэт и критик — поэзия давно проиграла. Критика как бы отказалась судить поэзию по меркам общественно-нравственной значимости.

А теперь о связке «Поэт и рецензент». В последнее время в нашей печати огульно сваливают вину за издательские промахи на рецензентов, тех добровольцев от поэзии, взваливших на себя «черную» и малопопулярную работу.

Существуют при каждом журнале и издательстве редсоветы — высший орган поэтической компетентности. Так задумано. А что выходит? Во-первых, почти во всех издательских редсоветах — одни и те же люди. В «Современнике», «Советском писателе», «Советской России» — Л. Васильева, В. Костров, В. Цыбин, Н. Старшинов и еще два-три имени. На эффективную творческую работу сразу в нескольких редсоветах их не хватает. Выходит, что их единоличный вкус определяет и лицо издательства.

Не пора ли смелей, шире и ответственной ввести в редсоветы новые имена и маститых, и молодых? А Союзу писателей выполнить наконец свое же постановление о том, что

один человек может быть не более чем в двух редколлегиях.

(С места: «Правильно!»)

Во-вторых, редсоветы собираются редко. Было время, например, когда в «Современнике» собирались раз в два года и только тогда, когда план уже скомпонован, по существу, одобрен Госкомиздатом и ничего практически изменить нельзя.

Члены редколлегии, только частично читавшие плановые книги (5—6 книг), конечно в растерянности. И выходит — игра в молчаливую «демократию».

Вот почему настоятельно требуется, пусть и не в полном составе, собирать редсоветы два раза в год, как это делается в «Советском писателе», и на стадии формирования плана. Тогда писатель будет заинтересован в работе, зная, что его мнение услышат, оценят и примут к действию. И сам он будет читать и рецензировать книги, а не только числиться в редсоветовских «свадебных генералах».

Какой должна быть рецензия и какова мера ответственности рецензента за книгу? Практика показывает — рекомендательной, оценочной, выявляющей действительную значимость книги или нового дарования. Но ведь рецензент, как правило, читает одну книгу, а выходит — другая. Скажем, я два года назад отобрал и рекомендовал стихи для новой книги Т. Ребровой в «Современнике» — два с половиной листа, а в плане стоит — пять. Как же я могу отвечать за книгу поэта, когда больше половины стихов этого издания мне неизвестны?

То же происходит и с другими книгами. Ведь зачастую издание проходит от рецензии до выхода временное расстояние в 5—8 лет, а то и больше! Я знаю молодых, которые состарились возле своих книг. К примеру, в редакционном портфеле издательства «Советский писатель» на 1 июня 1986 г. рукописи, которые прошли рецензирование и нуждаются в доработке или пересоставлении, превысили цифру 800! Обработать весь этот поток, конечно, очень сложно. Не так-то просто подчас и отклонить рукопись, подкрепленную положительными рецензиями, ведь, что греха таить, бывает — рецензии положительные, а книги не получаются. Отчего? Происходит такое главным образом оттого, что рецензент отмечает отдельные удачные стихи, на основе которых рекомендует автору доработать или пересоставить рукопись. А нужно, видимо, смотреть на рукопись шире, смотреть так: есть книга или книги нет? Не отдельные удачные строки, строфы или даже стихотворения должны быть в центре внимания рецензентов, а рукопись как книга. Вот почему необходимо повысить требования к рецензентам именно в этом плане. И тогда наверняка не будет случаев, когда рукопись с положительными рецензиями в книгу не складывается. Положительных-то рецензий, разумеется, больше, чем отрицательных.

Теперь о том, как отклоняются рукописи (положение, правда, выправляется, есть ощутимые практические результаты). Например, если в 1982 г. в том же «Советском писателе» было отклонено 11 рукописей, то в 1985 г. —

81 рукопись. И все-таки поток поступлений весьма внушительный. Так, за вторую половину 1985 г. в редакцию поступило 109 рукописей общим объемом около 500 авторских листов. И это за 6 месяцев! Трудно справиться с таким количеством, т. е. отрецензировать в сроки и прочитать уже в самой редакции.

Есть при Союзе отдел консультаций. Почему бы его не влить в издательство «Советский писатель»? Тогда бы издательство, имея отдел консультаций, могло бы более эффективно фильтровать рукописи и действительно помочь молодым, имея издательскую базу. А то так — одни советы, порой и мало профессиональные.

Издательствам нужен смелый, подвижный план. Да и как можно планировать вдохновение? Нужен такой план, чтобы в процессе издательского года варьировалось, что можно издать. В такой план должна включаться только готовая книга, а не книга-обещание. Книга должна издаваться не от 3 до 10 лет, как сейчас, а от 3 до 10 месяцев. И ведь было такое у нас. Даже в годы гражданской войны и разрухи книги Есенина, Маяковского, Ахматовой укладывались в эти сроки. И здесь нужно четко определить, за что ответственен Госкомиздат, а за что — Союз писателей. Дублирование здесь дорого обходится поэзии и материально и духовно.

Теперь об извечной «тяжбе» поэта и издателя, прежде всего, конечно, редактора. Мы точно и четко не знаем о его обязанностях. Сейчас редактор книги — либо ее «телохранитель», если дело касается поэтов от «поста» или литературного приятеля, либо ее тайный, часто вкусовой соавтор. Редактор дописывает строки за иного поэта — это называется «дорабатывает» для издания. Но все так называемые «подготовительные» планы по существу — тормоз. Мы все знаем, что рукописи такого плана практически не изменяются в течение 3—5 лет.

Что же делать поэту? У рецензента — свой вкус, у редактора книги — другой, совсем иной и у завотделом, у контрольного редактора — тоже свой, у главного редактора — особый, руководящий. И в результате от хорошей смелой книги, особенно малоизвестного автора, остаются рожки да ножки. Вот где начало и одна из причин серой поэзии. Мы, поэты, все это знаем. Особенно боются поэты за свои лучшие стихи — они, как правило, либо удаляются из рукописи кем-нибудь из перечисленной цепочки инстанций, либо из великанов превращаются в карликов.

Таким образом, в массе издаваемой поэзии — стилевое однообразие, отсутствие социального (на словах призывают, на деле в издательствах губят — «ах, как бы чего не вышло!»).

Хорошо, если в этих инстанциях сидят умные, образованные люди, чувствующие поэзию. Но сколько «случайных» людей, еще вчера натужно корпевших в литобъединениях и Литинституте! Люди без литературного опыта начинают вершить судьбы книг. И сами пописывают. Глядишь, через год-два выпускают свои сборники. Исключений я пока не знаю. А выпустив сборники, становятся чле-

нами Союза писателей. У них — свои ходатаи и глашатаи! А как же? Им тоже надо издаваться. Вот и появилась редакторская поэзия — бойкая, верткая и проходимая. Я уж не говорю о постах повыше. Здесь дело идет о собраниях сочинений. Не меньше. Вот один из примеров.

Евгений Антошкин («Огонек») — у него вышло уже несколько собственных «Избранных», даже в «Худлите», вышло и на языках народов СССР, в частности на киргизском, а недавно — объемистый том в Болгарии, где не выходили еще Л. Мартынов, А. Межиров, М. Луконин. Что там думают о нашей поэзии? Вина за урон престижа нашей поэзии лежит в первую очередь на «толкачах» из Союза писателей.

Вы заметили? Из наших оценок ушли слова — самобытность, красота, язык, воображение. Все эти критерии противопоставлены серости. Более того, стихи, где поэт дает волю воображению и его мотору — метафоре, почти исчезли, заклеименные: это — Есенин, это — Цветаева. А тем самым исключается само творческое действие.

«Воображение важнее знания, ибо знание ограничено. Воображение же охватывает все на свете, стимулирует прогресс и является источником его эволюции», — это сказал Эйнштейн.

А красота! Убери ее — и гармония человека с природой нарушается. Раньше литература боролась со зверем в человеке: Бальзак, Достоевский, Есенин. Сейчас пришла пора бороться с машиной в человеке. Здесь — источник современного мещанства. Машина — равнодушна.

Это тоже вопросы поэзии как обостренной совести народа.

Не «машинное» ли отношение к книге, когда, чтобы издать ее, нужен «бланк заказа», потом «приложение» к этому бланку, нередко 5—7 рецензий и заключений, ходатайства от Союза писателей и консултации от различных организаций. Я не раз видел такие рукописи, где «дело» объемистей самой книги.

Бюрократизация издания во многом определяет и бюрократизацию самого стиха. И более того — самой мысли.

Нам нужны книги прямого высказывания, книги о строительстве самого человека, нужные стихи о БАМе, но нужней — о БАМе внутри человека, который несет в себе путь. Горький говорил, что книги дали ему все, что есть хорошего в нем. Но ведь издаются и подчас награждаются книги за «нужную» тему, за «гражданственность», за которую принимают лирические оды. Одним из первых декретов французской революции был декрет, запрещающий печатать восхвалительные стихи.

Нам нужны книги, пусть и неизвестных поэтов, но такие, которые будут работать на человека и сегодня, и завтра. Вот почему издательства должны иметь свободные планы, должны рисковать, открывать новые имена. Ведь издательства создают писателя, а не — Союз писателей.

Хорошее дело, например, выездные семинары. Но приезжают люди на места и по своему вкусу отбирают и в отчетах хвалят руко-

писи своего направления, на уровне своего вкуса, видя себя в других.

А совещания молодых? Где книги, рекомендованные ими к изданию? Их раз-два и обчелся. Издательство «Молодая гвардия» старается, но что-то поступают книги молодых, открытых альманахом «Поэзия», а такие как «Поздняя весна» Лапшина открываются редко.

Еще десять лет назад, на предыдущем Всесоюзном совещании была рекомендована «Советскому писателю» книга читинского поэта Михаила Вишнякова. Писал Михаил Дудин. Но книги до сих пор нет, как нет и книги киргиза Омара Султанова. А они — люди талантливые, поэты от жизни. Неудобные для редакторов.

Вот и получается, что у нас мало действительно молодых. Их первые книги выходят в 35—40 лет, как у Михаила Сонины, Людмилы Букиной или Марата Акчурина. Правда, здесь есть и свои социологические причины: сейчас люди получают высшее образование в основном в 27—30 лет. К этому времени и создается личность, ее культурный и нравственный запас. Но еще плюс дорога по времени в издательство в 5—10 лет.

Я думаю, что на сегодняшнем съезде надо рассмотреть этот вопрос и ускорить издания молодых, если надо, то и сверх плана. Чем ближе резервы к основному эшелону, тем дело надежней. Мы не должны допустить еще раз разрыва между поколениями, который произошел в поэзии с «сорокалетними».

«Тот, кто не помнит прошлого, обречен повторять его» — такова истина.

Старшие товарищи были добры и внимательны к нам, поэтам, которым теперь пятьдесят: Назым Хикмет, Михаил Луконин, Николай Тихонов, Павел Антокольский. Скольких они напутствовали в дорогу! Пусть не все состоялись, зато состоялась поэзия, благословленная ими: Олжас Сулейменов, Андрей Вознесенский, Белла Ахмадулина — дальше переключать не буду, потому что многие из них — в этом зале.

И теперь о дороге к читателю, о встрече с ним. И здесь главный посредник — книготорг, который в основном и винить мы не вправе. Если не расходятся книги — вычитают с продавцов. Но почему? А почему не с издателей и наконец не с самих авторов? Издательство, выпуская книгу, должно отвечать за нее и морально, и материально.

Дело в том, что книготорг оплачивает издательству сразу весь тираж с 25-процентной скидкой! Попробовал бы завод свою продукцию так продать, какой был бы ему убыток!

И отныне издательству и дела нет, расходится книга или не расходится. Одни делают брак, другие расплачиваются. Конечно, и к книготоргу есть у нас претензии, но они частные. Например, один магазин заказывает тираж в 2 тыс., а другой ни одной; в одном месте книга лежит, а в другом ее не купишь.

И все же нужно отменить такое положение, когда только магазин отвечает за книгу.

Поэтические книги стали хуже расходиться. Некоторые запаниковали: «Интерес с поэзии упал». А книг Р. Гамзатова нет на прилавках,

нет Е. Евтушенко, Д. Кугультинова, Э. Межелайтиса.

Страдают прежде всего те, у кого первая или вторая книга — их еще не знают. И здесь нужна умная издательская пропаганда. Но какими силами? Резервы, оказывается, есть — «Отдел библиографии и пропаганды». Так в таком отделе в «Советском писателе» нет ни одного человека, который занимался бы этим. Библиографией — да. Нужно переключить основные силы этого отдела на ту работу, к которой они и определены.

В стране более 360 тыс. библиотек, но они не берут малоформатные поэтические сборники в мягких обложках, ибо те не стоят на полках и требуют затрат на «ремонт». Раньше издательства имели отделы по связи с библиотеками, теперь их нет. Нужно вновь создать такие отделы.

Повредило поэтической книге и печатанье в подбор, или, вернее, в «непрочет», как говорил А. Белый. Эти книги мало раскупаются.

Мешает и плохое оформление. Так, книги издательства «Современник» в каком-то скользком целлофане похожие друг на друга, как новобранцы, плохо раскупаются.

Тусклое, примитивное оформление и мягкая обложка отпугивают покупателя. Но почему мягкая? Оказывается, что невыгодно типографии, потому что книга оценивается на вес! Если не полкилограмма — нет тебе твердой обложки. (О живление в зале.) Книги поэзии издаются на третьесортной бумаге, а не на мелованной и не офсетом.

Нужно повысить номинал и тем самым заинтересовать типографию. Поэтическую строку трудно набирать, вот почему нужно оценивать здесь не на вес, как сейчас, а иначе.

В падении интереса к поэзии, в том числе и переводной, виноваты и мы сами. Ведь 3—4, а то и 5 книг, к тому же большими тиражами нередко издают поэты в один год. Взять хотя бы не очень давний пример. Поэт Ан. Преловский издал за один год только избранного 3 книги общим объемом около 55 п. л. Это листаж целого издательства, такого, например, как «Современник», за целый год. О новых я уже и не говорю.

Или одни и те же поэты переводят в год почти все книги издательств Казахстана целой семьей в 3 человека. Более того, благодарное переводческое руководство издает в ответ книги избранного как «Избранное», где красуется на обложке — Т. Кузовлева и В. Савельев. Это нечто новое в мировой издательской практике.

Два-три переводчика по 7—8 книг сразу переводят в Узбекистане...

Какого же качества эта продукция, когда все подряд выходят на одно лицо? Такое компания в переводческом деле наносит вред национальной поэзии, искажает ее лицо, снижает ее подлинную значимость (Голоса из зала: «Правильно!»)

Есть и другие явления в переводческой работе. Возьму один пример, когда редактор двухтомной антологии монгольской поэзии Г. Ярославцев является одновременно ее составителем и одним из основных переводчиков, как говорится, сам себе хозяин. Так ли

уж мы бедны талантливыми поэтами, которые могли бы талантливо перевести национальную поэзию? Дело поэта — переводить, дело редактора — редактировать, дело специалиста — составлять сборник и писать предисловие. Особенно, когда речь идет о таких солидных издательствах, как «Художественная литература» и «Радуга», выпустивших эту прискорбную двухтомную антологию. Это горе-редакторство тоже создает антихудожественное в нашей литературе.

Итак, что же нам надо делать, чтобы поэзия была ближе к читателю? Прежде всего повысить требовательность к себе — так я понимаю для себя ответственный курс партии на ускорение и качество. Во-вторых, нужно создать требовательную и ответственную комиссию по изучению спроса и повышению качества книг.

Нужна и новая, в духе времени кооперация: издательство — типография — книготорг.

Необходимо повысить требования к качеству переизданий, а то они похожи на простые перепечатки того, что было написано автором. Нет, переиздание должно по внутреннему сюжету, по эмоциональной окраске быть новой книгой. Примеров немало. Я бы назвал здесь прежде всего книги Андрея Вознесенского, Валентина Сидорова «Индийские сюжеты», Давида Самойлова...

Новинки надо издавать смелей, даже в один лист, тогда не будет проходных стихов. А платить надо либо аккордно, либо считать первым тиражом 3—4 тыс. экземпляров.

И еще: нужно снова открыть при издательствах отделы консультаций, тогда не будет тысячных завалов рукописей; создать свои микромузеи книг, изданных этими издательствами. Это и поучительно, и повысило бы критерии. Кроме того, само издательство прежде всего должно тиражировать книгу.

Нужно искать новые пути качественного улучшения поэтических книг. Новые формы не бывают без новых идей, и нам нужно учиться этому у партии, чтобы поставить наши книги на международный уровень. Ибо социализм в области социальной проявляется в рентабельности, в области духовной — идейностью. (А плодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Дмитрию Васильевичу Павлычко.

Д. ПАВЛЫЧКО. Уважаемые товарищи! Почти на всех республиканских писательских съездах отмечалось выросшее мастерство всех писательских поколений, указывалось на то, что атмосфера общей высокой образованности в нашей стране порождает как бы излишек мастерства не только у зрелых, но и у начинающих литераторов. Все верно, многие наши произведения напоминают прекрасно построенные, но мертвые храмы, что-то вроде собора Василия Блаженного (сразу я хотел бы просить извинения за такое сравнение), который поражает внешним величием, но удручает мизерными размерами и скудностью внутреннего пространства. Кто входит в эти храмы, кто хочет отыскать ослепительный алтарь высоких и вечно живых идей, проходит по

узким и темным коридорам, в конце концов наталкивается на обыкновенный камень и кирпич, функция которых только в том, чтобы держать на себе внешнюю золоченую мишуру. Получается так, что зодчие не верят в божество, для которого строят святилища. Поэтому демонстрируют не могущество своей веры, не огонь, не сомнение, не боль, не страшную бездну духа, а только профессиональное совершенство.

Владея филологической виртуозностью, некоторым запасом рифм или, еще лучше, культивируя нечто среднее между свободным и плохо рифмованным стихом, легко откликнуться на любое, в том числе печальное событие. Землетрясение в Ташкенте — давай, торосы Антарктики зажали корабль — давай, взорвался реактор в Чернобыле — давай! Именно черныбыльские стихи некоторых поэтов показали, что мастерство может служить прикрытием фальшивой гражданственности и бездарности. Да не только прикрытием своей собственной литературной, но и бюрократической бездарности, которую оплачиваем сегодня десятками жизней и превращением красивейших районов Украины и Белоруссии в пустыню. Горе такого масштаба не может случиться только по вине ученых или только по вине благословляющих несовершенные замыслы и дела науки; ты, восхваляющий героев Чернобыля, тоже повинен в их смерти, потому, что ты жил в одно время с ними, жил и молчал, когда наше общество, овладевая энергией урана, все больше и больше теряло энергию совести, правдолюбия, демократической жизни. Да нет, не молчал, ты красиво, но бездумно воспевал этот процесс подмены совести силами железа и радия, потому что ты — бездушный мастер мастерства, непонимающий, что атом покоряется только правде, только еще более могущественной, чем он сам — силе правды.

Чем отличалась всегда, чем поражала не только своего, но и мирового читателя и слушателя советская поэзия? Чувством родины. Нет более священного и более человеческого чувства, ибо через него мы приходим к чувству уважения ко всем другим родинам, воспитываем в своей душе человечество, приобретаем к пониманию гражданского бессмертия.

Прекрасная, рыжеволосая богиня Калипсо, влюбившись в Одиссея и пытаясь навсегда задержать его на своем острове, обещает ему бессмертие, только бы он остался у нее, только бы перестал думать о родной Итаке. Сын Лазаря, однако, избирает родину. Почему? Потому, что родина — тоже бессмертие, но — высшего качества. Останься Одиссеей у Калипсо, он превратился бы в бессмертного ухажера; родина же дает ему бессмертие гражданина!..

Да, перед поэзией Тараса Шевченко, преклоняется мир, памятники Кобзарю стоят в Москве, в Вашингтоне, в Париже, в Виннипеге, но бессмертие поэта излучается из сердца Украины. Не будь этого сердца, не будь этой безграничной любви к своему гению, к своему национальному образцу моральной чистоты и духовной негибамости, не могло бы возникнуть поистине международное значение твор-

чества и жизненного примера великого Шевченко. Так же национальным русским величием Пушкина определяется его огромное международное мировое значение, а не наоборот!

Этот закон применителен ко всем поэтам. Он действует и в наше время и в нашей стране. Юстинас Марцинкявичюс немислим без Литвы, Мустай Карим — без Башкирии, Имант Знедонис — без Латвии, Матс Траат — без Эстонии, Лина Костенко — без Украины. Но именно мы пытаемся ломать этот замечательный закон, именно мы пытаемся создавать громкие поэтические имена, за которыми ничего нет, кроме «мастерства», модных тем и героизма вдогонку. Эти имена лишены национальной сущности, национального характера, национальной боли. Если писатель, по меткому определению Ивана Франко, напоминает дерево, уходящее корнями в национальную почву, а кроной — в интернациональные небеса, то мы пытаемся вырастить кроны и в то же время рубить корни. Теоретикам шовинистического толка так же, как и космополитствующим глашатаям технократической, совершенно оторванной от фольклорных основ и национальных культур художественной письменности выгодно все то, что порождает манкуртов в жизни и в поэзии. Люди, потерявшие национальную память, станут приспособленцами, жестокими прислужниками зла, слепыми механтропами, способными топтать все человеческое и все культурное. Так же, как преувеличенное национальное чувство рождает фашизм, так же отсутствие этого чувства ведет к аморальности и преступности, похожим на фашизм. Нельзя об этом забывать.

Но чувство родины у поэта не может возникать само по себе. Он сам должен быть представителем народа, у которого есть чувство отчизны — иначе весь его патриотизм будет или трагедией, или спекуляцией, только не прекрасным, уравновешенным, человеческим и в сущности интернационалистическим чувством. Но откуда же будет произрастать чувство родины у человека, который не обязательно должен быть поэтом, но который обязательно должен иметь своих поэтов, рождать и воспитывать поэтов, если он не знает толком своей истории, своего языка, если он по духу своему беден и неразвит, если все, что связано с его материнской песней, он сам считает неперспективным, второстепенным и вообще ненужным. К несчастью, у нас вышло из употребления понятие украинского, литовского, башкирского, татарского, эстонского и т. д. (здесь можно перечислять все наши народы) патриотизма, словно такое понятие противостоит советскому патриотизму. Все как раз наоборот: советский патриотизм можно подорвать только исключением из него национального смысла, только разжиганием недоверия к объединяющему нас русскому языку, только политикой поощрения одного и вытеснения из школ, ясель, университетов, судов, канцелярий, магазинов другого языка.

Поймите меня правильно. Благодаря ленинской национальной политике все наши народы, особенно национально угнетенные до Октября, как бы рождались заново. Запрещаемый и

гонимый в царское время украинский язык по всем показателям сегодня стал на один уровень с великими европейскими языками. Ни в Советском Союзе, ни в мире нет ни одного более-менее известного писателя, который не был бы переведен на язык Шевченко и Франко. Примеры, свидетельствующие о развитии украинского языка, многочисленные, убедительные, весомые. Но нельзя ограничиваться одними положительными примерами. В нашей республике наметились печальные явления, указывающие на то, что если партия и государство не придут на помощь, наш язык, потеряв базу для своего развития, в скором времени превратится в песенную латынь, и произведения того же Шевченко или Франко наши внуки будут читать только в переводах.

Но кроме национального достоинства, любая великая литература, на что указывают и книги наших классиков, должна иметь и социальные качества. Она должна исходить из социальной природы общества, которое исследует, иначе ей не раскрыть сущности человека своего времени, не подойти к философским, главным вопросам бытия. Существует ли у нас социальное неравенство? Да, существует. Оно имеет разные формы, которые невозможно устранить по щучьему велению. Как, например, условия жизни в разных регионах, условия жизни разных профессий и т. п. Но социальное неравенство, которое проявляется в привилегиях высокопоставленного, а то и просто начальства, которых не имеют массы трудового народа, самое большое и самое противное неравенство, можно и нужно устранять всяческими способами, в том числе и бичующим поэтическим словом. Сказала ли об этом недуге наша поэзия веское слово? Нет, не сказала. Традиции Маяковского забыты, наше вдохновение уходит на сочинительство сладкозвучных од, на псевдоромантическое воспевание мелочных радостей или, в лучшем случае, на гнев из-за мелких обид, нанесенных кому-то его сотоварищем по перу. Мы отучились говорить главную правду, социальную правду нашей жизни. Мы воспеваем героев, которые проявили мужество в экстремальных условиях, и это правильно. Но почему мы не замечаем обыкновенных героев, которые своим гражданским мужеством и самоотверженным трудом пытаются — и это им иногда удается! — исправить недостатки в жизни коллектива, охваченного чиновопоклонением, умолкнувшего перед бездарностью маленьких чиновников только потому, что они, эти маленькие, имеют поддержку от великого и самого большого чиновничества и начальства.

Мастерам нужно мужество, а то и просто здоровый ум. Чаще всего мы боимся говорить правду, чтобы не навлечь на наше общество критики врагов. В этом случае мы напоминаем крестьянина из одной старокитайской притчи. Этот земледельец боялся топтать вспаханную ниву и для того, чтобы засеять ее, нанял четырех слуг, которые несли его, сеятеля, на стуле и, естественно, топтали его ниву да еще и смеялись над ним. Восседая на таком троне острожности, мы готовы кому угодно отдать нашу пахоту, только бы самим

не пройтись по ней, не потоптать ее. Мы боимся наступить на посеянные, а бояться надо не собственных ног, а вредных семян в руке.

Мы принадлежим каждый к своей национальной культуре, а все вместе — к родине Октября, к новому социалистическому обществу, которое — это во многом зависит и от нас — может, должно стать будущим всего человечества. Огромная ответственность лежит на нашем слове. Ответственность за сохранение животворящего национального многообразия нашей земли и за передачу в грядущий век нашей коммунистической идеи в чистоте и сияющей правде. Если мы не выполним свое предназначение, если окажемся ниже своих обязанностей, будущие поколения пройдут мимо нас, отвернувшись, и напрасно мы будем взывать к ним мертвыми языками: «Остановитесь, вспомните нас, нам было тяжело, мы жили в суровое время». Они нам ничего не простят. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Яков Абрамович Козловский.

Я. КОЗЛОВСКИЙ. В 1836 году Пушкин написал строки, которые всем нам известны с детства:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

Прошло полстолетия, и другой русский поэт Афанасий Фет, хотя и знал он эти стихи Пушкина, написал:

У чукчей нет Анакреона,
К зырянам Тютчев не придет.

Это не первый случай в истории литературы, когда последующее поколение писателей являло меньшее осознание происходящего, чем предыдущее поколение.

На II съезде писателей СССР был произнесен замечательный содоклад о высоком искусстве художественного перевода. Авторами его были Максим Рыльский, Павел Антокольский и Мухтар Ауэзов.

На нашем съезде работают комиссии по всем жанрам литературы, кроме жанра художественного перевода. Что это — злая воля или недомыслие? Тем более это непонятно, если учесть, что каждая третья книга, если не вторая, изданная в нашей стране — переводная.

Можно в святцах Союза писателей числиться оригинальным поэтом и не быть таковым; можно, как покойный Левик или ныне здравствующий Сергей Васильевич Шервинский, числиться переводчиком и быть настоящим поэтом, ибо переводы Левика из немецкой и французской поэзии, стихов португальца Комозанса или сонетов Мицкевича — настоящая поэзия. А какое наслаждение для ума и сердца даруют нам «Метаморфозы» Овидия или стихи из античной поэзии Катулла, Софокла, Тибула, Горация, стихи армянских поэтов в переводе Шервинского. Живи эти

замечательные литераторы в XIX веке, они, как и многие другие, были бы провозглашены истинными и выдающимися поэтами. В пушкинские времена, да и гораздо позже, переводная литература приравнивалась к оригинальной поэзии. Белинский писал, что переводная литература является органической частью литературы национальной. И русская литература к чести и богатству своему усыновила и дала гражданство многим, очень многим иноязычным шедеврам, как ни одна страна в мире.

К великому сожалению, в искусстве и в изящной словесности не существует прогресса. Есть он в науке, в технике, в инженерном деле, а в литературе прогресса нет. Так уж устроен духовный мир людской, этот загадочный мир.

Образовательный ценз в нашей стране очень высок, но само по себе образование не приобщает человека к культуре и зачастую мы наблюдаем явление, когда образование не освещено нравственностью. И такое положение может привести к угрожающим последствиям. Никто не может научить своего ученика писать художественную прозу или стихи, но всякий мастер и художник обязан преподавать ему уроки нравственности и порядочности и утвердить в нем мысль, рожденную в пушкинской голове, что изящная словесность есть союз истины и добра. Я помню уроки Корнея Чуковского и Самуила Маршака, которыми и я был замечен в молодости своей. Они никогда не говорили о себе в превосходной степени, как иные нынешние литераторы, но они умели приобщать собеседника к высокой мысли, к поиску правды, к порядочности, к чести и ответственности перед словом. И в общении с ними почти осязаемой становилась связь времен. В кабинете Маршака висел портрет В. В. Стасова — великого критика и историка искусства. Как известно, Стасов был сторонником национального начала в литературе и искусстве, но не только русские были обязаны ему своей судьбой. Он заметил и написал восторженную статью о скульптуре Марка Антокольского «Иван Грозный» и всячески способствовал этому великому ваятелю. Он же способствовал и гимназисту Маршаку, помог ему переехать на учебу в Петербург, возил его портрет к Льву Толстому в Ясную Поляну. И вот что потребовал Стасов от Маршака: «...ты никогда не переменишь своей веры, какие бы ни были события, обстоятельства, люди и отношения, второе, ты будешь искать все больше и больше правды и жизни, будешь все больше и больше чуждаться риторики, красивых, но праздных слов и картин, пустых фейерверков и цветных иллюминаций; третье — что никакой успех и расхваливания не сдвинут тебя с настоящей дороги и не затемнят твою голову фольгой самоуверения и мишурой кривляния толпе» (Письма В. Стасова Маршаку).

Завещанное Стасовым Маршаку по связи времен передал нам.

Корней Иванович Чуковский — современник Бунина и Чехова, Репина и Шалапина, Горького и Блока, Есенина и Маяковского — в самые даже нелегкие времена подносил

нам наглядные уроки высокой духовной ясности и неподкупности. Он написал книгу «Высокое искусство». Это прекрасный трактат о художественном переводе.

Настоящий переводчик, если он не хочет попасть впросак, должен проникнуть в суть литературного произведения, переводить не слова его, а дух, создать версию достоверности в художественном переложении и приобщить это иноязычное произведение к отечественной литературе. Надо иметь понятие самое непосредственное, самое сопричастное к тому, что ты переводишь. В 1858 году автор «Трех мушкетеров» прибыл в Россию. Путешествие его по России и Кавказу было увлекательным, полным приключений и примечательных событий. В России Александр Дюма заинтересовался поэзией Лермонтова. Он хотел о нем узнать как можно больше. Это становится ясно из его просьбы к Раstopчиной сообщить ему — Дюма — все, что она знала о Лермонтове, с которым встречалась перед последней его поездкой на Кавказ.

Всем известно стихотворение Лермонтова «Спор». В нем есть такие строки:

И испытанный трудами
Бури боевой,
Их ведет, грозя очами,
Генерал седой.

Не многим было известно, что в этих строках речь идет об Алексее Петровиче Ермолове, военачальнике легендарной судьбы, герое 12-го года, бывшем Наместнике Кавказа. Ермолов разделял взгляды декабристов. Есть тому множество доказательств. Николай I за это ненавидел и боялся его, и он нашел повод сместить Ермолова в 1827 году. И вот Дюма переводит стихотворение Лермонтова «Спор» и публикует его на французском языке в газете «Кавказ» и свой перевод посвящает Ермолову, который еще был жив. Он пишет в этом посвящении: «Мой генерал! Не разрешите ли вы некоему французскому поэту, который уже в течение двух месяцев слышит, подобное эху Кавказа, Ваше имя, переслать Вам стихотворение Лермонтова, переведенное им, в котором упоминается Ваше имя. С тех пор, как пушки Бородино заставили французов узнать имя Ермолова, у меня возникло величайшее уважение и самое глубокое восхищение перед Вашим именем. Дюма». И это пишет соплеменник Наполеона! Никакой национальной спеси, ущемленной национальной гордости, а пример высокой нравственности писателя и переводчика.

А разве не напоминает это далекого от всяческих предрассудков Багратиона, который, увидев как искусно французы берут русские флеш, крикнул: «Ура!»

То, что в духовном отношении было вчера ересью, сегодня становится аксиомой. Джордано Бруно сожгли на костре, но то, что земля вертится, теперь и у папы римского не вызывает сомнения. (А п л о д и с м е н т ы.)

У нас дело художественного перевода могло бы пойти лучше, если бы для переводов отбирались лучшие произведения, ставшие образцами национальной поэзии. Наука интерна-

циональна: дважды два — четыре, закон Ломоносова — Лавуазье или таблица Менделеева везде в мире звучат одинаково и значат одно и то же.

С поэзией настоящей дело обстоит как раз наоборот. Вот поэтому она почти непереводаема. Переводчику должно быть предоставлено право переводить не по заказу, а по душе. Перевел, принес в издательство и, если это хорошо, извольте вставить в план. Переводы наши должны рецензироваться, а ныне рецензируются одни подстрочники.

В редакционных советах должны заседать и мастера художественного перевода, знатоки не те, что ведут следствие, а те, что ведут духовный путь от Пушкина к Жуковскому. Как прекрасно по любви переводили западную и восточную поэзию Пастернак, Антокольский, Бажан, Звягинцева, Петровых, Пеньковский, как великолепно переводил Батырая и горскую народную поэзию славный Эфенди Капиев. И сегодня я бы мог назвать имена добросовестных и талантливых переводчиков поэзии. Это Михаил Дудин, Владимир Васильев, переводчик французских и испанских эпиграмм, это Александр Межиров, Наум Гребнев, Елена Николаевская, это молодой Витковский и не совсем молодой Хелемский. Всех не упомянешь. К сожалению, плохих переводчиков, как и плохих поэтов, больше, чем хороших. В одной Московской писательской организации 500 поэтов. Это даже визуально представить нельзя, а прочесть все их стихи на память вряд ли кто сможет, да и не только на память.

Маршак говорил: «Плохой перевод — клевета на автора», но никто этих клеветников, к сожалению, не вызывает к барьеру. Стихотворение иноязычного поэта лучше порой опубликовать в угловатом, лишенном ритма и пластики подстрочном переводе, чем в псевдохудожественном. Толстой, когда писал «Хаджи Мурата», послал своему соседу Афанасию Фету подстрочники горских песен с подстрочным переводом. Фет писал по поводу этих горских песен: «Я восторгался, как орел, почувствовавший запах свежей и горячей крови». Фет перевел стихи, присланные Толстым, но Толстой в повесть включил горную песню в подстрочном переводе. А Фет переводчиком был неплохим.

Лучше национальное стихотворение опубликовать в подстрочном переводе, чем в плохом художественном.

Как говорит парикмахер из ЦДЛ, лучше быть сильно заросшим, чем плохо подстриженным. Меня всегда огорчала и удручала неосведомленность иных литераторов, которые судят о национальной литературе. Они выдумали термин младописьменные народы. И даже этот свой взгляд распространяют на литературу народов Северного Кавказа. Письменность там древняя. Правда, литераторы этих земель писали, используя арабский и персидский алфавиты.

Если в Дагестане жили бы «младописьменные» литераторы, как бы тогда мы прочли такие книги, как «Ассари Дагестан» или переписку князя Барятинского с Шамилем. Когда Шамиль жил в Калуге, между ним и

пленившим его князем Барятинским — однокашником Лермонтова по военному училищу — завязалась переписка и Барятинский спросил Шамиля — пишете мне по-арабски, у меня свои переводчики есть.

Сейчас мы наблюдаем примечательное явление, когда в наших национальных республиках национальные писатели пишут по-русски, как Василь Быков, как Чингиз Айтматов. Говоря о Быкове и Айтматове я говорю о переводческой деятельности, как прозаик Алим Кешоков, как Олжас Сулейменов, как критик Камиль Султанов и многие другие.

(С места: «Если он пишет по-белорусски, он сам себе переводчик. Есть авторизованный перевод».)

Я. КОЗЛОВСКИЙ. Но в изданиях, которые мы читаем, этого не сказано.

Н. ГИЛЕВИЧ. Быков пишет по-белорусски, вы вводите в заблуждение целый зал.

Я. КОЗЛОВСКИЙ. Еще Пушкин приветствовал это явление в своем «Современнике». Он опубликовал повесть черкеса Газы Гирея «Долина Ажитугай» со своим послесловием к этой повести, в частности писал: «Вот явление неожиданное в нашей литературе! Сын полудикого Кавказа становится в ряды наших писателей...» («Современник», 1836). Когда в наших республиках писатели начинают писать по-русски, это можно приветствовать, если они это делают талантливо и вдохновенно.

С уважением хочу отметить, что на протяжении всей своей переводческой деятельности я замечал, с какой любовью и трогательной памятью относятся в наших республиках к своей национальной классике. Вряд ли кто-нибудь из нас сейчас прочитает на память стихи Тредьяковского или Кантемира, а вот в Таджикистане вам почти каждый писатель прочитает и Хафиза, и Саади, и Руми, и Хаяма. Когда я переводил стихи великого Авиценны, переводил с трепетом, радостью и любовью. И мне казалось, что я перевел точно, но стал читать перевод Мумину Каноату и Шовкату Ниязи и вижу — они не очень радуются моему переводу. Стал спорить, и тогда они прочитали мне на память стихи Авиценны, который жил много веков назад. И потом уже Мумин Каноат стал моим редактором, и я перевел Авиценну.

В издательстве «Советская Россия» есть серия книг под названием «Мастера художественного перевода». В этой серии вышло немало замечательных поэтических книг, но были изданы несколько книг по непонятным для меня причинам совершенно случайно. Серия эта сейчас дышит на ладан, а ведь она как издание — знак культуры. Нужно строжайше отбирать книги для издания в этой серии, широко обсуждать их предварительно. Госкомиздат РСФСР, думаю, не совершит ошибки и не закроет прекрасного начинания в «Советской России», а создаст редколлегия для издания лучших книг переводчиков и даже расширит это издание.

Сейчас, как мне сообщила Ирина Огородникова, очень инициативная и талантливая

руководительница московских переводчиков, ЦК партии санкционировал издание переводческого теоретического журнала. Это прекрасно, это нас радует. Наконец-то появится орган печати, где будет здравствовать критическая мысль, и в забытом Союзом писателей жанре художественного перевода. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Ошанин Лев Иванович.

Л. ОШАНИН. В русскую поэзию вернулось имя Николая Гумилева, поэта, оказавшего мощное влияние на развитие советской поэзии. Особенно ее ленинградского крыла — раннего Н. Тихонова, А. Прокофьева, В. Саянова и многих других.

Пришло время разобратся всерьез — что именно он дал нам, литераторам старших поколений, почему его имя никогда не угасало для узнавших его однажды. Это тем более важно, что, например, «Литературная Россия» (спасибо ей за пионерство) при первой публикации напечатала до обиды не лучшие стихи поэта. Сила Н. Гумилева совсем не в тех стихах, которые принесли ему в свое время популярность у обывателя. Изысканные жирафы, леопарды и фарфоровые павильоны при всем мастерстве скорее теневые стороны его творчества.

Мне повезло — еще мальчишкой я прежде всего встретился с его последней книгой — «Огненный столп» и задохнулся от глубины и силы его философских стихов. Это и уже названные Евгением Евтушенко в «Литературной газете» «Шестое чувство», «Слово», «Заблудившийся трамвай», это и «Мои читатели», «Звездный ужас» и, конечно, «Память», открывающая книгу.

С высоты «Огненного столпа» стоит пересмотреть поэзию Гумилева. Отбрасывая для себя слабые вещи, красоты, я нашел и в ранних сборниках пусть одинокие, но замечательные стихи. Таков «Выбор» в «Романтических цветах», где совсем еще юноша поднимается до беспощадных и глубоких формул. Но молчи — несравненное право

Самому выбирать свою смерть.
А в «Жемчугах» знаменитые «Капитаны», «Орел», «Волшебная скрипка».

В «Капитанах» — во многом наивно-романтических, но блестящих по форме — уже слышна гумилевская поступь, которая потом в «Памяти» найдет свое законченное решение:

Память, ты слабеешь год от года,
Тот ли это или кто другой
Променял веселую свободу
На священный долгожданный бой.
Знал он муки голода и жажды,
Сон тревожный, бесконечный путь,
Но святой Георгий тронул дважды
Пулею нетронутую грудь.

Кто из нас сумел так написать об ордене? А ведь пробовали и не раз. Безоглядно храбрый, он писал о своих двух солдатских «Георгиях», нелегко дававшихся прапорщику.

«Память» написана в 1920 году или в 1921

году, когда Гумилев вместе с Горьким и Блоком работал редактором поэзии в библиотеке «Всемирная литература». Вот еще строки из «Памяти»:

Сердце будет пламенем палимо
До тех пор, когда взойдут, ясны,
Стены Нового Иерусалима
На полях моей родной страны.

Думается, что при всех сложностях восприятия революции, в которую он вернулся из-за границы, здесь по-своему увиденный завтрашний день обновленной родины поэта.

Вот прежде всего за эту упругую статью стиха в рефлексирующем вялом мире символистской поэзии, за философские глубины «Шестого чувства», за утверждение статуса «Слова», за прозрачную ясность лучших стихов Гумилев стал близок и необходим советской поэзии.

Короче говоря, все перечисленное выше восстало против его экзотических пустяков: Гумилев против Гумилева.

Здесь я должен кое в чем возразить Е. Евтушенко, написавшему в целом хорошую, на мой взгляд, статью «Возвращенье поэзии Гумилева» в «Литературной газете». Он раздает в ней звания — кто великий, кто невеликий, и зачем-то сталкивает лбами Гумилева и Анну Ахматову: «У Ахматовой меньше плохих стихов и больше хороших, но не забудем, что Гумилев ушел из жизни тридцатипятилетним, а Ахматова дожидая до глубокой старости». Да бог с ними — поэзия не ипподром, а поэты не лошади. У каждого истинного поэта свое хозяйство. Но с каким бы глубоким уважением я ни относился к Анне Андреевне, я не знаю у нее ни одного стихотворения масштаба «Шестого чувства» или «Слова», а poeta ценят по тому лучшему, что он написал.

Возвращая поэзию Гумилева людям, надо, кроме одноклассника, издать избранного Гумилева, который сыграл немалую роль в становлении почти каждого из нас.

Кстати, о слове. У нас не раз реформировался русский алфавит. Были логично отчислены буквы «ять», «фита», «ижица», заменены запятой, а потом возвращен твердый знак, но допущена одна досадная ошибка, особенно для поэзии. Не знаю, чьими холодными руками, чьим волевым решением была выкинута абсолютно необходимая для нас буква «ё». Да и в прозе как прочесть: «узнаешь шелест березовой роши» или ты его, этот шелест, «узнаешь»? Рассказ Лескова «Дама и Фефёла», как догадываются новые поколения, что это «Фефёла», и только Фефёла?

Я слышал, как мальчик читал по книге чьи-то стихи:

У дороги села круто
На пригорки взобрались.

Он долго смеялся, потом (умный мальчик!) догадался:

У дороги села круто
На пригорки взобрались...

А все и всё? Как написать: «все и всё кругом в волненье»? Как догадаться: «всё просят» или

«все просят»? Как часто разрушается эмоциональный настрой, пока читатель, возвращаясь, докопается до смысла. Зачем это? Утешало то, что в рукописи можно было хотя бы писать эту прекрасную букву, а теперь ее выломали и из пишущих машинок. Надо вернуть букву «ё» в наш алфавит. И этот, отнюдь не мелкий вопрос, думается, заслуживает места в решениях нашего съезда.

Перед съездом у нас, москвичей, была встреча с секретарем МГК КПСС В. Г. Захаровым, где Василий Георгиевич доверительно и широко рассказывал обо всех проблемах сегодняшней Москвы. Я вспомнил обстановку прошлых лет в Москве, когда одному из руководителей посоветовали прочитать хорошую новую книгу, а он ответил: «Что вы, я не успеваю читать произведения ваших секретарей». Я не сужу его. У нас с некоторыми пор повелось считать, что лучшая литература — «секретарская», а лучшие прозаики и поэты — конечно же секретари. Дай бог, чтобы так и было. А В. Г. Захаров говорил о писательской заботе об архитектуре Москвы, о сохранении старины, о названиях улиц. Еще бы!

Я, в частности, когда пришло новое руководство, написал письмо тт. Ельцину и Сайкину и приложил к нему мои «Раздумья о городах», где среди прочего говорилось:

Нам не хватало улиц день за днем.
 Порой мы ущемляли полководца —
 Богдан Хмельницкий со своим конем
 На улочке своей не развернется.
 Мы очень мало строили вчера,
 Теперь пришли строительные сроки —
 Все шире и прямей Москва. Пора
 Проспект Богдану светлый и широкий.
 И Кирову проспект. Сквозь все огни
 Развертывайся, стройся, зеленой-ка!
 Мой Моссовет, Остоженку верни,
 Мясницкую верни и Маросейку!

Тов. Захаров рассказал, что уже принято решение вернуть имя Остоженке. Спасибо! Но, товарищи Ельцин и Сайкин, Мясницкая и Маросейка за вами! (А плоды сменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Абдулле Арипову (Ташкент).

А. АРИПОВ. Дорогие товарищи! Говоря о сегодняшнем состоянии узбекской поэзии, нельзя не сказать о нравственном очищении, которое происходит в нашем крае под влиянием XXVII съезда КПСС и республиканских партийных форумов. Причины, вызвавшие необходимость известных радикальных мер, были более чем серьезными. События, происходившие в республике, не могли не коснуться и нашего литературного процесса.

Поэтому на литераторов Узбекистана сейчас ложится особая ответственность. Мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы духовная жизнь стала по-настоящему духовной, свободной от всяческой конъюнктуры, парадности, пустословия.

За прошедшее пятилетие в республике создано и вышло в свет много разнообразных поэтических произведений. Заслуживает

особого разговора творчество таких наших талантливых товарищей, как Э. Вахидов, А. Матчан, Х. Худайбердыева и др.

Однако в целом ряде стихотворных романов, поэм, да и стихотворений авторы увлеклись описательностью, чисто внешними приметам актуальности. Все это усугублялось тем, что литературная критика выдавала эти недостатки за серьезные достижения, приписывала таким произведениям остроту и публицистичность.

Никто не возражает против поэм и даже романов, написанных стихами, все жанры имеют право на существование. В этих «крупных» произведениях строка за строкой, страница за страницей пересказываются общеизвестные истины. Отдельные удачные образы не меняют общего унылого впечатления немоги. К сожалению, в отдельных произведениях даже некоторых наших заслуженных товарищей самой поэзии не уделено места.

Поэтическая панорама нашей республики не исчерпывается, к счастью, многословными, наспех зарифмованными вариациями на тему «цветет урюк под грохот дней» или многозначительными восклицаниями: «С добрым утром, люди всей планеты!»

Я бы мог здесь сказать много добрых слов о хороших и разных поэтах республики всех поколений, в том числе и наших предшественниках. Конечно, творчество ряда поэтов 20—30-х годов неоднозначно и во многом противоречиво. Но это не значит, что оно может быть вычеркнуто из литературного процесса. Я согласен с высказанной недавно в «Литературной газете» Евгением Евтушенко мыслью, что принцип о необходимости помнить всех, кто оставил след в литературе, должен быть прочно утвержден. Это актуально и для узбекской поэзии.

Что касается молодых поэтов Узбекистана, мне кажется, что современная ситуация в республике имеет не только характерные региональные особенности. Усвоение лучших достижений советской и всей мировой литературы существенно обогатило палитру наших молодых поэтов. Они уверенно себя чувствуют и в традиционных формах, и в еще вчера непривычном для нас верлибре, и в области новейших экспериментов. Также плодотворным видится мне обращение молодых поэтов к фольклорным истокам. Хотелось бы только надеяться, что они не забудут и классического наследия великих поэтов Востока. Ведь сегодня накопленная веками духовная сокровищница — не собрание литературных памятников, а живая поэтическая школа. Те, кто бывал в Средней Азии, хорошо знают, что гениальные строки Хайяма, Саади и Махтумкули в нашей чайхане не менее привычны, чем пиала душистого зеленого чая. А вот будут ли цитировать нас? Может быть, вопрос этот звучит банально и высокопарно, но по сути от него не отмахнуться. Я думаю, что сейчас не стоит перечислять обоймы и составлять табель о рангах. Навои однажды сказал о короне, что она не знак преимущества, а горнило, которое должно обжигать и закалять мысли и чувства ее носителя. В литературе тем более никакое высокое звание не дает преимуществ,

наоборот — оно обязывает к напряженной работе над словом. Конечно же, только народ и время способны определить подлинную цену каждому отдельному художнику. Здесь мне бы хотелось сказать о проблемах, которые касаются всех нас.

Мало кто сегодня замыкается в рамках интимной лирики или формальных поисков. Проблемы добра и зла, войны и мира, «быть или не быть» находят свое отражение в творчестве громадного большинства поэтов. Профессионализма и гражданственности нам не занимать. Но часто, прикрываясь актуальностью и борьбой с недостатками, некоторые авторы забывают, что не плакатное обличение чужих пороков, а глубокий анализ причин и закономерностей, порождающих негативные явления, и трагическое осознание собственной ответственности за все, что происходит в обществе, может стать истинным предметом поэзии.

Еще бы хотелось сказать, что слишком уж приземлена современная поэзия, несмотря на всю космическую атрибутику. Должна же быть в нашей реалистической поэзии, в конце концов, и душа, сокровенность, наивность, в хорошем смысле этого слова; удивление перед миром, если хотите — тайна. То есть то, что и делает стихи стихами.

Несколько слов о переводах. Иногда мне кажется, что проблема перевода по своей вечности и неразрешимости не уступает проблеме поиска вечного двигателя.

Я верю, что переводческое дело можно и нужно поднять на более высокий уровень. Пока же, выражая признательность подлинным мастерам перевода из России и других братских республик, вынужден сказать, что в значительном числе произведений мы встречаемся, пользуясь современной терминологией, с оковитирательством и приписками. Речь в первую очередь идет о том, что переводятся далеко не лучшие стихи, не лучшие поэты. Конечно, каждый поэт хочет быть переведенным, каждый имеет право на доброжелательное внимание к своему творчеству. Понятно, что посредственные литераторы гораздо больше озабочены своими публикациями, чем собственно творчеством. Но вызывает законное недоумение, если не сказать возмущение, что центральные издательства все шире открывают свои темпланы для поэтов, чьи книги и на родном языке годами не раскупаются. Иногда имена не самых признанных, а самых проворных как назло включаются в доклады. Получается, народу любимы одни, а дифирамбы читаются другим, как это случилось в докладе Егора Исаева.

Так создается превратное представление о национальной культуре целого народа.

Теперь об отношении переводчиков к своей профессиональной работе. Я уже не говорю о том, что представления некоторых из них о нашей поэзии застыли на уровне полувековой давности. Случается порой и такое, когда переводчик заявляет поэту: «Подстрочник мне не нужен. Ты скажи только, о чем у тебя стихотворение — о весне или об осени и какое оно — длинное или короткое, остальное я сделаю сам». Какие уж тут дискуссии? Переводить с подлинника или с подстрочника и, что

важнее, сохранить стихотворный размер или интонацию...

Ущерб от приписок в производственной сфере иногда можно все-таки возместить, взыскать с виновного. Нравственный ущерб, как известно, не вырубить никаким топором.

Надо, чтобы за дело взялись поэты, искренне заинтересованные в сближении национальных культур, чем и является художественный перевод по большому счету.

Вот те вопросы, которых я коротко хотел коснуться в выступлении. Спасибо за внимание. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Арону Алтеровичу Вергелису.

А. ВЕРГЕЛИС. Дорогие товарищи! На вчерашнем заседании нашего съезда один оратор подал идею приостановить прием в Союз писателей новых членов с тем, чтобы дать литературе возможность прийти в себя от нашествия окололитературного люда. Позвольте усомниться в эффективности такой меры и предложить кое-что другое.

Будучи несколько лет назад в Италии, я узнал, что в Древнем Риме некий неудачливый поэт по фамилии Паскуино, которого не печатали, подкладывал каждую ночь под статую святой Марии свое новое сочинение, а назавтра любопытные извлекали рукопись и читывали ее в кафе или прямо на площади.

По примеру Паскуино сотни таких сочинителей стали подкладывать под статую свои непризнанные стихи. Кстати, когда об этом рассказали Александру Блоку во время его путешествия по Италии, тот высказал сожаление, что человечество упустило возможность получить редкий сборник графомании, для подготовки которого стоило всего лишь кому-нибудь забирать из-под статуи то, что ночами подкладывали больные рифмоплетством...

Может быть, стоило бы и нам, расплывшим три с половиной тысячи членов Союза писателей поэтического звания и не знающим, как избавиться от тех, кто оказался несостоятельными, воспользоваться опытом древних мудрецов: поставить на улице Воровского, у старого входа в ЦДЛ статую председателя приемочной комиссии и вместо того, чтобы пачками принимать в СП начинающих поэтов, забирать плоды их вдохновения из тайника статуи и ограничиться выпуском сборника, о котором говорил Блок. Возможно, таким путем удастся удовлетворить жаждущих рифмовать слова и, дай бог, какая-то тысяча считающих себя профессиональными поэтами забудет о своей мании.

И еще об одном ощущении, вынесенном мною со вчерашнего заседания съезда, мне хочется сказать. Оно коснулось меня как представителя одной из национальных литератур.

На просторах прочитанного с высокой трибуны двухчасового отчетного доклада секретариата Правления Союза писателей СССР было немало возможностей и вполне хватило бы места, чтобы упомянуть в надлежащем контексте, рядом с другими национальными

литературами, хотя бы только упомянуть, одним лишь словом, такую литературу с непростой судьбой, как еврейскую. Дорогие друзья, убедите меня, но не пойму, откуда подобная, стабильная на протяжении не одного десятилетия забывчивость и бесцеремонность — то ли от невежества, то ли от невоспитанности, но во всяком случае не от чувства такта по отношению к культуре и литературе древнего народа.

Справедливо сказано, что малых народов в литературном плане нет, есть литературы малочисленных народов, которые нередко выдвигают великих писателей, есть молодые письменности и молодые литературы. Что же касается еврейской письменности, то ее возраст достигает трех тысячелетий, на ней созданы вечные литературные ценности — от «Песни песней» до Шолом-Алейхема, до Переца Маркиша и других основоположников советского периода в еврейской литературе.

Правление Союза писателей СССР выпускает вот уже двадцать пять лет большой журнал на языке идиш — «Советиш геймланд» («Советская Родина»). Допустим, что из-за языкового барьера это издание, завоевавшее у своих читателей в двадцати странах мира, помимо Советского Союза, прочную привязанность и любовь, не могло ранее внушить особых чувств тем товарищам из руководства литературным процессом, которые выдают целым литературам свидетельства о рождении, справки об исправном поведении, а иной раз и свидетельства о преждевременной смерти. Но вот теперь создан на базе «Советиш геймланд» ежегодник на русском, английском, французском языках. Первый номер русского варианта ежегодника уже вышел в свет, он получил высокую оценку. Почитали бы его, уважаемые руководители многонациональной советской литературы, прежде чем умелой рукой разложить в своем отчете по клеточкам все братские литературы за исключением одной — еврейской. Известно, что именно она, современная литература на языке идиш, занимает на протяжении многих лет боевой участок идеологической борьбы и справедливо названа фронтовой — в идеологическом плане — литературой. Как же можно ее полностью игнорировать как творческий коллектив, когда идет речь о наших творческих буднях?

Несколько месяцев назад издательство «Художественная литература» выпустило антологический сборник советской еврейской поэзии в переводе на русский язык. Это — парад той самой поэзии, которую наши идеологические противники, как говорится, списали с корабля, объявили мертвой, или, как они пишут в грязных антисоветских газетах, «ликвидированной». Вместе с тем это парад русских мастеров перевода, верных друзей еврейской поэзии. Ахматова и Заболоцкий, Маршак и Асеев, Смеляков и Светлов, Мартынов и Ушаков, Михалков и Наровчатов, Антокольский и Рыленков, Юнна Мориц, Владимир Соколов, Евгений Евтушенко, Лев Озеров, Римма Казакова, Александр Межиров, Яков Козловский, Юрий Гордиенко, Борис Слуцкий, Булат Окуджава, Марк Лисянский, Натан Злотников, Михаил Синельников, Вла-

димир Цыбин — вот какую мощную дружину выделила русская поэзия, чтобы донести до всесоюзного читателя непреходящие ценности советской еврейской поэзии. В предисловии к этому сборнику Валентин Петрович Катаев написал: «Советская еврейская поэзия рождена и всеми кровными нитями связана с Октябрем. Она устремлена в будущее. Вскоре после революции появились ее гимны Октябрю, стихи, звавшие к новой, социалистической жизни, утверждавшие ее идеалы. С тех пор ей не занимать патриотизма и боевитости. Заслуживает самого высокого признания и степень ее профессионализма».

Выходит, что имеет место некоторое несоответствие между тем, что делает для литератур малочисленных народов великая русская литература, ее мастера и творцы, и тем, как от ее имени поступают некоторые руководители.

Именно об этом я хотел вам сказать, дорогие товарищи, исходя из фактов, хорошо мне известных. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Нил Семенович Гилевич (Минск).

Н. ГИЛЕВИЧ. Я начну с непредвиденной реплики и прошу у председателя лишнюю минуту. Вы, наверно, заметили, что мне не понравилась ошибка Якова Козловского, который сказал здесь, что Василь Быков пишет по-русски. Не понравилось потому, что она таит в себе, я сказал бы, вредный смысл, таит некоторое благословение на не совсем хорошее дело: берите, мол, пример с Быкова, переходите и вы с родного на другой язык. И вряд ли стоило при этом ссылаться на высказывание Пушкина — мы живем в иное время и ситуация у нас совсем иная.

Дело в том, что Василь Быков пишет не на русском, а на белорусском языке, но он вынужден сам переводить свои произведения на русский. И делает это не от веселой жизни. Поначалу его переводили другие — и очень плохо, так, что искажалось подлинное лицо автора. И Быков стал переводить свои книги сам, и получается лучше. Из ошибки в выступлении Козловского следует вывод, что Василь Быков не белорусский писатель. А он — белорусский, только он сам себя переводит, — как и многие другие поэты и писатели из братских республик, — многие, но по этой же самой причине. Не думаю, что такую практику должно в принципе приветствовать: ведь на автоперевод уходит уйма времени и сил, которые тот же Быков мог бы истратить написание новых, столь ожидаемых читателем, повестей. Но — это тема особого большого разговора.

Товарищи!

На XXVII съезде КПСС было сказано, что перемены и преобразования, которые должны произойти во всех сферах общественной жизни страны настолько глубоки и масштабны, что по сути являются революционными, имеют революционный характер. Это значит, если мы не забыли смысл слова «революционный», в нашей жизни многое должно измениться самым решительным образом, основательно.

Но ведь такие перемены сами по себе не произойдут, их могут осуществить только люди. Мобилизовать людей на это великое всенародное дело, помочь им уяснить рожденные временем революционные задачи — к этому и призывает нас, литераторов, партия. Нужна необычная, грандиозная по масштабам перестройка общественной психологии, перестройка умов и настроений миллионов. От нас ждут помощи, но вопрос в том, началась ли эта перестройка в самой нашей среде? Все ли мы уже включились как следует в эту титаническую, рассчитанную на многие годы работу!

Прежде всего следует сказать о том, что настоящие, талантливые и честные писатели и поэты никогда от этой работы не отключались. Она всегда была смыслом их жизни, первой заботой души и сердца. Они всегда работали так, чтобы своим словом, своим стихом приводить в движение энергию совести. И откровенно говоря, зачем им ныне как-то перестраиваться.

Перебираю в памяти стихи и поэмы, к примеру, Пимена Панченко, Сильвы Капусткиной, Мустая Карима, Михаила Дудина, Дмитра Павлычка, Юстинаса Марцинкявичюса, Анатолия Вертинского, Павла Боцу, Бориса Олейника, Анатолия Жигулина, Евгении Янищиц, Леонида Лари, Арви Сийга, Бориса Шишавина, — не стану перечислять другие имена, не менее достойные, для примера достаточно и этих. Какие это хорошие, серьезные, глубокие поэты, и как их слово, сказанное и много лет назад, и вчера, годится сегодня, как нужно оно душе человеческой, чтобы эта душа стала чище, светлее и добрее, чтобы человек хоть немного поднялся как человек выше. Не думаю, что таким поэтам необходима какая-то переориентировка в магистральном направлении их творчества.

Точно так же, как и прозаикам Сергею Залыгину, Василию Быкову, Василию Белову, Григорию Бакланову, Валентину Распутину, Ивану Васильеву, Анатолию Соболеву, ну, — тут перечислять можно очень долго.

Точно так же и таким критикам, как Владимир Колесник или Игорь Дедков. Всего по стране это многие сотни имен, это большая могучая разноязыкая литература — могучая своей правдой, честностью, мужеством, замечательная своей несовратимостью с пути, которым она шла, идет и конечно же будет идти дальше. Дай только, боже, ей здоровья, да поменьше всяческих преград на пути к людям! Потому что на наши идеалы, на наши цели может работать только слово талантливое и честное. Бездарное и лживое народу послужить не может. А еще, и это уже зависит не только от Союза писателей, надо, чтобы эта талантливая и честная литература не отеснялась и не заслонялась от глаз читателя обильными плодами всяческого недостойного, спекулятивного и просто ничемного сочинительства. И чтобы имена действительно хороших поэтов и писателей не замалчивались, не загонялись в темный угол. Ловких и настырных сочинителей всегда было много, и меньше их, к сожалению, не стало. Похоже, что наоборот. Уроки нашей литера-

турной истории почему-то на пользу не идут. Вон как мелькали, гремели, превозносились некоторые стихотворцы в двадцатые, тридцатые годы, затем в сороковые — пятидесятые. Народу внушалось, что они-то и есть всемирнолишние, более того, лучшие из лучших, выдающихся, они-то, мол, и делают литературу. Но прошли годы, десятилетия, и что же? Кого из них сегодня можно, а главное, стоит читать? Хорошо, если хоть одна песня осталась, и то благодаря музыке.

Но практика светного мельтешения продолжается.

По адресу иных читатель просто вопиет: господи, до чего же этот товарищ уже надоел! Что ни телепередача — опять он, и опять — крупным планом. И опять — общие словеса! Да устыдился бы! Ведь нельзя же так мельтешить! Неприлично. Если ты даже и талантлив, все равно неприлично. Потому что ты не один в литературе, талантов много. Есть мнение, что эти вездесущие, неутомимые товарищи обладают общественной активностью. Что активностью — да, но надо ли ее приветствовать как общественную? Такая ли уж она ценная для общества? А если это просто самореклама? И остановиться эти товарищи сами уже не могут — привыкли?

О перестройке теперь больше говорят те, которые долгие годы долдонили впустую — то ли прозой, то ли стихами, то ли критикой. Но способны ли они на какую-то перестройку и главное — что толку будет с этого? Накануне XXVII съезда КПСС и в первые дни его работы один известный беллетрист успел выступить в печати пять раз на тему о том, как он воспринял документы партийного съезда и как он думает перестраиваться. В частности, он признался, что в результате услышанного на съезде он настолько поумнел, что теперь ему придется менять всю концепцию нового романа. Вот так — сразу будет менять всю концепцию, т. е. идейно-философскую суть произведения. Как рубашку или костюм — сменил, да и только! Нетрудно представить, чего стоила его прежняя концепция, да и чего будет стоить новая. Обыкновенная профанация самой идеи художественного творчества, обыкновенное угодливое «чего изволите?». О какой правде жизни, о каких уроках правды можно тут говорить? В данном случае, как видно, мы имеем дело с обычным примитивом. Но встает вопрос: почему в нашей такой грамотной, такой образованной стране, идейно плоское сочинительство, эстетически и нравственно убогое, примитивное — котируется по рангу Леонова, Быкова, Бондарева, поддерживается теми же регалиями, теми же многотомными собраниями сочинений и т. д. Разве не видно или не понятно, какой это наносит вред общему делу — делу духовного здоровья общества? Разве не ясно, как подобная санкционированная уравниловка таланта и серости вдохновляет серость на плодотворение?

Сегодня задач чрезвычайной важности является повышение гражданского звучания нашей поэзии, ее нравственного афоса, голоса совести. В этом устремлении особую актуальность обретает творчество тех поэтов-

классиков, для которых только что названные черты свойственны в наивысшей степени. В русской поэзии — это кроме Пушкина и Лермонтова конечно же Некрасов, Есенин, Маяковский, Твардовский. Но вот вопрос: достаточно ли мы ориентируем молодежь, в том числе творческую, на эти имена? На то, что в них воплощено и что за ними стоит? Недавно на экзамене профессор попросил студентку русского отделения прочесть что-нибудь наизусть из Твардовского. «Ну, что вы! — ответила она. — Твардовского я не люблю, это не мой поэт!» То, что у читателя могут быть свои предпочтения — понятно. Но поразительно, с какой легкостью, без тени смущения это было сказано. Даже с какой-то гордостью, с вызовом. «Твардовского я не люблю...» Но ведь Твардовский — это сама Россия, это русский народ, это совесть русской литературы и русской общественной мысли середины XX века! Есть имена, ставшие высокими символами, и с этим надо считаться, иначе — плохо, иначе — цинизм. Когда речь идет о таких именах — это не просто дело вкуса. Это, как говорится, — совсем другое дело. Это дело гражданской честности и человеческой совести, дело социальной и нравственной воспитанности. Твардовский — глубок и необъятен; все существенное в народной жизни, народной судьбе он охватил своим умом, душой и сердцем и воплотил в подлинно русском Слове, которое я пишу с большой буквы. Уходить от опыта, от уроков Твардовского — значит уходить от того, от чего поэтам отдалаться нельзя. Отвлекать от Твардовского — значит отвлекать от больших проблем народной жизни и неизбежно отвлекать туда, где властвует мелкое, второстепенное, эгоистичное, тщеславное... И тогда можно забыть и не думать о Чернобыле, о его потрясших всех нас уроках и думать только о себе, забываясь прежде всего о том, «изящно ли пляшу я» (Маяковский).

У болгарского поэта-сатирика Константина Павлова есть эпиграмма, которая в моем приблизительном переводе на русский звучит так:

Пускай от горьких дум совсем истаю,
Пусть говорят, что высок как скелет, —
Я ничего отвратнее не знаю,
Чем ожиревший в сытости поэт.

Речь конечно же не только о физическом ожирении, и меньше всего об этом. Речь о том, что к всенародной беде, как чернобыльская, нельзя прикасаться конфеточно-слащавыми, пошлыми стихами.

От чего зависит успешное развитие литературы или, напротив, что сдерживает ее развитие? Вопрос очень большой, сложный, многогранный, и кратко ответить на него невозможно. Хотел бы обратить внимание всего лишь на одну грань, которая, однако, мне представляется весьма и весьма существенной. Например, у нас в Белоруссии все больше выходит книг, написанных плохим языком — бедным, канцелярским, постным, худосочным, национально неестественным, калькированным. Выходят сборники стихов, удручающие косноязычием и элементарной неграмот-

ностью. Особенно это заметно в творчестве более молодых авторов. Да и книги некоторых известных писателей, прямо скажем, деградируют в языковом отношении. Но поскольку хорошая литература на плохом, убогом языке невозможна, это — аксиома, то естествен вопрос: в чем же дело, где причина этого тревожного явления? Ведь если причину не устранить — как будет дальше развиваться литература?

А причина — главная причина — известна: сильное сужение сферы употребления родного языка в республике, в массах населения и особенно — в школах, уже не только в городских, но и в сельских. Писатель живет не в безязыковом пространстве, он живет в среде определенного языка, которая неизбежно влияет на язык его произведений, язык, каким он пишет. Еще в Минске я прочитал вступительное слово О. Т. Гончара, которым он открыл недавно состоявшийся съезд писателей Украины, и мне более чем понятно, почему он с такой большой тревогой и такой глубокой озабоченностью говорит о родном языке, о преступно неуважительном отношении многих чиновников и мешан к этому величайшему творению национального духа, к этому фундаменту национальной культуры.

По моему убеждению, пришло время, когда рассмотрение этого вопроса на самом высоком уровне дальше отлагать нельзя. Все мы знаем, сколько вреда нанес волонтаризм в сфере экономики, хозяйствования, социального строительства. Об этом говорилось и говорится немало. Ну, а сколько вреда нанес он в области культуры, в области духовного творчества? Разве мы забыли, как всей советской поэзии в пример ставились графоманские стихи какого-то Пантелея Махина? Именно в период волонтаризма усилился нехороший крен в сторону, мягко говоря, беззаботного отношения к судьбе родного языка в Белоруссии, да и не только у нас, как я понял из выступлений собратьев — на Украине тоже.

В журнале «Коммунист» № 8 за этот год опубликована статья академика Ю. Бромлея, в заключительных абзацах которой говорится: «В осуществлении национальной политики КПСС, в реализации ее неизблемых ленинских принципов нет и не может быть мелочей. Следует постоянно помнить, что национальные явления — очень деликатная сфера, требующая большого такта как при ее изучении, так и особенно при решении практических вопросов». И далее: «Во всяком случае, очевидно, что требуется решительный поворот общественных наук в сторону более глубокого изучения реального содержания национальных процессов во всей их сложности и противоречивости. Именно на такой подход нацеливает нас партия» (с. 86). Как говорится, прекрасные слова и вовремя сказанные. (А плодись менты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Евгений Аронович Долматовский.

Е. ДОЛМАТОВСКИЙ. В эмоциональном докладе Егора Исаева отсутствовало одно имя, я не говорю — фамилия, а именно имя,

которое очень помогло бы нам при разборе проблем сегодняшней поэзии.

Маяковский!

(Голос из зала: «Все выступление было пронизано Маяковским. Даже слишком!»)

А я этого не почувствовал!

Что-то мы часто стали жаловаться: поэзия теряет свои позиции, ослабевают интересы читателей. В этом готовы мы винить всех, кого угодно, только не себя. А, наверное, надо и на себя оглянуться. Всем нам и каждому в отдельности ясно, что мы что-то упускаем, теряем какие-то связи — если не времен, то просто связи с людьми, с читателями, которые нам доверяют, но могут и охладеть к нам, а то — еще хуже — из-за нас — вообще к поэзии. Это очень тревожный, опасный и, может быть, даже кризисный момент. Мы, конечно, на сегодняшнем заседании и вообще на заседаниях не решим всех вопросов, но вместе думать и откровенно говорить друг с другом надо. Мало кому поможет, если мы будем сваливать вину за создавшуюся кризисную ситуацию на издательства, на радио и телевидение. У нас и так рекламы вокруг поэзии предостаточно.

Для примера: загляните в аннотации, мелким шрифтом отпечатанные на второй страничке любого стихотворного сборничка: нам представляют сразу, до прочтения, сплошь гениев! Невозможно читать аннотацию, но уже и в книгу заглянуть противно: авторы настолько великие, что не о чем говорить!

Ну, а если спокойно рассмотреть стиль статей и рецензий. Ложно трактуя смысл положительной рецензии, преподносим друг другу комплименты. Это рекомендации в ангелы, а не критика. Я против расправ и несправедливых оценок. Захваливание — тоже несправедливость, да и опасная. Я против такой несправедливости, тем более что она частенько оказывается примитивным проявлением групповщины.

Критика обязана исследовать, изучать опыт поэзии, мыслить... Разве это преобладало у нас в последние годы? Мы решили: мы — великая страна, само собой — у нас великая поэзия, значит, это величие отражается на каждом из нас. А в результате что? Станислав Куняев с этой трибуны жалуется: книготорговля не заказывает книг. Мы-то знаем — не всем поэтам так не везет, как Куняеву, но он готов обобщить ситуацию — так ему легче, разумеется.

Мы сами захвалили то, что недостойно захваливания, сами назначили «великих», а потом сетуем... А ведь под влиянием рекламы в отношениях писатель — читатель намечается перекосяк.

Необходимо покончить с рекламой. Неужели все еще не ясно, что реклама никому помочь не может?

Станислав Куняев в жажде популярности требует телевизионной трибуны для тех, кого читатель не слишком жалуется своим вниманием. Конечно, таким выступлением можно наwerbовать сторонников из тех, кто считает себя обойденным славой. (А мы все склонны считать себя по меньшей мере недооцененными, чего

греха таить.) А надо бы сказать спасибо тем поэтам, которые пробили путь на телевидение. Это наше общее, так сказать, коллегиальное достижение. Однако надо трезво смотреть и на телевизионный экран. Если поэт показали по телевидению, это отнюдь не значит, что телезрители с утра бросятся по книжным магазинам — за его книгами. Вдруг наоборот: познакомятся поближе, посмотрят на него и, даже если когда-то любили, разлюбят и понесут хранившуюся на полке книгу сдавать в макулатуру, коль букинист не купит. Все не так просто, и не стоит винить во всем недостаточную рекламу. Повторяю, она преобладает, но поэзии не легче, а для рекламируемых, но не читаемых — слабое утешение.

Помните статью председателя московской секции поэтов Валентина Устинова? Кризисную ситуацию он объясняет тем, что художники плохо оформляют книги. Наивно! К тому же прямой связи между качеством полиграфии и качеством поэзии не существует. Стихи в блестяще оформленной обложке еще бедней выглядят, если они слабы.

Помните трудные строки Маяковского:

Бывает —
выбросят,
не напечатав,
не издав.
Но слово мчится,
подтянув подпруги,
звенит века,
и подползают поезда
лизать
поэзии
мозолистые руки.

Боюсь, что нарушены нравственные устои литературной жизни. Разве не безнравственно выдавать все написанное поэтом и собранное под метелку за избранное, благо мало что соображающие в стихах плановики отпустили на каждый том серии «Избранные стихи» по двадцать печатных листов?

Вот этот груз и тянет поэзию на дно, а читатель не собирается бросаться в омут наших себелюбов, чтобы спасти.

Обстановка крайнего благопритствования опасна для слабых душ. Великая традиция литературы — дружба поэтов — опошляется манерами, получившими уже даже ироническое наименование — перекрестное опыление.

Добры молодцы, работающие в одной редакции, проталкивают в печать сочинения своих коллег из другой редакции, естественно, вознаграждаемые подобной же услугой. В этой суете разве останется время и будет у них желание работать с молодыми, искать таланты, то есть исполнять свои служебные обязанности?

Очень не хочется говорить о групповщине, но издательское особое расположение к «своим» и потворство выпуску книг «нужных авторов» создают нечто вроде материальной базы для групповщины.

Перекосяк заметен и в отношении к истории современной поэзии. Мы — очень эмоциональные люди, способны вдруг одного поэта вознести до небес, другого низвергнуть, а еще проще — забыть. Между тем именно сопоставление вчерашнего и сегодняшнего, равенство

на вершины может послужить развитию поэзии. Иного стихотворца читаешь и диву даешься — простым глазом видно, что он Маяковского не читал, о Есенине только слышал, а из современников изучил лишь поэму литературного деятеля, от которого зависит приобщение новичка к Союзу писателей. Грустная картина!

Сегодня Лев Ошанин восторгался в своей речи поэзией Николая Гумилева. Я тоже высоко ценю поэзию Гумилева и радуюсь тому, что она выведена из забвения. Но боюсь, что скоро придется удивлять новые поколения читателей, называя имена Николая Тихонова, Николая Асеева, Веры Инбер, Владимира Луговского. (Могут и другие имена назвать.) Когда последний раз издавались их книги, действительно избранное, составляющее гордость нашей поэзии?

Достаточно ли полно и объективно отражена история советской поэзии в издательских планах на годы вперед? Локтястые молодые люди пробиваются в эти планы, выталкивая всех, кто не может за себя постоять.

Ко всему прочему, антологии выпускаются крайне редко.

Так неужели история советской поэзии начинается от бурного публикации членов бюро Московского объединения поэтов?

Необходимы и исследования, создание научной истории советской поэзии. Нам надо историю знать, спокойно и внимательно рассматривать наше бесценное богатство.

Выход двухтомника Бориса Пастернака — большое событие в литературной жизни. Кстати, я полагаю, что предложение издать собрание сочинений Пастернака — правильное.

Ну, а как быть с «Доктором Живаго»?

Не будь злополучной истории с изданием «Доктора Живаго» на западе и вистопляски, поднятой вокруг книги нашими недругами, роман вышел бы у нас. Пастернак не хотел, чтобы на Западе издавали роман, я это утверждаю, потому что сам по просьбе Бориса Леонидовича относился к Центральной телеграфу его депешу в Италию — запрет на издание. Но с ним не посчитался опытный провокатор, фактически укравший рукопись.

Это была политическая история. Роман требует умного и серьезного разбора, впрочем, как и многие другие книги. А тогда у нас люди, не читавшие роман, обвиняли Пастернака, а на Западе поэта противопоставляли нашему обществу люди, тоже роман не читавшие: не литература их интересовала, они разыграли антисоветскую кампанию по своим нотам.

Очень хочется, чтобы наш съезд, проходящий в историческое время, оживил общественно-творческую жизнь родной поэзии. А она ослаблена, чего греха таить.

Ослабление поэтической жизни станет очевидным, если посмотреть на работу с молодыми. Комиссии по работе с молодыми существуют, но надо сказать, что комиссии не растут молодых поэтов. Не хочу бросать камень в председателя Всесоюзной комиссии по работе с молодыми Олега Шестинского — ему и так достается крепко. Но спросить его надо: а кого ты как поэт сам воспитал?

Одного... двух... А он мне приведет лишь цифры — на таком-то совещании было 20, 30, 40 поэтов. Нам не цифры дороги, а имена, книги яркие и необычные, оригинальные, голоса. Надо, чтобы каждый поэт «воспитал ученика»!

Ослабление поэтической жизни станет очевидным, если посмотреть на международную деятельность Союза писателей. Вот и зарубежные поэты — гости съезда — сюда не пришли, лишь один прорвался.

(Голос из президиума: «Мы их приглашали, сердечно приглашали!»)

А они не пришли, потому что нет этого в системе нашей работы. Иностранная комиссия Союза действует втайне от писателей. Очень неинтересно читать отчеты — как в секретариате несколько рабочих секретарей принимали такого-то зарубежного поэта. Им по должности полагалось принимать.

Но назовите встречи с зарубежными поэтами в городах, куда они у нас приезжали. Встречи с московскими поэтами. Нас усердно ограждают от этого. Вот характерный пример бюрократического отношения: приехал год назад в Москву великий поэт современности грек Янис Рицос. Сам попросился на прием в Союз писателей. Не приняли, отговорились — «не по нашей линии приехал».

Неужели бюрократия, которую с горечью можно назвать литературной, задушит наши живые связи, отношения живого поэтического мира? Ни в коем случае такого нельзя допустить!

Многое волнует и тревожит нас. Не подумайте, что мое выступление, как у нас со страхом говорят, негативное. Просто я хочу, чтоб было лучше, чтобы честь поэзии держали мы высоко.

Как нам жить дальше?

Альманахи «День поэзии» и сами осенние Дни поэзии понемногу увяли. Альманахи превращаются в папки со стихами, не прошедшими, точнее — отвергнутыми в журналах. Сто стихотворений ста поэтов — не разберешься.

Хочу предложить, может быть, не полный, но некоторый выход из застойного положения. Давайте создадим журнал «Советская поэзия». Во всем мире выходят журналы поэзии — тонкие, толстые, плохие, хорошие, самые разные, но бьется поэтический пульс, живет поэтическое общение. У нас бесчисленное количество ведомственных журналов. В лотарологию, наверно, на каждый из 32 зубов есть реферативный журнал. Уверен — в новые времена журнал «Советская поэзия» может стать настоящей трибуной, ареной честной критики, постановки вопросов и проблем. Конечно, в том случае, если условимся — пусть за его пределами останутся чуждые настоящей литературе приязнь и реклама.

Очень хотелось, чтобы мысль о журнале «Советская поэзия» прозвучала и на пленарном заседании съезда и была включена в его решения. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Джансуг Чарквиани.

Д. ЧАРКВИАНИ. «Поэт без Родины не может получить бессмертие» — сказал украинский поэт, наш дорогой Дмитро Павлычко. Спасибо вам за это!

В Грузии много не профессиональных поэтов, а профессионалов мало. Думаю, что так же обстоят дела и в других республиках, во всей нашей Советской стране. Дилетант хочет завоевать весь свет, а это уже беда.

Есть такой поэт — Галактион Табидзе. Вернее, его уже нет, но он все же рядом с нами, наш современник, только потому, что он великий. Великие поэты всегда наши современники. И поэтому интересен для всех уже ставший известным парадоксальный лозунг: «Вперед, к Пушкину!» Да, надо стремиться вперед и к Руставели, вперед и к Шекспиру.

Сегодня это особенно возможно. На XXVII съезде КПСС было громко сказано, что партия поклоняется таланту, уважает того творца, который ищет новые изобразительные формы в искусстве, в частности в литературе.

Что значит уважает? Кого уважают? Помоему, конечно, первым долгом уважают профессионала.

Я потому вспомнил Галактиона Табидзе, что он был истинный художник-профессионал. Человек огромного таланта — Галактион Табидзе жил поэзией; его боль, его радость, его стремления — все это называлось поэзией. «Поэзия — прежде всего», — так кончается каждая строфа одного из стихотворения «Поэзия — прежде всего»:

О друзья, лишь поэзия прежде, чем вы.
Прежде времени, прежде меня самого.
Прежде первой любви, прежде первой травы,
Прежде первого снега и прежде всего.

Обратите внимание — как строго и с каким отчаянием сказано: «Прежде времени, прежде меня самого». Уверенность поэта, самозабвенность в деле. Отсюда вера в поэта, это и есть профессионализм.

Интересно другое стихотворение, посвященное Родине, это стихотворение очень похоже на вышеназванное стихотворение. Оно кончается так: «Умирая, герой сказал: отчизна — прежде всего». Случайно, так просто на свете ничего не бывает. Для Галактиона Табидзе поэзия то же самое, что для героя Родина в последние минуты жизни.

С каким самоотвержением герой борется за Родину, с такой же самоотдачей поэт должен служить поэзии. Как и Родина поэзия должна быть для поэта на первом месте, прежде всего, в слезе поэта должна уместиться вся любовь к великой Родине.

Внутренние, экстрасенсные силы, страсти Галактиона Табидзе так вырываются наружу, что читатель это чувствует всем своим существом. Но одно несомненно, что этот пламень человек должен почувствовать с первого прикосновения, с первых рук. В переводах Галактиона Табидзе, так же как и в других переводах, пламень затухает и превращается в тепло. Вот мы уже подошли к вопросу о переводе, к вопросу, который до поры до времени до конца все-таки не решен. Кто должен переводить профессиональный талант? Конечно, такой же профессиональный талант, а не

простой переводчик, который только способен делать с подстрочников опустошенные, лишенные творческого огня стихоподобные строки.

Сегодня много спорят по поводу переводов, много разногласий, например, по поводу переводов Галактиона Табидзе, сделанных Беллой Ахмадулиной. Права ли она, когда ее переводы Галактиона Табидзе иногда расходятся с оригиналом?

По моему убеждению, если русский читатель должен почувствовать и принять этот перевод на родном языке, то, конечно, тогда она права.

По-моему, главное, перевод должен быть исполнен мастерски и на высшем уровне, подобен оригиналу, да, похож на оригинал. Главное все-таки передать душу поэта, дух поэтический. Я хочу вспомнить прекрасный перевод Николая Бараташвили, сделанный Борисом Пастернаком. «Синий цвет», который расходитя с оригиналом, точнее, похож на оригинал, то, что самое главное, — в переводе сохранен поэтический дух Бараташвили, утонченность, хрупкость его лирики. И если этот принцип приемлем, тогда и сегодня прекрасно переводят грузинскую поэзию известные русские поэты: Белла Ахмадулина, Юнна Мориц, Римма Казакова, Елена Николаевская, Наташа Соколовская, Александр Межиров, Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Владимир Соколов, Юрий Ряшенцев, Лев Озеров, Булат Окуджава, Станислав Куняев, Игорь Шкляревский, Михаил Синельников, Петр Вегин, Олег Чухонцев, Владимир Леонович и другие.

Я много перечислил и, наверное, многих, конечно, забыл.

Когда Белла Ахмадулина перевела стихотворение Галактиона Табидзе, она как бы извинилась, и в одной из своих маленьких статей так сказала о своем прекрасном переводе: «Так, приблизительно так, ведь это лишь перевод...»

Это прекрасное определение перевода: слово «приблизительно». Это замечательно и точно определяющее слово, употребить которое может только профессионал.

Да, главное на высоком профессиональном уровне исполненный перевод, который, конечно, хотя бы приблизительно передает то, что хотел сказать поэт. Да, так в поэзии, но, по-моему, по-другому и гораздо проще обстоит дело в прозе.

Вот в этом маленьком выступлении, точнее в тезисах, я говорил о поэзии и выделил два неотделимых вопроса: профессионализм поэта и перевод профессионального поэта профессиональным поэтом-переводчиком. Эти вопросы, наверное, должны гораздо серьезнее обсуждаться нашими литературоведами. А пока только спор и то иногда субъективный: неумеренный, разговор на уровне лишь переводчиков, иногда наивный, непрофессиональный.

Тот же Галактион Табидзе прекрасно сказал в одном своем стихотворении, которое так перевела Белла Ахмадулина:

Мир состоит из гор,
Из неба и лесов,
Мир — это спор
Двух детских голосов.

Мое маленькое выступление о поэзии хочу так закончить: большой мастер и профессионал должен переводить мастера и профессионала, если мы хотим сказать во весь голос: «Вперед, к Руставели! Вперед, к Пушкину!»

Благодарю за внимание. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Рачия Карапетович Ованесян (Ереван).

Р. ОВАНЕСЯН. В серьезной, одновременно живой атмосфере, проходит нынешний всесоюзный съезд писателей. Атмосферу эту создал дух XXVII съезда партии. Здесь прозвучит только искреннее и только полезное слово, и оно должно звучать с уст каждого без страха, без оговорок, пусть даже приемлемое не для всех участников съезда. Это наше чувство рождено сознанием высокого общественного долга писателя, ставшего в наши дни еще более реальным и нужным. Нельзя, конечно, сказать, что на прошлых этапах нашей жизни советские писатели были далеки от этого сознания. Но ни для кого, наверное, не секрет, что проявление общественного долга писателем в прошлом часто встречалось равнодушно, игнорировалось, иногда даже встречалось в штыки, а догматически, бюрократически мыслящими людьми — с неожиданными и беспочвенными политическими обвинениями.

Один из величайших мудрецов Древней Греции Платон считал, что государством должны руководить философы и поэты. Последующая история человечества показала, что это, увы, лишь неосуществимое желание. Но одно безусловно верно: если даже философам и поэтам нельзя доверять руль государства, то их мысль и опыт могут быть исключительно важны для государственных и политических деятелей, а посему с их опытом и мыслью необходимо считаться. Но, как я уже говорил, проявления общественного, гражданского долга писателя не всегда удастались должной оценки, уважения со стороны нашего государственного и партийного руководства. Только потом, годы спустя, выяснилось, что писатель был более прав, более дальновиден, чем официальные деятели своего времени. Во всяком случае, в жизни нашей республики таких фактов было немало. Еще четыре десятилетия назад армянские писатели во главе со своим патриархом Исаакяном, били тревогу по поводу бездумной, расточительной, опасной эксплуатации озера Севан, единственного более или менее крупного резервуара нашей республики. И что же? Некоторые ученые, а вместе с ними и высокопоставленные руководящие работники заклеили это общее мнение писателей как отсталое, как чисто эстетический, поэтический каприз, как плод невежественного заблуждения. И даже больше: чтобы заставить умолкнуть писателей, опровергнуть и начисто уничтожить их мнение, эти руководящие работники взялись тогда за самое недостойное и опасное оружие — демагогию, объявив писателей националистами и противниками социалистического строительства. Только когда озерная вода была дичайшим образом

растражирена, а уровень Севана упал на 20 метров, люди вынуждены были предпринять самые сложные, невероятно дорогостоящие меры, чтобы хотя бы частично восстановить ресурсы Севана, но все это уже потом, когда уже не было в живых ни мастеров литературы, ни тех ответственных руководителей.

И таких примеров, как я уже говорил, было немало. Помнится, еще годы назад армянские писатели в своих выступлениях предлагали в порядке эксперимента хотя бы в одном-единственном колхозе разрешить звеньевой или семейный подряд. Но на писателя, осмелившегося выступить с таким предложением, тут же навешивали ярлык врага социалистического строя.

Таково, к сожалению, было положение, так относились к проявлению писателем своего общественного долга, и, думается, таких примеров было немало во многих других уголках нашей страны. И отстоять свою гражданскую позицию — я уже не говорю о голове — такой вот активный писатель мог не всегда.

Наша страна переживает время энергичной перестройки. На наших глазах стала меняться не только действительность страны, но и сама психология человеческого фактора. Это сложный процесс, охватывающий все сферы жизни, в том числе и огромный и сложный мир литературы. И в нашей литературе, как и во многих других областях, немало было проявлений формализма — явления, столь сурово осужденного на XXVII съезде партии. Социалистическая революция и социалистическая действительность еще более углубили идею дружбы народов. Дружбу эту на всех этапах истории нашей страны мы берегли как зеницу ока. В этой связи мне хочется сегодня столь же искренне поделиться с вами некоторыми своими размышлениями.

Да, мы все друзья и даже больше, как обычно говорится, — братья по перу. Но, кажется мне, мы больше рассуждаем и глаголим о дружбе, нежели действительно дружим. В наших словах о дружбе, думается, должна звучать не столько патетика, сколько реальность простых и серьезных человеческих взаимоотношений. И посейчас мы, писатели, даже в обиходе, без бокала во славу нашего братства, опять и опять говорим о нем любезными словами традиционных тостов. Но вот встречаемся, давно не видя друг друга, и все это вдруг вмещается в такой примерно диалог:

— О-о!

Торопливые объятия, поцелун, а затем:

— Как дела, старик?

— Да ничего, потихоньку.

— Ну, привет, встретимся.

Такая вот встреча старых друзей постепенно заменяет чувство истинной дружбы, которая предполагает искренний сердечный интерес — к другу, к его стране, району, городу, даже к семейной жизни его, горю, радости, творческим успехам, к волнующим обоим вопросам, общим литературным проблемам. При отсутствии точной, взаимной информации, т. е. в условиях равнодушия и индифферентности мы продолжим по-прежнему плохо знать своих друзей и их литературу. Только в подобных условиях мог видный украинский писатель

обнять, расцеловать и пожелать новых творческих достижений известному армянскому писателю по случаю его юбилея, в то время как этот армянский писатель скончался давно, еще в 1937 году. (С м е х.)

Именно в условиях такой вот неосведомленности может русский писатель и критик считать вершиной армянской прозы икса, а поэзии — игрека, — писателей с весьма скромными именами, ставших еще более скромными, а то и вовсе забытыми после их физической кончины.

Товарищи!

В советской поэзии всегда живо было чувство гражданственности, всегда ощущалось в ней тяжелое дыхание трудных времен и радость побед. Но давайте не забывать, что наша поэзия — это и поэзия нравственных идеалов. Этим она связана с древними и бессмертными традициями поэтического искусства всего человечества. К сожалению, в нашей поэзии, откликающейся на самые жгучие вопросы времени и истории, иногда теряются кажущиеся на первый взгляд неглавными, но всегда близкие и созвучные человеческой душе мотивы. Просто удивительно, что в советской прозе отражение интимных, чисто человеческих чувств занимает гораздо большее место, чем в рожденной именно для этого поэзии! Поэзия интимных чувств одно время пренебрежительно называлась альбомной. Я же осмеливаюсь выступить в защиту именно этой альбомной поэзии. Ведь именно из-за такого отношения к ней сегодня наше юное поколение в своих школьных альбомах, тетрадках, сочинениях и просто в общении меж собой обращается к Пушкину, Лермонтову, Фету, Блоку. А это значит, что поэты, жившие не то что за 60 — 70 лет до нас, а и за 150 лет, гораздо родней нашей душе, точнее и вернее передают все оттенки наших чувств, чем даже самые знаменитые поэты наших дней. То же самое я бы сказал и о композиторах. У нас, например, мои друзья-композиторы в волнующие для себя минуты или в часы досуга поют вовсе не написанные ими же мелодии, а вспоминают народные песни или городские романсы. Удивительный парадокс! Мы говорим о морали и нравственных ценностях, о примерах высокой человечности, но днем с огнем не сыщешь в нашей печати и книгах проникнутых простыми и глубокими чувствами стихов о любви и дружбе — все те мотивы, которыми в недавнем прошлом, да хотя бы и в годы Великой Отечественной войны, полны были наши газеты, разумеется, наряду с яркими и звонкими гражданскими мотивами.

Еще одно замечание. Мне кажется, что нынешняя наша поэзия страдает излишней многословностью, описательностью и прямолинейностью. Вне стихов часто остаются подтекст, многоточие, пунктир, емкость объема, тонкость формы, важность и необходимость декламационной паузы. И еще: мы должны научиться у наших классиков не только многообразию жанров, но и многообразию форм. Мне кажется, что профессиональный любитель поэзии ждет от нас не только поэм и стихов, но и хочет видеть и читать

баллады, сонеты, триолеты, дистихи, четверостишия, словом, все те поэтические формы Востока и Запада, которые всегда были близкими и далеким от нас Гёте и Пушкину, и не столь далеким Блоку и Цветаевой. Есть, конечно, свои исключения в поэзии наших братских народов, однако впечатление таково, будто нынешние наши поэты, теоретически восхищаясь сокровищами поэзии прошлого, на практике страшатся показаться архаичными. На мой взгляд, это ставит совершенно ненужный искусственный барьер между нашей сегодняшней и вчерашней поэзией, разрушая великие и жизненно важные ее традиции. Но ведь призрак футуризма очень давно перестал страшить нас.

Вот те мысли, которыми я хотел поделиться с вами. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Джабир Мирзабекович Новруз (Баку).

Д. НОВРУЗ. Дорогие товарищи! Все мы смело вступили на путь больших перемен. В этом живом процессе каждый должен знать свое место — и рабочий, и писатель, и поэт, трудиться дерзновенно, отойти от устаревших, отживших понятий и привычек. Уже миновало время высокопарных пустых словес, лозунгов, решительные шаги нашей партии, ее новаторские поиски, грандиозные созидательные планы, предание гласности и искоренение имеющихся недостатков при широчайшем участии масс как новый стиль работы, — все это пробуждает в наших сердцах крепкую уверенность в завтрашнем дне. За истекшие годы наша поэзия добилась определенных успехов. Создано немало стихов и поэм, которые по своим идейно-художественным качествам отвечают требованиям времени.

Я бы хотел начать разговор о нашей поэзии с живого классика, которому недавно исполнилось 80 лет, делегата всех съездов советских писателей, народного поэта Сулеймана Рустама. Стихи, опубликованные им в последние годы, вновь наполнены высокими гражданскими устремлениями, это поэтический отзвук больших событий нашей беспокойной эпохи.

Прекрасно сказано, что край, где женщины умеют петь песни, где они могут свободно взяться за перо и слагать стихи, — это счастливый край. Одна из таких женщин с высокой, счастливой судьбой — это наша народная поэтесса Мирварид Дильбази и ее большая поэзия — неувыдаемая, добрая и человечная.

Сегодня в многоголосой советской поэзии, но и за пределами страны слышен мощный голос Наби Хазри. Новые поэмы, драма в стихах «Меч, вонзенный в землю», а также его поэтическая книга «Капли с океана» еще раз убеждают нас, что Наби Хазри переживает пору творческой зрелости и мудрости.

Эти же слова можно сказать о поэте Бахтияре Вагабзаде. Не так давно за книгу стихов «Мы на одном корабле» он удостоен высокого звания лауреата Государственной премии Советского Союза. Я хотел бы назвать с этой трибуны имени активно и плодотворно работающих поэтов — Балаша Азероглы, Гусейна Ариффа, Касума Касумзаде, Габиля,

Наримана Гасанзаде, Сохраба Тахира, Мамеда Араза, Халила Рзы, Фикрета Садыха, Фамиля Мехти, Фикрета Годжи, Мусы Ягуба, Мамеда Исмаила, Исы Исмаилзаде, Давуда Насиба, Агасафы, Сабира Рустамханлы, Нусрета Кесеменли, Чингиза Алиоглы, Вагифа Бахманли.

Значит ли это, что в азербайджанской поэзии все гладко и хорошо? Отнюдь нет, имеются проблемы и они нас беспокоят в первую очередь. Должен прямо сказать, что все меньше и меньше поэтических образцов, которые затрагивали бы глобальные проблемы нашего времени, где ощущался бы высокий гражданский накал. Часто можно встретить в стихах самолюбование, бытокопание. Порой излишняя камерность, интимность, свидетельствует о мелких, немощных чувствах лирического героя. В печать проникают стихи, больше похожие на сплетни и злословия, чем на продукт художественного мышления. Одной из немаловажных проблем является также безудержный поток в современную поэзию. Стихи пишут и талантливые, и безталантные, и далекие от литературы, и околотературные. Пишут домохозяйки, старики пенсионеры, милицейские работники, юристы, с особым увлечением погружаются в поэтический мир чиновники, вышедшие в отставку. Некоторые даже пишут в редакцию: «Напечатайте мои стихи, гонорар вам, мне нужна только слава». Вот таким образом сомнительные опысы переполняют портфели газет и журналов, отнимая массу времени у работников редакции.

В контексте общесоюзной поэзии мне бы хотелось затронуть еще несколько вопросов. И один из них — это художественный перевод. Здесь тоже небывало усилился своеобразный поток и наметились опасные тенденции массовости, ведущей к ремесленничеству. Массовость в переводческом деле приводит к безответственности, тогда как перевод как творческое начало сугубо индивидуальное явление и требует самоотверженного, духовного подвига. Ведь недаром говорят, что перевод — это равно что переливание крови. Только с тем условием, чтобы группа крови была бы одинаковой. Еще в свои молодые годы, незабвенный Самед Вургун, переводя «Евгения Онегина», чувствовал духовную родственную связь с гениальным русским поэтом. Именно поэтому поэма «Евгений Онегин», произведение чисто национальное, глубоко русское по духу, стала национальным сокровищем, достоянием азербайджанского народа.

Я бы хотел в этой связи привести имена поэтов, которые систематически занимаются художественным переводом и смотрят на него как на оригинальное творчество. Один из них — безвременно ушедший из жизни Алиага Кюрчайлы — переводил Есенина, а другой — Тофик Байрам — продолжает переводить Расула Гамзатова. А Наби Хазри так перевел известную поэму Бориса Олейника «Заклинание огня», порой кажется, что украинский брат наш писал на азербайджанском языке.

Но иногда, к сожалению, бывает совсем наоборот. Глядишь — какой-нибудь поэт, переводчик собирает в кучу разноименных,

разнохарактерных, порой совершенно противоположных друг другу по стилю, поэтике авторов, и начинает их скопом переводить. Где уж тут говорить о кровном родстве! Подобная поэтическая «смесь», переводимая конвейерным способом, лишь засоряет советскую поэзию. Поколения благодарно помнят, что в 30—40-е годы было иначе. Тогда, чтобы познакомиться всеоюзного, а вместе с ним и всемирного читателя с образцами молодой азербайджанской советской поэзии, к нам приехали Н. Тихонов, К. Симонов, М. Светлов, В. Луговской, П. Антокольский, М. Алигер, А. Адалис, Евг. Долматовский. Они объездили нашу республику, познакомились с ее людьми, вдохнули аромат и свежесть азербайджанской земли. Они подружились с поэтами, писателями, вошли в их внутренний мир, а затем каждый из них, по естественному отбору и порыву души, стал переводить того, кто оказался ближе ему. Конечно, и сегодня мы знаем способных, талантливых переводчиков, которые глубоко чувствуют наш народ, понимают и любят его поэзию — прошлую и настоящую. И все же мне кажется, что делается еще очень мало, чтобы донести до всеоюзного читателя чарующее обаяние азербайджанской поэзии. В этом может быть вина в первую очередь за нами.

Тревожит меня и другое. В статьях и выступлениях в центральной печати, на литературных собраниях, на страницах газет и журналов в стандартно-застывшей форме приводится долговременный список все одних и тех же имен. Я был участником пяти съездов, слышал те же имена. В жизни меняется все, а магические имена почему-то остаются неизменными.

Или бывает так. Смотришь, стихи поэта, которого абсолютно не знают у себя на родине, бойко публикуются в центральной печати. «Пробивной» автор находит себе «пробивных» переводчиков, какими-то средствами прокладывает торную дорожку в газеты и журналы, даже выпускает книги в центральных издательствах. Странное явление. Вместо того, чтобы из республики выйти на всеоюзную арену, такие «горе-авторы», «горе-поэты» со всеоюзной арены властно «идут в республику и требуют к себе должного внимания» и любви. Забывая о том, что народ за любовь к себе платит любовью.

Хочу затронуть здесь еще один вопрос. Это, мягко говоря, равнодушно отношение центральной критики и печати к нашей литературе. Частенько и на страницах «Литературной газеты» появляются обзорные статьи о советской поэзии, где современная азербайджанская поэзия при этом почти не упоминается, если упоминается, то вскользь. Говоря об этом, мы вовсе не просим подаяния, но мы требуем справедливости. Скажите, как оправдать то, что в составе редакционных коллегий центральных литературно-художественных газет и журналов нет ни одного азербайджанского писателя? Один М. Ибрагимов был в редколлегии журнала «Дружба народов», и того почему-то не стало. Или вспомните, хоть один поэт наш выступил в Останкино? Или как оценить то, что на литературу

ных форумах, международных встречах поэтов ни разу не принимали участие представители Азербайджана?!

Товарищи!

Осенью этого года в Азербайджане будет отмечаться 80-летие Самеда Вургуня. Наш народ серьезно к этому торжеству готовится. До осени осталось немного. И мы приглашаем вас на этот праздник, который будет праздником народной, идейной, истинно гуманной поэзии.

Ровно 32 года тому назад на II съезде писателей СССР в конце своего блистательного доклада о советской поэзии Самед Вургун уподобил нашу поэзию орлиному полету и говорил: «Есть перед нами и большой простор. Это простор нашей поэзии, нашей социалистической действительности. Есть и высота для больших взлетов — это высота наших коммунистических идеалов». Да, так было вчера, так есть сегодня, так будет завтра. (А плодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет секретарь Союза писателей СССР Олег Николаевич Шестинский.

О. ШЕСТИНСКИЙ. Уважаемые товарищи! Я коснусь ряда вопросов, не новых для нашей литературной жизни, но не теряющих своей постоянной актуальности.

Докладчик Исаев, содокладчики Куняев и Цыбин поставили важную проблему развития советской гражданской поэзии. Гражданская поэзия сегодня — это борьба за духовную нравственную перестройку общества. Голос Маяковского приобретает ныне особую современность.

Но порою происходит странная вещь: в речах, выступлениях мы всячески восхваляем, поддерживаем гражданскую поэзию, а лишь дойдет дело до публикации острых политических стихов и поэм, направленных своим пафосом против империализма, сионизма, расизма, — и редактор задумывается: мол, не слишком ли «хватил» поэт, не обидит ли он кого, соответствует ли поэзия данной политической установке. Но поэт — имеет право в своей эмоциональной взволнованности сказать резче и прямее, чем может себе позволить официальный орган. А равнодушному редактору проще километрами публиковать вторичные и третичные стихи о березках и солнечных полянках, чем пойти на риск публикации страстной гражданской полемики. В такие ситуации попали поэты творчески и близкие, и далекие мне. Но поэты мыслящие современно, не рутинно. Из своего опыта вспомню, что, когда США наложили эмбарго на продажу зерна Советскому Союзу, я написал стихи, обращенные к Картеру. Американский журнал «Тайм» опубликовал на меня карикатуру с хлесткой репликой. И я горжусь этим, — значит, задело тех, кого я хотел задеть. Но, кстати, редактор, когда я публиковал эти стихи, попросил меня снять строфу, где упомянулось слово «Аляска», — мол, как бы американцы не подумали, что мы имеем на нее виды.

Я несколько не отрицаю любовной и пейзаж-

ной лирики. Это было бы просто глупо. Но признаем, что гребень волны — это гражданская поэзия и подвергается она разным нападкам — и эстетствующих, и трусоватых, и тех, кто не согласен с идеями, заложенными в ней. Такое негативное отношение к гражданской поэзии наблюдается порою и в поэзии братских социалистических стран.

Недавно я познакомился с материалами литературной дискуссии в Болгарии. Молодой критик, выступающий по проблемам поэзии, как бы не заметил в своем докладе общественно значимые произведения крупных мастеров, вынося на передний план книги способных, но не определившихся еще творчески поэтов. И я подумал тогда, что самый коварный и обидный вид критики — это умолчание о поэте. «Пиши, мол, даже печатайся, а вот при оценке поэзии мы тебя вынесем за скобки. Нет тебя в ней». Все вежливо делается, не обсуждается — а из литературного процесса поэт изымается. По разным причинам такое делается, но в основе — не хозяйское отношение к поэзии.

Как горько сознавать, что ряд не так давно ушедших от нас поэтов-воинов, поэтов-граждан, накалявших нашу поэзию гражданскими, патриотическими токами, сегодня еле-еле пробивается к сознанию нашего молодого читателя. К примеру, назову только некоторых поэтов-ленинградцев. Это и Вассарион Саянов с его пламенным обращением к современнику:

И путиловский парень, и пленник,
полоненный кайенской тюрьмой,
все равно это твой современник
и товарищ единственный твой.

И Александр Решетов, сказавший с пронзительным сыновним чувством:

Отца и мать не выбирают —
какие есть, таким и быть.
Не знаю, кто родному краю
обиду смеет предъявить...

И Борис Лихарев, внесший свою лепту в поэтическую летопись Отечественной войны, воспев освобождение Северной Норвегии. И Леонид Хаустов, Владимир Торопыгин... Вчитывайтесь в их книги и вы ощутите, что лучшими своими работами они с нами, в сегодняшнем кипучем времени. А их сборников не видно в книжных магазинах; радио, телевидение, газеты молчат о них. Не по-хозяйски это.

Не по-хозяйски обстоит дело и с рядом ныне активно работающих поэтов, живущих в стороне от Москвы и Ленинграда. Вот некоторые из них: Александр Романов из Вологды, Владимир Гордейчев из Воронежа, Федор Сухов, карел Яакко Ругоев, якут Иван Гоголев. Да, их издают, публикуют. Но гуманистической, ярко патриотической сутью своего творчества они заслуживают, чтобы критика обратила на них внимание, как на основополагающий слой нашей советской поэзии, эстетически в полной мере определила бы их роль в поэзии.

Особую заботу мы должны проявлять к нашим молодым, которые вступили на путь гражданского осмысления действительности. В ряду многих имен назову В. Шленского, Г. Красникова, Ю. Полякова, А. Пшеничного. Удастся ли им с поэтической смелостью, подавив опасливые оглядки на редакторскую осторожность, внести в гражданскую поэзию новое качество? Надеюсь на это, у них есть серьезная удача, но порою они сбиваются на проторенный путь, занимаясь повторением пройденного. В этом трудности их роста, как и трудность роста всей нашей поэзии.

С вышесказанным смыкаются и некоторые чисто практические вопросы.

Книготорг утверждает, что заказы на поэтические сборники уменьшаются. Издательство, как следствие этого, снижает тиражи. На первый взгляд, вроде бы все ясно. Но только на первый. Ведь что любопытно: падают заказы и на книги известных, хороших поэтов. У книготорга одно объяснение — поэты пишут так, что не вызывают интереса у массового читателя. А мне думается, что в самом книготорге работа по заказу книг поставлена слабо, осуществляется зачастую работниками, мало знающими литературу, заказы определяются «на глазок». Это признают и сами ответственные деятели книготорга. Так, по рекомендации СП одной из прибалтийских республик вышла на русском в центральном издательстве книга даровитого поэта. А местный книготорг отказывается ее брать на том основании, что имя автора им неизвестно.

Вдумайтесь в цифры: в Москве 206 книжных магазинов, 287 книжных киосков. Если бы они взяли только по 20 экз., был бы обеспечен тираж в 10 тысяч экземпляров. И это только в одной Москве. Но вообще для того, чтоб продавать поэзию, должен быть за прилавком продавец — советчик, пропагандист поэзии, любящий ее, а не вззирающий сонно на книжные груды. Много ли у нас таких продавцов? Утвердительно не ответишь. А ведь в книжных магазинах в городах, отдаленных от Москвы, явная недостача поэтических книг. Не раз мы были свидетелями, как на поэтических вечерах читатели просили поэтов поставить автограф на пригласительных билетах, не имея в наличии их книг. Наверное, вопрос можно поставить так: книготорг со своей заказной и распространительной системой тормозит издательскую работу, и выводы книготоргу надо делать самые существенные, решительные.

Необходимо работу по заказу книг книготоргом вершить не келейно, а в тесном контакте с издательством, с местными союзами писателей. Вникать в тиражную судьбу каждой книги. Иногда говорят: ваша книга не собрала тираж. Разве книга сама собирает тираж? А что делают люди? Надо, чтобы они были ответственны за свое дело.

Я хочу бросить камень несогласия в адрес Е. А. Долматовского. По-моему, нужна книге реклама и пропаганда.

Издательство «Советский писатель» уже много месяцев собирается создать такой совет, но, к сожалению, пока видим только благие пожелания. «Советскому писателю», как го-

ловному писательскому издательству, следует показать конкретный, деловой пример в этом важном деле.

Существует в стране Всесоюзная книжная палата. Серьезное учреждение, занимающееся статистической работой. Но Палате следует в большей степени обратиться лицом к живой жизни советской литературы, начать вести целенаправленную социологическую работу, выявлять читательский спрос на книги, выявлять развивающиеся тенденции читательского интереса к текущей литературе.

Широкой литературной общественности незнакомы конкретные плоды трудов Палаты, а литературная общественность хотела бы ощутить реальную полезность ее.

В стране идет перестройка революционного типа. О перестройке легче говорить, чем ее осуществлять. Но, если мы по духу своему хотим быть народными писателями, мы обязаны совестливо, без демагогии, вглядываясь предельно честно в свои поступки, создавать тот нравственный климат, в котором любое дело пойдет споро.

Заканчивая, скажу: у каждого поэта свой путь. Никто никому не может перейти путь, но каждый может и должен помочь в пути своему товарищу добросердечием, участием в его делах, честностью. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Марис Албертович Чаклайс (Рига).

М. ЧАКЛАЙС. В настоящий момент создается впечатление, что с наполненным чрезмерным прославлением и самодовольством надутым матрацем, где ничего не стояло, например, начинающего посредственного литератора сравнить с Габриелем Гарсиа Маркесом, совершаются прыжки в канаву всеобщего охаивания.

Уничжительное отношение к процессу вообще в некоторой части нашего общества воспринимается с возмущением. Еще недавно эти люди указывали писателю, как писать, композитору — как сочинять, деятелю кино — как снимать фильмы. Мы так долго занимались перечислением и восхвалением ступеней непрерывного роста читателя, что наравне со зрелым читателем вырос и невежда, у которого, как писала Алла Латынина, руки чешутся, который критическую статью воспринимает как закон, как приговор в последней инстанции.

Это напоминает надпись, которую я видел на стене дома в ФРГ: «Я не знаю, что я хочу, но я знаю, что мне очень хочется воевать».

В последней книге Ояра Вацетгиса «Предначертание», которая вышла уже после смерти поэта, читаем:

Мы — не зубные щетки эпохи
и не чистильщики обуви ее. Мы —
кровь эпохи, от нашего течения

зависит,

насколько наша эпоха жива,
сколько и как проживет и —
будет ли существовать вообще.

Человек —
это эритроцит своего времени
и эпохи.
(Подстрочник)

Какие глупости в свое время приходилось выслушивать Ояру Вацетису по поводу его поэмы «Эйнштейниада» — абсурдные упреки. Сейчас — это наиболее переведенное его произведение. С «Эйнштейниады», в сущности, начинается новый виток в развитии латышской поэмы.

«Чем огромней душа человека, тем отчаянней борется он за нового человека в себе». (Перевод А. Ревича).

Когда мы эту цитату из «Эйнштейниады» читаем на стене капитанской каюты танкера «Ояр Вацетис» как лозунг, как программу к действию, убеждаемся, что время — союзник хорошей литературы. Но времени нужно помочь. Думаю, что настал час сказать правду об этих произведениях и о тех упреках конкретно, обстоятельно.

Это необходимо не затем, чтобы копаться в чем-то неприятном, а для того, чтобы наша память, наше мышление получили достойную честную основу.

Время, конечно, изменилось, и теперь чиновник, нападавший лет 20 назад на «Эйнштейниаду», в умилении аплодирует, когда ее читают со сцены Колонного зала...

Каждый настоящий поэт берет время горячим, не перчатками, — голыми руками, нервами, предчувствием.

Чувство времени, нерв эпохи — это вовсе не означает необходимости лишь такой динамичной взволнованности, такой напряженности, какая в латышской поэзии была только у Ояра Вацетиса. Например, поэзия Иманта Зиедониса расширяет границы, высвобождает пространство, дает возможность дышать воздухом осознанной свободы. Точна в своей беспощадности книга Яниса Петерса «Перепись населения». Существенна роль в творчестве самого автора и в нашей поэзии этого периода его поэмы «Ночь после народной песни».

Большие изменения коснулись нашей поэмы. Поэмы «Алчное поле», «Голод без сопровождения» Ояра Вацетиса, «Поэма о хлебе» и «Поэма о молоке» Иманта Зиедониса, исторические поэмы Визмы, Белшевиц, поэмы Берзиньша, Аузыня, Людена, Якайтиса и др. Раскрыть, какова она, куда ведут пути ее развития, пока оказалось непосильной задачей для нашей критики.

Поэме должно быть уделено подобающее внимание и в периодике, и в издательстве, а также при оценке критикой созданного в этом жанре за последние 15—20 лет. В этой связи надо знать в общих чертах, как развивается поэма в Союзе. Предлагаю организовать в Риге всесоюзную или региональную встречу критиков и поэтов, посвященную жанру поэмы.

Прикоснись ко вселенной в одной точке, и ты прикоснешься к ней везде — говорит поэт. Заметим только, если в твоей руке заключены воля, напряжение, которые превращаются в магнит, — никакие измерения авторской тож-

дественности не помогут, если поэтический герой выражает хилую, примиренческую, капитулантскую душевную настроенность.

Я не говорю о сомнениях, мучениях, кризисных ситуациях — это естественное явление.

Речь идет о том, чтобы во имя понятия правдивости мы не стали возводить на пьедестал дряблую рефлексию, подхихкивающую иронию, глупые причуды.

Главным недостатком нашей поэзии по-прежнему является то, что все еще слишком мало она живет социальной, национальной жизнью нашего народа.

В общественной жизни, как сейчас признаем, нами преодолен период, богатый разными отрицательными явлениями. Не было ничего удивительного в том, что наряду с усиленным интересом к гадалкам, в воздухе летали восторженные возгласы о надвременном.

Невысказательность поэта, видите ли, может оказаться «кажущейся», ибо за каждым из апробированных образов или же как будто бы нарочито сделанными рифмами кроется надвременный мир культуры, который искрится, сверкает при чтении.

«При такой установке, — продолжаю цитату, — все атрибуты реальности, которые по его мнению (по мнению данного поэта) не достойны вечности, которые он не в состоянии перековать в серебро, остаются за воротами его мира».

Значит — орден за ничегонеделание!

В этом направлении работает и такое утверждение: «Принимая, что человек и земля — это минимальные ценности, а вселенная и душа человека — максимальные, становится возможным проследить поэтическую амплитуду сборника».

Это потому, что, оказывается, «стихи автора произрастают на почве, не обедненной реальностью».

Ну, милые, зачем же мы тогда тут собираемся, строим планы, обсуждаем программы, обедняем почву, на которой могли бы произрастать гомункулы, достойные надуманной вечности. Надуманные, искусственные гомункулы. Ибо живая литература требует живого, теплого, заинтересованного человека. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Сорокин Валентин Васильевич.

В. СОРОКИН. Яков Козловский просил меня передать вам, что в своем выступлении относительно переводов произведений В. Быкова он допустил ошибку.

Спасибо Дмитрию Павлычко, Нилу Гилевичу, Станиславу Куняеву, Абдулле Арипову за мудрые и прекрасные мысли.

Уничтожаются границы между талантливым поэтом и графоманом-приспособленцем. Идет борьба за звучание имен, а не за достоинство произведений. И уважаемый поэт и графоман могут теперь получить медаль одной и той же цены и пробы. А иной за очередной знак похвалы готов продать и мать родную.

Не знаю, кто как, а я, например, устал от пустопорожнего звона медалей и орденов

на одних и тех же литературных пиджаках. В дни, когда наша страна пытается отбросить паутину, высветить человека и его волю к движению вперед,— густые звоны медалей и орденов на фоне общей тревожной отсталости не каждому певцу делают честь, не на каждой груди выглядят достоверно. (А пл одисменты.)

Так хочется прочитать щедрую статью в столичном журнале или газете о волгаре Николае Благове, сильным духом, красивом слогом, которого знают, любят и понимают во глубине России, но нет ему уважения и заботы от столичных богомазов, делающих творческий лик и погоду... Эти литературные богомазы давно погрязли в унылой родственности, династичности, бесхребетности и лакейски услужливой суете.

Прошедший войну, написавший тревожные, неотторжимые от нашей действительности книги, Федор Сухов многие годы не слышит о себе ни одного честного хозяйского слова. Федор Сухов живет в Горьком, а на много моложе Сухова, поэт Виктор Коротаяев, живет в Вологде, но судьба его близко схожа по ее замалчиванию, по нежеланию критики говорить о его мужественном творчестве,— схожа с судьбою Николая Благова и Федора Сухова.

Более трех десятков лет звучат на устах критики, распухших от заказного богослужения, одни и те же имена. Более трех десятков лет! Не слишком ли обветшала картина? В нашей родной России знаменитое однообразие имен — дело горько-привычное, упорно гробовое, но ведь и во многих наших республиках царствует также идея — как можно меньше давать честных имен... набивать цену одним и тем же.

И еще находятся глашатаи из проржавевой обоймы, которые серьезно заявляют с телеэкранов и со страниц газет СССР — мы, кроме нас, никого в поэзии нет, и вообще кроме нас — беспозэты! Слово «беспозэты» — вроде смаущающегося плевок в лицо другу.

Александр Пушкин искал и обеденял вокруг себя все красивое, талантливое, благородно возвышал друзей, давая их именам полет, а наши, собратья, обвеянные тощим ветром сомнительного бессмертья, отвергают сам народ, поскольку беспозэты — есть трагическое выражение бездуховности народа, его окончательного безверья в идею, в силы и нравственность собственного государства.

Если организаторы имен, создатели дежурной славы утверждают первое, т. е. наличие в стране беспозэты, то нечистоплотно с их стороны не утверждать второе — полное разложение народной надежды и правоты. Что ж, может, потому и на место лирики и пафоса явилась неудержимо растрепанная пародия? Она заменила нам Пушкина, Блока, Есенина, Маяковского, она — царица экрана, она на полосе газеты, на сцене, на трибуне и даже — на народном празднике. Да, действительно, где молчит пророк, там кривляется горбатый шут!..

Неужели бесактная пародия выше даже тех, кто густо и нарастающе звонит золотом? Ведь русский народ, как и любой брат-

ский народ, живет и действует, значит — живет и действует его родная поэзия!

Тяжелая у нас земля. Как одиноко погубил Есенин! Как трагически был замкнут и отторгнут Блок! Как грубо был убран Павел Васильев. Как ссутулился и не преодолел себя Дмитрий Кедрин!.. Как захлебнулся застойной равнодушностью Николай Рубцов! Но они-то искренне преклоняли головы перед другом-поэтом, перед дедовским холмиком, перед Родиной!..

Их выдвинул сам народ наперекор бесстыдной безродности, трескотне и халтуре, наперекор социальной нищете, с одной стороны, и социальному обжорству — с другой! Пока народ жив — жива его вера в труд, в песню, эта вера, как продолжение присутственности физической твоей, в твоих дорогах тебе детях!..

С честными книгами идут к читателю москвич Игорь Ляпин и ленинградец Александр Шевелев, челябинец Геннадий Суздаев.

Тема войны, утраты звучит в стихах Сергея Поделкова, Виктора Кочеткова, Михаила Львова, Алексея Маркова, Виктора Федотова, Николая Старшинова.

Не надо стыдиться глядеть в глаза другому, гляди — и ты найдешь в них ту же, твою, тоску о справедливости в себе и на земле, найдешь в них ту же, твою, скорбь о погибшем отце, о задуманной мазутом, железом родниковой речушке... Стихи Валентина Сидорова, Марка Соболя, Виктора Бокова, Владимира Семакина, Олега Шестинского, Якова Козловского, Станислава Куняева — известных поэтов, и стихи молодого Юрия Полякова, работающего, убежденного. В них — тот огонь совести, без которого нет природы, нет судьбы! Я посылаю привет Анаберды Агибаеву, Мусе Гали, Ване Цховребову и вообще — да здравствуют национальные советские поэты!

К сожалению, у России нет своего радио, нет телецентра, нет даже журнала «Россия», потому и многие, нам отпущенные литературные площадки занимают в основном лица, далекие от наших и ваших национальных забот. А слово поэта обязано быть национальным: грузинское — грузинским, казахское — казахским, украинское — украинским, русское — русским, иначе — подделка, ложь, да еще и преступно безнаказанная!

Поэтому и нет возможности честным критикам сказать честное национальное слово о болевом. А сказать надо бы! Надо бы отметить талантливую поэтессу Валентину Мальми, молодую еще, надо бы пройти честно от творчества Анны Ахматовой до Людмилы Татьяничевой и Екатерины Шевелевой, поговорить о преданности, мудрости, надо широко сказать об Ольге Фокиной, очень верной, очень русской, надо бы не забыть, а душевно встретить книги Людмилы Шикиной, творчество которой сразу же заметил Юрий Прокушев.

Но дети рождаются не от речей! Если речи повторяются, а результата нет, это и есть хроническое пустозвонство!

У многих газет выбор заужен. Нет широких объективных статей о поэтах Белоруссии, Туркмении, Башкирии, Татарии, Казахстана

и др. Государство дает телеэкран, радио, но все и полосы газет в основном забыты одними и теми же именами и фотографиями одних и тех же золотозвонных литературных пиджаков...

Особенной узостью, групповщиной, скукой и поспешностью отличаются отделы литературы наших газет, даже родной нашей любимой газеты «Правда»... И это — трагично. Ведь пример этот идет далеко! Некоторые сотрудники этих отделов зазнались, отодвинули нас, очванливились и на виду у огромной державы губят нежное, тонкое партийное дело! Они не хотят видеть за грубостью быта ни стонущего нынешнего Есенина, ни убитого нынешнего Кедрина, не хотят, как не хотели знать при жизни Василия Федорова. Они сыто пичкают сытого, обидно отвергают обиженного. Равнодушные ослепило их.

Но нет виноватых. Виноваты мы, и только мы! Мы давно должны были знать, что лишь раскрепощенный дух родит раскрепощенное слово, ускоренно двигает поезд, плавит металл. Всякое замалчивание общей истины или отдельной судьбы есть тень жизни, а не жизнь. Никто не заменит кричащего багряного сердца поэта, ничто, и потому, почти рыдая, воскликнул нам, живым, Сергей Есенин:

Гори, звезда моя, не падай,
Роняй холодные лучи,
Ведь за кладбищенской оградой
Живое сердце не стучит!

(Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Альгимантас Юргевич Балтакис (Вильнюс).

А. БАЛТАКИС. Прежде чем я буду читать свой текст, я хочу сказать несколько слов. Это мой пятый съезд. На первом съезде, на котором я был, я очень хотел выступить, но никто мне слова не дал. На этом съезде я не предполагал выступить, но так вышло, что накануне мне дали звание «народный поэт», сказали, что обязательно надо выступить. Вы понимаете, я могу отказаться от слова и прослыть героем-оратором, но не ждите от меня такого гуманизма. Так что я несколько слов скажу, присоединяясь к своим коллегам, которые, по-моему, больше всего говорили о нравственной чистоте поэзии. Я хочу об этом поговорить, только с другой стороны.

Деление литературы на небольшие отрезки времени часто мешает нам видеть развитие главных ее тенденций, чувствовать неразрывность литературного процесса. За последнее двадцатилетие в литовской поэзии произошли важные структурные изменения. Они обусловлены не только сменой поколений, но главным образом новой ситуацией, создавшейся в поэзии в связи с ростом других жанров, в первую очередь, прозы. Наверное, такое развитие других жанров еще само по себе не является свидетельством того, что поэзия уступила им свои позиции.

В каждой литературе наступает такой период зрелости, когда завершается гегемония

одного жанра — в данном случае поэзии — и все жанры становятся равноценными, хотя на отдельных этапах их развитие может быть и неравномерным. В такой период зрелости вступила и литовская советская литература.

В новой ситуации, с возникновением равноправных «партнеров», перед поэзией встали и новые задачи: она вынуждена была искать новые эффективные пути для того, чтобы вписаться в общелитературный контекст.

Решая эту задачу жанровой интеграции, литовская поэзия, как отмечалось на VIII съезде писателей Литвы, сумела сохранить высокий уровень творческого напряжения, охватить довольно обширное поле сложных коллизий, связанных с обществом в целом и отдельными индивидами в частности. Мне представляется справедливым не раз прозвучавшее утверждение, что в нашей поэзии еще никогда не было столько индивидуальностей, представляющих различные стилистические направления, как сейчас. «Сегодняшняя литовская поэзия, — говорится в отчетном докладе, — обращается к довольно широкой и актуальной проблематике современности. Ей, поэзии, присуща ясная и недвусмысленная заангажированность. Всеми своими силами она противится потребительской культуре и культу вещей. Сохраняя эмоциональное отношение с природой, с техникой, наукой и цивилизацией, она чутко реагирует на экологические явления и так называемую деперсонализацию и духовную стандартизацию».

И здесь успешно проявили себя поэты всех поколений. Я не хочу утомлять вас долгим перечислением фамилий и произведений, но тем не менее я не могу не сказать, что это пятилетие было особенно значительным для Юдиты Вайчюнайте, Альбины Бернотас, Марцелиуса Мартинайтиса, Йонаса Стрелкунаса, Сигитаса Геды, Альгимантаса Микуты, Миколаса Карчаускаса, Оны Балюконите и для других поэтов этого поколения. Это очень разные художники. Это и впрямь прекрасная когорта поэтов, которые ныне создают, как мне кажется, свои самые зрелые произведения.

Многого сегодня следует ждать и от тех поэтов, которые еще вчера считались молодыми, особенно от Антанаса А. Йонинаса, Гинтараса Патацкаса, Корнелиуса Платялиса. Я назвал эти фамилии здесь потому, что без них невозможно представить себе сегодняшнюю литовскую поэзию.

Хочется, чтоб наряду с широко известными и любимыми всеми всеобщему читателю именами Эдуардаса Межелайтиса, Юстинаса Марцинкявичюса, Альфонсаса Малдониса и других поэтов старшего поколения все чаще фигурировали имена тех поэтов, которые я только что назвал.

Несмотря на то, что в нашей сегодняшней поэзии происходят самые интересные и перспективные изменения, мы тем не менее с сожалением должны констатировать, что здесь накопилось и больше всего противоречий.

Самым распространенным и весьма опасным недостатком нашей литовской поэзии я считаю своеобразную эрозию стиха, которую все чаще можно встретить в поэтических книгах. И что

еще обиднее — нивелировку личности как цельного организма. Уже на прошлом съезде писателей Литвы мы говорили о том, что нельзя не замечать определенной замкнутости в поэзии молодых, абстрактности, апологии страдания и одиночества, некритического подражания модернистским образцам, попыток перенести на нашу почву не только формальные особенности модернистской поэзии, но и ее деструктивные идеи. К сожалению, эти упреки и сегодня можно с полным основанием повторить. И нельзя об этом говорить, как о невинной детской болезни роста. Наша критика, на мой взгляд, довольно убедительно раскрыла серьезные причины этого негативного явления. Вот что, например, об этом пишет Витас Аряшка: «Сегодня как раз больше всего не хватает ощущения неделимости мира, стремления писать, опираясь на последовательное мировоззрение, иметь ясную систему мотивировки жизни и творчества. Такая система была у классиков нашей лирики, такая система по сей день присуща поэтам старшего и среднего поколения. Видно, существуют причины отсутствия такого чувства целостности, такой системы мотивировки. Не вызывает сомнения только то, что человеку нужны и такое чувство, и такая система, обязательно нужны для того, чтобы он правильно ориентировался в современном мире».

Не потому ли мы все чаще встречаем такие сборники, где стихотворения вроде бы и нет — одни эссеистические обрывки. Стихотворение как бы распадается на крохи, на эмоциональные осколки. Не потому ли и критики в своих рецензиях на первую или вторую книгу молодых поэтов уже давно перестали говорить о лирическом герое? Да это и не удивительно: по творчеству молодых порой очень трудно судить об авторе, авторы здесь предстают, если можно так сказать, без своей биографии, хотя это на самом деле не так.

С другой стороны, как мне думается, наша критика не всегда правильно ориентирует как читателя, так и поэта, особенно молодого, опрометчиво, односторонне трактуя и даже по-своему фетишизируя такое понятие, как оригинальность. На мой взгляд, чувство целостности и последовательности жизни утрачивается и потому, что мы зачастую в творчестве поэта настойчиво ищем только то, что его отличает от других творцов; между тем, нас должны интересовать и те явления и факты, которые объединяют, являются общими для целых групп людей, для наций, для общества определенной формации. И еще: нас одинаково должны привлекать как перемены в человеке, так и то, что остается в нем постоянным. Такая установка критики имеет огромное, я бы даже сказал — основополагающее значение.

Считая большим плюсом в нашей поэзии ее разнообразие, мы ни в коем случае не должны смотреть на него, как на самоцель, не видеть то, что наиболее важно и что не так важно, где основной массив нашей литературы, а где ее периферия.

Вернемся к жанровой интеграции. Если ненормально, когда поэзия занимается чужими делами, то тем более ненормально, когда она

перестает исполнять даже собственные обязанности.

У меня возникла такая идея, как решить вопрос тиража: сейчас в нашем Союзе десять тысяч людей, за пятилетку принято 2 тысячи — это 10 союзов, таких, как наш литовский; когда нам будет худо, мы будем покупать по одному экземпляру друг у друга — и спасемся. (С м е х, а п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Николае Дабижа (Кишинев).

Н. ДАБИЖА. Если наши потомки, столетия спустя, заинтересуются, какими были люди 80-х годов XX века, они узнают об этом, конечно, и по учебникам истории, и по археологическим раскопкам, но представление будет неполным без знания литературы этого времени, в создании которой участвуют писатели всех союзных республик.

Мне говорили, что народ эскимосов, живший века обособленно от всего мира, самостоятельно, без всякого воздействия извне, открыл поэзию. Вероятно так же, как и без охоты, без поэзии ему было бы трудно, если не совсем невозможно выжить в необычно суровых условиях. Поэзия необходима жизни. Она сообщает ей смысл. Тот, кто живет ради поэзии, живет в ней, ею. Для поэта поэзия — воздух, без которого он не может существовать. «Произношу слова — чтобы набрать воздух», — признался в одном своем стихотворении Григоре Виеру. Но, может быть, как заявляют некоторые, в самом деле в этот век — век компьютеризации и войн — в поэзии отпала необходимость. Не забудем, однако, что наш век прежде всего — век людей, людей, которые любят, надеются, мечтают, плачут, смеются... А если это век людей, значит и век поэзии. Лишь когда люди перестанут любить, мечтать, надеяться, лишь тогда поэзия станет ненужной — не раньше.

Сейчас, когда идет наступление повседневно на поэзию, поэзия, считая, требует защиты. Прежде всего ее необходимо защитить от самих поэтов. Поэты — это троянские кони поэзии, — подрывающие ее изнутри, которые или обесценивают ее количеством в ущерб качеству, или требуют переоценки ценностей, ревизию самого понятия поэзии. Для некоторых поэзия нередко именно то, что отошло на ее периферию: апоэзия, антипоэзия в XX веке также вошли в понятие поэзии, но иногда именно они представляются как подлинная поэзия, антивдохновение — как вдохновение, отсутствие воображения — как проявление воображения, и т. д., и т. п.

Но поэзия XX века отличается еще от поэзии предыдущих веков обострением чувства тревоги.

Сегодняшний поэт — трубадур, только поет он не романсы под окнами любимой, а песни протеста под балконом президентов. Хуан Рамон Хименес говорил: «Если бы политический деятель, адмирал, генерал каждое утро читал по стихотворению Шекспира или Гёте и каждый вечер по другому — Данте или Леопарди — их решения были бы совсем иными». Мы сохранили веру в силу написанного

слова, в красоту, которая способна спасти мир.

Слово должно помочь человеку стать добрее, нужнее другим людям. Сколько бы мы и что бы мы ни говорили, конечная цель поэзии — человек. Нельзя представить себе поэта-эгоиста. Невозможно любить людей из ненависти.

Именно сейчас, на исходе полного тревожащего века поэзия призвана восстановить утраченный смысл вещей, напомнить людям, что мир нужно беречь как зеницу ока. Потому что все мы, добрые и злые, живем на одном и том же земном шаре. Другого у нас нет.

Чем объяснить, спрашиваю я себя, что наше время рождает так много поэтов? Поэтов, состарившихся в 16 лет, детей еще, пишущих, однако, не о бабочках и цветах, а о смерти и бомбоубежищах? Поэтов 70-летних, сейчас, в преклонном возрасте, как бы из самих себя, из своего творчества возродившихся, подобно могучему стволу, давшему новые побеги, и побуждающих нас не отрывать от поэзии, нести этот священный огонь дальше.

Понятие «актуальность литературы» я понимаю так: наша литература должна быть актуальна не только сегодня, но и завтра. Что бы не только наши внуки, но и наши предки — если это могло случиться — читая наши произведения, смогли понять нас.

Настоящий поэт — человечеству всегда ровесник. Блок, Низами, Шевченко, Эминеску — современны в той мере, в какой мы их понимаем. И здесь я хотел бы коснуться понятия авторитета писателя, которое когда-то было скомпрометировано умалчением правды, стереотипом мышления, старанием подменить жизнь метафорами или лозунгами.

Справедливо было как-то замечено, что во времена античности, помня о Сократе, люди смущались, не решались называть себя философами. Трудно, думаю, не испытать смущения, называя себя поэтом в крае Эминеску или Пушкина, Руставели или Райниса, в стране другого любого большого поэта. Поэта делает Поэтом не количество изданных книг, а число Стихотворений (с прописной буквы), которые ему посчастливилось написать за свою жизнь. Наш писатель, Ливну Дамиан заметил как-то, что для того, чтобы написать стихотворение, кроме навыка и таланта нужно и счастье, везение написать его. Считаю, что одна из задач писателя — поднимать авторитет и роль преподавателей родного языка и литературы, а также факультетов филологии, в которые уже на протяжении десятилетий самый незначительный конкурс и которые давно превратились в женские, девичьи факультеты.

У молдавской советской поэзии молодой возраст. Молодым не надо бояться трудностей. Если они отсутствуют, их надо создавать. Но нам повезло, у нас есть хорошие учителя, Лупан, Виеру, Дамиан, Боцу, Костенко. И здесь я добавил бы имя нашего прозаика Иона Друцэ, пьесы которого полны человеческого достоинства.

С этой трибуны хотел бы также отметить большой вклад в развитие и становление мол-

давской поэзии известных мастеров: Евгения Евтушенко, Андрея Вознесенского, Ивана Драча, Бориса Олейника, Геворга Эмина, Расула Гамзатова, Егора Исаева, Давида Кугультинова, Роберта Рождественского, полемические поэмы и стихи которых предвещали сегодняшний курс партии на правду и обновление.

Для нашего общества, мне кажется, равнодушие учителя литературы страшнее равнодушия учителя математики или географии. Не хочу противопоставлять, но любой учитель, независимо от предмета, который он преподает, обязан быть в какой-то мере и учителем языка, и учителем литературы, и учителем истории, и учителем любви к своей Родине, к культуре своего народа.

Ученик в чем-то похож на своих учителей. И здесь он добавил бы, что каждый читатель похож на те книги, которые он читает. Как важно читать необходимые, нужные книги вовремя. В этом свою роль должны играть именно учителя языка и литературы.

Поэзия живет во всем, что нас окружает. Но не все, что нас окружает, поэзия. Поэт — это тот, кто видит поэзию. Третьим глазом.

Достоин сожаления народ, не любящий или не помнящий своих поэтов. Как в зеркале, отражается народ во всей истории, написанной писателями. По их произведениям завтрашние читатели воссоздадут Родину, время, народ — со всем, что у него есть более или менее достойного.

И так как в поэзии, верю, есть необходимость, хочу надеяться, что есть необходимость и в поэтах. Так пусть же они пишут! (А плодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Глеб Яковлевич Горбовский (Ленинград).

Г. ГОРБОВСКИЙ. Кроме закоренелых ретроградов, а также людей, воспитанных довоенными традициями безгласности, почти все на этом писательском съезде живут переменами, происходящими в стране, надеждами на реформы — как в области экономики, так и в сфере духовной, и я — в их числе, т. е. заодно с большинством. Но меня при этом почему-то все время не покидает чувство неловкости, когда я слышу ниспровергательские призывы, как будто это лично меня в чем-то рутинном, отжившем упрекают, как будто и я до этих призывов и долгожданных перемен писал свои стихи недостаточно искренне! И мне все кажется, что кричат не истинные поэты, нашедшие себя в творчестве, а какие-то посторонние литературе люди. Тряпкин молчит, Чухонцев помалкивает, Рубцов, будь живой — тоже сидел бы в уголку, прислушивался. Это конечно же не так, не все «истинные» молчат, но вот ощущение такое присутствует. Я убежден, если поэзия в тебе и с тобой, то писать можно обо всем и везде: в лесу, в городской квартире, в камере... хранения, на чердаке возле трубы отопления — лишь бы наедине с собой, как с богом.

Говоря о стихах, оттолкнув все-таки от себя, ибо знаю себя лучше, чем кого-либо. Сочинять или, как тогда говаривали, — сла-

гать стихи, начал я в исправительно-трудовой колонии для подростков, сразу же после войны, после оккупации, ремесленного училища, скитаний по стране. Писал тайно от всех, потому что считал писание стихов занятием не мужским, чуть ли не постыдным для татуированного подростка, прошедшего курс дарвинской теории выживания не где-нибудь под крышами учебных заведений, а под сводами небесными великой сталинской эпохи и Великой Отечественной войны. Жил я тогда на Васильевском острове один, без семьи, в коммуналке, и ко мне часто наведывался участковый капитан. «Ну что, Горбовский, чем занимаешься?» — «Пишу стихи». «Опять?» — участковый осуждающе вздыхал, как будто я продолжал делать что-то постыдное. Не здесь ли истоки моей тогдашней порочной стыдливости к сочинительству стихов? О том, что писание стихов дело хлопотное, говорит и такой забавный факт из моей биографии. Находясь в свое время в клинике на излечение от алкоголизма, развитию которого в немалой степени способствовало именно писание стихов, один мой доброжелатель принес в больницу брошюрку, изданную в «Юриздате»: М. П. Михайлов, В. В. Назаров «Идеологическая диверсия — оружие империализма». Изд-во «Юридич. литература», Москва, 1969 г., 21 стр., и посвященную шпионам и диверсантам, подрывавшим основы государства. Целая страница в этой брошюре была отведена стиранию с лица земли моего 4-го сборника стихов «Тишина», стихов о любви, о жизни и конечно же о смерти.

Я это к чему? А к тому, что и тогда, в шестьдесят восьмом, и раньше того, и позже — писалось мне всегда интересно, тревожно, как и жилось, и грядущие перемены в государстве приветствую я вовсе не с позиций стихотворца, но лишь с позиций гражданина.

Писание стихов. Что это? Возможность высказаться или поразмышлять? Развлечение или образ жизни? Почему у нас столько людей, пишущих стихи? От желания пробиться? Куда? В люди? Или — к Истине? Пробиться из тьмы жизненных блужданий к свету мировоззрения? Может, как раз хорошо, что наши люди занимаются еще и писаниной, а не только бизнесом, как в Америке? Ритмически размышляют, не как сколотить миллион, а как достучаться до смысла жизни?

Писание стихов и... политика партии, поэзия и государственный механизм. Казалось бы — что общего между этими понятиями? Есть ли тут связь, как, скажем, связь между цветком и почвой, между небом и землей? И кто он, собственно, поэт? Каковы его функции: судить, отражать, удивлять, побуждать или все-таки сострадать, подвигать? То, что поэт — никакая не «небожитель», теперь уже ясно всем. Времена «поэтических башен» прошли. Ибо даже самые асоциальные, эстетически «непреклонные» стихотворцы, т. е. алмазы «чистой воды», в годину испытаний с «вещего шепота» переходили на человеческий голос, а то и на крик. Когда подпирало. А значит, для жизни людской важнее не «кто он», поэт, а «с кем он»? С самим собой, как с писаной торбой, или с «печалью жи-

вой», с болью народной, с его надеждами?

Оглянусь еще раз на себя: путь проделан извилистый и длинный. Почти сорок пять лет истрачено в поисках самого себя, а нужно было искать — в себе! Правду, бога, любовь, Родину; обнаруживать в себе пространства божественные: т. е. «смысл Бытия всеобщего», а не только своего. Пробиться к убеждениям нынешнего дня — чего это стоило?! Каких усилий, каких унижений и восторгов, добровольного сумасшествия, изгойства, и все для того, чтобы заглянуть в игольное ушко и увидеть солнце Правды, чтобы решить: у поэзии есть главное назначение: содействовать нравственному воспитанию общества, то есть функция не душеспасительная, но душевспасительная. Оказалось, что все эти годы, в которые могла бы уместиться иная гениальная «тридцатисемилетняя» судьба — были потрачены на подтверждение пушкинского призыва — томиться «духовной жаждой»? Стало быть, потрачены эти годы на «изобретение велосипеда»? Спрашивается, а стоило ли перья ломать? И вот я считаю, что стоило! Стоило жить в направлении солнца, в направлении Пушкина, лицом к истине. А как же тогда с направлением «к себе»? А — никак. Ежели не совпадает, то самое правильное: развернуться на 180° от тьмы самоопоения. Отыскание своего пути — благое дело, а для поэта — наипервейшее, но не архиглавное. При отыскании своего пути многие так и не знают, куда они идут, ради чего продвигаются — не ради же мзды единой! Иных удивляет сам процесс продвижения, и только. Разве еще забота — оставить след. Неважно какой, лишь бы отчетливый. Много это? Немало, но ой как недостаточно. Вода в реке тоже изящно продвигается, и облака по небу идут грациозно, и камень, если его метнуть, убедительно перемещается, и след они после себя могут оставить запоминающийся. Многие высокоодаренные поэты пекутся прежде всего о своей неповторимости. А кому нужна твоя неповторимость? Прежде всего — тебе самому. Людям же твоя гордыня не нужна, своей хватает, им требуется сочувствие. Толковать о значении и роли поэзии можно и по Белинскому, и по Достоевскому, оба они, внешне оппоненты — за ее нравственно-жертвенное служение Человеку. Достоевский в своей речи о Пушкине отмечал коренную черту в русском народе и в ее истинно народной литературе, поэзии. Цитирую. Из предисловия Достоевского к своей речи. (Глава I-я. Издание Маркса, т. II. 1885 г.) «Это не экономическая черта и не какая другая, это лишь нравственная черта, и может ли кто отрицать и оспорить, что ее нет в народе русском?» И далее: «Неужели и тут не дадут, не позволят русскому организму развиваться национально своей оригинальной силой, а непременно обезличено, лакейски подражая Европе?» «Этого народ не позволит», — сказал один защитник народа западнику. «Как уничтожить народ!» — ответил западник спокойно и величаво. И был он не кто-нибудь, а один из представителей интеллигенции.

И в наше удивительное время благотвор-

ных перемен, воскрешения идеалов, пробуждения от инерции спячки, время духовного оздоровления общества хочется не просто повторять вместе с телевидением и радио цитируемые фразы об ускорении, человеческом факторе, гласности, личной ответственности, разумном риске, бережном отношении к окружающей среде, к памятникам старины, но хочется жить по этим заповедям. Спрашивается, что может писатель. Начать лучше писать? Уж тут — как дано, так и дальше будешь — в смысле качества, ну а в смысле количества — лучше в жанре публицистики. Лирической поэзии такой груз не снести. Мне кажется, писатель на призыв Родины прежде всего должен откликнуться не писаниной, а сердцем, опять же — сочувствием. Необходимо, наряду с реформами государственным, реформы внутриличностные, революции и ревизии в себе, чтобы невольно не обмануть страну, читателя, себя, наконец, не сбить их с толку несбыточными рассуждениями, проектами, фантазиями. Необходимо еще раз спросить себя: с кем ты? Наедине с самим собой? Тогда извини-подвинься! Наедине со всеми — это уже что-то, а со всеми заодно — и вовсе роскошно. Могут возразить — каждый, дескать, должен заниматься своим делом, социально оно или лично, тут уж — на кого как выпало, по способностям. Но вот беда: издаваться-то мы все хотим по потребностям. (С м е х.) А издатель у нас один: народ, государство. Так неужели ж хотя бы из чувства благодарности ни разу не улыбнуться издателям? Здесь есть над чем задуматься приверженцам «культы чистого слова».

В заключение хочется сказать: лично я «процессу писания стихов» благодарен прежде всего за прозрение, за то, что занятие сие пробудило во мне, помимо размышлений, стремление духа — к истине вечного ряда, к обретению внутридушевного покоя и улыбки, с которой, выражаясь литературно, гонимые римляне шли из подвалов Колизея на растерзание львам.

Спасибо. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Поляков Юрий Михайлович.

Ю. ПОЛЯКОВ. Товарищи! Мне доверено выступить на нашем съезде от имени молодого литературного поколения. Это редкая честь и ответственность. Редкая еще и потому, что делегатов до 35 лет, как сказано в докладе мандатной комиссии, всего три человека. Да, так уж случилось: в год десятилетия постановления ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью» мы вынуждены констатировать невеселый факт, что, например, в Московской организации, где работа с литературной сменной поставлена неплохо, вообще нет писателей до 30 лет. До постановления были, а сейчас нет! Если в отношении прозы еще можно утешаться спецификой жанра, «требующей мысли, и мыслей истинных», то в отношении поэзии, всегда дружившей с юностью, остается только в недоумении развести руками.

Как же это произошло? Чаше всего дело объясняют тем, что ужесточились критерии приема в Союз писателей. Возможно. Но поче-

му тогда сегодня все вокруг говорят о засилии серости, кивая друг на друга? Почему сегодня мы все чаще ведем речь о членах Союза писателей, изначально не способных к литературному труду, а все свои силы отдающих тяжбам с издательствами, склокам с товарищами по цеху и борьбе за безвозмездные ссуды Литфонда? Эти обладатели членских билетов чем-то похожи на людей, вышедших побегать трусцой и по недоразумению приставших к настоящим марафонцам. И вот, не в силах выдержать профессиональный темп, они начинают кричать, будто спортсмены бегут не по правилам и вообще куда-то не туда, что на лидерах слишком яркие майки, что необъективные болельщики одним бросают цветы, а другим — нечто иное...

Но проблема серости, непрофессиональности и проблема так называемого упадка поэзии — вещи совершенно разные! Нет бездарных литературных поколений — есть поколения незамеченные. Будет время, и критики, а может быть, уже историки литературы заговорят о незамеченном поколении поэтов. Они готовились войти в литературу, когда стадионы ломились от восторженных криков поэтических фанатов. Они вошли и входят в литературу, когда лишь немногие любопытствующие посещают даже те вечера, афиши которых обещают целый парад поэтических планет. «Упадок поэзии!» — объясняют теоретики.

Мне же кажется, что следует говорить о резком, возможно, циклическом по происхождению снижении интереса к поэзии, а не снижении ее уровня. Просто-напросто извивы литературного процесса изучены нами много лучше, нежели закономерности перепадов читательских интересов. Будет время, и мы признаемся, что период «охлаждения» помог нашей поэзии найти новые темы, новые средства выразительности, новое видение...

А пока иногда приходится слышать даже такое: зачем нужны современные поэты, одна русская литература накопила столько высоких образцов, что можно спокойно остановиться на несколько десятилетий «поэтический завод» и жить старыми запасами... Опасная иллюзия духовного невежества! В том-то и дело, что нынешний двадцатилетний читатель с пользой и пиететом прочитает филигранные строки классика или нынешнего мастера, но какая-то, может быть, главная струна его души отзовется только на строчки ровесника, сверстника, пусть еще несовершенные, неумелые. Но отсюда ли болезненный интерес к текстам магнитофонных бардов, хотя поэзия там и не ночевала. За неимением гербовой — пишут на простой...

Мне больно это рассказывать, но когда участников одной телевикторины для старшеклассников попросили назвать десять любимых поэтов, то в списках оказались имена неведомых прибалтийских бардов, да еще поэтов, в чьей биографии есть эпизоды, которые зазвонят обходят молчаньем историки литературы. В душе каждого поколения есть особое место, отведенное для любимых поэтов — ровесников. А свято место, как известно, пусто не бывает.

Но давайте вернемся к поэтической смене и взглянем в собирательный портрет сегодняшнего молодого. За много лет мы крепко усвоили, что «молодёжь у нас хорошая», поэтому несколько критических черт никого, я думаю, не поколеблют в этой уверенности. Сегодняшний литературный неопит — прагматик до мозга костей. Я знаю совсем молодых ребят, которые высчитывают уже не только куда нести, не только что нести, но даже и как писать, чтобы напечатали! Появились умельцы, пробивающие еще ненаписанные стихи. И когда какой-нибудь «юноша бледный со взором горящим» — честолюбием — все-таки наконец сломит издателя потоком грамотно составленных писем во все концы — от СП СССР до ЦК КПСС, когда обесшлененный издатель скажет: «Ладно уж — неси!» — нести-то оказывается нечего, не написал, некогда было!

Мало того, иные начинающие, нагледевшись на «лучшие» артельные традиции старших товарищей, уже нахваливают и ругают друг друга по принципу «свой-чужой». И вот уже за тридцатилетним литературным «паханом», севшим на скромное редакторское место, тянется хвост двадцатилетних подхалимов, не умеющих рифмовать, но уже научившихся кадить...

У нас сложилась стройная система работы с молодыми. Но часто, к сожалению, она несет экстенсивный характер. Судите сами: молодежные редакции в издательствах, специальные подборки молодых, мелочная опека, все это причудает равняться не на мастеров, живущих и работающих рядом, а совсем на другое: мол, а вон тот еще хуже пишет! Правильно говорили здесь с трибуны, что один печатающийся графоман — путеводная звезда для сотен бездарей. А поскольку печатать у нас всесоюзная, то и видна эта звезда от Сахалина до Карпат...

Но еще больше беспокоит общественная анемичность иных молодых. При словах «социальный заказ» многие начинающие литераторы презрительно хмыкают. Приведу пример: издательство «Молодая гвардия» выпустило сборники «Сердце Родины», «Честь смолоду», «Семейные портреты», для их создания старались привлечь молодых. С прозаиками и публицистами получилось, и здорово получилось, а с поэтами нет. Почему? Есть о чем призадуматься, как года два назад писали в докладах в самых острых и критических местах.

Но будем объективны. Посмотрим на проблему и с другой стороны. Всех, а молодых в особенности, с высоких трибун призывают писать остро, дерзко, неприлично. А когда они, вняв призывам, напишут, — начинаются муки согласования, растягивающиеся на многие лета, потому что у нас множество людей, жаждущих нести бремя власти, но не желающих испытывать бремя ответственности. Вот и получается — власть безответственности!

Сколько раз мы, например, слышали социальный заказ: «Дайте нам в литературе сегодняшнюю армию!» — Возьмите! — Нет, не берут. Не по уставу... Хотел бы я поглядеть на деревенскую прозу, написанную строго по уставу колхозов. А как же писать о современ-

ной армии, не касаясь такой горькой и строго табуированной темы, как «неуставные отношения», «годковщина». И ведь эти явления калечат души воинов, значительно снижают воспитательную работу в армии. И это не единственная табуированная тема. Да, немало еще издателей, ведомственных руководителей, считающих: негативное явление в жизни — полбеда, но если негатив — не дай бог! — просачивается на страницы литературы, это уже настоящая беда, ЧП, с которым нужно бороться всеми доступными средствами. А ведь если наша стратегия — это суровая правда, то и нашей тактикой тоже должна быть правда и ничего кроме правды.

Мы говорим о перестройке, как о длительном, сложном процессе, а значит, у перестройки есть сегодняшний день, будет завтрашний и послезавтрашний. А значит, мы снова возвращаемся к проблеме молодежи. Не дай бог, она вырастет — «двух станом не боец, а только гость случайный». Она должна, обязана быть бойцом, борцом, иначе «обновление» так и останется просто газетной кампанией.

Советская многонациональная поэзия — могущественный, испытанный историей, судьбой нам данный инструмент перестройки сознания, обновления душ, что нам так сегодня необходимо. Поэтому любой поэтический разговор становится разговором политическим. Об этом нужно помнить всегда! (А п л о д с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Геворгу Григорьевичу Эмину (Ереван).

Г. ЭМИН. Дорогие друзья! Я не написал своего выступления. Я не буду говорить о главных вопросах развития нашей литературы — потому что не хочу, чтобы все было так, как десятки лет подряд, когда мы правильно говорили, но положение не менялось. Ожидать новых изменений в литературе мы не можем, если не будут решены коренные вопросы нашей жизни.

Здесь говорили о людях, которые перестроились на новые веяния. Перестраиваться надо тем, кто создавал застойное положение. Главная же заслуга лучшей части нашего народа и нашей интеллигенции в том, что она годами страдала, говорила, писала об этом. Но говорить и писать запрещали. Сейчас можно говорить громко, и это хорошо. Все новые требования имеют отношение и к литературе — начиная от эффективности работы, потому что все мы работали не на 100% наших возможностей, а на 15—20%.

Начну с того, что подбор кадров был неверный во многих учреждениях и отраслях. Приведу математический пример. Каждый специалист, так же как и шахматист, имеет свой рейтинг, свой коэффициент полезного действия.

Этот рейтинг у одного может быть равен девяти, а у другого — единице или даже нулю. И если во главе какого-нибудь дела ставится не тот, коэффициент производительности труда которого равен девяти, а тот, у кого он равен единице, то эффективность

труда этого предприятия будет равна 19 в то время как в обратном случае она могла бы составить 91.

Я уже не говорю о случаях, когда во главе дела стоит человек с коэффициентом «ноль». Если поставить сперва «ноль», а потом хоть миллион, то действительность учреждения все равно будет равна 0,1.

Все новые требования имеют прямое отношение и к литературным вопросам — в частности необходимость *ускорения*.

Для того, чтобы ускорить движение, надо в первую очередь освободиться от балласта, а во многих учреждениях у нас огромное количество ненужного груза и балласта, в том числе — и в Союзе писателей.

Я приведу такой пример. Как может, скажем, нормально развиваться птицеводческая ферма, где, кроме заведующего или директора, есть еще заместители директора — по белку, по желтку, по скорлупе и т. д.

Крайне необходима нам и *гласность*. Если бы была гласность, то не было бы истории с Байкалом, с Севаном, не было бы Чернобыля. Потому что во всех этих случаях были представлены многие жалобы и авторитетные мнения специалистов, но с ними никто не посчитался, вопросы решались в закрытых кабинетах. Создалось положение, когда люди делились как бы на два класса — *класс людей понимающих и класс людей, решающих вопросы*, тогда как они должны были быть соединены в одном лице, то-есть *вопросы должен был решать человек понимающий, компетентный*.

Однажды в Чехословакии на одном заводе я спросил рабочего — это ваш начальник? «Нет», — ответил рабочий, — *он наш товарищ, который больше нас понимает и больше нас работает*. Вот — *верный принцип назначения на руководящую работу!*

Я не хочу долго говорить по этому вопросу. Главное — мы не должны молчать и впредь, как не молчали все эти годы: у меня даже есть стихи на эту тему «Молчанье — это золото!»

Несколько слов мне хотелось бы сказать о переводах. Это — очень важный для наших национальных литератур вопрос, потому что через переводы эти литературы выходят в мир. Это — стержневой вопрос развития наших национальных литератур. И здесь, наряду с крупными успехами, есть и много недостатков и недоработок.

Ясно, что национальными языками не могут владеть все переводчики и поэзия переводится по подстрочникам. Но переводы обязательно должны делаться поэтами, потому что, если стихи переводит не поэт, то ничего не получится. Просто знать язык еще недостаточно.

Однажды в Ереване я увидел книгу «Современные поэты Италии», кинулся ее купить, прочитал... и поразился: неужели все итальянские поэты бездарны? А оказалось, что бездарными были лишь переводчики этих поэтов, ибо они, может быть, и знали итальянский язык, но не были поэтами и, следовательно, их переводы не стали фактом армянской поэзии...

В 1947 году вернулись на Родину десятки тысяч зарубежных армян — жертв геноцида 1915 года. Они рассказывали нам об изда-

ющейся за рубежом литературе, а я посоветовал им прочесть современных советских поэтов, в частности — Маяковского. Когда мы встретились в следующий раз, они были рассержены — как я мог посоветовать им прочитать такого бездарного поэта, как Маяковский. Я был поражен — Маяковский — «бездарный поэт»? И только когда я прочитал изданную в эти годы книжку стихов Маяковского в переводе на армянский, я понял, что они правы — в этих переводах Маяковский действительно выглядел бездарным поэтом...

Талант переводчика — это талант особого рода. Я понимаю, что часто талантливых переводчиков не хватает, и этот вакуум заполняют случайные люди. Много бездарных переводчиков развелось в нашей стране в те годы, когда стала нарастать самая настоящая «тяжелая индустрия» перевода. Тогда газеты каждый день требовали новых стихов «по поводу», и переводы стихов появлялись как грибы после дождя. Издание стихов тогда тоже было похоже на тяжелую индустрию, а переводы зачастую бывали настолько плохи, что некоторые из них стыдно даже было издавать на русском языке. Создавались даже национальные поэты, существовавшие только на русском языке, — ибо они писали не стихи на родном языке, а... подстрочники!

Переводить на русский язык надо не все книги национальных авторов, а только лучшие произведения. Это издания поэтических книг надо подбирать трех-четыре переводчиков, которые наиболее близки данному автору, данной теме. Весьма желательно, чтобы редакторы владели национальными языками, но поскольку это невозможно, то необходимо, чтобы они хотя бы сравнивали переводы с подстрочниками. Это помогло бы правильно осмыслить данное произведение, добиться наиболее точного, качественного перевода.

А то был со мной такой случай. У меня есть стихи о Хачатуре Абовяне, армянском писателе, который пропал без вести в 1848 году. Встретив в подстрочном переводе выражение «*пропал без вести*», переводчик решил, что это обязательно должно относиться к Великой Отечественной войне, и... так и перевел. Если бы редактор дал себе труд заглянуть в подстрочник, этого ляпсуса не было бы.

Перевод — дело серьезное. Даешь подчас редактору список переводчиков, которым следует раздать стихи перевода, а вместо этого получаешь иногда переводы случайных людей, вращающихся около редакций и издательств.

Войдите в положение национальных поэтов. На русском языке издаются не книги их стихов, а лишь те стихи, которые переведены или переводятся более или менее сносно. Поэтому в эти книги часто не попадают их лучшие стихи, потому что они переведены плохо или средне.

Положение национального поэта, переводящего стихи русских поэтов, несравненно лучше. Он, в отличие от своих русских собратьев по перу, переводит не посланные ему случайные стихи, а имеет возможность читать все книги русского поэта и выбрать лишь те несколько стихов, которые ему близки... Поэтому, напри-

мер, в моих книгах стихов, изданных на армянском языке, раздел переводов. озаглавлен «То, что написал бы я сам» — то есть я перевожу лишь те стихи, которые мне так близки, что кажется, их написал бы я сам... Кроме того, знание языка оригинала нам дает возможность сохранить в переводе форму и своеобразие стиха.

Вопрос перевода — это гвоздевой, самый важный вопрос для развития национальной культуры, и надо придумать какие-то новые формы, чтобы издательства улучшили постановку этого дела. А кто должен это сделать, как не мы, и когда, если не теперь! (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Василий Ефимович Субботин (Москва).

В. СУББОТИН. Мне хочется поговорить о требовательности, а также о том, что есть доброта подлинная, настоящая, продиктованная истинной любовью и заботой о судьбе молодых талантов, а что таковой не является.

Николай Семенович Тихонов, который для того поколения, к которому я принадлежу, был примером удивительной широты характера, щедрости и расположенности к людям, только что начинающим свой путь в поэзии, умел быть очень требовательным и очень строгим. О потоке стихов слабых, равнодушных, ничем не вызванных и не оправданных Тихонов говорил в свое время: «Средний стих, которого слишком много, от которого ломаются столы молодых авторов... Мне прямо удивительно смотреть, — говорил он, — на тощее поэтическое благополучие этой молодежи, на их равнодушную готовность изложить в стихах все, что попадет под руку, и самими невыразительными словами. Ни одно ремесло не позволит такого наплевательского обращения с собой». И далее: «Чтобы не было недопонимания, я говорю не о каких-то просто графоманах или начинающих. Я не могу ударить по юной, но талантливой голове — меня просто интересует вопрос: куда растет эта школа равнодушных и что из нее выйдет. Нельзя ли как-нибудь преодолеть это явление, грозящее из игрушечного моря стать настоящим потоком?»

Как видите, даже Тихонову приходилось то и дело оговариваться, чтобы быть правильно понятым. А я уж и подавно думаю — а не сочтут ли меня за человека, излишне придирчиво, скупого на похвалу и на комплименты, потому что очень приятно бывает хвалить и восторгаться. (Я сам люблю эту работу, если хотите, умею это делать, никому не уступаю.) Но попробуйте выставить иной раз самое элементарное требование к качеству, к уровню, как, сам того не ожидая, попадешь в разряд людей излишне строгих, а то даже недоброжелательных и нетерпимых.

И все-таки я по опыту знаю, что по-настоящему талантливые молодые люди поддерживают именно требовательный разговор о поэзии и о литературе и умеют разобраться в истинном значении таких понятий, как заинтересованность подлинная, а не показная,

доброжелательность настоящая, а не показная.

«Детей не отпугнешь суровостью, они не переносят только лжи», — сказано это было Л. Н. Толстым.

Я говорю, как я заметил, все больше о молодых поэтах, хотя так называемые средние стихи пишут далеко не одни молодые. В наших журналах, и не только в журналах и газетах, появляется так много стихов, которые можно назвать стихами только по внешней видимости, то есть в них есть рифма, размер, однако в них нельзя усмотреть главное — повода, оправдывающего их написание, причину, по которой они написаны. Есть, как уже сказано, одна только видимость, умение вертеть стих... Подобие чувства, подобие жизни, подобие общественного темперамента. Чистое версификаторство! Набитая рука! А между тем, дело наше такое, что пишешь, пока не умеешь писать, пока учишься, пока открываешь для себя какие-то секреты и пока не знаешь их, этих секретов, пока постигаешь их. А когда уже всему научился, тогда перестаешь писать. Вы помните, как говорил об этом Блок? Он сказал однажды, что стихи писать ему стало трудно, потому что он слишком хорошо умеет их писать.

Наблюдая столь великое обилие серых, слабых, без повода и без причины написанных стихов, которыми заполнены некоторые иной раз даже очень солидные наши издания, невольно думаешь о том, не слишком ли много мы толкнули людей на занятие таким делом, как поэзия, людей, которые могли бы найти себя в какой-либо другой области с большей пользой для общества?

Поток серятины с ее рассудочностью, с ее мнимой философской значимостью и книжностью, когда источник слова не в жизни, а в книге, огромное количество стихов иллюстративных, не идущих далее простого пересказа того или иного жизненного случая или факта... Имя этому — нетребовательность, а может быть, и равнодушие к судьбам нашей поэзии, нашей культуры.

Как бороться с этим потоком? Не знаю и, прямо скажу, ничего предложить не могу.

Я недавно (приходится говорить о себе) обратился в одно издательство, принес туда рукопись небольшой своей избранной книги стихов объемом 3 листа. (В книге около 130 стихотворений.) Достаточно большая, скажем так, книга стихов, почти 2,5 тыс. строк! 3 авторских листа! И мне было сказано, что рукописи стихов менее 10 листов не принимаются. Так и было сказано, что менее 10. И тут же показали образец такого «избранного» — роскошно изданную книгу, в которой уж наверняка было даже не десять, а, может быть, и все двадцать листов.

Известно, что наши издательства в большинстве своем не имеют собственных типографий и, как мне объяснили в другом месте и по другому поводу, типографии неохотно берут или вообще отказываются делать книгу, если она не достигает необходимого с точки зрения типографской выгоды габарита. Этот не обеспеченный качеством вал давно уж, а после XXVII съезда особенно, рассматривается нами

даже в промышленности, в производстве, как ненормальность, как бедствие, как явление, с которым надо бороться. Как же мы можем, дорогие товарищи, с этим мириться в духовной сфере, в сфере искусства, в данном случае — поэзии.

Борьба с серостью, с посредственностью, с рифмованным потоком, с поэтическим — нет, не с поэтическим, а со строкостихотворным валом — это, как теперь принято говорить, борьба за интенсификацию духа. Да, именно так можно было бы сказать, потому что подлинно поэтическое слово всегда было и останется высшим проявлением человеческого духа.

Нельзя нам довольствоваться этим уровнем! Если мы и теперь не проявим необходимой требовательности, мы захлебнемся в этом потоке любительщины, дилетантства, утерям читателя, запутаем его, размоем нашу литературу, лучшее, что в ней есть.

И еще: мы много говорим о помощи молодым, но бывает, что, желая помочь, мы неправомо вредим человеку. Тут нельзя перепрыгивать через этапы, сокращать естественные сроки. Иначе будет недоношенный, или, как еще говорят, «щипковый» ребенок, такой, которого вытаскивают щипцами. Ребенок должен рождаться нормально через девять месяцев. Тяжело складывается жизненный и творческий путь человека, который, не пройдя периода ученичества, не став самостоятельно на ноги, напечатался раньше времени или, что того хуже, был незаслуженно расхвален.

Начинать заново бывает очень трудно, если только это вообще возможно.

Я не знаю никого, кто был бы так озлоблен, как люди, занимающиеся не своим делом, разного рода литературные неудачники, а то и просто графоманы... Людей возле литературы стало слишком много. Нам не надо увеличивать число их. Не надо внушать человеку, что он талантлив, что ему уже все удастся и он весьма преуспел в том деле, которым начал заниматься, когда больших оснований к этому нет. Отлично сказал об этом Светлов: «В искусстве суровый человек более добр, чем добрый».

«Друзья мои, пусть будет суровой наша доброта. Все плаксивые, сладкоречивые, малодушные, лукавые, все попустители и глупцы тшатся закрыть от вас эту доброту... Доброту, которая не поддакивает, а перечит. Доброту, которая не хнычет, не лижетя...» Это сказал — Пабло Неруда.

Хотел бы еще сказать о таком явлении, как групповщина. Трудная это тема, и многие на нее не отваживаются выходить. Я думаю, что групповщина нужна только плохим писателям, хорошие писатели в ней не нуждаются. И если кто от нее выигрывает, кому она, эта самая групповщина, нужна, так это людям бездарным и вообще случайным в литературе. Мне хочется привести слова Алексея Максимовича Горького — создателя нашего Союза писателей — из одного его письма, в котором он, призывая к консолидации всех творческих сил страны, писал: «... кружковщину, дробление на группы, взаимную грызню, колебания и шатания я считаю бедствием на фронте

литературы». И далее продолжает: «Споры и раздоры кружков... преисполнены самолюбия, личных обид и всяческого индивидуализма».

Простите, что я так много цитировал. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Абиш Кекильбаев (Алма-Ата).

А. КЕКИЛЬБАЕВ. Товарищи! Как никогда очевидно, что непоколебимо уверенной в беспредельности самосовершенствования человека и общества, в неистребимости жажды правды и справедливости, неотвратимости победы здравого смысла над устоявшимися предрассудками должна остаться литература, и сегодня, и завтра, и в далеком будущем, если заинтересована в сохранении своей самоценности и нужности людям.

Так же как никогда ясно, кто до конца верен изначальной природе художественного творчества, тот никак не поступится правдой жизни. Потому и ныне воспрянули духом те, кто и раньше ратовал за все то, что наконец по воле партии, по воле народа становится основным содержанием жизнедеяний наших дней.

А их, надо быть справедливым, немало в любом литературном цеху. Естественно, и в казахской поэзии. Назову лишь некоторых. Появление в свет новых книг нашего патриарха Абдилады Тажибаева и стремительно взметнувшейся в поэтическую орбиту страны книги Фаризы Унгарсыновой «Знакомые голоса» и «Тулпар-домбра» в буквальном смысле совпало с исторической весной апрельского Пленума. Подкупают обе эти книги ярко выраженным пафосом, восстающим против социальной бесхребетности и всепрощенчества одних, политического шельмовства и нравственной толстокожести других.

Освежающе и отрезвляюще действовал, например, на нашего читателя, уже изрядно долго находившегося в эйфории псевдооптимизма и сладкозвучного песнопения о победах да достижениях и книга «Насушный хлеб» рано ушедшего из наших рядов талантливого поэта Жумекена Нажимеденова. Книга, переполненная горечью о неприкрываемой деформации духовной структуры иных наших современников, яростью повседневно идейного самоотступничества, против нравственного сепаратизма, предающего высокие наши принципы ради мелочной житейской выгоды.

Нет, не только яркостью колорита, броскостью метафор, завидной раскрепощенностью самовыражения, что дружно отмечают все критики, а, в первую очередь, поистине воинствующим неприятием всеглобализирующегося всесилья обывательства — в быту, в образе жизни и мышления, в политике, во взаимоотношениях людей и народов, природы и цивилизации — вот чем, а не чем-либо другим, общепризнана и поэзия Олжаса Сулейменова. Тщетно искать идейно-эстетическую гносеологию этого феномена в стороне от диалектических метафизов в его родной литературе. Сила сулейменовской поэзии как раз

не в абсолютной непохожести остальной литературе, а, наоборот, в ее нерасчлененности от современного духовного состояния своего народа. Поэтому никак не пропорциона любая попытка противопоставить или же искусственно автономизировать русскоязычную ветвь нашей литературы, вопреки всей логике действительности. Особую деликатность приобретает это именно в наши дни, при нынешней всеусиливающейся ситуации двуязычия национальных культур.

Жизнь давно убедила, что двуязычие не ограничивается лишь появлением отдельных ярко национальных писателей, пишущих на русском языке, а, главным образом, оно выражается в расширении, благодаря русскому языку, реального доступа национальных писателей к мировому опыту, что, в свою очередь, неизмеримо обогащает идейно-эстетический потенциал национального художественного мышления. Тем самым, по идее, выходит, что двуязычие ничуть не означает преждевременного свертывания литературного творчества на национальных языках, наоборот, открывает перед ним новые перспективы.

Постоянная работа на острие неотложных проблем века, на волне дум и чаяний, надежд и тревог всего человечества, опираясь на достижения современного интернационального литературного процесса, способствует глубокому осознанию не только достоинства чужого, но и своего.

Однобокое стимулирование сходств, а не различий, пренебрежение самобытностью привело бы не к многообразию, а однообразию, не к взаимообогащению, а взаимообнищанию. Отсюда и омертвление языков, осушение души, обмеление мысли. Поэтому невозможна учеба у других без уважения и бережливого отношения к национальному опыту.

Вот, например, поэт Кадыр Мурзаев не только переводит О. Сулейменова, но и параллельно с ним ведет поиск по совершенствованию национальной поэтики, техники национального стиха. Благодаря усилиям его и его талантливых ровесников М. Макатаева, Т. Молдагалиева, Т. Медетбекова, С. Асанова, С. Жиенбаева и др., казахский стих обрел новую пластическую гибкость, еще большую смысловую емкость и, самое главное, еще больший выход на общепланетарные и остро современные проблемы.

Плодотворным опытом сокращения мнимого расстояния между общечеловеческим и национальным, общественно значимым и интимным, широкомасштабным и камерным явилась лирика поэтесс Т. Абдрахмановой, М. Айтхожиной, К. Ахметовой, А. Бахтыгереевой. Благодаря удачному синтезу национального и интернационального, менее повествовательной, более страстной, философичной, интеллектуальной, даже драматичной стала казахская поэма. В этом можно убедиться на творческом примере Д. Мулдагалиева, Г. Киарбекова, Т. Бердиярова, И. Оразбаева. Эстафету интернационализации содержания, осовременизации формы казахского стиха подхватило еще более молодое поколение. Это обязало признанных мастеров А. Сарсенбаева, Д. Абилова, С. Мауленова, Х. Ерга-

лиева, Х. Бекхожина, М. Алимбаева и др. работать еще упорнее, еще с большей отдачей. Ибо сдвиги последних лет ясно дали знать, что перемолоть ранее размоленное немного изменит в национальной поэзии.

Жаль, что всесоюзный читатель не всегда в курсе обо всем этом. Не говоря о молодых, книги многих мною названных поэтов, творчество которых ныне служит ориентирами сегодняшних поисков (среди них даже лауреат премии Всесоюзного Ленинского комсомола Мухтар Шаханов), до сих пор не удостоены внимания центральных издательств.

Причиной этого является отсутствие комплексного подхода к реализации программной установки партии о своевременном превращении в достойные многонационального советского общества всего лучшего, что рождается в любой национальной культуре. Этим пользуется зачастую околотитературная предпримчивость, разного рода конъюнктурные соображения.

Бесспорно, что дружба литератур — это благо, но для этого недостаточно погладить по головке по одному из каждого аула, а необходима прежде всего подлинная осведомленность в подлинном состоянии национальной литературы.

Это важно еще и потому, что наши немногочисленные удачи не всегда сопряжены с благоприятствующими условиями.

Ничуть не перевелись архисердные редакторы, которые буквально вчера тщательно изымали из текста даже сатирических стихов слова «судьба», «владыка», «аллах», «взятка», «коррупция», «чинопочитание», как не типичных для лексикона советского человека.

Не полностью сдавали свои позиции ретивые критики, требующие только мажора в отображении действительности и принимающие на штык любую минорную ноту, расширявая их по принципу «Кто и что имеется тут в виду?».

Не изжита в книгоиздательской практике странная координация, интересующая больше всего тем, кто сколько печатался и сколько получил, и не обращающая никакого внимания на то, что над чем и как работает, тем самым предусматривающая в любом писателе потенциального ловкача, прикарманивателя государственных средств вроде как любого заправского продавца или же засидевшегося столоначальника. Отсюда — уравниловка вместо дифференцированного подхода к творческим личностям, длинные очереди, чтобы попасть в планы, вместо своевременной поддержки произведениям талантливым и актуальным.

Не всюду и не всеми понято, что банальное всеодобрение далеко не патриотизм, а повторение общих мест — вовсе не высокодейность. Не секрет, что серость и парадное многописание породили не только околотитературное делчество и всезаискивающую псевдогражданственность, но и опирающуюся на них неуклюжесть бюрократического управления производством духовных ценностей. В наши дни, когда даже хозяйственников призывают к большей самостоятельности, необходимо устранить всякие рудименты никогда

не оправдывающей себя регламентации творческого вдохновения. Без этого велика опасность спекулятивного отношения к перестройке в литературе. А жаль, как раз этого не хотелось бы!

Нет, не спешную переквалификацию вчерашнего сочинителя вирш в виде рифмованных заливчатских рапортов в сегодняшнего составителя рифмованного фельетона или критической реплики, не словесное самоистязание вместо вчерашнего самоубаюкивания, не публичный литературный донос вместо вчерашнего всеу малчивания ждем мы от этой перестройки. В бесстрашном проникновении во все новые, ранее неведомые глубинные пласты действительности — вот в чем смысл сегодняшнего творчества. А ядром этой материковой толщи современного сложного бытия является трепетное человеческое сердце. Именно необходимость пристального, как никогда, прислушивания к его еще более учащенному биению и умения по ним точно и тонко улавливать и героическое, и драматическое, и даже трагическое в наше время — вот что ждет сегодня читатель.

Это открывает широкий простор перед поэзией — и трибуной, и исповедальней.

Ведь испокон веков успешно творили же в одно и то же время бунтарствующий Шиллер и мудрствующий Гёте, дерзкий Хайям и нежный Хафиз, схватывающийся за карающий меч Махамбет и погруженный в горькие думы Абай, трубадур революции Маяковский и не всегда таковой Есенин.

А кто уверен, что наше время не пополнить достойными этот список непреходящих, вечных и великих?! (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Владимир Андреевич Костров.

В. КОСТРОВ. Многое из того, что я хотел сказать, уже сказано, поэтому я буду очень краток.

Сначала один процедурный вопрос. В сегодняшней процедуре проявилась антидемократичность. В адрес многих поэтов, издателей и руководителей Союза на секции прозвучала критика. Отвечать на нее будут не здесь, а на большом заседании. И Е. Исаев вряд ли в 15 минут сумеет отстоять наши идеи и предложения. Я делаю упрек Союзу писателей, что он не продумал демократический порядок дискуссии. Такая дискуссия должна была идти после обсуждения на основном заседании, на съезде. Это первый вопрос.

Второй. Я понимаю боль и тяжесть того, что происходит на Украине и в Белоруссии в связи с Чернобылем и в связи с тем, что в школах звучит все меньше родной язык. Действительно, поэт должен звучать на родном языке. Я думаю, что нужно поддержать это законное требование наших украинских товарищей. (А п л о д и с м е н т ы.) Горьким оправданием нам может быть разве только то, что и в русской школе преподавание ведется не на русском языке, а на волапюкском, который составляет смесь канцелярита с бытовым. Я свою дочку вожу в деревню к бабке. Там она слышит родной язык. Эта проблема тоже

правильно была поставлена в докладе Е. Исаева.

Что касается храма Василия Блаженного: с интернациональной помощью в Москве разрушено столько памятников русской культуры, что давайте оставим этот замечательный храм в покое. Да, действительно, функционально он не работает. Но вы понимаете, в чем дело. Содержанием этого храма является сама форма. В ней есть время и есть эпоха. Скажем, это имеет прямое отношение и к поэзии. Форма для творцов, таких, как Кюлев, Цветаева и ранний Маяковский, т. е. функциональный смысл заключается иногда и в демонстрации формы.

Есть кризис жанра и есть кризис поэзии. Кризис жанра носит организационный характер и, как ни странно, часто со стороны Союза писателей СССР. Предлагаются специфические странные концепции. То у нас замечательная лирика, то у нас расцвет поэмы. Такие обобщающие концепции используют старинный метод Прокруста. Поэзия то вытягивается до поэмы, то обрубается до лирики. У нас сейчас период обрубания. К сожалению, к этому прилагают руку не только критики. Это применяется сейчас и к критике. Даже один поэт и критик могут быть хорошими и могут быть плохими. Одна статья может быть хорошо дополнена другой.

Я человек не злорадный, но нужно сказать, что нельзя так подходить к жанру.

К сожалению, и наши поэты выступают в роли Прокруста. Действительно, надо же быть выше самого жанра, чтобы, как Евтушенко, объявить на всю страну, что у нас период «беспозтыя». Здесь допущен большой эстетический просчет. Чтобы действительно судить о жанре, нужна дистанция и нужно время.

Мне хотелось бы поддержать критиков стихотворения Евтушенко о Нике Турбиной. У меня есть сомнение, что книга Ники Турбиной станет книгой российской «Ники».

Теперь еще один очень серьезный вопрос, который поднимался в той или иной форме, и я хочу его развить.

Есть понятие критического объема. Я считаю, что Союз писателей достиг критического объема. И получается так, что организационно мы расплылись, становимся динозаврами. Когда нога болит, то до головы дело не доходит, т. е. нужно подумать, в какой форме и количестве мы можем существовать как союз. По одной книге видим, что писатель очень талантлив, по другой видим, что он хочет кушать. У меня лично нет претензий, но многим нужно иметь кусок хлеба, будучи членом Союза писателей, т. е. мы не видим, может быть, самого главного.

Я не могу относиться к моим товарищам, менее удачливым или менее способным к пробиванию, плохо только потому уже, что у них очень трудный кусок хлеба. Эти товарищи живут трудно, и хлеб их труден, гораздо тяжелее, чем, например, у пародиста. А дали они своим словом, своим сердцем не меньше, чем дали книги иных маститых писателей.

Я хочу назвать имена этих «неисписочных» людей.

Мне нравятся стихи А. Гевелинга из Калинина, произведения Валерия Токарева, Николая Грачева из Иванова, в Ярославле — Владимир Ковалев, в Загорске — Анатолий Чиков, в Туле — Виктор Пахомов, в Томске — Борис Климычев, в Петрозаводске — Марат Тарасов.

М. Дудин: «В Москве у вас живет Николай Панченко — прекрасный поэт».)

В Томске — Борис Климычев, в Петрозаводске — Марат Тарасов и Юрий Линник, в Волгограде — Михаил Зайцев, в Сыктывкаре — Надежда Мирошниченко, Куйбышеве — Евгений Чепурных, в Тамбове — Александр Макаров и другие.

Хочу сказать, что наш съезд даст многое. Это первый звонок. Это начало, когда мы должны учиться в рамках Союза решать свои задачи при выборе руководителей своих творческих организаций. (А плоды сменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Сафиева Гулрухсор (Душанбе).

Г. САФИЕВА. Пока дошла очередь до Таджикистана, мне повезло. Я услышала очень много из того, о чем хотела сказать, и поэтому буду краткой.

Целиком и полностью и от имени таджикской литературы солидарна с выступавшими товарищами по поводу премий и телевидения.

Хотелось бы сказать и о критериях оценки произведений, о награждении орденами и медалями писателей. Да, у нас награждены знатные люди, но есть и другие прекрасные поэты, которые пока не отмечены ни орденами, ни медалями, но произведения которых составляют чуть ли не основу национальной литературы, в частности литературы Таджикистана.

Разве дело в премии? Теперь я в основном хотела бы сказать о переводе, потому что состояние перевода меня очень беспокоит. Хочу, чтобы вы немного высвободили времени и выслушали, какое положение с переводом, потому что это очень серьезная проблема и эту проблему надо решать. Мы должны эту проблему решать, повторяю.

Далее я хочу сказать, что искусство перевода поэзии располагает древней историей, и все, кто посвятил себя переводу, в первую очередь сами были мастерами и язык переводимого произведения они знали, как свой родной. Великий Авиценна свои научно-философские труды создавал на двух языках, и в обоих — таджикском и арабском в одинаковой степени достиг успехов.

Словом, современное состояние художественного перевода в многонациональной советской литературе заслуживает самого серьезного разговора. Возможно, мне возражат и скажут, что ежегодно переводятся сотни поэтических произведений с различных языков народов нашей страны. Да, действительно, много примеров и много книг, но большинство из них в магазинах не находят спроса. Чтобы убедиться в этом, достаточно пройти в любой книжный магазин.

Конечно, есть хорошие и качественные переводы, но, как говорят таджики, «один цветок — это еще не весна». Можно и на подоконнике вырастить один или два цветка.

Не повезло русскому читателю, грешно, что до сих пор русский читатель либо лишь понаслышке знает о бессмертном произведении мировой литературы «Шахнаме» Фирдоуси, либо читал только отдельные его фрагменты. «Шахнаме» состоит из 9 томов и был создан за тридцать лет. Что ж, подождем другого Фирдоуси, который бы перевел это выдающееся произведение. Другие наши, по выражению Гёте, звезды мировой поэзии — Рудаки, Джалолиддин Бадхи, Авиценна, Саади, Хафиз, Джами и др. при всем своем величии еще не нашли своих настоящих переводчиков. В этом отношении великий Хайям оказался удачливее. Мир познакомился с рубай Хайяма в английском переводе еще в прошлых столетиях. Почему английский перевод Хайяма оказался столь удачным? Потому что англичане перевели его с языка оригинала.

Оставим в покое наших великих поэтов, которые ждут, наверное, других великих, и вернемся в наш мир.

Ежегодно по планам местных и центральных издательств ряд книг таджикских поэтов переводится и издается на русском языке. Все-союзный читатель знает творчество наших известных поэтов — Лахути, Мирзо Турсунзаде, Боки Рахимзаде, Мирсанд Миршакара, М. Каноата, К. Киромы, Г. Сулаймоновой, Л. Шерали, однако другая группа поэтов, такие, как Бозор Сабир, Гулыазар Келди, Рахмат Назри Камол Насрулло, до сих пор не нашли своих переводчиков. Книги издаются, планы выполняются, но результаты не радуют.

Как же должен проходить процесс сотрудничества поэта и переводчика? Переводчик должен отыскать поэта, узнать его, полюбить или наоборот? Или оба? Мне кажется, оба. Все, что мы отметили в состоянии переводов современной и классической таджикской поэзии, это только капля в море.

Почему великолепные поэты в переводе так бесцветны и неинтересны? Существует мнение, что сугубо национальная поэзия непереводима. Разве река или живопись переводится? Можно высказать сколь угодно других мнений. Но настало время переходить от общих рассуждений к действию, потому что в практике мировой поэзии есть удивительно удачные переводы. Значит, можно.

Причина появления неудачных переводов стихотворений маститых поэтов обусловлена бесталанностью некоторых так называемых переводчиков, которые эту важнейшую функцию литературы превратили в источник доходов.

Обратите внимание на список переводчиков издательств. Переводчики, которые «кормятся» в одном издательстве, не имеют доступа к другому. Кто они? Когда кто-то, когда вообще никто! Они неизвестны ни в русской литературе, ни вообще нигде. Но ведь перевод произведения равноценен написанию оригинального, даже больше. Так кто же дал право такому псевдопереводчику

браться за такой почетный труд, как перевод? Кто дает дорогу таким людям? В первую очередь, это безответственное отношение работников издательства, беспечность некоторых авторов, которые стараются любыми путями напечататься в центральных издательствах.

Какая польза от такой книги?

А по таким книгам появляются такие же статьи в печати.

Одно время стало модным делить литературу на городскую и деревенскую, чуть ли не на горную и равнинную, уличную и домашнюю. Теперь стали часто говорить о женской поэзии. Приходится просто удивляться. Разве литература — это рубка дров, чтобы разделить в ней женскую и мужскую силу? А исследованием женской поэзии стали заниматься чаще мужчины. Одним из таких специалистов в Союзе писателей СССР является критик Ю. Суровцев.

Многие из присутствующих помнят его общие статьи о женской поэзии, в особенности о творчестве поэтесс Средней Азии. Почему именно Средней Азии? Надо спросить у него самого. Здесь уместно напомнить, что женская поэзия, в частности в таджикской литературе, имеет тысячелетние традиции. Кстати, современная литература Средней Азии представлена достойными именами поэтесс. Это казахские поэтессы Т. Абдурахманова, Фариза Унгарсынова, таджичка Г. Сулаймонова, узбечки Х. Худойбердыева, Г. Джураева, Г. Нуруллаева, киргизка М. Абылкасымова и др. Но их творчество до сих пор не исследовано должным образом.

(М. Дудин: «Каждый художник начинается с беспощадности к себе самому».)

Я еще не окончила говорить о Суровцеве, а вы — обо мне. Несмотря на то что Ю. Суровцев не знает ни одного из названных языков Средней Азии, он временами дает наставления на всякий случай, с высоты своего кресла, как секретарь Правления Союза писателей СССР по литературам народов СССР. Но, к сожалению, наш, если можно так сказать, крестный секретарь не дает внимательного, заинтересованного разбора творчества того или иного национального автора. Вместо этого мы зачастую находим в его статьях желание, как говорится, одним махом семерых убивать. Отсюда и поверхностность, поспешность делаемых им выводов и иногда недопустимый в критике диктаторский тон. Кто ему дал такое право, спрашивается? (А плоды сенты.)

Зачастую наблюдается легкомысленная оценка произведений нашей многонациональной литературы. Те, кто, не понимая, анализирует, не зная языка, дает оценку творчеству того или иного национального автора, при встречах оправдываются, что они, мол, критикуют переводчика. А встречаясь с переводчиком, говорят, что замечания адресованы автору. До сих пор, не зная, кого же критиковать, они тем не менее критикуют.

Мы много говорим о том, что с переводами дело обстоит плохо в Союзе писателей и вообще в советской литературе. Хочу предложить несколько соображений.

1. Очередной пленум посвятить состоянию художественного перевода литератур Средней Азии, где всесторонне обсудить эту проблему.

2. Видимо, одного Совета по переводу литератур братских народов при Союзе писателей СССР недостаточно. Следует заново переосмотреть работу этого важного участка, изменить его структуру.

3. Нужно иметь в виду создание какого-то научно-исследовательского института или какого-то другого учреждения. Художественный перевод должен охватить все грани литературы народов СССР. (А плоды сенты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Курбандурды Курбансахатов (Ашхабад).

К. КУРБАНСАХАТОВ. Я хочу сказать пару слов о назначении нашей поэзии сегодня. Но прежде этого я хочу сделать одно практическое предложение.

После войны, в 1946 году зимой, мне пришлось участвовать на I Всесоюзном совещании молодых писателей, где участником был М. А. Дудин. На этом совещании Дудин, выступая, полчаса или час цитировал чудесные стихи. Мы все ему аплодировали. Мы сначала думали, что эти стихи принадлежат ему, а оказывается, он читал стихи водителя одного прославленного генерала. Он, сидя за рулем, каждый день сочинял новые стихи.

Мы с Михаилом Александровичем часто встречаемся, но столько лет прошло и неизвестно, изданы ли стихи этого водителя, потому что по рекомендации М. А. Дудина стихи этого водителя должны были быть напечатаны. Я не знаю, правда это или неправда, но это могло быть правдой.

Я вспомнил этот эпизод, слушая интересные выступления уважаемых поэтов, и, кстати, Станислав Куняев сказал, что в Москве и Ленинграде лежит около 700 рукописей молодых поэтов.

Я долгое время работал в Союзе писателей и до сих пор работаю. Мы говорим об идеальных вещах, но эти идеальные вещи часто остаются только на бумаге.

Это очень много. Я хочу такое предложение сделать. Когда всемирно известный академик уходит на пенсию, он остается в лаборатории, в институте. Если эти 700 рукописей будут лежать в издательствах — я боюсь, что если не будут вмешиваться наши академики-поэты в судьбу этих рукописей, то дело не исправится.

Мне кажется, что как 30 лет назад цитировали наизусть и рекомендовали стихи молодого водителя, так и теперь надо делать, чтобы ведущие поэты Союза, начиная с Егора Исаева, возглавляли поэтические отделы издательств.

(Е. Исаев: «Я уже возглавлял».)

Надо, чтобы они давали путь-дорогу будущим нашим надеждам, будущим хорошим поэтам. Пускай практически помогут большие поэты, в том числе М. Дудин, Е. Исаев и другие наши большие хорошие поэты. Без вмешательства больших личностей молодая литература развиваться не будет. Надо практи-

чески заниматься этим делом. Это я знаю по своему опыту.

Теперь два слова о достижениях нашей поэзии на сегодня. Я быстро хочу это прочитать, так как мы уже 9,5 часов занимаемся вопросами поэзии.

Накануне поездки на эту нашу замечательную встречу представителей всех советских литератур я получил небольшую бандероль из Венгрии. Это был одноклассник переводов на венгерский язык нашего великого поэта Махтумкули. В Туркмении народ поет все 15 тысяч строк, вышедшие из-под его пера. Это явление уникальное. Но оказалось, что для поэзии нашего гения не существует ни государственных границ, ни языковых преград.

В чем заключен феномен Махтумкули?

Его поэзия — плод времени. Махтумкули мучился проблемами своего времени и пытался ответить на них. Вот почему любовь к нему была, есть и будет всенародной.

Туркменская советская литература воспитана на поэзии Махтумкули. Октябрьская революция дала моему народу букварь. Это было открытием мира. Это родило почву для рождения новой поэзии.

Характерная черта для всех братских республик Средней Азии — наша поэзия боролась за коллективизацию. И авторы таких стихов сплошь и рядом кровью расплачивались за свои убеждения. Поэтическая метафора «кровавый водораздел» определила социальную, классовую суть земельно-водной реформы.

И конечно же туркменская поэзия возмужала в годы военные, в годы всенародных испытаний. Она встала в солдатский строй, она тянула непосильную, казалось, ляжку в тылу. Была с народом.

Мы живем сегодня под знаменем ускорения. Я воспринимаю это слово как мощно заряженную метафору, насыщенную духом времени, энергией, разбуженной XXVII съездом нашей партии. Повторяя название передовой статьи «Правды» сразу после завершения работы съезда, мы находимся на крутом переломе. Это касается всех сфер нашей жизни. И как тут не вспомнить завет Твардовского: «правды погуще». Поэзия должна будоражить совесть, тревожить сердце. И в этом ее гражданская задача.

Проза медлительна. Поэзия более рефлексивна — вспомните могучие и по сей день волнующие строки: «Вставай, страна огромная». Они родились немедленно после того, как мы узнали о начале войны.

Люди ждут от поэзии ответов на вопросы, которые их жгуче волнуют. Кто ты? Что ты? На что способен? Обязанность поэзии — задавать эти вопросы. Обязанность поэзии — отвечать на них.

В братской семье советских литератур туркменская поэзия выросла, возмужала. Я выше говорил, что революция открыла моему народу путь к грамоте. В этом смысле букварь был социальным оружием. Сегодня на туркменский язык переведены произведения Пушкина и Лермонтова, Некрасова, Маяковского, Твардовского...

Высоту поэтической орбиты определяет творчество таких любимых народом поэтов,

как Ата Атаджанов, Керим Курбаннепесов, Бердыназар Худайназаров, Аннаберды Агабаев, Аллаберды Хандов, Байрам Жутдиев, Атамурад Атабаев, Италмас Нуриев, Курбанназар Эзизов. Их образное слово — добрый советчик людям, и это слово жадно ловится. В один из майских вечеров в центре Ашхабада, возле памятника гениальному Махтумкули, мы вот уже много лет проводим традиционный День поэзии. Приходят тысячи любителей искреннего слова.

Но, отмечая вершинные достижения, нельзя молчать об общей картине. И тут не удержаться от упрека — поэзия наша зачастую пассивна, чтобы не сказать более страшное слово — равнодушна. Что может быть губительнее равнодушия? Странную власть над поэтической строкой обретает последнее время бездарность. Да, любить человечество куда менее хлопотно и обременительно, нежели любить конкретного человека. Это не мною сказано. В потоках рифмованных строк, захлестывающих нашу периодику, много общих слов, безадресных рассуждений на вечные темы, наблюдается явный перекос в сторону ложно-интимной, ложно-философской лирики. Хотя эти упражнения мне очень не хотелось бы называть замечательным словом лирика.

Чем чревато такое отношение к поэзии? Прежде всего угрозой утраты национальной формы. Я говорю не о внешней стороне проблемы. К примеру, еще совсем недавно наши поэты чурались белого стиха, сегодня же верлибром никого не удивишь. Но кто мне скажет, что и у верлибра не должно быть национального достоинства?

Поэт обязан служить своему народу.

Поэзия должна служить своему времени. Боль за Отчизну — вот что делает пишущего поэтом. И тогда он становится совестью народа, его голосом. (А плодись менты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Вилю Хакимовичу Ганиеву.

В. ГАНИЕВ (Москва). В нашем большом, многоотраслевом литературном деле есть такой участок, где существует наибольшая напряженность, где за долгие годы накопилось множество не решенных, но настоятельно требующих решения вопросов. Речь идет, разумеется, о проблемах художественного перевода, которые, кстати говоря, особенно остры в области перевода с языков народов СССР на русский. Посудите сами: ни один писатель братских республик (пусть даже самый признанный в родной литературе!), не имея хороших русских переводов, не может составить себе всесоюзного литературного имени.

Задача представить на всесоюзной арене все лучшее, что создано в братских литературах страны, — это не прихоть отдельных людей, а объективно существующая необходимость, на которую более полувека тому назад указывал Максим Горький.

А ведь это только одна «деланка» большого переводческого хозяйства: кроме внутрисоюзного литературного обмена, осуществляемого более чем на семидесяти языках, есть еще

обширная область переводов с зарубежных языков современной литературы и мировой классики. Растет на глазах переводческая деятельность внутри литературу стран социалистического содружества. И все это требует оперативности, взаимности, высокого качества.

Необходимы умелая организация переводческого дела, правильное использование имеющихся кадров. Нужны новые кадры. Нужны мастера.

Это становится гвоздем завтрашней программы.

Вопросам перевода уделили внимание практически все республиканские съезды писателей: о переводе говорилось во всех докладах. Вчера на нашем съезде этой теме коснулись Максим Танк, Улмас Умарбеков, Миколас Слуцкис и Расул Гамзатов. Вопросы перевода были подняты и в основном докладе Г. М. Маркова. Нельзя не поддержать идеи созыва Четвертого всесоюзного совещания переводчиков — этого требует время, требуют проблемы! Не случайно сегодня на нашей комиссии о переводе говорит каждый второй оратор.

Не грех оглянуться на то, что уже сделано, на то, что стало классикой нашего стихотворного перевода. Мы с гордостью произносим имена таких мастеров перевода, как Н. Тихонов, А. Ахматова, Н. Заболоцкий, С. Маршак, Б. Пастернак, П. Антокольский, Н. Ушаков, П. Тычина, М. Бажан, М. Рыльский, А. Кулешов, Б. Кербабаев, Айбек, С. Вургун, А. Венцлова и др.

В истекшее пятилетие в стране продолжалась интенсивная переводческая работа. В ряде республик начали издаваться библиотечки всемирной литературы, потреблявшие от переводческих сил огромной отдачи. На Украине, например, близится к завершению издание шеститомного В. Шекспира; Д. Павлычко опубликовал антологию мирового сонета, Д. Белоус — сборник Ивана Вазова. В Белоруссии появился «Пан Тадеуш» А. Мицкевича в переводе Язена Семязона. За свои переводы с болгарского удостоен премии имени Х. Ботева Нил Гилевич, которого хочется горячо поздравить с этой заслуженной наградой. В Латвии начинается издание серии «Памятники литературы». На латышском языке появился В. Хлебников. В Казахстане впервые издан отдельной книгой А. Блок, а в переводе приняли участие почти все мастера перевода. В Ашхабаде в переводах А. Атаджанова и К. Курбансахатова вышла антология поэзии Афганистана. К. Курбаннеспесов издал книгу своих переводов «Букет цветов», состоящую из произведений советских и зарубежных поэтов. В Москве осуществили издание новых переводов издательства «Художественная литература», «Советский писатель», «Молодая гвардия», «Современник», «Радуга», «Детская литература»; в Ленинграде — «Библиотека поэта»...

Рамки моего выступления не позволяют мне перечислить и десятой доли того, что сделано. И жаль, однако, что переводческий процесс с его продукцией на многих языках остается не осмысленным критикой и не полу-

чает оценки работы наших переводчиков. До сих пор у нас нет печатного органа для художественного перевода, для сопровождения переводческого процесса.

В отчетном докладе съезду было сказано, что критика мало пишет о детских писателях. А вот о переводчиках вовсе ничего не пишет, не замечает их. Печально, но факт. А если вдруг «Литературная газета» или «Литературная Россия» решат поместить творческий портрет поэта-переводчика, то скорее всего в связи с его собственным творчеством. Разве не украсил бы страницы той же «Литературной газеты» портрет поэта-переводчика Якова Хелемского? Разве не нужен литературной общественности разговор о том вкладе, который внес и вносит в искусство перевода Сергей Васильевич Шервинский?

Кстати, о С. Шервинском. Он начинал свой творческий путь публикацией своих переводов в знаменитом сборнике армянской поэзии, составленном В. Брюсовым, и с тех пор достойно несет эстафету перевода. Человек энциклопедической образованности. Один из лучших переводчиков и исследователей античной литературы. С выходом каждой новой его книги укрупняется и фигура самого поэта. Свидетельством тому книга С. Шервинского «Круг земной», изданная в прошлом году в серии «Мастера поэтического перевода», и книга переводов из Публия Овидия Назона, наиболее полно представляющая этого поэта (1983).

Рядом с Шервинским можно было бы поставить таких мастеров, как Бетти Альвер (Эстония), И. Крещу (Молдавия), А. Хургинас (Литва), А. Мухтар (Узбекистан), Н. Арсланов (Татария) и др.

Сегодня в дело перевода вносят свой вклад поэты разных поколений. Невозможно в кратком выступлении перечислить даже основные силы. Со всей остротой стоит вопрос о смене поколений, о готовности молодых продолжить начатое дело.

К сожалению, приходится констатировать падение качества переводческой работы. Причины тут много — и снижение требовательности со стороны печатных органов, и недостаточная компетентность тех, кто берется за перевод.

Многое зависит, конечно, от издательств и редакций журналов и газет. Ведь это та сфера, где непосредственно решается судьба перевода, где определяется художественный уровень новой работы переводчика. Но всегда ли на уровне так называемая «докнижная критика», осуществляемая редакторами и рецензентами данного издательства? Помогает ли переводчику «корпус рецензентов»? Способны ли редакторы стать сподвижниками автора перевода, его умными советчиками?

Да, можно найти немало положительных примеров. Но, к сожалению, много и негативных фактов. Разве не оказывают издатели медвежью услугу переводчику, публикуя его незрелый труд?

Стихи, переведенные на русский язык, должны быть русскими стихами. Это аксиома. Теоретически это так, но практически... Читаю стихи турецкого поэта второй половины XVII века Юсуфа Наби в переводе А. Шараповой

(Книга «Из старой турецкой поэзии», изданная «Художественной литературой»):

Тот, кто высшего был удостоен поста,
К горькой влаге отставки приложит уста.

И к тому, кто отставку берет добровольно,
Подкрадется однажды тайком пустота.

В пышный сад удовольствия вторглась
отставка.
И, увы, не осталось в саду ни куста.

В турецком подлиннике из строфы в строфу проходит сквозное слово «отставка» («истифа»). На языке оригинала оно многозначно, и автор поворачивает его каждый раз новой гранью. Переводчица же оказалась беспомощной перед этим изящным словоупотреблением, и вот в результате — абракадабра, набор ничего не значащих слов. Совершенно насильно над русским языком: ведь нельзя сказать «вторглась отставка» или «подкрадется пустота»!

Характерная черта нынешнего отчетного пятилетия — появление книг, в которых параллельно публикуются перевод и оригинал. Это новый положительный момент в книгоиздании, ибо читатель получает возможность тут же сравнить перевод с иноязычным подлинником. Сошлюсь для примера на двухтомник В. А. Жуковская.

Надо ли говорить, что такие двуязычные издания предъявляют повышенные требования к качеству русского перевода, требуют от редакторов и составителей самого тщательного отбора. К сожалению, на практике это требование передается забвению. В антологии «Английская поэзия в русских переводах» (издательство «Прогресс») за стихи Уильяма Блейка выданы такие строки (цитирую полностью стихотворение «К Тирзе» в переводе В. Топорова):

Рожденный Матерью Земной
Опять смешается с Землей;
Став прахом, станет Персть
равна —
Так что же мне в тебе, Жена?

Восстав из Спеси и Стыда,
Два пола пали в Никуда;
Но Смерть до сна низведена —
Два Пола встали после сна.

Мать Смертной Участи моей!
Дарительница Всех Скорбей!
Замазала твоя слеза
Мне Ноздри, Уши и Глаза.

Мне косным сделала Язык.
На смерть я из Тебя возник!
Душа Голгофой спасена —
Так что же мне в тебе, Жена?

Стихотворение У. Блейка написано на библейский сюжет и не является легким для переводческой интерпретации. Столкнувшись с немалыми трудностями, автор перевода, однако, не пошел вглубь, а как бы снял слепок

с подлинника, не вникая в смысл. Прочитав перевод, русский читатель не поймет ровным счетом ничего; В. Топоров умудрился зашифровать, затуманить даже то, что ясно и просто было выражено в оригинале.

«Став прахом, станет Персть равна», — пишет переводчик. Равна чему? — хочется спросить. К тому же старое слово «Персть», по Далю, то же «прах».

К сожалению, нет возможности более подробно говорить о промахах переводчика, который, кстати, в той книге представлен рядом неплохих работ.

Недостаточно требовательно подходят к печатанию переводов наши периодические издания. Так, например, «Литературная Россия» 25 апреля 1986 года в связи со столетием со дня рождения классика татарской литературы Габдуллы Тукая поместила на своих страницах новые переводы его стихотворений. Но, увы, радости читателей эти публикации не принесли. Стихотворение «Осень» в русском переводе Е. Винокурова состоит из пятнадцати двустиший, то есть из тридцати строк; но по небрежности редакционных работников на газетную полосу попали всего три двустишия, то есть шесть строк! Комментарий, как говорится, излишен. Стихотворение «Разбитая надежда» в прежнем переводе Анны Ахматовой точнее и вернее передавало содержание этого шедевра Г. Тукая; но читателю предложен пусть новый, но легковесный вариант перевода. Читаю:

Не дадут ночлега купы в рощах милой мне
земли,
на деревьях — ни листочка, ветви долу
полегли.

Нет, не это хотел сказать Г. Тукай. Не о конкретных деревьях и ветвях он писал, не пейзаж изображал — в оригинале речь идет о деревьях нации, которые засохли. Это уже сказано о бедственном положении родного народа (цитирую подстрочник: «Сколько бы я ни пел, сев на деревья нации, // Все они сухие — ни одного живого, покрытого листвою»).

Издательство «Современник» подарило читателям хорошую серию «Венок славы». Но попали в бочку меда и капли дегтя. В пятой книге этого сериала опубликовано стихотворение, автором которого назван Муса Джалиль. Однако М. Джалиль никогда не писал этого стихотворения; нет его и в сборниках поэта. Кто-то ввел в заблуждение составителя Н. Старшинова. Впрочем, достаточно было составителю или редактору для проверки самих себя обратиться к книгам М. Джалиля. Все просто, но руки не дошли! А редакционные работники «Литературной России», как мы уже убедились, не удосужились проверить в книгах Г. Тукая, как выглядит его стихотворение «Осень».

Нашими издательствами уже начата работа по обновлению переводов классики. Многие произведения классической поэзии народов СССР были переведены в тридцатых, сороковых и пятидесятых годах. Замена устаревших переводов диктуется временем. Нужны новые, но не просто «новые», а более высокие по

художественному уровню и интерпретации. Кто их сделает, кто на это способен? Вот вопрос вопросов. Нужна кропотливая и требовательная работа с переводчиками. Хорошие переводы не создаются в одночасье, по мановению волшебной палочки. Их надо копить, советовал С. Маршак.

Много слабых мест и звеньев в нашем переводческом процессе. Перевод нуждается в создании более благоприятных условий для своего развития, в лучшем организационном, материально-техническом и кадровом обеспечении. Как ни парадоксально, образовался разрыв между высокими словами о переводе, цементующем дружбу народов, и практической заботой о его развитии. И перспектива обновления переводческого дела в стране находится в прямой зависимости от того, будут или не будут созданы для него более благоприятные условия. (А плодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Владимир Кириллович Карпекко.

В. КАРПЕКО. Прежде чем начать свое выступление, я хочу сказать буквально два слова в защиту Николая Старшинова. Дело в том, что мы с ним живем в одном доме, и, часто бывая у Старшинова, я видел, как его кабинет был завален материалом по 12-тому, видел, как он кропотливо работал. И то, что переводчик, а не Старшинов совершил ошибку, не значит, что можно зачеркнуть всю огромную работу, проделанную Старшиновым.

Теперь мне хотелось бы, товарищи, поделиться несколькими мыслями о том, что мне близко и дорого, — о так называемом «фронтном поколении» поэтов. Правда, последнее время кое-кто стал сомневаться: было ли и существует ли оно, это «фронтное поколение». Ведь вот Юрий Кузнецов со всех трибун неоднократно и категорически заявлял, что такового не было и нет! Не было ни Александра Твардовского, ни Константина Симонова, ни Евгения Долматовского, ни Семена Гудзенко, ни Аркадия Кулешова, ни Андрея Малышко, ни Михаила Дудина, ни Сергея Орлова... и т. д. и т. д.

Не пели всем народом «Вставай, страна огромная...», «Бьетса в тесной печурке огонь...» Алексея Суркова, не пели песен Фатьянова и Матусовского!..

Мне думается, что если не все, то многие присутствующие прочли в пятом номере «Нового мира» — письмо и стихи Марка Соболя, адресованные Юрию Кузнецову. Все же для тех, кто не читал, я процитирую приведенную в письме Соболя выдержку из статьи Юрия Кузнецова «Союз души с душой родной» в шестом номере «Литературной учебы» за 1984 год о стихотворении «Жди меня», и я вернусь...».

«Это агрессивный эгонизм чистой заморской воды, он чужд и не имеет ничего общего с народным воззрением на любовь». Марк Соболев дал в своем письме достойную отповедь Юрию Кузнецову, справедливо заметив, что «...посмертные оскорбления исключают мужество и совесть».

Я знаю наизусть стихотворение «Жди меня» и, сколько ни пытался, ничего «заморского» в нем обнаружить не смог.

Юрий Кузнецов не только в статьях и выступлениях, но и в своих стихах говорит о поэтах снисходительно — небрежно:

Как пауза, Владимир Соколов
Возникнул, ничего не обещая..

(«Прощание»)

И — там же:

Рубцовский стих угрюмо шевельнулся.
Но звук уга, как золотой нарек..

Однако Владимира Соколова мы знаем как большого мастера, владеющего высокой культурой стиха, да и рубцовский стих не просто «шевельнулся», а отозвался в сердцах многих людей, любящих поэзию.

Зато о себе Юрий Кузнецов довольно высокого мнения:

Я бросаю в измоглый туман
Роковую перчатку...

Однако:

Машинисту последний стакан,
Чтобы поезд летел, как собака.
Не грустите, Валерка, Вадим,
Я вернусь знаменитым поэтом.
Мы еще за успех воздадим,
Шапку оземь и хвост пистолетом!

(«Прощание с Краснодаром»)

Боюсь, что поэт избрал не тот путь, чтобы стать «знаменитым»: принижая, а то и вовсе зачеркивая других.

Не знаю, известно ли ему, какими нас, русских, зарубежные писатели представляют перед своими читателями. Они, правда, уже не пишут, что по Москве бродят медведи, но до сих пор живописуют нас этакими мужиками-вахлаками, дикими да буйными. Но странно — Кузнецов вторит им в своих стихах:

Мать-вселенную поверну вверх дном,
А потом засну богатырским сном.

(«Ты не стой, гора...»)

И через несколько страниц:

Качнет потомок буйной головою,
Подымет очи — дерево растет!
Чтоб не мешало, выдернет с горою,
За море кинет — и опять уснет.

(«И снился мне кондовый
сон России»)

Листаю страницу за страницей книгу Юрия Кузнецова «Выходя на дорогу, душа оглянулась», изданную сорокатысячным тиражом в издательстве «Молодая гвардия», и то и дело натякаюсь на строки: «Скрипя зубами (?), спали соловьи», «Мне снились ноздри...», «Поставил чум и вздул огонь и задремал до лета...» — и так из стихотворения в стихотворение: сплошное сонное царство! Так что не от «Жди меня», а от этих стихотворений попа-

хивает «заморской водой», только не «чистой», а довольно мутной!

Что же касается: «Мать-вселенную поверну вверх дном, а потом засну богатырским сном» — то у нас совсем другое «потом». Наши отцы и на самом деле «повернули вверх дном» старый мир, но, как поется в известной революционной песне: «... а затем — мы наш, мы новый мир построим...» И построили! А мы сумели защитить его! А потом — опять-таки *наше* «потом» — продолжали и продолжаем строить его и делом и словом!..

Годы и раны сделали свое — многих уже нет среди нас. Но живет их поэзия — поэзия Александра Твардовского и Константина Симонова, Михаила Луконина и Сергея Наровчатова, Семена Гудзенко и Павла Шубина, Бориса Слуцкого и Михаила Светлова...

Да и в поредевшем строю есть еще немало, говоря языком устава, «активных штыков»: Константин Ваншенкин, Сергей Викулов, Евгений Винокуров, Юрий Воронов, Евгений Долматовский, Юлия Друнина, Владимир Жуков, Егор Исаев, Юрий Левитанский, Михаил Львов, Марк Максимов, Алексей Марков, Александр Межиров, Александр Николаев, Григорий Поженян, Давид Самойлов, Марк Соболев, Николай Старшинов, Василий Субботин... Я не могу из-за недостатка времени всех перечислить пофамильно. Ведь это не просто фамилии, а у каждого из вас наверняка в связи с ними возникают какие-то ассоциации, вспоминаются стихи: «Соловьи» Дудина (каждый раз, когда я перечитываю, слезы навертываются на глаза), «Ты помнишь, Алеша...» Симонова, «Суд памяти» Исаева и т.д.

Есть и другие — это Александр Лесин, Николай Домовитов, Федор Сухов, Николай Корнеев, Михаил Тимошечкин и еще, и еще. И хоть мы и твердим, что в наш век скоростной транспортабельности нет провинций — увы! — перья критиков не достигают не только окраин, но и более близких к Москве мест. И стоило бы присмотреться повнимательней к тем, о которых хорошо сказано в стихотворении Виктора Кочеткова «Фронтонные поэты»:

Нас большая война малословью учила:
Так скажи, чтобы ярость топила снега,
Чтобы строчка поlynною правдой горчила;
Чтоб метафора пулей разила врага.

И в сегодняшней лирике снова и снова —
Если книги друзей принимаюсь читать —
Узнаю под гражданской одеждою слова
Фронтонную былую повадку и статью.

Узнаю эту строгую собранность фразы,
Эту слитность поэта с народной судьбой,
Узнаю эти грозные ямбы приказа,
Поднимавшего нас в наступательный бой.

Эти «грозные ямбы» звучат и в стихах Александра Лесина, который в первые послевоенные годы, когда наши ладони еще хранили тепло рукопожатий американских солдат в поверженном Берлине, написал стихотворение

«Мы ничего не позабыли». Оно и сегодня поражает своей прозорливостью в строчках, обращенных к заокеанским войкам: «... А вы уже темните небо, бряцаете оружием вновь, иль стала вам насущней хлеба горячая людская кровь?» («Братское поле», «Таврия», 1980). Через тридцать с лишним лет один из деятелей Белого дома повторил это почти дословно: «Есть вещи поважнее человеческой крови!» В стихотворении у Н. Петропавловского рассказывается о том, как солдат увидел «желтого птенца», выброшенного из гнезда взрывной волной:

Среди немислимого воя
Осатанелого свинца...
И под шинелью в поща боя
Я вынес все-таки птенца.
Пустяк? Ну да, пустяк.
А вспомнил!
Жива воспоминаний нить —
Как будто главное исполнил,
Ради чего и стоит жить.

(Надежность),
«Советский писатель», 1985)

Да, против убийц с засученными рукавами и пьяными мордами, вломившихся в наш дом, встали работящие люди, взявшие в руки оружие, чтобы защитить свой труд, свой дом, свою родную землю! И Михаил Тимошечкин в стихотворении «Были это все живые люди», посвященном погибшим друзьям, находит точные краски в описании их: «Соль на гимнастерках прикипела, будто на току на молотьбе».

Тяжела их ратная работа,
Но работать им не в первый раз:
И родились в поле у ометов,
И встречаются тут последний час.

А те, что остались в живых, и сегодня проявляют тот же характер, и та же человечность, даже какая-то нежность присутствует в их стихах. У того же Александра Лесина мы находим образцы тонкой лирики, как, например, в стихотворении «Шла женщина и улыбалась», в котором женщина несет эту улыбку — воспоминание о чем-то очень дорогом ей. И свет этой улыбки озаряет заключительную строфу:

Пусть душу воспалит охота,
Чтоб и тебя, среди забот,
Вот так улыбой вспомнил кто-то
И через день и через год.

У меня еще есть стихи названных поэтов и не названных, но поскольку время мое истекло, мне хотелось бы еще несколько слов сказать. На Московской конференции и на съезде РСФСР много говорилось о «потоке серости» в литературе, и нас агитировали следовать примеру тех, кто «набивал себе синяки и шишки», но пробивался с талантливыми произведениями.

Но, во-первых, говоря о «потоке серости», не назвали ни одной фамилии, а во-вторых: почему талант должен набивать себе «синяки

и шишки»? Может быть, следовало бы руководству повернуться лицом к тем, кто спокойно пропускает «поток серости» и набивает «снижки и шишки» всему талантливому?..

Думается, что это был бы более правильный путь. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Юрий Львович Прокушев.

Ю. ПРОКУШЕВ. Чтобы идти уверенно вперед, важно при рассмотрении литературного процесса, включая поэзию, не перегибать палку ни в ту, ни в другую сторону, не впадать из одной крайности в другую. И хотя здесь, так же как и на пленарном заседании, о критике говорили в основном лишь в негативном плане, и можно было бы начать оправдываться, а главное, показать, что и у критики есть свои положительные моменты, я хочу сказать о другом, затронуть иные вопросы.

Как критик, более трех десятков лет занимающийся практически прежде всего поэзией, анализом ее движения и развития, наблюдающий ее взлеты, крутые повороты, а порой досадные просчеты, мне хотелось бы коснуться вопроса об «отставании поэзии» и поспорить с некоторыми ораторами, выступающими здесь, «о кризисе нашей поэзии» и о том, что мне видится главным в поэзии за последнее десятилетие.

Я должен сказать, что в это сложное, порой драматическое, время духовной жизни нашего общества поэзия в своих лучших, наиболее честных и совестливых книгах, впрочем, как и в лучших книгах прозы, как бы нравственно помогала народу пройти с меньшими духовными потерями через очень сложный, противоречивый путь, когда, к сожалению, в больших и малых делах катастрофически разрушалось единство слова и дела; когда хороший смелый подвиг на Малой земле, не без усилия нашей пропаганды и литературы, стал заслонять величие Сталинградской битвы, оборону Москвы и Ленинграда. Когда (особенно в последнее десятилетие) с экрана Центрального и местного телевидения, с концертных эстрад, больших и малых, от Москвы до «самых окраин» вокально-инструментальные ансамбли и подансамбли, Леонтьевы и подлеонтьевы размывали подлинный эстетический вкус народа, понимание истинной красоты, прекрасного в жизни.

Сейчас на телевидении делаются первые робкие шаги покрывать это ненормально сложившееся положение, чтобы действительно идти вперед. Я понял, что Станислав Куняев, выступая здесь с содокладом «Поэзия и средства массовой информации» говорил не о рекламе для поэтов на телевидении, а о более серьезных вещах. О пропаганде лучших образцов поэзии на голубом экране. Что же касается «рекламы», то некоторые наши поэты в каких только передачах не появляются, скоро дойдет очередь до «Жизни животных». Это, прежде всего, очень плохо для самих поэтов, которые соглашаются на это. Такие «модные», примелькавшиеся стихотворцы, очевидно, не предполагают, что очень часто телезритель их отключает. Но я говорю о дру-

гом: о месте, которое художественное слово должно занимать в самой коммуникабельной связи народа, с писателями — на радио и телевидении. Вот что хотелось бы еще заметить.

Как и многие, я играл в футбол и люблю футбол. Но когда огромное количество экранного времени отдается футболу, другим спортивным передачам и играм или передаче «Вокруг смеха» на уровне «капустника» — это уже слишком много. Кому и зачем нужна такая свехрзвлекательность!

Я думаю, что съезд должен вынести решение — просить Центральный Комитет партии навести полный порядок в этом деле. Слово писателя должно занять подобающее ему место на телевидении.

Тут критикуют лилитературно-драматическое вещание. Вот один факт. Незадолго до смерти крупнейшего современного поэта Василия Федорова в марте 1984 года была наконец-то записана беседа с ним. Два с лишним часа шла эта поучительная беседа. Сейчас, когда передача о Федорове наконец-то готова к эфиру, кажется, что автор ее как будто был на XXVII съезде. Но нужно было два года потратить, чтобы добиться этой передачи. Накануне нашего съезда в Главной редакции литературно-драматического вещания передача наконец-то была принята. «У меня нет замечаний, у нас редко бывают такие передачи. Для многих это будет открытием», — сказал руководитель литературно-драматического вещания.

Я говорю: нельзя ли показать передачу в дни съезда или после съезда? А мне говорят: у нас все запрограммировано. Вот пройдут Игры доброй воли, тогда посмотрим. Речь идет о том, чтобы не только поэтическое, а вообще художественное слово приобрело на телевидении настоящее, подобающее ему место. Даже радио делает больше в этом отношении.

Я думаю, что, если резко увеличить литературно-драматическое вещание, тогда многонациональная поэзия — и русская, и украинская, и белорусская, и узбекская, и киргизская, и казахская, и башкирская, и татарская, и многие другие — сможет сообщать нести благородную «службу души» в наше очень сложное, порой трагическое время, «службу» нравственной жизни народа. Это главное.

Беда заключается еще и в том, что у нас в поэзии есть подлинные и мнимые вершины, есть «пробойные поэты», есть талантливые, как правило, скромные, совестливые. О последних в нашей критике говорится редко. В 1982 году в полемических заметках «Талант художника и критика» (их напечатал журнал «Москва») я попытался сказать об этом ненормальном положении, о досадных просчетах нас, критиков, в оценке истинно талантливых поэтических книг и сразу же получил «дубинкой по голове» от «Литературной газеты». Появилась огромная статья, в которой меня поспешили объявить в субъективизме. Дело дошло до личных оскорблений, до упреков в отсутствии элементарной культуры и знаний поэзии. Статья была настолько очернительски грубой, теоретически беспомощной, что вступить с ее автором в какой-либо творческий спор было бесполезно. Оставалось одно:

«поблагодарить» «Литературную газету» за «рекламу». После ее «шумного» выступления, дополнительно, многие прочитали мою статью в журнале «Москва».

Теперь несколько о другом. Многие сейчас говорят о «кризисе» поэзии, особенно русской, о том, что книги поэтов не покупаются, что вечера поэзии проходят в полупустых залах. Давайте говорить об этом конкретно: какие поэтические книги не расходятся, почему зачастую пустуют залы, когда выступают иные поэты, почему народ не собирается. Истина конкретна. 25 апреля этого года здесь, в этом зале проходил вечер поэзии Валентина Сорокина. Не только все места были заняты, но во всех проходах стояли люди. Было радифицировано и заполнено фойе Дома литераторов, где разместились те, кому не хватило места в зале. Два с половиной часа, без перерыва, шел этот содержательный, прекрасный вечер поэзии, этот «праздник души». Валентин Сорокин читал свои дерзкие в слове и мысли, народные, партийные стихи. Мне счастливо довелось председательствовать на этом вечере. Было множество записок, множество вопросов. Поэт *отвечал* на все вопросы, порой острые и «колючие», отвечал правдиво, открыто, остроумно, в духе лучших традиций Маяковского. Или здесь говорили о Василии Федорове. Вот ушел из жизни великий поэт. Рано ушел, трагически. Много было у него планов. Через год на родине поэта его земляки, без всяких решений секретариата, в далеком сибирском селе Марьевка Кемеровской области организовали праздник поэзии Василия Федорова. И сколько, вы думаете, на него собралось? Не две-три тысячи, а пятнадцать тысяч (!!!) человек. Собрались по велению сердца, чтобы встретиться с миром поэзии Василия Федорова, благодарно поклониться его родной земле.

Наверное, если мы будем говорить, что поэзия у нас плохая и критика плохая, мы толку не добьемся.

Я думаю, настала пора поставить и обсудить на одном из пленумов СП СССР по-серьезному проблему: поэзия и критика. Мы в одном Союзе, у нас одни творческие задачи. Многого прояснится. Тогда прояснятся и другие вопросы.

Здесь говорили об издательствах. Я мог бы много говорить о работе издательств, потому что мне довелось создавать и более восьми лет работать директором издательства российских писателей — «Современника». Но, товарищи, директор издательства до сих пор находится в худшем положении, чем долгие годы находился председатель колхоза: он практически ничего не может самостоятельно. К примеру, автор принес в издательство рукопись своей новой книги, талантливой, современной. Казалось бы, печатай ее срочно. Однако директор не может этого гарантировать автору. У него утвержденный темплан и нет ни одной резервной позиции. В лучшем случае он эту современную книгу может издать через 3—4 года. Что — книгу. Директору надо увеличить на 1-2 авторских листа объем плановой рукописи. Увеличение пойдет на пользу идейно-художественному содержа-

нию будущей книги. Директор не может сам решить этот вопрос. Надо обращаться в Госкомиздат. Вести переписку, докладывать... В конце концов решают. А время будет упущено. А сколько ограниченный ставит перед издательством типография! То для нее невыгоден объем книги, то тираж и т.д...

Надо вот еще о чем сказать. На пленарном заседании Сергей Залыгин на два года предложил закрыть прием в Союз писателей. Но, товарищи, надо быть реалистами: нельзя искусственно затормозить живой литературный процесс. Если бы Госкомиздат хотел неформально решать вопрос об издании поэзии, особенно первой книги писателя, почему не пойти на то, чтобы первую книгу выпускать тиражом не 5—10 тысяч экз., а издать пробным тиражом 500—1000 экз. Ведь издали в свое время первую книгу Есенина тиражом полторы тысячи экземпляров, и, кстати, он не сразу разошелся. После того как с «Радуницей» Есенина познакомился читатель, сказала свое слово критика, потребовались второе и третье издания этой книги.

Сейчас практически все до мелочей диктует Госкомиздат. Но неужели издательство или Союз писателей хуже, чем Госкомиздат, знают, кого надо издавать в первую очередь, кому прибавить, а кому убавить объем, кому и какой дать тираж, какую книгу сопроводить предисловием, комментарием и т. д.

После смерти поэта В. Д. Федорова издательство «Современник» совместно с Комиссией по литературному наследству поэта СП СССР стали готовить к изданию наиболее полное собрание сочинений Федорова в 6 томах. Госкомиздат СССР говорит: у нас еще ранее, при жизни поэта, собрание запланировано в 4 томах, без комментариев, без всяких примечаний, так и издавайте. Почему? Неужели хуже знает издательство, неужели хуже знает Союз писателей, как следует ныне, после смерти поэта, издать его собрание сочинений? Комиссия по литературному наследию В. Д. Федорова вновь поставила вопрос перед Госкомиздатом СССР о 6-томном собрании сочинений поэта. Я обратился с личным письмом к председателю Госкомиздата — т. Ненашеву. Обещают решить вопрос положительно... А время идет...

И последнее. Как и другие делегаты, очень взволнован выступлениями Бориса Олейника, Нила Гилевича, Дмитро Павлычко. В последнее время, особенно в Белоруссии, в связи с Днями поэзии Ковалева, я бывал там не однажды и должен сказать, что мы понимаем и разделяем тревогу белорусских писателей о судьбе их самобытного родного языка, и в частности, того очевидного факта, что и книги на белорусском языке не очень расходятся и покупаются в республике.

Хочу сказать нашим украинским и белорусским друзьям: не думайте, что у «старшего брата» нет серьезных проблем, связанных с судьбой родного русского языка, что по этой части у нас, в России, все хорошо. Есть, есть здесь вопросы и проблемы, и далеко не частного характера. Это прежде всего размывание национальных основ русского языка, оскудение его словарного запаса, поэтики, сти-

листки. Многие наши книги пишутся и издаются на каком-то обескровленном, безликом, усредненном языке, ничего общего не имеющем с языком Пушкина, Толстого, Есенина...

Я не хочу никого обидеть, никого из писателей наших национальных республик, но чтобы показать конкретно и наглядно, что и «старшему брату» бывает трудно, что и он порой оказывается в далеко не равном положении, позволю себе привести некоторые цифры.

Здесь говорилось о русском поэте Василии Федорове. Он был скромным человеком. Никого не расталкивал локтями. Но его хорошо знали любители поэзии. Книжки его стихов и поэм расходились всегда мгновенно. Их почти невозможно было купить. В 1978—1984 годах было издано 6 книг Василия Федорова на русском языке, тиражом 315 тыс. экз., и одна книга на языках народов СССР тиражом 2100 экз. А книги стихов уважаемого мною талантливого поэта «маленького» дагестанского народа Расула Гамзатова в эти же годы были изданы в переводе на русский язык 29 раз, тиражом более двух миллионов, и еще 24 издания вышли на языках народов СССР, тиражом более 200 тыс. экз.

Вот вам и равноправие, вот вам и преимущество «старшего брата».

Допускаю, что Расул Гамзатов мог и не знать о всех своих изданиях. Известны факты, когда на периферии выпускают книги, а автор узнает об этом, когда они уже изданы. Но ведь есть Госкомиздат, у него целое управленческое координирующее, сотни людей.

Я уже не касаюсь здесь издания собрания сочинений и т. д.

Надо нашему съезду поставить вопрос о том, что писатели прежде всего сами вправе заниматься изданием своих книг, чтобы была гласность во всем издательском деле. Мы можем иногда спорить без достаточных аргументов, может нас и «заносить». Но «кто есть кто» среди нас, мы хорошо знаем. Знаем мы, что и в Госкомиздате РСФСР и СССР есть умные, думающие, внимательные работники. Виноваты во многом не они, а «система». Система мелочной опеки, обильного количества инструкций и методик, разного рода формалистических ограничительных моментов. Она губит живое издательское дело, ставит по сути дела писателя в бесправное положение перед редактором, типографией, книготоргом.

Мне довелось возглавлять издательство «Современник» с правами члена коллегии Госкомиздата РСФСР. При всем том, если быть откровенным, сколько времени и сил приходилось затрачивать порой на преодоление прочно укоренившейся госкомиздатовской системы мелочной опеки как издателей, так и писателей.

Заканчивая, хочу еще раз сказать: мы все надеемся, что на этот раз наши предложения, разговоры, мысли, деловые и конкретные, будут не только приняты к сведению теми, к кому они обращены, а сообща с нами, с писателями, будут, хотя бы поначалу процентов на 20, реализованы, претворены в жизнь. (А плоды сменены.)

М. ДУДИН. Закрывая сегодняшнее наше заседание, я хочу вспомнить одни стихи:

Наш век пройдет. Откроются архивы.
И все, что было скрыто до сих пор,
Все тайные истории извивы
Свои покажут славу и позор.
Богов иных тогда померкнут лики,
И обнажится всякая беда,
Но то, что было истинно великим,
Останется великим навсегда.

Эти стихи принадлежат Николаю Семеновичу Тихонову. Они говорят сами за себя. Тихонов был не только прекрасным поэтом, не только одним из первых организаторов нашей советской литературы, он создавал наше великое братство литературы, закладывая основы взаимных переводов.

Поэзия не профессия, а судьба. Легких судеб в поэзии не было и не будет. Переводческая работа — это сугубо творческое дело, в основе которого лежит железная необходимость — или я это сделаю, или не сделаю. И если мы к переводческому делу будем относиться с такой требовательностью — у нас все будет хорошо. И еще мне хочется сказать о Поэзии — Великой Мозаике жизни, о той самой Мозаике, которая украшает нашу жизнь всем своим многообразием.

На празднике жизни нет плохих народов. А от сволочей, к сожалению, любой народ еще не избавлен.

В мозаике наших языков нет плохих языков. Все они на празднике поэзии, каждый по-своему, несут свое откровение. И все они через переводы учат мир человеческому братству, самому прекрасному свойству человеческой души, и нам надо обязательно сохранить это многообразие языков, потому что каждый язык создал душу народа, и об этом забывать нельзя.

Если мы забудем это, то боюсь, что в едином универсальном языке останется только одно слово «дай!».

Мне вспоминаются стихи Тараса Шевченко.

Без малодушной укоризны
Пройти мытарства трудной жизни,
Изведать пропасти страстей,
Понять на деле жизнь людей,
Прочсть все черные страницы,
Все беззаконные дела,
И сохранить полет орла
И сердце чистой голубицы —
Се человек!

Тарас Григорьевич написал их по-русски. Значит, он мог все писать по-русски. А он этого не делал. Потому что всем своим гением любил душу своего украинского народа и хотел укрепить своим первородным языком его бессмертную судьбу.

Этот пример полезен нам и сейчас. Да как еще полезен!

По земле нашей сейчас идет так называемый технический прогресс, а горе на земле от этого

технического прогресса не уменьшается, а увеличивается. И роль искусства, его суть и сущность остаются прежними. О ней очень хорошо сказал в свое время Федор Иванович Тютчев:

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется.
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать.

И сейчас это сочувствие требуется от поэзии и в Чернобыле, и в Афганистане, и в других местах. И мы обязаны дать это сочувствие человеческой душе.

А сейчас я передаю слово нашему председателю Егору Исаеву. (Аплодисменты.)

Е. ИСАЕВ. Дорогие друзья, сегодняшний день мы говорили и думали на Комиссии о поэзии всей нашей страны, большой поэзии, разной по цвету слова, по яркости слова, по характеру. Я слушал внимательно каждое выступление, и каждое выступление было подключено к жизни.

Дорогие друзья! Как председателю комиссии мне хотелось бы поблагодарить всех вас за выступление и горячие, я бы сказал, содержательные аплодисменты аудитории. Ведь это не просто аудитория, а действительно делегаты нашей великой поэзии. Некоторые выступления были такими, что мне хотелось, как мальчишке, подойти к ораторам и сказать им спасибо. Удивительно интересными были выступления Г. Горбовского из Ленинграда и Н. Дабжи из Молдавии.

В заключение скажу следующее. Да, мы страна великого народа, великой культуры, великой литературы и великих поэтов. Такой поэзии нет нигде в мире. Это наш великий русский язык. Но есть и другой язык — это язык глубины, озабоченности, откровенности, размышлений, дружелюбности, большой любви и понимания своего достоинства поэта и поэзии. На этом языке и выступали сегодня наши товарищи.

Спасибо! (Аплодисменты.)

ПРИЛОЖЕНИЯ

Р. АМАШУКЕЛИ (Тбилиси). VIII съезд писателей СССР представляет собой форум многонациональной советской литературы, жизненно важный для ее настоящего и будущего. Более того, этот форум — огромное событие не только в советской, но и во всей мировой, международной культуре.

Советская литература — это часть мировой классической и современной культуры, она кровно заинтересована в освоении ценных творческих достижений мировой культуры, и ярким тому доказательством служит то, что на нашем съезде присутствуют гости из многих зарубежных стран, и, что главное, они не только присутствуют, но и принимают активное участие в работе съезда.

Естественно, что на форуме такого масштаба рассматриваются и решаются самые

глобальные, самые важные для всех советских национальных литератур проблемы и вопросы. Конкретные, локального характера вопросы и проблемы были рассмотрены в союзах писателей братских республик, результаты проделанной работы должным образом проанализированы, обобщены, и сегодня на Всесоюзном съезде мы как раз для того и собрались, чтобы поделиться друг с другом накопленным опытом, побеседовать о причинах наших удач и неудач.

Я постараюсь в общих чертах познакомить вас с положением дел в современной грузинской поэзии, с ее основными тенденциями.

Разумеется, существенная, основная тенденция современной грузинской поэзии состоит в том, что она (поэзия) по-прежнему живет радостями и горестями своего народа и может с честью, во всеуслышание повторить слова великого Ильи Чавчавадзе: «Всегда и везде я с тобой, Грузия!»

Многовековая наша литература завещала нам любовь к родному народу, солидарность с другими народами в духе интернационализма, служение идеям гуманизма, мира, добра, и мы, выразители новой социалистической Грузии, остаемся верными этому завещанию.

Вся наша творческая энергия направлена на то, чтобы оказать посильную помощь трудящимся республики, всей Советской стране в борьбе за достойное решение тех задач, которые поставил перед нами XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза.

Позволю себе напомнить вам, что на XXVII съезде партии было в очередной раз подчеркнуто огромное значение человеческого фактора. Человек, его свобода, права и обязанности, его способности, его не только общее благополучие, но и быт, и каждодневное расположение духа — все это понятия священные для общества в целом и, тем более, для литераторов, в частности.

Заботы и думы современной грузинской поэзии прежде всего — о человеке, они непрерывно и целеустремленно направлены на еще большее облагораживание его «души и тела», его бытия и чаяний, на достижение все большей гармонии между человеческой душой, поведением человека и смыслом его существования. И под всем этим в первую очередь разумеется неустанный каждодневный труд на благо нашего современника, поднятие его духа. Но конечно же нам ни в коей мере не следует забывать о прошлом, об извлечении надлежającego опыта из опыта исторического. И тут, с вашего позволения, я вновь обращаюсь к словам великого Ильи Чавчавадзе: «Пора покончить с печалью о прошлом, иная звезда должна нас вести, мы должны свою сами создать будущность, народу будущее дать мы должны...»

Мы можем с уверенностью сказать, что за время, прошедшее с VII съезда писателей СССР и IX съезда писателей Грузии, грузинская поэзия не дала грузинскому народу и, исходя из этого, и всей советской культуре нового Галактиона Табидзе. Тут же могу с полной ответственностью заявить, что тот Галактион, с которым знаком русскоязычный читатель, является всего лишь тенью истин-

ного Галактиона. Ваш долг, дорогие коллеги,— достойно перевести поэзию Галактиона Табидзе на языки народов Советского Союза — по-прежнему остается за вами. Лишь о такого рода долге возможен разговор между братьями.

Не буду дольше задерживаться на этом. Скажу только, что поэт масштаба Галактиона Табидзе у нас на сегодняшний день действительно нет, однако уровень современной грузинской поэзии довольно впечатляющий. Я подчеркиваю слово «довольно», ибо не хочу показаться здесь человеком, поющим дифирамбы своим собратьям по перу.

Каждое поколение в современной грузинской поэзии говорит свое слово. Я не берусь утверждать, что все говорят одинаково весомое слово, требующее, чтобы с ним считались. У нас и, насколько я знаю, у других довольно часто поэты тридцати-тридцатипятилетнего возраста носят титул молодого поэта. Ведь это самообман! Сейчас я скажу нечто такое, что мне будет стоить больших неприятностей, когда я вернусь домой: я не знаю ни одного грузинского поэта моложе тридцати — тридцати пяти лет, которого бы народ или национальная поэзия сочли королем поэтов, несомненной звездой, ну а если не звездой, то хотя бы лидером молодого поколения поэтов. Насколько мне известно, это печальное явление далеко не редкость в большинстве (если не во всех) братских национальных литератур, и это нас ни в коей мере не утешает.

Где это слышано, чтобы поэзия существовала без экспериментирований и поисков, и у кого могут быть возражения против технических поисков, однако все это не должно затенять, затушевывать глубину мысли, слова. Если стих ограбить, лишить его всех т. н. «драгоценностей», что же от него останется? В связи с этим мне вспомнились слова нашего известного поэта, председателя Совета по грузинской литературе при Союзе писателей СССР

Евгения Евтушенко, произнесенные им на X съезде писателей Грузии: «Если дело не в рифме, эпитетах, прилагательных, существительных и, наконец, в глаголах, которые, как говорил Пушкин, призваны воспламенить сердца людей, где же тогда слагаемое того уникального волшебства, которое зовется поэзией?»

Упаси нас бог прекратить поиски; как говорится, кто ищет, тот найдет. Не потерять бы нам, однако, того, что уже найдено, не потерять того, чем мы богаты.

Не так давно в одной анкете обратились к нескольким грузинским поэтам с таким вот вопросом: который из шести следующих терминов — «неоклассический», «неоромантический», «неоимпрессионистический», «неоэкспрессионистический», «иронично-пародийный», «гротескный» — больше соответствует вашему собственному стилю или определенной совокупности ваших произведений?

Не слишком ли много этих «нео», «иронично-пародийного» и «гротескного» приклеили вы нам как ярлыки, дорогие критики? Скажите, пожалуйста, кто их узаконил, эти непеременимые «шесть терминов»? Лично я отнюдь не считаю, что кто-либо из нас должен ограничиться рамками стиля или направления, выраженными этими терминами.

Современные грузинские поэты учатся не только у своих современников и соотечественников, они изучают поэтические достижения всех времен и всех народов и под этим разумеют не присваивание, копирование этих достижений, а правильное, творческое их освоение. Без всякой ложной скромности могу сказать, что в прошлом поэты братских нам народов заимствовали кое-что и из исторического и современного им опыта грузинской поэзии.

Мы сочтем себя счастливыми, если у нас будет возможность сказать то же самое о современной и тем более о будущей грузинской поэзии.

Заседания комиссии по драматургии

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ

Руководитель Г. А. Боровик

Г. БОРОВИК. Мы начинаем сегодня заседание комиссии по драматургии VIII Всесоюзного съезда писателей СССР. Я благодарю вас за то, что вы все вовремя пришли. Должен сказать, что наша сегодняшняя комиссия работает в рамках съезда. Это означает, что все выступления будут застенографированы и войдут в общую стенограмму нашего съезда как полноправные выступления, такие же, как на пленарных заседаниях.

А сейчас я предоставляю слово председателю Совета по драматургии СП СССР Афанасию Дмитриевичу Салыньскому, который будет председательствовать на нашей комиссии.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я думаю, что речей никаких произносить не надо. Вчера был чудесный, на мой взгляд, первый день съезда, был интересный доклад и выступления. Мы хотим построить нашу работу так же интересно.

А сейчас слово для доклада предоставляю Генриху Авизеровичу Боровику.

Г. БОРОВИК. Дорогие товарищи, делегаты съезда, наши уважаемые гости!

Сегодняшний доклад — в значительной мере творчество коллективное. Попытка сказать о наших с вами радостях, тревогах, обретенных и потерях. Одним словом, об опыте, о тенденциях тех пяти лет, что прошли между нашими писательскими съездами.

Время это было наполнено событиями, которые отозвались в жизни каждого советского человека, в каждой писательской судьбе. Непростое, напряженное, оно было по-партийному принципиально, философски объемно осмыслено на XXVII съезде КПСС.

Новые требования жизни не могли не отразиться в художественном творчестве. И потому драматургические и театральные события завершившегося только что сезона отличаются во многом от того, что определяло нашу деятельность в области театра в предшествующие четыре сезона.

Но, думаю, мы можем позволить себе сказать, что — я имею в виду роды литературы — отозвалось на требования партии о психологической перестройке общества.

Пьесы и спектакли «Диктатура совести» М. Шатрова в Театре имени Ленинского комсомола, «Серебряная свадьба» А. Мишарина в МХАТе, «Иван» А. Кудрявцева и «Из новостей этого дня» Г. Маркова и Э. Шима в Малом театре, «Говори...» А. Буравского в Театре имени М. Н. Ермоловой, «Сатья» Р. Солнцева

в ЦАТСА, «Последний посетитель» В. Дозорцева в ленинградском БДТ, трилогия по прозе Ф. Абрамова в Ленинградском Малом драматическом театре, «Концерт для двух скрипок в сопровождении оркестра восточных инструментов» А. Чичинадзе и Р. Стурра в Театре имени Руставели, «Я, конечно, человек маленький...» М. Гараевой и «Призвание» В. Врублевской в Киевском театре имени Леси Украинки, дилогия Абдуллина в Тюменском драматическом театре, «Крик журавля» А. Жука и А. Дударева в Белорусском театре имени Янки Купалы, некоторые другие работы стали заметным явлением не театральной только, но и общественной жизни.

Думаю, что появление этих пьес и спектаклей даже при многих их художественных несовершенствах свидетельствует о том, что сердце театра биться не перестало.

Тем не менее мы вправе говорить, что это только начало.

Можно и нужно отметить и другое обстоятельство: эти пьесы — не случайный всплеск гражданственности наших драматургов. Они подготовлены и «Так победим» М. Шатрова, и «Равняется четырем Франциям» М. Мишарина, и «Премией» А. Гельмана, и «Молвой» А. Салыньского, и «Гнездом глухаря» В. Розова, и «Человеком со стороны» И. Дворецкого, и «Чинарским манифестом» А. Чхаидзе, и «Тринадцатым председателем» А. Абдуллина, и пьесами «Дарю тебе жизнь» Д. Валеева, и другими драматургическими произведениями.

В стремлении осмыслить новые процессы в жизни драматургии шли нога в ногу с нашими публицистами, а то и опережали их. Почти открыто театр вступил в соперничество с ними, настаивая на своих проповедческих, дидактических функциях. Драматурги, режиссеры, актеры, казалось, искали прямого разговора со зрителями — и те, похоже, ждали того же.

Но, быть может, как никогда прежде, в минувшем сезоне мы ощутили и другое: сколь быстро преходящи явления действительности, истинно художнического его осмысления, нет света идеала, с позиций которого критикуются негативные явления нашего развития. Примечательно, что недостаточность эту первыми ощутили сами мастера драматургии и театра. «Вернуть театру доверие зрителей можно только на путях поиска правды безусловной и честной, — писал в статье, опубликованной в «Правде», Олег Ефремов. — Такой разговор пытается вести наша сцена, но иногда мы больше остры, чем глубоки. И эта острота на уров-

не слов опасно убаюкивает. Как будто все дело в том, чтобы выкричать острые слова! Сейчас, мне кажется, важно пойти вглубь, к пониманию родословной всех наших проблем. Не будем уподобляться айтматовским «манкуртам» и забывать прошлое. Искусство есть общая память народа, и из этой памяти, как из песни, слова не выкинешь».

Появление «Диктатуры совести» — некое логическое продолжение творческих поисков автора, который в «спорах и размышлениях 1986 года» (таков подзаголовок последней пьесы Шатрова) продолжает размышления над ленинской темой, художественно утверждая неумиряющее, необычайно актуальное значение ленинских идей. Драматург вновь и вновь подчеркивает, что ленинская философско-политическая, социально-экономическая программа требует для своего претворения в жизнь не столько клятв в верности ей, сколько новаторства, мужества, зрелости мышления, напряженного, дерзновенного творчества. И многим из этих качеств отвечает и сама пьеса «Диктатура совести». Драматург и театры, которые ставили его пьесы, сомкнули историю с конкретными, сегодняшними, житейски-повседневными проблемами. Это определило рождение идейно-художественной энергии, вызвавшей взволнованный интерес зрителей, большой общественный резонанс. Известные, многократно читанные и изучаемые ленинские слова на подмостках обрели первоначальный смысл — обжигали свободной и бескомпромиссной смелостью, политической прозорливостью, философской глубиной. В этих произведениях перед нами предстал характер огромного масштаба, вибрирующий в себя движение исторического времени и требующий от зрительного зала небывалой внутренней работы ума и сердца, пробуждающий чувство ответственности за судьбу страны, потребность более активно участвовать в ее определении. И в этом смысле произведения Шатрова, историко-революционные формально, по сути — необычайно современные. Они не только о нашем сегодня, но и о нашем завтра.

«Молва» А. Салынского явила пример историко-революционной трагедии. Хотя действие ее протекает в маленьком поселке в первые годы после гражданской войны, но ее герои поверяют свою жизнь, свои поступки «большими линиями истории», и это сообщает и героям, и конфликтам, в которые они вступают, объем и напряжение настоящего искусства, обращенного к современности.

В минувшее пятилетие интерес к исторической, историко-революционной драме заметно увеличивался. И хотя такие значительные произведения, как «Миндаугас» и «Мажвидас» Марцинкявичюса, «Салават» М. Карима, «Легенда о разрушенном городе» П. Зейтуняна написаны более десяти лет назад, но они остаются в нашей благодарной памяти. Над историческим материалом продолжают размышлять драматурги в разных республиках, такие, как Э. Радзинский и М. Ворфоломеев, Г. Горин и Т. Аханов, Г. Батнашвили и Н. Зарудный. Многие театры страны, почувствовав новый интерес зрителей к своей истории, отдали дань и прозаическим произведе-

дениям, в которых жива историческая память народа, смело переносили на свои подмостки исторические романы С. Залыгина и И. Друцэ, историко-философские произведения, где прошлое смыкается с настоящим, Ф. Абрамова, Ч. Айтматова, В. Астафьева, Ю. Бондарева, Г. Матевосяна, Г. Маркова, В. Распутина.

Но вернемся к современности, к современному герою. Одним из самых заметных спектаклей минувшего сезона стала постановка пьесы Александра Мишарина «Серебряная свадьба» в МХАТе. Это не случайный успех автора, а результат нескольких лет размышлений драматурга, художника о роли партийного руководителя в нашей жизни, о борьбе различных стилей и методов партийного руководства. Поистине жизненно важная тема. И для общества в целом, и для каждого из нас. Уже в пьесе «Равняется четырем Франциям» он предпринял очень важную попытку создания образа партийного руководителя нового типа. В «Серебряной свадьбе» ему, кроме всего прочего, важно создать образ коммуниста, занимающего высокий пост, нравственно пробуждающегося к новой жизни, глубоко осознающего необходимость обновления общества.

Минувший год, период подготовки к XXVII съезду КПСС, первые послесъездовские месяцы побудили нас заново взглянуть на многие ставшие уже привычными схемы развития советской многонациональной драматургии, принципы ее соотношения с реальной действительностью, сочетание объективных и субъективных факторов, понять, как неоднозначна, непуста их связь.

У всех у нас на памяти огорчения критики (во всяком случае, большей части ее) и органов культуры по поводу того, что открытия, сделанные в «производственной драматургии» в 70-х годах, не были подтверждены и закреплены новыми — в 80-х. Наиболее социально чуткие писатели упорно покидали территории заводов и фабрик и уходили в иные сферы. Нехватка социально масштабных пьес и спектаклей, обращенных к современности, к нашему сегодня, до нынешнего сезона стала весьма заметной. К драматургам обращались с призывами: не засиживаться на садовых скамейках, оставаться на заседании парткома.

Действительно, в начале 80-х годов не было пьес, которые исследовали современную социальную реальность на том уровне масштабности и ответственности, какой отличались, например, «Человек со стороны» И. Дворецкого или «Заседание парткома» А. Гельмана. Стало очевидным, что «производственная драматургия», которая задавала тон в 70-е годы, перестала быть лидером драматургического процесса. Призывы же к драматургам обернулись в начале 80-х встречным «косяком» серых пьес на темы производства. Их поставляли литературные ремесленники, уверенные в том, что их опусы если и не увидят свет рампы в театре, то непременно будут куплены репертуарно-редакционными коллегами, чтобы закрыть брешь в тематическом плане, где графа «производственная драматургия» непременно значилась на первом месте. И, надо сказать,

уверенность их оправдывалась. Причем повсеместно — не только в Москве, в репертуарно-редакционных коллегиях Министерства культуры СССР и Министерства культуры РСФСР, но и в репертуарно-редакционных коллегиях министерств союзных республик.

«Производственный интерьер» стал местом для дежурных баталей, ведущихся по всем известным схемам. Ушли боль и страсть первооткрытий — и «производственная драма» сдала свои позиции. В чем тут дело?

Бытуют разные объяснения. Одни считают, что пафос «производственной драмы» увядал в прямой зависимости от того, как нарастали те негативные тенденции в области экономики, о которых с партийной прямотой говорили с самых высоких трибун — на апрельском и октябрьском (1985 г.) Пленумах ЦК КПСС, на XXVII съезде партии. В самой жизни не были разрешены те конфликты, о которых писали уже названные драматурги, а также А. Коломиец, В. Черных, Г. Бокарев, Р. Ибрагимбеков, О. Иоселиани, А. Гребнев и некоторые другие.

Потребность в экономическом и психологическом переустройстве, которая не до конца осмысливалась обществом в 70-е годы, остро была зафиксирована драмой и выражена со всей наивозможной по тем временам откровенностью. Но до того момента, пока наше общество качественно по-новому не подошло к социально-экономическим проблемам, до тех самых пор новые серьезные открытия в драме появиться не могли. Рождение нового героя — создателя, появление нового «производственного» конфликта на сцене могло произойти лишь в процессе изменения общественной практики. Вот почему, полагают сторонники этой теории, «рыцари производственной драматургии», потеряв надежду на изменение общественной ситуации, к которой призывали, полностью или частично, покинули «поле боя»...

Приблизительно так — с некоторой схематизацией — выглядит эта точка зрения.

В ней, возможно, и есть некая доля истины. Но она вызывает и очень серьезные возражения.

Прежде всего, писателя питают не столько надежды на немедленное изменение обстановки в духе его произведения, сколько непрекращающаяся битва за идеал, гнев против несправедливости, умение провидеть движение жизни и звать к этому движению, даже — и особенно! — если это движение по разным причинам заторможено!

И второе. Получается так, что художественное произведение должно уйти со сцены, из жизни, как только жизнь поправит те недостатки, которые были обличены в нем. Однако подлинное искусство и воспитывает и обличает надолго вперед, на целые эпохи. Разве дело в том, что что-то улучшено или что-то преодолено? Почему же мы тогда вечно смотрим «На дне» Горького?

В МХАТе не случайно возобновился спектакль «Обратная связь». Эта драма продолжает интересовать нас, потому что в ней заложено нечто большее, нежели вопрос: каким

образом строить комбинат, как сдавать его? Нас интересуют там проблемы глубоко нравственные, попытки осмыслить — что такое власть, что такое современный тип руководителя, что такое инициатива, что такое современный рабочий, как он ведет себя, когда ущемлена его заинтересованность в деле, и т. д. и т. д. А все эти проблемы не уходят и, может быть, не уйдут никогда.

Бесспорно положение, что общественное бытие определяет общественное сознание. Но в искусстве эта связь не столь прямая. Скорее, она опосредованна. Разве не бывает случаев, когда именно предвидение, гениальное прозрение, нравственный взлет гения предопределяет контуры будущего бытия или, во всяком случае, намечает к нему пути. Если бы искусство впрямую определялось бытием, мы получили бы только прагматическую литературу, фотографически отображающую то, что есть. А чего нет — на то, как говорится, и суда нет. Не стоит, конечно, приводить школьные примеры с «Божественной комедией» Данте или с гётевским «Фаустом». Разве можно утверждать, что конкретное бытие определило тут конкретное сознание гениев? Так зачем же числить наших драматургов фотографами, протоколитами, фиксирующими случившееся, питающимися только надеждами и мгновенно сдающимися, когда надежды эти почему-то не оправдываются?

Само собой понятно, что изменение общественной практики придает образу героя более конкретные черты, большую узнаваемость и т. д. Но поставить рождение героя в прямую зависимость от рождения нового общественного бытия — значит совершенно снять специфику искусства, сделать его протоколлистским. Как раз герой-то и меняет общественную практику. Герой художественного произведения может, если он подлинный герой, предугадать, приблизить личным примером, подвигом эти перемены, воплотить их в жизнь. Да, решающее слово будет, естественно, за экономикой, за материей, но без слова духовного, которое может быть произнесено раньше зримых материальных перемен, литература по-прежнему малозначима.

Думаю, слишком уж много критических замечаний было обрушено на первооткрывателей 70-х годов с упреками в том, что «производственные» образы непсихологичны, публицистичны, излишне деловы, погружены только в сферу производства и т. д. И хотя многие из этих претензий не лишены оснований, они сыграли свою немалую роль в процессе, о котором идет речь.

Так что же, тема закрыта? Полагаю, нет. Более того, уверен, что сейчас настало время возвращения к ней. Но не для простой реставрации «производственной пьесы». Нужно новое качество, синтез, который даст многомерного масштабного героя, многомерный масштабный конфликт, способный вобрать все аспекты бытия современного человека.

А социально-нравственных конфликтов сегодня, после XXVII съезда, много. И о них надо говорить.

Наивно думать, что в разработке нового драматургического конфликта, в поиске нового

героя мы молниеносно преусеем. Но нельзя и не высказать на нынешнем писательском съезде тревоги, что *значительная* часть славного отряда драматургов разных поколений вообще по каким-то причинам остается в стороне от поиска, сохраняет невозмутимость и пассивность. И потому, справедливо отвергая всяческие скороспелые поделки, пьесы-однодневки, мы оказываемся в затруднении противопоставить им достаточное число достойных произведений. Скажем откровенно: пока мы крайне редко ведем с читателем и зрителем достойный обеих сторон диалог об общественно значимом и важном.

Кому-то надо ходить в разведку — да. И освоение современной темы, в частности темы человека и труда, немисливо без работ подготовительных, пробных, призванных послужить фундаментом больших художественных открытий. Но уж и фундаментом вроде наметился — кто же возведет здание?.. Много современных персонажей присутствуют на страницах пьес и на сцене — но мало героев задерживается в памяти...

Если хотите, сегодня нам нужен взрыв в драматургии, прорыв вперед — смелый прорыв, неожиданный. Такой, может быть, каким был во время войны «Фронт» Корнейчука. Обстановка требует этого!

Так или иначе драматурги, немало сделавшие в области социально-нравственной драматургии, да и не только они, стали заниматься всесторонним исследованием не столько общественных, сколько частных нравов, жизни семьи, индивидуального бытия личности. Перечитывая газетные и журнальные дискуссии последних лет, можно составить представление, что такими частными проблемами занимались в основном драматурги, пришедшие в литературу в конце 70-х — начале 80-х годов. Но нет, не только они. Морально-эстетические, семейные проблемы были в центре внимания наших драматургов старшего поколения — В. Розова, А. Штейна, А. Софронова, С. Алешина, Е. Габриловича, А. Володина, недавно ушедших от нас Ю. Грушаса и А. Арбузова. Хотел бы подчеркнуть особо роль, которую сыграл в создании, если так можно выразиться, театра нравственности А. Н. Арбузов, ушедший от нас.

Мы должны быть благодарны ему — впрочем, как и другим драматургам старшего поколения, с которыми, простите за простоту выражения, всем нам очень повезло, — и за большее, заинтересованное, а иногда и самоотверженное внимание к молодым.

Советскую драматургию сегодня нельзя представить без активно работающих драматургов старшего поколения — и дело тут не в возрасте, а в опыте: Я. Апушкина, М. Карима, И. Прута, А. Левады (Украина), К. Яшена (Узбекистан), Ц. Солодаря, Н. Терентьева (Чувашия) и других.

Морально-этические проблемы волновали и волнуют драматургов среднего поколения — М. Рощина, В. Коростылева, П. Путныня, Э. Ветемаа, З. Тоболкина. Наконец, драматургов, чей голос окреп совсем недавно. Сознательно ухажу от перечислений, так как дело не в том, чтобы упомянуть все фамилии, но в

том, чтобы проанализировать существующие тенденции. Анализом душевных, психологических свойств современного человека занялись и драматурги, уделившие серьезное внимание художественному анализу масштабных социальных связей. Тому были объективные и субъективные причины.

В русской литературе социальное нередко исследовалось через семейную сферу жизни человеческой, так что здесь существует традиция, наследуемая драматургами. Возможно, критике нашей, да и нам самим не достало прозорливости и смелости, если угодно, чтобы заметить острую социальность «Гнезда глухаря» В. Розова, где анализировалась нравственная и социальная глухота некоего ответственного лица. Миссия каждого настоящего писателя, помимо всего прочего, состоит и в том, чтобы указать обществу «зону опасности», зону духовной, нравственной порчи, предупредить болезнь. И В. Розов, как разведчик, как сапер, часто предупреждал нас о таких зонах. Герои, подобные «глухарю», опасны не только сами по себе, они создают атмосферу, в которой могут неплохо себя чувствовать и такие типы, как зять главного героя, лишенный вообще каких бы то ни было представлений о социальной ответственности и элементарной нравственности.

«Зоны опасности» очерчивали в некоторых своих произведениях Анар, В. Арро, М. Байджиев, О. Бокеев, Х. Гульбис, В. Мережко, Л. Петрушевская, Л. Табукишвили, А. Петрашквич.

Появление их пьес вызывало иногда острые дискуссии, прямо скажем, не облегчавшие путь на подмостки. В этих драмах, в спектаклях, по ним поставленных (сегодня это особенно ясно), остро и тревожно увидены некоторые негативные черты нашей действительности 70-х — начала 80-х годов. Время доказало, что такого рода произведения делали нужное дело, — об этом надо сказать всерьез.

Внимание общества сегодня пристальнейшим образом обращено на укрепление семейных связей, моральных, нравственных норм жизни. Ведется гигантская работа по искоренению пьянства. В такое время несправедливо числить всякое произведение на морально-этическую тему по ведомству «мелкотемья».

Для литературы не существует мелких тем, существует мелкое мышление литератора, ведущее к мелкотемью. Не существует запретных тем, существует неприемлемая для истинного творчества позиция автора. Можно расширить замочную скважину, сквозь которую смотрят на мир некоторые, до размеров двери, окна, ворот во вселенную, наконец. Однако ничего не изменится, если не изменится взгляд такого человека на мир, если не изменится масштаб его мышления.

Парадные многописания, заслоняющие правду жизни, вселенская декларативность, бездумное бодрячество свидетельствуют об узости мышления автора не меньше, чем альковная клубничка или бытокопательство.

Действовать на месте, но мыслить глобально — такова, мне кажется, формула боя для истинного художника.

Многие наши сложности начинаются, когда

некоторые драматурги и некоторые критики, желающие помочь этим драматургам, часто искренне желающие помочь, начинают рассматривать свое и чье-то творчество как единственно возможное постижение правды. Это приводит к ненужному восторженному кликушеству, которое скрывает правду в той же степени, что и огульное критиканство. Думаю, что подобная внутренняя установка в известном смысле помешала нам всерьез понять, проанализировать то драматургическое явление, которое было названо «новой волной». Сейчас, в середине 80-х годов, и А. Галин, и Н. Павлова, и С. Злотников, и А. Червинский, и С. Коквин, и А. Ремез, и Е. Разумовская, В. Славкин, и Н. Садур, и Е. Попова, и другие работают активно и имеют выход на сцены театров страны, и необходимо спокойно анализировать их творчество, что называется, без полемических заострений, которые часто мешали трезвому анализу.

Некоторые молодые драматурги в последние годы выступили с социально острыми, граждански активными проблемными произведениями. Стоит назвать «Говори...» Ал. Буравского, «Эффект Редькина» А. Козловского, некоторые произведения А. Казанцева и О. Перекалкина.

Драматургия очень редко пополняется волнами. Говорят, что за всю Отечественную войну в нашу драматургию пришло лишь одно новое имя — Юлий Чепурин со «Сталинградцами».

И будет негоже, если «новая волна» слишком долго будет закрывать для некоторых из нас горизонт, тем более что там, за нею, лишь отдельные редкие гребешки. Что, впрочем, нормально. Надо заметить их вовремя, не дать им опасть, раствориться в океане...

А мы, признаться, мало их знаем и недостаточно помогаем им обрести всеобщую известность. Например, работа с молодыми драматургами, которая вроде бы оживилась на Украине в начале 80-х годов, сегодня оставляет желать лучшего. На Украине, скажем, и Ярослав Стельмах, и Василий Фольварочный, и Ян Верещак, и Вадим Бойко, и Родюк Феденев конечно же продолжают свою писательскую деятельность, — но они ведь уже перешагнули рубеж зрелости. А новых имен практически нет. Или, может быть, мы их просто не знаем?

В начале 80-х годов бесспорные надежды подавали латышские драматурги Харий Гулбис, Янис Юркан, Лия Стумбре, казахский писатель Оролхан Бокеев, некоторые другие, — все ли мы сделали, чтобы их творческая судьба сложилась лучше, чем сейчас? Знаем ли мы тех, кто идет им на смену? Сейчас в разных республиках появляются едва начинающие молодые писатели, — назову, к примеру, грузинского драматурга Шаманадзе, которому нет, кажется, 25 лет, или белоруса Алесь Асташенка, — им надо помогать. Нет, не захваливанием, не пустым восхищением, но серьезным и требовательным отношением. Не забывая о том, что оно возможно лишь в том случае, если пьесы одаренных молодых писателей становятся достойным общественности.

Среди молодых драматургов немало способ-

ных. У многих из них несомненный дар, так сказать, «действовать на месте». Но многим же подчас недостает масштаба художественного видения, потребности охватить мыслью более широкий плацдарм, выходящий за рамки места действия пьесы.

Хочу повторить: мелкотемье — это не семейно-бытовые темы, это — узость взгляда, мышления, гражданских выводов. Это — неумение увидеть в обыкновенной жизни необыкновенное, великое или перспективу великого. Без этой перспективы человек становится «маленьким», рефлексирующим, запутавшимся в текучке жизни, забывшим, кажется, что есть великая любовь, есть великий труд, есть подвиг, наконец.

Среди героев, тушивших трагическое пламя Чернобыля, среди врачей, ученых, шоферов, работающих там, наверное, были и есть люди с неустоенной судьбой, неуживчивым характером, с денежными долгами, большими и малыми сомнениями, мелкими заботами. Но ни один из них не отступил перед долгом, перед подвигом, перед самопожертвованием. И каждый из них — каждый! — доказал свой статус на этой земле не «маленького» человека, а человека с большой буквы.

Великая миссия творца — заметить в человеке эту возможность подвига, великого свершения, суметь написать эту перспективу даже на фоне всегдашних бытовых неурядиц и замороченности ежедневной текучкой.

Читая очерки правдиста драматурга В. Губарева, я преисполнился уверенности, что трагедия и героизм Чернобыля найдут достойное драматургическое воплощение.

Сегодня, говоря об уровне правды в пьесе, в спектакле, мы почему-то большей частью говорим о правде негативной. Но ведь это не вся правда! Ведь это односторонняя правда.

Когда-то мы справедливо иронизировали над так называемым «конфликтом между хорошим и лучшим». Но наступило время, мне кажется, еще более остро поиронизировать над конфликтом между «плохим и худшим», который нам предлагают. Ведь это та же теория бесконфликтности, только навыворот.

Что греха таить, среди части драматургов, критиков, режиссеров понятие героического стало чем-то неприличным, неинтеллигентным, что ли, чем-то даже совершенно фантастичным, хотя жизнь то и дело дает примеры этого героического.

Я представляю себе: появився сегодня пьеса, которая называлась бы, скажем, «Руслан и Людмила» или «Тарас Бульба», — тут же появилась бы и статья о том, что при всех поэтических достоинствах героев слишком уж положительны они, писаны одной краской, не хватает им сомнений, метаний, неустоенности, да и отрицательных черт характера неплохо бы добавить...

Отсюда и искажение актерской школы. Театральная школа сегодня, как правило, воспитывает характерного актера, актера бытового плана. Есть почти все ампула — нет ампулы социального героя. Потому так редок талант, скажем, Михаила Ульянова, Кирилла Лаврова, Донатаса Банниониса, Хорена Абрамяна, Игоря Горбачева. Нас захлестывает

бушующая характерность, стыдливость перед героическим.

Да, герой может быть не идеальным, он может быть сложным, да, он может не до конца понимать самого себя. Но из этого не следует, что его не должно быть. Если его нет, значит, зло становится самоценным, самостоятельным, действенным, сколько бы ни приводили в пример «Ревизора». Даже в «Вие» запел петух, и прорезался солнечный луч, и нечисть завязла в узких окнах в церкви.

Получает права цинизм, рождаются общественный индифферентизм, примирительство, духовное равнодушие, спокойное принятие всего, с чем надо бороться.

На съезде партии во весь голос было сказано о «человеческом факторе». Что это значит для драматургии? Может быть, прежде всего свет идеала, зримое добро.

Наша критика справедливо высмеивает Джеймса Бонда и тенденцию «суперменства». Однако нам стоит задуматься о том, что не сомневающийся в своей сомнительной правоте американский супермен, завоевывающий киноаудиторию мира, — весьма серьезный пропагандист американского взгляда на жизнь (это неважно, что Бонд находился на службе у английской королевы). Взгляда, который позволяет бомбить Ливию, обстреливать Бейрут, разрушать кварталы с черным населением в Филадельфии, убивать в Сантьяго — Альенде, в Вашингтоне — Летельера, в Стокгольме — Пальме. Я, естественно, не зову подражать «бандитизму». Я предлагаю задуматься. И не только задуматься, но и творить, действовать, быть динамичными, увлеченными, изобретательными!

Тема героизма, долга перед Родиной, любви к ней звучит в пьесах, подготовленных в связи с 40-летием Великой Победы. В таких, как «Притча о войне и солдате Чипилия» Г. Хухашвили, «Бабы» В. Балашова, «Фронтовики» Ю. Белаша, «Чолнонбай» Т. Абдумомунова (Киргизия), в ряде других произведений драматургов из братских республик.

Особо, думаю, стоит отметить вклад в осмысление этой темы писателей из Белоруссии. Причем не только писателей старшего поколения, для которых война — это важнейшая часть личного опыта, но и тех драматургов, которые родились уже после Великой Победы. Назову Светлану Алексиевич, Елену Попову, Анатолия Кудрявцева. У молодых свой опыт и свой взгляд на войну: они побеждают, когда прорываются к высокой правде, когда стремятся постигнуть бытийные, судьбоносные пласты народной жизни. Не случайно их произведения обрели широкую известность. Не случайно А. Дударев вместе с Театром имени Янки Купалы был удостоен Государственной премии СССР. В его «Рядовых» захватывает напряжение философской мысли, которая выражена в столкновении различных жизненных позиций, в судьбах простых солдат, завершающих войну на территории Германии. У каждого за плечами — беда, трагедия. Но — и в этом высокий пафос пьесы — драматург уверен в том, что пережитое — сколь тяжело оно ни было — не должно пробуждать жестокость в человеке.

Героика войны, выписанная в том числе и молодыми драматургами, поставленная молодыми режиссерами, родившимися после войны, — это арсенал нашего духовного оружия, великое средство воспитания юношества.

Драматургия для детей и юношества — важнейшая область нашей работы. Здесь есть признанные мастера — С. Михалков, А. Алексин, которые задают тон. Уверенно работают Н. Мирошниченко, А. Лиханов, Г. Мамлин, А. Абу-Бакар, Ю. Яковлев, Л. Устинов, Р. Погодин, И. Токмакова, В. Железников, А. Хмелик, С. Прокофьева, Р. Ализаде, Л. Корсунский, Ш. Роква, Г. Михасенко, В. Пальчинскайте, К. Икрамов, Р. Кац, ряд других писателей. Интересно дебютировал в драматургии о подростках журналист Ю. Шекочихин.

Но и с такой россыпью имен по-прежнему театру недостает драматургии для детей, подростков, юношества — пьес героико-патристических и пьес проблемных, произведений, поднимающих «вечные» вопросы, которые так остро переживают в юности, и пьес очень сегодняшних. Взрослые театры обычно выполняют тут свою репертуарную «норму» сказкой для дошкольников или младших школьников. А подросток, скажем, в Москве может побывать в театре на спектакле, ему обращенном, лишь один раз в два с половиной года. Конечно, когда мы узнаем, что театр в жизни школьника играет крайне незначительную роль, что в таблице «престижных увлечений» он занимает одно из последних мест, мы можем посоветовать на малое число детских театров, на нерадивость родителей или школы. Но, рассуждая так, мы изрядно лукавим. Лукавим, потому что сами-то отдаем себе отчет: здесь огромная доля нашей вины. Это мы теряем подростка у входа в театр. Мы не смогли захватить его высоким, благородным и — что очень важно — желанным для этого растущего человека искусством. Мы убиваем его естественный восторг перед театром — сюсюканьем со сцены, псевдогероикой, назидательностью, монотонностью драматических и театральных форм, стилей, ритмов.

Острота проблемы усугубляется тем, что такое же положение существует в музыке, в изобразительном искусстве, на экране.

Здесь недостаточно простых противопоставлений: вы любите рок-оперу, а мы заставим вас любить Верди или Чайковского. Такой путь бесплоден. Мне кажется, что плодотворнее тот, которым идет М. Захаров: молодежный зритель стремится попасть в его театр не только на «Юнону», но и на «Диктатуру совести» и на «Парня из нашего города».

Всегда много молодежи в театре А. Гончарова. Посмотрите, как реагирует она на трагический и прекрасный спектакль «Завтра была война» по повести Б. Васильева. Молодежи, подросткам нужен глубокий, правдивый разговор о жизни. Это прежде всего. Нужно настоящее искусство. И нужна — обязательно нужна — вся палитра его красок, форм, жанров, стилей, ритмов.

И еще одно обстоятельство. Как известно, фильм «Чучело» вызвал большой общественный интерес, споры, столкновение мнений. И фильм, и проблемы, в нем поднятые. Но ведь

задолго до фильма была по мотивам повести Железникова написана им пьеса «Бойкот». Почему же не наша она путь в театр, аудитория которого значительно меньше аудитории кино? Видно, дело здесь в позиции и органов культуры, и театров, и в нашей собственной инертности. «Трудная» пьеса? Да. Но опыт показывает, что именно эти — «трудные» пьесы обретают любовь подростков, заставляют их думать о важнейших проблемах бытия. Предложение — создать комиссию по детской драматургии.

На предшествующем съезде писателей говорилось о благотворном глубинном взаимопонимании братских культур, в том числе и в области драматургического творчества. Прошли времена — исторически необходимые, когда все мы поддерживали ту или иную слабую пьесу только за то, что она принадлежала той или иной «национальной культуре». Сегодня вряд ли нужно разносить достижения советской многонациональной драматургии по географическим категориям и национальным графам. Посмотрите в зрительный зал. Разве, следя за жизнью Буранного полустанка, мы думаем о Едигее как о казахе? (Хотя и роман, и инсценировка насковозь пронизаны национальным бытом, национальной мифологией.) Нет, мы думаем о нем как о нашем советском человеке. И национальный фон не только не мешает этой *советскости*, но, наоборот, подчеркивает, усиливает ее. И это наше огромное завоевание.

Однако нельзя не заметить, что к середине 80-х годов снизилось количество переводов на русский язык произведений драматургии народов СССР в сравнении с 70-ми годами, а география взаимообмена стала уже. Я уже говорил, как мощно выдвинулась вперед белорусская драматургия и инсценировки белорусской прозы. В разных театрах идут пьесы М. Карима, А. Чхидзе, инсценировки романов Н. Думбадзе, Ч. Айтматова и некоторых других писателей. Однако значительно меньше, чем прежде, проявляют театры интереса к произведениям тех авторов, которые в 70-е годы во многом определяли атмосферу театральной жизни всей страны, таких, как Р. Ибрагимбеков, Анар, Э. Халфян, Т. Миннулин, П. Путнын, Э. Ветемаа, М. Унт, К. Сайи, Р. Самулявичюс, М. Байджиев, Б. Жакиев, А. Тарази и некоторых других.

Конечно, легче всего сказать, что в происходящем ныне процессе выражается логика художественного развития: есть хорошие пьесы — они идут и широко переводятся, нет их — и ладно. Тем более что некоторые из этих писателей занялись активно кто кинематографом, кто прозой. Так стоит ли волноваться?

Думаю, стоит. Стоит волноваться и нам, и органам культуры, ибо театры, режиссеры очень плохо знают многонациональную драматургию, не следят за ее новинками и потому недостаточно ставят ее. ВААП, журнал «Театр», альманах «Современная драматургия» за последние годы опубликовали пьесы У. Умарбекова, В. Эфендиева, Р. Сейсенбаева, Г. Аппаева, Р. Хамида, И. Юзеева, А. Агабаева, С. Арутюняна, А. Тарази, К. Амирова, Ш. Абдуллаева, Г. Прнеде, И. Игнатовичюса,

Ю. Туулика и ряда других. Однако театры сохраняют по отношению к ним вежливый нейтралитет.

Вкус театров далеко не безупречен. Некоторые режиссеры не в силах найти спрятанный в пьесе заряд художественной силы и, не желая рисковать, дублируют репертуар московских, ленинградских театров. Пьеса, поставленная в столице, конечно же имеет значительно больше шансов на распространение, чем любая другая. А драматург, живущий в близости, тоже имеет немалые преимущества.

Иногда, правда, возникает вообще парадоксальная ситуация, когда того или иного драматурга не ставят именно в той республике, где он живет и работает.

Проблемой остается перевод.

Опыт показывает, что переводом пьес лучше всего занимаются профессиональные драматурги, владеющие спецификой театрального слова. Однако они, как правило, не знают языков народов СССР, работают с подстрочниками, а это, в свою очередь, отражается на качестве переводов.

Нужно думать и о том, чтобы не случайные — в зависимости от личных связей — переводились пьесы, а действительно лучшие, представляющие драматургию братской республики.

Проблемы есть. Помочь их решению можно. Думаю, что Совет по драматургии СП СССР, советы по драматургии республиканских союзов писателей здесь делают далеко не все, что в наших силах.

Веское слово могли бы сказать министерства культуры на своих репертуарных совещаниях. И не менее веское — критика, обращенная к разбору пьес как произведений литературы. Прежде всего — в русскоязычных изданиях, таких, как журнал «Театр», альманах «Современная драматургия», других литературно-художественных журналах.

И, наконец: совершенно необходим в столице Родины театр Дружбы народов. Об этом уже говорилось и не раз. Театры страны в нем могли бы показывать свои лучшие спектакли. Я предложил бы записать это предложение в резолюцию съезда. Тем более что и здание для такого театра есть. Точнее — будет, когда наконец завершат реконструкцию здания в проезде Художественного театра и освободится нынешнее местожительство МХАТа на Тверском бульваре. Наше ТВ могло бы оттуда транслировать лучшие спектакли.

Конечно, только с разрешения автора. И выборочно — имея в виду интересы и тех местных театров, которые ставят данную пьесу. Думаю, что регулировать это могли бы областные телевизионные центры. Пришла пора подумать и о создании видеокассет с записями лучших спектаклей. Это принесло бы огромную пользу не только для студентов театральных вузов, актеров, режиссеров. Это могло бы повысить и вообще слияние хорошего театра в нашей стране. Распространить его и в те места, где никакой сцены нет. Повысить зрительский да и профессиональный вкус, который сейчас столь низок в некоторых городах!

Но все это можно предпринимать только пос-

ле того, как будут наконец отрегулированы правовые взаимоотношения театрального драматурга с телевидением. В настоящее время норма этих отношений — бесправие драматурга.

У нашего театра давние традиции «вмешательства» в судьбы планеты.

Произведения, выражающие нашу позицию в мире, наш взгляд на самый острый, самый главный вопрос на планете — сохранение, существование ее, человечества, сохранение мира.

Трудно представить себе художника, который мог бы пройти мимо проблем. Однако скажем прямо — проходят, и очень многие. Во всяком случае — в драматургии. Ссылка обычно одна — мало ездим за рубеж, мало знаем психологию той жизни.

Думаю, дело не в сроках пребывания в заграникомандировке. Константин Симонов впервые приехал в Америку в 1946 году и пробыл там всего три месяца. Но одним из результатов его поездки — подчеркиваю, только одним из результатов его поездки — была пьеса «Русский вопрос». Очень много сделавшая тогда для понимания того, что происходит в мире.

Значит, дело в другом. Дело в гражданской ангажированности. В остроте взгляда. В горячности сердца. В желании принять участие в борьбе. Дело в политической культуре, наконец.

Недостаток тут и в другом.

За много лет — особенно в пятидесятые годы — мы достаточно дискредитировали эту тему поделочными пьесами. Дискредитирована она и обязательностью официальной поддержки этой темы, каким бы неудачным ни был спектакль или пьеса.

Однако эта обязанность поддержки, которая выражается обычно у критика в словах: «Автор затронул самую жгучую проблему современности» — происходит оттого, что, за очень небольшим исключением, критика наша не готова разбирать пьесы и спектакли на международную тему. Не готова сопоставлять пьесу с реалиями международной жизни. И по ограниченности знаний да и по вялости политического темперамента.

Может быть, поэтому международная тема обычно не может похвастаться серьезными критическими разборами.

А публике эта тема нужна. И некоторые спектакли и пьесы живут в театрах более десяти лет. И живут при аншлагах.

Профессионально и постоянно работает в этой теме совсем не много драматургов. Я бы назвал ушедшего от нас В. Чичкова — а это большая потеря для всех нас, — который перед смертью написал, пожалуй, лучшую свою вещь «Этот странный русский». Назвал бы плодотворно, по-своему и психологически глубоко работающего Альбертаса Лауринчукаса. Прикасались, и весьма успешно, к этой теме и Мустай Карим, и Сарвар Азимов. Не бросает драматургию В. Большаков. Жаль, что после интересного опыта с «Рок-н-роллом на рассвете» не возвращаются к театру Колесниченко и Некрасов. В этом сезоне успешно дебютировали Ф. Буравский и Г. Зубков.

Но всего этого мало. Чрезвычайно мало! Иногда говорят, что наше театральное искусство и так слишком политизировано. Но это не так. Мы печально отстаем от театра западного. Театр западный резко идеологизировался и политизировался со времен 60-х годов. И то, что в те времена было направлено против войны во Вьетнаме, теперь большей частью направляют против Советского Союза.

Наше искусство никогда не занималось разжиганием ненависти к другим народам. И никогда не опустится до этого. Но мы обязаны противостоять этому потоку антисоветчины на сцене. Мы обязаны использовать и театральную трибуну, чтобы заявить миру о нашей позиции в мире.

Думаю, что наши пьесы, идущие за рубежом, делают большое и хорошее дело, представляя наше искусство. Я видел «Глухаря» Розова в театре Паппа в Нью-Йорке и могу сказать, что эта пьеса делала хорошее дело. Я помню прекрасную пьесу Рошина «Эшелон» в Хьюстоне. Американцы тогда прикоснулись к нашей трагедии войны. Я помню «Моего бедного Марата» Арбузова.

Это только то, что я видел. Идут десятки и других пьес за рубежом.

Но я говорю о другом. Я говорю о театре политическом, который очень распространен на Западе и который не занимает по ряду причин должного места у нас.

Я говорю и о том, что страны революционные, для которых политический театр, политическое искусство — хлеб насущный, не могут рассчитывать на нашу помощь, на наш репертуар. Я говорю и о том, что мы не принимаем участия во многих фестивалях политического театра, которые проходят, скажем, на Кубе, в Никарагуа, в Аргентине.

Говорю я с сожалением и о том, что нет достойного театрального международного фестиваля и в нашей стране. Ни политического, ни обыкновенного. Большая ошибка, которую нужно исправлять.

А театр — это признанный центр театра в мире.

Недавно пришло мне письмо от весьма уважаемого театроведа. Прочитирую.

«Театральная критика, — пишет автор, — считается у нас падчерницей. О ней никогда не говорят в докладах. Театральных критиков практически никогда не выбирают в бюро секции критики Союза писателей. Систематически отказывают в приеме в Союз писателей, мотивируя отказ однозначно: театральный критик — это не литература, это связано только с театром. Конечно, тут и наша вина. Мы, критики, слишком часто повторяем вслед за режиссерами, что драма — лишь материал для театра. Мы не умеем вызвать уважения к собственной профессии, которая состоит в *исследовании самой драматургии...*» Заканчивается письмо так: «Пожалуйста, поговорите серьезно о театральной критике в своем докладе, товарищ Боровик. Это необходимо!»

Нынешнее время будто создано для того, чтобы говорить о критике. Критична и самокритична сама атмосфера нашей жизни, созданная съездом партии. Во весь голос встал проблема гласности, полной правды в жизни и

в искусстве. В такой атмосфере критика выходит на авансцену литературного процесса, обретая забытые ею черты — объективности, критичности с жизнью, отказа от обслуживания авторитетов, комплиментарности, ярлыков и т. д.

Партия вправе предъявлять серьезный счет театральной критике, как и в целом критике литературно-художественной. Те недостатки, которые были отмечены в известном постановлении ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» более чем десять лет назад, не удалось устранить. А некоторые из них и приумножились. Собственно критика перестала отвечать тому понятию, которым издавна определяется эта профессиональная деятельность. Пришло время для мощного революционного, не «заплатами», не «кусочками», не «шпошкой», а именно революционного, качества поворота в критике.

Поначалу стоит определить, что это за участок работы. Скажем так — весьма сложный и чрезвычайно ответственный участок, если понимать критику не как протоколиста, не как рецензента уже сделанного, но как вперёдсмотрящего литературы, как создателя новых теорий, генератора новых идей. Быть может, главная ее задача в разведывании новых путей, в открытии новых форм, которые заложены в современном искусстве, в разгадывании будущих связей и отмирающих явлений, даже если они сейчас процветают.

Не поэзия, не роман — театр первый укрупняет через свое увеличивающее стекло противоречия общества. Драматургия, театр, а значит, и театральная критика первые выходят на конфликтное поле, первые определяют ошибку общественных явлений, типов. Здесь — динамит. Здесь надо учиться быть гражданином, бойцом, здесь очень важен т. н. человеческий фактор, здесь надо помнить, что критик работает не в безопасной науке о прекрасном, но в рискованном соседстве с живым театром, который по природе своей пламенеющим огнем освещает подчас едва тлеющие в жизни конфликты.

Какими качествами надо обладать, чтобы говорить правду о драматургии, самом сложном виде литературы, о театре? Как видно, качествами диалектическими. Полная беспристрастность и одновременно высокая страстность, абсолютная беспощадность и одновременно глубокое милосердие, презрение к комплиментарности и умение восторгаться, гнев и спокойствие, глубокое уважение, но если нужно — убийственный сарказм, и обязательно — качества подлинного литератора.

Нельзя думать, что объективность критика может жить без субъективности. Без субъективности мы получим протокол. Нужен накал, нужны крайности, восторг и гнев, только не равнодушные. Вспомним Белинского. Это он, прочитав первые произведения Гоголя, сказал: «У нас появился гений». О какой «некомплиментарности» может здесь идти речь? Только так и надо было. Он назывался неистовым Виссароном не только потому, что неистово ругал, но и потому, что неистово восхищался. Проходят годы, и Белинский говорит Гоголю: вы стоите над бездной, опомнитесь! Вот како-

вы масштабы критического отношения — от неистового восторга к неистовому гневу. И это о Гоголе! Какой же должен быть авторитет критика!

Что мешает авторитету сегодняшней нашей критики? Может быть, на первое место следует поставить острый недостаток теоретического мышления, неумение открывать новые эстетические категории на базе современного искусства, сползание к прагматизму, фиксированию более или менее удачному. Нет основополагающих новых идей. Старая критика сумела найти такие понятия, как «гоголевское направление», «критический реализм», «натуральная школа» и т. д., сумела определить типы «лишний человек», «желчевик», «тургеневская женщина» и т. д. Быть может, Горький — не критик! — был последним, кто сумел сформулировать новую эстетическую категорию — «социалистический реализм». На этом точка, дальше мы все ни с места...

Вспомните термины, которые дает наша критика, чтобы определить новые явления в драматургической литературе. «Деревенские пьесы», «городские пьесы», «производственные пьесы», «международные». Дорогие друзья, но ведь такое даже дети могут: это про деревню, это про город, это про завод. Конечно, можно и дальше детализировать в том же духе: международную тематику разбить по континентам, как в Министерстве иностранных дел. А городскую, скажем, — на ресторано-парикмахерскую, на квартирообменную. Можно говорить также о железнодорожной драматургии, о морской. Сияющей вершиной теоретических изысканий тут выглядит термин «новая волна». Но и это не мы придумали, а заимствовали у английских коллег — была у них такая «новая волна» в драматургии конца 50-х — середины 60-х годов.

Критики объясняли: это временно, это условно, это просто для удобства. Но, похоже, условность осталась навечно, и от нее сплошное неудобство.

У нас есть большие художники. Есть немалые достижения. Есть не меньшей величины недостатки. У нас есть новые явления в искусстве, в драматургии. Новые жанры, наконец.

Но мы их не определяем эстетически. Мы даже названия им придумать не решаемся.

Сейчас — взлет публицистической драматургии. Публицистическая была и раньше — у Маяковского, у Афиногенова, у В. Вишневского, у К. Симонова, у Б. Брехта, у П. Вайса.

Но нынешняя — это особого рода публицистическая драматургия. Совершенно наша и в большой степени новая. Если хотите, новый тип художественности.

Он не опровергает и тем более не отвергает никакие другие типы. Но он — самостоятелен. И он дополняет палитру литературы и искусства новой яркой краской. И его надо определить эстетически. Хотя бы для нашей истории.

Неужели обеднели мы мыслью, словом? Неужели навсегда привязаны мы к чеканной формуле — «при явных достоинствах пьесы, есть в ней и отдельные недостатки»? На Западе каждый шаг влево или вправо патентуют. Кто мне может объяснить принципиальную разницу между рок-оперой и мюзиклом? Ни-

кто. Разница чисто сталистическая. Но на нее уже есть патент. Одна лишняя синкопа — и уже направление.

Мы никогда не отделяли себя от мировой культуры. И попытки отделиться, жить в культурной изоляции ни к чему хорошему не приводят. Но почему мы так небрежны к своему собственному? Почему не даем себе труда найти название тому, что рождено у нас и придумано нами?

Далее. Быть может, самый страшный враг критики, которая по природе своей динамична, многогранна, — односторонность. Мы грешим (я говорю — мы не только потому, что являюсь главным редактором журнала «Театр», но и потому, что многое из того, что исповедует критика, присуще и драматургам) мелким стилистическим фанатизмом, не крупным, а именно мелким, групповым. Самое страшное слово для Белинского — односторонность. Для нас это, к сожалению, будни. Все мы вместе выбираем что-нибудь одно и стремимся скорее определить это как единственно возможное.

Поэтический театр — значит только поэтический. Малые сцены — значит только малые сцены. Именно на них ведут — все пути, единственно возможная театральность. Психологизм, чеховский стиль — значит только чеховский стиль, никакой романтики, никакого гротеска, все уже невозможно.

Такая односторонность чрезвычайно опасна. От нее — жанровая монотонность нашей драматургии, монотонность театральных форм, анемичность.

У нас есть прекрасные традиции. Основа основ нашей драматургии и театра. Великие традиции, которые надо беречь. Но и развивать, а не превращать их в ледяной заслон против всего нового. Говорят, что новые формы погубят старую школу. Уверен в обратном: они помогут ей не застыть. Поэтика Маяковского была революционной. И она никак не испортила пушкинских традиций. Но представьте себе на минуту, что мы отвергли бы поэта революции на том основании, что строчку свою он строит не так, как строили до него в нашей поэзии!

Похоже, что проблема жанрового разнообразия угрожает перейти чуть ли не в разряд «вечных» проблем нашей драматургии. Единичны трагедии; редки обэццы современной социальной мелодрамы. Со сцены ушла поэтическая драма. Хотя в ней пробовали силы большие серьезные поэты — Рождественский, Доризо, Скворцов. Ни Совет по драматургии, ни органы культуры не поддерживают этот жанр. Практически отсутствует сатирическая пьеса — кроме пьес верного рыцаря этого жанра С. Михалкова, могу назвать лишь поэтическую сатиру Л. Зорина «Цитата». Зритель любит комедии Э. Брагинского, А. Папаева; успех сопутствовал комедии-лубку «Печка на колесе» Н. Семеновой.

Но где-то у нас сложилась на театре некая иерархия жанров. Комедия — жанр третьестепенный, несерьезный. Сатира — тоже. Гротеск — вообще нечто потустороннее. Особенно — с музыкой. Seriously — это когда без шуток и без музыки. Пусть скучно, но зато серьезно. Но разве не может быть «производ-

ственной» сатирической комедии, почему только «производственная» пьеса? Разве не может быть политического буффа? Однако некоторые замшелые театральные деятели — не политики, нет! — убеждены, что с идеологическим противником можно разговаривать, только поблбнедв лицом от гнева, сжав кулаки и приподнявшись на цыпочки от возмущения. Но в таком положении долго не поговоришь. Не постоишь даже.

Комедия, сатира, гротеск, в том числе с музыкой, может быть, серьезным произведением искусства и говорить об очень серьезном. Быть не просто зрелищем, но волновать ум и сердце.

Уверенность в обратном идет от полной некомпетентности, от односторонности, от непонимания психологии воздействия искусства как высшей, по выражению Товстоногова, формы пропаганды.

К сожалению, целая плеяда людей и в органах культуры получает зарплату не за плодотворные идеи, не за поддержку чего-то нового, а лишь за потное умение старательно проверять: соответствуют ли сегодняшние формулировки вчерашним. И если не соответствуют — бить в колокола. Согласимся, что это не самый эффективный способ помогать развитию многообразия социалистического искусства.

Разобраться во всем этом нам должны помочь критики, театроведы, театрики драмы. К сожалению, далеко не всегда помогают.

Отличие советской театральной критики от критики мировой всегда состояло в том, что в качестве критиков, рецензирующих спектакли, обозревающих театральные процессы, выступали серьезные ученые-театроведы. Между текущей критикой и теорией, историей театра не было барьеров. Это важнейшее методологическое достоинство нашей критики. (Напомню, что на Западе существует институт газетных рецензентов и — отдельно — университетских ученых, которые занимаются историей и теорией драмы. Их пути, как правило, не перекрещиваются.) Однако сегодня наши театрики — за редким исключением — мало пишут о живом театре, а текущей критике недостает научной основательности и глубины. Поэтому целый ряд проблем, которые актуальны для нашего сегодняшнего театра, критикой и теорией по существу не разрабатываются. Это относится и к теории жанров — в современном их существовании. До сих пор, скажем, нет ни одного сколько-нибудь серьезного определения политического театра. О публицистике я уже говорил.

Затронуту, как вы видите, только то, что лежит, как говорится, на виду у всех, — но ведь есть и более глубинные проблемы, требующие серьезного теоретического анализа.

Критики не существует вне печатных органов.

Можно приветствовать требовательную и одновременно взвешенную, спокойную, я бы сказал, дружественную к работникам драматургии и театра позицию «Правды». С удовлетворением мы заметили серьезные изменения, которые произошли в газете «Советская культура» и ее более активную позицию в вопросах драмы. Интересно, полезно для дела пишет по

проблемам театра и драматургии «Литературная газета».

Для многих других органов печати театр, драматургия — тема «остаточная».

То же можно сказать и об издательствах. Издательства «Искусство» и «Советский писатель» вместе ежегодно выпускают сборников пьес меньше, чем пальцев на одной руке, а книг по проблемам современной драматургии за пятилетие вообще было выпущено только две: «Трудовые будни в свете рампы» и «Серебряные трубы».

К сожалению, мы не преодолели традиционного недостаточное внимание к самой драматургии. Мало анализа пьес, анализа текста, теоретических статей о природе нового конфликта. Пьеса все-таки в основном рассматривается как материал для театра. Вот с этой задачей — быть своеобразной школой драматургии — мы справляемся неважно. Думаю, что и альманах «Современная драматургия» тут положения не исправляет. Существенную помощь нам могли бы оказать литературно-художественные издания, журнал «Вопросы литературы». Стоит подумать и о создании театральной газеты.

Большой недостаток наших газет, крайне замедляющий и без того вяло катящийся длиннющий наш театральный и драматургический дела, — академическая неторопливость с рецензиями на театральную премьеру. Два-три месяца — обычное расстояние между первым спектаклем и статьей о нем. Теряется значение газетной рецензии для спектакля, который ко времени ее появления либо уже устоялся, либо окончательно развалился. Не влияет такая рецензия и на общественное мнение, которое уже сформировалось безо всякого участия уважаемых критиков.

Я не знаю, чего ждут газеты. Возможно, авторитетного мнения. Но если мы по каждой необычной пьесе будем ждать поддержки или критики «сверху», то наше театральное ускорение будет зависеть от свободного вечера у начальства, у которого не только свободных вечером — минут-то свободных нет. А здоровый критический процесс будет нарушен.

Однако должен откровенно сказать, что наше театральное дело вряд ли сдвинулось бы с мертвой точки, если бы не поддержка партийными инстанциями самых смелых, самых острых пьес и спектаклей в этом сезоне...

С огорчением должен сказать, что за последние годы слишком мало новых имен пополнило критические ряды. Трудности существования в профессии не привлекают молодых. В журнале «Театр» регулярны их дебюты. «Театральная жизнь» четыре номера в год решила делать руками молодых. Однако бесспорна явная нехватка молодых профессиональных критиков, владеющих острым пером, страстно, партийно зорко мыслящих.

Мы можем и должны восстановить авторитет театральной критики: энергичной, многоголосой, гражданской, партийной. Не надо требовать от критиков непогрешимости. Не надо считать каждого из них истиной в последней инстанции. Тогда они вернут себе доверие читателей и прекратится удивительная практика, при которой зрители не ходили на спек-

такли, кои критика превозносила, и валом шли на те, что критика ругала или замалчивала.

Я посвятил так много места театральной критике, потому что от возрождения авторитета партийной критики во многом зависит, будет ли наша театральная жизнь активной или анемичной, рождающей энергию создания, острой борьбы с самыми тяжелыми нашими проблемами или лишь регистрирующей события. Кроме того, я считаю этот раздел прямой или опосредованной критикой и в адрес журнала «Театр».

Не хотелось бы разговор о театральной критике заканчивать в минорном тоне. Работает в этой сфере большой и активный отряд высоких профессионалов, многие из которых обладают подлинно литературным талантом. Серьезно, глубоко, как и прежде, пишут И. Вишневская, Н. Велехова, Э. Гугушвили, Г. Дубасов, К. Каск, А. Образцова, Е. Полякова, Н. Потапов, К. Рудницкий, Ю. Рыбаков, А. Свободин, И. Соловьева, Ю. Станиславский, К. Шербаков. Завоевали заслуженный авторитет Н. Агишева, Х. Абдусаматов, В. Гульченко, Б. Любимов, А. Смелянский, М. Швыдкой. Активно, содержательно, как бы соединяя традиции и новь, работает старшее поколение критиков — Х. Абдусаматов, А. Аникст, Ю. Дмитриев, Д. Джанелидзе, В. Нефед, В. Пименов, Е. Сурков.

На протяжении пятилетия одним из самых острых вопросов нашего театрального развития были проблемы реорганизации театрального дела. Решение их, по мнению участников многочисленных обсуждений, должно способствовать развитию творческого потенциала искусства. Впрямую касаются эти проблемы и драматургов. Об этом подробно будет сказано в содокладе. Я же остановлюсь лишь на следующих моментах.

В процессе эксперимента должен упроститься путь пьесы на сцену и к зрителю. Количество инстанций, принимающих пьесу, спектакль, необходимо свести к разумному минимуму. Тому минимуму, который можно было хотя бы обеспечить профессионалами. Ибо зачастую замечания, предложения по редакции делаются людьми, далекими от искусства.

Среди редакторов министерства культуры есть отличные специалисты своего дела. Но ведь после того, как работа с ними закончена, зачастую продолжается редакция пьесы на местах. Доходит до того, что пьеса, имевшая превосходную прессу, высокие отзывы в центральной или столичной печати, не рекомендуется к постановке в той или иной области.

(Ш а т р о в: «Т у т, по-моему, не нужны ни комментарии, ни восклицания. Просто этого не должно, не может быть».)

Позиция советов по драматургии здесь должна быть однозначная. Это как раз тот случай, когда согласно резолюции XXVII съезда партии творческие союзы имеют право приостанавливать осуществление управленческих решений.

Сложные отношения складываются у драматургов и со столичными театрами, где пьеса обычно выдерживается два-три сезона, прежде чем она попадет на сцену, — говорю сейчас

о лучших наших писателях и о серьезных произведениях. Это связано с тем, что московские театры могут обходиться без плановых четырех премьер, а также с тем, что столица сегодня остро нуждается в новых театрах — разнообразных по творческим направлениям.

Рядом с нашими профессиональными театрами последние годы как грибы растут театры-студии, молодежные театры. Некоторые существовали ровно столько, сколько существовал их первый удачный спектакль. Но немало и таких, которые стали отличными театрами. Они нужны людям. Видимо, они восполняют то, что недодает зрителю устоявшийся театр. И часто бывает так, что городской театр пустует, а молодежная студия переполнена.

Мы говорим о необходимости рождения новых театральных коллективов. Мы лелеем мечту. А жизнь обгоняет нас. Вот они, эти театры. Вот база для них. Но мы не готовы принять их — они выросли без нашего ведома. Или по другому ведомству. Они — в разряде самостоятельных. А мы ведем разговор о профессиональных. Но ведь 60% актеров профессиональных театров на периферии не имеют высшего театрального образования.

Случаев, когда совпадает курс училища МХАТа и его лидер и возникает театр «Современник», — это ведь нечастое явление. Негативный опыт некоторых наших студий, созданных искусственно, подтверждение этому.

Чаше плод вызревает в утробе жизни. Там, где есть потребность в искусстве, «святая к музыке любовь» и поле гражданской активности высокого напряжения.

Так давайте поддержим этот процесс — не будем ставить ему препоны, а, наоборот, поможем ему.

Здесь экспериментальное поле для молодого драматурга. Здесь поле пробы сил для молодых актеров. Для молодого режиссера. Но для этого надо заниматься этими театрами всерьез. Надо разрабатывать им новый статут, в том числе и финансовый. Чтобы режиссер не был оформлен там на ставку уборщицы. Надо смелее переводить их на хозрасчет.

Талантливую молодежь этих студий можно было бы принимать на краткосрочные курсы актерского мастерства. А в студии можно было бы добавлять профессионалов, не разрушая при этом ни театра, ни коллектива, ни стиля. Уже сейчас к ним приходят актеры из столичных профессиональных театров и просят: возьмите меня хоть бесплатно, дайте поиграть у вас.

Эти студии могли бы стать нашими сегодняшними «фронтowymi» бригадами. Они могли бы ездить и играть там, где профессиональный театр никогда не бывал и не побывает.

Уровень некоторых из них значительно, подчеркиваю, значительно выше многих местных профессиональных театров, да и некоторые столичные могли бы у них кое-чему поучиться!

Перед нами огромный резерв гражданского, нравственного и эстетического воспитания как аудитории, так и самих исполнителей.

По инициативе журнала «Театр» полтора года назад было совместно с Министерством культуры СССР проведено всесоюзное совещание представителей таких студий. Было сказано много интересного и важного. К сожалению, министерство до сих пор не приняло нужного решения по этому вопросу.

Это не единственный путь, конечно. Есть много других, в том числе конечно же и создание новых театров. Одним словом, наш эксперимент должен быть талантливым, смелым, динамичным, разнообразным. Нужно создавать труппы на одну пьесу. И играть спектакль каждый день. Нужно думать о стадионном, площадном публицистическом, народном театре с использованием огромного экрана, позволяющего видеть мимику актера. Есть множество интереснейших проектов. Хватило бы лишь таланта, увлеченности, смелости, раскованности, изобретательности! А то ведь и эксперимент можно зарегулировать до степени считалочки: «Да и нет не говорите, черно-бело не берите, вы поедете на бал?» И тогда «бал» просто может не состояться.

Журнал «Театр» будет постоянно следить за экспериментом.

Думаю, что и Совет по драматургии должен взять его под свой контроль.

В работе Совета по драматургии СП СССР немало положительного. И дело не только в том, что мы встречаемся и обсуждаем там ключевые моменты развития нашей драматургии, ее задачи по осмыслению кардинальных проблем времени. По-прежнему регулярно и плодотворно проводятся семинары драматургов в Ялте, Пицунде, Дубултах, семинары Совета по драматургии Союза писателей РСФСР и других союзных республик. Бесспорным достижением совета, его руководства предшествующих лет является решение о выпуске альманаха «Современная драматургия». Первые книжки этого издания завоевали достаточно широкий круг читателей (еще раз хочу сказать, какая ошутимая потеря для всех нас уход из жизни В. М. Чичкова). Совет делает немало. Но есть в нашей работе и проблемы — о некоторых из них я уже говорил, добавлю еще одну, может быть, ключевую.

Тревожит недостаток политической культуры у некоторых художников. Тревожит краска смущения, которая появляется на их щеках при слове «политика». Тревожит ранняя профессионализация, уход молодого драматурга со всякой другой работы. Тревожит гражданский инфантилизм, который затягивается у некоторых до полувекового юбилея, а то и перерождает в него.

Одним словом, речь идет о воспитании художника-гражданина, художника-коммуниста. Не отдельно ремесло и отдельно мировоззрение, а в слитном, нерасторжимом единстве.

Мы немало делаем для молодых. Может быть, даже грешим «тепличностью».

Я спросил однажды Артура Миллера, сколько пьес он написал. Тридцать. Сколько из них поставлено? Двенадцать. Эдварда Олби не ставят на Бродвее больше десяти лет. Считают, что ставить его рискованно. Можно потерять деньги. Я не за то, чтобы следовать при-

мерам капиталистического образа жизни. Но я за то, чтобы несколько изменился взгляд некоторых ранних писателей на общество как на неоплатного должника ему за то, что он родился и написал свою пьесу. Литература, как известно, дело суровое и во многом рискованное.

Лучшие наши драматурги всегда стремились к постижению общественно значимых конфликтов. Истинное искусство всегда выдает опережающую информацию, которая затем становится фактором общественного сознания. И сегодня драматургам необходимо думать не только о том, что происходило в стране до XXVII съезда партии и о чем сказано на самом съезде, но и о тех проблемах, что стоят перед нами сегодня и будут стоять завтра. Такова задача настоящего искусства. Оно должно опережать все другие сферы знания.

Разумеется, искусство не может не обращаться к прошлому. К драмам, которые разыгрывались в истории — далекой и близкой. К драматизму, а порой и трагизму развития, становления нового общества. К драматизму социального творчества первопродцов истории. Но сегодня, как никогда, важно понять, художественно осмыслить и пути рождения будущего. Понять масштаб происходящих событий, их историческое значение. Важно осмыслить и выразить на сцене драматизм перестройки, сложность процессов, вовсе не безболезненных, но необходимых, которые происходят и в общественной жизни, и в душе каждого человека.

Мы получаем огромное количество пьес, в которых рассказывается, как все было плохо. В одной пьесе министр загубил все реки, которые ему были подвластны. Кроме того, этот министр живет со своей невесткой. Я говорю автору — слушайте, имярек, может быть, достаточно того, что он загубил все подвластные ему реки? Может быть, насчет невестки не обязательно? Еле уговорил. С другой стороны уже появилось немало, так сказать, «соловьев» обновления, ускорения, интенсификации и человеческого фактора, которые, быстро заучив новые словосочетания, выщелкивают их громкогласно и без видимого труда, думая, что этого достаточно.

Уже появились пьесы с перелицованными конфликтами и перелицованными терминами: совнархоз заменен на агропром. Раньше все конфликты решал, все трудности устранял вышестоящий товарищ при помощи телефонного звонка. Того товарища сняли. Теперь все трудности решает вновь назначенный товарищ. Но решает по тому же волшебному телефону, у которого на все есть ответ.

А решать должны мы с вами. Сообща! И это оказывается чрезвычайно непросто, неоднозначно, трудно. Это требует ответственности, смелости, да просто огромной, хорошо организованной работы. Оказывается, по указке, которую мы все вроде бы не любим, жить многим из нас гораздо легче. Но сообща — это условие движения вперед. Ошибки неизбежны. Но если говорить о них откровенно и делать из них выводы, они не страшны. Параллельно непогрешимости гораздо опасней.

Спору нет, необходимы организационные новшества, эксперименты в театральном деле,

новые театры. Но писать правду, творить общественно значимое искусство всегда нелегко — для десяти театров или для ста, для нового ли здания, для старого ли. Всегда — какие бы благоприятные условия для этого ни были созданы. Воплощение правды жизни в художественном произведении — задача огромной сложности, и творческой и гражданской. Она вовсе не упростилась сейчас. Напротив. Именно в нынешней ситуации каждый проходит проверку перед нашим обществом и самим собой: что у каждого из нас за душой, чего каждый из нас стоит. Спасибо за внимание. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Александру Васильевичу Караганову.

А. КАРАГАНОВ. Товарищи!

Статистика свидетельствует: первое место по количеству зрителей занимает ныне телевидение, второе кино. А через два-три года в нашу жизнь войдет видеокассетный фильм — видеотека во многих домах станет таким же привычным явлением, как библиотека. Но уже и сейчас, до массового распространения видеокассет, хотим мы того или не хотим, значительная часть молодежи больше смотрит, чем читает. И вопрос о работе писателя для экрана, большого и малого, — это не просто вопрос известности писателя, его авторского честолюбия, престижа и т. п., а вопрос гражданский, политический: успешное появление литературного произведения на экране в значительной степени определяет меру социальной действительности, широту аудитории, количество умов и сердец, на которые влияет писательское слово.

Моя задача сильно облегчалась бы, если бы во взаимоотношениях кино, телевидения и литературы неукоснительно действовала желаемая для многих писателей закономерность: чем ближе стоит фильм к литературному первоисточнику, тем он лучше, чем дальше от него отходит, тем хуже. Но такого рода закономерности то и дело нарушаются практикой. Очень сильно переделали горьковскую «Мать» (с разрешения Алексея Максимовича) Н. Зархи и В. Пудовкин — получился великий фильм. Многим отличаются от первоисточника «Чапаев» — по Фурманову, «Председатель» — по Нагибину, «Шестое июля» — по Шатрову, «Премия» — по Гельману, «Иди и смотри» — по Адамовичу... Ближе других держалась к роману «Открытая книга» Каверина режиссер Дружинина — фильм получился посредственный.

Не хочу этим сказать, что существует обратная закономерность, делающая отход от книги непременно условием успеха кинематографа. Можно было бы назвать десятки случаев, когда переинчавание литературного первоисточника пошло во вред искусству. Я хочу лишь подчеркнуть: проблема взаимоотношений литературы и кино — проблема сложная, творческая, и каждая экранизация по-своему уникальна, каждая — индивидуальный казус.

Даже с точки зрения жанра и стиля. Кинематограф — в основном искусство драмати-

ческое. Так считается. А вот в фильме А. Столпера по симоновскому роману «Живые и мертвые» первая серия, где преобладают эпические элементы, получилась сильнее второй, где преобладают элементы драматические.

Об одном можно сказать твердо: снижение уровня киноискусства за последние годы, о чем с тревогой говорилось на V съезде кинематографистов, о чем много пишет сейчас печать, безусловно связано с широким распространением безликого гладкописания и штампов в сценарной литературе. И еще: в застойных явлениях в кино по-прежнему отражаются застойные явления в жизни нашего общества 70-х — начала 80-х годов.

Было бы неверным думать, что писатели и кинематографисты не видели этих явлений. Видели, но затрагивали их только «по касательной», часто сводили все дело к привычным конфликтам стиля 50-х годов. Например, к конфликтам, определяемым выполнением плана («по валу»: передовой герой план выполнял и перевыполнял, отсталый не выполнял... И мало кто задумывался над таким парадоксом: работники, недовыполнившие план, но выпускавшие продукцию высокого качества и экономичную по металло- и энергоемкости, приносили государству больше пользы, чем те работники, которые перевыполняли план по выпуску комбайнов «Нива», причинивших немало хлопот и убытков земледельцам.

Кинематограф, как, впрочем, и другие искусства, не боролся по-настоящему за качество, производительность труда, организованность, дисциплинированность в работе и т. д.

Разумеется, я никого персонально обвинять в этом не могу, так как какие-то черты и особенности создаваемых для экрана произведений определяло само время. И время же приучало администраторов к административной верткости. Вот пример. Молодой драматург Н. Кожушанская написала талантливый, тонкий сценарий для дипломного фильма одного из слушателей Высших режиссерских курсов. Редакционно-сценарная коллегия «Беларусьфильма» написала Кожушанской такое письмо:

«Мы ни в коей мере не посягаем на авторитет и творческие возможности совета курсов и не берем на себя контрольные функции за качество литературного материала, как, впрочем, и будущего дипломного фильма. Но нас волнует режиссерская судьба дипломника А. Мороза. И только поэтому мы не можем принять работу Кожушанской, поскольку, на наш взгляд, предлагаемый материал невозможно представить на экране из-за крайне низкого качества литературы».

С одной стороны — не посягаем, с другой — запрещаем. Кожушанская — человек молодой, пока что малоизвестный. Но ведь бывали и другие случаи такого типа. Василий Шукшин так и не смог добиться постановки фильма о Степане Разине, хотя у него был готовый сценарий. Геннадий Шпаликов не мог добиться постановки сценария «14 декабря», долго пробивали себе дорогу на экран расказ «Чучело» Железникова, сценарий «Отряд» Е. Григорьева, «Бумажный солдатик»

А. Смирнова, «Счастье мое» А. Червинского, «Благородный друг» В. Приемыхова, «Ожиданье» П. Финна, «Отец» и «Бронепоезд» Е. Григорьева и другие.

Зато необыкновенно легко, одной росписью какого-нибудь руководителя высокого ранга проходили на экран такие фильмы, как «Внимание всем постам», «Признать виновным», «Приказано взять живым», «Приступить к ликвидации» и другие.

Система прохождения сценариев, на мой взгляд, не может не стать одним из главных предметов разговора на нашей секции. До последнего времени эта система была до невозможности усложнена и заборюкратизирована. Для товарищей из союзных республик существовало пять инстанций, для товарищей, работающих на главных студиях России, — четыре.

Давайте представим себе такую фантастическую, сказочно прекрасную картину, когда редактор в объединении — умный редактор, в главной редакции студии — еще умнее, в комитете вся редакционная коллегия состоит из прямых наследников Белинского. Даже в таком случае сценарий, прошедший через пять рук, перестанет быть самим собой, становится не авторским творением, а безликим, если не бездумным произведением, которое может быть основой лишь кинематографической или телевизионной сериатины. И дело не только в том, что эти многоступенчатые поправки портят сценарий, но и в том, что они портят людей, воспитывают приспособленцев, конъюнктурщиков. Еще хуже бывает, когда как-то редакторам не хватает политической и эстетической культуры, а таких немало.

Сейчас наши товарищи из главной редакционной коллегии призывают: «Давайте нам острые фильмы о современности в духе апрельского Пленума, в духе XXVII съезда и т. д.» Не дают! Кроме нескольких поверхностных, скороспелых, торопливых откликов, не являющихся фактами истинного искусства, сейчас серьезных, острых сценариев нет не только на экране, о чем вы сами знаете, но и на бумаге. Можете поверить мне на слово: являясь членом жюри Всесоюзного конкурса на лучший сценарий о современности, я прочитал 17 сценариев — и среди них нет ни одного, который бы по-настоящему, не в форме газетной заметки, а на уровне настоящего искусства художественно воплощал идеи апрельского Пленума ЦК и XXVII съезда партии.

Мне представляется необходимым поговорить о взаимоотношениях не только между сценаристом и администратором, но и между сценаристом и режиссером. Это большой вопрос. По-настоящему умелый руководитель кинопроизводства заботится прежде всего о том, чтобы каждый хороший сценарий нашел «своего» режиссера, а режиссер — отвечающий его художническим склонностям сценарий.

Подлинно творческое содружество писателя и режиссера рождается, когда кинематографист разговаривает со зрителем на своем языке, используя свои возможности: когда даже такой талантливый театральный режиссер, как Товстоногов, поставил в свое время кинематографическую постановку «Три сестры» А. Чехова.

матографический спектакль, получилось среднее произведение. То же получается, когда талантливый кинорежиссер ставит театральный фильм.

При всех сложностях взаимоотношений кино и литературы уровень искусства, успех искусства зависит прежде всего от литературной основы фильма. Поэтому невозможно принять пренебрежительное отношение режиссера — в порядке самоутверждения профессии — к сценарию.

Между тем факты такого рода нередки в практике кино. Вот что, к примеру, говорит молодой режиссер Роман Балаая: «Подлинно современная режиссура, по-моему, начинается с того, что разрушается сюжет, жанр, фабула... Разрушается сделанность, пригнанность, гладкость сюжета, образа героя, драматургического канона: от завязки через кульминацию к финалу. И в образовавшиеся щели входит подлинная жизнь с ее многообразием, многослойностью, многозначностью». И это говорится о драматургии Виктора Мережко, у которого и образы, и сюжет, и жанр, а не только «цели» содержат в себе живую многослойную жизнь.

К сожалению, такое небрежное отношение к своему искусству проявляют и некоторые драматурги.

Так плодотворно работающий в кино Э. Володарский в третьем номере «Искусства кино» заявляет: поскольку он состоит на службе в кинопроизводстве, он не может отказываться от заказов — это было бы нелегко. «Сценарист должен быть готов к компромиссам. Важно еще, чтобы сценарий был скроен как пиджак, годный разным людям. В сценарии должен быть люфт, возможность подстройки его для того или иного режиссера».

Практика такова, что диктатура режиссера в ряде случаев приобретает уродливые, опасные для искусства формы. Ведь среди режиссеров бывают не только Райсманы, Михалковы, Абдрашитовы, Сиренко, но и малокультурные, профессионально несостоятельные ремесленники. А они тоже пытаются навязывать свое куцее «видение» фильма писателям-драматургам, тоже пытаются кроить и перекраивать сценарные «пиджаки».

Поэтому правильно будет, если на нашем съезде, на нашей секции мы поднимем голос за то, чтобы поднять престиж литературы, сценария в кинопроизводстве, будь это традиционное кинематографическое производство или производство телевизионных фильмов.

За последнее время телевидение — я думаю, вы со мной согласны — стало несколько лучше работать. Здесь поставлен ряд произведений крупных писателей — Гранина, Герасимова, Гельмана, Твардовского; созданы интересные фильмы. Но вместе с тем огорчительно, что такие произведения, как «Батальоны просят огня» Ю. Бондарева, «Меньший среди братьев» Г. Бакланова, «Ускорение» П. Загребельного, «ТАСС уполномочен заявить», вышли на экран обедненными. Причем телевидение часто портит режиссуру. Если бы лента «ТАСС уполномочен заявить» была в два раза короче, она была бы в два раза лучше. Пользуясь

телевизионной многосерийностью, режиссер слишком вольготно обращается с материалом на съемках и монтаже — забывает о ритме, искусстве концентрации материала, создания емких образов.

И в заключение. Я думаю, что съезд писателей со всей силой своего авторитета выскажется за то, что в новых условиях — в эпоху кинематографа, телевидения, видеокассетного кино — писатели, настоящие писатели, более активно пойдут в кинематограф для того, чтобы по-настоящему использовать эту могучую трибуну. За то, чтобы произведения Астафьева, Распутина, Абрамова, Белова, других крупнейших советских писателей ставились на хорошем уровне и достойно была продолжена экранизация классики. Кино без литературы жить не может. Но и литература без экрана не соберет аудиторий истинно современного масштаба.

Разрешите на этом закончить. Спасибо. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Алексею Владимировичу Бородину — главному режиссеру Центрального детского театра.

А. БОРОДИН. Я не буду пытаться рисовать картину сегодняшнего развития детского театра и детской драматургии, боюсь, что буду необъективен. И не это задача моего выступления сегодня.

Я хотел бы сказать о проблемах, которые меня волнуют. Я думаю, они будут кому-нибудь интересны.

Первого сентября прошлого года я был со своими детьми на Дне знаний — есть теперь такое мероприятие. Был прекрасный день, светило солнце, все было замечательно: директор сделал очень трогательный доклад, группа американских учителей пришла на этот День, местный школьный вокально-инструментальный ансамбль играл жизнерадостные мелодии. Все было как-то торжественно и неподнято.

Я стоял среди десятиклассников и наблюдал за ними внимательно. Знаете, несколько лет назад мы могли думать, что они наверняка будут над этим мероприятием посмеиваться, иронизировать, т. е. будут к нему хоть как-то относиться. И что меня поразило? То, что реакции не было никакой вообще. Понимаете, стояла такая бесконечная стена между тем, что происходило официально, и этими десятиклассниками. Они вообще никак не реагировали. Картина была довольно серьезной. У мальчишек — у всех десятиклассников в карманах были сигареты, но это, так сказать, естественно. И жизнь, которую они вели на фоне «официальной части», шла спокойно, уверенно. И вообще вся эта группа была монолитна и совершенно непроницаема. Это один пример. И второй. Я позволю себе его привести. Моей дочерн дали задание написать сочинение на тему произведения Чуйкова «Киргизия». Есть такая картина и очень плохая ее репродукция в школьном учебнике. Дочь написала 4 страницы. Мне казалось, что по этой репродукции нельзя написать и трех строчек. Она получила пятерку за это сочинение. Выходит, дети уже

знают, как приспособиться к требованиям взрослых.

Не так ли в театре мы теряем их доверие? Думаю, что очень часто. С подростками связаны замечательные произведения русской литературы. К ним были так внимательны Чехов, Л. Толстой, Достоевский. Это самая драматическая пора человека — пора отрочества. Но как часто мы поверхностны, фальшивы, высокомерны по отношению к этому возрасту, как часто бываем несостоятельны.

Детский театр всегда чутко реагировал на общественную ситуацию в стране. «Взлеты» детского театра были связаны со «взлетами» общественных сил нашего общества. Лучшая пора детского театра — это конец 50-х — начало 60-х годов; тогда ЦДТ стал, по моему, лучшим театром в Москве. В нем работала М. И. Кнебель, Эфрос начинал режиссерскую деятельность, в драматургию пришло светлое имя Розова, Эфремов поставил свой первый спектакль. В театр пришли А. Хмелик, Н. Долинина, Н. Ивантер и другие.

Это время, когда наш театр был состоятелен и граждански честен. Детский театр начал расширять свои рамки, которые мгновенно сужаются при затухании общественной жизни, когда сразу становится известно, что можно в детском театре делать, а чего нельзя. Из-за этого мы потеряли многих драматургов, они просто перестали писать для детского театра. Остались лишь самые верные. Но их мало. Мало настоящей литературы для театра. Замечу, что сейчас в детский театр приходят «взрослые» пьесы. Так, у нас с большим успехом идет «Барабанщица» А. Д. Салынского, и восьмиклассники смотрят ее так, будто она для них написана.

Известно, что целый ряд произведений классики, которыми авторы не предполагали заинтересовать подростков, подростки воспринимают с колоссальным интересом. Все, что касается истории или фантастики, они, как правило, принимают с огромной верой. А когда мы говорим о сегодняшнем дне, о сегодняшних достижениях, тут нередко возникает та сцена, о которой я уже говорил.

Сегодняшние проблемы подростков настолько серьезны, настолько остры, настолько драматичны, что мы не должны о них забывать. Можно ли показывать одиночество подростка на сцене театра? А ведь это главное чувство, которое возникает в этом возрасте у человека.

Когда мы сделали «Ловушку» Шекочихина, как же долго пришлось «пробивать» ее выпуск по совершенно непонятным причинам. Мне кажется, что в этом смысле мы не доверяем нашим ребятам. Когда толпа народу спрашивает билеты на «Ловушку», это все же о чем-то говорит. И не театральная публика, а просто ребята.

Несколько слов о героико-патриотической теме на сцене детского театра. Это тема очень важная. Она родилась естественным путем, естественным путем развивалась. Но сегодня немало спекуляции и неправды завелось в этой теме. Люди никакого отношения не имеют к тому, о чем пишут, знают предмет понаслышке, тем не менее выпускают большое количе-

ство пьес. А эта героическая тема чрезвычайно важна, потому что воспитание гордости за свою страну, за свой народ — очень важное сегодня чувство. И если ставишь честный патриотический спектакль, наверно, он будет и героическим.

Часто приходится встречаться с коллегами из-за рубежа, которые перенимают наш опыт. И начинаешь понимать, чем мы владеем. Мы настолько привыкли к тому, что у нас прекрасные здания, стационарные труппы, что драматурги получают процент от сборов больший, чем во взрослых театрах, что часто забываем об этом.

И вместе с тем я вижу труппу из семи актеров, работающих в Швеции, которые сами ставят декорации, у которых есть одна административная единица, один работник, и он же радист, и эти люди работают не за страх, а за совесть. И эти люди, которые ничего не имеют, они бывают часто более собраны на дело, чем мы.

Наши условия в определенном смысле вводят нас в искушение самодовольным существованием, обеспеченностью; у нас все в порядке, и нередко по-настоящему честное сердце художника все же изменяет себе.

К сожалению, должен сказать, что в интересный эксперимент, который вводится сейчас в театрах, мало входит театров детских. Мне кажется, что детские театры должны шире включаться в эксперимент и иметь свои дополнительные пункты. Я думаю, что это поможет не только театру, но и развитию детской драматургии.

Могу сказать, что сегодня в детских театрах Российской Федерации практически не могут пойти пьесы, где молодых героев больше, скажем, восьми человек. Что будут наши драматурги писать дальше? Труппа в детском театре формируется так же, как во взрослом театре. И репертуар формируется часто не столько в интересах зрителя, сколько в интересах артистов, чтобы их занять. Но мы же понимаем, что не сможем строить репертуар на пьесах из жизни пенсионеров.

Хочу сказать, что детский театр, в задачи которого входят вопросы не только художественные, но и педагогические, требует особого внимания вышестоящих инстанций и в крупных городах, и на периферии. Некоторые работники управления культуры полагают, что очень свободно и легко «разбираются» в театре, а в вопросах педагогики и подавно: это можно сказать, то нельзя, этот абзац выбросить, тот оставить и т. д. Можно даже изменить всю трактовку пьесы, с чем мы сталкиваемся достаточно часто. Необходимо большее доверие к опыту деятелей детских театров. Детский театр требует здесь совершенно особого внимания. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляет Николаю Ивановичу Мирошниченко.

Н. МИРОШНИЧЕНКО. Товарищи!

Каждый из нас находится под впечатлением первого дня работы съезда советских писателей. Многоплановый доклад, в котором глубоко и всесторонне была проанализирована деятельность нашего творческого Союза,

серьезные, острые выступления ведущих писателей как бы predeterminedли тональность, критическую заостренность нашего сегодняшнего разговора. Предложенный нам доклад секретаря Правления СП СССР Г. А. Боровика довольно полно раскрыл состояние дел в драматургии, театре, театральной критике. Poleмическая заостренность отдельных тезисов доклада приглашает нас к более обстоятельному анализу всех сторон работы Совета по драматургии СП СССР. Я, с вашего позволения, попытаюсь остановиться на деятельности нашего совета по воспитанию молодой смены драматургов и театральных критиков.

Общезвестно, что от идейно-художественного уровня драматургии, масштабы охвата жизненных проблем, глубины постижения характера героев, их мировоззрения, духовности, нравственности во многом зависит судьба многонационального советского театра, а также кино и телевидения. Именно это обстоятельство побуждает нас ежегодно совершенствовать формы и методы работы по повышению профессионального мастерства молодых литераторов, решивших связать свою творческую судьбу с театром. Совместно с репертуарно-редакционной коллегией Министерства культуры СССР и союзных республик мы ежегодно проводим всесоюзные и республиканские семинары многоактной и одноактной драматургии в Пицунде, Дубултах, Рузе. Через эту своеобразную школу постижения «секретов» сложнейшего литературного жанра прошли почти все ныне известные драматурги нашей страны. А достигнув вершин мастерства, многие из них затем окружили себя учениками, образовали свои мастерские, постоянно действующие семинары. Кто из нас не знает, как много сил отдавал своим ученикам Алексей Николаевич Арбузов, сколько личного времени посвящая этому благородному делу Александр Штейн, Виктор Розов, Афанасий Салынский, Михаил Шатров, Александр Мишарин, Игнатий Дворецкий и многие другие мастера нашего цеха.

Следует отметить, что в последние годы заметно оживилась деятельность советов по драматургии в работе с молодежью на Украине, в Белоруссии, Грузии, Казахстане, Узбекистане, Российской Федерации. Вот почему имена молодых драматургов именно этих республик так часто появляются на страницах периодических изданий, они полноправно заявили о себе на афишах театров Москвы и Ленинграда, их пьесы успешно ставятся за рубежом. За период между двумя съездами заметно окреп талант Романа Солнцева, всерьез заявили о себе Степан Лобозеров из Бурятии, Александр Косенков из Новосибирска, Владимир Мурзаков из Омска, Иван Шестаков из Тынды, Владимир Винниченко из Перми, Олег Перекалин, Александр Галин и Александр Козловский из Москвы, буквально ворвались на сцены многих наших театров талантливые пьесы Дударева и Кудрявцева из Белоруссии, набирает силу, мужает талант украинца Александра Стельмаха, казаха Дулата Исабекова и многих других. Всего в этом ряду можно было назвать свыше пятидесяти молодых имен, чей первый опыт, пер-

вые шаги внушают доверие, надежду, приоткрывают перспективу творческого роста. И все они, как правило, были выявлены, открыты на традиционных семинарских сборах.

Но наряду с уже проверенными и оправдавшими себя формами и методами творческой работы с драматургами в последние годы появились новые, такие, например, как экспериментальные лаборатории драматурга и режиссера при театрах. Об опыте работы творческой лаборатории драматургов и режиссеров Сибири, Урала и Дальнего Востока, основанной на базе Омского академического драмтеатра, рассказывалось на страницах газет «Правда», «Советская культура», «Известия» и других периодических изданий. Поэтому я, как один из руководителей этой лаборатории, попытаюсь очень коротко доложить вам о результатах ее трехлетней работы. Совместным постановлением коллеги Министерства культуры РСФСР, секретариата Союза писателей и президиума ВТО мы утвердили постоянный состав участников и руководителей лаборатории, положение об эксперименте, примерный тематический план первых пленарных сборов. Главная задача нашего эксперимента заключалась в том, чтобы выявить творческие интересы драматургов и режиссеров этого огромного региона, предельно упростить их контакты, взаимно заинтересовать друг друга перспективными планами, организационно, материально и творчески помочь их осуществлению. Уже во время первой нашей встречи в Омске, куда ведущие драматурги региона привезли свои новые пьесы, нам удалось заключить одиннадцать обоюдовыгодных контрактов. Семь из них были доведены до сценического воплощения. Коэффициент полезного действия оказался настолько высок, что в эксперимент постепенно поверили даже те драматурги и режиссеры, которые относились к нему с недоверием. Больше того. Многие главные режиссеры потребовали, чтобы в последующем сборы участников лаборатории проходили на базе их театров. Мы учли эти требования. Основным условием встречи участников лаборатории в этом или ином городе региона является обязательная постановка новых пьес, прочитанных, обсужденных и рекомендованных вниманию театров на предыдущих заседаниях. За три года мы провели шесть сборов, кроме Омска они проходили в Новосибирске, Челябинске, Владивостоке. На очередь встали такие крупные областные центры региона, как Хабаровск, Иркутск, Томск, Красноярск, Тюмень, Свердловск, Кемерово. С каждым годом крепнет авторитет нашей лаборатории, растет и ширится количественный и качественный состав ее постоянных участников. За прошедшее время было прочитано и обсуждено свыше восьмидесяти пьес, двадцать семь из них уже поставлены в театрах региона, в Москве и Ленинграде, одиннадцать напечатаны в периодических изданиях, более ста премьер отметили молодые драматурги нашей лаборатории.

С самого начала активными участниками нашего эксперимента были многие ведущие театральные критики Москвы, Ленинграда, областных центров региона. С их помощью

был установлен довольно высокий, взыскательный уровень критического анализа и новых пьес, и спектаклей, поставленных по пьесам молодых авторов, а главное, они стали объективными посредниками в творческих спорах драматургов и режиссеров. Учитывая уже накопленный опыт и предполагая дальнейшее совершенствование содержания, формы и метода работы, мы предложили внести некоторое изменение в название нашего эксперимента и в дальнейшем именовать его лабораторией драматурга, режиссера и театрального критика. Наш скромный опыт показывается, что у этого тройственного союза открывается многоплановая творческая перспектива, она органично вписывается в ту организационно-творческую перестройку театрального дела, которая поэтапно осуществляется в нашей стране. Видимо, было бы целесообразно, с учетом всех приводящихся данных, распространить в экспериментальном порядке опыт Сибирской лаборатории на такие регионы страны, как Средняя Азия и Казахстан, Украина, Белоруссия и Молдавия, республики Прибалтики, Грузию, Армению и Азербайджан. Товарищи!

Я, естественно, не хотел бы, чтобы у вас создалось впечатление, будто мы нашли панацею от всех профессиональных, творческих и организационных бед. К сожалению, это далеко не так. Критический анализ творчества молодых драматургов (участников семинаров, мастерских, лабораторий) говорит о том, что многие из них без особого усердия постигают тайны профессионального мастерства, плохо знают или вообще не знают законов сцены, театра, почти не изучают опыт классического наследия, не утруждают себя постижением опыта современной многонациональной драматургии нашей страны и лучших образцов мировой драматургической литературы. А отсюда вытекает целый ряд серьезных претензий к идейно-художественному уровню драматических произведений, к поверхностному скольжению по глубинным реалиям жизни, к искусственному нагромождению драматических коллизий, ситуаций, к вялому построению сюжета. Только слабая профессиональная подготовка может объяснить тот факт, что в наши дни, когда каждый день требует от драматурга действия, личного участия в решении международных проблем, когда в его острейших, постановочных, проблемных произведениях нуждается наше общество, вступившее в конфликтную полосу коренных преобразований, молодые робко, с боязнью, с оглядкой вторгаются в сферу глобальной политики, социальных и мировоззренческих проблем. Кому, как не им, засучив рукава взяты бы сейчас за разработку сложнейшей темы: человек — создатель духовных, материальных ценностей, наследник, хранитель и продолжатель великой, уникальной, может быть, единственной во всей Вселенной цивилизации. Он же — изобретатель самого разрушительного оружия, безрассудно балансирующий на грани жизни и смерти планеты Земля. Какой гражданской смелости, масштабности, замыслов, философских обобщений, образности языка требует от молодого драматурга актуальней-

шая тема Войны и Мира, драматичного по своей острейшей борьбе противостояния двух мировых социально-политических систем.

Перечень тем, которые взывают к таланту и совести молодого художника, можно продолжить. Но не слишком ли глобальные задачи мы выдвигаем перед нашей молодежью? Думаю, что нет. Драматурги, которых мы называем молодыми, имеют средний возраст примерно 30—35 лет. А теперь давайте вспомним, в каком возрасте начал создавать свою теперь уже классическую Лениниану Николай Погодин, написали свои лучшие пьесы Вишневский, Лавренев, Тренев, Корнейчук? Или обратимся к живому опыту наших старших товарищей, сидящих в этом зале: в каком возрасте пришло всеоюзное признание к Александру Штейну, Виктору Розову, Афанасию Салынского, Анатолию Софронову, Николаю Зарудному, Калтаю Мухамеджанову? Уверен, что это сравнение будет не в пользу нынешней молодежи.

Предъявляя претензии молодым драматургам, мы обязаны задуматься и над причинами, тормозящими их развитие, жажду творческой самостоятельности, желание ввязываться в острейшие конфликтные ситуации, вместе с сныками и ссадинами обрести репутацию и опыт закаленного бойца литературного фронта. Объективных и субъективных причин здесь более чем достаточно. Я остановлюсь только на некоторых из них.

Первая, самая деликатная, самая многослойная, а потому почти неразрешимая: высокий возрастной ценз главной режиссуры в большинстве театров нашей страны. Многие из этих почтенных аскакалов вместе со своими ровесниками-актерами, выживав во времена оные высокие звания и награды, совершенно потеряли интерес к быстро меняющейся действительности, их буквально раздражают пьесы молодых, в которых страдает, любит, ненавидит, борется племя младое, незнакомое. Ежегодно во времена страды формирования репертуарных планов можно наблюдать почти анекдотичную картину: главреж, директор, завлит, ковыряясь в залежах затоваренной драматургической продукции, выискивают пьесы малонаселенные, чтобы расхаживали в параллель, были пригодны для выездов, чтобы героям и особенно героиням было за полста, а если есть роль для народной и народного, которым уже перевалило за... Тут годы называются самые почтенные, а молодой драматург недоуменно вопрошает: как же быть с моей пьесой, с моими героями? А ему в ответ стереотипный ответ: рад бы в рай, да грехи не пускают. У нас в театре всего две-три фишочки да один молодой оболтус, которого сегодня-завтра в армию забреют. Здесь я, естественно, несколько заостряю проблему. Но угрожающее старение многих театральных трупп — явление реальное, оно с каждым годом все больше и больше оказывает влияние на развитие молодой драматургии, на возрастной ценз ее героев. Чем другим можно объяснить тот факт, что только в двух-трех пьесах из десяти можно встретить героев в возрасте от 18 до 30 лет, с присущими этому периоду жизни проблемами? А в остальных

7—8 пьесах молодые драматурги, угодничая, занскивая, сгибаясь перед возрастными запросами театров, копаются в биографиях своих отцов и прадедов, выписывают ходульных героев, сводя их количество до 2—3 персонажей. Эта проблема, как водится в подобных случаях, порождает другую, уже чисто профессиональную. Абсолютное большинство молодых драматургов совершенно не умеют выписывать, сюжетно встраивать батальные сцены, они теряются даже в тех случаях, когда количество героев естественным образом вырастает до 10—15 персонажей. А малонаселенная, локальная, камерная драматургия отучает молодую, необстрелянную, малоопытную режиссуру от масштабного, пространственного, многомерного сценического мышления. И если разматывать этот клубок проблем до конца, то мы неотвратно упрямся в главную, конечную проблему — проблему полупустых и почти пустых залов многих наших театров.

Вторая причина пассивного, беззубого, робкого, с оглядкой, вторжения в гущу жизненных реалий заключается в том, что молодой драматург, пооббив пороги театров с первой своей пьесой, уясняет для себя унижительную, губительную истину, что он произвел на свет белый не литературное произведение, сотворенное по жестоким законам жанра, а всего лишь некий материал для будущего сценического эксперимента, из которого, в зависимости от вдохновения режиссера, может состояться гадкий утенок или царь-птица лебедь. Эта странная соподчиненность слова посреднику между автором и актером ведет свое летосчисление с той поры, когда самонадеянный клан режиссеров стал утверждать, что каждый из них готов сотворить сценический шедевр даже по телефонному справочнику. Эту злую шутку, конечно, можно было легко развенчать, припомнив тысячелетнюю историю мирового театра, особенно времена его расцвета, когда еще не была придумана роль посредника между автором всеисильного художественного слова с лицедеем сцены. Можно припомнить кое-что и из отечественной истории: театр слова Гоголя, Островского, Чехова, Горького. Но литературная критика своевременно не заступилась за драматургию как за самостоятельный жанр великой матери литературы. Видимо, по этой причине из оглавления всех литературных журналов постепенно исчезла рубрика — драматургия, выведя тем самым наш жанр за пределы литературного процесса. А театральная критика, сосредоточив свое внимание главным образом на конечном результате — спектакле, как бы узаконила, увековечила рабскую подчиненность, вторичность, а порой даже третичность (в случаях, когда текст произносит сверхизвестный актер) драматургической литературы в сценическом искусстве. Вчитайтесь в подавляющее большинство статей, рецензий, обзоров, и вы убедитесь, что имя драматурга, как правило, упоминается всуе, между прочим, чаще подразумевается в подтексте, о недостатках литературного «материала» говорят только в тех случаях, когда надо оправдать явный провал режиссера, вялую, невнятную игру известного актера. Я, естественно, не вы-

ступаю против режиссеров как полноправных соучастников в сценическом творчестве, я вступаю против самой ложной тенденции небрежительного отношения к слову, драматической литературе, драматургу как художнику, краеугольному началу всего театрального процесса. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Михаилу Филипповичу Шатрову.

М. ШАТРОВ. Товарищи! Я был участником встречи группы писателей с Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым накануне нашего съезда. Мне кажется, что мысли и пожелания, высказанные на этой встрече, настолько важны для развития нашей духовной жизни, что мне хотелось бы, не претендуя на стенографическую точность, но отвечая за точность мысли, рассказать вам об этой встрече, поделиться некоторыми ощущениями.

Меня взволновали уровень этого разговора и его искренность, он стал как бы продолжением тех многочисленных споров и размышлений о судьбах страны, которые ведутся сегодня в каждом доме, каждом коллективе. С нами говорил наш современник, воспитанный, с одной стороны, революционными традициями нашей партии, всем ее историческим опытом, а с другой — сегодняшней культурой, нашей литературой, нашими пьесами и фильмами, сегодняшний человек, который остро чувствует боль времени.

С самого начала разговора было сказано, что мы переживаем ответственной период нашей истории, ибо речь идет о судьбе страны, о судьбе социализма в нашей стране.

Я в первый раз слышал такие слова.

Я вспомнил, что так стоял вопрос в 41-м году и об этом шла речь в 56-м. И так же вопрос поставлен сегодня — какая же мера ответственности лежит на каждом из нас, участниках нынешнего исторического процесса!

С большим волнением воспринял я и главную задачу, поставленную в этом разговоре, — сделать все, чтобы процесс демократизации, начатый апрельским Пленумом ЦК КПСС (1985 г.) и продолженный XXVII съездом партии, стал необратимым. Вдумайтесь, товарищи, в это слово — необратимым!

Я вспомнил весну 56-го года, XX съезд партии, гигантский рывок страны, сбросившей с себя антиленинские пути идеологии и практики культа личности, но я вспомнил и то, как постепенно, шаг за шагом этот процесс стал выхолащиваться, как силы прошлого, которые мы не сумели до конца выкорчевывать, стали оживать и поднимать голову, как антидемократические тенденции, которые по сути своей являются антисоциалистическими, снова стали тормозить наше движение, и мы, это надо признать с горечью, из-за собственной неактивности, трусости, равнодушия, что ли, мы вновь уперлись в что-то старое и знакомое.

Сегодня история второй раз дает нам шанс, и святая задача всех нас — деятелей социалистической культуры — не упустить этот шанс, сделать все, что в силах каждого, чтобы процесс демократизации нашей жизни стал действительно необратимым.

Не будем откладывать, давайте уже сегодня, на нашей секции драматургии, внесем лепту в этот процесс. Само собой разумеется, главная наша лепта — глубокие художественные свершения, сегодня же — попытки осмыслить то, что было и есть, попытки анализа всего того, что мешает и что помогает искусству играть его роль; они, эти попытки, бесполезны, если превратятся в своего рода коллективный урок правды и только правды.

Определенный период времени, который мы все пережили, называется сегодня периодом застоя. Антиэпиграфом к этому периоду, который прекрасно выразит его суть, можно было бы взять известные слова Ленина о том, что страшны иллюзии и самообманы, губительна боязнь истины.

Да, так было. И это не могло бы не сказаться и на литературе. Парадоксальная ситуация — с одной стороны, призывы писать правду, с другой — боязнь этой правды. Многие из нас испытали на себе издержки такого положения. К чему это приводило? Что литература и искусство слишком часто закрывали глаза на гигантские социальные проблемы, которыми болело общество. В какой-то момент мы социальную правду стали рассматривать как государственную и военную тайну. Но военную и государственную тайну надо скрывать — и умело! — чтобы защитить мощь государства. Попытки же скрыть социальную правду приводят общество к страшной деградации, к таким изъясам, которые сказываются годами. Усиливает или ослабляет это наше государство?

Вместе с тем не могу не сказать, что и в эти застойные годы появлялись произведения литературы и искусства, которые, обжигая нас правдой и глубиной, становились событиями, вызвали повышенный читательский и зрительский интерес, не давали потушить огонь совести, которым в первую очередь ценна подлинная литература, подлинное искусство. Именно эти произведения вместе с лучшими силами партии готовили и апрельский Пленум ЦК и XXVII съезд партии.

Партия сегодня наметила широкую и глубокую программу выхода из застоя, задача в том, чтобы пополнить ее реальным содержанием. В театральном деле выход из застоя напрямую связан с экспериментом, который сегодня начинает Министерство культуры СССР в 70 театрах страны, чтобы выработать модель, к которой через два года перейдут все театры страны. Если кратко выразить суть эксперимента, то это три основных положения: самоуправление, самостоятельность, ответственность. Нас, драматургов, эта суть эксперимента радует и открывает. Но не могу не сказать и о тех, кому эксперимент не по душе. Серости и посредственности он не по душе. Серости и посредственности, которые привыкли десятилетиями жить, не думая, за спинами органов культуры, которые решали за них все. Подлинный талант свобода и, естественно, связанная с ней ответственность только открывает.

Что означает эксперимент для нас, драматургов? Для нас это свобода театра в выборе пьесы, свобода театра в выпуске спектакля.

Да, да, только худсовет будет правомочен решать вопрос о готовности спектакля, исчезнут сдачи спектаклей органам культуры, как далеко не лучшее прошлое будем вспоминать утверждения репертуарных планов в министерствах и управлениях. И вместе с тем после выхода спектакля перед лицом общественности и органов культуры ответственность за него будет нести театр.

На бумаге все это выглядит очень заманчиво. Но подлинную проверку жизнью эксперимент пройдет тогда, когда в каком-нибудь театре выйдет спектакль, который не понравится местному руководящему лицу. Каков будет путь выхода из подобного конфликта? Авторитарный или демократический? Это вопрос вопросов.

«Мы не умеем работать в условиях демократии, — говорилось на встрече с писателями, — нам надо учиться жить и работать в условиях демократии».

Учиться жить и работать в условиях демократии — какая эта сложнейшая и насущная проблема! Проблема, с которой мы сталкиваемся каждый день. Возьмите наше Министерство культуры СССР. В его деятельности как в капле воды отражаются, переплетаются и борются два стиля руководства — и бюрократический, родной, привычный, милый, и зачатки демократического.

Возьмите историю подготовки театрального эксперимента — яркий, но, к сожалению, редкий пока что пример демократического подхода министерства к решению задачи: была создана комиссия из деятелей театра и органов культуры, проведены многочисленные заседания, аккумулированы десятки, если не больше, пожеланий специалистов, и только после этого черты эксперимента стали зримыми. И вот совершенно противоположный пример из деятельности Министерства культуры СССР — история создания Союза театральных обществ. Как вы знаете, в каждой республике есть свое театральное общество. Уже давно на съездах этих обществ ставился вопрос о создании театрального Союза всей страны по образцу Союза писателей СССР, Союза кинематографистов СССР и т. д. И вот недавно было принято решение о создании пока что федерации театральных обществ — Союза театральных обществ СССР. Как же готовилось это решение? Ну, во-первых, один из чиновников Управления театров Министерства культуры получил задание подготовить устав будущего Союза. Сделано это было просто и быстро: взяли уставы уже существующих Союзов, кое-что добавили, кое-что поправили, что-то переименовали... Выступления О. Н. Ефремова и М. А. Ульянова с просьбой привлечь представителей театральной общественности к работе над проектом устава изначально были проигнорированы. Параллельно с созданием нового устава шла работа над составом Оргкомитета. Как? Да точно так же: список Оргкомитета создавался в кабинетах Управления театра, затем передавался в вышестоящие кабинеты, обрастая новыми фамилиями и терпя по пути какие-то фамилии. За нас думали, за нас решали... Вот вам типичный образец бюрократического антидемократического ре-

шения вопроса. А как стоило бы поступить, если к идеям XXVII съезда партии отнестись всерьез, т. е. не клясться и бить себя в грудь, а превращать их в практику? А сделать надо было просто: на пленумах Правлений каждого республиканского общества обсудить вопрос о создании нового Союза, делегировать людей и в Оргкомитет и в комиссию по созданию устава. Парадокс заключается в том, что, наверное, в состав Оргкомитета вошли бы в основном те же самые люди, но не будем забывать, сколь существенна разница между двумя понятиями — власть для народа и власть самого народа. Да, учиться и учиться нам жить и работать в условиях демократии!

Как тут не вспомнить и ряд других существенных замечаний М. С. Горбачева на встрече с писателями! «Владимир Ильич Ленин не раз говорил, — сказал он нам, — что неграмотный человек стоит вне политики. Мы дали человеку грамотность, он стучится в сферу политики, в двери управления, а мы его не пускаем... Не хотят некоторые начальствующие товарищи делиться своими правами. А почему? Потому что они связаны с привилегиями. Ничто у нас так не эксплуатируется, как должностное положение». Думаю, что эти замечания являются прекрасным комментарием к истории создания Союза театральных обществ СССР. По сути и здесь речь идет о том, как относиться к людям — как к творцам или исполнителям, винтикам. Болезнь эта у нас застарелая, но лечить ее никогда не поздно. Лечить гласностью обсуждения любой проблемы, демократической процедурой выработки и принятия управленческих да и других решений, чтобы насколько возможно застраховаться от ошибок. А то, что они при келейном подходе плодятся в неограниченном количестве, свидетельствует хотя бы такой факт: в состав Оргкомитета СТО включили только одного драматурга. Таким образом драматурги в создании нового Союза участвовать не будут. Правильно ли это, учитывая непреложную истину, что театр без драматургии существовать не может? Думаю, что еще не поздно исправить это положение.

Вместе с тем я должен сделать одну серьезную оговорку по поводу эксперимента, проводимого Министерством культуры СССР. Коренные интересы развития советского театра требуют разработки и создания системы наиболее благоприятствования для талантливых режиссеров и актеров, мечтающих об организации новых театров, театров-студий и т. д. Мы говорили об этом десятки раз, никто не возражает, потому что все понимают, как это необходимо нашему театру, но воз и ныне там. Я хочу обратиться к товарищам Зайцеву Е. В., Мелентьеву Ю. С., к министрам культуры всех наших республик. Товарищи, проявите инициативу, войдите в директивные органы с предложением о некоторой реформе театрального дела в СССР, Союз писателей СССР окажет вам здесь всемерную поддержку. Пусть маленькие театры и студии растут как грибы, пусть, пройдя испытание жизнью, уцелеют лишь единицы, — значение для общего движения театра и драматургии это будет иметь огромное.

Радостно приветствуя то новое, что появляется в практике министерств культуры, очень хочется сдать в архив и навечно то, что уже набило оскомину, что отравляло нашу жизнь в предшествующие годы.

В последние дни мы все чаще и чаще слышим от работников министерств культуры разговоры о том, что год подготовки к съезду партии прошел в театрах под знаком критики, теперь, мол, пора переходить к году утверждения. Такие нотки прозвучали, к сожалению, и в статье Е. В. Зайцева в газете «Правда».

Я глубоко убежден, что встать на такую позицию — это сделать шаг к тому, чтобы процесс демократизации нашей жизни стал обратимым. Важно всем понять, что это не был год критики, это был год осмысления, год попыток анализа нашей жизни, когда театр первым из всех искусств заговорил о больном и наиболее.

Когда нам говорят, что театр, литература должны бороться против пьянства, казнокрадства, взяточничества, бюрократизма, очень важно прояснить, что имеется в виду. Театр не ОБХСС и милиция, не комиссия партийного контроля. Театр должен исследовать причины этих явлений — социальные, духовные, политические, нравственные — как можно глубже и художественно. За одним пониманием этой борьбы — бюрократическая жажда откликнуться, жажда поставить галочку, рапортовать, что и эта тема отражена в репертуаре театра, за другим — попытка осмысления времени, которая является внутренней потребностью, отношение к писательству как к служению, а не службе.

Вот когда Е. В. Зайцев говорит: «...главное и, пожалуй, наиболее трудное — исследовать природу современных конфликтов» — тут я с ним абсолютно согласен. Исследовать, осмыслить, проанализировать, найти причины, назвать их — здесь самое главное. Не зная заранее, к чему приведет мой анализ, дать реальную картину жизни нашего общества. Это то, что находится драматургом и театром совместно. Это самое важное. Когда саднишься за стол, когда перед тобой чистый лист бумаги, помни, что ты обязан сделать анализ реальной жизни предельно честно, глубоко и художественно. Этого ждет от тебя страна. Не того, что уже разрешено сказать сегодня. Тогда пиши отклики в многотиражку. Ищи, постигай правду. Исследуй исторические корни периода застоя — и историческая драма станет самой злободневной пьесой о сегодняшнем дне. Разберись в проблеме — человек и труд сегодня, отчето меняется настрой человека на работу? Нежелание работать? Почему? Халтура? Почему? Исследуй конфликт обладателя прав, связанных с привилегиями, с простым человеком — какое здесь поле деятельности для всех нас! А люди, с которыми обществу пришлось сегодня расстаться, убрать из руководства, — какая яростная жажда реванша! Чтобы сделать реальный срез и анализ жизни, театру нужны все жанры — и психологическая драма, и политическая, и комедия, и водевиль, и т. д. Важны усилия всех нас. Искусство — это саморегулирующая система,

и если ей дать развиваться естественно, без администрирования и волюнтаризма, она и даст тот совокупный анализ жизни, который нам так необходим для самопознания самих себя.

В глубококом и честном художественном анализе заинтересованы и наши партийные руководители. Не в скороспелых откликах на тот или другой пленум, на ту или другую кампанию, а в глубококом писательском анализе жизни, и тогда вдруг вроде бы знакомая проблема предстанет в неожиданном ракурсе. Это обогащает, делает сильнее. Я говорю об этом потому, что не так уж редки случаи противоположные, когда острая глубокая вещь пугает руководителя, и он запрещает ее ставить в местном театре, несмотря на то, что пьеса эта с успехом идет в Москве.

Возьмите чернобыльскую трагедию — от нас уже требуют пьесу о героизме пожарных, ученых, вертолетчиков. Но разве это вся правда? Разве здесь не средоточие всех наших проблем конца двадцатого века? На нашем знамени начертано слово «труд», нравственное отношение к труду, а трагедия произошла именно из-за безнравственного отношения к труду. Не парадокс ли это? Не требует ли осмысления? Отношение человека к труду оказалось не на уровне техники, техника не была запрограммирована на безалаберность, очко-вторичность, шапкозакидательство, умение некоторых победными рапортами скрывать истинные процессы, не была запрограммирована на ложь. Вот и пришлось героизмом, жизнями одних расплачиваться за преступления других. А разве не так же было в 1941 году, когда высоким героизмом солдат и офицеров Красной Армии пришлось прикрывать ошибки, если не сказать резче, запущенные руководством страны?..

Да, нам необходима вся правда — и о хорошем, и о плохом, полная правда. Процесс постижения полной правды — не идиллическая сказка, это тернистый путь, к победному финишу приходят только сильные духом, ни слова не сказавшие против совести, готовые драться за свое видение, свое понимание до конца, презирающие гнилые компромиссы. А как бывает иногда, товарищи, трудно не пойти на компромиссы! Но «трудности» к делу не подошьешь, а компромиссы остаются. Когда девушка-филолог 2000 года начнет разбирать мою пьесу «Так победим!», она не поймет (хочу в это верить!), почему в этой пьесе нет ленинского окружения, почему реальные лица заменены безымянными «первый нарком», «второй нарком» и т. д. Она напишет, что драматург был не на высоте поставленных перед собой задач. Объективно это так, не сумел я в 1981 году преодолеть косность и страх некоторых «ревнителей» исторической истины, всю свою жизнь стремившихся убежать от нее как можно дальше. Не сумел — и пошел на компромисс ради того, чтобы пьеса не погибла. Но у каждого компромисса есть своя нравственная цена, об этом бы нам никогда не забывать. Я чувствую это и помню всегда.

Перехожу к последней проблеме, которая всех нас очень волнует, — наш Союз писате-

лей и положение в нем драматургов. На съезде уже прозвучали голоса, что Союз наш выродился в министерство, что самодовольство и бюрократизм захлестнули многие его органы.

К сожалению, приходится с этим согласиться и добавить, что драматургия в Союзе писателей всегда была пасынком. За прошедшие пять лет Союз ни разу всерьез не занялся проблемами драматургии, не рассмотрел ее места в общем литературном процессе. В «активе» Секретариата Союза только одно далеко не благое дело — разгром пьесы Розова «Кабанчик», той самой пьесы, которая посмела за два года до апрельского Пленума ЦК заговорить о явлениях коррупции и стяжательства, чему теперь партией дана соответствующая оценка. Да, к сожалению, это был яркий пример «командного», антидемократического стиля руководства, который не делает чести руководству нашего Союза писателей.

Тенденции эти сегодня далеко не преодолены, они очень живучи. Очевидно, не случайно на встрече с М. С. Горбачевым в выступлении одного из прежних руководителей Союза писателей Анатолия Иванова прозвучала мысль о том, что для развития нашей литературы сегодня необходимы новые постановления ЦК партии типа постановлений ЦК ВКП(Б) 1946 года о журналах «Звезда» и «Ленинград» и об опере В. Мурадели «Великая дружба». Мне уже пришлось говорить на встрече, но хочу повторить и здесь о вопиющем противоречии этих постановлений с духом XXVII съезда партии, с курсом на демократизацию, со всем тем, что делается сегодня в стране. Однако некоторых товарищей вполне устраивает тот директивный антиленинский стиль, они тоскуют по нему и, очевидно, по всему, что с ним связано, — чем иначе можно объяснить, если говорить всерьез, столь чудовищные пожелания?

И тем не менее такое выступление прозвучало. И это тоже говорит о том, как не все просто в нашем Союзе.

Далеко не украшает наш Союз и история недавних дней: присуждение высшей награды страны — Ленинской премии — книгам «Целина» и «Малая земля». Каждый из нас знал, что эти книги не имеют никакого отношения к художественной литературе, что на глазах всего народа и с нашим участием происходит дискредитация высоких и неделимых понятий. Знал и промолчал. Я промолчал, не выступил против, хотя прекрасно понимал, что происходит, какой удар по авторитету партии наносится. Промолчал, потому что боялся. Но ведь с молчания начинается все самое страшное, поэтому не будем на кого-то кивать, и мы своим молчанием сыграли роль в том, что теперь называется периодом застоя. Меня хватало только на то, чтобы отказать от предложения Министерства культуры сделать пьесу по «Целине». Я отказался писать, О. Н. Ефремов категорически отказался ставить. Но Малый театр не отказался, Вахтанговский театр не отказался... Да, наше молчание, наша трусость дорого обходятся и нам самим, и тому делу, которому мы служим.

Как драматург, занимающийся политиче-

ским театром, могу сказать: выбора нет — или надо ложиться под поезд неправды, чтобы остановить его, или стоять в стороне и провожать его глазами, утешая себя мыслью: вот придет время... Мне могут возразить: а наши книги, а наши пьесы? Да, конечно, это главное, но бывают моменты, когда требуются не только книги, но и поступок, гражданский поступок. Гражданский поступок, голос против неправды во весь голос, чтобы в результате могли появиться наши книги, наши пьесы. Я все это — свою ответственность за происшедшее — осознал хорошо.

Возьмите такой вопрос, как демократизация нашего Союза. Да ведь все очень просто: как мы поставим дело, таким оно и будет. Зачем, например, нам одни и те же не сменяемые десятилетиями секретари Союза? Давайте применим принцип сменяемости: пять лет секретарства разделить между двумя-тремя секретарями, по полтора-два года, а остальное время секретарь пусть отдаст главному делу — пишет книгу.

Вместе с тем не могу не сказать, что та критика, которая звучала сейчас на съезде, в адрес секретарей — и использование служебного положения, и самиздат, и т. д. — слава богу, ни к нашим секретарям, ни к Г. Боровику, ни к А. Салынскому, отношения не имеет. Особо хочу сказать об Афанасии Дмитриевиче Салынском. Это 27 лет бескорыстного служения делу, когда ни разу секретарское положение не было использовано для себя! (А п л о д и с м е н т ы.) Про творчество Салынского никто не может сказать: секретарская литература. Он испытал и горечь гонений, несправедливой критики, и горечь запретов. Он преподал всем нам урок служения литературе. Именно люди такого типа должны быть на выборных постах в нашем Союзе.

Заканчивая свою беседу с писателями, М. С. Горбачев сказал, что единственное, чего бояться наши «друзья» в кавычках на Западе, так это того, что нам удастся добиться перестройки, удастся осуществить процесс демократизации нашей жизни. И это естественно, потому что главное свое воздействие на мир мы можем оказать только своим примером.

Вот какая в конечном счете огромная ответственность лежит на каждом из нас. От каждой нашей книги, пьесы, от каждого нашего поступка, от того, смолим ли мы или заговорим и назовем вещи своими именами и так далее, зависит обратимость или необратимость процесса, начавшегося в стране после апрельского Пленума и XXVII съезда КПСС.

Так давайте все вместе сделаем так, чтобы девушка-филолог XXI века могла с полным правом сказать в своей дипломной работе, что драматурги, деятели театров, работники органов культуры, трудившиеся в 1986 году, оказались на высоте стоявших перед ними задач. Спасибо. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Николай Яковлевич Зарудный. (Киев).

Н. ЗАРУДНЫЙ. Дорогие товарищи, наконец-то мы собрались все вместе. Смотрю в

зал, вижу знакомые лица своих давних друзей, добрых товарищей, которые, к сожалению, уже поседели. Я вижу не так много, как хотелось бы, молодых драматургов, которые очень хорошо начали вторгаться в жизнь своим литературным творчеством.

Мы сегодня продолжаем работу нашего съезда. Работа эта будет завершена, а проблемы, к сожалению, останутся. Их соберется столько, что одно их перечисление поглотит все наши регламенты. Нам необходимо найти новые действенные формы общения драматургов и театров народов СССР. Совет по драматургии старается нас объединить, но ему робко помогает наше Министерство культуры в распространении и сценическом воплощении на сценах страны лучших пьес драматургов братских республик. Это относится и к московским театрам.

Это одна из главных проблем, которая волнует национальных драматургов. За последнее время в репертуаре театров союзных республик все меньше и меньше национальных пьес. Что это? Наша инертность, безразличие? Один пример. У нас на Украине с большим успехом идут пьесы Макаёнка, Шамякина, Петрашкевича, Дударева. В Белоруссии же не поставлена ни одна пьеса украинских драматургов. Наши отношения с Белоруссией напоминают шоссе с односторонним движением Минск — Киев. Обратного, встречного движения нет. Думаю, положение в других регионах страны не лучше.

Советская драматургия в наших театрах представлена 135 пьесами украинских авторов и 520 произведениями драматургов союзных республик. Это не жалоба, а повод для размышления тем, кто строит репертуарную политику на местах, ибо это не только репертуарная политика, это — вообще политика.

Наша дружба не нуждается в трибунных заверениях о любви и дружбе. Нужно лучше делать свое дело, как это делает, скажем, альманах «Современная драматургия» и в меньшей степени журнал «Театр». Сейчас, я думаю, настало время поднять эту проблему: альманах «Современная драматургия» должен стать журналом. Пусть выходит хотя бы 6 номеров в год. И мне кажется, что товарищи, которые работают в этом альманахе со своим новым редактором, сделают очень хороший журнал.

Переведены на русский язык сегодня сотни наших произведений прозы и меньше пьес, которые нашли своего читателя и зрителя на бескрайних просторах нашей Родины и за ее рубежами.

Все мы вместе, в братском единении даем решительную отповедь буржуазным «теоретикам» антикоммунизма и их прихлебателям из националистического болота, которые тужатся унижить мировое значение советской литературы. Сотнями книг советских писателей зачитываются народы мира, ибо литературе упадничества, безысходности, животного индивидуализма мы, советские люди, противопоставили литературу исторического оптимизма, интернационализма, человека-хозяина, а не раба жизни.

Эти высокие идеалы утверждают и наша украинская литература и искусство. Творчест-

во украинских драматургов всегда отличалось высокой идейностью, народностью, незаурядным мастерством многих писателей старшего и младшего поколений.

Имена Александра Корнейчука, Любомира Дмитерко, Александра Левады, Василия Минко, Василия Сычевского, Александра Чучи, Алексея Коломийца, Ярослава Стельмаха, Ларисы Хоролец, Родиона Феденева, Вадима Бойко и многих других подтверждает это.

Пьеса «Дикий Ангел» Алексея Коломийца, ее постановка в Театре им. Ивана Франко была отмечена Государственной премией СССР. И сегодня с успехом в республике идут новые пьесы Алексея Коломийца «Санитарный день», «Ливень» — произведения острое, талантливые. Все большее внимание театров привлекает к себе пьесы Владимира Кайивца, Валерии Врублевской, Александра Пидсухи. Мы думаем, что эти драматурги сделают очень много для расцвета нашего искусства.

На нашем республиканском съезде писателей были отмечены некоторые успехи драматургии и театра Украины. Но мы не склонны обобщаться ими. Мы живем и работаем трудно.

Репертуар — лицо театра, зеркало нашей жизни. Это — аксиома.

Как же мы изображаем эту жизнь в своих пьесах и спектаклях? Думаю, что нередко к мочучему водопаду жизни мы подходим с маленькими стаканчиками, в которых от сильного водопада остается лишь несколько капель...

Часто мы сводим все к примитивным производственным конфликтам, забывая, что должны не иллюстрировать то или иное постановление, а правдиво раскрывать глубочайшие социальные конфликты и характеры.

Сейчас много говорят о правде в нашем творчестве. Будто бы мы до сих пор не знали, что должны писать правду и только правду о нашей жизни, о нашем героическом народе. Знали, и многие писали правду, иногда с трудом пробиваясь через бюрократические ханжеские завалы. А многие решили тихо пересидеть непонятное время. И нужен был XXVII съезд нашей партии, его исторические решения, чтобы взбудоражился наш театральный мир... Уже выходят на магистрали правды эшелоны, ведомые смелыми, умными мастерами. Они есть сейчас, и придут еще новые. Счастливого пути! Только смотрите за стрелочниками и самозванцами-диспетчерами, чтобы они не отправили эти эшелоны в тупики, на хуторские узкоколейки и тихие разъезды. Будут цепляться к вам попутчики и прилипалы, ревизоры с компостерами и бронепробиваемыми пассажиры уютных вагонов «СВ». За продвижением этих эшелонов будет следить весь наш народ и великий судья — наша партийная совесть...

Великий Шиллер писал, что больше, чем какое-либо иное учреждение в государстве, театр является школой практической мудрости, проводителем в общественной жизни, верным ключом к таинству человеческой души.

Мы же не всегда умеем подобрать ключ к душе нашего современника. Иногда пытаем-

ся открыть ее если не отмычкой, то ломиком, инструментами, которые очень напоминают набор жэковского слесаря. К чему это приводит, вы сами знаете.

Я не хочу, чтобы присутствующие и отсутствующие театральные деятели подумали, будто я всю вину сваливаю на драматургов. Нет, судьба нас свела навсегда, и все мы будем делить поровну: и успехи и неудачи. Мы — одна семья! Но даже в одной семье бывают какие-то конфликты. Естественно, они возникают и у нас. Например, на Украине иногда роль строгих наставников, судей взяли на себя режиссеры — не только художественные руководители театров, а все, кто принадлежит к этому почетному клану. Драматурги ощутились в таком положении, что одна режиссерская фраза «я не вижу» или «я не чувствую» — может служить приговором пьесе, и никто обжаловать его не может.

Проблема «драматург и театр» существует давно и будет жива всегда, пока будут существовать театры и драматурги. Я далек от мысли, будто драматурги не хотят, чтобы к их пьесам в театрах подходили со скидками, чтобы наши пьесы «дотрягивали», «дорабатывали», «оживляли». Требования должны быть высокими, но и обоснованными. Конечно, наши требования к театрам мы должны подкрепить настоящим творческим горением, пьесами, которые поднимали бы глубокие пласты нашей жизни.

Сейчас в стране начинается перестройка всего театрального дела. Мы с большим интересом следим за дискуссией в «Литературной газете», «Советской культуре», за их выступлениями, конкретными предложениями, направленными на перестройку работы театра. Спасибо им!

Министерство культуры уже обнародовало новые положения. В основном они касаются деятельности крупных, академических театров страны.

Пока будет идти этот эксперимент, остаются в тени его сотни периферийных театров со своими извечными хлопотами. Их судьба меня тревожит. В большинстве областных театров все остается по-старому: главное — любыми путями выполнить финансовый план. Ставят «параллели», «трилели», ставят пьесы без учета своей творческой линии, если она вообще есть. Развозят на стареньких автобусах группы актеров, играющих спектакли «на выезд». Еще хуже положение в передвижных театрах. Они не имеют базы, репетируют в случайных помещениях, не имеют квартир, транспорта... Министерству культуры следовало бы помочь этим театрам в их тяжелой судьбе, а ведь работает в этих театрах много хороших актеров, иногда задерживаются на какое-то время и умелые режиссеры, пока не найдут другое место...

Многие руководители наших областных театров чего только не делают, чтобы привлечь зрителя. В репертуаре этих театров преобладают бездумные водевилишки, оперетки...

Над Киевом, над Чернобылем в эти дни горит жаркое солнце. Буйная зелень жаждет дождя. Его нет. Надвигаются тучи, но на подходах к зоне Чернобыля и Припяти они

будут расстреляны... Так надо. Прошло почти два месяца после чернобыльской трагедии. Мы все, вся страна воздем хваду тем, кто преградил путь невиданной еще беде, кто спас миллионы людей, их дома, их детей... Этому горю наш народ противопоставил свое великое братство, мужество, веру в животворную силу нашей партии, наших идей. Если можно измерить дозиметрами радиацию, то нет еще прибора, которым можно было измерить подвиг нашего народа в эти дни.

Это великое испытание может быть на долгие годы. В эти трагические дни мы, как всегда, будем со своим народом разделять его судьбу. Только пусть не будет соблазном легкого успеха для тех, кто осмелится подогреть свое самолюбие и руки на трагедии народа. Правда и честь должны быть дозиметром нашей совести. (А плод с менты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Георгий Михайлович Хухашвили (Тбилиси).

Г. ХУХАШВИЛИ. Сегодняшнее собрание драматургов — участников съезда во Всероссийском театральном обществе, в зале, со стен которого взирают на нас бессмертные лица театральных классиков, исполнено символического смысла. Это доказательство неразрывной связи их с театральной жизнью, вечной взаимосвязи литературы и театрального искусства. Хотя на этот раз в зале деятелей театра намного меньше, чем драматургов, мы чувствуем профессиональное единство, духовное родство и любовь. Любовь же, если она истинна и прочна, подразумевает равноправие обеих сторон. Следует отметить и то, что взаимосвязь нашей драматургии и театра порой стропа и шатка, одинаково равно требует от нас упрочения, обязательной заботы и доверия. Подобные размышления о взаимоотношениях драматургии и театра, вытекающие из практического опыта выводы не случайны. Взять хотя бы эксперимент Министрства культуры о праве театра давать заказы драматургам, указывающий на необходимость усиления органической взаимосвязи наших профессиональных отношений и стабилизации творческого единства.

Съездовские дни дороги нам мыслями о подобных проблемах профессионального труда, прямым и откровенным разговором об этом. Помимо укрепления связи с театром, нам необходимо сплочение собственных рядов, единое обсуждение общих злободневных творческих вопросов, поскольку, несмотря на индивидуальный характер нашей работы, много у нас общих забот и дум.

В сложное и беспокойное наше время, когда остро ощущается великое назначение драматического искусства и театра, верится в их доброе воздействие на современников, на судьбу и будущее мира, беспокоит категоричный императив времени настойчивей, с мобилизованной волей работать, искать прочные контакты, совершенствовать собственное творчество.

Справедливо здесь было сказано, что наряду с экологическими проблемами природы су-

ществует экология литературы. Проводящиеся ныне в свете решений исторического XXVII съезда партии психологическая перестройка, развитие и демократизация нашей профессиональной работы подразумевает прежде всего пренебрежение всякого рода стереотипами. Это равнозначно касается как специфики творческого поиска, так и организационных проблем наших практических взаимоотношений. В настоящее время проблемы эти глобальнее, чем были до сих пор. Как никогда прежде, близки человечество и человек. Никогда, возможно, не ощущалась ранее неизбежность углубления и упрочения наших духовных взаимоотношений.

Говорю это отнюдь не ради того, чтобы спихнуть на театр вину эпизодического ослабления профессиональной взаимосвязи или обвинить в этом же драматургию. Забота и уверенность в лучшем будущем нашего труда дают основания так думать. И давайте сообща заботиться о более стабильном единстве, оправданной будущим взаимосвязи.

Все это относится к нашим книгам, пьесам, созданным по ним спектаклям, и в не меньшей степени к тому, что будет написано и сделано в будущем.

Что касается современной жизни театра, если она на желаемом уровне, то не только существует драматургией, основывается на ней, но и сама благотворно влияет на литературу.

Опираясь на пример сегодняшней театральной жизни Грузии, в этом плане можно выделить много примечательного. Хочу рассказать один эпизод из сегодняшней жизни Театра имени Руставели, похожий на значительную, закономерную легенду. Пусть не смущает нас слово «легенда», поскольку рассказ мой является устным отзывом настоящих дней жизни этого театра, его всесоюзных и зарубежных гастролей. Три года назад в дождливую погоду в Тбилиси ночным рейсом прибыла из Москвы группа английских туристов. Они впервые были в столице Грузии и по дороге из аэропорта в гостиницу, в полночь, усталые, попросили московского гида на несколько минут остановить автобус у Театра Руставели. И за полночь сошедшие в дождь тридцать англичан стоя, восхищенно аплодировали несколько минут зданию Театра Руставели. Так с родины Шекспира пришло еще одно открытое признание именитого театра. Пришло отголоском эдинбургского фестиваля и гастролей в лондонском «Раунд хаусе».

Этим следует гордиться. Для такого театра нужно писать с полным вдохновением и профессиональным мастерством. Однако следует с сожалением отметить и то, что театр не утвердил в гастрольном репертуаре национальные образцы оригинальной драматургии. Хотя такие попытки были, когда, пока в Германии, в Саарбрюккене, затем в Мексике, на Сервантесовском фестивале, наряду с «Кавказским меловым кругом» и «Ричардом III», игралась «Мачеха Саманишвили» грузинского классика Давида Клдншвили. Вряд ли полагал Давид Клдншвили, называемый грузинским Сервантесом, что полвека

спустя его «Мачеху Саманишвили» будут играть в Саарбрюккене на немецком языке немецкие актеры, а в Мексике эта же пьеса в исполнении грузинских артистов станет открытием.

Удивительно и до конца не объяснимо, почему не влился органически в гастрольный репертуар Театра Руставели «Кваркваре Тутабери» классика грузинской советской драматургии Поликарпа Какабадзе. Еще до «Мелового круга» и «Ричарда III» эту пьесу с явным стилистическим своеобразием и оригинальным решением воплотил в театре один из выдающихся режиссеров нашего времени Роберт Стурца. Или отчего не попала на гастрольные афиши театра одна из заслуживающих внимания пьес Тамаза Чиладзе «Роль для начинающей актрисы».

Мы видим, как далек современный театр от провинциальной обособленности, какие масштабы приобрела сегодняшняя жизнь литературы и театра. Как ощущается и у нас, в Грузии, сегодняшний единый процесс оживленных поисков. И все же, несмотря на отдельные, порой значительные примеры, воплощенные и жизнь оригинальной драматургии пока эпизодичны и не дают повода для удовлетворения. Правда, драматургия на сей раз не скромная гостья у театральных дверей. Сегодня уже не говорят огульно о ее отсталости, и если еще не назрело время хвататься ее значительными успехами, то уж и не волочится она дряхлой повозкой за сверкающей каретой литературы. Ее взрывчатая энергия проявляется моментами и пока трудно формируется единым литературным процессом. Но даже для крайнего скептика не могут остаться незамеченными два основных крыла грузинской советской драматургии — притчево-философское и бытово-психологическое, отражающие внутренние сдвиги, наши интеллектуальные и эстетические наклонности, обостренное ощущение времени, масштабы сложнейших человеческих проблем и конфликтов, его взаимоотношений, внутренней динамики и нравственных назначений. Современная драматургия своими гуманистическими идеями, проблематикой и профессиональным мастерством стоит перед открытием новых просторов. С таким настроением прибыли мы на съезд, и наш сегодняшний рабочий настрой, самокритичный, трезво мобильный, соответствует духу современников, драматической и сложной жизни, стремлению к современной перестройке мышления. В такой обстановке мы не можем смириться с обособлением драматургии, нелогичным исключением ее из литературной жизни, когда не только театр, но и литературные журналы и издательства у нас странно избегают открыть дверь заслуживающим внимания образцам этого жанра.

Недавно довелось мне быть свидетелем уникального явления. В колонию для подростков, где отбывают срок сошедшие с пути истинного молодые люди, однажды пришел театр. Молодежная театр-студия, которая в древнем Метехи вот уже более 10 лет создает свои спектакли. Мне кажется, этот день, те несколько часов навсегда запомнятся

тем, кто в простом клубе колонии проводил представление. С удивительным увлечением и волнением играли они рассказ Нодара Думбадзе «Дидро». Незабываем этот восхитительный спектакль и наблюдающие его глаза. В них было начальное недоверчивое удивление, затем постепенно всколыхнувшиеся человеческое волнение, сочувствие, сопереживание, а под конец и слезы, дорогие слезы внутреннего очищения, соединенные с человеческой радостью и чувством достоинства. Я далек от мысли, что этот спектакль сразу перевоспитал бы подростков, однако лишний раз уверовал в единую силу нашей профессии, литературы и театра, которая может произвести удивительные сдвиги в духовной жизни человека.

Очевидно, трудно найти театр, так непосредственно идущий к людям.

На пути нашей драматической жизни уже никто не пытается определить демаркацию между оригинальной драматургией и инсценированной прозой или поэзией. Почти все рассказы или романы Нодара Думбадзе внутренней драматической сутью стремятся на сцену. Сказанное со сцены писательское слово — уже драматургия. И мы не говорим более: драматургия и театр, точнее будет: литература и театр, которая может парадоксально звучит порой необходимость доказывать, что драматургия — равноправная литература. Она определяет природу современного театра, его интеллектуальный уровень и степень мастерства, как определяла в прошлом и будет определяющей в будущем. Для меня не является необычным, когда режиссер Захаров создает нашумевший спектакль по поэзии Андрея Вознесенского в сопровождении поп-музыки, на который трудно достать лишний билет. Это закономерная доля и драматургии и поэзии. Она совершенно не подразумевает использование драматической литературы в качестве материала, поскольку любая драматургия — цель для театра, а не только средство выражения.

И когда с непонятной тенденциозностью принимают в жизни театра роль и назначение драматургии, возникает закономерное недоумение: что, если вскоре слово «драматург» вообще будет изъято? Эта мысль с болью высказана Ионом Друцэ не только ради удовлетворения профессионального самолюбия драматургии. Сегодняшняя жизнь нашей литературы не проводит четкой грани между инсценированием и драматургией. Даже перевоплощение самих образов народной поэзии не только путем монтажных видоизменений или композиционных объединений, но и углублением в их драматургическую суть способствует театру создать зрелище, пронизанное философским осмыслением и живой динамикой человеческой жизни. Так было на проведенном в прошлом году в Тбилиси всесоюзном фестивале молодежных спектаклей, когда счастливым открытием стал созданный театром-студией, руководимой известным мастером Михаилом Туманишвили, спектакль «Талова жизнь». И на этом же фестивале потрясающе интересным оказалось представление якутского театра «Наш желанный голубой берег», созданное по повести

Чингиза Айтматова — философски осмысленное, народное мудростью и поэзией сценическое произведение. Грузинское театральное общество представило этот спектакль отражением поиска, происходящего в сегодняшней драматургии и театре. Поиска философской глубины и жизненной правды. В одну целостность с этими поисками сливаются поставленный в театре Марджанишвили образец грузинской классической прозы «Хаки Ацба», «Джакос Хизнеби» («Обрыв»), спектакль Тбилисского театра юного зрителя «Кукарача», пьесы бытового философского плана молодого драматурга Лали Росеба «Провинциальная история» и «Премьера», а также семейные драмы Лаши Табукашвили «Старый вальс», «Дороги к тебе». Здесь Генрих Боровик упомянул в докладе молодого грузинского драматурга Шадимана Шаманадзе. Две его пьесы — «Открытая веранда» и «Однажды, только во сне» с редким психологическим проникновением в жизненную правду подхлестнули наши театральные интересы. Первую пьесу поставили в Грузии сразу девять театров, вторую — почти одновременно театры Руставели и Марджанишвили. Это тоже семейные драмы. И притчево-философское, условно-аллегорическое направление грузинской драматургии не отъединяет их нравственные проблемы от сегодняшней жизни драматургии и театра.

Говорится, что в комнатах не научишься летать, но без двух крыльев немислима жизнь современного драматического искусства и театра. К счастью, и бытовая психологическая драматургия неотделима от поэзии. Справедливо отметил Георгий Товстоногов: «Чеховский театр не бытовой, а поэтический». Бытовая жизненная правда подразумевает поэзию. Призвание писателя — всегда отражать правду. Наше время с новой силой побуждает к отражению жизненной правды. «Время, отмечай время в стихе. Этот год, день и час». Выплеснутый в двадцатых годах поэзией Галактиона Табидзе, этот призыв звучит сегодня в нашей литературе с не меньшим напряжением. Человек с верой и надеждой в окончательной победе призывает нас к творчеству, открытию новых пространств жизни. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Алексею Ануфриевичу Дудареву. (Минск).

А. ДУДАРЕВ. Я хочу начать вот с чего. Вот уже больше года мы говорим, говорим правильно: вскрываем недостатки, призываем к правде, к честности, открытости. Я думаю, пора от слов переходить к делу, к делу честности, делу правдивости.

Все беды, которые были и которые есть и которые, к сожалению, наверняка будут, мне кажется, происходили из-за безответственности, которая превратилась в ответственность. Михаил Шатров рассказал, когда пьеса «Большевики» была поставлена в Москве, он пришел к ответственному работнику одной из областей. «Не будет ставить «Большевиков», — сказали ему. Когда он сказал, что везде идет,

ему ответили, что Советская власть осталась только в этой области. Это принципиальная безответственность. Я его не знаю, этого работника, если бы знал — назвал. Убежден, что и сейчас он занимает ответственный пост и с высокой трибуны выступает. И, не зная его, я слушаю его, с ним соглашаюсь и поднимаю руку за то, что он говорит. А дело в том, что гражданской ответственности у него нет, потому что 15 лет он занимает ответственный пост, и это не тот случай, когда можно «исправиться».

«Перегибать» легко. Мы знаем, редкий человек может критику в свой адрес воспринимать нормально, совершенствоваться при этом.

Я расскажу другой случай. Когда Константин Шербаков, которого я очень люблю, разобрал мою пьесу, он объективно сказал мне, что его не устраивает, сказал доброжелательно и честно. Я встречался со многими работниками альманаха, в котором была опубликована рецензия, я их всех люблю. Они говорят: читал, как он тебя приложил? Он не приложил, он высказал свое отношение, я ему благодарен, и, возможно, правда на его стороне, и эта объективность поможет мне в будущем. И я призываю критиков: будьте моими друзьями. Многое из того, что я делаю, вы сможете оценить правильнее. Вы умнее.

Безответственность заключается в том, что мы прикрываемся важностью тем и важностью идей. «Что» — это важно, а значит — нужно. А «как» — это неважно. Нужна боль к литературе, продуманность, нужно понимать, что нужно оберегать искусство, литературу от серости, от того, что нечего взять.

Теперь о положительном герое. Я думал, разобрались, наконец, с этим, а вот встречаю опять, на съезде услышал. Если будет создаваться человек активный, и активный правдиво, — это и будет не только положительный герой, но именно такой, который нам нужен и которого мы ждем. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Алексей Федотович Коломиец. (Киев).

А. КОЛОМИЕЦ. Хочется начать свое слово с того, что на съезде писателей в докладе об украинской литературе было сказано очень мало. Республика, имеющая 50 миллионов населения, в которой работает свыше тысячи писателей, заслуживает внимания... Я думаю, и с драматургией у нас такое же положение. Очевидно, мы не научились рекламировать свои пьесы, свои произведения, свой труд.

Я взял слово вот почему. Вы прочли эту справку ВААПа, где написано, что из всех авторов пьес, написанных за это пятилетие, 35 процентов — профессиональные писатели, а 65 процентов — это любители. Вы представляете, если выходит 50 драматургических произведений — только 20 написали писатели, а остальное — драматургия любительская. Драматургия — это жанр литературы. Пьеса — это литературное произведение. У нас слишком много продукции поступает от этих любителей — на Украине и в других республиках. А кто эти авторы? Это директор

театра, или просто человек, нигде не работающий, или зав. отделом культуры облизполкома.

Идет засорение репертуара под предлогом, что нужна пьеса «своего» автора. А какая это пьеса? Позволю себе привести пример. Выращивают на гидропонике огурцы в теплицах. На камни наносят удобрения. Освещают лампами. Вырастают эти огурцы больше настоящих. Но они невкусные, горькие. А на вид хороши. Они не видели ни земли, ни солнца. Так и такая драматургия — не видела ни земли, ни солнца, но очень она удобна для режиссера театра.

Хочу сказать еще следующее. На каком основании драматурги республики должны проходить в два раза больший путь к театру, чем в России? Я написал пьесу. Она принята репертуарной комиссией. Прошла цензуру. Дали разрешение, через 4—5 месяцев ее поставили. Послали в Москву. И опять все начинается сначала. Нужно новости в этом вопросе порядок. Нужно, чтобы Министерство культуры сорентировало наши республиканские репертуарные комиссии, чтобы происходил обмен сведениями о том, какие пьесы идут в Молдавии, Белоруссии, чтобы мы могли ориентировать на них свои театры. И чтобы об украинских пьесах знали за пределами Украины.

И последнее. Это хорошо, что в московских театрах обстоят дела благополучно. Но возвращаясь к тому, что говорил Н. Зарудный. У нас ведь сотни театров областных. Им нужно сделать 450 спектаклей, но как же это практически возможно? А в этом году им даже сократили в два раза лимит на бензин. Давайте поднимем вопрос о судьбе этих театров. Они работают, как колхозники, как шахтеры, — в трудных условиях.

Давайте подумаем и о судьбе альманаха «Современная драматургия». Просьба есть такая к министерству — сделать его журналом. Там работают хорошие люди, умные, они нам помогают в нашей работе. Я присоединяюсь к этой просьбе. Спасибо. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Хафиз Шахмедович Абдусаматов. (Ташкент).

Х. АБДУСАМАТОВ. На расширенном заседании Секретариата Союза писателей СССР, посвященном задачам советской литературы в свете решений XXVII съезда КПСС, А. Д. Салынский, на съезде гг. У. Умарбеков и Г. Боровик остро поставили вопрос о создании в Москве театра Дружбы народов. Этот вопрос был поднят лет 30 тому назад. За это время появились сотни новых театров в нашей стране. Сейчас их количество превышает более шести сотен. Нас удивляет, тревожит и волнует важный политический, идейный, моральный и нравственный вопрос о новом театре. Неужели так трудно и сложно решить его? Создание театра Дружбы народов имело огромное значение для выявления новых сил представителей этого трудного и сложного жанра. Театр стал бы настоящей творческой лабораторией для драматургов из братских республик.

На прошедших съездах писателей несколько раз изъявлялось желание организовать альманах «Современная драматургия». При помощи и поддержке Центрального Комитета партии мы добились выпуска такого альманаха, который осуществляет публикацию и пропаганду лучших образцов советской драматургии. Нам кажется, созрела необходимость преобразовать альманах в ежемесячный журнал.

Стрибуны Седьмого съезда писателей СССР со всей требовательностью и обоснованностью был поставлен вопрос о преобразовании ВТО во Всесоюзное театральное общество. Мы с большой радостью приняли сообщение секретаря ЦК КПСС т. Е. К. Лигачева на встрече деятелей театра и драматургов об организации Всесоюзного театрального общества. Само собой разумеется, значение такого общества огромно. Оно, без сомнения, играет большую роль в решении важных вопросов театрального дела и улучшении качества спектаклей.

Большим и нерешенным вопросом остался в основном театр Дружбы народов.

Мы надеемся на то, что наше давнее пожелание будет реализовано. Верим в то, что новое Всесоюзное театральное общество вплотную будет заниматься осуществлением нашей творческой мечты.

Мы уверены в том, что в центре внимания Всесоюзного театрального общества будут насущные вопросы пропаганды и осуществление постановки лучших образцов братских драматургических произведений в столичных театрах. Константин Симонов, прочитав одно произведение узбекского автора, пришел к такому мнению: «...пьеса («Отравленная жизнь» Хамзы Х. А.) лишний раз заставила меня подумать о том, что у нас в репертуаре русских театров все еще неоправданно малое место занимает национальная драматургия наших республик. И это очень жаль потому, что она могла бы заметно обогатить репертуар» («Литературная газета», 28 апреля, 1959 г.). Эти золотые слова с особой силой звучат сегодня.

Мы очень благодарны Ленинградскому академическому театру комедии за постановку известного произведения талантливого нашего драматурга Ульмаса Умарбекова «Курорт» («И. О.»). Но, к сожалению, такие явления еще единичны. У нас имеется большая, серьезная национальная драматургия, отдельные ее произведения достойны столичных театров, и они обогатили бы их репертуар. Я имею в виду замечательные произведения Хамзы, Яшена, Уйгуна, А. Каххара, У. Умарбекова, С. Ахмеда, Э. Вахидова, Т. Тулы и других.

Нас радует значительное оживление творческой деятельности некоторых драматургов. Постановка пьес «Серебряная свадьба», «Говори...», «Иван», «Статья», «Диктатура советских», «Последний посетитель», «Тринадцатый председатель» и других московскими театрами — удача не только их авторов, но в целом советской драматургии и театрального искусства. В чем же их успех? Для нас кажется очень существенным в указанных про-

изведениях реализм в оценке происходившего, особенно происходящего, правдивые оценки положения дел в нашей действительности.

Михаил Сергеевич Горбачев верно подчеркнул: «...коммунистам всегда и при всех обстоятельствах нужна правда». Вышеуказанные произведения в значительной степени помогают повышать требовательность к явлениям жизни, упущениям и недостаткам. Они также воспитывают критический дух у зрителей. Всем нам известны те негативные явления в Узбекистане, которые со всей принципиальностью и глубиной были раскрыты на XXVII съезде КПСС. У нас, особенно в последнее время, распространились разного рода приписки, взяточничество, грубо нарушалась социалистическая законность. Часто игнорировалась острота жизненных противоречий, почти отсутствовала правдивая оценка действительного сложного положения дел в хлопководстве, кадровой политике, духовно-моральной сфере. Все это не могло не отражаться на всех наших делах, на положении в литературе, в том числе драматургии. У нас появились произведения, где восхвалялись «старших по чину» и тех ложных героев, которые выдвигались на основе обмана государства, народа и подхалимажа. На все это надо серьезно обратить внимание художников слова.

Вполне понятно, как велика нужда в современных Гоголях и Щедриных, которые огнем сатиры вскрыли и бичевали бы все эти негодные дела, неблагоприятные тенденции.

Правда, в последние годы репертуар узбекских театров обогатился рядом значительных пьес, проникнутых сильным критическим духом. Это «Зеркало» У. Назарова, «Разбойник обокрал вора» Шукрулло, «Вокруг одного миллиона» Х. Гуляма, «Живая вода» И. Юсупова, «Суд» Я. Худайкулова, «Вальс для белых коней» Ш. Башбекова, «Буря в жару» Т. Мирзы. Но надо признаться, что ни в одной из этих пьес широко и со всей остротой не раскрыты те глубокие корни зла, которые значительно помешали развитию народного хозяйства и культуры в республике. Сейчас в Узбекистане создан Театр сатиры. Думаем, что новый узбекский театр с честью выполнит свою функцию, создав спектакли, которые помогут бы ликвидировать негативные явления.

Мне понравилась статья в газете «Правда» «Продолжение пути» (23 мая 1986, № 143), где хотя горько, но правдиво идет речь о театральном хозяйстве в нашей стране, о серьезных недостатках в нем. В статье поставлен серьезный вопрос о проведении всесоюзных, а также международных театральных фестивалей в Москве. Мы полностью поддерживаем эти полезные предложения. Добавим, что желательно восстановить декады литературы и искусства национальных народов в столице Родины. Мы хорошо помним три декады узбекской литературы и искусства (в 1937, 1951 и 1959 гг.) в Москве, значение которых переоценить трудно. Каждая такая декада была настоящей школой для писателей и деятелей искусства республики. На них широко и глубоко обсуждались при участии крупных мастеров лите-

ратуры и искусства художественная продукция Узбекистана. Эхо декад до сих пор продолжает жить и плодотворно влиять на художественный процесс в республике.

После апрельского Пленума ЦК КПСС (1985 г.) и XXVII съезда родной партии в нашу жизнь влилась освежающая струя, которая оказала действие на все сферы советской действительности. Она еще ярче выявила то положительное, чего добились самоотверженным трудом советские люди. Замечательные их качества далеко недостаточно отображены нашей драматургией. Мы имеем в виду в первую очередь создание образов положительных героев — основу основ советского искусства. Ознакомление с драматургией последних лет доказывает, что у нас очень мало пьес, где глубоко раскрылась бы большая душа простого советского труженика, воплощающего суть и философию своего времени. Мы часто увлекаемся показом отрицательных явлений, подлицов, взяточников, бюрократов, но настоящий герой нашего времени остается в тени. В советской драматургии больше зеленую улицу — героям, создателям чуда, совершающим подвиг.

Когда мы думаем о будущей литературе для театра, невольно возникает кадровая проблема. Этот вопрос беспокоит и тревожит всех нас. Дело в том, что приток свежих молодых сил в драматургию идет очень медленно. Реальные факты свидетельствуют о том, что новые авторы вступают в трудный жанр, когда им уже лет 35—40, даже иногда и старше. Давайте обратимся к истории.

Когда Александр Корнейчук написал свою известную пьесу «Гибель эскадры», ему было всего 27 лет, 26-летний Константин Симонов создал прекрасную драму «Парень из нашего города», Николаю Погодину было всего 29 лет, когда появилось его замечательное произведение «Темп», своей первой пьесой «Братья» («Дорога первых») Афанасий Салынский стал популярным, ему было всего 27 лет, «Разгром» («Два коммуниста»), когда гремел во всем Узбекистане, его автору Камиллю Яшену исполнилось 20 лет. А сейчас как! С большим огорчением надо отметить, что сейчас такого почти нет. Еще хуже положение в Узбекистане. Молодых драматургов очень мало. У нас имеется 31 театр; если каждый в среднем поставит 5—6 произведений, то из них новых, оригинальных пьес должно быть 3—4. Каждый год театры нашей республики нуждаются в сотнях новых творений. Все это требует серьезных раздумий о подготовке молодых сил данного жанра и создания всех необходимых условий для тех, кто работает в этом жанре, чтобы они закрепились в нем.

Мы все живем историческими решениями XXVII съезда нашей родной партии, приложим все силы и энергию, чтобы воплотить их в жизнь и создать драматические произведения, достойные периода перестройки в жизни страны. Чтобы каждая драма стала морально сильным катализатором ускорения социально-экономического развития социалистического общества. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Мустафе Сафичу Фаримову. (Уфа).

М. КАРИМ. Я хочу поделиться своими тревогами, своей озабоченностью.

Начну с цитаты: «Когда возвышаются нечестивые, люди укрываются; а когда они упадут — умножаются праведники» (Библия, Притчи Соломоновы). Я вспомнил эту фразу с опасением, потому что сейчас те, притаившиеся до поры, могут стать праведниками, укравшимися до сих пор строя из себя героев. Мы так часто стали говорить о свежем ветре. Свежий ветер, врываясь на площадь, прежде всего поднимает пыль и трухлявую прошлогоднюю траву. Этот мусор, поднявшись над нами, говорит: «Наконец-то, пришло наше время!» (А п л о д и с м е н т ы.) Моя огромная тревога в том, что засилье таких людей доставит нам немало хлопот, если мы сейчас об этом не подумаем.

У нас в Уфе после XXVII съезда партии была передача по телевидению. Выступили три писателя, не одинаково талантливых. Один из них чуть ли не в грудь бил: вот теперь пришло наше время. До сих пор нам не давали критиковать, а теперь мы будем критиковать всех. А ведь до сих пор справедливая критика его самого тоже обходила, как и других писателей. Таких, как он, критиковать боялись пуще. Они мстительны. Посредственность всегда воинственна. Мы начали называть вещи своими именами, но не называем имен. И даже на этом нашем съезде много вещей мы называли своими именами, а имен людей, которые имеют отношение к этим, прямо скажем, плохим вещам, не называли.

Очень хорошее выступление было у Дударева. Он сказал, что критики боятся, что авторы на них обидятся. Но это неверно, мы все вместе делаем одно дело. Если у критика добрые намерения и он нас критикует, то мы его поймем, а если у него злые намерения, то никакая лживая похвала его не в радость. Правдивая хула не убивает.

Сейчас у нас появилось много пьес, спектаклей остросюжетных, остропроблемных о сегодняшнем дне. Наконец-то мы сурово заглянули в себя, к себе в душу, более остро вторглись в жизнь. Но нельзя сказать, что и до сих пор драматургия уходила от острого разговора с действительностью. Это один из тех литературных жанров, который не может укрываться от забот дня. Все равно драматурги высказывали свои тревоги и боли. Но мы многое из наших бед и изъянов относили только к пережиткам прошлого. Это прошлое давно минуло, а его пережитки, получается, пережили несколько поколений. Так что не надо все относить только за счет пережитков. Может быть, мы сами уже кое-что вырабатываем из того, что дурно, и нельзя во всем винить только прошлое, снимая ответственность с себя. Исследование, художественное исследование должно идти в этом направлении.

Драматургия всегда на виду, театр всегда заставлял людей думать, думать вместе. Но театр все-таки есть театр. Театр это особый таинственный мир, мир какого-то особого оча-

рования, и не утрачиваем ли мы в последнее время такой театр, который, возвышая, соединяет людей. Театр стал злее, он стал жестче, из него ушло добро. А театр призван сближать людей, соединять их души. А их прежде всего соединяют добро и красота. Нет ничего, кроме театра, что бы так заставляло людей переживать одновременно одно и то же. А зло и жестокость, если они будут доминировать в искусстве, не будут помогать объединению и сближению людей. Зло объединяет только злоумышленников. В наш век, когда явно проступают симптомы отчуждения, мы становимся более разобщенными, тогда театр, полный добра и надежды, должен помогать объединению людей.

Что касается меня, то за последнее время я в числе пассивных драматургов, то есть пишу редко. Здесь много причин. Я был некоторое время в растерянности: то ли я делаю. Для современного зрелищного театра нужен прежде всего текст, сюжет, как говорят иные режиссеры, нужен материал. Я же утратил уверенность. Я никогда не писал текстов, не поставлял материала. Мне стало казаться, что я делаю не то, что надо режиссеру, что я отстал. Было ощущение, что я не очень угадываю направление, нужное для театра. Но это не оправдывает меня. Я же знаю, что драматургия — это литература. Ею нужно и заниматься. На башкирском, татарском языках пьеса называется «театрской» книгой. В годы моего детства дома читали книги, в том числе с большим интересом читали «театрские» книги. Но эти «театрские» книги теперь перестали быть книгами.

Доклад не смог осветить все стороны драматургической жизни. В числе активно действующих драматургов были названы не все, кто заслуживает этого своей работой и талантом. Но мы не в обиде. К слову, например, есть в Татарии, в Башкирии интересные драматурги. Мне приятно назвать два спектакля. Один — Туфана Миннуллина о народном поэте Тукае. Это масштабное произведение. Раздумье о судьбе таланта, о судьбе народа. Действие происходит всего в течение нескольких дней, но оно сопровождается большими размышлениями, проникновением в глубину духовных пластов народной жизни, в его духовную историю. Назову также спектакль «Дикие гуси» Рафаэля Сафина в Башкирском академическом театре драмы. Хочу отметить пьесы моих товарищей — Астаха Мирзагитова, Нажиба Асанбаева, Ангама Атнабаева, которые прочно идут в театрах Башкирии и в стране.

У нас в Союзе писателей Башкирии был в довоенные годы руководителем человек малообразованный, но очень доброжелательный. Он собрал как-то нас, молодых писателей, и сказал: «Ребята, знаете, что я вам скажу. Вот что я вам скажу, ребята: пишите талантливо, если талантливо будете писать, хорошо получится». Думаю, он верно уловил суть. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Афанасий Дмитриевич Салынский.

А. САЛЫНСКИЙ. Перед каждым съездом писателей — а я участвую в них со Вто-

рого съезда — каждый раз со жгучим интересом обращаюсь к стенограмме I съезда советских писателей и читаю прежде всего те страницы, которые связаны с драматургией. Читаю доклад Горького, доклад Кирпотина, речи Погодина и других писателей.

Практика жизни (это имеет отношение и к сегодняшнему дню) заставляет вспомнить, что же произошло за период от Первого до Восьмого съезда? К сожалению, проблемы примерно одни и те же. Это очень печально. Проблемы-долгостройники, им свыше 50 лет. За это время успели умереть многие и многие писатели, драматурги, а проблемы живут.

Нравственное состояние общества, состояние души человеческой должны изучать писатели, художники. Но как его изучать, когда мы все время находимся под стражей «неистовых ревнителей», которые до сих пор живут в каждом из нас и вокруг нас. Это они удерживают на полках талантливые произведения — фильмы, пьесы.

В конце концов нам надо двигаться вперед, надо оторваться от «неистовых ревнителей», надо бороться за идею нашу, революционную, социалистическую, советскую идею, но бороться по-человечески, бороться гуманно, бороться благородно и плодотворно, а не так, как борются, когда что-то полезное запрещают и мешают работать в полную силу.

Надежда всей нашей драматургии — молодые драматурги. В искусство пришло сейчас очень много прекрасных людей. Мы даже не представляем, какое это огромное богатство. И мы не оценили его в полной мере — ни критики, ни теоретики. Интересен А. Дударев, драматург, пишущий на современные темы, интересен А. Галин, работающий так же своеобразно, интересен Умарбеков, который написал комедию «И. О.», идущую в Театре комедии в Ленинграде. Дозорцев, Петрушевская, Казанцев, Врублевская, Скворцов, Стельмах... Много талантливых молодых мастеров. И это огромная радость.

Когда-нибудь, отчасти под тяжестью времени, мы потеряем силу или, попросту говоря, уйдем, и эта молодая смена пойдет вперед. Хорошо, что в альманах «Современная драматургия» пришел Н. Мирошниченко, обновивший журнал «Театральная жизнь».

Я поддерживаю товарищей, настаивающих на том, чтобы «Современная драматургия» выходила 6 раз в год. Нужно перевести альманах в ранг журнала.

Нам нельзя смотреть только в прошлое, назад — это значит сильно ошибаться. Мы должны быть самокритичны к самим себе. А Дударев правильно говорил об этом. Почему бы нам бороться критики? Когда критикуют несправедливо, это неприятно. А когда правильно, то критика помогает накапливать запас сил.

Мы все еще пишем пока не так, как того требуют время, мировой театральный и литературный процесс. Хотя, правда, мы пишем не слабее лучших драматургов Запада. Наши драматурги работают на хорошем уровне, но этот уровень надо поднять еще выше — в масштабе не только отечественном, но и мировом.

Нужны серьезные, глубокие исследования современного характера, нужны свежий язык,

оригинальный замысел, острый сюжет. Мы всем забыли, что такое сюжет. Другое дело, если драматург пишет вещь документальную. Но и в хорошей документальной пьесе есть своя сюжетика. Скажем, М. Шатров в «Диктатуре совести» строит сюжеты на огромной захватывающей мысли, которая становится художественным явлением сама по себе.

Для того чтобы выполнять успешно решения XXVII съезда КПСС, каждому из нас надо работать не за троих, а за десятых. По разным причинам мы понесли серьезные потери, в частности, из-за бюрократизма. Хочется сказать, что наряду с могилой Неизвестного солдата, перед которой горит Вечный огонь (не поймите как горькую шутку), могла бы возникнуть могила неизвестного сочинения — с вечным огнем... Так много потеряно сил, времени и людей, так много не написано романов, статей, пьес.

Надо побольше работать, поменьше говорить. И в этом будет наша жизнь. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Аким Уртаевичу Ашимову. (Алма-Ата).

А. АШИМОВ (А. Тарази). Мы часто спорим о традициях, имея в виду, что традиция — это развитие уже достигнутого. Я не теоретик литературы, но, когда мысленно оглядываюсь на историю становления казахской драматургии, я вижу, что она у нас появилась как естественное продолжение мощного казахского устного народного творчества. Появилась, начисто отвергнув уже существовавшие формы повествования. Правда, в некоторых эпосах уже имелись картины народных празднеств, диалоги, элементы ярмарочных представлений, которые можно было разыгрывать на городских площадях при большом скоплении народа.

Когда в начале XX века началось создание казахского театра, уже начиная с первых постановок, разыгранных в юртах, великий Ауэзов, а затем Габит Мусрепов, Бейимбет Майлин, естественно, вооружившись опытом русской и мировой драматургии, создавали своего рода сценические параллели популярных народных легенд. Так появились истинно народные драмы «Енлик и Кебек», «Козы-Корпеш и Баян-Сулук», «Кыз-Жибек». Проходило время, и молодому поколению, естественно, приходилось создавать свою драматургию, сохраняя при этом то лучшее, что было привнесено старшим поколением. В то же время отвергать устаревшие формы, заменяя их новыми, соответствующими эпохе НТР, в которую мы живем.

Так появились и успешно утвердились в жизни драматургии нового поколения: Калтан Мухаедшанов, Ахметжан Аширов, Калихан Искаков, Сакен Жунусов, Дулат Исабеков, Оралхан Бокеев, Толен Абдииков, Бакхожа Мукаев, Нурлан Оразалин, Хан Дз Ен.

Сама природа боевого жанра драматургии такова, что, с одной стороны, ее можно всегда хвалить, что она идет впереди своего времени, а с другой — упрекать, что она безбожно отстает.

За последние несколько лет на пленумах,

на наших профессиональных съездах мы сетовали на отставание жанра драматургии, но сейчас, оглядываясь назад, видим, что все те великие перемены, которые наступили в жизни нашего общества, были буквально предсказаны драматургией, способствовали этим переменам. Мы теперь ясно видим, что то же самое было и в казахском театре: были смелые произведения, смелые призывы. Нельзя сказать, что они пропали без следа. Все они в свое время сыграли определенную положительную роль в преодолении общественного застоя. Когда критиковали и критикуют казахских драматургов в отставании от духа времени, нам всегда указывают на гигантские успехи республики в промышленности, при этом называют такие крупные стройки, как Экибастуз, Жайрем, и другие, как будто значительность объекта соответствует значимости поднимаемой темы.

Мы часто спорим о традициях, забывая, что развитие традиций происходит не только в настоящей литературе, но и в псевдолитературе: чем ярче источник света, тем гуще тень. Крепли таланты, но тут же «процветали» и бездарности. Они ловко приспосабливались к времени, к партийным лозунгам и, опережая серьезных драматургов, выдавали произведения на «злобу дня». В их произведениях якобы отражались события, происходящие на тех крупных объектах, о которых я упоминал выше. Халтура тоже бывает многолика. Некоторые из подобных произведений на поверхностный взгляд могут даже показаться настоящими произведениями искусства. Но в то же время всем им присуща одна общая черта — это полуправда, правдоподобие. Автор такого произведения похож на человека, который сам с собой играет в шахматы. Он четко делит своих героев на положительных и отрицательных, т. е. на «белых» и «черных», сам же становится на сторону «белых» — положительных — и, подыгрывая им, делает все, чтобы «белые» победили. Не дай бог, чтобы «черные» сделали смелый ход, тут же мощной волей автора он будет пресечен в самом начале. Но жизнь не шахматная доска, и люди не шахматные фигуры. Негативные явления в жизни могут достичь таких масштабов и обрести такую силу, что поколеблется вера в те высокие идеалы, за которые боролись наши деды и отцы. Так что драматурги не должны безоговорочно становиться на сторону «белых». Так я понимаю призыв нашей партии по поводу того, что задачей писателей является смелая и принципиальная борьба с теми недостатками, которые еще существуют и будут существовать в жизни. Ибо в Политическом докладе XXVII съезду КПСС сказано: «Развитие общественного сознания — всегда сложный процесс, но своеобразие нынешнего этапа придало особую остроту многим назревшим проблемам».

Во-первых, сама масштабность задачи ускорения определяет общественную атмосферу, ее характер и особенности. Еще не все оказались готовы понять и принять происходящее. Во-вторых, и это важно подчеркнуть: замедление социально-экономического развития явилось следствием серьезных промахов не только в области хозяйственного строительства, но и идеологической работы.

Повторю: промахов в идеологической работе. Вот почему в работе Союза писателей за последнее десятилетие возобладали показуха и парадность, сознательное умалчивание значительных произведений, в быту торжествовала «эра длинных списков», в которых нарочито смешивались имена бездарных и талантливых, что привело к унылой обезличке нашей святой профессии.

Поскольку я выступаю от имени казахских драматургов, мне полагалось бы с этой высокой трибуны информировать вас о наших делах, но уверяю вас, что наши дела такие же, как ваши. Болезни роста у всех нас общие. Так что, если хотите представить картину нашей творческой жизни, окиньте взглядом свою собственную. Так же, как вы, на своих собраниях мы плачемся о нерешенных вопросах, о том, что у нас нет своего печатного органа, который мог бы публиковать драматургические произведения, освещал бы творческие процессы, происходящие в республике и за ее пределами, указывал бы нам на наши недостатки и заблуждения. Мы так же сетуем на низкие гонорарные ставки, на мизерность процентных отчислений. Мы так же ратуем за то, чтобы драматурги, режиссеры и актеры преодолели наконец разобщенность, перестали бы вариться в собственном соку, а действовали сообща. Слова останутся словами, если не сделать организационные выводы. Мы с радостью и одобрением узнали, что создается творческий Союз театральных обществ. Мы надеемся, что драматурги войдут в него как полноправное и необходимое звено этого очень нужного идеологического механизма.

Но все эти проблемы, я уверен, в конце концов решатся, потому что при всей сложности они имеют организационный характер и их может наладить разумный руководитель. Гораздо сложнее и важнее другое. Когда человек начинает ратовать за коренные изменения, очень часто он забывает о себе, о том, что всякие коренные изменения надо начинать с себя, ибо, как сказал Леонид Леонов, «всякая победа начинается с победы над собой» (мы всегда норовим вести себя, как мулла, которому самим аллахом позволено говорить одно, а делать другое).

Я разделяю боль, которую сегодня высказали А. Дударев и Мустай Карим: не начали ли мы уже заваливать великое начинание, озаглавленное апрельским Пленумом? Вчера первый акт этой драмы уже состоялся. Сегодня мы разделились на пять групп и, разместившись в разных местах, начали кулуарные разговоры. Завтра, видимо, начнется второй акт этой драмы. И если после апрельского Пленума у меня было радостное чувство, то сейчас я уже встревожен, потому что вчера были попытки «заговорить» это великое дело, и мне становится тревожно. Мы — драматурги, творческие люди, и я считаю, что творчество похоже на вылет самолета. А чтобы самолет вылетел, нужна полоса чистая, хорошая.

В конце своего выступления хотел бы поддержать предложение, что наш альманах «Современная драматургия» должен стать журналом и выходить даже не по шесть номеров, а по двенадцать.

Если позволите, я хочу воспользоваться присутствием здесь тов. Е. В. Зайцева и сказать об одном моральном преступлении, которое мы совершили.

Хорошее постановление вышло о перестройке театра. Но хочу заметить, что со временем давно изобретенное, прекрасное само по себе звание «Народный артист СССР» или республики стало чем-то вроде панциря черепахи, под которым скрыто что-то мягкотелое. И этот панцирь сейчас давит, особенно в областных театрах, молодежь.

В постановлении о перестройке театра есть один пункт: все подлежит перерегистрации, но народный артист СССР не подлежит. Благодаря этому возникает возможность республиканским органам оградить некую актерскую номенклатуру. А вы представьте себе, что в восточном городе, где 100 тысяч населения, тоже есть свои номенклатурные артисты.

Я считаю, что необходимо отменить этот пункт, ограждающий в постановлении народных артистов. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется первому заместителю министра культуры СССР Е. В. Зайцеву.

Е. ЗАЙЦЕВ. Мы заслушали интересный, содержательный, очень страстный, взволнованный, принципиальный доклад, не менее интересные содоклады. Проблемно, широко идет творческая дискуссия. Работу секций здесь сравнивали со вторым актом спектакля. Меня не смущает, что второй акт — это драматургия — происходит кулуарно. Более того, драматурги собралась в театральном обществе, в центральном театральном доме и ведут обстоятельный, заинтересованный разговор о насущных проблемах нашей драматургии, нашего театра.

Мы встречаемся в очень ответственный период нашего развития, на переломном этапе, в пору коренного перелома в экономической и социальной жизни нашей страны. Апрельский (1985 г.) Пленум ЦК КПСС, а затем XXVII съезд нашей партии разработали стратегию развития нашей страны, нашего народа, нашего государства. И суть этой стратегии в ускорении социально-экономического развития. Это ускорение касается всех сфер нашей жизни. Я хочу воспользоваться этой возможностью и сказать, что за время, прошедшее после апрельского Пленума, значительно изменилось положение дел в социально-культурной сфере, настолько, что это трудно было бы представить 10—20 лет назад. Предусмотрено в несколько раз больше, чем прежде, выделение средств на культуру.

Центральный Комитет партии рассматривает любое перспективное предложение и решительно поддерживает его. Я попробую показать это на нескольких примерах. Как вы знаете, утвержден план на XII пятилетку. В нем было заложено повышение заработной платы работников здравоохранения, просвещения, поставлен вопрос о сфере культуры, об оплате труда широкой категории идеологических работников. Среди работников культуры и искусства — вы хорошо знаете — у нас небольшая часть высокооплачиваемая, а подавляющее

число работников имеют скромное материальное обеспечение. Записка Отдела культуры ЦК КПСС и Министерства культуры СССР была рассмотрена на Секретариате, потом на Политбюро, и мы услышали на XXVII съезде, что в эту пятилетку будет решен вопрос. Могу доложить, что этот вопрос решается широко и глубоко. Он коснется каждого второго человека, работающего в нашей отрасли, каждый второй получит эту прибавку. И прибавку довольно значительную, это приблизительно 40% к уровню зарплаты.

Теперь о материальной базе культуры. Здесь об этом говорили товарищи. Драматургия может жить тогда, когда есть театр, когда есть сценическая площадка, желательно хорошо оборудованная. По поручению ЦК партии было изучено состояние материальной базы культуры и искусства. Вы знаете, особенно товарищи из республик, что состояние материальной базы учреждений культуры оставляет желать лучшего. Центральный Комитет партии принял решение в два раза увеличить строительство, вдвое увеличить выделение капитальных вложений на строительство районных и сельских домов культуры. Если на прошлую пятилетку было выделено средств на 239 домов культуры и мы их не освоили, то на эту пятилетку отпущено средств на 511 районных домов культуры. И если в прошлую пятилетку предполагалось строительство 2 тыс. сельских клубов, то на эту пятилетку мы имеем средства на строительство 5560 сельских клубов. Все обеспечено фондами и сказано: давайте работать, решайте эти вопросы.

В порядке информации: совсем недавно, после съезда принято принципиальное решение о качественном улучшении концертного обслуживания населения страны. Принято решение о создании Союза театральных обществ. Впервые в стране создается профессиональный творческий союз театральных деятелей, будет создано музыкальное общество. Принят и целый ряд других важнейших принципиальных решений.

Многие выступавшие искренне ставят вопрос о создании театра «Дружбы народов». Могу доложить, что вчера, именно вчера, Секретариат ЦК партии принял предложение Отдела культуры ЦК партии и Министерства культуры СССР о том, что в 1986 году в Москве будет создан Государственный театр «Дружбы народов». (А п л о д и с м е н т ы.) Это действительно всеобщая радость, это наша надежда. Это показывает еще раз, какую постоянную отеческую заботу о драматургии, об укреплении дружбы народов в расцвете нашей многонациональной советской культуры проявляет Центральный Комитет партии.

Конечно, есть целый ряд проблем с созданием этого театра — помещение, гостиница, транспорт и др. Но, во всяком случае, решение это есть, и мы будем добиваться его реализации и ставим перед собою цель, чтобы 70-летие Великой Октябрьской социалистической революции встретить в новом театральном помещении в Москве, где постоянно, на протяжении всего года будут выступать театральные коллективы из братских союзных республик. Поэтому что советский многонациональный те-

атр — это явление уникальное, уникальное в мировой культуре, уникальное в мировом искусстве, и нам нужно сделать так, чтобы культуры наших братских народов сблизились, взаимообогащались, чтобы происходил постоянный процесс, я бы так сказал, своеобразного ускорения в развитии театральной культуры, театрального искусства и драматургии наших братских союзных и автономных республик.

Здесь многие товарищи говорили о театральном эксперименте. Должен сказать, что внимание, с каким подошли руководители Центрального Комитета партии к той широкой, подлинно народной, творческой дискуссии, которая велась и ведется в нашей стране по проблемам современного театра, трудно с чем-либо сравнить.

Товарищи, которые участвовали в апрельском совещании в ЦК партии, знают, что на протяжении почти половины дня руководители ЦК выслушивали самые различные точки зрения, и в итоге были приняты наши предложения по проведению театрального эксперимента. Суть этого эксперимента всем вам хорошо известна.

Следует горячо одобрить те положения доклада и выступлений, что эксперимент не надо ограничивать 60 или каким-то количеством театров. А самое главное, что эксперимент и в этих театрах не должен проходить по шаблону, он должен варьировать возможности каждого коллектива, он должен предусматривать реализацию не только тех обязательных установок, которые записаны в нашем Положении, но приложить свое творчество, и тогда появятся разные спектакли, не только камерные, но и остропублицистические, о чем говорил Г. Боровик и другие. Появятся новые формы драматургических, сценических произведений. Одним словом, театральным экспериментом мы хотим придать дополнительный импульс для развития и сценического искусства, и, естественно, драматургии.

Разрабатывая Положение об эксперименте, специально предусмотрели возможность новых принципов и форм работы с драматургами. Уже после принятия решения по театральному эксперименту, в канун открытия съезда писателей Министерство культуры СССР и Союз писателей СССР приняли совместное постановление, оно передо мной, на местах оно еще не получено, и я хочу его обнародовать и прокомментировать. Оно называется «О мерах по дальнейшему развитию драматургии и творческого содружества театров с писателями по созданию сценических произведений на актуальные темы современности».

Должен сказать в подтверждение того тезиса, который здесь прозвучал в выступлении М. Шатрова: мы действительно стараемся работать с Союзом писателей СССР, с секцией драматургии Московской писательской организации в контакте, стараемся говорить друг другу все откровенно, и в этом смысле (я хотел бы ответить А. Дудареву) у нас отношения таковы, что мы позволяем говорить все друг другу откровенно и друг на друга не обижаемся.

Этот документ разрабатывался совместно, вносились самые смелые предложения, и мы постарались подавляющее большинство их

реализовать. Назову некоторые новые положения, которые зафиксированы в этом документе.

До сего времени существовала практика государственного заказа, которая применялась в основном Министерством культуры СССР. Сейчас это право дается министерствам культуры всех союзных, автономных республик, а также главным управлениям культуры Мосгорисполкома и Ленгорисполкома с соответствующим выделением им денег и соответствующими организационно-структурными изменениями в аппаратах этих органов культуры.

Мы поставили дело таким образом, что 50 процентов средств, которыми располагает Министерство культуры СССР, отдаем непосредственно театрам. Мы хотим, чтобы театры непосредственно работали с драматургами, чтобы была ликвидирована еще одна инстанция прохождения пьес и выпуска их на сцену, чтобы у театров появилась реальная возможность открыть широкий приток в драматургию той талантливой молодежи, о которой говорили сегодня выступающие. Для того чтобы оказать помощь драматургам, и прежде всего молодым, вводится порядок выплаты драматургу второго аванса при работе над произведением при заключении с ним договора.

В рамках театрального эксперимента вводится следующий порядок: там, где это необходимо, на заключительной стадии работы сроком до 3 месяцев дается право зачислять драматурга в штат театра на должность режиссера-постановщика, с соответствующими требованиями и соответствующими полномочиями, чтобы он был полноправным создателем спектакля.

Чтобы улучшить работу по репертуару и работу с драматургами, мы предложили нашим министерствам культуры союзных республик выйти с предложением о введении должностей заместителя директора театра по репертуару и работе с драматургами.

Здесь поднимались вопросы о так называемой законности. Мы подтверждаем, что разрешение на публичное исполнение новых пьес действительно для всех театров страны, и поручили министерствам культуры союзных республик строго соблюдать этот порядок.

До конца этого года будут разработаны предложения о повышении ставок авторского гонорара за произведения драматургии.

Министерство культуры СССР и Союз писателей СССР решили совместно учредить для драматургов специальный приз за лучшую пьесу сезона. Будем думать, как определять эту лучшую пьесу — тоже демократическим путем.

Решили подумать также, как привлечь различные ведомства, чтобы они вместе с нами стимулировали работу драматургов.

До конца года вместе с ВААП разрабатываем предложения о введении материальной ответственности театров перед драматургами за невыполнение обязательств по постановке спектакля в обусловленный авторским договором срок.

Предусматривается решить вопрос о стажировке молодых начинающих драматургов у

мастеров жанра; такой стажировке, которая бы помогала молодому человеку завершить её постановкой своей пьесы в том или ином конкретном театре. Принято решение, что при режиссерской тарификации, при премировании режиссеров нужно учитывать, насколько он плодотворно и эффективно сотрудничает с драматургом. Предусмотрен фактор морального и материального поощрения.

В этом постановлении есть также запись по острому вопросу, который обсуждается широко и остро: речь идет о порядке создания и расформирования новых театров. Имею в виду расширение прав местных органов культуры в решении этих вопросов. Этот документ уже принят и начинает действовать. Главное в том, какова целевая установка того, что мы сегодня делаем.

Конечно, театр нужно сделать эффективным фактором социально-экономического ускорения страны. Необходимо создать условия, при которых драматургия и театр будут эффективнее влиять на проблемы нравственности, научно-технического прогресса, на проблемы совершенствования всей жизни страны. Это возможно на основе демократизма, гласности и повышенной инициативы и ответственности каждого.

Хочу также, чтобы мы с вами не забывали, не упустили одно очень существенное понятие.

Вчера в газете «Правда» открылась новая рубрика «Ответственность перед временем». Вчера и сегодня много говорилось об ответственности. В этой рубрике, в которой принимает участие широкий круг работников Приморского края, я обратил внимание на одно: директор школы Н. Н. Дубинин говорил — у него 700 учеников. Они провели социологический опрос-исследование. И выяснилось, что из 700 учеников 36 хотят стать врачами, 15 милиционерами, несколько десятков еще кем-то, а строителем — один, животноводом — один. Это из 700!

Грустное наблюдение, тревожный симптом развития общества. Формируя критически мыслящую личность, мы должны быть озабочены тем, чтобы эта личность трудилась, создала, строила, кормила себя и общество.

Об этом должны думать все, кто связан с воспитанием, драматургии, литераторы в том числе, все работники культуры.

Еще одно, на чем хотелось сконцентрировать внимание. Мы живем в трудное, напряженное время. Пожалуй, если говорить о международной ситуации, это отмечал в выступлениях Генеральный секретарь ЦК нашей партии, никогда не было такого трудного, такого напряженного времени. Партия делает все, чтобы уберечь мир от ядерной катастрофы.

В традициях нашего общества, русского, отечественного, советского театра было обращение к проблемам борьбы за мир, проблемам предотвращения термоядерной катастрофы.

Мы рады тому, что наш докладчик Г. Боровик этим активно занимается. Рано ушедший от нас В. М. Чичков занимался этим же. Присутствующий здесь А. Лауренчукас, журналисты Г. Зубков, Ф. Бурлацкий и некоторые другие пишут пьесы об этих проблемах. Но, должен вам сказать, недостаточны ряды лю-

дей, которые профессионально увлечены этим важным делом. Да и наш театр очень невнимателен к этим проблемам. И критика и театроведение без особого энтузиазма поддерживают эту тенденцию.

Я вспоминаю время, когда у уважаемого нашего докладчика Г. Боровика рождалась пьеса «Интервью в Буэнос-Айресе». Это действительно было более десятилетия тому назад, а до сих пор в переполненном зале Театра Ленсовета идет этот спектакль. С напряженным вниманием смотрит публика в Театре сатиры спектакль по пьесе Ф. Бурлацкого «Бремя решения». Это та традиция, которой всем нам следует уделять больше внимания.

Что нам предстоит сделать? Если говорить об органах культуры, то нужно идти дальше и развивать усилия в трех направлениях. Решительно избавляться от недостатков в руководстве различными участками культурного строительства, и прежде всего в руководстве театральным искусством. Тут у нас накопилось много недостатков. Мы и недостаточно профессиональны, и бываем недостаточно доказательны, недостаточно умеем отстаивать свою точку зрения. Нередко злоупотребляем административными мерами там, где надо искать другие пути решения проблем, использовать другие, творческие методы. Нужно всемерно укреплять наши связи с творческими союзами. Это наше второе направление.

Хочу ответить Михаилу Филипповичу Шатрову на замечание о Союзе театральных обществ. Мы разработали совместно с театральными обществами проект устава Союза. Да, он разрабатывался в узком кругу, т. к. мы не имели права работать за Оргкомитет. После создания Оргкомитета работа пошла демократическим путем. Жаль, К. Ю. Лавров, В. П. Демин не участвуют сегодня в нашем заседании. Это было бы хорошее начинание. Оргкомитет создан, будут созданы и рабочие группы. Будет принят проект устава. Рабочие группы доработают этот проект устава, и он будет вынесен на обсуждение съезда учредителей общества.

Настоятельно хотелось бы, чтобы драматургии состояли в Союзе театральных обществ и активнее влияли на творческие процессы в нем происходящие. Проект устава будет разослан на места. Наступит период активного обсуждения устава. Нам хотелось бы, чтобы вы активнее обсуждали этот проект. Что касается состава Оргкомитета, его создавали люди, они же могут и добиться введения в него и представителей от драматургического цеха.

Третьим нашим направлением является всемерное развитие драматургии, увеличение значимости ее роли в обществе, чтобы она помогала формированию человека трудолюбивого, патриота, любящего Отечество, способного отстаивать свои завоевания.

Я думаю, что Совет по драматургии должен совершенствовать накопленный опыт, должен совершенствовать и формы своей работы.

Вот взять драматургическую лабораторию. Были лаборатории Арбузова, Дворецкого — очень интересная форма работы, но в последние годы она чуть-чуть приутихла. Надо набирать новый темп.

(С места: «Плохо помогали!»)
Наверное. Видимо, надо, чтобы и помогали, но чтобы и драматурги активнее работали.

Создана драматургическая лаборатория в Сибири, в Омске. Если Н. Мирошниченко покинет свой пост в «Театральной жизни» и перейдет в альманах, то деятельность этой лаборатории может стать менее активной. Не хотелось бы. Я думаю, что нам нужно дальше продолжать семинары, которые мы проводили в Ялте, Дубултах, но надо совершенствовать их работу, потому что, к сожалению, эффективность этой работы не всегда высока.

Права товарищи, когда говорят, что надо более активно пополнять силы творческого союза за счет молодых, талантливых литераторов. Нужно думать над тем, как помочь начинающим литераторам, драматургам глубже познать, что происходит сегодня на переднем плане борьбы за реализации решений XXVII съезда партии. И на Започно-Сибирском нефтяном комплексе, и на Дальнем Востоке, и в Нечерноземье, в Средней Азии, других союзных республиках.

Должен быть повышен критерий требовательности к приему в Союз, а также в анализе оценки творчества своих коллег по драматургическому цеху. Проблема качества имеет отношение не только к легкой промышленности и сфере обслуживания, но в специфическом преломлении она имеет отношение и к литературе в целом, и к театральному искусству конкретно.

Полагаю, что драматурги, литераторы в содружестве с органами культуры сделают все возможное, чтобы выполнить те рекомендации, которые были сформулированы на XXVII съезде партии. Там было сказано, что: «Ни партия, ни народ не нуждаются в парадном многописании и мелком бытокопательстве, в конъюнктурщине и делячестве. Общество ждет от писателей художественных открытий, правды жизни, которая всегда была сутью настоящего искусства. Но правда — не отвлеченное понятие, она конкретна. Она — в свершениях народа и противоречиях развития общества, в героизме и повседневности трудовых будней, в победах и неудачах, то есть в самой жизни, во всей ее многогранности, драматизме и величии». Позвольте заверить вас, что Министерство культуры Советского Союза сделает все возможное для того, чтобы оказать реальную помощь писателям, оно готово сотрудничать с драматургами во имя наших высоких целей развития советского театрального искусства.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Цезарь Самойлович Солодарь.

Ц. СОЛОДАРЬ. Вспоминается эпизод более чем тридцатилетней давности. Николай Павлович Акимов — замечательный режиссер и талантливый театральный художник — был несправедливо снят с поста главного режиссера необычайно популярного в ту пору Ленинградского театра комедии. После вынужденного простоя Акимова направили руководить не таким популярным в ту пору Тетром имени Ленсовета.

Для своего режиссерского дебюта в новом,

не блиставшем тогда большими талантами театре Николай Павлович выбрал комедию Виктора Гусева «Весна в Москве». В Ленинграде некоторые руководящие работники управления культуры и реперткома относились тогда к Акимову не совсем объективно. Зная это, Борис Андреевич Лавренев, возглавлявший нашу писательскую комиссию по драматургам, решил послать на прием спектакля представителей комиссии. Поехали Владимир Федорович Пименов, Сергей Николаевич Преображенский и я.

Спектакль нам, помню, очень понравился: задорный, молодой, искрометный. Хорошо приняли комедию и немногочисленные зрители.

Началось обсуждение. Кто-то спросил: «Как долго длилась работа над спектаклем?» Последовал ответ: «Всего было 28 репетиций».

Мы с Пименовым и Преображенским недоверчиво взглянули на Акимова. И услышали от него: «На первой минуте первой репетиции я сказал актерам: драматург, написавший эту современную пьесу, умер — требовать переделок не от кого. Я же писать за драматургов не умею. Будем работать по каноническому авторскому тексту, по книге Виктора Гусева».

По книге! По сборнику драматических произведений писателя. А не по затасканному экземпляру стеклографического издания с редактурой отдела распространения, с самовольными актерскими отсебятинами и режиссерской перекомпоновкой.

Располагают ли сегодня советские писатели, профессионально работающие в жанре драматургии, печатными публикациями большинства написанных ими пьес? Я имею в виду и книги, и журнальные публикации. Они не только обязывают режиссеров и актеров относиться бережно к пьесе, но прежде всего заставляют самого драматурга с трижды повышенной ответственностью помнить, что, как говорится, бумага не все стерпит, что опубликование пьесы в книге или журнале — это серьезный экзамен на художественную зрелость произведения драматической литературы.

Эти три слова «произведение драматической литературы» я услышал из уст Александра Александровича Фадеева в такой обстановке: Борис Андреевич Лавренев пожаловался ему на то, что приемная комиссия несправедливо не приняла в Союз писателей драматурга Х. — автора нескольких идущих на сцене пьес. «Я разберусь», — ответил Фадеев. — В каких книгах или журналах могу я прочесть произведения драматурга Х.?» Лавренев развел руками и понимающе улыбнулся, словно принимая шутку Фадеева: «Ты же знаешь, Александр Александрович, как у нас обстоит дело с печатанием пьес». Фадеев нахмурился: «Запомни, Борис Андреевич: любое литературное произведение, независимо от жанра, поверяется печатным станком. Печатным станком поверяется и каждое произведение драматической литературы». На всю жизнь я запомнил эти глубоко верные слова! Не можем же мы, не имея права применять в драматургии, с позволения сказать, «принцип», который еще, к сожалению, бытует на эстраде: печатать, мол, нельзя, но прозвонить с эстрады можно.

Я отдаю себе отчет в том, что привлекаю вни-

мание делегатов съезда к проблеме многолетней давности, известной всем нам, но, увы, до сих пор не решенной. Еще Николай Федорович Погодин много лет назад со свойственной ему жесткостью и убежденностью говорил: «Ни один самый популярный драматург, даже баловень театра (так Погодин и сказал — «баловень»), не вправе рассчитывать на то, что каждая его новая пьеса обязательно будет поставлена. Причин может быть много: нет актрисы на главную роль, занят подходящий режиссер, театр поглощен подготовкой к исторической дате. Но настоящий профессиональный драматург вправе рассчитывать на печатное опубликование своей пьесы. Иначе она не состоится как произведение художественной литературы».

Никто никогда нигде не возражал, не возражает и не посмеет возражать против такой постановки вопроса.

Но воз и ныне там. Не стоит приводить цифры. Каждый из присутствующих прекрасно знает, сколь ничтожен процент пьес наших драматургов, доходящих до печатного станка. Как это угнетает драматурга, как это парализует его самоутверждение, как это принижает его писательское достоинство, особенно в тех случаях, когда пьеса поставлена с вынужденными, а иногда даже с неожиданными для писателя переделками. Как это снижает уважение к драматургии как к жанру художественной литературы. Как это искажает представление зрителей и читателей об истинном художественно-идейном лице пьесы.

Да, и читателей. Я не занимался социологическими исследованиями, но имею основания утверждать: ни книготорговцы, на библиотекари не считают сборники пьес неходовыми.

Особенно больно бьет существующая практика издания — вернее, неиздания — пьес по нашей драматургической молодежи. Им зачастую приходится долго ожидать круглой даты, чтобы увидеть первый сборник своих уже успевших сойти со сцены пьес. А ведь каждый старый драматург может, не кривя душой, признаться, что первая печатная публикация его пьесы была для него, пожалуй, столь же вдохновляющим началом, как и первая премьерная афиша.

Стыдно приводить такой пример: около восьмидесяти лет тому назад частное издательство «Польза» регулярно — не реже двух раз в месяц издавало пьесы русских и иностранных авторов. Неужели же наши государственные издательства сейчас не извлекли бы очевидной пользы из подобных изданий!

Кстати, массовые издания пьес помогут и коренному улучшению театральной критики, которую справедливо обвиняли в недооценке, а порой и полном забвении литературного первоисточника спектакля. Книги драматических спектаклей заставят критиков писать о драматургии не только в связи со спектаклем, а как о произведениях драматической литературы. Говорено об этом немало. Не пора ли заменить слова делами?

Я вношу предложение: обязать драматургов, которые войдут в новый состав Правления и Секретариата Правления Союза писателей, добиться наконец от Секретариата Правления,

Госкомиздата, издательств, редколлегий «толстых» журналов практически решить эту наболевшую проблему. Следует серьезно обсудить возможности создания в издательстве «Советский писатель» редакции драматургии.

Здесь говорили, каково будет девушке-филологу в 2000 году, когда она будет изучать сегодняшнюю драматургию. Хочется, чтобы она изучала ее как произведения советской художественной литературы. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Михаилу Михайловичу Рошину.

М. РОШИН. Как будто уже сказано все то, что накапливалось в эти годы. Но хочется все же поговорить о драматургии, о жизни и о месте писателя. И поговорить о делах практических.

Правда, после выступления Е. В. Зайцева вроде бы и говорить не о чем. Все решено, подписано; многое обещано — так, что и просить больше нечего. Однако я думаю, что постановление, которое было нам зачитано, представляет собой все-таки продукт прежней эпохи. Там все решено за нас и вместо нас. Но будет ли от всего этого польза для нас? Хотелось бы эти вещи решать самим.

Сейчас мы переживаем такой момент, когда людям развязали язык, но не развязали руки. Руки связаны. Я говорю со всей ответственностью, хотелось бы, чтобы какие-то перемены — резкие, кардинальные — коснулись и руководства Союза писателей.

У всех у нас вызывает энтузиазм, радость и оживление то, что произошло на съезде кинематографистов. Это ощущение новизны и тех серьезных перемен, которые происходят в сфере кино, вселяет надежды. Мы слышим, что там быстро и активно стали решаться практически судьбы фильмов, сценариев.

Конечно, во главе нашего Союза стоят писатели — корифеи, они много лет работают, у них большой опыт. Но не зря много говорилось на съезде, что наш Союз писателей превратился в министерство, в бюрократический механизм, что многие руководители Союза — и прозаики, и поэты во многом используют свое служебное положение, чтобы оставаться широкотиражируемыми писателями, и прочее.

Неизвестно, как бы обошлись время, издательства и прочие органы с этими писателями, если бы они не занимали руководящих постов так много лет. Сменность руководства сегодня необходима, что-то нужно с этим делать. Не верится в преобразования, которые возможны при том же руководящем составе.

У Толстого в «Смерти Ивана Ильича» сказано примерно так: после смерти Николая понадобилась перестройка в стране, в государственном аппарате, повсюду. Естественно, эти преобразования предполагались серьезными, революционными и для этих преобразований нужны были новые люди. И эти люди нашлись. Это были те же самые люди. (С м е х в з а л е.)

В предсъездские дни и в дни съезда мы думали и соображали: что бы нам хотелось? Сейчас положение драматурга между Союзом писателей, Министерством культуры и ВААПом очень неустойчиво.

С другой стороны, положение драматического писателя становится все более важным в общественной жизни: театр, радио, кино, телевидение — вот сферы нашей работы. И дальше наша роль будет становиться все более важной. И вот тут у меня есть предложение. К сожалению, нет времени здесь его подробно обсудить или решить, но стоит этот крючок закинуть на будущее. Может быть, полезно создание отдельного Союза драматургов или Ассоциации. Эта идея не нова. Об этом говорили еще Погодин и Корнейчук. Такие Союзы существуют во многих странах, и не только в капиталистических, но и в братских. Этот Союз позволил бы нам быть самостоятельными, самим решать вопросы взаимоотношений с театрами, иметь свое издательство, журналы, издавать хоть маленькие книжки. Была бы самостоятельная, серьезная организация. Это может быть расценено как раскол, отход от Союза писателей, но не надо так интерпретировать.

С нами мучается министерство. Мы не нужны Союзу писателей. ВААП — единственная организация, которая взяла на себя некоторые защитные функции и связи драматургов с зарубежными театрами. Союз писателей совершенно не интересуется этим. Много ли драматургов переступало порог Иностранной комиссии Союза?

Практика показывает, что сколько лет ни шумим, ни ругаемся, — ничего не выходит с Союзом. Мы и театр ему неинтересны. Поэтому сама практика заставляет людей, работающих в жанре драматургии, выделиться в самостоятельную организацию.

Это главная проблема, о которой я хотел сказать. Предлагаю это обдумать.

Я взял стенографический отчет I съезда писателей и посмотрел его. Проблемы те же. Проблемы те же, но люди ушли, а мы по сравнению с теми людьми измельчали. Там вопросы ставились шире, глубже, серьезнее и профессиональнее. Мы очень мало говорим о своей профессии. За все дни съезда не было разобрано ни одного романа, пьесы, не было прочитано ни одного стихотворения. Списочные оценки. Что это за писательский съезд, как мы дошли до такой жизни? Мы или боремся с министерством, или защищаем свои пьесы, или ходим в Главлит. Масса нетворческих моментов. Это отражает и наш съезд. Мы вынуждены говорить в основном о наших оргделах.

Давайте будем брать пример с партии, которая не побоялась в течение года обновить большинство состава своего ЦК, заменить множество министров в промышленности и других руководящих товарищей на людей более молодых, энергичных, пойти на крупные, серьезные перемены в руководстве. Страшно и трудно винить людей из прежнего руководства и бросать в них камни. Не во всем они виноваты.

В моей пьесе «Седьмой подвиг Геракла», которая лежит без движения 23 года, есть такая фраза: «Ужасно, когда жизнь прожита с одним, а отчитываться надо перед другими». Но отчитываться надо и отвечать за прошлое придется. (А плоды с менты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Анатолию Владимировичу Софронову.

А. СОФРОНОВ. Я тоже поддерживаю это предложение. Не знаю, сможем ли мы журнал сделать ежемесячным, но выходить шесть раз в год он может наверняка спокойно. Никто не имеет права помешать этому. Н. И. Акимова когда-то снимали с работы за постановку моей пьесы «Карьера Бекетова», хотя тогда примерно сто театров должны были ставить эту пьесу. Но я совершил ошибку: дал опубликовать эту пьесу в журнале «Новый мир». Потом, через 25 лет, она пошла в Театре имени Гоголя.

Я об этом говорю потому, что драматургия дело длительное. В свое время нас воспитывали те, кто был хоть и не намного старше нас, — Б. Лавренев, Б. Горбатов, В. Вишневский. Им тогда было чуть больше 30 лет. Но потом и мы стали 30-летними. Первая моя пьеса, которая была поставлена в 1947 году в Театре имени Моссовета, когда мне было 36 лет, была пьеса «В одном городе». Я недавно читал записки Н. Мордвинова, который критически относился к пьесе, а потом был очень удивлен тем, что пьеса имела успех у зрителей.

Сейчас для нас чрезвычайно важно, что появилась плеяда молодых драматургов, молодых режиссеров. Но с ними нужно быть осторожными, чтобы у них выработать верный подход к современности. Сейчас многое изменилось. Когда говорят, что мы живем с 1984 года, я не согласен. Я живу с 1917-го, хотя родился в 1911 году. 75 лет для меня уже прошло. За это время мы очень многое сумели повидать.

Хочу поддержать вопрос об издании пьес. Наверное, нам надо будет и в Союзе писателей СССР, и в Союзе РСФСР, и в Московской организации найти возможность объединить усилия — министерства, Госкомиздата и наших союзов, чтобы издание пьес было упорядочено.

Смена поколений — дело нелегкое. Сейчас не вижу в театрах своих ровесников в драматургии — все уже ушло в иной мир. Нам нужно думать о молодежи. Как их поддержать? Мы обязаны это сделать. Московская организация, и наша союзная, и российская! Нам нужно влиять на формирование репертуара, причем действительно, оперативно. (А плоды с менты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Мара Залите.

М. ЗАЛИТЕ. Я человек в драматургии новый и поэтому должна представиться: Мара Залите. Я из Латвии, основной мой жанр — поэзия. Последние пять лет я пишу поэтические пьесы для театра, которые ставились в Риге.

Русский язык не позволяет мне здесь импровизировать, хотя мне этот день кажется очень интересным и рождает много мыслей. Но я все-таки прочту то, что я написала заранее.

В Латвии множество различных музеев, но один — только что открытый — поистине уникален. Это музей пьесы, одной пьесы, а именно — самой популярной пьесы Рудольфа Блауманиса «Дни портных в Силмачах». В Латвии только что зародилась новая традиция — Ака-

демический театр драмы показывает упомянутый спектакль на месте отображаемых Блауманисом событий, в отдаленном крае республики, на природе. 21 и 22 июня этот спектакль посмотрели 16 000 зрителей. Из одного только района Латвии (таковых в республике 22), расположенном совершенно на другом конце республики, заранее поступило 3 000 заявок. Это только один, совершенно свежий пример огромной популярности театров в Латвии. Билеты на некоторые спектакли драматического и художественного театров распроданы на год, а то и на два вперед. Залы переполнены. Вокруг приобретения билетов кипит страсти.

Театральная критика — ведущий жанр в республиканской критике, в обществе высок престиж драматурга. VIII съезд писателей Латвии оценил драматургию как одну из самых существенных частей литературы за отчетный период. В таком возвышенном тоне можно было бы продолжать, но в этой аудитории я не могу себе этого позволить, не констатировав печальный парадокс: престиж латышской драматургии на всесоюзной арене очень низок. Я сказала бы даже, что получил распространение миф о серости, неактуальности, общественной малозначимости и локальности латышской драматургии. Это приходится слушать в различных кулуарных разговорах. К сожалению, там же, в кулуарах, остаются и противоположные мнения. Например, на недавно прошедшем смотре латышской оригинальной драматургии, где многие уважаемые коллеги из республик отзывались о наших пьесах весьма хвалебно. Как создается такая ситуация, что в пределах республики влияние драматургии на общество огромно, охватываемая ею проблематика глубока и серьезна, художественные решения новаторские, а за пределами республики латышские пьесы практически неизвестны или малоизвестны и часто случается, что известны отнюдь не лучшие?

У нас много претензий к Министерству культуры республики по части популяризации пьес. Но обилие этих претензий мы должны предъявлять у себя дома. Как латышской пьесе выйти в мир? Существует два официальных канала, по которым пьесам суждено влиться во всесоюзное течение. Это всесоюзное агентство по распространению пьес и журналы «Театр» и «Современная драматургия». За минувшее пятилетие в журнале «Театр» не напечатана ни одна пьеса латышского автора, так же как в журнале «Современная драматургия» со дня его основания. Не секрет, что на пьесы, не попавшие в орбиту всесоюзного распространения, смотрят скептически, значит, оба упомянутых журнала остаются главной трибуной нашей многонациональной драматургии. Латышским драматургам эта трибуна не предоставляется. Конечно, можно упрекнуть латышей в недостаточной инициативности, а конкретнее — в отсутствии пробивной силы, но следует учитывать тот факт, что существуют народы экстравертные и интравертные. Латыши принадлежат к последним. Они с интересом посмотрят на других, но считают достоинством не экспонировать, не рекламировать себя. В настоящий момент в латышской культуре вообще импорт преобладает над экспортом.

Других мы знаем лучше, чем они нас. Это явление, его причины и следствия можно обсуждать долго, но сегодня я хочу просить организаторов и централизаторов нашей общей советской культурной жизни считаться с этим как бы не существенным, но все же очень существенным фактором. Оба журнала, насколько я понимаю, призваны отражать объективную и полную картину всей советской драматургии. Но она не может быть полной хотя бы потому, что в ней не хватает латышской драматургии. Еще раз подчеркну, что пассивность в собственном выдвижении и рекламе я не считаю пороком. Это скорее свидетельствует о силе культуры и самосознания. Силой, а не слабостью я считаю и то, что латышская драматургия ни в одном случае не шла ни по пути откровенной, ни даже скрытой конъюнктуры, создавая «важные сегодня» пьесы, чьи схемы элементарно просты, проблематика обнаруживаема с первого взгляда. А ведь таких пьес — сотни. Их герои, конечно же положительные, воюют с бытовыми неурядицами, разоблачают начальников, наводят порядок на производстве, борются с алкоголизмом. Я считаю, что социальная значимость этих пьес все еще преувеличивается, а социальная «смелость» растет лишь в зависимости от роста служебного ранга разоблачаемой персоны. Что именно таких пьес ждут, что они празднуют свое победоносное шествие делового искусства, свидетельствует более чем 60 спектаклей, поставленных по всей стране по пьесе В. Дозорцева «Последний посетитель». Я не имею ничего против этой конкретной пьесы, она написана профессионально, я против заранее запрограммированных, холодно расчелливых, в пределах дозволенности «смелых» произведений, создаваемых ловкачами. Они граничат с профессиональным цинизмом, который, на мой взгляд, в искусстве достоин презрения. Не буду говорить о самой драматургии, ее надо читать и смотреть, и за пару минут я ситуацию не спасу.

Спасибо за внимание. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Владимир Константинович Арро.

В. АРРО. Перестроиться в нашем деле — это значит прежде всего освободиться от стереотипов в нашем эстетическом мышлении, от примитивного, однобокого понимания задач драматургии, от предрассудков, которые мы не от хорошей жизни долгое время выдавали за истину. Этими стереотипами обросли не только мы, драматурги, не только критики и те, кто организуют театральные репертуары, но, к сожалению, и наши зрители.

Недавно мне пришлось выступать перед слушателями народного университета при Ленинградском отделении ВТО. Речь шла о современном герое литературы и театра. Учителя, родители, старшеклассники, собравшиеся в зале, вели себя активно — задавали вопросы, дельно выступали с мест. Особенно выделялись две молодые учительницы из Выборгского района, из той школы, где зимою двое подростков убили своего сверстника, — об этом писала

«Ленинградская правда». Эти девушки настойчиво просили: дайте нам положительного героя, с которого подростки могли бы брать пример. Просили напористо, категорично, что можно было подумать: будь у них этот герой под рукою, не произошло бы трагедии. Я пытался им объяснить, что литература сама по себе еще ничего не решает, что если у них в школе процветали формализм и парадность, двойная бухгалтерия в оценке знаний, если они бросили ребят во внеурочное время на грязные, заваленные строительными отходами пустыри, то десять литературных героев не помогут, потому что пример их все равно останется на уровне слов — нет условий для деятельного подражания. Учительницы не понимали, как бы не слышали меня, они требовали героя. Что-то поразительно знакомое почудилось мне и в этой глухоте, и в этой настойчивости, и в этом требовании «сделать им красиво». Это было, несомненно, похоже на типичную ситуацию нашего недавнего литературного и театрального обихода — требовать и призывать к благополучию в литературном произведении и на сцене, тогда как в жизни все остается по-прежнему. Воспитывать литературных героев, подправлять их поступки, выпрямлять поведение, доводить до благополучного финала, в то время как в жизни, реальной жизни все обстоит по-другому. Это в наших пьесах побеждал талантливый человек, а в жизни педагог-новатор Щетинин подыскивал другое место работы, узбекский же преподаватель Дильмуратов сидел в это время в тюрьме. Это в наших пьесах под финал остропроблемной ситуации приезжал человек в черной «Волге» и двумя-тремя фразами снимал конфликт, а ведь, как выясняется, иной человек в черной «Волге» возвращался домой не с пустыми руками. Нетипично? Горько сознавать, но мы теперь знаем, сколь широко и глубоко разъяла наше общество эта проказа. Я подозреваю, что эти люди и были самыми горячими поборниками положительных героев и счастливых финалов. Оказывается, не убажать их надо было, а бить тревогу, криком кричать!

Эти приписки в драматургии нам дорого обошлись — и зритель терял к нам доверие, люди перестали ходить в театр: мы знаем, как скудно наполняются театральные залы России. Мы знаем также, что шкафы репертуарно-редакционных коллегий забиты тысячами невостребованных пьес — серой, никому не нужной недолитературой. Ну что ж, мы получили ту драматургию, которую любовно выращивали, пестовали годами.

Я не против счастливых финалов и победы добра над злом в литературных произведениях, я даже очень «за» — за мажорное звучание нашей литературы, за умных и порядочных героев, но только тогда, когда это отражает реальное положение вещей, когда литература не превращается в потемкинские деревни. Я против того, чтобы порядок и нравственность в жизни подменять порядком и нравственностью в литературе. Я против того, когда к нашей исконной потребности в торжестве правды над ложью, добра над злом пристраиваются люди, для которых эти святые понятия служат лишь камуфляжем их собствен-

ной некомпетентности, трусости и корыстолюбия.

XXVII съезд партии положил конец этому раздвоению. Мы, к счастью, вышли на путь наведения порядка и нравственности в самой жизни и понимаем теперь, насколько лучше, когда положительного героя рождает не только литература, но и сама жизнь, давая каждому человеку возможность стать положительным героем — честным, смелым, инициативным, всем своим устройством, всем хозяйственным и социальным механизмом стимулируя это его природное стремление. Процесс этот, как показывает анализ, долог, противоречив и мучителен. Но охотники бежать впереди прогресса, погонять драматургию и театр, поскорее рапортовать о результатах у нас уже есть.

Мы еще не в состоянии осмыслить во всем диапазоне то принципиально новое, что вносит в нашу литературную работу начатая в стране перестройка. Но правильно, вероятно, будет, как это сделано сегодня, прежде всего трезво и здраво оглядеть наше драматургическое хозяйство: что же мы тут такое понаделали, что зритель от нас бежит? И конечно, каждый честный писатель не по подсказке со стороны, а по внутреннему зову совести подумает, чем он может помочь процессу обновления, идущему в стране.

Но, поддерживая и отстаивая все лучшее, что будет рождать человек, поставленный в новые экономические условия, нам еще долго предстоит указывать обществу острым, ярким, а подчас и нестерпимо ярким лучом: вот ложь, вот абсурд, вот головоуятие и приспосабличество, вот невежество и наплевательское отношение к людям. Не всем нравилась вчера да и сегодня не всем по вкусу эта остропублицистическая, критическая направленность нашей драматургии. Ведь понадобилось вмешательство членов Политбюро, чтобы зритель увидел спектакли «Серебряная свадьба», «Диктатура совести», «Говори...». Но сколько так может продолжаться? Несомненно, что эпоха здравого смысла и гражданской смелости должна начаться не только в экономике, но стать нормой и для тех людей, кто конкретно и на местах руководит театром и литературой. Мы, драматурги, должны и сами решительнее освобождаться от полуправды, полусмелости, полудоистоты, хотя, что скрывать, внутренняя рождаемость, инерция мышления так владеют нами.

Писать становится труднее. На наших глазах резко меняется понятие остроты, конфликтности художественного произведения. Многие «производственные» конфликты, которые еще вчера владели нашим воображением, сегодня теряют свою жизненную основу, ушли или уходят в историю. Да и острота на уровне слов, поверхностная иллюстративность уже мало кого устраивает: смело сказать сегодня каждый умеет. Мне кажется, что актуальным, по-настоящему острым и современным произведением будет то, которое поведет нас вглубь: от факта к явлению, от явления к процессу со всеми сложностями, случайностями и закономерностями его хода, со всей его животворной противоречивостью. Ведь мало назвать черное черным, а белое белым, надо обеспечить обще-

ству такие гарантии, которые впрямь не позволяли бы смешения этих понятий. Нужно всерьез исследовать не только феномен добра, но и феномен зла, принимающего сегодня самые неожиданные личины, в том числе и облик добра.

И вот ведь какой парадокс: производственные конфликты, которым органами культуры и критикой уделялось столько внимания, стоило за них принять всерьез, исчезают, а нравственные, психологические, этические конфликты, стыдливо ютившиеся в последних разделах репертуарных планов, не только не остаются, но, как оказалось, становятся главным тормозом на пути ускорения. В чем же дело? Давайте подумаем: не было ли в репертуарной политике перекоса? Не вводили ли мы друг друга в заблуждение относительно главной цели драматургии? Не было ли в деятельности органов культуры и у части критики недооценки «человеческого фактора»? Странно звучит: литературный критик, недооценивающий человеческий фактор, то есть пренебрегающий душевными нуждами человека. Но такие критики у нас есть.

Вообще в понимании художественного воздействия литературы и театра на человека у нас царит полная эмпирика, вкусовщина и произвол. Мы лишь приблизительно, на глазок судим о том, что именно волнует сегодняшнего человека, а что оставляет равнодушным, что возвышает, а что унижает, что воспитывает, укрепляет его дух и веру, а что духовно разрушает. Попробуйте доказать иному критику, что отрицательный герой воспитывает, а трагический финал очищает и возвышает, — он скажет, что ты утратил чувство социального оптимизма.

Мы любим делать вид, что чтим и разделяем художественный принцип Чехова: чем меньше тенденции, тем сильнее воздействует. Но попробуй в своей пьесе пригнать тенденцию, и бдительный критик тут же укажет тебе, что у тебя нет четкой авторской позиции.

Ну что же, если мы не доверяем эстетической мудрости классиков и самим себе, давайте организуем социально-психологические исследования и посмотрим, с чем уходит наш зритель из зала, что уносит в душе, а что отторгает. Но разве и без того не ясно, что на театре пришла пора отказаться от оценки результатов по «валу» производственных конфликтов, положительных героев, готовых сентенций и счастливых концов.

Я думаю, что директивной драматургии приходит конец, что еще если мы хотим от драматургии действенности, она должна вернуться к своему естественному состоянию, стать подлинным человековедением. Мы должны перевести ее на ближние подступы к человеку, взяв в поле зрения не только его дела, но и его быт, душу, сознание. Нам нигде не уйти и ни за что не спрятаться от подробного и честного разговора на все касающиеся его жизни темы. Как это ни парадоксально звучит, социально-экономическое ускорение требует замедления художественного исследования, более глубокого и несуетного проникновения в духовный и душевный мир человека.

Перестройка выдвигает новый тип театраль-

ного зрителя — человека с реалистическим мышлением, с разбуженным чувством инициативы и ответственности, с новыми возможностями слышать, видеть и говорить. А главное — он знает вкус правды, с таким в поддавки уже не сыграешь. К нам придет хозяин невиданной техники и технологии, работающий с производительностью труда вдвое выше нынешней, в два раза лучше обеспеченный, с возросшим чувством самосознания и достоинства. Он потребует от нас серьезного и глубокого общения. Готовы ли мы сегодня к такому общению? Нет, не готовы. Не потому ли и бежит от нас зритель, что он уже сегодня умнее наших пьес? Мы все еще просеиваем через редакционное сито: положительный герой, отрицательный герой, крупная тема, мелкая тема. Все, что касается человека, в конечном счете оказывается крупным, требующим глубокого и непредвзятого рассмотрения. Мы много раз отмахивались от «мелочей», пока эти мелочи не переросли в крупные социальные проблемы. Я глубоко убежден (а практика литературы это доказывает), что то, о чем считает нужным говорить писатель, в этом и нуждаются и люди, читатели. Ни в одном служебном кабинете невозможно определить необходимую сегодня тему и способ ее воплощения в художественное произведение. Они рождаются только в душе писателя, и только он вправе решать. Его чувству жизни, ощущению времени, знанию психологии людей, его художнической интуиции нужно оказывать сегодня как никогда большое доверие.

Наряду с пьесами масштабного, публицистического звучания должно развиваться при полной поддержке сверху (а снизу она есть) и то направление, которое выходит к социальным проблемам не напрямую, а опосредованно, через судьбу отдельного человека, группы людей, семьи. К таким пьесам за последнее время сложилось какое-то двусмысленное отношение: то ли они нужны, то ли не нужны и только вредят делу. Трудно даже представить, чтобы Союз писателей и Министерство культуры объявили конкурс на лучшую пьесу о семье (только не о лучшей семье, а на лучшую пьесу о семье), или бы выдвинули на соискание премии пьесу о любви, или организовали бы семинар драматургов, пишущих на нравственные темы.

Даже сегодня, когда мы уже знаем партийную оценку нравственной ситуации, сложившейся в нашем обществе за последние годы, мы все еще боимся признать, что именно пьесы Галина, Петрушевской, Гельмана, Разумовской, Славкина и других — вслед за Вампиловым — сигнализировали обществу об этой тревожной и опасной ситуации. Это были пьесы-предупреждения. В сознании некоторых людей они по-прежнему не умещаются. Из статьи в статью обрушивается на них известный всем критик Феликс Кузнецов. Не потрудившись задуматься над тем, почему эти пьесы имеют такой большой успех у зрителя, он облюбовал себе такой метод анализа: раз ты пишешь о мещанстве, значит, ты пропагандируешь мещанство, если ты вывел в пьесе пошлого, значит, ты и сам пошляк. Критик Марк Любомудров пошел дальше — он обвинил этих дра-

матургов в отрыве от жизни народа, в отсутствии чувства Родины. Партийная печать дала должную оценку этой статье. Я далек от того, чтобы брать под защиту пьесы поверхностные, малохудожественные, но о том, что сделано талантливо, надо судить более глубоко и добросовестно.

Желающих дать совет драматургу за последние годы резко возросло. Это и хорошо и плохо. Плохо потому, что некоторые вопросы утонули в трясине слов, просто заболтаны — например, вопрос о положительном герое. Иногда просто хочется крикнуть: прекратите суесться и шуметь, дайте спокойно поработать! Но вот уже и драматурги стали поучать друг друга, как писать и о чем писать. Конечно, профессиональный совет нужен, мы и собираемся для этого время от времени на творческие семинары. Бывал на них и драматург Евгений Чебалин, но там он почему-то отмалчивался. А тут взял и выступил в «Огоньке» со злобной, просто неприличной по тону статьей, поливая грязью своих коллег-драматургов. Газета «Советская культура» указала Чебалину на неуместность такого тона и посоветовала повзыскательнее отнестись к своим собственным произведениям. Казалось бы, после этой заметки надо помолчать, задуматься. Но Чебалин все свое недоброе, неуважительное отношение к труду товарищей вынес на трибуну съезда писателей России. И пяти минут ему не дали пробыть на трибуне — зал очень чутко уловил, с какого рода критикой он имеет дело, и заставил оратора сесть на место. Но этим людям не мешает. То устно, то печатно они пытаются посеять среди нас групповщину, противопоставить одних драматургов другим. Пытаются вызвать вражду между драматургами периферии и драматургами столицы. Хотят поссорить писателей-горожан с теми, кто пишет о деревне. Пытаются противопоставить тех, кто имеет русские национальные корни, тем, кто не имеет русских национальных корней. Любомудров именно по этому принципу призывает создать, как он выражается, «контрдраматургию». И верит в успех. Что на это можно ответить? Чистопородность — дело хорошее в разведении собак и лошадей. Когда же речь идет о людях, то, как показала история, идея эта успеха не имеет. Печально, что именно этот человек, поставивший себя в оппозицию театральной общественности Ленинграда, представляет наш город и в художественном совете Министерства культуры СССР, и в секции критики и драматургии Союза писателей СССР.

Работа нам действительно предстоит трудная, многолетняя, увлекательная, но, думаю, совсем в другом направлении, нежели планирует Любомудров. Нам предстоит собрать и поддержать все яркое, все талантливое, что есть в драматургии, приблизить ее к человеку, заботиться о тематическом и жанровом разнообразии наших пьес, а серости и бескультурью в нашем деле vzdать то, что они заслуживают. (А п л о д ы с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Александру Исааковичу Гельману.

А. ГЕЛЬМАН. Я хочу внести несколько кон-

кретных предложений, но для того, чтобы было ясно, почему я вношу такие предложения, придется хотя бы вкратце сказать о том, как я в целом понимаю нынешнее положение.

Я наблюдаю три типа людей в зависимости от отношения к перестройке, которая происходит, началась в стране.

Первый — это те, которым в прежних условиях было хорошо, они предпочли бы, чтобы все продолжалось, как было. Это естественно.

Второй и третий типы — это люди, которые были прежде недовольны, и порой это недовольство в границах безопасности обнаруживали, высказывали, они хотели, ждали перемен, но представляли себе перемены неодинаково, совсем неодинаково.

Одни мечтали о перестройке, усиливающей демократические начала нашей жизни. Другие хотели усиления администрирования, жестких начал.

Перестройка началась. А началась она еще до апрельского Пленума — уже на траурном митинге, когда хоронили К. У. Черненко, были сказаны М. С. Горбачевым две фразы, предвещавшие перемены. Характер перемены быстро прояснялся, стало ясно, что они будут происходить с наклоном в сторону демократизации. Поэтому те, кто ожидал большего администрирования, большей и недвусмысленной жесткости, теперь неудовлетворены. И некоторые из этих людей не скрывают своего недовольства. Вероятно, и Анатолий Иванов, который во время недавней встречи с М. С. Горбачевым заявил, что сегодня очень не хватает литературе постановлений ЦК типа известного постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград», относится к наиболее смелым, решительным людям этого типа.

Я говорю это без всякой иронии. Несмотря на то что я придерживаюсь твердых демократических воззрений, я не фанатик демократизма, я могу понять людей, которые думают иначе, чем я. Я могу понять, почему они думают так, как они думают, какие жизненные и исторические события и обстоятельства содействовали развитию у них такого мышления. И я против того, чтобы люди осуждались за открытое высказывание своих воззрений, какими бы они ни были. И теперь я скажу, может быть, самое главное из того, что хочу сказать. Эти люди третьего типа (условно назовем их так), они думают, что на апрельском Пленуме был выбор, что возможен был и другой путь, более близкий им и, как они полагают, более правильный, более эффективный, но дело в том, что выбора не было. Выбора не было и нет, и вряд ли появится возможность такого выбора в обозримом будущем. Потому что те силы, которые сегодня, в эпоху НТР, надо ввести в действие, возбудить в обществе для того, чтобы выйти из прорыва, чтобы идея ускорения стала реальностью, это совсем другие силы, чем те, которые нужно было вводить в 30-е годы. Это не физические силы народа, это не готовность людей к сверхнагрузкам, это не готовность переносить любые невзгоды — это силы творческие. А творческие силы, их природа такова, что они от жесткого администрирования, от страха, которым такое администрирование не может не

сопровождаться, вянут, гаснут, омертвляются.

В 30-е годы был выбор — можно было идти и по тому пути, по которому мы пошли, можно было, вероятно, и по другому, более демократическому. Жесткий путь в те годы мог дать и дал определенные положительные результаты. Я не люблю поговорку «победителей не судят», но не могу не признать, что жесткие и даже жестокие методы управления в те годы привели к значительным экономическим успехам, они увенчались великой победой над фашизмом.

Но сегодня этот путь закрыт для нас, сегодня выбора нет. Я могу понять людей, у которых запечатлелись победы тридцатых годов, для которых незабываема победа над фашизмом и которые искренне думают, считают, что если повторить сегодня оправданные в 30-е годы методы управления, повторятся и их результаты. Увы, это не так, это неправда, это выводы чувств и воспоминаний, а не реалистического анализа. Сегодня только творчество — техническое, духовное, организационное — способно решить те задачи, которые поставила перед нами жизнь. Притом требуются творческие усилия не отдельных талантов, не только их усилия, а творческие усилия многих людей, всех способных к творчеству людей, требуется творческий потенциал всего народа. Поэтому даже если бы сегодня воскрес Иосиф Виссарионович, даже он, человек жесткий, жестокий, но не лишенный здравого смысла, даже он пришел бы к выводу, что иного пути, кроме развития демократизма, нет.

Я думаю, что одна из наших самых актуальных задач — разъяснить это положение, показывать, что оно объективно таково, убеждать и переубеждать тех, кто пока недостаточно глубоко это понимает.

Конечно, все может случиться — возможны еще какие-то непредвиденные обстоятельства, какие-то конвульсии в обратную сторону, но это будет недолговременно, так как там — тупик, и все равно придется снова вернуться к единственно результативному пути — демократизации. Другого пути нет.

В свете этих размышлений хочу внести несколько конкретных предложений, касающихся наших театральных дел и работы Союза писателей. Намеченный на театре эксперимент, о котором шла здесь речь, в части формирования репертуара, по вопросу предоставлять или не предоставлять театрам право самостоятельно решать, что ставить, что не ставить, какие пьесы, — в этой части, я считаю, экспериментировать совершенно нечего, тут все ясно. Ясно, что не надо ждать два года, надо прямо сейчас дать театрам всю репертуарную власть. Уже был многолетний эксперимент прежнего порядка, когда все права были у министерств, органов культуры, и который показал, что это плохо, очень плохо. Этот нынешний эксперимент я для себя определяю как пример творческого догматизма, когда есть видимость творчества, мысли живой, но поставлено это все на фундамент догмы и цель тут одна — потянуть с решением вопроса, а там, глядишь, может, и вовсе можно будет его не решать, вернуться к прежнему. А прежнее — это десятки пьес, которые задержива-

лись органами культуры на пути к сцене на месяцы и годы, а некоторые пьесы до сих пор полностью или частично запрещены, в том числе и пьесы уже ушедших от нас писателей — Булгакова, Платонова, Эрдмана. Фактически среди этих пьес не было ни одной, которая могла бы быть названа антисоветской, они запрещались, потом разрешались и стали известны всей стране, а некоторые и всему миру, и тогда спрашивается: в чем же был смысл этих запретов? А ни в чем. Это была пустая работа, бессмысленность, абсурд. Вся эта деятельность по бдительности ничего не дала и не могла дать ничего. Она только отняла массу творческого рабочего времени у драматургов, у режиссеров, которые пробивали эти пьесы. А ведь общество не имеет ничего более дорогого, чем рабочее время своих граждан. Общество, которое не дорожит рабочим временем, особенно рабочим временем талантливых, одаренных людей (я имею в виду не только писателей, но и ученых, изобретателей), это плохое общество, что-то в таком обществе плохо устроено.

Собственно, в чем смысл перестройки? От чего к чему мы должны двигаться? Мы должны идти от системы управления, которая имеет огромную свободу для произвола в оценивании людей и их деятельности к системе управления, лишенной этой свободы произвола, оценивающей людей, их труд на основании объективных критериев в условиях гласности.

Велик был произвол — хорошее можно было назвать плохим, плохое хорошим, посредственное великим, великое вовсе не замечать. Если план не выполнен, можно было его задним числом откорректировать в меньшую сторону и считать выполненным, даже перевыполненным. Можно было все, что угодно. В условиях такого произвола никакая экономика, никакая культура не может развиваться нормально, поступательно, прогрессивно.

Как же изъять этот произвол из нашей жизни? Путь только один — через перераспределение прав и обязанностей между разными структурами общества. Забрать у министерств и органов культуры репертуарные права и передать их театрам — вот это будет перестройка реальная, необратимая. Это сразу изменит характер взаимозависимостей в театральном деле. До тех пор пока не будут происходить такого рода перераспределения прав, — это не перестройка, это просто гибкий консерватизм, который в любой момент может снова стать не гибким, а жестким. Сегодня многие работники культуры стали мягче, лояльнее, либеральнее, прислушиваются, советуются — но это еще не перестройка, это тот же произвол, но его либеральная форма. Перестройка — это не управление степенью произвола, а устранение самой возможности его проявления. Для этого нужно у одних часть прав забрать и отдать другим. Тогда будет происходить что-то реальное.

Были разговоры о том, что, мол, если министерство не будет иметь права запрещать пьесы, оно утратит возможности для идейного влияния. Идеологическую работу надо вести идейными методами, как экономическую экономическими, а не администрированием. Идей-

но влиять — это влиять идеями, мыслями, своим моральным авторитетом, убедительными анализами, разборами, доказательствами, которые доказывают, а не приказывают. Если работники министерства имеют возражение против какой-то пьесы — приди на худсовет, докажи свою правоту. Там сидят умные люди, и они всегда поймут умные доводы, а если твои доводы недостаточно убедительны, сам прислушайся к людям. Не нужно путать право на идейное влияние, которого никто ни у кого отнять не может, с правами запрещать, заставлять.

Другое предложение. Областным городам нужны маленькие, на 100—150—200 мест театры. По несколько таких театров. Тогда театральная жизнь станет в городе интересной, разнообразной, спорной. Тогда было бы по 20—30 премьер в сезон, управления культуры просто физически было бы не под силу столько пьес и спектаклей мелочно опекают, контролировать. И это прекрасно. А то эти огромные здания областных театров, полупустые, — это же гробницы театрального искусства, театрального энтузиазма.

О работе Секретариата Союза писателей. Он должен работать гласно. Съезд должен постановить, что Секретариат Союза работает гласно. Чтобы была заранее известна повестка дня, день и час, чтобы заседания проходили в просторных помещениях, чтобы писатели могли приходить, смотреть, слушать. Это уже делается в Союзе кинематографистов. А то пьесу В. С. Розова «Кабанчик» обсуждали так секретно, будто речь шла не о пьесе, а о стратегических ракетах. Нужно взорвать тайность, секретность в творческих союзах, в учреждениях культуры. А просто масса тайной работы проводится. Создают как-то маленькие тайные мнения, кто хороший, кто плохой, кто наш, не наш, наполовину наш, на три четверти... Стыдно! В культуре не может быть секретов!

И последний вопрос. Я принимал участие в работе ряда съездов и писателей, и кинематографистов. Съезд идет четыре-пять дней, а вот выборы проводятся в какой-то пожарной спешке, за два-три часа. Я имею в виду длительность всей процедуры. Все делается быстро — не успеваешь разобраться в этих длинных списках кандидатов в члены правления, а уже кричат: быстрее, опаздываем, опаздываем! Это кошмар, а не выборы. Зачем такая спешка? Почему нельзя за день-два до голосования обсудить списки на партгруппе, раздать их делегатам, чтобы люди, как говорится, переночевали с этими списками, подумали, про кого-то что-то спросили, если человека не знают, чтобы голосование было максимально осознанным, убежденным, чтобы его результаты точно выражали волю делегатов съезда. Но вот сложилась такая практика. Зачем нам это? Я прошу присутствующего здесь работника ЦК обратить внимание на этот вопрос, это серьезный вопрос. Что за игры вполне серьезных людей? Они же прозрачно разгадываемы, понятно же, для чего это так заведено. Делегаты съезда должны потребовать изменения этого порядка, ведь они голосуют не только от своего имени, но и от имени всех писателей страны.

Как и бюрократизм, демократизм имеет свою процедурную культуру и логику. Демократии без внимания к процедурам нет и быть не может. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Аннаберды Агабаев. (Ашхабад).

А. АГАБАЕВ. Будь моя воля, я бы нынче заставил докладчиков — это, думаю, обязательно и случится — начинать свое слово с конца, с главного, с собственных соображений, где есть иногда мнимая, но чаще настоящая, серьезная дань времени, где есть «божий дух» — я бы так сказал, есть бодрящие признаки работы, мысли.

Что же касается конкретно сегодняшнего нашего доклада, он тоже не исключение, начало его тоже знакомо, хотя в целом есть там о чем поразмышлять и поспорить.

Ну вот, например, я бы поспорил, потому что уверен: нет «неполитической» пьесы, нет «публицистического» романа. Не следует путать и выдумывать несуществующие жанры. Светлана Алексиевич сделала прекрасную вещь. Но это — журналистика. Мне кажется, есть попытка иногда под вновь образуемыми терминами прикрыть сомнительные художественные достоинства однодневки. Вещи надо называть своими именами.

Далее. Меня покорило от слов в докладе: «политическая культура». Думаю, не следует идти с этим дальше, ибо можно привить вкус к образованию новых сочетаний типа: «культура убийства», «культура насилия» и т. д., ведь нынче сама антикультура, т. е. вандализм, позиция силы, возводится определенной стороной в ранг политики!..

Теперь немного о другом.

Почему, хотя, казалось бы, и в силу объективных причин, но все же вопреки здравому смыслу, мы вынуждены сосуществовать на местах с организационными несуразницами и парадоксами?

Я понимаю: сейчас здесь идет острый, откровенный разговор. Перво-наперво — о качестве нашей работы. О весомости, обстоятельности, прочности художественного слова в пору крутого перелома в жизни общества, в условиях перестройки всех параметров его базиса и надстройки.

И все же меня с этой высокой трибуны влечет сказать несколько слов об организационной стороне нашей жизни. Оттого, должно быть, что обостряет, укрупняет эти вопросы само нынешнее время.

Прошу прощения за нескромность, но, чтобы быть твердо уверенным в достоверности факта, в качестве примера я возьму себя.

Два десятка лет состою в рядах нашего Союза. Предложено читателю и показано с театральных подмостков почти столько же книг и пьес. Награжден различными премиями, в том числе Государственной — нашей республики.

И все же я, как и мои коллеги-сверстники да и писатели постарше, без всякого лукавства продолжаю считать: мы — люд «околотеатральный», мы народ «окололитературный».

Почему?

Что я имею в виду?

Судите сами: я и почти все мои коллеги уже

не первый десяток лет исправно по 41 часу в неделю несем службу, которая обеспечивает нас твердым окладом и уверенностью в завтрашнем дне. (А сейчас, в период ускорения, на службе доводится быть и того дольше!)

Когда же создают туркменские писатели свои пьесы, повести, поэмы? Когда же создается, сотворится современная советская туркменская литература?

Из 149 членов Союза писателей СССР, проживающих в Туркмении, на сегодня лишь трое отважились жить, как говорят, «на вольных хлебах». Один из них — член-корреспондент Академии наук. Другой — депутат Верховного Совета республики. У третьего жена — писатель. Есть и еще два драматурга — бывший председатель нашего Союза К. Курбансахатов и уважаемая всеми Тоушан Эснова. Но они обеспечены хорошей пенсией.

Вопрос этот непростой. Мы его ставили у себя на съезде.

Мы говорим, что труд писателя очень серьезное, ответственное, тяжелое и даже мучительное дело. Говорим, что писать надо ежедневно, самозабвенно, целеустремленно, упорно.

Наконец, мы говорим, что любой талант есть богатство, принадлежащее народу. Но получается, чтобы работал этот талант «на полную катушку», творил во всю красу и силу свою, ему надо сначала дожить хотя бы до пенсии или же быть сразу же избранным в высокие государственные органы.

Не слишком ли щедро бросаемся мы народным добром? Нет ли здесь непростительного расточительства? Нежелания увидеть те самые «производственные резервы»? Игнорирования того, за что с такой настоятельностью мы все ратуем сегодня?

У нас, например, уже давно никто не удивляется тому, что нередко в газетных и журнальных вырезках, представляющих автора произведения, бывает черным по белому написано: «Мол, такой-то в свободное от работы время занимается литературным творчеством!»

Очень мило после трудового дня покопаться в огороде. Полить цветочки, подстричь клумбы во дворе. Это замечательное хобби, полезное для души и тела. Но нормальная душа и нормальный разум никак не хотят, не могут смириться с тем, что значительная, а может быть, и самая богатая, разнообразная часть многонациональной советской литературы сегодня находится на положении той же петрушки или редиса, которые выращиваются после рабочего дня на приусадебном участке. Почему же это дело второстепенное?

Так обстоят дела не только в Туркмении, но и во многих других краях, республиках и областях, которым никогда не сравниться с издательской, журнальной, газетной, театральной Москвой, Ленинградом или другими городами.

Один из организаторов пролетарской литературы, ее «горлан» и «главарь» В. В. Маяковский еще более полувека назад откровенно написал в Госиздат: «Считаю правильным предложить со мной постоянный генеральный договор».

И далее пояснял:

«Если бы ГИЗ заключил со мной общий договор и выдавал бы мне около тысячи рублей ежемесячно, можно было бы плановым изданием значительно повысить тираж, а мне дать возможность работать вне спешки, не теряя время на разную договорную волокиту» (Маяковский В. Собр. соч. в 13-ти тт., т. 13. М., 1961, с. 127).

Не могу утверждать, насколько приемлемо мне сегодня, но, помня весьма любопытное соображение, услышанное когда-то здесь, в Москве, о возможности содержания в штате крупных театров или министерств культуры республик драматургов на ставку, я сел и подсчитал: заработная плата одного такого драматурга за полтора года составила бы (из расчета 200 руб. в месяц) ровно столько, сколько стоит одна пьеса.

Уверен, что многие бы ее, эту пьесу, наверняка создали бы за этот период, а при нарушении заключенного ими договора вернули бы полученный аванс на общих основаниях.

Возможно, сейчас было бы нереальным суждение о представлении члену Союза писателей СССР творческого дня, в независимости от места его работы. Как и, наверное, сомнительна установка минимального оклада, стипендии определенному числу писателей, хотя отдельные примеры именно этого имеются в том же Союзе художников — в Худфонде.

И кто знает, как далеко то время, которое со всей серьезностью поставит перед нами для покаяния эти вопросы и Литературному Фонду придется пересматривать, насколько мудра его политика.

Но в данный момент, честно говоря, мне совершенно непонятно вот какое обстоятельство.

Не так давно, перед съездом, у обратился в Союз писателей СССР на имя Г. М. Маркова со следующим предложением. Учитывая, что писатель, особенно на периферии, из года в год начисто забывая о поправке здоровья, отдыхе, тратит свой трудовой отпуск на воплощение своих творческих замыслов, — рассмотреть совместно с ВЦСПС возможность предоставления ему права брать раз в году месячный творческий отпуск без сохранения заработной платы.

Ответ был по меньшей мере странен.

Во-первых, говорилось в письме, подписанном юрисконсульту Союза, очень большой процент писателей не является членами профсоюза. А во-вторых, если, мол, мы пробьем это дело, того же станут добиваться другие творческие союзы.

Ну ради бога, пусть добиваются! А еще б лучше — належь на такое крайне необходимое дело всем вместе и услышать тысячекратное наше спасибо!..

Никак не могу согласиться также и с утверждением по отношению членства в профсоюзе. Не знаю, как в Москве, но у нас, например, все 150 писателей являются членами профсоюза. И кроме того, насколько мне известно, ни одно издание или издательство, репертуарно-редакционная коллегия, театр, ВААП ныне не спрашивают, член ты профсоюза или нет, а просто удерживают с тебя положенные взносы...

Сейчас в театрах страны идет эксперимент, своеобразная репетиция перед реформой. Но реформа эта, как и эксперименты, думаю, были бы неполноценными без каких-либо серьезных изменений в условиях жизни, работы театрального писателя и наших литераторов вообще.

Потому мне и хочется забить тревогу: годы неумолимы. Таланты неповторимы. Но они у нас в стране на многих широтах крепко связаны по рукам нехваткой времени. Времени творить. Времени ломать общественное сознание, утверждать новый дух. Никто не подсчитает, как много теряют на этом наша культура и все наше общество в целом. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово для выступления имеет Токтоболот Абдумомунов (Фрунзе).

Т. АБДУМОМУНОВ. У нас в Киргизии работает небольшой, но, на мой взгляд, очень интересный отряд драматургов, в который входят такие одаренные литераторы, как М. Байджиев, Б. Джакиев, Дж. Садыков, Байтемиров, Гапаров, М. Тойбаев, Б. Омуралиев, А. Дийканбаев, и другие. У них есть и свои несомненные успехи, есть и свои проблемы, о которых состоялся откровенный разговор на недавно прошедшем съезде писателей Киргизии.

И среди них есть одна, о которой мне хотелось бы сказать. Это — отсутствие молодой смены драматургов. Определенная работа с творческой молодежью у нас проводится: проходят пленумы, совещания, семинары, посвященные этому важнейшему вопросу. Конечно, они тоже нужны, но будем искренни: желаемого результата они пока не дают. Объясняется это просто. Мы очень много говорим красивых слов об обязанностях и задачах молодежи, на скорую руку анализируем их произведения, страстно призываем друг друга постоянно и на должном уровне оказывать действенную помощь нашей славной творческой молодежи. Думается, пора перестать «кормить» молодых драматургов высокими, красивыми словами. Необходимо оказывать им непосредственно практическую помощь. Их надо воспитывать в самих творческих коллективах, т. е. в театрах, в процессе работы над их произведениями.

Известно, что приход в театр каждого молодого драматурга должен быть радостью для театра, для нас всех и для самого автора. Ибо с приходом молодого таланта происходит обновление в драматическом мире, в мире театра, он вносит свежую струю в наш поэтический мир. Но, к сожалению, театры неохотно берут пьесы молодых драматургов; боятся, как бы чего не вышло. Но если и находится смелый, решительный коллектив, не боящийся риска, то ему мешает другая сила — сила извне.

У нас есть замечательный прозаик К. Акматов. В одно время он написал талантливую пьесу «Айланпа». Надо сказать, К. Акматов обладает прекрасным драматургическим даром и драматургическим видением. Коллектив Киргизского академического театра драмы с ним много и заинтересованно работал. И если бы пьеса вовремя увидела свет, то это, безусловно, вдохновило бы автора на дальнейшую работу в жанре драматургии. Но, к великому

нашему сожалению, пьеса «Айланпа» не увидела свет. Не по вине автора, режиссера или актеров. Здесь сыграло свою роковую роль несправедливое отношение к автору пьесы со стороны отдельных ответственных лиц.

Собрание нашей партийной организации и наш съезд дали суровую, но справедливую оценку ошибкам, допущенным бывшим руководителем Правления Союза писателей. Гонения честных литераторов, несправедливость в оценке их произведений, месть за критику, использование служебного положения в корыстных целях, пренебрежительное отношение к судьбам молодых литераторов, в т. ч. и молодых драматургов — всему этому уродливому явлению, мне думается, больше не будет аналога в нашем Союзе.

Партия, являясь нашим гарантом, помогает нам восстанавливать справедливость. Скоро будет начата работа над пьесой К. Акматова «Айланпа». Кроме того, с автором заключен договор на новую пьесу. Поставлена пьеса известного киргизского драматурга М. Байджиева «Поезд дальнего следования», которой в течение многих лет не давали ходу только потому, что он, будучи решительным человеком посмел в свое время покритиковать бывшего первого секретаря Союза. В общем, делается много хорошего, в т. ч. решаются кадровые вопросы. К нам, руководителям, как вы знаете, пришел Ч. Айтматов, человек твердого партийного принципа, огромного авторитета и высокой нравственной чистоты, человек, который оказывал и продолжает оказывать огромное влияние на весь ход развития нашей литературы.

Все это создает хорошую творческую атмосферу для всех нас, в особенности для молодых талантов. Но при этом мы не должны забывать, что есть люди, которых во все времена трудно было сразу распознать. Как только менялись обстоятельства, тут же менялись и они. Это заметно и сегодня. Вчерашние подхалимы, халтурщики, бюрократы уже приспособляются, прибегают ко всякого рода ухищрениям. Они первыми бросаются к трибунам, во все горло кричат о всемерной поддержке политики нашей партии, выражают радость по поводу наступивших перемен, без всякого стыда критикуют недостатки и ошибки, появлению которых сами способствовали, и призывают, конечно, к честности и искренности.

Вместе с тем они ищут и другие лазейки, чтобы войти в доверие того или иного влиятельного человека, чтобы надежно устроиться под его крылом так же тепло и уютно, как прежде. Среди них есть и такие, кто в свое время незаслуженно красовался на пьедесталах почета, а теперь выдают себя за невинно пострадавших и выступают, естественно, за стойких борцов справедливости. Этих людей немного, но они чрезвычайно опасны, потому что способны на всякие низости ради достижения своей низменной цели. Мы должны постоянно вести борьбу против этого зла и всячески беречь наших молодых драматургов от ее дурного влияния.

У нас интересно начали работать такие молодые драматурги, как М. Мамбетанкунов, Дж. Кулмамбетов, Ш. Шаршеев, М. Токто-

баев и другие. Недавно в Иссык-кульском областном театре драмы с успехом прошла премьера комедии «Невеста», автором которой является известная поэтесса и прозаик З. Соронбаева. Кроме них, есть и другие молодые литераторы, пробующие свои силы в самом труднейшем жанре литературы, в том числе, конечно, и наши драматурги. Мы должны сосредоточить свое внимание именно на них, оказывать им всяческую моральную и материальную помощь, создавать им нормальные творческие условия и снять всякие преграды, которые стояли раньше перед драматургами старшего поколения.

Мы должны воспитывать молодежь на примере действительно талантливых, кристально честных и принципиальных литераторов, умеющих беречь свое человеческое достоинство и писательскую совесть, воспитывать молодых не ждидвенцами, а самостоятельными тружениками, ясно сознающими личную ответственность и знающими, что только честный путь, путь сложный и мучительный, называемый писательским трудом, может привести писателя к истинному успеху и признанию.

Мы должны учить их смотреть на литературу очень серьезно и ответственно, смотреть на нее не как на забаву, а как на самый сложный и труднейший род человеческой деятельности, результат которого призван стать достоянием народа и служить ему.

Конечно, за воспитание молодой смены основную тяжесть должна нести республиканская писательская организация. В то же время Совет по драматургии Союза писателей СССР, пользующийся огромным авторитетом и располагающий большими возможностями, не должен стоять в стороне, а тоже нести ответственность за воспитание молодых драматургов из союзных республик. У нас долгое время существовала тесная, настоящая творческая связь с ним. Он никогда не забывал нас, постоянно интересовался нашей творческой жизнью на местах. Он помогал нам во всем — в переводе наших пьес на русский язык и в их издании в центральных издательствах. Проводились тогда специальные пленумы, конференции и совещания, посвященные насущным проблемам нашей многонациональной драматургии. Мы ощущали себя тогда неотторжимой частью большого, дружного и боеспособного отряда советских драматургов. Спасибо за это нашему прекрасному заботливому другу Афанасию Дмитриевичу Салынскому, который всегда заботился о национальных драматургах. Но в последнее время наша связь ослабла.

Думаю, что наш Совет обязательно возродит добрую традицию — тесную связь с местными драматургами, в особенности с молодыми, которые нуждаются в квалифицированной и действенной помощи.

У нас была хорошая связь и с московскими журналами, в частности, с журналом «Театр». Он охотно печатал лучшие пьесы местных драматургов. Но в последнее время он мало стал уделять внимания произведениям драматургов из национальных республик. Нам непонятно, почему интересная пьеса М. Байджиева «Поезд дальнего следования» уже третий

год лежит без движения в редакции журнала «Театр». Я верю, что редколлегия журнала доброжелательно отнесется к судьбе этого произведения.

Мы давно ведем разговор о создании в Москве театра «Дружбы народов». Положительное решение этого вопроса затягивается. Мы поддерживаем и предложение о превращении альманаха «Современная драматургия» в журнал.

Хотелось бы обратиться к Министерству культуры БССР, чтобы оно обратило внимание на наших молодых драматургов. Пока в этом помощь не ощущается.

Наша молодая смена растет, и мы, старшее и среднее поколение, Совет по драматургии, все время должны выступать за молодых драматургов, ведь молодая драматургия — это наше завтра! (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Алексею Николаевичу Казанцеву.

А. КАЗАНЦЕВ. Вот я смотрю на пустой зал... С одной стороны, понятно, люди разошлись: очень уж долго мы тут сидели, с другой стороны — почему вот собираются наши старшие товарищи и представители среднего поколения поговорить о проблемах, стоящих перед драматургией, перед Союзом писателей, и никто не приглашает молодых драматургов. А зал и вначале полупустой. Это вызывает удивление. Это к вопросу о демократизме. Где учиться, где слушать, где впитывать опыт прошлого и настоящего, если не здесь.

Мне бы хотелось сказать вот о чем. Почему мы действительно так много говорим об организационных вопросах и так мало о творчестве. Я думаю о том, как действительно много в стране талантливых, умных людей, которые удивительно хорошо говорят, удивительно хорошо работают. Вообще вижу людей замечательных. Я слушаю этих замечательных людей — одного, другого, третьего (из года в год) и думаю: а почему воз и ныне там? И становится не по себе.

Наша страна действительно переживает период исторический, когда есть попытка сделать так, чтобы страна стала жить в условиях большей доброжелательности, открытости друг к другу... Но печальный момент заключается в том, что не нужен этот демократизм многим, многие не понимают, что с ним делать, как быть. И невольно вспоминаешь, что крепостное право в России отменено в 1861 году. Всего лишь 125 лет назад было у нас рабство. Может быть, корни эти играют здесь роль: отпускают людей на волю, а они не знают, что с ней делать. И говорят: возьмите нас обратно.

Здесь уже говорили, что история дала нам два раза шанс. И если этот шанс не будет использован, последствия будут страшны.

Гельман говорил сейчас, что решения XXVII съезда будут выполнены, потому что обратного, иного пути у нас нет.

Мы должны использовать этот шанс, иначе молодое поколение не будет нам верить. Многие из них уже сейчас не верят ни в бога ни в черта! Но они очень внимательно наблюдают за нами. У них много цинизма, скептицизма,

нередко они занимают выжидательную позицию. Я стал чувствовать, как смотрит на меня мой сын. Молодые уже думают: как ты будешь врать дальше? Как ты теперь вывернешься?

Я вспоминаю, на чем я воспитывался. Вообще — мое поколение. Я родился в 1945 году. Я наблюдал похороны Сталина из окошка своего дома. А потом... Мы слышали бесконечные рассказы о том, как уничтожали талантливых людей в 30-х годах... А позже уже я сам видел, как топтали талантливых людей... Ефремов и его «Современник», Володин, Вампилов, Розов с некоторыми его пьесами... Будь это Мальцев в сельском хозяйстве, Илизаров в медицине... А последствия — одни и те же. Мы воспитывались на том, как их пытались уничтожить. И рано или поздно спрашиваешь себя: и это законы социализма? Об этом мечтали лучшие умы человечества? Это так должно жить наше государство? Я с этим не согласен. Это все извращение ленинских идей, идей настоящего демократического, извращение ленинского стиля руководства... И те тенденции, что развиваются сегодня, — это счастье для нашей страны, для наших людей.

Мне кажется, что в обществе идет поиск рычагов, законов управления... Порой хочется что-то переменить, а рычагов нет, не устроены они пока. Поэтому на некоторые оптимистические заявления есть у меня определенные сомнения. Например, о запрете в провинциальных театрах залитованных пьес. В Москве они идут, их хвалят, пресса обсуждает... Тут говорилось, что теперь лит будет действителен на всю страну. Это хорошо. Но что изменится практически? Лит и десять лет назад был как бы «на всю страну»! Как можно наказать работника обкома партии, управления культуры, который говорит: «Правда» хвалила, а нам «Правда» — не указ!» — или (о пьесе): «Ты к нам с этой московской антисоветчиной не подходи!» Как бороться с этими людьми? Они разлагают не только театр, они разлагают общество! Очевидное беззаконие! И тут, мне кажется, Союзу писателей без каких-то серьезных кардинальных решений в этом вопросе не обойтись. Если запрещается залитованная пьеса, тот или иной руководитель должен знать, что он будет отвечать за это... Сколько у нас идеологий? Московская, куйбышевская, вологодская?.. Идеология одна, лит один. Это проблема политическая. Дело тут в беззаконии и ненаказуемости.

И еще вопрос — о продаже пьес за рубеж. Попросят продать пьесу, ВААП готов уступить пьесу, но «некто» не советует ее продавать. Через два-три года все равно продадут. Только бессмысленно тянется время. А потом какой-нибудь господин говорит: да знаем мы, что у вас делается в стране. Почему мы должны это выслушивать, расплачиваясь за чью-то некомпетентность? Я уверен: наша драматургия сейчас очень сильна. Такого количества интересных драматургов нет нигде в мире. Интерес к нашей драматургии за рубежом очень велик. Советские пьесы часто ставятся за рубежом, могли бы ставиться еще больше, но их не допускают... Большой вред наносится этим. И хотелось бы сказать о том, что запретительная деятельность у нас ненаказуема

и нет рычагов, чтобы этого «запретителя» призвать к ответу. Мне хочется выразить надежду, что положение изменится.

На меня произвело чудовищное впечатление, что один из писателей на встрече с М. С. Горбачевым сказал о необходимости сейчас вот таких постановлений, как в свое время о журналах «Звезда» и «Ленинград». У меня лежит дома это постановление. Я его перечитываю время от времени. Как находятся такие люди? Хотя бы светлая память об Ахматовой остановила бы от подобных высказываний... Думаю, нам надо быть более внимательными и, наверное, более бесстрашными, чем мы были раньше. Спасибо. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Альбертас Лауринчукас. (Вильнюс).

А. ЛАУРИНЧУКАС. Треугольник «драматург — театр — зритель» стар, как и сам театр. Сегодня здесь собралась лишь часть этого вечного треугольника, но мы, драматурги, имеем полное право говорить о театре в широком смысле, ибо этого требует: жизнь, этого требует осознанная нами самими ответственность.

Принято утверждать, что фонд культуры человечества пополняют лишь произведения, выдержавшие испытания безжалостным временем. Это, разумеется, правда, но правда и в следующем: то, что не обновляет, устаревает. Сопоставимы ли эти два утверждения? Не противоречат ли они друг другу? Здесь хотелось бы прибегнуть к помощи реальной жизни. Мы сегодня переживаем дни революционного обновления. Решающее значение будет иметь перестройка в мышлении людей. Кто же станет отрицать, что целенаправленная деятельность человека начинается с мышления?

Я намеревался говорить с этой трибуны о том, что волнует драматургов, однако буду говорить о том, что волнует всех людей, ибо, если драматургию волнует не то, что волнует людей, значит, драматург живет или отгородившись от людей, или — выше людей. И в первом, и во втором случае это не подлежит оправданию.

На этот съезд я ехал поездом, и мое место в купе было верхним. Следовательно, у меня, драматурга, было более высокое положение по сравнению с другими пассажирами, которые ночью отдыхали на нижних полках. Когда я вышел из вагона, то почувствовал угрызения совести. Не потому, что лежал на верхней полке, — такой билет мне вручила кассир, а потому, что... ну ладно, расскажу обо всем по порядку.

В купе мы ехали вчетвером. Выпив ароматного чаю, какой можно получить только в поездах, мы отогрелись, и возникло желание обменяться мыслями. Оказалось, что у двоих пассажиров есть коллективные сады, третий — заядлый рыбак, поэтому у них не остается времени для других удовольствий жизни. Один садовод пожаловался другому, что в его саду стали желтеть листья крыжовника. Он пытался опрыскивать их химикатами, но не помогло.

— Были у меня схожие беды, — вставил второй садовод. — Начал чахнуть куст черной смородины. Тогда я зарыл в землю под его

корнями буханку хлеба. Куст ожил. Разумеется, хлеб я аккуратно нарезал ломтиками.

— Закапывать хлеб в землю? — удивился первый. — У меня бы рука дрогнула...

На этом разговор о занемогшем кусте крыжовника иссяк. В действительности же это был разговор не о кусте крыжовника, а о хлебе. Я смотрел в глаза человеку, который зарыл в землю хлеб и советовал так поступить другому. И убедился, что он не понял, почему пассажир, сидевший напротив, сказал: «У меня бы рука дрогнула...»

Каждый из нас нашел повод, чтобы не встречать в разговор: кто читал газету, кто вышел из купе, а я молча начал готовиться ко сну.

Лишь выйдя из вагона на московском перроне, я понял: меня еще долго будет мучить совесть, из-за того что вчера в купе промолчал, что вслух не высказал свое мнение о могильщике хлеба, вместе с которым довелось ехать. Лежа в купе на полтора метра выше незнакомого попутчика, я думал о том, что должен сказать с трибуны съезда писателей, но промолчал, услышав страшную живую драму наших дней — человек лопатой зарывает в землю хлеб и советует поступать таким же образом и другим. Могильщик хлеба был аккуратно одет, возле него лежал пузатый портфель; попивая чай, он расхваливал свою жену и сына-студента. Какие ветры дуют у него в голове, мы уже знали, но что хранилось у него в портфеле, теперь не скажет никто — возможно, докторская диссертация, возможно, методические советы по воспитанию молодежи, а может быть, отчет об осуществлении перестройки в свете сегодняшних требований.

Я смотрел на этот его портфель и молчал. Почему молчал? Очевидно, не хотел оскорблять незнакомого человека и испортить всем настроение, боялся быть нетактичным и невежливым. Не отражает ли в некоторой степени этот мой поступок эпоху, в которой мы недавно жили? Разве мы, драматурги, не молчали, когда следовало кричать? Знали, что заводы производят брак, а хвалили пьесы, написанные о героизме рабочих за станком. У всех на глазах происходила коррупция, а премии получали только те спектакли, в которых была показана честность советских людей. Мы видели эпидемию неприятной хвастливости и еще более неприятного восхваления, однако писали пьесы о надуманных героях.

Разумеется, так делали не все. Однако кто станет отрицать, что были драматурги, писавшие и успешно сбывавшие министерствам конъюнктурные пьесы? С другой стороны, я мог бы назвать фамилии драматургов, отказавшихся служить фальшивой, отлакированной музе. Однако в этом нет никакой необходимости, ибо они были названы в отчетном докладе тов. Боровика. Благодаря этим людям в театрах нашей необъятной социалистической Родины было поставлено много ценных высокохудожественных пьес, реалистически отражающих жизнь.

У театра две ярко выраженные функции —

созидать и разрушать. Созидать прогрессивное, позитивное, гуманное. Разрушать то, что мешает жизни идти вперед, препятствует прогрессу, совершенствованию. Эти две древние, как и сам театр, общественные функции более, чем когда-либо в прошлом, актуальны в нашей стране сегодня, когда происходят переоценка старых ценностей, возврат к ленинским нормам жизни, когда прилагаются все усилия, чтобы утвердить в международных отношениях новое мышление в решении межгосударственных проблем.

Говорят, что человеку в беседе с человеком легче решить волнующие их проблемы. Техника, средства связи XX века предоставляют дополнительные возможности для встречи людей. Увы, количество проблем, раздражающих нашу планету, не уменьшается, а интерес к тому, что происходит на планете, постоянно растет. Мы подчас не знаем, что нового у соседей по лестничной клетке, однако внимательно следим за событиями и знаем, что произошло далеко от нас в Центральной Америке, на Африканском континенте, у берегов Персидского залива. Это не случайное явление: все знают, что войне неведомы расстояния, что в атомной войне победителей не будет и исход ее будет трагическим. Научно-технический прогресс XX века породил глобальные проблемы, каких не знало прежде человечество.

Мы, драматурги, пишущие на эти темы, сегодня должны чувствовать гораздо большую ответственность. Если лозунгами невозможно решить ни одну международную проблему, то написанная лозунгами пьеса не оказывает воздействия ни на одного зрителя. Новое мышление должно утвердиться всюду, в том числе и за столом драматурга.

Страшно, когда человек зарывает под ягодным кустом хлеб. Это циничное надругательство над тем, что испокон веков было для человека самым святым. Еще страшнее, что человек зарывается в землю, а сейчас уже администрация США собирается вывести в космос ядерное оружие с тем, чтобы уничтожить и хлеб, и самого человека. Вот почему мы, драматурги, не имеем и никогда не будем иметь морального права молчать. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Заседание нашей секции VIII съезда писателей закончено, выступило 22 человека. Есть желающие выступить?

(С места: «Почему, когда начались самые интересные выступления, заместитель министра и многие ответственные товарищи ушли из зала?»)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Евгений Владимирович сказал, что он должен быть в Совете Министров. Он сказал, что обязательно познакомится со стенограммой.

Спасибо большое за вашу работу. До свидания.

Заседания комиссии по детской и юношеской литературе

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ

Руководитель С. В. Михалков

Председательствует С. В. МИХАЛКОВ

С. МИХАЛКОВ. Дорогие друзья!

Мы часто вспоминаем о том, что на Первом всесоюзном съезде писателей первое слово после доклада Алексея Максимовича Горького было предоставлено детской и юношеской литературе. Это конечно же было свидетельством огромного внимания к тем, кто пером своим служит подрастающей смене. А ныне целая комиссия съезда в течение всего дня будет обсуждать проблемы литературы, адресованной молодому поколению. Мы услышим четыре доклада, выступления делегатов из всех братских республик. То, что будет сказано в этом зале — от слова до слова, от строки до строки! — войдет в отчет VIII Всесоюзного писательского форума и будет опубликовано в stenографическом отчете. Право же, во всем этом — верность горьковским традициям и их достойное продолжение!

И вот о чем я сейчас размышляю... С. Я. Маршак был выдающимся переводчиком, замечательным драматургом, бесстрашным сатириком. Но когда его спрашивали, какому виду литературы он служит, Самуил Яковлевич, не задумываясь, отвечал: «Я — детский поэт!» Он гордился этим званием. Он считал, что выше этого звания ничего в литературе быть не может! Хотя и тогда, поверьте, появлялись крайне неуважительные статьи о детской и юношеской литературе (иначе зачем бы М. Горькому понадобилось защищать С. Маршака, выступать со статьёй о человеке, «уши которого заткнуты ватой!»). И тогда были люди, сомневающиеся в необходимости существования литературы, обращенной к юным читателям. И вопиющие несправедливости совершались (вспомним гонения, которым кощунственно подвергались некоторые повести Аркадия Гайдара, стихи Чуковского и творчество Л. Кассиля!). Однако и Гайдар, и Кассиль гордились своей принадлежностью к тем, кто, «прикинув шизью» детскими писателями, разстил «краснозвездную гвардию». Трудности, сложности, непонимание, проявлявшееся иними редакторами, критиками, литературоведами, обиды на недостаточное внимание — все это было и раньше. И количество издаваемых книг было гораздо меньшим (а уж переизданий тем более!). Мы и не мечтали увидеть свои произведения в «Библиотеке мировой литературы» и в других столь же почетных книжных сериях, издающихся ныне!

Но не тускнела от этого гордость, которую испытывали те, кто понимал: нет ничего важ-

нее воспитания словом детей, подростков, молодежи!

Сейчас нередко приходится слышать о не-престижности звания «детский писатель». Тут требуется разъяснение... Тысячи читательских писем, невозможность купить хорошие книги для детей и подростков (несмотря на огромные тиражи!), многочисленные конференции в школах, читальных и библиотеках, издания наших книг за рубежом — все это неопровержимо свидетельствует: быть детским и юношеским писателем очень почетно, очень престижно! Я и сам, когда бываю за рубежом, когда меня спрашивают о моей профессии, говорю, что в первую очередь я писатель для детей, а потом уже все остальное.

Другое дело, что эту «престижность» недо-оценивают или вовсе не хотят признавать многие «толстые» журналы, уважаемые газеты, почитаемые литературоведы. Что ж, справедливость должна пойти в наступление и победить!

Это зависит, разумеется, и от нас с вами, и в том числе от работы сегодняшней комиссии съезда.

Часто вспоминают всесоюзные совещания по детской и юношеской литературе. Хорошее было дело! Хотя доклады, которые на них про-износились большими мастерами «взрослой» литературы, увы, не всегда были достаточно компетентными. Память, как говорится, не должна нам изменять! Целесообразно было бы в скором времени провести Всесоюзное совеща-ние, которое бы унаследовало все лучшее от тех давних творческих обсуждений и не по-вторяло бы их ошибок.

Да, всесоюзных совещаний очень давно не было... Но появились новые, не менее плодот-ворные формы, я бы сказал, интенсификации процесса развития литературы для юных чита-телей. Разве не содействуют укреплению брат-ства литератур Всесоюзные недели детской и юношеской книги, центром которых каждый год становится одна из союзных республик?

Разве Совет по детской и юношеской лите-ратуре Союза писателей СССР не проводит очень интересные и важные творческие дискус-сии в Москве и в союзных республиках?

Разве не полезны многочисленные семина-ры молодых литераторов — прозаиков, поэ-тов, драматургов, критиков?

Кстати, в талантливых и любимых читате-лями авторов выросли еще недавно молодые Сергей Иванов, Георгий Пряхин, Юрий По-

ляков (с его популярной повестью для юношества «ЧП районного масштаба»), который стал теперь у нас секретарем Правления Союза писателей России, Наталья Соломко с ее повестями о школе, Екатерина Маркова, Мзия Чхетиани (Грузия), Латиф Махмудов (Узбекистан), Агагельды Алланазаров (Туркменистан), Анатолий Костецкий (Украина), Захид Халил (Азербайджан), Марат Кабанбаев (Казахстан), Андрей Яхонтов, Леонид Нечаев из Калинин и многие другие.

Уверенно вступили на литературный путь очень даровитый Сергей Махотин и Сергей Ефремов из Ленинграда, Нина Пикулева из Челябинска, Марина Бородинская, Марина Москвина, Сергей Дорофеев, пишущие для самых маленьких читателей, Абусант Кучимов (Узбекистан), Ирина Галишвили (Грузия), Лида Кодрянка (Молдавия), Витаутас Рачицкас (Литва), Отгь Адред (Эстония). И этот перечень я мог бы продолжить.

За последние десятилетия более двадцати детских и юношеских писателей удостоены почетных дипломов Международного совета по детской и юношеской литературе и других международных наград. Десятки стали лауреатами Государственных премий и премий комсомола союзных и автономных республик.

Постоянно действуют всероссийские конкурсы на лучшую детскую книгу, проводимые Госкомиздатом РСФСР и Союзом писателей России.

Значит ли это, что в сфере того святого дела, которому мы с вами отдаем свои силы, свою жизнь, свое творчество, все обстоит благополучно?

Нет, не значит! Я убежден, что в докладах, которые мы сегодня услышим, будут вскрыты серьезнейшие недостатки, поставлены большие актуальные задачи. Мы, верные решениям исторического XXVII съезда партии, должны быть непримиримы ко всему, что не заслуживает «знака качества», что не соответствует требованиям борьбы за прогресс, что устарело и тянет нас назад.

Забота о молодых дарованиях и о писателях, уже заслуживших признание читателей, в равной степени должна быть для всех нас законом, должна осуществляться Союзом писателей повседневно, сердечно, результативно.

Мы обязаны добиваться, чтобы внимание критики, газет и журналов к творчеству детских и юношеских писателей соответствовало вниманию к их творчеству миллионов юных и взрослых читателей. Мы не ждем и не просим похвал, нам нужны честные, объективные, глубокие исследования, продиктованные любовью к детям и к литературе, искусству, которые им служат.

Итак, нерешенных проблем много... Давайте решать их сообща, как истинные друзья и единомышленники. «Я — детский поэт!» — с гордостью говорил С. Маршак. Мы — детские и юношеские писатели! Давайте произносить эти слова с такой же гордостью, произносить с достоинством и надеждой. (Аплодименты.)

Приступаем к докладам.

Мы должны договориться о регламенте. У нас доклады рассчитаны на 20—30 минут, выступления — на 10 минут, иначе я буду останавливать. Вчера съезд показал, что дисциплина соблюдается.

Первый доклад — «Проблемы детской и юношеской литературы восьмидесятых...» сделает Игорь Мотяшов, второй — «Литература и школа» — Анатолий Алексин, третий — «Гражданская позиция писателя» — Альберт Лиханов, четвертый — «О переводах детской литературы братских республик на русский язык» — Ирина Токмакова.

Слово для первого доклада «Проблемы детской и юношеской литературы восьмидесятых...» имеет Игорь Павлович Мотяшов.

И. МОТЯШОВ. Дорогие товарищи!

Среди отмеченных XXVII съездом КПСС неблагоприятных тенденций в социально-духовной сфере едва ли не самой опасной была нарастающая постепенно наша терпимость к отступлениям от норм общечеловеческой и коммунистической морали. С одной стороны, не было недостатка в призывах к моральной чистоте и нравственной бескомпромиссности; с другой — многие, уча окружающих праведной жизни, сами беззастенчиво нарушали социальную справедливость и своими каждодневными поступками фактически утверждали безнравственный образ жизни. Нетребовательные к себе, они теряли моральное право требовать с других, и это не могло не сказаться отрицательно на общем нравственном климате. Нравственные компромиссы сами поемному обрели статус моральной нормы. Даже в иных произведениях литературы стал проявляться своего рода двойной счет к персонажам. Забывая о неделимой нравственной сущности человека, авторы таких книг охотно прощали своим героям непорядочность, так сказать, «в малом»: в быту, в личных отношениях, пытаясь уверить читателя, что герои эти безупречны «по большому счету» — как работники, как граждане. Тут я должен сказать о том, что это относится главным образом к литературе для взрослых.

Но большая литература всегда знала, что человек, даже будучи хорош и плох одновременно, не может быть сразу и нравственным, и безнравственным. И если нравственный, совестливый человек мучительно переживает свои реальные и мнимые ошибки и грехи, страдает от несовершенства мира и своего собственного несовершенства, то бессовестный, безнравственный за собой никаких грехов не чувствует и если и способен страдать, то исключительно от своих личных обид и ущемлений.

К чести нашей литературы для детей и юношества надо сказать, что свою роль палаты нравственных мер и весов она выполняла в 70—80-е годы не менее добросовестно, чем в предыдущие десятилетия. Лучшие ее произведения своевременно и остро откликнулись на такие тревожащие тенденции в воспитании, как сознательное, а часто неосознанное культивирование в детях семей и школой узкопрагматического, приспособленческого сознания, иждивенческо-потребительских настроений и взглядов. В детских и юношеских кни-

гах самые талантливые и социально чуткие наши писатели поднимали многие из вопросов, поставленных в повестку дня апрельским (1985 г.) Пленумом Центрального Комитета и XXVII съездом Коммунистической партии Советского Союза.

В том, что у нас растут такие дети, как московская школьница Катя Лычева, такие юноши, как двадцатилетние украинские пожарники, первыми закрывшие собой ядерную «амбразуру» в Чернобыле, как юные воины-интернационалисты, совершающие подвиги высшей солдатской доблести в Афганистане, как молодые рабочие, колхозники, интеллигенты, достойно принимающие эстафету из рук старшего поколения, есть, несомненно, и доля заслуг детской и юношеской литературы. Борясь за чистоту жизни, за общество высокой нравственности, детские и юношеские писатели внесли существенный вклад в морально-психологическую подготовку курса, определенного XXVII съездом партии.

Но, как известно, все начинается с детства, не только хорошее. И взрослые люди, страдающие тяжким параличом нравственного сознания, анемией гражданского чувства, верткие приспособленцы — очковтиратели, демагоги-пустобрехи и заскорузлые чинуши, ради личного спокойствия повсюду наставившие силков и ловушек для творческой мысли и разумной инициативы, трусливые молчаливники и бесстрашно попирающие закон авантюристы, неумные приобретатели вещей, чинов и привилегий, в общем, все те, кто своей активностью или, наоборот, безучастием подрывает у окружающих веру в коммунистический идеал, в торжество социальной справедливости, — они ведь не такими рождаются. И казалось бы, кому, как не детским и юношеским писателям, не ограничиваться обличением этих негативных явлений, а докапываться до их первоначальных истоков, до корней, уходящих в глубины слон семейной, дедсадовской и школьной реальности, в рутинные методы воспитания и обучения, в педагогически несостоятельное отношение к детям как к бессловесному объекту приложения наших усилий, а не как к равным нам, а в «м-то и более важным, чем мы, хотя и еще не раскрывшимся полностью субъектам жизни. Кому, как не писателям, помогать народу рубить и выкорчевывать эти корни, морально развенчивать и преодолевать эту негодную практику?

К сожалению, «своеобразная психология: как бы улучшить дела, ничего не меняя», о которой говорилось в Политическом докладе съезду, затронула не только многих издательских работников, но и писателей, и критиков.

Заметно ослаб интерес многих писателей к современной теме, к жизни сегодняшней школы, пионерской организации, комсомола, семьи. Вне внимания литературы оказались целые пласты действительности, в частности, так называемые «неформальные объединения подростков» и другие явления, свидетельствующие об определенных кризисных тенденциях в пионерском движении и в школьном комсомоле. В результате, несмотря на появление в минувшем пятилетии значительных художественных произведений, в общем-то, темпера-

туру социального накала детской и юношеской литературы нельзя считать достаточной.

Проблема правды — центральная для искусства — имеет в детской и юношеской литературе свои специфические грани. Но и к детской (не говоря уже о юношеской) литературе полностью относимы слова Политического доклада о том, что «ответственный анализ прошлого расчищает путь в будущее, а полуправда, стыдливо обходящая острые углы, тормозит выработку реальной политики, мешает нашему движению вперед».

Дети и подростки чрезвычайно чутки и нетерпимы к любой фальши, неискренности, несправедливости и неправде. Если «взрослая» книга теряет убеждающую силу, когда из нее уходят образы детства и отрочества, то и книга детская, замкнутая в кругу сугубо ребячьих дел и переживаний, лишенная полнокровных и правдивых характеров взрослых, неинтересна юным читателям: они либо не принимают такую книгу всерьез, либо вовсе отворачиваются от нее.

Нет нужды еще раз напоминать о том, поистине великом воспитательном значении, какое имеет для юного сердца положительный герой — сверстник и взрослый. В последние годы писатели искали и находили этого героя главным образом среди участников революции, гражданской и Великой Отечественной войны. Необходимость новых поисков и достижений в этом направлении неоспорима. Хотелось бы лишь пожелать нашим авторам, пишущим на историко-революционную и военную тему, не довольствоваться, как это нередко бывает, беллетристичной внешней, фактической биографии героя, а идти в глубь образа, добиваться создания характеров большой художественной, эстетической, а стало быть, и нравственной силы.

Однако никакие успехи ни в реалистическом отображении прошлого, ни в аллегорическом жанре сказки не отменяют насущной потребности юного читателя в таком образе-примере, образе-наставнике, в котором запечатлелся бы характер нашего современника, человека, являющегося плотью от плоти окружающей читателя и оттого особо активно воздействующей на него действительности. К сожалению, именно этот герой все более редкий гость в нашей детской и юношеской книге.

Я вовсе не хочу сказать, будто в наших детских и юношеских повестях, романах, рассказах и стихотворениях о современности мало хороших взрослых: отцов и матерей, дедов и бабушек, старших сестер и братьев, учителей, рабочих, колхозников, инженеров, врачей, военнослужащих, пенсионеров. Их много, умных и добрых взрослых, в наших детских и юношеских книгах, так много, что читатель иногда перестает различать их лица. Хуже того, в этих случаях он не ощущает потребности в различении. И он, как ни грустно в этом признаться, прав.

Дело в том, что слишком многим населяющим наши книги умным и добрым персонажам очень легко быть умными и добрыми. Ведь обстоятельства, в которых показывают их писатели, иначе, как шалящими, не назовешь. Эти обстоятельства ни в коей мере не являются

ся проверкой душевных качеств и нравственных убеждений героя. Они не требуют зачастую от героя не только подвига, но даже сколько-нибудь существенного напряжения душевных сил. Они не ставят его перед необходимостью нравственного выбора, когда от этого выбора зависит вся последующая жизнь героя и его близких.

Между тем что такое герой, как не человек, изменяющий обстоятельства! А изменить обстоятельства — дело тяжелое. Мы помним, что часы высокого, ни с чем не сравнимого счастья, которое испытывали во взаимном общении Сухомлинский и его ученики, до последнего дня, до последнего вздоха учителя оплачивались его героической борьбой с теми, для кого признание системы Сухомлинского было равносильно расписке в собственной профессиональной несостоятельности. Мы видим, что нет легкой жизни у Михаила Щетинина и у его последователей в педагогике, у Виктора Шаталова, у всех, кто рискнул творить новое и идти непроторенным путем. Нет и не предвидится. Потому что такова природа новаторства, природа творчества, природа созидания новых, высших, более человеческих и совершенных обстоятельств.

Даже публичная поддержка передовой общественности, даже высокая оценка государства, как мы видели на примере Сухомлинского, как видим на примере Щетинина, не делали и не делают их жизнь спокойнее и легче, потому что, вселяя уверенность в новаторов, одновременно озлобляют и приводят в еще большую ярость их противников. И в этом нет ничего необычного.

Гражданственность не на словах, а на деле всегда сопряжена с мужеством, с готовностью жертвовать личным комфортом и спокойствием, подчас с самоотречением. Мы охотно признаем это, когда речь идет в детских и юношеских произведениях о прошлом: о Ленине, о большевиках ленинской гвардии, о героях Великой Отечественной. И почему-то робеем, когда дело касается героев наших дней.

Едва ли отыщется детская книжка о наших днях, среди действующих лиц которой не было бы школьного учителя. Павел Власов, Павлик Корчагин, Алексей Мересьев — все они имеют реальных прототипов, списаны, можно сказать, с натуры. Но кто в наши дни отважится списать портрет с Сухомлинского, Амонашвили, Шаталова, Щетинина? Кто создал образ учителя, равного им масштабам личности, характером, а значит, и судьбой? То же самое можно сказать и о взрослых персонажах, принадлежащих к другим профессиям. Когда положительность дается легко, читатель не очень-то верит в нее, ибо по опыту знает, что в жизни так не бывает и быть честным и справедливым до конца, последовательным в утверждении правды и в творчестве добра неизмеримо трудно.

Тут самое время вспомнить о традициях Аркадия Гайдара, священных для нашей детской и юношеской литературы. Полковник Александров в «Клятве Тимура» говорит дочери: «Женя! Я смотрю тебе... в глаза прямо, прямо...» Так поступал и Гайдар. Он прямо смотрел в глаза маленьким читателям, не лу-

кавил. Гайдаровские традиции — это традиции правды, честного, на равных, разговора с юными, традиции боевой коммунистической гражданственности.

Определенный отход от гайдаровской традиции наблюдается и в изображении юного положительного персонажа. Похоже, мы слишком поспешно и бездумно осудили так называемый детский авангардизм, и, в частности, я к этому тоже был причастен, должен это самокритично признать. В иных старых книжках действительно встречались нелепые попытки поставить детей над взрослыми, пионеров над партийцами. Но, справедливо высмеивая подобные перехлесты, мы, случается, выплескиваем с водой и ребенка. Не без помощи критики писатели как бы стали забывать о прямой противоположности, несовместимости таких понятий, как дисциплина и бездумное послушание, самостоятельность и своеволие, терпимость и приспособленчество.

Мы много говорили о том, как нам нужен юный герой с активной гражданской позицией. Но в школе сплошь и рядом неформальный лидер, ребенок или подросток с потенциально гражданским темпераментом попадал в разряд «трудных», подлежащих ломке и исправлению, а лидером формальным, образцом для подражания становился старательный, послушный, исполнительный, способный. Семья, за редким исключением, тоже приветствовала такой тип детского поведения, готовая в награду за бесхлопотность и бесконфликтность материально поддерживать свое чадо до седых волос.

Хуже всего, что литература недостаточно последовательно и внятно развенчивала этот мещанский идеал безыдейного конформизма, часто не находила, что ему противопоставить, изображая героя в таких ситуациях, в которых его активная гражданственность оказывалась просто ненужной.

С юным современником в таких литературных произведениях происходило, в сущности, то же, что и с современным взрослым. Он не встречался с настоящими трудностями, с большой бедой и сильным злом. Авторы не предоставляли ему случая, когда ярко и сильно выявились бы прочность его нравственного фундамента, степень гражданской готовности. Его личность не подвергалась серьезным испытаниям и, стало быть, останавливалась в своем развитии и росте. Авторы, заботливо убирающие с пути героя реальные препятствия, заменяли их картонными муляжами и словно бы не видели, что игрушечная «борьба» с игрушечным «противником» и самого героя ставит в нелепое положение, выводит за пределы правды и лишает доверия юных читателей.

За подобные явления, разумеется, ответственны не только писатели и критики. Разве мы не знаем фактов, когда редактора наказывали, порой чрезмерно поспешно и сурово, за выпущенную им книгу, но не осуждали за несправедливо отвергнутую рукопись?

К чему это приводило, видно на таком хотя бы примере. Уже несколько лет владимирский поэт Алексей Шлыгин безуспешно пытается опубликовать свою документально-автобиографическую повесть «Если сердце бьется не-

ровно». Может, и впрямь автора, чьи произведения охотно выпускаются «Детской литературой», «Малышом» и другими издательствами, постигла на этот раз творческая неудача?

Я прочел повесть в рукописи и убежден: пока это лучшее из всего написанного Шлыгиным. Говорил с подростками и молодыми людьми, читавшими рукопись. Их мнение: повесть дает чувство духовно-нравственного очищения, укрепляет веру в жизнь, в человека. Положительно оценивают повесть и рецензенты издательств, куда Шлыгин посылал рукопись.

Однако из «Молодой гвардии», где повесть побывала в нескольких редакциях, автору вернули ее с объяснением, будто она «не молодогвардейская». В других же издательствах Шлыгину советуют обратиться именно в «Молодую гвардию».

Так в чем же дело? Не в том ли, что герои книги — парализованные с детства инвалиды первой группы? И какое дело редактору, чье сердце бьется отменно ровно, что эти, казалось бы, обреченные на полную бездеятельность юноши и девушки, вопреки всем трагическим обстоятельствам, сумели занять каждый свое особое место в рядах активных строителей нового мира и дать обществу больше, нежели иные здоровяки и силачи? Все равно предмет разговора какой-то непривычный, мрачный, сомнительный. Судя по всему, приди сегодня в иное издательство сам Коля Островский со своей «Как закалялась сталь», и ему дадут от ворот поворот. Мол, не главная это задача — рассказывать в эпоху развитого социализма о страданиях медленно умирающего парнишки без комсомольских чинов и званий.

Вот уже четверть века московские издательства упорно не замечают, а заметив, не жалуют истинно детского по природе писательского дарования уральца Льва Давыдычева.

Не издан в Москве и вышедший в Перми в 1972 году его роман «Руки вверх! или «Враг № 1». Видимо, все по той же причине: кого-то пугает своеобразие Давыдычева, его непохожесть на других, смелая, необычная для нашей детской книги памфлетность, гротесковость, шаржированность формы в серьезнейшем разговоре об актуальных проблемах идейного, политического, мировоззренческого характера.

Наивно полагать, будто честно и талантливо написанная книга о людях, событиях, заботах и конфликтах текущих дней должна понравиться всем. Ведь такая литература, помимо всего, еще и действенная форма общественной гласности, критики и самокритики. Она заставляет юного человека мыслить, вызывает его на спор и на бой. И всегда найдутся некие взрослые читатели, которым это придется не по нутру и которые обвинят автора (а заодно редактора) в дурном воздействии на молодежь, и без того, мол, отбившуюся от рук.

Значительные идеологические, моральные, эстетические потери понесли в последние годы читатели и сама наша детская литература от того, что судьбу не только уже созданных книг, но и писательских замыслов порой определяла противопоставленная всякому творческому процессу обязательско-бюрократическая психология «какбычегоневышлизма», ставящая

личное спокойствие и начальственное расположение выше коренных интересов читателя и литературы.

Недоверие к таланту, к гражданской позиции художника всегда на руку предупредительно обтекаемой посредственности, которая ничего не исследует и не открывает, не ставит никаких вопросов и не вызывает сильных чувств, а лишь повторяет общеизвестное и бесспорное. У нас достаточно талантливых писателей, чтобы иметь превосходную литературу. Но в издательской продукции все еще слишком велик процент книг, фирменной маркой которых являются беспомощная подражательность и эклектика, унылое, многословное описательство, отсутствие самостоятельной и серьезной мысли, бедность языка, схематичность характеров, а нередко и недостаток необходимых писателю знаний.

Особенно наглядно проявляется это в стихах на гражданскую (по замыслу, но отнюдь не по результату) тему. Какую глухоту к звучащему русскому слову, к музыке и смыслу родной речи надо иметь, чтобы написать:

Моей матери мать
В этом поле работала,
И моя в нем работает мать.
Это древнее поле охота мне
Материнским назвать.

Как видим, автор заимствует прекрасный айтматовский образ. Заимствует, чтобы опозилить. Есть у этого плодovitого стихотворца и стихотворение под названием «Штучка-тучка», и другое, которое начинается строкой: «Облака, облака — белопенные бока».

Называя имя автора Ивана Белякова, столь беззастенчиво обошедшегося с «Тучкиными штучками» Маяковского и с хрестоматийным «Облака, облака — кучерявые бока» Михалкова, должен, однако, подчеркнуть, что это не исключение, что «на уровне» Белякова пишут многие авторы — и в областях, и в Ленинграде, и в Москве.

Беда не только в писательской нетребовательности и редакторской снисходительности, в результате которых героиня одной детской книжки, катаясь по Финскому заливу, рассматривает «тяжелые очертания Шлиссельбурга», а герой другой книжки испытывает «внутреннее предчувствие», будто предчувствие может быть еще и внешним. Разве мы, критики, не смирились с тем, что издание или переиздание книги часто рассматривается теми, кто составляет и утверждает издательские планы, скорее, как поощрение автора, нежели как признание высокого идейно-художественного качества и общественного резонанса самого произведения?

Так получается, что талант и мастерство писателя ставятся на одну доску то с напористостью, то с былыми фронтовыми, трудовыми или нынешними административными заслугами. Это ведет к опасной для развития литературы уравниловке, при которой и пробивная сила графомана тоже становится весомым для издателей аргументом.

Особенно вредна уравниловка в тиражной политике. Ну почему, в самом деле, надо да-

вать неперенные 100—150 тысяч и книге, которую хотят купить сотни и сотни тысяч читателей, и книге, заведомо обреченной отягощать собой библиотечные полки, магазинный прилавок?

Думается, тиражная политика должна стать более гибкой и разумной. Следовало бы предусмотреть возможность выпуска наиболее талантливых и пользующихся спросом книг не только для младшего (что делается), но также и для среднего и старшего возраста тиражом в полмиллиона — миллион экземпляров. Резко сократить тиражи литературы, имеющей ограниченный спрос. Чаше и оперативнее выпускать книжки начинающих молодых писателей «пробными» тиражами по 10—15 тыс. по принципу: вместо одной книжки одного начинающего десятков книжек десяти авторов. Пусть они будут убыточными, расход этот издательство с лживой перекроет прибылью от книг-бестселлеров. Зато читатель узнает молодого писателя еще до того, как он успеет отметить 40-летний, а то и 50-летний свой юбилей.

Несколько слов об интенсификации писательского труда и ускорении литературного процесса. Я мог бы назвать немало творческих обсуждений, дискуссий, семинаров, которые сыграли и роль интенсификаторов, и роль ускорителей в литературном процессе. Но не слишком ли много невосполнимого времени и бесценной человеческой энергии уходит у нас на разные малоплодотворные заседания, разъезды, разговоры — на суету?

Сколько у нас редакционно-издательских советов, разных комиссий и подкомиссий! И почти всюду одни и те же люди.

Самое обидное, что чем талантливее и социально активнее писатель, тем чаще отрывается он от творчества. Читатели, литература недополучают таким образом десятки книг, которые могли бы сделать жизнь наших юных граждан и нашу собственную жизнь духовно богаче и нравственно чище. Молодые иной раз суетуют (и не без оснований), что их не выбирают на разные руководящие должности в Союзе писателей. Но кто мешает им уже сегодня зарядиться общественной энергией, чтобы разделить ту ношу забот обо всей нашей детской и юношеской литературе, какую несут многие годы Михалков, Прилежаева, Алексин и Алексеев, Лиханов и Токмакова?

Вот еще странная закономерность: печатная техника прогрессирует, а сроки пребывания рукописи в производстве год от года растут. Готовая и одобренная рукопись может годами лежать без движения в редакции. Может уже набранная на многие месяцы бесследно исчезнуть в типографии. Думаю, что сокращение разрыва между написанием книги и ее выходом в свет — это тоже важный резерв ускорения литературного процесса.

Дорогие товарищи!

Время требует от каждого из нас решительного перехода от слов к делам. Дело литературы — это слово. Но не всякое слово — дело. В недавнем прошлом сказано и написано немало слов, которые словами и оставались. Хорошими, правильными, но все же только словами, к которым и отношение было соответст-

вующее, гениально определенное крыловской басней: «А Васька слушает, да ест».

Время, как никогда, требует слова, властного над сердцами и судьбами. Слова «правды сушей, правды, прямо в душу бьющей, да была б она погуше, как бы ни была горька». Слова прямого и честного, убежденного и страстного, пробуждающего сильные, благородные чувства и рождающего поступок.

У нашей детской и юношеской литературы есть все возможности, чтобы сказать это слово. (А п л о д с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется для доклада «Литература и школа» Анатолию Георгиевичу Алексину.

А. АЛЕКСИН. Можно сказать, что на знамени XXVII съезда КПСС были начертаны слова: *правда, прогресс...* Да, съезд провозгласил *правду* святым критерием оценок всего, что свершается. Правда, только правда имеет право голоса и на страницах книг. Не правда случайного факта, поверхностного впечатления, а истина, олицетворяющая собой значительные явления жизни человека, семьи, школы, страны... Истина, не допускающая ни отвлекающего от ее сути лакировочного глянца, ни столь же отвлекающих, искажающих ее искусственных теней. Писатель, думается, должен видеть события не сквозь стекла бинокля, то неестественно уменьшающие все происходящее вокруг, то неестественно увеличивающие. Его взор должен быть точным, справедливым, по отношению к людям, событиям, обществу. И, конечно, по отношению к тем, кому страна доверила свое молодое поколение, а стало быть, в значительной степени и свое грядущее.

Школа, учитель — это слова-символы, и их можно было бы, на мой взгляд, писать с буквы заглавной. Ибо убежденно мы именуем учителем того, кто одаривает нас не только знаниями, но и своим опытом, нравственным килородом своих принципов, направляет по верному жизненному курсу. Того, кто учит в самом высоком смысле! А под школой разумею и школу жизни (потому-то и дал Аркадий Гайдар имя «Школа» одному из лучших своих творений).

Помню дискуссию о «школьной повести». Одни говорили, что она должна существовать, а другие — что нет. Прошли десятилетия... И тот давний спор все более кажется мне схоластическим. Это был спор не о сути, а всего лишь о термине. Термина такого, я уверен, не может быть, как не может быть терминов «заводская повесть», «колхозная повесть»... Но произведения о тех воспитателях юных поколений, которые осуществляют свою миссию прежде всего в школах, об их просветительском и, я бы сказал, подвижничестве труде — такие произведения не только нужны, но и необходимы.

«Плоха та семья, которая ничего не видит за порогом своего дома», — писал А. И. Герцен. Плохи и те школы, которые ничего не видят за своим порогом, ибо должны быть тысячами незримых нитей связаны со всех окружающих их жизнью. Не стоит, даже углубляя модный

глагол, говорить, что большая жизнь призвана «вторгаться» в школьные классы, — она призвана быть там постоянно прописанной. Слово «вторжение» предполагает приход чего-то нежеланного, недружественного... А большая жизнь страны нашей — главный учитель и воспитуемых, и воспитателей.

Вот что писал Л. Н. Толстой: «Школа есть одна из тех органических частей государства, которая не может быть рассматриваема и оцениваема отдельно, ибо достоинство ее состоит только в большем или меньшем соответствии ее остальным частям государства. Школа хороша только тогда, когда она осознала те основные законы, которыми живет народ».

Сделать эти законы сутью жизни школ — задача и литературы. Скажем прямо: это под силу лишь произведениям талантливым. Вне художественности правда в литературе вообще не существует. Любые добрые намерения автора повести или рассказа, не подкрепленные силой воплощения, становятся теми намерениями, которыми, как говорится, «дорога в ад вымощена». Читатели тогда не верят тому, что пытается им внушить автор. И в этом случае чем значительнее замыслы, тем печальнее результаты: нет, как известно, ничего опаснее плохой книги на важную тему, ибо она эту тему дискредитирует.

Школьная реформа провозглашает, что главным воспитателем должен быть труд. Здесь нераздельны работа производственная и работа души человеческой, которая, по слову поэта, «обязана трудиться и день и ночь, и день и ночь». Это и есть то самое, что мы именуем гармоничным воспитанием личности. Не только прекрасного специалиста должны мы вырастить (такова лишь часть задачи!), но и прекрасного человека, который будет и достойным специалистом, и достойным гражданином.

Тут для писателей поле деятельности необозримое. Но если в книге технические термины, скрежет металла и машинный гул заглушают биение сердца, мысли, мечты, юные читатели отложат такую книгу в сторону.

«Ничего формального! Ничего ради поспешности отклика, ради показухи!» — не столько вслух, сколько мысленно, для самих себя обязаны произнести мы. Формализм — явление коварное, ибо он ведет к опошлению святынь, а подчас способен превращать их в свою противоположность, в «антисвятыни».

Сошлюсь вновь на памятную мне читательскую конференцию, где ребята один за другим поднимались на сцену и называли свои самые любимые книги. Лица и голоса были разные, а названия «самых любимых» произведений одни и те же. После конференции я спросил у одного из подростков:

— Ну, а «Три мушкетера»?

Оказалось, что с этой книгой он вообще не расстается.

— А почему не назвал ее?

— Да как-то...

Мне стало обидно за «Трех мушкетеров» и страшно вато за то, что книги (действительно прекрасные!), которые он назвал со сцены, могут стать чем-то «дежурным», а образы, одушевляющие их страницы, перестанут окры-

лять разум и сердце этого мальчика и его одноклассников. Благородные понятия, которые священны для нас и которыми живут герои повестей и романов, названных участниками того литературного утренника, не могут, не имеют права тускнеть, стираться в сознании ребят из-за «буднично заученного», формального употребления.

На одной из читательских конференций меня спросили: «Припоминаете ли вы какой-нибудь факт, который можно назвать, по вашему мнению, апофеозом формализма?»

Однажды нас с С. Маршаком пригласили выступить в знаменитый пионерский лагерь. Маршак, уже молодой и не очень здоровый, опустился в соломенное кресло и начал рассказывать, читать стихи. Но ребята его не слушали. Я поразился: не слушали прославленного Маршака! Когда время дошло до меня, я, сориентировавшись, сказал: «Не хочу отрывать вас, ребята, от моря и солнца. Желаю счастливого отдыха!» В ту же минуту к нам подбежал начальник лагеря и, захлебываясь, воскликнул: «Прекрасное выступление! Мы так благодарны...» «Но почему же дети не слушали?» — спросил я. «Вы не обращайтесь внимания! Эти ребята из международной смены, они по-русски ничего не понимают... Но зарядку коллективу дали великолепную!» Это было действительно апофеозом: пригласили Маршака, чтобы поставить «галочку».

Не для «галочки» ли, не для того ли, чтобы «отметиться», якобы проявить заботу о школе и ее проблемах, сочиняются иные рассказы и повести, столь же далекие от школы, сколь и вообще от жизни?..

Воссоздание характеров — самое трудное и основное в литературе, ибо только через них могут быть воссозданы время, эпоха, события. Манекены ничего воссоздать не могут... Подлинные художественные завоевания — это когда характер доведен до уровня нарицательности, когда он начинает олицетворять собою явление.

До уровня нарицательности доведен в повести Владимира Железникова «Чучело», действие которой происходит в школе и возле нее, образ «Железной кнопки». Фантастически формальное, бездумное утверждение ею вроде бы бесспорных, дорогих нам принципов превращает их из принципов справедливости и добра в принципы зла. Это уже — явление.

Некоторые люди вырабатывают для себя такие «правила движения души» — нечто вроде правил уличного движения. И следуют им, боясь, что за нарушение чего-то мнение наложит на них суровый штраф. Особенно печально, когда таким правилам подчиняют свои душевные порывы и поступки совсем еще юные люди, только снаряжающиеся в самостоятельную дорогу. Вот один характерный, на мой взгляд, пример...

Я слушал, как два друга — мальчишки-семиклассники восторгались своей учительницей историей. Они с нетерпением ждали ее уроков... И мне, помню, очень хотелось, чтобы учительница хоть случайно услышала их разговоры: я боялся, что в школе, верные законам «мужской сдержанности», мальчишки не проявят

своих чувств и учительница не ощутит их восхитения, их благодарности.

Однажды старая учительница заболела.

— Ты ведь любишь ее? — спросил я одного из мальчишек.

Он мрачно кивнул в ответ: слово «любишь» показалось ему слишком громким.

— Так зайди к ней домой. Узнай, как здорово...

Мальчишка помрачнел еще больше и невнятно пробормотал:

— Нельзя...

— Почему?

— Скажут, подхалимаж...

— Кто скажет?

— Найдутся такие.

Мальчишка, путавшийся в правилах грамматики, уже твердо усвоил все предрассудки, которые мешали ему доставить радость старому человеку.

Кто в этом виноват? Быть может, родители, которые с сыном были неласковы, да и вообще остерегались «неподоственности» выражения чувств? Они предпочитали деловую осторожность и обдуманность каждого шага. А быть может, виновата была другая учительница, которая упорно приучала своих питомцев к холодному препарированию всего самого прекрасного: «Проанализируем любовные мотивы в лирике Пушкина».

А потом любимая учительница истории умерла. И я впервые увидел, как мои друзья-семиклассники плачут... Неужели же непременно нужна была такая трагедия, чтобы любовь вышла из глубокого «душевного подполья» и обнаружила себя?!

Скрывать, таить от людей то хорошее, что у тебя в сердце, это все равно, что оставлять нетронутыми в недрах земли драгоценные залежи, золотые бесценные россыпи. Нет, пожалуй, это еще бессмысленней и вредней... Надо их извлекать на поверхность и щедро дарить людям! В этом должна убедить юных литература. Подобные конфликты и нравственные деформации происходят, «взрастают» на школьной ниве, хотя зерна их брошены и воспитанием семейным.

Я рассказал об историях, так сказать, «умеренно» тревожных. А ведь могу рассказать и о таких, которые требуют бить в набат! Пустили в обиход подлейшую поговорку: «Ни одно доброе дело не может остаться безнаказанным». Как это так? Значит, добро наказуемо? Не хочется верить этой поговорке, нельзя верить... Порою, однако ж, приходится. Получаю я письма, горестно повествующие о детях, предающих своих матерей. Никогда матери не называют при этом имен неблагодарных детей, не сообщают, где и кем они работают: а вдруг у них будут неприятности! Матери остаются матерями... А подлецы — подлецами. Тот, кто предает родную мать, способен предать и Родину. Это слова Расула Гамзатова, нельзя с ним не согласиться. Школа, литература должны утверждать непреложную, на мой взгляд, истину: отношение к матери — пробный камень всех человеческих достоинств.

Речь идет о проблемах нравственности... Никакой отдельно существующей «темы нравственности», разумеется, нет, ибо мораль

всеобъемлюща и неделима. В. И. Ленин писал: «Надо, чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали».

Значит, проповедь благородства, идейной убежденности, отваги, трудолюбия — всех нравственных достоинств! — это наш долг. Значит, дать праведный бой праздному суетливости, отчуждению дела от слова, формализму и показухе, жестокости, зависти, тунелю — всему, что несовместимо с нормами коммунистической морали, — это тоже наш долг!

Когда-то в детской и юношеской литературе существовала неписаная «теория», согласно которой недостатками, а тем более пороками люди могли обладать лишь до шестнадцатилетнего возраста, а получив паспорт и права взрослости, они немедленно превращались в некие дистиллированно-безупречные существа. Особенно же, если эти люди были учителями, родителями, пионервожатыми. Конечно, талантливые писатели такой «теории» не следовали. Но кое-кто следовал... Прогрессивную ли роль играли книги таких авторов? Нет, реакционную, потому что убаюкивали юных читателей маниловской мыслью, что все взрослые люди, которых они встретят на своем пути, будут «дамами, приятными во всех отношениях» или столь же «приятными во всех отношениях» представителями мужского пола. А юные, став взрослыми, увь, встречаются на своей дороге и бюрократов, и лихоимцев, и хулиганов... Они должны быть готовы к сражению с ними! И в этот бой должна снарядить их литература.

Нельзя, думается, говорить о героях литературных, не сопоставляя их с героями реально существующими. Лакировочная «вселенская смазь», как я только что сказал, противопоказана, но тот, кто достоин уважения и подражания, тот уже достоин! Правда не только в том, чтобы говорить о плохом, как некоторые думают, но и в том, чтобы говорить о хорошем. Правда в том, чтобы говорить правду!

Итак, ничего, кроме правды! Помню, в газете «Крепость обороны», издававшейся на гигантской оборонной стройке военного времени, была допущена ошибка. Начальник строительства чекист времен Ф. Э. Дзержинского Андрей Никитич Прокофьев, услышав, что мы, сотрудники газеты, считаем свою ошибку «мелочью», сказал примерно так: «Мелочей нет! Чайная ложка дегтя и ложка столовая одинаково способны отравить бочку меда. Как говорят, единожды солгавши, кто тебе поверит. Такая с виду маленькая неправда может породить недоверие ко всему, что напечатано у вас в номере. А там напечатано про самопожертвование человеческое...»

Это, я думаю, относится и к нашему писательскому делу: даже маленькая неправда (допустим, в книге о школе, об учителях) порождает недоверие ко всему произведению. А полуправда — я согласен с Игорем Мотяшовым полностью — иногда бывает страшнее лжи, ибо это ложь, которая рядится в одежды правды, тщится выдать себя за правду.

Я знаю многих (очень многих!) талантливых учителей-словесников, не только пони-

мающих, что литература, как любил говорить С. А. Герасимов, «мать всех искусств», но и преподающих ее как искусство.

Стати, именно этой проблеме была посвящена одна из первых сессий Научного совета Академии педагогических наук СССР по проблемам эстетического воспитания. Собравшись в Новосибирске, учителя, ученые, литераторы обсуждали опыт тех новосибирских учителей, которые преподают литературу как древнейшее искусство слова, превращая свои уроки в уроки нравственности, чести и совести. Есть такие учителя, есть! И не только в Новосибирске. Я знал одну московскую учительницу, которая на некоторых уроках литературы и отметок-то не ставила: «Только что мы всем классом умирали вместе с Андреем Болконским... И я буду за это ставить отметки?»

Какую роль книги играли в жизни великих людей? Обратимся к создателю советской литературы А. М. Горькому, который утверждал, что всем хорошим в себе он обязан книгам, и провозглашал тем самым убеждение, что книга способна полностью сформировать человеческую личность. Алексей Максимович писал также: «Чем больше я читал, тем более книги роднили меня с миром, тем ярче, значительнее становилась для меня жизнь».

Как же велико значение труда тех, кто соединяет детство, отрочество и юность с литературой! Неоспоримый факт: талантливо, творчески приобщают юных к литературным творениям очень многие учителя, а пишем мы о них, очень мало.

Но сколько в этой сфере и тревожных проблем! Все знают, какой прямой, бескомпромиссный критический огонь испытала на себе новая типовая программа по литературе.

Существенно, разумеется, сколько часов в неделю преподают литературу. Но не менее существенно и как ее преподают. Скажу вновь: критические замечания адресуются не всем учителям-словесникам (это было бы слишком несправедливо!), но, к сожалению, весьма многим. Один из читателей думает так: «Литературные герои превращаются в голые схемы, в «типичных представителей» и т. п. Школьники быстро улавливают, как надо отвечать на вопросы учителя, как писать сочинения на стандартные школьные темы». А ведь одна из целей преподавания литературы — противостоят малейшим приметам стандартного мышления, развивать в ребенке дар мышления художественно-образного.

«Ни один из русских поэтов не может быть столько, как Пушкин, воспитателем юношества и образователем юного чувства», — писал Белинский. Как же представлен гений нашей поэзии в «типовых» программах по литературе для средней общеобразовательной школы, действующих на территории РСФСР? В пятом классе, к примеру, — девять часов, а в шестом — двенадцать, в седьмом — всего пять... Полностью поэма «Руслан и Людмила» не «проходится». А проходится так (читаю программу): «У лукоморья дуб зеленый»; песня третья со слов «Пред ним открылся дол широкий...»; песня шестая со слов: «Но только свет луны двурогой...» Вот вам и все!

Значит, умно и компетентно созданная прог-

рамма по литературе нужна как воздух... Известный литературовед, профессор Н. Скатов из Ленинграда утверждал: «Сейчас могла бы быть создана небольшая и мобильная рабочая группа, в которую должны войти ученые-филологи и методисты, представители писательской общественности и особенно практики-учителя. Такая группа в приемлемые сроки подготовила бы с учетом всего происходящего школьную программу по литературе». Рад сообщить вам, друзья, что мысль о создании «рабочей группы», или точнее комиссии, которая бы подготовила «школьную программу по литературе» и в которую бы вместе с учеными и практиками-учителями вошли писатели, литературоведы, — это предложение поддержано Академией педагогических наук СССР. Остается лишь пожелать будущей комиссии успехов на благо отечественной культуры!

Детская и юношеская литература как часть культуры народа должна стать и неотъемлемой частью литературного образования студентов университетов, пединститутов, институтов культуры. О тех «дозах», которыми она сегодня представлена в программах этих учебных заведений, вообще нельзя говорить всерьез.

Да, мы, писатели, частенько высказываем свои претензии школе. Но и она, как я утверждал вначале, вправе высказать нам немало справедливых претензий!

Наше внимание к так называемой «школьной теме» бывает подчас лишь провозглашаемым в статьях и на заседаниях.

А ведь в той области детской и юношеской литературы, которая исследует процесс школьного воспитания, есть прекрасные традиции. И хотелось бы, чтоб они достойно продолжались.

В. И. Ленин писал: «...Надо уметь различать, что было в старой школе плохого и полезного нам, и надо уметь выбрать из нее то, что необходимо для коммунизма». Этой цели и служат, к примеру, кассилевские «Кондуит и Швамбрания», треневские «Гимназисты»...

Еще раз вспомним произведения ветеранов: повести Аркадия Гайдара и уже названного мною Льва Кассиля, Л. Пантелеева и Г. Белых с их «Республикой ШКИД», Фриды Вигдоровой... Вспомним и книги тех дорогих нам ветеранов, которые и сегодня очень успешно и плодотворно работают, — Марины Прилежаевой, Агнии Кузнецовой, Зои Воскресенской... Вновь подчеркиваю: речь идет о тех, кто посвящает свое перо школе, учительству, их исканиям, драмам и радостям, промахам и открытиям.

Образцом публицистики на темы воспитания я бы назвал книгу Сергея Михалкова «Все начинается с детства». Впечатляющий образ воспитательницы, настоящего друга юных создан Альбертом Лихановым в повести «Благие намерения». А его «Драматическая педагогика»? Логичным продолжением этих двух книг стало то, что писатель возглавил научную лабораторию «Воспитательная работа в детском доме» при Академии педагогических наук СССР. А разве мы не прошли вместе с баруздинской Светланой столь поучительный путь от самой ранней поры жизни и дальше — че-

рез школу! — к поре юности? Владимир Амлинский еще задолго до школьной реформы драматически глубоко показал возникающее порой одиночество юной души в школе и ее поиск духовного брата, отца в учителе (роман «Нескучный сад»).

Событиями в искусстве и педагогике стали повесть Владимира Железникова «Чучело» и фильм, снятый по ней Роландом Быковым. Любовь читателей заслужили талантливые книги Анатолия Рыбакова, Валерия Медведева, Радия Погодина, Максуда Ибрагимбекова, Владислава Крапивина, Юрия Коринца, Сергея Иванова, Юрия Ковалея, Симона Соловейчика, сюжеты которых разворачиваются в школах и продолжают за их стенами. Можно назвать и другие произведения о школьниках и их старших друзьях, об актуальных, подсказанных самой реальностью конфликтах, происходящих в сфере воспитания. Но количество таких книг (если говорить о произведениях подлинно художественных!) исчисляется единицами.

Особое место в детской литературе занимает проза Сергея Алексеева: она повествует маленьким читателям о самых значительных фактах в истории нашего Отечества — и потому учителя считают эту прозу своей вернейшей помощницей.

Большое значение обязаны мы придавать военно-патриотическому воспитанию подростков. И тут надо назвать Вл. Беляева, произведения В. Разумневича, А. Кулешова, пишущего о той самой современной армии, в рядах которой будут служить наши сегодняшние школьники, повести Кима Селихова, посвященные молодым героям, выполняющим свой интернациональный долг.

Дорогие друзья! Хочу от имени писателей-москвичей сердечно приветствовать представителей детских и юношеских литератур братских республик.

У школы и у литературы предназначение одно, общее: воспитывать человека. Какая прекрасная и высокая миссия! (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Альберту Анатольевичу Лиханову.

А. ЛИХАНОВ. Друзья! Давайте вспомним сегодня мальчика Пушкина, плачущего от бесильной зависти к времени, из-за которого он, подросток не смог стать воином, чтобы защищать Отечество. «Я не поэт, а гражданин», рылеевский этот девиз диктовался подобной же силой вольнолюбивого нетерпения. «Поэтом может ты не быть, но гражданином быть обязан». Афористичность некрасовского восклицания рождена предельно заостренной идеей освобождения этой высочайшей общественной целью, когда отношение к народной муке стало важнее всего остального.

Я обращаю мысленный взор к духоподъемным вершинам национальной истории, потому, что глубоко убежден: мы, наше общество, переживаем состояние духовного испытания, наша современность ответственна за осязаемость

реальных плодов нового государственного устройства. И мы, писатели, в полной мере отвечаем перед судом истории, и не только отечественной, за то, как скоро и в какой мере будут реализованы идеалы общества равных возможностей, с какой полнотой искренности уверуют наши дети и внуки в идеи, на которых выросли мы, пойдут ли в рост семена цинизма, мещанства, обывательства, увы, щедро посеянные отклонениями в общественном развитии. Партия на своем съезде, подтвердив главные задачи и цели, праведно потребовала трезвости, самоанализа, нового отношения к сути дела, отменяя суесловие и парадность. Гражданская позиция писателя, работающего для детей и юношества, уточняется самой жизнью. При этом мы хорошо помним старые и вечные истины о педагогической функции детской и юношеской литературы как главной специфической ее особенностью, об учительской миссии писателя, о феномене советской литературы, создавшей книги, которые зовут к процветанию благородных поступков в жизнь.

И все же, друзья, говоря откровенно, можно заметить самим себе: многое понимая правильно, сознавая отчетливо, мы предпочитали порой играть в опасные прятки, прикрывая честной литературой конъюнктурный вал, достойными книгами — массу посредственности.

Мы тешили себя надеждой, что о литературе судят по достижениям и что писатель имеет право на неудачу. Однако читатель не всегда соглашается с этой оправдательной формулой и горячо спорит не о вершинах, а о допустимости провалов, о массовой посредственности, о явлениях, рождающих детскую скуку. Мы же порой уповаем на то, что не найдется такого весовщика, который бы свалил на немых размеров веса монбланы серости, двугривенных книжек всяческого печатного фарисейства для подрастающих сограждан. Что не возьмет он, этот весовщик, за грудки нас — не в целом, ни литературу вообще, но каждого порознь — и не спросит гласом страшного суда: а где ты был? Приумножал эти горы? Потакал халтурщикам? Хлопал в ладоши от «галочек» на верные темы?

Первейшая гражданская обязанность культуры для детей и юношества — беспокойство за мир детства. Мы десятилетия повторяли, подчас гипнотизируя самих себя, что дети у нас единственно привилегированный класс. По сути, по принципу — это так, и для детей немало сделано. Но есть еще реальность несовершенного. Есть еще миллионы детских душ, томлящихся в уничтожающем одиночестве, при плотном частоколе окружающей родни. Есть новая генерация богатеньких детей, забыто опускающихся в глубины духовной нищеты. Есть юное суперменство кулака и кастета, цинично разделившее свою душу на два этажа — для мамы, для учительницы и для собственной, мнимой правды. Есть, наконец, — и это вполне официальная статистика — миллион детей, брошенных в прямом смысле этого слова пресытившимися, развратившимися, потерявшими совесть — подчеркну — молодыми

родителями. Откуда это, коли родители такие выросли на наших добродетельных книжках? Не мало ли, возникает вопрос — тогда лишь одной добродетельности? Не обошли ли, не испугались ли мы, служители детства, иных, более глубинных и более сложных составляющих юной души, ошибочно полагая, что не все детское — вполне детское?

Мне кажется, воспитания добродетельности, послушания, исполненности, выработки понятий чести и справедливости сегодня уже мало, если говорить о практическом участии литературы в деле душестроения. Увы, увя, но это поразительный парадокс современной жизни — можно, оказывается, любоваться мужеством литературного героя и тут же демонстрировать малодушие, можно чтить благородный кинообраз, но тем же часом совершать подлость, а то и предательство. Гайдаром, который остается безусловным авторитетом, нас порой пытаются попрекнуть. Где, мол, ваш Тимур? Справедлив ли запрос? Время-то ведь теперь другое. Лидер, подросток или ребенок, совестливый, честный, верный — безусловная потребность жизни и литературы. Однако, веруя в то, что пример для подражания способен множить положительные начала в детском мире, мы должны энергичнее, настойчивее ставить перед собой еще одну многозначную задачу — воспитывать книгами в детских массах действительное неприятие зла, нежелание соглашения с обстоятельствами, которые способны заставить ребенка подчиниться предательству, оправдать нечестность, согласиться с мздоимством, принимать как норму карьеризм, словоблудие, двоедушие. Такой герой может и не оказаться лидером тимуровского толка. Но разве так уж незначительно действительное исповедание коммунистической морали, истовое сопротивление всяческому проявлению гнуса и общественного нездоровья? Ведь едва ли не каждый ребенок наших дней проходит это строгое испытание — корыстью и бескорытием, добром и злом, честью и бесчестьем. Задача воспитать массовый иммунитет к социальному нездоровью мне кажется делом более острым, чем создание недостижимого для многих детей персонажа героя-победителя. Хотя, повторяю, видимо, истина в соединении двух этих начал.

Сегодня мы констатируем: в литературе невозможна ложь. Она — питательная среда для неверия и цинизма. Она антивоспитывает. Полуправда в литературе — тоже ложь. Однако, увя, правда принимается порой трудней, чем полуправда. До сих пор в некоторых областях не выпущен на экран фильм «Чучело», снятый по повести Владимира Железникова, и лишь по той причине, что правда оказалась слишком удручающей с точки зрения запретителей. Но ведь в искусстве, как и в жизни, давно известен закон излечения боли болью. В этом оно сродни хирургии. Вполне очевидно, что предостеречь подростка от жестокости, предупредить его о возможных последствиях безжалостности к подобному себе — гуманная цель литературы. Ее и осуществляет Владимир Железников, честно исполняя свой гражданский долг. В качестве аргумента запретители говорят о том, что боятся распространения жесто-

кости после фильма. Что ответить на это?

Ну, во-первых, умолчание зла еще ни разу не приводило к его искоренению. Говоря о нравственном здоровье молодежи, мы должны использовать все врачебные методы: и гомеопатию, и терапию, и хирургию.

Вернусь к словам: человеческое в человеке. Может быть, самое серьезное испытание, какое проходит растущий человек, — это испытание его достоинства. Самая трагическая суть деформации нравственности состоит именно в попрании личности, при этом ломается личность и того, кто вершит зло, и того, кого этим злом попирают. Подозрительность, недоверие, априорное мнение, что всякий подросток еще должен доказать свою порядочность, стало едва ли не главенствующей трудностью воспитания — и семейного, и общественного. Этой тенденции многое противопоставляется — мудрых родителей, даровитых учителей нам не занимать. Но это почти как в литературе — здоровое ядро есть, но и негативная масса велика.

Так что, говоря о конкретных целях литературы сегодняшних дней, я на одно из первых мест хочу поставить именно это — защиту человеческого в растущем человеке, защиту его достоинства, адвокатские функции литературы.

Сейчас все роды литературы с пристрастием спрашивают: а как вели себя мы, видя издержки минувшего этапа развития? Сидели в кустах? Или шли вперед, игнорируя синяки да шишки? Как поведем себя дальше?

Вопрос этот вполне уместен и для детской; а прежде всего юношеской литературы. Я думаю, можно с достоинством ответить так: многие работали честно, но ощущения до конца исполненного долга, что могли бы испытать Абрамов, Трифонов и Тендряков, нет. Было бы наивно теперь, задним числом считать, что юношеская литература абсолютно точно реагировала на окружающую действительность. Нет, не точно, но все же реагировала, порой довольно неверно, может быть и не в силах была поставить абсолютный диагноз, но, по крайней мере, вполне определено очерчивая круг морального и общественного беспокорья. Критика, не очень-то внедряясь в глубины анализа общественных процессов, много раз попрекала юношескую литературу за мнимые-де проблемы джинсовых мальчиков с узкомузыкальными интересами, мечущихся, неопределенных, без ясно выраженного гражданского лица, одним словом, не героев. Констатация справедливая, но констатация не причин, а результата. Литература не всегда докапывалась до корешков, ограничиваясь верхшками, но это, пожалуй, была и ее вина, и ее беда. Съезд партии со всей определенностью указал на то, что формальная регламентация как в управлении хозяйством, так и в воспитании стала путями, которые сдерживают инициативу творческих начал личности. Разве же это не процветало в школе? В комсомоле? Разве это не ломало растущую личность? Горько признавать, но, увя, типичной в молодежной среде стала подмена целей и смысла жизни. Идеалами становились не идеи, а вещи.

Констатируя провалы, эта часть литерату-

ры попыталась создать свои плотины, чтобы удержать молодежь в пределах партийных и общественных высот. Плотиными этими стала борьба за индивидуальную нравственность в каждом растущем человеке, которая должна слиться в понятие народной морали. Обращаясь к традиции, к ближайшим предкам, к естеству человеческой природы и просто здравому смыслу, лучшие достижения юношеской литературы последнего пятилетия в полном смысле слова стади литературой нравственной, и это одно из высочайших ее завоеваний. И здесь я хочу назвать все последние повести, светлые и благородные, А. Алексина, «Зеленую ветку мая» М. Прилежаевой, рассказы и повести Н. Думбадзе, «Драчуны» и «Карюху» М. Алексеева, публицистику В. Розова, книги последних лет В. Амлинского, Р. Погодина, М. Ибрагимбекова, В. Козько, И. Зиедониса, повесть С. Иванова «Его среди нас нет», а в литературе для малышей — работы С. Михалкова и И. Токмаковой.

Мне кажется, именно под влиянием несовершенства современности любопытную метаморфозу испытали книги о военном детстве. В полной мере используя, так сказать, личностный, «воспоминательный» момент, они тем не менее активно отыскивали в прошлом общий знаменатель с нашей эпохой. А знаменатель этот — в единстве морали, в непреходящих нравственных ценностях, кое-какие из которых новые поколения стали подзабывать. Таким образом, книги о военном детстве становятся архисовременной литературой — литературой напоминания и предостережения.

Одну из наших высших обязанностей я вижу в том, чтобы объяснить детям их собственным родителям. Увы, это становится все более реальным фактом — родители плохо знают своих детей, их психологию, их переживания, не вникают в суть ошибок. Отношения в семье часто носят формальный характер. И наше дело вовсе не в том, чтобы выступать с педагогическими беседами для родителей, а в том, чтобы и художественными, и публицистическими средствами проникнуть в мир этих отношений.

Особо хочу сказать о художественно-педагогической публицистике, о том, как важно, чтобы работали в ней именно те, кто ближе других чувствует и понимает ребенка. По своему скромному опыту, по книге «Драматическая педагогика», — уже дважды выпущенной издательством профессиональным, «Педагогика», — я вижу, как нужны такие работы, и не только родителям, но и школе, учителям, которые далеко не всегда находят подспорье своим исканиям в трафаретных педагогических методиках. Впрочем, защита детства должна выявляться не только в книгах, но и в реальных человеческих поступках. Вновь хочу назвать Владислава Крапивина — писателя и вожатого детского морского клуба в сухопутном Свердловске и Савву Дангулова, внесшего начальный вклад в строительство детской библиотеки в городе своего детства — Армавире и подарившего ей собрание картин, посвященных теме материнства.

Особого гражданского участия писателя ждет школа, все педагогические системы страны. Реформа образования только двинулась в

путь, и без писателя, его участия — пером и поступком — ей не обойтись. Явным упреком всем нам должно послужить неактивное участие в учебниках, особенно по литературе. Посмотрите хрестоматии для начальной школы! Насколько убоги так называемые рассказы современных писателей про нашу жизнь, и тут, я думаю, главный упрек надо предъявить малышовой литературе, которая обязана просто наново написать для детей ни много ни мало — азбуку нашей жизни.

В число гражданских обязанностей нашего ремесла входит строгость оценок, реалистичность в осмыслении процессов — жизненных и литературных. Думаю, мы слишком долго купались в розовой мысли о беспечальном процветании многонациональной детской литературы, в то время как развитие этих литератур даже объективно не может быть равно адекватным и во многих литературах от процветания на деле еще очень далеко. Кое-где действительная работа с молодыми авторами не означает ничего, кроме говорильни, а ведь поиск новых талантов, если хотите, творческая селекция и есть главный метод повышения класса литературы в целом. В иных республиках, например, и об этом говорил вчера У. Умарбеков из Узбекистана, были случаи вступления в литературу не по признаку таланта, а по принципу кумовства и сговора, когда иные сочинения переводились из ничего в нечто и обратно с русского на родной язык, возникала некая форма «культурного донорства», унижающая достоинство национальных литератур, самой идеи перевода.

Вместе с тем надо вновь и вновь сказать, что у многонациональной детской литературы нет своего всесоюзного издательства. Имеет ли смысл сравнивать возможности редакции творчества народов СССР «Детской литературы», сделавшей очень много для упрочения национальной словесности, и специального издательства с его организационными возможностями, с его углубленностью в процесс перевода, школами и курсами для авторов из республик разных регионов, совместными встречами, семинарами крупных художников — такое издательство смогло бы быстро, не дожидаясь взрослости молодых авторов, выводить их на действительно всесоюзную орбиту, оказывать помощь тем литературам, которые в этом нуждаются. Дружба народов — реальное осуществление этой формулы не терпит успокоения, и не может быть остановлено мыслью, что все уже сделано нами. Нет, не все! Не может не подавлять сознание писателя такая мысль, что огромные детские массы в Туркмении, например, не знают русского языка. Это значит, они не могут прочитать молдаванина Спиридона Вангели, грузина Хуту Берулаву, литовца Казиса Сая и многих-многих других замечательных детских писателей, переведенных с родных языков на русский. Это значит, что идея, по которой русский язык — это язык межнационального единства, не осуществлена для сотен тысяч и миллионов детей страны.

Писатель, посвятивший себя детству, отрочеству, юности, — это рыцарь без страха и упрека. Таков идеал. Достигнут ли он? В устремлениях — пожалуй. В результате же —

далеко не всегда. Нравственность идеала нередко отступает перед практицизмом поступка. Не выдерживают критики — с точки зрения гражданской самоотдачи — многие книги, написанные на важные, в том числе политические темы для детей. Они часто неглубоки, выпендрены, не воспитывают чувств, вызывают самое страшное, что могут вызвать, — усмешку неверия. Дети чутки к правде и фальши и не принимают книг, поспешно сочиненных на потребу сюминутности, без вложения души и сердца, чем порой грешат довольно известные авторы. Писать плохо для детей — безнравственно, и об этом говорил еще Лев Толстой, писать же плохо, поверхностно, коряво, ничего не добавляя к сказанному о Ленине, о революции, об истории Отечества — не только безнравственно, но и преступно. Обществу наше справедливо обеспокоено защитой окружающей среды. Защита окружающей духовной среды, в которой обретается детство, если хотите, защита беззащитного детского сознания от дурного вкуса, лживых стереотипов, воспитание творческой, личностной сути в каждом человеке — это и есть перспектива нашего художественного развития, высшая наша гражданская цель.

Еще об одной форме защиты детства нельзя не сказать. Это собственно жизнь детей, защита их от угрозы уничтожения — вместе со всем взрослым миром. Только что делегация Ассоциации деятелей литературы и искусства для детей и юношества ССОД вернулась из США, где мы провели первый американско-советский симпозиум «Воспитание литературой и искусством». Для сотрудничества с нами американские коллеги учредили Американскую комиссию по детской литературе и искусству. Мы убедились в том, что большая часть американской интеллигенции, учителя, родители живут теми же чувствами, что и мы. На уровне литератур, искусств, педагогики нужно и можно сотрудничать, объединяясь во имя мира и защиты детства. Работа эта начата, но она требует углубления, расширения, поддержки.

Наконец, еще одно слово, одно понятие — без него немислымо волнение, которое несет литература. Слово это — любовь. Любовь к детям есть подлинная, а есть и мнимая. Мнимое чувство легко обнаружить. Оно многословно, слащаво, недолговечно. Без любви немислыма сама жизнь детского писателя.

Руководясь любовью, давайте же отдадим себя детям целиком, без остатка. Желая всем нам сомнений, участливости в реальных детских судьбах и действенного участия в государственных делах, отмеченных заботой о детстве, — желаю нам мук, освещенных любовью к малым сим, — они не забудут любви истинной. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. В 22 минуты высказать столько мыслей и поставить столь острые вопросы!

Слово имеет Ирина Петровна Токмакова для доклада на тему «О переводах детской литературы братских республик на русский язык».

И. ТОКМАКОВА. Я понимаю, товарищи, что вы уже утомились. Это уже четвертый док-

лад. Поэтому мне хотелось бы просто поделиться некоторыми мыслями по поводу переводов братских литератур, высказать несколько принципиальных соображений и нарисовать более или менее полную картину. Естественно, у меня нет возможности много говорить. Все примеры, которые я приведу, — это не панорама картины, а наугад выбранные примеры.

С огромной радостью и гордостью хотелось бы отметить вначале, что наша национальная литература, создаваемая на самых различных национальных языках нашей страны для детей, находится на большом подъеме, я бы даже не побоялась сказать и сильнее — она вступила в период расцвета, причем значительного расцвета.

Это один из результатов мудрой национальной политики Коммунистической партии Советского Союза. У нас в стране уделяется огромное внимание развитию национальных культур, культивируется бережное отношение к национальному своеобразию, глубокое уважение к национальному языку, независимо от численности говорящего на нем народа. Наши принципы — это глубокие принципы интернационализма, исключающие какие бы то ни было элементы снобизма, национальной ограниченности и чванства. Дружба народов — это наш символ веры. Кстати, ему так верно служит журнал с аналогичным названием, возглавляемый С. А. Баруздиным, который находится здесь.

Вчера в одном из выступлений говорилось, что находятся люди, которые этот символ веры нарушают, но мы будем с этим бороться!

Какой огромный интерес вызывает детская литература, создаваемая на национальных языках нашей страны у зарубежных специалистов!

Многим моим коллегам не раз доводилось выступать на конгрессах Международного совета по детской литературе и Международного общества по изучению детской литературы. Все доклады, с которыми выступали советские писатели Игорь Мотяшов, Сергей Алексеев и некоторые другие товарищи, как раз строились не столько на русской, сколько на переводной с национальных языков литературе.

Радостно отметить, с каким глубоким вниманием слушали участники конгрессов анализ творчества эстонского писателя Эно Рауда, молдавского писателя Спиридона Вангели, украинского писателя Всеволода Нестайко, известного грузинского писателя Отна Иоселиани, литовских писателей Витаутаса Петкявичюса, Ансельмаса Матутиса, Виолетты Пальчинскайте. Я говорю о последних докладах.

Мы привыкли к своему сказочному богатству и разнообразию почерков, стилей, способов выражения до такой степени, что иногда перестаем осознавать свое богатство. Ну, точно дышим воздухом и не говорим себе каждую минуту: «Вот я дышу воздухом». Мы воспринимаем воздух как данность. Так же подчас мы воспринимаем и свое огромное литературное богатство как данность. Но когда начинаешь об этом рассказывать, еще ярче осознаешь, как полна, богата и интересна наша многонациональная литература для детей. Мы развиваем у детей интернационализм. Одно из средств

межнационального общения наших детей — это переводы и издания книг на русском языке. Русский язык в нашей стране играет роль межнационального посредника при таком множестве языков — славянских, тюркских, романских и т. д. Практически невозможно стопроцентное знание языков друг друга.

Тут возникает проблема перевода на русский язык с использованием подстрочника.

Безусловно, знание языка переводчиком является ценным качеством, необыкновенно большим преимуществом для переводчика.

Скажем, армянской литературе очень повезло. Высококвалифицированный переводчик Регина Кафрисянц иногда переводит и детскую литературу с оригинала. Как замечательно звучит в ее переводе проза классика армянской литературы Ованеса Туманяна или рассказы и повести современного армянского прозаика Хажака Гюльназаряна.

И детские книги хорошо звучат по-русски.

Но, думается, не стоит преувеличивать драматизм работы посредством подстрочного, дословного перевода.

Вопрос о поэтических переводах, безусловно, сложнее, чем положение дел с прозой. Но тем не менее в поэзии немало выразительных средств, с помощью которых она рисует природу и быт, жизнь ребенка, обстоятельства его существования, его характер.

Мне хотелось бы привести пример, иллюстрирующий мою мысль, что и подстрочник не так уж страшен.

Является ли чем-то качественно иным, скажем, такой перевод поэтического стихотворения туркменского поэта Нуры Байрамова на русский язык?

Вот как звучит подстрочник:

Волны убаюкали,
Убаюкивали реку,
Но никак не могли дождаться,
Река не засыпала.

Чтобы река заснула,
Они сочиняли сотни колыбельных.
И это им казалось мало.
Обежали с разных сторон
И нашли еще колыбельную.

Под эту колыбельную
Уснули свежие ветерки,
Но река все не засыпала.
И наконец сами волны уснули.

А вот перевод:

Волны речку укачивали,
Свой разбег укорачивали,
Колыбельные пели,
Как малышке в постели.

А реке все не спится,
А реке все нейметса,
А воде все бежитса,
А воде все течетса.

Волны речку укладывали.
Не уснет ли, загадывали.
Пели песни старинные.
Задушевные, длинные.

Ветерки им внимали,
Ветерки задремали.
Словно нянька на стуле,
Сами волны уснули.

А реке все не спится,
А реке все нейметса.
А воде все бежитса,
А воде все течетса...

Это как разборный дом. На одном участке он разобран, а потом перенесли бревна на другой участок и построили дом вновь.

Но тем не менее мне хочется повторить: знание национальных языков было бы желательным в идеале. Это чрезвычайно важно. И, дорогие товарищи, мне кажется, что об этом могли бы позаботиться Союзы писателей национальных республик. Они могли бы проявить большую активность, больший интерес, обращаться к молодым. Мне кажется, что можно было бы изыскать возможности и средства — привлечь и воспитать молодых переводчиков, знающих национальные языки. Мне кажется, что тут есть какая-то недоработка.

Использование подстрочника должно быть вдумчивым. Что я имею в виду? Я считаю, что переводчик какое-то время должен работать вместе с автором и знать жизнь республики, слышать звучание оригинала, прекрасно знать реалии и быт народа. Бывает так, что переводчик, сидя в Москве, берет подстрочники грузинские, армянские, азербайджанские — переводы произведений этих республик — и создает некий «кавказский колорит», хотя мы все прекрасно знаем, что эти народы говорят на различных языках, имеют свою историческую культуру, свои обычаи, одни от других отличающиеся.

Тем не менее нельзя не сказать, что советская школа перевода находится на очень высоком уровне. Тут мы можем сказать о людях, работающих серьезно. Кто не знает переводы детской поэзии, сделанные Наумом Гребневым и Яковом Козловским, Гарольдом Регистаном, Юнной Мориц, Аллой Ахундовой, Яковом Акимом, Юрием Кушаком, Леонидом Мезиновым и другими переводчиками? Все это поэты, которые умеют прекрасно писать свои оригинальные стихи. Это серьезные поэты, которые могли бы не переводить, но не могут, так как это веление сердца, интернациональный долг каждого из них!

Можем ли мы считать, что в области переводов детской литературы все у нас благополучно? Думаю, что нет. Прежде всего не всегда точный отбор, не всегда мы выбираем того писателя, который в национальной литературе действительно имеет серьезный вес. Как это получается? Выдвинется какое-то имя вперед, кого-то перевели, может быть, потому, что он был первым, может быть, потому, что у него есть друзья среди русских поэтов, и начинают бесконечно переводить одного и того же поэта. Почему? Это — наша серьезная ответственность.

Иногда бывает так, и это тоже не секрет, что национальные авторы, не те, которые достаточно весомы в своей республике, в своей национальной литературе, оказывают неве-

роютное давление на русских, в частности, московских переводчиков. Иногда бывают просто курьезные случаи. Например, у меня в квартире раздался звонок. Открываю дверь, входит мне не известный человек, поворачивается к вешалке, прежде всего пытается раздеться, снимает пальто, а потом уже начинает со мной говорить, что я должна перевести его на русский язык. (Вопрос из президиума: «Что он принес?») Этот ничего не принес, но был и другой случай. Это было летом, я была на даче. Мой муж, простите за подробности, в 7 утра, еще в нижнем белье, открывает дверь на звонок, стоит человек с бутылкой коньяка в руках. Пришлось его выставить.

Товарищи, бывает и так, что переводчик всеяден, переводит и северных, и южных, и восточных прозаиков. И это нехорошо, потому что это происходит без глубокого знания и понимания, без серьезного отношения к литературе. А бывает, и автор национальный всеяден, которому все равно: кто и как его переводит. На свою беду армянский поэт и мой большой друг Сурен Мурадян перед заседанием прислал мне книгу, которая вышла на двух языках — армянском и русском. Листаю, смотрю: боже мой! Кто только не переводил! Тут и Борис Гайкович, и Лорина Дымова, и Татьяна Глушкова, и Ханбеков, и совсем не известные мне имена. И что получается? Получается среднеарифметическое рифмоплетство, ни ритма, ни настроения. Вот например, коротенькое, наивное и хорошее своей наивностью стихотворение о том, как ребенок хочет поблагодарить Деда Мороза. Ребенок ищет в телефонной книге номер его телефона и найти не может, ничего не получается. Короткие строчки (читает стихи на армянском языке). «Я проснулся на рассвете и под елочкой заметил сверток, кто же его принес? Это — Дед Мороз; он приходит, как нарочно, очень тихо, осторожно» (ничего этого в оригинале нет), и далее: «И даря свои дары, не разбудит детворы». Стихотворение идет от имени ребенка, но когда ребенок сам скажет «дары», «детворы»? Откуда появилось слово «оснеженный», кокетливое, претенциозное, если оно попадет в стихи для детей?

И я своего друга автора, которого я тоже в свое время переводила, высекла публично и рада, потому что нельзя к своей литературе и к своему таланту относиться так нетребовательно, нельзя! Этого быть не должно.

Мне понравился армянский поэт Левон Мкртчян, который сказал в своем предисловии к сборнику стихотворений Амо Сагияна «Поздние ягоды»: «Поэзия, как дерево, растет в определенном месте. Привязанная к породившей ее земле, поэзия именно благодаря такой привязанности становится интересной людям других земель и стран. В литературе, и особенно в поэзии, одна небольшая географическая точка может вместить в себе весь мир, всю Вселенную и все бесконечное многообразие жизни».

Вот это произрастание «в определенном месте» создает своеобразие, национальный колорит, то, что каждую национальную литературу одну от другой отличает. И хочу еще заметить, что наши национальные литературы

объединяет в одну советскую детскую литературу. Она едина по своим самым кардинальным принципам. Единство детской литературы Советского Союза заключается в понимании, что утро человеческой жизни — самая важная пора, когда закладывается фундамент будущей личности. А личность эта должна развиваться гармонично, усваивая понимание наших коммунистических нравственных идеалов.

Перечисление «обойм» писателей всегда чревато невольным добавлением «и многие другие». И все-таки, говоря о нашем золотом фонде, о богатстве и разнообразии творческих индивидуальностей, я просто не могу не упомянуть с благодарностью и уважением некоторых писателей, которых чту, у которых учусь, чьих новых книг всегда с нетерпением жду или чей ранний уход горько оплакиваю. Среди них замечательные эстонские писательницы Айна Первик, Эллен Нийт, Хелью Мянд, отличный прозаик Яан Кросс и Яан Раннап, прекрасные латышские писатели Имант Зиедонис, Юлий Ванга, Витаутас Люденс, Марис Чахлайс, Янис Балтвилкас, безвременно ушедший из жизни Ояр Вацетис, чудесные поэты Литвы Мартинас Вайнилайтис, Виолетта Пальчинскайте, Рамута Скуцкайте, украинские прославленные писатели Оксана Иваненко, Юрий Збанацкий, Виктор Кава, узбекские писатели Куддус Мухаммади, Пулат Мунин, Хаким Назир, Мирзиза Агзам, Раззак Абдурашид, Латиф Махмудов, Марсаид Миршакар, Гульчехра Сулейманова, Убайд Раджаб из Таджикистана, Муса Джангазиев, Абзий Кыдыров, Сорнобай Джусев, пишущие для детей на киргизском языке, казахские писатели Музафар Алимбаев, Кыдыр Мурзалiev, Калдарбек Найманбаев, Сейтжан Омаров, очень талантливый туркменский поэт Агагельды Алланазаров, Каюшь Тангрыкуллиев, Нурит Байрамов, армянские писатели Хажак Юльназарян, Сагател Арутюнян, Вазген Тальян, Карен Симонян, прославленная Сильва Капутикян, которая немало написала для детей. Можно сказать о прекрасных писателях азербайджанских — это Мирварид Дильбази, Тофик Махмуд, Ильяс Тапдыг, Захид Халил, Максуд Ибрагимбеков. Замечательные писатели Грузии — это Нодар Думбадзе, чья жизнь оборвалась так рано, это здравствующие ныне Хута Бериулава, Морис Поцхишвили, Реваз Инанишвили, Додо Вадачкория. Прекрасные молдавские писатели Владимир Бешлягэ, Филип Миронов, Ион Хадыркэ, Спиридон Вангели. Белорусские писатели — Эди Огнецвет, Василь Витка, Янка Брыль, Виктор Козько, Валентин Лукша.

И тут мне придется сказать «и многие другие».

Это и печальное добавление, и очень радостное. Потому что оно говорит и о неисчерпаемости наших богатств. О том, как много прекрасных национальных писателей, поэтов и прозаиков у нашей страны.

Мне хотелось бы сказать еще с этой трибуны нашего съезда о том, что недавно состоялось партийное собрание детских и юношеских писателей Москвы. И на этом собрании мы решили выйти с ходатайством об учреждении Союзом писателей СССР ежегодной премии

имени Маршака для писателей, которые работают в трудном и нужном жанре для самых маленьких. Мне думается, полезно организовать конкурс молодых писателей для маленьких. Это будет серьезное поощрение и даст возможность обнаруживать новые таланты.

Таким образом, чтобы наша прекрасная многонациональная литература стала бы еще разнообразнее, моложе, прекраснее и богаче. (А п л о д с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Дорогие товарищи!

Мне кажется, что эти доклады, которые мы прослушали, показывают нам, какая у нас богатая детская литература, богатая многонациональная детская литература. Когда мы обсуждаем эту литературу, то мы, конечно, очень болеем за то, что нам хотелось бы в литературе добавить, поправить, посмотреть, чего нам не хватает в этой литературе.

Но потенциал детской советской литературы огромен. Мы, конечно, в жизни нашей еще кое-что упускаем, кое-что упускают наши издательства «Детская литература» и «Малыш».

Потому мы и выделены в эту секцию съезда, чтобы в прениях, которые начнем через полчаса, после перерыва, высказать наши предложения, как решить те задачи или наметить задачи, которые необходимы, и потом сообщать их решать.

Здесь присутствуют в президиуме представители Академии педагогических наук на самом высоком уровне и Министерства просвещения, ЦК комсомола. Я думаю, совместными усилиями мы еще дальше, как говорится, продвинем значение нашей литературы и умножим достижения, постараемся избавиться от тех недостатков, которых у нас имеется еще немало.

А сейчас позвольте объявить перерыв.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ

Председатель — С. В. МИХАЛКОВ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Продолжаем работу нашей комиссии. Я думаю, что 10 минут регламента достаточно для того, чтобы высказать свои сокровенные мысли. 10 минут — это 4—5 страницы на машинке. Пересмотрите свои выступления.

А сейчас слово предоставляется Сергею Петровичу Алексеву.

С. АЛЕКСЕЕВ. Можно сегодня сказать много добрых слов о нашей многонациональной детской литературе. В ее рядах трудятся прекрасные мастера. Особо радуют успехи наших национальных литератур. Действительно велик ее международный престиж. Во всем мире знают и ценят советскую детскую литературу.

Можно сказать и критические слова о нашей детской литературе, ибо она в чем-то теряет свой гражданский пафос. Особенно в книгах, адресованных младшим возрастам. Начинает отягощать детскую литературу большое количество невыразительных холодных книг. Еще

мало мы, детские писатели, согласуем свою работу с задачами советской школы.

В этом значительная доля вины и нашей критики, и наших издателей и, конечно, нашего журнала «Детская литература». Много в нашей работе нам надо пересмотреть. Прежде всего поднять критический тонус журнала.

Отдельные острые статьи, напечатанные на страницах «Детской литературы» за последнее время, — такие, как, скажем, статья Сергея Баруздина «Девять книг, выбранных наугад», или статьи Св. Соложенкиной, А. Казанцева, В. Акимова, или наша критическая дискуссия о работе художников детской книги, — это лишь начало той перестройки, в том числе и чисто психологической, которую сейчас предпринимает журнал.

Но не восхваление и не хула детской литературы — главное, ради чего я попросил слово. Хочу сказать о том, что волнует меня вот уже долгие годы, сказать о том положении, которое сложилось у нас в Союзе писателей по отношению к детской литературе.

Вспомните первого нашего писательского председателя — Алексея Максимовича Горького. Вспомните А. Фадеева, вспомните К. Симонова, Л. Соболева, Б. Полевого. Это были времена подчеркнуто бережного отношения к детской литературе.

Хотелось бы, чтобы они, такие времена, продолжались. К сожалению, кое-где на местах, скажем, в Молдавии или Таджикистане да и у нас в Москве такие традиции ослабевают.

Долгие годы складывалось, на мой взгляд, очень ненормальное положение на Украине. Некоторые из руководителей Союза писателей Украины не только устранились от забот о развитии детской литературы, но и вообще старались не замечать ее существования. А если чуть заострить существо этой позиции, то применительно к детской литературе, она, эта позиция, звучала почти как знаменитое «Карфаген должен быть разрушен». Правда, сейчас положение, кажется, начинает меняться.

Теперь о других наших проблемах, о некоторых из них уже не раз говорилось. Вот, и на мой взгляд, острейшая из этих проблем — отсутствие в нашей многонациональной стране всесоюзного издательства детской литературы.

А вот и другие: нет толстого литературно-художественного журнала для детей. А ведь в свое время директивными органами было принято решение о создании такого журнала — именно детского толстого журнала. Однако таким, то есть детским, созданный тогда журнал так и не стал. Нет его и поныне.

Советская детская литература имеет свою, теперь уже большую историю, накоплен громадный опыт. Требуется его внимательное изучение. Необходимо создать институт детской книги. Живой, энергичный, в котором работали бы высококвалифицированные специалисты, исследователи, критики, которых пока так мало в нашей детской литературе.

Скажу, что в целом ряде стран такие институты уже давно существуют.

Вопросы издательские. Конечно, в этой области много достижений. И все же остаются старые беды: низкий уровень полиграфическо-

го исполнения большинства детских книг. Наряду с отдельными просто отличными изданиями. Зачастую плохая печать, плохая бумага, плохие краски. Ограниченный выбор форматов для детских изданий. Особенно мучительный вопрос — длительный срок прохождения рукописи в издательстве.

Уже много лет мы говорим о несправедливой оплате труда детских писателей, прежде всего тех, кто пишет для самых маленьких. Это книги тоненькие. Их нельзя измерять тем же погонным метром, что и 30—40-листные романы. Здесь должны появиться новые нормы. Может быть, стоит оттолкнуться от опыта наших болгарских или венгерских друзей. А можно придумать свое. Но сделать что-то необходимо. Нынешняя гонорарная политика в этой области, уверен, во многом тормозит, если не сказать резко — губит развитие нашей литературы для младших читателей. Необходимо также, на мой взгляд, повысить оплату за публикацию литературных материалов на страницах журнала «Мурзилка», газеты «Пионерская правда» и в других периодических детских изданиях.

Несколько слов о кино. Признаюсь, меня очень смущает появление за последнее время на наших экранах множества прежде всего зарубежных фильмов, проповедующих жестокость, показывающих бесчисленные сцены убийств и открытого насилия над человеком.

Не уверен, правильно ли мы поступаем, выпуская такое обилие и собственных милиционерско-детективных лент и даже целых сериалов. Вот и в последнем номере журнала «Советский экран» изрекламируемых четырех новых советских фильмов — два вновь посвящаются той же теме. Откройте вчерашний номер «Вечерней Москвы», где сообщается о начале работы нашего съезда, и реклама — новый остросюжетный приключенческий фильм. Фотография: опять пистолет. Снова ружье. Опять милицейский фильм.

Куда мы идем?

Теперь о детском кино. Точнее, о киностудии детских и юношеских фильмов им. М. Горького. Ясно, что вот уже долгие годы эта студия во многом не выполняет своего прямого назначения, а Госкино СССР содействует такому ее состоянию. Напомню, что создавалась эта студия именно как студия детского фильма. Да и называлась она «Союздетфильм». Более поздние постановления вновь предписывали ей быть в первую очередь именно такой студией.

Что происходит на самом деле, вы видите сами. Многолетний обман!

Вот так и отрезают клин за клином от того, что предназначается детям. Там перехватили журнал, тут отхватили чуть ли не целую киностудию. В издательстве «Молодая гвардия» перестали издавать художественные книги для детей. Когда-то в Детгизе выходила «Роман-газета» для детей («Новинки детской литературы»). Теперь этого издания нет. Правительство установило специальные Ленинские и Государственные премии по литературе и искусству для детей. Сплошь и рядом их выдают не по назначению. К награждению орденами почти не представляют детских писателей. В Литературном институте перестал дей-

ствовать семинар по детской литературе. «Литературная газета» если и обращается к детской литературе, то, как правило, вытягивая из-под полы розгу. Еще много лет тому назад Секретариатом Союза писателей СССР было принято решение, обязывающее толстые журналы печатать произведения для детей и говорить о детских книгах на страницах своих литературно-критических отделов. Выполняется ли это постановление? Не выполняется. Добавьте к этому мизерность литературных передач для детей на телевидении и на радио. Как видите, происходит что-то почти тотальное, что-то почти фатальное. Всюду, где могут, теснят, загоняют в угол детскую литературу.

Почему мы катим в нашей общей литературной карете на зпятках, в лучшем случае на облучке? Почему мы смирились с таким положением?

Сейчас, после XXVII съезда партии, после решения о реформе школьного образования, когда в деле воспитания молодого поколения должна значительно возрасти и роль детской литературы, хочется верить, что многое начнет меняться. Все вокруг совершенствуется. Должно совершенствоваться и руководство детской литературой. И сама детская литература. Должна совершенствоваться и писательская работа каждого из нас.

Последнее. Несколько слов в защиту гуманитарного и исторического образования. Я присоединяю свой голос к тем, кто говорит, что наше школьное образование и домашнее воспитание очень сильно надо повернуть в сторону чувств и эмоций. Литература и история здесь незаменимы.

Еще на прошлом нашем съезде Федор Абрамов говорил: «Будут физики. Будут математики. А будет ли человек?» Великую миссию литературы Лев Толстой видел в передаче высоких чувств одним людям другим. Высоких чувств! Эта толстовская мысль в век ускорения и научно-технического прогресса приобретает особый смысл. Мы должны передавать нашим детям и нашим внукам воистину прекрасные человеческие качества: стремление к высоким гражданским идеалам, умение понимать других людей, способность воспринимать трудовой и нравственный опыт своего народа.

И делать это надо сегодня же.

Как поется в популярной ныне песне: «Пока не поздно! Пока не поздно!»

И в заключение — шесть слов:

Да здравствует и торжествует советская детская литература! (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Юрию (Григорию) Олиферовичу Збанацкому (Украина).

Ю. ЗБАНАЦКИЙ. Мне понравилось начало нашего сегодняшнего разговора. В своем вступительном слове Сергей Владимирович правильно нацеливает нас на то, как нужно решать этот вопрос. Да, после решений XXVII съезда КПСС нам нужно от многого отказаться, от того, что мы же и делали: не кто-нибудь, а мы.

Иногда на республиканском нашем съезде и

вчера мы слышали, как будто кто-то, какие-то злые силы что-то делали, а мы не имеем к этому никакого отношения, мы должны их разогнать и должны с ними вести борьбу. Поэтому очень хорошо, что у нас нет бурных аплодисментов, которыми изгоняют ораторов с трибуны.

Наши докладчики достаточно по-деловому, умно проанализировали состояние нашей литературы. Оно не блестящее, но оно не безнадежное. Сейчас нам нужно говорить не только о том, от чего нужно отказываться, а главное, о том, что нужно делать завтра, поэтому и нужно быть очень умными, терпеливыми людьми, которые призваны решать очень серьезно вопрос.

Я раздумывал над этими делами. У меня есть несколько своих замечаний по этому вопросу, и мне хотелось на этом остановиться.

Итак, предлагается следующий год посвящать школе. Это нужно понимать: литература для детей и юношества.

Заманчивая идея. Хотя бы уже тем, что это будет впервые за неизвестно сколько тысячелетий существования такой общечеловеческой институции, как школа. А она, говорят, существовала уже не только у древних греков, а даже в Египте и у шумеров.

Кроме того, это звучит: месячник безопасной езды на транспорте и тому подобное. Над этой идеей необходимо подумать. Школа — это хорошо, а как же быть с детскими садиками, с профтехучилищами, высшей школой? Все это в жизни тесно связано и взаимосвязано. Все это, как и семья, — организации и учреждения, которые тесно связаны с школой, — предмет интереса художественной литературы.

Поэтому тема школы в следующем году, нужно полагать, овладеет полностью пониманием всех писателей, и поскольку она почти неисчерпаема, то как же нам быть с решением других тем и проблем, которые не менее важны и никак не могут обойтись без нашего внимания?

Я так резко ставлю вопрос потому, что, мне кажется, идея о годе школы потребует огромнейших усилий всей писательской общественности и нужно сначала очень четко себе представить, что от всех нас потребуются, а потребуются много, и важно в этом деле не просчитаться, ибо можно растечься мыслью по древу и добиться противоположного доброму замыслу.

А вот о внимании к литературе для детей и юношества необходимо говорить всерьез.

Настало время задуматься: а почему в отчетных докладах, не только республиканских, а и нашего верховного Союза, о детской литературе говорится где-то в конце, да и то походя, так себе, между прочим? Почему у нас забыта горьковская традиция? Ведь на Первом съезде писателей СССР о детской литературе прозвучало набатное слово: писать так же, как и для взрослых, только лучше.

Если уж говорить откровенно, то нам хотелось бы на съездах слышать слово о литературе для малышей и юных читателей в начале доклада, и не просто слова, а глубокий анализ всего созданного для них. Это было бы и закономерным, и справедливым.

Художественная литература — человековедение, средство воспитания человека, созда-

ния человеческой личности. А когда же начинать это большое и благородное дело? Не тогда же, когда человек сформировался и завершает свой трудовой путь...

Воспитывать человека нужно начинать, говорят мудрые люди, еще в колыбели, каждой матери, каждой бабушке, очень и очень помогает и народная песня, и сказка, и присказка. А уж что говорить о дошкольниках, людях чрезвычайно любопытных, влюбленных в поэзию и звонкое слово. Школьники же и вообще народ, неразлучный с книгой, читающий все, что попадает в руки.

Вот и необходимо рачительно собирать все, заслуживающее внимания, проанализировать — и не только на съездах, но и в критических отделах газет и журналов, ибо от правды не уйдешь — не все из-под нашего пера выходит со «знаком качества».

У нас, на Украине, в разговоре на съезде отмечалось, что для детей младшего и среднего школьного возраста создано немало полезных и научных произведений. Отмечалось и то, что не обошлось без серости, даже броско, но конкретно имена не назывались. Отмечалось, что мало создано ярких и нужных произведений для юношества. С этим нельзя не согласиться, но необходимо отметить: эта задача не по плечу для тех, кто причислен к цеху детских писателей.

Юноши и девушки, начиная где-то уже с 5—6-х классов, успешно осваивают литературу, созданную не только детскими писателями. И мнится мне: мы, 6—7-классниками в конце 30-х годов, зачитывались «Чапаевым» Фурманова, «Железным потоком» Серафимовича, «Тихим Доном» Шолохова, «Разгромом» Фадеева.

А разве сегодняшняя юность не читает этих же произведений и еще многих и многих, написанных так называемыми взрослыми писателями в довоенное и послевоенное время?

Мое глубокое убеждение: литература для юношества — это все лучшее, что создают писатели всех поколений и работающих во всех жанрах. Почему же на съездах не говорится об этом в полный голос, не фиксируется внимание всех мастеров нашей литературы на этой проблеме? Ведь никто из нас всех, пишущих для детей и взрослых, не снимал с себя обязанности за воспитание юного поколения строителей новой жизни, будущих хозяев нашей земли.

Чтобы писать о детях и для детей, о юношестве и для юношества, необходимо глубоко знать детей, среду, в которой они живут и воспитываются. А жизнь — безграничная и безудержная, в ней есть все — и то, на что нужно равняться, и, к сожалению, то, что нужно выжигать каленым железом.

Украинский писатель Кость Светличный долгие годы изучал жизнь коллектива сельских школ на черкасской земле, в селе Сахновка, метод педагогической деятельности директора этой школы Александра Антоновича Захаренко. Захаренко — единомышленник Сухомлинского и продолжатель его дела. То, что он делает в своей школе, — это действительность, похожая на сказку. Свои новаторские педагогические принципы он осуществля-

ет на практике. Многие от Захаренко вошло в новый закон о реформе школы. Он не случайно был в комиссии по реформе советской школы.

Писатель Светличный долго ожидал, пока издательство заинтересуется его трудом, а рецензенты тем временем упражнялись в противоречивых рассуждениях, не улавливали сути написанного, и это в то время, когда такая книга обязана появиться немедленно: о практике неординарной, новаторской учительского коллектива должен знать каждый советский учитель.

Дело создания литературы для детей и юношества — дело чести всего многотысячного коллектива советских писателей.

И еще одна важная для всех нас проблема. Все лучшее в братских литературах должно стать достоянием всех советских детей как на их родных языках, так и на языке великого Ленина, ибо русский язык сегодня — родной, близкий, понятный и любимый для ребят во всех концах нашей Родины.

Наше славное издательство на М. Черкасском пер., 1, — «Детская литература» с любовью и большой заинтересованностью доносит братскую литературу на русском языке миллионам маленьким читателям. Но, к сожалению этому издательству не под силу объять все то, что почти необъятно, что создается братскими литературами.

Наступило время учредить в Москве издательство, задачей которого было бы осуществление заветной мечты каждого писателя, надежды всех детей страны — издание всех художественных ценностей, без которых сегодня не обойтись ни учителям, ни школе, ни родителям, ни нашим дорогим читателям — неутомимым мальчишкам и девочкам всех возрастов.

Если уж говорить по большому счету — все лучшее детям, — то давайте пойдем до конца: нет ничего лучшего, необходимейшего, самого дорогого для наших детей, чем прекрасная, мудрая книга. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Сергею Алексеевичу Баруздину.

С. БАРУЗДИН. Мы с вами — не только детские писатели, мы — люди, заинтересованные в детстве, мы — граждане, и поэтому давайте поговорим о положении детства в нашей стране. Эта проблема сегодня стоит не менее остро, чем проблема охраны окружающей среды.

К примеру, мы вот уже 50 лет говорим о том, что советское метро — самое лучшее, а сейчас это превратилось в проблему № 1. Ежедневно 2 тыс. остановок транспорта производятся по техническим причинам. Метро стало тесным...

Мы говорим о том, что дети — привилегированный класс в Советском Союзе, но давайте не убаюкивать себя этим. Все негативные явления, о которых говорилось на апрельском Пленуме, на июньском Пленуме, на XXVII съезде партии, прежде всего ударяют по детям.

Если мы говорим, что наше здравоохранение сегодня поставлено ужасно, то больше всего это относится к детскому здравоохранению. Ребенок появляется на свет, а мы вынуждены закупать детское питание за валюту у малень-

кой Финляндии и маленькой Венгрии, мы не можем производить это питание у себя.

Мы говорим о недостатках в строительстве детских садов. И это прежде всего бьет по детям. Стало отвратительным явлением, что молодые воспитательницы детских садов из-за перегруженности групп специально создают сквозняки, чтобы дети заболели и таким образом им легче было бы справляться со своим юным контингентом.

Мы говорим о недостатках в легкой промышленности. И это прежде всего ударяет по детям. С первых шагов ребенка молодые родители не могут купить ему нормальные отечественные ботинки и трусики. Мы все это покупаем в других странах.

Мы говорим о недостатках морально-этического воспитания советского человека. И действительно, эти недостатки бьют по детям. И то, что здесь говорил Альберт Лиханов, — подтверждение этому.

А положение детских домов! Несмотря на меры, которые принимаются, к сожалению, детские дома находятся у нас на уровне детских приютов и по обеспеченности, и по деньгам, которые им отпускаются.

А возьмем хлопкосеющие республики. Детская смертность там выше, чем в африканских странах. Мы травим детей и матерей химикатами, обеспечивая машинную уборку хлопка.

Знаете вы и такой ужасающий факт, что советские дети, рождающиеся с диабетом, к сожалению, не могут колоться один раз в день, они это вынуждены делать три раза в день, потому что мы не производим пролонгированного инсулина, а за последние три года количество юных диабетиков возросло на 160%.

Рядом с моей дачей в Перedelкино расположен детский туберкулезный санаторий. Там контингент — 150 детей, страдающих туберкулезом, и более 50, кроме всего прочего, — диабетики.

И, наконец, еще одно. В 1940 году отсев при призыве в армию по состоянию здоровья был значительно меньше, чем в 1986 году. А разве можно сравнить условия довоенной жизни с 1986 годом? Конечно, нет! Вот почему мне думается, что сначала нужно говорить о государственном отношении к проблеме детства, а потом уже о государственном отношении к проблеме детской литературы.

Нужно посмотреть здоровыми, разумными глазами на реальность и засучив рукава браться за дело и исправлять упущенное в последние годы.

О детской литературе. На моих глазах, как и на глазах Сергея Михалкова, изменилось государственное внимание к детской литературе. Это сказывается во всем. Когда я вступил на поприще детского писателя в 1951 году, в течение года «Правда» напечатала два подвала М. Белаховой и С. Михалкова о детской литературе, и прежде всего о литературе для маленьких. Можете ли вы вспомнить за последние 20 лет, чтобы в «Правде», «Известиях», «Советской России», «Комсомольской правде», даже в «Учительской газете» поднимался разговор о детской литературе?

Издательство «Детская литература» выпустило около 15 собраний сочинений. Найдется ли орган печати, в котором хотя бы словом

упоминается это событие? Не было сказано об этом даже в «Пионерской правде», а мы говорим о том, что профессия детского писателя перестает быть престижной.

В трудные послевоенные годы была аккордная система оплаты произведений писателей, работающих для маленьких. Ведь книжка для дошкольников — это несколько стихотворений или пол-листа текста. Можно ли ее по оплате сравнить с романом на 30—40 п. л., а такая книжка выходит в течение 4—5 лет, планы забиты, практически сочинение, адресованное сегодняшним дошколятам, попадает к его внукам. Кто отменил закон об аккордной оплате произведений для маленьких ребят? Никто, но наши издательства его сегодня не применяют так, как применяли 20—30 лет тому назад.

Скажите мне, товарищи, Союз писателей СССР, Союз писателей РСФСР, Московская писательская организация провели хотя бы один разговор о детской литературе? Нет, к сожалению. Я не говорю, конечно, о Совете по детской литературе СП СССР или о творческом объединении детских и юношеских писателей Московской организации. А прежде были такие разговоры. Хотя и говорят иногда, что там выступали некомпетентные писатели, я считаю, польза от таких разговоров была. Я помню, когда на всесоюзных совещаниях докладчиками по детской литературе выступали Н. Грибачев и другие сугубо взрослые писатели. Тогда выступали К. Симонов и К. Федин. Это придавало больший авторитет этому важнейшему делу. А вот сейчас в отчетном докладе съезду писателей в самом конце доклада детской литературе отводится только один абзац с расчетом на то, что будет работать комиссия и ее работа будет приобщаться к материалам съезда. Но это не повышает роли детской литературы и не повышает авторитета детских писателей.

Товарищи, давайте думать об этом по-государственному, а не ограничиваться нашими цеховыми делами, давайте отвечать за судьбу ребенка в нашей стране. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Максуду Мамедовичу Ибрагимбекову (Азербайджан).

М. ИБРАГИМБЕКОВ. Дорогие друзья! В Азербайджане с детской литературой дело обстоит нормально, так же, как и в других республиках. Дети у нас читают Низами, Сабира, других писателей. Несколько писателей пользуются у детей особым спросом, дети их читают и получают пользу. Учитывая полиграфическую базу, непрерывно увеличивается выпуск литературы и одновременно увеличивается серый поток литературы, я не буду спорить, какого цвета этот поток, но, пожалуй, все-таки серый. В общем, все идет нормально. Но сейчас серый поток детской литературы мы должны прекратить, и это дело прежде всего Союза писателей. И мы это должны вменить в обязанность Союзу писателей. Вы знаете, что на съезде будет избран новый состав Правления Союза писателей. Но если предположить, что при помощи Союза писателей весь этот поток серой литературы прекратится, то это не

так. Если Союз писателей будет читать все эти серые произведения в рукописи, то это просто физически невозможно, а если Союз писателей будет читать все выпущенные книги, то это будет уже поздно и бесполезно, потому что книги-то уже вышли и уже их читают.

Как же выйти из этого положения?

Я думаю, что это — предоставление автономии издательству, без всяких тайных рецензий, то есть только предоставление автономии издательству даст возможность наладить выпуск полезной литературы.

Много говорилось о том, что детская литература выпускается взрослыми издательствами, — это нелепость, анахронизм. Съезд должен принять решение по этому вопросу. Я думаю, что это предложение будет принято и решено всесоюзным издательством «Детская литература».

Теперь я хочу остановиться на одной проблеме, которая мне представляется очень важной. Вы знаете, что человеческий мозг является очень сложным органом, но этот орган может стать замечательным инструментом, если этот орган будет все время развиваться. Если же мозг, этот замечательный природный орган, не развивать, то он превращается для своего обладателя в средство бесполезное и влечит жалкое существование. Развить человеческий мозг можно только чтением детской литературы, систематическим чтением с детства. И дети должны читать книги вовремя, потому что образовавшиеся пробелы в чтении впоследствии исправить нельзя. Вы знаете, что у нас образование может получить каждый человек до 30 лет. Но если этот человек не прочитал Пушкина, Дюма, Толстого, Михалкова, Гайдара и других семи детских писателей, которые сидят в президиуме и в этом зале, очень интересных писателей, то он обречен, он не может восполнить эти пробелы, потому что все надо читать вовремя. А прочтение этих же писателей впоследствии уже ничего не дает, потому что краски, свежесть восприятия этой литературы в детстве уже исчезают и затвердевают.

Я провел один эксперимент. Я познакомился и поработал в Москве, Баку, а также за границей с 50 учеными, инженерами, врачами, которые в своей жизни что-то изобретали. Выяснилось, что все эти люди в детстве читали сказки, фантастику, книги детских писателей. И все это совершенно закономерно, потому что только люди, так поверившие в чудо в детстве, что это чудо стало их второй сутью, способны на великие открытия, на изобретения. Те же люди, которые не верят, что само чудо совершается самими же людьми, не способны изменить существующий порядок вещей. Те люди, которые не прочитали вовремя то, что надо, не способны и мечтать. Мы сейчас стоим перед проблемой того, что может возникнуть целое взрослое поколение людей, которые не понимают значения детской литературы. В результате наука, литература, промышленность нашей великой страны будут двигаться вперед неразвитыми людьми, и все потому, что сегодня детских книг нет, что существует хронический дефицит хорошей детской литературы. Практически писатели перестали выпускать необходимые детям книги. Родители жалуют-

ся, что учителя рекомендуют детям для чтения книги, которые достать невозможно. Мне кажется, это важная проблема. И этот пробел в детском чтении необходимо исправить.

Общепринято думать, что человек, не прочитавший в детстве того, что положено, будет лишен каких-то важных черт нравственности и вырастет бездуховным человеком. Это правильно, но на самом деле эта проблема носит и стратегический характер. Эту проблему надо рассматривать под углом зрения здоровья всей нации. Гораздо важнее сейчас наладить выпуск книг, чем решить проблему о развитии промышленности, сельского хозяйства, потому что это непоправимо.

Речь идет о людском «материале».

Недавно я узнал, что человеческое сердце перекачивает за всю жизнь человека 15 миллионов литров крови. Это вообразить трудно! Целое озеро крови! Но если сердце человека перекачивает всего 15 миллионов литров крови, — он или умирает, или заболевает. Для полнокровной жизни человека необходимо перекачать 18 миллионов литров крови.

В газетах я читаю астрономические цифры — сколько книг было издано. Но это цифры поражения! Они говорят о том, сколько книг залежалось на прилавках магазинов!

Несколько слов об атеизме. Мы воспитываем атеистов — это прекрасно. Но мы воспитываем и малограмотных людей! Люди не знают, что такое 10 заповедей, что такое Апокалипсис, что должен знать интеллигентный человек. Воспитывается целое поколение, которое не знает, что такое Библия, Коран, Талмуд, не знает смысла буддизма, индуизма и т. д. ... Это урон, который ведет к снижению способности человека изобретать и знать.

(С. Михалков: «Для того чтобы бороться, надо знать, с чем бороться».)

Мы должны бороться с религией, но ни в коем случае не с Библией. Это литературное произведение о давних временах невероятно высокого качества!

Кто-то предлагал ускорить творческий процесс писателя. Этого делать не надо. Процесс создания книги — как процесс созревания вина, сыра. Ускорив его, мы понизим качество. Вот все, что я хотел сказать. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ускорить можно, но для этого нужно, чтобы писатель изучил стенографию, тогда он сможет быстрее записывать свои мысли. Слово имеет Олег Максимович Попцов.

О. ПОПЦОВ. Я не детский писатель — в какой-то степени «человек со стороны». Но, как сегодня было сказано, иногда взгляд со стороны — не во вред! Может быть, это так.

Вообще такие понятия, как «школа», «литература», «молодежь», были актуальны и важны всегда — сто лет тому назад и сегодня, завтра и т. д. Это категории вечные, проблемы вечные для всех цивилизаций и всех социальных систем.

Я хочу зачитать один документ.

Школа-десятилетка в Чертанове. 1200 учеников, 46 педагогов.

Библиотека хорошая, есть практически все классики, лучшее в советской литературе.

— Что читают?

— Больше всех читают — помимо программы и внеклассного списка — начальные классы. 5—7-е классы, за исключением 2—4 человек в классе, читают только программные произведения. 8—10-е классы читают еще меньше.

Ни разу не востребованы из имеющихся в библиотеке книг — М. Ломоносов, Г. Державин, Н. Карамзин, Е. Баратынский. П. Вяземский, Ф. Тютчев, А. Сухово-Кобылин. Т. Шевченко, Н. Бараташвили, Л. Украинка, И. Бунин, М. Пришвин, М. Булгаков, Л. Леонов, Н. Гоголь, А. Куприн, Ф. Достоевский.

Из современной литературы ни разу не выдавались: Ф. Абрамов, В. Белов, Г. Бакланов, Н. Думбадзе, С. Залыгин, В. Кондратьев, В. Крупин («Живую воду» брали лишь 3 учителя), Г. Матевосян, В. Маканин, Г. Тютюнник, В. Тендряков, Ю. Трифонов. (Учтены лишь отдельные издания. Педагоги обычно читают новинки в журналах.)

Среди учителей наибольшим спросом пользуются: трилогия Ю. Бондарева, романы А. Иванова, «Полководец» В. Карпова, «Война» И. Стаднюка, «Судьба» и «Имя твое» П. Проскурина, романы А. Чаковского, повесть «Имитатор» С. Есина.

Имен А. Битова, А. Курчаткина, А. Кима, В. Лихоносова, В. Личутина словесники не знают (один встречал в «Литгазете», но произведений не читал).

Литература и телевидение. Вечер Д. С. Лихачева смотрел 1 педагог (рисование и черчение); учитель истории (университетское образование) смотрел 15 минут, показалось скучным, переключил на вторую программу. Из опрошенных учеников (72 человека, 7—10-е классы) смотрела одна девочка, вместе с родителями (мама — искусствовед, папа — научный работник).

Телевизионные и киноэкранизации классики никак не отражаются на читательском спросе в библиотеке. Спрашивают лишь современные произведения (А. Иванов, П. Проскурин, А. Чаковский).

Поэзия. Школьники спрашивают и читают А. Вознесенского, Р. Гамзатова, А. Дементьева, Ю. Друнину, Р. Казакову.

Учителям-словесникам неведомы имена Е. Винокурова, Г. Горбовского, А. Жигулина, А. Казанцева, А. Кушнера, Ю. Морин (только по пластинке с песнями Никитиных), В. Соколова, Д. Самойлова, А. Тарковского и т. д. Н. Рубцова знают двое, говорят, что он недавно получил орден Ленина.

(Смех в зале.)

Несколько размышлений по этому поводу. В свое время я был в командировке в воинской части. Показывали все, что положено, выступали, обменивались мнениями. Во всех помещениях воинской части, в казарме вместо воды в графины был налит холодный чай. Уходя, я спросил:

— Почему чай, а не вода?

Молодой капитан ответил:

— Командир полка любит холодный чай и считает его полезным для всего наличного состава.

Часто развитие нашей литературы в школе найоминает этот принцип: что полезно командировать полка!

Мы отдаем себе отчет в том, что литература — лишь часть жизни, но даже у нас подчинение старому в литературе очень распространено.

Проблема литературы в школе — это не проблема детской литературы, а проблема литературы в целом. Всякая специализация дает результат до какого-то предела. Во всем существует «оптимальный режим». Простое положение превращается в специализацию и в некоторую изоляцию. Нечто подобное переживает детская и юношеская литература.

В мир детской литературы критика со стороны не допускается и встречается «в стыки», говорят, что не знают специфики, не понимают, что такое дети. Может быть, конечно, но специфика юношеской литературы весьма относительна. В специфике главное слово — его качество и знание психологии. Это общий закон для всей литературы. Этот момент нам иногда мешает.

Я не буду говорить о примерах, которые приводил, но скажу, что постепенно из страны самой читающей мы превратились в страну самую печатающую. Процесс чтения уже происходит несколько иначе.

Говорить о недостатках в преподавании литературы можно, но меня беспокоит то, что писатели в своих выступлениях все время доказывают, что они не оторвались от жизни.

Юношеская литература должна выполнять свою сверхзначительную миссию — должна быть не только на уровне советской литературы, но и литературы классической.

4 библиотеки, 400 библиотечных формуляров на детей с 1—10-й класс. Кривая читательского интереса имеет две кульминации: малыши и далее 5—6-е классы. Дальше кривая читательского интереса идет вниз до 10-го класса. Я подчеркиваю — не спрос, а интерес. Начиная с 7-го класса 80 процентов выдачи — книги по школьной программе.

Вывод второй: писатели, конкретные произведения которых числятся в программе или рекомендованы для чтения. Книги этих писателей повторно не берутся. Иначе говоря, постижение творчества Алексея Толстого начинается и кончается Петром I. Следующего шага подросток в мир чтения, будь то творчество Астафьева, Залыгина, Чехова, не делает. Книга не создает читательский интерес.

Мне возразят: у подростка есть личные библиотеки. Возможно, но странно, что в личной библиотеке нет именно произведений, которые значатся в школьной программе. У него есть А. Пушкин без «Евгения Онегина», Л. Толстой без «Войны и мира», А. Алексин без «Безумной Евдокии» и т. д.

Вывод третий. Отсутствие личной инициативы при выборе книг. Нет сформировавшегося интереса. Это понятно, когда речь идет об ученике 6-го класса. Прискорбно, когда так же слеп в библиотеке выпускник школы. Если к этому прибавить, что самое удручающее впечатление оставляют студенческие библиотечные формуляры, где книги для чтения составляют не более 2—3 процентов от затребован-

ных книг, то правомерен вопрос: куда мы идем? И здесь мне хотелось бы коснуться одного серьезного момента. Литература, издательское дело, а значит, и пропаганда книг, художественной литературы все более отдаляется от писателя, растаскивается по ведомственным коридорам. Нас порой раздражает, что о качестве литературы судят все, и это неудивительно.

Сегодня художественную литературу издает более 30 ведомств. Есть художественная литература под грифом МВД, Министерства сельского хозяйства, профсоюзом, Министерства юстиции, Главрбвода, Министерства угольной промышленности. И все они оказывают давление, влияние на автора, учат его писать. Создают свой стереотип литературы, навязывают свое ведомственное и, как правило, литературное безграмотное видение героя, его взаимоотношений в обществе. Получается, что искусство развивается не по законам искусства, а согласно приказу министра, по законам, причем несовершенным законам, той или иной отрасли.

Я являюсь членом жюри конкурса, объявленного Минводхозом СССР на лучшее произведение о мелиораторах, которое конечно же призвано «отразить», «запечатлеть». На вопрос, будут ли отмечены произведения критического характера, вскрывающие несовершенство мелиоративных работ, неблагоприятное состояние окружающей среды, основные держатели акции, т. е. Минводхоз, ответили категорически: «Ни в коем случае».

И мы иногда попадаем в своеобразную ситуацию: получается стереотип литературы, т. е. самой серой, самой неинтеллектуальной литературы, о чем говорил на съезде Сергей Владимирович, и я с ним совершенно согласен. Есть настоящая литература, и есть литература, которая живет по законам массовой культуры. Вопросы демократизации — это вопросы пропаганды литературного слова. И я совершенно убежден, что демократия — не только разговор и слова, но и демократизация слова. Спасибо. (А п л о д с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Выступает Каюм Тангрыкулиев (Туркмения).

К. ТАНГРЫКУЛИЕВ. Дорогие товарищи! «Если я узнаю, что ты сделал для детей, то я смогу сказать о твоём уровне культуры», — гласит французская поговорка.

Всем известно, на какой уровень поднялась туркменская детская и юношеская литература сегодня. Только в последней пятилетке было переведено более 50 книг туркменских авторов, изданных на русском, а также на языках братских народов и зарубежных стран. Общий тираж книг только за 5 лет перевалил более чем за 10 млн. экземпляров.

Успех туркменской детской литературы очень велик. Но мы постоянно думаем о том, что требования сегодняшнего дня, эпохи огромны. И еще. Не упускаем из виду и то, что сегодняшний ребенок — не вчерашний. Поэтому мы должны работать еще лучше, плодотворнее.

Хочу прямо сказать, что нашей сегодняшней

туркменской прозе не хватает Гайдара 30-х годов, Катаева, Исмаилова 40-х годов, Михалкова, Миршакара 50-х годов, Думбадзе, Алексина, Алексеева, Баруздина, Лиханова, Акима, Токмаковой, Вангели 70-х и 80-х годов.

Товарищи! Когда-то мы были маленькими, пасли ягнят и телят в бескрайних песках. Известно, что песчаные холмы очень схожи друг с другом, поэтому легко заблудиться. Чтобы мы не потерялись и без волнения нашли дорогу домой, чабаны для нас ставили определяющие ориентиры. Если ориентиры заметные и прочные, то мы спокойно шли в степь и возвращались обратно. Потому что эти ориентиры в степях и в лесу ставили опытные и умные чабаны.

Возникает законный вопрос: в жизни кто должен ставить главные ориентиры? На тропинках воспитательной дороги детям должны поставить ориентиры, конечно, писатели. Вехи могут ставить писатели своими хорошими произведениями. Проблемы, положительные герои этих книг должны служить хорошим, верным ориентиром для юного читателя. В этих ориентирах, я думаю, в сознании детей нужно прививать главным образом честность. Если ребенок растет честным, то у него в груди постоянно будут жить и другие необходимые человеческие черты. Если он растет честным, он и в жизни будет активным, добрым, гуманным, интернационалистом и т. д.

На Востоке есть такое мудрое изречение: «Если хочешь славиться один год, то сажай овес или пшеницу; если хочешь славиться 10 лет, то сажай яблоню; а если хочешь славиться 100 лет, то воспитай ребенка». Действительно, всегда в центре внимания главной проблемой было и остается воспитание подрастающего поколения.

Век научно-технической революции дети всех национальностей могут смотреть телевизор, уметь читать любую книгу на родном, на русском, даже на иностранном языке. Хотя дети в основном говорят и читают на родном языке, важно думать о проблеме воспитания ребенка по всей стране, на всех языках. Не секрет, что еще много среди наших читателей «трудных» детей. И сегодня перед детской и юношеской литературой встает вопрос: как воспитать и больше привлечь трудных детей к книге, к труду? Их трудно увлечь, они плохо воспринимают художественную литературу, они раскроют не каждую книгу.

Хочу свою мысль подкрепить одним свежим примером. Месяца два тому назад был я в родном ауле и зашел к своему другу детства. На его книжной полке увидел 6 экземпляров книги коллеги по перу, одного туркменского писателя! Заело меня любопытство, и я спросил: «Зачем тебе 6 экземпляров одинаковых книг? Или ты очень любишь этого автора?» Он спокойно ответил: «В сельской местности трудно достать махровое полотенце. Захожу в магазин и вижу продаются цветастые, красивые полотенца; я спрашиваю: можно купить 6 полотенцев? Да сколько хочешь бери, только к каждому полотенцу нужно взять книгу. Вот таким путем достались мне эти книги. Правда, полотенчики хорошие». Представьте себе, как

я покраснел! Разве так должны продаваться книги?

Конечно, перед нами стоят сложные и трудные проблемы.

Заканчивая выступление, хочу сказать еще пару предложений про слово «трудно». Когда встречаемся с людьми, все разговоры сводятся к трем вопросам: «хорошо», «плохо», «трудно». «Хорошо» ассоциируется с миром, дружбой, со всем прекрасным в жизни. Быть детским писателем трудно, найти свои тропинки в литературе не легче, чем рыть колодец иголкой. Но кто хочет работать на литературном поприще, кто хочет служить литературе, чтобы завоевать любовь читателей, тому надо обязательно найти свою дорогу. Это трудно, для этого в первую очередь надо дорожить временем.

Французский писатель Жюль Ренар так говорил: «Сильные не колеблются. Они садятся за стол, они корпят. Они доведут дело до конца, они испишут всю бумагу, они изведут все чернила. Вот в чем отличие людей талантливых от малодушных, которые ничего не начнут. Литературу могут делать только волеы. Самые мощные волеы — это гении, те, кто не покладая рук работает по 18 часов в сутки. Слава — это непрерывное усилие».

Ренар прав, стократно прав! Действительно, терять время легко. Но его объем восполнить, потерянное время вернуть назад — трудно, ох как трудно! (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Ревазу Константиновичу Инанишвили (Грузия).

Р. ИНАНИШВИЛИ. Дорогие товарищи! Я впервые выступаю с такой высокой трибуны. Мне очень трудно говорить. Тем более что на днях и я прочел рассказ хорошего русского писателя Виктора Астафьева «Ловля пескарей в Грузии», о котором уже говорили вчера уважаемый Сергей Михалков и председатель нашего Союза. В этом рассказе писателя раздражает и несправильное русское произношение, к тому же в грузинских селах, и представьте себе его состояние, если он услышит здесь мою речь. Но в те же самые дни, когда я прочел рассказ, я побывал в пионерском лагере, куда были привезены наши маленькие напуганные гости из Киевской области. Там я увидел, как грузинские женщины и мужчины на ломаном русском языке ласкают этих детей и как все они там хорошо понимают друг друга. И я решил, что когда друзья встречаются с открытым сердцем, то они по жесту и движению глаз понимают друг друга. И не дай бог кому-либо утратить это чувство!

Для так называемого всесоюзного читателя я вроде бы совсем не известный писатель, поэтому позвольте мне сказать пару слов о себе.

Я родился в конце 1926 года, до 10 лет рос в деревне, а когда мне исполнилось десять, почти все мужчины из нашей семьи, которые считали, что они плотью и кровью связаны с революцией, Советской властью, были от нас изолированы. Мы — мама, бабушка, брат и сестра — вынуждены были перебраться в Тбилиси. Впятером жили на окраине города в маленькой лачужке, в которой не было и 8 кв. метров.

Братья спали вместе, мать спала с сестрой, а бабушка — на полу. Когда шел сильный дождь или же хозяин поливал маленький огород за домом, вода заливала нам в комнате пол. Тогда бабушке приходилось устраиваться на столе. Это была удивительная женщина — крестьянка, дочь земледельца... Вместе со своим нехитрым убранством в узелке она до самой смерти хранила пожелтевшую тетрадь в голубую линейку, в которой были записаны революционные стихи 1905 года — «Вперед, друзья, вперед!», «Я, Арсен Джорджишвили, я избавил страну свою от бед...» и др. Наверняка благодаря именно этим стихам от этой женщины-матери, потерявшей сына, я никогда не слышал сетований на судьбу. Затем началась война. Шестнадцати лет я попал на военный завод, после войны поступил в университет, потом оставил учебу и поехал на одну из больших в то время строек Грузии, проработав там более 2 лет, вновь вернулся в университет. В то время я уже писал рассказы, писал их и для детей. Автор нескольких сборников. Один из них — «Далекая белая вершина» — был удостоен премии им. Руставели в области детской литературы.

Сегодня я также работаю и для детей, и, наверное, благодаря им стою вот тут перед вами.

Что я знаю о детях, что могу сказать об их воспитании, их будущем? Очевидно, то же, что и каждый из нас, то, на что постоянно жалеемся, а именно: что нам, родителям, трудно, что трудно и детям. Нам и нашим детям нелегко понимать друг друга, и так, оказывается, обстоит дело не только у нас. Несколько лет назад один английский социолог писал: я и Юлий Цезарь — дети одной эры. И он вырос на пище, приготовленной на огне, и я. И он писал при свете огня, и я. Поэтому мы лучше поймем друг друга, чем я и мои дети, дети эпохи электроники, автоматки, телевидения. Это тревожная правда. Я никогда не забуду, что значила для нас даже одна спичка, а наши дети не забывают, что где-то большая река приводит в движение турбины, оттуда идет и идет к нам электрический ток, и их совсем не волнует то, что они днями напрасно включают сразу пять лампочек, их не тревожит, что электрический ток когда-то кончится.

Когда же мы призываем наших детей беречь электроэнергию, хлеб, беречь свою одежду и тому подобное либо когда напоминаем им о том, какими бережливыми были мы в их возрасте, они нам отвечают просто: папа, мы не виноваты в том, что вы плохо жили, а за чужие деяния нас не судите.

Мы воспитывались в основном в мире семьи. Высшим эталоном, которому мы подражали, был мудрый дедушка, который все знал, все видел и даже один раз... был, как вы думаете, где? — в самом Баку!

А сейчас в нашей семье ходит множество людей идеальной наружности и внутреннего содержания — мамы, папы, бабушки, дедушки. Все — высшей марки. Благодаря телевизору, но все же! Мы удручены своей неполноценностью по сравнению с теми людьми, хотим, чтобы хотя бы наши дети и внуки не были в нашем положении, и потому таскаем их из

школы на музыку, с музыки — на иностранные языки, с языков — в спортзал, из спортзала — в научные кружки. С 6 лет заставляем их приниматься за начала алгебры, в 7 — за уравнения, в этом же возрасте начинаем им репетиторов, на которых уходит почти вся наша зарплата, трясемся из-за каждой полученной в школе оценки... И ежедневно треплем нервы и себе, и своим детям: ни мы, родители, не можем сдержаться и обращаемся к ним с бранными словами, ни они, дети, не шадят нас. И мы, прижимая руку к груди, ищем сердечные капли, а дети убегают на улицу...

Что же нам делать, как поступить, будучи родителями, а еще сложнее — будучи писателями?

Уверен, что здесь нет всеобъясняющей формулы, но, как бы там ни было, нам следует что-то предпринять. В этой ситуации могу сказать, что мы — стар и млад — не должны надеяться на то, что наша ноша станет легче. Наоборот, если мы откладывали интеллектуальное воспитание детей хотя бы на 3—4 года, то теперь уже во чреве матери надо начинать их воспитывать. Таково мнение ученых. Если мы учим шестилеток азбуке, алгебре, и это требование времени, — мы должны сымалывать воспитывать их (с помощью цветных картинок, маленьких текстов и др.) высоко нравственными, настоящими людьми.

На XXVII съезде нашей партии было сказано: люди должны беречь нашу планету, небесное и космическое пространство, осваивать его как новоселы мирной цивилизации.

Эта эра нашей мечты, эра мирной цивилизации — уже на пороге. Пока она, видимо, продиктована страхом перед уничтожением человечества, но все же эта эра будет отличаться от других именно тем, что в ней в большинстве своем будут жить люди доброй воли. Исходя из этого, мы должны направить все усилия на то, чтобы будущему поколению на всю жизнь привить простейшие, но верные нравственные категории — любовь, и сочувствие и, осмелюсь сказать, жалость, сострадание к нашей прекрасной планете Земля — порой беспомощной, лишенной конкретной способности защитить себя в руках невежественных людей.

Давайте же воспитаем наше будущее поколение патриотами своей страны! Но в то же время пусть они вырастут и детьми всей Земли, будущими хозяевами Земли! С самого же начала внушим потомкам, что мир на нашей прекрасной планете зависит от каждого из нас и начинается с каждого из нас!

Вот что я считаю новым лозунгом нынешнего съезда для детей... А другие сложные категории сами в дальнейшем дойдут до них, вроде таких: «Что же истинное богатство? Человек или то, что придумано вокруг человека?» — как спрашивает Юрий Бондарев в своей последней миниатюре «Богатство». (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Ирине Ивановне Стрелковой.

И. СТРЕЛКОВА. На прошлом съезде писателей Федор Абрамов с глубочайшей трево-

гой призывал: надо спасать уроки литературы в школе.

«Ну, будут у нас физики,— говорил он,— будет математика, будут иные специалисты, а человек-то, будет ли человек?!»

Дошел ли до Министерства просвещения голос Федора Абрамова? Выдающегося писателя России уже нет в живых, а кто-то по-прежнему кромсает школьный курс литературы. Сегодня Достоевского обкорнали, завтра Гончарова выкинут прочь.

На XXVII съезде партии Георгий Марков сказал: пора прекратить экспериментирование, а, проще говоря, коверканье программ по литературе. Обрубаясь плодоносящие ветки патриотического древа, каким была и навсегда остается наша отечественная культура.

А эти слова услышаны в министерстве?

С литературой ребенок начинает знакомиться в самые ранние годы, в ту замечательную пору, когда каждый человек талантлив, когда все прекрасно рисуют, любят петь и обладают природным чутьем к красоте и силе слова. В эти годы литература сама себя преподает, даря ребенку понимание, что прекрасное есть правда.

А затем ребенок идет в школу и литература становится для него учебным предметом, называясь для начала уроками чтения. И эти уроки чтения в начальных классах — по сути, самые главные в жизни человека уроки родной литературы, определяющие на годы вперед, разовьется ли у школьника природный дар сопереживания с прочитанным или произойдет непоправимая утрата.

Так вот, пока мы ужасались тому, что творится с уроками литературы в старших классах, в начальной школе происходило то же самое, если не хуже.

Для первоклассников, которые пойдут в школу с шести лет, выпущено в этом году пособие: «Учимся любить книгу». Довольно плотная книжка. 96 страниц с иллюстрациями. Синяя обложка, на картинке — книжка в виде кораблика под парусом. Составители О. В. Держелей, Н. Н. Светловская. Тираж 1 150 000 экз. На внутренней стороне обложки указано: «Для чтения вслух учителем и последующего коллективного рассматривания на занятиях внеклассным чтением, а также для рассматривания детьми в свободное от уроков время».

И еще напечатано указание для учителя, как обращаться с пособием. Прежде всего надо... оторвать и выбросить синие обложки с корабликом. Согласно тиражу, 1 150 000 оторванных обложек. А затем книжный блок следует разобрать по листку и сшить своими руками 12 тонких книжек.

Вот такое придумано пособие. Книжки заведомо обречены — их разберут по листку. А мы-то с вами радовались, что школьные учебники стали служить ребятам не один год. Этим 12 тонким книжкам дай бог продержаться одно полугодие.

Я спросила в издательстве «Просвещение»: не лучше ли было оставить книжку целой да еще бы дать ей крепкий переплет. Мне пояснили, что тогда это будет хрестоматия. А по хрестоматии дети не научатся любить книгу.

Честное слово, так и сказали. По хрестоматии

дети не научатся любить книгу. И новое пособие — это антихрестоматия. Потому что тонкие книжицы ребенок непременно полюбит как свою первую библиотечку.

Такие вот премудрости педагогики. Попробуй поспорь.

Но все-таки, если по-простому... Сколько было высказано возмущения, что школьникам навязывают обязательные списки для внеклассного чтения, составленные без знания детской литературы. Сколько лет мы толкуем, что только свободный выбор на книжной полке формирует истинного читателя. И вот ответ на критику со стороны учителей, родителей, библиотекарей. Изобретена новая, более жесткая форма принудительного ассортимента книг для внеклассного чтения. Теперь никто не отвертится. 12 книжек навязаны всем первоклассникам шести лет — невзирая на разные характеры и разные интересы, на то, городские они или сельские, мальчики или девочки...

И добро бы еще составители проявили отменный вкус и глубокое знание литературы для детей младшего возраста! Но ведь этого-то как раз и нет!

Назвали пособие «Учимся любить книгу» и умудрились не дать для первого чтения ни Пушкина, ни Льва Толстого, ни Некрасова. Первое чтение — и без классики!

А каков отбор произведений современных авторов? Да, есть и Чуковский, и Маршак, и Носов... Но... Почему-то среди стихов для детей оказался текст песни «Три танкиста». Я не против этой многими любимой песни. Я не могу понять: почему ее текст предложен для чтения в первом классе?

А почему при замечательном богатстве издаваемых у нас для детей литературных сказок в антихрестоматию попала «Сказка о веселом мастере»? Я не буду называть автора, он не виноват, что из его книг для детей выбрано не самое лучшее. Как не виноваты и другие авторы, чьи произведения попали в антихрестоматию бог весть почему и явно без участия в этом отборе критиков, работающих в детской литературе, и без участия издателей, знающих, какие написаны за последние годы книжки для ребят — про героев войны, про трудовую сегодняшнюю жизнь, про школу.

Характерно, что ни одна из новинок издательств «Детская литература» и «Малыш» в антихрестоматию не попала. Зато там есть рассказ «Галина мама» — про войну. Но что мама воевала — это было понятно ребятам 50-х годов, когда писался рассказ. А для нынешних — воевала бабушка, а то и прабабушка.

Мы-то с вами привыкли считать непреложным правилом школы, что учитель следит за текущей детской литературой, за детскими газетами и журналами, а на проверку оказывается, что этого не требуют даже от составителей пособий для чтения. Они живут-поживают старым багажом. И никакая критика их не берет.

Это вообще очень любопытное явление нашей жизни. Наиболее критикуемые ведомства, к которым наряду с мелиораторами принадлежит и Министерство просвещения, почему-то сделались наименее уязвимыми для крити-

ки. Приспособились, как гриппозный вирус к антибиотикам.

Вот еще примеры невежества тех, кто в Министерстве просвещения ведает младшими классами.

В программах для начальной школы железной рукой вписано, какие стихи положено учить наизусть. И знаете, оторопь берет. В первом классе учат наизусть Александра Жарова и не учат Некрасова. В третьем классе включены в список для обязательного заучивания сразу два стихотворения Сергея Васильева. Я не против Сергея Васильева, меня только удивляет, почему в начальной школе он лидирует среди всех советских поэтов, а Смелякова, например, там вообще нет, хотя для детей его издают.

Берем в руки «Книгу для чтения», предназначенную первоклассникам семи лет. Стихотворение Е. Трутневой «В родном краю». И в нем такие строки: «В душистом улье сладкий мед тебе все лето копил пчелка». Почему в улье одна только пчелка? Потому что дальше рифма — елка. И так далее, в том же роде. «Зайчонок солнечной весной к тебе врывается в окошко». Какой зайчонок? Косой с длинными ушами? Врывается солнечный зайчик, но тогда не получится с ритмом.

Совершенно беспомощные стихи. Неужели во всей нашей поэзии ничего больше не нашлось о родном крае?

Существует с давних времен отбор для детского чтения, для школьных хрестоматий. Все лучшее, что написано для детей, и великие в своей простоте шедевры классики. Вот что такое хрестоматийность. Сказать поэту: «Ты написал хрестоматийные стихи», — выше похвалы нет.

А какая хрестоматийность в книге для чтения у первоклассников семи лет?

С. Погореловский, «Слава хлебу». «В нем земля родимой соки... Уплетай за обе щёки». Специально напечатано «ё» — с двумя наверху точками. Чтобы закрепить неверное ударение. Пощечина русскому языку тиражом в 4 миллиона книг для чтения. Как теперь объяснить ребятам, что надо-то говорить «за обе щёки»?

Нет времени, а то бы можно привести подобные же примеры из книг для чтения во втором, в третьем, в четвертом классе. Составители упорно следуют тематическому принципу подбора — по праздникам, по временам года. Так что если в литературе «датская поэзия» (то есть стихи с праздничным датом) — определенное ироническое, то для тех, кто ведает детским чтением, — это любимые авторы. В результате достигнут двойной эффект уроков чтения: по одной и той же книге школьник сначала учится читать, а затем медленно, но верно отвращается от чтения.

Очевидно, наша комиссия могла бы предложить съезду писателей сформулировать в своих итоговых документах, что могучему и авторитетному творческому союзу негоже стоять перед парадным подъездом Министерства просвещения в позиции безуспешного ходатая за отечественную словесность. Сколько уже просили, но каждый раз — «и пошли они, солнцем палимы, повторая: «суди его бог!».

Так что есть все основания записать в решениях съезда, что писатели отказывают в доверии тем, кто без должных знаний и любви, — а значит, и без должного права — определил курс школьного преподавания литературы. Именно в эту плоскость — «кадры», «человеческий фактор» — пора переводить разговор. Важнейшим делом «литература в школе» пусть займются другие, кто умеет. (А плоды моменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я должен сказать, что составители сборников, хрестоматий — страшно живучее племя, они связаны какой-то странной круговой порукой. И сколько мы о них ни говорим и с Министерством просвещения, и с Академией педагогических наук, они так умеют защищаться, так умеют обвинить нас, писателей, в вольнодумстве понимания, что такое методика, и т. д.

Сейчас создана комиссия при Академии педагогических наук, которая будет заниматься рекомендательным списком для школьников, что им читать и что не читать. Многие устало.

Я очень уважительно отношусь к А. И. Жарову, он хороший был человек, он умер давно. Я знаю, что он писал и как писал, и вряд ли это эталон, который нужно заучивать с первого класса. Наверное, можно найти что-то более чистое, ясное, красивое. Устарели сами поэты, которые давно ушли от нас, я имею в виду современных советских поэтов. Поэтому мы должны будем поблагодарить ту комиссию, которая собирается расчистить эти учебники и утвердить наконец, что нужно заучивать в первом, втором, третьем, пятом, седьмом, девятом классах.

Мне приходилось знакомиться с программами. Только диву даешься, откуда что выкапывают, затем утверждают на ученых советах.

Хорошо, что сегодня участвует в нашем разговоре президент Академии педагогических наук, он болеет и радуется, чтобы наконец все это привести к общему знаменателю.

Слово имеет Михаил Иванович Кондаков, президент Академии педагогических наук.

М. КОНДАКОВ. Я попросил председателя дать мне слово для того, чтобы внести ясность в этот вопрос и для того, чтобы разделить ту тревогу и озабоченность, с которой выступили Ирина Стрелкова, А. Г. Алексин. Это действительно наша многолетняя беда. Вопрос о литературе идет более двадцати лет и на страницах прессы, и в научных дискуссиях. Возьмите Твардовского, который, выступая на съезде учителей, сказал, что отношение к курсу литературы не приучает, а отлучает от работы. Вспомните, что говорил Бондарев: любовь к Гоголю у меня убила школа.

Недавно по моей просьбе было проведено собеседование с учителями начальных классов в Московском пединституте. Я просил поставить вопрос: какие произведения вы знаете наизусть? Из 150 учителей начальных классов никто не назвал ни одного. Мы с болью наблюдаем: в школе стал редкостью учитель, хорошо читающий по-русски. Вот какая беда, которую все мы осознаем. Выработался стереотип при подготовке учебных пособий. Пра-

вильно И. Стрелкова говорила, имеются какие-то подходы, которые трудно преодолеть.

Вернувшись со съезда, я, наверно, приглашу к себе товарищей из Министерства просвещения России, это прерогатива республиканского министерства, и обращу их внимание на это.

Но главное не в этом. Главное — нужно прекратить такую критику: сказал, покритиковал и ушел. А нужно вместе с нами засучив рукава работать над чтением. Я обращался к товарищам, которые знают, любят литературу, которые понимают; прошу, включайтесь в работу по составлению этих чтений, нельзя, чтобы ремесленники это делали.

(Реплика: «Сначала надо переложить программу»).

Для книг для чтения программа не имеет значения.

Что касается программы, — мы работаем вместе с комиссией Союза писателей, мы прекрасно понимаем, что она несовершенно, что ее нужно совершенствовать и переработать. Для шестилеток нужна отличная книга для чтения, для второго, третьего, четвертого классов нужна отличная книга для чтения. Вариантов очень много.

Многие думают, что это дело очень простое; товарищи, которые начинают работать, видят, насколько это сложно.

Помните, Толстой, отбросив все, работал над азбукой 17 лет. Это такая книжка, говорил он, для которой и 100 лет мало. Я это говорю для того, чтобы вы представили, как упорно, настойчиво и хорошо надо над этим работать.

Я был бы рад, если бы И. Стрелкова и О. Попцов пришли и сказали: давайте включимся в эту работу. Я обещаю вам быть настоящим помощником. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Виолетте Стасевне Пальчинскайте (Литва).

В. ПАЛЬЧИНСКАЙТЕ. Дорогие друзья! Я не буду вам рассказывать о нашей литовской детской литературе, она, по-моему, очень хорошо переводится на другие языки, в основном на русский. Я хочу с вами поделиться некоторыми мыслями, которые меня, как детского писателя, очень волнуют.

По сей день остаются очень актуальными слова, которые Сергей Михалков произнес на прошлом съезде писателей, что сегодняшний мир задает ребенку столько разных вопросов, что иногда на них не в силах ответить родители или учителя. На такие вопросы должна ответить книга — добрая, умная, талантливая. И действительно, нам не все равно, какого читателя мы воспитаем — потребителя или любителя искусства.

Если мы заслуженно гордимся литературой для самых маленьких, то все еще остается очень актуальным жанр — литература для младшего подростка. Это довольно сложный читатель, которому тесно уже в мире сказки, но он еще не созрел для проблем взрослого читателя. Все же он устремленно ищет в литературе отражения своих проблем, своего духов-

ного мира. Он, этот читатель, очень восприимчив, он безошибочно различает неискренность, фальшь и бурно протестует против серости и скуки. Мы все чаще говорим о духовном мире ребенка, о формировании гармоничной личности. С болью в сердце мы все чаще наблюдаем, как с годами городской ребенок теряет связь с живой природой. Не наши ли книги обязаны учить его чувствовать себя частью окружающего нас мира, Вселенной, космоса. Неслишком ли часто мы стараемся своего читателя просто повеселить, рассмешить, поиграть...

Конечно, это все важно и необходимо в детстве. Но ребенок сам очень рано осознает, что в окружающем его мире существуют не только свет, но и тени. Не только радость, но и утраты. Жизнь неумолимо пишет свою книгу — и тут уже не пропустишь ни одной странички. Вот уходит из дома бабушка — и не возвращается, слившись с вечностью. Не наши ли писательский долг с очень малых лет научить ребенка не только веселым играм, но и заставить его задуматься над тем, что составляет суть нашего существования, учить его принимать великое искусство жизни — искусство радости и потери, семена добра, вечные законы природы, законы цветения и увядания. Сегодняшнего ребенка не балует мамина колыбельная, не балует старая и добрая сказка бабушки. Сегодняшние городские бабушки спешат на ритмическую гимнастику, им некогда, и, кстати, они не умеют рассказывать сказки. Обедняется язык малыша, лишен прекрасных слов народного фольклора. Чуть ли не главным героем детского досуга становится телевизор — часто обуславливающий фантазию ребенка, а еще хуже — его литературный вкус. Подросток ленится читать — комбинация звука и зрелища более доступна, чем книга, над которой надо еще и мыслить...

До сих пор, несмотря на лучшие произведения наших знаменитых писателей, пишущих о школе, остается очень актуальным образ учителя в нашей литературе для подростка. Это символ добра, чести, правды, символ одухотворенности и фантазии. К сожалению, в жизни мы встречаем, хотя и не так часто, и другого учителя. И сколько недоразумений приходится перенести писателю, который осмелился взглянуть критично на такой персонаж. Прекрасно, когда учителя так борются за честь своего мундира, за честь хорошего мундира, но если бывает так, что рукава этого мундира порой дырявые, вряд ли это может ускользнуть от пристального взгляда наших читателей; слышала, что среди учеников блуждает такая фраза: раньше учителя искали дорогу к сердцу ученика, сейчас ученик ищет дорогу к сердцу учителя, и не всегда самую достойную; если эта дорога ведет на гастрольный спектакль знаменитого ансамбля, а твой папа работает в администрации театра, то хорошо, а если эта дорога ведет к черному входу обувной базы, а твой папа, как назло, там не работает...

С детства учим своего читателя добру, совести, чести. Говорим: если будешь достойным, трудолюбивым, то тебя оценят. И вдруг ребенок начинает понимать, что это далеко не

всегда так. В жизни, к сожалению, не так, как в сказке, и добро не всегда побеждает зло. Рождается чувство обиды, злости, зависти, чувство фальши со стороны взрослых, которое надолго, а может быть, и навсегда искалечит будущую личность. Я отнюдь не хочу обобщить эти отдельные моменты. Но даже если они очень редкие и очень нетипичные, — писатель со всей ответственностью должен об этом говорить: ведь речь идет не о деталях машины, речь идет о формировании будущей личности. Ну а как об этом говорить, — это дело такта и способности писателя.

Формируя гармоничную личность, мы формируем не только своего будущего читателя, но и будущего писателя. (А плоды с мента.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Владислав Петрович Крапивин.

В. КРАПИВИН. Если спросить, кто хочет видеть наших детей инициативными, смелыми, честными, принципиальными, способными творчески мыслить, — окажется, что все «за». Абсолютно все! Двумя руками голосуют.

Но нетрудно заметить, что многие мамы и папы считают: пусть самостоятельными и активными воспитываются все дети в целом, кроме одного «нашего». «Нашему», мол, еще рано, и мы лучше знаем, что ему надо: где играть, с кем дружить, в какой спецшколе учиться, с какими репетиторами договариваться перед вузом, на ком жениться и, наконец, куда устраиваться на работу.

А в школе? Конечно, все педагоги за то, чтобы растить активных и творческих личностей. Но... это опять же в общем и целом. «А в нашей школе, — пожалуется вам директор или завуч, — они, знаете ли, какие-то неуправляемые. Пусть сперва научатся себя вести и подтянут успеваемость...»

Впрочем, иногда ребятам подсовывают эту конфетку в ярком фантике со словом «самоуправление», когда школьники — на этот день — якобы заменяют учителей и даже директора. А потом что, завтра? Поиграли, и хватит. Пусть попробует школьник, заменявший вчера директора, выступить не на игрушечном, а настоящем своем — комсомольском — собрании с какими-то критическими мыслями о школьной жизни. Боже мой, что здесь начнется!

Так и получается в ежедневной педагогике: на словах — одно, на деле — другое.

Расхождение между делами и словами, свойственное, увы, не только педагогике, школьники видят гораздо чаще, чем хотелось бы. И делают выводы. Теперь мы уже все знаем, что слова о готовности брать пример с Павки Корчагина и молодоговардейцев не означают, что перед нами обязательно идейные и самоотверженные представители юного поколения. Сдав сочинение учительнице, эти девочки и мальчики запросто могут отправиться на барахолку для сомнительных операций с импортными пластинками и шмотками. Или на еще более темные дела. Причем без всяких разногласий с совестью. Ребята привыкли, что школе, как говорится, «школово», улице — «улицево».

Недавно я разговаривал об этом с несколькими восьмиклассниками и услышал спокойную реплику:

— А чего же вы хотите? Все эти сочинения — та же отработка.

По поводу термина «отработка» я говорил еще десять лет назад, на позапрошлом нашем съезде, на такой же комиссии. Говорил о трудовом воспитании и о том, что нельзя это важнейшее дело ставить с ног на бюрократическую голову. Нельзя, например, сознательную, активную, требующую творческого подхода летнюю общественно-полезную работу школьников — добровольную, как это сказано во всех официальных инструкциях, — подменять всеобщей обязловкой. Конечно, заставить путем нажима и угроз (нарушая при этом законность) поехать семиклассника в ЛТО проще, чем воспитывать его так, чтобы он понял общественную значимость своей работы в колхозе и добровольно записался в бригаду. Но что, кроме протеста и отвращения к труду, даст метод противозаконного нажима? Впрочем, даст — благополучную отчетность, возможность говорить о «всеобщем охвате»...

Слово «отработка» прочно утвердилось у ребят и хорошо характеризует применяемые при этом методы.

После того выступления представители Минпроса и ЦК комсомола жали мне руки и говорили, что мои мысли очень верные и полезные. Ну и что? Мысли остались мыслями (и не мои даже, а общественные), но метод «отработки» процветает и развивается. Он проник в учебный процесс. В отработку зачастую превращается комсомольская и пионерская работа, любое школьное дело, даже праздники. Судите сами: неучастие в спортивных соревнованиях, в игре «Зарница», смотре пионерского строя и песни или фестивале искусств чревато двойками, выговорами и звонками на работу родителям (развитие телефонной сети сделало очень популярной эту «педагогическую меру»). Есть план мероприятий — значит, отработывай. Не надо самому решать, выбирать дело по вкусу. Делай, что велели, и будешь хороший.

Классический пример этой ученической отработки — пресловутый школьный хор, куда записывают, не спрашивая согласия. Это слезы многих и многих тысяч школьников.

В марте прошлого года в «Известиях» я прочитал корреспонденцию, которая называлась «Голос в школьном хоре». Это трагический рассказ о том, как в городе Якутске мальчик-семиклассник поставил в конфликте точку короткой запиской: «Мне надоело так жить. И во всем виновата только школа».

Можно говорить о неустойчивости подростковой психики, о трагическом стечении обстоятельств. Но нельзя не видеть и другое: данный случай, как концентрированным лучом, высвечивает порочность всей этой проклятой обязловки, при которой личность ребенка и подростка низводится до уровня механической единицы в безликой массе...

Мы говорим: реформа, реформа, реформа... Говорим о производительном труде школьников, методических центрах, шестилетках, новых программах, компьютеризации. Гораздо реже — о том, как реформировать отношение

к самим школьникам. Компьютер этого не делает, это может сделать только Учитель — живой добрый человек.

Мы все искренне восхищаемся тысячами и тысячами учителей, отдающих свои силы и талант детям. Хвала им и вечная благодарность! Но сейчас я говорю о другом. О наболевшем. О тех, кто мешает этим учителям.

Порой я как литератор чувствую полное бессилие. По крайней мере, когда читаю о завуче, закрасившей в школьном вестибюле стену, которую расписали для ребят шефы, известные художники-монументалисты (об этом писала весной одна из центральных газет). Или когда — тоже в одной из газет — недавно встречаю историю, как решительная директриса заперла на ключ кабинет с компьютерами и отказалась от контактов с шефами-инженерами, ибо пришла к выводу, что контакты с молодыми учеными пагубно влияют на ее питомцев: одна девочка, видите ли, не так выступила на собрании... Таким «педагогам» не нужна компьютеризация школ. Они предпочли бы компьютеризацию школьников — чтобы те десять лет двигались и мыслили по удобной программе: «Делай, что я сказала!» Я не знаю, что делать и тогда, когда встречаюсь с наставницей, которая заявляет восьмиклассникам: «Будете качать права — имейте в виду: заявления в ПТУ принимаются до октября!» (Сколько всего в этой фразе — от прямого цинизма до дискредитации рабочих профессий!) Писатель ничего не может сделать с такими, с позволения сказать, «педагогами». Их не переубедить никакими словами, здесь нужны чисто административные меры.

Свою литературную задачу (точнее, одну из задач) я вижу в том, чтобы помочь ребятам противостоять обывательской морали разных псевдонаставников, а также «умеющих жить» родственников и «стертых» приятелей. Думаю, что понимание этой задачи разделяют со мной многие мои коллеги — детские писатели.

Сколько бы ни говорили о влиянии телевидения, а читают дети по-прежнему. Книга для ребенка и подростка остается вторым хлебом. Хлебом для души. Авторы и герои нашей детской литературы прекрасно известны всем, заслуги их — тоже. Но я хочу сказать: как бы ни были могучи эти шеренги, они требуют пополнения. Нынешним читателям нужны новые друзья: современные герои современных книг о современной ребячьей жизни. До обидного мало таких книг.

Одно время мне казалось, что в недостаточности книг виноваты только писатели: плохо знают нынешнее детство, мало пишут. Столкнувшись поближе с издательскими делами, вникнув поглубже в жизнь молодых литераторов, я понял: пишут, может быть, и не так много, как хотелось бы, но печатают еще меньше...

Помню, как в начале 65-го я, никому не известный в Москве литератор, пришел в издательство «Детская литература», ткнулся наугад в одну из редакций. Редактору Лайнэ Ричардовне Баруздиной понадобились сутки, чтобы прочитать мою рукопись и включить в план. Книга вышла в том же году. Сейчас это кажется фантастикой. При всеобщем раз-

витии в издательском деле электроники, кибернетики, всякой автоматизации производства прохождение книги «от старта до финиша» занимает от трех до семи лет. Это у писателя-профессионала. А как быть новичку? Особенно тем, кто начинает не с рассказов, а с крупных вещей. Где печататься, на что надеяться? Журналы «Пионер» и «Костер» отощали, им нужны лишь коротенькие вещи. «Васек Трубачев» сейчас ужаснул бы их своим объемом. Ждать очереди в издательстве? Ждут и ходят в «молодых» до сорока лет и больше.

А я помню большие журнального формата книги в мягких корочках, на которых были изображены читающие ребята и стояла рубрика: «Новинки детской литературы». Каждая такая книга была для нас, юных читателей сороковых и пятидесятих годов, радостным откровением.

На скольких съездах, на скольких совещаниях мы говорим о необходимости «Роман-газеты для детей». Говорим, говорим... Масса причин находится, чтобы такое издание оставалось лишь «прожектом». Того нет, этого нет, бумаги, говорят, нет... Пройдите по книжным магазинам, посмотрите, сколько на полках бумаги, изведенной на никому не нужную серятину!

Дело не в бумаге. Не хватает пока другого: ясного понимания важности этого вопроса. Инициативы. Желания оперативно и серьезно перестроить издательскую деятельность.

Товарищи, мы все знаем: надо, чтобы больше росло людей смелых и чувствующих ответственность не за одну свою благоустроенную квартиру, а за страну. За всю Землю. Вроде тех бойцов, которые первыми кинулись на встречу опасности, когда случилась беда в Чернобыле.

Сейчас идет война за детские души. Простите за громкую фразу, но в этой войне книги — оружие. Очень хочется надеяться, что съезд поможет резко пополнить арсеналы детской литературы. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Виктору Афанасьевичу Козько (Белоруссия).

В. КОЗЬКО. Как мне кажется, сегодня разговор о детской литературе невозможен без того, чтобы не вспомнить и не задуматься над тем, что сейчас больше всего волнует моих земляков — белорусов, полешуков, которые по несчастью оказались в так называемой циркульной зоне Чернобыля.

Зона эта и разговор о ней опасен, я понимаю, но там я родился и жил, о той земле и людях все мои книги. Так о чем же нам говорить на наших съездах, если не о родной земле; есть у нас еще что-нибудь более дорогое? Чтобы хоть как-то оправдаться в глазах своих земляков, чтобы иметь хоть маленькое право на это слово перед вами, я до начала нашего съезда проехал по Полесью почти две тысячи километров, побывал в тех городах и районах, которые есть сегодня, можно сказать, только наполовину, побывал во многих деревнях и хатах. Сегодня это буквально военная зона, с военной техникой, с БМП, с солдатами. А говоря о беде, случившейся на нашей земле, мы чаще

всего говорим о Чернобыле, Украине и забываем о Белоруссии. Более того, когда на Украине уже вовсю шла эвакуация, о Гомеле ничего не говорились, а между тем из 5 областей Белоруссии четыре оказались под радиацией. Атомная электростанция находится в 7 километрах от границы с Белоруссией. И если измерить так называемую циркульную зону, то по ее периметру 130 километров находится в Белоруссии, а остальное уже на Украине. И эвакуация началась только через неделю после этого трагического события — то есть 3—4 мая.

Почти каждый, с кем мне приходилось встречаться, кто живет и за 20, и за 200 километров от Чернобыля, говорил о постоянном ощущении горечи на губах и во рту. Я понимаю, это звучит слишком литературно, но не я это придумал. Эта горечь — знак беды и трагедии, трагедии родной земли, которая стала вдруг чужой и опасной. Белоруссию, Полесье некогда называли воротами войны. Она первой познала пыльные бури мелиорации. Она одной из первых, как это ни печально, вступила в атомный век. И это вступление вскрыло, обнажило много такого, о чем нельзя, некрасиво молчать. Об этом пишут сегодня письма многих из моих земляков. Пишут в редакции газет, в партийные и советские органы. Основной вопрос писем: неужели они, потерявшие в самой страшной из войн каждого четвертого, не достойны знать всю правду о случившемся? Несчастье может постигнуть любого, но чтобы бороться с бедой, надо видеть и знать ее. А вся информация, особенно в первую неделю, исходила только из уст «друзей и доброжелателей» — в кавычках. Я не знаю, кто в этом повинен. Чиновник, бюрократ, которому объявлена сегодня война и главный принцип которого «чего изволите»? Скрыть правду, создать картину всеобщего благополучия и благоденствия?

Но получилось ведь совсем наоборот, как обычно бывает, когда верх одерживает вранье, ложь и осторожность — «как бы чего не вышло». А скрыть информацию было уже невозможно. Тревогу подняло польское телевидение, передачи которого принимаются в Бресте, эстонцы узнали о беде из передач финского телевидения. А судя по нашему телевидению, все было благополучно, нормально. Люди веселились, у нас показывали пляжи, купание.

Выступая здесь, с этой трибуны, С. А. Баруздин говорил о печальном состоянии нашего здравоохранения. И я могу это подтвердить. Самым неподготовленным к беде оно оказалось и у нас. Министр нашего здравоохранения доказывал с экрана, что облучение, которое мы получили, не опаснее того, когда делают рентген зуба, когда облучение длится всего 0,7 секунды. А на деле у нас оно идет уже второй месяц. Академик Феоктистов еще в 1983 г. предупреждал нас об опасности, он говорил, что только месяц работы реактора равен 50 Хиросимам. Мы же с самого начала трагедии занялись шапкозакидательством и самоуспокоением. Кому это понадобилось, кому это было выгодно, кого мы обманывали и успокаивали?

Уже в ночь на 27 апреля в г. Калинковичи прибыли первые 70 человек беженцев из Чернобыля. Местные власти попытались что-то предпринять: сделать радиометрические замеры в своем районе, эвакуировать скотину, людей. Последовал окрик: «Не сейте панику!» И без паники редактор районной газеты поехал в Чернобыль за продуктами. В г. Наровле, на второй день после взрыва на атомной станции, в той самой Наровле, быть или не быть которой решается сегодня, состоялось всенародное городское гулянье. На площади у райкома партии были расставлены столы и скамейки, шла торговля кулинарными изделиями, тортами. И все это продавалось под атомным пеллом.

Из другого белорусского города — Петриков мчалась по Припяти «ракета», и ехали в ней женщины опять же за продуктами, колбасой и мясом в г. Припять и Чернобыль. И они купили колбасу, атомную уже. Перекусили ею в ожидании «ракеты» назад... Примеры эти могут показаться вам частными и мелкими. Но я лично для себя вижу за ними повторение того далекого прошлого, которое уже стало историей. Историей, из которой, к сожалению, мы не всегда и не все делали правильные выводы. Так же ехали на три дня майских праздников с семьями, детьми в сельскую местность — вскопать огороды, помочь старикам — многие минчане. Туда ехали с детьми, оттуда уже попадали в больницу.

Сколько лет мы занимаемся гражданской обороной, смешим людей носилками, противогазами, носимся, суетимся, копаем какие-то ямы и канавы, тратим на все это колоссальные деньги. В каждом хозяйстве имеем штатного работника, и каждому такому работнику мы выплачиваем зарплату, а зачем, на что, на детские забавы? Как показал Чернобыль, именно на детские забавы.

В одном из районов Полесья были несовершенные радиометрические приборы. Один из них — ДП-5 поместила недавно на снимке уважаемая наша центральная газета. Как говорят специалисты, самый тупой из приборов. Нужен взрыв атомной бомбы, чтобы он что-то начал показывать. Погрешность в ту или иную сторону в пять раз. И вот как он работает. Дотошные матери протаскивали через этот прибор своих детей по 3—4 раза. И ни одного раза показания этого «прибора» не сошлись. Если проверенное санэпидемстанцией молоко, пущенное уже в продажу, пускали опять на контроль, как полученное от своей коровы, прибор показывал повышенную радиацию и следовала команда вылить его. Дозиметр этот показал, что шавель, не бывший в зоне, закапанный в банке еще в прошлом году, также радиоактивен.

Если был на район прибор ДП-100, — великая радость. И все это при том, что до сегодняшнего дня почти во всех районах Гомельской области, Полесья, Брестской области, Могилевской области, Гродненской области запрещено употреблять в пищу молоко от собственных коров, мяса, овощи, фрукты. Теперь облучение, отравление радиацией может быть толь-

ко через пищу. И в некоторых районах решено: если в больницу попадает коммунист — применить к нему все меры наказания, вплоть до исключения из партии. Но вплоть-то вплоть, а что делать с плотью?

Первоначальное шапкозакидательство, казенно-пропагандистский оптимизм уже сделали свое дело. И той правде, что сегодня говорится о беде, не очень-то сегодня люди верят. В опасных районах сегодня очень тревожно, хотя во многом эта тревожная ситуация создана искусственно. В некоторых людях живет чувство покинутости и брошенности. Это результат безответственности или полуживости наших же выступлений в печати, на радио, телевидении. Чего стоит хотя бы одна такая фраза, проскочившая в наших центральных газетах по поводу Чернобыльской трагедии: «К счастью, ветер дул не на Киев». Спрашивается: куда же он дул — на Марс или Венеру? Но даже в этом случае надо задуматься: может быть, там тоже живут?

А чего стоит один только заголовок, и тоже в центральной газете, — «Соловьи над Припятью»? Как воспринимать это людям, которые живут у этой Припяти? Если бы не было Чернобыля, мы бы так и не узнали о них?! Я слушал этих соловьев, въезжая в свою родную деревню в ночь на 1 мая, чтобы помочь посадить картошку, посеять огурцы. Дороги в деревню не было, трактор тянул нас всю ночь по песку и грязи и не мог вытянуть! И действительно пели соловьи. Но это были соловьи, от которых надо было плакать!

На дорогах ведь только недавно появились предупреждающие надписи: «Въезд на обочину запрещен». Но и при этих надписях... С одной стороны с дороги собирается и вывозится на захоронение 15-сантиметровый слой грунта, а по другую сторону той же дороги идет трактор и тянет за собой шлейф пыли почтище чернобыльского облака! А нашему бодречеству нет ни предела, ни конца.

15 мая в райцентре циркульной зоны — в Брагине проводится товарищеский футбольный матч! Работники Гомельского обкома комсомола едут на субботник в Хойники на прополку буряков! С 1950 года матчей не было, а именно в эти дни надо было его организовать! И кто будет есть те героически выращенные буряки, какую они коровку выкормят?

В атомной зоне находится стадо племенных телок в 175 голов, досматривают их вахтовым методом. Какое это будет потомство? Для кого с таким героизмом спасали тот скот? В этих же районах на шести коровах было до 9 рентген! На Калининском мясокомбинате речь идет о том, чтобы ввести двойную оплату, потому что скот, выведенный из зоны, оказался источником радиации, заражена территория комбината, пострадали рабочие. А мясо же, конечно, оказалось к пище не пригодным. И опять энтузиазм: рытье котлована, захоронение этого мяса...

Я не хочу больше ничего об этом говорить. Все это очень и очень грустно, тем более грустно, что работу по эвакуации, по спасению населения, особенно детей, партия и правительство проделали большую (хотя слово

«эвакуация» тем же предусмотрительным чиновником говорить запрещено — перемещение, выезд на оздоровительный отдых). Партией и правительством проделана огромная работа. Сейчас в пострадавшие районы идут эшелоны, машины с продовольствием — мясом, продуктами, в зоне прокладывается асфальт. Только припоздало это немного... Есть действительное понимание ответственности и опасности, грозящей нашему белорусскому народу, сознание того, что сегодня решается судьба, вопрос «быть или не быть» Полесью, а может быть, и Белоруссии. Хойникский район — 46 тысяч жителей. В те дни, когда я был в районе, из них было вывезено или уехали сами 20 тысяч. Вернутся ли им назад, вернутся ли они — на это сможет ответить только Центральная медицинская комиссия, которая работает сейчас в Белоруссии.

И все зависит от того, вернутся ли туда дети. Сейчас надежды такой нет, и не только в Хойники, но и в другие прифронтовые города. Будет ли продолжаться там жизнь, — неизвестно, но то, что некоторые не увидят этих мест до конца своих дней, — это ясно. Город без детей, деревня без детей. Закрыты детские магазины. Такое и в страшном сне не приснится!

Заповедные дубравы и боры, лес — повышенный источник опасности (так говорят о них сегодня). И страшно встретить в лесу детей. Обыденное, нормальное — страшно! Когда из лесу идут босоногие дети с черными от ягод ротиками, — не знаю, какими глазами на это можно смотреть! Обыденное, нормальное — страшно!

В Брагине, Хойниках, Наровле сегодня поспели вишни и черешни. И плачут старики и старухи, глядя на эти вишни и черешни, — к ним при их жизни никогда уже не придут их дети и внуки, и только на стенах — портреты детей и внуков, портреты солдат, выполняющих свой интернациональный долг в Афганистане, десантников. И, глядя на их слезы, преступно молчать, молчать об этом невозможно. Тем более нельзя молчать, зная, что Белоруссия окружена «забором» из атомных станций. Они на всех ее четырех концах. Хотя Чернобыль и считается украинской станцией, но она не менее и белорусская. Игналинская — литовская, но и на границе с Белоруссией, а также и смоленская. Для полной определенности взяли и воткнули в центре, под Минском, еще одну. А где гарантия, что мы защищены от таких вот трагедий в будущем?

Чернобыль сегодня — это уже история. Это героизм и мужество. Но не только, и мы должны отдавать себе в этом отчет. Нельзя терять лицо ни перед самим собой, ни перед потомками, перед теми, кто родился в дни катастрофы и позже родится.

И литература, детские писатели в первую очередь должны помочь сохранить это лицо. Чернобыль наглядно показал, как больно сказываются, бьют по людям недосказанность и неправда. Чернобыльская трагедия — это трагедия экономическая, экологическая, человеческая, в том числе и моральная. И об этом как раз надо помнить, чтобы губы не обжигала запоздалая горечь памяти. Наш белорусский

поэт Геннадий Буравкин написал, как по весенней земле идет синеокая девочка и хлопчик русый — белорусы:

Прагрэс перад позіркамі іхнім дрыжыць
А ці будзем мы жыць,
А ці будзем мы жыць?

(А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Большое спасибо! Мне кажется, что это выступление серьезное, настраивает нас, писателей, как раз на то, о чем говорил оратор в своем выступлении, — писать правду. И только вооружаясь правдой, мы можем воспитать то поколение, которое нам необходимо. Но, между прочим, героизм чернобыльцев, пожарников и многих, многих других, шахтеров, которые там работают, врачей — это показатель большой жизнестойкости, морального запаса нашей молодежи, и все-таки, я думаю, есть там и наша доля, в том смысле, что книги-то наши всегда пытались воспитать такого молодого человека. Что же касается недобросовестных людей с партийным билетом в кармане, которые в результате чернобыльской беды проявили равнодушие, малодушие, поступили, как дезертиры, — они сегодня исключены из партии, и это тоже большой и серьезный показатель для всей нашей литературы. О таких людях мы тоже должны писать.

В результате первой половины заседания, товарищи, появилось следующее предложение: создать группу для работы совместно с Академией педагогических наук (спрезидент находится здесь) над книгами для чтения в начальных классах в составе: Альберта Лиханова, Олега Попцова, Ирины Стрелковой, Сергея Алексева и Ирины Токмаковой.

Эта комиссия будет собираться по зову Альберта Лиханова и начнет работу над книгами, которые уже имеются, но в них будут вноситься поправки, корректировки, добавления.

Поступило еще одно предложение также в результате первого заседания. Слово предоставляется Роману Семеновичу Сефу.

Р. СЕФ. Дело в том, что выступление товарища из Белоруссии нас всех чрезвычайно взволновало. Сидевшие со мной рядом женщины плакали, не скрывая слез. То, что хочу сказать, я хотел сказать еще до выступления Козько.

Гуманистические основы советской литературы неоспоримы. Тревоги, страдания и боль людская — не только предмет наших размышлений, но и прежде всего предмет нашего сочувствия, а главное — соучастия, благородной помощи людям.

Да и что такое вся наша литература, как не попытка подняться на еще одну, еще более высокую нравственную ступень. Вспомните, сколько высокодуховных, гражданских сочинений подарила людям наша детская и юношеская литература.

Там, где боль, — там писатель.

Там, где тревога, — там писатель,

Там, где несчастье и беда, — там писатель.

И не только как писатель, но прежде всего как человек, как гражданин, гуманист.

События в Чернобыле вызвали мгновенный отклик в наших сердцах, многие писатели, в том числе детской и юношеской литературы, перечислили свои гонорары, Московская писательская организация собирает книги, детские писатели Москвы решили выступить перед детьми, эвакуированными в Подмосковье.

Но будем серьезны, товарищи. Авария в Чернобыле, ликвидация ее последствий — дело не одного дня. Я недавно говорил с одним из командиров подразделения, которое ведет «войну» в Чернобыле, он сказал: «В Великую Отечественную хоть враг был виден».

Одной криогентехнике там дел на несколько лет по охлаждению реактора. А метростроевцы? Сейчас приходится на местах обучать людей подземным работам, ведь получил, например, проходчик определенное количество ретген и больше его длительное время использовать нельзя.

Поэтому я предлагаю, чтобы наша помощь Чернобылю была не только единовременной, но и постоянной. Пока наши люди будут сражаться там. Я призываю каждого из нас выступить по разу в пользу Чернобыля и каждого послать по книге с автографом.

Кроме того, я предлагаю создать при Союзе писателей СССР общественный штаб постоянной помощи Чернобылю. В какой форме он будет создан и каковы будут его задачи, — это определится на практике.

Все с радостью мы примем участие в его работе и мероприятиях. Думаю, это правильно, что такая инициатива будет исходить от детских и юношеских писателей, принимающих участие в работе Восьмого съезда СП СССР. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Александру Петровичу Кулешову.

А. КУЛЕШОВ. Товарищи! Претворение решений XXVII съезда партии для нас — дело не сиюминутное, книги пишутся годами и по вдохновению, иначе они рискуют быть конъюнктурными. Странно было бы, если писатель поймет призыв к ускорению как необходимость не писать от руки, а диктовать стенографистке.

Наверное, то новое, чему учит съезд, его уроки требуют переосмысления жизненных позиций, подходов к проблемам, переоценки многих ценностей. Вероятно и то, что большинство из нас и ранее стояли на верных позициях. Так что переосмысления и обдумывания требуют пути достижения цели.

Так или иначе каждому есть о чем подумать. И уж, конечно, писателям, работающим для детей и юношества, т. е. для тех советских граждан, кто будет жить в XXI веке, кто войдет в трудовую жизнь, уже вооруженный решениями съезда, изначально стоящий на его позициях, кому не нужна перестройка, потому что им не в чем перестраиваться. А вот воспитать их такими, донести пафос того, что для нас ново, а для них будет естественным, само собой разумеющимся, — вот это наша задача.

Смешно учить художника, как писать, а честного художника — о чем. У каждого из нас

есть гражданская совесть, есть творческий метод и есть творческий замысел. Поэтому идет деловой профессиональный разговор, шлифовка мыслей, обмен размышлениями на тему...

Кстати, о темах. Детским и юношеским писателям есть о чем подумать здесь. Ведь съезд, программа партии, экономическая программа выдвинули их множество: и новых, и старых, но требующих, как уже говорилось, иного подхода, да и таких, что были в загоне.

Думается, что ныне в книгах для детей должно быть особенно много правды, честных и открытых разговоров. Я далек от мысли, что и раньше были писатели, заведомо обманывавшие своих маленьких доверчивых читателей. Нет, конечно. Речь о другом. Надо, наверное, поубавить розового сиропа, сюсюканья, которых мы еще немало встречаем в основном в литературе для младших. Надо, наверное, во весь голос говорить о том, что нам мешает жить не только на заводе и в колхозе, но и в школьном классе, в пионерском лагере.

Прекрасно, если писатель сумеет создать героя, которому станут подражать юные читатели, но не менее полезно создать «героя», которого они будут активно осуждать, не любить. Не только добро, зло тоже воспитывает хороших людей. У нас столько сложных проблем и не очень светлых пятен в школьной жизни, свидетелями чего являются школьники, что об этом следует поговорить сурово и честно, как это сделал, например, Железников в своем знаменитом теперь «Чучеле». Надо раз и навсегда в литературе для подростков и юношей покончить с ханжеством и убогим лицемерием, когда делается вид, что десятиклассники не знают, как рождаются дети, а третьеклассники думают, что деньги растут на деревьях.

Ведь трудно переоценить тот вред, который наносят сегодня нашей всеобщей борьбе против пьянства и алкоголизма иные запуганные синие чулки в издательствах, киностудиях и особенно на телевидении.

Впрочем, это относится не только к литературе и искусству для детей. У подростков, разумеется, проблем еще больше, чем у младших, они куда острее, а читатели здесь ох, какие трудные. И здесь поэтому нужен особенно прямой правдивый разговор, как в пьесе Щекочихина, как в ошарашивающем очерке в газете об идеальном ученике, комсомольце, общественнике, оказавшемся убийцей. Правда, правда во всем нужна в книгах для юных. Они должны доверять писателю, потому что чувствуют, что он доверит им. И тогда книга сделает свое святое воспитывающее дело.

Есть темы, жанры, виды литературы — уж не знаю, как сказать, — которые не только досадно упущены, но и еще считаются почему-то второсортными, эдакими недостойными настоящего писателя. Ограничусь двумя примерами, поскольку они касаются областей, интересующих огромную массу детей и юношества.

Лев Абрамович Кассиль — тончайший детский писатель, лучше, чем кто-либо, знавший запросы юных, искренне и правомерно удивлялся, почему так мало пишут о спорте детские писатели и почему эта тема в нашем уважае-

мом сообществе считается какой-то несерьезной. Но ведь очевидно, просто режет глаз, какую огромную воспитательную работу можно вести среди детей и юношества с помощью именно этой литературы, какое огромное воздействие она имеет, а главное, какие важнейшие нравственные вопросы она может решать.

А детектив? Вряд ли кто-нибудь станет оспаривать, что это один из наиболее (если не наиболее) популярный у молодежи жанр литературы. И у нас есть талантливые писатели, работающие в нем. И есть прекрасные книги. А детектив по неизвестно почему бытующей традиции всё продолжают считать жанром второго сорта. Не потому ли здесь столь мал приток молодых талантливых сил? Столь велик процент халтуры?

Какое значение было придано на съезде партии вопросу о необходимости в сложной нынешней международной обстановке держать на высочайшем уровне нашу боеготовность, повторять нет нужды. На Секретариате РСФСР Сергей Владимирович Михалков говорил, что наша литература в долгу перед темой Великой Отечественной войны и донныне. Что ж тогда говорить о современной Советской Армии? Ведь ныне нашей молодежи можно ставить в пример не только легендарных Матросова, Талалихина, Тимура Фрунзе или Зою Космодемьянскую, но и сегодняшних их сверстников — 18-летних Героев Советского Союза, получивших это звание в Афганистане. Слава богу, тему Афганистана ныне открыли пошире. Вот и надо побольше об этом писать, на боевых, но сегодняшних примерах воспитывать наших школьников, завтрашних солдат, а быть может, бойцов. И прививать им не только любовь к Родине, но и ненависть к врагу. Почему-то считается, что детей надо учить лишь добру, забывая, что ненависть к злу — это тоже добро. А заодно и помнить, что ненависть надо воспитывать не абстрактно, а вполне конкретно, и адрес для нее у нас, увы, вполне конкретный существует.

О многом хотелось бы сказать, на что подвинул нас съезд партии. Я имею в виду в данном случае детскую литературу.

Мы не можем стоять в стороне от реформы школы, от экологических вопросов, от компьютеризации, от внешкольного трудового воспитания, от защиты юных перед растлевающим и, к сожалению, весьма действенным западным влиянием, проникающим к нам благодаря бездумной, основанной лишь на коммерции деятельности кинопроката, распространению видео, ограничивающейся лишь газетной болтовней псевдоборьбе с пошлостью и безвкусицей в музыке, одежде, танцах, против уродливого и опасного футбольного боления на английский манер. А борьба эта — ведь наше дело.

И вести эту борьбу надо не только в жанре публицистики, но и романами, пьесами, фильмами, адресованными конкретно юношеству и конкретно детям.

Хотелось бы, чтобы из того, о чем говорилось на XXVII съезде партии, сделали выводы не только детские писатели, но и руководители Минпроса, Академии педагогических наук,

различных школьных учреждений. Трудно, скажем, представить себе, как совместить требование программы партии о совершенствовании образования с тем, что творится ныне с программой преподавания литературы в школе, или с неизвестно кем составленными и утверждаемыми безнадежно отсталыми списками книг для внеклассного чтения.

Стоило бы поговорить и о сексуальном воспитании школьников, и о правовом, и о преподавании физкультуры и иностранного языка, и о многом другом. Но это уже воспитание не юных, а тех, кто должен юных воспитывать. Это другая тема.

А наша сегодняшняя задача все та же, что была: создавать для детей и юношества книги прежде всего правдивые, яркие, глубокие учебники нравственности, учебники жизни. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Радио Петровичу Погодину.

Р. ПОГОДИН. Чем дольше длится наше собрание, тем труднее говорить, приходится повторяться. Я тоже буду повторяться потому, что я рассчитывал высказаться раньше.

О детях знают мамы и дворники, соседи и милиция, я же хочу говорить о детской литературе. Детская литература — это профессия и очень серьезная, требующая к себе серьезного отношения. XXVII съезд партии призвал нас работать хорошо, писать справедливо, а что делать тем, кто и до съезда хорошо работал и писал справедливо? Какие должны быть чувства у этих людей? У таких людей возникло от съезда чувство грустного удовлетворения. Почему грустное? Да, человек смертен, а когда его бьют по голове, ему больно. Представьте себе красивый цветок — ромашку. Тебе говорят: вырви из этой ромашки 20 лепестков, и это будет детская литература. Вы с этим не согласитесь, это понятно. Ребенку надо дать полноценную ромашку.

Последние годы, может быть, за исключением нынешнего, детская литература подвергалась испытаниям, в общем-то, странным, труднообъяснимым. Детскую литературу брали под сомнение, анкетировали с пристрастием, — мол, почему ворона, а не соловей? Почему сыр голландский, а не костромской? И что крокодил — зверь не советский. И в конце концов просто-напросто отрицали, — мол, детской литературы вовсе не существует. Существуют писатели, которые ловко устроились. Все это в сплаве с невесть откуда взявшейся злобой напоминало некий крестовый поход.

После одной из разбойных статей в журнале «Наш современник» я, помню, сказал секретарю Российского совета по детской литературе Языковой Евдокии Владимировне, что, слава богу, наконец-то обнаружены враги советского общества — это советская детская литература и советские детские писатели.

Дело дошло до того, что Сергею Владимировичу Михалкову пришлось выступить в печати с гневной статьей, как секретарю Союза писателей России. А ведь, собственно говоря, печатные органы, их редколлегии могли бы и сами задуматься: мол, что же мы делаем?

Ведь прикосновение критика-невежды к детской литературе равносильно появлению пресловутого слона в посудной лавке. Ведь детская литература разговаривает с ребенком устами высшего для него авторитета — устами матери, читающей ему вслух. Собственно детская литература закладывает авторитет литературы вообще. Судить о детской литературе, даже о ее промахах следует весьма деликатно, а главное — профессионально. Слон в посудной лавке бьет посуду не по злой воле, а критик-невежда — непременно со злостью, злорадством, размахом: передергивает, лукавит, намекает на что-то этакое — в итоге клеветает. Широко клеветает, от невежества своего, от непрофессионализма, но главное, от поспешной радости разругать. Подумай о глубине своего невежества, и у тебя не хватит времени на чванство, это касается всех нас.

Недавно по линии ССОДа я побывал в Соединенных Штатах Америки. Там, как я узнал, готовится к изданию книга энциклопедического характера о нашей советской детской литературе. Какая это будет книжка, я не знаю, следует все же учитывать, что издается она в Америке, но в большой вступительной статье к ней говорится, что в мире существует много отдельных талантливых детских писателей, а профессиональная детская литература есть только в Советском Союзе, причем литература очень высокого художественного содержания.

Ситуация напоминает мне те самые незабвенные времена, когда активисты от невежества топтали генетику, кибернетику, авангардные виды искусства, из которых, собственно, выросли современный дизайн и пространственное моделирование.

В каждой статье, в каждом выступлении, направленном на унижение детской литературы, критики апеллировали к словам «дух» и «духовность», забывая при том пословицу, что здоровый дух может быть только в здоровом теле. А здоровое тело сейчас только то, у которого голова образованная, руки профессиональные, сердце совестливое, да к тому же и смелое.

Сегодняшняя духовность и измеряться должна сегодняшними категориями: не демагогией, но делом, умением, чувством времени, я бы сказал — чувством скорости. Кстати, существительное «ум», происходит от глагола «уметь». Стало быть, «умный человек» — это не краснобай-говорильник, а умелец, и духовность — понятие качества.

Партия призывает нас сегодня повернуть именно к современной духовности. Не к ветвистой пшенице, а к генной инженерии, не к нравственности благодушного безделья, а к нравственности труда.

Сегодня, как никогда, важна консолидация детских писателей всех поколений с издателями детской литературы. Время ставит максимальные задачи не только перед трудящимися, но и в такой же степени перед учащимися. И главный помощник у педагогики, а в некоторых случаях и разведчик — детская литература, причем всех жанров и направлений.

Весьма досадно, даже слов нет, что среди нападавших на детскую литературу были и

наши собратья, детские писатели. Я намеренно не называю фамилий, хотя мог бы назвать десяток, опираясь только на свой ленинградский опыт. Грустно это и горько. Мы можем поспорить между собой, даже подражаться — бывает и такое, но мы должны дружно вставать на защиту нашего высокого дела — литературы для детей, должны гордиться своей причастностью к ней.

И Сергей Иванов, и Юрий Коваль, и Юрий Яковлев, и Имант Зиедонис, и Марис Чаклайс, и Вангели написали или пишут книжки для взрослых, другие наши товарищи тоже, но каждый из них главным для себя званием считает звание «детский писатель». Это звание высокое. Такое же высокое, как и Учитель. Ведь выше Учителя и звания-то нет, но тысячи и тысячи умников учителей своих не помнят.

Наскоки на детскую литературу, умаление ее престижа нанесли большой ущерб и в плане притока молодых. Деревенская литература была престижна — туда и ломались: знают деревню, не знают — прут. А детская литература, обруганная и сомнительная, — кто же в нее пойдет. Молодежь отгребала от нее, как от мели. Я опять говорю, исходя из своего ленинградского опыта, но, думаю, и в других местах не лучше. В итоге с молодежью негусто, а у тех, что есть, отсутствует пружина современных забот.

Заканчивая свое выступление, я хочу обратиться к представителям газет и журналов с просьбой: если очередной ражий критик, у которого раздуилось плечо, захочет вылить ведро помоев на детскую литературу, подумайте, подходящее ли ваша газета или ваш журнал место для этого.

Но это вовсе не значит, что я пытаюсь отгородить детскую литературу от критики — напротив, критика нам необходима. Но детская литература сейчас все же похожа на развивающееся государство, в котором много знахарей и каждый желает вылечить больного путем откручивания головы, но путь для специалистов к лечению, к критике почему-то закрыт.

Сейчас нужно писать хорошо, но кто оценит, хорошо это или плохо? Где тот специалист, кто и когда его воспитал? Начав с ромашки, я и закончить хочу сравнением из растительного мира: «Как хороши, как свежи были розы...» (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово для выступления предоставляется Пирмату Шермухамедову (Узбекистан).

П. ШЕРМУХАМЕДОВ. Конечно, после выступления белорусского писателя В. Козько мне трудно выступать.

Когда в стране, в литературной жизни восстанавливается здоровый творческий климат, есть возможность по-новому, свежо и смело взглянуть на жизнь, на людей, на современность. «Узнаю тебя, жизнь, принимаю и приветствую звоном щита», — забываемые слова Блока звучат как никогда призывно.

Этим надо вооружиться, это гражданское качество следует передать юному поколению. Поставленный когда-то В. Маяковским воп-

рос: «что такое хорошо, и что такое плохо?» — не сходит с повестки дня, его нужно ставить четко во всех измерениях — от мелкого до большого. Да, добро не всегда побеждает зло, а зло не всегда лежит на поверхности жизни. Но тем более актуальны его выявление и борьба с ним, особенно сейчас, когда партия и народ ведут непримиримую борьбу против всяческих негативных явлений.

Участие в этом обязывает писателя, а значит, и его героев к активной гражданской и нравственной позиции.

В нашей республике долгое время развитию детской и юношеской литературы мешал избитый стереотип, вялость идеологического мышления. Этот отживший и надоевший стереотип решительно сломан XVI Пленумом и XXI съездом ЦК Компартии республики.

Морально-нравственное оздоровление, происходящее и в нашей республике, заметно влияет на развитие детской и юношеской литературы Узбекистана. За последнее время появились интересные стихи, рассказы, повести К. Мухаммади, Х. Назира, П. Мумина, Л. Махмудова, Н. Фазилова, Х. Тухтабаева, Ф. Мусаджанова, Ф. Камалова, А. Абиджана, Т. Адашбаева, Р. Фархади, С. Барноева, Н. Красильникова, Х. Шайхова, Т. Малика, А. Кучимова, Я. Ходжаева. Произведения Л. Махмудова, Ф. Камалова, Р. Фархади получили широкое признание, изданы в зарубежных странах. Расширились возможности таких жанров, как научная фантастика, повесть-сказка.

Т. Малик, Х. Шайхов, М. Махмудов, Т. Гаипов, А. Фазилов и другие через фантастико-приключенческие формы стремятся передать важные, а порой тревожные проблемы современного усложнившегося времени.

Тем не менее надо честно признать, что прежняя инерция, инертность идейно-нравственного тона в узбекской детской и юношеской литературе еще дает себя знать. Это проявляется двояко, но и безоблачная парадность, этакие идейные приписки и очковничество, полное равнодушие к общему делу, к социальным чувствам в равной мере ведут к дефициту гражданственности, духовному инфантилизму. Все это мы с глубоким огорчением наблюдаем в детской и юношеской среде. И сурово виним за то же, кого же еще?

Вот свежий пример. У нас в республике ЦК Компартии Узбекистана было принято решение, запрещающее детям находиться в поле больше одного месяца. Однако на деле получается обратное. И сейчас ученики 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9-х классов находятся на поле в течение трех месяцев. Они не учатся в школе в сентябре, октябре, ноябре.

Или другой пример. Сейчас многие юноши из Узбекистана призываются в армию, однако наши молодые джигиты при помощи переводчика разговаривают с командирами. Это также говорит о многом, это настораживает.

Отсюда в нашей детской литературе понижение культуры — политической, философско-этической, педагогической.

Некоторые писатели стремятся компенсировать это поверхностным «обновлением», имитацией проблемности и художественной ори-

гинальности. Такова, например, мода на литературную сказку, характерная не только для узбекской детской и юношеской литературы.

У каждого народа свои сказочные традиции, фольклорные жанры и мотивы кристаллизовались веками, и всякие неумелые попытки механически осовременить народную сказку обязательно терпят провал.

В ряде сказок, опубликованных в наших детских журналах, три богатыря ездят на автомобилях, Тахир и Зухра слушают радио, смотрят телевизор и танцуют модные танцы. Но это не обновление жанра, а элементарное его опешление. Не лучше ли читать прекрасные народные сказки?

Примитивный же их пересказ с неуклюжим введением сегодняшней внешней атрибутики, по сути, является уходом от современности, от сегодняшних реальных проблем, характеров. Это не создает никакого нового идейно-художественного качества. Это касается, конечно, и других жанровых форм.

Между тем критерии ясны: знание жанра, идейность, коммунистическая убежденность, гражданственность — вот основы литературы и личности ее героя.

Н. Г. Чернышевский в статье «Русский человек на rendez-vous» написал, что без приобретения привычки к самобытному участию в гражданских делах ребенок мужского пола «делается существом мужского пола», но мужчиной не становится или, по крайней мере, не становится мужчиной благородного характера.

Настоящие характеры созданы в многонациональной советской детской литературе, в нашем искусстве. Новые стихи С. Михалкова, повести московских писателей А. Алексина, С. Алексеева, А. Лиханова, В. Железникова, ленинградцев Р. Погодина и Н. Федорова, фильмы «Иди и смотри» Э. Климова и «Чучело» В. Железникова — тому примеры.

Активная нравственность — вот что объединяет их героев. Не просто «чувства добрые» воспитывают они, а деятельное, созидательное добро, возвращая нас к чрезвычайно важной проблеме положительного героя.

Некоторые критики и писатели, отвечая на анкету журнала «Детская литература», заявили недавно, что «не надо положительного и деятельного героя, а нужен просто герой» (например, эстонец Холгер Пукк, молдаванин В. Вешляге), некоторые предлагают вообще отказаться от понятия «герой».

Действительно, далеко не каждый главный персонаж достоин называться героем. Но ведь к тому и надо стремиться, чтобы был достоин, а не заранее занижать его возможности, высокую воспитательную функцию.

Подобные настроения привели, например, к тому, что в узбекской детской прозе затянулся период «бесконфликтности», по этой причине опасно отстает драматургия для детей и подростков, которая без конфликта и деятельного героя просто невозможна. Так что далеко не безобидны соображения тех, кто призывает отказать от понятия положительного героя. Они вольно или невольно стремятся закрепить аморфность, бесхребетность, этакий доморо-

щенный «экзистенциализм», нанести нашей детской и юношеской литературе большой урон.

Здесь нет призыва к благодной схеме, она не менее вредна, не менее художественно и воспитательно бесплодна, чем лабиринты ложно-психологического самокопания. Живая душа, бессонная совесть, способность к преодолению рефлексии, к гражданскому действию — вот что всегда было, есть и будет примером, в таком смысле идеален наш любимый литературный герой.

Еще В. И. Ленин говорил, что нужны люди, «за которых можно ручаться, что они ни слова не возьмут на веру, ни слова не скажут против совести, — не побоялись признаться ни в какой трудности и не побоялись никакой борьбы для достижения серьезно поставленной себе цели». Нам нужны, особенно сейчас, именно такие герои.

Сегодня психологи, социологи, педагоги, писатели все активнее выступают по телевидению, в печати с размышлениями и предложениями, взволнованно говорят об особенностях реформы общеобразовательной школы. Предлагаются различные организационные меры перестройки школы, создание новых учебников и методических пособий. Немало говорится о приобщении ребят к производительному труду, о компьютеризации. Все это, конечно, необходимо, но, как и повсюду, главным, решающим здесь является человеческий фактор. Школьная реформа — это прежде всего реформа умов, реформа духовного, нравственного и политического воспитания детей и подростков.

Здесь можно вспомнить А. Алексина — «Доброта», А. Лиханова — «Драматическая педагогика», Г. Виеру — «Подснежник», «Здравствуй, Артем!» Ф. Камалова, рассказы и повести других писателей Узбекистана — Х. Назира, Л. Махмудова, Н. Фазилова, Ф. Мусаджанова. Компьютеры в конце концов придут в школу, но милый, умный, душевный собеседник, будь то сверстник или старший друг, всегда необходим нашему младшему современнику. Нужно участвовать в создании хороших учебников, но первейший долг писателя — концентрировать жизнь, ее движение в художественных образах, масштабных проблемах, высоких чувствах.

Перефразируя известный афоризм, можно сказать, что тут все жанры хороши, кроме уныло безгеройных, беспроблемных, мелочно-примитивных, сухо-дидактичных. Все краски и четкая графика социального анализа школьной и внешкольной жизни ребят, и сочная, пестрая живопись фольклора, фантастики, и головокружительная «коллагная» композиция озорного приключения — все это в умелых руках пристрастного художника-гражданина даст детям и юношеству правдивую, накаленную деятельной энергией книгу. Таких книг с нетерпением ждут и взрослые, и дети.

В соответствии с программными положениями партии значительно возрастет материально-техническая база культуры, в том числе и в Узбекистане. Радостно сообщить с этой трибуны, что в республике открывается долгождан-

ное специализированное детское издательство «Звездочка». Не нужно забывать и того, что литература остается первоосновой других массовых видов и средств воспитания — театра, кино, телевидения, где тоже виден технический прогресс. Но каждый персонально должен ответить на вопрос: что же тиражируется, на что тратится хорошая бумага, цветная пленка и т. д. На пустую развлекательность, которая будоражит глаз, но ничего не дает уму и сердцу?

Положительные сдвиги подготовлены всем предшествующим, можно гордиться многим, сделанным вчера. Но ответственность наша возрастает многократно: общество ждет от писателя нового уровня правды, гражданской зрелости, вдохновения. (А плоды смен-ты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Владимиру Михайловичу Санги.

В. САНГИ. Дорогие товарищи! Писатель — всегда просветитель. Особенно у народов, счастливо обретших письменность и создавших письменную литературу. И зачинатели литератур народностей Севера с самого начала их развития вносили и вносят огромный вклад в организацию обучения родному языку, приобщению взрослого и детского читателя к родной литературе, русской и мировой классике на родном языке.

Некоторые зачинатели северных литератур оказались и авторами родной практической письменности, создателями букварей, книг для чтения. Они в сотрудничестве с учеными-лингвистами и учителями-практиками уже создали ту необходимую базу, чтобы не только юное поколение, но и взрослое население приобщалось к родной грамоте, к родному литературному языку.

Именно таким путем пошла зачинательница долганской литературы Огдо Аксенова. А эскимосская поэтесса Зоя Ненлюмкина живет в сказочно красивой суровой бухте Провидения, которая своей горловиной обращена на Аляску, родину соплеменников Зои — американских эскимосов. Я бывал в этом поселке. И там узнал, что американские ученые-филологи и американские эскимосы проявляют пристальный интерес к тому, что создали советские литераторы, ученые и учителя по развитию эскимосского языка и методике обучения родному языку в школе.

Но, к сожалению, не всегда благородное дело просвещения еще недавно бесписьменных народов находится в честных и добросовестных руках. Достаточно вспомнить историю с букварем на амурском диалекте нивхского языка (авторы Ч. М. Таксами, М. Н. Пухта, А. М. Вингун). Руководителем этой авторской группы Минпросом РСФСР назначен Ч. М. Таксами, историк и этнограф. Интерес, проявляемый им к языку, фольклору и литературе народностей Севера, можно было бы только приветствовать, если бы не излишняя самоуверенность при явном недостатке компетентности, профессиональных знаний и добросовестности. Участие Таксами в работе над букварем привело к тому, что возник

учебник, в котором авторы допустили более 900 (!) ошибок, причем часто таких грубых, что искажается смысл фраз и предложений. Представьте себе, что в очередном издании русского букваря пропущено две буквы русского алфавита, а литературные тексты, предложения, фразы и отдельные слова написаны без соблюдения грамматических и орфографических правил. Не можете? А вот Таксами такое допустил в букваре, как он считает, родного ему нивхского языка.

Тут можно добавить, что рукопись букваря была вначале рассмотрена НИИ национальных школ Минпроса РСФСР, отредактирована в Ленинградском отделении издательства «Просвещение», рассмотрена так называемым УМСом (учебно-методическим советом Минпроса РСФСР), одобрена самим Министерством просвещения РСФСР. Очевидно, что на всех этапах прохождения рукописи указанного букваря отношение к ней было формально-бюрократическим, а кое-кто и доверился высокому ученому званию руководителя авторского коллектива — он ведь доктор наук (правда, не филологических, а исторических). Да и второй автор этого букваря — научный сотрудник НИИ нацшкол. И никто не поинтересовался, что Мария Николаевна Пухта по образованию преподаватель русского языка, а нивхский не изучала ни в школе, ни в институте. Может быть, третий автор достаточно компетентный? Нет, и она не в ладах с нивхской грамотой.

Мало того, Министерство просвещения знало об уровне предложенной НИИ нацшкол рукописи, однако никаких мер не приняло. Почему же такое случилось? Думаю, ответ не из сложных: этот букварь предназначен не для детей и внуков ответственных работников Министерства просвещения, в частности, начальника отдела национальных школ Софьи Асламбековны Чеховой, а для нивхских.

Человека, если он этого захочет, грамоте обучить можно. И при наличии необходимой подготовки и определенных способностей такой человек и учебник может написать. А вот как поступить в такой вот ситуации: в указанном букваре Таксами помещен сюжет «нивхской» сказки, а в книге Таксами «Верный Ургун» (Хабаровск, 1981 г.) этот сюжет поименован «орокской» сказкой. Зачем автору — ученому потребовался такой маскарад? А дело в том, что приведенный сюжет не принадлежит ни орокскому, ни нивхскому фольклору, а является литературным авторским и взят из моей книги «Легенды Ыхмифа» (М., Советская Россия, 1967 г.).

В постановлении Совета по литературам народностей Севера Правления Союза писателей РСФСР (Хабаровск, 1984 г.) отмечалось, что по букварю Таксами детей учить нельзя. И сейчас в Хабаровском крае преподавание по этому букварю прекращено, но продолжается в Некрасовской школе на Сахалине. Чем же это объяснить? Той же некомпетентностью и безответственностью, какую проявили ответственные работники Министерства просвещения РСФСР, но теперь сказанное нужно отнести к заведующему Сахалинским Облоно тов. Ежову А. С., который куратором нивхских школ назначил инспектора Шетинину Г. С.,

не знакомую ни с нивхским языком, ни с нивхской грамотой. Она, в свою очередь, привлекла к преподаванию нивхского языка т. Полетьеву С. Ф., не изучавшую нивхский язык, как и М. Н. Пухта, ни в школе, ни в педучилище, ни в институте. Таким образом, цепь некомпетентности, безответственного, халатного отношения к делу, проявленного сверху донизу, замкнулась.

Как уже говорилось, в 1984 году в Хабаровске состоялось выездное заседание Совета по литературам народностей Севера Правления Союза писателей РСФСР. При обсуждении планового вопроса «Об участии писателей народностей Севера в реализации решений апрельского (1984 г.) Пленума ЦК КПСС и первой сессии Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва «Об основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы» в части создания учебной литературы для школ народностей Севера» были затронуты и учебная и детская литература, созданные этнографом Ч. М. Таксами. Уже тогда в докладе зав. отделом учебной литературы еженедельника «Книжное обозрение» Госкомиздата СССР литературоведа и критика В. В. Огрызко был дан обзорный анализ творчества ряда авторов, в том числе Таксами, а именно его книги для детей «Верный Ургун».

Каждая книга имеет свою историю, отметил докладчик. Есть она и у книги «Верный Ургун». Еще в 1975 году в Магадане вышла книга Ч. Таксами «Ленивая навага». В подзаголовке сказано: по мотивам нивхских народных сказок. Однако помещенные две сказки «Отчего камбала стала плоской» и «О том, как медведь с бурнудуком беседовали» по сюжету, композиционному построению, образам, даже отдельным фразам очень близко походили на произведения нивхского писателя Владимира Санги «Медведь и бурнудук» и «Тюлень и камбала» из сборника писателя «Легенды Ылхмифа».

Таксами еще как-то можно было бы понять, если бы он оговорил научную запись фольклорных текстов со ссылкой на сказителей, давших ему свои варианты, пояснил, чем отличаются его сказки по сюжету, идейно-художественному наполнению от литературных произведений писателя и какое это имеет значение.

Уместно напомнить, что и братья Grimm, и Андерсен многие произведения создавали по мотивам народных сказок. Однако после них эти сюжеты никто уже не перепевал. Если кто-то брался за создание новых произведений на уже использованную тему, то сюжет получал совершенно новое развитие, обогащался новыми литературными приемами и поучительными идеями, совершенно иначе трактовались образы героев, иначе раскрывались характеры.

Критики и специалисты прошли мимо незаметной первой книжки Таксами. Безнаказанность толкнула новоявленного писателя на следующие шаги.

Дополнив сборник «Ленивая навага» еще несколькими текстами, Таксами выпустил в 1981 году в Хабаровске книгу «Верный Ургун». В ней сказка «Отчего камбала стала плоской» теперь названа не нивхской сказкой, а орок-

ской, а сказка «О том, как медведь с бурнудуком беседовали» — нанайской. Как видите, автор за пять лет «позабыл», у каких народов он «записал» оригиналы текстов.

Недоумение вызвало и появление в книге фольклора якобы дальневосточных народностей сюжета «Отчего у зайца уши черные», использованного Таксами под видом негидальской сказки, на самом же деле являющегося кетской сказкой (см. «Сказки народов Севера». Худ. лит., 1951). В самом же тексте автор-ученый опять же «позабыл» о национальной принадлежности приводимой им сказки и пишет: «С тех пор, *нивхи* говорят, кончики ушей у зайцев стали черными» (стр. 33). И если в оригинале старик шаман, намереваясь убить зайца, размахнулся палкой, но задел только его уши, и отсюда на кончиках ушей зайцев навечно черная отметина осталась, то Таксами, проявив незаурядную творческую фантазию, пишет: «Старик, размахнувшись палкой, успел лишь ударить зайцев по кончикам ушей. С тех пор, *нивхи* говорят, кончики ушей у зайцев стали черными».

Сегодня все дети нашей страны (и не только нашей) знают прекрасную ненецкую сказку «Как собака друга искала». Она впервые была напечатана в книге А. Пыря «Ненецкая вадако» (1936 г.), а в переводе на русский — во многих изданиях. Таксами поместил эту сказку в свою книгу под видом удэгейской. А сюжет о том, почему у глухаря брови красные, принадлежит кетам, а не нивхам, как пытается приписать Таксами, и напечатан в книге «Сказки народов Севера» (составление, редакция, предисловие и примечание М. Г. Воскобойникова и Г. А. Меновщикова. М.—Л., Худ. лит., 1959).

Некоторое время назад известные североведы — фольклористы, лингвисты — обратились ко мне со своими наиболее важными вопросами. Они заявили, что занимаются сбором и популяризацией фольклора чукчей, нивхов, эскимосов вот уже пятьдесят лет каждый. В последние годы участились случаи, когда ранее опубликованные ими фольклорные произведения публикуются другими лицами под их авторством («одно-два слова заменят и публикуют») без ссылки на настоящих авторов.

Вот я держу в руках книгу «Чудак Папайка». Сказки Чукотки. Пересказали Владимир Глоцер и Геннадий Снегирев. (Москва, Детская литература, 1983).

Я разговаривал с издателями, спросил, как они понимают «пересказал». Мне ответили: авторы этой книги много ездят по Северу, на местах собирают сказки, а мы печатаем.

Открываю предпоследнюю страницу книги, тут дана справка «Кто рассказал эти сказки». На выбор беру две сказки: «Как мышка с птичкой рыбу варили» и «Страшный заяц». Об этих сказках сообщено: первую рассказал Тотот, записала О. Е. Бабошина, а перевел ее на русский язык Тананкрау; вторую сказку записал Ф. Тынэтэгын, и она вошла в его книгу «Сказки Чаучу» («Сказки оленеводов-кочевников»), а перевел ее Г. Мельников.

Выяснил: авторы книги «Чудак Папайка» вовсе не ездили за сказками на далекую Чукотку, а дошли до ближайшей московской

библиотеки, где взяли ту же книгу, что и Ч. Таксами,— «Сказки народов Севера» 1959 года издания (Худ. лит.), открыли ее на стр. 418 и 419 и довольно усердно переписали напечатанные на этих страницах чукотские сказки «Мышка и птичка» и «Страшный заяц». Только «позабыли» наши авторы дополнить данную ими справку «Кто рассказал эти сказки» указаниями источников, откуда взяли они эти тексты.

Читателю нет дела до каких-то там источников. А государству не все равно: ведь бухгалтерия издательства «Детская литература» оплатила В. Глоцеру и Г. Снегиреву по 200 рублей за авторский лист, а укажи они источники, получили бы по 40 рублей за лист как за составление. И чтобы ни у кого не возникло сомнения в их авторстве и правомерности получения ими немалых гонораров, они заменили действительно одно-два слова в текстах, и, как правило, не в лучшую сторону. Может быть, я ошибся, принимая составителей за авторов-пересказчиков, а одно-два слова заменил редактор, в чью прерогативу входит такая работа? Нет, я не ошибся, на обложке так и написано: «пересказали Владимир Глоцер и Геннадий Снегирев», а чуть ниже: «ответственный редактор К. Д. Арон».

Тогда, может быть, издательство обращалось к настоящим авторам с просьбой столь своеобразно использовать их произведения? Нет, такого обращения ни авторы-сказители, ни авторы, записавшие, опубликовавшие тексты, не знают.

Добавлю: москвичи В. Глоцер и Г. Снегирев «ездили» за сказками не только в ту же книгу, что и ленинградский этнограф Ч. Таксами — «Сказки народов Севера», но и в книгу «Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки» (М., Наука, 1974. Составление, предисловие и примечания Г. А. Меновщикова)...

Эх, ловлю себя на соблазнительной мысли: можно мгновенно получить неслыханную выгоду, такую, какая бывает только в сказках! В самом деле, чего это я мучаюсь, сочиняя свои литературно-художественные произведения, когда за многие века и десятилетия неутомимые собиратели и популяризаторы духовного наследия русских, таджиков, узбеков, армян, грузин, украинцев, литовцев, якутов, калмыков, тувинцев и других народов опубликовали десятки и десятки томов столь прекрасных эпических поэм, сказаний легенд, мифов, преданий, песен, сказок и т. д. Стоит только пойти по пути, проторенному Таксами, Глоцером и Снегиревым... А за изданием дело не станет — ведь наши издательства открыли зеленую улицу подобного рода, с позволения сказать, литературе... (А плод с мента съ.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Андрис Геронимович Веян (Латвия).

А. ВЕЯН. Дорогие товарищи, у нас с детьми в Латвии стало веселее, больше стали семьи даже у самих писателей, и каждый старается написать хотя бы одну книгу для своих детей.

У нас звучат колыбельные песни, хотя, может быть, и по радио, и по телевидению мы

их слышим. Но мы привыкли ругать радио и телевидение, а нам нужно сделать их нашими друзьями и союзниками.

Я завидую нашим детям, у них есть возможность посмотреть мир, познакомиться с литературой, писателями через телевидение и радио. Раньше все было совсем не так. И я еще хочу повторить, что у нас существует проблема — сделать радио и телевидение нашим другом.

Песни и сказки у нас живут, приезжайте к нам на певческие праздники. Вы увидите, как рядом с бабушкой стоит внук, внучка, дочь и все вместе поют. Поют песни председатели колхозов. Есть, конечно, мамы, которые не знают народных песен, но им помогают наши книги, радио. Читая наших классиков прозы — Анну Бригедес, Валдиса и др., вы почувствуете, что такое Даугава. Читая книги В. Лаудиса, вы почувствуете, что такое море. Здесь эмоционально-познавательную задачу исполняет наша литература.

Сказка вырастает из самой жизни, и она сама — жизнь. Только что на Даугаве, посреди Риги, я видел два замечательных парусника — «Крузенштерн» и «Седов». Кажется, что они приплыли из прошлого, но мы знакомы с ними, даже один из наших писателей справлял там свой юбилей, на «Крузенштерне». Но вот повести, рассказа, сказки об этих судах и молодых моряков нет, а ведь эти молодые моряки — наши сыновья.

Родной край и весь земной шар! Дорога в мир начинается с отчего дома. Это наши проблемы. Этот дом нам нужно хорошо знать. Литература — школа, родина, родной язык — и сегодня эта тема для нас звучит, мы много говорим, но мало делаем, у нас мало конкретных дел. Иногда появляется такое чувство, что мы ничего, кроме разговоров, не делаем, и не можем делать. И уже был разговор об этом. Академия педагогических наук будет нам помогать.

Умирают люди, исчезают скалы, а книги остаются, потому что они были главными для всей жизни их авторов. Нельзя писать для детей между прочим. Книги остаются, потому что они были главными для писателей. Писать между прочим для детей нельзя. Для писателя эти книги должны быть самыми главными, где и любовь чувствуется.

В этой традиции написал свою замечательную книгу «Большие дела маленького Мишкина» Юлий Ванга — поэт, драматург, прозаик; прошедший дорогами Великой Отечественной войны, посвятивший песни и баллады героизму латышских стрелков. Ю. Ванга написал и книгу о Ленине. Литовцы издали ее раньше. Ю. Ванга рассказал о дружбе латышских красных стрелков с Лениным. Мы еще мало написали о латышских красных стрелках, об их гражданских подвигах, о трагедии наших красных стрелков, которая постигла их в 30-е годы. Пусть дети знают правду, и пусть они вместе с нами переживают, тогда они лучше поймут правду о нашей жизни, станут большими патриотами своей Родины.

Широкий круг латышских поэтов: Райнис, Фрицис Барда, Вилис Плудонис, Аспазия.

Это наша классика, корни которой в фольклоре, в жизни своей страны, в знакомстве с богатствами мировой литературы и искусства. Я уж не говорю о нашем народном поэте Ояре Вацетисе, рано ушедшем из жизни, который придал латышской поэзии современные ритмы.

Марис Чаклайс, Мара Залите, Янис Валтвилкс, Витаус Люден, Юзеп Османис, Лаймонис Вацземниекс и многие другие ищут свой путь к сердцам читателей. Я не говорю о народном поэте Иманте Зиедонисе, который должен был здесь выступить, но не смог приехать.

Издательское дело в детской литературе у нас, может быть, поставлено лучше, чем в других республиках, но все же сроки издания книг очень растянуты. Когда мы пишем о каком-то маленьком герое, то свет эта книга увидит, может быть, к моменту его свадьбы. Вот так получается в жизни.

Мы поддерживаем предложение, чтобы детское издательство было создано. Отдельное специальное издательство для детей и юношества. Эта мысль прозвучала сегодня во многих выступлениях, и это очень хорошо.

Самое трудное дело — воспитать хорошего человека, и трудно создать хорошую книгу для детей и юношества. Было сказано также, что детская литература и книги для юношества в последнее десятилетие всегда оказывались на последнем или предпоследнем месте. Я прочитал все доклады, которые были на республиканских съездах. Вот и наша комиссия в списке тоже находится на пятом месте, т. е. последней. Нам нужно поднять авторитет детской литературы. Дети у нас растут хорошие, интересные. Пусть они смотрят телевизор и пусть всегда дружат с книгой. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Ионе Ходыркэ (Молдавия).

И. ХОДЫРКЭ. Прежде всего я хочу сообщить вам, что в Молдавии дело с детской литературой поставлено «хорошо», как и в некоторых других республиках. Об этом говорит хотя бы такой факт, что на съезде Союза писателей, к сожалению, не присутствуют делегатами два известных наших детских писателя — Григорий Виеру, Спиридон Вангели. Непонятно, почему их не пригласили. Это говорит о наших проблемах, а проблемы в наших республиках очень похожие, о них многие ораторы уже высказывались.

Я слушал все эти вопросы, выступления — яркие, интересные, разнообразные — и думал: какой поток информации! Какие интересные идеи! Если бы это все было претворено в жизнь! Какие словосочетания!

Но есть еще «как бы чего не вышло», очко-вторительство, показуха, чинопочитание, шапкозакидательство, полуправда и т. д.

А ведь для ребенка всего этого не существует. Для него существуют правда и ложь, добро и зло. Многие говорят, что это максимум, но это естественное, врожденное состояние сознания и совести человека.

Я считаю, что таким и должен быть детский писатель — иметь видение ребенка, но, в отличие от него, видеть не только короля, но и все

королевство в целом. Такое видение я почувствовал сегодня в выступлении С. Баруздина. Говорить о сути!

Я не уверен, в отличие от некоторых, что только литература способна решить проблему роста человека. Мы имеем большую и богатую литературу, но это не значит, что человек, который прочел много книг, станет идеальным и не будет творить зло на Земле! Иногда бывает и наоборот: человек начитанный, имеющий исключительные знания, творит зло не только над собой, но иногда и над окружающими.

Мы имеем большую литературу, но часто книги похожи на стандартные консервные банки, которые предлагаются детям, чтобы их почаще открывали. Вкусно или невкусно — какая разница, дети их все равно проглотят! Но детская книга — это не консервная банка, чтобы она лежала сколько угодно на прилавке, а первейшая пища — как молоко — для ребенка, и если ее вовремя не употребить, завтра она «скиснет», завтра «скиснут» и слово, и разум. А сколько таких «прокисших» книг лежит на прилавках магазинов, на полках библиотек!

Здесь уже говорилось о стандартизации, классификации. Мы привыкли все стандартизировать, классифицировать, серийно издавать. А не превращаем ли мы таким образом литературу в средство потребления? Наивно полагать, что тот, кто прочел серию такую-то или такую-то, сразу станет человеком!

Недавно в Молдавии произошло такое горькое, печальное для нас событие: был осужден человек, который занимал высокий пост в министерстве. Его поймали за руку в больших хищениях, взяточничестве и т. д. Этот человек был очень начитанным, знал многие иностранные языки, имел богатейшую библиотеку. Он был интеллектуалом. Но какой это интеллект? Его поймали на воровстве!

Человеку нужны не библиотеки без читателя, не тысячи серии, а нужна одна-единственная книга, чтобы она повлияла на него потрясающе, перевоплощающе! Такие книги, к счастью, есть и у классиков, и у нашей современной многонациональной литературы: «Овод», «Что делать?», Гайдар или Островский.

Они есть, но путь к ним стал намного сложнее почему-то — то ли из-за недоверия, то ли из-за нехватки времени, то ли из-за современного «синдрома» ДТТ — диетан, туфли, телевизор.

Иногда и книга просто отстала от времени, да к тому же и привирает...

Я скажу о событиях, которые имели место. И сейчас еще они вскрываются. К ним проявляется честное, партийное отношение.

В Молдавии до недавних пор происходили странные события, которые не нашли никакого отражения в молдавской литературе. Был отравлен Днестр, выкорчеваны тысячи гектаров леса, матери, работающие с детьми на табачных полях, отравлены, ими заполнены больницы. В Молдавии наибольший процент специализированных школ, переполненных неполноценными детьми. Существует даже такая специальность в пединституте — дефектология — и считается престижной. Там учить не надо ничего делать!

Наша земля перенасыщена ядохимикатами, брошенными над садами-гигантами. Они не оправдали себя. Всякого рода экономические, агропромышленные опыты и «образцы» просто отвратили простого крестьянина от земли, от любви к труду на этой земле. А дети видят это и идут по наименее легкому пути: отчуждаются от земли, от природы, от родного языка, от истории (об этом повесть «Хорин» Иона Друцэ, но такие произведения скорее исключение).

В большинстве наших детских книг преобладает этакое благодушие, состояние парадной маршрутки и преклонения «у парадного подъезда». Когда в шикарной обертке ребенку подсовывают разную чепуху, то это безнравственно. Высшим судьей и ценителем книги должен быть сам ребенок. Здесь нужно исключить любые попытки спекулировать тем, что детская литература привилегированная. Ну а если все-таки привилегированная, то почему так трудно издать детские книги, а особенно писателям из союзных республик?

Мы с признанием относимся к издательству «Детская литература», но я поддерживаю интересную, нужную идею о создании всесоюзного детского издательства.

Еще одна просьба к Совету по детской литературе (который уже много наших просьб поддерживал): поддержите, пожалуйста, наши хождения и просьбы по созданию детского издательства в республике. Трудно вообразить современную литературу без такой единицы.

Здесь много говорилось о проблеме соотношения литературы и школы. Каждому легко обнаружить полную некомпетентность (инфантильность, что ли) педагогической науки. Спрашивается, как началась реформа, если ни материальная, ни тем паче интеллектуально-философская основа не была подготовлена своевременно? Хорошо, что начал свою работу (как здесь сообщалось) рабочий совет по подготовке новой программы. Мы просим ускорить эту работу, но вести ее бескомпромиссно в пользу литературы, потому что, судя по высказываниям местных органов, нашего министерства, НИИ, они не работают над программой, потому что ждут примера из центра.

Литература — это искусство. Кто в школе преподаёт это искусство? Чаще всего бездарь. Во всех учебных пособиях, всем студентам и учителям вдалбливается идея, что литература — не искусство, а предмет и его, мол, надо преподавать бесстрастно, методично. Разве можно назвать предметом «Слово о полку Игореве», «Витязь в тигровой шкуре» или «Миорицу»? Это боль и совесть народа, а начинать нужно с познания этой совести, а не с «литературной аэробики и развлекательности»...

В других республиках у писателей есть интересный опыт участия в создании детских учебников по литературе для детей детского сада и первоклассников. Этот опыт нужно обобщить, взять из него лучшее и применить для создания новых учебников.

Я выразил свою волю. Прошу прощения, что места, может быть, неясно выразился, но говорил честно. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Калдарбек Найманбаев (Казахстан).

К. НАЙМАНБАЕВ. Дорогие товарищи! Я хочу просто высказать несколько своих мыслей, которые меня волнуют многие годы. Сегодня вновь говорилось о том, что надо улучшать дело с учебниками, методической литературой, о программах говорилось, но мы мало говорили об учителе-словеснике.

Вчера по Центральному телевидению была передача, показывали встречу Е. Н. Ильина, учителя-словесника из Ленинграда, с телезрителями. Полтора часа он рассказывал. Я не буду здесь говорить, какова его методика, о его методах преподавания и т. д. Но дело в том, что человек этот — прекрасный учитель, умный, ищущий, интересный человек, может быть, он в чем-то и ошибается, но это человек, который владеет своей профессией, это компетентный человек. А как у нас обстоит дело? Все товарищи знают прекрасно, что у нас многие учителя получили дипломы вузов, не читая «Войну и мир». И таких учителей очень много, и с каждым годом увеличивается число учителей-словесников, а преподавание в школах ухудшается. Это учителя, которые отталкивают детей от литературы. После таких уроков ребята вообще не хотят никаких книг брать в руки. И здесь уже говорили и уважаемый президент АПН говорил о том, что сотни девушек, окончивших педвуз, не знают ни одного стихотворения наизусть. Это тревожный факт. А почему появились эти люди? Да потому, что выпускник приходит в педагогический вуз на филологический факультет только потому, что там, говорят, легче учиться, потому и много случайных людей туда приходит. А что предпринимается?

Возможно, будут прекрасные программы, прекрасная методическая литература, создадут группу, которая будет делать прекрасные книги — все так. Но кто будет преподносить все это ученикам? Ильин вчера говорил, что приходит 6—7-классник с горящими глазами в школу, а потом из нее уходит с потухшими глазами. А кого в этом винить? И мы, писатели, не раз бывали в школе, а как? А мы приходим в школу создавать маленький праздник, млеем от того, что нам повязывают галстук, преподносят цветы, говорим красивые слова и... уходим. А там, может быть, нужен не только праздник, но и работа, нужно, чтобы мы работали в школе, чтобы воспитывали души учеников, чтобы оставался незгладимый след, что пришел писатель и не просто по голове погладил.

Почему на филологический факультет педвуза принимаются, например, не так, как в театральном? Там принимает мастер в свой класс, в свою мастерскую, а здесь получается так, что многие приходят из-за того, что легче учиться, не надо решать формулы, можно кое-как получить диплом. И вот так «кое-как» получают диплом, вот такой заколдованный круг.

И уже много раз говорилось, Баруздин говорил, да и другие о том же, как нужно литературу преподавать. Ведь литература — это не просто предмет. Мы много говорим, что лите-

ратура самый главный предмет в школе, а она у нас сейчас находится на задворках.

Самая главная фигура — учитель. Что бы мы ни заложили в книги, книга останется книгой, если ее не преподнести человеку. Нужен такой учитель, как Ильин, человек ищущий, всю свою жизнь он в поиске.

Второй вопрос. Не знаю, как в других республиках, а у нас не хватает познавательной литературы, приключенческой литературы, научно-фантастической литературы для детей. Недавно на съезде кинематографистов Ролан Быков с болью говорил, что нет фильмов приключенческих, фантастических для детей, а откуда они появятся, если нет таких книг или их очень мало? В нашей республике это очень большая проблема. И я думаю, что такие книги детям нужны. Хочу сказать, что, хотя мы и живем в век научно-технического прогресса, это ничего не меняет, детям такие книги нужны, этим мы им, если можно так выразиться, даем крылья.

Я был членом Совета по детской литературе Госкомиздата СССР и Союза писателей. Этого вопроса мы касались. В последние годы я, правда, не участвовал, но не пора ли нам, Совету Союза писателей, собрать писателей, обговорить. И нелишне было бы создать в издательстве детской литературы специальную редакцию, издающую научно-фантастическую литературу для детей.

Третий вопрос. Когда мы идем в школу, встречаемся с учениками, почему мы не заходим туда, где преподается литература? Где мы могли бы посидеть и послушать, что говорит учитель своим ученикам. Когда ездим в командировки, надо проводить уроки литературы в школе, чтобы другие призадумались, что есть такой предмет — литература, есть такая проблематика.

И в конце два слова о развитии детской и юношеской литературы в Казахстане. В позапрошлом году был расширенный Совет, где мы обсуждали эту проблему. И я говорю вам, что у нас на самом деле созданы хорошие условия для того, чтобы мы создавали хорошие произведения, есть у нас мощные издательства, выпускающие много книг и могущие их выпускать. Есть специальный конкурс на лучшие произведения для детей и юношества с солидными премиями. У нас присуждаются Государственные премии имени Абая по детской литературе — есть у нас детские писатели, получившие такую премию. Здесь сидит директор издательства, выпускающего детскую литературу. Возможности есть, так что единственная наша задача — создавать хорошие произведения. Мы эти проблемы знаем, работаем над ними. И я думаю, что в будущем появятся хорошие книги.

И еще одно слово. Все эти идеи и предложения, которые сегодня были высказаны, не должны остаться достоянием стенографического отчета съезда. Их надо довести, эти идеи и предложения, до инстанций, где эти вопросы решаются, чтобы те товарищи, которые призваны решать эти вопросы, хотя бы призадумались. Спасибо за внимание. (А п л о д н с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Сагател Мамиконович Арутюнян (Армения).

С. АРУТЮНЯН. Товарищи! Я не буду говорить об армянских детских писателях. О них довольно обстоятельно говорилось на съезде писателей Армении. У нас, как, кстати, и везде, есть и свои достижения, и свои упущения. И уж тем более мне не хочется распространяться о месте и значении детской литературы и о том, насколько велика ее роль в деле воспитания подрастающего поколения, — все это делалось и говорилось везде, немало говорилось и здесь.

Я просто хочу поделиться с вами некоторыми своими заботами и обратить на них внимание ваше.

Известно, что в современном научно-техническом прогрессе важное место уделяется человеческому фактору. От нравственного облика человека, высоких черт его характера зависит решение тех важнейших задач, которые ставит перед нами время. Только нравственно сильная, наделенная присущими новому человеку чертами личность в силах довести до завершения эти задачи. А задачи эти день ото дня становятся все огромней, и сегодняшний ребенок, который должен жить и работать в XXI веке, призван продолжить дело нашего поколения. Вот почему воспитание этого нового поколения приобретает еще более значимое, всегосударственное значение.

Наша детская литература в лучших своих образцах в общем отвечает поставленным перед ней задачам, однако немало и случаев, когда... Нет, я не хочу говорить о том потоке посредственности и серости, которая неотъемлемо от руслу всякой настоящей литературы, — немало случаев, когда детская книга, кинофильм, телепостановка наносят удар по всему тому, ради чего борется лучшая часть нашей литературы. И получается так, что мы, с одной стороны, строим, а с другой — со спокойной душой разрушаем возведенное. Так поступают авторы не только многих телепостановок и фильмов большого экрана, но и многие детские писатели, которые, преследуя вполне похвальную цель, пренебрегают элементарными законами воспитания, не проявляют осторожности и чуткости, педагогического подхода, такта, тонкого знания и чувства детской психологии и невольно оказываются в ряду тех, кто действительно разрушает все лучшее из созданного.

Если бы воздействие литературы и искусства на души, особенно на детские души, не было столь велико, может, и не стоило бы тревожиться. Но учитывая именно силу этого воздействия, и придаем мы столь большое значение нашей работе, ведь дети одинаково восприимчивы и к хорошему, и к плохому, негативному. Пожалуй, влияние этого негативного даже сильнее и заразительнее.

Дети очень любопытны, они хотят все знать и не приемлют никаких тайн. Вот ребенок видит, как черепашка прячется в панцирь, оставляя ему на обозрение в лучшем случае кончик своего носа или лап. А ребенок хочет знать, что у нее внутри и как выглядывает черепашка без панциря. Кто-то другой хочет знать, может

ли прыгать без ножек и крыльев пойманный им кузнечик. Такое любопытство, повторяю, естественно и понятно. Но нужно ли ради констатации такого любопытства показывать, как ребятня набрасывается с камнями на черепаху и разбивает ее панцирь, или показывать, как мальчик одну за другой отрывает лапки кузнечика?

Всем известно, что в ребенке изначально заложены самые разные инстинкты, и если некоторые из них проявляются в ком-то, то у тысяч других эти инстинкты дремлют, и вполне вероятно, что никогда и не проснутся. В любом случае наша задача — способствовать этому, а вовсе не пробуждать их.

Прямым следствием игнорирования этого становится детская жестокость по отношению к взрослым, иначе говоря — их совершенно нетерпимое поведение. Помню, в одном из фильмов, показанных по телевидению, ребенок, оставленный на печенье дедушки и бабушки, вдруг пропадает. Перепуганные дед с бабкой долгих несколько часов места себе не находят, мечутся от леса к реке, а «герой», сидя себе на чердаке, преспокойно наблюдает, как терзаются несчастные старики. А он еще и еду с собой прихватил и теперь уплетает бабушкины пирожки, и совершенно очевидно, что проказник даже в восторге от своего поступка.

В другом фильме группа детворы замышляет какой-то заговор, во всяком случае, готовится осуществить его, и один из детей предупреждает остальных: «Смотрите, ничего не говорите взрослым, знаете же, что они многого не понимают». И такого рода перлы мы встречаем и на экранах, и в книгах.

Не секрет, что дети, столкнувшись с недовольством взрослых их так называемыми шалостями, часто позволяют себе подобные выражения, но надо ли так часто объявлять об этом миллионм детей?

Мне хочется быть правильно понятым. Я все не проповедую этакий пуризм в воспитании, однако признаемся, что попустительство ни к чему хорошему не приведет.

Не стоит приводить примеры. Их сколько угодно, и каждый из сидящих в зале может припомнить их великое множество. Разве кинофильмы, в которых совершаются убийства, причем самым жестоким образом, не оказывают на детей отрицательного влияния?

А таких фильмов много.

Особенно выделяются в этом отношении некоторые зарубежные фильмы, которые по чисто коммерческим соображениям продолжают проникать на наш экран. Мне могут возразить, что многие из них — вовсе не детские. Но, ради бога, много ли таких семей, где строго следят за тем, чтобы дети не смотрели подобные фильмы? Да и вообще, возможно разве этого достичь? Поэтому не стоит связывать с этим суетных надежд, ибо родители в лучшем случае могут проследить за этим дома. А вне дома? После уроков — да что себя обманывать: и просто сбежав с урока! — детвора может свободно попасть на эти фильмы. Она ведь использует все возможности, чтобы вкушать от запретного плода.

Мы много говорим о негативных сторонах

нашей жизни, к сожалению, все еще имеющих у нас, и ведем с ними активную борьбу. И я очень сомневаюсь, что наши дети не ведают о всяческих разговорах и явлениях. Поэтому давайте и здесь не будем убаюкивать себя тщетными надеждами, что они ничего не знают. Да и не в этом дело. Но что можно сказать, когда на экране какой-то сопляк, видимо, вожак мальчишеской компании, желая попасть в парк, сует что-то сторожу, а после, обращаясь к сверстникам, гордо заявляет: «Так вот, не подмажешь — не поедешь!»?

Таких примеров тоже можно привести множество. Однако здесь важен не сам пример, а тенденция. Вкладывая в уста детей такие выражения — причем единственно из желания показать какие-то «истины», — некоторые авторы забывают, что этим они только содействуют распространению явления.

Или что сказать, когда какой-нибудь замурышка на экране вертит как хочет самими что ни на есть взрослыми, с солидным жизненным опытом людьми: в одном случае родителями, в другом председателем колхоза или матерым шишом, который наивно, истинно подетски, попадает в детскую же ловушку? Прямо отороп берет, с какой легкостью расправляется какой-нибудь ребенок со сложнейшими, запутаннейшими ситуациями, в которых теряются и не могут разобраться даже взрослые.

Все то, что взрослым дается лишь с величайшим трудом, ребенок делает удивительно легко и просто, чуть ли не играючи.

Он более остроумен, находчив, а уж если доходит до боя или стрельбы, то каждый его выстрел — убитый враг. Я говорю здесь не о тех романтических фильмах, где подобная тональность заложена изначально. Но ведь подобная простота и легкость достижения всего желаемого способна только обескуражить и разочаровать вчерашнего ребенка, уже завтра оказавшегося перед реальными трудностями жизни. Сегодняшний ребенок завтра войдет в жизнь, вступит в борьбу с землей и машинами, сядет за пульт вычислительной машины или штурвал самолета, спустится в шахту, войдет в семейные и разные другие человеческие отношения, а потому он должен быть психологически подготовлен к таким трудностям.

В детских книгах, фильмах и постановках и особенно в современных сказках совершается, как мне кажется, еще одна ошибка. Детей, то есть добро, иногда наделяют качествами, присущими только злу. Я понимаю, что это делается лишь для того, чтобы они могли противостоять злу и одолеть его. Но неужели такой ценой? Жестокость и коварство — оружие зла, и силы добра не могут орудовать ими так же, как силы зла. Добро должно сражаться со злом своим оружием — добротой, благородством, чистотой, даже, если хотите, — сверхчистотой. Зло страшится этого больше всего, перед ним оно выглядит жалким и низким. Сказка сказкой, однако ведь и в жизни так. Поэтому в жизни тем более не должно пользоваться недостоинным оружием. Все ведь знают, что всевозможные отрицательные личности или отбросы общества —

воры, рвачи, взяточники, чинуши — испытывают буквально животный страх перед правдой и честностью. А ведь именно из нашего ошибочного подхода ко всему этому и вытекают примитивность, несерьезность конфликта и низкий художественный уровень многих произведений для детей. И это в то время, когда уровень конфликта, серьезность темы и мастерство в детской литературе никак не должны уступать литературе «взрослой».

Благодарю вас. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Кенеш Жусупов (Киргизия).

К. ЖУСУПОВ. Советская детская литература давно признана во всем мире как одно из неоспоримых завоеваний нашей культуры, как источник ценного эстетического, художественно-творческого и педагогического опыта. Роль детской литературы на современном этапе неразрывно связана с теми общекультурными и идеологическими задачами, которые Коммунистическая партия ставит в области духовно-воспитательной.

Киргизская детская литература, опираясь на традиции социалистического искусства, на протяжении многих десятилетий успешно воспитывает в детях и подростках благородные человеческие качества. Лучшие рассказы, повести и сказки, лучшие кинокартины помогают им познавать окружающий мир, готовить себя к вступлению в большую жизнь, к плодотворному участию в созидательной деятельности.

Духовным достоянием подрастающего поколения стали книги А. Токмабаева, Т. Сыдыкбекова, Ч. Айтматова, Ш. Бейшеналиева, М. Жангазиева и др. Их творчество было подготовлено богатейшими народно-поэтическими традициями. Эти традиции живы в их книгах, они питают их творчество той живительной силой подлинно народной мудрости и поэтического мастерства, которая еще задолго до появления письменной литературы достигла наивысшего цвета в устно-поэтическом творчестве замечательных народных акынов-импровизаторов.

Сегодня детская литература Киргизии — это вполне зрелое явление культурной жизни республики. Наряду с произведениями старейших писателей юные читатели хорошо знают и любят книги Б. Сарногоева, А. Кыдырова, А. Жакыпбекова, М. Гапарова, Т. Кожомбердиева, Ж. Мамытова, М. Мураталиева, Т. Самудинова, К. Жунушева и др.

Только мудрый человек может придумать сказку. И только добрый человек напишет сказку, и человек талантливый. Способный удивляться волшебному дару жизни и по-детски верить в чудеса.

Наверное, мало кто из почитателей таланта Чингиза Айтматова знает, что на его творческом счету не только всемирно известные повести и рассказы, но и изящные, веселые и лукавые, весенне-звонкие сказки. Успех его сказок «Чыпалак — мальчик с пальчик», «Бугу эне» («Мать олениха») у подростков был огромным. Написанные великолепным образным языком, эти сказки приобрели под пером выдающегося мастера яркую нацио-

нальную окраску и не только сохранили лучшие черты народной сказки, а и стали настоящим шедевром большой литературы для маленьких.

Известный киргизский писатель Ш. Бейшеналиев был удостоен Государственной премии республики за повесть «Рогатый ягненок» для детей.

Жизнь родившегося сегодня человека организована принципиально не так, как было во времена наших дедушек. В далекие от юного читателя прадедовские времена труд, рождение, любовь, смерть органически входили в жизнь ребенка.

Принятые ныне нормы жизни меняют все корни. Как же собрать этому человеку ускользающий из его поля зрения и ощущений калейдоскопический мир?

Наши дети вырастают сегодня в сложном «удвоенном» мире. Один, реальный, — дом, детский сад, школа. Другой, экранный, литературный, — любой континент, любая культура, любые события от семейной драмы до глобальных исторических катаклизмов, любые знаменитости у себя, на страницах литературы.

Подрастающему человеку непросто прожить сегодня без второго, литературного мира. Без вихря событий, судеб, фактов. Реальных и вымышленных, поданных в эмоциональной форме.

Юному читателю всех возрастов, как витамин роста, необходимо пренебрежение реальными бытовыми обстоятельствами — романтическое, героическое. Любое! Видимо, из этой жизненно важной для детского духовного организма жажды одоления вырастает и любовь к сказке.

У нас в республике издаются два детских журнала, пионерская газета «Кыргызстан пионери» на русском и киргизском языках. А в издательстве «Мектеп» («Школьник») выпускается более 700 печ. л. художественной литературы. Издавалась антология киргизской прозы для детей, антология детской литературы 15 союзных республик в пяти книгах, в серии «Мои любимые сказки» — сказки народов Советского Союза в 15 книгах. В этом году издаются украинские сказки.

Стало доброй традицией издание серии «Читаем сами». Лучшие сказки, напечатанные на страницах журнала «Байчечекей», издавались отдельной книгой.

Что тревожит нас, киргизских детских писателей? Малая продуктивность школьных методов преподавания литературы уже не первое десятилетие обсуждается общественным мнением. Нам важно найти корень этой непродуктивности. В настоящее время советская школа переживает ответственную пору реформы. Но реформа — это не только совершенствование всего учебного процесса, но и глубокие изменения нравственного климата коллективов школ.

Преподавание литературы в школе — это огромная и отдельная тема; назову здесь лишь важнейшие просчеты: во-первых, преобладание выводных, готовых знаний из адаптированного курса истории и литературы; во-вторых, неыверенность традиционно предлагаемого перечня произведений с точки зре-

ния их интересности для современного школьника. Всякое аналитическое учение бесплодно, если в его основе не окажется творческое переживание искусства.

К сожалению, наши местные издательства годами не переиздают учебники по родной литературе, издания не отвечают современным требованиям, не способствуют формированию у школьников самостоятельного мышления, художественно-эстетического взгляда. Наши писатели и поэты не принимают активного участия в создании учебников по литературе.

Местные издательства издают много книг, но среди них мало хорошо оформленных, иллюстрированных, низка полиграфическая культура. К сожалению, приходится констатировать факт, что большинство детских книг написаны случайными авторами, неудавшимися журналистами. Республике не хватает профессиональных критиков детской литературы. Многие явления и проблемы развития национальной детской литературы исследованы слабо, фрагментарно, носят комплиментарный характер, не дают целостного представления о литературном процессе, национальных особенностях и стилевом многообразии киргизской детской литературы. Мало произведений песенного, приключенческого, фантастического жанра, мало познавательных, научно-популярных книг.

Надо в республике организовать Театр юного зрителя, умножить тираж книг, издать на родном языке детскую энциклопедию.

Дорогие детские писатели, давайте приложим все усилия к тому, чтобы детская книга была содержательной, умной и гуманной, была красочно и великолепно оформлена. (А п л о д с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово для выступления предоставляется Льву Ивановичу Кузьмину (Пермь).

Л. КУЗЬМИН. Дорогие товарищи! Рассуждая о проблемах современной детской литературы, очень хотелось бы вдруг в речах своих на минуту приостановиться, да взять и нашим живым писательским воображением переинтерпретировать в те времена, когда не какой-то там абстрактный ребенок, а мы сами — бывшие мальчики и девочки, нынешние создатели книг — впервые встретились с истинным художественным словом. Взять да и вспомнить: чем тогда нас это слово озадачило, что навсегда в сердцах наших оставило.

А осталось в нас наверняка: «Ветер по морю гуляет и кораблик подгоняет; он бежит себе в волнах на раздутых парусах...» — остались фольклорные сказочные, но все равно реальные в своей друг к другу сострадательности братец Иванушка и сестрица Аленушка; остался носитель чести и доблести народной Илья Муромец; пошли с нами вместе искать верную дорогу в многосложной людской жизни Алеша Пешков с бабушкой Акулиной Ивановной; а затем вместе со свежим ветром первых пятилеток, вместе с истинным художественным словом звонко входили в нашу детскую жизнь «пионеры Кунцева, пионеры Сетуни, пионеры фабрики Ногина», учила нас находить доброе,

весеннее не только в самих себе, но и в созидательном размахе всего Отечества гайдаровская пятиконечная звездочка; научались мы добру жизни и поэзии жизни на строках: «Что мы сажаем, сажая леса? Лист, на который ложится роса!» — и вставал тогда улыбочиво рядом с нами один из удивительнейших жителей Страны Детская Книга гражданин «по фамилии Степанов, и по имени Степан, из хороших великанов самый главный великан!».

К чему я это всех призываю вспомнить? Отнюдь не затем, чтобы сказать: «Вот-де, как все хорошо в детской литературе было, и вот-де, как все плохо стало...» Нет и нет! Пока есть, пока живет, трудится верующий в свою цель народ, тем более такой народ, как наш — многонациональный, советский, — то его культура, в том числе и книжная, в том числе и для детей, прийти в упадок не может. Крепкий фундамент заложен, новые, полные энергии и таланта работники есть: здание светло растет шире и выше!

Но тем не менее, товарищи, в наше особо требовательное к качеству время все равно назревает вопрос: «Все так же добротен ли тот материал, из которого мы продолжаем строить начатое?» Ведь материал этот — особый. Он называется — Слово. И вот не забываем ли мы, что Слово научиться можно опять же лишь у самого Слова, и не забываем ли мы в повседневной торопливости своей оглядываться на пример тех, кто в изучении этом достиг истинных вершин? Если честно ответить, то, конечно, нет-нет да и забываем. Забываем мы, забывает — что еще печальней! — часть нашей литературной молодежи. Нам уже некогда на скорописном бегу своем глотнуть, освежить силы свои из того чистого, алмазно-богатейшего источника, путь которому из глубин народной культуры открыли лучшие мастера художественного родного — на родине рожденного! — слова. А садясь за рукопись, в том числе и для детей, мы окунаем поспешную мысль свою, поспешную память свою в крохотный, карманного размера сосудик, именуемый «Орфографическим словарем для средней школы».

Я не хочу обидеть ни школу, ни сам словарь. Но для детского писателя, а также (подчеркиваю!) для редактора этого сосудика крайне мало. Хотя скромно-удобно-средненькому, серенькому деятелю от литературы такое положение — в самый раз. Он ведь полагает, что именно у него в литературной конторе, хоть в редакторской, хоть в писательской, но ведомственно узаконенной, лишь и говорят, и работают на наилучшем русском языке, а, скажем, уралец Павел Бажов или архангелоградец Борис Шергин в этом деле не разбирались ничуть. По «провинциальной» сути своей чудили — вот и все, и следовать за ними не обязательно.

Такое отношение к родным языковым истокам породило другое, очень сейчас заметное среди пишущей для детей литмолодежи не лучшее явление. Косяком пошли так называемые литературные сказки, созданные по западному образцу, чаще всего по образцу комиксовому. И беда тут не в самих образцах — образцы и не у нас есть хорошие, — а беда

в том, что изучаются и эпигонски повторяются они через опять же усредненное, обедненное переводческое слово, потому как переводчики — Маршаки, переводчики — Любимовы — редкость. И результат: родной язык в детской литературе — уже не родной язык, а некоторое подобие «эсперо», ему совсем уже недалеко до знаменитого словарика людоедки Элочки. Вместе со всем этим разрушается, конечно, и само понятие сказки как жанра. Редкостного жанра, который, будучи даже и не украшенным рифмой, является одной из самых лучших ветвей поэзии. Да и только ли сказка пропадает вместе с потерей уважения к родному языку?

Ну, а главное, усредняя писательское слово свое, мы обедняем души наших читателей — детей. И это неверно, что ребенок еще ничего не понимает, что ему надо «проще». Ребенок поймет все, если ему понять, познать позволят. Познание его зависит от нас. И вот отсюда еще одна проблема, связанная уже с нашей творческой честностью.

Реформа школы, переход к всеобщему профессиональному образованию требуют все больше художественно-документальных книг. За спросом следует предложение. И вот, мне кажется, тут-то и находит серая мышь щель в кладовку, тут она очень быстро прогрызает с виду довольно плотные редакторские двери.

Возьмем, к примеру, детскую публицистику о сельском хозяйстве. Здесь, если писатель серьезный, то он вслед за просьбой редактора — и часто к неудовольствию редактора! — крепко, надолго задумается: «Вправе ли я такую книгу написать? Знаю ли я в доскональности современный крестьянский труд?» А вот любитель кормных кладовок мгновенно редактору заявит: «Так давайте книгу-то такую споровую я! Мне ведь в деревне у дядиново свояка целых два дня в гостях живать пришлось, так неужель ваш заказ я исполнить не сумею?!» И — сумеет. И — выполняет. И сидит там у него, в его писаниях, трудяга-комбайнер возле системы управления, чуть ли не как актер-эстрадник, в белоснежной рубашке, во всю ивановскую распевает песни, а комбайн — поскольку книга детская — ходит по полю этими нежными кривулями, чтоб не зацепить на земле ни одного птичьего гнездышка... Не труд, а этакие танцульки! Ни тебе знаний элементарных законов природы, ни тебе малейшего уважения к соленому поту крестьянскому! Балет — и точка!

И это никакой не анекдот, такая рукопись, я знаю, чуть-чуть не стала многокнижной книгой. Но вот не стала, и хорошо, такой псевдо-литературе надо ставить надежный заслон.

Подобная псевдолитература ничего, кроме вначале легкомысленного, а затем и халтурного отношения к трудовой жизни, в будущем взрослом человеке не воспитает. Книги о честном человеческом труде должны быть написаны честно.

И еще — чуть о селе. А вернее, о сельских ребятишках...

Дорогие товарищи! Когда мы ежегодно подсчитываем, какое количество прекрасных книг выходит в стране для детей, то совершенно справедливо этому радуемся. Да, мы единст-

венная в мире страна, которая дарит своим детям такое богатство! Но вот, живя далеко от Москвы, в Приуралье, и часто посещая со своими друзьями по перу приуральские колхозные и совхозные коллективы, мы там то и дело слышим вопрос сельских учителей, сельских библиотекарей, даже книготорговцев: «Почему детскую книгу достать в селе невозможно труднее, чем в городе?» И вопрос этот справедливый. Видимо, должно произойти какое-то государственное изменение в порядках распределения детской книги между городом и селом. Даже без увеличения общего тиража. Сельские ребятишки имеют на это право. Мы их зовем оставаться на селе, на земле, призываем стать будущими нашими кормильцами, так дадим же и им пищу духовную на равных правах с городом.

Мы выпускаем серии для сельской взрослой молодежи, мы выпускаем серию «Школьная библиотека», но она тоже больше для юношества, а вот для маленьких сельских детей, особенно в глубинках, специально возрастная книга — дефицит. Так не создать ли при изданиях «Малыш» или «Детская литература» тоже специальную хорошую серию «Сельским пионерам и октябрятам», и чтобы эти книги все до одной шли точно по адресу? Это и будет тогда совершенно конкретное дело, очень нужное для той работы с человеческим фактором, к которой и призывает нас партия. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Тамара Дмитриевна Полозова.

Т. ПОЛОЗОВА. Уважаемые товарищи! Наше заседание чрезвычайно интересное и содержательное, не день, а неделю можно было говорить о нашей замечательной советской детской и юношеской литературе, и был бы разговор содержательным и интересным. Я вышла на трибуну не для того, чтобы говорить об этом, а для того, чтобы обосновать три конкретных предложения, ибо сегодня авторитет писательского слова особенно велик, и поэтому мне хочется обратиться к силе этого авторитета.

Первое предложение. Совершенно справедливо говорили, что действенность книги, любовь к чтению, духовная культура, рождающаяся под воздействием литературы, в значительной мере определяется не только самой литературой, а пропагандистами, теми, кто руководит чтением, кто формирует читателя. Весь послевоенный период в педагогических институтах литература для детей и юношества читалась как факультативный курс, который не имел никакого авторитета потому, что студенты перегружены. С этого года Министерство просвещения СССР приняло решение, что этот курс в педагогических институтах Российской Федерации будет обязательным, но на него отведено очень мало часов. Сейчас происходит обсуждение основных направлений перестройки высшего и среднего специального образования. Настолько высшая школа нуждается в серьезном улучшении работы.

Считать обязательным в числе основных профилирующих предметов ввести курс «Ли-

тература для детей и юношества», читать как курс литературы народов СССР для детей и юношества.

Кроме того, в каждой республике есть часы для чтения, курс с учетом национальной специфики республик. Это очень помогает подготовке специалистов, которые смогут руководить чтением.

Второе. Я прошу внести предложение считать целесообразным организовать работу в институтах культуры по кафедрам, специально готовящим библиотекарей для детских и юношеских библиотек по специализированному учебному плану. Мы будем иметь свой план, который позволит нам вести курс детской литературы.

Третье. Мы ничего не слышали о журнале «Детская литература», который с каждым годом набирает силу: Сергей Петрович был очень скромнен в оценке журнала и упомянул лишь одно мероприятие, которое хорошо проводится по иллюстрации детской книги.

Этот журнал дает богатейший материал и учителям, и студентам, которые призваны изучать детскую литературу. Может быть, нужно внести в решение данной комиссии предложение — просить увеличить листаж этого журнала и тираж за счет подписки, обязательной подписки в школах для учителей, не один экземпляр, а 10. Таким образом увеличится тираж и журнал станет более действенным.

Большое спасибо. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Итак, все мы пришли к завершающему этапу нашего сегодняшнего дня съезда, секции, или комиссии по детской литературе.

Мы заслушали 4 доклада и 24 выступления, кроме докладов. Здесь прозвучали голоса почти всех союзных республик за исключением двух. Все выступления, мне кажется, несли в себе доброе зерно большой заинтересованности, зерно истинной правды о детской литературе, о состоянии ее, об общественной нашей жизни и связи литературы с жизнью. Обо всем этом говорилось заинтересованно и интересно. Можно было бы ораторам давать не по 10 минут, а по 20, но тогда мы бы очень затянули время.

Я думаю, что перед писателями, перед нашими детскими писателями, перед нашей детской литературой, перед творцами, которые сидят здесь в зале, — это творцы, которые сами творят литературу своим пером, душой, сердцем, кровью, — раскрылся целый край непожатой работы, огромная целина, которую нам подготовили для обработки наше новое время, указания партии, XXVII съезда. И я полагаю, что все мы вместе, руководящие товарищи из ведомств и Госкомиздата РСФСР, Академии педагогических наук и Центрального Комитета комсомола, из министерств просвещения, — все мы вместе постараемся в меру наших сил и возможностей решить пусть не все вопросы, потому что многие из них сложные, их так просто не решишь. Например, вопрос увеличения тиража. Этот вопрос стоит многие годы. Все готово, но почему-то этот вопрос не решается.

Опять мы будем его ставить от имени нашего съезда писателей.

Мы давно поставили вопрос о создании Центра детской литературы, наподобие центров, которые работают в капиталистических странах, где все поставлено на очень широкую ногу. Это центр в Австрии, в Америке, центр в Западной Германии, где к детской литературе в этом смысле относятся весьма серьезно. Они изучают наш опыт, но не хотят ему подражать, потому что у них другие идеологические задачи, но они берут нашу детскую литературу на вооружение, они присматриваются к ней, они понимают, что детская литература, даже та же книжка с картинками, сказка, формирует мировоззрение молодого человека, и они по своей линии ведут эту работу очень продуманно. Они отвлекают ребенка с детских лет от политики или же поворачивают эту политику в нужном им направлении, и поворачивают умно.

Нам нужен такой центр. У нас нет его. Есть такие центры в наших дружеских братских странах, есть в Болгарии, в ГДР. Мы ставили этот вопрос, я лично писал большую докладную записку, она прошла по всем инстанциям при прежнем руководстве, и на всех уровнях ее урезали, решали, при ком должен быть центр — при Академии педагогических наук, или он должен быть самостоятельным, или при Доме детской книги, и на какой штат ориентироваться. И всякий раз пытались умалить значение этого вопроса.

Сейчас и время новое, руководство страной и Центральным Комитетом партии новое. Я думаю, что самое время эту записку поднять и заново проработать, а в записке предусматривалось очень многое — предусматривались издание литературы, создание научно-исследовательского центра, международные связи нашей национальной секции, которую я возглавляю. И нужно все это собрать в один кулак, реставрировать какой-то дом, чтобы там была библиотека и Центральный детский дом книги. Словом, поставить это дело на широкую ногу, как этого заслуживает детская литература. Мы будем докладывать съезду на пленарном заседании о работе нашей комиссии. Все стенограммы будут обработаны, перепечатаны. У нас было много предложений, острых политических вопросов. Я думаю, что мы поставим некоторые вопросы перед соответствующими инстанциями, чтобы они с ними познакомились.

Я думаю, что на сегодняшний день съезд все-таки будет значительной вехой в развитии нашей детской литературы. Здесь были очень хорошие выступления Попцова, Стрелковой. Говорились интересные вещи, и все наши республики были представлены весьма значительными индивидуальностями.

На этом разрешите мне как руководителю комиссии поблагодарить вас за то, что вы все были дисциплинированными, активно выступали, слушали. И, как мне кажется, у нас пустословия не было. Большое вам, товарищи, спасибо.

На этом я закрываю работу комиссии.

У Т Р Е Н Н Е Е З А С Е Д А Н И Е

Председательствует П. П. БОЦУ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Уважаемые товарищи! Прежде чем продолжить обсуждение, хотелось сказать несколько слов. Вчера, как вы знаете, состоялись заседания комиссий VIII съезда писателей СССР. Работа прошла содержательно, интересно. Выступили на заседаниях комиссий 138 человек.

Как мы и улавливались, сегодня в течение дня мы предоставим слово руководителям комиссий, чтобы они вкратце доложили съезду итоги работы этих комиссий.

Приступаем к работе. Слово предоставляет Андрею Андреевичу Вознесенскому.

А. ВОЗНЕСЕНСКИЙ. Дорогие товарищи!

Как насыщено, выстраданно, исповедально проходит наш сегодняшний съезд! Каждое выступление звучит, будто жизненная повесть.

Я вижу в зале многоцветье нашей литературы, лучших писателей Москвы, Тбилиси, Алматы. Но мне представляется, что насколько бы наш съезд стал бы шире, ярче и многограннее, если бы в зале была бы Белла Ахмадулина, Булат Окуджава (а п л о д и с м е н т ы), Юрий Черниченко, которому стольким обязана наша истрадавшаяся земля (а п л о д и с м е н т ы), Вячеслав Кондратьев, Давид Самойлов, Арсений Тарковский, старейший и драгоценнейший наш поэт, который столько сделал для русской, грузинской, киргизской, таджикской и других литератур. Нет в зале фантастов братьев Стругацких, нет сатириков — Горина, Арканова, Жванецкого. Нет Гельмана, автора пьес «Мы, нижеподписавшиеся» и «Премия» — это были первые ласточки, с которых началась наша перестройка, но их авторов нет в списке делегатов. Нет Рощина, нет Руслана Киреева. И еще, и еще... Нам сказала здесь ревизионная комиссия, что выборы в Московской писательской организации — вот я думаю, неужто правда все это, что сказали нам здесь? — что выборы в Московской писательской организации, которой руководит Феликс Кузнецов, были фальсифицированы и вообще была ли истинная выборность? Я думаю, что Московская писательская организация всегда была гордостью нашей литературы и сейчас она состоит из честнейших людей. Но так или иначе, сейчас нанесен урон нашему съезду. Платонов сказал: «Без меня народ не-

полный». Я думаю, что без этих писателей наша литература неполная. (А п л о д и с м е н т ы.)

Я хочу сказать о литературном климате. Как нам не хватает доброты к иному, чем мы, таланту! Я считаю, хватит нам междуусобиц, хватит грызни, групповщины. У нас есть святое дело — литература, которая нас объединяет. Съезд наш проходит в трудную пору, когда над страной тяготеет беда Чернобыля. Среди многих «быть или не быть», которые повисли сейчас над человечеством, есть и такой вопрос: быть или не быть литературе вообще, т. е. делу, которому мы служим, которому мы отдаем жизнь. Волей судеб мы, может быть, почти последняя читающая страна в мире. Только у нас 300-тысячным тиражом раскупается Анна Ахматова, а в Латвии — стране с населением около миллиона — стихи Петерса и Зиедониса выходят тиражом 33 тысячи экземпляров.

На культуру наступает бездуховность. Здесь страстно говорили о преступности переброски северных рек, о гибели природы. Мой отец был гидротехником и завещал мне бороться против этого бессмысленного проекта, за чистоту вод, за Байкал. Но культуру сейчас так перекрутили, что и она иссыкает, как реки! Я хочу сказать о наболевшем — о гибели духовности, об экологии культуры.

Наше равнодушие уничтожает прошлое, как разрушили Сухареву башню, пушкинскую усадьбу в Захарово. Равнодушие уродует настоящее — как одинаково безлики новые районы Москвы, Тбилиси, Ташкента! И что еще страшнее — порой мы губим будущее. Наше следствие нам досталось нелегкое.

Мы все ездил по Куззовскому проспекту мимо снесенной Поклонной горы и вывороченного парка. Там идет строительство монумента Победы. Этот стоит 130 млн. рублей. Когда строили в честь победы над Наполеоном храм Христа-Спасителя, весь народ жертвованиями участвовал в его строительстве и Герцен восхищался проектом. Мы же паразитически равнодушны. Мы даже отработали субботник, но нам все равно, что будут строить, будто Москва не наша. И вот сейчас — по новым веяниям — проект выставлен на обсуждение возле Крымского моста. Сходите туда! Я вчера туда ездил. Проект представляет собой уродливый столб высотой в 70 метров,

т. е. 30-этажный дом. Это гранитное знамя — которое, кажется, вот-вот раздавит группку людей под ним. Это один из самых уродливых и бездарных памятников в мире. Кроме того, даже красный гранит силуэтно смотрится как черный, я, как учившийся архитектуре, знаю: и на въезде в Москву будет пугать всех гигантское черное знамя. Ужас какой-то!

Я спросил у одного из участников работы: «Как вы к этому относитесь?» Он ответил: «Очень плохо». — «Зачем же вы это создавали?» — «Так нам велели свыше. Все запущено. 30 миллионов вложено. Не остановить». Но ведь приказал чиновник, слабо разбирающийся в искусстве. Его сейчас уже нет. Но художник услужливо выполняет. И памятник может испортить Москву на века, и им потомки будут пугать детей. Надо остановить это. (А плодисменты.)

Но вернемся к литературе. Почему читатели отворачиваются от некоторых книг? Причин много. Но главная — что народ хочет гласности. Гласность — сестра литературы. Народ знает правду о чудовищной силе зла, беззакония, коррупции, лихоимства, фальши, двуличия, он борется с этим злом в жизни, видит неправильное распределение благ, а ему подсовывают обкатанные редактором застенчивые книги, не «Мертвые души», а водевили.

Увы, лишь отдельные, немногие из нас забил тревогу о чудовищности преступлений. И сейчас главный враг внутри нашего общества — это бюрократизм, тормозящий перестройку, новое, это костость, старое мышление, которое, увы, не сдалось.

Сейчас в культуре все меньше белых пятен. Конец издан Гумилев. Долго сомневались: если издать его — такое начнется! Напечатали — ничего не обвалилось. Читатель созрел у нас, чтобы читать все. Но у нас нет не только прилично изданного Аввакума, «первого русского авангардиста», как называет его Лихачев, у нас нет академического собрания Маяковского, академического собрания Есенина. Пора издать Замятина, Ходасевича, пора наконец издать полную Ахматову, полного Пастернака. (А плодисменты.) Кому, как не Союзу писателей, заняться защитой шедевров и судьбой литературной среды?!

На днях я вновь зашел на дачу, в которой жил Пастернак. Картина удручающая. Гению поэзии XX века даже не оставили кабинета, в котором он работал. Мое мнение остается прежним — этот святой дом должен стать музеем Пастернака. (А плодисменты.) Сейчас там хозяйничает литературный музей Министерства культуры. Писатели должны взять это в свои руки. Чтобы сэкономить время, мы решили, что Е. Евтушенко зачитает здесь наше письмо-предложение.

Кому, как не Союзу писателей, защищать честь писателей? Сейчас широко печатаются и Ахматова, и Зощенко. Это классики. Но путают умы, мне об этом написали письмо школьники, оскорбительные и устаревшие формулировки постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград». Как мне сказали, в 1958 году

Союз композиторов обратился в правительство — и постановление об опере «Великая дружба» от 1946 года было отменено. Думаю, если наш съезд обратится с соответствующей просьбой, то постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград» может быть отменено. (А плодисменты.)

Хочется, чтобы была создана авторитетная комиссия из уважаемых писателей, которые помогли бы рукописям, которые долгое время не могут пробиться в печать. Их накопилось немало. Ведь порой писатель тратит 10 процентов своей жизни на написание книги, а 90 — на пробивание ее в печати. (А плодисменты.) Это бывает и у бывалых мастеров. А что говорить о молодых! Например, семь лет назад в Москву приехал из Киева молодой поэт С. Соловьев. Тогда ему был 21 год. Вскоре он напечатал в журнале «Литературная учеба» интересную поэму. Семь лет его книга, рекомендованная Б. Олейником, Вышеславским и И. Драчем, состоящая из уже напечатанных в периодике произведений, без движения лежит в издательстве. Ему сейчас 28 лет. Так мы терем молодых. Книга поэта Коркия, рекомендованного Всесоюзным совещанием, 12 лет томится в издательстве «Современник». И это, увы, не исключение. А как нам нужны молодые таланты со свежим взглядом!

Сейчас в театре проходит эксперимент самоуправления и доверия, когда театр сам выбирает, что ему ставить. Почему бы нам не создать кооперативное издательство, во главе которого стал бы совет из 5—7 известных мастеров, таких, как совесть нашей интеллигенции академик Д. С. Лихачев, В. Быков, Ч. Айтматов, Д. Гранин, В. Распутин, С. Залыгин? Читатель им доверяет. Глядишь, и книги бы раскупали, и столы бы освободились. (А плодисменты.) Не надо думать, что дело уже сдвинулось и решено. Отечество наше может быть в опасности сейчас, если не произойдет полная демократизация, перестройка, если не победит новое мышление. Повторяю, главный наш враг внутри — не острая книга, а чудовище бюрократизма и инерция старого мышления, тормозящая новое.

Но за это надо бороться каждому. У нас есть в стране прорабы духа, есть они и в этом зале.

Несколько раз у нас на съезде поднимался вопрос об уважении к могучей литературе, созданной в республиках. Значит, наболело! Значит, к этому надо быть внимательным. Пусть девизом истинного интеллигента остаются слова Достоевского из его проповеди о Пушкине: «Мы не враждебно... а дружелюбно, с полной любовью приняли в душу нашу гении других наций, всех вместе, не делая преимущественных племенных различий» (А плодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Янису Яновичу Петерсу.

Я. ПЕТЕРС. Уважаемые коллеги!

Мы здесь собрались не похвалиться, но сейчас, когда председатель Мандатной комиссии доложил съезду, что только троем

из числа делегатов еще не исполнилось 35 лет, мне трудно удержаться, чтобы не сказать: двоих из трех этих «малышей» в Москву прислала творческая организация писателей Латвии. Это поэтесса Мара Залите, родившаяся в 1952 году, и поэт (а также переводчик французской поэзии) Клавс Элсберг, 1959 года рождения, которого вчера «Литературная газета» представила читателям как самого молодого делегата VIII съезда писателей.

В то же время мне хочется подчеркнуть, что нельзя оценивать литературу, исходя только из списка литераторов, хранящегося в столе канцелярии Союза писателей. Не случайно с этой трибуны звучат имена Пушкина, Толстого, Шевченко, Достоевского, Горького, Пастернака. И когда латыши с чувством глубокой национальной гордости называют имя Райниса (его 125-летие мы отметим через четыре года), мы не забываем, что по-настоящему понять этого важнейшего латышского поэта XX века можно только тогда, когда изучишь тему «Райнис и фольклор». Да, фольклор, не будь которого, список членов Союза писателей так и оставался бы регистром претендентов на национальную словесность, а Союз писателей — «министерством», как тут иронизировал Григорий Бакланов.

И, если мы в действительности по-настоящему хотим жить и работать в атмосфере открытости, деловитости и самокритики, я не могу не назвать имени Ояра Вацетиса, чье сердце, как сердце Александра Твардовского, Василия Шукшина, Федора Абрамова, Нодара Думбадзе, легло в фундамент XXVII съезда партии, съезда, после которого звезды на небосводе общественных идеалов удалились на большее расстояние, зато засверкали более чистым светом.

С чувством глубокого удовлетворения мне хочется напомнить с этой трибуны имя народного поэта Латвии Иманта Знедониса, чья деятельность в поэзии, прозе и публицистике заслужила самой высокой оценки, потому что он уже давно говорит о том, о чем сегодня на самом высоком уровне говорят партия и государство.

По-моему, официальный круг писателей, которым в силу своей столичной провинциальности ограничиваются наши коллеги в Москве, часто продиктован случайными соображениями. Чаще всего на Центральном телевидении, в официальных докладах и в цитатах у критиков звучат одни и те же имена писателей из национальных республик. Я тут упомянул Иманта Знедониса, но мог бы назвать и других, которые не разъезжают по стране, а сидят за письменным столом и пишут. Я считаю, что авторский вечер Мариса Чаклайса, бывший недавно в Центральном Доме литераторов, лишний раз заставил убедиться, что советская поэзия намного богаче, чем мы, с нашей ленью и самоуспокоенностью, себе представляем.

К вершинным достижениям латышской литературы мы можем причислить произведения Эзеры, Суиньша, Бела, Лама, Зариньша, Бирзе, Белшевицы. Хочу назвать и драму Гунара Приеде «Центрифуга» — суровый рассказ

о судьбах тех людей, которые в конце второй мировой войны застряли в так называемом Курляндском котле, где, как в центрифуге истории, столкнулись и сцепились судьбы местных жителей — латышей, воинов Красной Армии, и солдат гитлеровской Германии.

В последнее пятилетие в Латвии возродилась традиция драмы в стихах, драма пылающих идей. С особым интересом зрители и критика приняли дебют молодой поэтессы Мары Залите. Ее драматические поэмы, глубоко проникающие в образность и символику фольклора, а также в историю и этнопсихологию, в то же время звучат современно и остро, выдвигают современные вопросы — от проблемы пресыщения, проблемы «скатерти-самобранки», разлагающей общество и личность, до космополитизма, шагающего в семи-мильном сапоге, до ложного героизма под удобной шапкой-невидимкой, до попыток изучить рецидивы предательства и раболепия в национальном характере.

Своеобразным явлением в Латвии становится так называемая «поэзия полиглотов». Слово мнется, препарируется, подвергается рентгенологии, а то и гастроскопии. Такие головокружительные эксперименты не однажды приводили к неожиданным открытиям.

С этой трибуны я хочу поблагодарить всех, кто поддержал, комментировал и оценивал латышскую литературу, — Льва Анненского, Владимира Огнева, Вячеслава Иванова. Резонанс нашей литературы за рубежом был бы значительно скромнее, если бы председатель Совета по латышской литературе Сергей Залыгин не тратил на нас столько усилий — часто посещая разные страны мира, он всегда пользуется примерами из области латышской литературы.

Товарищи! В Латвии мы наблюдаем напряженную демографическую ситуацию. Угрожающая тенденция к снижению коренного населения республики. В то же время наша республика — одна из тех, где нет своего детского издательства. Этот факт характеризует не с лучшей стороны культурное строительство в республике, где особенно высокий уровень индустриализации способствует определенной дисгармонии и дефициту духовной жизни. Хочу со всей серьезностью обратить внимание председателя Комитета по делам издательств, полиграфии и книжной торговли товарища Ненашева на этот вопиющий факт, факт, о котором шел острый разговор на IX съезде писателей Латвии, и просить его поддержки в самое ближайшее время в деле основания в нашей республике издательства детской литературы. В противном случае мы рискуем в нашу эпоху интенсификации хозяйствования и мышления способствовать гуманитарной отсталости молодого поколения в Латвии, что может привести в будущем к незавидным последствиям.

IX съезд писателей Латвии обратил внимание и на престиж языка, на необходимость на новом, более высоком культурном уровне развивать межнациональные отношения. В

этом процессе роль языка особенно велика. Писатель призван защищать язык от роботизации, чтобы в нашей жизни, в наших отношениях не сошла на нет решающая роль личности, человеческое присутствие, потому что роботообразные люди способны уничтожать как дух партийного съезда, так и нашу классовую и национальную принадлежность. А денационализация — это не синоним интернационализации и сближения культур. Сближение наций означает взаимное обогащение, а обогатить друг друга не смогут бедные духом и культурой, будь то люди или народы. При поддержке бюро Центрального Комитета Коммунистической партии Латвии начиная с 1987 года во время весенних школьных каникул будет проводиться «Праздник языка», призванный внести вклад в повышение культуры языка, национального самосознания и интернациональной ответственности.

И об издании книг. По-видимому, есть необходимость обратиться к правительству СССР с просьбой в новом государственном Законе о качестве труда предусмотреть следующий момент: полностью оплачивается, премируется и получает одобрение только такой труд издателей и полиграфистов, в результате которого выполнен не только план по количеству набранных листов, но и тематический план, план по количеству названий издаваемых работ. В противном случае план считать невыполненным, не считаясь с тем, сколько тонн весит покрытая печатными знаками бумага. И перенос названий из плана одного года в план другого, практикующийся до сих пор, по существу — аморальный поступок, как аморальным поступком можно считать и то, когда высококонвентуальная ценность — книга — приобретает, в силу обстоятельств, самым безнравственным путем — по блату. Мои коллеги — писатели Латвии — просили меня на этом съезде напомнить и о том, что в интересах многонациональной советской литературы было бы создание в Москве издательства «Дружба народов», которое бы издавало на русском языке книги писателей союзных республик. И не пришло ли время ликвидировать излишнюю централизацию книгоиздательства? Неужели сотрудники Государственного комитета по делам издательства, полиграфии и книжной торговли в Москве более компетентны в вопросах национальных литератур, чем издатели в республиках? Какой смысл еще «утверждать» число изданий, их авторов и названия, если «товарищ из центра» фамилию писателя, особенно если он классик, по конкретным республикам вообще не знает?

В заключение позвольте мне выразить уверенность, что понятие «Союз писателей» и понятие «литература» впредь всегда будут синонимами. (Аплодисменты.)

Председатель. Слово предоставляется Виктору Сергеевичу Розову.

В. РОЗОВ. Я рискну говорить, ничего не написав предварительно. Зачем писать! И так много соображений. Чем дольше живешь, чем

пристальнее вглядываешься в жизнь, как она развивается, меняется, тем больше и написать можно. Но для десятиминутного выступления это делать не обязательно. Меня мучают организационные вопросы. Поскольку у нас все кого-то выбирают, кого-то назначают, все время от кого-то зависим, кто-то нами заведует.

Драматургов — членов Союза писателей мало, как показано в справке, всего 401 человек. Поэтов тысячи, прозаиков тысячи, нас мало. Мы бы и сами знали, кого нам выбирать, кого назначать, — лучше других мы свою среду знаем. Знаем истинную цену каждому. Поэтому я поддерживаю предложение Олейника — нам надо менять руководство. Думаю, это надо сделать так, как это сделали кинематографисты на своем съезде. (Бурные аплодисменты.)

Здесь вопрос нашей жизни, условий нашего труда. Список кандидатов на руководящие посты должен быть расширен, чтоб прошли только те, у кого большинство голосов. А то сделают список с числом кандидатов ровно таким, сколько нужно избрать. К таким «выборам» как относятся: возьмут листки, сложат их и не глядя сунут в урну. Если же какой наивный человек примостится где-нибудь на подоконнике и долго, старательно как-то вычеркивает, я думаю: «Эх, ты, бедняга, чего зря трудишься, зря время проводишь. Все равно все пройдут». (Аплодисменты.) Надо сделать большой список и выбирать по большинству голосов. (Аплодисменты.) Это — первое, организационное. Теперь второе, вот сейчас все говорят и пишут: «Правду, правду, правду! Ничего, кроме правды!» А мне, знаете, так и хочется соврать. (Смех.) А когда говорят: «Правду не говорите, не надо правды. Надо лгать, лгать, лгать», — меня так и тянет сказать правду. Удивительно и загадочно устроен человек. Помните, как у Достоевского: «Широк человек, слишком широк, я бы его укоротил». Нет, мне такой широкий человек нравится, он мне интересен.

Но теперь я хотел вот о чем сказать. Я немного об этом уже писал. У нас есть руки, ноги, печенька, селезенка, язык, уши, глаза — это наши органы. Вот я лежал год в госпитале. Полгода лежал загипсованный. Когда прошли нестерпимые боли во всем теле и болела только нога, то я был очень веселый солдат, шутил, читал по памяти вслух стихи на всю палату. Нас в палате было много — все лежачие. Помню, сестра наклонилась надо мной и сказала: «Розов, отчего ты такой веселый?» Я говорю: «Так ведь это она болит, а я здоров». Понимаете, нога болела, а я был здоров.

В обществе, как и в человеческом организме, есть свои органы, свои руки, ноги, глаза, уши, почки, даже такие, о которых А. Франс остроумно сказал: в человеческом обществе, как и в человеческом организме, есть функции, о которых не принято говорить. Но когда болен мозг — болен весь организм. Мы, интеллигенция, — мозг страны, не весь, конечно, но группа клеток мозга. (Аплодисменты.) Но и одного мозга мало.

Здесь А. Вознесенский говорил о бездухов-

ности. Человек отличается от животного тем, что живет не телом, а душой. А сейчас чуть не все живут телом, а духом жить вроде и не обязательно. Это ужасно!

Я сейчас прочитаю фразу из последнего интервью с В. П. Катаевым, ему было, как вы знаете, уже 90 лет. Он говорил: «Человеку нужна вера в свою субстанцию, в свою высоту. Вот как раз об этом и должны напоминать человеку писатели». И далее цитирует слова умирающего Толстого, сказанные дочери: «Бог — это то, что есть у тебя в душе». Я бы еще добавил и слова Достоевского: «Чем больше в тебе самом внутреннего содержания, тем краше тебе угол и жизнь». Бездуховность — главный бич нашего времени.

Попытаться вернуть духовность людям — самая главная наша задача.

Относительно правды еще скажу: не всегда поймешь, где правда, где неправда. А кроме того, о правде, об истине я еще в юности прочел у Рабиндраната Тагора: «Истина, как свет лампы, при котором один читает библию, а другой подделывает подпись». Нам еще важно, чтобы при истине не подделывали подписи. И еще: не всегда безопасно произносить слова правды. Можно попасть в положение карася-идеалиста из басенки Салтыкова-Щедрина. Помните, карась решил идти жуке произнести фразу: «А знаешь ли ты, что такое добродетель?» Жука от удивления разинула рот, потянула в себя воду и вместе с ней проглотила карася. Я думаю, товарищи, сейчас жуку бояться не стоит. Вроде бы ей зубы подпиливают. (А плоды сменты.)

Теперь еще о драматургии. У нас в стране три с половиной тысячи поэтов, три с половиной тысячи прозаиков, а драматургов, как я уже говорил, четверста один на всю страну. Нашего брата и в Союз писателей принимают с трудом. Я одно время работал в приемной комиссии. Бюро нашего объединения рекомендует в Союз, а на приемной комиссии объясняешь, что пьесы автора идут в театрах страны, идет пьеса в Малом театре и т. д. Председатель опрашивает: кто видел? Выясняется, никто. И проваливают. А когда рекомендуют поэта, протянут какую-нибудь тонюсенькую книжечку издательства «Огонек», процитируют вслух:

Села птичка на сучок,
Я смотрю, как дурачок,
Ах, ты, птичка, птичка,
Ты снеси яичко —

(с м е х)

и все кричат: принять, принять!

Наше положение сложное, мы существуем как бы между литературой и театром. И приписаны к двум учреждениям — к Союзу писателей и Министерству культуры. Нам в деле труднее. Вчера Александр Гельман об этой нашей сложности прекрасно говорил, горячо. Издают нас мало. Толстые журналы отказываются печатать пьесы. Альманах «Современная драматургия» выходит только четыре раза в год. Сделали бы хотя бы шесть. наших театров мало. Выступая как-то в Академии МВД, я получил записку такого содержания: «Почему в Нью-Йорке 200 театров, в Лондоне 120, в Бухаресте приблизительно 80, а в Москве

24?» На такую записку отвечать нечего. Вот к Олимпиаде сколько роскошных зданий построили: и целую Олимпийскую деревню, и конюшни на Юго-Западе, и гигантские сооружения в районе Мещанских улиц. Использовали их короткое время. Сейчас идешь мимо них — они мертвые, как римские развалины. Театры-то нужнее. Их надо строить. Думают: в здоровом теле здоровый дух. Ничего подобного! Не обязательно! Иное здоровенное тело идет на тебя вечером по улице, лучше перейти на другую сторону. А мы немало знаем и знали людей хилых телом, а могучих духом. Чехов был чахоточный, Милтон слепой, Байрон хромым, Николай Островский — вообще прикованный к постели, да мало ли! Раньше и фраза-то о теле и духе произносилась иначе: «Здоровый дух в здоровом теле». Вот тот случай, когда от перемены мест слагаемых меняется вся суть. Особенное внимание надо уделять развитию духовности у молодежи. Среди них черт знает что творится! Им надо помочь найти верную дорогу, чтоб они были счастливыми, а не эрзац-счастливыми.

Пожалуй, вот и все, что можно сказать за десять минут. Добавлю только: я не обвиняю наш Секретариат, он сам продукт времени. Но его критиковали верно. Особенно неприятно то, что он превратился в своего рода самиздат. (А плоды сменты.) Я же говорил: «Человек слаб духом». Но я никому из них не завидую. Я хочу оставаться самим собой на своем маленьком драматургическом месте, мне там уютно.

И на критику зря обижаются. Ты, автор, должен помнить, что коль выбрал это место в жизни, то, значит, стоишь на самом видном, на самом лобном месте. И в тебя любой может пускать стрелы. И огрызаться не надо. Надо уметь терпеть, это входит в профессию писателя. А главное — не бойтесь вы ничего! (А плоды сменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Вячеслав Максимович Шугаев.

В. ШУГАЕВ. Прежде чем я начну выступление, хочу развеять некоторый сумрак, сгущенный здесь вокруг Московской писательской организации. Во-первых, мы не избирали делегатов на VIII съезд, их избрал съезд писателей России в декабре прошлого года, и мы не можем разделить и принять вины, что тот или иной московский литератор не стал делегатом VIII съезда. Во-вторых, слухи о якобы неправильно проходивших выборах в Московской писательской организации лживы и, так сказать, злокозненны. Председатель нашей Ревизионной комиссии т. Марченко заявил вчера решительный протест т. Тельпугову, основанный не на слухах, а на детально проверенных фактах и документах.

А теперь позвольте перейти к непосредственному тексту выступления.

Наша партия упразднила обязательный ассортимент недомолвок и умолчаний, характерных вчера еще для взаимоотношений личности с обществом. Человек, готовый подняться на наши страницы, решил поступать по совести, решил восстать против косности,

равнодушия, бюрократического инфернализма. Он переселил в себе страх перед возможными неприятностями по службе, переселил так называемое житейское благоразумие (поступишь по совести, а тебя потом затрут, задвинут в некий скучный и не очень сытый угол) — для такого переселивания нужно большое мужество, может быть, не меньшее, чем войти в огонь. Восстать решительно и безоглядно против рутин, против разноликого приспособленчества очень рискованно — тихими невзрачными буднями тебя могут бескровно и с улыбками довести опытные бюрократы до инфаркта и нервной горячки.

Генеральный секретарь ЦК КПСС в докладе на последнем Пленуме ЦК привел тяжелую историю, подтверждающую, как нелегко смиряются силы косности и бездумья. Имею в виду историю товарища Чабанова, ученого и инженера, активно заботившегося о благе своего предприятия. Творческая и гражданская незаурядность т. Чабанова вызвала сопротивление бюрократов и завистников — Чабанова исключили из партии, письма в его защиту перехватывались, и потребовалось вмешательство ЦК КПСС, чтобы восстановить его доброе имя и поддержать его доброе дело. Эта трудная история имеет в жизни счастливый конец, который, разумеется, не умаляет глубины и остроты переживаний Чабанова. Если же эту историю примерить к литературе (а данная история имеет очертания готового сюжета), то, видимо, от решения конфликта силами верховной власти следует отказаться, ибо литература должна исследовать типичные случаи, а типичные случаи, вроде чабановского, будут протекать жестко, беспощадно, и новым Чабановым надо обладать нравственной, идеологической непреклонностью, чтобы все-таки выстоять в схватке, чтобы все-таки победить, если даже вмешаются высшие инстанции.

Вообще же главным конфликтом в нашей ближайшей литературе будет конфликт, рожденный характером человека, решившего жить по совести: начнется противоборство в душе его между принятым решением и привычной охранительской реакцией: лучше промолчать, лучше, так сказать, не высовываться. На этом кровотокающем, инфарктоопасном перекрестке будут замирать наши перья.

Здесь будет основной нервный узел драмы гражданского мужества. Но все равно этот человек преодолеет свои печально охранительные привычки и поднимется до наступающей, нападающей совести, ибо пришло время всем нам по капле выдавливать из себя психологию болтиков и винтиков, психологию, позволительно сказать, догматического прозябания.

Горечь наших хозяйственных проблем, нехватки и протори нашего базиса имеют эквиваленты в надстройке, частью которой является литература. И, может быть, наиболее видима, осязаема параллель базисным заботам и недополучениям — это низкое качество нашей литературной продукции. Причем мы должны говорить о недостатках не списочно, не перечнем, а персонализируя их, иначе, существуя в безликом перечне, они не

устанут расширять сферу нравственной коррозии.

За последние десять лет, по моим наблюдениям (мне уже приходилось говорить об этом на одном из пленумов Московской писательской организации), в нашей критике не встречалось ни одного замечания в адрес произведений С. В. Михалкова и А. Б. Чаковского, хотя и тот и другой работали много, жадно, продуктивно. Их работоспособность вызывает профессиональное уважение. Написано много стихотворений, басен, переложений классики т. Михалковым, активно усугублял свою славу романиста т. Чаковский, но во всем этом похвальном многотрудии, увы, есть немало, на мой взгляд, профессиональных издержек. Встречались (в особенности в романе «Победа») унылость слога при портретных характеристиках, невыразительные, плоские фразы, пейзажная бесцветность при обрисовке того или иного места действия, газетная сухость и гражданская благоговейность при создании тех или иных политико-исторических обстоятельств; встречалась также (в последних поэтических публикациях) тяга к рифмованному многословию, к огорчительной банальности слова и мысли, к очевидной не требовательности поэта к своим строкам — короче, встречались такие профессиональные просчеты, от которых можно было бы освободиться, если бы редакторы и критики читали с товарищеским, партийным вниманием, а не с лучезарно бегающим блеском в глазах. Подобная лучезарность при оценке литературного труда бесповоротно портит читательские вкусы, поселяет далекие от художественной трезвости иллюзии в головах авторов, а у их коллег постепенно созревает почтительная мысль, что путь к идейному и художественному совершенству лежит через литературно-начальственные высоты.

Лучезарный взгляд как способ познания действительности и как критерий при оценках литературных произведений характерен и для многих наших журналов, иначе ничем не объяснишь удивительную неотличимость их друг от друга. Этакие социальные и идеологические субтропики, а не журналы: все в них вечно зелено, все умеренно, все округло, все благополучно (хотя в жизни и субтропики теперь подвергаются градобитиям, снегопадам и налету шквальных ветров) — так и видятся наши журналы бравыми единоутробными братьями с сытым, лоснящимся румянцем на щеках и с безмятежными, благодушными улыбками на розовых устах. Даже после апрельского Пленума ЦК КПСС. Основа этого нестихающего благодушия, его питательная среда — хладнокровный, умильный благонамеренный реализм — назовем так удивительный творческий метод, возникший в последние годы. Отличительная его черта: задвинуть на какие-нибудь задворки, замаскировать страдающее человеческое сердце бетоном производственного романа, всемирными страстями политического романа, «подноготными» повестями житейских неурядиц. Сердце нашего современника заблудилось в дебрях многолетнего пустословия и обмана, разбухло от долгой невозможности сказать правду,

тревожную, сыновнюю правду о неладах экономических, социальных, в области духа, наконец. Но заблудившееся, во многом разрушившее сердце пытаются утешить сконструированными драмами вокруг премий, назначений, вокруг экологических прегрешений. Хотя давно известно: много теперешних продовольственных, экологических проблем попросту не существовало бы, если бы долгие годы не подавлялась и не загонялась внутрь естественная тревога каждого из нас о подлинном благополучии своей страны и естественная жажда помочь ей. Замечу попутно: в связи с возникновением умильно благонамеренного реализма в нашем литературном процессе возникло удивительное явление, никогда не возникавшее прежде. Суть явления в том, что в былые, классические времена нашей литературы чем знаменитее становился писатель, чем прославленное, тем смелее и неуступчивее он боролся за высокие гражданские идеалы, а в наше время, напротив, чем известнее писатель, чем больше у него регалий и славы, тем он благодушнее, осанитнее, сразу же вступает в борьбу с империализмом, с силами зла и тьмы, а вот уязвленного сердца современника он замечать не хочет, и потому империализм он пока не поколебал, а вот веру в правдивость художественного слова значительно подорвал.

Но, к чести нашей литературы, русской и советской, всегда находились в ней писатели и всегда появлялись книги, предупреждающие общество от духовных провалов или исследующие их. Появлялись такие книги, такие произведения и в последнее время. Они исполнены подлинной гражданской боли, т. е. исследуют человеческую душу в переломные, принципиальные моменты ее развития. Так, Леонид Леонов в новых своих страницах «Мироздание по Дымкову» с остроумной язвительностью призывает читателя быть нетерпимее к своим несовершенствам, построже спрашивать с себя, потому что, как иронизирует Леонов, «...в повседневной загрузке наши люди не имеют времени интересоваться последствиями совершаемых ошибок»; Александр Крон в «Повести о друге» рассказывает о горькой и высокой судьбе Александра Маринеско, чье сердце страдало, было так несправедливо унижено и тем не менее не переставало любить свою родину и свой народ; новый герой Георгия Маркова — молодой человек Антон Соболев, избранный первым секретарем обкома партии, постоянно сталкивается, входя в новое дело, с беспринципностью, бездумьем, с активным потребительством и задумывается, глубоко и горько, об истоках этих явлений.

Старый колхозник Степан Чикалдаев из повести Эрнста Сафонова «Африканский баобаб» стихийно, несколько нелепо, но от этого еще пронзительней, восстает против изуверской, бесовской изворотливости бюрократизма; Владимир Маканин в рассказах «Антилидер» и «Человек свиты» безжалостно, с завидной гражданской трезвостью показывает нравственное падение, самопредательство личности. Книги, которые я называю, все относятся к явлениям московской прозы и

свидетельствуют о ее высоком духовном потенциале. Причем я назвал основные вехи, но не назвал, за нехваткой времени и места, многие другие талантливые книги и талантливые рукописи, готовые стать книгами.

Духовное обновление, возрождение, переустройство общества требует незамедлительных практических шагов по обеспечению этого обновления, без которых любые попытки обновления выльются в пустые слова. Что я имею в виду? Московским писателям (а их в Москве более 2000) необходим свой, художественный и общественно-политический журнал, который позволит в значительной мере реализовать большие духовные ценности, созданные и создаваемые московскими писателями, журнал этот, скажем, «Литературная Москва», не отягощенный издержками слащавого реализма, а должной гражданской свежестью и смелостью, помог бы партии в духовном обновлении общественной жизни, мог бы превратиться благодаря значительным творческим и идеологическим силам в правофлангового в борьбе за социальную справедливость и коммунистическую нравственность. Необходимость в таком журнале давно созрела, и Союзу писателей СССР, думается, следует поддержать эту идею и записать безусловность осуществления ее в решения нашего съезда.

Реализация всех наших надежд и мечтаний зависит только от нас. Поэтому надо незамедлительно, не утомляясь и не отчаиваясь, браться за работу. (А плодись менты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Анатолию Георгиевичу Алексиному.

А. АЛЕКСИН. Дмитрий Иванович Писарев утверждал: «В воспитании все дело в том, кто воспитатель». Это относится и к такому воспитателю юного поколения, как книга. О том, каким должен быть этот воспитатель, и шел разговор на комиссии съезда по детской и юношеской литературе.

Среди книг есть воспитатели великие: это творения классики. Широка ли дорога, которая приводит их к нашим школьникам? У нас фактически узаконен термин — «проходить литературу», хотя известно, что проходить можно лишь *мимо* чего-нибудь. Нет, я вовсе не собираюсь намекать на то, что вся наша школа проходит мимо литературы. Это не так! Учительское предназначение — это благороднейшее, подвижническое предназначение! Мы знаем талантливых учителей-словесников, не только понимающих, что литература «мать всех искусств», но и преподающих ее как искусство. Но сколько в этой сфере тревожных проблем! Острый, прицельный критический огонь испытала на себе новая типовая программа по литературе. Критика эта не только острая, но и — самое главное! — справедливая. Несмотря на определенное достоинство программы, она в целом отвергнута писательским и широким общественным мнением. В одном из писем читаем: «Три часа в неделю на литературу в юношеский период, два часа в подростковый — это уже тот

предел, за которым, как сказал бы Гамлет, молчание».

Как бы отчитываясь о работе комиссии, я вынужден, простите, повторять кое-что из сказанного мною вчера.

Вспомню слова В. Г. Белинского: «Есть всегда что-то особенно благородное, кроткое, нежное, благоуханное и грациозное во всяком чувстве Пушкина. В этом отношении, читая его творения, можно превосходным образом воспитать в себе человека... Ни один из русских поэтов не может быть столько, как Пушкин, воспитателем юношества, образователем юного чувства». А как же этот гениальный образователь и воспитатель представлен в «типовых программах по литературе для средней общеобразовательной школы», действующих на территории РСФСР? В пятом классе, к примеру, — девять часов, в седьмом — всего пять... Оказывается, что полностью поэма «Руслан и Людмила», если употребить узаконенную школьную терминологию, «не проходит». А как проходит? Обратимся к программе: «У лукоморья дуб зеленый»; песня третья со слов «Пред ним открылся дол широкий...»; песня шестая со слов «Но только свет луны двурогой...». Вот вам и все.

Могу сообщить, что мысль о создании комиссии, которая бы подготовила новую «школьную программу по литературе» и в которую бы вместе с учеными и практиками-учителями вошли писатели, литературоведы, — эта мысль не только поддержана Академией педагогических наук СССР, но уже и осуществляется. Думаю, тут помогут и предложения, прозвучавшие у нас вчера.

На нашей комиссии была создана и «рабочая» писательская группа, которая поможет созданию «книг для чтения», адресованных ученикам младших классов.

Олег Попцов сообщил о социологическом опросе, проведенном в одной из московских школ. Там 1200 учеников, прекрасная библиотека, богатая произведениями русской классики. Но за время существования школы ни разу не были взяты учениками книги Ломоносова, Державина, Карамзина, Баратынского, Вяземского, Гоголя, Достоевского, Тютчева, Сухова-Кобылина, Шевченко, Леси Украинки, Бунина, Куприна, Пришвина... К примеру, незабываемый, на мой взгляд, вечер Д. С. Лихачева по телевидению смотрел один педагог (преподаватель рисования и черчения). Из опрошенных семидесяти двух учеников передачу смотрела одна девочка, у которой мама искусствовед, а папа научный работник. Думается, что если бы в этот вечер шел детективный фильм или транслировался футбольный матч, их смотрели бы все семьдесят два опрошенных.

«Ничего формального! Ничего ради поспешности отклика, ради показухи!» — это активно провозглашалось на нашей комиссии.

В связи с этим вспоминаются некоторые читательские конференции, когда на сцену один за другим поднимаются школьники и называют свои «самые любимые» книги. Лица и голоса разные, а названия книг почти всегда одни и те же. Спрашиваю: «Ну, а «Три мушкетера»?»

Оказывается, с этой книгой многие вообще не расстаются. «А почему же не называете?» — «Да как-то не принято!» Становится страшновато не за «Трех мушкетеров», а за те прекрасные книги, которые в сознании ребят могут поблекнуть, потускнеть от буднично заученных упоминаний, от формального восприятия.

И об этом тоже говорили вчера

На одной читательской конференции меня спросили: «Припоминаете ли вы какой-нибудь факт, который можно назвать, по вашему мнению, апофеозом формализма?» Я припомнил...

Однажды нас с Маршаком попросили выступить в знаменитом пионерском лагере. Маршак, уже немолодой и не очень здоровый, опустился в соломенное кресло и начал рассказывать, читать стихи. Но дети его не слушали. Я поразился: не слушали прославленного Маршака! Когда время дошло до меня, я сориентировался, сказал: «Не хочу отвратить вас, ребята, от моря и солнца. Желаю счастливого отдыха!» В ту же минуту к нам подбежал начальник лагеря и, захлебываясь от восторга, воскликнул: «Прекрасные выступления! Мы так благодарны...» «Но почему же дети не слушали?» — спросил я. «Вы не обращайте внимания! Это ребята из международной смены, они по-русски ничего не понимают... Но зарядку коллективу дали великолепную!» Это было действительно апофеозом формализма: пригласили Маршака, чтобы поставить «галочку».

Не для «галочки», не для того ли, чтобы «отметиться», якобы проявить заботу о школе и ее проблемах, сочиняются иные рассказы и повести, столь же далекие от школы, сколь и вообще от жизни? Этот вопрос звучал вчера у нас на комиссии.

Иногда «тему нравственности» вычленяют в некую особую, как бы отдельно существующую тему. Но ведь нравственность всеобъемлюща и неделима! В. И. Ленин писал: «Надо, чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали».

Значит, проповедь благородства, идейной убежденности, высокого патриотизма, отваги, трудолюбия — всех нравственных достоинств! — долг воспитателей юности. Значит, дать праведный бой праздному суесловию, отчуждению дела от слова, формализму и показухе, цинизму, жестокости, зависти, тунеядству — всему, что несоместимо с нормами морали, — тоже наш долг. И многие наши книги этот долг выполняют достойно.

Однако на вчерашнем заседании Игорь Мотышов справедливо сказал на комиссии: «Несмотря на появление в минувшем пятилетии многих значительных художественных произведений, в общем-то температуру социального накала детской и юношеской литературы нельзя считать удовлетворительной... Все еще слишком велик процент книг, «фирменной маркой» которых является беспомощная подражательность и эклектика, унылое, многословное описательство, отсутствие самостоятельной и серьезной мысли. Особенно обидно, когда это проявляется в произведениях на

«гражданскую» (по замыслу, но отнюдь не по результатам) тему. Какую глухоту к звучащему русскому слову, к музыке и смыслу родной речи надо иметь, чтобы написать:

Моей матери мать
В этом поле работала,
И моя в нем работает мать.
Это древнее поле охота мне
Материнским назвать.

Как видим, автор заимствует прекрасный айтматовский образ. Заимствует, чтобы опознать».

Хочется вспомнить другое, известное многим из нас стихотворение молодого поэта Бориса Лебедева, как бы провидевшего свою судьбу и написавшего о матери, сидящей возле постели неизлечимо больного сына:

Двадцать дней и двадцать ночей
Он жить продолжал, удивляя врачей,
Но рядом с ним была его мать —
И смерть не могла его доломать.
Двадцать дней и двадцать ночей
Она не сводила с него очей.
Утром на двадцать первые сутки
Она вздремнула на полминутки.
И чтобы не разбудить ее,
Он сердце остановил свое...

Отношение к матери — пробный камень всех человеческих достоинств. И горестно получать письма, повествующие о детях, предающих матерей своих. Но никогда матери не называют при этом неблагодарных детей, не сообщают, где и кем они работают: а вдруг у них будут неприятности! Матери остаются матерями, а подлещи — подлещами. Воспитывать преклонение перед подвигом материнства — долг детской и юношеской литературы. Опять подчеркну: повторяю то, о чем говорил вчера, поскольку эта речь — «отчет» о работе нашей комиссии.

И вот какие возникают предположения... Быть может, вслед за Годом ребенка и Годом молодежи по нашей инициативе землю обогреет Год матери? И, наверное, благородно было бы воздвигнуть в Москве памятник Епистинии Федоровне Степановой, отдавшей Родине девять своих сыновей. (А п л о д и с м е н т ы.)

Выступавшие вчера на комиссии подчеркивали, что полуправда в искусстве страшнее лжи. Ибо это ложь, которая рядится в одежды правды, тщится выдать себя за правду. Альберт Лиханов в своем докладе сказал в связи с этим: «Увы, правда принимается порой трудней, чем полуправда. К примеру, до сих пор в некоторых областях страны не выгужен на экран фильм «Чучело», снятый Роланом Быковым по повести В. Железникова. И лишь по той причине, что правда оказалась слишком удручающей, с точки зрения запретителей. Однако в искусстве, как и в жизни, давно известен закон извлечения боли болью. В этом оно сродни хирургии. Вполне очевидно, что остановить подростка от жестокости — гуманная цель литературы. Ее и выполняют повесть и фильм. В качестве аргумента запретители говорят о том, что бояться распространения жестокости после фильма. Что ответить на это? Умолчание о зле еще ни разу не привело к его искоренению. Заботясь о нрав-

ственном здоровье молодежи, мы должны использовать все «врачебные» методы: и терапию, и гомеопатию, и хирургию.

Во вступительном слове Сергея Михалкова, в докладах, произнесенных на комиссии (в том числе и в глубоком докладе Ирины Токмаковой «О переводах детской литературы братских республик на русский язык»), в выступлениях делегатов из Москвы и Ленинграда, из Свердловска и Перми, из всех союзных республик звучала сердечная забота о молодых дарованиях, которым принадлежит завтрашний день литературы. Вспомнились строки Пушкина, посвященные Державину. И особенно два слова — «заметить» и «благословить». Какое это счастье — заметить и благословить тех, кто достоин благословения!

Дорогие друзья!

Вновь повторяю: эпиграфом к нашей литературе, адресованной молодым, которая признана прогрессивными деятелями культуры во всем мире самой гуманной и честной, могут стать слова В. Г. Белинского: «Детские книги пишутся для воспитания, а воспитание — великое дело: им решается участь человека». Служить делу, от которого зависит участь, т. е. судьба человека... Что может быть почетней и что может быть ответственней! (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Председателю Комиссии по критике и литературоведению Виталию Михайловичу Озерову.

В. ОЗЕРОВ. Дорогие товарищи!

Хотя во вчерашнем регламенте говорилось, что председатель комиссии может делать сообщение в пределах 20 минут, но, может быть, вы разрешите мне сжать этот регламент и постараться уложиться покороче. (А п л о д и с м е н т ы.)

На Комиссии по критике и литературоведению обсуждались актуальные проблемы. Ниже я скажу о наиболее острых, полемически звучащих выступлениях. Но сперва — короткая информация: комиссия работала весь вчерашний день содержательно, поделовому. Благодаря твердому регламенту — не более десяти минут — удалось заслушать всех делегатов, желающих выступить, — 32 человека.

Атмосферу работы комиссии определила атмосфера XXVII съезда КПСС, вдохновившая советских людей на задачи воистину исторического значения. Выступавшие были единодушны: все и каждый из литераторов горячо поддерживают перестройку, которая осуществляется в стране, будут энергично трудиться во имя ее.

Вы знаете, товарищи, что на партийном съезде очень серьезно стоял вопрос о литературно-художественной критике. В ее адрес были высказаны высокие требования, ее задачи, подчеркнутые в Политическом докладе ЦК, органически связываются с таким естественным принципом жизнедеятельности советского общества, как критика и самокритика.

Работниками нашего литературного «цеха» движет понимание, чего ждет от них переломное, динамичное время, настроение боевой приподнятости, стремление полностью преодо-

леть имеющиеся недостатки, а самое главное — сплавить воедино дух самокритичности с энергией практических дел.

С этих позиций комиссия стремилась оглядеть литературно-критическое «хозяйство».

Следуя указаниям основополагающих партийных документов, постановлению ЦК КПСС от 1972 года «О литературно-художественной критике», критики пришли к VIII съезду писателей СССР не с пустыми руками. Создан ряд ярких, талантливых работ. Растет творческий потенциал литературной науки. Ведется борьба с чуждой идеологией, эстетикой.

Однако комиссия исходила из того, что нет оснований удовлетворяться достигнутым. Лейтмотивом большинства выступлений была мысль: критика пока не играет той активной роли, какую должна играть в нынешний общественный момент. И. Дедков (Кострома), И. Ланкутис (Литва), В. Лукьянин (Свердловск) открыто заявили: на острые социальные проблемы, имеющиеся в действительности и поставленные писателями, критика все же порой лишь бегло откликается, а ее обязанность — выносить их на общественный суд. Часто ли встречали вы печатные протесты против конкретных проявлений парадного многописания и мелкого бытонакопительства? Против художественной немощи, ремесленничества, прикрываемых фразами о тематической злободневности? А раздумья о жизни и литературе, образцы которых дали нам Белинский, Чернышевский, Добролюбов?

Комиссия исходила из того, что критике предстоит действовать гораздо энергичнее, заботясь об идейно-художественном качестве литературы, ставить надежный заслон бездельности, серости, бракоделству. Критика слабо и без должной глубины раскрывает ход литературного процесса, его примечательные тенденции. Далеко не в полной мере удовлетворяется ожидание читателей, которые надеются из статей и рецензий получить ясное представление о поставленных писателями проблемах, о художественных достоинствах и просветах публикуемых произведений.

Комиссия исходила из того, что за эти и другие литературные беды отвечает СП СССР, местные писательские организации, Совет по критике и его руководство. Нелицеприятно высказали существенные претензии к «большому Союзу» Е. Сидоров и А. Михайлов (Москва), Эльчин (Азербайджан). Ораторы напоминали: призывы покончить с «комплиментарностью», восхваляем так называемых «некритикабельных» писателей многократно звучали в Союзе писателей. Подтверждали: определения верные, но весьма деликатные. Это совершенно очевидно ныне, когда партийный съезд назвал все своими именами: благодушие — благодушием, чинопочитание — чинопочитанием, амбициозность — амбициозностью.

Наибольший счет за недостатки критики предъявили самим себе, и это правильно. Но правильно и другое: критика — не устное творчество. Ее ведет прежде всего печать, заказывая выступления, редактируя их. Л. Лавлинский убедительно показал, что

писательская пресса неудовлетворительно ведет эту работу. Печатаются почти исключительно одобрительные отзывы о произведениях, словно все созданное всеми писателями — сплошь шедевры. Статистика «Литературного обозрения» красноречива; из нескольких сотен журнальных рецензий всего 3—4 относятся к тем, которые принято называть отрицательными.

Впрочем, учтем и другое. Рядом с безудержными похвалами появляются и лихие «разносы». Академик Д. Лихачев, В. Гусев (Москва) предупреждали: не шарахаться от восторгов к «разносам», от одной крайности к другой. Это шараханье, беспринципность, сообщил К. Акматов (Киргизия), привело к очень тяжелому положению критики в республике.

Общее мнение: критика не может быть сферой обслуживания авторских самолюбий и амбиций. Но их не должна допускать и писательская среда. А бывает! Критические статьи зачастую обжалуются «обиженными»; Союз писателей, другие инстанции склонны становиться на сторону жалобщиков. Не так уж редки попытки «одернуть» критику. Появилась, например, резкая критика романа известного писателя. Дискуссию с ней, разумеется, не запретна. Но она была бы куда достойнее, если бы журнал «Цискари» не назвал ответную статью весьма угрожающе: «Пресечь литературный терроризм». Товарищ Г. Цицишвили объективен, осуждая такой поступок редакции.

О моральном, правовом да и материальном положении критики на заседании говорилось немало, и это резонно. Союз должен поднять престиж критики, не допускать, чтобы на нее валили все литературные беды, чтобы иные писатели считали ее (есть такое выражение, его осудил латышский поэт Я. Рокпелнис) «мальчиком для битья». О критиках не очень-то заботятся, им нелегко издаваться, трудно жить профессиональным трудом.

И опять-таки мы не считали возможным плакаться. Спасибо за критику нашего жанра на других комиссиях. Внимание делегатов было сосредоточено на том, как интенсивнее перестроить свою работу ради поддержки литературы на главном направлении ее развития — отображении полной правды жизни, с обличением негативных явлений, поддержкой осуществляемых партией перемен.

Было бы несправедливым умалчивать о том, что сделано. Критика поддержала ряд многообещающих явлений в искусстве, вела обсуждение «деревенской» и «военной» прозы, «политического» и исторического романа, прекрасной нашей публицистики, произведений о сложных нравственных проблемах, о творческой интеллигенции, о защите природы.

Но мы не считали возможным умалчивать и о том, что не сделали. Перестройку только-только начинаем. Критики далеко не всё заметили в жизни и литературе. Давным-давно например, отшумели споры о кинофильме «Чучело», посвященном трудностям воспитания юношества, а мы даже не откликнулись на опубликованную гораздо ранее одноимен-

ную повесть В. Железникова. Медлительность или робость?

После апрельского Пленума ЦК критика стала несколько оперативнее и смелее. Увидели свет художественные произведения, проникнутые ощущением происходящих в реальной действительности перемен, непримиримостью к недостаткам, верой в замыслы партии. Пусть еще не так много, как хотелось бы, но чаще публикуются литературно-критические статьи, построенные в этом же ключе. В числе наиболее удачных можно было бы, если бы не регламент, назвать не так уж мало статей и рецензий, к примеру, о повести В. Распутина «Пожар», о пьесах А. Мишарина «Серебряная свадьба», М. Шатрова «Диктатура совести», других произведениях прозы, драматургии, поэзии.

На комиссии шел большой разговор об обязанности марксистско-ленинской критики следовать четким эстетическим и классовым критериям.

В. Новиков, Г. Бердников, П. Николаев говорили о том, что в литературно-критических выступлениях, случалось, проявлялся антиисторический, антиклассовый подход к явлениям прошлого и настоящего, принижалось наследие великих революционных демократов. Как абсолютно ошибочное охарактеризовал Л. Новиченко утверждение историка Аполлона Кузьмина, будто В. И. Ленин выдвинул в 1913 году учение о двух культурах в каждой национальной культуре только из соображений «тактической выгоды», а после Октября якобы и вовсе отказался от него.

Не примирясь с мировоззренческими ошибками, с размытостью и асоциальностью критериев в некоторых статьях и книгах, участники комиссии с глубочайшим уважением называли имеющиеся у нас образцы марксистско-ленинской мысли. В нашем активе — замечательные труды недавно ушедшего от нас академика М. Храпченко. Мы рады были видеть пришедшего на заседание академика Д. Лихачева. Он по-научному и с публицистической страстью укрепляет в людях социальную и моральную ответственность перед историей и за историю, воспитывает любовь к отечественной культуре, ее памятникам, вдохновляет на изучение русской литературы, ее кровной связи с нашим поэтическим фольклором. Аналогичные вопросы затронули министр культуры РСФСР Ю. Меленьев, ответственный сотрудник Госкомиздата СССР Г. Гоц.

Посланцы национальных республик рассказывали о своеобразии своего опыта, о процессе взаимодействия и сближения культур. О борьбе с негативными явлениями. О борьбе с попытками представить в идеалистических тонах редакционно-националистические и религиозные пережитки, о проистаках буржуазной пропаганды — этой теме посвятил значительную часть своей речи Л. Каюмов (Узбекистан).

Мы все озабочены вопросом о том, как по-современному, что не всегда удается, раскрыть показательное для советской страны идейно-эстетическое — при всем его

многообразии — единство нашей культуры. Оно уникальное явление в мировой литературе и приобретает особый смысл на почве социалистического многонационального общения. Комиссия весьма нелицеприятно оценила тех, кто отступил от принципов интернационализма и патриотизма.

В речах Ю. Суровцева (Москва), А. Эльяшевича (Ленинград) заняли большое место проблемы социалистического реализма, героя нашего времени. Вопрос о положительном герое на Комиссии связывали с осмыслением конфликтных ситуаций в искусстве, что чрезвычайно актуально сегодня. Весомых итогов, приходится констатировать, в критике еще нет, однако понимание важности проблемы возросло. Некоторые авторы работают не только над изучением отдельных ее аспектов, а в особенности над изучением того, как художники понимают природу современных конфликтов, показывают накал борьбы за намеченные партией цели, поиски путей решения конфликта. Критический пафос социалистического реализма — острый, боевой. Художнику-реалисту необходимо — выявить, показать социальные силы, идейные и нравственные принципы, движущие у нас конфликтными коллизиями, передать народную веру в победу линии партии. Нашей литературе ярко изображать и воспитывать людей, которые на XXVII съезде КПСС были названы честными, сильными духом, способными взять на себя ношу своего времени.

Комиссия не ограничилась призывами к перестройке литературно-критической работы. Были названы конкретные способы ее осуществления, и касающиеся индивидуальной работы критиков, и предусматривающие существенные перемены в нашей коллективной деятельности, преодоление бюрократических нравов в литературной среде, в ее руководстве.

К примеру, подробно обсудили, как оживить, по-настоящему наладить литературные дискуссии, — они еще далеко не на высоте. Это кажется не только печати. Решили: чтобы лучше воздействовать на художественное развитие, подводить вместе с научными учреждениями итоги каждого литературного года, с обсуждением обзорного доклада, жанровых докладов, с публикацией материалов дискуссии, очень полезного издания — итогового сборника.

Нужно растить литературно-критические кадры.

Секретариатом принято внесенное Советом предложение о подготовке молодых критиков на базе Литинститута имени Горького, о создании в нем кафедры литературно-художественной критики, об усилении в институте научной работы. Более тесное взаимодействие практики и науки, соответствуют указаниям XXVII съезда КПСС

Подводя итоги заседания комиссии, есть полное право заявить: работники литературно-критического фронта чувствуют себя творчески мобилизованными на выполнение воодушевляющих планов Коммунистической пар-

тии. А это общее дело всех нас — и писателей и критиков.

Спасибо за внимание! (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово для выступления предоставляется Председателю Госкомиздата СССР Михаилу Федоровичу Ненашеву.

М. НЕНАШЕВ. Уважаемые товарищи!

И в докладе, и во многих выступлениях с этой трибуны была высказана серьезная неудовлетворенность работой книгоиздателей. Критика обязывает к откровенному разговору о состоянии и проблемах развития книгоиздательского дела.

Если беспристрастно оценивать общие количественные результаты книгопроизводства последних лет, то, видимо, следует признать, что издатели не сидели сложа руки. За 5 лет издано 11 млрд. экземпляров книг и брошюр. Это почти на 19% больше, чем в предыдущее пятилетие. Особенно заметным является значительное увеличение в общем количестве изданных книг художественной и детской литературы. Если в 1980 году ее удельный вес составил 44%, то в 1985 г. — уже 55,6%. Из 2 млрд. ежегодно издаваемых сегодня книг более миллиарда, или каждая вторая, — это художественная и детская книга. Хотел бы также заметить, что среди этого миллиарда почти 650 млн. экз. книг принадлежит советской литературе. Меняется ситуация и на книжном рынке. Ныне в большинстве союзных республик удовлетворяется спрос на художественную литературу на национальных языках.

Достижения реальные. Однако их не следует переоценивать. Дефицит еще многих книг остается острым, и в его преодолении продвижение наше пока весьма незначительно. В течение года мы ныне выпускаем всего лишь около 8 книг на одного советского человека. И по числу их на 100 тыс. жителей занимаем весьма скромное место среди социалистических стран.

Серьезное отставание книгоиздательской индустрии сложилось на сегодня. Оно прямое проявление тех технократических подходов и недооценки социально-культурной сферы, которые получили принципиальное осуждение XXVII съездом КПСС. Действительно, за последние 10 лет для Госкомиздата СССР не было построено и реконструировано ни одного крупного полиграфического предприятия. Сокращались из пятилетки в пятилетку капиталовложения на строительство и реконструкцию полиграфии. Значительная часть — почти 35% парка печатных машин — сегодня морально и физически устарела, ибо имеет срок амортизации свыше 20 лет, а наши потребности в полиграфической технике машиностроителями удовлетворяются всего лишь на 50%.

Объективно оценивая сложившееся положение, ЦК КПСС и Совет Министров СССР год назад приняли специальное постановление «О дополнительных мерах по укреплению материально-технической базы книгоиздательского дела и ускорению научно-техничес-

кого прогресса в полиграфическом машиностроении», которое представляет собой целую программу мер по преодолению нашего отставания. Многие теперь зависят непосредственно от нас.

Многое, но далеко не все. Реализация намеченной программы встречает огромные, хочу прямо сказать, просто непреодолимые трудности. Одна из них состоит в том, что значительная часть полиграфической базы расположена в Москве и Ленинграде, где возникла чрезвычайно сложная ситуация с освоением средств, выделенных на социально-культурную сферу.

Следует откровенно сказать и о том, что не только не стимулирует, а серьезно сдерживает развитие инициативы, поиск резервов, а они у нас есть, тот факт, что книгоиздание представляет уникальную отрасль (другой такой просто нет), по которой запланированные показатели нынешней пятилетки не только ниже контрольных цифр, но даже вдвое ниже фактически достигнутого в прошедшей. Государственным планом XII пятилетки предусмотрен выпуск книг в 1990 г. в количестве 2 млрд. 721 млн. экз. то есть всего на 7,7% больше, чем было выпущено в 1985 году. Это самый низкий прирост за последние 4 пятилетки. Наши попытки убедить Госплан СССР, Совет Министров СССР, что мы можем сделать больше, выпустить книг на 300—400 млн. экземпляров больше запланированного, не дали результатов. Все приветствуют наш энтузиазм, но помогать отказываются. При этом приводится лишь один аргумент — отсутствуют необходимые ресурсы бумаги. Нам кажется, что, учитывая запланированные темпы производства бумаги на пятилетие, такие ресурсы при большом желании можно было бы изыскать.

Каковы же в этих условиях возможные пути удовлетворения растущих запросов советских людей в книгах, особенно в художественной литературе? Одним из наиболее реальных является, как мы считаем, не валовой, а дифференцированный подход. Конкретным выражением такого подхода является намеченная Госкомиздатом СССР на ближайшее десятилетие многотиражная программа издания книг повышенного спроса. Началом этой программы явилась уникальная по масштабам в мировой издательской практике акция подписки без всяких ограничений на трехтомное издание произведений А. С. Пушкина.

Почти 11 млн. советских людей, все, кто хотел, уже получили по подписке 2 тома. В ближайшее время выходит 3-й том. Как не порадоваться подобным запросам наших людей. Сейчас мы завершаем аналогичную, безлимитную подписку на двухтомник Маяковского. Одновременно будут продолжены многотиражные издания серии «Библиотека классики», «Библиотека юношества», «Школьная библиотека». В ближайшее время мы намерены начать выпуск массовых серий: «Библиотека советского романа», «Библиотека для семьи», «Библиотека для молодежи», «Библиотека для учителя».

Целый ряд конкретных мер намерены осуществить по увеличению выпуска детской литературы.

В том остром и содержательном разговоре, который идет на съезде, хотелось бы высказать мнение по поводу самого главного процесса, ради которого мы, издатели и писатели, существуем и ради которого во многом вся наша полемика,— процесса чтения книги.

Как свидетельствуют наблюдения, в этом процессе сегодня далеко не все благополучно. Посмотрите внимательно на начало всех начал — современную семью, современную школу, и вы увидите, как многое уже утрачено из нашего традиционного национального, поистине святого отношения к книге, самому удивительному чуду, созданному человеком.

Более внимательно в этой связи нам следует посмотреть и на внутреннюю суть проблемы дефицита книги, о которой мы так много говорим. Нельзя не видеть, что дефицит книги далеко не равнозначен дефициту обычных потребительских товаров. Ибо книги приобретают свою ценность только тогда, когда бывают прочитанными. В то же время известно, что очень часто приобретение книги вовсе не означает ее прочтения. Не случайно в большинстве писем, которые мы получаем, авторы ставят вопрос не о том, что не могут «прочитать» книгу, а о том, что не могут купить ее. И складывается весьма своеобразная ситуация. С одной стороны, люди ищут книги в магазинах, справедливо критикуют нас за плохой выбор, а с другой стороны — в библиотеках сокращается число читателей. Многие книги, в том числе и те, которые ищут на прилавках, обращаются крайне медленно, другие же не читаются вообще.

Нельзя не видеть, что в последние годы и в наших средствах массовой информации много говорится о дефиците и куда меньше — о пропаганде книги, о воспитании любви к ней в семье, школе, о проблемах библиотек и читальных залов. По приблизительным подсчетам, сегодня в индивидуальном пользовании насчитывается около 40 млрд. экз. книг, а в библиотеках — более 5 млрд. Нам кажется, что пора всерьез задуматься над тем, разумно ли мы пользуемся этим огромным книжным богатством, являющимся национальным достоянием и имеющим прямое отношение к развитию культуры, науки, к духовному, нравственному воспитанию советских людей.

В заключение хотелось бы откровенно сказать о критических замечаниях по поводу книгоиздательского консерватизма. Мы с пониманием относимся к критике, ибо она заставляет нас осмыслить и внимательно посмотреть на все стороны нашей деятельности. И потому мы внимательно рассмотрим все высказанные здесь суждения, оценки, предложения.

Что можно сказать по существу критических замечаний и оценок? Да, в современной практике книгоиздания многое несовершенно и требует серьезных перемен. Дает себя знать издательский бюрократизм, тот самый, кото-

рый поощряет пробивного и разворотливого толкача от литературы и отодвигает на задний план талантливые рукописи. Жив в нашей сфере и перестраховщик, сознательно препятствующий непривычной для него рукописи и старательно заглаживающий все острое, необычное, чтобы выдать на конвейер очередное безликое произведение.

Вопрос этот весьма серьезный. Как свидетельствует практика, автору новых смелых идей, первопроходцу в литературе, науке, культуре часто бывает нелегко и неуютно в наших издательствах. Консерватор же и конъюнктурщик чувствует себя куда удобнее. Да и в самих отношениях все непросто, и это естественно, ибо, как справедливо заметил философ древности: «Новое не так уж безобидно, как иногда нам представляется, ведь оно уничтожает старое».

Не безгрешны мы и в тиражировании той литературы, где преобладают трескотня и бездумное славословие и вроде мы, издатели, редакторы уже продолжительное время выступаем в роли активных защитников и хранителей привычного стандарта и шаблона.

Существует много причин, обусловивших эти нездоровые явления. Одна из них, весьма существенная: среди редакторов (и не в обиду, а только ради правды будет сказано) и среди писателей весьма влиятельным стал сформировавшийся в последние годы комплекс непогрешимости. Именно отсюда — и благодушность в оценке, отсюда и большой дефицит здоровой неудовлетворенности.

Справедливы замечания по поводу недостатков тематического планирования и тиражной политики. Находясь длительное время под влиянием дефицита книги, мы сегодня, по существу, не имеем действенного механизма, который бы позволял квалифицированно изучать существующие потребности и давал бы объективное представление о запросах и интересах читателей. Поэтому нередко наши решения об издании того или иного автора, о размерах тиража принимаются не на основе надежно действующей обратной связи и достоверной информации, а исходя из весьма общих, часто субъективных соображений или просто интуиции.

Как мы намерены преодолевать существующие здесь недостатки? Думаем серьезно менять систему издательского планирования, ибо оно сегодня нередко препятствует оперативному изданию новых актуальных книг. Главным направлением здесь должна стать значительная демократизация в духе принципов апрельского Пленума ЦК КПСС, всей практики формирования издательских планов. Особенно полезным, по нашему мнению, будет значительное расширение информации и гласности на всех уровнях принятия решений о выпуске тех или иных произведений: о потребностях и реальном спросе на литературу, текущих и перспективных планах издательств, о фактических остатках книг в торговой сети и их конкретных авторах. В этой работе мы будем взаимодействовать с Союзом писателей, опираться на библиотеки, общество книголюбов, средства массовой информации. Основным же звеном здесь должен стать сам чита-

тель, трудовой коллектив, где нам следует прежде всего согласовывать и апробировать издательские планы и намерения.

Считаем необходимым и полезным дальнейшее расширение самостоятельности издательств во взаимоотношениях с авторами в оперативном выпуске актуальных, пользующихся широким спросом книг. Вместе с Союзом писателей нам следует подумать над тем, чтобы внести изменения и коррективы в существующую практику изданий и переизданий, подготовку собраний сочинений и избранных произведений. Многие здесь вызывают серьезные замечания и писателей, и читателей, а потому должно быть изменено.

Таковы лишь некоторые насущные проблемы нашего издательского дела, с которыми мы считали необходимым поделиться на съезде писателей. Мы сознаем ту ответственность, которую возлагает на нас, идеологических работников, партия в деле всемерного развития и обогащения той творческой созидательной атмосферы, которая создана в стране апрельским Пленумом ЦК КПСС. Мы намерены настойчиво и старательно, не жалея сил и не боясь сопротивления, учиться работать по-новому, шаг за шагом усваивая тот политический и нравственный урок, который дал всем нам XXVII съезд партии. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Юлия Владимировна Друнина.

Ю. ДРУНИНА. Знаю, нет такого понятия: «экология человеческой души». Но все же, я воспользуюсь этой метафорой, чтобы подчеркнуть — за подобную «экологию» в ответе мы, писатели, живущие в стране, где к литературе, а в частности, в отличие от Запада, к поэзии относятся с исключительным пиететом. И преступно пытаться повернуть вспять реки разума и добра, искони питающие отечественную поэзию.

Поясню свою мысль. Нерусская, несоветская тенденция «дегероизации» и отступление от пушкинского кредо добрых чувств бросалась в глаза уже в «Дне поэзии-83», редактором которой был Ю. Кузнецов. Об этом я писала в «Правде» в статье «Пустотой звеня», вызвавшей довольно много шума, но не давшей, увы, никакого эффекта: разбойники с большой дороги, агрессивные мертвецы и прочая нечисть продолжают со страшной силой плодиться на страницах индивидуальных и коллективных сборников.

В свое время критик В. Кожин поддержал это странное явление, объявив, что задачу пробуждения «добрых чувств» русская поэзия уже решила, дескать «план по доброте» поэты выполнили...

Дурные ассоциации вызывает такая позиция... А она, нечего закрывать на это глаза, расширяет свою территорию...

Так случилось, что в дни, когда мы с тревогой вчитывались в первые сообщения о Чернобыле, в руки мне попал новый сборник некогда интересно начавшего свой путь в литературу поэта. А ныне меня поразило несоответствие между великой болью народ-

ной и его (в большинстве своем) мелкими, эпатажными стихами. Его смешное «суперменство»: «Звать меня Кузнецов. Я один. Остальные обман и подделка». Его совсем не смешная жестокость.

Вот стихотворение «Седьмой» — семеро насилуют под мостом родную мать, потом в пьяной драке убивают друг друга... Какова позиция автора? А никакой.

Сначала поэт пил «из черепа отца», а теперь оквернил и образ матери — порочный круг замкнулся.

Мы часто справедливо возмущаемся теми редакторами, которые со снайперской точностью нацеливаются в самое дорогое для автора, в самое ценное для литературы. Но здесь возникает другой вопрос: куда смотрел редактор и иже с ним? О чем думал молодой секретарь Московской организации по поэзии, автор восторженной статьи об этом сборнике, вздох восхищающийся «Седьмым»?

И не пора ли прекратить опасные литературные игры за государственный счет?..

А как расценить, к примеру, другое, наугад взятое стихотворение этого же поэта? «Птица по небу летает. Поперек хвоста мертвец. Что увидит, то сметает. Звать ее: всему конец». Дальше знакомый лубок: мир рушится, а мужичку «а ля рос», баюшему на крыльце, «на все чихать»... Это что же — юмор? Не тянет... Тем более что птица, «именуемая всему конец», действительно хлопает за океаном крыльями...

Вспоминается горьковское из его статьи «О мешанстве»: «Автор не способен заметить, как смешно и наивно столь сильно выраженное стремление к мимолетности и верхоглядству его нелепого героя, к которому он, автор, относится положительно. Критика тоже не замечает этого, авторы уже почитают себя «аристократами духа», великодушные думают, что все это хорошо, и предлагают читателю все больше и больше словесной соломы, а критики, поглощенные междоусобной бранью и выпрямлением идеологической линии, плохо видят, как в литературу лезет стопроцентный мешанин».

Воспевание насилия, жестокости, своего превосходства, неверие в товарищество, в самоотверженность противопоставлено настоящей поэзии — искусству, призванному делать души людские светлее, выше. Забывать об этом не след. Особенно, конечно, в литературе для детей, для школьников, о которых мы сейчас так много и с такой законной тревогой говорим.

Вот что написал в «Литературную газету» учитель А. М. Черников. «В нашу школьную библиотеку прислали сборники «Страницы избранной лирики» издательства «Детская литература». Обрадовался: можно использовать на уроках. К тому же вступительная статья составителя сборника В. Кожина обнадеживала: «Перед нами достойные образцы, которые способны приобщить читателей к поэзии в истинном ее значении». Далее преподаватель пишет, что в этих «достойных образцах» навалом нитья «замогильной суеты, мистики, пьяных саморазоблачений».

Или вот, пишет учитель дальше, стихи об

участниках Бородинского сражения: «За что на смерть пойдет — не знает, но знает, что умрет,— прямая антитеза дермонтовскому: «Уж стоим мы головою за родину свою». За родину! Еще декабристы, большинство из которых были участниками Отечественной войны 1812 года, отмечали высокий патриотизм своих солдат.

Цитирую письмо дальше: «В моральном кодексе строителя коммунизма записано: «Человек человеку — друг, товарищ и брат». На этих принципах мы, учителя, стараемся воспитывать своих учеников, а один поэт пытается убедить читателей, что «как ни горько, но знаю, человек на друзей до конца не надейся», ибо «стихийные силы сильнее самой нежной и преданной дружбы»...

В Чернобыле продолжается битва с самыми грозными «стихийными силами». Люди, которые стояли на переднем крае этой апокалиптической борьбы в ее первые отчаянные мгновения, не отступили, не бежали, а отдали свои жизни за нас с вами. В частности, и за тех, кто не верит в самопожертвование...

Они подтвердили, что нынешняя молодежь ничуть не отличается от той, что закрывала собой амбразуры Великой Отечественной... Я испытала гордость за свое поколение, когда в журнале «Новый мир» гневно, прямо вступился за честь К. Симонова, за честь всех фронтовиков скромный, никогда никуда «не высовывающийся» поэт М. Соболев. Словно на бруствер, когда все залегли, взлетела одинокая отважная фигурка. (А плод и с м е н т ы.)

А почему «одинокая», почему «отважная»? Что греха таить? Большинство не хочет связываться с бестрепетными «ниспровергателями» всего святого. Ибо знают, сколько нервов и крови будет стоить эта неравная борьба без правил с противоположной стороны. Ее оружие — клевета, и компрометирующие слухи, и таинственное выпадение «непокорных» из разных списков, кончая квартирными и издательскими.

А. Вознесенский уже сказал, что из списков кандидатов на наш съезд выпали некоторые известные, отлично работающие писатели. Я могу добавить и другие имена — С. Алексеевич, Н. Старшинов, Б. Васильев, В. Лакшин... Конечно, они все равно «на коне», поскольку лицо литератора определяет прежде всего его творчество. Но несправедливость ранит, тем более что после XXVII съезда мы до конца поверили в торжество справедливости.

Станным истораживающим представляется мне факт, что появление в «Книжном обозрении» трех нестандартных, некомплементарных статей о поэзии тут же вызвало со стороны «пострадавших» громы и молнии на голову молодого сотрудника газеты, «посмешшего» пропустить такую крамолу.

А я считаю, что этого «еретика» нужно поддержать, как всякого, кто во имя правды не боится испортить отношения. Или вот говорим о засилье серости в литературе. А откуда оно берется? Интересная цифра. В 1952 году в Москве поэтов — членов Союза было 82. Среди них Твардовский, Исаковский, Тихонов, Луговской, Светлов, Сельвинский, Симонов,

Гудзенко, Наровчатов, Луконин — я называю только ушедших, да и то не всех. Теперь же нас больше четырехсот! Вдумайтесь в эти цифры — 80 и 400... Но, как говорил Шолохов, «из миллиона кошек не составишь одного льва». (А плод и с м е н т ы.) А почему-то именно посредственностям, в отличие от одаренных поэтов, подчеркиваю, в отличие от одаренных, в Москве открыта зеленая улица в Союз писателей. Я в Союзе уже сорок лет и могу сказать, что никогда не видела ничего похожего. Заседания поэтического объединения носят теперь, как правило, отнюдь не творческий характер. Многие поэты перестали их посещать. Некоторые даже ушли в другие творческие объединения. Такая обстановка — удар по нравственности. Но главное, все это негативно влияет на саму литературу. Симпатии и антипатии людей, от которых зависит то или иное издание, распространяются уже не только на современников.

В двухсоттомной серии «Всемирная литература» не нашлось места для Белинского! А Добролюбов представлен только... как поэт, да еще в одной упряжке с Кукольником — эталоном бездарности и реакционности. Не хватило места Г. Успенскому, Гаршину, Писареву, Помяловскому, Решетникову... Не менее странно выглядят в другом издании попытка восславить графомана № 1 земли русской, кого Пушкин называл «каким-то кукишем похабным», — графа Хвостова, как будто нам не хватает своих графоманов! (А плод и с м е н т ы.)

Ценности духовные требуют не менее бережного отношения, чем материальные. Зачем обкрадывать себя?

И нужно, чтобы «нечиновные» писатели не чувствовали себя просителями.

У Шукшина в «Калине красной» герой отказывается возить в легковушке начальство и переходит на трактор, объясняя: «Понимаете, у меня такое чувство, как будто я смотрю начальнику в глаза и заискиваю улыбаюсь». Как бы и нам отделаться от подобного ощущения?

Я только поставила так называемые «острые вопросы», но не ответила на них. Такое мне не под силу. Моя задача куда более скромная — привлечь к этим вопросам внимание писателей. (А плод и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Уважаемые товарищи! Просьба к членам редакционной комиссии в перерыве собраться в комнате президиума. Сейчас объявляется перерыв на 30 минут.

После перерыва председательствует М. Н. АЛЕКСЕЕВ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Уважаемые товарищи! Продолжаем работу нашего съезда.

Разрешите предоставить слово Генриху Авизеровичу Боровику, руководителю Комиссии по драматургии.

Г. БОРОВИК. Мне поручено рассказать вкратце о работе Комиссии по драматургии, которая заседала вчера.

Я заранее прошу прощения у моих коллег за

то, что смогу в своем выступлении упомянуть лишь о самой малости из того, о чем столь интересно говорилось на Комиссии, и перечислю лишь несколько из множества предложений. Они, впрочем, зафиксированы в стенограмме и будут изучаться.

У нас был хороший разговор. Острый и глубокий. Острый не по репликам, не по словам, не по физическим действиям, а по значимости проблем. Разговор был всесоюзным. На комиссии выступили 22 человека из 11 республик.

Мы начали его, как ни странно, с похвалы драматургии. Нарушая укрепляющиеся, к счастью, правила самокритичности, мы позволили себе сказать, что этот самый трудный род литературы одним из первых отозвался на требования партии о психологической перестройке общества. Не буду называть пьесы, которые подтверждают это, они есть в докладе Г. М. Маркова. Отмечу лишь, что они — не случайный всплеск гражданственности наших драматургов. Они были подготовлены и «Человеком со стороны» Дворецкого, «Марией» Салынского, и «Гнездом глухаря» Розова, и «Протоколом одного заседания» Гельмана, и «Равняется четырем Франциям» Мишарина, «Так победим!» Шатрова, «Тринадцатым председателем» Абдуллина, «Чинарским манифестом» Чхаидзе и многими другими пьесами.

Драматургия и театр давно пробивались к тому уровню правды, который нужен народу, а это значит — к полной правде. Однако, отмечая успех и общественное признание новых пьес, мы считаем, что это лишь начало огромной творческой работы, которая предстает драматургам и театрам.

Больше никаких похвал в свой адрес драматургами сказано не было.

Комиссия отдает себе отчет в том, что сегодня нужен нам взрыв драматургии, прорыв вперед, смелый прорыв, неожиданный, может быть, такой, каким был во время войны «Фронт» Корнейчука. Обстановка, нам кажется, требует этого.

Мы много говорили о положительном герое. Не все согласны с этим термином, но ведь дело не в словах. Дело в том, что нам нужен активный, деятельный герой, не обязательно идеальный человек, но человек с идеалом, человек активного добра и активной правды (я привожу те определения, которые звучали на заседании, в частности, в выступлении А. Дударева), иначе зло становится самоценным. Иначе права получает цинизм и равнодушие.

Наша критика справедливо высмеивает Джеймса Бонда и тенденцию «суперменства». Однако нам стоит задуматься о том, что не сомневающийся в своей сомнительной правоте американский супермен, завоевывающий киноаудиторию мира, — весьма серьезный пропагандист американского взгляда на жизнь (это неважно, что Бонд входит на службу у английской королевы). Взгляда, который позволяет бомбить Ливию, обстреливать Бейрут, разрушать кварталы с черным населением в Филадельфии, убивать в Сантьяго — Альенде, в Вашингтоне — Летельера, в Стокгольме — Пальме. Я, естественно, не зову подражать «бандитизму». Я предлагаю задуматься. И не только задуматься, но и творить, действо-

вать, быть динамичными, увлеченными, изобретательными!

И еще я предлагаю задуматься над ироническими словами т. Шугаева о писателях, идущих на борьбу с идеологическим противником — империализмом. Дело не в том, что он оскорбил этим не только здравствующих ныне писателей, прикасающихся к этой теме. И дело не в том, что он оскорбил и Горького, и Маяковского, и Афиногенова, и Симонова, и многих других, в том числе Бондарева и Л. М. Леонова с его «Бегством мистера Мак-Кинли». Дело в том, что он тем самым проповедует пошехонское непонимание того, что творится в мире.

Иногда говорят, что наша литература и так слишком политизирована. Но это не так. Мы печально отстаем тут от Запада.

Наше искусство никогда не занималось разжиганием ненависти к другим народам. И никогда не опустится до этого. Но мы обязаны противостоять потоку антисоветчины на сцене, в кино, литературе, в театре. Мы обязаны использовать и театральную трибуну литературы, чтобы сказать людям о нашей позиции в мире.

Я не собираюсь говорить о международной теме после того, как позавчера об этом прекрасно, партийно сказал С. П. Залыгин. Но просто неаккуратная реплика Шугаева понудила меня к этому.

Мы говорили о воспитании художника-гражданина. Но гражданина надо воспитывать и в чиновнике, занимающем руководящую должность в органах культуры. Иначе происходят казусы. Как тот, о котором рассказал автор пьесы «Большевики». Когда она с успехом шла в Москве и в других городах, руководитель театрального отдела в одной из наших российских областей решил эту пьесу запретить и выразился на этот счет так: «Пока я занимаю этот пост, «Большевиков» в нашей области не будет!»

На заседании комиссии мы с удовлетворением узнали, что с областной законностью в отношении пьес будет покончено раз и навсегда. Мы уверены, что это относится и к тем совсем уже парадоксальным случаям, когда некоторых драматургов, пьесы которых идут во многих театрах Союза, не ставят именно в тех национальных республиках, где эти драматурги живут или откуда они родом.

Тревожит (и, когда я произношу это слово, я вовсе не имею в виду, чтобы кто-то снял с наших плеч эту тревогу. Нет, мы и сами намерены заниматься решением проблем, тревожащих нас), так вот нас тревожит, что в середине 80-х годов число переводов на русский язык произведений драматургии народов СССР снизилось по сравнению с 70-ми годами, а география взаимопроникновения братских культур в области драматургического творчества стала уже. Здесь — прямое поле деятельности для советов по драматургии. С радостью мы узнали, что позавчера было принято наконец долгожданное решение об открытии в Москве в этом году театра «Дружбы народов» (а плоды с менты), в котором лучшие театральные коллективы смогут показывать свои лучшие спектакли. Хочу поздравить всех

профессионалов и любителей театра с этим.

Нас тревожит, что возле дверей театров юного зрителя мы теряем подростков, для которых театр — и это утверждают социологи — стал «непрестижным развлечением». Конечно, в Москве, например, так мало детских театров, что подросток может побывать на спектакле, к нему обращенном, лишь один раз в два с половиной года. Однако и сами драматурги, и театры убивают его естественный интерес к театральному искусству сюжонкам сцены, псевдогероикой, назидательностью, монотонностью драматургических и театральных форм, стилей, ритмов.

Комиссия хочет привлечь внимание съезда к драматургии как к сложному виду литературы, а не как к материалу для театра. Для этого мы хотели бы напомнить редакторам литературно-художественных журналов — центральных, республиканских, региональных — о том, что в их обязанности входит печатать и произведения драматургии, и критические разборы пьес. Мы предлагаем ввести в издательстве «Советский писатель» редакцию драматургии. Мы почти единогласно выражаем просьбу, чтобы альманах «Современная драматургия» выходил не четыре, а шесть раз в год. Я сказал: почти единогласно, потому что один голос был подан за то, чтобы альманах выходил не менее 12 раз в год. Высказывались у нас и организационные предложения. О более частой сменяемости секретарей Союза. О гласности заседаний Секретариата и т. п.

Театры сейчас живут экспериментом, который должен упростить и ускорить движение пьесы на сцену. Мы надеемся, и это зависит от нас в большой степени, что и сам эксперимент будет талантливым, смелым, динамичным, разнообразным. Нужно открывать новые театры. Нужно поддерживать самостоятельно рождающиеся молодежные театры-студии. Нужно создавать группы на одну пьесу и играть спектакли каждый день. Нужно думать о стадионном публицистическом народном театре с использованием огромного экрана, позволяющего видеть мимику актеров. Есть множество интереснейших проектов, хватило бы лишь таланта, увлеченности, смелости, раскованности, изобретательности. А ведь и эксперимент может зарегулировать, как в считалочке: «Да и нет не говорите, черно-бело не берите, вы поедете на бал?» И тогда «бал» просто может не состояться.

Мы обсуждали вопросы воспитания молодого драматургического поколения. И цифры, связанные с семинарами, творческими поездками и прочими благородными акциями, впечатляют. Однако возникает и тревожный вопрос: не воспитаем ли мы и настроения иждивенчества? На заседании комиссии приводился пример: Артур Миллер увидел в театре только половину написанных им пьес. Эдварда Олби уже больше десяти лет не ставят на Бродвее — боятся коммерческого провала.

Мы не за то, чтобы следовать этим жестким обычаям империализма, но, однако, хотел бы скорректировать взгляды некоторых ранних писателей на общество как на неоплатного должника за то, что писатель родился, написав свою пьесу и немедленно бросил всякую

другую работу. Литература, как известно, — дело суровое и во многом рискованное.

Мы с тревогой говорили о пассивности некоторых драматургов. Но скажу открыто: нас еще больше тревожит другая сторона. Уже появились, по удачному выражению одного из наших коллег, «соловьи» перестройки, обновления, ускорения, которые, быстро заучив новые словосочетания, выщелкивают их беспрепятственно и громко, как выщелкивали в свое время слова «экономика должна быть экономной», «пятилетка качества», «год решающий», «год завершающий» и т. п. Уже появились пьесы и сценарии с перелицованными конфликтами. Если раньше все проблемы к концу пьесы решал вышестоящий товарищ по телефону, то теперь вышестоящий товарищ — уже сам проблема с самого начала, в конце пьесы его, конечно же ко всеобщему ликования, снимают. А все проблемы теперь решает новый вышестоящий товарищ, назначенный вместо старого. Решает он, впрочем, по тому же телефону, потому что телефонные аппараты при этом, как известно, не меняют, а литератор-петушок ничего другого придумать не может.

Я говорю вам об этом не для того, чтобы вас позабавить. И не потому, что отношусь с иронией к тем недавним лозунгам, которые только что перечислял. Вовсе нет. Я говорю об этом в большой тревоге — и она была высказана многими участниками работы комиссии — не заболтаем ли мы нынешнее великое дело так же, как забалтывали те, в общем-то тоже правильные призывы. Потому что у нас есть большие мастера забалтывания, профессионалы показухи — и показухи и в восхищении, и в самобичевании, даже показухи в скромности и принципиальности, даже показухи в сыновней любви. Большой отряд талантливых драматургов, может быть, даже боеспособных, которые умеют под шум перестройки сводить личные и грубые счефы.

Но знаете, к какому выводу пришли мы в нашей комиссии? К совсем простому. Его сформулировал один очень хороший драматург приблизительно так: «Мы выполним решения XXVII съезда, потому что у страны, у нас нет иного выхода. Вот почему». Или, как было уже сказано не раз: если не мы, то кто же, если не сейчас, то когда же?

А сейчас для этого у нас единственная возможность.

Спасибо за внимание. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Евгению Александровичу Евтушенко.

Е. ЕВТУШЕНКО. Это случилось 17 октября 1984 года в Переделкино. Несколько грузчиков с оловяными от бормотухи глазами вытаскивали рояль из дачи, знаменитой по фотографиям на весь мир. Рояль стонал всеми струнами, когда его бока протаскивали в двери, обдирая с крышки позолоту надписи «Бехштейн». В траурной зеркальной глубине этого рояля, казалось, жили великие призраки Скрябина, Рахманинова, Рубинштейна, Горовица, Г. Нейгауза, когда-то игравших на нем. Роялю

до боли не хотелось покидать этот дом, потому что всеми клавишами он помнил легкие сильные пальцы своего хозяина — Бориса Пастернака, который играл на нем, чтобы исповедоваться звуками, когда порой не хватало слов. Рояль, вздрагивая от безжалостных ударов в косяки, старался не слышать молодецки пьяных выкриков: «Кантуй, заводи, заноси!» — и лихорадочно, спасительно вспоминал бессмертные строки Пастернака, посвященные ему, роялю, как живому существу: «Рояль дрожащий пену с губ оближет...», «Я клавишей стаю кормил с руки...» Музыка в доме Пастернака была всегда своей, родной. По воспоминаниям современников, при игре матери поэта Розалии Исидоровны плакал Л. Толстой, ее игрой восхищались Ключевский, Репин, Суриков, Поленов, приезжавший Эмиль Верхарн. Этот рояль был последним — оставшимся верным даже в самое тяжелейшее время — другом Бориса Пастернака. Но грузчики всего этого не знали — рояль сорвался с их крепких похмельных рук, и, с хряском разламываясь от удара, полетела верхняя крышка, как расколовшееся зеркало русской истории, русской культуры.

То, что я вам сейчас рассказал, это не поэтическое преувеличение, а, к сожалению, факт, и я сам запоздало гладил своими виноватыми руками изуродованное тело этого рояля.

Были многочисленные обращения писательской общности, наших выдающихся ученых, музыкантов в разные инстанции с призывом организовать на даче Пастернака его дом-музей, где пока еще нетронуто сохранились, как при жизни поэта, его личные вещи, библиотека, рукописи, а также портреты Веры Фигнер, Кропоткина, Дебюсси, Собинова, Брюсова, знаменитые иллюстрации к Толстому, сделанные отцом поэта — замечательным художником Леонидом Пастернаком. Но, несмотря на все эти реликвии, Министерство культуры СССР, Секретариат Союза писателей СССР, руководство Московской писательской организации, чей председатель Феликс Кузнецов спрытал коллективное письмо московских писателей в защиту дома-музея Пастернака, а сам с этой высокой трибуны похамелеонски лицемерно разыгрывал из себя продолжателя революционных демократов XIX века, с которыми его роднит только расчётливо отпущенная псевдонародническая борда (смех, бурные аплодисменты), все они не шевельнули и пальцем и позволили литфондовским грузчикам по их простоте и похмельному неуяснению события совершить черное дело вышвыривания памяти о великом русском, советском, всемирном поэте из его дома.

А ведь Маяковский называл стихи Пастернака гениальными, А. А. Ахматова так сказала о нем:

...и вся земля была его наследством,
а он ее со всеми разделил.

Когда Пастернак перед войной участвовал во Всемирном антифашистском конгрессе мастеров культуры, весь зал встал, приветствуя его. Вместе со своим отцом, одним из пер-

вых нарисовавшим с натуры Ленина, Борис Пастернак создал равный афористичностью, пожалуй, только Маяковскому поэтический портрет сердца и голоса Великой Октябрьской революции:

Столетий завистью завистлив,
Ревнив их ревностью одной,
Он управлял теченьем мыслей,
И только потому — страной.

(Аплодисменты.)

Почувствовать бы по этой формуле некоторым очинувшимся писателям, ибо, теряя управление мыслями нашей литературы, нашего народа, они теряют право на управление Союзом писателей. (Бурные аплодисменты.)

Сначала опустошенную дачу Пастернака пытались подсунуть некоторым нашим писателям, но, к их чести, все они отказывались. Да какая русская уважающая себя вдова может обидеться на то, что создали дом-музей одного из лучших поэтов за всю историю великой русской и мировой поэзии! Под канцелярским предлогом, скрывающим тайное стремление к уютной нивелировке, уравниловке, вынесли решение Секретариата СП СССР об общем музее писателей, не пригласив на это заседание не только крупных писателей, кто обращался с письмом по этому поводу, но и некоторых секретарей Союза, стоящих за создание персонального дома-музея, подписавших коллективное письмо, как, например, Роберт Рождественский. Я был вчера в доме Пастернака и видел устанавливаемые там стандартные стенды с фотографиями, напоминающие безвкусную провинциальную доску почета. Многим хорошим писателям на этих фотографиях, высоко ценившим творчество их соседа Б. Пастернака, казалось, было неловко, что их вовлекают в недостойное отбирание дома великого поэта. Справедливость по отношению к имени Пастернака сейчас восстанавливается, его книги издаются многотысячными тиражами, стихи, казавшиеся когда-то усложненными, становятся сегодня достоянием не узкого круга элитарной интеллигенции, а духовно выросшего народа в целом. Его дом и могила стали местом постоянного паломничества нашей молодежи. Но со дня смерти Пастернака прошло уже 26 лет, а мы до сих пор не удосужились почтить его память заслуженным им домом-музеем, и милые литмузейные девочки прикрепляют эти стандартные фотостенды такими тактичными гвоздочками, словно даже в железных головках осторожных молотков живет человеческая надежда, что настоящий хозяин дома еще вернется...

Сегодняшнее переломное время, которое и наша позиция подготовила своими гражданскими стихами, это время надежд и восстановления справедливости. Принцип человеческого фактора как фактора первейшего — это не только человечейшее отношение к живым, но и ушедшим. Сколько крыш на необъятных просторах наших — может быть, слишком избаловавших нас своей широтой и щедростью, доводящих нас иногда до преступной нерачитель-

ности, — так неужели не найдем мы или не построим крыши постоянных вечных домов и для Пастернака, и для Твардовского, и для Цветаевой и Ахматовой, и для Платонова, и для всех, кто их заслуживает и еще заслужит? (Бурные, продолжительные аплодисменты.)

Куда же дети-то наши будут приходиться, чтоб зачерпнуть дух культуры и совести, когда мы с вами уйдем, — неужели мы оставим им только диски и возможность кричать: «Шайбу!» — вместо того чтобы прошептать однажды, задохнувшись от красоты и величия жизни, пастернаковское:

Примелькается все. Лишь тебе не дано
примелькаться.
Дни проходят, и годы, и тысячи-тысячи лет.
В белой рьяности волн, прячась в белую
пряность акаций,
Может, ты-то их, море, и сводишь
на — нет.

Товарищи! Разрешите мне передать в президиум обращенное к съезду и будущему Секретариату письмо, подписанное 40 делегатами съезда, выражающее озабоченность, что к 1990 году, когда исполняется 100-летие со дня рождения Пастернака, которое будет отмечаться ЮНЕСКО во всемирном масштабе, мы можем к позору нашему прийти с пустыми руками без дома-музея. Это письмо подписали делегаты Москвы, Ленинграда, Украины, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана, Грузии, Азербайджана, Армении, Латвии, Эстонии, Абхазии, Татарии, среди которых Р. Гамзатов, М. Дудин, Я. Петерс, А. Вознесенский, Б. Вагаб-заде, Б. Олейник, Г. Бакланов, С. Капустяня, А. Дементьев, Е. Винокуров, А. Сийг, А. Межиров, Д. Гранин и многие другие прекрасные писатели, представляющие многонациональное лицо нашей литературы; депутаты Верховного Совета, лауреаты Ленинской и Государственной премий, секретари Союзов писателей, руководители журналов.

Дорогие товарищи! Братья по многострадальному совестливому делу литературы! Никто за нас не осуществит наши надежды, воздухом которых все мы сейчас дышим, потому что мы сами — эти надежды. Никто нам на блюде не поднесет готовую социалистическую демократию, потому что мы сами должны быть этой демократией во плоти, и каждый наш день и поступок должен быть этой демократией в действии. Давайте для самих себя реализуем вот сейчас, в этом историческом зале под сводами Кремля, помнящего не только шаги тиранов и казни невинных, но и сосредоточенные рабочие шаги Ленина — реализуем урок демократии по этому важному, но вполне решаемому делу. Проголосуем нашими делегатскими мандатами за положительное решение по письму 40 делегатов, ратующих за дом-музей Пастернака, и это затем откроет нам прекрасную дорогу к увековечению памяти всех наших учителей в литературе, которые этого заслуживают...

(Делегаты голосуют, поднимая мандаты.)

Спасибо за поддержку.

Конкретное предложение по структуре будущего правления Секретариата.

1. Прав был Розов: надо расширить список правления для голосования, не увеличивая количества выборных мест, и тогда по большинству голосов будет ясно, кому наш писательский съезд оказывает наибольшее нравственное доверие. Это не оскорбляет никого, но проявляет истину демократическим путем.

2. На ведущие посты в Секретариат надо брать только ведущих писателей. Но если ведущий писатель становится рабочим секретарем, то по-хозяйски ли отрывать его на целых пять лет от письменного стола? Жизнь коротка, а замыслов много... Поэтому-то посредственности, чей единственный замысел попасть на тепленькое местечко, и заполняют вакуум, оставляемый нашими писателями, всецело занятыми творчеством. Но все-таки если пять лет это слишком долгий срок, то даже самый занятый и крупный писатель может и должен полностью отдать хотя бы один полный год своей жизни нашему цеховому делу, ибо это не только самопожертвование, но и честь. Мое предложение следующее: обратиться, что называется, всем миром, к 5 таким писателям, нравственно не способным к моральному забюрокрачиванию, обладающим всесоюзным и международным писательским, а не должностным авторитетом. На мой взгляд, надо изменить устав и выбрать 5 первых равноправных секретарей с тем, чтобы они разделили эти пять лет на пять сменных годичных дежурств и собирались бы вместе не менее 6 раз в год, являясь высшим нравственным органом Союза писателей. И разве не радостью для каждого из нас будет приходиться на прием, скажем, к таким принципиальным крупным мастерам, как, например, В. Быков, В. Распутин, Ч. Айтматов, чтобы поделиться с ними своими замыслами, а в нужном случае попросить их авторитетной защиты.

Горький на I писательском съезде говорил: «У нас в качестве наследия мешанства еще остались кое-какие прыщи, не способные понять существенного различия между «вождизмом» и руководством... «Вождизм» — индивидуалистическое стремление мешанна встать на голову выше товарища, что и удается весьма легко при наличии механической ловкости, пустой головы и пустого сердца». Исторические задачи, которые сегодня ставит перед нами народ, историю нельзя выполнить пустоголовием и пустосердечием. Для выполнения этих задач сейчас даже министерства должны работать как творческие союзы, а уж наш творческий Союз и подавно не имеет права походить на министерство по починке крыш, протекающих в домах творчества, о чем было как-то неловко слышать с этой высокой трибуны в присутствии руководства страны, занятого величайшей проблемой спасения человечества от ядерной катастрофы.

Дорогой товарищ Шугаев, конечно, у нас есть постыдные ремесленники, безопасно разоблачающие империализм, но в то же время трусящие выступить в родной стране за погибающую реку, или человека, или книгу, или дом поэта. Но империализма и угроза войны

реально существуют, и мы должны писать и об этом.

Кое-кто нас поугубляет тем, что демократия якобы неминуемо ведет к анархии, к раскачиванию государственного корабля, но все зависит от того, кто держит штурвал корабля, и наши писательские руки тоже должны лежать на этом штурвале, ибо капитанство при социалистической демократии — это дело всенародное. Социалистическая демократия — это не разболтанность, а высший вид нравственной собранности, дисциплины, где равнодушие к живым или мертвым должно быть из самых строго наказуемых дисциплинарных нарушений. Не для того, строя социализм, сражаясь за него, мы потеряли столько героических жизней, чтобы отдать это многотрудное, еще далеко не совершенное, но родное нам всем дитя в руки бюрократии, «кабычегоневышлизма». За нашими плечами немало ошибок и преступных трагедий, когда погибло столько невинных людей, еще не оплаканных нашей литературой в полную силу, и мы должны поправить неправильное чистотой нашей сегодняшней революционной нравственности, неповторением этих ошибок и трагедий. А кое-кто пытается вытащить из пронафталиненного сундука истории какие-то пожелтевшие, нанесшие столько вреда нашей литературе антидемократические постановления, и я вижу в этом даже не идеологическую борьбу, а прежде всего животную самозащиту от развития революционной мысли, сметающей все косное, устаревшее. (А п л о д и с м е н т ы.)

Это действительно переломное время, но народ наш не хочет, чтобы оно превратилось в костоломное. Это время переломное, ибо оно по заслугам перемалывает каучуковый хребет бесхребетности, и такой ленинский перелом мы, писатели страны социализма, полностью поддерживаем. Развитие у нас демократии — это путь не только к духовному, но и материальному расцвету, ибо, как показала мать-история, начиная еще с древнейших времен, антидемократический способ непродуктивен. Развитие у нас демократии, гласности, социальной справедливости будет самым большим ударом по международной милитаристской реакции, ибо это выбивает у нее пропагандистские козыри, поднимает престиж социализма, усиливает его приглашающий пример для народов всего мира. Развитие социалистической демократии, соединенной с готовностью защитить Родину в момент опасности, — это путь к ядерному разоружению, к миру в мире.

Не во имя казарменного, не во имя свиноферменного оруэлловского социализма, который мы отрицаем как отвергнутый историей опыт, а во имя ленинского демократического социализма, ставящего человека, его дух превыше всего, и готова отдать все свои силы наша многонациональная литература. (А п л о д и с м е н т ы. В р у ч а е т с я п и с ь м о п р е з и д и у м у.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Вардгес Амазаспович Петросян.

В. ПЕТРОСЯН. Дорогие товарищи! Все мы вправе, наверное, надеяться, что с нынешнего нашего съезда начнется обновление литера-

турного дела в стране, наступят времена нового осмысления литературного процесса в целом. Объективно оценивая достигнутое, мы должны глубже задуматься над жгучими проблемами, которых тоже накопилось достаточно, решительно отказаться от устаревших форм нашей работы, от показухи. Работа республиканских писательских организаций и нашего большого Союза должна больше соответствовать своему основному — творческому началу. Главный итог нашей деятельности, как было отмечено в Политическом докладе ЦК КПСС, «измеряется не резолюциями и заседаниями, а талантливыми книгами...». Такие книги, в которых глубокая правда жизни воплощена талантливо и честно, создавались и за это пятилетие. Мы с гордостью можем констатировать, что многие всенародные идеи, которые ныне партия ставит во главу угла, зарождались и созрели и на страницах лучших произведений советской литературы — русской и литератур народов СССР.

Естественно, что для художественного мышления перемены являются более трудным, мучительным процессом. К тому же народ ждет от своего писателя не сиюминутной истины, а художественных открытий. Воплощенные великой правды жизни под силу только истинным талантам, под пером же посредственностей самые жгучие проблемы превращаются в календарные события, а самая великая истина — в свою противоположность. Образ мышления — не одежда, которую можно менять в зависимости от погоды, а внутреннее состояние писателя, и донорская кровь здесь не поможет.

Товарищи! Я не буду выступать с отчетом о состоянии дел современной армянской литературы, с обязательным перечислением длинного ряда имен и названий. Это в пределах регламента невозможно, да и ни к чему. Попробую высказаться по некоторым заботам и тревогам.

Мы часто солнцу уподобляем братство наших народов, ибо именно в нем наша великая сила. Хотя ученые утверждают, что и на солнце есть пятна, но нельзя допускать, чтобы пятна были на солнце нашего братства, и потому даже малейшее пятнышко должно вызвать у нас тревогу. Партия неустанно учит нас верности принципам интернационализма, уважению к истории, культуре, национальным традициям братских народов. Дружба народов и литератур — это не только праздники, а в первую очередь каждодневная, если хотите, черновая работа. Праздников у нас и без того переизбыток: юбилей, дни литератур, писательские «десанты» и прочее. Что касается юбилеев, не пора ли их спустить на тормозах? И литературная повседневность, и особенно литературная печать уже задыхаются от юбилеев. Порою мы едем на очередной юбилей, точно не зная, юбиляр — поэт или прозаик, женщина или мужчина, и, выступая, говорим общие слова, рискуя дискредитировать саму суть дружбы. Несколько раз в Армении нам самим приходилось писать тексты выступлений для наших гостей... Мне думается, что исчерпали себя и такие формы общения с читателями, как дни литератур или писательские

«десанты». Слов нет: они сыграли свою положительную роль, но сегодня жизнь подсказывает нам искать и находить новые, более глубокие формы. В творческом плане такие дни мало что дают писателям, а для нормального контакта с читателем или незнакомым краем, как всегда, не хватает времени. Это просто эстрадные выступления, но писатель ведь не певец и не декламатор. Хотя есть, конечно, и такие писатели: плохо пишут, но зато хорошо выступают. Иногда из таких поездок рождаются циклы стихов, путевые эссе, но они, как правило, поверхностны, вторичны, ибо являются продуктом случайных наблюдений, беглого взгляда на внешний облик вещей.

И не только после подобных поездок, но и вообще писатель не имеет морального права без глубоких знаний делать какие-либо художественные обобщения, особенно касающиеся общей характеристики братских народов. К сожалению, такие попытки делаются, особенно на киноэкране: если появляется представитель, скажем, Средней Азии или Закавказья, это, как правило, глубокий провинциал, говорящий с ужасным акцентом, в папахе или старомодной нелепой кепке и чаще всего он — человек из сферы торговли. В одной, с позволения сказать, юмореске автор глубоководной «Литературной газеты» попытался создать даже среднеарифметический образ среднеазиатско-закавказца. Герой этой юморески — Юлдуз Аветисович: по имени — азербайджанец, казах или туркмен, по отчеству — армянин. Он стоит себе с букетом цветов в московском сквере, и вся вина его в том, что он «смуглолицый, с черными волосами» и, как будто этого мало, «хорошо одетый». Подходит к нему некто и начинает терзать вопросы: «Цветы продаете? Мандарины? Фундук? Может, хурму? Виноград? Что, вы доктор наук, в портфеле монография? Значит, продали уже?» И когда измученный вопросами бедный человек уходит, этот некто задумывается: «Обиделся, надо было, наверное, прежде всего цену предлагать». Позволительно будет спросить: какова цена этого пасквиля, который грошовый продукт базарно-ресторанного взгляда автора на людей и народы? Подобные случайные наблюдения могут подводить даже большого мастера слова.

Делать обобщение о характере другого народа на шатком основании случайных наблюдений непростительно любому человеку, тем более художнику. Несколько лет назад я получил письмо от простой русской женщины из Карелии. Она чистосердечно призналась, что о кавказцах она судила, имея в виду тех, кто продает фрукты на рынке... «И вот случайно, — пишет она, — мне в руки попало несколько армянских книг. Я полюбила вашу землю, ваш народ, полюбила сразу и навсегда». И горькое заключение: «Выясняется, что мы очень плохо знаем другие народы и часто судим о них по отдельным подонкам». Что касается подонков, то, по-моему, они не принадлежат ни одной нации, а все вместе образуют, если можно так выразиться, отдельную нацию. И самое важное: мы, писатели, должны способствовать тому, чтобы наши народы больше и глубже знали друг друга. Любить легче, чем знать, а

очень многие недоразумения и негативные обобщения — от незнания. На эту же доску я ставлю и те слащавые циклы стихов или путевые эссе, в которых только ликование, одна восторженность, скажем, Арменией, ибо они тоже — продукт поверхностных наблюдений, случайных встреч с историей или людьми. За неделю, из окна гостиницы или автомобиля, в перерывах между застольями, даже в маленькой Армении немного увидишь, можно даже Арарата не разглядеть. В 30-е годы Н. С. Тихонов пешком прошел путь от озера Севан до Еревана, прочувствовал природу, проникнулся историей, встречался с живыми людьми, попадал в смешные и печальные ситуации, и в результате родились «Дни открытий» — тончайшие наблюдения армянского характера и судьбы, чистый взгляд на будущее братского народа.

Хотел бы напомнить прекрасные слова Самеда Вургуня: «Мы живем не по соседству, не рядом, а друг в друге...»

Эти слова написаны, имея в виду братство азербайджанцев и армян, но так мы можем определить и взаимоотношения всех наших народов: действительно, мы живем не рядом, а друг в друге. И поэтому любые, даже малейшие пятна на солнце нашей дружбы должны вызвать тревогу.

Нас не может не тревожить и то, что кое-кто из писателей республик, особенно в произведениях исторического жанра, занимается «косметикой» истории собственного народа, как правило, за счет соседей, при этом порой проявляя неуважение к национальным святыням братских народов. Надо также осторожно обращаться с наследием прошлого, памятуя, что книга, изданная сегодня, адресуется сегодняшнему читателю. Из прошлого надо брать огонь, а не пепел, я уже не говорю о саже. В этом плане вызывает недоумение, зачем это в наши дни понадобилось издать на азербайджанском языке, причем не научным, а массовым тиражом средневековый восточный источник «Кабус-Намэ», в котором немало злобных характеристик других народов, в том числе народов, которые ныне входят в единую советскую семью, в частности, армянского народа.

Все подобные явления не должны оставаться вне внимания, прежде всего республиканских Союзов писателей. И, наверное, нам, особенно руководителям писательских Союзов, необходимо собираться не только по праздникам, а и в будни, чтобы вместе обсуждать, если нужно, и спорить, и совместными усилиями не позволить, чтобы каждый забивал гол в ворота соседей... на своем поле. Наш большой Союз, в частности, тот важный участок, который призван заниматься литературами народов СССР, не должен оставаться сторонним наблюдателем, или, говоря языком футбола, вне игры. Мало проводить общие юбилеи и праздники, мало повторять устаревшие обоймы писательских имен и декларировать братство культур, надо деятельно заниматься и буднями этого братства.

И еще об одной проблеме. Если реорганизация нашей школы будет и впредь продолжаться свой путь по нынешней колее, то лет через

10—20, наверное, в школьных программах не останется места для гуманитарных предметов, в частности, литературы. Кстати, по новой программе преподавание литературы в школе предполагается вести только лишь два года — вместо трех лет по старой. Отдавая должное и научно-техническому прогрессу, и политехнизации школы, мы все же не имеем права забывать, что главная миссия школы — формирование гражданина, патриота, высококравственного человека. Формирование это совершается в первую очередь на гуманитарных уроках, главными из которых являются родная литература, родной язык, а для республик — и русский язык, русская литература. Сейчас по школам идет новая волна — «компьютерная грамотность». Не очень ясно, когда наступит эта грамотность, но зловещие силуэты духовной безграмотности давно мы наблюдаем.

Дорогие товарищи! Как говорил армянский поэт Паруйр Севак: есть люди, которые вскарабкались на плечи мира, но есть несущие мир на собственных плечах. Но чтобы они смогли нести этот мир, мало только собственной честности.

Если среду, где мы живем и трудимся, условно сравнить с морем или аквариумом, то, наверное, первостепенно важное условие — здоровье воды, ибо известно, что в разных качествах среды проявляются самые разные грани человеческого характера. Но порою мы забывали о здоровье этой воды и больше занимались «воспитанием» или «наказанием» заблудивших рыб. Ныне мы начинаем новое время, когда партия мудро нацеливает нас на оздоровление нашей человеческой биосферы, изгнание из нее вредных микробов. Общественная атмосфера все больше наполняется живительным кислородом правды. В реализации наших предначертаний все мы — действующие лица. Зрителем быть не так уж трудно, сидеть в удобных креслах партера, смотреть и делать умные заключения не стоит большого труда — правда сейчас витает в воздухе, сейчас все труднее и труднее становится... не говорить правду. И еще одно. Потребность критического взгляда — вовсе не призыв к всеобщему недоверию, как хотел бы кое-кто. Новый курс выдвигает новых людей — компетентных, инициативных, готовых взять ответственность на себя. И эти новые люди должны быть окружены атмосферой доверия. Хочу призвать на помощь великого Гоголя. «Человека нельзя ограничить человеком, — говорил он, — ибо на следующий год окажется надобность ограничить и того, который приставлен для ограничения. И тогда ограничениям не будет конца». Я вовсе не хочу утверждать, что великий психолог предугадывал длинный ряд наших нынешних проверяющих органов, но продолжение этой мысли звучит как завещание: «Нужно оказывать доверие к благородству человека, а без того не будет вовсе благородства. Кто знает, что на него глядят подозрительно... у него неволью отнимаются руки. Нужно развязать каждому руки, а не связывать их; нужно напирать на то, чтобы каждый держал сам себя в руках, а не на то, чтобы его держали другие».

За создание такого «климата доверия» к человеку должны неустанно трудиться и мы, писатели! (А плодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется академику Дмитрию Сергеевичу Лихачеву.

Д. ЛИХАЧЕВ. Дорогие товарищи! Цель моего выступления совершенно скромная. Я хочу внести некоторые конкретные предложения. Я не буду говорить о том, о чем уже говорилось с этой трибуны; я не буду повторять то, о чем я писал, выступал по телевидению и т. д., а я буду говорить о нашем литературном наследии — это тема моего выступления — и об отношении к нашему литературному наследию тех, у кого мы учимся, мы издаем мало и бессистемно. Нет, например, полного собрания Лескова, этого нашего замечательного учителя по языку. (А плодисменты.) Нет, например, даже полной библиографии его сочинений. Изданная в 20-е годы профессором С. А. Рейсером — далеко не полная. По тем временам — это понятно. Нет издания сочинений Аввакума. Не приступили еще к изданию русского фольклора, — того, что имеют все народы Советского Союза. (А плодисменты.) Не условились еще о принципах издания свода русского фольклора. Нет плана издания. Нет академических изданий Лермонтова (советского), Гоголя, Гончарова. (А плодисменты.) Не издан Карамзин — его «История». (А плодисменты.) А ведь «История государства Российского», помимо всего прочего, великолепное литературное произведение. Это произведение — подвиг. (А плодисменты.) Особо стоит вопрос об издании произведений русских писателей первой половины XX века. (А плодисменты.) Мы, в сущности, подарили Западу начало нашего века; нет собрания сочинений Андрея Белого, о котором Блок писал, что надо его издавать. Почему хотя бы не издать его мемуарную трилогию? С комментариями это была бы великолепнейшая история начала нашего века. Ахматова издается, в общем, мало, маленькими тиражами и бессистемно. Полного издания ее нет.

Хлебников! Был издан в 5 томах Степановым в свое время. Музей Хлебникова в Астрахани в прошлом году приобрел, и считает это для себя счастьем, шеститомное издание Хлебникова за 600 рублей. Хлебникова, конечно, не надо издавать большими тиражами, но он должен быть у наших поэтов в полном виде. А издаются сегодня маленькие книжечки и масовыми тиражами. Это неправильно.

Федор Сологуб, его «Мелкий бес» — это крайне важное для нас сейчас произведение. Это произведение важное для познания сущности мещанства. «Мелкий бес» был издан в 30-х годах небольшим тиражом и больше не издавался. В центральных издательствах, во всяком случае.

Алексей Ремизов, который никогда не выступал против Советского Союза, умер советским гражданином. Как установил Андреев, ставящееся ему в вину «Слово о гибели Русской земли» было написано до Октябрьской революции и, следовательно, не могло относиться к Октябрьской революции. Это относи-

лось к февральской революции. А между тем Ремизов чрезвычайно важен для нашего литературного развития по языку и по тем экспериментам, которые он в литературе ставил.

Нет полного издания Пастернака. (А плодисменты.)

Предполагаемое издание Гумилева в «Библиотеке поэта» явится очень важным контр-пропагандистским актом, выбивающим из рук наших врагов козырь против нас. (А плодисменты.)

И я хочу обратить ваше внимание на то, что у Гумилева нет ни одной строки антисоветской. Ни одной строки!

Ждет своего научного издания наследие Корнея Чуковского, как ждет признания и его музей в Переделкино.

Этот список можно еще продолжать. Можно подумать о том, чтобы издать исторические романы Д. Мережковского.

Второе, о чем я хотел сказать, — это о литературных музеях. Литературные музеи — это воспитательные центры, очень важные, особенно для молодежи, и очень действенные. Хотя по Российской Федерации 120 литературных музеев, а по Союзу их больше, потому что особенно маленькие республики хорошо поставили дело с литературными музеями: в Литве, в Эстонии, в Латвии, в Грузии, в Армении. Но до Октября в одной Москве было сорок сороков церквей. И это тоже были своего рода воспитательные центры. Так что думать о том, что у нас много или слишком много литературных музеев, никак нельзя. У нас не музейный бум, а музейный голод! В этом может убедиться каждый. В Ленинграде перед музеями стоят тысячные очереди — тысячные, а не сотенные!

Конкретные предложения.

В Ленинграде нужно открыть музей-квартиру Салтыкова-Щедрина на Литейном проспекте. (А плодисменты.)

Сергей Александрович Макашин говорил, что если покопаться в дымоходах там, то даже дым от папирос Салтыкова-Щедрина (он был заядлый курильщик) в них сохранился. Там сохранились карнизы после ремонта. И надо рядом открыть квартиру Чернышевского, которая тоже целиком сохранилась. В результате получился бы с имеющимися уже литературными музеями своеобразный литературный куст. Это имеющиеся сейчас музеи Некрасова и Добролюбова, рядом будет квартира Салтыкова-Щедрина, рядом квартира Чернышевского, рядом прекрасный музей Достоевского, квартира, где он умер, и дом, где он жил. Это целый литературный куст. Можно подумать и о квартире великого Лескова — она тоже рядом на Фурштатской. Можно будет экскурсию проводить сразу по всем этим литературным музеям. Кстати, там прекрасно сохранилась петербургская застройка середины XIX века.

И ведь такой же литературный куст есть в Москве. Стоит только открыть дом-музей Гоголя, где он жил и умер. Честь и хвала Украине и украинскому Союзу писателей, что там под Полтавой в Васильевке открыли музей-заповедник Гоголя. Об этом давно хлопотали Олесь Гончар, Золотусский и другие.

Но парадоксально, что музея Гоголя в Москве нет. А предметов, связанных с Гоголем, сохранилось множество. И сохранился дом, где он жил и умер. Он принадлежал Аксакову. В этом доме сейчас находится библиотека им. Гоголя и две мемориальные комнатки. Библиотеку можно перенести в симметричный дом, такой же точно, — напротив. Там находится учреждение, я там вчера был, но я не могу вам произнести название учреждения, я его не смог прочесть целиком, единым духом. В нем 33 буквы, я сосчитал. (Смех в зале.) Я думаю, что это учреждение могло бы отдать свой дом (смех, а плодисменты) для библиотеки им. Гоголя. (А плодисменты.)

Ждет не дожидается своего благоустройства пушкинское Захарово, связанное с юностью Пушкина. Молодежь туда приезжает, там устраиваются Пушкинские праздники. Захарово полностью разорено, хотя сохранился пруд, чертежи пушкинского дома сохранились. Но там не установлены охранные зоны пока, и поэтому местное начальство срочно в этом году строит типовые дома, дома-коробки на этих местах, торопясь, пока не установлены охранные зоны. Нужно срочно прекратить это строительство.

Захарово — это прекрасный центр для воспитания молодежи. Соседние Вяземы связаны с Пушкиным, их реставрация ведется более 30 лет, а то, что было 30 лет назад отреставрировано, сейчас снова нуждается в реставрации.

Сколько десятилетий надо ждать восстановления блоковского Шахматова?

Сколько десятилетий мы будем ждать в Ленинграде восстановления маленького памятника Шевченко? Не надо большого: большие памятники больше на нас не действуют. В свое время в Петрограде по указанию В. И. Ленина был поставлен памятник Шевченко из гипса. Он разрушился. Ведь в Петербурге Шевченко прожил большую часть своей жизни, умер и первоначально был похоронен на Смоленском кладбище. Его похороны превратились в прогрессивную демонстрацию, а у ворот кладбища нет даже отметки, где была могила Шевченко.

А как запущено окружение могилы Некрасова в Ленинграде — стыдно!

Прекрасно, что наша писательская общественность взялась за хлопоты о литературных местах Москвы и Подмосковья и наши газеты и журналы печатают о них материалы: «Огонек», «Наш современник», «Москва», «Нева», «Север» и др. Но надо, чтобы наши статьи приводили к определенным результатам, чего, к сожалению, нет. Местные органы власти успокоились, что организовано общество охраны памятников, на него все и сваливают.

Память должна быть действенной. Как кто-то сказал: памяти нужны пристанища, она не может быть неприютной.

Если мы не будем по-настоящему чтить память наших духовных предков — забудут и нас. Спасибо. (А плодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Мумину Каноату.

М. КАНОАТ. Дорогие товарищи!

В своем выступлении мой хороший друг А. Вознесенский говорил, что на заседании секции поэзии, которое происходило в Центральном Доме литераторов, споры дошли до кулачного боя. Я лично участвовал в заседании до конца и такого не наблюдал. Разговор был острый, принципиальный по сути проблем и вопросов. Может быть, что говорил Андрей, произошло за пределами зала заседания, что, конечно, может случиться с нашим братом. (А п л о д и с м е н т ы.)

Дорогие друзья!

На моем рабочем столе лежит ключ, подаренный ливийскими женщинами в Триполи, — ключ от жилого дома, разрушенного американской бомбой. Кому и зачем нужен ключ, если им нечего открывать и закрывать, если у дома нет дверей и окон, нет даже крыши? Я принял его, этот ключ, с благодарностью и храню как память, как символ, как предостережение. Он помогает мне открывать двери больших и малых проблем нашей писательской и не только писательской жизни.

Ключ от разрушенного дома в Триполи жжет мне руку, когда я читаю стихи без мысли и души, стихи поэта, для которого весь мир укладывается в тихие улочки родного кишлака. На разные лады воспеваются каждый камень, на который когда-то поднимался или о который спотыкался, каждый встреченный им родничок, причем с умилением и сентиментальной ностальгией по давно ушедшему детству.

Самое странное, что находятся критики, готовые найти оправдания попыткам втиснуть емкое понятие Родина в образ патриархального кишлака. Да, Родина начинается с родного кишлака, но не замыкается в нем. Человек растет, взрослеет, разбегается по стране, сам кишлак стал совсем другим — так почему же понятие Родины должно оставаться на уровне детских представлений и впечатлений автора?

Я говорю пока о таджикских поэтах и таджикской поэзии наших дней. Нас не редко упрекают в приверженности классическим канонам, в слепом подражании великим образцам. Да, есть поэты, которые пасутся на ниве нашей классической поэзии и которые умиляются слезами дождя, не замечая людских слез. Но это не подражание и даже не повторение, а вырождение, свидетельство творческой беспомощности и скудоумия.

Я далек от мысли однозначно обрисовать современную таджикскую литературу. У нас, как во всей советской литературе, есть бесспорные достижения. Создан ряд произведений, достойно отражающих героический труд гидростроителей, хлопкоробов, нравственный облик советских людей. Самое главное, за последние годы в таджикскую литературу пришла целая плеяда талантливых молодежи, расширилась тематика и география творчества прозаиков старшего и среднего поколения, значительно повысилась культура поэтической речи и ее образности.

Эти тенденции нас не могут не радовать. Но отнюдь не дают нам права замалчивать наши просчеты и недостатки. Вернусь к так называемой «тихой», «камерной» поэзии.

На мой взгляд, это явление отнюдь не является лишь региональным. Предстоит еще найти корни этого явления, Установить и понять, как вообще в советской литературе могло прорасти то, что на партийном съезде получило четкое определение, — мелкотемье, бытокопательство, отход от правды жизни. Думается, не последнюю роль тут сыграла общественно-политическая обстановка в стране, сложившаяся до апрельского Пленума. Камерность в литературе — это результат социальной успокоенности, отрывка гражданского благополучия и инертности. Сегодня, когда партия взяла решительный курс на обновление всех сторон жизни, на ускорение социально-экономического развития, наш долг, гражданский долг писателя, всемерно содействовать реализации курса партии, укреплять веру людей в реальность этого курса, вдохновлять на трудовые подвиги. Начавшийся процесс обновления, нравственного оздоровления общества создаст самую благоприятную атмосферу для творческих дерзаний. Поэтому немаловажное значение приобретает подлинно творческая атмосфера в писательской организации.

Кто не мечтает, чтобы сама обстановка в нашем общем писательском доме способствовала творчеству и только творчеству, чтобы радость открытий и горечь неудач воспринимались всеми как собственные открытия и неудачи и вели к новым открытиям. Но почему только мечтать? Почему нам сообща не творить эту атмосферу и эту обстановку? Что нам мешает?

Не буду лукавить: в нашей литературной жизни много, чрезмерно много организационных, издательских, чисто хозяйственных и прочих отнюдь не литературных проблем, о которые постоянно спотыкается литература. Ведь именно они привносят в атмосферу творчества те мотивы, которые мы сами осуждаем и презираем, но от которых никуда не можем деться.

А все ли благополучно в распределении мирских благ между нашим братом? Внешне пристойная система оплаты «от и до» на деле ставит любого литератора в весьма щекотливое положение.

Скажем, ты лауреат Государственной премии — союзной или республиканской. Отныне тебе автоматически платят за каждую публикацию по высшей ставке. Оценивается не само произведение, а былые заслуги автора. В то же время за самые талантливые произведения, если автор еще не лауреат, оплата производится по низким ставкам.

Понимаю, что в известной степени рублю сук, на котором сижу. И все же давайте ценить собственный труд и труд наших товарищей по труду не вчерашним и позавчерашним, а нынешним днем. Я сказал лишь о гонораре. А сколько еще лишних и личных знаков превосходства — издательских и популяризаторских!

То же о средствах массовой информации. Одних — немногих — буквально растаскивают по газетам, радио и телевидению; другие, не менее достойные (их куда больше), — в глубокой тени. Вокруг двух-трех имен создается не просто общественное мнение — определя-

ется официальное отношение. Избранные автоматически попадают в категорию непререкаемых.

Свою мощную лепту в канонизацию авторитетов вносит и наша критика. Диву даешься, как ловко, подчас просто талантливо расчищается и благоустраивается место тому или иному писателю в ложе для классиков. Лишний раз убеждаешься, что критика все может. Может даже явные недостатки вознести в ранг достоинств.

Это отражается и на работе с дебютантами, и на нравственном тоне в писательской организации, да и просто на самоуважении писателя. Творчество не может строиться на компромиссах, оговорках, взаимных побряках и уступках. Творчество — всегда поиск, поиск прежде всего правды. Иначе это уже не творчество, а делячество.

Думаю, что наш писательский ответ на принципиальные требования XXVII съезда партии в первую очередь должен выражаться обретением нравственной чистоты, утверждением нравственного здоровья в нашей писательской организации. Тогда нам будет что сказать народу.

Уважаемые товарищи!

Советская многонациональная литература — это феномен, не имеющий аналога в истории. Могучим фактором постоянного обогащения советской литературы является художественный перевод на русский и через русский язык, ставший не только средством межнационального общения, но и средством обмена духовными ценностями.

Мы благодарны нашим русским коллегам, благодаря которым национальная литература выходит на всесоюзную мировую арену.

Хочется выразить надежду, что Правление Союза писателей СССР и впредь будет уделять самое серьезное внимание художественному переводу. Я имею в виду не только количественную сторону. Хотя и этот вопрос, и этот показатель нуждается во внимании. Надо подумать о повышении качества художественного перевода, что требует более тесного сотрудничества представителей братских литератур. Литература всегда служила и служит благородному делу укрепления дружбы народов. Мы не должны ни на минуту упускать из нашего поля зрения эту функцию литературы и литераторов.

Когда мы говорим о дружбе народов, то должны подкрепить ее практическими делами в жизни и в литературе.

На съезде писателей РСФСР ко мне и О. Сулейменову с тревогой обратился наш коллега Юрий Бондарев по вопросу поворота сибирских рек в Казахстан и в Среднюю Азию, сказав, что не следует во имя достижений ближайших целей нарушать вечные законы природы, экологический закон огромной земли.

Довожу до вашего сведения, что директивными органами принято решение об использовании огромных запасов Сарезского озера на Памире для орошения нашего региона и производства электроэнергии.

Идея смелая, и ее нужно совместно осуществлять. (А плоды сменты.)

Несколько слов еще об одной проблеме.

Нам, литераторам Таджикистана, очень близки дела и заботы ближайшего соседа — демократического Афганистана. У наших народов много общего — в языке, обычаях, культуре, исторических судьбах. За последние годы участились встречи литераторов двух республик. Многих знаем в лицо, немало часов провели в совместных беседах. И все же наши взаимосвязи не назовешь стабильными и прямыми, они проходят по долгим, подчас окольным каналам.

Наши афганские друзья настойчиво говорят: давайте от эпизодических контактов переходить к каждодневному сотрудничеству. Мы тоже говорим: давайте! Наши встречи носят пока представительный характер, а надо ездить друг к другу на работу и для работы. Мы внесли на этот счет целый пакет деловых предложений, однако сдвигов пока не видно.

Мы живем в беспокойном мире. Ключ от разрушенного ливийского дома постоянно напоминает нам о нашем долге беречь наш социалистический дом, нашу прекрасную планету Земля! (А плоды сменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Александр Николаевич Мишарин.

А. МИШАРИН. Уважаемые коллеги, товарищи, друзья!

Сколько бы мы в дни этого съезда ни подвергали друг друга критике, сколько бы ни словословили в тот или иной адрес... Как бы ни рвались страсти, ни гремели громы и молнии! Сколько бы ни выливалось непоказанной, недоказанной злобы, задача нашего съезда только одна — вернуть нашему Союзу писателей СССР живую, созидательную жизнь. Я горестно рад, что в этом зале неоднократно признавалось, что СП превратился в некое министерство литературы — со всеми вытекающими отсюда последствиями и, главное, породило особый писательский и издательский бюрократизм.

В. И. Ленин говорил: Если перед вами выходят и говорят, — «покончим с бюрократизмом», то это есть демагогия! Это чепуха, — говорил Ленин. — С бюрократизмом мы будем бороться долгие годы? И кто думает иначе, тот шарлатанствует и демагогствует, потому что для того, чтобы побороть бюрократизм, нужна поголовная грамотность, поголовная культурность, поголовное участие трудящихся... В данном случае участие нас, писателей.

Вот о культурности, одном из главнейших средств борьбы с бюрократизмом, я и хочу говорить.

Я не просто сказал о новой жизни Союза, о новом духе нашей литературы. Ибо наряду с живой и всем известной литературой существует как бы «мертвая литература». Она мертва от замысла, от рождения — от смертоносных и заразных клеток конъюнктуры, из-за которой она создана. Именно эта конъюнктурная, прямо говоря, пошлая в своей откровенной деляческой пробиваемости, живучести, сама и перекрестно восхваляемая литература поднята на щит! Она занимает позорно почетное место в ряду наших, якобы писательских достижений. Вот и оказывается, что грамот-

ность, даже поголовная грамотность, бессильна перед бюрократизмом, когда насаждается подобная культурность!

Надо признать откровенно, что за прошедшие почти полтора года с апрельского Пленума ЦК КПСС наша литературная бюрократия ни на йоту не сдала своих позиций. И за это ее можно даже уважать. Да, мертвая литература, она мимикрирует, меняет обличье. Правильно говорил сегодня Г. Боровик, уже появились «соловьи» нового времени, литература меняет обличье, выдает все старое за сверхновое и, где может, даже переходит в атаку. А новое, кровно выстраданное, истинное, уже давно бывшее *новым*, — все это еще не признается за новое. На этом большом писательском форуме, нашем высшем органе, я думаю, нам следует думать не только о дачах и вспоминать гения — Пастернака и одновременно унижаться до злой и недоказанной клеветы. Это опять же о той же культурности. Нам надо думать государственно; сегодня, как и вся страна, мы говорим о широком осмыслении демократического централизма.

Первое, на мой взгляд, из наших будущих решений должно быть: что подлинная литература возможна только тогда, когда произведение литературы будет рассматриваться не просто как рукопись, перекидываемая от одного рецензента к другому, из одного издательства в другое, из журнала в журнал — и притом годами!.. А когда художественное произведение станет жить, спорить, быть предметом обсуждения уже как книга. Как публикация в журнале. Пусть с различным тиражом, но с одинаковой открытостью для широкого и нелицеприятного — критического и читательского обсуждения.

Второе, и опять это диктует наше время, — необходимо создание крупных, принципиально новых масштабных, самостоятельных культурных центров! Они должны быть самостоятельной системой, полностью ориентированной на центральные органы СП СССР, но созданные в полном соответствии с тем, что совершается во всей нашей стране. Со своей самостоятельностью, со своими юридическими правами, хозрасчетом и самоокупаемостью.

Наверно, подобные культурные центры сначала могут быть созданы на основе существующих журналов и издательств... А может, скоро понадобятся и новые?!

Но главное другое — построить их по принципу сегодняшних, по высокопрофессиональному принципу широкой коллегиальности. Найти продуктивные формы их автономии и самостоятельности в свободном варьировании центральных изданий, побочных, пробных, экспериментальных. С разными тиражами, на разной бумаге, с разными сферами распространения.

Во главе подобного культурного крупного центра должны стоять высокого авторитета представительские писательские советы. Именно они, эти советы, должны выбирать главного редактора или директора журнала или издательства.

Само избрание, а не назначение должно быть абсолютной прерогативой совета, что придаст ему подлинную самостоятельность,

исключит игру внелитературных амбиций.

Я не выдумываю. Ничего нет нового. Подобный мощный культурный центр — это тоже крупное объединение, которое только несет народу не товары, а произведения культуры. Если подобный центр (будучи обязательно хозрасчетным) прогорит, то совет (в который не надо бояться включать и представителей общественности, профсоюзов, партийных работников, специалистов книжной торговли) изберет нового директора... А если и это не поможет, то надо будет сменить весь совет на правлении соответствующего Союза и избрать новый. Кстати, подобные центры не должны быть сосредоточены только в Москве или Ленинграде, что само собой разумеется. Их создание в новой форме на базе местных региональных издательств и журналов придаст им новые возможности — никто не знает, где, в каком месте, в какой области, в какой республике возникнет крупный, влиятельный, талантливый очаг нашей отечественной культуры.

Как драматург, я не могу не сказать о необходимости такого же мощного культурного издательского центра и по вопросам драматургии. Ибо на сегодняшний день драматургия как жанр литературы безоговорочно выключена из статуса печатной литературы. Это дико и неестественно... И годами нерешаемо. Думаю, что это нужно сделать на основе альманаха «Современная драматургия», как сегодня говорил Г. Боровик.

Они, эти новые культурные центры, должны стать широкопредставительными творческими мастерскими, где право и дело в первую очередь не за литературным порядком и бухгалтерией, а за мастером-художником, которые, эти центры, ответственно не перед Секретариатом СП, а перед читателем.

В. И. Ленин говорил: В вопросах культуры торопливость и размахистство вреднее всего. Об этом я тоже думаю. Но он говорил и другое: «Мы нисколько не будем, не должны бояться говорить печальную правду. И здесь нам тоже есть что сказать».

И естественный стыд русского интеллигента не принял и никогда не примет бодрячески конъюнктурной литературы, кем бы она ни писалась. Не примет она и ее создателей, ставших литературными генералами. Не примет их образа жизни!

Никогда не смиритесь с авторитарным и одновременно деляческим бюрократизмом, по законам которого фактически функционировало руководство СП последние 15—20 лет. Извините за резкость, но иногда казалось, что часть нашего руководства, вобрав все худшее из прошедшего времени, превратилась в лавочку для распределения всех благ, изданий, премий, собраний сочинений, заграничных поездок и т. д. и т. п. Можно только удивляться, откуда такая уверенность, что столько лет можно держать писателей как слепых и глухих, а читателей — народ — за покорного потребителя всей этой дешевой доморощенной жвачки, а-ля «масс медиа»!

XIX век оставил нам великий постулат, что конфликт русского человека — это великий конфликт между страстями и нравственным

законом! Судя по этой «мертвой» литературе, страсти нашего народа измельчали до примитивного жужжания, а нравственный закон заменен бюрократическим «моральным кодексом»?

И это в стране, в народе, в котором такие могучие ресурсы, о которых мы даже не догадываемся! Пока не наступит беда типа чернобыльской, кстати, о ней уж так много пишут и так часто неверно, что порой кажется, что только и ждали этой беды, чтобы доказать этот героизм. Да, героизм есть! Честь ему, хвала и слава!

Но надо знать, почему это случилось, и дать точный ответ нашему народу. (А п л о д и с м е н т ы.)

Мы снова убедились, что в высокие минуты гражданской жизни сам народ всегда отказывается от многого, от самого наименее необходимого, вплоть до самой жизни. А уж от водки — и подавно... И без всяких указов и вынужденной тотальной борьбы с ней.

Но нет ли тут и нашей с вами вины, дорогие коллеги? Если столько лет держать нас за болванов, то нужно признать и признать, что и мы порой отказывались быть высшей совестью своего народа? Его последней нравственной инстанцией. И если это действительно случилось или случится, то не удивляйтесь тогда, что пророками Отечества станут чиновники, бюрократы, чиновники и т. д.

За двадцать лет мы устали выдумывать различные системы умолчания и полуправды! Никакой социальной заказ, якобы граждански единомышленный с народом, не может дать писателю главного — свободы!

Которая заставляет творческий дух совершать неожиданное. Открывать тайну, неожиданную не только для мира, но и для самого себя! То есть писатель перестает быть пророком.

«Партия учит и советует». Да. Мы привыкли к этой формулировке. Но ведь бывает, что народ и партия и советуются. И если придет такое, может быть, грозное время, когда понадобится этот главный совет литературы, то если дела наши пойдут дальше, как шли, то не удивляйтесь, что советовать будет не с кем. Разве что с теми же чиновниками, только от литературы.

Я говорю это как беспартийный писатель. Но жизнь, примеры многих деятелей культуры говорят, что беспартийный писатель — не попутич! А союзник — с другими возможностями. Творческий человек никогда не антагонист. Он всегда создатель. Но создатель особого рода. Если он ребенок, который играет от нечего делать, то все творчество человеческое есть высокая игра, тайна, фантазия, пророчество. И именно этим уникальным своим свойством писатель ценен народу. Он как бы залог образа свободного человека в свободной стране.

Да, мы много боремся за экологию, за мир, за разоружение, за остатки природы. Но мне хотелось поднять здесь свой голос за не менее важное — за достоинство человеческое. За достоинство писательское. За главное в нем — за человечность. Она, человечность, как правильно сказано, «есть чувство трагическое».

Оно предполагает умение и мужество заглянуть в самого себя! Столкнуться с собственной ограниченностью, косностью, эгоизмом, с личными только потребностями. Путь к себе начинается с мужества, с решимости бросить вызов злу — в самом себе, вступить с ним в безжалостную борьбу.

Кто человек нашего времени? Социально-активный, духовно-требовательный к себе, гражданин и защитник основных гуманистических ценностей своего Отечества. Хотелось, чтобы это было так. Если литература еще не потеряла своего магического, художественно-нравственного влияния, то мы уже сейчас ответственны за идеалы, души, образ жизни человека XXI века. Больше! Мы ответственны за то, каковы будут цели, дух и смысл нашей нации, народа. И даже какова будет наша партия в XXI веке.

Так что тысячу раз прав был В. И. Ленин, сказав: Никто и ничто не может погубить нас, кроме наших собственных ошибок!

Боюсь, что если мы сейчас не повернем наш Союз к подлинному, революционному, творческому союзу, то мы, может быть, не сможем этого сделать никогда! (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Дорогие товарищи!

Маленькое замечание. Мы можем всегда — и мы это делаем — критиковать, говорить суровые, даже жестокие вещи, но на таком серьезном собрании давайте оставим в покое усы, уши и бороды, ибо это неприлично. (А п л о д и с м е н т ы.)

Слово предоставляется генеральному секретарю Союза писателей Вьетнама товарищу Нгуен Динь Тхи.

НГУЕН ДИНЬ ТХИ. Дорогие товарищи, дорогие друзья!

Разрешите мне от имени всех писателей Вьетнама передать горячий братский привет всем собравшимся и пожелать VIII съезду писателей СССР успешной работы.

Советская литература занимает большое место в духовной жизни нашего народа. Можно сказать, лучшие произведения советской литературы стали друзьями вьетнамских читателей разных поколений. На протяжении нескольких десятков лет наш народ вел освободительную борьбу против империалистов. Сейчас в нашей жизни еще много сложностей. Мы делаем первые шаги по пути построения социализма, но по-прежнему вынуждены не выпускать из рук оружие, защищая безопасность нашего отечества.

Внимание литераторов, а также многочисленных читателей нашей страны приковано сейчас к задачам, поставленным перед советскими писателями XXVII съездом КПСС — историческим съездом, определившим проблемы, стоящие перед человечеством на пороге XXI столетия — грядущего века надежд и тревог.

В каждой стране с литературной нивы снимается свой урожай. Если такое сравнение возможно, я думаю, что после обильной жатвы, собранной советской литературой, потребуются немалые усилия, чтобы новый урожай

был еще богаче. Это открывает необозримые горизонты перед вашей литературой.

Дорогие товарищи! Уже много лет между Союзом писателей СССР и Союзом писателей Вьетнама существуют братские отношения. Мы с удовлетворением отмечаем, что литературный обмен между нашими странами год от года расширяется и это в значительной мере способствует укреплению дружбы и взаимопонимания между нашими народами.

Позвольте мне с этой трибуны еще раз сердечно поблагодарить советских писателей, поэтов, переводчиков, отдающих свои силы пропаганде нашей литературы в Советском Союзе.

Желаю всем вам новых творческих успехов, новых сил в благородной борьбе за жизнь на нашей планете, за ликвидацию угрозы ядерной войны.

Позвольте мне еще раз поблагодарить советских писателей за их деятельность, направленную на укрепление братства между странами социалистического содружества, за их стремление к гуманизму, к мирному сосуществованию народов, за их труд во имя людей, достойных высокого звания человека. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Дорогой товарищ Нгуен Динь Тхи! Позвольте от имени нашего съезда выразить вам благодарность за ваши теплые слова и добрые пожелания. (А п л о д и с м е н т ы.)

Слово предоставляется генеральному секретарю Национального синдиката писателей Италии — Альдо де Яко.

АЛЬДО де ЯКО. Дорогие друзья, дорогие товарищи!

Разрешите мне также от имени присутствующего здесь моего друга и коллеги Марио Грассо передать вам сердечный привет от итальянских писательских организаций, которые гордятся тем фактом, что в последние годы осуществили важные инициативы двустороннего характера, сделавшие возможным обмен опытом и мнениями с дружественными организациями многих стран, но в первую очередь, и особенно — с Союзом писателей СССР.

В этот столь важный для жизни вашей организации момент, передавая вам наш привет и пожелание успехов в работе съезда, мы выражаем нашу благодарность за приглашение, позволившее сегодня быть с вами в этом зале и таким образом получить, как говорится, из первых рук столь важную информацию о вашем опыте, отражающем всю сложность и всю самобытность ваших поисков в области проблематики культуры и общества.

Мы глубоко убеждены также в том, что ваш съезд внесет новый вклад в укрепление нашего сотрудничества в интересах расширения знаний друг о друге, будет способствовать реализации общего для нас всех обязательства активно участвовать в ведущей повсеместно борьбе масс за то, чтобы в международных отношениях возобладали идеалы мира и сотрудничества. Это особенно важно в сфере исследований культурного и научного характера, поскольку человек, независимо от цвета

кожи, сейчас, как никогда раньше, нуждается в максимальном объединении всех усилий, направленных на разработку новых средств, способных противостоять природе и добиваться улучшения условий жизни для все более широких масс. Это крайне актуально, когда мы говорим о нашем уже тесном, но все таком же милом саде, каким является наша древняя, открытая ветрам и облакам Европа. Несмотря на ее скромные географические и политические размеры, мы никогда не забудем великого культурного и гражданского вклада Европы в развитие мира в заканчивающемся тысячелетии.

Дорогие коллеги! Хочу особо подчеркнуть, что повсеместно как в Италии, так и, думаю, в других странах с вниманием и интересом следят за вашим съездом, ждут его результатов, поскольку (я думаю, что не ошибусь, говоря это) весь мир смотрит сейчас на вашу великую страну, которая энергично решает срочные проблемы, рожденные ее собственным развитием.

Однако, подчеркивая сложность проблем экономики, выдвигая срочные, неотложные для всего человечества проблемы защиты мира, борьбы за утверждение нового международного равновесия, хочу отметить, что ваш съезд, та дискуссия, которая ему предшествовала, доказывают прежде всего, что для вас, как и для нас, первостепенное значение имеют также проблемы творчества, художественных поисков, обмена опытом между представителями культуры, которые являются или лишь кажутся различными.

Позвольте еще раз пожелать вам больших успехов и выразить нашу убежденность в том, что в сфере культурного обмена очень мало значат пограничные столбы: ведь у нас общие намерения, а потому ваши успехи — это и наши успехи. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Благодарю вас, Альдо де Яко, за добрые слова о нашей литературе и пожелания успехов нашей совместной деятельности. (А п л о д и с м е н т ы.)

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ

После перерыва председательствует А. М. МАЛДОНИС.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Уважаемые товарищи! Продолжаем нашу работу. Прежде чем предоставить слово следующему оратору, нам надо условиться и узнать ваше мнение, заручиться вашим согласием о порядке работы. Предлагается работать, как в первый день нашего съезда, т. е. провести заседание до 17.30, объявить 30-минутный перерыв, затем еще поработать приблизительно часа полтора, т. к. желающих записалось много и хотелось многих выслушать.

Какие соображения? Нет возражений. Тогда приступаем к работе.

Слово предоставляет Павлу Петровичу Боцу.

П. БОЦУ. Уважаемые товарищи!

Литература — самый чуткий индикатор происходящих в мире и в обществе перемен. Не случайно сегодня в благодатной атмосфере XXVII съезда КПСС по-новому раскрывается высокое общественное и нравственное содержание ответственности писателя, его гражданского и партийного долга. Несмотря на проявлявшийся порой в прошлом высокий фон риторичности, самодовольства, переходящего местами в беспечность, наши пахари сеяли в необходимые сроки, сталевары выдерживали положенные нормы, писатель находился у рабочего стола.

Как сын народа, как собрат тружеников полей и заводов, писатель всегда был рядом с ними, полностью разделял их радости и горести, стремясь отобразить их внутренний мир, их духовное богатство.

Поддерживая все то положительное, доброе, что было сделано и осуществлено волею партии и народа, зная жизнь с близкого расстояния, писатели республики, как и всей страны, всегда считали своим гражданским долгом в художественных произведениях, в публицистических выступлениях касаться и недостатков, и трудных вопросов жизни.

Критический, взыскательный взгляд, который порой воспринимался в прошлом как «попытка выпячивания нетипичного», в сути своей стремился утверждать непреложную истину: в литературе жизнь должна быть отображена не односторонне, а во всех ее проявлениях, объективно, реалистически.

Понятие «гражданская позиция писателя» обязательно должно включать в себя и критическое отношение к недостаткам. Объективная критика и самокритика всегда способствовали утверждению высоконравственного климата. Притом, как справедливо подчеркивалось, плодотворна лишь долевая, предметная, конструктивная критика, не имеющая ничего общего с крикливой демагогией и сведением счетов или выпадом против личности.

Неприятие критики, встречающийся voluntаризм в решении вопросов вели порой к застою в экономике, в хозяйствовании, а это не могло не сказаться и на литературе.

Реминисценции триумфализма в литературе — это та же деформирующая однобокость, равно как и тенденция изъять из художественных произведений отрицательных персонажей раньше, чем они исчезнут из жизни.

Перестройку в области творческого труда мы видим прежде всего в усилении требовательного отношения к собственной работе, в ее критической, объективной оценке. Начинать с себя — таков строгий призыв времени.

Это, конечно, относится и к нашим печатным литературным публикациям. Надо отметить, что некоторым из них, как «Литературная газета» и другие, во многом перестроив свою работу, удалось выйти на ряд актуальнейших вопросов, волнующих современное общество.

Товарищи! Биография каждой братской литературы приобрела за последние годы новые творческие штрихи, яркие завоевания, большой запас прочности, которым нельзя пренебречь, не учитывать. И необходимо подчеркнуть, что немало волнующих сегодня

вопросов экономической и социальной жизни были в свое время выдвинуты и в произведениях многонациональной советской литературы. Многие писатели поднимали свой голос и в отношении укрепления нравственных устоев, и против неразумных методов хозяйствования, и в защиту окружающей среды. Только за последние годы, если привести один из примеров, наш старейшина поэт-академик Андрей Лупан опубликовал около двух десятков статей по самым актуальным темам, во многих своих пьесах Ион Друцэ ставил острые злободневные вопросы.

Жизнь не стоит на месте, более того, она порой преподносит не только поводы для радости, но и для горестных раздумий. Говорилось здесь о Чернобыле. У нас, значит, общие не только земля и хлеб, но и беда в своей суровой реальности. Об этом забывать нельзя.

Самое необходимое сегодня, как нам представляется, — это стремиться общими усилиями выйти на важные, стержневые темы, волнующие наше общество, главная из которых касается самого человека, создающего это общество. Преодолеть психологию перестраховки «какбычегоневышлизма» — одна из первых наших задач. Ведь бывало, что некоторые более сложные произведения встречали на своем пути к читателю немало необоснованных препятствий, порой искусственных. Без вмешательства директивных органов, нашего ЦК, некоторые из них у нас не были бы напечатаны.

Справедливой критике были подвергнуты случаи приписок в экономике, стремление выдавать желаемое за действительность, расчет на быстрый эффект. Чего греха таить, бывали приписки и в области литературы и искусства, в других сферах. Так случалось, что многие литературные критики приписывали одним произведениям положительные качества, другим же, с целью разноса, приписывали всевозможные грехи. Немало сложных вопросов приходилось решать в республиках, в том числе вопросов классического наследия, развития культур, и мы выражаем признательность Москве за конкретную помощь и поддержку, Союзу писателей СССР за понимание к нуждам писателей республики.

В современных условиях неизмеримо возрастает роль литературы и искусства в эстетическом и нравственном воспитании человека. Тем более странно выглядит тенденция вести в школьные программы новые предметы за счет литературы. Есть и другие заботы. Мне довелось работать учителем в сельской школе, и хорошо помню, как из анализируемых произведений выхолащивались художественная ткань, языковые, стиливое своеобразие. Надо безотлагательно вернуться к вопросу о программах, о совершенствовании учебников, а также к необходимости преподавания языка и литературы и основ отечественного и мирового искусства во всех вузах и техникумах. Мы также считаем, что во всех республиках должны быть созданы издательства для детской и юношеской литературы, поддерживаем необходимость создания центрального издательства «Дружба народов».

«Воспитание классикой» имеет непреходящее значение. В наш спешащий атомный век познать предшественников, жизненные корни каждого народа в его историческом, социальном становлении — значит обрести и себя как личность. Отмеченное недавно широко в стране и у нас в республике 800-летие «Слова о полку Игореве», всенародное празднование юбилеев великих предшественников А. Пушкина, М. Эминеску, Т. Шевченко, Ш. Руставели, С. Есенина — обращение к своей мировой классике — неизмеримо обогащает людей, сближает народы на благодатной почве немеркнувшей красоты, укрепляет братство литератур и народов, активно способствует укреплению высокого чувства семьи единой.

Забота о памятниках культуры, равно как и забота о благополучии земли и рек, о здоровье родного языка, наших сказок и песен, — еще одна из первейших наших задач. Ведь именно родной язык способствует тому, чтобы слово партии, слово правды дошло до каждого человека.

На высшем форуме коммунистов подчеркивался возросший интерес общества к истории Отечества, к духовным богатствам нашей многовековой культуры, многонациональной культуры.

Партийный спрос за небрежение к национальным святыням, было подчеркнуто на съезде, должен быть строгим. История, революция, их памятники — это могучий рычаг воспитания.

Художественная литература, издавна получившая название «учебника жизни», видит свой первейший долг в том, чтобы помочь человеку в его духовном росте и становлении, умножить его нравственные силы добра и созидания, бороться со всем, что им противостоит, за морально-этические идеалы общества.

Писатели Советской Молдавии, как и мастера слова всей нашей страны, проникнуты стремлением неуклонно выполнять эту благородную миссию. (А п л о д с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово для выступления имеет Егор Александрович Исаев.

Е. ИСАЕВ. Дорогие товарищи!

На поэтической комиссии нашего съезда состоялся большой разговор о проблемах современной жизни, о проблемах советской многонациональной поэзии. Заседания поочередно вели Борис Олейник (Украина), Геворк Эмин (Армения), Михаил Дудин (РСФСР). Помимо докладчика, выступившего с обзорным словом, и содокладов, в прениях выступили 27 человек — поэтов и критиков, представляющих практически все поэтические регионы нашей страны. Это — Дмитрий Павлычко (Украина), Яков Козловский (Москва), Лев Ошанин (Москва), Абдулла Арипов (Узбекистан), Арон Вергелис (Москва). Он говорил о проблемах современной советской еврейской литературы, не только о поэзии. Нил Гилевич (Белоруссия), Евгений Долматовский (Москва), Джансуг Чарквиани (Грузия), Рачия Ованесян (Армения), Джабир Новруз (Азербайджан), Олег Шестинский (Москва), Марис Чаклайс (Латвия), Валентин Сорокин

(Москва), Альгимантас Балтакис (Литва), Николае Дабига (Молдавия), Глеб Горбовский (Ленинград), Юрий Поляков (Москва), Геворк Эмин (Армения), Василий Субботин (Москва), Гульрухсор Сафиева (Таджикистан), Курбандурды Курбансахатов (Туркмения), Виль Ганнев (Москва), Владимир Карпеко (Москва), Юрий Прокушев (Москва), Михаил Дудин (Ленинград).

Жизнь нашей страны в ее многообразном и нелегком обновлении, духовный мир советского человека, состояние и задачи поэзии — вот круг тех важнейших вопросов, которые поднимались в выступлениях делегатов.

Что больше всего волновало выступавших? Это — в первую очередь ослабление связи читателя с поэзией и поэтами. Тревога по этому поводу звучала во многих выступлениях. Поэзия должна повысить свою гражданскую, нравственную активность в утверждении наших идеалов, в претворении в жизнь новаторских идей XXVII съезда партии. И эта работа должна быть подкреплена и обеспечена организационно-творческой перестройкой деятельности выборных руководящих органов Союза писателей СССР.

В связи с этим нам необходимо еще активнее включаться в планирование и пропаганду поэзии в системе средств массовой информации, на радио, в газетах и в первую очередь на телевидении, способствовать введению в эти организации авторитетных представителей нашего жанра, которые могли бы серьезно влиять на процесс отбора и распространения лучших произведений поэзии. Мы ждем от телевидения более взыскательного и более объективного освещения состояния дел в нашей современной многоязычной поэзии во всем богатстве ее национальных, стилевых и индивидуальных особенностей. Оставляет желать лучшего пропаганда новинки поэзии.

Слово поэта — дело поэта. Вне поэтического слова, вне национального характера художественного образа, вне его эмоциональной и идейно-нравственной сферы теряют свою силу даже самые добрые намерения и душевные порывы поэта.

Многие делегаты отмечали обеднение живого поэтического языка и связывали это с серьезными недостатками в деле преподавания в школах и гуманитарных вузах некоторых республик как родного, так и русского языков. Каждый язык — это великое достояние народов и всей цивилизации в целом. Должна быть служба охраны языков.

По мнению значительного числа делегатов, нам необходим журнал «Советская поэзия».

Нуждается в определенной перестройке и работа Книготорга, который сейчас, как нам кажется, выдвигает на первый план финансовую прибыль, забывая при этом о том, что книга — не просто товар. Книготорг — насколько коммерческая организация, настолько же и идеологическая. Об этом не следует забывать. Книгу, особенно поэтическую, и особенно первую книгу молодого поэта, надо не только продавать, но и пропагандировать.

На наш общий поэтический взгляд, в серьезном совершенствовании и демократизации своей деятельности нуждаются и издатель-

ства. И прежде всего наши, писательские, — «Советский писатель», «Современник», «Радянский письменник» и другие. Необходимо обновить состав правлений и редсоветов, повысить их роль и ответственность в отборе рукописей к изданию, в определении сроков издания, пересмотреть состав рецензентов и переводчиков, усилить контроль за деятельностью издательств со стороны Секретариата Союза писателей СССР. Поэтическая книга и по внешнему виду должна стать фактом эстетическим, для чего издательствам и Комиздату СССР следует коренным образом изменить свое отношение к характеру ее художественного оформления и полиграфического исполнения. Больше уделять внимания изучению читательского спроса, пропаганде поэтических изданий.

Высказывались также пожелания, чтобы первые книги молодых поэтов выпускались сначала небольшими пробными тиражами без изменения гонорарных ставок.

Почти во всех выступлениях как русских, так и других поэтов народов СССР звучала тревога о состоянии переводной поэзии, о постановке всего переводческого дела в нашей стране. Суть выступлений состояла в том, чтобы переводить на русский язык и на языки других народов только те поэтические произведения, которые стали явлением своей родной литературы. Ну и, конечно, переводить талантливо — от сердца к сердцу, от достоинства к достоинству. Повысить ответственность руководства творческих союзов за рекомендации рукописей к изданию, а издательства — за подбор переводчиков и рецензирование подстрочников и переводов. Назрела необходимость провести после съезда специальный пленум, посвященный вопросам художественного перевода.

С большим удовлетворением было встречено сообщение о создании специального журнала по проблемам художественного перевода. Хочу поддержать предложение Яниса Петерса о создании издательства «Дружба народов».

Поэзия необходима аргументированная, принципиальная, серьезная и доброжелательная критика — лейтмотив многих выступлений. Критика мало помогает поэзии в борьбе с нарастающим потоком невыразительных в художественном отношении публикаций. Более того, она часто дезориентирует читателя, уравнивая напористый дилетантизм с одухотворенным мастерством, создает порой дутые авторитеты, не имея для этого достаточных оснований.

Высказывались пожелания провести после съезда пленум с повесткой «Поэзия и критика».

В ряде выступлений высказывалась серьезная озабоченность ослаблением социального и гражданского тона поэзии молодых авторов и связанной с этим проблемой приема в члены СП СССР. Новому руководству СП СССР необходимо продумать систему мероприятий, способствующих выявлению по-настоящему талантливой, идейно и художественно зрелой творческой молодежи.

Талант и направление таланта — вот критерий подхода к выявлению творческих воз-

можностей молодых, да и не только молодых.

Поэзия — не профессия, а высокое призвание, судьба. Поэзия там, где боль, где труд, где подвиг, где доброты человеческого сердца, красота. Этим всегда жила (и живет) настоящая литература — поэзия Пушкина и Шевченко, Некрасова и Абая, Блока и Райниса, Маяковского и Чаренца, Есенина и Купалы, Твардовского и Самеда Вургуня, Галактиона Табидзе и Мусы Джалиля.

Долг поэта — словом своим пробудить духовную энергию человека, вдохновить его на борьбу за лучшую жизнь, за мир и счастье на земле. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Владимиру Эугеновичу Беэкуману.

В. БЕЭКМАН. Уважаемые товарищи!

Я пришел на эту трибуну не для краткого самоотчета и не для красивых слов. Мне хочется использовать отпущенное мне время для разговора о некоторых насущных проблемах нашей литературно-общественной жизни.

Анализируя практику эстонской литературы последних лет, невольно наталкиваешься на мысль о том, что многие ее изъяны своими корнями уходят в нечто такое, что я бы назвал синдромом социальной усталости, проявляющимся у некоторой части наших писателей, да и не только писателей. Кстати, Мумин Канноат с присущей ему восточной учтивостью очень мягко назвал это явление социальной успокоенностью.

Прямо или косвенно этим обусловлены и наблюдающаяся подчас обособленность части литературы от жизни, и уход авторов от острых, социально значимых тем и конфликтов в мир нарочито усложненных образов и инсказаний, и своеобразная глухота их к современности. По моему глубокому убеждению, дело здесь вовсе не в пресловутом незнании жизни, которым мы с легкой руки в былые времена имели обыкновение объяснять самые разные писательские огрехи. Коль скоро мы имеем дело с более общим явлением, то и причины у него должны быть не субъективного, а, скорее, объективного плана.

Очевидно, было бы весьма наивным полагать, что застойные явления в обществе, о которых шла речь на XXVII съезде КПСС, не оказали никакого воздействия на психику людей, в том числе и литераторов. Расхождение слова с делом, известное распространение очковтирательства и коррупции, наконец, просто долголетняя привычка к некачественной, непроизводительной и небрежной работе в самых различных сферах жизни — это ли не питательная среда для разрастания скепсиса. Да добавить сюда еще горький опыт многих авторов на тернистом пути прохождения проблемных и острых вещей...

Говорю это отнюдь не для того, чтобы свалить вину со своей больной головы на чью-то здоровую, а для того, чтобы разобраться в истоках отрицательных тенденций, без чего трудно рассчитывать на их успешное преодоление.

Синдром социальной усталости, этот накапливавшийся на протяжении длительного вре-

мени, в потайном порядке негласности недуг нельзя изжить при помощи одних лишь призывов мыслить и действовать отныне по-новому. К сожалению, уже развелось немало пусто-порожней болтовни на эту столь актуальную тему. Чтобы поправить положение, необходимы глубокие изменения в самой общественной атмосфере, в нашем отношении к труду — к любому труду, на что в действительности нацелены программные установки XXVII съезда партии.

Справимся с этой задачей — значит, сможем постепенно, шаг за шагом избавиться от синдрома социальной усталости. Не справимся — он способен стать камнем преткновения на пути дальнейшего, созвучного времени развития нашей литературы. Зависеть это будет от нас самих, больше надеяться не на кого.

Теперь о некоторых конкретных вещах. В предсъездовской печати, да и с этой трибуны неоднократно велась речь о явном вреде чрезмерной централизации в издательском деле. Но при этом почти не рассматривалось влияние такой всесоюзной централизации с точки зрения интересов национальных литератур нашей страны — а ведь именно тут существующая система порождает, пожалуй, наиболее яркие нелепицы.

Нам говорят: действующий ныне порядок предварительного согласования планируемых к выпуску произведений на уровне Госкомиздата СССР призван оградить издательства от дублирования. Допускаю, что в известной степени это соответствует действительности, когда речь идет о выпуске книг на русском языке, хотя и тут, как полагают сами работники издательств, имеются и иные, более простые и более оперативные пути. Но коль скоро дело касается книг, издаваемых на национальных языках, которые выходят исключительно в соответствующих республиках, то централизованное их согласование в Москве являет собой действие непостижимое. Ну что может нам сказать главное управление по согласованию Госкомиздата СССР? Что такой-то автор включен в план двумя изданиями, а посему одно из них надобно похерить? А может быть, именно этого автора, исходя из интересов развития национальной культуры, и следует издать дважды или хотя бы трижды за один год. Или само собой подразумевается, что мы сами не ведаем, что творим?

Это верно в отношении оригиналов национальной литературы, о которых согласующая инстанция и не может знать ничего сверх того, что ей сообщено в трех строчках издательской аннотации. Но это так же верно и по отношению к переводам с других языков. Ни для кого не секрет, что у нас в стране есть и младописменные народы, и народы, обладающие многовековой литературной традицией, а из этого вытекает, что и запросы у них складываются очень разные — и ничего крамольного в этом, поверьте, нет. То, что именно сейчас непременно нужно перевести на один язык, для другой республики в данное время может оказаться излишней роскошью — но решать эти вопросы, право же, с наибольшей компетентностью можно и должно на местах. Полагать, что всег-

да и в любом вопросе из Москвы виднее, — это мне представляется вряд ли оправданной самонадеянностью.

Кому, кроме ограниченного числа бюрокра-тов высшей пробы, способны доставить радость творчества необъятные сводные тематические планы по всему Союзу, составлению которых единственно и способны служить карточки согласования? Но ведь именно узаконенный Госкомиздатом порядок планирования, предусматривающий обязательное согласование всех заявок на книги до заключения издательского договора и до включения в план редподготовки, является причиной того, что сроки издания новинок художественной литературы растянулись на годы и исключения из этого печального правила, губительного для развития литературы, возможны лишь в единичных случаях, да и то, как правило, ценой невероятных ухищрений и никому не нужных уловок. Кому и какая от этого может быть польза?

В то же время бесспорна необходимость проведения в жизнь централизованной технической политики в полиграфии, где мы сейчас отстаем. Книги наши — я имею в виду не подарочные и особо художественные, а рядовые издания — далеко отстают от мировых стандартов. Для целого ряда операций по выпуску книг нет и не создается отечественного оборудования — назвать для примера хотя бы переплетную машину для книг небольшого объема, в результате чего мы обречены надолго мириться с потоками книг в однообразной и не всегда качественной мягкой обложке. Вот бы где применить настоящей и энергии, а не для того, чтобы подравнивать всех нас под одну гребенку. Тем мы в нашей многонациональной социалистической культуре и хороши, что каждый из нас обладает «лица необщим выраженьем».

И еще об одной общесоюзной проблеме, остро ощущаемой в республике. Мы всегда были заинтересованы в распространении советской литературы не только у себя дома, но и за пределами нашей страны. Именно для этой цели у нас издавна существует всесоюзное внешнеторговое объединение «Международная книга». Не вдаваясь в оценку деятельности объединения, хотя на его неповоротливость и необязательность накопилось множество нареканий, хотелось бы сказать вот что. До недавнего времени вторым и немаловажным каналом поступления наших книг к читателю за рубежом был частный канал. У нас в стране литература издается на десятках языков. У многих народов нашей страны в силу исторически сложившихся обстоятельств имеется за рубежом эмиграция, и порой значительная. Для этих людей чаще всего основным, а порой и единственным источником получения книг на родном языке остается старая родина, родина отцов. «Международная книга» в этом для них не очень надежный помощник — и представительства ее не так уж повсеместны, и немисливо ей иметь повсюду знатоков всех наших национальных языков и литератур, от армянской до эстонской. А отсюда нередко случайность и некомпетентность исполнения заказов.

До недавнего времени многие запросы со-племенников за рубежом удовлетворялись за счет книжных посылок родственников и знакомых. Однако начиная с 1982 года Министерством связи СССР, избегая всякой гласности, был введен новый порядок, согласно которому запрещается пересылка книг в международных бандеролях без специального разрешения уполномоченных на то органов Министерства культуры. Добывание разрешающих справок, сразу же превратившееся в изнурительную и бессмысленную процедуру, напроць отвало подавляющее большинство посылающих от этого занятия, и поток книг был разом перхвачен. Признаться, даже авторское тщеславие, ранее побуждавшее высылать новые книги знакомым переводчикам и пропагандистам эстонской советской литературы в разных странах, не в состоянии уже заставить выстаивать в очереди, когда необходимо запастись отдельной справкой на каждый высылаемый экземпляр, будь он и с дарственной надписью автора. Ведь подобный вдохновенный взлет бюрократизма самому Антону Павловичу Чехову не снился.

Добро бы речь шла об особо ценных и редких изданиях — тут интересы государства, естественно, следует охранять, что не так трудно сделать выборочно. Но когда письменные лицензии на посылку установлены огульно для самых повседневных, массовых изданий, не являющихся ни библиографической редкостью, ни даже просто дефицитом на внутреннем рынке, то смысл и цели подобных ограничений остаются недоступными для здравого смысла. Ведь наряду с родной речью наши книги несут соплеменникам за рубежом еще и передовые идеи нашего времени. Так от чего мы кого оберегаем? (А п л о д с м е н т ы.)

И, наконец, два совсем уже конкретных предложения. Первое. На наш взгляд, необходимо уточнить правила приема в наш Союз. В действующем Уставе СП СССР они сформулированы достаточно невнятно и допускают оценочную произвольность толкования. В результате порой начинает казаться, что в составе некоторых организаций Союза теоретики и историки литературы в недалеком будущем превзойдут долю собственно писателей. Не говоря уж о балласте людей и вовсе случайных. (А п л о д с м е н т ы.)

И второе. Среди членов Союза писателей ныне достаточно большой, к тому же возрастной процент составляют переводчики. При всем уважении к их нелегкому, конечно же творческому труду, следует тем не менее отметить, что их специфические интересы зачастую весьма далеко отстоят от собственно писательских проблем и нам далеко не всегда бывает удобно в одной упряжке. Во многих странах, в том числе и социалистических, существуют и успешно действуют самостоятельные творческие союзы переводчиков. Мне кажется, и нам бы для пользы дела следовало ныне отпочковать от нашего Союза писателей союз переводчиков. Поверьте, говорю это отнюдь не из злокозненного желания отлучить переводчиков от писательского звания — не членским же билетом становятся писателем, — но

единственно из рационального убеждения, что так будет лучше нам всем, а главное — литературе. (А п л о д с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Роберту Ивановичу Рождественскому.

Р. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ. Дорогие друзья! Время, в котором мы живем, называют переломным. Эпитет жесткий, но справедливый. Идущая в нашей стране перестройка — долгожданная, масштабная, глубинная перестройка — касается сегодня всех и каждого. В государстве нашем идет процесс обновления, разбуженности, ежедневного поиска. Процесс невероятно сложный, порою мучительный, однако единственно верный, жизненно необходимый.

Как известно, легче всего, охотнее и быстрее всех перестраиваются приспособленцы. Они могут перестроиться в пять минут, ибо для них любая «перестройка» начинается и завершается развешиванием новых лозунгов и разучиванием новых слов. А еще — проведением собрания. Или, лучше, — нескольких собраний подряд.

Для себя я называю таких деятелей «орнитологами». И сразу прошу прощения у настоящих орнитологов, прекрасных людей, ученых, изучающих птиц. Я-то имею в виду совсем других «орнитологов», тех, которые являются специалистами не по птицам, а по «птичкам», по «галочкам», для отчета, большими умельцами по «деланию вида».

Это они — любители «птичек» — стараются сдать любой объект (даже не шибко достроенный) обязательно к празднику. Чтoб громко отчитаться, отпарпортовать. И ничего, что строители потом еще будут полгода вкалывать на «сданном» объекте, а государство недосчитается миллионов. Для «орнитологов» все это пустяки!

Это они, заклинатели «птичек», любят по многу раз раскрашивать стены старых домов, вместо того чтобы в этих самых домах однажды сделать капитальный ремонт. Но ведь ремонт — внутри дома, а краска — она снаружи и поэтому сразу бросается в глаза!

Это они, любители отчетных «птичек-галочек», обожают починны под громкими лозунгами. Вернее, обожают лишь самый момент провозглашения, его фанфарное начало! А после — хоть трава не расти. В будничную суть придуманного почина «орнитолог» никогда не станет вникать...

К примеру, вы, наверно, помните, как пару лет назад рекламировался почин под лозунгом «Работать без брака!». И никто не обращал внимания на то, что в этом сочетании слов понятие «работа» потеряло свой изначальный смысл. Ведь работа с браком — это уже никакая не работа, а халтура!

Прекрасно, что сейчас наступило время, когда вроде бы привычным, хорошо знакомым понятиям постепенно возвращается их нормальная истинная суть. Когда работа становится работой, план — планом, совесть — совестью, коммунист — коммунистом, а ответственность — ответственностью.

Однако старые формулы не хотят сдавать-

ся, они живут, существуют. В том числе и формулы «образные».

Я не знаю, кто ввел в газетный и журнальный обиход броское название «Битва за урожай». Наверное, в свое время это название было необходимым, а потом оно прижилось, освоилось и начало завоевывать новые рубежи. Сейчас уже в газетах спокойно пишут: «битва за план», и даже — «битва за качество».

Понятно, что уборочная страда и впрямь напоминает крупное наступление, в котором есть своя стратегия и своя политика. Но думаю, что слово «битва» распространилось так широко не только потому, что красиво звучит, а еще и потому, что многое оправдывает.

Ведь если идет *работа*, во время которой теряется 25 или 30 процентов урожая, то за такую работу можно и даже нужно наказывать. А вот если идет битва, то тогда любые потери оправданы! А чего ж вы хотите: битва без потерь не бывает...

И вот пока они будут, эти битвы (за план, за урожай, за качество или еще что-нибудь), мы вперед не двинемся. Ибо такая «битва» — символ штурмовщины. А должна быть работа — да, напряженная, да, трудная, но настоящая, творческая, хорошо организованная работа. (А п л о д и с м е н т ы.)

Кстати, такая же работа должна быть и в нашем Союзе писателей.

Коснусь проблемы молодых, хотя об этом уже говорилось. Вы, конечно, знаете, что нынешним молодым писателям 30, 40, а то и больше лет. Это считается нормальным. Есть даже прекрасная теория, по которой становление поэта (да и прозаика) сегодня происходит медленнее, чем вчера, гораздо медленнее. И все свои лучшие качества, в том числе и индивидуальность, молодой поэт проявляет именно к 30—40 годам. Объясняют этот факт просто: «Ничего не поделаешь, время такое...»

Что же, может быть, теория и права. Но вот что странно: сегодня, как и раньше, люди влюбляются впервые не в 26 и не в 27, а в 15, 16, 17. И паспорта получают, как и прежде, в 16. И на воинскую службу идут в 18. А порог школы переступают впервые даже не с восьми, а с шести лет.

Выходит, все успевают созреть вовремя, и только молодые писатели, как назло, не успевают, опаздывают. Беда прямо! Ну а вдруг в этом затаившемся опоздании виновато не время, а издательская практика? Ведь не секрет, и об этом тоже говорилось на съезде, что чем талантливее, чем своеобразнее рукопись, тем дольше она лежит в издательских закромах. Сколько может лежать? Да столько, сколько должно. Бывает, 5 лет, бывает, 7, бывает, и больше. Вот и «созревает» молодой писатель, вот и подтверждает он «теорию позднего становления».

Позвольте немного поговорить о критике, о ней на этом съезде тоже все, или почти все говорят, так что я просто отставать не хочу. Так вот: если судить о нашей нынешней литературе по многочисленным критическим статьям и рецензиям, то становится ясно: в Союзе писателей СССР на сегодняшний день состоят творческие личности, чем-то похожие на гого-

левских губернских дам: они либо «просто приятные», либо «приятные во всех отношениях». И ничего другого в СП не водится.

Однако такой благопристойный пейзаж создается не только критиками. Ведь поэты и прозаики тоже пишут друг о друге. Причем довольно часто.

И, читая эти статьи, я всегда вспоминаю великолепного актера-мхатовца, воистину народного артиста Бориса Ливанова. Рассказывают, что он был остроумным человеком и когда встречал на улице своего коллегу, особенно молодого, то сразу бросался к нему, хватал за лацканы и громко начинал: «Слушай, я давно тебе хотел сказать. Ты — потрясающий, талантливый, прямо-таки удивительный артист! Весь такой тонкий, умный, душевный!.. И мужик ты превосходный, и друг замечательный! Я даже не знаю, почему мы с тобой так редко видимся?!.. Ну вот, а теперь ты тоже самое быстро говори про меня!..»

Впрочем, нельзя утверждать, что мы абсолютно не критичны. К примеру, вот уже пару лет подряд в каждом докладе на каждой писательской конференции или съезде, включая и нынешний съезд, обязательно есть фраза о серости в литературе. Некоторые докладчики говорят даже о «сером потоке». Эту самую серость они называют очень нехорошими словами: ее проклинают, с ней призывают активно бороться, и шум по этому поводу идет огромный, большой шум идет!

Настораживает только вот такой факт: никто из докладчиков (я подчеркиваю: никто!), говоря о серости, почему-то не привел ни одного названия, не упомянул ни одной фамилии.

И поэтому проблема борьбы с серостью приобретает некий загадочный, полумистический оттенок. И уже начинает папахивать откровенной чертовщиной: серые книги вроде бы есть, а названий у них нет. Эти книги вроде бы издаются, а вот кто их написал — неизвестно.

Ну, а может, это — военная тайна? Может, авторы серых произведений настолько засекречены, что их фамилии даже нельзя произносить? А то враг услышит! (С м е х в з а л е.)

Думаю, что и в этом положении не надо бояться врагов.

И последнее.

(Из зала: «Назовите фамилии».)

Р. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Вы дослушайте сначала. Жаждут крови. (С м е х в з а л е.)

Позавчера я с большим вниманием слушал выступление руководителя Московской писательской организации Феликса Кузнецова. Выступление интересное, солидное. Однако многоуважаемый Феликс Феодосьевич уже успел приучить нас к тому, что он говорит одно, а пишет совсем другое, порою прямо противоположное. (А п л о д и с м е н т ы.)

Такая, знаете ли, у него оригинальная творческая манера. Поэтому я нахожусь в некоторой растерянности: то ли мне поверить в то, что Феликс Кузнецов сказал на съезде, то ли немножко подождать и почитать, что он напишет после съезда? (А п л о д и с м е н т ы.)

А мечтаю я вот о чем. Ох, как было бы хорошо, если бы каждый критик (да и не только критик!), в дополнение к своим остальным прекрасным качествам, имел бы еще и самую обыкновенную порядочность. А может, я раз-мечтался... (А плод и с м е н т ы.)

Сейчас абсолютно правильно требуют: поменьше слов, побольше дела. Все верно. Но как быть нам, если главной писательской болью и радостью, главным сомнением и надеждой, главным писательским поступком и самым главным писательским делом является слово?

Значит, надо работать так, чтобы слово наше всегда служило неохватному делу нашей страны, делу нашего советского народа, делу, в котором вся наша жизнь. Вся, без остатка. (А плод и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Майя Анатольевна Ганина.

М. ГАНИНА. Дорогие товарищи!

Со времени ленинградской встречи Горбачева с народом прошло больше года. Тогда, если помните, достать политиздатовскую брошюру с текстом выступления какое-то время было почти невозможно, так как все одинаково радостно обменивались впечатлениями, заинтригованные новизной происходящего.

Ныне внутреннее разделение сил обозначилось достаточно резко. В нашей среде — тоже. Осознав, что разговор о перестройке ведется не ради обретения авторитета, очень многие сообразили, что это им не подходит. Слова, естественно, произносятся правильные, однако сопротивление чиновника всех специальностей, литературного тоже, всеми нами ощущается. На съезде уже определено среди выступающих и присутствующих, кто с кем.

У нас в районе в последнее время сложилась поговорка: «Пахарь пашет, а начальник пляшет». На самом деле, пусть срывы и бывали, но пахарь в страду пахал, рубахи от пота сгорали, а районное начальство всех рангов после трех часов на рабочем месте застать было трудно. Сауны, ручейки, роднички — на лоне природы шел активный отдых. Пропивались, проедались не свои деньги — разные «фонды», в том числе фонды премий тем самым пахарям. Впрочем, крохи перепали и им. Вручая вымпел комбайнеру, грамоту доярке, секретарь райкома, директор совхоза произносил: «Я поднимаю эту рюмку...» И далее шла грандиозная узаконенная пьянка на всех уровнях.

Дни литературы, что скрывать, тоже запомнились, как правило, той же самой пьянкой, и всем нам — и тем, кто пил, и тем, кто воздерживался, это казалось нормальным.

Ныне мы проснулись. Боюсь, не поздно ли? Рожденные алкоголиками идиоты, молодые, недавно еще здоровые хорошие люди, сгоревшие на наших глазах, — это необратимо, этого уже не вернуть. Да и не остановилось колесо, лишь замедлило ход, подминает под себя все новых и новых. «Пьем под одеялом!» — весело сказал мне один ответственный чиновник, который только перед этим с трибуны вещал о перестройке, о борьбе с пьянством, об интенсификации. Если внизу что-то измени-

лось и ныне у нас сев и посадка картошки прошли на удивление трезво, в сроки и с хорошим качеством (в районе прекращена продажа спиртного), то чиновник остался прежним, он не робеет, распрямляясь, подумим, ради отчета перемалывать прекрасное сено, охалки которого так ждут зимой коровы, на травяную муку, потому что он смотрит не на небо, где в этот момент сияет солнце, а в бумагу, где есть определенная графа. Но с трибуны он обязательно скажет свое слово о необходимости инициативы и индивидуального подхода, непременно о «человеческом факторе». Поклоняется и покланяется, не страшась ничего, ибо заменить его нечем. За прошедшее десятилетие он аккуратно расчистил вокруг себя обстановку, выжив, убрав, а то и физически уничтожив перспективных, честных, неравнодушных. Заменить нечем, ибо рядом такие же, они надеются, что и впредь будет так же удобно, безопасно, бездельно, сытно, ненаказуемо.

Ныне я не открою нового, если скажу, что возбранялось писателю с неравнодушным сердцем и трезвой головой писать о пьянстве и о воровстве, о приписках и очковтирательстве, о разбойниках от науки и техники. Помните, как чистили очерки в защиту Байкала от конкретных фактов, неопровержимых цифр! Как преследовались те, кто поднимал голос в защиту памятников русской старины, в защиту погибающей Ясной Поляны, как рьяно боролись с «негативными явлениями» на страницах рукописей редакторы всех рангов, а далее автора таких произведений добивала критика. Зато в реальной жизни не было огласки и помех негативные явления набирали силу.

Ныне это старые новости, я надеюсь, что это останется в прошлом. Что боль того или иного писателя за народ будет без препятствия доходить до народа и писатель этот не будет убит длинной цепочкой незаслуженных стрессов, как это случилось с Шукшиным, Абрамовым, Чивилихиным и многими другими. Что тот Секретариат, который мы ныне выберем, будет знать писателей, будет защищать, в случае необходимости, от несправедливостей, что рядовой писатель будет чувствовать себя членом Союза, а не непонятной организации, где каждый за себя и против всех.

Но сказать я хочу все-таки не столько об этом, а о том, что подросло и пришло в литературу поколение писателей, большinstву которых, как выяснилось, чужд интерес к социальным процессам, которое не желает вникать в происходящее, постигать подробности реальной жизни народа. Ибо они спасительно усвоили с первых шагов, научили первые же редакторы: грубая реальная жизнь не есть предмет литературы. С этим начини только вникать, намучаешься, все равно не пройдет. Литература — это игра. Непыльная, прибыльная, умей только быть «хорошим парнем», нравиться друзьям и влиятельным, уже достигшим теплых мест писателям, умей и сам тихой сапой пробиться к посту в издательстве либо в Союзе писателей. Будут исправно выходить книги, которые ничему уму и сердцу ничего не скажут, однако позволят тебе жить безбедно, не опасаясь ОБХСС. Будут тебя поминать в докладах, как в обояме, так и индиви-

дуально, ибо как не похвалить хорошего услужливого парня, который сил не жалеет для общественной работы, да еще и тебя предупредительно издает, и на записочки правильно реагирует.

Ну а более честные и талантливые занялись перепевами бессмертного «Мастера и Маргариты», наивно полагая, что ежели летает не Маргарита, жена Мастера, а медсестра, либо музыкант, либо некто в хрустальном гробу, то это свое, а не списано с булгаковской партитуры.

В середине пятидесятых годов, когда я начала свою литературную биографию, у писателей, как правило, был за плечами либо фронт, либо завод, либо стройка. Был у каждого немалый жизненный опыт. Тем не менее мы нарасхват выпрашивали в журналах командировки на стройки Сибири, на целину — не потому, что конъюнктурно предвкушали: «Сварганю-ка я повестуху на актуальную тему!» Просто в Сибирь волею исторической необходимости потянулся народ, хотелось и нам коснуться неизвестного, понять, как люди живут, о чем думают, что там происходит.

И сколько же счастья дали мне эти командировки, мои дальние трудные дороги!.. Памир, Тянь-Шань, Командоры, Курилы, Камчатка, сотни километров пешком и верхом по сибирской глухомани! Тогда я этого даже не понимала, ныне благодарю судьбу: у меня есть историческая память не только социальных и бытовых изменений, но и память преступно, не по горькой необходимости необратимо измененного пейзажа!

Теперь же, насколько я знаю, добровольно в Сибирь, на стройку, в совхоз, на завод молодого писателя силком не вытащишь, бригады особые создаются, под ручки выводят здоровых дядей в жизнь.

В Чернобыль, я спрашивала, никто командировки из молодых московских прозаиков не попросил. Никто! А вот уж где золотой материал, характеры, судьбы, проблемы, не высосанные из пальца, реальный героизм... Почему так? Равнодушны, нелюбопытны? Страшно? Лучше как все прочие: про быт, про старух из деревни, про скуку на службе, про глупых жен, коварных любовниц, ничтожных мужей... На ухах все это уже висит, осточертело! Но пишут... Отучили от чтения самых читающих в мире. Кого не спросишь — не читают. Впрочем, кое-что все-таки читают, например, хорошую публицистику. Хотят читать искренние, умные раздумья о происходящем. «Печальный детектив» Астафьева вызвал огромный интерес читателей.

Но внимания к себе молодые требуют тем не менее. То «сорокалетние» кричали о «дефиците внимания», теперь «тридцатилетние». Кто кричит, тот скромно умалчивает, что литература не бывает огульно «возрастной» — это абсурд. Только в детсаду группы по возрастам составляют. И раньше, и ныне литература — это имена. Это особый мир, который приносит с собой Писатель. Толстой, Чехов, Достоевский... В одно время жили и творили, но как бы и совершенно в разное. Каждое из названных имен — свой, многоподробный особый мир.

Два года назад мы прочитали в «Октябре»

«Самоходку № 120» Константина Колесова. Впервые тогда прозвучало это имя, принеся в литературу свою, особенную войну. Это — имя. Колесову шестьдесят, ну и что? Он писатель интересный, обещающий. Или Татьяна Толстая. Я прочла три ее рассказа, я помню ее имя, ее особенный мир. Ей тридцать пять, куда, на какую полку ее положить? На тридцатилетнюю? На сорокалетнюю? Юрий Сергеев, Эдуард Русаков. Кемеровская писательница Екатерина Дубро. Имена!

Но кому-то, видно, выгодна эта игра в «возрастную» литературу, где все происходит огульно, «чохом». На общем безмянном фоне сплоченной шеренги «тридцатилетних», «сорокалетних» проскочит за компанию и бездарность, да и крикуны выглядят радетелями, борцами, заступниками. А на поверку, когда спросишь, — те, кто кричит, никого не читали.

К сожалению, наше выборное начальство да и критика, за очень малым исключением, не читает рядовых писателей. Сейчас модно не читать и не стесняться этого.

Реальный литературный процесс те, кого мы облекаем полномочиями и привилегиями, увы, не представляют. Совещания, заграничные поездки, но о чем они говорят? О ком радеют? О себе...

Память у меня хорошая, я помню, что кое-кто из ныне здравствующих борцов за «сорокалетних» в начале шестидесятых годов занимался тем же. Как лягушку через соломинку, надували тогдашних «тридцатилетних» и «сорокалетних». Выдавали щедрые авансы, перебирали на страницах «Литгазеты», в докладах и статьях еще не состоявшиеся имена так, что звон в ушах стоял. А носители имен, доверчиво внимая раздувавшим, жаждали год от года новых превосходных степеней, иных, более лестных эпитетов.

Философ сказал, что человека, претензии которого нет возможности удовлетворить, лучше иметь врагом, нежели другом. Так и получилось. А ведь это были рядовые граждане, ни в школе, ни в институте не помышлявшие о диссидентстве. Их необоснованные претензии раздули и воспитали те, кто сам делал на этом карьеру, кому было выгодно лелеять необоснованные амбиции. Участвовавшие в той игре ныне стыдливо умалчивают о своем в ней участии. Более того — начинают новую.

Может, пора остановиться? Остановить лукаво желающих жировать на заботе о молодых «чохом». Ведь гораздо труднее навести, допустим, порядок в издательстве, разрушив прочную, как в Сицилии, всемогущую мафию, сквозь которую молодым талантам, свежим, не похожим на предыдущих, не пробиться никогда, будь он сто раз «тридцатилетний», ибо талант — личность. А личность неудобна тем, кто любит привычно среднее, безопасное.

Я 30 лет член Союза писателей, активный член. За это время критика не помянула мое имя и пятнадцати раз, нет и десятка статей о моих двадцати вышедших книгах. А ныне благодарю судьбу, что не морочили мне голову, не сбивали советами с моей собственной дороги, что миновала меня так называемая «слава», о которой так алчно вздыхают молодые.

Но меня печатали. Вот печататься писатель

должен непременно! Это единственный залог роста. Но для этого руководству Союза писателей надо принимать крутые меры. Пока писатель в издательстве — проситель, вымогатель, но не равноправный член сообщества.

Что, я считаю, в числе прочего необходимо ввести в практику? Ежегодные отчеты редакторов перед писательским собранием. С оппонентами, серьезно. По секциям. Сколько и каких за этот год редактор выпустил книг, сколько спас, отыскал в библиотеке талантливых рукописей, сколько талантов зарезал, а одинаково — бездарных книг издал. И писательская общественность пусть аттестует редактора. Решает директивно, достоин сей редактор своей ответственной должности или нет. Мне очень понравилось выступление т. Ненашева, очень верное. Редактор, издатель, писатель — это звенья одной цепи, в конце которой рожденная или же нерожденная книга.

И, конечно, позор столичным писателям-генералам, которые отнимают кусок хлеба у неимущего. Вы знаете, как ограничены в областных издательствах полиграфические возможности, бумага, денежные средства, как длинна там очередь местных писателей, говорилось, что писатель там может издать книгу не чаще, чем раз в четыре года. И что же? Как ни возьмешь «Книжное обозрение», то в нем то и дело мелькают имена А. Лиханова, Ю. Бондарева, Г. Немченко, Ю. Семенова по три-четыре раза в год, книги, вышедшие в тех самых областных издательствах! Это значит, что книга такого-то для нас пока безымянного «очередного» отодвинулась на ту самую оторванную позицию. Все происходит, как при распределении квартир: влиятельный дядя вырастает сбоку, и ему передают квартиру, отвергая законного очередника. Все это втихую. В областных издательствах должны печататься только свои. Талантливые, те, кого ждет читатель, но свои.

Необходима не декларируемая, а действительная гласность — о выходе книг, о том, чьи фильмы, зачастую позоря себя, мы навязываем соотечественникам, о выдвижении и присуждении премий, которые до сей поры были (и, думаю, будут, если все останется, как было!) средством поощрения «хороших малых» за услуги нашим генералам от литературы, и некоторым работникам комитета по премиям.

О приеме в Союз писателей. В 50—60-е годы прием обязательно утверждался общим собранием писателей. Выходил человек и говорил: «Вот он я, написал то-то и то-то». И собрание обычно говорило: «Знаем». А ныне? Восемьдесят процентов из тех, кого по-прежнему, несмотря на произнесение дежурных слов, в Союз писателей принимают, мы не только не знаем, но, познакомившись, часто и знать не захотим.

И еще одно. Об отношении к писательницам. К женщинам-литераторам. Постыдились бы, когда рвали места в президиуме, хоть Сильву Капустиня посадили бы! Живой классик... Ни одной женщины. Я вернулась только что из Осло с женской книжной ярмарки, во всем мире относятся к женщинам-писательницам, как и должно быть. Как к собрату перу, талантливому или бездарному, но равному. У нас же в Союзе к женщине относятся,

как к нечистой силе: делают вид, что нас не существует, но боятся...

Дорогие товарищи! До меня дошли кулуарные слухи, что предполагаемым первым секретарем будет у нас Юрий Васильевич Бондарев. Я не вдаюсь в оценку Бондарева как писателя, хотя роман «Игра» не кажется мне его удачей. Однако если кто-то помнит мое выступление на Московской писательской конференции прошлой осенью, где я посмела в адрес Бондарева произнести робкое критическое замечание, то могу сообщить, что месье не замедлила последовать. Из Секретариата РСФСР незамедлительно был выставлен мой муж, Юрий Николаевич Сбитнев. Единственный! В остальном состав Секретариата остался прежним. Предпринимались Бондаревым в отношении меня некие карающие акции, не увенчавшиеся, правда, успехом. Если кого-то заинтересует, какие именно, пожалуйста, подойдите в перерыве, я откровенно объясню. Юрий Васильевич после своего шестидесятилетия и вручения ему Звезды Героя изменился не в лучшую сторону. Теперь я жду, какая кара в мой адрес последует ныне. Нам нужно избирать человека с чистыми руками! (А плоды с него.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Мирза Аждарович Ибрагимов.

М. ИБРАГИМОВ. После возбужденного, эмоционального выступления Майи Ганиной я прошу немного успокоиться.

Дорогие друзья, многие важные творческие проблемы, волнующие представителей одной национальной литературы, характерны и для других наших литератур.

Естественно, что это связано с общностью интересов, совместной трудовой деятельностью, единством идеалов, за претворение в жизнь которых борются советские народы.

В содержательном, насыщенном социально-эстетическими идеями докладе Г. М. Маркова прозвучала тревога за качество литературы, перед которой ныне стоят огромные проблемы. И самая важная из них — это поднять художественно-эстетический уровень и сделать ее яркой летописью жизни, дум и чаяний народа, грандиозных процессов, происходящих в стране.

На своем XXVII съезде партия смело выдвинула перед обществом задачи всемирно-исторического значения — основательно перестроить экономическую и социальную жизнь огромной страны, изжить в корне все накопившиеся негативные явления, в первую очередь в сознании людей.

Многовековой опыт художественной мысли человечества доказывает неосценимую роль и значение художественной литературы в переломные периоды жизни народа. Литература социалистического реализма со времен появления романа Горького «Мать» всеми корнями была связана с передовыми революционными идеями, творческими деяниями народных масс.

Не случайно во всей советской многонациональной литературе созданы произведения, в которых в образе живого, полнокровного героя отразились героические периоды Октябрьской социалистической революции, гражд-

данской войны, строительства социализма, Великой Отечественной войны, залечивания ран, нанесенных нашему народу варварским нашествием фашизма, и т. д.

Я с гордостью отмечаю, что азербайджанская советская литература шла вровень с другими литературами в создании таких художественных ценностей, и многие поэмы, романы, драмы азербайджанских писателей вошли в золотой фонд художественной сокровищницы страны.

Естественно, что упиваться этими достижениями нам не к лицу. Тем более что наряду с хорошими, художественно полноценными произведениями пишется и печатается, к сожалению, немало серых, подчас непотребных вещей.

Мне хочется особенно отметить беспомощность некоторых писателей в создании образа героев современности. Немало произведений серых, безликих, герои которых наводят скуку на читателя, не вызывают ни высоких мыслей, ни сильных страстей в его душе. Такие явления имеют место не только в азербайджанской литературе, но и в более широком масштабе.

Говоря о герое и литературе, я имею в виду как образы эпико-драматического, так и лирического характера. Некоторые поэты наполняют стих пессимистическими чувствами, плачут о листопаде, грустят о неосуществленных и не понятных никому, кроме них самих, загадочных местах. Когда читаешь такие стихи, то невольно думаешь, что это неустроенный, несчастный в жизни человек, нуждающийся в куске хлеба. С некоторыми из таких поэтов, после прочтения их стихов, я решил познакомиться лично. И что бы вы думали? Передо мной предстал модно одетый, пышущий здоровьем, обеспеченный во всех отношениях молодой человек. Я его спрашиваю: «Почему в твоих стихах так много непонятных, загадочных (!), а подчас грустных мыслей, чувств, выражений? И они по форме также не привлекательны, лишены гармонии и красоты». А он отвечает: «Не хочу идти по проторенному пути». Тогда я ему в деликатной форме сказал: «Новаторство и оригинальничанье — разные вещи».

Я думаю, что причина подобного явления кроется в изъянах эстетического воспитания нашей литературной молодежи. Хотя среди них есть талантливые поэты и прозаики, дающие надежды своими произведениями.

Видимо, наш большой Союз и Союзы писателей республик, литературно-художественные журналы, литературные факультеты вузов, Институт литературы им. Горького в недостаточной степени прививают молодым писателям великие традиции советской классики — Горького, Маяковского, Шолохова, Вургун, Джабарлы, Ауэзова, Ленидзе, Исаакяна, Гафура Гуляма и других. Иначе говоря, мы, писатели старшего поколения, наша критика ни уделяем необходимого внимания воспитанию в молодых писателях чувства преемственности лучших традиций советской классики.

И еще об одном. Я думаю, что ранняя профессионализация вредит правильному развитию новой литературной поросли: обеспеченность в семье, средняя школа, вуз и художественная литература — вот путь многих моло-

дых писателей к литературе. Отсутствие знания жизни и психологии людей, ограниченность представлений о труде рабочего, колхозника и т. д., конечно, сковывают творческую мысль начинающего писателя. Худосочные образы современного героя в произведениях некоторых молодых, да и не только молодых писателей являются болезнью литературного процесса, с которой необходимо серьезно бороться.

Конечно, каждый герой — сын своего времени, и герои 20—40-х годов не могут служить стереотипом для героя современной литературы. К сожалению, некоторые не совсем правильно понимают огромную и очень нужную очистительную, стимулирующую работу партии и поэтому стремятся отрицать все хорошее, благородное, чистое и возвышенное в жизни. Отсюда — увлеченность части литераторов и журналистов образами отрицательных героев, и причем в этом деле исчезают грани между различными жанрами. Герой серьезной повести, драмы или романа ничем не отличается от героев комедии и сатиры, где существуют другие эстетические принципы изображения человека. Если писатель одержим одной мыслью, что все вокруг плохо, все воры, жулики, вруны, двурушники, нельзя ждать от такого писателя произведения, правильно отражающего жизнь, а его талант, если он таковым обладает, никогда не материализуется в его труде.

Я принадлежу к числу тех писателей, которые ни при каких условиях не теряли и не теряют веры в человека, в разум, в справедливость. Я считаю самой высокой задачей писателя создать такой образ современника, который может служить, как сказано в новой редакции Программы партии, образцом для миллионов людей. Не забываю того воодушевления, духовного наслаждения, когда я работал именно над образом человека высокой нравственности, честности и культуры. (А п л о д и с м е н т ы.)

Советская литература всегда воспевала дружбу народов, посвящая этой важнейшей теме лучшие свои творения. Дружба советских народов — это явление, имеющее всемирно-историческое значение. Ныне, в странах Азии, Африки, Латинской Америки, где усилиями сил империализма подогревается национальная рознь, одни народы натравливаются на другие, всемерно поощряется расизм и апартеид, наша дружба приобретает особое значение. Она усиливает надежду и веру в свое будущее народов, борющихся за свободу и национальную независимость.

Мне понравились слова Вардгеса Петросяна о дружбе армянского и азербайджанского народа. Он уместно привел слова выдающегося азербайджанского поэта Самеда Вургун о том, что армяне и азербайджанцы больше чем соседи и друзья, они живут друг в друге. Действительно, корни дружбы азербайджанского, армянского народов уходят в глубь веков. Несмотря на отдельные черные страницы, написанные в прошлом кровавой рукой господствовавших реакционных сил и фанатического духовенства, в целом эта летопись светла и лучезарна.

В своем выступлении Вардгес Петросян приводит известный афоризм, который гласит: «Из прошлого надо брать огонь, а не пепел», и добавляет: «С этой точки зрения один факт вызывает по крайней мере сомнения: существовала ли необходимость издавать в наши дни на азербайджанском языке книгу «Кабус-Намэ» (причем не научным, а массовым тиражом в 25 000 экз.), считающуюся литературным памятником средневекового Востока. Эта книга содержит множество презрительных мыслей о других нациях и народах, в том числе и армян, составляющих единую советскую семью».

Необходимо отметить, во-первых, что «Кабус-Намэ» написана 900 лет назад, причем автор ее не имеет никакого отношения к азербайджанскому народу, к его литературе и языку. На протяжении веков эта книга переведена на многие языки мира, а на азербайджанском языке она выпущена довольно давно, в 1963 году, издательством Академии наук республики после того, как в 1958 году издательство «Восточная литература» (Москва) опубликовало ее тиражом 50 000 экз., т. е. выражение «массовым тиражом» по отношению к азербайджанскому изданию является преувеличением.

Нелишне добавить, что АН Азербайджанской ССР выпустила немало книг гораздо большими тиражами.

Автор «Кабус-Намэ» вышел из господствующей феодальной среды и, естественно, отражал испорченные нравы, отсталые, ограниченные и вредные взгляды (что и отмечено в предисловии переводчика) своего класса. Если эти мысли вызывают сомнения нашего современника, то какие чувства породят в сердце читателя книги, написанные в XIX в., содержащие не менее вредные мысли и изданные в середине XX в. Это же можно сказать о книге З. Балаяна, выпущенной издательством «Советникан Грох» в 1984 году. Книга, к сожалению, содержит немало мыслей, противоречащих историческим фактам и советской этике, о народах, которые своим героическим трудом и самоотверженностью множат материальные и моральные ценности нашего социалистического общества.

Да, ни в коем случае нельзя допускать такие явления! Они отражают не огонь, не свет, а пепел, ржавчину, грязную накипь прошлого.

Талантливые, гуманистически настроенные писатели всегда стремились к добру, свету, к созданию благородных отношений между людьми. Они своими действиями, своим словом не мutilовали родники, а стремились сделать их чище, прозрачнее. Они сеяли такие семена, всходы которых питали не только их детей, внуков, соотечественников, но и всех людей. Наша дружба и братство выросли именно из таких здоровых семян. Подлинно талантливые писатели — патриоты и гуманисты — всегда стремились к этому великому деянию.

Многочисленный читатель питает особую любовь, а отсюда и предъявляет большую требовательность к одаренным, именитым писателям, промахн которых моментально пагубно влияют на художественные достоинства произведений менее опытных писателей.

Не случайно еще в VIII веке титан светлой, гуманистической мысли великий энциклопе-

дист Дени Дидро писал: «Если талантливый художник без надобности, без достаточного основания на сцене воздвигнет виселицу, то бездарности и посредственности обязательно повесят там человека».

В заключение мне хочется заверить Центральный Комитет ленинской партии, наш съезд, что писатели Азербайджана с большой страстью и высокими патриотическими чувствами будут работать над созданием новых произведений, отражающих бессмертные ленинские идеалы мира, дружбы, братства, героический труд советского народа за претворение энергии мысли в энергию дела. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Юлиану Семеновичу Семенову.

Ю. СЕМЕНОВ. Товарищи, прежде чем начать выступление, хочу посоветовать Вячеславу Шугаеву: не следует баловать «империализм». Это достаточно серьезное понятие, чтобы легко и играючи упоминать его всуе. (А п л о д и с м е н т ы.)

Теперь к делу.

После интересных соображений, высказанных в прениях, — а они проходят в духе XXVII съезда партии, в духе критики и самокритики, в духе социалистической демократии, — следует сделать вывод: наш отчетный доклад, то есть отчет Правления Союза писателей, вряд ли может удовлетворить делегатов. (А п л о д и с м е н т ы.) Он аморфен, лишен внутреннего динамизма и лишней раз свидетельствует, что на двух стульях сидеть невозможно, а «крутой перелом» без какого бы то ни было перелома — химера, «подстройка и перестройка».

Кстати, одна из серьезных ошибок, «заложенных» в докладе, была наглядно проиллюстрирована кадровой политикой Правления: руководство работой секций по прозе, поэзии, критике, драматургии, детской литературе было поручено только московским писателям. Почему? Разве в братских республиках не трудятся выдающиеся мастера советской литературы?! (А п л о д и с м е н т ы.)

Доклад Правления не может удовлетворить еще и потому, что материалы Мандатной комиссии прямо-таки вопиют о трагическом положении с молодежью в нашем творческом союзе — об этом уже говорили. Именно это и должно было стать главным камертоном тревоги в отчетном докладе Правления. Мы — съезд бабушек и дедушек, в лучшем случае пап и мам. И это в период ускорения и интенсификации!

Наша критика, которой бы этой тревожной проблемой в первую очередь и заняться, плохо знает проблемы молодого поколения. Ряд критиков занят тем, как бы позффектней создать культы литературных королей, которые на поверку оказываются голыми, а их книги, изданные гигантскими тиражами, составляют главный доход вторсырья. Все это прекрасно известно и в Секретариате Правления Союза писателей, и в Госкомиздате. Однако же, увь, заведомая макулатура, в том числе и «секретарская», как издавалась, так и продолжает издаваться!

В отчетном докладе робко говорилось о необходимости улучшения связей с книжной торговлей, с читателем. Как это провести в жизнь на деле, а не на словах? Ведь если гласность, — несмотря на позлудий саботаж ее противников, страшущихся демократии, — до конца утвердится нормой нашей жизни, то многие коронованные и увешанные всяческими медалями литературные короли, в том числе из нынешнего Секретариата, вообще лишатся подписки.

Именно в нашей стране, где дворцы и клубы принадлежат народу, но отчего-то сплошь и рядом отданы под танцующие, существует реальная возможность организовать еженедельные диспуты с читателями, турниры поэтов, исповеди прозаиков. Только такого рода демократическая открытость, сшибка разных мнений поможет нам понять истинный, а не мифический интерес читателя. Именно в нашей стране, где газета писательского Союза является весьма популярной, можно и нужно гласно, то есть честно, без подтасовок и литературных приписок, печатать еженедельные списки наиболее читаемых книг, как советских, так и зарубежных, спорить с этими книгами, критиковать их, если они того заслуживают, предметно доказывать читателю его, читателя, не правоту, коли он действительно не прав, но отмахиваться от реального интереса народа, не замечать его мнения в угоду литературной конъюнктуршине недостойно!

Практика нынешнего тиражирования книжной продукции, которая стойко игнорирует читательский интерес, — всем известно, сколько надо сдать макулатуры за книгу Ахматовой или Шукшина, — есть одна из форм саботажа того нового, что ныне рождается в стране. Тиражи книг согласовывают Союз писателей и Госкомиздат, тогда как Госплан и Министерство финансов, которым ох как нужны реальные деньги, исключены из этого процесса; я уж не говорю о читателе, он безмолвствует.

Это, как и многое другое, не может не вызывать недоуменных вопросов молодежи.

Действительно, читают молодые люди книги нашего эссеиста Феликса Кузнецова, — они изданы более чем миллионным тиражом, отмечены высокими государственными премиями, — листают его «Слово к молодым» и задают вопрос: как это автор умудрился на пяти страницах своего текста привести девять цитат из выступлений товарища Черненко?! Кто же обращался к молодым со словом-то — Феликс Феодосьевич или Константин Устинович?

Молодежь, в том числе и литературная, часто слышит, что Феликс Кузнецов обличает неприкасаемых литературных начальников, обличенных чинами и званиями. Но ведь он сам у нас начальник, профессор и доктор, лауреат и к тому же секретарь всех трех писательских Союзов, он сам неприкасаем, а прикасаться-то есть к чему. Почитайте его литературную продукцию, и вы увидите, что главный пафос книг нашего критика обращен в основном к проблеме коктебельских пляжей.

Пришла пора развернуть критику критики, товарищи! Сделать это непросто, ибо товарищ

Кузнецов старается узурпировать право выступать от имени всех советских критиков, в том числе и высокоталантливых. Но сделать это пора все-таки.

А думаете, молодое поколение не замечает, что Феликс Кузнецов, чуть ли не еженедельно выступающий с патриотическими призывами, не удосужился ни разу съездить к выпускникам наших медицинских институтов, работающих под минометным обстрелом «контрас» в Никарагуа? А думаете, никто не спрашивает, отчего Кузнецов, обучающий молодежь принципиальному житью-бытью, ни разу не был у наших молодых воинов-интернационалистов в Афганистане? У наших специалистов в Анголе, Мозамбике, Ливане, Ливии?

(Аплодисменты прерывают выступление оратора.)

Вы меня поддерживаете или изгоняете? (Шум, аплодисменты.)

Товарищ председатель, я вышел из графика? Сколько у меня осталось времени?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. У вас осталось две минуты.

Ю. СЕМЕНОВ. Товарищи, давайте учиться демократии. Следует уметь выслушивать разные точки зрения. Давайте-ка проголосуем: мне уходить?! Кто за это?

Давайте посчитаем.

(Смех, аплодисменты. Предложение голосуется. Большинство голосов Семенов получает право продолжать выступление.)

Поскольку у меня всего лишь две минуты, ограничусь конкретными предложениями.

Поскольку в стране по-прежнему существуют трудности с бумагой, поскольку молодым писателям весьма сложно издаваться, новое Правление Союза должно просить разрешения издавать книги молодых писателей способом ксерографии, причем эти издания должны оплачиваться как книжные.

Следует продумать вопрос о создании объединений молодых писателей. Опыт такого рода творческого объединения, созданного художниками, оправдал себя.

Думаю, следует непременно поддержать предложения академика Лихачева, добавив к ним пункт о том, чтобы сделать автомобильную дорогу Ленинград — Москва национальным памятником Радищева.

Спасибо за внимание. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово для справки предоставляется Феликсу Феодосьевичу Кузнецову.

Ф. КУЗНЕЦОВ. Дорогие товарищи! Поскольку разговор у нас идет предельно откровенный, я буду говорить с такой же откровенностью. Недопустимый тон выступлений Р. Рождественского и Ю. Семенова — это сведение счетов со мной как с критиком. Это сведение счетов началось сразу после моего выступления на Московской городской партийной конференции, где я сказал то, что давно наболело, что хотел, но не имел возможности

ранее сказать. Это была конференция переломная, революционная. И, будучи больным на этой конференции, с высокой температурой, я все-таки взял слово и, может быть, в чем-то неточно, невыверенно, сказал наконец то, что я давно хотел сказать.

Я сказал следующее: «Наша литературная критика, за редкими исключениями, утратила даже право называть себя критикой в прямом, первоначальном значении этого слова. Говорю об этом с горечью и болью, в том числе касаясь и себя, поскольку сам являюсь литературным критиком... Вопреки постановлению ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» критика вот уже долгие годы пребывает — прошу прощения за резкость — в положении литературной Золушки, первая обязанность которой — наводить глянец на парадный мундир нашей литературы. Мы все помним, как все это когда-то начиналось. Рискнул когда-то скромный критик И. Гринберг покритиковать в «Литературной газете» стихи Р. Рождественского. И что же? На страницах той же газеты была немедленно развернута кампания, как шутили в ту пору, «Руки прочь от Рождественского!». (Добавлю, что с тех пор перо критики уже не прикасалось к этому поэту, который за эти годы не только растерял свой бывший молодой задор, но и превратился, на мой взгляд, в громкого, мало трогающего сердца версификатора.)

А сейчас попробуйте сказать правду о слабом, на мой взгляд, романе А. Чаковского «Победа» или поспорить в литературной печати с философской концепцией романа Ч. Айтматова «...И дольше века длится день», всерьез разобрать историческую беллетристику Б. Окуджавы, сказать о невзыскательности и затянутасти детективных романов Ю. Семенова или посредственном романе В. Поголяева... Скандал в благородном семействе!.. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это уже не справка, а выступление.

Ф. КУЗНЕЦОВ. И вот дальше, товарищи, после этого выступления, и начался настоящий скандал в благородном семействе, началась самая тяжелая в моей жизни полоса. Более тяжелой полосы, чем эти полгода, я как критик не переживал. Началось с того, что «Литературная газета» не пропускала ни одного номера, чтобы не пустить мне шпильку. А Сергей Михалков прямо сказал, что пора убирать Кузнецова. И вот сейчас, сводя счеты за критику, выступает Р. Рождественский, выступает Ю. Семенов. Но, товарищи, если символом борьбы за высокую нравственность и художественность будет Юлиан Семенов, это может плохо кончиться для нашей литературы! (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово для справки предоставляется Н. Доризо.

Н. ДОРИЗО. Разрешите сказать несколько слов.

Дорогие товарищи! Я хочу горячо поддержать предложение Е. Евтушенко об увековечении

памяти наших великих предшественников — Б. Пастернака и А. Ахматовой и записать это как пожелание будущему Правлению. Предложение очень созвучно высоко-справедливому и благородному выступлению академика Лихачева. Да, Пастернак и Ахматова совершили в жизни и творчестве подвиг, достойный поклонения. В самую тяжелую минуту жизни они оказались истинными патриотами, проявили высокое достоинство советского поэта, решительно отвергая многочисленные заигрывания зарубежных корреспондентов, недоброжелательно к нам относящихся и потому липнувших к ним.

Иные, более молодые и более удачливые при жизни наши собратья по перу порой поступали иначе. Давайте воздвигать памятники великим, но не надо в своем неудержимом стремлении к театральным эффектам брать цветы с их могил.

И второе. Дорогая Майя Ганина, я сейчас, откровенно говоря, позавидовал Юрию Сбитневу, позавидовал самоотверженной защите его любящей жены. Но мы же сейчас не обсуждаем кандидатуру будущего первого секретаря. Ну что ж, надеюсь, будущее Правление примет к сведению твое мнение.

Что же касается моего мнения, то Юрий Бондарев — мой друг. Но он не потому прекрасный писатель, что мой друг, а потому мой друг, что он прекрасный писатель. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Объявляется перерыв на 30 минут.

После перерыва председательствует У. Р. УМАРБЕКОВ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Дорогие товарищи! Продолжаем нашу работу. Слово предоставляется А. С. Иванову, руководителю Комиссии по прозе.

А. ИВАНОВ. После яростных перепалок на этой трибуне, доходящих порой до неприличных оскорблений, позорящих честь и достоинство советского писателя, разрешите мне хоть немного поговорить собственно о литературе, о наших литературных делах.

Уважаемые товарищи!

Наша великая революция, начавшаяся в октябре 1917 года, вступила в новый этап. После нескольких последних десятилетий, в течение которых активно проявлялся различного рода оппортунизм, мы наконец-то приступили к наведению в своем государстве необходимой дисциплины и порядка.

Весь советский народ горячо поддерживает исторические решения XXVII съезда КПСС. Эти решения — долгожданные, ибо ускорение промышленного и сельскохозяйственного производства, принципиальное обновление и всестороннее совершенствование всех сфер нашей жизни давным-давно нужны нам как воздух, без которого жить далее просто невозможно.

Литература всегда была зеркалом общества. И уместно сейчас задать вопрос: что же, это зеркало не отражало давней всенародной

потребности коренного обновления и улучшения жизни, наведения порядка везде и во всем?

На этот прямой вопрос я бы со всей прямо-той и ответил — отражало! Советская литература, как всегда, честно выполняла свой долг. Уже в 50-х годах, т. е. вскоре после тяжелой и разрушительной войны, навязанной нам мировым фашизмом, советские писатели со всей страстностью ставили и исследовали в своих произведениях проблемы реконструкции и обновления устаревшего оборудования, внедрения прогрессивной технологии, увеличения производительности труда, перестройки сознания человека, повышения нравственных начал во всех областях нашей жизни. Назову в подтверждение сказанного хотя бы с подложки прозаических произведений, появившихся почти сорок лет назад: «Журбины» Всеволода Кочетова, «Закипела сталь», «Испытание огнем» Владимира Попова, «Жатва», «Битва в пути», «Повесть о директоре МТС и главном агрономе» Галины Николаевой, «Плавучая станция» Виталия Закруткина...

Тогда и в последующие годы писатели отчетливо видели те жгучие проблемы, которые выдвигала жизнь, обращали на них внимание всего общества.

Возьмем, скажем, вопросы социалистической нравственности. Несколько лет назад получил огромный резонанс, к примеру, роман Г. Панджикидзе «Камень чистой воды», который откровенно, честно исследовал явления протекционизма, хищничества, взяточничества в Грузии. А вспомним роман Якубова «Советь». Разве он не предвосхитил той решительной борьбы против вседозволенности, очковитательства, нарушений законности, которая спустя лишь значительное время развернулась в Узбекистане? Писатель бил тревогу по поводу волюнтаризма, показухи, злоупотреблении ядохимикатами, разрушения природы.

Или возьмем тему гражданской ответственности за состояние экологических дел в стране. В гущу этих болезненных проблем смело вторгается и казах Нурпеисов, и литовец Авижюс, и многие русские писатели — Залыгин, Астафьев, Распутин, Белов, Носов... Эти и многие другие писатели обращаются к сложному комплексу причин, вызывающих экологические катастрофы, скажем, на Урале, на Азове неблагоприятное положение дел на Байкале и в других местах, и к тем плачевным экономическим, моральным последствиям, которые связаны с оскудением и обмелением гигантских степных водоемов, некогда полноводных рек, с гибелью их во многих регионах страны. Гнев героев книг и их авторов направлен против безответственности, бесхозяйственности, хищничества и расточительности, против бездумной погони за сиюминутными, часто мнимыми выгодами, которые позже влекут за собой горькие разочарования и огромные народно-хозяйственные потери.

Откровенно говоря, меня несколько удивило, что позавчера на пленарном заседании, да и сегодня очень многие ораторы на большом эмоциональном пафосе ругают советскую ли-

тературу и советских писателей, правда, за исключением нескольких имен, искусственно втиснутых нашими критиками в пресловутые литературные «обоймы», многие патроны которой уже явно проржавели до дыр.

Удивило это откровенно нигилистическое, какое-то враждебное отношение трибунных ниспровергателей всего того талантливого и значительного в литературе, что было достигнуто не ими, а другими писателями.

Один наш иностранный гость после заседания даже сказал в дружеском кругу: вы знаете, мне так и хотелось встать и произнести несколько слов в защиту советской литературы. А я в связи с этим вспомнил недавнее высказывание чехословацкого писателя В. Марчока на дискуссии по проблемам развития чехословацкой литературы. Он сказал следующее: «Когда наш современник не находит в новых произведениях чехословацких писателей ответа на свои вопросы, то он, естественно, обращается к самой правдивой и мудрой, смелой советской прозе, и чтение произведений советских писателей дает ему хотя бы надежду на перемену к лучшему и уверенность в окончательной победе справедливости».

Из этого высказывания нашего чехословацкого друга видно, какой крупнейший авторитет имеет современная советская литература в странах социализма и во всем мире. Поэтому, обсуждая наши литературные дела, говоря о наших литературных проблемах, критикуя наши недостатки, мы не должны забывать об этом всемирном авторитете советской литературы и всячески его оберегать.

В общем, в том, что мы приступили сейчас к решению всех жгучих проблем нашего экономического развития в общегосударственном масштабе, есть немалая заслуга и нашей литературы.

Вчера на комиссии съезда по прозе шел большой и взволнованный разговор и о прошлом, и о настоящем, и, естественно, о будущем советской литературы, разговор, отличающийся подлинной заботой о дальнейшем развитии советской прозы. На комиссии выступили 28 известнейших прозаиков почти из всех национальных республик. И в этом взволнованном разговоре постоянно доминировала следующая мысль: в нынешних усложнейших условиях, когда всепланетарные силы зла, сосредоточенные в США, объявили о намерении взять социальный реванш в мировом масштабе, о крестовом походе против коммунизма, когда противостоят социальное добро и зло полярных сил прогресса и реакции достигло критического состояния, — в этих условиях советская литература, оставаясь верной ленинскому наказу быть частью общепролетарского дела, обращается прежде всего к глубинному исследованию, к показу самых высоконравственных начал и сил в современном мире, сосредоточенных в коммунистической идеологии, сил, способных предотвратить гибель человечества, отстоять и сохранить жизнь на земле. И, естественно, стремясь постичь главную особенность нынешнего мира, советские писатели обращались и обращаются прежде всего к изображению, к воплощению образа Коммуниста. В связи с этим называ-

лись сравнительно давние и совсем недавние книги писателей Проскурина, М. Алексеева, Куусберга, Мележа, Абрамова, Чаковского, Стаднюка, А. Крона, Л. Иванова, С. Ворони-на, Икрамова, Бэкмана, Карпова, Мушкетика, Ивана Васильева, Бакланова, Быкова, Гранина, Ананьева, Н. Горбачева, А. Прохана и многих-многих других писателей, чьи герои демонстрируют высочайшие качества борцов за благополучие и постоянное укрепление нашего социалистического государства, за народное счастье, жертвуя при этом, если необходимо, даже своей жизнью.

История становления социалистического общества не знала легких, спокойных этапов. Борьбы и огня для всех поколений советских людей, создающих новое общество, всегда хватало. Поэтому исследование природы положительного героя есть исследование нашей революционной эпохи, исследование героической борьбы народа за социальную справедливость. И в советской прозе за последнее время созданы крупные характеры, для которых явственно проступает величие народной души, такие, как Антон Соболев из романа Г. Маркова «Грядущему веку», как секретарь обкома Брюханов из романа Проскурина «Имя твое», парторг Андреас Яллак из романа Куусберга «Капли дождя», председатель исполкома Апейка из «Полесской хроники» Мележа и т. д.

На заседании комиссии отмечалось, что заметная активизация патриотической линии в советской прозе последних лет естественная, ибо силы мировой реакции действуют все более коварно и нагло, доходя до гнусных провокаций в воздушных границах и территориальных водах СССР, понятию обращению писателей к обличению фашизма и всяческого кобесия, понятию и активное в последнее время их обращение к исторической тематике, ибо все более и более становится сейчас очевидным, что одним из важнейших способов и методов воспитания гражданственности, советского патриотизма, интернационализма было и остается воспитание историей. Потому что история — это борьба народов за свою лучшую долю, за светлые идеалы человечества и в конечном итоге — за коммунизм.

Большой вклад в дело патриотического воспитания советских людей вносит военная мемуарная литература — книги наших легендарных полководцев, и военачальников, воспоминания о героических фронтовых делах офицеров и рядовых участников прошедшей войны.

Они передают свой нелегкий опыт борьбы за жизнь в огне, холоде и голоде, опыт побеждать сильного и коварного врага. Этот вид литературы, отмечалось на комиссии, — значительное явление в духовной жизни народа. Но, к сожалению, это явление нашей критикой в значительной мере не исследуется, достаточно не пропагандируется, что снижает воспитательное воздействие этого вида литературы.

Совершенствование и обновление всех сфер нашей жизни, естественно, не может не коснуться и нашего литературного дома. Дом этот громаден, в нем великое множество комнат и окон, и, к сожалению, не все окна светились и светятся сейчас светлым, ярким огнем, есть

оконца и тускловатые, полуслепые да и совсем слепые.

Слабые в идейно-художественном отношении, невыразительные, серые, одним словом, плохие книги, к сожалению, всегда были и будут впредь — таково свойство литературного процесса. Но беспокоит то, что подобных книг появляется все больше и больше. В чем же дело? В нетребовательности издательских и журнальных редакторов, выпускающих в свет плохие книги? В благодушии критики, которая снисходительно относится к слабой, серой, как мы говорим, прозе? Да, конечно, тут вины с редакторов и критиков не снимешь. Но это, как отмечалось на нашей комиссии, производное от главного. А главное заключается в том, что в силу определенных застойных явлений, наблюдавшихся в последние десятилетия в стране, у нас заметно понизились и идейно-художественные критерии в оценках явлений литературы. Здесь уже по справедливости говорилось о железобетонной несокрушимости их искусственных литературных авторитетов. Действительно, нередко, очень нередко бывает так. Появляется откровенно слабый роман какого-нибудь известного, а то, не дай бог, маститого писателя, увенчанного, как правило, высокими государственными наградами и литературными премиями, — критика тотчас бросается его хвалить. И только хвалить, без разбора! А иногда и разобраться бы не грех. Ибо случается, что литературные знаменитости и невзыскательностью к языку, композиционной неряшливостью и формалистическими выкрутасами откровенно браврируют и проблемы мусолят давным-давно исследованные в литературе.

Возьмем, с другой стороны, так называемую проблему молодых. Мы отыскиваем новые таланты по всей стране, помогаем их становлению и по справедливости гордимся той огромной работой, которую проводим с начинающими и молодыми авторами.

Но, к сожалению, и здесь имеются у нас издержки, главная из которых — опять же отсутствие должной требовательности, снижение художественных критериев. У иных молодых авторов, кое-как слепивших первые рукописи, таланта нет, но есть неумное желание выйти в писатели. И вот такие-то бездарности, коих, увы, намного больше, чем талантливых людей, пользуясь нашей заботой о литературной смене, кричат на всех трибунах: мы-де и есть искомая вами литературная смена, такие буквально стучат кулаками по редакторским столам — печатайте нас, иначе обвиним в третировании молодых талантов, затаскаем по инстанциям.

И, увы, нередко их беспомощные, антихудожественные произведения идут в печать.

Наш Союз писателей засорен случайными в литературе людьми. Есть члены Союза писателей, не имеющие ни одной изданной книги. Как они туда попали — остается загадкой. Параллельно с Союзом писателей СССР есть еще где-то, при Литфонде СССР, что ли, какой-то таинственный профком литераторов. Многочисленные члены этого так называемого профессионального комитета литераторов тоже что-то сочиняют, всеми силами проталки-

вают свои писания в журналы и издательства.

На комиссии прозвучало требование — ликвидировать этот профком литераторов — рассадник воинствующей серости и литературного надхлебничества.

Говорилось на комиссии и о том, что пора предельно повысить, ужесточить требовательность при приеме новых членов Союза писателей, поставить условием для приема не умение писать рассказы, повести или даже романы, а умение видеть и осмысливать по-писательски глубинные жизненные противоречия, видеть и понимать, как в результате разрешения этих противоречий рождаются новые человеческие типы и характеры, умение отобразить все это на бумаге ярким, эмоциональным народным языком, то есть руководствоваться при приеме новых членов Союза писателей жестким законом — обладает или не обладает человек настоящим литературным дарованием. Для того чтобы убедиться в наличии таланта, следует, говорили члены комиссии, установить институт кандидатов в члены СП СССР. Иной автор недолго будет ходить в кандидатах, ибо первые же его книги покажут, что он настоящий художник. А автор бездарный этот рубеж не преодолет и к своему же благу поймет, что ему надо заняться чем-нибудь более полезным для общества.

В ходе работы нашей комиссии было высказано много практических предложений по улучшению руководства творческими процессами, издательским делом. Анализируя, например, переводческое дело, писатели отмечали, что советская литература создается ныне на 78 языках народов СССР, что наша страна — крупнейший издатель всей прогрессивной литературы мира, а переводческое дело идет у нас стихийно, никто этой важнейшей стороной литературного процесса, в общем-то, не руководит. И было бы в высшей степени полезно основать переводчикам, которые ныне входят в Союз писателей, свой собственный творческий союз, Союз переводчиков, как это сделано во многих социалистических странах. Это дало бы возможность целенаправленно руководить переводческим делом, контролировать качество переводов, а самим переводчикам профессионально совершенствоваться, улучшать свою работу. Создание такого союза было бы только на пользу дальнейшего развития и расцвета нашей многонациональной литературы.

Необходимость улучшения выпуска литературы настоятельно ставит вопросы новых форм работы, а именно: более тесного и активного сотрудничества творческих союзов и книгоиздательских предприятий и учреждений. И в связи с этим Российский Госкомиздат выдвигает идею, а писатели ее поддерживают, — создать экспериментальный журнал — совместное издание СП РСФСР, Союза художников РСФСР, Госкомиздата РСФСР. Это должен быть общественно-политический и литературно-художественный, обильно иллюстрированный журнал, в задачу которого входило бы объединение вокруг себя лучших научных, культурно-художественных, писательских сил России, способных решать актуальнейшие вопросы книгоиздания. А может быть, подоб-

ное издание надо сразу делать всесоюзным.

И, наконец, участники Комиссии по прозе просили меня передать их предложение делегатам съезда обратиться ко всем писателям мира, ко всем людям доброй воли со специальным обращением, в котором в полную силу прозвучал бы голос советских писателей против античеловеческой, агрессивной политики империализма, против испытания ядерного оружия, против зловещей и бессмысленной американской программы «звездных войн», голос против безумной гонки вооружений, голос в защиту мира, в защиту жизни на Земле.

Товарищи!

Художническое осмысление нынешнего переломного времени безусловно станет и уже становится внутренней потребностью для писателей всех поколений. Потребностью и обязанностью, ибо, как выразился Блок, талант — это обязанность, а не право. И нет никаких сомнений, что здесь советских прозаиков ждут новые масштабные художественные открытия и достижения, которые еще больше обогатят нашу великую многонациональную литературу, значительно пополнят духовное богатство советского народа. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Асхату Масгустовичу Мирзагитову.

А. МИРЗАГИТОВ. Уважаемые товарищи! Жаждающий мечтает о воде, мы, писатели, как ни парадоксально, мечтаем сегодня об интеллигентности. Поэтому не обессудьте, если и я коснусь этого вопроса.

Покинутым богом, царем голодающим башкирским аулам и русским селениям бывшей Саратовской губернии пришла помощь от человека, который восстал против бога и не признавал царя. Тем человеком был Лев Николаевич Толстой, или, как любовно величали его тогдашние башкирские дети, «князь Тул». Примеру Толстого следовали многие русские интеллигенты — и писатели, и учителя, и врачи. Их вело к людям сострадание к человеческому горю и стремление облегчить его. Не подлаживаясь под народ, они боролись против дикости и невежества людей, утверждали в человеке духовное начало.

Глубоко проникая в быт и внутренний мир того или иного народа, они выступали как борники социальной справедливости, как глашатаи дружбы и братства между людьми и между народами.

Спрашивается: зачем сегодня беспокоить тени великих и ушедших? Какая в этом необходимость? Ведь есть живая, конкретная литература с ее конкретными заботами, задачами. Вот именно ради этой живой и конкретной многоязычной и многохлопотной современной советской литературы нужно вспомнить и великого Горького, и целую плеяду выдающихся писателей, как Маяковский, Шолохов, Фадеев, Федин, Тихонов, Погодин. Они не только сохранили исконные черты русской интеллигенции прошлого, но и обогатили их новым содержанием. Они поверили в неумелые, робкие литературные попытки ровесников из союзных, автономных республик, областей и округов, поддержали, если надо, по-

спорили, и в муках творчества и новой жизни родился национальный писатель.

Литературный небосвод держали на своих плечах не только великие, но братья и поменьше, такие же честные, настоящие писатели, поэты и драматурги, очень много сделавшие для многонациональной советской литературы. Это проявлялось в том, что они, подобно Симонову, Семушкину, Бородину, Злобину, открывали новые миры народов близких и далеких окраин, переводили и издавали, учили нас относиться к духовному наследию других народов с уважением.

К сожалению, многое сегодня огорчает, и прежде всего потеря интеллигентности наших писателей в отношении их к главному делу — литературе, к нашим непосредственным обязанностям, друг к другу, нашему завтрашнему дню. Огорчают также выступления отдельных делегатов на съезде, кстати, ратующих за интеллигентность, но очень грубо обходившихся со своими коллегами. Ниспровергать все и вся, вычеркивать всю свою прошлую жизнь, сваливая вину на бюрократившееся якобы начальство, сняв с себя всяческую ответственность, звучит по крайней мере несерьезно, скорее демагогично. Интеллигентность не имеет ничего общего с демагогией. (А плоды с менты.)

А доказательность, чувство меры и корректность в дискуссии есть черта интеллигентская. Да потом, дело разве только в том, что Союз писателей превратился в министерство, т. е. канцелярию? Союз писателей не пишет книги, книги создает писатель, а эта книга сегодня в силу ряда причин оставляет желать много лучшего в смысле ее честности, правдивости, оригинальности, талантливости и необходимости людям и обществу. (А плоды с менты.)

Мы, писатели, поступаем истинно, когда ее пишем, когда оцениваем, когда рекомендуем к изданию. Чаще это мы делаем добровольно, а не под давлением извне. Почему докатились мы до этого? Вот в чем проблема.

Серьезно говоря о наших литературных делах с учетом серьезности и важности задач, выдвинутых временем перестройки, качественного обновления общества, прежде всего необходимо нам самим психологически перестроиться для того, чтобы назвать вещи своими именами. С этого, на наш взгляд, начинается качественная перестройка литературы.

Писатель, если он настоящий, как правило, должен быть не робкого десятка. В его груди должно быть львиное сердце, а не сердце зайца, хотя с заячьим сердцем жить легче и удобней — врагов меньше и сон спокойней, у начальства в почете, и дом, по житейским понятиям, — полная чаша.

Вот почему сегодня нужны гнев Толстого, бесстрашие Горького, непримиримость Маяковского и Фадеева для того, чтобы вытравить из нас зайца.

Но, увы, кроме нас самих, никто этого не делает. И это мы должны сделать за рабочим столом, в литературных спорах, в оценке ценностей и просто в писательских взаимоотношениях, иначе нас всегда будет пугать воинст-

вующая посредственность, пугать и одерживать победу.

Нужна нам стойкость подлинного русского интеллигента, чтобы всегда содержать в груди настоящее, доброе и бесстрашное сердце. Быть интеллигентом — это значит не допускать разлада с совестью, быть непримиримым ко всякому отклонению от норм нашей морали, этики, литературному штрейкбрехерству, т. е. приспособленчеству всех видов и мастей, ибо знаем: с этим злом бороться не так просто, ибо сверхактивность, сверхпроницательность есть форма существования литературного поденщика и конъюнктурщика.

Каждый писатель по-своему пишет правду, но правда у каждого своя. Есть правда хлебопашца, есть правда ворона. Оба смотрят на только что вспаханное черное поле. Ворон видит на нем жирного червяка, хлебопашец видит перед собой море золотых колосьев, будущий богатый урожай. Правда хлебопашца — это наша правда, правда настоящего советского искусства, правда литературы социалистического реализма. (А плоды с менты.)

При внимательном взгляде на литературу наших дней нельзя не заметить некоторого крена в сторону увлечения негативными явлениями, некоего смакования темных сторон жизни. Конечно, надо писать о недостатках, их у нас достаточно. Но хотелось бы видеть перспективу, окрыляющего человека, его идеал добра.

Еще об одном важном вопросе — не только как реакция к реплике грузинских товарищей. Мы всегда гордились тем, как русские классики с большой любовью изображали представителей разных народов. Эта благородная традиция продолжается сейчас в той мере, как хотелось бы. Временами огорчает, как карикатурно, довольно огулленно или заведомо предвзято рисуются некоторые образы людей нерусской национальности. Они в книгах беспощадно ломают русскую речь, говоря в жизни несравненно лучше. Ленинская национальная политика нашей партии в своей сущности решена давно и успешно, но партия ею занимается изо дня в день, ибо этот живой процесс требует к себе постоянного внимания. В этой связи хочу обратиться к моим собратьям из национальных республик — в достаточной ли мере сосредоточиваем мы внимание в наших произведениях на этой святой теме — дружбы народов?

Думаю, недостаточно. Более того, в них проscalaзывает порой чувство национального самоограничения и оттого — самодовольство и самолюбование.

Есть и важные практические дела. Мы мало и bestолково занимаемся увековечением памяти тех деятелей русской культуры и науки, которые, сами того не подозревая, поставили памятники нашим народам, возвеличили нас перед миром и перед самими собой. И как горько, что многие из этих деятелей забыты нами, постепенно исчезают их зримые черты и следы их зарастут травой забвения. Этого нельзя допустить. Прав академик Лихачев — потеряв уважение к ценностям прошлого, мы невольно можем обкрадывать будущее!

Спасибо за внимание. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Константину Яковлевичу Ваншенкину.

К. ВАНШЕНКИН. На писательском съезде РСФСР да и в дальнейшем прозвучал ряд выступлений по вопросам экологии, поворотов рек, затопления обширных земель, об опасности, о бедственной неоправимости этих процессов. Говорилось также о сегодняшней архитектуре, о проблемах планировки, застройки, сохранения старины.

Таким образом писатели отстаивали там свою точку зрения не книгой, а прямым словом.

Однако и художественное произведение, вторгаясь в жизнь, тоже не всегда дает результат. Общеизвестная поэтическая рекомендация:

Сидите,
не советей
в моем
Моссовете...—

как выяснилось, не принималась во внимание, и за последние двадцать лет решительно искажено исторически сложившееся архитектурное лицо великого города. Людям, живущим в Москве недолго, это не так заметно.

Но и сама литература нуждается в защите.

Принято считать, что здесь дело проще. Всемогущее время все расставит по местам. Это верно лишь отчасти. И здесь удручают одинаковые «коробки» по всей России, и здесь волна посредственности затопляет необозримые пространства читательского сознания. Это что, пройдет, схлынет? Нет, это тоже нанесет непоправимый урон национальному вкусу. Эти уродливые шрамы останутся надолго.

Четверть века назад мы бурно ликовали по поводу массовой экранизации русской классики, не желая замечать, что это убивает, выхолащивает, заменяет самую суть, живую ткань литературы, выражаемую только посредством слова. Результат плачевен. Уже два поколения молодых людей не читали классики.

Сейчас мы озабочены ослаблением притока в литературу новых талантливых сил. Одна из главных, неизжитых причин, на мой взгляд, в том, что мы не сумели внушить молодым: настоящая литература — это прежде всего правда, а не вранье. И все, что вокруг этого, — оценки и прочее. Только на правде можно воспитывать новые литературные поколения, как детей в семье, где даже самая скрытая фальшь раздвигает душу ребенка. Пора бы уже это понять.

Талантов у нас немало, не настолько мало, как может показаться из перечислительных списков. Постоянная беда этих списков в том, что по-настоящему яркие имена сопровождаются в них откровенно слабыми. И это ясно каждому.

Если провести аналогию с положением в народном хозяйстве, то можно ли представить себе ситуацию, где хвалили бы лучшие и худ-

шие предприятия вместе, хохом, для консолидации, чтобы никому не было обидно. Абсурд! И у нас должен быть один критерий — качество.

А поразительное разделение, расслоение писательской среды: выдающейся, видный, известный. И какой еще — неизвестный, что ли? Неизвестный мастер XX века! Кто же тот господь бог, кто разрабатывает эти градации? Я не помню что-то, чтобы выдающимися называли Ю. Трифонова, Ю. Казакова, В. Тендрякова, Б. Слуцкого. А ведь на деле это так. Хочется большей серьезности, ответственности, если угодно.

У нас очень важно, чтобы слово соответствовало не только делу, но слово сказанное соответствовало слову написанному, и чтобы слово, сказанное здесь, соответствовало слову, сказанному не с трибуны. Чтобы не получалось, что на трибуне одна шкала ценностей, а в действительной литературе другая. К сожалению, именно это явление стало основным нашим тормозом.

Каждый писатель, как и любой человек, в течение жизни меняется. Так вот, стать с годами хуже, писать хуже — легче, чем наоборот. Ведь это не требует никаких усилий.

Пробелы, недоработка, оставшиеся с молодых лет даже в образовании, а еще больше в углубленной работе души, ранее компенсировавшиеся у иных избытком сил, с годами все отчетливее обнаруживаются.

Как сказал И. А. Бунин: «Образовать в себе из даваемого жизнью нечто истинно достойное писания — какое это редкое счастье! — и какой душевный труд!..» Вот так.

Когда из жизни уходит художник, его место в искусстве не освобождается. Место может освобождаться в Секретариате или в Бюро. Нельзя выжить кого-то из литературы, как снять с работы, и занять его место. Места в литературе сколько угодно, а вот утвердиться не так-то легко.

Существуют профессии, где человек, зачастую в одиночку, должен принимать важнейшие решения. Писатель в своей работе принимает самостоятельные решения постоянно. Что называется, на свой страх и риск. Можно представить, какова степень его ответственности. Перед жизнью, литературой, перед читателем.

Теперь об ускорении. Да, это касается и нас. И опять же здесь своя специфика. У нас нельзя дать обязательство закончить книгу досрочно. Кого это интересует! Главное, чтобы была хороша. Это почти как если бы сказать: «Написал стихотворение на эконоимленных эпитетах и метафорах». В искусстве нельзя экономить — нужно отдавать все, до конца, каждый раз заново оставаться без сил.

А вот в книгоиздательском деле прямое ускорение ох как не помешало бы!

Литература — организм, отражающий запросы времени. Она должна идти и впереди своего времени. Никто не знал, что народу в дни войны нужен «Василий Теркин». Эта вещь писалась, особенно вначале, помимо прямых редакционных обязанностей Твардовского. Но автор ощущал потребность времени, общества в этой книге, в этом герое.

Теперь же более в ходу поэты-иллюстраторы, пишущие отклики, повторяющие в зарифмованном виде известные положения уже принятых постановлений. А ведь литература сама должна открывать и анализировать явления жизни, рассматривать и исследовать душу человеческую. Такова ее изначальная, глубинная задача.

Нам следует дорожить репутацией и престижем нашей литературы. Литература служит народу, но литература не бюро обслуживания.

Многие из вас слышали выступление с высокой трибуны XXVII съезда заслуженного шахтера. Он сказал, что наша литература, и песня в частности, «в долгу перед шахтерами». Хочется спросить — а перед монтерами, а перед вахтерами? Но разве песня «Вставай, страна огромная» не для шахтеров? А «Враги сожгли родную хату», «Одинокая гармония», «Хотят ли русские войны», «Журавли», «День Победы» и т. д. Эти песни и для шахтеров. Так же как упоминаемую оратором «Спят курганы темные» пели не только шахтеры. Истинное искусство устраивает всех.

Но какова сила инерции, штампа? Угольная промышленность не раз (я навел справки) выполняла планы, только скорректированные для нее в конце пятилетки, а заслуженный шахтер утверждает, что в долгу литература. (А п л о д и с м е н т ы.)

Конечно, Маяковский говорил: «Я в долгу... перед вами, багдадские небеса, перед Красной Армией, перед вишиями Японии — перед всем, про что не успел написать». Но это несколько иное. Это скорее то же самое, что у Пушкина: «мой бедный стих», «в строфах небрежных», или у Баратынского: «мой дар убог».

Это великое самокритичное начало русской поэзии, заложенное в ее основе стремление к идеалу.

Чем ярче, талантливее, самобытнее художник, тем более он недоволен собой, не удовлетворен своей работой. И — наоборот. Самоудовольствие — смерть для литературы.

Каждый настоящий художник отличается от других, талант — это как узор на коже пальца, дактилоскопия, этого нельзя скрыть, утаить.

Литература и сильна многообразием. Когда-то А. Межиров написал замечательное стихотворение «Коммунисты, вперед!». Это одно из самых ярких гражданских стихотворений всей советской поэзии. Такие стихи пишутся редко, но поэзия и не могла бы состоять только из таких стихотворений. Слава богу, прошли времена, когда критика косо поглядывала на пейзажную и любовную лирику. Сейчас ясно, что собственно лирика делает человека выше, чище, т. е., в конечном итоге, выполняет те же задачи.

И в заключение о трезвости. Да, наступает время трезвости. Хочется в это верить. Я это понимаю не только в смысле борьбы с пьянством и алкоголизмом, а и в смысле трезвого, реального подхода к действительности, и прежде всего — к оценкам ценностей и ситуаций. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Борису Андреевичу Можаяву.

Б. МОЖАЕВ. Дорогие товарищи!

К сожалению, за 10 минут сделать серьезный анализ состояния литературы и сказать о том, что с этим связано и что за чем кроется, невозможно. 10 минут дают, наверно, на слетах заготовителям пробковой коры и лыкодерам: сколько заготовлено того или другого, чем утянуты тюки — проволокой или веревкой, что куда положено. Поэтому я ограничусь только одним вопросом. Мне приходится в течение долгого времени на наших пленумах, съездах слушать одну и ту же песенку: у нас-де серая литература, нужно бороться с серой литературой, но не называют ни авторов, ни производителей. Больше всего об этом говорят редакторы журналов — главных и толстых и секретари Союза писателей, которые руководят и журналами, и издательствами. Я полагаю, вам понятно: серая литература с неба не падает, ее поставляют толстые журналы и издательства. И получается, как по пословице: сами дерут и сами орут. (А п л о д и с м е н т ы.)

Давайте конкретно посмотрим на дело в журналах. Но начнем с «Нового мира». Когда-то это был лучший журнал. Теперь он превращен в серый. Так, Владимир Васильевич? (С м е х, а п л о д и с м е н т ы.) Карпов — мой сосед. И по журнальным делам мы сталкивались.

Владимир Васильевич три месяца подряд забивал страницы журнала «Новый мир» серой прозой, публикуя повесть Кожевниковой и роман Эддиса. Просто совестно называть это романом. Я хорошо отношусь к Эддису, он драматург неплохой. Но это первое его прозаическое произведение, и понять его можно. Первый блин всегда выходит комом. Но я не могу понять вас, Владимир Васильевич. Как вы, руководитель такого журнала, с такими традициями, где уделялось самое большое внимание мастерству, качеству, могли опубликовать сырую вещь? Если вещь не готова, недотянута, она не шла в печать.

Я имел счастье принадлежать к кругу авторов этого журнала еще в 60-е годы и знаю, как Твардовский и вся редколлегия были требовательны к авторам. Вы оказали «медвежий услугу» и автору романа — Эддису, и простите меня, плюнули в лицо читателю. Может быть, у вас не было ничего. Ну пусто все, опустело?! Впрочем, зайдешь к вам — весь стол ломится от рукописей. И мне известно, что вы в это время, в этот период отклонили три романа старых авторов старого «Нового мира»: Владимира Дудинцева, Василия Рослякова и мой роман — второй том «Мужиков и баб».

Было такое, Владимир Васильевич? (С м е х в з а л е.) Было, точно.

Ну, я не знаю, почему отклонили Дудинцева, я только знаю, что его роман уже частично набран в другом журнале, как мне сказал Владимир Дмитриевич, для пяти номеров. Роман Василия Рослякова отклонен, мне понятно, почему. Василий Росляков перед этим написал рецензию, как член коллегии при издательстве «Советская Россия», на книгу «Писатель и время», написанную Карповым. И закончил рецензию такими словами, что все это написано на уровне районной стенной газеты. (С м е х, а п л о д и с м е н т ы.)

Владимир Васильевич, мне понятно тоже, пригласил к себе Рослякова, взял роман в 400 страниц и говорит: «Вот выброшь 200 страниц, а из 200 страниц очерки сделай, и мы это напечатает как очерки, наподобие Глеба Успенского». На что Василий Росляков (он бывший преподаватель университета, кандидат филологических наук) спросил его: «А ты читал Глеба Успенского? Можешь отличить его от Николая?» (С м е х.)

Ну, дело не в этом. Василий Росляков свой роман прекрасно напечатает в другом месте, взяв безвозвратный аванс у Карпова. И Дудинцеву аванс заплатили. С моим романом хуже получилось. Мне даже аванса не заплатили за него. Его продержали 30 месяцев под честное слово напечатать. Поскольку я бывший офицер и Владимир Васильевич бывший офицер, он дал честное слово, и я поверил ему. А он обманул меня. Правда, я не учел некую малость: дело в том, что Карпов — офицер пехоты, а я — флота; а между флотом и пехотой всегда случались недоразумения. (С м е х, о ж и в л е н и е в з а л е.) Но тем не менее мы, с надеждой глядя друг на друга, согласились: ладно, не надо мне ни договора, не надо мне и аванса. Проходит время, Владимир Васильевич спросил меня: «Нельзя ли мне отдать роман в Главлит? Слишком это большое и серьезное произведение». Я говорю: «Конечно». Отправил. Мы работали вместе с редактором Главлита. После чего представители Главлита вернули Карпову роман, сказав: «Печатать роман можно». Конечно, кое-какие исправления сделали. Владимир Васильевич не ожидал, я полагаю, этого. Он думал, что запретят, а там разрешили. (С м е х в з а л е.)

Тогда он лихорадочно стал думать, куда еще бы послать роман, и придумал: «Слушай, давай отправим его в президиум Академии наук». Я говорю: «Зачем?» — «Да я ничего не понимаю в кооперации твоей, и ленинский продналог для чего-то вводят, зачем-то отменяют. Это история, это мне совершенно непонятно». Я согласился, отправили и туда; ответили за неделю. Прочел председатель научного совета по экономическим, правовым и хозяйственным вопросам АН СССР, академик ВАСХНИЛ В. А. Тихонов, кто его не знает? Он написал превосходную рецензию.

Но Владимира Васильевича и это не устраивало. Что бы еще придумать? «Надо роман отправить в Сельхозотдел ЦК». — «Зачем? Я же написал не наставление по безотвальной пахоте. И потом — есть же разрешение Главлита». — «А я не подчинюсь Главлиту, я подчинюсь только ЦК. У тебя там есть знакомые?» Ну какие знакомые? Есть, говорю, Калинин, который принимал мой документальный телефильм о хлебе. «Вот к нему и неси», — сказал Карпов. Я понимал, что надо мной издеваются. Но что делать? Принес Калиннику 600 страниц, он взялся за голову, просил смириться. «Роман — не документальный фильм, его за час не осилишь», — сказал Калинин. — Мы же и по субботам работаем, и раньше девяти часов вечера не уходим из кабинета. И потом — почему я должен работать за Карпова? Он же зарплату получает за это,

пусть сам и отвечает». Тогда я попросил его прочитать только предисловие... Он прочитал и сказал, что готов подписаться под любым словом. «Это вы не мне, а Карпову скажите». «Вот мой телефон, — сказал Калинин. — Пусть звонит мне».

Так вы, Карпов, два месяца надоедали Калининку, пытались заставить его завизировать роман, до тех пор пока Калинин не сменил работу. И в утешение мне Карпов сказал: «Ладно, я все равно найду какого-нибудь инструктора, чтобы завизировал этот роман». «А не хватит ли издевательств? — спросил я. — Может, съездим к председателю сельсовета, к кому-нибудь поближе. У него есть печать. Авось шлепнет...» И тут мы крепко поговорили. Даже письмами обменялись. Могу представить их съезду. Дело любопытное. Читатели ждут второй том «Мужиков и баб». Сколько писем написано и в издательство, и мне: когда же появится второй том? А он седьмой год плавает по журналам да издательствам. Вот так мы и живем...

О себе рассказал потому, что слушай с моим романом возмутительный и, к сожалению, не единственный. Я снова отдал его в журнал Баруздина. Буду ждать...

Таковы дела в «Новом мире», говорю по собственному опыту. Возьмем другой журнал.

Вот вам и пример. Я зачитываю отрывок из нашумевшего романа о стройке в Сибири: столичный корреспондент заехал на стройку, чтобы взять интервью у генерального директора. Тот пригласил его к себе в кабинет, угостил «ароматным кофе», похвалил корреспондента за гениальные статьи, которые он жадно перепечатывает, попросил, чтобы и про его стройку написана была такая же статья, чтобы кадры завлекать, советует упомянуть о «высоких зарплатах» и прочее и тут же раскрывает свои способности великого стратега: «Вы сказали о стратегии стройки... В чем острота момента? Стратегический смысл управления?»

«— Отвечу. — Пушкарев собрал свой ум в пульсирующую силу, в недрах которой бился образ комбината». Далее он понес такую чепуху, что сразу видно — никакой он не строитель. «Сюда на больших скоростях движутся колоссальные силы. Оборудование с наших и заморских заводов. Газопроводы! Строится флот супертанкеров. Атомные ледоколы! Сырье с еще не построенного комбината считает Госплан, Министерство торговли переводит рубли в доллары, и на эти несуществующие миллиарды планируют грядущую сталь, пшеницу, электронику. Вот они, силы, бьющие из настоящего и будущего! Стратегический смысл управления в том, чтобы их встреча была синхронна. Чтобы стыковка прошла безупречно, если возникнет разрыв. В него, как в прорву, потекут баснословные средства. Вот в чем драма момента! Стянуть в кулак эти силы!»

Он сжал кулак до синих бугров и жил, и в стиснутой ладони бились и рвались на свободу железные дороги, хрипел и орал континент, а он, Пушкарев, держал его «под уздцы».

Пародия, фельетон? Нет. Я выписал это со страниц журнала «Октябрь», из романа Проханова «Место действия». Эдак выражается

не сатирический персонаж, а самый что ни на есть положительный герой.

Хлестаков, помнится, тоже умел «собрать свой ум в пульсирующую силу, в недрах которой бился»... Уже не комбинат, а целый департамент.

На что уж способен был Хлестаков насчет воображения о величии собственной персоны, но все-таки уступает сегодняшним изобретателям фантазии и мощи положительного героя «в стиснутой ладони бился и рвались на свободу железные дороги, хрипел и орал континент», а он Пушкирев, держал его «под уздцы». Куда там Хлестакову! Очень энергичен Пушкирев, он с полным основанием мог бы повторить фразу Хлестакова: «Оробели? А в моих глазах точно есть что-то такое, что внушает робость». Небось оробеешь, коли увидишь, как человек на твоих глазах схватил «под уздцы» целый континент, который в судорогах «хрипит и орет».

Вы скажете: нашел что сравнивать! Тот сатирический персонаж, а этот героический. Так время переменялось, то, что раньше считалось сатирическим, теперь некоторые стараются выдать за героическое. (С м е х.)

Кто же этот Голиаф? Где нагулял он силу такую? Где, в каких заоблачных высотах складывалась такая роковая судьба? — спросите вы вместе с заезжим журналистом.

«Да какая судьба? — неожиданно засмутился наш герой. — Пускал заводы. Матушку Русь копил. В министерстве, как говорится, чиновничал. А потом получил в награду этот лакомый ломтик земли. Вот и нем его и день и ночь, авось что-нибудь слепим». Вот вам и рецепт, как стать героем, выдающимся инженером, генеральным директором! Починовничал в министерстве, потом получил в награду «лакомый кусок» и тискает его, авось слепит что-нибудь путное.

Надо ли доказывать, что инженер-строитель не лепит на авось что-нибудь путное, не хватает за горло континент, ему не до супертанков и атомных ледоколов, у него конкретное и сложное дело: стройка комбината, да еще в необжитой местности требует не только знаний инженерных, но еще и большого практического опыта. И писатель, взявшись за такую тему, должен по крайней мере знать, во что обходится прокладка дорог и коммуникаций, что значит нулевой цикл да построить жильё, создать производственную базу, наладить снабжение и приступить к закладке главных корпусов. То есть надо самому автору накопить такие знания, которые позволили бы ему посмотреть на дело «глазами инженера» и конечно же знать еще нечто такое, что, может быть, и не всякий инженер знает. Тогда, разумеется, если автор талантлив, за делами реальной, а не бутафорной стройки мы можем и разглядеть и почувствовать нечто социально важное и нравственно поучительное для каждого человека вообще, независимо от того, знает ли он строительное дело или нет. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Екатерине Васильевне Шевелевой.

Е. ШЕВЕЛЕВА. Смотрю на зал: немного осталось писателей моего поколения первых пятилеток. Поколения, в душе которого не только гордость за «днепротэсы» и «магнитки», но и вина за многие беды. Мы, видевшие свет бескорыстных звезд советской литературы, позволили размахнуться рваческим тенденциям, несовместимым с подвижническим писательским трудом. Последний много, например, тусклее стал гражданский накал в поэзии. Атмосфера XXVII съезда наталкивается на глухое неприятие ее. Почти нет стихов, насыщенных дыханием съезда. Есть реплики работников редакций: «Журналы не могут отражать каждое политическое событие».

Перед нашим съездом в его подготовку включились Симонов, Катаев, Твардовский; «Советская культура» опубликовала заметки Симонова и последнее интервью с Катаевым; «Известия» — документальный очерк Лакшина о Твардовском.

Цитирую Лакшина: «...литератор небольшого дарования, но крупного масштаба на редакторском посту свой уровень требований будет сообщать литературе, охотно печатая тех, кто ниже и хуже...»

«Если бы Твардовский вышел на трибуну литературного съезда, — пишет Лакшин, — не знаю, о чем бы прежде говорил — о недостатках в литературе или о народной беде Чернобыля».

Осмелюсь предположить, что народную беду Чернобыля, о которой здесь так проникновенно говорил Борис Олейник и другие товарищи, Твардовский связал бы с губительными недостатками в литературе, что он спросил бы — не произросли ли они и грозная авария в Чернобыле из одной и той же корневой системы, в которой сплетены халтура, некомпетентность, стяжательство, угодничество, коррупция, невежество, кадровые просчеты?

Похоже, что на такой корневой системе и зиждется машина равнодушия: решение судьбы книги даже без ее прочтения, решение судьбы писателя даже без того, чтобы взглянуть в его жизнь. Сам Георгий Мокеевич Марков (знаю это из опыта моего и многих других товарищей) не равнодушный. Он читает наши книги, рукописи, заботится о справедливости, понимает специфику литературного процесса. Уверена также, что не найдется среди нас таких, кто не оценил бы самоотверженную работу Юрия Николаевича Верченко на его посту. (А п л о д и с м е н т ы.) А все дело в том, что как у Маркова, так и у Верченко есть вкус к литературно-организационной работе. Помню, однажды Фадеев, признавая критику в свой адрес, заявил: «Но у меня есть вкус к организационной работе, и поэтому я хочу остаться на моем посту!» И помню, как зал стопроцентно поверил Фадееву.

Скажите мне, что Сергей Владимирович Михалков — талантливый поэт и драматург, мастер выступлений в самых различных аудиториях, в том числе в международных, и я тут же соглашусь. Но никто меня не убедит в том, что у Михалкова остался вкус к литературно-организационной работе, к собиранию писательских сил.

Я иной раз мысленно спрашиваю Михалкова: ну зачем вам, получившему высокие награды чуть ли не за каждую строчку, написавшему «Дядю Степу» и другие книги, на которых выросли и уже состарились наши дети, писателю, издавшему лишь за один год своего 70-летия немало книг, — зачем вам, в самом деле, по обязанности заниматься чьей-нибудь тяжелой литературной судьбой? Вам скучно, надоело, неинтересно. Зачем вам вести руководящую литературно-организационную работу, потеряв к ней призвание?! Помогать тому или иному своему приятелю вы и так сможете, оставаясь «просто» Сергеем Михалковым.

Ну, может быть, объемистую комплиментарную книгу о вас, написанную не критиком, не литературоведом, а вашим многолетним помощником Александровым, недавно перешедшим на другую работу, вы переиздать уже не сможете, покинув высокий пост, так это, наверное, к лучшему. Потому что какая же это интеллигентность (к которой вы нас призываете), когда помо н их издает комплиментарную монографию о своем начальнике?

Соединение вкуса к литературно-организационной работе с писательским даром — редкое соединение. Знаю, что, например, литовским писателям повезло, у них есть такие личности. Может быть, благодаря чуткому отношению к подбору кадров, проявленному секретарем ЦК партии Литвы по идеологии товарищем Шепитисом и первым секретарем товарищем Гришкявичюсом, может, по каким-то другим причинам.

Я сказала критически о Михалкове, но в руководстве писательской организацией немало тех, у которых нет ни писательских способностей, ни вкуса к литературно-организационной работе. Их нельзя утомлять критикой, и называть их нет смысла. Однако, по-видимому, в большой степени именно кадровые просчеты привели к возникновению странной машины — машины произвольного укрупнения и принижения литературных судеб.

На днях в газете «Московский литератор» я привела подлинный диалог из моей записной книжки 1979 г. Цитирую:

«Интриги, настырность самолюбий, хватательные инстинкты, а в результате неприглядная картина нашего общества. Получается, что захотим кого-либо поднять — поднимаем, не поправится кто-нибудь — организуем торжественное всем его начинаниям (мол, не годится для укрупнения!). Причем, никто не виноват и все вместе. Мы с вами. Наша пропагандистская машина, ее кнопки-шурпулочки, дающие методом равнодушного пощелкивания справку — кого укрупнить, а на кого давить. Таково, у которого негнibaемый хребет, зачем укрупнять? Неудобен он... и ходят среди нас удобные «укрупненные» обладатели мнимых заслуг».

Свидетельство наличия странной машины есть даже в отчетном докладе.

Ни один серьезный писатель не обижается, когда его не называют в престижном списке. Но каждого серьезного писателя оскорбляет, когда литераторы среднего уровня вталкиваются в ряды чуть ли не классиков. И одновре-

менно забываются имена, которые — как бы опорные точки в развитии нашей литературы. В отчетном докладе не назван Есенин — опора нашей лирики, Исаковский — опора песенного жанра, Эренбург — опора нашей публицистики, Маршак — опора детской литературы.

Иногда память аппаратная забарахлит так, что оказываются забытыми целые народы, их литература. К литературе Горного Алтая огромный интерес за рубежом, есть даже наука «алтаика». 22 писателя пишут на своем родном языке. Им не дана была возможность послать делегата на съезд — Бронтой Бедюров, значительно выступавший на съезде писателей России, здесь гость, а почему? Не потому ли, что кто-то путает горноалтайцев с местной краевой организацией писателей, пишущих на русском языке? (Все равно это, что спутать татарскую организацию с тульской.)

Еще пример забывчивости аппаратной машины: в отчетном докладе — ни слова об еврейской литературе, которая сейчас на передовом участке идеологической борьбы.

Еще пример равнодушного невнимания: 5-й номер журнала «Юность» составлен из произведений выпускников Литературного института — впервые за 31 год существования журнала. Обратила ли внимание критика на интересный опыт? Нет.

Пример другого характера. Телевизионный фильм о Леониде Леонове надолго был задвинут в архив, показан только недавно. По-видимому, некий шурупчик пытался подогнать классика под свой рост.

Задвинул в тихую гавань поэт патристического накала, яркого темперамента Валентин Сорокин. А ему бы — по способности, по всему нравственному настрою — быть рабочим секретарем Союза писателей России.

Только уговорами машину не проймешь. Против нее нужна другая машина. Плюс личный пример. Нужна современная система четкой сменяемости руководства писательскими организациями, чтобы исключить вседозволенность. Ведь в иной республике руководители на посту чуть ли не 40 лет. Нужна система соревновательности разных поколений и разных литературных направлений, система объективных оценок, система налаженного функционирования аппаратов, прежде всего издательств. Во Франции книга издается 4 месяца, если 5, считается слишком долго. А у нас?

Краснодарский слесарь Виктор Дедов прислал мне вырезку из многотиражки со своими стихами. Скромный такой, с надеждой, что может быть, когда-нибудь издадут книжку. А ведь Виктору Дедову, тогда еще юному рабочему литератору, писал Твардовский: «...Стихи опрятны — отделаны с любовью и — что важнее — с желанием сказать то, что представляется автору необходимым и требует выражения».

Надо всем нам по-настоящему усвоить критерии Твардовского. Научиться уважению к тем нашим товарищам, которые языком поэзии сумели всемирно сказать то, что им справедливо представлялось необходимым. Имея в виду прежде всего Евтушенко и Вознесенского.

Личный пример.

Вот еще о чем мне сказать необходимо.

В моем поколении был истинный поэт, пожертвовавший литературной славой ради партийного и государственного дела. Он мог бы и подборки своих стихотворений печатать, и несколько книг издать. Но он отвергал такие предложения.

Его звали Юрий Владимирович Андропов. Пусть строки поэта Юрия Андропова хотя бы один раз прозвучат на писательском съезде:

«...Мы бренны в этом мире под луной:
Жизнь — только миг — небытие — навеки.
Кружится во Вселенной шар земной.
Живут и исчезают человеки...
Но сущее, рожденное во мгле,
Неистребимо на пути к рассвету,
Иные поколения на Земле
Несут все дальше жизни эстафету.

(А плодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Дожоогийну Цэдэву, председателю Союза монгольских писателей. (А плодисменты.)

ДОЖООГИЙН ЦЭДЭВ. Дорогие советские товарищи по перу!

Друзья!

Позвольте мне от имени Союза писателей, всех художников слова нашей страны горячо и сердечно приветствовать вас, участников съезда советских писателей, и в вашем лице всех представителей многонациональной советской литературы.

Прежде всего хочу отметить, что атмосфера VIII высшего форума советских писателей по своему настрою, деловитости, творческому и новаторскому характеру, самокритичности полностью созвучна идеям и духу XXVII съезда КПСС, ознаменовавшего крутой перелом в жизни Страны Советов, стремительное восхождение советского народа к нашим общим целям и идеалам. Это и понятно, потому что подлинная литература по сути своей призвана создавать все самое лучшее, прекрасное, бороться с духовным уродством, она всегда стремится к новаторству. Мы считаем, что в этом отношении очередной VIII съезд советских писателей становится образцом творческого применения партийного слова в деле.

Полдесятилетия — это такой срок, который можно сравнить с одинокой волной на поверхности стремительной Леты. Но счастлива и вечна та волна, если она осенена лунным светом. Лунный свет не уносится потоком. Именно такими — осененными светом лучших поэтических, художественных творений — были прошедшие пять лет для советской литературы. За это время сокровищница мировой литературы обогатилась новыми замечательными произведениями советских мастеров слова.

Доброе слово далеко слышно. Я уверен: то, что говорится на нынешнем съезде советских писателей, глашатаев народа Страны Советов, вызывает на всех континентах самый живой отклик и неподдельный интерес всех трезвомыслящих, настоящих художников слова. Сегодня к работе вашего съезда прислушиваются и ваши монгольские товарищи по перу.

Как вы знаете, всего несколько недель назад состоялся XIX съезд МНРП, который отметил, что монгольская литература сумела сделать новый шаг вперед, подчеркнул ее возросшую роль в общественной жизни. Вместе с тем партсъезд поставил перед нами серьезные творческие задачи, задачи духовного обогащения нашего народа.

Союзы писателей МНР и СССР, писателей МНР и СССР, писателей двух наших стран нельзя представить без общения, без дружбы, без совместной творческой деятельности. Братство и сотрудничество — это неиссякаемая и жизнеспособная сила для развития нашей литературы. Творческие связи двух наших Союзов писателей все более укрепляются, обогащаются новыми формами и содержанием. В частности, замечательным плодом нашей дружбы и сотрудничества стал выпуск в Советском Союзе 16-томной «Библиотеки монгольской литературы» на русском языке. Монгольские писатели придают этому изданию большое значение, поскольку оно играет неоценимую роль в пропаганде монгольской литературы как в Советском Союзе, так и в других странах мира.

Сотрудничество двух наших Союзов писателей успешно развивалось и на международной арене. Монгольские писатели вместе с советскими писателями, с товарищами по перу из других братских социалистических стран, афро-азиатским писательским движением, прогрессивными писателями мира активно участвовали в работе международных писательских организаций, возвышая свой голос в защиту правды, свободы народов, социального прогресса, мира во всем мире.

Черные силы империализма и военщины готовят потомкам ядерную катастрофу. Страдает наша голубая обитель — природа от неразумного и хищнического отношения к ее несметным богатствам. А между тем наша планета — бесценное наследство, которое мы должны передать грядущим поколениям таким же чистым и незамутненным, каким мы приняли его от наших предков. Именно поэтому своим общим словом, словом разума, мы должны противостоять этой чудовищной бессмыслице, названию которой война, и победить ее. Монгольские писатели вместе со многими соотечественниками по перу из разных стран мира активно выступают в поддержку конструктивных мирных предложений Советского Союза и стран социалистического содружества. В связи с этим нам бы хотелось еще раз подчеркнуть наше полное согласие с обращением советских писателей, в котором они выражают поддержку и одобрение мирных инициатив, выдвинутых товарищем М. С. Горбачевым.

Сегодня для нас, монгольских писателей, нет более важной и ответственной задачи, чем с глубоким гражданским сознанием и активностью участвовать в осуществлении намеченного XIX съездом МНРП внешнего курса, направленного на сохранение мира и безопасности в Азии и в мире в целом, на обеспечение всего необходимого для социалистического строительства в нашей стране.

Дорогие советские друзья!

Монгольские писатели полны уверенности в

том, что творцы многонациональной советской литературы с честью выполнят предначертания XXVII съезда КПСС, задачи, выдвинутые VIII съездом советских писателей, добьются новых успехов в развитии литературы социалистического реализма, в своей благородной деятельности во имя мира, жизни, счастья людей на Земле.

Спасибо за внимание. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Дорогой друг Дождо-гийн Цэдэв! Позвольте от имени нашего съезда выразить вам и всем монгольским писателям сердечную благодарность за добрые чувства, которыми были проникнуты ваши слова. (Аплодисменты.)

Слово предоставляется Ким Ен Вону, заместителю председателя Союза писателей Кореи. (Аплодисменты.)

КИМ ЕН ВОН. Дорогие товарищи!

Прежде всего разрешите мне от имени центрального правления Союза писателей выразить вам глубокую признательность за любезное приглашение на VIII съезд советских писателей, передать боевой привет вашему съезду и всем советским писателям. (Аплодисменты.)

Под мудрым руководством КПСС Союз писателей СССР добился крупных успехов в творчестве благодаря стойкой верности принципам партийности литературы, литературным традициям, заложенным основоположником литературы социалистического реализма — Максимом Горьким.

Советские писатели создали замечательные образы советских людей, призывая их защищать революционные завоевания советского государства.

Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев в беседе с писателями 19 июня говорил о новых требованиях, предъявляемых действительностью советским писателям, об их решимости смело поднимать актуальные вопросы, создавать еще больше произведений, исполненных духом партийности, приносящих людям уверенность в будущем.

Корейские писатели проявляют большой интерес к революционным произведениям советских писателей. За последние несколько лет у нас издано и распространено много переводов советских книг.

Мы, корейские писатели, искренне радуемся достижениям советских писателей в творческой деятельности, не скупимся на их высокую оценку.

Корейский и советский народы — братья по классу, соратники по революции.

Как никогда теплыми и тесными становятся отношения дружбы и сотрудничества между Кореей и Советским Союзом. Официальный визит великого вождя корейского народа товарища Ким Ир Сена в СССР в 1984 году стал историческим событием в развитии традиционных дружественных отношений между партиями, государствами и народами Кореи и Советского Союза, продемонстрировал мощь социализма.

Дружба и сплоченность между народами

Кореи и Советского Союза с каждым днем будет еще более развиваться и укрепляться.

Сегодня, как и прежде, советский народ выражает активную поддержку революционному делу нашего народа и его борьбу за мирное объединение Родины. Наши писатели и весь народ полны благодарности и никогда не забывают об этом. Они с чувством удовлетворения отмечают, что имеют надежного революционного соратника в лице советских писателей и всего советского народа. И впредь наши писатели приложат максимум усилий для дальнейшего укрепления уз традиционной дружбы и сплоченности с советскими писателями на международной арене.

Сегодня корейская литература, верная знамени социалистического реализма, переживает пору полного расцвета как настоящая чуждейская литература, проникнутая принципами партийности, пролетарского классового сознания, готовности к служению народу и революции.

Наша литература с успехом владеет мощным идеологическим оружием, вдохновляет народ на борьбу под мудрым руководством великого вождя корейского народа товарища Ким Ир Сена и дорогого руководителя товарища Ким Чен Ира, могучей поступью идет по пути осуществления прогрессивных задач, намеченных VI съездом нашей партии.

Сегодня над миром нависла серьезная угроза, сгустились черные тучи войны. Американские империалисты завезли в Южную Корею тысячу с лишним единиц ядерного оружия, превратили ее в полигон для ядерной войны, проводят ядерные военные учения, в том числе совместные военные маневры «Тим-спирит 86» с участием более 200 тыс. военнослужащих. Все более открываемыми становятся их агрессивные происки. Таким образом, ситуация на Корейском полуострове чревата опасностью возникновения новой войны в любое время.

Партия и правительство СССР предприняли необходимые шаги и внесли ряд реальных предложений к достижению мира и безопасности на нашей планете. Пользуясь случаем, я хотел бы выразить всемерную поддержку этих шагов партии и правительства СССР и нашу солидарность с борьбой советского народа, советских писателей, за претворение их в жизнь.

Мы твердо уверены в том, что советские писатели, осуществляя намеченные XXVII съездом КПСС задачи, будут стойко придерживаться принципа социалистического реализма в литературном творчестве, выступать против империализма, создадут больше революционных произведений, содействующих построению развитого социалистического общества.

В заключение разрешите мне с этой торжественной трибуны еще раз горячо приветствовать ваш съезд и всех советских писателей, от всей души пожелать вам новых, крупных успехов в борьбе за осуществление великих целей, намеченных XXVII съездом КПСС, а также в вашей творческой деятельности.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Спасибо, товарищ Ким Ен Вон, за теплые слова.

Слово предоставляется Бхишаму Сахни, исполняющему обязанности генерального секретаря Ассоциации писателей Азии и Африки.

БХИШАМ САХНИ. Уважаемые советские писатели, друзья!

Мне выпала большая честь приветствовать VIII съезд писателей СССР от имени Ассоциации писателей Азии и Африки.

Мы, в афро-азиатском мире, всегда относились к советским писателям с глубоким уважением. Нас всегда вдохновляла ваша активная жизненная позиция, забота о чаяниях вашего народа. И не только это: вы в первых рядах тех, чье перо служит делу защиты мира между народами, защиты справедливости и священных общечеловеческих ценностей.

Прошедшие 70 лет были для вас периодом бурь и потрясений. Но всегда, решая гигантскую задачу строительства социалистического общества, в катастрофе мировой войны, унесшей миллионы жизней советских людей, в долгие годы «холодной войны» и сегодня, когда над миром нависла чудовищная ядерная угроза, Советский Союз стоял мощным заслоном на пути происков империализма. Всякий раз в минуту кризиса взоры всего миролюбивого человечества обращаются к Советскому Союзу. Сегодня Советский Союз и другие социалистические страны — надежный оплот международного мира и защиты общечеловеческих ценностей. И нам отрадно сознавать, что советский писатель всегда идет плечом к плечу с борющимся человечеством. Он стремится поднять моральный дух народа, поддержать его. Мы познаем духовную историю советского народа из книг, написанных вами. На каждом этапе сложного пути, пройденного вашей страной, из-под вашего пера выходили значительные произведения. Советские писатели могут гордиться тем, что в достижениях их страны есть и их немалый вклад.

Афро-азиатский мир сегодня переживает острый кризис и находится в эпицентре борьбы. Идет решительное наступление с целью дестабилизировать ситуацию и расчленить страны, подорвать их единство и силу. Раздувает огонь сепаратизм. Положение в мире очень неспокойно. Разве не горькая ирония, что сегодня от имени тех самых духовных наставников, которые проповедовали братство и

единство всего человечества, раздуваются страсти и идет подстрекательство к братоубийству! Используются расовые и этнические противоречия с целью уничтожения целых народов, сеются семена раздора среди людей, которые веками жили в мире. Но еще опаснее то, что подрываются общечеловеческие ценности. Континенты захлестывает потребительская культура, людей пичкают сенсационными подделками, дешевыми мелодрамами, делается все, чтобы вытеснить серьезное искусство и литературу, сломить дух людей, одурманить их наркотиками. И все это происходит в странах, ввергнутых в нищету, неграмотность и отсталость, в странах, где еще сохраняется колониальное господство. Вы все видите, что происходит в Южной Африке, Палестине и других странах. Перед лицом этой опасности прогрессивные писатели, деятели искусства Азии и Африки находят глубокую поддержку у советских писателей, сумевших противопоставить всем опасностям мощную силу своего пера, глубокие моральные, духовные ресурсы. В трудное для нас время советские писатели служат нам примером.

В борьбе родилась острая, пронизанная болью литература Южной Африки, Палестины, Индии и других стран. Но порой нас охватывает отчаяние и нам кажется, что мы не сможем повлиять на ход событий. Порой мы чувствуем, что не хватало энергии в борьбе за сознание своего народа, что могли сделать гораздо больше в борьбе с силами зла, ставшими еще более устрашающими сегодня. Индийский поэт сказал:

Я верил в свет.

Почему же я не зажег

светильники,

Прежде чем на нас наступила тьма?

Но в минуты отчаяния мы обращаем свои взоры к вам, черпая уверенность в вашей последовательности, стойкости и глубокой вере в человека.

Желаю вашему съезду успешной работы!
(А плод с менты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Спасибо, дорогой друг Бхишам Сахни, за теплые слова о нашей Родине, о нас, писателях, о нашей литературе.

На этом наше сегодняшнее заседание позволяете объявить закрытым.

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ

Председательствует А. Н. ЧЕПУРОВ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Уважаемые товарищи! Продолжаем нашу работу. Убедительная просьба к ораторам соблюдать регламент.

Слово предоставляется Валентину Григорьевичу Распутину.

В. РАСПУТИН. Дорогие товарищи!

Никогда раньше я не чувствовал себя таким провинциалом, как в этот раз. И не потому, что я живу далеко от столицы, — нет, в Москве я бываю часто, ездил даже в Америку, сижу, как видите, в президиуме. Дело не в географическом провинциализме, который, говорят, нынче исчезает или уже исчез. И, надеюсь, дело не в духовном провинциализме. Дело в чем-то другом, что не так просто обозначить, в чем часть этого зала безнадежно отстала, а другая часть преуспела. Дело, очевидно, в простоте неискушенного в межгрупповых битвах ума, в пошехонском понимании того, зачем и во имя чего мы здесь собрались.

По простоте душевной мне представлялось, что в этом зале, главном зале страны, нужно говорить о самом главном, о самом важном и необходимом, что человеку, которому нечего сказать, выходить к трибуне не следует и что где-то здесь должна существовать техника, заставляющая человека оцепеневать и умолкать, как только он преступит закон этой трибуны. Раз в пять лет собираемся мы на свой съезд — раз в пять лет! — и тратим время на мелкие обиды, на сведение личных счетов и групповые интересы — не только недостойно нас, но и преступно. (А п л о д и с м е н т ы.)

Мне казалось, что гласность к нам пришла не для того, чтобы громогласно копать в борде Феликса Кузнецова или с помощью запрещенных приемов, которые раньше нахептывались на ухо, а теперь вот получили право гражданства, с помощью запрещенных приемов, но под аккомпанемент бравадных слов о перестройке решать за Феликса Кузнецова, куда ему ехать в командировку — в родную Тотьму или в Афганистан. Смею думать, опять же как провинциал, что стоять за родную Тотьму, которая, возможно, если будет осуществлен поворот рек, доживает последние годы, не менее важно, чем стоять за Афганистан, и требует ныне не меньшего мужества. (А п л о д и с м е н т ы.)

И уж совсем младенцем я оказался в национальном вопросе. Я касаюсь деликатной и, по-

хоже, запретной для русского человека темы, но не могу не сказать об этом. Мне казалось, что все мы, представители разных народов и национальностей, живем все вместе в одном хоть и просторном, но общем доме. Кто-то из выступавших сказал здесь: в коммунальной квартире — и это так и есть.

Все хорошее и плохое у нас на виду, ничего не скрыть, и любая болезнь, любой недостаток не есть его личное дело и личное достояние, от него страдают все.

Мне казалось, что по долгу и совести своей и службы литература несет ответственность за все, что происходит с ее народом. Русская литература с болью, и не сегодня только, на весь свет сказала о пьянстве русского мужика и как следствие — утере им гражданской активности. Вспомним «Чем живем-кормимся» Федора Абрамова и его роман «Дом». Вспомним «Печальный детектив» Виктора Астафьева — столь откровенной, разоблачающей, кровью собственного сердца написанной книги у нас еще не бывало. Мы писали об этом сами и не оскорблялись, не принимали за издевательство, не считали только нашим собственным делом, в которое другим вмешиваться не позволяется, когда об этом писали на Украине или в Молдавии. Именно потому, что живем в одном доме и одной семьей и от недостатков любого из нас страдаем сообща. И что же получается: об американском народе говори все, что заблагорассудится, а о своем соседе не смей. Не было никакого оскорбления в адрес грузинского народа, уважаемые грузинские товарищи, в рассказе Астафьева, вчитайтесь в него и сумеете отличить боль от издевательства и правду от лжи. Русский народ тоже не весь спился, он продолжал работать — и работает, но мы с вами вместе били законную тревогу, когда это стало принимать характер увеличивающейся болезни, били тревогу во имя того, чтобы остановить ее. Чтобы лечить болезнь, ее следует назвать. Вы свою болезнь, судя по всему, лечить не хотите, считаете ее нормальным явлением, хотя она хорошо видна по всем просторам нашей страны.

Но я поднялся на эту трибуну не для того, чтобы только признаться в своем провинциализме. Я тоже вынужден извиниться, что буду говорить о том же, о чем уже говорил не однажды, о чем уже здесь говорилось, — о судьбе нашей родной земли. Гласность — дело за-

мечательное, как мы имели за последние полтора года возможность убедиться, но когда гласность существует только во имя гласности, а не во имя результатов и перемен, этого, разумеется, мало.

Сколько мы говорим о проблеме поворота рек, сколько пишем, сколько надорвали сердца, не написали поэм, романов и повестей, отдавая силы и время защите родной земли, — и никакого толку, нас слушают и делают по-воему.

Вот выписка из официального ответа первого заместителя председателя Госплана СССР тов. Паскаря на имя академика Яншина, письмо отправлено совсем недавно, 10 июня. Цитирую: «В результате работы, проведенной многими научно-исследовательскими институтами АН СССР, Минводхоза СССР и других министерств и ведомств, подтверждена необходимость первого этапа переброски части стока северных рек в бассейн Волги в объеме 5,8 куб. км.»

Вот так — коротко и ясно: подтверждена необходимость переброски. Как будто не было обоснованных, разумных, трезвых доводов обществу, писателей, многих и многих ученых, подтвердивших как раз обратное — несостоятельность и преступность этого замысла.

Нет, уважаемые товарищи Юлиан Семенов, Генрих Боровик и другие международные публицисты, дело ваше тяжелое, но с президентом Рейганом бороться легче, чем с какой-то страшной, неодолимой, на все готовой разрушительной силой внутри страны (а плоды смен ты), словно бы сознательно и направленно ее разрушающей. Литература несет ответственность за все, что творится и делается в стране, даже за Госплан, где действуют люди, должно быть, вышедшие из народа, и все же из отчаяния, из-за невозможности понять, что происходит, кажется порой: нет, пришли они совсем с другой стороны и цели их другие, нежели у нашего народа.

Ясно, что первый этап — 5,8 куб. км — это только тактический ход, что дело им не закончится. Специалисты говорят, что намечаемый первый объем переброски находится в пределах ошибки (\pm) определения суммы стока Волги и через двадцать приблизительно лет никакими приборами уже не отыскать эту воду — пошла ли она в Волгу, или же растеклась по болотам и низинам Вологодской и Костромской областей. Огромные деньги будут истрачены, вред земле нанесен, а спросить за это, как водится у нас, будет не с кого.

Но если переброска первого этапа бессмысленна, то осуществление первой очереди 19 кубкилометров, а тем более второй — 40—50 кубкилометров, к чему и рвутся поворотчики, — преступно и скажется на земле и культуре Севера и центра России трагическим образом. Сначала на земле России, потом и на земле Чингиза Айтматова, Олжаса Сулейменова, Гранта Матевосяна и так далее. Мы с вами живем на единой и, как все больше с каждым годом выясняется, беззащитной земле, а эту безжалостную машину, которая присвоила себе право называться техническим

прогрессом, не остановят ни пески, ни Кавказ, ни Урал.

Разве мало нам Чернобыля, чтобы после этой страшной трагедии, ничему не научившись, продолжать творить все то же дело и устраивать на Родине нашей испытательный полигон для слишком рискованных и опасных предприятий? (А плоды смен ты.) Разве только украинцев и белорусов, разве только их землю опалило смертоносным пеплом, чтобы мы продолжали оставаться подопытными животными? Разве наука не доказала еще раз свою безнравственность и безродность, чтобы верить ей так же слепо, как мы верили до сих пор? И почему нам, народу нашему, отказывают в здравом смысле, почему мы должны соглашаться с деяниями, явно убыточными и злонамеренными?

В последнее время, вы знаете, появилось много публикаций и по Байкалу, показывающих трагедию этого уникального озера. В результате их еще в феврале создана Государственная комиссия по Байкалу, призванная рекомендовать меры по его спасению. В эту комиссию вместе с министрами и учеными от общественности введен был и я. От нас собрали предложения, но сама комиссия за четыре с половиной месяца так ни разу и не собралась. Недавно я получил из Госплана проект нового постановления, по Байкалу. Вместо решительных и необходимых мер, которые позднее уже не помогут, в проекте все то же: усилить, потребовать, принять во внимание и т. д. Самое страшное для Байкала — целлюлозные комбинаты, приносящие к тому же вред и экономике нашей, — предполагается не трогать. За это ратуют, в частности, президент Академии наук А. П. Александров, руководитель науки, получивший от ООН золотую медаль за чистые воды Байкала, которые теперь уже далеко не чистые.

Главная мера, которая предполагается проектом, — опять изменить ПДК (предельно-допустимые концентрации) очистки стоков. Должен сказать, что за 20 лет работы Байкальского комбината эти нормы изменились шесть раз. Шесть раз! Это способно произвести впечатление на кого угодно. Произвело и на меня, когда я был у министра Лесбумпрома, в чьем ведении находится комбинат. Изменения норм очистки выдавались за их ужесточение. Цифры ПДК у нас, разумеется, под секретом, и только недавно с огромным трудом мне удалось их посмотреть. И выяснилось, что никакого ужесточения норм не было, что, напротив, по основным загрязнителям они ослаблились, и только поэтому число нарушений уменьшалось. Очередная перекойка норм будет очередным узаконенным продолжающимся отравлением и грабежом Байкала. Если сегодня, спасаясь от Чернобыля, мы можем приехать на Байкал, то через несколько лет ехать, вероятно, будет некуда. (А плоды смен ты.)

Я говорю о Байкале не потому, что, как тот кулик, хлопочу только о своем болоте. Нет, сердце у меня — у всех нас — болит и о трагедии Байкала, и Севана, и Арала, и Днепра, и Волги, и о вырубках дальневосточного и алтайского кедра. Но от судьбы Байкала, от судьбы северных рек зависит сейчас судьба всей на-

шей Земли. Это не безобидная борьба, это война, объявленная гуманистическому мышлению. Это борьба со здравым смыслом и охранительной деятельностью, небрежение тем, что составляет для нас суть и красоту, смысл и движение жизни.

Мы не собираемся шутить со словом «империализм», но не кажется ли вам, что, помимо империализма, немало у нас делается такого, чтобы подорвать благополучие и могущество нашего общего Отечества? (А п л о д и с м е н т ы.)

Мы, группа русских писателей (у меня нет времени называть большой их список), к которым, надеемся, присоединятся писатели других республик, обращаемся к Политбюро, лично к Михаилу Сергеевичу с просьбой поручить еще раз разобраться в сложившейся ситуации с северными реками и Байкалом и принять решение в пользу нашего народа, а не заинтересованных ведомств. (А п л о д и с м е н т ы.)

Мне кажется, я знаю, что может сейчас возбудить в огромной массе народа гражданскую активность и самосознание. Это справедливое решение вопроса с северными реками и Байкалом. У миллионов людей появится (она уже появляется, ее следует только поддержать) уверенность в своих силах, необходимость верой и правдой жить во имя Отечества. И если этого не произойдет, миллионы и миллионы будут вновь отброшены туда, где они долго оставались с философией: все равно от нас ничего не зависит, ну и гори оно все синим пламенем... И уж тогда до народа достучаться будет трудно. (Бурные аплодисменты.)

Спасибо за внимание.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Петру Лукичу Проскурину.

П. ПРОСКУРИН. Товарищи!

Мы сейчас собрались на свой съезд, чтобы взглянуть на себя изнутри, отыскать новые ресурсы для еще более прогрессивного движения и развития, чтобы выявить скрытые резервы. И естественно, что многое накопилось, многое хочется высказать, но откуда у некоторых ораторов в ряде выступлений столько бесцельного раздражения, столько злобы даже в самой интонации? Зачем эта жажда слепого разрушения, какое-то патологическое желание все вокруг, кроме себя, унижить и оплывать?

У каждого человека впереди та пора, о которой мудрый Гёте так иронически и светло говорил, что не следует в старости сохранять юношеские недостатки, что со старостью приходят ее собственные недостатки и, помня об этом, каждый из нас становится, хочешь ты или не хочешь, чуть-чуть гуманнее вообще по отношению к человеческой жизни...

Здесь некоторые договорились даже до того, что у нас вообще нет литературы, что Союз писателей — некая свинцовая плита, что он удручающе реакционен. Неужели же эти товарищи, мечущие ныне не какие-нибудь там камешки, а целые смертоносные глыбы, скалы в здание собственного профессионального

союза, так уж и действительно без единого греховного пятнышка на своих белоснежных одеждах и не имеют совершенно никакого отношения к нынешнему, по их мнению, нетерпимому положению дел в Союзе писателей? Позвольте им не поверить... И не хватит ли разрушения, не слишком ли много у нас и без того разрушено? Вспомните двадцатые — тридцатые годы. Не надо горячиться. И какое отношение, действительно, имеет борода критика Феликса Кузнецова, ставшая за дни съезда весьма популярной, к глубинным литературным процессам? Это уже совершенно из области мистики. Если следовать такой логике, то ведь и нос у Евгения Евтушенко, нашего известного поэта, все ж таки не похож на нос Александра Сергеевича Пушкина, что не мешает Евтушенко писать иногда (правда, все реже и реже) очень хорошие стихи. Но только, в отличие от Евтушенко, судя по его вчерашнему устрашающему, сверхэмоциональному выступлению, в котором к тому же позвучали намеки и на собственный музей при жизни, в который лет через 200 станут приходить его далекие, любвеобильные потомки (а п л о д и с м е н т ы), Пушкин ведь просто взял и написал несколько бессмертных строк про племя младое и незнакомое, а всю остальную заботу возложил уже на самих потомков...

Состояние литературы вряд ли так фатально зависит от того, что один из секретарей Союза носит бороду, а второй совершенно лысый и часто ездит по заграницам. Всегда считалось, что состояние литературы определяется состоянием общества и, если заболевает общество, начинает болеть и литература, и танцевать нам на нашем съезде надо бы начинать с глубокого и всестороннего анализа именно этого вопроса, с попыток определить пути оздоровления, а не с личных оскорблений.

Здесь уже много говорили об экологии, но что поделаешь, если это не мода, а объективная и грозная необходимость. Теперь ведь ни для кого не секрет, что деградация духовной, исторической, нравственной и даже генетической сути и основы того или иного народа, а следовательно, и отдельного человека, отраженного в литературе, как правило, начинается с разрушения среды его обитания и идет оно тем скорее, чем больше человек стремится обуздать материю, не накопив необходимых для этого знаний.

Но, с другой стороны, вспомним древнее изречение: «Многие знания — многая скорбь». Здесь уже упоминалось о черноземе, о знаменитом, бесценном русском, по определению Докучаева, черноземе, половина мировых запасов которого приходилась именно на Россию. Надо думать, что не сибирское золото, не соболя мех, а именно этот чернозем во многом взрастил и организовал русский характер, и вот мы перед суровой и страшной картиной глобальной деградации русского чернозема. Он разрушен ныне более чем на 35 процентов. И сам русский народный характер претерпел, на мой взгляд, соответствующие изменения в аналогичной пропорции. И это особенно заметно по нынешнему состоянию нашей отечественной литературы. В ней все реже и

реже положительное начало, плодоносящая его суть, яркая и сильная народная личность, место которой все увереннее и беспощаднее захватывает герой безликий, серый, разрушительный. Он все разрушает: мораль, историю, совесть, саму природу... И легче всего было бы винить в этом литературу, но ведь какова действительность, такова и литература.

Давно известно, что основа сохранения силы земли — нормальный круговорот веществ, необходимо просто полностью возвращать в землю все взятое из нее, и долгие века так оно, по сути дела, и происходило. Все, что крестьянин брал с поля, он на поле же и возвращал, а вот теперь в наши просвещенные времена взятое с земли, как правило, возвращается уже не на поля, а в основном в реки и озера, и круг замыкается.

На недавнем выездном Секретариате писателей России в Ленинграде, где наряду с литераторами принимали участие видные ученые и практики, можно было проследить завершение этой роковой цепочки: земля — человек — вода. Мы многое знаем о Байкале, многолетняя борьба вокруг которого получила самую широкую гласность не без активного вмешательства литературы, но что мы знаем о Ладожском озере, расположенном в самом густонаселенном регионе страны, хранящем самый большой запас пресной воды в Европе и обеспечивающем питьевой водой в 200 раз большее число населения, нежели Байкал? А ведь Ладожское озеро сейчас действительно находится на грани биологического омертвления, на грани необратимости. Путем долгих исследований учеными только недавно установлено, что причиной этого необратимого процесса являются фосфор и некоторые другие избыточные вещества, которые, возвращаясь в землю, сохраняют ее силу и плодородие, а сбрасываемые в реки и озера, превращают водоемы в биологическую пустыню.

Навоз, обычный навоз, который от 70 до 100 процентов сбрасывается ныне в конечном итоге в водоемы, убивает их. А вывозить этот навоз в поля наш ныне просвещенный крестьянин не хочет. Решение этих проблем, разумеется, очень дорого стоит, но к ним все равно придется приступить, и чем раньше мы это сделаем, тем дешевле это нам обойдется. Отпускаем же мы многие миллиарды, вдумайтесь, миллиарды, на всяческие сомнительные проекты вроде переброски северных рек на юг или строительство Ленинградской защитной дамбы, которые не только не были выверены до конца научно экологически, но даже не были доведены до сведения широкой общественности, народа, который реально за все платит, расплачивается затем не только нравственным, но и генетическим здоровьем. А ведь такие «проекты века», как их торжественно величают, касаются именно всего народа и требуют неперемного всенародного обсуждения. Ни один ученый, как бы гениален он ни был, не имеет права решающего голоса в вопросе изменения среды обитания огромных, природно уравновешенных регионов, притом с непредсказуемыми экологическими последствиями. Это должен решать сам народ.

Итак, как мы договорились, главное — нормальный круговорот веществ. Например, кто и когда не ругал нашу литературную критику, и во многом можно согласиться. Можно, допустим, заметить, что критика наша стала как-то чрезвычайно забывчива и, рассуждая об экологии природы культуры или языка, в перечне имен писателей, ныне занимающихся этими вопросами, напрочь забывает о гигантской и давней работе в этом направлении Леонова, Чивилихина и Владимира Солоухина.

Активно работает в литературе очень талантливая плеяда критиков — Ланшиков, Золотусский, Чалмаев, Гусев, Прокушев, Лакшин, Аннинский, тот же наш Феликс Кузнецов, ряд других, возвращающих критике ее демократическое лицо, ее подлинный смысл, вовлекающих в оборот философские ценности и емкости жизни и поверяющие именно ими сам литературный процесс. Но это относится лишь в обращении критики в основном к духовным ценностям XIX века. Как только дело касается современности, тотчас начинается так называемая критика обоймы. Скрипят и скрипят изо дня в день все об одном и том же. Категорию же таланта, непререкаемый, обязательный признак истинной литературы, критика в современных процессах стыдливо обходит. Что за оказия, думаешь, о самом главном — и ни слова, а всмотришься или вдумайся поглубже — и ахнешь и покраснеешь от стыда. Да как же она может говорить о главном, наша свободная критика, если именно в главном на нее надет удивительно умело сконструированный намордник. Вот и скрипит у нас изо дня в день наша критика, по сути дела, ни о чем, круговорот веществ надо же производить и критике. А вчера каждый из нас мог убедиться на примере все того же Феликса Кузнецова, как при первой же его попытке переступить негласно установленную оградительную, запретную черту тотчас попытались зашелкнуть на нем этот самый намордник. (А плод и с м е н т ы.)

Или, например, говорят о серой литературе. Позвольте! Да как же ей не быть серой? Приглядитесь повнимательнее хотя бы к нашей системе награждения самыми высокими премиями. (А плод и с м е н т ы.) Зачастую получается ведь так, что один и тот же человек не только сам пишет, сам себя издает, но сам себя и награждает, а наша самья передовая читательская масса только глазами затем хлопает от изумления, не в силах переварить и двух страниц из очередного облауреаченного шедевра, до того он несъедобен. И никакого широкого, ни читательского, ни писательского обсуждения, а впрочем, ни широкого, ни узкого и не бывает ни при выдвижении на премию, ни при присуждении премии. Итак, премия, как правило, не за талант прежде всего, а за кресло. И вот такой круговорот веществ надо немедленно менять, связывать практику присуждения премий действительно с обсуждением всенародным. Да и менять периодически и неумолимо составы наградных ведомств и комитетов. (А плод и с м е н т ы.)

Очень много нам, товарищи, надо работать, очень многое менять и в отношении писателей, кино и телевидения. Здесь уже такой кругово-

рот веществ происходит, что без соответствующей закалки вообще можно легко спятить. Так, например, мои «Черные птицы» (позвольте коснуться здесь личностной ситуации) в длительной, упорной и изматывающей борьбе за сценарий в течение 5 лет все-таки победно, под прессом т. Лапина, превратились в белоснежных птиц. И происходило это с помощью очень милых женщин, организованных в какие-то нескончаемые, бесчисленные редакционные советы и комиссии. Они очень квалифицированы и даже интеллигентно сначала выклевали в литературном первоисточнике печень, затем мозг и пр., все, что могли выклевать, затем — вот парадокс! — женщины напрочь кастрировали его и уже только затем, облегченно вздохнув, выпустили на экран, к удовольствию т. Лапина и его мощной и непобедимой команды. И не спас положения талантливый режиссер в этой неравной борьбе, ничего не могли сделать и первоклассные артисты, не одолели редакционно-бюрократического давления.

И еще один пример. У нас даже то, что читает народ, в общем-то, тайна за семью печатями, никакой объективной статистики по этому поводу нет, и приходится при необходимости обращаться к зарубежным исследованиям, хотя бы к той же книге Клауса Менерта «Что читают русские», кстати, весьма и весьма объективной. Видите, немцам и англичанам нужно знать, что читает наш народ, а вот нам нет, и даже наши литературные органы стыдливо промолчали об этом исследовании, хотя страсть как любят организовывать на своих страницах самые невероятные, самые противоречивые и бестолковые дискуссии.

Итак, главное — нормальный круговорот веществ, и незачем нам здесь делать вид, что мы не понимаем, отчего падает престиж нашей литературы в народе. Да только оттого, что она многие годы была лишена возможности создавать полную, объективную и беспощадную картину о состоянии общества, серая бюрократическая верхушка которого как огня боялась подлинной правды о себе. Я вам скажу, что наша литература еще просто гениальна, что вопреки всему, вопреки государственному поощрению именно серости, ставки на серость сумела сохранить достаточно высокий авторитет и любовь в народе, и дай ей бог сибирского здоровья, ей предстоит и дальше нелегкие, кровопролитные бои за высшие идеалы совести и справедливости. (А плоды с м е н т ы.) Ведь и литература — неотъемлемая часть коммунистического дела, и любому из нас всегда необходимо помнить мысль Ленина о том, что «цель политической культуры воспитать истых коммунистов, способных победить ложь». (А плоды с м е н т ы.)

Итак, гласность, товарищи, не камуфляж гласности, а полная гласность, а пока камуфляж гласности будет существовать, ни о каком оздоровлении как природной среды, так и нравственного здоровья народа думать не приходится, и мы по-прежнему будем то оселять деревни, то разукрупнять их, то поворачивать реки на юг, то возвращать их на север, то спаивать народ, то лечить его от алкоголизма. (А плоды с м е н т ы.)

Гласность не может быть регламентирована — от и до, допустим, в пределах повышения уровня удоя определенной категории млекопитающих, гласность или есть, или ее вообще нет. И пока не будет такой гласности, нормального круговорота веществ тоже не будет.

Человеку необходимо выработать более мудрое зрение в отношении природы, каждому советскому человеку необходимо почувствовать себя подлинным хозяином своей земли и судьбы, своей истории, научиться мыслить глубже и бесстрашнее.

В Ленинграде, например, в Центре изучения русского языка, четко выявилось, например, нежелание студентов и аспирантов работать над проблемами стихии родного языка. В последнем учебном году только несколько человек писали работы по русскому языку и более ста — по английскому... В чем же причины? Для выявления их достаточно приехать в Орловскую, Смоленскую, любую другую нашу среднерусскую область, взять подробную карту этой области и взглянуть на нее. Почти все названия населенных пунктов базируются на трех понятиях: рассветы, заветы и приветы... (А плоды с м е н т ы.) Сотни раз бесконечно дублирующие друг друга слова, сотни одинаковых, бесцветных названий... Считаю, полностью вымерли поэтические речитцы, снежити, росы, смородинки, черноталы и т. д. Что же нам обижаться на студентов, отказывающихся работать в области родного языка? По-прежнему ведь ускоренным ходом идет его обнищание, снижение словарного запаса, следовательно, обнищание и самого дорогого — духовности отечественной культуры, фальсификация отечественной истории.

Не только язык унифицируется, мышление догматизируется, богатейший спектр человеческих чувствований, закрепленных прежде всего в языке, гаснет. Действительно, как говорил вчера академик Лихачев, почему из нашего духовного обращения вот уже несколько десятков лет изъята «История государства Российского» Карамзина, равной которой по богатству языка и по объективности изложения материала пока ничего не создано?

А храм Христа Спасителя, воздвигнутый на всенародные копейки и рубли, памятник славы крови и подвига всех народов России? Мне пришлось увидеть фрагменты, заснятые во время его взрыва... Знаете, даже на экране взрыв этот парализует совесть и душу...

Последствия подобных массовых явлений в разрушении отечественной культуры конечно же незаметно перерастают в духовный кризис общества, и на нас уже и сейчас все чаще глядят холодные и равнодушные глаза идущих нам на смену поколений. Что здесь может литература? Только одно — быть честной. И не знаю, хватит ли у нас сейчас мужества возвратить отечественной истории то, что ей принадлежит по праву, или мы еще не созрели. Хватит ли у нас мужества взять на себя основную тяжесть по выработке и воспитанию нравственных норм общества, вернуть литературе утраченный ею в какой-то степени титул учителя жизни?

После XXVII съезда партии у нас появились огромные возможности остановить процесс

духовной эрозии. Мы и сейчас многое умеем, стоит только увидеть Петродворец или Овстуг, вставшие из небытия; смотрите, оказывается, и из пьяного обморока и созерцательной слабости можно при желании вызвать страну.

И не пора ли нам перейти от слов к делу, и не пора ли опять пустить кружку по миру, чтобы восстановить самое дорогое из потерянного, утраченного, без чего совесть и сердце народа еще долго будут кровоточить?.. Надо всем начать упорную созидательную работу, и я уверен, охранительные, здоровые начала в народе возьмут верх. И тот самый неизбежный круговорот вещей, о котором говорилось выше, станет не отравлять нашу социальную и нравственную атмосферу, а станет наконец очищать ее. И литература должна быть в первых рядах и на этих восстановительных бастионах. И тогда, я уверен, в литературу вернется герой созидательный, творящий, собирающий, а не разлагающий, в литературу вернется ее смысл, талант, ее высокое назначение. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляет Владимиру Васильевичу Карпову.

В. КАРПОВ. Дорогие товарищи!

Накануне нашего съезда, накануне его открытия, 22 июня были хорошие телепередачи, и в газетах опубликовано много материалов о том страшном и трагическом дне, когда началась война.

Наверное, поэтому воспоминания о пережитом в боях перемешались с первыми послевоенными годами, когда многие из нас стали тогда студентами литературного института. Я помню всегда остроумного и ершистого Юрия Бондарева, доброго, но всегда твердого в суждениях Володю Тендрякова, с которым мы ели голую селедку, нарезанную на газете, голую потому, что хлеба у нас не было, а купить огненную жидкость, полагающуюся к селедке, было не на что. Гриша Бакланов, и тогда уже не по возрасту строгий, Борис Бедный, кристально чистый человек и очень талантливый писатель, Володя Солоухин — совсем еще молодой, с пышной пшеничной шевелюрой, он тогда был больше поэт, чем прозаик, Расул Гамзатов, веселый, шумливый и самый богатый из нас, потому что уже печатался, Майя Ганина — красавица, которая училась и работала на заводе, мудрая и очень хороший, надежный товарищ Наташа Ильина, Миша Годенко, Семен Шуртаков, Константин Ваншенкин, мягкий и даже нежный в дружбе Николай Евдокимов и многие другие. Я с большим удовольствием произношу эти имена, и мне очень приятно, что все они выросли в хороших писателей.

Но вот что меня огорчает. Были мы веселой, дружной семьей. После окончания войны казалось, жизнь будет лучезарной, а нет, окончили мы институт, стали не только писателями, но куда-то разбрелись по каким-то компаниям, по каким-то группкам. Вот на этом съезде в выступлениях прозвучала не только справедливая критика организационных недостатков и творческих наших огрехов, но и

какая-то желчная озлобленность, а порой и элементарная бестактность. У многих накопились личные обиды. Но как бы ни было это трудно, через это надо перешагнуть. Никто не придет и не устранит недостатки в нашей жизни и в делах творческих. Это сделать придется только нам самим. И мне кажется, что нам нужно помнить, что за нашей работой, и не только на съезде, следит вся страна, весь мир, и при этом есть не только наши друзья, но и недоброжелатели.

Я хочу напомнить ситуацию в 50—60-х годах, когда мы тоже много говорили в пору наступившей оттепели и, как потом оказалось, забвение границ, отделяющих демократию от демагогии, порождает очень неприятные последствия. Именно в те годы появились и литературные диссиденты. Как-то мы забыли об этом, об идеологической борьбе. Слишком много мы тратим времени для выяснения личных отношений.

Мне кажется, будет неправильным, если наш съезд уподобится бульдозеру и свалит под откос весь верхний слой, называемый руководством и Секретариатом. Надо подходить индивидуально. Всех мы знаем, кто есть кто. Правильно сказал Розов, и Секретариат Союза писателей, и стиль его руководства были и есть продукт своего времени. И с этим надо считаться. Да и мы с вами не стояли в стороне, дорогие друзья. На многочисленных заседаниях и конференциях почти всегда единогласно голосовали, признавая работу наших руководящих инстанций удовлетворительной.

Мне хочется сказать несколько слов, выравнивающих справедливость в той области, где я работаю. Правильно критиковали редакции журналов за многие грехи в их работе. Но грехи эти, дорогие товарищи, одна сторона правды. Неполная правда. Скажу хотя бы о нашем «Новом мире». Не себя хочу защитить.

Симонов, Твардовский, Наровчатов умерли, дожив только до 60 лет, и должность редактора была не последней причиной их раннего ухода из жизни. Они сгорели на работе. Критиковать редакторов нужно, но критиковать надо конкретно, называя имена, фамилии, органы печати, где работают они.

Мне обидно слушать неуважительные слова о новомировских наших редакторах. Это замечательные, образованные люди, подвижники в своей работе, очень любящие свое дело и помогавшие многим из вас. Вы сами знаете: если бы некоторых опубликовать без правки, авторам было бы очень стыдно за то, что они приносят иногда в редакции. Больше трех тысяч рукописей только прозы поступило в прошлом году в наш журнал. Четыре человека работают в отделе прозы и переваривают эти огромные горы. Самые крупные мастера нашей литературы, присутствующие здесь, — Чингиз Айтматов, Бондарев, Залыгин, Вознесенский, Евтушенко, — я абсолютно уверен, не бросят камень в своих редакторов, которые им помогли во время подготовки их рукописей.

Новомировцы свято хранят традиции своего журнала, выпестованные нашими блистательными предшественниками, настойчиво боролись за жизнь многих рукописей. Около 10

лет проходила рукопись Крона «Капитан дальнего плавания». Я думаю, что Евтушенко мог бы сказать, как редколлегии отставала его поэмы «Мама и нейтронная бомба» и «Фуку!»), а Вознесенский — как проходила повесть его «О», «Вдовый пароход» Грековой, и «Комбайн косит и молотит» Черниченко, и десятки других... Причем каждый из авторов отвоевал, отстрадал за свою рукопись и отошел в сторону, а работники редакции все те же и принимаются за очередную тужбу. А биться приходится еще и на два фронта. Из трех тысяч, как вы понимаете, может быть опубликовано 12 романов (если с продолжением, по роману в номере, да на подверстку повести или рассказы), а остальные 2950 авторов окажутся обиженными, и уж сотня из них обязательно напишет письма в Центральный Комитет о том, какие не понимающие политику партии люди засели в «Новом мире». (А п л о д и с м е н т ы.)

А некоторые, как мы вчера слышали даже с трибуны съезда заявляют, что мы допустили грубейшую ошибку, не опубликовав его, а опубликовав другого.

Кстати, я хочу поблагодарить товарища Можаяева за мягкую критику. Он сказал, что у нас в двух номерах были опубликованы слабые вещи. Нет, товарищ Можаяев, таких слабых номеров у нас гораздо больше.

Извините, придется и отмываться немножко. Насчет того, что, как сказал Можаяев, будто я загрыз Василия Рослякова за отрицательную рецензию на мою рукопись, которая лежит в «Советском писателе» («Писатель и время»), и что она на уровне стенгазеты. Я должен сказать, что у меня нет такой рукописи, просто ее нет. И товарищ Можаяев, наверное, спутал ее с Карповым, который жил в Минске, или с каким-то другим Карповым. (С м е х, о ж и в л е н и е в з а л е.)

Ну, а «изуродованный, изрубленный» мной Василий Росляков благополучно заканчивает работу над рукописью и будет скоро публиковаться. Я думаю, он возьмет справку и сам об этом скажет. Так же и Дудищев, с которым нас если что и связывает, то только абсолютная ясность и полное взаимопонимание.

Дорогие товарищи!

Мне хочется, чтобы мы, приближаясь к заключительной фазе нашего съезда, когда нужно будет принимать решение, вспомнили, что мы единомышленники и главное, что мы собрались для того, чтобы найти четкие пути для осуществления тех прекрасных, окрыляющих всех нас задач, которые поставила перед нами жизнь, партия и судьба народа. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Василию Ивановичу Белову.

В. БЕЛОВ. Наверное, у меня ничего не получится, слишком высока трибуна. (С м е х в з а л е.)

Товарищи делегаты и гости съезда!

В первый день съезда прозвучало новое для меня словосочетание — «партийность и интеллигентность». До сих пор критики и литературоведы сочетали слово партийность со

словом народность. Почему же нынче потребовалось заменить народность интеллигентностью? Произошло это, по-видимому, в связи с письмом грузинских товарищей по поводу астафьевского рассказа. Но мне совершенно ясно, что рассказ Астафьева был лишь поводом для очередного наскока на журнал «Наш современник». Не случайно еще в «Союзпечати» не появился этот журнал, а ксерокопия туда, в Тбилиси, была уже представлена. Я понимаю, что не очень прилично защищать журнал, в редколлегии которого состоишь сам. Но что делать. Журнал лягают, бодают и тычут, причем вовсе не за художественные просчеты, а за что-то иное. Но за что?

Может быть, это случилось в связи с тем, что повесть Дангулова в журнале не пошла? Напоминаю, какая грандиозная, многомиллионная армия пишущих образовалась вокруг издательств, журналов, газет, около театра, кино, радио и телевидения. Мы превратили литературу в «кормушку». Давайте честно признаем сначала этот факт, после чего легче толковать обо всем остальном. Например, о литературной молодежи, о литературной смене. Я знаю, что, помимо писателей, получающих за свою работу деньги, есть писатели, которые работают совсем не ради денег. Вот таких-то и надо искать в среде молодежи, таких и надо поддерживать! Но на практике получается все наоборот.

Чтобы принять в Союз писателей, мы требуем от начинающего книгу, а где он ее издаст? Я помню, как Николай Рубцова и близко не подпускали к Северо-Западному издательству. Ему надо было умереть, чтобы начали его печатать. Издаться в Москве или Ленинграде тоже невозможно. И вот истинные таланты вянут и сохнут на корню.

На XXVII съезде партии прозвучало обещание восстановить несколько местных издательств, но, увы, это только пока обещание. Боюсь, что оно так и останется обещанием, тем более того, кто выступал, нет уже в этом зале.

Товарищи! Есть вещи для нас еще более грозные. Вчера на съезде прозвучала мимолетная фраза о «неблагополучной» демографической ситуации. Прозвучала робко и целомудренно, с традиционной прибалтийской скромностью. Дело не только в том, что необходимо остановить войну и предотвратить неожиданные глобальные катастрофы. Меня, русского человека, огню не радует и перспектива медленного, постепенного исчезновения, например, Литвы, ее полное слияние с другими народами. Какая тоска пришла бы на Землю, какая скука нахлынула бы, если бы остался всего один язык, похожий на эсперанто! Зачем мне такое будущее, если люди будут есть одинаковую еду, носить одинаковую одежду, строить одинаковые жилища?

Позвольте сказать, что «демографическая ситуация» неблагоприятна не только в Прибалтике. Она неблагоприятна и у меня на родине, в так называемом Нечерноземье. И я хорошо знаю, что и Витаустасу Бубнису, и Василию Быкову больно за мою родную деревню Тимонику, в которой вот уже много лет не звучат детские голоса. Не звучат они и в

соседних деревнях. Целые сельсоветы, целые регионы Госпланом объявлены неперспективными. Я уже говорил об этом на республиканском съезде. В чем тут дело? Не будем вспоминать тридцатые годы, вспомним боевые — сороковые. Из каждого десятка вологодских мужиков, ушедших на фронт, осталось в живых только трое, половина из них умерли от ран и болезней. Однако земля, возделанная древними новгородцами, продолжала запустевать и в послевоенные годы, т. е. в наше время, причем вовсе не по вине самих крестьян. Теперь по моей нечерноземной родине готовится новый удар — создан дикий, античеловечный проект переброса воды. По этому плану будут затоплены леса и пахотные земли, сенокосные угодья, деревни, села, древнейшие памятники и ландшафты.

Сделать все это было поручено Министерству мелиорации, которое возглавляет т. Васильев. Обитает оно, конечно, здесь, в Москве. Народ всегда от любых ударов защищал Москву — свою столицу. Почему же ныне нам, вологжанам, приходится защищаться от Москвы? (А п л о д и с м е н т ы.) Вот уже более десяти лет мы ведем неравную борьбу против перебросчиков. Вместо того чтобы создавать новые книги, мы тратим свои силы на эту борьбу. И кажется иногда, что кто-то нарочно придумывает эти проекты, чтобы писатели не занимались своим прямым делом и ничего не писали. Во всяком случае, у Даниила Гранина наверняка лежат на столе незаконченные рукописи, но ему приходится тратить энергию на выступления против грандиозной, но ненужной плотины. Сергей Павлович Залыгин уже много лет мужественно разоблачает ведомственную демагогию. Когда же у нас появится наконец передышка?

Перед XXVII съездом партии, когда широко и всенародно обсуждались планы экономического и социального развития, упомянутый проект был наконец осужден публично и недвусмысленно. Решением съезда планы по перебросу дунайской воды в Днепр и северной воды в Волгу были исключены. Было ясно, что постановление ЦК и Совмина от 23 октября 1984 года теряло свою силу. Да, оно теряло силу, но только не для Минводхоза! И вот, ссылаясь на него, перебросчики продолжают свою вредительскую деятельность. У нас там строят уже подъезды, причалы, завезена техника. Против начавшихся работ выступают местные жители, партийные организации и советские органы, протестуют многие академики, ученые специалисты, целые отделения Академии наук выступают против, но... все напрасно. А почему? А потому, что перебросчиков поддерживает сам академик Александров, кстати, под руководством которого проектировался и чернобыльский блок. А сейчас перебросчики и мелиораторы, эти пожиратели народных денег (более ста миллиардов), выступили за разрушение и наших земель. И то, что мы покупаем пшеницу в Канаде, — это позор! Вот эти люди, которые тратят зря государственные деньги и ничего не дают государству, нашли поддержку в Госплане. Об этом говорил уже В. Распутин, но

я выбросил это место и не буду задерживать ваше внимание.

Вчера Е. А. Евтушенко (с этой самой высокой в стране трибуны) очень живописно обрисовал страдание одного писательского рояля.

Ах, если бы Евгений Александрович с таким же пылом защитил не рояль, а целую оперу Глинки, с ее урезанной партитурой! Или знаменитую поэму Некрасова, отредактированную уже в наше, советское время.

А заодно поднял бы Евгений Александрович голос против перебросчиков, спас бы мои родные озера Воже и Лача. Более 800 лет тому назад на озере Лача Даниил Заточник обличал княжеских заушателей. Я не буду перечислять и цитировать древних писателей, чтобы сэкономить время для других выступающих. Но мне и впрямь кажется, что нынешняя русская литература не растеряла традиций.

Бюрократизм после XXVII съезда партии значительно обновил способы своего существования. Он, словно гриппозный вирус, превосходно и быстро приспосабливается к новым условиям. Тягаться с этим вирусом придется долго, и я не завидую М. С. Горбачеву, Ельцину, Лигачеву: им еще тяжелее приходится! (А п л о д и с м е н т ы.) С этим бюрократическим вирусом, прекрасно развивающимся и в новых условиях, придется бороться всем, и в том числе нам, писателям.

Но я повторяю: наша советская литература не растеряла своих традиций. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Олжас Омарович Сулейменов.

О. СУЛЕЙМЕНОВ. Дорогие товарищи! Съезд длится уже несколько дней. И очевидно: идет поиск форм дискуссий, достойных такого собрания.

Что скрывать, течение съезда порождает вопрос, часто возникающий в этом году. Станет ли переломный период временем осуществления народных надежд или его энергия уйдет на удовлетворение ущемленных амбиций? Посланные семидесяти древних и юных литератур летели за тысячу километров со всех концов страны, чтобы поговорить о том, как нам быть в изменяющихся условиях. Как улучшить взаимодействие, как убрать препятствия с пути писательского слова к читателю.

И что это за препятствия? Время новое, а они те же.

Правда все еще не одна, их еще много, правд. Есть народная, есть государственная, есть художественная, которая почему-то должна отличаться от правды жизни.

Врачи давно доказали, что рафинированные продукты вредны для организма. А промышленность продолжает выпускать только рафинированные соль, сахар, растительное масло. И не собирается перестраивать налаженное производство.

Так и в литературе. Нас призывают отражать реальную действительность, уходить от схематизма. Но в книгах продолжают тщательно отбеливать сахар, соль убирают

вообще, масло заставляют превратить в воду и прокипятить.

Нормы очистки в разных краях страны не совпадают, как, впрочем, любые нормы. Например, санитарные нормы жилья в Москве, кажется, 12 м на человека, в Тбилиси, мне сказали, — 8, в Киеве — 7, в Алма-Ате — 6. (Кстати сказать, самая малая санитарная норма в стране. Чем это объяснить, не знаю. Может, считают, что люди у нас помельче? Но дело не в этом.) Нечто подобное происходит в искусстве. Москвичи жалуются на строгости рамок. Но столичным режиссерам и писателям все же позволяют чуть больший объем прав на приоритетную тему, полноту реализма. Может, норма увеличена соответственно величине дарования? Но ведь и в других краях есть крупные таланты и жизнь там не проще.

В чем же дело?

Вопросы, конечно, риторические. Ясно, что дело в более прочных традициях реализма, в позиции художников, в нравственном климате. Но ясно и другое, что в иных областях и республиках режим запретов действует сильнее, чем в Москве. Если бы В. Быков, Ч. Айтматов или В. Распутин зависели всецело от местных издательств, они бы писали иначе. Или бы не писали вовсе.

Если на Украине можно на годы задержать рукопись писателя с мировым именем Олеся Гончара, то что говорить о менее влиятельных, молодых, да еще пишущих на малых языках, далеко от Москвы. Кто способен описать ущерб, нанесенный перестраховщиками национальным культурам Советского Союза? Насаждая в литературе типовой проект, поддерживая и награждая подчас откровенно серые, стандартные, но правильные, с их точки зрения, книги, перестраховщики затормозили естественный ход развития русской литературы и некоторых других с древней традицией. Система критики и стимулирования приучала фабриковать бесспорные, полезные сочинения. Стоит ли пояснять, какой вред такая культурная политика нанесла молодым советским литераторам.

Хочется, чтобы всюду отношения творческих союзов и идеологического руководства строились на взаимоуважительной основе, исключаяющей начальственный окрик и мелочную опеку. И допускали взаимную товарищескую критику. Тогда реально возрастет роль творческих союзов.

...Многие на съезде говорили о роли союзов в деле активизации правды. Не будем преуменьшать их роли, но нет оснований и преувеличивать их возможности.

Памятуя, что литература — часть общепартийного дела, мы полагаем уместным обратить внимание съезда на взаимоотношения писательских организаций с идеологическим руководством на местах. Подчас от личных качеств, подготовленности, интеллигентности руководства зависят темпы и качество развития национальной культуры. О работе партийных руководителей искусства мы можем судить по конечному результату. Если республика, к примеру, на протяжении десятилетий включает в общесоюзный и

мировой культурный процесс яркие, значительные произведения всех жанров искусства — будь то романы, стихи, кинофильмы, музыка и живопись, — это результат благородного сотруничества партийного руководства с творческими силами.

Мы не знаем имен этих товарищей, но какая трудная, ответственная работа — поддерживать благоприятный климат, в котором бы не чахла зерна тысячелетий и бурно прорастали новые. И этой цветущей культуре никакой град и снег уже не страшны.

Земной поклон партийным интеллигентам, где бы они ни трудились, настоящим патриотам и интернационалистам!

Союзы писателей на местах не могут отстоять книгу, если ее покритиковал чиновник от идеологии. Его мнение — это уже оценка всей партии, не меньше. (А п л о д и с м е н т ы.) И судьба книги решена. Да и судьба автора зачастую. И, встречаясь с такими служаками, думаешь: ведь должен быть садовником, а работаешь лесорубом. (А п л о д и с м е н т ы.)

Дмитрий Сергеевич Лихачев вчера говорил о бережном отношении к литературному наследию. И малозаметные писатели прошлого хотя бы строкой, но уже входят в историю русской литературы. Нам надо учиться такой рачительности.

Великая культура не теряет даже малых своих, потому и великая. Малая теряет и великих, потому и малая.

Полная правда включает в свой объем и современность, и историю. Когда-то ведь придется заполнять пунктирные пропуски в недавнем прошлом или объяснять читателям, почему мы не пишем откровенно о годах 30-х, о коллективизации, например. Целое поколение литераторов, переживших, испытывавших на себе то время, прошло молча мимо этого периода, без понимания коего мы многое и в современности не поймем. (А п л о д и с м е н т ы.)

И наши произведения о ней, лишённые живых связей с прошлым, будут неполноценны.

Но на 30-е годы, говорят, наложено табу всюду. Во всех литературах. «Поднятой целины» Шолохова считается, достаточно. А если писать, то только подобное. Не выходя за норму. Смущенность эта уже необъяснима. Наше общество достигло достаточной зрелости, чтобы правильно воспринять глубокие писательские исследования событий того периода. (А п л о д и с м е н т ы.)

Осознанные ошибки не способны зачеркнуть пути пройденного и предстоящего. (А п л о д и с м е н т ы.)

В этом зале встретились лучшие писатели страны. Веками по искорке, по гуну собиралась, передавалась из поколения в поколение энергия таланта, чтобы вспыхнуть однажды в человеке. Поддержать этот огонь, его ярость и яркость, дать ему время и возможность трансформироваться в свет знания и тепло мудрости. И как легко погасить вспышку таланта!

Сейчас мы особенно надеемся, что в

стране повсеместно будет создан климат, благоприятствующий творчеству.

Наступает пора наших главных книг. Они потребуют от каждого полного накала души, знаний и мужества.

Лишь бы не упустить время, понять уникальность и серьезность момента. Использовать полно. Именно сейчас на гребне века, когда в народах накоплен мощный потенциал талантов, не разбазаривать его в боях местного значения, включиться в мировые сражения с невежеством, подлостью и ложью.

Нам надо успеть высказать то, что не смогли прошедшие поколения.

И кто, если не мы, расскажет всю правду о нашем яростном веке? Никто, никогда, кроме нас с вами! (А плод и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Константину Васильевичу Скворцову.

К. СКВОРЦОВ.

Познав не раз паденья и почет,
В своем кругу поэты рьяно спорили:
Чьи краски звонче,
Ярче имя чье
И кто из них принадлежит истории?

К утру все счета были сведены,
Стал гением один,
Другой — задолжником.
И грустно улыбалась со стены
Картина неизвестного художника...

В тридцатые годы первые магнитогорцы показали приехавшему к ним наркомму Орджоникидзе гигантскую — даже по нынешним меркам — стройплощадку. «Это хорошо, — сказал Орджоникидзе, — но капиталисты не хуже нас строят домны. Наша задача, наряду со строительством, создавать нового человека, новую социалистическую культуру».

Нарком уехал, а чересчур энергичный секретарь горкома вызвал двух молодых поэтов, одним из которых был Борис Ручьев, написал им по мешку сухой колбасы и баранок и сказал: «Идите в гостиничный барак, закройте и создавайте новую культуру!»

Сейчас такое приказание выглядит смешным и наивным, однако Борис Ручьев написал великолепные стихи, а за несколько десятилетий нами создана великая советская литература и новая социалистическая культура.

Пришло время спросить: как мы используем эти богатства? Зайдите в магазин, попытайтесь купить сборник стихов Бориса Ручьева. Вы его не найдете, как не найдете десятки других книг, которые должны быть настольными в каждом доме.

Вот у меня в руках письмо сельской учительницы. Она вынуждена переписывать произведения писателей, включенные в школьную программу. Только вдумайтесь: нельзя найти книги, включенные в школьную программу! Их приходится переписывать от руки!

Вот так порой мы распоряжаемся нашим богатством. За двадцать килограммов макулатуры сравнительно легко приобрести новую макулатуру, а вот истинные духовные ценности получить бывает труднее.

Горячо поддерживаю мысль Дмитрия Сергеевича Лихачева о забытых нашими издателями именах.

Жил среди нас удивительный, уникальный писатель Виталий Валентинович Бианки; его всю жизнь упрекали, что пишет он не о главном — пишет о птичках, цветах и деревьях. Однако для воспитания экологического сознания наших современников, а вернее сказать, для воспитания нравственного отношения к природе он сделал больше, чем кто-либо другой из нас. Но вы не найдете его книг в магазинах, не сможете подписаться на собрание его сочинений и вряд ли знаете, что многие его произведения, особенно для взрослых, вообще не изданы.

Вот так порой мы используем наше национальное достояние.

Жил среди нас драматург Александр Вампилов; его пьесы могли бы составить гордость и славу любой национальной литературы. Однако на отечественной сцене, я знаю, ни одна из вампиловских пьес не была поставлена как следует. По существу все спектакли были хуже пьес. Значительно хуже. И никого это не беспокоит, никого не тревожит, что наши зрители до сих пор не узнали по-настоящему драматурга Вампилова.

Можно привести десятки подобных примеров расточительного отношения к богатствам отечественной культуры.

Да, можно утешать себя тем, что рукописи не горят, что незамеченную талантливую книгу все равно когда-нибудь заметят и оценят, хотя бы и через сто — двести лет. Но это слабое и лукавое утешение. Искусство врачует душу, и что проку, если спасительное лекарство душа получит через двести лет?

Отчего же мы так не по-хозяйски относимся к нашей культуре?

Ежегодно в многострадальных российских лесах вырубается около 400 миллионов кубометров древесины, из которых больше половины пропадает впустую. Вдумайтесь: половина гигантской отрасли действует только затем, чтобы приносить ущерб, приносить вред своей земле и народу! По всей Сибири, по Тюменскому Северу, по Уралу новые дороги прокладываются так: идет бульдозер и валит деревья направо и налево. Выворачивает с корнями, громоздит завалы, обреченные на гниение. И не нажмет тракторист на тормоза, не плюнет и не выпрыгнет из кабины. И никто не встанет перед бульдозером, раскинув руки, и не скажет: «Хватит! Так больше нельзя!»

Почему? Что случилось с людьми? С каких пор они не ведают, что творят? Представьте на минуту, что сказал бы нам Василий Губанов, — да, тот самый, из кинофильма «Коммунист». Помните, как он заготавливал дрова для паровоза?

Легко представить, что сказал бы нам сейчас Василий Губанов, и трудно вообразить, что мы ответили бы в свое оправдание...

Когда черствеет душа, то руки хватаются за топор, и тогда ничего не жаль — ни зеленого покрова земли, ни рек, ни собственных детей. И чем больше размахивает этот топор, тем сильнее черствеет душа. Получается заколдованный круг, дьявольский круг, из

которого нет выхода и разорвать который может только то самое лекарство для врачевания души, но полученное вовремя. Только бы успеть!

Я знаю одного мальчишку; в пятилетнем возрасте, когда он следил за ползушим жуком, он спрашивал: «А этот жук добрый?» И это был самый первый, самый главный вопрос. Сейчас этот мальчишка уже не задает таких вопросов, и я боюсь, что мы опоздали с нашим лекарством. Страшно, если опоздали!

Мы отводим заповедные места для того, чтобы сохранить природу и ее животный мир. Убежден: необходимо привести в действие закон об охране памятников литературы, дабы сохранить душу народа.

Нельзя, товарищи, из «Слова о полку Игореве» делать легковесные эстрадные представления. Бездушные обработки народных песен, древних текстов отворачивают народ от его собственной культуры. В случаях бездарной ее эксплуатации она мелеет.

Чувство безмятежного оптимизма — признак гражданской неполноценности. Основа гражданского становления — историческая память. Много у нас городов, по праву носящих звание героев за ратные подвиги, и нет ни одного города в стране, получившего это звание за работу в тылу, где ковалась Победа. Хочу от имени писателей Урала и некоторых делегатов съезда внести предложение, чтобы Верховный Совет СССР рассмотрел возможность присвоения такого звания одному из городов опорного края державы.

В детстве я и мои сверстники бегали во Дворец культуры Златоустовского машиностроительного завода. Он построен в трудные годы войны, и стены его расписаны художниками студии имени Грекова. Мы ходили по его залам, ощущая на себе взоры Кузьмы Минина, Александра Невского, Дмитрия Донского, Александра Суворова. И эти люди, глядящие на нас из дальней дали времен, многим из нас заменяли отцов, не вернувшихся с Великой Отечественной войны. Они смотрят на нас и сегодня, и у кого-то просыпается живая душа...

И, наконец, последнее, о чем необходимо сказать. В часы, когда решалась судьба Отечества, российские патриоты забывали про личные обиды, они искали то, что их объединяет, что их роднит. Так было всегда. Последуем их примеру. (А плоды моменты.)

Вношу предложение: работу Правления Союза писателей СССР признать удовлетворительной. (А плоды моменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Юрию Львовичу Прокушеву.

Ю. ПРОКУШЕВ. Я тоже делегат многих съездов, но впервые на этой трибуне. И если быть предельно откровенным, как на суде совести, то в эти дни и часы работы съезда совесть многих из нас конечно же должна нас мучить. Бесспорны достижения литературы нашей в последнее десятилетие. Они связаны с наиболее совестливыми, с наиболее талантливыми писателями, которым в эти годы жилось, писалось и работалось очень и очень трудно. И издавалось трудно. Выступал Бе-

лов. Я помню, как сложно в «Современнике» проходил его роман «Кануны». Можно было бы коснуться и других произведений. Я помню, как иногда издатели, и я, в частности, испытывали «сверху» нажим, чтобы увеличить тираж или срочно, вне плана выпустить очередное, как говорится, сиюминутное среднестатистическое произведение.

Мне кажется, что наша работа съезда будет малоэффективной, если мы так же как после Московской конференции, очень содержательного съезда писателей России (я на других съездах не был, читал только небольшие отчеты), не сделаем больших практических шагов и не начнем каждый с самого себя и с внимательного, хозяйского отношения к тому, что действительно является в нашей литературе талантливым.

Я не буду говорить о писательских «обоймах» и «списках», но вот у нас в русской литературе (в докладе, к сожалению, об этом не говорилось, я не знаю, шла ли речь об этом на секции прозы) — у нас работает в современной литературе очень совестливо, очень талантливо, целомудренно и беспощадно по отношению к показу правды жизни: и периода коллективизации, и Отечественной войны, особенно правды солдат на войне, я бы сказал, как Быков в белорусской литературе, — это выдающийся русский писатель Иван Акулов. А далеко, далеко не всем это имя известно. Другой пример.

Вчера я беседовал с одним очень крупным, уважаемым мною ученым. Мы с ним заговорили о русском поэте, жизнь которого недавно оборвалась. Не просто поэте, выдающемся поэте, поэте, который жил трудно, напряженно, поэте, который 20—30 лет назад писал о том, что нас сегодня так волнует: о нашем весьма потребительски-беззаботном отношении к природе.

О человечество,

куда ты,
куда ты милое,
идешь?..

Земли

невечна благодать.

Когда далекого потомка

Тыпустишь по миру

с котомкой,

Ей будет

ничего подать!

Сказано это было 30 лет тому назад. Я говорю о Василии Федорове, его знаменитом стихотворении «Пророчество».

А посмотрите, мои дорогие друзья, в каких наших национальных республиках переведены его стихи. Сравните с другими поэтами. И увидите, что стихи Василия Федорова почти не переводились.

У нас сегодня работает много замечательных поэтов, но мне бы хотелось сказать (я наблюдаю наш литературный процесс, прежде всего поэзию, не одно десятилетие) лишь об одном из них — Валентине Сорокине. Мне привелось совсем недавно проводить вечер этого поэта в нашем изнеженном, избалованном Центральном доме литераторов. И вдруг, не полупустой, а забитый до отказа зал фойе просят радиофицировать, и два с половиной

часа поэт выступает, читает стихи, и более сотни вопросов о литературе и о жизни.

Ну разве мы можем так жить дальше? Тот же поэт Валентин Сорокин десять лет тому назад написал первый вариант поэмы о маршале Жукове, написал тогда, когда мы с наших высоких трибун стыдились в полный голос произносить имя этого выдающегося полководца. Мы обсуждали поэму в Московской писательской организации. Поэма получила высокую оценку. Я проводил это обсуждение и после него поставил вопрос перед руководством Союза писателей: давайте к 40-летию Победы издадим поэму Сорокина «Бессмертный маршал». Однако руководство Союза писателей не спешило. И поэт обратился в Центральный Комитет, в самую высокую инстанцию. Я так же написал письмо товарищу Горбачеву и послал поэму. Я не знаю, дошло оно или нет. Но самое главное — поэму сразу же после этого включили в очередную книжку Валентина Сорокина в «Советском писателе».

Если мы не перестроимся, если мы не будем думать каждый не только и не столько о себе, чем мы все болеем в той или иной мере, болеем нравственно, все мы далеко не святые, а будем почаще думать о товарищах, — тогда дело сдвинется и пойдет. И если у нас по-настоящему главным не будет наше творчество в работе нашего большого Союза, Российского, наших республиканских союзов и каждой писательской организации (подчеркиваю: *творчество, рукописи, книги*), мы не избавимся ни от нашего бюрократизма, ползучего, многоликого, ни от всех многих недостатков, о которых мы здесь говорили.

Мне хотелось еще сказать, что пора уже перестать нам к святым, а подчас болезням явления жизни подходить конъюнктурно, скоропалительно.

В свое время я издавал в «Современнике» книгу Евтушенко, на мой взгляд, одну из его лучших книг — «Дорога номер один». Я мог бы говорить о других удачах или неудачах. Я говорю о Евтушенко, потому что это наиболее характерно. Весь народ переживает боль, трагедию Чернобыля. Ну зачем и как можно эту всенародную боль и горе сравнивать в стихах, как это делает Евтушенко, со своей небольшой семейной личной драмой, своим, как он пишет, «маленьким Чернобылем».

Нельзя так, товарищи! (А п л о д и с м е н т ы.)

Надо всегда думать о том, на какую высокую трибуну, народную трибуну поставлен в нашем социалистическом государстве писатель, какие у нас с вами огромные блага, как мы, по сравнению с народом, роскошно зачастую живем, хотя еще и нелегко бывает писателю в глубинке. Но вместе с тем у нас есть все. Мы в таком привилегированном положении, что любую книжку нашу хорошую — а то и плохую — издадут, книготорг возьмет, гонорар заплатят и т. д.

Я хочу сказать еще о другом. Вчера очень активно проходило заседание секции поэзии. Я там из критиков был, пожалуй, один из немногих. Шел интереснейший, содержательный, очень проблемный разговор, так же, наверное, как и на других секциях. И мне хоте-

лось бы в связи с этим сказать, что справедливой была тревога, и украинские, и белорусские товарищи говорили об этом, что размышляют родной, национальный язык, что надо принимать охранные меры. Белорусы говорили об этом особенно взволнованно. Говорили о том, что в чем-то повинны переводчики. А я, выступая, сказал, что вы не думайте, что так все прекрасно у старшего брата с русским языком.

Если говорить о русском языке сегодня, то надо с большой тревогой говорить о том, что он все больше в наших книгах становится нивелированным, безликим.

Его и телевидение кромсает, и радио, и газеты, и, к сожалению, мы, писатели. Сколько стихов плоских! Вы посмотрите, как светится многокрасочная поэзия Пушкина, какой народный язык у Есенина. А у наших многих поэтов он безликий, невыразительный, синтетический. Об этом надо говорить. У нас есть своя проблема, а если взять преподавание русского языка в русской школе, то тут мы, наши дорогие друзья по нашему многонациональному Союзу, ничуть не в лучшем положении, чем вы. Поверьте, у нас такая же в этом смысле беда и такая же трагедия: мы все чаще пишем и говорим на каком-то средне-русском усеченном языке. Читать такие книги невозможно. Вот почему тяга читателя к таким писателям, как Белов, Распутин, Прокурин, Кручин и многие другие, к тем книгам, где сохраняется настоящий народный русский язык. То же самое отношение в поэзии к стихам Фокиной, Ляпина, того же Сухова и многим другим, потому что у них подлинно национальный язык.

Хотелось бы еще сказать вот о чем. Спасибо всем нашим братьям — украинцам, белорусам, азербайджанцам, узбекам и всем другим, кто так прекрасно вместе с нами, русскими, провел первый Всесоюзный праздник поэзии Есенина. У нас многое делается для увековечения памяти великого поэта. Я думаю, что действительно «рояль Пастернака» не самая главная проблема в работе нашего съезда, но музей Пастернака нужен для того, чтобы снять вопрос. Мы иногда создаем себе проблемы там, где не надо. Мы открыли накануне нашего съезда прекрасное новое надгробие на могиле Сергея Есенина, и проблема снята. До этого общественность писала в ЦК письма, в Министерство культуры. Не надо создавать лишние проблемы. У нас в Москве до сих пор нет музея Сергея Есенина. Вопрос этот в принципе решен. Сейчас Моссовет и Министерство культуры РСФСР, которое многое делало и делает для увековечения памяти Есенина, не могут никак найти средства, чтобы отселить один подъезд из дома по улице Москвина, где жил Есенин.

Дорогие друзья! Есенин издавался и издается сегодня миллионными тиражами. Никто гонорара за эти издания не получает. Наверное, на деньги, которые государство получило от изданий Есенина (шесть собраний сочинений и отдельные сборники его стихов), можно не один подъезд освободить, а целый микрорайон выстроить в Москве! (А п л о д и с м е н т ы.)

Это вопрос серьезный. Вопрос нашей нравственности, духовности. Есенин сегодня — так же, как Шевченко, лучшие поэты братских литератур, — как совесть народа. А поэтому пора наконец открыть музей Есенина.

Я знаю, что Союз писателей вошел в наше союзное правительство с просьбой, чтобы Есенину был создан в Москве памятник, достойный великого поэта. Если в маленьком Батуми есть аллея Дружбы, где установлены прекрасные памятники-бюсты поэтов других республик, я думаю, что в Москве должно быть настоящее большое издательство «Дружба народов». Мы много об этом говорим. Выиграли бы от этого и наши национальные литературы, для которых в таком мощном централизованном издательстве были бы сняты многие проблемы некачественного, а то и того хуже, халтурного перевода: выиграли бы и русские писатели, получившие возможность более широко печататься в тех издательствах Москвы, где до этого выходили сотни книг национальных писателей, которое стало бы выпускать издательство «Дружба народов».

Еще один вопрос. Мы хотели бы, чтобы у нас в России была литературная премия имени Сергея Есенина. Когда мы, комиссия по увековечению памяти Есенина СП РСФСР, ставили этот вопрос, нам говорили в Союзе писателей РСФСР и СССР: повремените, ведь нет еще премии Маяковского. Мы в ответ заявили: так это плохо!

Нам сегодня очень бы хорошо вспомнить полемические строки Маяковского о его революционной, гражданской бескомпромиссной позиции поэта Октября: «Я пишу так: если в моей стране победят белые и реставрация, мои стихи найдут и закопают в землю».

Мы живем далеко не в безоблачном мире. Идет напряженнейшая идейная и идеологическая борьба. Наш гражданский долг, и нам в этом помогает нравственная атмосфера в стране после XXVII съезда, освободиться в нашем писательском доме, нашем творчестве от всего наносного, вчерашнего, бесперспективного для того, чтобы наша многонациональная литература по-настоящему была бы совестью и душой народа! (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи, давайте все же соблюдать регламент. Слово предоставляется Давиду Никитичу Кугультинову.

Д. КУГУЛЬТИНОВ. В первой главе «Евгения Онегина» Пушкин рассказывает о том, что его герой знал Адама Смита, знал, «как государство богатеет, // И чем живет, и почему, // Не нужно золота ему, когда простой продукт имеет, // Отец понять его не мог, // И земли отдавал в залог».

Маркс и Энгельс восхищались знанием Пушкина политической экономии на таком уровне, что Энгельс писал: Адам Смит и Давид Рикардо путаются в вопросах товар — деньги — товар, а Пушкин все это уже знал. Они восхищались умом Пушкина, который знал не только, что товар — деньги — товар, а знал жизнь народа и исходя из жизни народа блистал своим талантом, блистал своим гением.

О Пушкин! Я всегда думаю о нем. Думал, сидя здесь, слушая выступления моих друзей, думал, когда открылся наш съезд, когда прочитан был отчетный доклад, когда предоставлялись слова ораторам. Тогда я вспоминал:

Слух обо мне пройдет по всей Руси
великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне
дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

И я думал: кого же перечислил Пушкин, называя имена народов? Не китайцев, не англичан, не французов, а чукчей, калмыков, самых малочисленных. Потому что Пушкин был гением, ему не нужно было никому кланяться. Потому что гений помогает слабым, не сильным, а малочисленным. И поэтому он назвал имена этих народов.

Какое же это было благородство!
И когда первое слово было предоставлено замечательному русскому поэту моему другу Сергею Михалкову, я подумал, что, наверное, Пушкин, будучи председателем, дал бы первое слово Юрию Рытхэу, ведь все-таки Сергей Михалков не нуждается в такой ласке, как Рытхэу. (Аплодисменты.)

Я думаю, что Пушкин допустил бы ошибку, не дав слова второму оратору, выступившему здесь, потому что блистательная речь Бориса Олейника произвела такое впечатление, что можно было бы после переходить к другим вопросам, потому что в его речи с большим тактом и культурой были освещены все вопросы, о которых говорили выступавшие после него.

Пушкин! Когда я говорю о Пушкине и читаю Пушкина, я в каждой строке нахожу для себя новое, я думаю, что гений всегда жив и всегда впереди и выше нас, всегда служит примером благородства, гражданственности и уважения к своим учителям.

Когда я читал его слова о Карамзине, я думал: как будет издан Карамзин сегодня? Будет ли там глава об Иване Грозном, будет ли там образ Малюты Скуратова? Когда я на стенах Кремля вижу и сейчас золотом впечатанное имя Вышинского, я с содроганием думаю: сколько времени этот палач, тоскующий по своему. Предтече, — будет на стенах Кремля. (Аплодисменты.)

Мы здесь говорили о необходимости нового мышления, и тут многие слова говорились в адрес Секретариата Союза писателей. Конечно, в работе Секретариата были ошибки, конечно, можно было работать лучше. Но неужели виноват в этом только Марков, неужели виноват в этом только Верченко? А те, которые здесь выступали, а я, выступающий сейчас, разве не несу этой ответственности, разве я не отвечаю в той же степени, как те, кто говорил с этой трибуны? (Аплодисменты.)

Я, старый человек, вышел на эту трибуну со своими регалиями, со своими лауреатскими знаками, потому что я не успел еще перестроиться (шум в зале, аплодисменты.) и снять свои знаки. (Смех в зале, аплодисменты.)

Все выступившие здесь говорили: несправедливо даются награды и государственные премии, причем говорили сами лауреаты без лауреатских знаков. Нельзя так. Если ты об этом говоришь, то говори, что и мне дали не по справедливости. (А п л о д и с м е н т ы.)

Нам нужно вернуть веру в слово — народ, нам надо заглянуть в душу народа. Перед моим выездом за две недели у нас сделали внезапную проверку трех чабанских точек, и оказалось, что эти три чабана имеют столько же собственных овец, сколько и государственных, и они пасутся на той площади, на которой должны были пастись 600 голов овец. Но вместо этого здесь пасется тысяча. Я спросил об этих чабанах, и оказалось, что они наемные, на три года пришли на нашу землю и для них эта земля ничего не означала. Ведь здесь все вытопчут, превратят эту землю в пустыню. А им-то что? Я был потрясен этим. И когда я оглянулся вокруг, душа моя содрогнулась. Утрачено чувство хозяина земли.

Это было страшно, и потому вопрос о необходимости изменения самого мышления человека стал главным вопросом. И XXVII съезд партии поставил эти вопросы не потому, что надо было поставить новые проблемы, а потому, что так дальше жить невозможно. И эта трагедия общества сейчас требует своего решения.

После XXVII съезда я был за рубежом, был в Индии. И один из индийских товарищей спросил у меня: а что же у вас происходило, почему о коррупции, взяточничестве, о чем сообщают газеты и о чем говорили на XXVII съезде, почему об этом не писали ваши писатели? И это ставили в обвинение нам. Я не принял этого обвинения. Я сказал, что съезд проводится нашей партией, мы ни к кому не обращались, не Михаил Архангел спустился на землю, не Георгий Победоносец рубил головы, а наше советское поколение, которое было воспитано великой литературой, советской литературой, ибо, когда они рождались, уже был первый том «Тихого Дона», уже работал «Разгром» Фадеева, уже существовал тот нравственный климат, который сделал невозможным терпеть наши безобразия, которые были, и необходимость нового мышления.

И вот почему я сказал: совесть нашей литературы чиста, и, больше того, мы гордимся тем, что происходит, происходят эти события и к ним причастна наша советская литература. (А п л о д и с м е н т ы.)

Я рад, я доволен, я благодарю свою судьбу за то, что я родился на этой земле. Это говорю я, который мог бы говорить и иное, но я родился на этой советской, русской земле, где были Пушкин и Ленин. Эти два имени, которые воплощают в себе черты и характер великого русского народа, были для меня светом, надеждой и верой и в годы Великой Отечественной войны, когда я был на фронте, и тогда, когда я за 69-й параллелью долбал ломом вечную мерзлоту.

Интернационализм — то, что мы говорим

сейчас и называем так, — истари был в характере русского народа.

Какие дивные слова Гоголь писал Погодину, когда сообщил ему: «Работаю над книгой «Земля и люди». Мне хочется на страницах этой книги вывести выпукло и ярко образ и характер народов и племен, населяющих нашу великую Россию». Он хотел, чтобы каждый россиянин хорошо знал свою родину, ее территорию, народы и племена, входящие в состав России, знал и уважал обычаи этих народов и племен.

Я благодарю судьбу за это счастье — родиться на этой земле и работать на этой земле вместе со всеми вами.

Вношу предложение, поддерживая предыдущих товарищей, признать работу нашего Секретариата, Правления, нашего Союза удовлетворительной. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Александру Андреевичу Проханову.

А. ПРОХАНОВ. Несколько дней назад в Чернобыле я наблюдал, как солдат, почти мальчик, в гимнастерке, с пластмассовым щитком на лице, бросался в реакторном зале на кусок урана, излучавший 400 рентген, поддевал его лопатой, кидал в контейнер. Ему на эту операцию было отведено пятнадцать секунд. Таким был регламент.

А неделей раньше в соседский дом привезли в цинковом гробу солдата из Афганистана, простреленного насквозь стальным сердечником крупнокалиберного пулемета. И мать убитого отливали водой.

И тот, и другой солдат годились мне в сыновья.

Отцы писателей моего поколения извели себя на огромной войне, на огромной работе, на стройках, на сибирских этапах, в социальных катаклизмах, в невиданных жертвах.

В сравнении с ними мое поколение прожило благополучную жизнь. И это сознание благополучности между двумя приносящими кровавую жертву поколениями породило в нас сознательное и бессознательное чувство вины. И это чувство вины двигало творчеством. Писатели искали в жизни драму, свою драму. Боролись за сохранение памятников архитектуры. За чистоту языка. За чистоту семейных отношений. Искали трагедию на производстве. Искали мученика идеи.

И вот случилось открытие. Был открыт новый герой, новый социальный тип. Благополучный, сбалансированный, индифферентный к большой идеологии, к большой политике. «Амбивалентный», как его называли. Это открытие, осуществленное одновременно многими писателями, было запатентовано.

Критика, которую сегодня называют беззубой, узнав про открытие, обнажила волчьих зубы. Героя, а иногда и автора стали рвать и топтать. И слева, и справа. Открытие хотели зачеркнуть. Но оно уже было зафиксировано.

Однако это открытие вчерашнего дня.

Сегодня этот герой, этот индифферентный тип исчезает, растворяется на глазах. Из

него выходит целая галерея общественно-социальных типов.

Опасность, внутренняя и внешняя, коснулась домашних очагов. Дыхание катастрофы коснулось рукописей, и сбалансированность исчезает.

Появился, и в самых различных слоях, тип пораженца, уже сдавшегося сильному удачливому противнику, не верящий в стойкость нашей социальной системы, в способность отечественных инженеров конструировать хорошие машины, в способность отечественных врачей хорошо лечить, а отечественных писателей — писать хорошие книги. Они готовы заключить с противником компромисс на самом низком, унижительном уровне.

Но появился и другой, встречный тип. Еще вчера социально сонный, он сегодня проснулся. Его раздразили и возмутили. Раздразнили чужие боевые корабли, черкнувшие бортами о Крым. Раздразнили радиоголоса, ликующие по поводу наших недородов и обилия взяточников. Возмутили сами эти бесконечные недороды и несчетные взяточники. И этот вчерашний, равнодушный готов сегодня взяться за дубину, отбиваться от чужих дредноутов и от своих бюрократов. В нем оскорблен гражданин великой державы, оскорблен гражданин. Но в этом встречном порыве отпора иногда надрыв.

Есть и третий тип, чувствующий беду, но бегущий от нее, — в пустяки, в разглагольствования, в секс, в пьянство, в поп-религию, в непрерывные отвлекающие развлечения.

И четвертый, самый драгоценный для общества характер, ищущий выхода из катастрофы не через конфликт, не в ударах мегатонн, не в непрерывной изнурительной конфронтации, не в завинчивании гаек и ударах дубины, а в сверхусилии новых идей и подходов, в денной и ночной конструктивной, не терпящей промедления работе. Ибо времени совсем не осталось.

Сегодня нашим социальным и государственным организациям так не хватает идей. Не людей, а идей. В экономике. В социологии. В культуре. Идеи — вот что сейчас драгоценно.

Эти идеи в избытке скопились в народе. Как пахать землю. Как строить реакторы. Какой быть крестьянской и рабочей артели. Как жить человеку с человеком и стране со страной.

Перестройка, которую мы затеваем, не есть перестройка неподвижного дома или овина, а бешено несущегося самолета, к тому же ведущего тяжелый изнурительный бой. И мы вынуждены увеличивать его скорость, вместимость и оснащение, не прекращая этого боя.

На всенародном совете, которым является культура, должны быть заслушаны все патриоты, как бы утопично и непривычно ни звучали их речи. Все — от военного до священника, от министра, ответственного за энергию и ресурсы, до матери убитого в Афганистане солдата.

Чтобы наша главная идея была обогащена. Не поколеблена, а упрочена. Идея государства. Идея социалистической Родины.

Общество, не желающее почувствовать того, что оно может не уцелеть, такое общество может не уцелеть. Но народ, который понял, какие непомерные усилия потребуются ему для победы, победит. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Объявляется перерыв на 30 минут.

Председательствует В. Э. БЕЭКМАН.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Дорогие товарищи, продолжим работу съезда.

Слово предоставляется председателю Союза польских писателей Войцеху Жукровскому.

В. ЖУКРОВСКИЙ. Товарищ председатель! Дорогие друзья!

Вы обладатели настоящего сокровища — ведь таких писателей нет больше нигде, только у вас. Я-то знаю писателей, их самомнение, уверенность в собственной гениальности, склонность к лицедейству. И всегда-то они хотят быть в центре внимания, даже без книг принимают монументальную позу. А ваш умный, удивительно терпеливый читатель умеет отличить подлинное творчество от пустого комедиа́нства. Случается и так, что читатель находит великое в книге писателя и прощает ему любую слабость. Он всегда ждет серьезного разговора о смысле жизни, ответа на вопрос, как оставить после себя след, как заслужить бессмертие, которое писатель завоевывает словом.

Пусть и наша жизнь, и жизнь людей, нам знакомых, людей, которые нам доверились, видя в нас целителей душ, советчиков, а возможно, и пророков, способных предвидеть неизбежный ход событий, ляжет в основу книг, хороших и мудрых, написанных в спокойном сосредоточении духа. Желаю вам таких книг.

Я отношусь к поколению, которое боролось с фашистским нашествием. То, что я уцелел, — случайность. Жизнь многих товарищей оборвала пуля. Если я осмеливаюсь говорить устами погибших, если я радуюсь жизни, то это именно потому, что они стали героями наших книг. Хочу вам сообщить, что у нас в стране издательство национальной обороны выпустило в годовщину нападения Гитлера на Советский Союз более чем полумиллионным тиражом 12 томную «Историю второй мировой войны». Редколлегией руководил маршал Гречко, а затем маршал Устинов.

Наш долг — увековечить память о мужестве и самопожертвовании. Давайте выполним свой долг так же честно, как солдаты прошедшей войны.

Наши литературы должны взаимно обогащаться. Ведь мы знаем имена ваших известных писателей и их произведения, неоднократно здесь упоминавшиеся, а знаете ли вы нас? Говорят ли вам что-нибудь имена: Залусский, Билинский, Чешко, Флисовский (я называю первые пришедшие на ум)?

Не из встреч ли в этом зале рождаются лучшее взаимопонимание, доверие и дружба? Мы должны отвечать за книги друзей, передавая их в руки своих читателей.

Друзья мои! Мы должны постоянно укреплять силу, которую нам дает чувство содружества, силу, гарантирующую прочный мир.

Позвольте мне теперь от имени Союза польских писателей передать наилучшие пожелания: хороших вам книг, верных читателей и побольше молодых талантов!

Не принимайте близко к сердцу критику, если она пытается втиснуть литературу в прокрустово ложе схематизма. Жернова времени мелют мелко, остается лишь самое твердое зерно — алмазное, то есть самые лучшие книги — те, которые останутся в памяти читателя.

Я принес вам картину, изображающую Королевский замок в Варшаве, поднятый из руин по воле народа. Служите народу, и он обессмертит вас в своей памяти.

Завтра я улетаю в Варшаву на X съезд Польской объединенной рабочей партии. Я верю, что она, так же как и ваша Коммунистическая партия, говоря о писательском долге, гарантирует писателям свободу творчества.

Спасибо за внимание. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Большое спасибо за теплые слова в наш адрес, товарищ Жукровский! (Аплодисменты.)

Слово предоставляется Фредерику Полу, американскому писателю, вице-президенту Всемирной организации писателей-фантастов.

Ф. ПОЛ. Дорогие коллеги!

Прежде всего я должен поблагодарить Союз писателей СССР и каждого из вас за приглашение в качестве гостя на ваш съезд.

Этот съезд представляет для меня особый интерес. В Америке ведущей писательской организацией является Гильдия писателей, и на протяжении многих лет я был членом исполнительного совета этой организации, которая не столь велика, как ваш Союз. У нас только 7 тысяч членов, и наша Гильдия не обладает собственными писательскими домами, клиниками и домами отдыха, курортами. Когда я вернусь домой, я расскажу о вашем опыте, и мы, может быть, попытаемся последовать вашему примеру. (Аплодисменты.)

Но сегодня мне хотелось бы выступить перед вами не в роли официального лица, а просто писателя, американца, представителя рода человеческого.

Как писатель я чувствую себя здесь как дома, потому что нахожусь в обществе своих коллег. Хотя наш образ жизни отличается от вашего, мы разделяем общие тревоги и заботы всех писателей: постараться понять мир или хотя бы часть его и отразить это понимание в романах, эссе или стихотворениях как можно более правдиво, так, чтобы другие могли разделить его вместе с нами. Наше понимание действительности может отличаться от вашего, но мы должны учиться друг у друга.

Как американец я знаю, что у нас много различий. И все же я с надеждой смотрю

в будущее, поскольку извлекаю уроки из прошлого.

Сорок один год назад, когда советские и американские солдаты встретились на берегах Эльбы, они встретились не как враги. Они раскрыли друг другу объятия, объединенные общей радостью победы над общим врагом — над гитлеровской Германией.

Это факт, который я извлекаю из истории. Это заключение я делаю на основании своего собственного опыта. Когда мы работаем во имя общей цели, мы можем добиться успеха. Но я уверен, что всем нам как людям, как представителям рода человеческого можно бороться за такие цели, есть такая цель, жизненно важная цель — сберечь мир от уничтожения. (Аплодисменты.)

Поэт Роберт Фрост однажды сказал, что мир может погибнуть по-разному: в огне или от холода. Сегодня перед нами возникает страшная перспектива ядерного огня, ядерного пожара. Но не только война угрожает нам. Медленно, но верно мы можем уничтожить свой мир, жизнь на земле, отравляя воздух, загрязняя озера, реки и моря.

Мы говорим о коммунистическом мире, о капиталистическом мире и даже о «третьем мире». Но на самом деле существует только один мир, нет трех миров. Как сказал ваш космонавт Виталий Севастьянов в разговоре со мной несколько лет тому назад: «Вся наша планета — это небольшая голубой шарик во Вселенной. Наш долг, от которого нам не уйти, долг перед нашими детьми и детьми наших детей — на все времена сохранить этот хрупкий дом для будущих поколений». (Аплодисменты.)

Я теперь, как никогда ранее, полон надежд. Здесь поняв, что это достижимо. Здесь советские писатели с этой трибуны говорят о тех же проблемах, о безотлагательности этих проблем. Я разделяю их тревоги. (Аплодисменты.) В наших руках — судьба планеты, будущее рода человеческого. Я надеюсь, что нам достанет мудрости и силы, чтобы сохранить мир и уберечь его от гибели навсегда.

Благодарю вас. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Спасибо нашему американскому другу за теплые и очень существенные слова, которые он сказал на нашем съезде. (Аплодисменты.)

Слово предоставляется Анне Лиловой — болгарской писательнице, президенту Международной федерации переводчиков.

А. ЛИЛОВА. Уважаемые делегаты!

Прежде всего я хотела бы выразить от имени Международной федерации переводчиков благодарность за приглашение принять участие в работе этого вашего представительного форума. Внимательно следя за вашей дискуссией, видно, как часто ораторы упоминают проблемы перевода.

По своей сущности эти проблемы не узконациональные. Они тоже проблемы нашего времени, поскольку мы являемся свидетелями колоссального подъема переводной литературы в мире, который обусловлен на-

растающими потребностями общения между людьми и народами, обусловлен ясным прозрением, что культурное развитие отдельных народов не может решаться единственно национальными традициями, что путь к научным и художественным вершинам идет через общечеловеческие достижения. Но надо подчеркнуть, что этот огромный в количественном отношении переводческий труд и его динамика сопровождаются значительными изменениями и нарастанием требований самого процесса перевода в чисто творческом, профессиональном аспекте.

Вернее, можно сказать, что в национальных культурах изменились переводческая психика, принципиальный подход и задачи художественного перевода.

Выросло новое поколение, более информированное, более знающее, более уверенное в себе, которое вступает в серьезный диалог с современными авторами. Это поколение ищет у вас и у ваших произведений ответ на вопрос: для кого мы переводим — для читателя конца XX века, свидетеля самых больших научных и общественных достижений в истории человечества, современной науки и культуры, для читателя, представителя национальных культур широкого и многогранного диапазона по степени своего развития.

Потребность перевода подлинника всегда была и всегда будет существовать. И впредь книги будут переводиться не потому, что язык устаревает, а потому, что творчество поэта и писателя необходимо каждому новому поколению, новым читателям, воспринимающим по-новому и те эстетические, идейно-эстетические ценности оригинала каждый раз в новом социальном контексте.

Дело художественного перевода пребудет в веках, ибо движение и прогресс общества связан и с прошлыми эпохами и несет в себе зародыши будущего, ибо перевод осуществляет связь и длинный диалог между цивилизациями и ведет к взаимопониманию.

Понятно, конечно, вас волнует развитие переводческой деятельности, ведь русская и советская оригинальная литература всегда была и есть пример приобщения к литературным ценностям других народов с мировыми тенденциями и процессами в культуре. Ведь она, ваша литература, в духе своей традиции всегда утверждала роль и влияние художественного перевода и специфический, творческий характер переводческого труда.

Быть вашими спутниками и соратниками, воссоздать полноценные ваши художественные произведения с тем, чтобы ваши голоса звучали и за пределами родины, и одновременно являться создателями переводной литературы как части культуры и наших народов, быть стимулятором творческих возможностей человека — такова наша высокогуманная миссия. Если сегодня принять во внимание общечеловеческие задачи борьбы за сохранение мира, в чем так велик вклад вашей страны, если принять во внимание реальный размах коммуникаций между людьми, народами и государствами, то предельно ясной становится исключительно важная роль перевода не только как средства культурного

общения, но и как важного фактора сохранения духовных ценностей.

Международная федерация переводчиков, имеющая высший статус неправительственных организаций при ЮНЕСКО (категорию А), именно в этом видит свою основную задачу. Сегодня она объединяет уже 50 организаций со всех континентов мира. Честью для нас является то, что одна из них — это Совет по художественному переводу при Союзе советских писателей, представители советской ведущей переводческой школы, представители многонациональной советской литературы, посланцы того государства, где размах переводческой деятельности вызывает всеобщее уважение и пользуется признанным авторитетом в мире.

Вклад Союза советских писателей в достижения можно определить как конструктивный и ценный. Прежде всего ваш Союз положительно относится к характеру, целям и задачам Международной федерации переводчиков и активно содействует ее укреплению, единству и развитию.

Позвольте мне, уважаемые делегаты, с этой высокой трибуны передать вам, творцам советской оригинальной переводной литературы, искреннее поздравление Международной федерации переводчиков и от всего сердца пожелать новых больших успехов в вашем талантливом деле и стремлении к дальнейшему развитию культуры, к дружбе и сотрудничеству всех людей доброй воли нашей планеты.

Благодарю за внимание. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Уважаемая товарищ Лилова! От имени нашего съезда сердечно благодарю и желаю вам и вашей международной организации успехов в работе. (Аплодисменты.)

Слово предоставляется еще одному гостю нашего съезда — заместителю председателя Союза писателей ГДР товарищу Макс-Вальтеру Шульцу. (Аплодисменты.)

М.-В. ШУЛЬЦ. Дорогие друзья!

Я хочу передать вам привет от писателей Германской Демократической Республики. Наш привет заключает в себе и благодарность за неоценимые свершения советской литературы последних лет.

Минуло 19 лет с тех пор, как мне довелось первый раз участвовать в съезде писателей в Москве, я говорю о IV съезде писателей СССР в 1967 году. Я был вместе с Анной Зегерс в нашей делегации. Анна Зегерс знала свет, и, казалось, весь свет знает ее. Более того, у меня сложилось впечатление, что она и говорит на всех языках мира. Анна Зегерс — коммунист, великий мастер немецкой литературы, лауреат Ленинской премии мира. На IV съезде советских писателей Анна Зегерс произнесла короткую речь. Я позволю себе привести здесь несколько фраз из ее выступления, фраз, которые навсегда запали мне в память. Начала она тогда с воспоминания о своей первой поездке в Советский Союз. «Было это, — говорила Анна, — в ноябре, примерно

37 лет тому назад... Я была еще молода, очень немного знала, очень хотела узнать как можно больше... Поезд намеренно замедлил ход под красным транспарантом на государственной границе. Харьковская конференция писателей, на которую мы были приглашены, стала для меня и моих спутников чем-то совершенно новым, нежели обычная писательская встреча. Я приехала в первую и единственную страну, где, как мне уже рассказывали, люди и предметы выступали в новом, невиданном ранее свете. Пусть в этой стране еще были беспризорные, был холод и голод и много всякого горя, свет этой страны произвел на меня неизгладимое впечатление.

Из этого восприятия Анна Зегерс извлекла свое художественное мироощущение, свое эстетическое кредо.

Анну Зегерс поражают этот удивительный ясный свет Октября, озаривший все наше отношение к другим людям, наши дружеские связи, нашу работу, наши методы и стиль, в помощь нашего писательского ремесла, которое в лучах этого света может достичь необычайных вершин. Но без этого света не стоит ни гроша.

И вот, покуда внимал я словам Анны Зегерс, некий поднаторевший в своем ремесле дьявол нашептывал мне на ухо про проступки, которые не смьтть никаким дождем, про тысячекратные, трижды проклятые, схожие, но извращенные факты в немецком варианте. Ведь когда я 44 года тому назад, в апреле 1942 года, впервые прибыл в Советский Союз, поезд тоже замедлил ход на государственной границе, и тоже намеренно. Но уже не ради красного транспаранта, а опасаясь мин и взрывчатки, подложенной на рельсы партизанами. И доведу до конца эту проклятую параллель в немецком варианте: я и мои попутчики сознавали, что мы едем отнюдь не на встречу с писателями. Ибо в одном поезде с нами прибывала из Германии сама смерть. Да и свет, в котором я все тогда видел, тот апрельский свет, был светом смутным и неверным. Эта моя первая поездка в Советский Союз окончилась километрах в ста от Москвы, на смоленской дороге. Там, в одной деревне, у колодца, на мой надменный вопрос, далеко отсюда ли до столицы, пожилая русская женщина, может быть, учительница по профессии, на самом колочем немецком, который мне когда-либо приходилось слышать, ответила, что до Москвы отсюда в тысячу раз дальше, чем до Берлина. (А п л о д и с м е н т ы.)

Дорогие друзья!

Чего ради я говорю о таком далеком прошлом, о столь давних событиях? Ну, прежде всего потому, что отношение к Советскому Союзу, к советской литературе и к советским людям сыграло в моей жизни столь значительную и поучительную роль. Мое сегодняшнее духовное бытие было бы немислимо без этого многостороннего отношения.

Дорогие друзья!

Я говорю о таком далеком прошлом, потому что на свете есть много, есть события и события, которые, словно тяжкие сны или непрошенные воспоминания, проникают в наше

сегодняшнее сознание, хотим мы того или нет. И эти непрошенные события и мысли — это признание вины и сознание заслуг — составляют, на мой взгляд, неприкрашенную кардиограмму наших глубинных связей с самими собой, с нашим обществом, со всем миром. Речь идет о том, чтобы понять нам неприкрашенную правду этой кардиограммы и не склоняться к ее метафизике, к метафизике горных пород. Непрошенные воспоминания, которые нахлынули на меня 19 лет назад, были связаны с катафизмом. Поэзия называет такое ощущение «припасть к матерям». Поэзия говорит: «Матери учат нас постигать мир и истину чувством», поэзия учит нас, что солидарность, производящих новую жизнь, связанная с разумом элементарных человеческих потребностей, как, например, с разумностью элементарной человеческой потребности в мире и индивидуальности. Я видел двух женщин, двух матерей — высокой культуры мира и ярко выраженной индивидуальности. На трибуне — Анну Зегерс, а перед моим внутренним и духовным взглядом — «женщину у колодца». Я видел двух провидиц: одну, которая с открытыми глазами выражала свою склонность к свету Октября, к духу социалистического реализма, и другую, которая выражает свою склонность к миру, — бесстрашную патриотку. Вот что определяет мое сознание и мое восприятие жизни как гражданина и писателя социалистического государства. Вот эти понятия: разум, вера и культура личности.

В отчетном докладе на XI съезде Социалистической партии Германии сказано: «Социалистическое общество станет тем богаче, чем богаче раскроется индивидуальность отдельных людей».

Дорогие друзья!

Я хотел не только выразить свою личную точку зрения, я хотел сказать, что все раздумья и речи об эстетической и политической ценности нашей социалистической литературы в конечном итоге наше общее дело. И я хотел поблагодарить VIII съезд советских писателей за его позицию в любви к Родине и к Отечеству, к интернациональной общности, укреплению мира. Ибо в конечном итоге речь идет о действительности сил мира!

Благодарю вас. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Уважаемый товарищ Шульц! От имени нашего съезда сердечно благодарю и желаю вам и Союзу писателей ГДР успехов в работе.

Слово предоставляется народному писателю Туркмении Кериму Курбаннепесову.

К. КУРБАННЕПЕСОВ. Товарищи!

Сидя в этом зале, я несколько раз перечитал стенограмму Михаила Александровича Шолохова, напечатанную в последнем номере «Литературной газеты» за 25 июня. И мне показалось, что будто он вышел на трибуну и своим мудрым словом советует нам, как надо вести съезд и какой должна быть борьба наших мнений.

Вот что он сказал: «Борьба мнений в литературе просто необходима. Без этого она пре-

вратится в нечто застывшее... Но борьба борьбе рознь. Она должна исходить из честных, партийных побуждений... Иные «борцы» сражаются не столько за литературу, сколько... лично для собственной персоны». (А п л о д и с м е н т ы.)

За четыре дня работы нашего съезда мы смогли наблюдать и то, и другое: и честные партийные побуждения, и в некоторой степени личные побуждения. Но все-таки честные партийные побуждения берут верх, и меня это радует. (А п л о д и с м е н т ы.)

Товарищи!

Позвольте мне в двух словах рассказать о делах нашей республики, что имеет непосредственное отношение к нашей литературной работе.

Горько нам всем было услышать из уст Генерального секретаря ЦК КПСС о том, что в Туркмении производительность общественного труда за 15 лет вообще не выросла. У нас на глазах засолен огромный массив плодородной земли близ Хауз-Ханского водохранилища — 100 тысяч гектаров орошаемой пашни. На наших глазах высохла уникальная природная кладовая химического сырья — залив Кара-Богаз-Гол, отторгнутый от Каспия. Значительно сократилось поголовье общественного стада в животноводстве, хотя известно, что себестоимость продукции этой отрасли в наших краях гораздо ниже, чем в центральных районах нашей страны.

Примеры эти можно множить и множить.

И мы, литераторы, чувствуем свою ответственность за все эти негативные явления, за нравственное здоровье, за духовный климат нашего общества.

Сейчас очень многое ломается в нашей жизни, началась коренная перестройка — сложный, болезненный процесс! Писатель должен эту сложность уловить, найти пути, по которым следует идти, нащупать болевые точки, узловые проблемы.

Готовы ли мы к такому художественному анализу действительности? Готовы и не готовы.

Думается, что наши писатели проявят страстность поиска, желание глубже разобратся в тех непростых явлениях, что происходят ныне в нашей жизни. Есть у нас крупные прозаики и крупные поэты! Есть и талантливая молодежь. Все они за последние годы работали честно, сделали немало для освещения народной жизни и пользуются заслуженным авторитетом.

Туркмения — страна поэтов. Однако что касается перевода и всесоюзного признания, то по сравнению с нашими лучшими прозаиками поэты находятся в проигрыше. Видимо, есть как легкопереводимые, так и труднопереводимые поэты.

Существуют более одаренные и менее одаренные переводчики. Да потому, наверное, и бытует новое изречение: «Скажи, кто твой переводчик, и я скажу, какой ты поэт!» (А п л о д и с м е н т ы.) Бывает, что критики перелистывают поэтические книги хороших поэтов и если там не увидят имен Гребнева, Козловского, Межирова или других переводчиков их уровня, то оставляют эти книги в

покое. Вот и мы находимся в полном покое, пока не появятся новые Гребневы, Козловские, Межировы... В результате получается так, что выдающийся поэт современности Бердиназар Худайназаров ничуть не лучше, чем самый посредственный поэт наших дней. Я говорю не только о наших туркменских поэтах, по опыту знаю, что многие отличные поэты братских республик не могут выйти на всесоюзный уровень из-за недостатка квалифицированных переводчиков. И вряд ли в скором времени или когда-нибудь они будут в достатке. Ибо отличных поэтов-переводчиков, так же как и самих поэтов, не выращивают, а рожают. Причем очень редко.

Что можно сказать о приеме в члены Союза писателей? Порой беспрепятственно вступают в него люди, чьи имена еще не запомнили не только читатели, но и писатели. И, пряча глаза, все же принимаем их. Не потому ли, что значительное число «писателей», являясь членами Союза, на самом деле писателями не являются?

Мы очень часто любим повторять, что писательство — это не профессия, а судьба. Раз она судьба — не отойти с нее и не свернуть. Но в последнее время эта вечная истина начинает приобретать другую окраску. Обратную. Истинные художники, для которых писательство действительно судьба, могут сомневаться в себе, могут отчаиваться, разочаровываться, мучиться и даже могут долго молчать. А автор, лишенный дара, когда-то какими-то неясными путями вошедший в члены Союза, ни на йоту не сомневается в себе, считая эту профессию своей судьбой и выдавая себя за лучшего представителя словесности, несущего на своих плечах всю тяжесть отечественной литературы. Да и молчать не может. Он выпустит друг за другом свои пухлые и дохлые книги, получит немислимый для других двойной, тройной тираж и заживет себе припеваючи. Скажешь: «Ну и пусть живет, надо же и ему кормиться!» Но не тут-то было. Он еще пролезет на такую должность, где будет давать оценки твоим произведениям! (А п л о д и с м е н т ы.)

Товарищи!

За последние годы писатели республики создали немало интересных произведений в разных жанрах. Однако если смотреть на развитие литературного процесса с высоты требований нынешнего дня, замечаешь, что далеко не все написанное и изданное за эти годы может нас удовлетворить. На страницах прозаических книг редко встретишь полнокровный образ истинного героя нашего времени, способного увлечь читателя, повести за собой молодежь, привлечь сложностью внутреннего мира.

В нашей литературе превалирует историческая тема. Так уж сложилось. Ничего предосудительного, мне кажется, в этом нет. История туркменского народа пока слабо исследована нашей литературой. Да и можно в самой давней дали найти темы и образы, созвучные нашему времени. Однако необходимо исследовать и то, что рождается нынче прямо у нас на глазах. В оценке любого произведения — на какую бы тему ни было оно написано (на

историческую или современную!) — существенным моментом является его социальная значимость.

Однажды, при встрече писателей с читателями в одном из передовых колхозов, речь шла о том, чтобы писатели не особенно увлекались темой прошлого, а побольше бы занимались темой сегодняшнего дня. Тогда встал один из передовых механизаторов, попросил слова и медленно вышел на трибуну: «Товарищи! Я слушал вас внимательнейшим образом. Все то, что вы говорите и обещаете, интересно и правильно. Но есть еще другое — наиболее интересное и наиболее правильное. Неужели вы думаете, что мы, передовики, настолько тщеславны, чтобы просить вас написать только о нас и хвалить нас? Вы пишете о чем угодно, но чтобы оно было для нас. А то бывает так, что, когда вы пишете про нас, это не всегда получается для нас. А когда вы на любую тему хорошо пишете для нас, то это всегда получается и для нас, и про нас». (А п л о д и с м е н т ы.)

Вот так смотрят на наше дело более или менее мыслящие читатели.

Товарищи!

Мне хотелось бы заключить свою речь словами о дружбе народов, о дружбе литератур. В свое время проводились дни, недели, декады литератур и искусств братских республик. Всем нам известно, что они нередко проводились помпезно, с обильными застольями, из-за чего, как я слышал, они перестали существовать.

Теперь, в наши нынешние дни, в дни освежающей трезвости, стоило бы их возобновить, сообща искать новые, более эффективные, полезные формы и развивать в формах, отвечающих духу времени.

Вчера один из ораторов упомянул статью о Твардовском, где автор статьи задает себе вопрос: если бы был жив Александр Трифонович и участвовал в работе VIII съезда писателей, с чего бы он начал свою речь? Возможно, с Чернобыля или, возможно, с недостатков нашей литературы.

А мне кажется, что он, Александр Трифонович, с чего бы ни начал, все равно наверняка говорил бы о Чернобыле. Ибо там после Великой Отечественной войны впервые произошло великое испытание чести и совести. Произошла переоценка личности, подтвердилась прочность великой дружбы всех народов и народностей Союза Советских Социалистических Республик. Не в этой ли дружбе могущество нашего народа, сила нашей многонациональной литературы, у истока которой стоял великий пролетарский писатель Алексей Максимович Горький?

Не эта ли дружба собрала всех нас сегодня в этом историческом, в полном смысле слова священном зале, где помнят великого Ленина — основателя нашей дружбы, первого наставника и великого друга нашей литературы? Это значит, что мы имеем право сколько угодно спорить о литературе, дискутировать и как представители вольной профессии, возможно, имеем право немного баловаться, кому-то вежливо, кому-то ехидно аплодировать и попытаться прогнать с трибуны, но при всем

том — после съезда — не имеем права плохо писать. Спасибо. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Александр Михайлович Адамович.

А. АДАМОВИЧ. Были мы с Даниилом Граниным вчера в гостях, где физик, специалист по реакторам, рассказывал про Чернобыль, про трагедию, за которой, по его мнению, преступное легкомыслие лиц, ответственных за работу реактора. А другой гость, гуманитарий, взял Библию и процитировал Иоанна Богослова (прежде чем повторить ту цитату, напомним, что значение слова «чернобыль» — «попынь»): «Третий ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод.

Имя сей звезде опынь; и третья часть вод сделалась опынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки» (глава 8, стих 10, 11).

Мы люди неверующие и не станем всерьез ссылаться на руку провидения. Угадывается за нашей большой бедой нечто вполне земное. И позволим себе не поверить одному из тех именно ответственных за порядок на всех АЭС, что «наука требует жертв». А ведь так по телевизору заявил один из руководителей атомной энергетикой, глядя в глаза нам ясным взором. Интересно, как он смотрел бы в глаза беженцев — детей белорусских, украинских? Да что я спрашиваю, зная ответ?! Нет, не просто реактор взорвался. И не наука потребовала жертв. (Хотя с нее спрос особый.) Взорвался и страшных жертв потребовал весь тот комплекс бессовестности, безответственности, недисциплинированности, покаяхуи, рапортомании и пр. и пр., с чем мы сейчас боремся. И что по закону действия и противодействия с той же энергией борется со всеми здоровыми силами в обществе и народе.

После обмена мнениями о Чернобыле хозяева и гости попросили нас с Граниным рассказать про съезд наш высокий, писательский, а нам, признаться, стыдно было это делать. Не только потому, что рядом с чернобыльской трагедией и всем, что из-за реактора выглянуло, слишком многое воспринимается как второстепенное и малозначительное. А еще и потому, что то, что выглянуло из нашего съезда (вчера, например), просто неприлично, и не для одних лишь интеллигентных людей неприлично.

Мы уж слишком часто повторяем шукшинское: «Да что это с нами делается?» Но как тут не вспомнишь слова его?

Так что же действительно происходит? С нами и не одними нами. Библейскому антихристу ничего не стоит мизинцем приподнять трехтысячтонную плиту реактора и дать нам понюхать ядерной опынь: вот вы, люди, чем сами себе приготовили! Но какой из чертенят сатанял вчера приоткрыл, сдвинул крышку с нашего Союза — и такое, таким понесло! Нет, тут никак не воскликнешь: «Друзья, прекрасен наш Союз!» (Д л и т е л ь н ы е а п л о д и с м е н т ы.)

Когда-то запорожские казаки, располагаясь

на ночь в степи, умели в один миг превратить свой обоз в крепостные стены. Создавали круговую оборону на случай возможного нападения.

Что общего у бюрократов с запорожцами? Ничего. А параллель возникает. Вот такую круговую оборону моментально соорудили и осатанело удерживают бюрократы сегодня против идей, решений, Программы XXVII съезда, только вместо телег учрежденческие столы. В их плотном ряду мы без труда разглядим и нашего, литературного министерства столы.

Зададим себе и друг другу наивный вопрос: должны ли писатели хотеть быть начальниками? Столоначальником быть. Не противоречит ли это натуре художника, не противопоказано ли интересам профессии?

Судьба даже такого большого таланта, как Александр Фадеев, подсказывает: и противно, и противопоказано. Сколько этот большущий талант мог оставить будущему времени хороших романов, повестей вместо томов вступлений, статей, на коих потом столько паразитировали догматики и душителы всего живого в литературе.

Когда мы пытались уговорить Василя Быкова стать нашим литературным начальником, он отключил телефон и не показывался на улицу десять дней. Вышел, когда угроза миновала, даже исхудал, как в заключении. Вышел, когда опустел холодильник.

Нормальная реакция? Для писателя, большого художника — да. (Долгие аплодисменты.)

Но вот знаем: другой большой художник, мастер кино, на такую роль дал согласие. Знаю, не с чужих слов, как трудно он решался, а если согласился, то лишь с мыслью все переменить в Союзе своем — в пользу талантливых людей и против всемогущих прежде, да и сегодня, чиновников, которые и являются истинными если не авторами, то соавторами той самой серости, о которой тут толкуем.

Будем и мы исходить из доброй мысли (презумпции, так сказать, невиновности) о будущих руководителях нашего писательского Союза, а именно из такой вот: мы их уговорим на эти должности, а они согласятся лишь ради того, чтобы, во-первых, продемонстрировать готовность через один срок (может, через год, как разумно предложил Евтушенко) уступить свое место, роль другим, тем самым отменяя пожизненное секретарство, этакое ханское сидение в Золотой Орде, которое любой талант обрекает на худосочие.

Во-вторых, готовность даже не помыслить о «самоиздатской», как тут это называли (т. е. издавать самих себя), деятельности, о сколачивании вокруг Союза «актива» по получению всех и всяческих привилегий. Как немислимо такое рядом с именами Чехова, Короленко, Блока, Толстого. А ведь именно такие имена, хотим мы этого или нет, освещают лучом света все вокруг нас, падает он и на нас. И любая низость в этом луче — как на ладони.

Тут уже прозвучало, и не раз, главное, видимому, требование делегатов съезда к будущим руководителям: превратить наконец нашу организацию в творческую и ради творчества.

Да, но в чем гарантия, что не покатится все по старым рельсам? Мало избрать просто хороших писателей, честных людей, как тут предлагалось. Хотя, безусловно, это предпосылка, предисловие всего остального, потому что если выберем делегатов, несдобровать нашему Союзу.

Но нужно и еще что-то, съезд наш должен заключить в самом механизме Союза писателей некую перфокарту перемен, которая диктовала бы линию поведения будущим руководителям, секретарям или как мы их теперь будем называть.

Я слышал, как обсуждали такую вот идею: принять на съезде решение, что через год писатели снова соберутся (пусть это будет всесоюзная конференция, но с некоторыми правами съезда) с тем, чтобы оценить направленные работы нового руководства. Потому что если мы ошиблись, нельзя в наше строгое время жертвовать годами и годами на исправление ошибки. А тут уже через год писательский народ оценит, тем ли заняты новые руководители.

Между прочим, Союз кинематографистов начал после своего съезда с того, что они достают с полок замаринованные чиновниками Госкино киноленты и ставят их на суд профессионалов, то есть делают то, что элементарно принято у специалистов по питанию, по технике и проч.

Специалисты высшего класса берут на себя ответственность и ручаются перед обществом за качество продукции. Другого пути просто не бывает, если действительно хотеть качества. Не так уж трудно себе представить, что при нашем Союзе возникает некий неказенный Совет из авторитетнейших художников слова, с оценкой, с заключением которого нельзя не считаться любым организациям и учреждениям.

Ну, а кто у нас авторитетнейшие и кто ничего не скажет, не сделает против совести, мы с вами отлично знаем. Даже при наличии групповых страстей и оценок знаем. Для этого нам не нужно смотреть на грудь — сколько там регалий, наград!

Лишь опираясь на коллективный и деятельный авторитет этих писателей, Союз сумеет в будущем не допускать положения, чтобы такие произведения, как новый роман Дудинцева (который я лично считаю великим романом), как удивительно талантливая и правдивая повесть Анатолия Приставкина о детях и детстве военной поры, годами обрывали себе жабры в редакционно-издательских сетях.

Но как определить, кто из возможных претендентов на руководящие посты, кто из них пригоден для работы по обновлению Союза, превращению его в творческий организм?

Есть, есть критерий!

Избрать в руководство лишь тех, кто не хочет, кто не рвется, не лезет в литначальники. Грубо говоря, не закидывает, даже прилюдно, как это бывает, ногу, чтобы сесть всем нам на шею. (Оживление в зале, аплодисменты.)

Ну, а если снова, как на предыдущем съезде, выйдя из этого великолепного зала, к нам, делегатам такого уважительного съезда, если мы, выйдя и получив списки для голосования, снова обнаружим, что все двери в зал

захлопнулись по мановению чьей-то руки? И мы — помните? — столпившись в вестибюле, где ни столов, ни стульев, выглядели со своими бумагами, как люди, которых какие-то шутники вытолкнули из бани, на люди, с намыленной спиной и мочалкой в руках. (Смех в зале, аплодисменты.)

Я видел, как уважаемые люди изучали список для голосования на спинах друг у друга. Будто натирали спины теми самыми мочалками. (Смех в зале, аплодисменты.)

Но большинство, рассердившись на кого-то, а еще больше на самих себя, с которыми можно так поступать, брезгливо бросали бумаги в щель урны, не заглядывая в списки.

Что и требовалось организаторам сего бюрократического спектакля под названием «Выборы членов Правления». (Аплодисменты.)

А ведь более нормальная была реакция, когда бы член СП сунул этот список себе в карман и утащил бы, унося на память. (Оживление в зале.)

Уверен, что главный момент, когда мы пойдем, действительно ли что-то меняется, перемены наступит, когда нам предложат процедуру голосования. Если снова количество кандидатов в члены Правления будет обязательно соответствовать количеству избираемых, значит, «круговая оборона» столoderжателей побеждает по-прежнему. (Аплодисменты.) Во всяком случае, на участке нашей писательской жизни и деятельности.

А значит, первое. Никто в Союзе писателей всерьез не собирается учиться жить при демократических порядках, не созрели мы, властители дум, еще для этого!

Второе. Товарищи, власть в Союзе нашем предрержащие, привыкнув к положению для них столь удобному и благоприятному, ничего не собираются менять и сами меняться!

И третье. Если так случится, значит, наше шумное большинство они считают толпой, чернью писательской, и может быть, правильно считают — если мы и на этот раз позволим с нами такое проделать! (Бурные аплодисменты.)

И уж совсем от души, товарищи: не в том главное, изберут ли в секретари «нашего», «не нашего». Не в этом дело. А мне кажется, самое главное, как будут проходить выборы два часа спустя. В этом главное! Как пойдут эти выборы, по-старому или по-новому, так и дела пойдут в Союзе нашем: по-старому или по-новому! Зависимость прямая и неизбежная! (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Гавриилу Николаевичу Тропольскому.

Г. ТРОПОЛЬСКИЙ. Дорогие товарищи! У меня нет написанной речи, поэтому постараюсь быть возможно более кратким. Мне пришлось участвовать на всех съездах писателей СССР, кроме первого. Наверно, мне и легче, чем другим, провести сравнение того, что было, с тем, что есть. Но я этого делать не буду.

Одно только скажу вам сейчас: хожу по залам Кремля, сижу в президиуме, и кажется

мне, что все время, либо за спиной, либо рядом, — Александр Трифонович Твардовский. Это ощущение не покидает с первых часов нашего съезда. Кажется, он присутствует и на этом съезде со своей жаждой жертвенности в литературе. Лозунгом его было: «Всего себя без остатка».

И конечно же возникал вопрос: как бы он вел себя на съезде, что бы он сказал, с чего бы начал?.. Наверно, с того же, с чего начали и мы. Конечно, о Чернобыле он говорил бы обязательно.

И вот, когда Анатолий Иванов, перечисляя имена в доказательство того, что у нас есть большая советская литература, назвал многих, в том числе Маркова, Проханова, Галину Николаеву и других... Твардовского забыл. Нет его в большой литературе, выходит дело! (Оживление в зале.)

Однако кто из нас, сидящих здесь, сомневается в том, что у нас есть большая советская многонациональная литература? Думаю, такого среди нас нет. Есть она, эта многонациональная литература, начавшаяся от Горького, есть несколько столпов на пути советской литературы, и один из величайших из них — Александр Твардовский.

Есть большая литература, есть великолепные, талантливые поэты и прозаики! Против огульного, так сказать, косвенного обвинения в том, что ее якобы нет, надо, конечно, приводить имена. Но и имена тех, кто составлял, создавал эту большую литературу. Я говорю об умерших.

Да, есть и литература серая (об этом очень много говорили). Но почему она все-таки размножается? Почему эта литература, стоящая особо, боком от талантливой литературы, почему она развивается? Мне кажется, я все-таки установил принцип, по которому она живет и существует. Ведь Серый, говоря о серости, никогда не называет Серого. Принцип такой: Серый Серого зовет, Серый Серого везет.

Нужны, конечно, и новому Правлению те самые меры борьбы с серостью, о которых много говорилось, а я повторяться не хочу.

Есть у нас и настоящая критика. Есть, несмотря на то что в Московской организации на пять человек писателей приходится «только» один критик, то есть размножение критиков идет по тому же правилу, как и в серой литературе. В общем же так: по дороге идет настоящая литература и настоящая критика, а на обочине (несколько даже шире самой дороги) шествуют серая литература и серая критика.

На каком принципе существует эта серая критика? Где ее истоки? Ответ в афоризме: на комара с дубиной, на волка с иголкой, на льва с гребешком. Попробуйте вы этот принцип, и найдутся люди — поддержат, помогут, выдвинут.

Говоря о критике, мне кажется, стоило бы новому правлению обратить внимание на такое положение. Ряд настоящих критиков у нас как-то остается за бортом. Для примера назову одно лишь имя — Владимир Лакшин. Его фундаментальный труд об Островском останется не на десятилетия, а больше. (Апло-

ди с м е н т ы.) Но он не получил даже пригласительного билета на съезд, его здесь нет. Ну что ж, значит, по тому принципу, о котором я сказал, видимо, придется и наше отношение к критикам тоже измениться. Ведь что самое страшное в критике? Критик-недоучка, критик с плоским мышлением, критик с позицией «чего изволите, то и напишу». Освободиться от такого — одна из важнейших задач Правления Союза писателей и редакций журналов.

Я обещал быть кратким. Но есть у меня одно обращение.

Дорогие товарищи из Грузии!

Дружба русского и грузинского народов определена длительной историей и закреплена кровью наших народов в защите Родины.

Лично я имею почти родственное отношение к Грузии. Моя тетка по матери, революционерка, отсидевшая 12 лет в тюрьмах и на каторге, прожизни значительный остаток своей жизни в Тбилиси, на улице Бочоридзе, 14. По ее рассказам, еще с малых лет уважение и любовь к грузинскому народу у меня, если можно так сказать, закрепились с детства. И я прошу вас, дорогие товарищи из Грузии: пусть не останется у вас отпечаток от того неприятного случая, о котором здесь говорили. Да, талантливый человек — Астафьев, талантливый писатель, уважаемый, и если он сделал грубую ошибку, пусть это будет его личным делом. И, если хотите, от имени редколлегии журнала «Наш современник», которая не сумела подправить вовремя рассказ «Ловля пескарей», чтобы он не отдавал этаким духом, приношу вам извинения! (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляет Владимиру Ильичу Амлинскому.

В. АМЛИНСКИЙ. Твардовский, чье имя так часто звучит сегодня, вчера и во все дни съезда, сказал простые и точные слова: «Бой не ради славы, ради жизни на земле».

Сегодня, когда война далеко позади, эти слова звучат пророчески и с трагизмом. И может быть, поэтому некоторые наши схватки, некоторые наши дебаты, в которых не рождается истина, они, так сказать, кажутся мелкими, отдают фальшью и позой перед чем-то очень важным, что содрогнуло наши сердца, что заставило нас на многое посмотреть по-другому. И вот я читаю публикации, которые идут в связи с этими событиями. Открываю сегодня газету «Правда», читаю название: «Сувенир из-под реактора», читаю несколько дней назад: «Соловьи над Припятью», читаю о рыбалке, где водится какая-то прекрасная рыба.

Мне кажется, что есть какая-то мера ответственности человеческого и нравственного такта. И эти люди, я не думаю, что они во зло это делают, но они лишены вкуса. А отсутствие вкуса иногда равнозначно отсутствию духа и духовности! (А п л о д и с м е н т ы.)

20 лет назад я был в Ташкенте, меня застало там землетрясение. Я приехал туда писать о Хиве и остался там со своими друзьями. Я был молодой еще писатель, я был романтик.

Я прожил там довольно долгое время. Потом я написал об этом, как мог. Хотелось написать правду, но меня поправляли и говорили: не надо натурализма, не надо трагизма. Люди сплотились, людям хорошо, люди объединены, и наше землетрясение — лучшее в мире.

Я думаю, что сегодня этого быть не может. Сегодня партия говорит нам, и мы сами это давно знаем, что гласность невозможна без правды, а правде трудно без гласности.

Я принадлежу к поколению нелегкому. Нас еще недавно считали молодыми, хотя мы уже дожили до седых волос. Вроде действительно нестарые, «остались в прошлом мы одной ногою», — как сказал Есенин, — скользим и падаем другою». Люди послевоенного времени, мальчишками мы были, учились, читали книжки — «Алитет уходит в горы» и прочее. Мы были лишены Бунина, мы сами к нему прорывались. Мы были лишены Платонова — великого писателя русской земли. Мы не знали Булгакова, мы мало знали Пастернака, Цветаеву, Ахматову. Очень было все сложно и непросто.

В 60-е годы началась жизнь нашего поколения, после XX съезда. В ней было много разного, много противоречий, но было живое дыхание, был поиск, поиск, который захлебывался подчас, но это было интересное время.

Я думаю, что наше время еще более перспективно, потому что учитывает опыт прошлых ошибок. На заседаниях нашего съезда мы много говорим о нашем Союзе. Наш Союз — это наше дело. Мы — члены этого Союза. И большинство присутствующих здесь делегатов — секретари правлений своих организаций, члены приемных комиссий и т. д. И поэтому несправедливо было бы винить 5—6 человек во всем, считая, что мы не виноваты ни в чем, что мы не принимали участия в том, что происходило. А происходило не только в Союзе писателей. Я хотел написать о фильме Алексея Германа, талантливейшего режиссера, «Мой друг Иван Лапшин». Мне сказали: не надо. Это было несколько месяцев назад, а сейчас те люди, которые мешали выходу этого фильма, пишут большие статьи и восхваляют мужество А. Германа, его киноязык, владеющий своим видением прошлого, своеобразным строем художника.

И вот что он сказал: скучно ругать Госкино. Я думаю тоже, что довольно скучно и не пристало нам бесконечно ругать Госиздат, Госкомиздат и Секретариат Союза писателей. Потому что мы сами во многом виноваты. А кстати говоря, и в Секретариате Союза есть люди, которые делают полезные дела в Совете по национальным литературам, консультанты — безвестные, скромные, бесконечно вкляывающиеся (а п л о д и с м е н т ы)... для того, чтобы объединить литературы и объединить людей.

Но я сейчас хочу сказать о другом. Москву иногда представляют счастливым и благополучным городом. Я — коренной москвич, родился в Машковом переулке, ныне переименованном в ул. Чаплыгина, как и все ближайшие переулки. Слава богу, остался еще Харитоньевский, потому что Пушкина нога ступала там. Правда, там же ступала нога и Т. Д. Лы-

сенко, там была академия ВАСХНИЛ, и я помню академика Лысенко — злой дух нашего времени, который принес огромный ущерб нашей науке — генетике, социологии, кибернетике, экологии и т. д. Все было. Это было и принадлежало нашему времени, и об этом надо писать, писать по-разному. Я сейчас хочу написать повесть о своем отце, он был биолог, о его жизни, о его скромной борьбе за науку.

Так вот, Москва. Я недавно прочитал стенограмму встречи Б. Н. Ельцина с пропагандистами. Там названы страшные цифры. По смертности Москва дает нам один из самых печальных уроков. По здравоохранению тоже — малое количество больниц и проч. Огромный город, растянутые коммуникации. Очень тяжелый город, где коренные москвичи, и я это знаю, потому что мои друзья однокурсники — сейчас кандидаты наук, скромные люди — живут до сих пор в коммуналах.

А что происходит с культурой в Москве? Уроки прошлого тоже нас ничему не научили. Говорили о «вставной челюсти» нового Арбата, об этом безликом, безродном, чужом нашей Москве этом огромном проспекте. Но он есть, он делает свое дело, и пусть он существует. Сейчас сделали старый Арбат. Но этот Старый Арбат тоже не Арбат. Он музей. Он похож на Пловдив — старый город Болгарии. В нем тоже есть что-то безликое, с этими фонарями, каким-то крашеным булыжником.

Но не только это. В свое время памятник Гоголю, изумительный памятник, скорбный Гоголь, мыслящий, стоял на Гоголевском бульваре. Этого Гоголя убрали во двор, а на его место встал Гоголь, похожий на генерала, на военачальника. Военачальник — это тоже прекрасно, но это не Гоголь. (А п л о д и с м е н т ы.) Идет разговор о Поклонной горе. Я не знаю, что будет с этим черным памятником, который странной тенью будет висеть над Москвой годы, века. Так что об этом тоже надо думать. Моя Москва — патриархальная в чем-то Москва. Это была деревенская Москва, у нее был свой микроклимат и свой микромир — Чистые пруды, эти улочки, эти переулочки... Там была библиотека Тургенева, с которой очень многое в русской культуре связано. Она исчезла, встали каркасные дома, блочные и безликие. Я думаю, что об этом надо помнить.

И надо помнить о судьбах художников, наших товарищей. В журнале «Нева» напечатана переписка Юрия Казакова и Виктора Конечного. Виктор Конечный — очень хороший писатель, капитан дальнего плавания — не упомянут ни в докладе, ни в выступлениях, но он хороший, настоящий художник. В этой переписке я чувствую боль двух людей. Юрия Казакова, одного из нашего поколения, мы потеряли. Мы потеряли его, потеряли Шукшина, потеряли Вампилова, чуть старше нас — Трифонова, Федора Абрамова.

Эти потери невозможны. Никогда.

Поэтому давайте, кроме всего, еще думать о творческих судьбах наших товарищей, о том, что мы делаем общее человеческое и литературное дело. Только делать его надо худож-

нически, ответственно и с полной отдачей. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Прежде чем предоставить слово следующему оратору, нам надо поговорить о дальнейшем ходе заседания.

Четвертый день идет работа нашего съезда. На пленуме выступило 58 человек, на творческих комиссиях — 138 человек, всего выступило 196 человек, то есть практически каждый третий делегат съезда. Сейчас поступают предложения о завершении прений.

(Из зала: «П р а в и л ь н о».)

Записавшихся для выступлений осталось 8 человек. Какие будут предложения?

Поступило предложение дать выступить первому из записавшихся товарищей и прекратить прения.

Кто за это предложение, прошу голосовать.

Кто против? Нет. Кто воздержался? Нет. Решили.

Для сведения сообщаю, что тех, кто не смог выступить, просим сдать свои выступления в Секретариат съезда для включения их в материалы съезда.

Слово предоставляется Туфану Абдулловичу Миннуллину.

Т. МИННУЛЛИН. Сначала, товарищи, одно небольшое замечание по поводу вчерашнего выступления товарища Петерса. Он предложил создать издательство для издания произведений писателей союзных республик. А надо было сказать: для издания произведений писателей всех народов и народностей СССР. (А п л о д и с м е н т ы.)

Я об этом говорю потому, что, к великому сожалению, у нас прогрессирует болезнь административно-территориального отношения к литературе, административно-территориальной оценки нашей литературы.

И не случайно на заседании Комиссии прозы докладчик, абсолютно не зная истинного положения дел, почти вычеркнул пятилетний труд писателей нескольких автономных республик, заранее полагая, что в этих республиках ничего путного написать не могут. (А п л о д и с м е н т ы.)

Если мы терпеливо ждем своей очереди и скромно молчим, то это не значит, что мы бездарнее других.

Поэтому я предлагаю создать при Союзе писателей СССР совет по литературам народов РСФСР, чтобы лучше знать нас. (А п л о д и с м е н т ы.)

Второе. Мне очень жаль, что в основном докладе, где говорится о лучших традициях советской литературы, в перечне фамилий не нашлось места для поэта-патриота Мусы Джалиля, чье имя сейчас является символом чести и совести советского писателя. (А п л о д и с м е н т ы.)

Когда вчера некоторые выступающие, говоря о чести и совести, сводили личные счета, я думал о Мусе Джалиле и этим успокоил себя.

А теперь, товарищи, я начинаю свое выступление. (С м е х в з а л е.)

Однажды я встретился с очень интересным

человеком — председателем колхоза. Биография у него богатая, характер сложный. Руководитель дельный. Он стабильно и твердо выполнял все нормальные планы. Внеплановые, сверхплановые и встречноплановые задания не признавал. Районное начальство его не любило. Говорили: слишком заносчивый, упрямый.

Мне он тоже не понравился. При первой же встрече, узнав, кто я такой, прямо заявил: «Что вы здесь ходите? Вы ходите по деревне, а я читаю Шолохова». Поспорили. Общего языка не нашли, разошлись почти неприятелями.

Но этот человек меня заинтересовал. Во-первых, он не похож был на многих «приятных во всех отношениях» председателей, которых я знал по жизни и по литературе; во-вторых, в колхозе, от пионеров до пенсионеров, его искренне любили, говорили: справедливый, честный.

Я решил писать о нем. Собрав необходимый материал, сел за письменный стол. Сначала работалось легко. Потом вдруг забуксовало. Мучился, мучился и бросил.

Когда узнал, что «моего председателя» сняли с работы, я еще раз взялся писать, но опять ничего не получилось.

Поэтому и сейчас меня мучает чувство неудовлетворенности. Я часто думаю об этой истории. Что же случилось? Может быть, потому, что в нас живут, существуют и борются два «человека» — два «я»? Один из них справедливый, честный, желающий рассказать читателю, зрителю о нашей жизни без приукрашивания, без подделки; другой, подпорченный обстоятельствами перестраховщик, работающий для своего бытового благополучия и для служебного спокойствия так называемых «некоторых отдельных товарищей». И я теперь рад даже тому, что дело с пьесой так осложнилось. Иначе бы на свет появился еще один обструганный, отшлифованный, подогнанный в рамки заурядного мышления «герой нашего времени». Когда я в книгах, на сцене, на экранах встречаюсь с такими рафинированными, так сказать, героями, мне становится неловко и за себя, и за своих коллег. И если мы сегодня говорим о перестройке, прежде всего, наверное, нужно изгнать того шайтана, который сидит в наших душах и заставляет угождать, не зная даже, кому и зачем. Нужно гнать! Иначе мы потеряем адресат своих произведений, сами будем писать, сами читать и сами себя восхвалять.

К сожалению, так и получается. Некоторые писатели больше озабочены организацией рекламной прессы на свои произведения, чем заботой о читателе. Поэтому значительная доля энергии растрачивается на гудки.

Как мы все знаем, на XXVII съезде нашей партии в Политическом докладе четко и ясно определено основное направление развития нашей литературы. Это идейность, художественность и народность. К великому огорчению, мы до сих пор часто расценили это неразрывное триединство. Об идейности говорили много, нередко подменяя ее формальной актуальностью, кажущейся злободневностью темы, голый декларативностью наших высказы-

ваний; о художественности говорили редко и с какой-то стыдливостью; что касается народности, то мы не всегда отчетливо представляем сущность этого сложного, богатого понятия. Хотя слово «народ» часто произносится нами, оно в нашем толковании носит, скорее всего, абстрактный характер.

Все мы прекрасно знаем о том, что писать вообще о народе невозможно. Есть человек, советский человек, с его местом рождения, местом постоянного обитания. Это место человек называет родной землей. Он с ней связан и исторически, и экономически, и экологически, и психологически. Если человек лишен чувства родной земли, он превращается в перекати-поле. Почему мы ценим произведения, например, В. Распутина, А. Гилязева, Василия Белова, Мухамеда Магдеева, Оралхана Бокиева, Алексея Дударева, Мустая Карима, Гумера Баширова? Потому что их герои духовно связаны с родимой землей. У одних — это Сибирь, Вологодчина, Белоруссия, у других — Казахстан, Башкирия, Татарстан...

Есть еще, товарищи, человек с национальной принадлежностью. Когда меня просят объяснить суть национального характера в современной литературе, я не нахожу точного, исчерпывающего ответа. Кажется, и в теоретических исследованиях поиски все еще продолжают. Видимо, это очень сложный вопрос. Но, скажем, когда я читаю Владимира Личутина, то ясно вижу северного архангельского крестьянина. Он не похож на моего отца, деда, но я его узнаю; я прекрасно понимаю его причудливый язык, во мне рождается огромное уважение к этому человеку. Я уверен: при любых обстоятельствах он поймет и меня, поддержит меня. Но когда я читаю некоторые произведения, написанные тоже на русском языке, этот язык мне непонятен, потому что на этом языке говорит обезличенный человек. Я не понимаю иные произведения, написанные и на моем родном языке. Казалось бы, и имена, фамилии персонажей татарские, при разговоре они употребляют народные пословицы, поговорки, но все равно они мне незнакомы. Отчего все это происходит? Причины, наверное, много. Может быть, мы отошли от народных традиций наших литератур. Может быть, все наши размышления, не считаясь с прошедшим и будущим, замыкаются только в настоящем, только в самих себе. Одна из причин заключается и в том, что преподавание литературы в школах несовершенно. Там не воспитывается художественный вкус и плохо воспитывается уважение к родному языку, к родной литературе. Поэтому мы, писатели, сами нередко приходим к литературе с испорченным художественным вкусом, с неполноценным чувством природы родного языка.

Есть и следующая причина. В национальных республиках писатели стремятся выйти на всесоюзную арену. Это закономерно и замечательно, если их произведения талантливы и самобытны. Но печально бывает тогда, когда, опережая талантливых, проникают в большую печать любыми средствами художественно бездарные ловкачи. Находятся и переводчики, которым все равно, кого и как

переводить. В результате появляется целая куча безликой литературы.

Наконец, обезличивание литературы происходит, видимо, и от нашей оторванности от духовного мира реального человека. Мы больше занимаемся окружающей человека сферой. Это тоже важно. Даже очень важно. От этого зависит существование самого человека на земле. Этим озабочены ученые, общественные, политические деятели. Нам, кроме всего, доверено еще духовное состояние человека. Это не менее важно, чем окружающая среда. Если нет у человека духовной, нравственной опоры, вряд ли он удовлетворится физическим существованием.

Товарищи!

Мы торжественно отмечаем юбилей великих писателей, поэтов нашей страны. В этом году исполнилось сто лет великому татарскому народному поэту Габдулле Тукаю. Поэт жил судьбой народа, боль народа была его болью, радость народа была его радостью. Поэтому он стал народным по воле самого народа. Именно в этом я вижу подлинный смысл жизни любого литератора.

В заключение я предлагаю считать работу Правления Союза писателей удовлетворительной. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Дорогие товарищи!

Прежде чем объявить наше заседание закрытым, разрешите сделать объявление.

Здесь, в этом зале, в 15.30 произойдет собрание партийной группы съезда. В 16.30 мы продолжим работу нашего закрытого пленарного заседания съезда.

Сейчас объявляется перерыв до 15.30.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ

ЗАКРЫТОЕ

Председательствует Ч. АЙТМАТОВ

На закрытом заседании состоялось выдвижение и обсуждение кандидатур в состав нового Правления Союза писателей СССР и Центральной Ревизионной комиссии. Была избрана Счетная комиссия.

На заседании была единогласно принята резолюция Восьмого съезда писателей СССР по отчетному докладу Правления СП СССР: «Никогда не отгораживаться от тревог современного мира, от жизни нашего народа».

В прениях выступали: В. Крапивин, В. Субботин. После перерыва избирается Счетная комиссия. Путем тайного голосования состоялись выборы нового Правления СП СССР и Центральной Ревизионной комиссии.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Председательствует М. А. ДУДИН

Начало заключительного заседания было закрытым. Счетная комиссия (председатель О. О. Сулейменов) объявила итоги голосования по выборам нового состава Правления Союза писателей СССР и Центральной Ревизионной комиссии. Съезд утвердил протоколы Счетной комиссии (персональные списки Правления СП СССР и Центральной Ревизионной комиссии прилагаются к отчету).

После перерыва состоялась открытая часть заключительного заседания. На заседании присутствовали секретарь ЦК КПСС Е. К. Лигачев, секретарь ЦК КПСС А. Н. Яковлев, заведующий Отделом культуры ЦК КПСС Ю. П. Воронов.

Председательствует М. А. ДУДИН

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Дорогие товарищи! Продолжаем работу нашего съезда. Слово предоставляется председателю Союза писателей Демократической Республики Афганистан товарищу Гуляму Дастагиру Панджшери. (А п л о д и с м е н т ы.)

Г. Д. ПАНДЖШЕРИ. От имени Генерального секретаря ЦК НДПА тов. Наджиба, борющегося афганского народа, правления Союза писателей Афганистана и от себя лично разрешите горячо приветствовать всех участников и гостей VIII съезда советских писателей. (А п л о д и с м е н т ы.)

Товарищи! Два месяца назад афганский народ отмечал восьмую годовщину победоносной апрельской революции. За прошедшие годы обстановка в мире и регионе значительно усложнилась. Из-за необъявленной войны, которую более семи лет назад начал против нашей страны агрессивный американский империализм, Афганистан превратился в узел острых классовых противоречий, в арену противоборства между силами справедливости, с одной стороны, империализма и реакции — с другой.

В революционном Афганистане, в самом сердце пробудившейся Азии, идет сражение между нарождающимися прогрессивными классами и силами, обреченными самой историей. Героический народ Афганистана благодаря бескорыстной моральной, политической и технической помощи верного друга и надеж-

ного северного соседа — великого Советского Союза, опираясь на интернациональную солидарность братских социалистических стран и сил национально-освободительного движения, преодолевая трудности, идет по пути строительства новой жизни.

В этой борьбе пробивают себе дорогу ростки новой передовой литературы, демократической культуры, вообравшей в себя лучшие традиции афганского народа. С апрельской революцией в афганскую литературу пришли новые герои: борцы за торжество идеалов революции, солдаты, бойцы народной милиции, офицеры, молодежь, вставшая в ряды защитников революции, передовые рабочие, крестьяне, солдаты, офицеры афганской армии, мужественные и героические афганские женщины, учителя, духовенство, творческая интеллигенция, патриотически настроенные вожди племен, авторитетные общественные деятели. Наши поэты и писатели воспевают подвиги бойцов, павших во имя счастья и освобождения народа. Образ Ленина, знамя Ленина, Страна Советов, идеалы великого Октября, Красная Армия, советско-афганская дружба, патриотизм, пролетарский интернационализм, свобода, труд, мир, международная безопасность — вот темы нашей сегодняшней литературы.

Союз писателей ДРА, основанный пять лет назад, крепит живые связи с Союзом писателей СССР и других социалистических стран. Мы гордимся избранием представителей СП ДРА в Исполком Ассоциации писателей Азии и Африки. Наша организация поддерживает мирные инициативы СССР, предложения М. С. Горбачева, все полезные и важные инициативы, исходящие от любого государства, общественных и международных организаций, которые отвечают интересам мирного будущего человечества, социалистических стран, трудящихся капиталистических стран, участников национально-освободительных движений Азии, Африки и Латинской Америки. Мы поддерживаем любые инициативы, направленные на укрепление интернациональной солидарности, на мирное урегулирование. Мы с теми, кто борется с сионизмом и империализмом! Мы — вместе с арабским народом Палестины, Никарагуа, борющимися Чили и Сальвадора, другими угнетенными народами мира и региона.

Я хочу пожелать, чтобы творческий дух

VIII съезда писателей СССР стал неиссякаемым источником вдохновения не только для советских писателей, но и для нашей творческой интеллигенции, прогрессивных писателей и поэтов планеты. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Дорогой друг Гулям Дастагир! Сердечно благодарю вас за добрые слова, адресованные нашему съезду. Позвольте пожелать Вам, в вашем лице афганским писателям, афганскому народу успехов в строительстве Демократической Республики Афганистан.

Слово предоставляется председателю Союза чехословацких писателей Яну Козаку. (А п л о д и с м е н т ы.)

ЯН КОЗАК. Уважаемые, дорогие товарищи!

Позвольте мне от имени Союза чехословацких писателей передать вашему съезду горячий привет и пожелать успеха его работе. Вы даете оценку своей работе и обсуждаете — мне хотелось бы сказать, мы вместе обсуждаем — вопросы о будущем наших литератур, об их месте в жизни человека, общества и народов в раздираемом противоречиями, постоянно меняющемся современном мире, в эпицентре борьбы за мир, за жизнь и справедливость.

Мы вместе с вами убеждены: литературы наших социалистических стран, наших народов на пути к взаимопониманию между людьми грядущего века призваны с помощью художественного слова раскрыть и передать новую, до сих пор не имеющую прецедентов в истории борьбы человечества за мирное сосуществование. Исключительность нашего времени предъявляет серьезные требования нашей прозе, поэзии и драматургии не просто отражать и свидетельствовать, но и активно вмешиваться в жизнь, выражая стремление народов к новой жизни, новому образу мыслей и действию. Нигде, ни при какой иной общественной системе нет у литературы и искусства более благоприятных условий для осуществления этой поистине священной задачи, ибо мы творим в той части света, где последовательное проведение в жизнь политики предотвращения угрозы ядерной войны, разоружения и мирного сотрудничества между народами столь же естественно, как желание матери вырастить своего ребенка для полноценной, по-человечески богатой и насыщенной жизни.

Таким образом, можно сказать, что вся прогрессивная литература стоит на пороге нового этапа своего развития. Социалистическая литература гордится тем, что вступает в него и будет развиваться, обогащая свой накопленный к данному моменту творческий опыт, однако вместе с тем это ко многому и обязывает. За период своего существования советская литература, литература наших народов уже подарила человечеству много прекрасных незабываемых произведений, которые своими идеями и замыслами не перестают волновать, потрясать и воодушевлять сердца читателей на всех континентах. Ваша большая, озаренная новым светом литература в свое время помогла зарождению социалисти-

ческого искусства и моей родины и до сих пор служит неисчерпаемым источником вдохновения.

И вот теперь, уважаемые советские товарищи, мы вместе с вами всматриваемся в грядущее, в предстоящую ему упорную борьбу сил мира и войны и совместно обсуждаем, как же помочь его рождению. XXVII съезд вашей партии подчеркнул, что путь к этому будущему возможен благодаря ускоренному развитию экономического, социального и духовного потенциала социалистических стран, всевозрастающей притягательности нашей социалистической системы, в основе которой лежат взаимопонимание и сотрудничество между народами. Мы, писатели, не можем лучше и целенаправленной содействовать делу мира, чем созданием глубоко правдивых, художественно сильных и убедительных произведений о жизни, труде и стремлении к миру человека нашей современной социалистической эпохи. Поэтому мне хочется сказать, что и мы, чехословацкие писатели, вместе с вами размышляем о литературе, посвященной человеку нашего времени, думаем о том, как в наших социалистических странах формируется тип нового человека, человека-гражданина, чья жизнь и труд наполнены подлинной, а не показной ответственностью за все, что происходит на его родине.

Поэтому, уважаемые, дорогие товарищи, мы желаем вам и себе, чтобы все, что вы обсуждаете на своем съезде, завершилось созданием новых, по-настоящему художественных произведений, достойных жизни и борьбы человека социалистического общества; чтобы наше творчество служило во благо человека-гражданина нашего общества, человека большого духовного богатства, чтобы художественные произведения первой социалистической страны вдохновляли прогрессивную литературу всех континентов гуманистическими идеалами сегодняшнего мира, совместной ответственностью за судьбы всей человеческой цивилизации, необходимостью разоружения, взаимопонимания и мирного сотрудничества народов, необходимостью человеческой солидарности, свободы, справедливости. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я вас благодарю, товарищ Ян Козак, за ваши добрые слова на нашем съезде.

Выступает председатель Союза писателей Социалистической Республики Румыния Думитру Радупопеску.

Д. Р. ПОПЕСКУ. Уважаемые коллеги!

Глядя в зал, видя десятки и сотни лиц, я пытаюсь вообразить, что вижу сотни и тысячи дней, миллионы часов, которые вы, писатели, провели, склонившись над словами, отыскивая правду о жизни и смерти, об извечном конфликте добра и зла, отыскивая две правды или больше правд, воплощенных в целой толпе персонажей, о которых вы, писатели, мечтали в сотнях своих книг; многие из этих персонажей, я в этом уверен, изображены и будут изображены в лучших румынских произведениях.

Глядя в зал, я ошущаю вашу страсть творить прекрасное, пытаюсь представить гигантские усилия литературы быть на высоте нашего века, века, который люди смоделировали по своему образу и подобию, пытаюсь представить гигантские усилия советской интеллигенции, которая старается сделать слово емким, ярким, священным. Глядя на вас, я вспоминаю великого слепого Гомера, воспевшего Одиссея, которого в детстве спасли от погнавшегося за ним кабана двоюродные братья, силой одного-единиго слова остановив кровопролитие. И так, двоюродные братья победили смерть словом! И они были первыми европейцами, которые поверили в силу слова, в человеческое чудо, сотворенное словом.

Писатели на протяжении тысячелетий ищут секрет слов, которые смогли бы излечить мир от пороков и болезней, победить смерть, наполнить человеческую жизнь смыслом.

Вы, советские писатели, участники съезда, которым я, пользуясь случаем, передаю горячий привет писателей Румынии, являетесь наследниками сокровищницы прекрасного — творений Гоголя, Толстого, Достоевского, Чехова, которые вновь открыли «святая святых» слова и без которых мир был бы беднее, а наша планета легче по весу.

Глядя на вас, продолжателей традиций этих передовых мыслителей, придавших блеск и вечность слову, я думаю: разве можете вы представить себе будущий век безмолвным, век без слов и людей?

Глядя на вас, живописующих дни и ночи людей, времена года, труд человеческий, радости, горе, луну и солнце, я думаю: если солнце хотя бы раз не взойдет на небосклоне, знайте, оно уже не взойдет никогда...

И вы и я, конечно, знаете, что мы должны стоять на страже мира, и тогда человечеству не будет грозить смерть от настигших его свирепых кабанов.

Война и в древней Трое, и в Хиросиме была не шуткой, а трагедией для человечества. Как Троя, каждый дом на земле сегодня может быть обречен...

Слова должны быть светлыми и бодрими. Живыми. Больные слова надо лечить, если, конечно, это еще возможно. Мертвые слова, как и мертвые души, никому не надо продавать. Слово, совесть человека — это совесть планеты. Сколько совести на земле — столько и правды.

Долг писателя — быть на страже слова, на страже мира, чтобы трагедии нашего века никогда больше не повторялись. Первая мировая война, вторая мировая, а третьей нельзя допустить ни в звездном небе, ни на Земле.

Видя вас в зале, на съезде, уважаемые коллеги, и прежде чем пожелать вам новых прекрасных книг, которых ждут читатели, я хотел бы подчеркнуть следующее: между Союзом писателей Румынии и Союзом писателей СССР, между румынскими и советскими писателями существуют давние хорошие связи, связи, вписывающиеся в хорошие отношения между нашими государствами.

Недавняя встреча в Москве товарища Николае Чаушеску с Михаилом Сергеевичем Гор-

бачевым, документы, подписанные по этому случаю, раскрывают новую блестящую перспективу многостороннего сотрудничества, в котором культура и литература занимают привилегированное положение.

В заключение, уважаемые коллеги, желаю вам встретить грядущие годы новыми книгами, в которых чудотворная сила слова воздействовала бы на красоту человека и окружающего мира. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я благодарю вас, дорогой товарищ Думитру Попеску, за ваше слово, обращенное к нашему съезду.

Я прошу подняться на трибуну американского писателя Патрика Смита.

П. СМИТ. Дорогие друзья! Я хотел бы говорить о людях, — не о правительствах, не об идеологиях, — о людях.

Три года назад я впервые приехал в Советский Союз как гость Союза советских писателей. Вернувшись домой, я написал книгу и назвал ее «В поисках русского медведя».

Под «медведем» я подразумевал народ. Я приехал, чтобы познакомиться с русскими — советскими — людьми. Мне хотелось собственными глазами увидеть, так ли уж страшен, ужасен и дик этот мифический «русский медведь».

Я встретил здесь гостеприимных, великодушных, дружественных и сердечных людей. Я также понял, что американцы и советские люди очень похожи, у нас много общего — любовь к нашим близким и детям, любовь к литературе, искусству, музыке, театру, любви к спорту, любви к природе и всему, с ней связанному.

Некоторые американцы — и некоторые советские люди, к сожалению, плохо думают друг о друге: нас разделяют взаимное непонимание, недоверие, подозрительность и страх. Если бы мы как люди могли познакомиться ближе, это взаимное непонимание исчезло бы, как пыль, смытая ливнем. Я открыто признаюсь, что здесь, в Советском Союзе, у меня есть друзья, которых я люблю так глубоко, как любят только настоящие друзья.

Сегодня в этом зале нет ни одного человека, которому было бы дано бессмертие, — исключений нет. Наше пребывание на этой земле очень кратко. Стоит ли тратить это мгновение на взаимное недоверие и страх?

Тогда перед нашим отъездом из Москвы в Союзе писателей был прощальный обед. Произносилось много тостов, в том числе очень длинных. Под конец мою жену Айрис попросили произнести тост. Для нее это было непривычно, я не знал, найдет ли она что сказать или упадет в обморок. Она не упала в обморок, а сказала всего несколько слов, которые навсегда остались в моей памяти. Вот что она сказала: «За мир на земле, мир для наших детей и внуков».

Как было бы хорошо, если бы в один прекрасный день на земле воцарился прочный мир, но мир, достигнутый не с помощью пушек или ядерного оружия. Протянем друг другу руку дружбы, дружбы между нашими народами.

Разве это не самый драгоценный дар,

который мы можем передать грядущим поколениям, — мир на земле, мир для наших детей и внуков.

Могут сказать, что я рассуждаю, как мечтатель. Возможно, так оно и есть. Но разве есть на земле человек, который может жить без мечты?

Благодарю вас за приглашение, за возможность быть здесь с вами, как американский писатель и представитель рода человеческого. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Дорогой Патрик Смит! Я благодарю вас за добрые слова о нашем советском народе, за вашу заботу о мире на нашей земле, за вашу заинтересованность в мире.

Я прошу на трибуну члена президиума Союза писателей Югославии Миро Вуксановича.

МИРО ВУКСАНОВИЧ. Дорогие друзья!

Прежде всего я хочу сказать, что для меня большая честь и радость представлять Союз писателей Югославии на съезде советских писателей.

Советская и югославская литературы имеют давние традиционные связи. Особенно ярко они проявились в последние 30 лет, когда в атмосфере сотрудничества между двумя социалистическими странами благодаря взаимным переводам, постоянному интересу к достижениям в области литературы и искусства вносится неоценимый вклад в духовный мир наших народов. Вместе с вами мы способствуем миролюбию, взаимопониманию в современном мире. Я хочу подчеркнуть здесь готовность югославских писателей к еще более разнообразному и плодотворному сотрудничеству.

Передаю вам самые горячие приветствия Союза писателей Югославии и пожелаю успешно решить проблемы, поставленные съездом.

Мне бы хотелось подчеркнуть основную мысль моего краткого выступления: пусть литература всегда будет одним из самых прочных мостов дружбы и взаимного уважения.

Желаю вам успешной работы. Спасибо.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Благодарю нашего друга Миро Вуксановича за его слова, за приветствие.

Слово предоставляется председателю Союза арабских писателей Сирии Али Окля Орсану.

А. О. ОРСАН. Дорогие друзья, участники VIII съезда советских писателей!

Я рад от всего сердца приветствовать ваш съезд и выразить искреннее восхищение его подлинно демократическим духом. Мне хотелось бы передать привет всем советским писателям и деятелям культуры, дружественному советскому народу. Я от всей души благодарен за ваше приглашение и предоставленную мне возможность быть свидетелем ваших горячих споров и дискуссий. Хотелось бы, чтобы вы знали, как высоко ценит наш народ вашу созидательную

деятельность, ваши творческие успехи, достижения вашей литературы и культуры, ваш огромный вклад в борьбу за гуманизм, за величие и достоинство человека. Мы отдаем должное вашему вкладу в мировую культуру. Вы знаете, какое положение сложилось в настоящее время в арабских странах: на нас надвигаются империализм и сионизм, над нами нависает угроза международного терроризма, поощряемого правительством Рейгана. Вся эта грязная кампания проводится под лживыми лозунгами. Их цель — опорочить нашу борьбу против политики неоглобализма и оккупации чужих земель, выдать справедливое дело нашего народа за террористическую деятельность.

Наши деятели культуры постоянно ощущают помощь и поддержку советских коллег. Мне довелось принять участие в работе VII съезда писателей СССР, и вот сегодня я с волнением и гордостью слежу за ходом заседаний VIII съезда, всем сердцем приветствуя то новое, что появилось в вашей работе. Меня радует атмосфера откровенности, ясности и четкости выступлений, самокритичность высказываний. На съезде все пронизано духом перестройки. Раньше мне случалось замечать некий груз, лежащий на соvestи литераторов. Сегодня я вижу: в обстановке свободы идет конструктивный, откровенный, нелицеприятный разговор с полной ответственностью перед собой и эпохой. Да, на плечах писателя лежит долг перед историей: сберечь честь и силу, сохранить достоинство литературы. Велика его ответственность перед народом и будущими поколениями, ведь слово — мощное оружие во все времена, сила его воздействия не сравнима ни с чем.

Возможно, одно из важнейших условий творческого роста и обретения истины — это уважение чужого мнения. Свобода мысли и слова гарантирует развитие человеческой личности, безопасности и продолжение жизни на Земле.

Только благодаря этим принципам жизнь обретает смысл. Давно известно — «не хлебом единым жив человек».

Наше дело — слово, и мы должны с честью нести его бремя, чувствуя ответственность перед этим мощным оружием.

Чтобы слово было действенным, нужна честность в делах, а для этого необходима атмосфера свободы. Только тогда слово сможет по-настоящему бороться за человека.

Дорогие друзья, я безмерно счастлив присутствовать здесь. Желаю вашему съезду стать живительным дождем для литературной нивы — как в СССР, так и во всем мире.

Но хочется еще раз с этой трибуны выразить вам свое глубокое восхищение и уважение за ту роль, которую вы играете в мире, и поблагодарить вас за дружбу, связывающую наши народы. Я подчеркиваю: мы хотим и впредь крепить эту дружбу. Ведь главная задача культуры и литературы — это наведение мостов между народами и укрепление мира, основанного на справедливости и уважении прав всех народов.

Спасибо за внимание. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я благодарю нашего арабского гостя Али Окля Орсана и желаю ему успехов в строительстве культуры своего народа.

Слово предоставляется секретарю Сандинистской ассоциации деятелей культуры Никарагуа Алехандро Браво.

АЛЕХАНДРО БРАВО. Уважаемые товарищи! Седьмого ноября в сельве Синика, сражаясь против Национальной гвардии, погиб Карлос Фонсека. В свои 20 лет он опубликовал брошюру «Никарагуанец в Москве» с фотографией, запечатлевшей его на Красной площади. Эта книжка поведала нашему народу о Советской стране. Умер Карлос Фонсека ночью седьмого ноября. Всю свою жизнь он боролся за справедливость и равенство, как и советский народ, также завоевавший победу именно седьмого ноября.

Карлос Фонсека, основатель Сандинистского фронта национального освобождения, сумел привлечь в ряды революционного авангарда самых выдающихся писателей и деятелей культуры Никарагуа. Именно поэтому победа народной сандинистской революции застала нас в полной готовности отдать наш труд и нашу жизнь священной делу борьбы.

Сегодня, когда никарагуанцы проливают кровь за свободу так же, как советские люди в 1941—1945 годах, сегодня, когда ценою безграничного самопожертвования народ Никарагуа сдерживает наступление фашизма, мы, писатели и деятели культуры, без колебаний встали на сторону нашего народа.

Несмотря на постоянную угрозу агрессии, в стране, практически лишенной ресурсов, мы добились определенных успехов в издательском деле и в изобразительном искусстве. Но самое главное: мы объединились в союз — Сандинистскую ассоциацию деятелей культуры.

Мятежный дух присущ нам искони. Мы его дети. Мы, наследники могучего непримиримого слова Рубена Дарно и партизанской отваги генерала Сандино, потребовали у революционного руководства нашей страны, чтобы в новой конституции Никарагуа было провозглашено право деятелей культуры на свободу творчества и право нашего народа на свободное владение национальным искусством.

Мы, еретики,
недавно атаковавшие небо,
мы те, кто защищает его теперь
стихом и минометным огнем,
песнями любви и боевыми вылетами,
нашей живописью и батальонами
народной милиции, —

мы не можем не радоваться VIII съезду советских писателей. Это наглядный урок социалистической демократии для стран третьего мира; для всех тех, кто вырос на поэзии Маяковского и Блока, для тех, кого Горький научил сражаться за правое дело и для кого Ленин всегда был своим.

Вперед, советские братья!

Пусть это проявление социалистической демократии послужит всему миру еще одним

примером силы социализма, за который упорно сражаемся и мы, никарагуанцы, несмотря на препятствия, чинимые нам империалистами.

XXVII съезд КПСС поставил перед вами важные задачи. Вперед, советские братья!

Мы, никарагуанские писатели, объединенные в Сандинистскую ассоциацию деятелей культуры, из своих боевых окопов приветствуем VIII съезд и верим, что выполним нашу клятву: свободная родина или смерть! Они не пройдут! (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Дорогой Алехандро! Я благодарю вас за ваше выступление и желаю вам и вашему народу мужества в строительстве свободной Никарагуа. (А п л о д и с м е н т ы.)

Слово предоставляется ангольскому поэту Андриано Ботелью де Васкоселушу.

АНДРИАНО БОТЕЛЮ ДЕ ВАСКОСЕЛУШ. Дорогие участники съезда!

От имени ангольских писателей, партии и правительства хочу выразить наши стремления укреплять, как и прежде, узы дружбы между нашими народами и правительствами.

К сожалению, агрессивные действия милитаризма, направленные против южноафриканских государств, не позволяют нам со всей эффективностью осуществлять планы социально-экономического развития, борьбу с нищетой и неграмотностью, этим тяжелым наследием колониализма.

С этой трибуны выражаю благодарность за вашу солидарность в деле достижения мира, так страстно желаемого народами южноафриканских государств.

Я с большим удовольствием присутствую на заседаниях VIII съезда писателей СССР, проникнутого духом живой и объективной критики, которая дает новые возможности для качественных изменений в литературе, для выполнения решений XXVII съезда вашей партии.

Ваш съезд является для нас примером динамичного, поступательного движения к прогрессу, к достижению более высокой стадии развития демократии.

Большое спасибо за приглашение посетить ваш съезд, являющийся для нас весьма поучительным. Нам удалось лучше познакомиться с вашей жизнью, с тем, с каким политическим энтузиазмом вы боретесь за дальнейшее развитие вашего общества. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Благодарю вас, дорогой друг Андриано, и желаю вам успехов в строительстве вашей свободной родины. (А п л о д и с м е н т ы.)

Слово имеет председатель Центрального совета писателей и литераторов Ирака, заместитель министра культуры и информации Ирака Абдель Амир Муалая.

АБДЕЛЬ АМИР МУАЛЯ. Уважаемые друзья! Я привез вам привет из Ирака с берегов Тигра и Евфрата, колыбели Вавилона, страны, ставшей колыбелью Багдада.

Иракские писатели просили передать наш привет вашему съезду, который важен для советских писателей в деле дальнейшего развития советской литературы. Съезду, который поставит задачи совершенствования литературного мастерства советских писателей, создателей романов, стихов и пьес, даст новый импульс развитию литературной критики и теории.

В то же время иракские писатели желают вашему съезду успехов, успехов, неотделимых от прогресса вашего общества. В центре вашего внимания, несомненно, стоит человеческий фактор, а также сохранение мира на Земле.

Мы с вами едины, едины в стремлении решать важнейшие проблемы современности. Это и установление мира на Ближнем Востоке, в Персидском заливе, прекращение войны между Ираком и Ираном. Война, которая длится уже шесть лет, где проливается кровь двух стран-соседей, гибнут люди, подрываются основы мира и взаимопонимания между народами.

Ирак неоднократно призвал Иран к миру, но иранский режим продолжает войну и всячески отклоняет призывы ООН, Совета Безопасности ООН, международных организаций решить конфликт мирным путем. Как же здесь не вспомнить о непрекращающейся израильской агрессии против арабского народа Палестины, агрессии против юга Ливана, против арабских земель, а также о бомбежке мирного реактора в Багдаде и штаб-квартиры ООН в Тунисе.

Разрешите мне, друзья, от себя лично и всех иракских писателей передать вам пожелания успехов в работе, в творческой деятельности, а дружественному Советскому Союзу — дальнейшего прогресса. Спасибо. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я благодарю вас за ваше выступление и желаю вам успехов в строительстве культуры вашего народа. (А п л о д и с м е н т ы.)

Дорогие товарищи!

Есть предложение от имени VIII съезда писателей нашей Родины принять Обращение к нашим коллегам — писателям мира. (А п л о д и с м е н т ы.)

Слово для оглашения проекта предоставляется Виталию Алексеевичу Коротичу.

В. КОРОТИЧ.

ОБРАЩЕНИЕ К ПИСАТЕЛЯМ МИРА

Забота о судьбах мира и человечества, сохранении гуманистических ценностей побуждает нас обратиться к вам с этим посланием. Горизонт планеты затянут черными тучами ядерной грозы.

Любой художник мечтает, чтобы его произведение выдержало испытание временем. Но если сегодня мы все вместе не скажем своего слова против нарастающего безумия империалистических кругов, готовых жертвовать судьбами целых народов, сколь трагичным будет исход всего, что тысячелетиями создавали цивилизации на нашей планете.

Так неужели мы бессильны обдумать тех,

кто покушается на величайшую общечеловеческую ценность — мир?!

Писателю не остановить полет ракеты с ядерным зарядом. Но сегодня его талант и воображение нужны более, чем когда бы то ни было. Великим оружием Слова он может содействовать созданию такой атмосферы в мире, такому объединению индивидуальных и коллективных усилий, которые смогут преградить путь милитаризму и империалистической агрессии, предотвратить роковое развитие событий.

Советский Союз никому не угрожает, мы хотим жить в мире со всеми. Мы доказываем это самым образом нашей жизни, нашим мирным строительством, мирными планами и нашей литературой. Творчество советских литераторов всегда питали дела и чаяния народа. Сейчас эти истоки особенно полноводны. Все, кто непредвзято следил за работой писательского форума, не могли еще раз не увидеть, что нас радуют те же успехи, тревожат те же заботы, что и всех советских людей. И главная из главных забот — мир.

Наши и ваши воззрения на многие проблемы могут различаться. Но ни один здравомыслящий писатель не хочет, чтобы мир был поставлен под угрозу. Он должен быть спасен ценой всех человеческих усилий.

Угроза ядерной катастрофы велика, но не представляется нам фатальной неизбежностью. Во всем мире людей доброй воли воодушевляют мирные инициативы нашей страны. Они видят в них основу для великого перелома от войны к миру, от разрушения к созиданию.

Мы призываем писателей планеты к сотрудничеству во имя идеалов добра и справедливости, к активным действиям в защиту мира. Чем активнее будет эта гуманистическая деятельность, тем труднее станет силам милитаризма поддерживать ненависть, разрушать духовное единство людей, мирный диалог народов, готовить психологические и «звездные войны».

Наш мир сложен, противоречив, подчас жесток. Но он и прекрасен. Его можно и нужно улучшать, но главное сегодня — спасти. Спаси наших детей, наше будущее и прошлое. Ради этого стоит объединить усилия, возвысить свой голос, отдать все свои силы и талант.

Мы надеемся, что наше слово к вам, уважаемые коллеги, будет воспринято с пониманием того, что это обращение продиктовано заботой о счастливом будущем всех людей на Земле.

VIII съезд писателей СССР. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Позвольте ваши аплодисменты, горячие, искренние, считать как единодушную поддержку этого обращения к писателям мира. (А п л о д и с м е н т ы.)

Дорогие товарищи! Наш съезд подходит к концу. В течение пяти дней шел взыскательный, требовательный, нелицеприятный разговор о путях дальнейшего развития нашей литературы, о повышении ее роли в духовной жизни народа, о выполнении ею задач, поставленных XXVII съездом Коммунистической партии Советского Союза.

Я думаю, выражу мнение всех делегатов съезда, что наша работа завершается успешно и дает основания для того, чтобы каждый из нас, в своей писательской организации и в литературе в целом, еще более целеустремленно, высокоталантливо, высокохудожественно отображал жизнь народа, помогал партии в период того крутого перелома, который переживает наше общество.

Съезд подтвердил необходимость нашего писательского дела в жизни нашей Родины, в этой великой мозаике утверждения жизни народной и всего современного человечества со всеми его проблемами трагического и оптимистического значения. Мы остаемся верны идеалам утверждения жизни на дорогах ее совершенства.

Один из старейших строителей литературы нашего ленинского братства Николай Семенович Тихонов писал:

Наш век пройдет.
Откроются архивы,
И все, что было скрыто
до сих пор,
Все тайные истории извивы
Покажут миру славу и позор.
Богов иных тогда
померкнут лики,
И обнажится всякая беда,
Но то, что было
истинно великим,

Останется великим
навсегда.

Нам надо хранить это великое прекрасной свободой наших талантов, потому что слово есть наше дело, потому что дело есть наша жизнь.

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется,—
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать.

Без прошлого нет будущего. А завтрашний день требует от нас все свои таланты и страсть наших талантов положить на алтарь нашего Отечества и правдой жизни и всей совести наших душ помочь современному человеку в поисках истины своего бытия. Нам надо жить и творить, не жалея себя ради жизни на Земле, ради расцвета человека, его разума, ради жизни, дарованной нам.

Разрешите заверить нашу партию, ее Центральный Комитет, что мы, советские писатели, и впредь, как это было всегда, отдадим свои силы, талант, знания делу партии, делу коммунизма.

На этом, дорогие товарищи, разрешите наш VIII съезд Союза писателей СССР объявить закрытым. (Аплодисменты.)

Все встают, исполняют «Интернационал». (Аплодисменты.)

ПЛЕНУМ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

28 июня состоялся первый пленум Правления Союза писателей СССР, избранного на Восьмом съезде писателей СССР.

Пленум избрал председателем Правления Союза писателей СССР Г. М. Маркова. Первым секретарем Правления СП СССР избран В. В. Карпов.

Образовано бюро Секретариата Правления СП СССР в составе: Ч. Т. Айтматова, Г. Я. Бакланова, Ю. В. Бондарева, В. В. Быкова, А. Т. Гончара, С. П. Залыгина, В. В. Карпова, Г. М. Маркова. Секретарем Правления СП СССР по организационно-творческой работе избран Ю. Н. Верченко.

Секретарями Правления избраны: Г. Г. Абашидзе, Ч. Т. Айтматов, М. Н. Алексеев, А. А. Ананьев, Г. Я. Бакланов, С. А. Баруздин, Ю. В. Бондарев, Г. А. Боровик, П. П. Боцу, В. В. Быков, В. Э. Бээкман, Ю. Н. Верченко, А. А. Вознесенский, Р. Г. Гамзатов, Н. С. Гилевич, А. Т. Гончар, Н. А. Горбачев, Д. А. Гранин, Н. М. Грибачев, Ю. Т. Грибов, И. А. Дедков, А. Д. Дементьев, Ю. В. Друнина, М. А. Дудин, Х. Дурдыев, Е. А. Евтушенко, С. П. Залыгин, А. С. Иванов, Е. А. Исаев, Мумин Каноат, В. В. Карпов, В. А. Коротич, В. Н. Крупин, Ф. Ф. Кузнецов, Л. М. Леонов, А. М. Малдонис, Э. Б. Межелайтис, Т. А. Миннуллин, А. М. Мирзагитов, А. А. Михайлов, С. В. Михалков, Ю. М. Мушкетик, П. А. Николаев, Б. И. Олейник, Д. В. Павлычко, Я. Я. Петерс, В. А. Петросян, П. Л. Проскурин, В. Г. Распутин, Р. И. Рождественский, В. С. Розов, А. Д. Салынский, Е. Ю. Сидоров, К. В. Скворцов, О. О. Сулейменов, Ю. И. Суровцев, Максим Танк, У. Р. Умарбеков, Г. Ш. Цицишвили, А. Б. Чаковский, А. Н. Чепуров, Ю. Д. Черниченко, М. Ф. Шатров, Исмаил Шихлы.

* * *

На первом заседании Центральной Ревизионной комиссии Союза писателей СССР ее председателем избран В. П. Тельпугов.

ПРИЕМ В КРЕМЛЕ ПО СЛУЧАЮ ЗАВЕРШЕНИЯ РАБОТЫ ВОСЬМОГО СЪЕЗДА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

По случаю завершения работы Восьмого съезда писателей СССР 28 июня 1986 года в Кремлевском Дворце съездов Правление Союза писателей СССР устроило прием.

На приеме присутствовали секретарь ЦК КПСС А. Н. Яковлев, заведующий Отделом культуры ЦК КПСС Ю. П. Воронов, делегаты и гости съезда, представители партийных, советских и общественных организаций, деятели культуры и науки.

К собравшимся обратился первый секретарь Правления Союза писателей СССР В. В. Карпов. От имени зарубежных гостей съезда выступил М. Хубаи (ВНР).

Прием прошел в дружеской, сердечной обстановке.

Приложения

В. ОГНЕВ. В тексте резолюции XXVII съезда партии сказано: «Последние десятилетия XX века поставили перед народами планеты трудные и острые проблемы. Потребность решить насущнейшие общечеловеческие задачи должна пробудить их к взаимодействию, дать выход тенденциям к самосохранению человечества». Кратко, ясно, недвусмысленно.

И еще так записано в той же резолюции: «Ход истории, общественного прогресса все настоятельнее требует налаживания конструктивного, созидательного взаимодействия государств и народов в масштабе всей планеты».

Почему эти проблемы названы трудными? Потому, что мир разделен. Потому, что в мире идет противоборство двух систем. Почему все-таки акцент поставлен на нарастающей тенденции к взаимозависимости государств мирового сообщества? Потому, что «проблема выживания человечества может оказаться неразрешимой», как сказал тов. Горбачев в ответах на вопросы газеты «Юманите» 4 февраля этого года. «Революционной задачей» назвал он «крутой» перелом в международных делах, во внешнеполитическом мышлении и практике».

Итак, глобальные проблемы в литературе — не одна из тем, а первостепенная задача самого Времени. И если есть понятие приоритета, то тема нашего разговора вне всякого приоритета. Потому что в жизни есть только приоритет жизни. Остальное — смерть.

Проблема выживания человеческого рода, сохранения жизненной среды — колыбели жизни на планете, проблема Человека как феномена космической цивилизации не могут сегодня рассматриваться в привычной, устаревшей на глазах, сжимающейся как шагреньевая кожа системе координат вчерашнего мышления. Вдумаемся в слова из ответов тов. Горбачева на вопросы газеты «Юманите»: «Чтобы произошло самое плохое, даже не надо совершать беспрецедентной глупости или преступления. Достаточно действовать так, как действовали тысячелетиями...» Слышите? Какой же мощи должна быть мысль человеческая, смелость культуры, готовность ее встать перед лицом такой задачи!

...«Не хочу бомбы! Не хочу бомбы!» — кричит ночью со сна маленькая американская девочка в документальном фильме Анаолия Колошина «Бьется сердце...». И мне, сидящему в зале кинотеатра, вдруг показалось, что это вовсе не цветной фильм, а черный, да, да, черный, черный, именно черный, ибо даже при-

вичное профессиональное — «черно-белый» к нему не подходит... «Бьется сердце...» — фильм кровоточащей совести, боли, гнева. О самом главном. О том, что действительно уже «нельзя молчать». О том, будет ли биться сердце всего человечества.

Наша культура в целом только подходит к тому порогу нового сознания, которое диктуется жизнью тревожного века. В публицистике уже прозвучало набатное: «Не опоздать!» На моем столе лежит новаторская книга А. Адамовича «Ничего важнее». В художественной прозе Чингиз Айтматов сказал первое слово о паритет-космонавтах. Белорусский писатель Эдуард Скобелев нарисовал картину «антиутопии» в романе «Катастрофа». В поэзии есть «Мама и нейтронная бомба» Евтушенко, «Сон» Вознесенского, поэма Шкляревского. И все-таки это первые шаги искусства, учащегося ходить по земле страшных и неумолимых фактов нового состояния мира.

«От блокового сознания к планетарному» — так красноречиво названа глава в работе политиков Ан. Громыко и Ломейко. Для культуры это само собой разумеющееся состояние. Но послушаем Алеся Адамовича: «Между тем в десятках энциклопедий вообще отсутствует само понятие «человечество», «человеческий род». А публицист Юрий Карякин добавляет с горьким сарказмом: «Чингисхан — и то есть, а человечества — нет. Нас — нет!»

Насчет Чингисхана. Как-то Байрон заметил, что была война Семилетняя, была Тридцатилетняя, но были ли когда-нибудь Семилетний или Тридцатилетний мир? «Да был ли когда-нибудь хоть *однодневный всеобщий мир*?...» Кстати, замечание Байрона было вызвано отсутствием в календарных датах сведений о мирной деятельности человека. Войны, какая-нибудь лондонская чума или великая засуха — пожалуйста, а вот «длительный мир» или «благополучное плавание» — об этом молчит человеческая память! Задумывались ли мы над этим? Культурой всегда считалось то, что *не разъединяет* людей и народы. Сегодня мы не можем назвать культурой то, что *не объединяет*. Акцент существенный.

Предостаточно написано книг, показано лент, где роскошно показано кровавое «величие» истории того или иного народа и нации. Гораздо меньше раздавалось голосов, предостерегающих человечество перед началом войн будущих. Но критическое время наступило. И уже не единицы способны понять, перед какой гранью стоит мир, цивилизация, жизнь

будущих поколений. После третьей мировой войны вряд ли будет кому писать оды героизму и патриотизму. Гюнтер Адрес (ФРГ) говорит: «Мы — утописты наоборот: если утописты не могут создать то, что представляют, то мы не можем представить то, что создали». Впрочем, Лайнус Паулинг, американский ученый, опровергает его: если в бой вступит всего 1% накопленного атомного оружия, через два месяца в США, например, будет 98 млн. убитых, 28 млн. тяжелораненых, а 70 млн. оставшихся станут жертвами радиации.

Единственной альтернативой силе и ненависти является выработка нового сознания единства человеческого рода. На идиотскую формулу американского происхождения («лучше быть мертвым, чем красным») отвечает американец же, ученый Саган: «Пепел капитализма не удастся отличить от пепла коммунизма». Возможность совместной борьбы за жизнь даже социально-антагонистических сил — бесспорна.

Все это так. Однако еще Герцен писал: «Люди думают, что достаточно доказать истину, как математическую теорему, чтобы ее приняли; что достаточно самому верить, чтоб другие поверили. Выходит совсем иное, одни говорят одно, а другие слушают их и понимают другое, оттого что развития разные».

Один американский писатель во время грязной войны во Вьетнаме был поражен картиной, свидетелем которой ему пришлось стать: пахари, вьетнамские крестьяне, шли по полю за плугом под навесным огнем. Через их головы летели снаряды, но они продолжали свое извечное дело. Полным достоинства и внутренней мудрости было их дело. Переживший это и описавший писатель воскликнул: «Мы — проклятые воители!» Так думает писатель-гуманист. Но вот текст песенки американских морских пехотинцев о лейтенанте Колли, том самом, что сжег живыми жителей Сонгми: «Сэр, я выполнял все данные мне приказы. И старался делать это как можно лучше!» Кто бы вы думали этот Великий Командир? Оказывается, Бог. Однажды я видел на экране американского настоятеля пастора Коффина, который говорил о боеголовках как о деле дьявола. Вот и разберись. Все смешалось в этом мире. Пасторы проклинают атомные бомбы, а солдат докладывает богу об очередном попадании фугаса. Понистине не может искусство пройти и мимо этого страшного противоречия — «одни говорят одно, а другие слушают их и понимают другое».

Художник Крамской, читая «Братьев Карамазовых», не раз «с ужасом оглядывался кругом и удивлялся, что все идет по-старому, а что мир не перевернулся...». Так сегодня стали ощущать себя люди, слушая радио, читая газеты. Я понимаю Петра Палиевского, который сказал на Конгрессе МАЛК: громкие слова о мире, пустая риторика опаснее равнодушия. Но что делать, если равнодушие смерти подобно, а единственные, убедительнейшие слова еще не найдены? Искать их. Иначе в чем наш долг, наш с вами, для которых только через Слово проложен путь к Делу! Чтобы все шло не по-«старому», нужны, конечно, не слова, не риторика, а усилие культуры, выраба-

тывающей новое сознание. Ни социалистический идеал культуры, ни национальная наша традиция не противоречат здесь новому сознанию: доверие, а не подозрительность, уважение к различиям, а не стандартизация мышления, свобода, а не насилие, широта, а не узость горизонта. От имени этой традиции говорил Достоевский: «Резких различий в народных задачах нет, потому что в основе каждой народности лежит один общий человеческий идеал, только оттененный местными красками». Потому между «народами никогда не может быть антагонизма, если бы каждый из них понимал истинные свои интересы». Так встречаются великие заветы отечественной культуры с насущными заботами времени, в которое мы живем.

Взаимопонимание и доверие народов не создаются сами по себе. Они рождаются в муках, как рождается все новое.

«Политизация» сознания — реальный факт века. Но природа этого явления в духовной жизни обществ — иная, чем некоторые думают. Когда в XVIII веке великий Скворода писал: «Не наше то, что прошло мимо нас. Не наше то, что породит будущее. Суший день только наш, а не утренний час, не знаем, что принесет вечерняя заря», — он тоже ратовал за реальную политику, говоря нашим языком, за то, чтобы человек ценил свое время, жил в нем, а не в эмпиреях. Когда Томас Манн писал, что в «обличе политики сегодня перед нами встал с предельной серьезностью вопрос о самом человечестве, существование которого под угрозой...» — он боролся со снобизмом в отношении политики в нашем веке, и он был прав. Журналисты, политики-профессионалы, военные средствами политики решают задачи времени, своего часа — и в этом их призвание, общественный долг. И художник не стоит над политикой. Но его задача вмести- тельней в рамках эпохи, и глубже, и долговременней.

Прав Адамович: «Мы — поколения, живущие во втором тысячелетии, теперь в ответе за все последующие». И нужна новая литература. Новая психология художника. Новый уровень ответственности. Воображения у поэтов всегда хватало. В народной немецкой лирике времен Тридцатилетней войны есть строки апокалипсические, смысл которых яснее нам, чем людям средневековья:

Воздух сгорит, расплавится море,
И все, что мы именуем землей,
Распылится прахом, станет золой.

Это пограничное «Полтавы», как сказал бы Маяковский.

Когда-то Вяземский заметил, что в Пушкине было верное понимание истории; свойство, добавил он, которым одарены не все историки. «Разумным зеркалом» назвал Вяземский подлинную историю. Он противопоставил «прагматическую историю» пушкинской нравственной и художественной истине времени. Новое художественное сознание принимает и эту пушкинскую традицию.

Конечно, многое новое — и хорошо забытое старое. Река знает свой исток, даже впадая в

море... Те, кто хочет довольствоваться малым, убежали не вперед, а в сторону. Им придется возвратиться в ту русскую литературу, которая не хочет быть духовным захолустьем, пропигирированным хотя бы и в столице. Нет, не может быть русского писателя, для которого невнятен голос интернационализма, единства славянской культуры или состояния мира, которое было музыкой не только для Блока.

Твардовский ощущал эту музыку так:

Я еду. Малый дом со мною,
Что каждый в путь с собой берет.
А мир огромный за стеною,
Как за бортом вода ревет.
Он над моей поет постелью
И по стеклу сечет крупой,
Дурной, безвременной метелью
Свистит и воет вразнобой.
Он полон сдавленной тревоги,
Беды, что очереди ждет...

Да, такая музыка в мире. И слушающий — слышит.

Так есть ли это новое сознание? Или художник во все времена обеспокоен состоянием мира? Есть. Существует. Не может не существовать, стучаться в наши двери, ибо только сегодня человечество волею обстоятельств осознало свое единство, ибо, примирившееся с единичными смертями отдельного человека, оно никогда не примирится со смертностью всего человечества, самоубийством рода.

И чем скорее мы осознаем это, тем лучше.

И. ПЕТРЯНОВ-СОКОЛОВ — академик АН СССР, председатель Центрального правления ВОК.

Дорогие товарищи, друзья! Разрешите от имени семнадцати миллионов читателей и пропагандистов многонациональной нашей литературы — членов Всесоюзного добровольного общества любителей книги — сердечно приветствовать вас — лучших представителей писательского цеха страны, талантом и мастерством которых советское художественное слово приобрело мировую известность и признание.

Книга, литература — это вечный источник, который питает душу каждого человека, побуждает народы к сближению, укрепляет их дружбу и братство, а советская книга призывает все народы к миру, к ликвидации ядерного оружия на планете.

Деятельность Всесоюзного общества любителей книги и направлена в первую очередь на то, чтобы привлечь к книге внимание как можно большего числа людей, и конечно же молодежи прежде всего. Общеизвестно, что по объективным причинам время на чтение заметно сокращается сегодня у читателя и, что нас особенно беспокоит, это снижение внимания к чтению художественной, научно-популярной литературы некоторых категорий молодежи, школьников.

И все-таки, несмотря на интенсивное развитие современных средств массовой информации, за книгой сохраняется преобладающая роль в формировании фундаментальных зна-

ний в области марксистско-ленинской теории, в сфере новейших достижений науки и техники, в духовном обогащении личности.

Опираясь на литературу, которая глубоко и полно отзывается на проблемы современности, остро ощущая социальный пульс страны, организации книголюбков пропагандируют советский образ жизни, непреходящие ценности развитого социализма.

Союз писателей СССР — один из учреждений Общества. И сегодня энтузиасты — пропагандисты книги помогут советскому читателю полнее познакомиться с лучшими произведениями нашей богатой прекрасными традициями многонациональной литературы.

Активисты Общества оказывают помощь в организации культурного досуга трудящихся, проводят «премьеры» книг, выставки издательских новинок, обсуждения новых произведений.

В системе Общества ведется работа с издательствами. По инициативе ВОК на места для встречи с читателями на заводах, в общежитиях выезжали представители издательства «Художественная литература», «Молодая гвардия», «Советский писатель», «Советская Россия», работники и авторские коллективы журналов «Новый мир», «Москва», «Наш современник», «Иностранная литература»...

Традиционными стали встречи книголюбков Волжского автозавода с издательством «Художественная литература».

В тесном контакте с Бюро пропаганды Союза писателей СССР и его подразделениями на местах проводятся вечера-встречи с писателями. Это позволяет знакомить читателей с лучшими произведениями писателей братских литератур всех союзных республик. Только что прошли встречи киргизских писателей с книголюбками Азербайджана.

Наряду с пропагандой творчества современных авторов организации Общества уделяют внимание изучению и популяризации классического наследия народов нашей страны.

На средства Общества воссоздаются мемориальные комплексы писателей, разрушенные во время Великой Отечественной войны, музеи книги, строятся дома книги. При участии ВОК открыт музей М. Ю. Лермонтова в Тамани, восстановлен мемориальный комплекс в Полтавской области, посвященный жизни и деятельности выдающегося классика отечественной литературы Н. В. Гоголя.

Многие народные, общественные библиотеки обязаны своим появлением энтузиазму книголюбков.

Наиболее перспективной формой пропаганды книги и чтения, на наш взгляд, обеспечивающей системный подход к формированию читательских вкусов и интересов, является клубная работа. В Москве и других городах сделаны первые шаги по организации молодежных литературных клубов-кафе, гостиных. В основе их программ — творчество поэтов и литераторов.

Воспитание активного, заинтересованного, творческого отношения к чтению, к книге — наша общая задача. Мы полностью поддерживаем призыв, прозвучавший в отчетном

докладе здесь, на съезде, о культурном походе в ПТУ и школы и прием в нем активное участие.

Квалифицированная и своевременная рекомендация книги для чтения в кругу своих друзей, доставка книголюбам нужной литературы из магазина в бригаду, цех, лабораторию, на полевой стан всем тем, от кого сегодня зависит успех перестройки народного хозяйства,— то самое ускорение социально-экономического прогресса, на которое Центральный Комитет КПСС поднял весь народ. Все это воспитывает общественно-политическую активность советских людей, формирует их духовную культуру и социальную зрелость, побуждает их к решительному протесту против различного рода антисоветских провокаций, а также антигуманных акций, таких, например, как запрещение в США книг известных писателей мира.

Читательское мнение может стать и надежным заслоном на пути серой литературы, произведений, лишенных свежести и новизны авторского взгляда.

Книголюбам могли бы более активно влиять на тиражную политику в стране, содействовать целенаправленной издательской деятельности — если бы планы издательства в достаточном количестве направлялись в трудовые коллективы, в республиканские правления Общества.

Нас беспокоит сегодня проблема дефицита книги. На наш взгляд, книгу, особенно повышенного спроса, смелее нужно распространять преимущественно через трудовые коллективы — тогда меньше будет стремления разного рода «жучков» наживаться на книге.

Общественному распространению литературы необходимо, по нашему мнению, уделять больше внимания, поскольку это уже сложившаяся форма демократического самоуправления в нашем движении.

В этой связи хотелось бы напомнить, что на XXVII съезде партии говорилось о перспективности общественно-государственных институтов. Всесоюзное общество любителей книги, Госкомиздат СССР, Союз писателей СССР могли бы, вероятно, стать одним из первых таких формирований.

Художественная книга — это действенный канал воспитания, и ее пропаганду (мы это ясно видим) Обществу книголюбам необходимо серьезно улучшить, чтобы поднять общую читательскую культуру до эстетических высот, достигнутых советской литературой. Это тем более актуально, что на нашей «литературной ниве», как уже отмечалось, все еще заметно процветание «сорняков». Именно против них мы и должны формировать общественное мнение.

А это вопрос вопросов. Развернувшаяся в стране интенсификация в сфере науки, тех-

ники, экономики, управления настоятельно требует максимального внимания к воспитанию нравственному, к духовному обновлению человека, укреплению в нем чувства исторической ответственности за себя и результаты своей деятельности.

В этом смысле нам совсем небезразлично, будет ли человек, в руках у которого находится современная техника и технология, знать и читать книгу, содержащую нравственный опыт, основы коммунистической морали, политической культуры. Это наша общая забота, и она настоятельно требует рекомендовать к чтению именно те книги, которые, обладая высокими художественными достоинствами, достоверно отражают нашу действительность, ярко раскрывают новое, страстно обличают все отжившее, мешающее движению вперед.

Хорошая художественная и публицистическая книга вызывает в каждом особый нравственный настрой, создает атмосферу порядочности, принципиальности, общей заинтересованности в делах страны.

На наш взгляд, показ и рассказ о книге по телевидению и радио должен быть более привлекательным. К сожалению, ускорение перестройки в пропаганде книги, формах ее и методах еще недостаточно.

Общество любителей книги сегодня развивает инициативу советских граждан, передающих свои книги в общественные библиотеки. Уже сегодня миллионы книг переданы в детские дома и школы-интернаты, в госпитали инвалидов войны и труда.

Проблема «Писатель и читатель» всегда злободневна, тем более что в дискуссиях книгоиздателей и литературных критиков все чаще за последние годы стал подниматься вопрос: каков он, современный читатель? При этом речь идет о самом обыкновенном посетителе массовой библиотеки. Многие черты сегодняшнего массового читателя оказались нетрадиционными, читатель стал другим, а наши знания о нем устарели. Это надо больше учитывать писателям, чаще пользоваться мнением читателя о писателе.

Наша общая активная заинтересованность в благотворном влиянии писательского слова, забота о его воздействии на дела страны, судьбы народа — вот та основа, на которой творческое сотрудничество Союза писателей и Общества читателей обогатит новыми гранями вечно живой процесс «Писатель и жизнь».

Всесоюзное общество любителей книги делает все зависящее от него, чтобы стать настоящим «союзом читателей» в деле пропаганды советского образа жизни, содействовать обогащению духовного потенциала, с которым советские люди вступят в третье тысячелетие.

РЕЗОЛЮЦИЯ VIII СЪЕЗДА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

VIII съезд писателей СССР собрался в то время, когда наша страна переживает переломный этап в своей истории. Выработанная XXVII съездом партии стратегия на ускорение социально-экономического развития получила единодушную поддержку советского народа, вызвала движение во всех сферах — политической, экономической, духовной.

Партия собственным примером дает урок принципиальности и правды, призывает к активному участию в борьбе за новое качественное состояние общества, выражает глубокую веру, что в этой очищающей, революционной по своей сути работе ярко проявит себя и нравственная сила советской литературы. На партийном съезде, а затем и на встрече Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с писателями подчеркивалось, что литераторы могут сыграть значительную роль в осуществлении психологической, нравственной перестройки, в борьбе с негативными явлениями.

VIII съезд писателей страны, представляющий многонациональную советскую литературу, единодушно и всецело поддерживает определенную XXVII съездом КПСС генеральную линию, считает, что Союз писателей СССР, как и другие отряды художественной интеллигенции, способен умножить свой вклад в созидательный потенциал социализма.

Состоявшаяся на съезде деловая, остро критическая дискуссия об актуальных проблемах литературного процесса, ответственности и месте писателя в перестройке общественного сознания, активизация «человеческого фактора», запечатлени новых явлений, которые рождает наша действительность, отвечает требованиям времени.

Съезд отмечает, что созданными в последний период лучшими произведениями советская литература достойно выражала свое высокое предназначение быть на переднем крае борьбы за сердца и умы людей, способствовала развитию социальной энергии, гражданской активности, утверждению высоких моральных идеалов и норм, чувства патриотизма и советского интернационализма. Лучшие романы, повести, пьесы, поэмы, работы публицистов, критиков и литературоведов стали для читателей настоящими уроками правды. Им присущи глубокое исследование жизни народа, возвышение человека-борца, человека активного действия и чистой совести, реалистическое освоение исторического прошлого. Плодотворно продолжалось дальнейшее

художественное осмысление темы героического подвига советского народа в Великой Отечественной войне. Уверенно проявляет себя поколение молодых писателей, наследующее традиции советской классики.

Съезд заявляет, что главное внимание сегодня должно быть сосредоточено на заботе о том, чтобы литература развивалась в соответствии с масштабами происходящего в стране обновления. Приоритет должен принадлежать такому творческому поиску, за которым стоит стремление к правдивому, диалектическому анализу глубинных явлений действительности, возвышению истинно героического и развенчанию бездуховного.

Следует активнее ставить заслон на пути легковёрности, приспособленчества, ремесленничества — всего, что произрастает на почве компромисса совести художника и порождает поток произведений поверхностных, мелко-темных, идейно и художественно неполноценных. В отличие от истинно художественного творчества гладкопись и серость есть сами по себе застойные явления.

Имеются все основания призвать к решительному устранению серьезных недостатков литературной критики, в которой укоренились парадность, благодушие, чинопочитание. От того, как активно будет идти процесс перестройки в критике, в редакционных коллективах издательств и журналов, зависит идейно-художественное качество литературы, ее будущее.

Новые задачи требуют качественных перемен в стиле организаторской и политической работы руководящих органов Союза писателей СССР, республиканских творческих союзов, всех писательских организаций. Они призваны больше заботиться о формировании в литературной среде климата доверия, открытого обсуждения насущных вопросов литературной жизни, изживать инертность, бюрократизм и формализм. Необходимо поставить дело таким образом, чтобы выработка общественного мнения об авторах и произведениях, решения о наградах, премиях и других формах поощрения происходили не келейно, а гласно, на широкой демократической основе — по действительным заслугам.

Ответственность, возложенная на советских литераторов самой историей, сегодня возрастает.

Это требует от каждого непреклонности в утверждении принципов партийности и народности художественного творчества, посто-

янной и большой работы по повышению профессионального мастерства. Только на этом пути могут состояться приобретения и открытия, способные приумножить богатства духовной культуры нашего многонационального Советского государства.

Заслушав и обсудив доклад первого секретаря правления Союза писателей СССР тов. Маркова Г. М. «Никогда не отгораживаться от тревог современного мира, от жизни нашего народа», VIII съезд писателей СССР постановляет:

1. Одобрить деятельность Союза писателей СССР за отчетный период. Признать работу его правления удовлетворительной.

2. Правлению Союза писателей СССР, руководящим органам всех писательских организаций сосредоточить главное внимание на практической реализации положений и выводов XXVII съезда КПСС об ответственной роли литературы и искусства в работе по ускорению социально-экономического развития страны, борьбе за нравственное здоровье общества. Первостепенной задачей следует считать создание в творческом союзе такой атмосферы, которая способствовала бы развитию литературы, утверждающей правду жизни, возвеличивающей человека, смело берущего на себя ношу своего времени.

3. Считать важнейшим направлением деятельности писательских организаций, их руководящих органов осуществление конкретных мер по утверждению в литературно-художественной критике духа высокой принципиальности и объективности, точности оценок. Необходимо значительно усилить влияние на качественный уровень литературной печати, шире использовать мнение писательской обще-

ственности в оценке произведений, противодействовать безликости и комплиментарности критических публикаций, а также необоснованных разносов.

4. Провести необходимую работу по совершенствованию форм и методов воспитания молодых литераторов, повышению критериев при приеме новых членов в Союз писателей СССР.

Правлению СП СССР изучить вопрос и принять необходимые меры по дальнейшему совершенствованию работы Литературного института имени А. М. Горького.

5. Уделить всемерное внимание дальнейшему развитию детской и юношеской литературы, имеющей первостепенное значение в деле воспитания подрастающего поколения. Рассмотреть вопрос о создании научного центра детской и юношеской литературы, об организации нового издания «Роман-газеты для детей».

6. Поручить Правлению Союза писателей СССР обобщить предложения о новой редакции устава писательского союза страны и обсудить соответствующий вопрос на пленуме Правления.

7. Обязать Правление СП СССР глубоко проанализировать высказанные делегатами съезда, в докладах Правления и Ревизионной комиссии СП СССР предложения и замечания, в отчетные сроки определить и осуществить меры по их реализации.

VIII съезд писателей СССР призывает каждого советского литератора активно, во всю силу своего дарования, гражданской ответственности вносить достойный вклад в осуществление программных целей, определенных XXVII съездом КПСС.

ОБРАЩЕНИЕ К ПИСАТЕЛЯМ МИРА

Забота о судьбах мира и человечества, сохранении гуманистических ценностей побуждает нас обратиться к вам с этим посланием. Горизонт планеты затянут черными тучами ядерной грозы.

Любой художник мечтает, чтобы его произведение выдержало испытание временем. Но если сегодня мы все вместе не скажем своего слова против нарастающего безумия империалистических кругов, готовых жертвовать судьбами целых народов, сколь трагичным будет исход всего, что тысячелетиями создавали цивилизации на нашей планете.

Так неужели мы бессильны образумить тех, кто покушается на величайшую общечеловеческую ценность — мир?!

Писателю не остановить полет ракеты с ядерным зарядом. Но сегодня его талант и воображение нужны более, чем когда бы то ни было. Великим оружием Слова он может содействовать созданию такой атмосферы в мире, такому объединению индивидуальных и коллективных усилий, которые смогут преградить путь милитаризму и империалистической агрессии, предотвратить роковое развитие событий.

Советский Союз никому не угрожает, мы хотим жить в мире со всеми. Мы доказываем это самым образом нашей жизни, нашим мирным строительством, мирными планами и нашей литературой. Творчество советских литераторов всегда питали дела и чаяния народа. Сейчас эти истоки особенно полноводны. Все, кто непредвзято следил за работой писательского форума, не могли еще раз не увидеть, что нас радуют те же успехи, тревожат те же заботы, что и всех советских людей. И главнейшая из главных забот — мир.

Наши и ваши воззрения на многие проблемы могут различаться. Но ни один здравомыслящий писатель не хочет, чтобы мир был поставлен под угрозу. Он должен быть спасен ценой всех человеческих усилий.

Угроза ядерной катастрофы велика, но не представляется нам фатальной неизбежностью. Во всем мире людей доброй воли воодушевляют мирные инициативы нашей страны. Они видят в них основу для великого перелома от войны к миру, от разрушения к созиданию.

Мы призываем писателей планеты к сотрудничеству во имя идеалов добра и справедливости, к активным действиям в защиту мира. Чем активнее будет эта гуманистическая деятельность, тем труднее станет силам милитаризма поддерживать ненависть, разрушать духовное единство людей, мирный диалог народов, готовить психологические и «звездные войны».

Наш мир сложен, противоречив, подчас жесток. Но он и прекрасен. Его можно и нужно улучшать, но главное сегодня — спасти. Спасти наших детей, наше будущее и прошлое. Ради этого стоит объединить усилия, возвысить свой голос, отдать все свои силы и талант.

Мы надеемся, что наше слово к вам, уважаемые коллеги, будет воспринято с пониманием того, что это обращение продиктовано заботой о счастливом будущем всех людей на Земле.

VIII съезд писателей СССР

ПРЕЗИДИУМ

Восьмого съезда писателей СССР

Абашидзе Г. Г.	Грузия
Абашидзе И. В.	Грузия
Айтматов Ч. Т.	Киргизия
Аксенов А. Н.	Председатель Гостелерадио СССР
Александров А. П.	Президент Академии наук СССР
Алексеев М. Н.	Москва
Алексин А. Г.	Москва
Ананьев А. А.	Москва
Андроников И. Л.	Москва
Астафьев В. П.	Красноярск
Афанасьев В. Г.	Председатель правления Союза журналистов СССР, главный редактор газеты «Правда»
Бакланов Г. Я.	Москва
Баруздин С. А.	Москва
Белов В. И.	Вологда
Беляев А. А.	Главный редактор газеты «Советская культура»
Бердников Г. П.	Директор Института мировой литературы им. А. М. Горького
Бондарев Ю. В.	Эстония
Боровик Г. А.	Москва
Боцу П. П.	Москва
Быков В. В.	Молдавия
Бээкман В. Э.	Белоруссия
Верченко Ю. Н.	Москва
Викулов С. В.	Москва
Власов В. И.	Заведующий Отделом культуры и науки Совета Министров СССР
Вознесенский А. А.	Москва
Воронов Ю. П.	Заведующий Отделом культуры ЦК КПСС

Гамзатов Р. Г.	Дагестан
Гилевич Н. С.	Белоруссия
Гончар А. Т.	Украина
Горбачев Н. А.	Москва
Гранин Д. А.	Ленинград
Грибачев Н. М.	Москва
Грибов Ю. Т.	Москва
Дементьев А. Д.	Москва
Долматовский Е. А.	Москва
Доризо Н. К.	Москва
Дударев А. А.	Белоруссия
Дудин М. А.	Ленинград
Дурдыев Х.	Туркмения
Евтушенко Е. А.	Москва
Егоров В. К.	Ректор Литературного института им. А. М. Горького
Ермаш Ф. Т.	Председатель Госкино СССР
Жуков Ю. А.	Москва
Зайцев Е. В.	Первый заместитель министра культуры СССР
Залыгин С. П.	Москва
Захаров В. Г.	Второй секретарь МГК КПСС
Ибрагимов М. А.	Азербайджан
Иванов А. С.	Москва
Исаев Е. А.	Москва
Калинин А. В.	Ростов-на-Дону
Каноат М.	Таджикистан
Карим Мустай	Башкирия
Карпов В. В.	Москва
Кешоков А. П.	Москва
Климов Э. Г.	Первый секретарь правления Союза кинематографистов СССР
Кондаков М. И.	Президент Академии педагогических наук СССР
Коновалов Г. И.	Саратов
Коротич В. А.	Украина
Кугультинов Д. Н.	Калмыкия
Кузнецов Ф. Ф.	Москва
Лаптев И. Д.	Главный редактор газеты «Известия»
Леонов Л. М.	Москва
Лизичев А. Д.	Начальник Главного Политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота
Лихачев Д. С.	Ленинград

Малдонис А. М.	Литва
Марков Г. М.	Москва
Межелайтис Э. Б.	Литва
Миннуллин Т. А.	Татария
Мирзагитов А. М.	Башкирия
Михалков С. В.	Москва
Мишин В. М.	Первый секретарь ЦК ВЛКСМ
Мушкетик Ю. М.	Украина
Ненашев М. Ф.	Председатель Госкомиздата СССР
Носов Е. И.	Курск
Озеров В. М.	Москва
Олейник Б. И.	Украина
Петерс Я. Я.	Латвия
Петросян В. А.	Армения
Петрянов-	Председатель Всесоюзного
Соколов И. В.	общества книголюбов
Полянский А. Т.	Первый секретарь правления Союза архитекторов СССР
Пономарев Н. А.	Председатель правления Союза художников СССР
Проскурин П. Л.	Москва
Проханов А. А.	Москва
Разумов Е. З.	Первый заместитель заведующего Отделом организационно-партийной работы ЦК КПСС
Распутин В. Г.	Иркутск
Рождественский Р. И.	Москва
Сайкин В. Т.	Председатель Исполкома Моссовета
Салынский А. Д.	Москва
Сартаков С. В.	Москва
Скворцов К. В.	Челябинск
Слезко П. Я.	Первый заместитель заведующего Отделом пропаганды ЦК КПСС
Софронов А. В.	Москва
Стаднюк И. Ф.	Москва
Сулейменов О. О.	Казахстан
Суровцев Ю. И.	Москва
Танк М.	Белоруссия
Тельпугов В. П.	Москва
Тропольский Г. Н.	Воронеж
Туманова З. П.	Первый заместитель заведующего Отделом культуры ЦК КПСС

Угаров Б. С.	Президент Академии художеств СССР
Умарбеков У. Р.	Узбекистан
Уйгун	Узбекистан
Фалин В. М.	Председатель правления Агентства печати «Новости»
Федоренко Н. Т.	Москва
Фролов И. Т.	Главный редактор журнала «Коммунист»
Хренников Т. Н.	Первый секретарь правления Союза композиторов СССР
Царев М. И.	Председатель правления ВТО
Цицишвили Г. Ш.	Грузия
Чаковский А. Б.	Москва
Чепуров А. Н.	Ленинград
Четвериков Н. Н.	Председатель правления ВААП
Чехарин Е. М.	Заместитель Председателя Совета Министров РСФСР
Шалаев С. А.	Председатель ВЦСПС
Шатров М. Ф.	Москва
Шестинский О. Н.	Москва
Шихлы Исмаил	Азербайджан
Шугаев В. М.	Москва
Яшен К. Н.	Узбекистан

СЕКРЕТАРИАТ
VIII съезда писателей СССР

Алексеев С. П.	Москва
Амлинский В. И.	Москва
Арипов А.	Узбекистан
Арутюнян С. М.	Армения
Бабаев (Наби Хазри)	Азербайджан
Бобков С. Ф.	Москва
Бородкин Ю. С.	Ярославль
Бородулин Р. И.	Белоруссия
Бубнис В. К.	Литва
Бусуйок А. А.	Молдавия
Верченко Ю. Н.	Москва
Глушко А. К.	Украина
Гулиа Г. Д.	Москва
Данилов С. П.	Якутия
Друнина Ю. В.	Москва
Карелин Л. В.	Москва
Кекильбаев А.	Казахстан
Куусберг П. А.	Эстония
Лупан А. П.	Молдавия
Матусовский М. Л.	Москва
Мисиня Мара	Латвия
Ниязи Ф.	Таджикистан
Новиченко Л. Н.	Украина
Островой С. Г.	Москва
Поляков Ю. М.	Москва
Самсонов С. А.	Удмуртия
Семенов Ю. С.	Москва
Сорокин Л. Л.	Свердловск
Фирсов В. И.	Москва
Чарквиани Д. А.	Грузия
Щипахина Л. В.	Москва

МАНДАТНАЯ КОМИССИЯ
VIII съезда писателей СССР

Алиева Ф. Г.	Дагестан
Амашукели Р. Б.	Грузия
Антонов С. П.	Москва
Бабаджан Р. Н.	Узбекистан
Васильева Л. Н.	Москва
Горбачев Н. А.	Москва
Гречаников А. С.	Белоруссия
Зиедонис И. Я.	Латвия
Икрами Д.	Таджикистан
Канивец В. В.	Украина
Коптяева А. Д.	Москва
Крупин В. Н.	Москва
Курбаннепесов К.	Туркмения
Лагунов К. Я.	Тюмень
Лари Леонида	Молдавия
Лукьянин В. П.	Свердловск
Мулдагалиев Д.	Казахстан
Нагибин Ю. М.	Москва
Павлычко Д. В.	Украина
Прилежаева М. П.	Москва
Рекемчук А. Е.	Москва
Рустам Сулейман	Азербайджан
Рыбаков А. Н.	Москва
Сыдыкбеков Т.	Киргизия
Слуцкис М. Г.	Литва
Смирнов С. В.	Москва
Фролов Л. А.	Москва
Цыбин В. Д.	Москва
Штейн А. П.	Москва
Шундик Н. Е.	Москва
Эмин Г. Г.	Армения

**РЕДАКЦИОННАЯ КОМИССИЯ
VIII съезда писателей СССР**

Адалян Н. М.	Армения
Алигер М. И.	Москва
Антропов Ю. В.	Москва
Березиков Е. Е.	Узбекистан
Вергелис А. А.	Москва
Винокуров Е. М.	Москва
Годенко М. М.	Москва
Дамдинов Н. Г.	Бурятия
Дангулов С. А.	Москва
Дементьев В. В.	Москва
Еременко В. Н.	Москва
Загребельный П. А.	Украина
Зумакулова Т. М.	Кабардино-Балкария
Калинкин И. А.	Мордовия
Козьмин М. Б.	Москва
Колосов М. М.	Москва
Кросс Я. Я.	Эстония
Лавлинский Л. И.	Москва
Лиханов А. А.	Москва
Марцинкявичюс Ю. М.	Литва
Михайлов А. А.	Москва
Муратбеков С.	Казахстан
Немченко Г. Л.	Москва
Никольский Б. Н.	Ленинград
Поволяев В. Д.	Москва
Розов В. С.	Москва
Санги В. М.	Москва
Файзи Рахмат	Узбекистан
Холопов Г. К.	Ленинград
Шамякин И. П.	Белоруссия
Шерали Л.	Таджикистан

ПОВЕСТКА ДНЯ СЪЕЗДА

1. Отчетный доклад правления СП СССР

Докладчик — первый секретарь правления СП СССР Г. М. МАРКОВ

2. Отчетный доклад Центральной Ревизионной комиссии СП СССР

Докладчик — председатель Центральной Ревизионной комиссии В. П. ТЕЛЬ-ПУГОВ.

3. Выборы руководящих органов Союза писателей СССР.

Регламент

Отчетный доклад Правления СП СССР VIII съезду писателей	— 2 часа
Отчетный доклад Центральной Ревизионной комиссии	— 30 мин.
Выступления в прениях	— 10 мин.
Выступления руководителей комиссий съезда	— 20 мин.
После каждых 2 часов работы перерыв на 30 мин.	

ПОРЯДОК РАБОТЫ СЪЕЗДА

24 июня (вторник)

10.00—14.00 — утреннее заседание

14.00—16.00 — перерыв на обед

16.00—19.00 — вечернее заседание

25 июня (среда)

10.00—18.00 — заседание 5 комиссий

Комиссии работают в следующих помещениях:

1. Комиссия прозы —

руководитель А. С. Иванов — Всесоюзный Дом композиторов (ул. Неждановой, 8/10)

2. Комиссия поэзии —

руководитель Е. А. Исаев — Центральный Дом литераторов имени А. А. Фадеева (ул. Герцена, 53)

3. Комиссия критики —

руководитель В. М. Озеров — ИМЛИ им. А. М. Горького АН СССР (ул. Воровского, 25-а)

4. Комиссия драматургии —

руководитель Г. А. Боровик — Центральный Дом актера им. А. А. Яблочкиной (ул. Горького, 16/2)

5. Комиссия детской и юношеской литературы —

руководитель С. В. Михалков — Союз писателей РСФСР (Комсомольский просп., 13)

26 июня (четверг)

9.00—10.00 — обмен временных удостоверений на мандаты
10.00—14.00 — утреннее заседание
14.00—16.00 — перерыв на обед
16.00—19.00 — вечернее заседание

27 июня (пятница)

10.00—14.00 — утреннее заседание
14.00—16.00 — перерыв на обед
16.00—вечернее заседание (закрытое)

28 июня (суббота)

10.00 — утреннее заседание (закрытое)
11.00 — заключительное заседание съезда

**РУКОВОДЯЩИЕ ОРГАНЫ СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ СССР, ИЗБРАННЫЕ ВОСЬМЫМ
СЪЕЗДОМ ПИСАТЕЛЕЙ СССР**

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

- Абашидзе Г. Г. (Грузия)
Абашидзе И. В. (Грузия)
Абдумомунов Т. (Киргизия)
Абу-Бакар А. (Дагестан)
Авижюс Й. К. (Литва)
Адамович А. М. (Белоруссия)
Айлисли А. (Азербайджан)
Айтматов Ч. (Киргизия)
Акматов К. (Киргизия)
Алексеев М. Н. (Москва)
Алексеев С. П. (Москва)
Алексин А. Г. (Москва)
Алигер М. И. (Москва)
Алиева Ф. Г. (Дагестан)
Алимжанов А. Т. (Казахстан)
Амашукели Р. Б. (Грузия)
Амлинский В. И. (Москва)
Ананьев А. А. (Москва)
Андреев Ю. А. (Ленинград)
Андроников И. Л. (Москва)
Антонов С. П. (Москва)
Антропов Ю. В. (Москва)
Ардаматский В. И. (Москва)
Арипов А. (Узбекистан)
Астафьев В. П. (Красноярск)
Ахмадулина Б. А. (Москва)
Ахматова Р. С. (Чечено-
Ингушская АССР)
Ахтанов Т. (Казахстан)
Ашимов А. У. (Казахстан)
Бабаджан Р. (Узбекистан)
Бабаев Н. А. (Наби Хазри)
(Азербайджан)
Бабаевский С. П. (Москва)
Бакланов Г. Я. (Москва)
Баруздин С. А. (Москва)
Белов В. И. (Вологда)
Беляускас А. П. (Литва)
Бердников Г. П. (Москва)
Березиков Е. Е. (Узбекистан)
Безкман В. Э. (Эстония)
Бобков С. Ф. (Москва)
Бондарев Ю. В. (Москва)
Боровик Г. А. (Москва)
- Бородкин Ю. С. (Ярославль)
Боцу П. П. (Молдавия)
Браженас П. А. (Литва)
Буравкин Г. Н. (Белоруссия)
Бурлаков С. Р. (Украина)
Быков В. В. (Белоруссия)
Вагабзаде Б. М. (Азербайджан)
Ваншенкин К. Я. (Москва)
Васильев Б. Л. (Москва)
Васильев И. А. (Псков)
Вергелис А. А. (Москва)
Верченко Ю. Н. (Москва)
Викулов С. В. (Москва)
Винокуров Е. М. (Москва)
Вознесенский А. А. (Москва)
Воронин С. А. (Ленинград)
Воронов Ю. П. (Москва)
Воронько П. Н. (Украина)
Вышеславский Л. Н. (Украина)
Гамзатов Р. Г. (Дагестан)
Ганина М. А. (Москва)
Ганичев В. Н. (Москва)
Гилевич Н. С. (Белоруссия)
Глушко А. К. (Украина)
Годенко М. М. (Москва)
Гончар А. Т. (Украина)
Горбачев Н. А. (Москва)
Горбовский Г. Я. (Ленинград)
Горышин Г. А. (Ленинград)
Грагин Д. А. (Ленинград)
Грибачев Н. М. (Москва)
Грибов Ю. Т. (Москва)
Григорян А. П. (Армения)
Гулиа Г. Д. (Москва)
Давтян В. А. (Армения)
Дамдинов Н. Г. (Бурятия)
Дангулов С. А. (Москва)
Данилов С. П. (Якутия)
Дедков И. А. (Кострома)
Дементьев А. Д. (Москва)
Дементьев В. В. (Москва)
Долматовский Е. А. (Москва)
Домбровский А. И. (Украина)

- Доризо Н. К. (Москва)
 Драч И. Ф. (Украина)
 Друнина Ю. В. (Москва)
 Друцэ И. П. (Москва)
 Дударев А. А. (Белоруссия)
 Дудин М. А. (Ленинград)
 Дурдыев Х. (Туркмения)
 Евтушенко Е. А. (Москва)
 Еременко В. Н. (Москва)
 Есин С. Н. (Москва)
 Жуков В. С. (Иваново)
 Жуков Ю. А. (Москва)
 Жунусов С. Н. (Казахстан)
 Загребельный П. А. (Украина)
 Залите М. Э. (Латвия)
 Залыгин С. П. (Москва)
 Зарудный Н. Я. (Украина)
 Збанацкий Ю. О. (Украина)
 Зиедонис И. Я. (Латвия)
 Зубков Г. И. (Москва)
 Зульфия (Узбекистан)
 Ибрагимбеков М. (Азербайджан)
 Ибрагимов М. А. (Азербайджан)
 Иванов А. С. (Москва)
 Ильченко А. Е. (Украина)
 Исаев Е. А. (Москва)
 Йьерюйт Я. С. Х. (Эстония)
 Каверин В. А. (Москва)
 Казакова Р. Ф. (Москва)
 Каипбергенов Т. (Узбекистан)
 Каладзе К. Р. (Грузия)
 Калинин А. В. (Ростов-на-Дону)
 Канивец В. В. (Украина)
 Каноат Мумин (Таджикистан)
 Капутикян С. Б. (Армения)
 Каратаев М. (Казахстан)
 Карелин Л. В. (Москва)
 Карим Мустай (Башкирия)
 Карпов В. В. (Москва)
 Касымбеков Т. (Киргизия)
 Каюмов Л. П. (Узбекистан)
 Кекильбаев А. (Казахстан)
 Кешоков А. П. (Москва)
 Ким А. А. (Москва)
 Книпович Е. Ф. (Москва)
 Князев Л. Н. (Приморский край)
 Козаченко В. П. (Украина)
 Козловский Я. А. (Москва)
 Козько В. А. (Белоруссия)
 Козьмин М. Б. (Москва)
 Коломиец А. Ф. (Украина)
 Колосов М. М. (Москва)
 Колыхалов В. А. (Томск)
 Кондратьев В. Л. (Москва)
 Конецкий В. В. (Ленинград)
 Коновалов Г. И. (Саратов)
 Коптяева А. Д. (Москва)
 Корбу Х. Г. (Молдавия)
 Корнилов В. Г. (Кострома)
 Коротич В. А. (Украина)
 Костров В. А. (Москва)
 Кравченко А. И. (Украина)
 Крапивин В. П. (Свердловск)
 Кривошеков Л. Д. (Казахстан)
 Кросс Я. Я. (Эстония)
 Крупин В. Н. (Москва)
 Кугультинов Д. Н. (Калмыцкая АССР)
 Кудиевский К. И. (Украина)
 Кузнецов Ф. Ф. (Москва)
 Кулешов А. П. (Москва)
 Кулиев К. М. (Туркмения)
 Куранов Ю. Н. (Калининград)
 Курбаннепесов К. (Туркмения)
 Куусберг П. А. (Эстония)
 Лавлинский Л. И. (Москва)
 Лагунов К. Я. (Тюмень)
 Левада А. С. (Украина)
 Леонов Л. М. (Москва)
 Лиханов А. А. (Москва)
 Личутин В. В. (Москва)
 Ломидзе Г. И. (Москва)
 Лордкипанидзе К. А. (Грузия)
 Лубкивский Р. М. (Украина)
 Лупан А. П. (Молдавия)
 Ляпин И. И. (Москва)
 Малдонис А. М. (Литва)
 Марков Г. М. (Москва)
 Мамытов Ж. (Киргизия)
 Марцинкявичюс Ю. М. (Литва)
 Матусовский М. Л. (Москва)
 Мауленов С. (Казахстан)
 Мачавариани М. И. (Грузия)
 Машбаш И. Ш. (Адыгея)
 Межелайтис Э. Б. (Литва)
 Межиров А. П. (Москва)
 Мингнарлов Т. Б. (Узбекистан)
 Миннуллин Т. А. (Татария)
 Мирзагитов А. М. (Башкирия)
 Мирошниченко Н. И. (Москва)
 Михайлов А. А. (Москва)
 Михалков С. В. (Москва)
 Мишарин А. Н. (Москва)
 Можяев Б. А. (Москва)
 Мороз А. Т. (Украина)
 Мотяшов И. П. (Москва)
 Мулдагалиев Д. (Казахстан)
 Муратбеков С. М. (Казахстан)

- Муртазаев Ш. (Казахстан)
 Мусиенко А. Г. (Украина)
 Мухаммадиев Ф. А. (Таджикистан)
 Мухтаров А. (Узбекистан)
 Мушкетик Ю. М. (Украина)
 Нагибин Ю. М. (Москва)
 Науменко И. Я. (Белоруссия)
 Немченко Г. Л. (Москва)
 Николаев П. А. (Москва)
 Никольский Б. Н. (Ленинград)
 Нишнианидзе Ш. Г. (Грузия)
 Новиков В. В. (Москва)
 Новиченко Л. Н. (Украина)
 Новрузов Д. М. (Азербайджан)
 Носов Е. И. (Курск)
 Нурпеисов А. К. (Казахстан)
 Ованесян Р. К. (Армения)
 Озеров В. М. (Москва)
 Окуджава Б. Ш. (Москва)
 Олейник Б. И. (Украина)
 Островой С. Г. (Москва)
 Ошанин Л. И. (Москва)
 Павлычко Д. В. (Украина)
 Падерин Г. Н. (Новосибирск)
 Панкин Б. Д. (Москва)
 Панченко П. Е. (Белоруссия)
 Петерс Я. Я. (Латвия)
 Петросян В. А. (Армения)
 Плетнев А. Н. (Омск)
 Поволяев В. Д. (Москва)
 Поляков Ю. М. (Москва)
 Попов В. Ф. (Москва)
 Попцов О. М. (Москва)
 Потапов Н. А. (Москва)
 Преловский А. В. (Москва)
 Прилежаева М. П. (Москва)
 Прокушев Ю. Л. (Москва)
 Проскурин П. Л. (Москва)
 Проханов А. А. (Москва)
 Распутин В. Г. (Иркутск)
 Рекемчук А. Е. (Москва)
 Решетников Л. В. (Новосибирск)
 Рзаев А. Р. (Азербайджан)
 Рождественский Р. И. (Москва)
 Розов В. С. (Москва)
 Ругоев Я. В. (Карелия)
 Рустам Сулейман (Азербайджан)
 Рыбаков А. Н. (Москва)
 Рыбаков Н. Ф. (Марийская АССР)
 Рытхэу Ю. С. (Ленинград)
 Сагян А. С. (Армения)
 Салынский А. Д. (Москва)
 Самсонов С. А. (Удмуртия)
 Санги В. М. (Москва)
 Сартаков С. В. (Москва)
 Сафиева Г. (Таджикистан)
 Сахнин А. Я. (Москва)
 Семенов Г. В. (Москва)
 Семенов Ю. С. (Москва)
 Сердюк Ю. А. (Украина)
 Сидоров Е. Ю. (Москва)
 Сийг А. К. (Эстония)
 Силаев Б. Д. (Украина)
 Скворцов К. В. (Челябинск)
 Скомаровский В. П. (Украина)
 Скуинь З. Я. (Латвия)
 Сладков Н. И. (Ленинград)
 Слуцкис М. Г. (Литва)
 Смирнов О. П. (Москва)
 Смирнов С. В. (Москва)
 Соколов В. Н. (Москва)
 Сорокин В. В. (Москва)
 Сорокин Л. Л. (Свердловск)
 Софронов А. В. (Москва)
 Стаднюк И. Ф. (Москва)
 Старшинов Н. К. (Москва)
 Степанов В. А. (Москва)
 Субботин В. Е. (Москва)
 Сулейменов О. О. (Казахстан)
 Суровцев Ю. И. (Москва)
 Сыдыкбеков Т. (Киргизия)
 Тангрыкулиев К. (Туркмения)
 Танк Максим (Белоруссия)
 Тимонен А. Н. (Карелия)
 Тлегенов Б. Т. (Казахстан)
 Троепольский Г. Н. (Воронеж)
 Уйгун (Атакузиев) (Узбекистан)
 Умарбеков У. Р. (Узбекистан)
 Унгарсынова Ф. У. (Казахстан)
 Ухсай Я. Г. (Чувашия)
 Файзи Рахмат (Узбекистан)
 Файзуллаев И. (Таджикистан)
 Федоренко Н. Т. (Москва)
 Федорив Р. Н. (Украина)
 Фирсов В. И. (Москва)
 Фокина О. А. (Вологда)
 Фролов Л. А. (Москва)
 Халов П. В. (Хабаровск)
 Ханзаян С. Н. (Армения)
 Хайрюзов В. Н. (Иркутск)
 Хашимов У. (Узбекистан)
 Холопов Г. К. (Ленинград)
 Цицишвили Г. Ш. (Грузия)
 Цыбин В. Д. (Москва)
 Чаклайс М. А. (Латвия)
 Чаковский А. Б. (Москва)

Чарквиани Д. А. (Грузия)
Чепуров А. Н. (Ленинград)
Черниченко Ю. Д. (Москва)
Чиботару А. И. (Молдавия)
Чигринов И. Г. (Белоруссия)
Чиладзе Т. И. (Грузия)
Чобану И. К. (Молдавия)
Чуев Ф. И. (Москва)
Шамякин И. П. (Белоруссия)
Шатров М. Ф. (Москва)
Шестинский О. Н. (Москва)
Шинкуба Б. В. (Грузия)
Шихлы Исмаил (Азербайджан)

Шкляревский И. И. (Москва)
Шогенцуков А. О. (Кабард.-
Балк. АССР)
Штейн А. П. (Москва)
Шугаев В. М. (Москва)
Шундик Н. Е. (Москва)
Щипахина Л. В. (Москва)
Эзера Р. Р. (Латвия)
Эмин Г. Г. (Армения)
Юзеев И. Г. (Татария)
Юсупов И. (Узбекистан)
Якубов А. (Узбекистан)
Яшен К. Н. (Узбекистан)

**ЦЕНТРАЛЬНАЯ РЕВИЗИОННАЯ
КОМИССИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР**

- Аббатзаде Г. А. (Азербайджан)
Абдрахманова Т. (Казахстан)
Абрамов С. А. (Москва)
Абылкасымова М. (Киргизия)
Автомонов П. Ф. (Украина)
Агашина М. К. (Волгоград)
Адалян Н. М. (Армения)
Акулов И. И. (Москва)
Александровский В. Н. (Хабаровск)
Алешин С. И. (Москва)
Арутюнян Ж. С. (Армения)
Афанасьев П. В. (Чувашия)
Белоусов И. Е. (Сахалин)
Бобулов К. Б. (Киргизия)
Боков В. Ф. (Москва)
Борзунов С. М. (Москва)
Борщаговский А. М. (Москва)
Братан Н. И. (Украина)
Бубнис В. К. (Литва)
Васильева Л. Н. (Москва)
Вахидов Э. В. (Узбекистан)
Векилов Ю. С. (Ю. Самедоглу)
(Азербайджан)
Виноградов Ю. А. (Москва)
Виноградов И. И. (Ленинград)
Воронов Н. П. (Москва)
Гасан-заде Н. А. (Азербайджан)
Гельман А. И. (Москва)
Гоголев И. М. (Якутия)
Гусаров Д. Я. (Карелия)
Гусев В. И. (Москва)
Дабижа Н. Т. (Молдавия)
Даникеев О. (Киргизия)
Джакшылыков А. (Киргизия)
Джонуа А. Н. (Грузия)
Джумагельдыев Т. (Туркмения)
Дворецкий И. М. (Ленинград)
Евдокимов Н. С. (Москва)
Жук А. А. (Белоруссия)
Залата Ф. Д. (Украина)
Зуенок В. В. (Белоруссия)
Зумакулова Т. М. (Кабард.-Балк.
АССР)
Иванов Л. И. (Омск)
Искандер Ф. А. (Москва)
Истру Б. С. (Молдавия)
Каландадзе А. П. (Грузия)
Калинкин И. А. (Мордовия)
Каллас Т. В. (Эстония)
Карапетян А. А. (Армения)
Кашпуров И. В. (Ставрополь)
Кедрина З. С. (Москва)
Кильчичаков М. Е. (Хакассия)
Киреев Р. Т. (Москва)
Киреенко К. Т. (Белоруссия)
Козаев И. С. (Грузия)
Кудажи К.-Э. К. (Тувинская АССР)
Кудинов И. П. (Алтай)
Кузнецов Ю. П. (Москва)
Кузовлева Т. В. (Москва)
Куняев С. Ю. (Москва)
Кург К. Ф. (Эстония)
Лебедеико П. В. (Ростов-на-Дону)
Лезгинцев Г. М. (Москва)
Леонов Б. А. (Москва)
Лихоносов В. И. (Краснодар)
Макшеев В. Н. (Томск)
Мальцев Е. Ю. (Москва)
Мартинкус В. А. (Литва)
Марченко В. И. (Москва)
Матевосян Г. И. (Армения)
Меляев Х. (Туркмения)
Мирсаидов Мирмухсин (Узбекистан)
Михайленко А. Г. (Украина)
Мурзалиев К. (Казахстан)
Никонов Н. Г. (Свердловск)
Огородникова И. Ф. (Москва)
Омарова А. (Туркмения)
Палиевский П. В. (Москва)
Парнов Е. И. (Москва)
Перебейнос П. М. (Украина)
Петров Г. Ф. (Ленинград)
Пулатов Т. (Узбекистан)
Пшеничный Б. Н. (Таджикистан)
Расулов М. Р. (Дагестан)
Ребро П. П. (Украина)
Романов Б. С. (Новгород)
Росляков В. П. (Москва)

ПРИЛОЖЕНИЯ

- Рощин М. М. (Москва)
Рыжих Н. П. (Камчатка)
Сажин П. А. (Москва)
Салуцкий А. С. (Москва)
Самвелян Н. Г. (Москва)
Сафонов Э. И. (Москва)
Сбитнев Ю. Н. (Москва)
Свире (Кайяка) М. Я. (Латвия)
Сидельников О. В. (Узбекистан)
Сидоров В. М. (Москва)
Скоп Ю. С. (Москва)
Солодарь Ц. С. (Москва)
Стрелкова И. И. (Москва)
Сулаймонова Г. А. (Таджикистан)
Султанов О. (Киргизия)
Тарба И. К. (Абхазия)
Тельпугов В. П. (Москва)
Толмачев Г. И. (Казахстан)
Турсункулов К. (Казахстан)
Укачин Б. У. (Горно-Алт. авт. обл.)
Устинов В. А. (Москва)
Филиппов Р. В. (Иркутск)
Фольварочный В. И. (Украина)
Халваши Ф. И. (Грузия)
Худайбердыева Х. (Узбекистан)
Цакунов О. А. (Ленинград)
Цирихов М. Т. (Сев. Осетия)
Челидзе В. В. (Грузия)
Чиладзе О. И. (Грузия)
Чокрой Г. И. (Молдавия)
Чупринин С. И. (Москва)
Шавкута А. Д. (Москва)
Шадрин А. И. (Астрахань)
Шаханов М. (Казахстан)
Шевелева Е. В. (Москва)
Шевченко М. П. (Москва)
Шаралиев Л. (Таджикистан)
Шефнер В. С. (Ленинград)
Шикина Л. В. (Москва)
Эльчин (Эфендиев И. Э.)
(Азербайджан)
Эралиев С. Э. (Киргизия)
Юшков Г. А. (Коми АССР)

О Т Ч Е Т

ОБ ОРГАНИЗАЦИОННО-ТВОРЧЕСКОЙ РАБОТЕ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР МЕЖДУ VII И VIII СЪЕЗДАМИ ПИСАТЕЛЕЙ СССР (ИЮНЬ 1981 г.— ИЮНЬ 1986 г.)

ВВЕДЕНИЕ

Идейно-творческая и организационная деятельность Правления Союза писателей СССР за отчетный период была направлена на выполнение решений XXVI съезда КПСС и VII съезда писателей СССР, важнейших партийных документов по идеологическим вопросам, решений апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС.

Особое значение для Союза писателей СССР имеют решения исторического XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. Политический доклад ЦК КПСС XXVII съезду партии, с которым выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачев, принятые съездом новая редакция программы КПСС и текст Устава Коммунистической партии Советского Союза с внесенными в него изменениями, Основные направления экономического и социального развития СССР на 1986—1990 гг. и на период до 2000 года нашли полное и единодушное одобрение у писателей. Огромные перспективы развития Страны Советов, намеченные съездом, новые трудовые подвиги советских людей обязывают всех литераторов страны быть активными участниками великих дел партии и народа, всемерно способствовать своим трудом, всем своим творчеством претворению в жизнь ближайших и перспективных планов коммунистического строительства.

На съезде особо проявилась забота партии о повышении роли литературы и искусства в развитии социалистического общества. «Нравственное здоровье общества,— подчеркнул М. С. Горбачев в Политическом докладе ЦК КПСС,— духовный климат, в котором живут люди, в немалой степени определяются состоянием литературы и искусства».

По достоинству съезд оценил вклад советской многонациональной литературы в формирование человека нового мира — патриота своей Родины, подлинного интернационалиста, творца и создателя, выдвинул новые задачи по дальнейшему укреплению связи литературы с жизнью народа, призвал мастеров литературы и искусства создавать произведения, достойные величия новаторских дел партии и народа, правдиво, на высоком художествен-

ном уровне отображать жизнь советских людей в ее многогранности и развитии. Ни партия, ни народ не нуждаются в парадном многописании и мелком бытокопательстве, в конъюнктуршине и делячестве. Общество ждет от писателя художественных открытий, правды жизни, которая всегда была сутью настоящего искусства.

На съезде партии справедливо говорилось о том, что литературно-художественной критике пора стряхнуть с себя благодушие и чинопочитание, разьедающие здоровую мораль, памятуя, что критика — дело общественное, а не сфера обслуживания авторских самолюбий и амбиций. Серьезное внимание обращалось на необходимость перемен в работе творческих союзов. Главный итог их работы измеряется не резолюциями и заседаниями, а талантливыми, оригинальными, нужными произведениями, которые способны обогащать духовную жизнь народа.

Союз писателей СССР направляет свою деятельность на выполнение решений XXVII съезда КПСС.

17 марта с. г. расширенное заседание Секретариата Правления СП СССР с участием руководителей писательских организаций страны рассмотрело вопрос «О задачах советских писателей в дальнейшем совершенствовании идейно-художественного уровня литературы в свете решений XXVII съезда КПСС».

В принятом на заседании постановлении Секретариата подчеркивается, что по-партийному принципиальная оценка состояния литературы и искусства требует глубокой перестройки сознания писателей, поворота всего литературного фронта к новым задачам. Документы съезда партии обязывают советских художников слова еще более взыскательно, ответственно относиться к своему творчеству.

Долг всех писателей страны — последовательно и аргументированно, с позиций социалистического интернационализма отстаивать и пропагандировать идеи XXVII съезда КПСС, быть непримиримыми к проявлениям безыдейности, мировоззренческой неразборчивости, отходу от четкой классовой оценки отдельных исторических событий. Литературе необ-

ходимы гражданская страстность, бескомпромиссность позиции, острота социальной и нравственной зоркости.

На секретариате был утвержден конкретный план мероприятий по выполнению решений XXVII съезда КПСС.

В своей деятельности писатели страны постоянно ощущают поддержку Центрального Комитета КПСС, внимание и заботу Советского правительства. Большим и радостным событием в жизни советских литераторов стало награждение Союза писателей СССР в связи с 50-летием его образования орденом Дружбы народов. Писатели страны гордятся избранием 38 лучших мастеров художественного слова делегатами XXVII съезда КПСС. Членами ЦК КПСС были избраны тт. Марков Г. М., Моргунов Ф. Т., Сальков К., Чаковский А. Б. Кандидатами в члены ЦК КПСС — Гончар А. Т., Грибачев Н. М., Жуков Г. А., Карпов В. В.

Беляев А. А. избран членом Центральной Ревизионной комиссии КПСС.

Организационно-творческая работа Правления Союза писателей СССР всемерно содействует выполнению писателями советской литературы задач, поставленных Коммунистической партией перед творческими работниками страны.

ПЛЕНУМЫ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Главное внимание Правление Союза писателей СССР уделяло на дальнейшее повышение идейно-творческой работы среди писателей страны, их тесной связи с практикой коммунистического строительства, взаимообогащения братских литератур, активного участия советских писателей в борьбе за мир во всем мире.

1. 4 июля 1981 года состоялся Организационный пленум. Первым секретарем Правления Союза писателей СССР был избран Г. М. Марков.

Секретарями Правления Союза писателей СССР избраны: Г. Г. Абашидзе, Ф. А. Абрамов, С. А. Азимов, Ч. Т. Айтматов, М. Н. Алексеев, А. А. Ананьев, Т. Аскараров, Г. А. Ахунов, Н. П. Бажан, С. А. Баруздин, Ю. В. Бондарев, Г. А. Боровик, А. А. Бочу, Ю. Н. Верченко, Р. Г. Гамзатов, Н. С. Гилевич, А. Т. Гончар, Н. М. Грибачев, Н. В. Думбадзе, П. А. Загрельный, М. А. Ибрагимов, А. С. Иванов, Е. А. Исаев, М. Каноатов, В. В. Карпов, А. П. Кешоков, В. М. Кожевников, В. А. Коротич, Ф. Ф. Кузнецов, Т. Курбанов, П. А. Курусберг, Л. М. Леонов, А. М. Малдонис, Э. Б. Межелайтис, А. М. Мирзагитов, С. В. Михалков, Д. Мулдагалеев, Г. М. Мусрепов, С. С. Наровчатов, Л. Н. Новиченко, В. М. Озеров, Б. И. Олейник, В. А. Петросян, Б. Н. Полевой, Г. Р. Приеде, П. Л. Проскурин, Р. И. Рождественский, А. Д. Салынский, С. В. Сартаков, Е. И. Скурко (Максим Танк), А. А. Сурков, Ю. И. Суровцев, Н. Т. Федоренко, А. Б. Чаковский, А. Н. Чепуров, О. Н. Шестинский, М. А. Шолохов, К. Н. Яшен (Нугманов).

Тов. А. П. Кешоков был утвержден председателем правления Литературного фонда СССР.

Одновременно состоялось организационное заседание вновь избранного состава Ревизионной комиссии СП СССР. Ее председателем избран В. П. Тельпугов.

II. 27 октября 1982 года в Москве состоялся Второй пленум Правления Союза писателей СССР. Повестка дня пленума: «О задачах писательских организаций и литературной печати в свете постановления ЦК КПСС «О творческих связях литературно-художественных журналов с практикой коммунистического строительства».

С докладом выступил первый секретарь Правления СП СССР Г. Марков.

На пленуме был рассмотрен организационный вопрос. Секретарями Правления СП СССР были избраны Ю. П. Воронов и А. Д. Дементьев.

III. 3 декабря 1982 года в Большом Кремлевском дворце состоялся Объединенный пленум правлений творческих союзов и организаций СССР и РСФСР, посвященный 60-летию образования Союза Советских Социалистических Республик.

Пленум открыл вступительной речью первый секретарь Правления СП СССР Г. Марков.

IV. Четвертый пленум состоялся в Москве 13 марта 1984 года.

Его тема — работа писательских организаций и литературной печати по осуществлению решений июньского и декабрьского (1983 г.), февральского (1984 г.) Пленумов ЦК КПСС.

Пленум открыл первый секретарь Правления СП СССР Г. Марков.

С докладом о работе писательских организаций и литературной печати по осуществлению решений июньского и декабрьского (1983 г.), февральского (1984 г.) Пленумов ЦК КПСС выступил секретарь Правления СП СССР Ю. Суровцев.

Пленум рассмотрел также организационный вопрос. Секретарем Правления СП СССР был избран О. О. Сулейменов.

V. 25 сентября 1984 года в Большом Кремлевском дворце состоялся Юбилейный пленум Правления Союза писателей СССР, посвященный пятидесятилетию создания Союза.

С речью на пленуме выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко.

Был оглашен Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Союза писателей СССР орденом Дружбы народов.

С докладом «50 лет служения партии и народу» выступил первый секретарь Правления СП СССР Г. Марков.

VI. 10 апреля 1985 года в Большом Кремлевском дворце состоялся Объединенный пленум правлений творческих союзов и организа-

ций СССР, посвященный 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

В работе пленума приняли участие руководители партии и правительства.

Пленум открыл вступительным словом первый секретарь Правления СП СССР Г. Марков.

Участники Объединенного пленума обратились ко всем мастерам культуры мира с призывом умножить усилия в борьбе за предотвращение угрозы ядерной войны, за укрепление мира и дружбы между народами.

VII. Седьмой пленум состоялся в Москве 25 июня 1985 года.

С докладом «О задачах писательских организаций страны в связи с подготовкой к XXVII съезду КПСС и созывом VIII съезда писателей СССР» выступил первый секретарь Правления СП СССР Г. Марков.

Пленум рассмотрел также организационный вопрос. Секретарем Правления СП СССР был избран В. Э. Безман.

Пленум постановил созвать очередной VIII съезд писателей в конце июня — начале июля 1986 года, утвердил порядок работы съезда.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ТВОРЧЕСКАЯ РАБОТА СЕКРЕТАРИАТА ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

В период между пленумами всей идейно-творческой и организационной деятельностью Союза писателей СССР, его изданий, творческих советов, комиссий, подведомственных Правлению СП СССР учреждений и организаций руководил Секретариат Правления Союза писателей СССР.

В составе Секретариата для оперативного решения практических вопросов 29 октября 1981 года было создано бюро Секретариата в количестве 16 человек. Обязанности между членами бюро распределились следующим образом:

Г. М. Марков — председатель бюро.

Ю. Н. Верченко, В. М. Озеров, С. В. Сартаков — заместители председателя бюро, члены бюро: М. Н. Алексеев, А. А. Ананьев, Е. А. Исаев, В. М. Кожевников, А. П. Кешоков, Ф. Ф. Кузнецов, В. В. Карпов, С. В. Михалков, Ю. И. Суворцев, А. Б. Чаковский, Н. Т. Федоренко, О. Н. Шестинский.

11 января 1983 года членом бюро Секретариата был утвержден Ю. П. Воронов.

Утверждены руководители общественных советов и комиссий Правления Союза писателей СССР:

Озеров В. М., Новиченко Л. Н. — председатели Совета по критике и литературоведению.

Салынский А. Д., Айтматов Ч. Т., Боровик Г. А., Приеде Г. Р. — председатели Совета по драматургии театра, кино и телевидения.

Михалков С. В., Петросян В. А., Дементьев А. Д. — председатели Совета по детской и юношеской литературе.

Бажан Н. П., Баруздин С. А., Дудин М. А. — председатели Совета по художественному переводу.

Грибачев Н. М., Грибов Ю. Т. — председатели Совета по очерку и публицистике.

Исаев Е. А., Ошанин Л. И. — председатели Совета Всесоюзного бюро пропаганды художественной литературы.

Кешоков А. П., Курбанов Т., Кулешов А. П. — председатели Совета по приключенческой и научно-фантастической литературе.

Шолохов М. А., Леонов Л. М., Кожевников В. М., Рождественский Р. И., Шестинский О. Н. — председатели Совета по работе с молодыми литераторами.

Федоренко П. Т. — председатель Совета по международным писательским связям.

Ананьев А. А., Бондарев Ю. В., Карпов В. В. — председатели Комиссии по военно-художественной литературе.

Азимов С. А. — председатель Советского комитета по связям с писателями стран Азии и Африки.

Боровик Г. А. — председатель общественной комиссии по внешнеполитической пропаганде.

Гайдар Т. А. — председатель Совета по морской художественной литературе.

Верченко Ю. Н. — председатель Совета по афганской литературе.

Вебер Р. В. — председатель Комиссии по советской немецкой литературе.

Секретариат Правления СП СССР уделял большое внимание организации всесоюзных творческих конференций писателей и критиков, на которых обсуждались магистральные проблемы развития советской многонациональной литературы.

За отчетный период состоялись конференции и симпозиумы: «Героика борьбы и созидания. Революционно-патриотические традиции советской литературы и творческое наследие А. А. Фадеева» (Приморский край, 1981 г.), «Горизонты современной поэзии республик Советского Востока. Опыт. Проблемы. Перспективы» (Ташкент, 1981 г.), «Литература и искусство в борьбе за мир и счастье детей» (Москва, Ереван, 1982 г.), «Социалистический образ жизни. Молодые города и современная литература» (Набережные Челны, 1982 г.), «Молодой писатель и Продовольственная программа» (Грузия, 1983 г.), «Новое в жизни — новое в литературе. Вопросы патриотического, интернационального и трудового воспитания в коллективах Западно-Сибирского нефтегазового комплекса и роль художественной литературы в формировании советского характера» (Тюменская, Томская области, 1984 г.), «Всемирный подвиг на целине, претворение в жизнь Продовольственной программы СССР и наша современная литература» (Казахстан, 1984 г.), «Молодой писатель и героика коммунистического созидания» (Москва, 1984 г.), «Перевод художественной и документальной литературы о Великой Отечественной войне» (Минск, 1985 г.), «Проблемы литературы и взаимодействие, взаимообогащение многонациональной драматургии народов СССР» (Ташкент, 1983 г.), «Художественная литература о Великой Отечественной войне» (Москва,

Волгоград, Киев, 1985 г.), «Ради жизни на земле» (к 40-летию Победы в Великой Отечественной войне, Ленинград, 1985 г.), «Планы партии по освоению природных ресурсов Западной Сибири и задачи молодых писателей в свете решений XXVII съезда КПСС» (Москва, 1986 г.) и др.

Творческие конференции стали проводиться в рамках Дней литературы. В 1981—1986 гг. прошли Дни советской литературы в Узбекистане, Литве, Латвии, Молдавии, Таджикистане, на Украине, в Белоруссии, во многих автономных республиках, краях и областях нашей страны, а также в Афганистане, в ЧССР. Дни советской литературы и ряд других общественно-литературных мероприятий были посвящены 65-летию Великой Октябрьской социалистической революции, 115-летию со дня рождения В. И. Ленина, 60-летию образования ряда союзных республик, 40-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Проблемы творчества, литературного процесса, судьбы писателя постоянно были в поле зрения Секретариата. Стало традицией обсуждение на его заседаниях новых произведений литераторов, их творческих планов на будущее. Так, были заслушаны творческие отчеты писателей Г. Панджикидзе, М. Ибрагимбекова, К. Скворцова. За отчетный период состоялись отчеты Ленинградской, Ворошиловградской писательских организаций, Литературного фонда СССР, Литературного института имени А. М. Горького.

Большую организационную помощь Секретариат оказывал вновь созданным писательским организациям (за отчетный период создано 14 новых писательских организаций).

Регулярно на заседаниях Секретариата заслушивались отчеты о поездках за рубеж. Были обсуждены отчеты членов делегаций о поездках в Испанию, Афганистан, ФРГ, Португалию, Италию, Мексику, ЙАР, НДРГ, Индию, Польшу и др.

Писательские организации страны выпускают свыше 130 газет, журналов, альманахов (за отчетный период создано 8 новых периодических изданий). Секретариат Правления СП СССР обсуждает на своих заседаниях идейно-творческое содержание литературных изданий.

За отчетный период обсуждались журналы: «Дальний Восток», «Дружба народов», «Советская литература» на иностранных языках, «Север», «Юность», «Новый мир», «Урал», «Звезда».

В начале каждого года на заседаниях Секретариата рассматриваются тематические планы выпуска и планы редакционно-подготовительных работ издательства «Советский писатель».

Секретариат Правления СП СССР регулярно проводит Всесоюзные совещания руководителей Союзов писателей республик, краев, областей, главных редакторов литературных журналов и газет.

Секретариат стремился способствовать активному участию писателей в общественно-политической и культурной жизни страны. Значительно была расширена география творческих поездок литераторов на ударные стройки пятилеток, к воинам Советской Армии

и Военно-Морского Флота. Писатели за эти годы побывали на строительстве БАМа и «Атоммаша», на КамАЗе, у шахтеров Донбасса и Кузбасса, у нефтяников Тюменской области и Баку, встречались с хлеборобами Российского Нечерноземья и целинных районов Казахстана и Алтая, с металлургами Урала и Сибири, рабочими Нурекской, Ингурской ГЭС, горняками Норильска, рыбаками Балтийского бассейна, с трудящимися Дальнего Востока.

Продолжало крепнуть и развиваться шефство литературно-художественных журналов: журнал «Знамя» установил свой литературный пост на Курской магнитной аномалии; журнал «Новый мир» осуществляет литературное шефство над Камским автомобильным заводом гигантом и городом Набережные Челны; журнал «Октябрь» создал литературный пост в Тюменской области и Российском Нечерноземье; журнал «Дружба народов» шефствует над Южно-Таджикским территориально-производственным комплексом, в частности Рогунской ГЭС; издательство «Советский писатель» заключило договоры на творческое сотрудничество со строительным объединением «Сибкомплемонтаж» в Тюмени, строительными «Атоммаша»; журнал «Наш современник» постоянно печатает материалы, связанные с проблемой развития хозяйства Нечерноземной зоны; журнал «Юность» многие годы связывает творческую дружбу со строительными железной дороги Тюмень — Уренгой, а журнал «Москва» — с коллективом АЗЛК.

Много внимания в своей практической деятельности Секретариат Правления СП СССР уделял международным связям с писателями социалистических стран и прогрессивными литераторами мира. Стали традиционными совместные заседания Секретариата Правления СП СССР и секретариатов Союзов писателей социалистических стран.

Повседневное внимание секретариат уделял вопросам дальнейшего совершенствования работы Советов по литературе народов СССР, комиссия по жанрам, работе подведомственных организаций и учреждений.

Секретариат продолжал работу с молодой литературной сменой. За отчетный период проведены XI и XII Всесоюзные фестивали молодых поэтов братских республик, зональные совещания молодых литераторов Нечерноземья; Урала, Сибири, Дальнего Востока.

Крупнейшим событием отчетного периода явилось VIII Всесоюзное совещание молодых писателей (1984 г.), в котором приняли участие 300 молодых литераторов, пишущих на 48 языках народов СССР.

Всесоюзное совещание позволило выявить новые имена молодых талантливых писателей, в творчестве которых находят выражение лучшие традиции советской литературы.

Большое внимание уделяет Секретариат Правления проведению ставших традиционными Пушкинских, Некрасовских, Шевченковских праздников. Родились новые Всесоюзные — праздники поэзии Маяковского, Тютчевский и Есенинский праздники поэзии.

Многие свои мероприятия Секретариат Правления СП СССР проводит в творческом содружестве с рядом общественных организа-

ций министерств и ведомств: совместно с ЦК ВЛКСМ — всесоюзная экспедиция в Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс «Молодой писатель — XXVII съезду КПСС»; совместно с Политуправлением погранвойск КГБ СССР — IV Всесоюзное совещание по художественной литературе о пограничниках и творческий семинар молодых литераторов погранвойск (Кишинев, 1983 г.); совместно с космонавтами обсуждались вопросы пропаганды средствами литературы достижений советской космонавтики, мирного освоения космоса. Совместно с АН СССР — совещание писателей и историков, посвященное 80-летию Первой русской революции 1905—1907 гг.; совместно с ИМЛИ имени Горького — научная конференция, посвященная 80-летию статьи В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература»; совместно с Краснопресненским РК КПСС Москвы — Дни советской литературы, посвященные 80-летию Декабрьского вооруженного восстания в Москве.

БЮРО СОВЕТОВ ПО ЛИТЕРАТУРАМ НАРОДОВ СССР

Председатель бюро — Ю. СУРОВЦЕВ.

По решению Секретариата СП СССР для координации деятельности Советов по литературам народов СССР было организовано бюро, в состав которого вошли председатели советов по братским литературам, известные мастера художественного слова — представители многонациональной советской литературы.

На своих заседаниях бюро анализировало состояние идейно-творческого содержания нашей литературы, рассматривало произведения отдельных писателей различных регионов страны, принимало участие в выработке планов республиканских писательских организаций.

Члены бюро участвовали в проведении творческих конференций, дискуссий, заседаний «круглых столов», а также во встречах с трудящимися союзных республик.

По инициативе бюро советы по национальным литературам стали чаще обсуждать творчество отдельных писателей, особенно молодых, еще не известных всесоюзному читателю авторов.

За отчетный период в работе бюро имели место и определенные недостатки.

Некоторые мероприятия, которые проводились бюро и советами, носили парадный, формальный характер. Бюро советов не смогло обеспечить постоянную загрузку делом всех писателей — членов советов; не получила должного развития практика командировок от советов в республики; не все советы смогли найти подлинно деловые формы контактов с республиканскими писательскими организациями.

Бюро советов редко проводило свои заседания, его состав громоздок и плохо управляем.

СОВЕТ ПО УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Председатель — М. АЛЕКСЕЕВ.
Заместители председателя — И. КАРАБУТЕНКО, В. КРИКУНЕНКО.

По опыту прошлых лет Совет по украинской литературе участвовал в проведении в республике и в Москве важных мероприятий, связанных с обсуждением актуальных проблем современной литературы и пропагандой классического наследия. Стало хорошей традицией, в частности, активное участие членов Совета по украинской литературе совместно с представителями советов по жанрам и писателями из братских республик в работе крупных, республиканских совещаний и пленумов правления Союза писателей Украины.

Наиболее важными совещаниями в межсъездовский период были — представительное совещание переводчиков украинской литературы на языки народов СССР и очередное совещание молодых литераторов Украины, делегировавшее большую группу талантливых писателей на VIII Всесоюзное совещание молодых писателей.

Полезным было деловое участие представителей совета в работе пленумов правления СПУ, всесторонне обсуждавших задачи художественной литературы в коммунистическом воспитании трудящихся в свете постановлений ЦК КПСС по идеологическим вопросам, а также постановку издательского дела в республике, преподавания литературы в школе, насущные проблемы очерково-публицистического жанра и другие идейно-творческие вопросы. Представители совета принимали участие в проведении мероприятий (совместное заседание секретариатов правлений СП СССР и УССР, Дни советской литературы), посвященных 1500-летию Киева, ежегодного Шевченковского праздника поэзии (в Киеве и Ленинграде), поэтических праздников на родине Леси Украинки (Волын), Ивана Франко (Львовская и Ивано-Франковская обл.), Павла Тычины (Черниговщина), Владимира Сосяры (Ворошиловградская обл.), во встречах с трудящимися Украины накануне 40-летия Победы.

В числе наиболее важных мероприятий совета, проводившихся в Москве, — участие в подготовке Юбилейного пленума Правления СП СССР, посвященного 50-летию создания Союза писателей, Объединенного пленума творческих союзов и организаций, посвященного 40-летию Победы, VIII Всесоюзного совещания молодых писателей и других организационно-творческих акциях, на которые приглашались большие группы писателей Украины. Советом подготовлен и проведен второй творческий отчет Ворошиловградской писательской организации в Москве, обсуждение новых произведений львовских прозаиков, посвященных современности.

Говоря об эффективности деятельности совета, важно отметить необходимость последовательной работы по решению поставленных на его заседаниях проблем, совершенствования системы контроля. За отчетный период широко отмечались юбилейные даты в Киеве

и других городах Украины, куда выезжали представители совета, а затем в Москве, в Колонном зале Дома союзов и ЦДЛ с участием представительных делегаций УССР и писателей братских республик. Эту важную литературно-общественную работу Совет по украинской литературе проводил в тесном контакте с правлением СП Украины, Всесоюзным бюро пропаганды художественной литературы, дирекцией Центрального Дома литераторов имени А. А. Фадеева. Так, были проведены 175-летие со дня рождения Н. В. Гоголя, 170-летие Т. Г. Шевченко, 150-летие Марко Вовчок и Юрия Федьковича, 125-летие Ивана Франко и Шолом-Алейхема, 100-летие И. Кочерги, Ф. Капельгородского, 90-летие Петра Панча, Александра Довженко, 80-летие Юрия Яновского, Ярослава Галана, Микола Бажана, Александра Корнейчука, 70-летие Андрея Малышко.

В числе мероприятий самого последнего времени — региональное совещание в Одессе, посвященное современной новелле, подготовка к творческому отчету писателей Буковины, обсуждение задач, стоящих перед писателями страны в свете решений XXVII съезда КПСС.

СОВЕТ ПО БЕЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Председатель — А. ОВЧАРЕНКО.
Заместитель председателя — В. ШЕДРИНА.

Как и прежде, совет строил свою деятельность в тесном контакте с секретариатом правления СП Белоруссии. Положительной оказалась и практика сотрудничества с другими общественными советами СП СССР. Члены совета приняли активное участие в региональном совещании писателей Прибалтики и Белоруссии, пишущих на русском языке.

Весьма интересным, получившим большой резонанс в прессе, был пленум правления СП Белоруссии в Минске, проведенный совместно с Советом по белорусской литературе и Советом по очерку и публицистике СП СССР. Он был посвящен проблемам и перспективам художественной публицистики. По инициативе совета и при активном участии его членов в организации и проведении прошли в республике и другие пленумы правления СП Белоруссии — на темы: «Поэзия и современность» и «Современность и литература: герой, идея, мастерство».

Совет уделял значительное внимание вопросам перевода произведений белорусских писателей на языки народов СССР. В целях усиления связей переводчиков и писателей, обсуждения важных проблем перевода Совет по белорусской литературе и художественному переводу совместно с секретариатом правления СП Белоруссии провела совещание на тему: «Перевод произведений белорусских писателей на русский язык».

С участием совета организованы и проведены в Москве юбилейные вечера народных писателей БССР И. Шамякина и П. Бровки, вечера в Большом театре, посвященные 100-летию народных писателей БССР Янки Купалы

и Якуба Коласа, вечера, посвященные 90-летию выдающегося белорусского поэта М. Богдановича и народного поэта БССР А. Кулешова.

Члены совета внесли свой вклад в проведение ежегодных семинаров молодых писателей, проводимых СП БССР и ЦК комсомола республики в Королищевицах, участвовали во всех ежегодных праздниках поэзии, посвященных Я. Купале, Я. Коласу, М. Богдановичу, А. Кулешову.

Совет поддерживает тесную связь с московскими издательствами, участвует в обсуждении планов издательства, проводит работу по пропаганде лучших произведений белорусских литераторов, работает в контакте со Всесоюзным бюро пропаганды художественной литературы СП СССР. Неоднократно совет участвовал в комплектовании писательских бригад, выезжавших в Белоруссию и другие республики нашей страны...

СОВЕТ ПО УЗБЕКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Председатель — А. СОФРОНОВ.
Заместитель председателя — С. МАДАЛИЕВ.

Одним из значительных мероприятий, подготовленных и проведенных Советом по узбекской литературе, стал фестиваль советской многонациональной литературы, посвященный 60-летию образования СССР. В программу фестиваля, который проходил в республике в 1982 году в сентябре, входили:

а) Дни советской литературы в Каракалпакской АССР;

б) Дни советской литературы в Самаркандской области и творческий разговор писателей под девизом «Советская Россия и Советский Восток»;

в) Всесоюзная конференция в Фергане (с участием писателей и критиков из всех братских республик, московских и республиканских ученых, социологов и этнографов, Общества книголюбов, а также партийных работников республики) на тему: «Многонациональная советская литература в духовном мире современника, строителя коммунизма».

Всесоюзный фестиваль советской многонациональной литературы в Узбекистане прошел живо, интересно, идеологически насыщенно.

Опираясь на опыт, накопленный при проведении Дней советской литературы, Всесоюзных творческих конференций и т. д., фестиваль сконцентрировал наиболее существенные, ценные черты этого опыта, объединил различные формы встреч, укрепляющих связь литературы с жизнью народа.

По итогам фестиваля в Ташкенте была издана книга «Дружба народов — дружба литератур», в которой нашли место наиболее интересные выступления писателей на творческих конференциях фестиваля.

Члены совета принимали активное участие во всех мероприятиях, проведенных советом, — будь то обсуждение творчества того или иного писателя, опыта каракалпакской литературы, юбилейные вечера аксакалов узбекской литературы или читательские конференции по кни-

гам узбекских литераторов. Было проведено немало и других мероприятий.

Проблемы современной узбекской поэзии обсуждались на выездном заседании Совета по узбекской литературе и журнала «Дружба народов» в Ташкенте. В этом обсуждении широкое участие принимали также поэты и критики республик Средней Азии и Казахстана.

В 1983 году, в апреле в Ташкенте прошла творческая конференция драматургов Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии и Казахстана на тему: «60-летие образования СССР и проблемы взаимовлияния и взаимообогащения литератур народов СССР». В конференции принимали участие члены Совета по узбекской литературе и члены Совета по драматургии правления СП СССР. Участники посмотрели несколько спектаклей узбекских авторов, заранее были ими прочитаны пьесы, и в результате творческий разговор получился полезным для обеих сторон.

Члены совета участвовали также в региональном совещании писателей республик Средней Азии и Казахстана на тему: «Социалистический образ жизни и современная литература». Совещание было проведено Советом по узбекской литературе, СП Узбекистана и журналом «Литературное обозрение».

Определенную работу проделал совет по подготовке и редактированию в издательстве «Советский писатель» — сборника стихов узбекских поэтов — лауреатов премии Ленинского комсомола Узбекистана.

Как правило, в своей работе совет «опирался» на конкретные вехи развития узбекской литературы, старался поднимать такие проблемы, которые могли бы быть интересными и во всесоюзном масштабе. В то же время совет старался увидеть в узбекской литературе отстающие звенья и вовремя помочь. В данном случае эффективными были выездные заседания совета в Ташкент для участия в обсуждении насущных проблем литературы. Чаше всего это происходило совместно с каким-либо из столичных журналов, который затем на своих страницах широко освещал материалы обсуждения, ход заседаний, вынося проблемы литературы Узбекистана на суд всесоюзного читателя...

СОВЕТ ПО КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Председатель — М. ЛЬВОВ.

Заместитель председателя — Р. СЕЙСЕН-БАЕВ.

В 1981 году на заседании совета обсуждались произведения молодых прозаиков Казахстана. Состоялся большой литературный вечер в ЦДЛ, посвященный 60-летию республики. Члены совета обсудили книгу «Плеяды» — избранные повести молодых казахских писателей (издательство «Художественная литература»). Проведена двусторонняя встреча поэтов Азербайджана и Казахстана.

В 1982 году произведения многонациональной литературы Казахстана совет обсудил в Москве с участием русских, уйгурских, корейских, немецких писателей республики.

Совет провел «круглый стол» журналов «Жулдуз», «Лооминг», «Таллин», «Простор», «Вопросы литературы» на тему: «Нравственные искания в прозе казахских и эстонских писателей».

На другом заседании совета состоялся обстоятельный разговор по проблемам публицистики и очерка в литературе Казахстана.

В 1983 году СП Казахстана, Советы по художественному переводу и казахской литературе СП СССР (председательствовал секретарь Правления СП СССР Ю. Суворцев) провели в Алма-Ате второе региональное совещание, посвященное состоянию художественного перевода в Казахстане и других тюркоязычных республиках страны. Совещание широко освещалось в печати, собрало многочисленные переводческие кадры страны, писателей и критиков.

Совместно с Советом по детской и юношеской литературе в Алма-Ате проведено совещание на тему: «Казахская детская и юношеская литература — сегодня и завтра».

Совместно с журналом «Литературная учеба» совет провел обсуждение о современной повести молодых писателей республики.

В библиотеках Москвы и в ЦДЛ выступила группа поэтов Казахстана. Читатели тепло встретили стихи Д. Мулдагалиева, Ф. Унгарсыновой, М. Шаханова, М. Айтхожиной и других.

В 1984 году члены совета готовили научно-теоретическую конференцию, посвященную 30-летию целины, которая прошла в мае в Алма-Ате. В конференции участвовали 130 писателей и зарубежных гостей из всех социалистических стран. Материалы конференции опубликовал журнал «Вопросы литературы». Полный текст выступлений участников вышел отдельным изданием в Алма-Ате.

Совместно с Советом по драматургии в Алма-Ате проведен семинар драматургов Казахстана. Руководителем семинара был Н. Мирошниченко, в работе семинара участвовали гости — М. Рошин, А. Гельман и ответственные работники Министерства культуры СССР.

В 1985 году Совет по казахской литературе на своем заседании обсудил новый роман А. Алимжанова «Дорога людей». Выступили критики и писатели Москвы.

Члены совета выезжали в Алма-Ату для участия в работе «круглого стола» на тему: «Критика о казахской прозе».

Члены совета участвовали в подготовке очередного Международного конгресса литературных критиков (МАЛК) в Алма-Ате, прошедшего с большим общественно-политическим резонансом.

СОВЕТ ПО ГРУЗИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Председатель — Е. ЕВТУШЕНКО.

Заместитель председателя — Х. ГАГУА.

За отчетный период Совет по грузинской литературе обсудил: в 1983 году — книгу повестей и рассказов Арчила Сулакаури под названием «Саламура» (издательство «Художественная литература», Москва).

В 1984 году — книгу стихов Шота Нишниянидзе «Избранное», удостоенную в том же году Государственной премии СССР (издательство «Мерани», Тбилиси) и книгу стихов и поэм Джансуга Чарквиани (издательство «Мерани», Тбилиси),

в 1985 году — книгу повестей и рассказов абхазского писателя Алексея Гогуа «За семью камнями» (издательство «Советский писатель»).

Материал обсуждений публиковался на страницах «Литературной газеты», «Литератури Сакартвело», «Коммунисти», «Советская Абхазия» и др.

В работе совета активное участие принимали: Е. Евтушенко, Н. Иванова, М. Кораллов, А. Латынина, А. Марченко, А. Межиров, Е. Николаевская, В. Огнев, Е. Сидоров, В. Солонихин, Ю. Суровцев, и другие.

Проведены следующие литературные вечера:

в 1982 году — вечер грузинской поэзии в Зале имени П. И. Чайковского (председатели: Н. Думбадзе и Е. Евтушенко);

в 1983 году — юбилейный вечер, посвященный 90-летию со дня рождения классика советской поэзии Галактиона Табидзе в Колонном зале Дома союзов (председатель — А. Сурков); вечера грузинской поэзии в Ленинграде (Е. Евтушенко);

в 1984 году — вечер памяти выдающегося грузинского поэта Симона Чиковани в ЦДЛ (Ю. Суровцев);

в 1985 году — вечер абхазской поэзии, посвященный 110-летию со дня рождения основоположника абхазской литературы Д. И. Гулиа в ЦДЛ (Ю. Суровцев); вечер современной грузинской поэзии, посвященный 90-летию со дня рождения выдающегося грузинского поэта Тициана Табидзе в ЦДЛ (Е. Евтушенко.)

Совет принял участие в подготовке и проведении Дней советской литературы в Абхазии, ежегодных Дней Маяковского в Кутаиси, празднований в республике юбилеев А. Церетели, М. Джавахишвили, К. Гамсахурдиа, Г. Табидзе и Т. Табидзе.

Проведение Дней советской литературы в Абхазии (руководитель — секретарь Правления СП СССР Ю. Воронов) явилось большим событием в культурной жизни и автономной, и союзной республик. В программу дней были включены встречи с рабочими, колхозниками, интеллигенцией городов и сел Советской Абхазии, знакомство с опытом ее хозяйственного и культурного развития, ее историческими памятниками и природными заповедниками. Состоялась творческая конференция писателей на тему: «Дружба и взаимообогащение литератур советских народов — традиция и современность». В эти же дни отметили 110-летие со дня рождения Дмитрия Гулиа — основоположника абхазской советской культуры, певца дружбы и братства народов.

Обсуждение отдельных книг того или иного автора, литературно-художественных журналов, вопросов проблемных и нерешенных служит своего рода зеркалом, отражающим в меру своих возможностей состояние многонациональной литературы Грузии. Итоги обсуж-

дений, как правило, попадают в поле зрения Секретариата Правления Союза писателей СССР.

Значительную роль играл совет в деле развития и укрепления литературных взаимосвязей.

Необходимо в дальнейшем развить эту линию работы.

Большого внимания заслуживает опыт творчества молодых писателей Грузии, книги, еще не переведенные на русский язык...

СОВЕТ ПО АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Председатели — Н. ГРИБАЧЕВ,
В. АМЛИНСКИЙ.

Заместитель председателя — В. РЗАЕВ.

При непосредственном участии членов совета в Москве и во многих городах Азербайджана прошли торжества, посвященные 840-летию со дня рождения великого азербайджанского поэта XII века Низами Гянджеви, которые явились ярким свидетельством непреходящего значения творческого наследия гениального азербайджанского художника слова для всей мировой культуры. Другой юбилей — 100-летие со дня рождения выдающегося азербайджанского поэта и драматурга начала XX столетия Гусейна Джавида — по праву превратился в праздник поэтического и сценического слова. Совет принимал самое активное участие в подготовке и проведении вечеров, посвященных 80-летию крупнейшего представителя азербайджанской советской драматургии Джафара Джаббарлы и 70-летию со дня рождения народного писателя Азербайджана, Героя Социалистического Труда, академика Мирзы Ибрагимова.

Вместе с писательской организацией республики Совет по азербайджанской литературе способствовал укреплению интернациональных связей с литературами народов СССР. В Азербайджане был проведен Всесоюзный праздник поэзии, посвященный 60-летию образования СССР. Прошли: семинар-совещание молодых публицистов Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Поволжья, Северного Кавказа и Нечерноземья; совещание на тему: «Пути взаимообогащения братских литератур и молодая поэзия Азербайджана» — в плодотворном разговоре принимала участие и большая группа московских поэтов, переводчиков, критиков. После совещания в переводах участников стали известны всеобщему читателю имена многих молодых азербайджанских поэтов.

Совет уделяет внимание целенаправленному изучению и пропаганде творчества писателей республики, стремясь расширить и углубить представление о современной азербайджанской литературе. В этой связи совет на своем заседании в Москве обсудил новые произведения прозаика Махсуда Ибрагимбекова.

Была организована в библиотеке имени Некрасова (Москва) читательская конференция — встреча с поэтом Наби Хазри. Отрадно,

что возрастной и социальный диапазон собравшихся был довольно широк. Здесь присутствовали студенты, рабочие, школьники, военнослужащие, работники культуры.

Стремясь усилить идейно-воспитательную работу с молодежью, Совет по азербайджанской литературе обсудил деятельность молодежного журнала «Улдуз» (с 1980 по 1985 год) — ежемесячника Союза писателей Азербайджана и ЦК ЛКСМ республики. На заседании велся открытый, заинтересованный разговор как о достижениях, так и о недостатках журнала, о проблемах и задачах, стоящих перед редакцией и творческим коллективом. За четыре дня, которые молодые литераторы Азербайджана провели в Москве, удалось положить начало регулярным контактам журнала «Улдуз» с журналами «Литературная учеба» и «Юность».

Интересными и полезными были встречи в РК КПСС Ленинского района Москвы с делегациями Ленинского района Баку; на текстильном комбинате имени Клары Цеткин; на филологическом факультете МГУ имени Ломоносова и в Центральной детско-юношеской библиотеке имени 50-летия ВЛКСМ.

На совместном заседании Совета по художественному переводу и Совета по азербайджанской литературе была обсуждена антология азербайджанской ашугской поэзии в переводе Владимира Кафарова и творческие проблемы, связанные с воссозданием на русском языке народной поэзии Азербайджана.

При активном участии членов совета прошло совещание переводчиков классической и современной азербайджанской поэзии, организованное в Баку по инициативе Госкомиздата республики совместно с Союзом писателей Азербайджана. На совещании, проходившем в принципиальной, деловой атмосфере, обсуждались конкретные вопросы, связанные с постановлением ЦК Компартии Азербайджана об улучшении переводческого дела в республике.

Совместно с Советами по очерку и публицистике и Советами по узбекской и киргизской литературе прошло острое, проблемное обсуждение состояния дел в публицистике этих трех республик. Материалы совещания посланы в ЦК Компартии республики.

СОВЕТ ПО ЛИТОВСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Председатель — Л. ОЗЕРОВ.
Заместитель председателя — Б. ЗАЛЕСКАЯ.

В начале каждого года — это уже стало традицией в работе совета — проводится обсуждение итогов литературного года. За отчетный период таких заседаний было пять. В качестве докладчиков приглашаются литературные критики из республики. Членам совета заблаговременно рассылается библиографический материал — список произведений литовских писателей, изданных в минувшем году в переводе на русский язык.

В марте 1982 года состоялась заседание совета на тему: «Традиции и новаторство в

современной литовской поэзии. Обсуждение новых поэтических книг «Порог» М. Мартинайтиса и «Долгое утро» Й. Стрелкунаса. Материалы этого обсуждения были затем опубликованы в «Литературном обозрении».

В феврале 1984 года на заседании совета обсудили статью А. Бучиса «Взаимообогащение и самоуглубление романа. К вопросу о национальном своеобразии («Дружба народов», 1983, № 12).

В апреле 1984 года состоялось выездное заседание совета в Вильнюсе на тему: «Литовская новеллистика сегодня». Материалы обсуждения опубликованы в журнале «Литва литературная». На следующий день члены совета приняли участие в литературном празднике в Каунасе — вручении на шелковом комбинате В. Мартинкусу премии за лучшее произведение года о рабочем классе — роман «Охота в заповеднике».

Два литературных произведения были обсуждены на заседаниях совета: роман Ю. Балтушиса «Сказание о Юзасе» (1981 г.) и роман М. Слущикса «Поездка в горы и обратно» (1983 г.). Стенограммы обоих обсуждений были опубликованы в журнале «Литва литературная», подробно изложение первого из этих обсуждений опубликовано также и в «Литературной газете».

Совет проводил подготовку юбилейных вечеров в апреле 1982 года: в Москве состоялся вечер, посвященный 100-летию со дня рождения классика литовской литературы Антанаса Веноулиса. Литовские писатели встретились с тружениками Черемушкинского района Москвы.

В октябре 1982 года в ЦДЛ прошел вечер литовской поэзии, посвященный 60-летию СССР.

Совет принял участие в подготовке и проведении ряда других мероприятий: ежегодного литовского праздника «Весна поэзии»; Дней советской литературы в Литве (1982); «круглого стола» в Вильнюсе на тему: «Проблемы социального и культурного развития современного села и литературы»; III конференции переводчиков и издателей литовской литературы в Вильнюсе (1984); пленума Правления СП СССР на тему: «Развитие литовской литературы и деятельности СП Литвы: современный опыт, проблемы, перспективы» (1985); читательской конференции по роману М. Слущикса «Поездка в горы и обратно» (1983).

Особая забота совета — музей Юлюса Янониса в одной из школ Воронежа.

СОВЕТ ПО МОЛДАВСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Председатель — В. КАТАЕВ.
Заместитель председателя — Н. РОМАНЕНКО.

За отчетный период было проведено в Москве пять расширенных заседаний совета, на которых обсуждались вопросы, представляющие особый интерес для развития молдавской литературы на данном этапе. Кроме членов

совета, на эти заседания приглашались критики, интересующиеся молдавской литературой, переводчики, работники издательств и литературных журналов. Главное внимание было уделено современной молдавской прозе, которая, в отличие от молдавской поэзии, была до последнего времени недостаточно знакома всесоюзному читателю.

В основу обсуждения творчества молдавских прозаиков, состоявшегося 8 апреля 1982 года, был поставлен однотомник «Молдавские повести», выпущенный издательством «Известия» в 1981 году. Издательство «Советский писатель» оперативно откликнулось на это обсуждение: впервые были изданы однотомники Николая Есиненку и Алексея Марината, изданы, а затем переизданы массовым тиражом повести и роман Василе Василаке. В 1983—1984 гг. в «Литературной газете» и в журналах «Вопросы литературы», «Дружба народов» и «Литературное обозрение» появились положительные рецензии на прозу Василаке. В марте 1985 года состоялось расширенное заседание совета, специально посвященное творчеству Василаке.

Произведения молодого поколения молдавских прозаиков обсуждались на расширенном заседании совета от 14 апреля 1983 года. Речь шла о творчестве выпускников Высших литературных курсов — Николая Виеру, Силвии Челак и Николая Русу, участников VIII Всесоюзного совещания молодых писателей Иона Богату и Харалампие Морару. Высокую оценку получили произведения Николая Виеру; журнал «Юность» в № 8 за 1984 год опубликовал один из его романов, а издательство «Советский писатель» выпустило в 1985 году однотомник его произведений.

В обсуждениях молдавской прозы участвовали московские критики Вл. Гусев, П. Уляшов, Алла Марченко, А. Горловский, а также А. Нинов из Ленинграда, Н. Джусойты из Осетии, П. Лиас из Таллина, В. Курбатов из Пскова. Во многом благодаря их выступлениям удалось «вывести» на всесоюзную арену молдавских прозаиков В. Василаке, Н. Есиненку и Н. Виеру.

В 1981 году совместно с Советом по художественному переводу была проведена дискуссия на тему: «Проблема перевода и издания классиков молдавской литературы на русском языке». В основу дискуссии легли выпущенные кишиневским издательством «Литература артистикэ» однотомники избранных произведений Михаила Эминеску и Богдана Петричейку Хашдеу. Кроме московских литераторов, специалистов по теории художественного перевода, как А. Старостин и П. Топер, были приглашены также из Молдавии переводчики и работники издательства.

В феврале 1984 года совместно с Советом по детской и юношеской литературе обсуждалось творчество молодых молдавских поэтов и прозаиков, пишущих для детей и юношества. Много ценного узнали для себя в результате этой дискуссии как сами авторы, так и работники молдавских издательств и журналов, готовящих к публикации их произведения.

Члены Совета по молдавской литературе принимали участие в подготовке и проведении

Дней советской литературы в Молдавии (20—28 августа 1984 г.), посвященных 60-летию образования Молдавской ССР, 40-летию освобождения республики от немецко-фашистских захватчиков, а также 50-летию создания Союза советских писателей. Встречи с читателями прошли в городах Кишиневе, Тирасполе, Бельцы, в ряде районов республики. 23 августа гости были приглашены в село Леушени, где в 1944 году в этот день закончилась Яско-Кишиневская операция, соединились войска 2-го и 3-го Украинских фронтов. Празднества завершились в столице республики большим литературным вечером, прошедшим под девизом «Дружба народов — дружба литературы».

На рабочих заседаниях Совета по молдавской литературе обсуждались вопросы организационного порядка, подготовка и участие в праздновании юбилеев видных писателей-классиков, таких, как Дмитрий и Антиох Кантемир, Спафарий Милеску, Александр Хиждеу. Члены совета выступили с докладами на научных конференциях, опубликовали ряд статей в периодической печати.

СОВЕТ ПО ЛАТЫШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Председатель — С. ЗАЛЫГИН.

Заместитель председателя — Л. ВИНОНЕН.

В декабре 1981 года в Доме творчества писателей имени Я. Райниса состоялось региональное совещание русских писателей Прибалтики и Белоруссии, в подготовке которого активное участие принял Совет по латышской литературе.

В апреле 1982 года в Государственном музее В. Маяковского прошел творческий вечер народного поэта Латвии Иманта Зиедониса. Это был один из вечеров цикла «К 60-летию образования СССР». Вечере приняли участие московские писатели Ион Друцэ, Юрий Левитанский, Вячеслав Куприянов и др. Звучала поэзия И. Зиедониса в переводах московских поэтов, новые сказки в авторском исполнении. И. Зиедонис поделился своими творческими планами.

Творчеству народной писательницы Латвии Регины Эзеры было посвящено выездное заседание совета в феврале 1983 года. В обсуждении романа «Невидимый огонь» приняли участие члены совета И. Друцэ, А. Ким, В. Крупин, В. Тублин, Г. Семенов, Н. Воробьева, литовский критик С. Липскис. Разговор коснулся также и пьес П. Путиньша и Г. Приеде, постановки которых гости посмотрели в Риге.

В мае того же года в Латвии состоялись Дни советской литературы, в которых под руководством секретаря Правления СП СССР Ю. Суровцева приняли участие больше пятидесяти прозаиков, поэтов и критиков Москвы, Ленинграда, союзных республик. В рамках этих дней была проведена творческая конференция «Гражданская ответственность и общественная активность советской литературы». На конференции выступили В. Вавере,

Н. Воробьева, А. Григорян, И. Дворецкий, П. Кадыров, Р. Миминошвили, З. Скуиньш, М. Слуккис, Я. Страдиньш, Ю. Суворцев и другие.

Четыре знаменательные юбилейные даты латышских писателей было отмечено в Москве в 1985 году.

В апреле этого года в Колонном зале Дома союзов под председательством А. Чаковского был проведен торжественный вечер, посвященный 80-летию со дня рождения народного писателя Латвии Вилса Лациса. Слово о В. Лацисе произнес секретарь ЦК КП Латвии А. В. Горбунов. На вечере выступили писатели С. Залыгин, М. Слуккис, И. Драч, З. Скуиньш, А. Алимжанов.

В ЦДЛ имени А. А. Фадеева состоялся вечер современной латышской поэзии, посвященный 90-летию со дня рождения народного поэта Латвии, Героя Социалистического Труда Яна Судрабкална. О жизни и творчестве Яна Судрабкална рассказали заместитель председателя Совета Министров Латвийской ССР В. М. Круминьш и председатель Совета по латышской литературе С. Залыгин. В первой части вечера прозвучала сценическая композиция стихов выдающегося латышского поэта в исполнении артистов Театра Ленинского комсомола Риги (режиссер А. Шапиро), во второй — современная латышская поэзия. Свои стихи и переводы с латышского читали И. Зиедонис, И. Аузинь, Я. Петерс, М. Чаклайс, О. Лисовска, Л. Бридака, Л. Бриедис, Ю. Мориц, И. Драч, Т. Кузовлева, А. Кушнер, М. Борисова и др.

В ноябре в Большом зале Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского под председательством секретаря Правления Союза писателей СССР Ю. Воронова был проведен вечер, посвященный 120-летию со дня рождения народного поэта Латвии Яна Райниса. Слово о великом латышском поэте, певце революции 1905 года, произнес секретарь ЦК КП Латвии А. В. Горбунов, выступили Е. Евтушенко, Р. Бородулин, А. Кадыров, А. Топчян, И. Зиедонис.

22 ноября в Колонном зале Дома союзов состоялся торжественный вечер, посвященный 150-летию со дня рождения выдающегося латышского фольклориста Кришьяна Барона. На вечере председательствовал секретарь СП СССР Ю. Суворцев. Слово о Кришьяне Бароне сказал заместитель председателя Совета Министров ЛССР Л. Л. Барткевич, затем выступили Л. Мери, С. Залыгин, Л. Дамиан, М. Борисова, Я. Петерс.

Кроме этих больших аудиторий, латышские поэты выступали и на «малых площадках» Москвы. Состоялись авторские вечера Иманта Зиедониса в Каминной ЦДРИ, творческий вечер Яниса Петерса в ЦДА ВТО. В апреле в Государственном музее В. Маяковского был проведен вечер памяти народного поэта Латвии, лауреата Государственной премии СССР Ояра Вацетиса (1933—1983).

150-летию со дня рождения Кришьяна Барона был посвящен вечер современной латышской поэзии в ЦДРИ, в котором приняли участие И. Зиедонис, С. Виесе, М. Мисиня, М. Чеклайс, К. Скуениек. Вечер вел С. Залыгин.

Выступления поэтов чередовались с народными песнями в исполнении фольклорной дружины «Скандыниекы».

В ходе подготовки юбилеев Я. Райниса и Кр. Барона была организована пресс-конференция, посвященная этим юбилейным датам.

В апреле 1985 года в Москве состоялось заседание Совета по латышской литературе, посвященное теме «Латышская литература в преддверии 40-й годовщины Великой Победы». С докладами выступили первый секретарь правления СП Латвии Янис Петерс и секретарь правления СП Латвии Мара Мисиня.

На заседании совета обсуждался также выпущенный издательством «Лиесма» двухтомник современной латышской поэзии. Выступили члены совета, переводчики, работники центральных издательств и журналов.

СОВЕТ ПО КИРГИЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Председатель — В. ЦЫБИН.

Заместитель председателя — М. МУРАТАЛИЕВ.

С июля 1981 по июль 1986 года состоялось более десяти заседаний Совета по киргизской литературе, на которых рассматривались злободневные вопросы развития национальной литературы, различных жанров прозы, поэзии, критики и публицистики.

Заинтересованно и принципиально обсуждалась тема «Положительный герой в современной киргизской литературе»; выступали Ч. Айтматов, З. Кедрина, А. Овчаренко, Е. Сидоров, Г. Гачев, К. Султанов и другие члены совета. Материалы обсуждения легли в основу статей, опубликованных в «Дружбе народов», «Литературном обозрении», газете «Советская Киргизия».

Актуальной роли киргизской художественной критики было посвящено другое заседание (16 ноября (1981 г.)). Еженедельная газета «Кыргызстан маданияты» опубликовала стенографический отчет о заседании.

На заседании совета состоялся также разговор о состоянии дел в киргизской поэзии под общим названием: «Многообразие жизни и гражданская позиция поэта-современника» (в июне 1985 г.). Рассматривались новые сборники Омора Султанова, Джалилы Садыкова, Камбаралы Бобулова и других. Выступавшие на заседании Л. Васильева, В. Ковский, З. Османова, Ст. Золотцев, П. Ульшов, В. Коркин, Н. Локтев, С. Соложенкина, А. Лаврин, С. Алиева и другие откровенно говорили о достоинствах и недостатках современной киргизской поэзии. Позже появились статьи на этом материале: «Литературная газета» (С. Соложенкина), еженедельник «Кыргызстан маданияты» (редакционная статья), журнал «Литературный Киргизстан» (Н. Локтев).

Состоялась поездка в Киргизию бригады писателей под руководством З. Кедринной для ознакомления с литературной жизнью республики (в апреле 1983 г.).

Члены совета принимали участие в подготовке и проведении международной юбилейной

конференции «25 лет Ташкентской встречи писателей стран Азии и Африки» (Ташкент, июнь 1983 г.); в IV Международной встрече молодых писателей стран Азии и Африки (гор. Фрунзе, сентябрь 1982 г.); научно-творческой конференции: «Многонациональная литература в духовном мире нашего современника» (Фергана, август 1982 г.); юбилейных торжествах, связанных с 80-летием Героя Социалистического Труда, народного поэта Киргизии Аалы Токомбаева (Гор. Фрунзе, декабрь 1984 г.), торжествах, связанных с 60-летием образования Киргизской ССР и Компартии Киргизии (гор. Фрунзе, октябрь 1984 г.).

С рабочими на 2-м московском часовом заводе встречались киргизские и московские поэты О. Султанов, К. Бобулов, И. Волобуева, А. Еременко, Дж. Мамытов, Ст. Золотцев, Т. Самудинов, С. Куручбеков и др. (в июне 1985 г.).

Совет оказывает содействие в подготовке русского перевода героического эпоса «Манас». Подобрана группа московских переводчиков, работа начата...

На Секретариате Правления Союза писателей СССР обсуждался вопрос «Литература, литературная жизнь, организационно-творческая деятельность писательской организации Киргизии» (в апреле 1984 г.), в подготовке которого участвовало большинство членов совета. Как отмечалось в республике, это заседание секретариата имело принципиальное значение для процессов оздоровления литературной жизни Киргизии, хотя не в полную силу прозвучала критика существенных недостатков в деятельности руководства СП Киргизии.

Навстречу XXVII съезду КПСС проведено заседание совместно с Советами по узбекской, азербайджанской литературам и Советом по публицистике и очерку на тему «Публицистическое слово писателя и средства массовой информации» (в феврале 1986 г.) — обсуждалось, в частности, творчество писателей-публицистов республики: Ч. Айтматова, К. Джусупова, В. Светличного, К. Осмоналиева, А. Эркебаева, С. Сасыкбаева и др.

Следует отметить, что за отчетный период расширился усилиями совета актив тех, кто связывает свою творческую жизнь с современной киргизской литературой.

Из слабостей в работе совета: недостаточно активно использовалась форма индивидуальных командировок членов совета и актива в республику...

СОВЕТ ПО ТАДЖИКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Председатель — И. БРАГИНСКИЙ.
Заместитель председателя — Ш. НИЯЗИ.

В декабре 1981 года в Москве на заседании совета обсуждены итоги литературного года. Были заслушаны доклады секретаря правления СП Таджикистана Лоика Шерали о таджикской поэзии и доктора филологических наук Р. Хади-заде о прозе.

На этом же заседании была обсуждена рабо-

та журнала «Памир» в 1980—1981 годах.

В мае 1983 года совет совместно с Союзом писателей Таджикистана в Душанбе обсудил «Состояние перевода художественной литературы в Таджикистане». В обсуждении этого вопроса, кроме членов совета, участвовали также члены Совета по художественному переводу СП СССР, представители центральных издательств, журналов и Госкомиздата СССР.

Опыт работы журнала «Садон Шарк» по выполнению постановления ЦК КПСС «О творческих связях литературно-художественных журналов с практикой коммунистического строительства» был темой обсуждения на совете органа правления Союза писателей Таджикистана, который состоялся в декабре 1983 года.

Совет по таджикской литературе совместно с журналами «Памир» и «Литературное обозрение» и Союзом писателей Таджикистана при участии писателей Москвы, Ленинграда и братских республик в Душанбе в сентябре 1983 года провели «круглый стол» на тему: «Культура села и роль писателя в ее развитии в свете решений XXVI съезда КПСС» (материалы опубликованы в названных журналах).

«Состояние таджикской драматургии и театра на современном этапе» было темой совместного обсуждения Совета по таджикской литературе и Совета по драматургии театра, кино и телевидения СП СССР с Союзом писателей Таджикистана (сентябрь 1984 г.).

Дни советской литературы в Таджикистане были посвящены 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне (май — июнь, 1985 г.).

Совет активно участвовал в проведении юбилеев — 70-летия лауреата Ленинской и Государственной премий Мирзо Турсун-заде в Душанбе и Москве (сентябрь, октябрь, 1981 г.), 70-летия народного поэта Таджикистана, лауреата Государственной премии СССР М. Миршакара (1982 г.), 50-летия со дня рождения лауреата Государственной премии Мумина Каноата (1982 г.), 70-летия лауреата Государственной премии Таджикской ССР имени Рудаки и премии имени А. Фадесва Фатеха Ниязи (1984 г.), 75-летие народных писателей Таджикистана, лауреатов Государственной премии Таджикской ССР имени Рудаки Рахима Джалиля, Джалола Икрами (1984 г.), 75-летия заслуженного деятеля науки Таджикской ССР Рахима Хашима (1983 г.), 80-летия председателя Совета по таджикской литературе при СП СССР, члена-корреспондента АН Таджикской ССР И. С. Брагинского (1985 г.) и др.

По инициативе совета и при непосредственном участии его членов прошли Дни таджикской литературы в Дагестане и Дни дагестанской литературы в Таджикистане, посвященные памяти Мирзо Турсун-заде (1982 г.).

Членами совета было отрецензировано более двадцати рукописей, поступивших в его адрес. Члены совета активно участвовали в переводе на русский язык произведений таджикских писателей, изданных в Москве, в написании предисловия к книгам таджикских авторов, в

составлении и издании сборников таджикской поэзии и прозы на русском и иностранных языках.

СОВЕТ ПО АРМЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Председатели — А. СУРКОВ, М. ДУДИН.
Заместитель председателя — Г. МАНАСЯН.

Совет за отчетный период провел в общей сложности восемь пленарных заседаний в Москве и республике, на которых обсуждались актуальные творческие вопросы.

В мае 1982 года на заседании совета в Москве обсуждалось творчество набравших известность в республике молодых прозаиков (А. Мехакяна, М. Тер-Гуланяна, Ваагна Григоряна, Вардана Григоряна, А. Петросян, В. Исраэляна, В. Погосяна и Р. Шарояна). Состоялся серьезный обмен мнениями о каждом из этих авторов, в котором приняли участие А. Сурков, критик Александр Топчян, Ю. Давыдов, А. Злобин, И. Ростовцева, В. Дудинцев, С. Дангулов, Ю. Яковлев, В. Фролов, А. Григорян и другие.

В конце октября 1982 года Совет по армянской литературе совместно с Советом по художественному переводу и правлением СП Армении под председательством секретарей Правления СП СССР В. Петросяна и Ю. Суровцева провели двухдневный «круглый стол» о проблемах перевода с национальных языков на русский и с русского языка на языки народов СССР. Это обсуждалось в рамках проводимого в республике Праздника переводческого искусства Армении.

В апреле 1983 года на совместном заседании двух Советов по армянской литературе и по художественному переводу обсуждались переводы на русский язык современной армянской поэзии на основе работы издательства «Советский писатель» в 1980—1982 годах (сборники стихов В. Давтяна, Р. Ованисяна, О. Ширази, Р. Давояна, А. Авакяна, В. Оганесяна, поэма П. Севака «Несмолкающая колокольня» в переводе на русский язык Г. Регистана и др.). Выступили М. Алигер, Я. Хелемский, В. Соколов, И. Ростовцева, Л. Мкртчян, А. Михайлов, Г. Манасян, В. Качевский и другие.

19 апреля 1984 года на заседании совета под председательством М. Дудина был заслушан доклад главного редактора журнала «Литературная Армения» критика А. Карапетяна на тему «Армянская литература сегодня: проблемы и поиски». В обмене мнениями о главных направлениях творческих исканий армянских писателей принимали участие: Иван Драч, Инна Ростовцева, Вардгес Петросян, Савва Дангулов, Арфо Петросян, Александр Михайлов, Сильва Капутикян и др.

Одновременно большое место в работе совета занимали проведение литературных вечеров, встреч и проведение писательских юбилейных дат в Москве, Ереване и других местах. Наиболее значительные из них:

В апреле 1984 года в ЦДЛ с большим успехом прошел вечер памяти замечательного ар-

мянского поэта Паруйра Севака — в связи с 60-летием со дня его рождения. Вел вечер М. Дудин. Доклад о жизни и творчестве Севака сделал председатель правления СП Армении В. Петросян. Выступали со словом о Севаке в частности: И. Драч, М. Поцхишвили, М. Чаклайс, С. Капутикян, Ю. Мориц и др.

Совет принимал непосредственное участие в организации празднования 175-летия со дня рождения основоположника новой армянской литературы Хачатура Абовяна в Ереване и Москве. 18 марта 1985 года состоялся вечер в Колонном зале Дома союзов.

Широко отмечалось 100-летие со дня рождения выдающегося армянского поэта В. Теряна. Торжества проходили в Ереване, на родине поэта в селении Гандза (Грузинской ССР), в Оренбурге, где поэт умер и похоронен, в Тбилиси и в Москве. Вечер в Москве состоялся 17 октября 1985 года в ЦДЛ.

Дважды, в 1983 и 1984 годах, состоялись литературные встречи армянских писателей с трудящимися подшефного Тимирязевского района Москвы.

Члены совета, в частности М. Дудин, А. Михайлов, Е. Николаевская, С. Хитарова, Г. Манасян, А. Петросян, С. Дангулов и др., выступили на страницах газет и журналов со статьями, очерками об армянской литературе, опубликовали в московских издательствах произведения армянских писателей в переводе на русский язык.

Нельзя не сказать и о том, что добиться работы систематичной, без «пауз» и «переноса сроков» совету еще не удается.

Совету надо работать и над повышением требовательности к обсуждаемым произведениям и проблемам.

СОВЕТ ПО ТУРКМЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Председатель — Л. КАРЕЛИН.
Заместитель председателя — А. ТАГАНОВ.

К 60-летию образования Туркменской ССР и Компартии Туркмении был посвящен вечер туркменской поэзии в Москве. В Большом зале ЦДЛ имени А. А. Фадеева выступили туркменские поэты и их переводчики: А. Атаджанов, О. Дмитриев, Б. Худайназаров, Е. Храмов, Ю. Гордиенко, А. Агабаев, Ю. Кузнецов, А. Атабаев. Аналогичный вечер поэзии «Дружба литератур — дружба народов» прошел и в Ашхабаде, куда выезжали в основном молодые московские поэты, которые только начали переводить стихи своих ровесников из Туркмении.

Был проведен 250-летний юбилей со дня рождения основоположника туркменской литературы Махтумкули. В рамках юбилея состоялся симпозиум поэтов и критиков страны на тему «Прогрессивные национальные традиции и опыт современной советской поэзии» и «Вечер дружбы народов у памятника Махтумкули» в Ашхабаде. Среди выступивших были М. Танк, Е. Исаев, К. Курбаннепесов, А. Атаджанов, Ч. Айтматов, Кайсын Кулиев.

«Социально-политическая активность и ду-

ховное развитие женщин Советского Востока» — под таким девизом в Ашхабаде прошло второе совещание-семинар писательниц, где собрались представительницы почти всех союзных республик, прежде всего — восточных. Совет подготовил к печати книгу, составленную из стихов участниц этого совещания, которая в ближайшее время выйдет на русском языке в издательстве «Туркменистан».

Выездное заседание совета на темы «Развитие, перспективы и проблемы современной туркменской драматургии» и «Современная туркменская проза и всесоюзный литературный процесс» проходило в Ашхабаде.

На высоком идейно-политическом уровне прошла встреча туркменских писателей с курсантами и преподавателями Высшего пограничного командного училища КГБ СССР в Москве. Председательствовал на вечере секретарь Правления СП СССР С. Баруздин.

Тепло встречали группу литераторов Туркменистана рабочие Реутовской хлопкопрядильной фабрики в Подмоскowie, с которой СССР поддерживает давние дружеские связи.

Многие члены совета приняли активное участие в подготовке и издании на русском языке книг туркменских писателей. А число книг туркменских авторов, вышедших только лишь в Москве между VII и VIII съездами писателей СССР, превышает 60 названий...

Следует признать, что не все члены совета работают в достаточной мере активно, расширяют свои знания жизни и культуры Туркменистана. Иным выступлениям на заседаниях совета недоставало требовательности...

СОВЕТ ПО ЭСТОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Председатель — А. ТУРКОВ.

Заместитель председателя — В. РУБЕР.

Совет по эстонской литературе работал в тесном контакте с Союзом писателей Эстонии, исходя из задач развития эстонской литературы.

За период между съездами было проведено три заседания Совета по эстонской литературе и одно заседание совместно с Советами по азербайджанской, белорусской и молдавской литературе.

Заинтересованный разговор, охвативший широкий круг проблем, состоялся во время обсуждения исторической прозы народного писателя Эстонии Яана Кресса в контексте современной советской исторической прозы. Прозаики и критики из Москвы, Украины, Казахстана, Узбекистана, Эстонии — всего 17 человек — дали произведению Я. Кресса высокую оценку, отметив его ведущее место в советской исторической прозе.

На обсуждении пятнадцати книг заслуженного писателя Эстонии Эмэ Бээкман с позиции освоения ею проблем современности в различных художественно-стилевых формах принял участие прозаики и критики из Москвы, Молдавии, Казахстана, Эстонии — всего 20 человек. Было отмечено актуальное значение произведений писательницы, ее художест-

венное мастерство в разработке современных тем.

В библиотеках Севастопольского и Октябрьского районов состоялся острый и заинтересованный разговор московских читателей о книгах Э. Бээкман, показавший, что произведения эстонской писательницы вызывают широкий интерес.

На совместном заседании четырех советов — азербайджанского, белорусского, молдавского, эстонского — был обсужден широкий круг проблем состояния и развития творчества молодых прозаиков этих республик. Эстонию представляли Мари Саат и Михкель Мутть.

Заседание совета на тему «Задачи времени — задачи литературы» явилось продолжением разговора, состоявшегося в ноябре 1978 года. Тогда в основу обсуждения был положен сборник рассказов «Молодая эстонская проза», включивший в себя рассказы и повести писателей, пришедших в литературу в 60—70-е годы. Теперь прозаики и критики из Москвы, Ленинграда и братских республик обсудили самостоятельные книги и журнальные публикации этих авторов, проанализировав пути их развития. Рассматривалось творчество А. Валтона, Т. Винта, В. Вахинга, Т. Калласа, Я. Круусвалла, К. Саабера, М. Саат, Р. Салури, Юло и Юри Туулика, М. Унта.

Совместно с Госкомиздатом и Союзом писателей ЭССР Совет по эстонской литературе провел конкурс на лучший перевод с эстонского на русский язык стихотворений Д. Вааранди, М. Рауда и В. Луйк, а также по выбору переводчиков. На конкурс поступило 79 работ. Всесоюзное жюри во главе с М. Алигер присудило две равноценные премии и отметило 8 участников конкурса.

Значительна была роль совета в подготовке и проведении в Москве мероприятий по случаю 60-летия со дня рождения народного писателя Эстонии, лауреата Ленинской и Государственной премий Юхана Смуула и 100-летия со дня рождения народного писателя Эстонии Фридеберта Тугласа.

Делегация эстонских писателей, прибывшая в Москву на юбилей Ю. Смуула, встретила с тружениками Советского района, с коллективами Всесоюзного научно-исследовательского института радиационной техники, Научно-исследовательского центра электронно-вычислительной техники, Московского конструкторско-технологического бюро, посетила Институт физики высоких энергий.

Жизни и творчеству Ю. Смуула были посвящены выставка в Центральном Доме литераторов имени А. А. Фадеева и вечер в кино-театре «Таллин», где выступили писатели и демонстрировался фильм «Полуденный паром» по сценарию Ю. Смуула.

Обширный план юбилейных мероприятий в связи со 100-летием со дня рождения Фр. Тугласа включал, в частности, торжественный вечер в Колонном зале ВЦСПС и вечер эстонской поэзии в Центральном Доме литераторов имени А. А. Фадеева. В редакции журнала «Дружба народов» состоялся разговор о состоянии и задачах современной поэзии.

СОВЕТ ПО КРИТИКЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЮ

Председатели — В. ОЗЕРОВ, Л. НОВИЧЕНКО.

Отв. секретарь — И. ВИНОКУРОВ.

В своей работе совет руководствовался задачей повышения идейно-творческой активности, методологической вооруженности критики, ее воздействия на литературный процесс в свете партийных документов по идеологическим вопросам, постановления ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» (1972 г.).

Особое значение придавалось рассмотрению наиболее масштабных проблем литературного развития, их освещения критикой — с четких идейных позиций, с ориентацией на высокие критерии оценок.

В отчетный период проведены пленарные заседания совета на следующие темы:

«Опыт и задачи. К 10-летию Постановления ЦК КПСС о литературно-художественной критике» — докладчики В. М. Озеров, Л. Н. Новиченко (февраль 1982 г.);

«Проблемы методологии изучения многонациональной советской литературы, ее взаимодействия и взаимообогащения» — докладчик В. В. Новиков (октябрь 1982 г.);

«Актуальные проблемы теории и художественной практики социалистического реализма» — докладчик Д. Ф. Марков (июнь 1983 г.; на пленум были приглашены работники ряда научно-исследовательских учреждений);

«О литературно-критической работе журналов в свете решений июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС. Критерии идейно-художественной оценки произведений и журнальная практика» — докладчик Е. Ю. Сидоров (декабрь 1983 г.; на пленум были приглашены заведующие отделами критики центральных литературно-художественных журналов);

«Состояние и развитие политического романа, поэмы, пьесы» — докладчик В. Д. Оскоцкий (май 1984 г.; на пленум были приглашены журналисты-международники, а также театральные и кинокритики);

«Современная литература и школа. Задачи литературной критики в свете школьной реформы» — докладчики А. Г. Алексин, В. М. Акимов (декабрь 1984 г.; на пленум были приглашены прозаики, поэты, драматурги, пишущие о школе);

«Современная советская многонациональная проза. Опыт. Проблемы. Задачи (В плане подготовки к VIII съезду писателей СССР)» — докладчики В. А. Сурганов, Л. А. Теракопян, В. И. Гусев (июнь 1985 г.);

«Современная советская многонациональная поэзия. Опыт. Проблемы. Задачи (В плане подготовки к VIII съезду писателей СССР)» — докладчики Л. И. Лавлинский, Е. Ю. Сидоров (декабрь 1985 г.);

«Задачи литературно-художественной критики в свете решений XXVII съезда КПСС (В плане подготовки к VIII съезду писателей СССР)». Расширенное заседание бюро совета с участием критиков из союзных республик.

Вступительное слово В. М. Озерова (апрель 1986 г.).

Важная часть работы совета связана с деятельностью литературной печати. Совет выполнял поручения Секретариата Правления СП СССР по подготовке пленума Правления СП СССР «О задачах писательских организаций и литературной печати в свете постановления ЦК КПСС «О творческих связях литературно-художественных журналов с практикой коммунистического строительства» (июнь 1983 г.).

Журналы периодически рецензировались. Творческие отчеты редколлегии обсуждались на заседаниях Секретариата Правления СП СССР; для подготовки к обсуждению совет создавал бригады на общественных началах, выделял обозревателей по жанрам, привлекая к этой работе помимо критиков также и писателей. Так, в обсуждении журналов «Дружба народов», «Нева», «Иностранная литература», «Дальний Восток», «Знамя», «Полюмя», «Юность», «Север», «Звезда», «Урал» участвовали В. И. Амлинский, Г. Я. Бакланов, М. М. Годенко, В. И. Гусев, С. А. Дангулов, В. В. Дементьев, Д. И. Еремин, А. П. Злобин, Л. В. Карелин, К. В. Ковальджи, В. Е. Ковский, М. С. Колесников, М. М. Колосов, В. А. Костров, Б. А. Леонов, В. М. Литвинов, А. М. Медников, А. А. Михайлов, Т. Л. Мотылева, А. В. Панков, М. Х. Синельников, Л. И. Скорин, К. К. Султанов, В. П. Тельпугов, Л. А. Теракопян, П. М. Топер, И. О. Шайтанов, М. П. Шевченко, Н. Е. Шундик, Я. А. Хелемский и др.

Члены совета ведут работу в составе редакционных коллегий и редсоветов литературных газет, журналов, издательств. С их участием рассматриваются планы издательств. Критики — не только авторы, но и «ведущие» нескольких телевизионных программ: «Писатель и жизнь» (Ф. Ф. Кузнецов), «Круг чтения» (Е. Ю. Сидоров). В «Известиях» А. М. Турков ведет постоянную рубрику «Книга: новинка недели».

Задача совета — укрепление связей критиков с народной жизнью.

Критики систематически выступают перед различными аудиториями с докладами и лекциями о литературе, проводят литературные вечера, читательские конференции. Они участвуют во всех всесоюзных творческих конференциях. Члены совета выступали с докладами на проведенных в отчетный период творческих конференциях: о революционно-патриотических традициях советской литературы (1981 г., Владивосток), о развитии военной литературы (1982 г., Волгоград), об освещении литературной жизни сельских тружеников (1984 г. Алмата), о вопросах патриотического, интернационального и трудового воспитания в коллективах Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1984 г., Тюмень) и др.

Члены совета принимали участие в ряде общесоюзных мероприятий. Например, в Москве — во Всесоюзной научно-практической конференции «Совершенствование развитого социализма и идеологическая работа партии в свете решений июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС» (В. М. Озеров); в Вильню-

се — во Всесоюзном совещании журналистов (В. В. Новиков).

Наряду с литературно-массовой работой совет осуществлял научно-литературную. Она ведется советом совместно с учеными (в основном Института мировой литературы имени А. М. Горького), что позволяет масштабно, в исследовательском аспекте рассматривать проблемы идейно-художественного характера, классического наследия и т. д. В числе научно-творческих сессий и конференций, в которых наряду с учеными ИМЛИ участвовали писатели, следует назвать такие, как «Наследие Горького и современность» (Тбилиси, сентябрь 1982 г.), «Историческая роль Первого Всесоюзного съезда советских писателей и развитие советской литературы» (сентябрь 1984 г.), «40-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне и советская литература» (апрель 1985 г.), «Ленинский принцип партийности литературы (к 80-летию выхода в свет статьи В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература»)» (ноябрь 1985 г.).

Ряд научных сессий, проведенных совместно СП СССР и ИМЛИ имени Горького, был посвящен писательским юбилейным датам: 80-летию А. А. Фадеева (декабрь 1981 г.), 90-летию К. А. Федина (март 1982 г.), 100-летию А. Н. Толстого (январь 1983 г.), 90-летию В. В. Маяковского (июнь 1983 г.), 120-летию А. П. Чехова (январь 1985 г.), 90-летию Вс. Иванова (февраль 1985 г.) и др. Совместно СП СССР и ИМЛИ проведена конференция «Мировое значение творчества М. А. Шолохова — в связи с 80-летием со дня его рождения» (май, 1985 г.). Совместно с Академией наук СССР и ИМЛИ проведены научно-творческие конференции и «Чтения» в связи со 150-летием со дня рождения Н. А. Добролюбова в Москве, Ленинграде, гор. Горьком (январь 1986 г.).

Совет считал важной своей задачей работу с литературно-критическими кадрами.

Вопрос об их профессиональной деятельности, методологической вооруженности ставился на пленуме Правления СП СССР, посвященном литературным журналам, а также при рассмотрении Секретариатом деятельности отдельных изданий, на пленарных заседаниях совета.

В 1983 году был проведен двухнедельный семинар заведующих отделами критики журналов (свыше 50 человек), на котором обсуждались вопросы совершенствования литературно-критической деятельности в свете решений XXVI съезда партии, постановления ЦК КПСС «О творческих связях литературно-художественных журналов с практикой коммунистического строительства».

На семинаре заслушано девять докладов партийных, общественных работников, ученых об актуальных проблемах социально-экономического, культурного развития страны и шесть докладов о вопросах развития многонациональной советской литературы, методологии и практики литературной критики. Об опыте работы по выполнению постановления ЦК КПСС «О творческих связях литературно-художественных журналов с практикой комму-

нистического строительства» рассказали заведующие отделами критики «Знамени» В. Турбина, «Карогса» Я. Чакурс, «Сибирских огней» В. Шапошников.

На бюро совета состоялись встречи-собеседования с работниками отделов критики журналов «Звезда», «Октябрь», «Дальний Восток» и других; с редакцией критики и литературоведения издательства «Советский писатель» (в связи с подготовкой перспективного плана выпуска литературно-критических книг); с литературоведами — преподавателями вузов (в связи с подготовкой материалов к школьной реформе); с сотрудниками историко-мемориальных учреждений (в связи с созданием различных выставок, «Экспозиции по истории советской литературы»); с книгоиздательскими работниками (для разработки ряда серийных изданий по художественной публицистике, политическому роману и т. д.).

В рамках VIII Всесоюзного совещания молодых писателей (1985 г.) работал семинар критиков; занятиями руководили известные критики страны.

Бюро совета ознакомились с формами и методами подготовки литературных критиков в писательских организациях, МГУ имени М. В. Ломоносова, где с участием совета была создана кафедра литературно-художественной критики и публицистики, в Литинституте имени А. М. Горького. Совместно с ректором Литинститута разработан план организации в нем отделения подготовки литературных критиков.

На бюро совета обсуждалось творчество молодых критиков В. Горна, В. Новикова, Е. Шкловского, В. Гордеевой, И. Винокуровой, А. Неверова, И. Слюсаревой, Е. Огневой и др.

Союз писателей отмечает своими премиями лучшие литературно-критические работы. В отчетный период по представлению совета премии СП СССР присуждены следующим критикам: М. Борбугулову за книгу «Единство национального и интернационального»; И. Дедкову за книгу «Василь Быков» и статьи «Братья и сестры в родном доме», «Плата за жизнь»; В. Литвинову за книгу «Михаил Шолохов» и статью «Вашим именем, товарищ Ленин», «Воспитание чувств»; М. Синельникову за книгу «Право отвечать за все»; А. Овчаренко за книгу «От Горького до Шукшина» и статьи «Новый уровень художественного мышления», «Зрелость реализма»; В. Кубилову за статьи «Заметки о сорокалетних», «Национальная литература и мировой литературный процесс», «Лирика: логика и алогичность?»; М. Числову за книгу «Время зрелости — пора поэмы»; И. Вишневской за книгу «Трудовые будни в свете рампы»; И. Ильницкому за книгу «От поколения к поколению»; А. Туркову за книгу «Вечный огонь»; Ц. Кин за книгу «Алхимия и реальность. Борьба идей в современной итальянской культуре».

Совет участвовал в осуществлении международных контактов Союза писателей СССР, в формировании направляемых за рубеж делегаций, в беседах с зарубежными писателями. Критики участвовали в двусторонних и многосторонних встречах с литераторами социали-

стических стран. Постоянным является семинар-совещание советских и болгарских критиков. По его материалам был выпущен сборник «Пути и судьбы. Диалог братских литератур» (1980 г.); намечен выпуск второго — по материалам семинаров-совещаний на тему: «Литературная критика в современных условиях: опыт, проблемы, задачи», проведенных в 1983 году в Софии и в 1985 году в Москве.

Критики — члены совета участвовали в ряде симпозиумов, проведенных в капиталистических странах: советско-японском на тему «Гоголь и современность» (Токио, 1983 г.), советско-итальянском, посвященном творчеству Достоевского (Рим, 1983 г.), советско-американском, посвященном творчеству Пушкина (США, 1986 г.).

Советские критики принимают активное участие в деятельности Международной ассоциации литературных критиков (МАЛК) — со времени ее создания в 1969 году. Делегации во главе с вице-президентом МАЛК А. А. Михайловым выезжали на конгрессы и исполкомы ассоциации, на организуемые ею коллоквиумы и «круглые столы», где обсуждались профессиональные вопросы: «Литературы малых народов в многонациональном государстве» (Мадрид, 1981 г.), «Традиции и новаторство в современной литературе» (Берлин, 1982 г.), «Роль критики в развитии творческого потенциала» (греческий город Дельф, 1983 г.), «Литература и средства массовой информации» (Прага, 1983 г.), «Литературная критика и театр» (итальянский город Альгейро, 1984 г.). В сентябре 1985 года в Алма-Ате состоялся самый представительный в истории ассоциации IX конгресс МАЛК (на нем выступили более 50 делегатов из 19 стран). О значении конгресса свидетельствует избранная для обсуждения тема: «Взаимопонимание народов, их культур. Ответственность литературы и критики за будущее человечества». Тон всей работе конгресса задали выступления советских делегатов; задачи борьбы за мир, против милитаристской, антигуманистической идеологии они ставили в контексте литературной, литературно-критической деятельности.

Проблемы развития мировой литературы получают освещение в материалах «круглых столов», организуемых журналами. Например, в журнале «Вопросы литературы» с участием критиков братских стран проведены дискуссии на темы: «Традиции революционной литературы и современное творчество», «Многонациональная советская литература в контексте мировой социалистической культуры», «Литературы социалистических стран: итоги, тенденции развития, задачи изучения» и др. Журнал «Литературное обозрение» провел дискуссию о закономерностях развития мировой литературы XX века. Журнал «Иностранная литература» провел, в числе других, «круглый стол»: «Всматриваясь в облик нового времени — о тенденциях развития литератур европейских социалистических стран в последнее десятилетие».

Исходя из решений XXVII съезда КПСС, Совету по критике и литературоведению предстоит настойчивее, с партийной требовательностью обобщать процесс развития советской национальной литературы.

СОВЕТ ПО РАБОТЕ С МОЛОДЫМИ ЛИТЕРАТОРАМИ

Председатели — М. ШОЛОХОВ, Л. ЛЕОНОВ, В. КОЖЕВНИКОВ, Р. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, О. ШЕСТИНСКИЙ.

Отв. секретарь — Ю. ЛОПУСОВ.

Деятельность Совета по работе с молодыми литераторами Правления Союза писателей СССР в период между VII и VIII писательскими съездами была отмечена поиском новых форм связей творческой молодежи с практикой коммунистического строительства, стремлением приобщить писательскую смену к насущным заботам общества.

Одной из самых ярких форм связи молодых литераторов с жизнью страны стали всесоюзные экспедиции молодых писателей, которые совет проводит совместно с ЦК ВЛКСМ и издательством «Молодая гвардия». В 1981 году прошла всесоюзная экспедиция «Молодой писатель и героика коммунистического созидания», в 1983 году «Молодой писатель и Продовольственная программа». В этих экспедициях приняли участие свыше 100 молодых писателей. Они разъехались по комсомольским путевкам на ведущие стройки пятилетки — БАМ, КамАЗ, «Атоммаш», Тюменская область, Нечерноземье, Красноярский край, чтобы коллективными усилиями создать портрет нашего молодого современника — наследника корчагинских традиций, работающего ныне на решающих участках коммунистического строительства. По итогам всесоюзных экспедиций в издательстве «Молодая гвардия» вышли книги «Доверие», «Сердце Родины», «Время в начале жизни».

В январе 1985 года взяла старт всесоюзная экспедиция «Молодые писатели — XXVII съезду КПСС». Маршрут ее пролегал через Тюменскую и Томскую области — край нефтяников и строителей, геологов и химиков. Экспедиция завершилась в Москве в самый канун XXVII съезда КПСС Всесоюзной творческой конференцией молодых писателей на тему «Планы партии по освоению природных ресурсов Западной Сибири, нефтегазового комплекса и задачи молодой советской литературы».

Состоялся конструктивный, критический разговор о задачах новой писательской смены в осуществлении решений апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, о повышении роли молодой литературы в духовной жизни народа, в борьбе с негативными явлениями, сдерживающими поступательное движение нашего общества.

По итогам экспедиции в издательстве «Молодая гвардия» выйдет сборник документально-художественных очерков «Летопись ускорения», который расскажет о трудовом подвиге молодежи Сибири.

Практика показывает, что всесоюзные экспедиции молодых писателей — одна из перспективных форм работы с молодым писательским поколением. Она отвечает потребностям времени, активно способствует гражданскому становлению молодых писателей, очень удачно, с учетом новых требований продолжает практику социального заказа молодежи. Совет намерен развивать и обогащать

эту форму связи молодых писателей с жизнью партии и народа.

Свои главные усилия в межсъездовский период совет направлял на то, чтобы обеспечить приток свежих сил в литературу, выявить творческих одаренную молодежь. За отчетный период проведены XII и XIII Всесоюзные фестивали молодых поэтов братских республик, зональные совещания молодых литераторов Нечерноземья, Урала, Сибири и Дальнего Востока, Крайнего Севера и Северо-Запада СССР, II и III общетрассовые семинары молодых литераторов БАМа, республиканские, краевые и областные совещания молодых писателей.

Крупнейшим событием отчетного периода явилось VIII Всесоюзное совещание молодых писателей, состоявшееся в мае 1985 года. В нем приняли участие свыше 300 молодых литераторов, пишущих на 48 языках наций и народностей СССР. Около 50 писателей прибыли на форум литературной молодежи с ведущих ударных строек пятилетки.

На совещании действовало 36 творческих семинаров, которыми руководили видные советские писатели. Они отметили возросший уровень профессионального мастерства молодых литераторов, их устремленность к художественному постижению образа положительного героя, к осмыслению важнейших социальных и нравственных проблем времени.

Следует сказать о практической отдаче VIII Всесоюзного совещания молодых писателей. Впервые за всю историю подобных совещаний было представлено для обсуждения 18 романов (на прошлом, седьмом — всего один). Это свидетельствует о серьезных сдвигах в художественном мышлении нового писательского поколения, стремлении молодых к широкому охвату жизни, к воплощению эпических форм, к большому социальным и художественным обобщениям. Четыре романа, обсуждавшихся на совещании, приняты к изданию («Тигроловы» Анатолия Буйлова, «Голограмма» Юрия Никитина, «Сказание о рыбаке и рыбке» Александра Герасименко, «Сласти и сохранить» Евгения Туинова). Практически все издательства страны включили в планы издания произведения участников минувшего совещания. Так, в 1985—1986 годах в издательстве «Молодая гвардия» выйдет более 20 книг участников VIII совещания, в издательстве «Современник» — 15 книг. Максимальное внимание к творчеству наиболее талантливых участников минувшего совещания проявила литературная печать. После совещания увидели свет на страницах газет и журналов произведения каждого второго участника совещания.

Проблемы идейного воспитания новой писательской смены, повышения художественного мастерства молодых художников слова постоянно находились в центре внимания совета. За отчетный период прошло Всесоюзное совещание молодых поэтов, работающих в жанре песни, состоялось обсуждение творчества молодых писателей Азербайджана, Украины, Узбекистана, Латвии, Молдавии, Киргизии. На своих заседаниях совет заслушал творческие отчеты молодых писателей — лауреатов премии Ленинского комсомола, обсудил твор-

чество одаренных, но сложно развивающихся литераторов — Николая Коняева, Александра Иванченко, Ирины Знаменской, Марины Кудимовой и др. Совет и в дальнейшем будет практиковать форму индивидуальной работы с наиболее талантливыми представителями новой творческой смены, направляя их художественный поиск в русло общественно значимых тем.

Особое внимание в межсъездовский период совет уделял обсуждению кардинальных проблем развития молодой советской многонациональной литературы. Об этом свидетельствует проблематика состоявшихся пленумов совета: «К пятилетию со дня опубликования постановления ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью» и задачи писательских организаций страны по идейно-творческому воспитанию литературной смены»; «Герои ударных строек коммунизма и молодой писатель: поиск, опыт, проблемы»; «О реализации рекомендаций VII Всесоюзного совещания молодых писателей и мерах по дальнейшему повышению уровня идейной и профессиональной подготовки молодых литераторов в свете постановлений ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью» и «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы»; «О подготовке к VIII Всесоюзному совещанию молодых писателей и задачи писательских организаций страны по идейно-творческому воспитанию молодых литераторов» и т. д. На этих пленумах коллективными усилиями выработывается стратегическая линия деятельности СП СССР в сфере идейно-творческой подготовки молодого писательского поколения, определяются пути дальнейшего повышения роли молодой литературы в духовной жизни общества.

СОВЕТ ПО ДЕТСКОЙ И ЮНОШЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Председатели — С. МИХАЛКОВ, А. ДЕМЕНТЬЕВ.

Заместитель председателя — Т. СЕТУНСКАЯ.

Совет по детской и юношеской литературе в своей организационно-творческой деятельности между VII и VIII съездами писателей СССР проявлял, как и ранее, постоянное внимание к литературе, адресованной юным читателям, стремился мобилизовать большой, многонациональный отряд писателей на создание глубокоидейных и высокохудожественных произведений, отвечающих задаче нравственного воспитания личности новой, коммунистической формации.

Детская и юношеская литература многожанровая: она включает в себя прозу и поэзию, приключения и фантастику, публицистику и литературоведение, драматургию и сценарное искусство. Совет уделял пристальное внимание развитию всех этих жанров. Так, его первый пленум за отчетный период был посвящен задачам литературы, воспитывающей подрастающее поколение в свете решений XXVI съезда КПСС и постановления ЦК КПСС о кинематографии для детей и подростков (Москва, 27 октября 1981 г.). Председательствовала М. Прилежаева. Вступительное слово произнес критик В. Александров. В выступлениях

участников пленума говорилось о том, что литература и кинопроизведения для юных должны помочь формированию у них лучших черт характера, способствовать правильному выбору жизненного пути, воспитывать сознательное отношение к труду, любовь к родной земле, верность идеалам коммунизма. Один из пленумов совета был посвящен 60-летию Всесоюзной пионерской организации: «Юный ленинец — герой детской литературы» (Москва, 27—28 мая 1982 г.). Вступительное слово произнес М. Прилежаева. С содокладами выступили секретарь ЦК ВЛКСМ А. В. Федулова и главный редактор журнала «Пионер» С. А. Фурин. В дискуссии приняли участие члены совета — представители всех братских союзных республик. Они выступили в девяти республиканских и московских библиотеках, по Всесоюзному радио и в прессе.

Совместно с Госкомиздатом СССР совет провел пленум: «Проблемы издания научно-познавательной литературы для детей в свете решений XXVI съезда КПСС» (Баку, 19—21 июня 1982 г.). С докладом выступил заместитель председателя Госкомиздата СССР А. А. Небензя. В работе совета приняли участие писатели, председатели госкомиздатов ряда союзных республик, директора и главные редакторы центральных и республиканских издательств, партийные и комсомольские руководители Азербайджана.

Совместно с Госкомиздатом СССР Совет по детской и юношеской литературе организовал выездной пленум «Литература для дошкольного и младшего школьного возраста» (Рига, 12—16 апреля 1983 г.). Вступительное слово произнес А. Алексин. С докладами выступили И. Токмакова и А. А. Небензя. Кроме пленарных заседаний работали секции прозы, художественного оформления книг.

С 1983 года вся работа совета проходила под флагом обсуждения проекта ЦК КПСС о реформе общеобразовательной и профессиональной школы.

9 февраля 1983 года в Москве был проведен пленум совета «Литература. Школа. Учитель» под председательством С. Михалкова. Участники пленума единодушно одобрили основные положения проекта реформы школы и высказали свои предложения, которые были направлены в Комиссию ЦК КПСС по реформе, в Академию педагогических наук СССР, в Министерство просвещения СССР и РСФСР, Госкомиздаты СССР и РСФСР, в республиканские союзы писателей, в издательства.

Члены совета приняли активное участие в пленуме Московской писательской организации «Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы и задачи московских писателей» (Москва, 1 июня 1984 г., докладчик — С. Михалков), в пленуме Совета по критике и литературоведению «Советская школа на страницах художественных произведений и роль критики» (Москва, 21 декабря 1984 г., докладчики — А. Алексин и В. Акимов), в заседаниях специальных комиссий АПН СССР, посвященных реформе школы.

В июне 1985 года совет провел в Тбилиси совместно с Советом по детской и юношеской

литературе Госкомиздата СССР пленум, также посвященный реформе школы. Вступительное слово произнес член коллегии Госкомиздата СССР М. В. Шишингин, с докладом «Реформа школы и литература» выступил А. Алексин. В докладе и выступлениях подчеркивалось, что в реформе школы должно соблюдаться единство идейно-политического, трудового и нравственно-эстетического воспитания и в достижении этой благородной задачи особая роль принадлежит литературе. Говорилось и о том, что писателям необходимо вникать в глубь проблем, изучать то, что происходит сегодня в школе, поддерживать все новое, передовое, правдиво показывать недостатки, открывать социально-исторические перспективы.

Продолжением разговора о школьной реформе, о том, как развивается детская и юношеская литература в наших союзных республиках, стал выездной пленум совета, организованный 21—22 мая 1985 года в Алма-Ате совместно с Союзом писателей Казахстана. Такие выездные пленумы совета стали традиционными в его работе. Они проводятся с участием ведущих мастеров слова Москвы, Ленинграда, крупнейших критиков, руководителей детских издательств, газет и журналов. Пленум, посвященный проблемам развития литературы Казахстана, обращенной к юным читателям, в свете осуществления школьной реформы, открыл О. Сулейменов. Вступительное слово произнес С. Алексеев. С докладами выступили К. Найманбаев и А. Алексин.

21 февраля 1984 года в Москве прошло заседание Советов по детской и юношеской и молдавской литературе, на котором были обсуждены произведения молодых детских и юношеских писателей Молдавии.

Традиционным стало сотрудничество Союза писателей СССР и его совета с Госпрофобром СССР. За отчетный период было проведено в Москве III Всесоюзное совещание по нравственно-эстетическому воспитанию учащихся ПТУ (19—22 ноября 1985 г.). Программа совещания предусматривала проведение пленарных заседаний в Октябрьском зале Дома союзов, работу по секциям, посещение средних профессионально-технических училищ Москвы и Московской области.

К сложившимся литературным традициям относятся и ежегодные Всесоюзные недели детской и юношеской книги, которые приходят к ребятам всей страны в дни весенних школьных каникул. Ее центром каждый год становится одна из братских союзных республик: 1982 г.— Армения, 1983 г.— Туркмения, 1984 г.— Эстония, 1985 г.— РСФСР, 1986 г.— Украина. Неделя-84 была завершающей, пятнадцатой всесоюзной, а с 1985 года ее эстафета начала новый круг с Российской Федерации.

Традиционными стали Всесоюзные семинары молодых драматургов, адресуя свои произведения юным зрителям. За период между съездами писателей СССР проведены седьмой (февраль — март 1983 г.) и восьмой (май 1985 г.) семинары. Последний, VIII семинар имел своим девизом: «Идейно-нравственное развитие подрастающих поколений, школьная реформа и задачи драматургии, адресованной детям и юношеству». Открыл семинар А. Де-

ментьев, руководил работой семинаров Э. Шим.

Среди участников каждого семинара (по 40 человек в каждом) — авторы пьес из Москвы, Ленинграда, Сибири, с Урала, из союзных и автономных республик. Следует особо подчеркнуть, что Всесоюзные семинары молодых драматургов — единственная школа для всесоюзного репертуара, имеющего свой адрес — подрастающее поколение.

С 18 по 27 октября 1982 года и с 18 по 27 декабря 1985 года были проведены совместно с ЦК ВЛКСМ первый и второй Всесоюзные семинары молодых критиков детской и юношеской литературы. Открывали их С. Михалков, А. Дементьев, зав. Отделом культуры ЦК ВЛКСМ Ю. И. Бокань. Более 50 участников каждого семинара в течение 10 дней прослушали лекции по основным проблемам литературы, обращенной к юной смене, проблемам критики этой литературы и социально-нравственным и педагогическим вопросам. Кроме лекций, прошли практические занятия по группам, состоялись встречи с ведущими детскими и юношескими писателями, руководителями издательств, журналов, с библиотекарями.

При содействии Иностранной комиссии СП СССР члены совета приняли участие в ежегодных международных конгрессах Международного совета по детской и юношеской литературе, Международного общества исследователей детской литературы, в международной встрече в ГДР «Любить жизнь — защищать мир» (3—7.12.1984 г.), в Национальной всеиндийской конференции по вопросам образования детей и детской литературы (XI.1985 г., Дели), в ежегодных Неделях детской и юношеской литературы в Болгарии и ЧССР, в работе международных московских и зарубежных книжных выставок-ярмарок и т. п.

За эти годы совет отправил подборки детских книг для Союза писателей Афганистана, детских домов страны, республиканских детских и юношеских библиотек.

Учитывая огромную важность создания талантливой и высококачественной литературы для школьников, Союз писателей СССР и его Совет по детской и юношеской литературе провели за последние годы несколько Всесоюзных конкурсов на лучшее литературное произведение и лучшую пьесу для детей, на лучшую пионерскую песню и др.

Работу совета необходимо еще более приблизить к проблемам преподавания литературы в школе и ПТУ, пристальнее относиться к деятельности комиссий по детской и юношеской литературе союзов писателей республик, в том числе Российской Федерации, способствовать скорейшему выполнению тех высоких, благородных задач коммунистического воспитания подрастающего поколения, которые поставил перед литературой XXVII съезд КПСС.

СОВЕТ ПО ДРАМАТУРГИИ ТЕАТРА, КИНО И ТЕЛЕВИДЕНИЯ

Председатели — Ч. АЙТМАТОВ, Г. БОРОВИК, Г. ПРИЕДЕ, А. САЛЫНСКИЙ.
Заместитель председателя — Э. БОБРОВ.

В своей повседневной работе Совет по драматургии руководствовался решениями XXVI съезда КПСС и VII съезда писателей страны. Особой заботой последнего времени стала подготовка к XXVII съезду КПСС, а после его завершения — выполнение решений главного партийного форума страны.

Задачи драматургов постоянно соотносились с реальными проблемами современного литературного процесса, был взят курс на максимальное приближение творчества драматургов к проблемам жизни. Именно поэтому на заседания совета выносились важнейшие вопросы, определяющие развитие драматургии, касающиеся состояния театрального дела в целом. Так, были проведены заседания: «60-летие образования СССР и тема международной общности советских народов в произведениях драматургов», «Ратный и трудовой подвиг нашего современника в советской драматургии. К 40-летию Победы и в связи с подготовкой к XXVII съезду партии», «Воспитательная роль литературы в свете решений партии о дальнейшем социально-экономическом развитии страны, ускорении научно-технического прогресса» и т. д. Эти темы при обсуждении вызвали большой интерес, обнаружив горячую заинтересованность писателей в улучшении состояния дел жанра, страстном желании работать еще лучше, с большей отдачей сил.

Стиль работы совета характеризовался конкретностью в делах, практической пользой и максимальной отдачей каждой литературно-творческой акции. Эту цель преследовали выездные заседания в Таджикистане и Казахстане, где в ходе творческих конференций обсуждались вопросы развития национальной драматургии. Большой интерес вызвала региональная конференция драматургов Средней Азии и Казахстана в Ташкенте. Представители четырех братских республик, драматурги из Москвы и других городов горячо и заинтересованно обсуждали состояние современной драматургии, разбирали творчество молодых авторов.

Важное направление работы совета — подготовка и проведение всесоюзных семинаров. За отчетный период ежегодно проводились Всесоюзные семинары драматургов в Пицунде и в Дубултах. Раз в два года проводится семинар молодых киносценаристов, раз в три года — семинар переводчиков пьес с языков народов СССР. Семинары — важная форма литературной учебы. Практически все авторы старшего, среднего и молодого поколений творчески окрепли, набрались профессионального опыта на семинарах, где, обсуждая свои произведения в кругу опытных мастеров, учились профессионализму, овладевали трудным ремеслом жанра.

Годы между двумя писательскими съездами были наполнены напряженной работой, главной целью которой стало стимулирование творческого потенциала писателей, консолидация авторов, их ориентирование на создание произведений, ярко и талантливо рассказывающих о нашем времени.

Многие мероприятия проводились совместно с Советом по драматургии и театральной кри-

тике СП РСФСР, а также с бюро творческого объединения московских драматургов. Тесный контакт осуществлялся с другими организациями, заинтересованными в развитии театрального дела, — Министерствами культуры СССР и РСФСР, министерствами культуры союзных республик, Госкино СССР, ЦК ВЛКСМ, ВЦСПС.

Увенчались успехом многолетние усилия совета по возрождению альманаха «Современная драматургия» — органа Министерства культуры СССР и Союза писателей СССР. Драматурги приобрели новое издание, главной задачей которого является поддержка лучших произведений советской многонациональной драматургии, освещение проблем развития жанра, содействие в возрастании интереса широкого читателя к драматургии.

Проблема публикации произведений для сцены по-прежнему была в центре внимания совета. Немало сделано для появления сборников пьес целого ряда наших драматургов в издательствах «Советский писатель», «Искусство» и «Советская Россия».

Совет по драматургии организовывал и проводил не только крупные общественно-литературные акции. Повседневная текущая работа требовала не меньшей отдачи сил. Театральной общественности запомнились юбилейные торжества, связанные с 80-летием Б. А. Лавренева, литературный вечер, посвященный 75-летию А. Е. Корнейчука. Содержательной и полезной была встреча с министром культуры СССР тов. Демичевым П. Н., беседа с видным американским драматургом У. Гибсоном и т. д.

Совет по драматургии стремился разнообразить формы своей работы, найти новые, более действенные. В этом плане важным делом было впервые проведенное совещание руководителей советов по драматургии союзных республик. В совещании приняли участие главные редакторы репертуарно-редакционных коллегий республиканских министерств культуры.

В отчетный период постоянно подведение итогов одного из этапов постоянно действующего конкурса «Герой и время», Всесоюзного конкурса авторов одноактных пьес «Народ и партия едины». Проведен конкурс молодых авторов, пишущих на героико-патриотическую тему. Совет активно участвовал в подготовке и проведении всесоюзных фестивалей и смотров самодельного художественного творчества трудящихся.

Годы между писательскими съездами были временем успешной работы многих авторов как старшего, так и среднего поколения драматургов, серьезно заявили о себе в последние годы молодые литераторы.

За создание ярких и значительных произведений удостоены Государственных премий СССР драматурги А. Салынский, М. Шатров, Ю. Яковлев, А. Дударев, кинодраматурги М. И. Амирэджиби, Е. Велтистов, Е. Габрилович, Р. Ибрагимбеков, С. Юткевич.

Одним из серьезных недостатков в работе совета является отсутствие должного контакта с творческими организациями кино, радио и телевидения. За отчетный период вопросы, связанные с дальнейшим повышением идейно-

художественного содержания сценариев, телепередач, радиопостановок и радиопьес, на обсуждение совета не выносились. Мало внимания уделяется работе театральных и кинокритиков, редко практикуются выступления членов совета по актуальным вопросам развития современной драматургии на страницах печати.

СОВЕТ ПО ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ПЕРЕВОДУ

Председатели — М. БАЖАН, С. БАРУЗДИН.
Заместители председателя — Э. АНАНИЯШВИЛИ, В. ГАНИЕВ, П. ТОПЕР.

Деятельность совета за отчетный период была подчинена задачам борьбы за высокое качество художественного перевода, за утверждение и продолжение лучших традиций советской школы перевода.

В целом по стране переводческая ситуация в эти годы была благоприятной. Осуществление ряда капитальных изданий (в том числе Библиотеки всемирной литературы на русском языке и на языках некоторых братских республик, библиотек литератур зарубежных стран), открытие ранее не представленных в переводе либо недостаточно полно раскрытых имен отечественной и зарубежной классики — все это способствовало росту переводческой активности при высоком уровне качества, появлению новых мастеров в области перевода.

Вместе с тем в последнее время дали знать о себе и тревожные, негативные явления. Ощутимо снизилось качество многих переводных изданий, публикации на страницах журналов и газет. Сказалось отсутствие специального переводческого журнала, который осуществлял бы критику перевода, служил бы сопровождением переводческого процесса.

Центр тяжести работы совета был перенесен в ту сферу, где непосредственно решается судьба перевода. Дважды на пленарных заседаниях совета обсуждался вопрос об издательской и редакторской работе в области перевода, рассматривались разные аспекты этой работы, с тем чтобы весь этот процесс построить в интересах литературы, искусства перевода, добиться ускорения издания переводных книг. В этих обсуждениях приняли участие представители Госкомиздата СССР, центральных издательств («Художественная литература», «Советский писатель», «Молодая гвардия», и т. д.). Выработанные коллективными усилиями рекомендации помогут улучшить постановку переводческого дела в издательствах и редакциях.

На пленарных заседаниях совета неоднократно ставились и обсуждались вопросы перевода на русский язык произведений, созданных на языках народов СССР. Острота этого вопроса общеизвестна. Русский язык, будучи языком всесоюзного общения, вводит представителей братских литератур в общесоюзный литературный процесс, обеспечивает широкую (всесоюзную или мировую) аудиторию. Отсюда высокие требования к переводам на русский язык и пристальный интерес к этому процессу во всех братских республиках. К сожалению,

постановка этого дела нуждается в серьезном улучшении.

Вместе с тем совет постоянно занимался изучением и стимулированием переводческой деятельности на языках братских республик. В частности, на пленуме совета рассматривался вопрос о переводе произведений В. В. Маяковского на языки народов СССР, отмечалась необходимость обновления старых, изживших себя переводов произведений великого поэта. Заседания этого пленума проходили в Москве, в Музее В. В. Маяковского.

Совет строил свою работу в контакте с советами Союза писателей СССР по братским литературам и союзам писателей союзных и автономных республик. Так, в Алма-Ате была проведена региональная конференция, посвященная проблемам взаимного перевода тюркоязычных литератур страны. В ней приняли участие представители почти всех тюркоязычных республик, а также Таджикистана. С докладами выступили М. Каратаев и В. Ганиев. Выездные пленумы совета прошли в братских республиках.

Совет принял участие в Празднике поэзии в Армении (был организован «круглый стол» по вопросам перевода), в пленуме правления СП Таджикистана и т. д.

Интересен опыт конференции переводчиков «Слова о полку Игореве» на языки братских республик и зарубежных стран (проводилась совместно с Иностранной комиссией): много нового было внесено в толкование и понимание великого памятника мастерами перевода из наших братских литератур, ибо переводчики, как правило, являются внимательнейшими читателями и самыми квалифицированными интерпретаторами. Такая конференция проводилась впервые; в ней приняли участие крупнейшие ученые (Д. Лихачев, Л. Дмитриев и др.), специалисты по «Слову».

Особенно остро сегодня стоит вопрос о переводческой смене. Многого делается кафедрой художественного перевода Литературного института, но потребности живого дела значительнее. Совет по художественному переводу вносит свою лепту в воспитание молодых переводчиков. Оправдали себя семинары по переводу на Всесоюзных совещаниях молодых писателей, при Московской писательской организации и т. д.

Совет стимулировал развитие теоретической мысли в области художественного перевода в контакте с издательством «Высшая школа», с Институтом русской литературы (Пушкинский Дом), где ныне готовится «История русского перевода», с институтом АН братских республик.

Состоялись очередные присуждения премии имени Н. С. Тихонова мастерам перевода. Новыми лауреатами стали Я. Козловский (Москва), И. Семеженов (Белоруссия) и Аскад Мухтар (Узбекистан).

Интенсивно развивались контакты совета с зарубежными переводчиками и переводческими организациями. Планомерный, систематический характер носят болгаро-советские связи. Традиционными стали двусторонние встречи с переводчиками МНР, Финляндии и ряда других стран. Принципы и традиции советской

школы перевода все шире и шире получают распространение за рубежом благодаря этим контактам.

В 1983 году была проведена шестая Международная встреча переводчиков советской литературы; на заседаниях «круглого стола» обсуждались вопросы, имевшие широкий международный резонанс. Главным среди них — вопрос о роли перевода в укреплении мира и взаимопонимания между народами.

Новыми лауреатами премии имени А. М. Горького были названы Х. Радевский (НРБ), Я. Дзярновска (ПНР), С. Бадраа (МНР), М. Крно (ЧССР), М. Бабович (СФРЮ), Э. Баццарели (Италия), К. Канэко (Япония).

Совет по художественному переводу в декабре 1981 года на своем специальном пленуме подвел итоги своей 20-летней деятельности. Многие активисты совета были удостоены Почетной грамоты Секретариата Правления СП СССР.

СОВЕТ ПО ОЧЕРКУ И ПУБЛИЦИСТИКЕ

Председатели — Н. ГРИБАЧЕВ, Ю. ГРИБОВ.
Заместитель председателя — В. САВЕЛЬЕВ.

В период между писательскими съездами Совет по очерку и публицистике видел свою главную задачу в том, чтобы повысить идейно-художественный уровень современной публицистической и очерковой литературы, направить творческий поиск писателей в русло важнейших, общественно значимых проблем.

С этой целью совет регулярно проводил обсуждение наиболее заметных явлений сегодняшней публицистики и художественного очерка. Состоялись заседания совета, на которых были обсуждены очерковые книги Юрия Калещука, Леонида Жуховицкого, Юрия Черниченко и других; публицистическая поэма Евг. Евтушенко «Фуку!»; публицистические сборники поэзии «Мы все за шар земной в ответе» («Молодая гвардия») и «Земли моей лицо живое» («Современник»).

Совет провел совместно с Союзом журналистов СССР ряд встреч с работниками областных партийных газет, посвященных актуальным проблемам очерковой и публицистической литературы.

Совет осуществляет постоянную связь с газетами, журналами, радио и телевидением. По рекомендации совета А. Голубев в течение длительного времени вел на телевидении передачу «Честь и слава по труду». Совет готовит передачи на радио, посвященные вопросам публицистики, рекомендует к выступлениям на радио многих писателей.

По инициативе совета постоянно проводятся литературные вечера в ЦДЛ, в Политехническом музее, в Театре эстрады. Так, успешно прошел в ЦДЛ «День Москвы», посвященный XXVII съезду КПСС и приуроченный к выходу в издательстве «Московский рабочий» сборника «День Москвы», составленного зам. председателя совета А. Злобиным.

Большую работу проводит совет по пропаганде мирного освоения космоса. Был проведен ряд литературных вечеров и встреч писателей с космонавтами и первооткрывателями Байкону-

ра. В результате осуществлено много публикаций, выпущен сборник «Байконур-1», положивший начало ныне осуществляемому сериалу таких сборников. По представлению совета ряд писателей был представлен к наградам Федерации космонавтики. Сейчас «Советский писатель» готовит к выпуску литературный советско-болгарский сборник «Звездный час», посвященный 25-летию полета первого космонавта планеты Ю. А. Гагарина.

Постоянной заботой совета остается работа с молодыми, которой активно занимаются Ю. Черниченко, А. Злобин, А. Голубев, Л. Жуховицкий и другие члены совета как в Литинституте имени Горького, так и в студии при МО СП РСФСР. Вот уже несколько лет А. Голубев является составителем коллективного сборника «Мы — молодые».

В течение последних лет выпущены номера VI, VII, VIII, IX и X (юбилейный) альманаха «Шаги». В производстве находятся номера XI и XII. Совет запланировал обсуждение альманаха «Шаги» выпусков VI, VII, VIII, IX и X — юбилейного).

В марте 1986 года совет провел расширенное заседание на тему: «Публицистика и публицистичность. Писатель и средства массовой информации». В планах совета совместно с Советом по белорусской литературе — обсуждение документально-публицистических повестей С. Алексиевич «У войны не женское лицо» и «Последние свидетели».

К сожалению, совет работает непланово, заседания проходят от случая к случаю, часто обсуждаемые вопросы отстают от жизни, редко проводятся творческие дискуссии, обсуждения отдельных произведений писателей данного жанра.

Совет не проводит выездные заседания на ударных стройках пятилетки, эпизодическими являются встречи членов совета с коллективами рабочих и колхозников, с молодежью, воинами Советской Армии.

Редколлегия альманаха «Шаги» давно не собиралась в полном составе, публикуемые в этом издании материалы не всегда являются актуальными, слабые в художественном отношении.

СОВЕТ ПО ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОЙ И НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Председатели — А. КЕШОКОВ, А. КУЛЕШОВ, Т. КУРБАНОВ.

Заместитель председателя — Н. БЕРКОВА.

За прошедшие пять лет Совет по приключенческой и научно-фантастической литературе продолжал углублять найденные и осваивал новые формы взаимодействия с писателями, работающими в жанре научной фантастики и приключений. Совет проводил семинары, творческие дискуссии, обсуждения новых произведений, конкурсы, выездные творческие заседания и т. д. Значительно усовершенствовали свою работу советы, комиссии и секции по приключенческой и научно-фантастической литературе, созданные в 1976 году, по предложению совета в республиках, областях и

некоторых городах нашей страны. Широкая сеть местных организаций позволяет совету более оперативно решать организационные вопросы, связанные с проведением всесоюзных творческих мероприятий, выявлять имена талантливых молодых писателей.

Совет отводит большое место работе с молодыми литераторами. Решением Секретариата Правления СП СССР в 1982 году был учрежден ежегодный Всесоюзный семинар молодых писателей, пишущих на темы научной фантастики и приключений. За отчетный период проведено 4 всесоюзных семинара, в работе которых приняли участие свыше 130 молодых писателей из всех союзных и ряда автономных республик, а также из 20 городов Российской Федерации, включая Москву и Ленинград.

Всесоюзные семинары, как правило, проходят в ноябре — декабре в домах творчества писателей (Малеевка, Дубулты). Кроме Всесоюзного семинара молодых писателей в Ленинграде и Москве при секциях научной фантастики регулярно проводятся семинары, которыми руководят члены совета: Д. Биленкин, Е. Войскунский, Г. Гуревич, Б. Стругацкий и др.

Практика показывает, что подобные семинары очень полезны для молодых литераторов, они не только помогают им понять особенности жанра, правильно работать с документальным материалом, но знакомят с лучшими достижениями советской и зарубежной литературы на темы фантастики и приключений, позволяют представить движение литературного процесса в целом.

Результатом работы всесоюзных семинаров явились публикации рассказов и повестей молодых литераторов в журналах «Искатель», «Уральский следопыт», «Знание — сила», «Энергия», «Химия и жизнь», «Изобретатель и рационализатор», «Рабочая смена» (Минск), «Горизонт» (Кишинев), «Памяр» (Душанбе), «Литературная учеба», «Аврора», «Сибирские огни», «Енисей», в альманахе «Молодой Ленинград» и т. д. Кроме того, несколько участников семинара были рекомендованы и приняты в члены СП СССР.

Совет систематически проводит совместно с Союзом кинематографистов СССР и Госкино семинары-конференции. Успешно прошли конференции: «Повышение роли кино в нравственно-правовом воспитании населения» (март 1984 г.), «Роль научной фантастики в идеологическом воспитании молодежи» (апрель 1984 г.), «Экран приключенческого и научно-фантастического фильма — 84» (ноябрь 1985 г.).

За отчетный период состоялось немало организованных советом творческих совещаний и дискуссий на актуальные темы в Москве, Ленинграде, Калининграде, других городах и республиках. Помимо писателей в них принимали участие партийные и комсомольские работники, сотрудники МВД и КГБ и других организаций, ученые, космонавты, военнослужащие, работники издательства, журналов, газет. Крупнейшие из этих акций: всесоюзное совещание, совместно с Прокуратурой СССР, на тему «Деятельность работников прокуратуры и ее освещение в художественной литературе»

(октябрь 1981 г., Москва); региональный семинар, совместно с МВД СССР, творческого объединения «Мужество» (сентябрь 1982 г., Владивосток); региональное совещание писателей Северо-Запада России, работающих в жанрах приключенческой, детективной и научно-фантастической литературы (октябрь 1982 г., Калининград); творческая встреча писателей-фантастов с учеными-новаторами на тему: «Фантастика и реальность» (март 1983 г., Курган); Дни научной фантастики. Конкурс на лучший научно-фантастический рассказ антивоенной тематики «Не дадим взорвать мир» (апрель 1984 г., Тбилиси); творческое совещание «Военная и патриотическая тема в приключенческой литературе» (апрель 1985 г., Москва); обсуждение литературного приложения «Библиотечка при журнале «Советская милиция» (июнь 1985 г., Москва).

Помимо перечисленных мероприятий совет за отчетный период принимал участие в заседаниях республиканских советов и комиссий, в творческих мероприятиях, проводимых ЦК ВЛКСМ, МВД, издательствами, журналами и т. д. Кроме того, совет проводил различные встречи и совещания, посвященные проблемам правовой и воспитательной литературы, НТР, шефствовал над ИТК для несовершеннолетних преступников, организовывал тематические сборники и т. д.

При Совете по приключенческой и научно-фантастической литературе организована советская международная секция, в которую включены ведущие писатели этих жанров. Члены этой секции принимают деятельное участие в работе таких международных организаций, как «Еврокон» и Всемирная организация научной фантастики, а также в двусторонних встречах писателей-фантастов социалистических и капиталистических стран.

Заместитель председателя Совета по научной фантастике Е. Парнов является вице-президентом Всемирной организации научной фантастики, а председатель совета А. Кешоков — сопresident «Еврокона».

Вместе с тем следует отметить, что совет недостаточно связан с Академией наук СССР, исследовательскими и другими организациями, редко проводит встречи писателей с учеными, рационализаторами и изобретателями.

КОМИССИЯ ПО ВОЕННО-ХОУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Председатели — А. АНАНЬЕВ, Ю. БОНДАРЕВ, В. КАРПОВ.

Заместитель председателя — Ю. ТАРСКИЙ.

В отчетный период вся деятельность комиссии была направлена на повышение роли военно-художественной литературы в деле воспитания советского народа в духе патриотизма, беспредельной любви и преданности Отечеству, готовности защитить великие завоевания Октября.

За период между писательскими съездами военно-художественная литература, которую по праву называют литературой народного подвига, пополнилась новыми высокохудожественными произведениями, воспевающими исторические свершения героев Октября и гражданской войны, бессмертный подвиг бойцов Великой Отечественной, разгромивших гитлеризм и принесших свободу и мир своей земле и порабожденной Европе. Созданы новые талантливые книги, повествующие о славных ратных делах сыновей и внуков героев, о мужестве солдат сегодняшней армии, неустанно охраняющих созидательный труд народов Советской страны, мир и покой на планете.

В Комиссии по военно-художественной литературе работают 137 писателей, представляющих литературу всех братских союзных республик. Многие из них — ветераны Великой Отечественной войны, сохраняющие и по сей день тесные связи с армией и флотом. В составе бюро комиссии — представители Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота, пограничных войск КГБ СССР, Министерства внутренних дел СССР, Советского комитета ветеранов войны, ЦК ВЛКСМ, ВЦСПС, ЦК ДОСААФ, других творческих союзов и общественных организаций и ведомств.

В годы между писательскими съездами на пленумах и заседаниях бюро комиссии, на собраниях военных писателей глубоко и объемно обсуждались вопросы идейно-художественного качества литературных произведений на военно-патриотическую тему, велся неустанный поиск новых форм и методов работы, способствующих еще большему упрочению и углублению традиционных связей литераторов с воинами Вооруженных Сил, пограничниками, солдатами охраны общественного порядка.

Писатели постоянно бывают в войсках и на флотах, в пограничных отрядах, комендатурах и на заставах. Они глубоко знакомятся с жизнью, бытом и досугом солдат, присутствуют на учениях и совершают с воинами марши в трудных условиях, выходят на боевых кораблях и подводных лодках в ближние и дальние учебные походы. Эти контакты чрезвычайно полезны и взаимообогащающи, ибо дают писателю знание подлинной практики армейской и флотской действительности, всех тонкостей современной воинской службы, без чего немислимо создание полноценного художественного произведения о тех, кто сегодня охраняет страну с оружием в руках.

Практическая деятельность комиссии серьезно активизировалась в период подготовки и празднования 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Это время отмечено появлением новых произведений о народном подвиге, дальнейшим расширением и углублением связей писателей с жизнью современной армии.

Заметным событием явились встречи больших групп писателей с министром обороны СССР, начальником Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота, с главнокомандующими и членами военных советов Сухопутных войск, Ракетных войск стратегического назначения, Военно-Воздушных Сил, Военно-Морского Флота, Воздушно-десантных войск.

Примером углубления связей литераторов с воинами Вооруженных Сил и пограничниками могут служить крупные творческо-пропагандистские выступления писателей в войсках и на флотах, в пограничных отрядах, комендатурах и на заставах. Они глубоко знакомятся с жизнью, бытом и досугом солдат, присутствуют на учениях и совершают с воинами марши в трудных условиях, выходят на боевых кораблях и подводных лодках в ближние и дальние учебные походы. Эти контакты чрезвычайно полезны и взаимообогащающи, ибо дают писателю знание подлинной практики армейской и флотской действительности, всех тонкостей современной воинской службы, без чего немислимо создание полноценного художественного произведения о тех, кто сегодня охраняет страну с оружием в руках.

Примером углубления связей литераторов с воинами Вооруженных Сил и пограничниками могут служить крупные творческо-пропагандистские выступления писателей в войсках и на флотах, в пограничных отрядах, комендатурах и на заставах. Они глубоко знакомятся с жизнью, бытом и досугом солдат, присутствуют на учениях и совершают с воинами марши в трудных условиях, выходят на боевых кораблях и подводных лодках в ближние и дальние учебные походы. Эти контакты чрезвычайно полезны и взаимообогащающи, ибо дают писателю знание подлинной практики армейской и флотской действительности, всех тонкостей современной воинской службы, без чего немислимо создание полноценного художественного произведения о тех, кто сегодня охраняет страну с оружием в руках.

гандистские акции, осуществленные комиссией в 1980—1986 годах. Назовем лишь некоторые из них.

На высоком идейно-творческом уровне прошла в Волгограде (май 1982 г.) Всесоюзная творческая конференция писателей на тему: «Роль и задачи советских литераторов в патриотическом воспитании народа. Тема защиты Родины в советской художественной литературе». Подлинным праздником советской многонациональной литературы стали встречи участников конференции с тружениками города-героя, прошедшие в рамках Дней военно-патриотической литературы в Волгоградской области.

Большой общественный резонанс вызвал всесоюзный пленум комиссии, проведенный в Москве в январе 1985 года. Главной его темой был «Образ командира и политработника Великой Отечественной войны в советской художественной литературе 70—80-х годов».

С большой творческой отдачей прошли IV Всесоюзное совещание писателей, пишущих о пограничниках (1983 г., Кишинев), а также творческие семинары-совещания молодых литераторов пограничных войск, организованные комиссией совместно с политуправлением погранвойск КГБ СССР в 1982 году и в 1984 году в Южно-Сахалинске. Большой эффективностью отличался также семинар-совещание молодых литераторов Военно-Морского Флота, проведенный в октябре 1985 года в Севастополе.

По инициативе комиссии писатели выезжали для встреч с воинами Ограниченного контингента советских войск в Афганистане, героически выполняющими свой интернациональный долг.

В 1983—1985 годах состоялись три агитационно-пропагандистских перелета писателей на самолетах по дальним гарнизонам ВВС и агитпоход группы литераторов по военноморским базам дважды Краснознаменного Балтийского флота.

Плодотворной формой сотрудничества писателей с Вооруженными Силами стали недели и декады военно-патриотической литературы.

В период между съездами комиссия провела Дни военно-патриотической литературы в частях и соединениях Дальневосточного, Забайкальского, Сибирского, Среднеазиатского, Уральского, Закавказского, Московского военных округов, а также на Северном, Тихоокеанском, Балтийском, Черноморском флотах и Каспийской флотилии. В этих встречах с воинами армии и флота в период между съездами участвовало более двух тысяч писателей.

В тесном сотрудничестве с Главным политическим управлением Советской Армии и Военно-Морского Флота, Иностранной комиссией и Советами по жанрам СП СССР Комиссия по военно-художественной литературе провела ряд международных встреч, совещаний и симпозиумов с широким участием зарубежных коллег. Следует особо отметить тесные дружеские контакты с Военной комиссией Союза писателей Польши, не прерывавшиеся и в дни серьезных политических событий в этой стране. Обмен писательскими делегациями, выступления перед массовой аудиторией, симпозиумы под девизом «Братство по оружию — братство

по духу» получили весьма высокие оценки как польских, так и советских партийно-государственных органов и общественности.

Бесспорным свидетельством успешного развития военно-патриотической литературы является тот факт, что многие произведения, посвященные теме народного подвига, в последние годы получили высокую оценку массового читателя и критики, а их авторы удостоились высших литературных наград страны — званий лауреатов Государственных премий СССР и союзных республик, ЦК ВЛКСМ, ВЦСПС, Министерства обороны, имени Александра Фадеева, Константина Симонова, Николая Островского.

Однако в работе Комиссии по военно-художественной литературе имеется ряд существенных недостатков. Некоторые проводимые мероприятия недостаточно тщательно готовились, носили подчас парадный, неделовой характер. На заседании совета все еще редко ставятся вопросы творческого характера, отсутствует практика глубокого анализа и обсуждения новых произведений писателей, пишущих на военно-патриотическую тему. Особенно слабо ведется работа совета с молодыми литераторами — воинами Советской Армии и Военно-Морского Флота, не оказывается должная помощь армейским литобъединениям.

СОВЕТ ПО МОРСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Председатель — Т. ГАЙДАР.

Отв. секретарь — В. ТЮРИН.

Совет по морской художественной литературе объединяет более шестисот писателей, чье творчество связано с морской темой. Многие из них и по сей день продолжают работать на морских, промысловых, речных, арктических судах капитанами, штурманами, механиками, матросами и имеют в своем активе по несколько прозаических и поэтических книг.

Членами бюро совета являются видные писатели-маринисты, руководители приморских писательских организаций, а также ответственные работники министерств морского и речного флота, рыбного хозяйства, Госкомгидромета. Это позволяет совету оперативно решать различные организационные вопросы, связанные с проведением тех или иных творческих мероприятий.

За отчетный период совет проделал большую работу, направленную на организационное укрепление и сплочение писателей-маринистов нашей страны, на упрочение связей совета с Минморфлотом СССР, Минрыбхозом СССР, Госкомгидрометом СССР и Минречфлотом РСФСР, на выявление молодых дарований среди моряков и оказание им творческой помощи.

С этой целью были проведены региональные совещания-семинары писателей-маринистов в Архангельске, Новороссийске и Москве. Кроме того, совет провел в гор. Горьком первое Всесоюзное совещание-семинар писателей, чье творчество посвящено жизни речного флота.

В результате этих совещаний были выявлены талантливые имена молодых писателей-маринистов, рекомендованных к приему в Союз писателей. По рекомендации совета издано более десятка книг и сборников.

Одной из форм работы совета, направленной на укрепление связи писателей с жизнью морского и речного флота страны, были командировки писателей-маринистов к морякам и рыбакам Грузии, Мурманска, Архангельска, Камчатки, Сахалина, Измаила, Жданова, Бердянска, Баку, Ленкорани, Таллина, речникам Лены, Оби, Иртыша.

В 1984 году совет организовал во всех пародствах Минморфлота выступления писателей-маринистов, посвященные 60-летию Морского флота СССР. Совет установил тесное сотрудничество с методическим Советом по культурному шефству над моряками и рыбаками при Центральном правлении ВОК. Писатели-маринисты по путевкам ВОК участвовали в празднике «Книга и море» в Клайпеде, «Писатели в борьбе за мир» в Жданове и Керчи и т. д.

За отчетный период укрепились и упрочились связи совета с Министерством морского флота СССР. В 1985 году состоялась встреча ведущих писателей-маринистов с министром Морского флота СССР тов. Т. Б. Гуженко, на которой были обсуждены проблемы дальнейшего развития связей писателей-маринистов с жизнью морского флота страны.

Совет принимает меры по укреплению шефской работы над судами, носящими писательские имена. В 1982 году совет совместно с Музеем А. С. Пушкина в Москве передал круизному лайнеру «Александр Пушкин» Балтийского морского пароходства выставку-музей, посвященную жизни и творчеству А. С. Пушкина. Совет принял самое широкое участие в праздновании 60-летия Морского флота СССР, 100-летия журнала «Морской флот». Писатели помогают в создании мемориальных кают и музеев на «писательских» судах.

Совет широко практиковал проведение читательских конференций по наиболее заметным произведениям советской маринистики последних лет. Так, были обсуждены новые книги писателей Е. Баренбойма, З. Каневского, Н. Санеева, Р. Титова и др. Организовано рецензирование рукописей молодых маринистов.

В августе 1985 года Комиссия по морской художественной литературе была преобразована в Совет по морской художественной литературе. Председателем совета вместо умершего К. С. Бадигина утверждён Т. А. Гайдар.

СОВЕТ ПО АФГАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Председатель совета — Ю. ВЕРЧЕНКО.
Отв. секретарь — В. ФЕОНОВА.

В целях дальнейшего развития и углубления наших связей с писателями Афганистана при Правлении СП СССР создан Совет по афганской литературе, в который вошли ведущие советские ученые, литературоведы-афганисты, издатели, писатели, посвящающие свое творчество жизни и борьбе афганского народа за

счастливое будущее. Совет наметил план работы по пропаганде в СССР афганской художественной литературы и пропаганде в Афганистане литературы народов СССР.

Ряд членов совета принимали непосредственное участие в оказании помощи афганским литераторам при создании первой в истории их страны писательской организации — Союза писателей ДРА.

С годами установились тесные контакты между мастерами слова Советского Союза и Афганистана. За пять лет Союз писателей СССР направил в Афганистан 32 писателя и принял 60 афганских литераторов. Работа с афганскими писателями ведется в самых различных аспектах: это творческие встречи с трудящимися и коллегами в нашей стране, обмен опытом, отдых и лечение.

По просьбе наших друзей Союз писателей постоянно оказывает помощь СП ДРА по организационно-творческим вопросам.

В связях афганских и советских писателей уже установились определенные традиции. Самая плодотворная из них — взаимное проведение Дней литературы. Дважды проводились Дни литературы Афганистана в СССР и дважды — Дни литературы СССР в Афганистане. Каждый раз встречи советских и афганских литераторов превращались в демонстрацию горячей дружбы, братства советского и афганского народов.

Советские писатели горячо интересуются событиями в революционном Афганистане. На эту тему опубликован ряд художественных произведений, темой которых является борьба афганского народа против внешних и внутренних врагов. Это и стихи Д. Павлычко и Р. Валеева, и поэмы Ф. Алиевой и Л. Шипахиной, повести и романы А. Проханова, В. Поляева, К. Селихова и др., ставшие популярными как у нас в стране, так и в Афганистане.

КОМИССИЯ ПО СОВЕТСКОЙ НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Председатель — Р. ВЕБЕР.

Стало традицией проведение Всесоюзных совещаний советских немецких писателей. Такие совещания собираются регулярно раз в три года.

Участники совещания констатировали, что в советской немецкой литературе сделан заметный шаг вперед. Особенно следует отметить положительные сдвиги в развитии прозы. Об этом свидетельствуют произведения Д. Гольмана, А. Реймгена, А. Дебольского, Н. Ваккер, В. Гейнца и других авторов. В их произведениях проявляется обостренный интерес к судьбам самых простых людей-тружеников, коренным проблемам народной жизни.

Возмужала поэзия, стала более глубокой и тонкой. Активная гражданская жизненная позиция особенно образно и эмоционально находит свое отражение в стихах Р. Жакмьена, Ф. Больгера, Г. Генке, Р. Лейса, А. Бекка и А. Прахта. Обозначились интересные связи с другими братскими литературами, особенно с русской и казахской. Проявляются они во

взаимных переводах, личных дружеских контактах. С произведениями советских немецких писателей познакомились на родном языке украинцы, грузины, казахи, эстонцы, удмурты. Книги советских немецких литераторов известны читателям ГДР, ФРГ, Венгрии, Румынии и других стран. Совещание в Москве отметило большую активность Совета по немецкой литературе при СП Казахстана (председатель Г. Бельгер) и немецкой секции при Алтайской писательской организации (председатель Э. Каценштейн), которые систематически проводят встречи с читателями в школах и институтах, на заводах и фермах.

Совещание обсудило работу нового советского немецкого издания — альманаха «Хайматлихе Вайтен» («Родные просторы»), выходящего в московском издательстве «Правда». Специальный выпуск альманаха в 1985 году был посвящен 40-летию Победы советского народа над фашистской Германией.

Комиссия по советской немецкой литературе провела несколько заседаний в Москве, на которых обсуждалась работа немецких секций в издательствах «Радуга» (Москва) и «Казахстан» (Алма-Ата). Она обратилась к литераторам, пишущим на немецком языке, с призывом смелее браться за создание крупных, широкоохватных, эпических произведений — романов, повестей, пьес, поэм. Особое внимание уделяется развитию драматургии. Весной 1985 года во время проведения Недели советской немецкой литературы в Караганде многие литераторы встретились на совместном семинаре с коллективом немецкого драматического театра в Темиртау.

Совещания Комиссии по советской немецкой литературе при Правлении СП СССР выявили наряду с очевидными успехами и обнадеживающими тенденциями в развитии советской немецкой литературы ряд просчетов, недостатков и еще не решенных проблем. На это предстоит обратить внимание писателей и поэтов, пишущих на немецком языке, на ближайших совещаниях литераторов и заседаниях Комиссии по советской немецкой литературе.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ

Председатель Совета по международным писательским связям — Н. ФЕДОРЕНКО.

Председатель Советского комитета по связям с писателями стран Азии и Африки — С. АЗИМОВ.

Председатель Комиссии по внешнеполитической пропаганде — Г. БОРОВИК.

Председатель Иностранной комиссии Союза писателей СССР — А. КОСОРУКОВ.

Союз писателей СССР в 1981—1985 годах осуществлял связи с литераторами более 100 стран и участвовал в работе 8 международных литературных организаций. За рубеж ежегодно выезжало более 650 писателей, и примерно столько же зарубежных писателей приезжало в СССР. Количественный уровень связей по сравнению с предыдущим пятилетием в целом сохранился.

Главной формой международных связей СП СССР стали многосторонние и двусторонние дискуссии по актуальным литературно-политическим и эстетическим проблемам, в которых участвуют советские писатели, выезжающие за рубеж, и зарубежные писатели, приезжающие в СССР. Наибольший резонанс в прессе зарубежных стран и СССР получили следующие встречи: София — конференции писателей 1982 и 1984 гг. под девизом «Мир — надежда планеты», VII конференция переводчиков советской литературы (1983 г.), юбилейный пленум СП СССР (1984 г.), творческая встреча «Ради жизни на земле», посвященная 40-летию Победы над германским фашизмом и японским милитаризмом (Ленинград, 1985 год), конференция переводчиков, критиков и литературоведов по случаю 800-летия выдающегося произведения мировой литературы «Слово о полку Игореве»; конференции в Гааге и Кёльне (1982 г.), Западном Берлине (1983 г.), Киле (1984 г.); VII конференция Ассоциации писателей стран Азии и Африки в Ташкенте (1982 г.); XVIII—XXI встречи руководителей союзов писателей социалистических стран в Улан-Баторе, Ханое, Праге и Варшаве; двусторонние дискуссии — с писателями США (Киев, 1982 г.; Калифорния, Малибу — 1984 г. и Вильнюс, 1985 г.), Италии (Москва, 1983 и 1985 гг.; Сицилия — 1983 г. и Дженоа — 1984 г.), Испании (Москва и Ереван — 1983 г.; Мадрид и Барселона — 1984 г.), ФРГ (Эрланген — 1981 г., Дортмунд — 1982 и 1983 гг., Москва — 1983 и 1984 гг.), Англии (Москва — 1984 г.), Дании (Копенгаген — 1984 г.), Финляндии — (1981, 1982, 1983, 1984 и 1985 гг. — поочередно в СССР и Финляндии). На этих встречах широко обсуждались современные аспекты роли писателя в борьбе за мир, свободу, демократию и социализм.

Сотрудничество с союзами писателей социалистических стран, которому СП СССР уделяет главное внимание, развивается на плановой основе. Помимо годовых и двухлетних планов, Союзы писателей СССР, Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Чехословакии, Монголии и Вьетнама разработали пятилетние планы сотрудничества (1986 — 1990 гг.), которые нацелены как на повышение эффективности традиционных форм, так и на внедрение новых.

В прошедшее пятилетие СП СССР и союзы писателей братских стран регулярно проводили на взаимной основе Дни и Недели литературы, посвященные крупнейшим национальным датам. Так, например, писатели социалистических стран приняли активное участие в мероприятиях, организованных за рубежом по случаю 65-летия Великой Октябрьской социалистической революции и 40-летия Победы над германским фашизмом и японским милитаризмом.

Ежегодно СП СССР и союзы писателей социалистических стран проводят двадцать — двадцать пять дискуссий по актуальным темам.

По сложившейся традиции СП СССР и союзы писателей братских стран ежегодно организуют 150—160 поездок писателей с творчес-

кими целями. Во многих социалистических странах периодически издаются книги о СССР, написанные в итоге поездок по нашей стране. Эту форму сотрудничества СП СССР будет активно поддерживать и впредь, хотя она и является весьма трудоемкой.

В целом для связей между СП СССР и союзами писателей социалистических стран характерна дружеская, деловая атмосфера и взаимное стремление повысить их эффективность. В 1985 году приступила к работе советско-чехословацкая Смешанная комиссия по переводу и изданию художественной литературы, и структура советско-чехословацких литературных связей приобрела оптимальный характер. Расширилось и окрепло наше сотрудничество с писателями Кубы и Вьетнама. В 1982 году с Союзом писателей Вьетнама было подписано первое соглашение о связях. В 1984 году возобновились связи, а в 1985 году был подписан план сотрудничества с Союзом писателей КНДР. В этом же году были восстановлены, правда, пока в скромных масштабах, традиционные связи с Союзом писателей Китайской Народной Республики.

За 1981 — 1985 годы несколько улучшилась координация деятельности СП СССР и союзов писателей социалистических стран в международных литературных организациях, хотя отсутствие механизма координации не позволяет организовать ее надлежащим образом. СП СССР и почти все писательские организации братских стран участвуют в качестве полноправных членов в работе Ассоциации писателей Азии и Африки (АПАА), Международной федерации переводчиков (ФИТ), Международной ассоциации литературных критиков (МАЛК), Всемирной организации научной фантастики (ВОНФ), Европейского общества писателей-фантастов («Еврокон»), Международного совета по детской и юношеской литературе (МСДЮЛ) и Международного общества по изучению детской литературы (МОИДЛ). Кроме того, СП СССР сотрудничает с ЮНЕСКО в подготовке много-томного проекта «Северяне сами о себе». Как показала VII Конференция писателей стран Азии и Африки в Ташкенте, в которой приняли участие 129 писателей из 46 стран, АПАА пользуется поддержкой многих влиятельных писателей и национальных писательских организаций. В деятельности АПАА стали принимать участие союзы писателей европейских социалистических стран (ГДР, Болгария, Польша, Венгрия и ЧССР), входящие в нее на правах ассоциированных членов. В этой связи надо отметить проведение очередного секретариата АПАА в Болгарии.

За пять лет международные организации провели 28 творческих встреч и конференций и конгрессов, в которых приняло участие около 4400 писателей. Наиболее значительные: конгресс МСДЮЛ в Кембридже «Роль книги в меняющемся мире ребенка» (200 участников), Всемирный конгресс ФИТ «Роль переводчика в современном мире» в Вене (600 участников), конгресс ВОНФ «Научная фантастика и критика» (350 участников), конгрессы МАЛК «Ответственность литературы и критики за будущее человечества» в Алма-Ате (90

участников) и «Литературы малых народов в многонациональном государстве» в Праге (110 участников), конгресс ВОНФ и «Еврокона» «О роли фантастики в средствах массовой информации» в Роттердаме (180 участников).

Международные литературные организации имеют свои печатные органы. Однако все они издаются малыми тиражами и чаще всего не продаются, а рассылаются по спискам. Это существенно ограничивает их контакт с национальной литературной жизнью.

Здесь следует отметить примечательную особенность прошедшего пятилетия — стремление ряда стран и организаций к проведению широких форумов деятелей культуры и науки. В трех из них приняли участие советские писатели — в парижском, будапештском и варшавском. На двух последних развернулась острая идейная борьба с писателями США и некоторыми западными писателями, затронувшая актуальные политические и литературно-политические вопросы современности. Советские писатели и писатели социалистических стран успешно отстаивали гуманистические, антиимпериаристские позиции, выступая за укрепление международного доверия, против политики силы и нагнетания напряженности.

Активное участие принял СП СССР и в XII Всемирном фестивале молодежи и студентов, предоставив его гостям и делегатам возможности для встреч и дискуссий с советскими писателями, для организации литературных вечеров.

Огромен и разнообразен литературный мир Азии, Африки и Латинской Америки. СП СССР ориентировался на поддержание и развитие связей с крупнейшими литературными «державами» — Индией, Японией, Мексикой, Нигерией и со странами социалистической ориентации — с Афганистаном, Эфиопией, Анголой, Мозамбиком, Народной-Демократической Республикой Йемен, Никарагуа, Народной Республикой Конго, литературная жизнь которых после освобождения все теснее смыкается с задачами социально-политического обновления.

По сравнению с предшествующим пятилетием заметно активизировались писательские связи с Индией. СП СССР принимает деятельное участие в подготовке к изданию в Индии многоотомной «Библиотеки советской литературы» и подобной же «Библиотеки индийской литературы» в СССР, советско-индийского совместного сборника «Весть» и отдельных номеров индийского журнала «Поэт», посвященных литературе СССР.

Официальный курс антисоветизма нынешнего японского правительства затруднил развитие творческих связей с японскими писателями. Японские власти не выделяют средств на их поддержку. Только благодаря обоюдной инициативе и прочным добрым традициям удалось сохранить прежний скромный количественный уровень литературных контактов с Ассоциацией японских писателей, с Комитетом содействия переводу и изданию советских книг в Японии и с Японской ассоциацией по связям с писателями Азии и Африки. Современная советская литература почти не издава-

лась в Японии. По сути дела, единственным источником систематического ознакомления с нею был журнал «Советская литература» на японском языке, выходящий в издательстве «Гундзося», правда, весьма незначительным тиражом. В этой связи заслуживает глубокого уважения и поддержки инициатива издательства «Гундзося» о выпуске 20-томной «Библиотеки современной русской прозы» и издательства «Риронся» о выпуске 20-томной «Библиотеки русской и советской литературы для детей». СП СССР оказывал и будет оказывать им содействие в этом актуальном, дружеском начинании.

Отношения СП СССР с мексиканскими писателями строились на основе межгосударственного соглашения о культурных связях и взаимных персональных приглашений для участия в крупных литературных мероприятиях. В Мексике побывали 11 советских литераторов и столько же мексиканских приезжали в СССР. В ЦДЛ была показана выставка фоторабот крупнейшего мексиканского писателя Хуана Рульфо.

За отчетные годы шесть советских писателей выезжали в Нигерию и пять нигерийских литераторов побывали в СССР на международных писательских встречах.

После подписания первого соглашения между писательскими организациями СССР и Афганистана (1980 г.) наши связи год от года крепнут. За пять лет Союз писателей СССР направил в Афганистан 32 писателя и принял 60 афганских писателей. Это и ознакомительные поездки, и творческие встречи, и лечение, и обмен опытом организационной работы. С большим успехом прошли Дни афганской литературы в СССР (1982, 1984 гг.) и Дни советской литературы в ДРА (1983, 1985 гг.). Для дальнейшего развития связей между литературами Советского Союза и Афганистана важное значение будет иметь взаимный перевод произведений художественной литературы. Эту работу необходимо спланировать на перспективу совместно с Госкомиздатом СССР.

С африканскими странами социалистической ориентации СП СССР сотрудничает не только на основе двусторонних соглашений, но и в рамках Ассоциации писателей стран Азии и Африки. Кроме того, представители союзов писателей этих стран неизменно приглашаются нами на важнейшие международные мероприятия, проводимые в СССР.

В 1981 году было подписано первое, а в 1986 году — второе соглашение о сотрудничестве между Союзом писателей СССР и Никарагуа. За пять лет в Никарагуа выезжало 13 советских, а в СССР приезжало 19 никарагуанских литераторов. По итогам поездок был опубликован ряд очерков и статей о СССР и Никарагуа. Сейчас готовится двуязычная «Антология поэзии СССР и Никарагуа».

К сожалению, за последнее время прекратились традиционные связи СП СССР с писателями Турции и Ирана, если не считать редких контактов с писателями-эмигрантами, проживающими в Западной Европе. Пока без стклика с индонезийской стороны осталась наша инициатива — приглашение в СССР круп-

нейшего индонезийского писателя С. Т. Алишахбана. Эпизодический характер носят связи с писателями Шри-Ланки, Филиппин, Малайзии и Таиланда, где современная советская литература практически не известна.

СП СССР уделял постоянное внимание контактам с арабскими писателями. Новым явлением были стремление писательских организаций Египта, Ирака, Ливии и Кувейта установить связи с СП СССР, возросший интерес сирийцев, алжирцев, тунисцев, марокканцев к нашей жизни и литературе, выразившиеся в частности, в поездках арабских писателей по СССР для сбора материалов к книгам о советской действительности: «Мой Советский Союз» М. Бсису (1984 г.) и «Впечатления ливийца о Советском Союзе» А. В. аз-Зинтани (1984 г.), книга О. Азраджа из серии «Свидетельства о СССР» (1985 г.), в оперативном издании на арабском языке сборника советской военной новеллы «Колокола памяти», подготовленного по просьбе тунисцев и с участием СП СССР, в подписании в Москве первого плана сотрудничества между СП СССР и Союзом писателей Марокко (1985 г.).

С писателями Кении, Сенегала, Заира, Зимбабве, Ботсваны, Экваториальной Гвинеи, Мадагаскара, Сьерра-Леоне были лишь отдельные контакты, практически мало что дающие для каждой стороны.

Культурные связи между США и СССР за 1981—1985 годы резко сократились ввиду активного противодействия американских властей и общего обострения отношений между двумя великими державами. Однако в США сохранились общественные силы, которые вопреки Госдепартаменту продолжали выступать за сохранение американо-советских литературных связей и с которыми СП СССР все эти годы не прекращал диалога по острым, спорным вопросам. За пять лет были проведены три дискуссии, в которых с каждой стороны участвовало от 12 до 15 видных литераторов: «История и современность» (СССР, 1982 г.), «Взаимопонимание через литературу» (США, 1984 г.), «Роль писателя в сохранении общечеловеческих ценностей» (СССР, 1985 г.). В ходе напряженных дебатов затрагивался широкий круг политических и литературных вопросов, по которым позиции участников порой резко расходились. Тем не менее определяющим всегда оставалось желание найти пути к лучшему взаимопониманию, укреплению доверия и к совместной борьбе против гонки ядерных вооружений, за сохранение земной жизни и цивилизации.

В сокращенном объеме, но все же продолжались поездки советских писателей в США по персональным приглашениям от руководства университетов, которые предоставили им определенные возможности для выступлений перед читателями и бесед с студентами. СП СССР позитивно оценивал эти поездки и потому по своей инициативе регулярно приглашал американских литераторов в СССР.

После подписания в Женеве (ноябрь 1985 г.) Общего соглашения о сотрудничестве между США и СССР возникли хорошие перспективы для развития советско-американских

литературных связей. СП СССР со своей стороны проявит надлежащую инициативу.

Усиление реакционных тенденций в общественно-политической жизни ФРГ отразилось и на литературной жизни. Союз немецких писателей (СНП), наш многолетний партнер, подвергся ожесточенным нападкам средств массовой информации. В 1984 году состоялась внеочередная конференция СНП, на которой было избрано новое руководство. Хотя конференция подтвердила приверженность СНП к антивоенному движению и политике международной разрядки, новое руководство резко снизило активность в этом отношении. Приостановились связи СНП с Союзом писателей СССР. Остались неосуществленными наши предложения о проведении двусторонних творческих встреч с Рейнско-Вестфальским иностранным обществом.

В 1985 году намечился некоторый сдвиг к лучшему. После неоднократных неудачных попыток в Москву приехали новые руководители СНП, с которыми была достигнута договоренность о возобновлении писательских контактов. Уже осенью 1985 года в СССР побывала делегация СНП, которая по возвращении на родину опубликовала в общем доброжелательные очерки о СССР. Западногерманские писатели приняли участие в Пушкинских днях поэзии и в международной антифашистской конференции «Ради жизни на земле» (Ленинград). Гостями СП СССР были также два писателя ФРГ, работающие над подготовкой совместной «Книги о мире».

Решительный перелом к лучшему произошел за отчетный период в советско-итальянских литературных связях. В его основе лежит рост интереса итальянских писателей и итальянских литературных кругов к советской литературе, который, несмотря на периодически возникающие волны антисоветизма, создал устойчивые предпосылки для осуществления инициатив писательских организаций Италии и СССР. В целом около 150 советских писателей и столько же итальянских совершили поездки в Италию и СССР, приняв деятельное участие в десятках поэтических фестивалей, международных симпозиумов, коллоквиумов, встреч. Наиболее активно развивались связи с Сицилией — с Международной ассоциацией современной культуры и с культурной ассоциацией «Луанрионуово». Только на вечерах советских поэтов там побывало около 7 тысяч человек. В 1985 году Союзу писателей СССР от имени сицилийской общественности была присуждена за развитие дружеских связей премия «Монделло», одна из самых престижных в стране. Значительно расширились поездки советских писателей для выступлений перед студентами по приглашению университетов Милана, Неаполя, Венеции, Бергамо, Удине. Укрепились наши традиционные отношения с Национальным синдикатом писателей Италии и с Фондом Чини. Отдельно хочется отметить инициативу общества «Италия — СССР», направившего в Москву 30 молодых переводчиков советской литературы, для которых были организованы многодневный семинар в Литинституте имени А. М. Горького о новинках и тенденциях современной литера-

туры СССР, а также поездка по СССР.

С 1984 года после подписания Соглашения о культурном сотрудничестве между СССР и Великобританией началось постепенное оживление советско-английских писательских контактов. Заметным событием, получившим отклик в английской прессе, стал первый «круглый стол» «Литература и общество» (Москва, 1984 г.), организованный СП СССР совместно с ассоциацией «Великобритания — СССР», с которой намечается подписание в 1986 году соглашения о сотрудничестве. Английские писатели стали охотнее приезжать в СССР для участия в крупных международных мероприятиях, проводимых СП СССР. В 1985 году в Англии по приглашению ассоциации побывали Ч. Айтматов и В. Карпов. Возникла перспектива более широких и более устойчивых связей с английскими писателями.

Отношения СП СССР с Францией и Испанией находятся на минимальном уровне. Главное препятствие — острая нехватка финансовых средств, которые испанским и французским писательским организациям выделяются из госбюджета на связи с СП СССР. В силу этого испанские писатели, например, не смогли приехать в 1985 году в СССР для участия в мероприятиях, на которые они были приглашены. Несмотря на определенные трудности, советско-испанская смешанная комиссия провела все же в Испании и СССР три «круглых стола», вызвавших интерес в литературных кругах обеих стран.

Две поэтические дискуссии в Париже и в Москве ознаменовали в 1984 и 1985 годах возобновление советско-французских писательских контактов. Но их перспектива все еще неопределенна: французские писательские организации пока не приняли ни одного из предложений СП СССР.

Связи СП СССР с литературами североевропейских стран получили в конце пятилетия некоторое развитие.

И по объему, и по содержанию находится на первом месте советско-финское сотрудничество. СП СССР поддерживает регулярные контакты с Союзом финских и шведских писателей, Союзом драматургов и переводчиков, с Информационным центром финской литературы, Союзом работников культуры, с обществом «Финляндия — СССР» и с Обществом Тугласа. Чтобы отчетливее представить себе характер советско-финского сотрудничества, перечислим основные мероприятия только за 1985 год, когда в СССР побывали 23, а в Финляндии — 27 писателей: несколько вечеров и конференций в СССР по случаю 150-летия великого эпоса «Калевала», Неделя советской литературы в Финляндии и Дни финской литературы в Эстонии, конференция «Велимир Хлебников и культура его времени» в гор. Ювяскюля, советско-финский переводческий семинар в Петрозаводске, XII советско-финская творческая встреча в Киеве (тема «Писатель и читатель»), взаимные поездки переводчиков для повышения творческой квалификации и, наконец, выход в свет совместного сборника «Москва — Хельсинки», готовившегося в течение нескольких лет.

В Дании впервые после 10-летнего перерыва

состоялась дискуссия между датскими и советскими литераторами, организованная Орхусским университетом и СП СССР. Она вызвала взаимный интерес, и в 1986 году СП СССР намерен провести ответную дискуссию. Три советских писателя получили из Дании личные приглашения и воспользовались ими в творческих целях.

Связи СП СССР со Швецией и Норвегией, так же как и с Австрией, Швейцарией, Португалией, Бельгией, Ирландией, Австралией, носили эпизодический характер, хотя в 1985 году появились признаки их возможного оживления. Дело тут не за СП СССР, а за писательскими организациями этих стран.

СП СССР, как и в прежнее пятилетие, уделял постоянное внимание публикации произведений зарубежных писателей в своих газетах и журналах.

В ежемесячниках «Иностранная литература» (рус. яз.) и «Всесвіт» (укр. яз.) за пять лет было опубликовано 166 романов и повестей, 6 поэм и 5 пьес, более 250 произведений малых форм (всего 600 авторов из 70 стран). Редакции обоих журналов проводят линию на публикацию талантливых творений, принадлежащих перу писателей самых разных школ и направлений. Назовем для подтверждения некоторые имена писателей, с произведениями которых советский читатель познакомился в эти годы. М. Фриш, Г. Грин, Г. Г. Маркес, У. Стайрон, М. Делибес, Р. Музиль, Я. Рицос, С. Х. Караславов, Ж. Амаду, Д. Йиеш, И. Бехер, Х. Коркасар, Н. Льюис, Т. Шеппард.

В журнале «Советская литература», выходящем на английском, французском, испанском, немецком, японском, польском, венгерском, чешском и словацком языках, из номера в номер публикуются не только произведения советских авторов, но и статьи зарубежных писателей, интервью и беседы с ними о русской и советской литературе. За пять лет на страницах журнала получили возможность выступить около 350 зарубежных литераторов.

Многие другие газеты и журналы СП СССР также систематически знакомят своих читателей с мировой литературой. В каждом номере «Литературной газеты» можно прочитать либо отрывки из книг зарубежных писателей, либо их статьи, либо интервью с ними. «Литературная Россия» вела постоянную рубрику «Мир глазами писателя», а за 1981 — 1985 годы опубликовала рассказы, подборки стихов, публицистические статьи почти 300 авторов из разных стран мира. Журналы «Вопросы литературы» и «Литературное обозрение» также уделяют постоянное внимание зарубежным литературам, привлекая в качестве авторов не только советских, но и зарубежных критиков и литературоведов. Журнал «Детская литература», помимо публикации статей и рецензий, выпустил специальные номера, посвященные детям, детской литературе и искусству для детей Румынии (1981 г.), Анголы (1983 г.) и Афганистана (1984 г.).

Переводы произведений зарубежных авторов систематически публикуют на своих страницах еще почти 30 журналов, в том числе такие широкоизвестные журналы, как «Дружба народов», «Новый мир», «Октябрь», «Зна-

мя», «Юность», «Огонек», «Москва», «Наш современник», «Звезда», «Нева», «Сибирские огни».

Одной из своих важнейших задач СП СССР считает распространение и пропаганду советской литературы за рубежом. Ежемесячный специализированный журнал «Советская литература» выходит тиражом 100 тысяч экземпляров, и в некоторых странах он пользуется определенной известностью. В ежеквартальнике «Лотос», выходящем на арабском, английском и французском языках, регулярно помещаются переводы произведений советских авторов. СП СССР содействует ряду зарубежных журналов и издательств в составлении (по их просьбам) номеров и сборников, посвященных советской литературе. Их число между VII и VIII съездами СП СССР достигло 47, а общий объем составил 396 авторских листов. Эти специальные издания вышли в США, Англии, Италии, Франции, Австрии, Греции, Японии, Индии, Афганистане, Анголе, Ирландии, на Кубе, в Мали, Перу, Эквадоре, Никарагуа, Алжире, Мозамбике, в Сирии и Тунисе на английском, испанском, французском, арабском, итальянском и португальском языках.

Каждые три года СП СССР проводит Всемирные конференции переводчиков советской литературы. Лучшим зарубежным мастерам перевода СП СССР совместно с Советским фондом мира присуждает на этих конференциях 12 премий имени А. М. Горького. Несколькими шире, чем раньше, для молодых переводчиков стали практиковаться многомесячные стажировки, которые ввиду их эффективности и актуальности необходимо значительно расширить. За 5 лет СП СССР направил в 30 стран 6850 книг, 68 названий журналов (ежегодно) по 900 адресам и подготовил 3400 библиографических справок о советских писателях.

За отчетный период Союзом писателей СССР было выпущено 76 информационных бюллетеней общим объемом 9060 страниц. В них отражена литературная жизнь шестидесяти стран. При этом основной упор делался на актуальные события и проблемы.

В 1981 — 1985 годах СП СССР направил за рубеж 3279 писателей и принял в нашей стране 3624 писателя.

Советские писатели, активно участвовавшие в осуществлении международных связей, несомненно, внесли свою лепту в ту борьбу, которую КПСС, весь советский народ ведут за упрочение доверия и взаимопонимания между людьми всей планеты, за предотвращение термоядерной катастрофы и достижение прочного, справедливого мира.

ВСЕСОЮЗНОЕ БЮРО ПРОПАГАНДЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Председатели совета — Е. ИСАЕВ,
Л. ОШАНИН.

Директор бюро — А. ВЛАДИМИРСКИЙ.

После VII съезда писателей СССР Всесоюзное бюро пропаганды художественной литературы продолжало совершенствовать и

активизировать работу по пропаганде достижений многонациональной отечественной литературы.

Широкий резонанс и масштабность приобрели общественно-литературные мероприятия, проходившие под девизами «Решения XXVI съезда партии — в жизнь!», «Навстречу XXVII съезду КПСС», «Писатель и пятилетка» и др.

Наибольшее внимание уделялось подготовке встреч литераторов с труженниками Всесоюзных ударныхстроек и пусковых объектов пятилетки, коллективами крупнейших промышленных предприятий, работниками сельского хозяйства. Писатели выступали на трассе БАМа и на КамАЗе, перед строителями «Атоммаша» и шахтерами Донбасса и Кузбасса, нефтяниками Тюменской области и Баку, хлеборобами Российского Нечерноземья и целинных районов Казахстана и Алтая, металлургами Урала и Сибири, перед рабочими Нурекской, Колымской, Ингурской ГЭС и горняками Норильска, рыбаками Балтийского моря и Дальнего Востока...

Неуклонно совершенствовалась одна из основных, проверенных временем форм работы бюро — Дни советской литературы в республиках, краях и областях страны. Так, в 1981 — 1986 годах прошли Дни советской литературы в Узбекистане, Литве, Латвии, Молдавии, Таджикистане, на Украине, в Кабардино-Балкарской, Карельской, Дагестанской, Башкирской, Абхазской АССР, в Ставропольском, Алтайском, Приморском, Красноярском, Хабаровском краях, на Горном Алтае, в Липецкой, Белгородской, Омской, Пермской, Тамбовской, Кировской, Магаданской, Челябинской, Астраханской, Иркутской, Архангельской, Львовской, Калининградской, Мурманской, Курской, Тюменской, Новосибирской областях (в некоторых — два-три раза), в военных округах и гарнизонах.

В завершившемся пятилетии получила дальнейшее развитие практика проведения Дней советской литературы в рамках Всесоюзных творческих конференций, проводящихся по плану Союза писателей СССР. Такие Дни состоялись в Тюменской области, Казахстане, Ленинграде, Карелии и других регионах страны.

Дни литературы и ряд других общественно-литературных мероприятий были посвящены 65-летию Великой Октябрьской социалистической революции, 115-летию со дня рождения В. И. Ленина, 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, 30-летию освоения целинных земель, 65-летию Советской Армии и Военно-Морского Флота, 60-летию первой Советской Конституции и 60-летию образования ряда союзных республик, 50-летию стахановского движения, 25-летию мирного освоения космического пространства (первый в мире полет в космос Ю. А. Гагарина), 50-летию основания Союза писателей СССР.

В Государственном Большом театре СССР, Колонном зале Дома союзов ВЦСПС, Концертном зале имени П. И. Чайковского, Краснознаменном зале ЦДСА и других крупнейших залах столицы состоялись юбилейные вечера

В. Жуковского, А. Пушкина, М. Лермонтова, Ф. Тютчева, Ф. Достоевского, Н. Добролюбова, А. Чехова, Т. Шевченко, И. Никитина, Н. Лескова, С. Есенина, В. Хлебникова, И. Франко, Я. Купалы, Я. Коласа, М. Бажана, М. Вовчок, В. Лациса, Ф. Тугласа, К. Барона, Х. Абовяна, Я. Райниса, Д. Фурманова, М. Шолохова, М. Джалиля, К. Симонова, Ю. Бондарева, С. Михалкова и другие.

Одним из ответственных участников в работе Всесоюзного бюро пропаганды является организация выступлений поэтов и прозаиков, критиков и драматургов в Москве и Подмоскovie. Около 1600 предприятий, учреждений, домов и дворцов культуры, воинских частей проводят у себя встречи с писателями, обращая к услугам бюро.

В Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина, Концертном зале имени П. И. Чайковского, Большом зале Центрального лектория Всесоюзного общества «Знание» состоялись многочисленные вечера, читательские конференции, посвященные творчеству лауреатов Ленинской и Государственных премий СССР, РСФСР и союзных республик, премии Ленинского комсомола, лауреатов совместных с ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ литературных конкурсов. Аналогичные встречи проводили в рабочих клубах и домах культуры, библиотеках, учебных заведениях.

Давняя дружба связывает писателей с воинами Вооруженных Сил. В минувшее пятилетие состоялись десятки тысяч писательских выступлений в военных округах страны и на всех флотах. Особенно активизировалась эта работа в год 40-летия Победы, когда ряд крупных мероприятий (Дни советской литературы в Таджикистане, Калининградской, Мурманской областях и другие акции) были посвящены этой знаменательной дате. Шефская работа писателей в армии и на флоте неоднократно отмечалась почетными грамотами, благодарностями Министерства обороны СССР.

Существенную часть деятельности Всесоюзного бюро пропаганды художественной литературы составляют ежегодные Недели молодежной книги, проводимые совместно с издательством ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Неделя завершается, как правило, большим литературным вечером в Москве.

Литераторы также регулярно участвуют в работе агитбригад ЦК ВЛКСМ, выезжают в рейсы с агитпоездами «Комсомольская правда», «Ленинский комсомол» и т. д.

Прекрасной традицией стало проведение Всесоюзных поэтических праздников. За истекшие пять лет стабилизировались, приобрели организационную оформленность ставшие для нас знакомыми Некрасовский, Шевченковский, Пушкинский праздники. Родились новые всеюзовые — Праздник поэзии Маяковского, Тютчевский и Есенинский праздники поэзии.

В 1985 году Всесоюзное бюро принимало участие в осуществлении культурной программы XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве. Делегатам и гостям фестиваля, думается, остался памятен организованный бюро Интернациональный праздник

позин на Малой спортивной арене стадиона имени В. И. Ленина в Лужниках с участием ведущих советских поэтов и зарубежных писателей. Навстречу фестивалю был организован цикл авторских вечеров.

Регулярно проводятся пленумы совета Всесоюзного бюро. Очередной, XVIII пленум совета состоялся в марте 1986 года и был посвящен задачам пропаганды художественной литературы в свете решений XXVII съезда партии.

Многообразная деятельность Всесоюзного бюро пропаганды художественной литературы проходит в непосредственном контакте с Советами по братским литературам и литературным жанрам СП СССР, правлениями СП союзных республик, при активном сотрудничестве с ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, ВОК и является частью общей идеологической работы, планируемой и направляемой Секретариатом Правления Союза писателей СССР.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

Председатель правления издательства —
В. ЕРЕМЕНКО.
Главный редактор — И. БУЗЫЛЕВ

Главное издательство Союза писателей СССР «Советский писатель», выпускающее в основном новые произведения писателей всех союзных республик, неуклонно из года в год наращивало выпуск книг, сопровождая количественный рост названий и тиражей изданий заботой о повышении их идейно-художественного уровня. Если к концу 1980 года было издано 463 названия книг общим тиражом 21 миллион экземпляров, что составляет 450 миллионов листов-оттисков, то в последнем году одиннадцатой пятилетки выпуск книг достиг 510 названий, а их общий тираж — 24,4 миллиона экземпляров, или 553 миллиона листов-оттисков. Всего же за пять лет выпущено 2458 названий книг общим тиражом около 118 миллионов экземпляров.

Из года в год увеличивается приток рукописей в издательство. Так, за 1981 — 1985 годы издательство получило более 5000 рукописей, в том числе около 4000 из Москвы.

Большое место во всех показателях издательства «Советский писатель» принадлежит его Ленинградскому отделению. Удельный вес Ленинградского отделения по отношению ко всему издательству составляет около 15 процентов.

Значительна и финансово-хозяйственная деятельность издательства — только в последнем году одиннадцатой пятилетки прибыль издательства составила около 15 миллионов рублей.

Издательство завершило одиннадцатую и начало двенадцатую пятилетку осуществлением ранее разработанного плана по выпуску книг к XXVII съезду КПСС. В этот план, включивший более 40 названий, вошли книги, широко и многообразно представляющие достиже-

ния советской литературы и публицистики последнего времени.

К таким произведениям мы по праву можем отнести тетралогию Ф. Абрамова «Пряслины» («Братья и сестры», «Две зима и три лета», «Пути-перепутья», «Дом»), роман в четырех книгах А. Ананьева «Годы без войны», М. Еленина «Семь смертных грехов», А. Чаковского «Победа», С. Залыгина «После бури», А. Авижюса «Потерянный кров», трилогию А. Нурпенцова «Кровь и пот», роман Д. Икрами «Двенадцать ворот Бухары». Эти и другие произведения — яркое свидетельство того, что советские писатели успешно осваивают нелегкий литературный жанр романа-эпопеи, воссоздавая жизнь народа в правдивых полифонических художественных полотнах.

Советские писатели по-прежнему серьезное внимание уделяют теме творческого созидательного труда нашего народа.

Важное место в ежегодных планах издательства занимает тема дальнейшего освоения могучего экономического потенциала Сибири и Дальнего Востока. Выходят книги, в которых рассказывается о людях и их героических делах на таких ведущих стройках, как БАМ, сибирские гидроэлектростанции, КамАЗ, «Атомаш», домна-гигант в Череповце.

Коллектив издательства и его авторский актив установили тесные связи с многими из этих крупнейших строек и промышленных центров страны. Скомплектованы специальные библиотеки для рабочих строительного объединения «Сибкомплектмонтаж» в Тюмени, для строителей «Атоммаша» в Волгодонске, жителей гор. Ленинска на Байконуре. С этими стройками и предприятиями у издательства заключены договора на творческое долговременное сотрудничество и шефство.

Советскими писателями созданы яркие, талантливые произведения, посвященные острым проблемам современного села, его социально-экономического и культурного развития, сближению материальных и культурно-бытовых условий жизни города и деревни.

Заслуженным авторитетом у широкого круга читателей пользуется выпускаемый издательством ежегодник «Дорогами России» — сборник писательской публицистики на сельские темы. Задуманный как отклик советских писателей на принятую партией и народом программу преобразования Нечерноземья, он фактически перерос эти рамки и стал писательским рупором, приковывающим внимание к проблемам сельскохозяйственного производства.

Широкий отклик у читателей нашли вышедшие недавно сборники «Трудный хлеб» (публицистика) и «Соки земли» (художественные произведения), в которых затрагиваются наиболее острые и злободневные проблемы агропромышленного комплекса и жизни тружеников села.

Среди произведений, посвященных современному селу, — книги Б. Екимова «Холошино подворье», П. Ребрина «В колыбельных местах», В. Пальмана «Десять хат окнами на Глазуюйку» и «Усадьба», А. Ржешевского «Настало время встретиться», А. Стреляного

«В гостях у матери», украинского писателя П. Бондарчука «Воскресные поезда», молдавского писателя Д. Матковского «Родной очаг», белорусского писателя М. Парахневича «Колодец», узбекского писателя У. Хашимова «Дела мирские». Своевременным представляется выпуск в свет в разделе перензиданий сборника «Деревенский дневник», вобравшего в себя лучшие деревенские очерки таких мастеров нашей публицистики, как Е. Дорош, В. Овечкин, Г. Радов, Г. Тропольский.

Сельская жизнь во всех ее аспектах и проявлениях, первые шаги агропромышленного комплекса интересуют писателей всех поколений, различных творческих манер. Оттого так разнообразна литература о селе, включающая в себя и острые публицистические очерки Л. Иванова «Березовский ориентир», И. Филоенко «Земные наши заботы», Г. Лисичкина «Тернистый путь к изобилию», О. Лациса «Искусство сложеня» и проникнутые лиризмом, глубокими раздумьями книги Я. Брыля «Краюха хлеба», П. Проскурина «Черные птицы», Ф. Абрамова «Забилей».

Один из наиболее распространенных героев производственного жанра — деловой человек.

Колоритные образы деловых людей, руководителей крупных предприятий, строек, борющихся за строгое соблюдение государственной дисциплины, за выполнение в срок производственных планов и заданий, рискующих своей карьерой и материальным благополучием, воссозданы в романах И. Виноградова «Плотина», Л. Иванова «Березовский ориентир», Н. Фомичева «Колея», И. Герасимова «Миг единый», Е. Воеводина «Своя вина», В. Попова «Тайфун в глухомани».

Проблема идейно-нравственного воспитания, исследование истока и характерных черт социальной активности советского человека всегда привлекали внимание наших писателей.

В этой связи нельзя не назвать книги А. Ананьева «Годы без войны», А. Приставкина «Городок», В. Семина «Плотина», П. Куусерга «Одна ночь», «Капли дождя», «Чудной», В. Титова «Проходчики», И. Герасимова «Предел возможного» и «Семейные романы».

Не из одних радостей и побед состоит наша жизнь, есть и довольно сложные проблемы негативного толка. Например, проблема иждивенчества и стяжательства. Этим темам посвящены и книги В. Шубиной «Невинный скворец», М. Семенова «Голова дракона», Э. Графова «Улыбнитесь дикобразу», А. Кучаева «Предмет сатиры. Ничего на десерт» и ряд других.

Не иссякает многонациональный поток произведений о Великой Отечественной войне. В связи с празднованием 40-й годовщины Победы советского народа над фашистской Германией появилось немало новых интересных произведений. Среди них — книги писателей-фронтовиков В. Кондратьева «Сашка», М. Колосова «Три круга войны», В. Карпова «Полководец», А. Крона «Капитан дальнего плавания», А. Генатулина «Сто шагов на войне», Н. Горбачева «Белые воды» и др.

Война оставила след не только в сердцах ее непосредственных участников, но и в серд-

цах людей младших поколений, детей, выросших без отцов, внуков, растущих без дедов. О суровых буднях периода Великой Отечественной войны рассказывают книги С. Барченко «Семь недель до рассвета», А. Аксеновой «Долгая дорога домой» и первая книга Л. Самофалова «Предпосылка»; об испытаниях, выпавших на долю советских людей в тылу и на фронте, пишет и Н. Горбачев в романе «Белые воды».

С другой стороны, не ослабевает тенденция документализма военной прозы, хотя в целом в военной прозе последних лет нельзя не отметить усиления эпического начала.

Яркий пример этому — книги А. Адамовича и Д. Гранина «Блокадная книга», Ю. Королькова «В годы большой войны», Е. Войскунского «Кронштадт», А. Анфиногенова «Мгновение — вечность» и многие другие произведения.

К военной теме примыкают и произведения советских писателей о буднях современной Советской Армии, ее солдат и офицеров. Это книги А. Чехова «Мертвая зона», М. Годенко «Потаенное судно», А. Пинчука «Хождение за облака», Б. Никольского «Формула памяти».

Среди книг о Ленине следует выделить роман А. Коптелова «Точка опоры», удостоенный Государственной премии СССР. Вышел в свет роман В. Канивца «Утро гения», продолжающий его Лениняну, В. Тельпугова «Белый шелк», Ю. Семенова «Горение», В. Бальяна «Забайкальцы».

Немало удач у советских писателей и в жанре исторического романа. За истекшие годы в нашем издательстве вышли книги В. Лебедева «Искушение», С. Романовского «Повесть об Андрее Рублеве», В. Рыбина «Перелом», П. Загребельного «Я, Богдан», «Роксолана» (с укр.), О. Чиладзе «Шел по дороге человек» (с груз.), Э. Зорина «Богатырское поле», Н. Равича «Две столицы», Мирмухсина «Зодчий» (с узб.), Н. Задорнова «Симода», «Цунами», «Хэда», Н. Шинкубы «Последний из ушедших» (с абх.), Ю. Федорова «Да не прощен будет», В. Бахревского «Тишайший».

Серьезное место в творчестве советских писателей занимает тема человека и природы.

Проблемам сохранения природы посвящены или отдельные книги, например повести Э. Просецкого «Ничего не случилось» и В. Коренева «Красная рыба», или они поднимаются в книгах, посвященных селу, к примеру в сборнике В. Пальмана «Усадьба», или в произведениях о крупном промышленном строительстве и освоении отдельных регионов нашей страны.

Приметными публикациями нашего издательства стали книги, разоблачающие агрессивную политику империализма и буржуазный образ жизни, В. Николаева «Американцы», М. Стурра «Бурное десятилетие», М. Озерова «От Гринвича до экватора», С. Кондрашова «Блики Нью-Йорка», М. Домогацких «Южнее реки Бенхай», украинского прозаика и поэта В. Коротича «Мост» и «Кубатура яйца», «Лицо ненависти», грузинского писателя Л. Хайндравы «Дымки на горизонте», еврей-

ского писателя и поэта А. Вергелиса «16 стран, включая Монако».

Из художественных произведений можно назвать романы и повести А. Проханова «Дерево в центре Кабула», «Горящие сады» (о современных событиях в Афганистане, Кампучии, Мозамбике), К. Селихова «Необъявленная война», Ю. Слепухина «Киммерийское лето. Южный крест», М. Колесниковой «Гадание на иероглифах», В. Рогова «Чужая луна», трилогию К. Кулиева «Посол эмира» (с туркм.), романы А. Кешокова «Восход луны», В. Большакова «Гелиос — бог солнца» (с укр.).

Важным направлением в работе издательства является создание своеобразной серии книг об освоении космоса. Вышли в свет сборники «Сын Земли» — о Юрии Гагарине, роман Г. Поповой «Стечение обстоятельств», книга известного космонавта П. Поповича «Бесконечные дороги вселенной», сборники о творах космической техники и выдающихся летчиках-космонавтах, книги М. Галлая «С человеком на борту», В. Губарева «Космический век» и другие.

В поэтических изданиях последних лет содержится немало книг, отличающихся особой социальной направленностью, строгой четкостью идейно-нравственных критериев. Обращают на себя внимание вышедшие в последние годы сборники стихотворений Р. Рождественского «Это время», стихотворений и поэм А. Баевой «Дочерний свет», в котором поэта воссоздает образ В. И. Ленина.

Военно-патриотическому воспитанию молодежи посвящен сборник В. Коваль-Волкова «Ливень тополей», образ молодого нашего современника — наследника революционных, боевых и трудовых традиций встает со страниц книги стихотворений и поэм А. Преловского «Земная тяга». За строками сборников ветеранов советской поэзии В. Казина «Лик любви» и И. Молчанова «Дороги сердца» — жизнь нашей страны в важнейших этапах ее героического становления.

Глубокий след в сердцах читателей оставляет военно-патриотическая лирика М. Львова — книга «Встречное движение», сборники Н. Старшинова «Мое время», К. Ваншенкина «Жизнь человека», Е. Винокурова «Бытие» и другие.

Главные усилия редакции критики и литературоведения сосредоточены на публикации книг, отражающих основные проблемы и тенденции текущего литературного процесса, многообразие творческих поисков советских писателей. За последние годы четыре литературоведческие книги, выпущенные издательством, удостоены Государственной премии СССР: М. Б. Храпченко «Художественное творчество, действительность, человек», В. Озерова «Тревоги мира и сердце писателя», В. Новикова «Движение истории — движение литературы», Б. Панкина «Строгая литература».

Ряд книг непосредственно рассматривает вопрос о роли литературы в коммунистическом воспитании. Таковы периодически выпускаемые сборники «Будущее рождается сегодня. Современная литература и советский образ

жизни», «Перспектива», «О советской литературе зрелого социализма», в которых основное место занимает идейно-нравственная проблематика.

Тематическое многообразие выпускаемой издательством литературы сопровождается многообразием национальным.

Ежегодно издательство выпускает около двухсот книг в переводе с языков народов СССР.

Изданные на русском языке произведения таких известных писателей, как Расул Гамзатов, Чингиз Айтматов, Нодар Думбадзе, Кайсын Кулиев, Давид Кугультинов, Василь Быков, Олеся Гончар, Ионас Авижюс, Эдуардас Межелайтис, Пауль Куусберг, Камиль Яшен, Мумин Каноат и многие другие переводятся впоследствии на языки народов нашей Родины.

Издательство «Советский писатель» — единственное в стране, выпускающее книги на языке идши.

Однако в этой большой и сложной работе издательства есть немало трудностей и нерешенных проблем, и они прежде всего связаны с качеством переводов.

Издательство всемерно заботится о выпускаемой литературной продукции как по содержанию, так и по полиграфическому исполнению. Здесь регулярно выходит «Библиотека произведений, удостоенных Государственной премии СССР». С выдающимися представителями русской поэзии, поэтами-классиками народов СССР, с творчеством лучших советских поэтов знакомит читателей «Библиотека поэта»: Большая и Малая серии.

Многие книги, выпущенные нашим издательством, получили высокую общественную оценку, удостоены Ленинской и Государственной премий, премий Союза писателей СССР, ВЦСПС, Госкомиздата СССР, победили в творческих конкурсах, отмечены на внутрисоюзных и международных книжных выставках.

С 1981 года по совместному решению Секретариата Правления СП СССР и Госкомиздата СССР «Советский писатель» приступил к выпуску однотомников избранных произведений советских писателей.

Знакомству с лучшими произведениями современных советских поэтов служат сборники «День поэзии» Москвы и Ленинграда, пропаганде достижений советской науки — сборник «Пути в неизвестное. Писатели рассказывают о науке».

Говоря о проблеме положительного героя в нашей прозе и поэзии, нельзя не отметить тот отрадный факт, что действенной формой работы с авторами в этом направлении стал социальный заказ издательства, получивший в последние годы широкое распространение.

Так, в результате такой совместной работы издательства с авторами вышли в свет книги Г. Лисичкина «Тернистый путь к изобилию», О. Лациса «Искусство сложения», Е. Будинаса «Дом в сельской местности», М. Зараева «Семейное поле», Ю. Галкина «Дорофеевский календарь», Г. Комракова «На пути к человеку» и др.

Вместе с тем издательству «Советский пи-

сатель» предстоит большая работа по повышению идейно-художественного уровня выпускаемых книг в свете решений XXVII съезда КПСС, по серьезному и вдумчивому редактированию рукописей автора, улучшению полиграфического оформления книжной продукции.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Главный редактор — А. ЧАКОВСКИЙ.
Директор издательства —
А. ГОЛОВЧАНСКИЙ.

Деятельность издательства «Литературной газеты» в межсъездовский период была направлена на выполнение основной задачи — обеспечение выпуска и распространения еженедельных газет «Литературная газета», «Литературная Россия», «Московский литератор», журнала «Наш современник», ежемесячного «Информационного бюллетеня» — органа Секретариата Правления Союза писателей СССР, ежегодного разового специального выпуска «Пушкинский праздник» и других печатных изданий Союза писателей СССР, Союза писателей РСФСР и Московской писательской организации.

Издательство работало под непосредственным руководством редакционной коллегии «Литературной газеты» и Секретариата Правления Союза писателей СССР, который ежегодно по согласованию с Госпланом СССР и Министерством финансов СССР утверждал производственно-финансовые планы и годовые отчеты издательства, регулярно рассматривал вопросы, связанные с деятельностью издательства «Литературной газеты».

За годы одиннадцатой пятилетки (1981 — 1985 гг.) издательством выпущено 840,3 млн. экземпляров печатных изданий и реализовано печатной продукции на 146,7 млн. рублей. Валовая прибыль составила 76,1 млн. рублей и возросла на 25,3 млн. рублей (149,8 процента) по сравнению с предыдущей пятилеткой. За отчетный период отчислено в доход госбюджета 26,7 млн. рублей. По доходам издательство досрочно завершило выполнение пятилетнего плана к 68-й годовщине Великого Октября.

Производственная программа издательства и типографии определялась требованиями выпуска в кратчайшие сроки и на высоком полиграфическом уровне постоянно растущих тиражей газетно-журнальных изданий.

В соответствии с постановлением ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической политико-воспитательной работы» впервые осуществлена безлимитная подписка на периодические издания издательства «Литературной газеты» на 1986 год, что позволило полностью удовлетворить запросы читателей.

«Литературная газета», как и в предыдущие годы, выпускалась на шестнадцати полосах формата основных центральных газет, ежегодно выходило 52 номера газеты. Средний

разовый тираж «Литературной газеты» за период между съездами увеличился на 150,0 тыс. экземпляров и составил в 1986 году 3,0 млн. экземпляров.

В целях ускорения доставки газеты к читателю открыты новые пункты печати в городах Львове, Кишиневе, Риге, Донецке. Общее число пунктов печати в различных регионах страны достигло 18, а в шести пунктах выпуск «Литературной газеты» производится современным офсетным способом печати. За период между съездами полностью решена проблема передачи газетных полос в пункты печатания по каналам связи с использованием фототелеграфа, благодаря чему подписчики во всех уголках нашей страны получают «Литературную газету» одновременно с москвичами.

В 1981 году осуществлен переезд редакции «Литературной газеты» в новое 7-этажное здание по Костянскому пер., 13.

Газета «Литературная Россия» выпускалась на 24 полосах половинного формата основных центральных газет средним разовым тиражом 150 тыс. экземпляров. Журнал «Наш современник» с 1982 года по 1984 год выпускался объемом 11,5 печатного листа, с 1985 года выходит объемом 12,0 печатного листа по 12 номеров в год среднеразовым тиражом 220,0 тыс. экземпляров.

Кроме того, за отчетный период издательством выпущены 280 номеров газеты «Московский литератор» и 66 номеров «Информационного бюллетеня Секретариата Правления Союза писателей СССР» общим тиражом свыше 145 тыс. экземпляров, брошюры «В семье единой» (советские поэты о дружбе и братстве наших народов), «Все флаги в гости» (международные связи советских писателей), «Дорогой борьбы и побед» (к 25-летию движения писателей стран Азии и Африки), «Лауреаты премии «Лотос», «Низами Гянджеви — великий азербайджанский поэт» и т. д.

За годы прошедшей пятилетки значительно изменился уровень технической оснащенности редакции, издательства и типографии, в процесс выпуска газеты включены электронно-вычислительные машины, ведется механизация и автоматизация полиграфического производства, установлены 32 единицы нового современного отечественного и импортного оборудования. Проведены работы по механизации процессов экспедирования газет, позволившие почти на 10,0 процента сократить долю ручного труда.

Перечисленные мероприятия и широко развернувшееся социалистическое соревнование в честь XXVII съезда КПСС позволили коллективу типографии досрочно завершить задание одиннадцатой пятилетки к 13 декабря 1985 года и увеличить выпуск товарной продукции на тех же производственных площадях почти на 15 процентов.

Для производственных и редакционных нужд издательство располагает современным, хорошо оборудованным гаражом на 110 автомобилей, которые используются для доставки бумаги, развозки газет и журналов по узлам связи, на вокзалы и аэродромы, для доставки матриц и факсимильных оттисков, материалов ТАСС, почты и сигнальных экземпляров. Кро-

ме того, автохозяйство на договорных началах обслуживает ряд организаций, входящих в систему Союза писателей СССР: Литфонд СССР, Союз писателей РСФСР, Литературный институт имени А. М. Горького, Центральный Дом литераторов имени А. А. Фадеева, издательство «Советский писатель», Дом приезжих писателей и др.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Заведующий — Н. ПОЛИВИН.

За отчетный период в Литературную консультацию Союза писателей СССР поступило 7772 рукописи объемом 39 485 авторских листов. Каждому автору был дан квалифицированный ответ по поводу художественных достоинств и недостатков рукописи. Эта работа выполняется с помощью более чем пятидесяти писателей. Рукописи различных литературных жанров внимательно прочитываются, подвергаются профессиональному анализу, авторы получают рекомендации, практические советы.

В ходе этой работы из общего потока рукописей отбираются произведения наиболее одаренных авторов. Так, например, В. Есенков опубликовал свою прозу в журнале «Простор», № 4, 5, 1983 г., в журнале «Волга», № 8, 9, 1983 г., у М. Романушко вышел сборник стихов «Лунные цирки» (1983 г., «Советский писатель»), у Л. Стасенко в журнале «Дальний Восток» (№ 12, 1985 г.) вышли очерки «Работа такая» и др. Произведения ряда авторов приняты к публикации в издательствах «Советский писатель», «Советская Россия», «Современник».

Помимо повседневной работы с рукописями начинающих авторов Литературная консультация выполняет и другие функции. За отчетный период ей несколько раз приходилось выступать арбитром в издательских конфликтах, производить литературные экспертизы для судебных органов, выполнять другие поручения секретариата.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ДОМ ЛИТЕРАТОРОВ ИМЕНИ А. А. ФАДЕЕВА

Председатель правления —
Р. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ.

В своей работе ЦДЛ руководствовался принципами сочетания политических и нравственных проблем, повышения эффективности мероприятий, привлекая к его деятельности высококвалифицированные пропагандистские силы — государственных и общественных деятелей, ведущих ученых, деятелей искусства, передовиков производства и сельского хозяйства.

В отчетном периоде широко отмечены такие знаменательные события, как 40-летие Победы

советского народа в Великой Отечественной войне, 50-летие стахановского движения, Международный фестиваль молодежи и студентов, 50-летие Союза писателей СССР.

Работа ЦДЛ по пропаганде решений XXVI съезда КПСС велась по специально разработанному плану, включающему вопросы экономики, науки и проблемы управления, задачи нравственного воспитания, проблемы международной жизни, военно-патриотическую работу, пропаганду лучших произведений многонациональной советской литературы, укрепление связи писателей с трудящимися Москвы и Московской области.

В преддверии XXVII съезда КПСС особое внимание было обращено на актуальные мероприятия «Навстречу партийному съезду» и привлечению самих писателей, побывавших на крупнейших предприятиях и новостройках страны, в колхозах и совхозах, к активной пропагандистской деятельности.

Во время работы партийного форума в ЦДЛ был организован вечер советской многонациональной поэзии, а также состоялась встреча писательского актива с делегатами XXVII съезда КПСС, первыми секретарями обкомов партии.

ЦДЛ уделяет особое внимание политическому просвещению литераторов, осуществляемому совместно с парткомом Московской писательской организации. Организованы постоянно действующие семинарские занятия для писателей по вопросам экономики народного хозяйства, коммунистического воспитания, международного положения и внешней политики СССР, марксистско-ленинской эстетики, по вопросам обороны страны.

Значительное место в работе ЦДЛ занимает организация юбилейных вечеров, посвященных классикам русской литературы и литераторам народов СССР.

За отчетный период были проведены вечера, посвященные 100-летию Антонаса Венуолиса, 200-летию В. Жуковского, 90-летию В. Маяковского, 120-летию А. Серафимовича, 125-летию Шолом-Алейхема, 70-летию М. Шолохова, 100-летию В. Хлебникова, 90-летию С. Есенина, 80-летию П. Бровки и др.

В связи с юбилейными датами писателей были проведены вечера, посвященные памяти Я. Смелякова, Б. Полевого, В. Кочетова, А. Суркова, М. Исаковского, К. Симонова, Ю. Трифонова, В. Пановой, С. Смирнова и др.

Постоянными стали вечера, посвященные творчеству писателей социалистических стран и прогрессивных писателей мира.

ЦДЛ регулярно проводит творческие вечера, посвященные братским литературам народов СССР, а также часто приглашает выступить перед писателями редколлегии журналов, газет, издательств.

Для писателей и трудящихся Москвы в ЦДЛ за отчетный период было проведено 120 литературных вечеров, 15 шефских утренников для воинов Советской Армии, 25 утренников для подшефного Волоколамского района Московской области. Часть из таких вечеров были платными, сбор от которых был переведен в Фонд мира, в фонд Ленинского суб-

ботника и в фонд сооружения монумента Победы.

ЦДЛ постоянно проводит встречи с мастерами искусств, так, например, состоялись встречи с народными артистами СССР М. Плисецкой, М. Ульяновым, С. Рихтером, Э. Гилельсом, С. Образцовым и др.

Перед писателями с творческими отчетами выступали коллективы Театра «Современник», Драматического театра имени К. С. Станиславского, Народного театра-студии «У Никитских ворот», студенты-дипломанты актерского факультета Школы-студии МХАТ СССР, аспиранты и студенты Института имени Гнесиных и др.

Значительную работу ЦДЛ проводит по воспитанию молодого поколения.

Для учащихся старших классов и ПТУ проводятся целевые мероприятия на самые различные темы.

Перед ними выступают писатели, участники Великой Отечественной войны, космонавты, общественные деятели, передовики производства, мастера искусств.

В распоряжении писателей при ЦДЛ имеется библиотека, литературный фонд которой составляет 500 000 экземпляров.

За последнее время дирекция и правление Центрального Дома литераторов имени А. А. Фадеева подвергаются справедливой критике писательской общественности за низкий идейно-художественный уровень проведения отдельных мероприятий, отсутствие продуманных, целевых планов работы ЦДЛ, соответствующих творческим интересам литераторов. К сожалению, увеличилось посещение Дома писателей посторонними лицами, не имеющими никакого отношения к литературе, были вскрыты серьезные недостатки хозяйственной деятельности, за что ряд работников ЦДЛ получили соответствующие административные взыскания от Секретариата Правления СП СССР.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО

Ректор института — В. ЕГОРОВ.
Проректор по научной и учебной работе — Е. СИДОРОВ.
Проректор по ВЛК — В. СОРОКИН.

В декабре 1983 года Литературный институт имени А. М. Горького отметил свое пятидесятилетие. За заслуги в воспитании молодой литературной смены он был награжден орденом Дружбы народов.

Вся деятельность института за истекшую пятилетку была подчинена решению задач, выдвинутых партией и правительством перед работниками высшей школы и деятелями литературы и искусства.

За годы одиннадцатой пятилетки дипломы об окончании института получили 577 человек (дневное отделение — 242, заочное — 335). Среди выпускников этих лет были молодые писатели из Болгарии, Монголии, ЧССР, НДРГ, Ирака, Панамы.

Литературный институт был и остается кузницей писательских кадров. Сто шестьдесят один его выпускник был принят за годы прошлой пятилетки в Союз писателей СССР. Некоторые имена литинститутовцев, новых членов нашего писательского союза, уже имеют литературную известность: поэты Т. Реброва, И. Потехина, Л. Дранько-Мойсюк, В. Мальми, Д. Чачхалия, прозаики Н. Коняев, А. Старостин, критики В. Бондаренко, В. Енишерлов.

На Высших литературных курсах состоялось три выпуска. Курсы окончили 119 писателей, представители 29 национальных литератур.

Творческими семинарами в Литературном институте руководят известные советские поэты, прозаики, драматурги, критики.

Заметное место в работе института занимает подготовка переводчиков художественной литературы. За годы одиннадцатой пятилетки Литературный институт окончили переводчики десяти языковых групп — болгарской, алтайско-хакасской, грузинской, таджикской, марийской, адыгейской, чувашской, литовской, украинской, азербайджанской. В настоящее время в институте работают десять переводческих групп: грузинская (аджарская), чечено-ингушская, абхазская, таджикская, армянская, коми, латышская, узбекская, казахская, карельская.

По традиции студенты Литературного института ежегодно выезжали в летние и зимние каникулы по линии ЦК ВЛКСМ и Бюро пропаганды советской литературы в республики и области СССР с выступлениями и чтениями своих произведений перед трудящимися страны. В 1984 году были проведены Дни Литературного института в Дагестане.

Литературный институт поддерживает постоянное творческое сотрудничество, ежегодно обменивается делегациями преподавателей и студентов с Институтом литературы имени И. Бехера (ГДР) и Институтом литературы имени Нгуен Зу (СРВ). С 1985 года Литературный институт установил связи с переводческими и писательскими организациями Финляндии.

В издательстве «Советский писатель» вышли в свет коллективные литературоведческие сборники, подготовленные кафедрами института: «В мире Маяковского», «В мире Блока», «В мире Есенина», «В мире Лескова», книга «Воспоминания о Литинституте». Издаются сборники студенческих работ «Начало» и «Тверской бульвар, 25», сборник историко-литературных и критических статей «Писатель и жизнь». Произведения студентов печатаются на страницах журналов «Октябрь», «Литературная учеба», «Юность», «Молодая гвардия», «Дружба народов» и других.

Улучшилась работа аспирантуры. За 1981 — 1985 годы защитили кандидатские диссертации 18 ее выпускников.

Коллектив института, в котором трудятся опытные кадры профессоров и преподавателей, принимал меры по совершенствованию учебного процесса. С 1985 года институт работает по новому уточненному учебному плану, утвержденному Секретариатом СП СССР и Минвузом СССР. Кафедрами были также под-

готовлены и с 1981 года введены в действие новые программы по основным предметам обучения.

Ректорат и общественные организации института активизировали в последнее время работу по идейно-творческому воспитанию студентов. Значительно большее внимание уделяется вопросам студенческого самоуправления. Интересней и содержательней стала деятельность клуба «Молодой литератор». Улучшилась организация свободного времени, постановка физического воспитания среди студентов и сотрудников.

В то же время еще не изжиты недостатки в работе Литинститута. На них обратил внимание Секретариат Правления СП СССР, который обсуждал на своем заседании 10 января 1986 года отчет о деятельности писательского вуза. Далеко не все учебные курсы читаются на должном профессиональном уровне и с учетом специфики подготовки будущих литераторов. В серьезном улучшении нуждается работа по отбору одаренных абитуриентов, и особенно в переводческие группы. Неослабно внимания требует к себе идейно-художественное качество дипломных сочинений студентов. Не всегда соответствует современным требованиям преподавание в институте русского и иностранного языков. Требуется координированные усилия ректората и писательских союзов на местах, чтобы решить проблему трудоустройства питомцев института в соответствии со спецификой полученного образования.

«ИНФОРМАЦИОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ»

Зам. ответственного редактора —
Е. СМОТРИЦКИЙ.

За отчетный период редакция стремилась шире освещать работу писательских организаций страны, обобщать их опыт, популяризировать новые, оправдавшие себя формы организационно-творческой деятельности, информировать о творческих связях советских литераторов с зарубежными писателями.

На страницах «Информационного бюллетеня» находили отражение все крупные организационно-массовые, общественно-литературные мероприятия, осуществляемые по планам Секретариата СП СССР и республиканских союзов писателей. Среди них — отчеты о пленумах Правления СП СССР, Днях советской литературы, праздниках, посвященных юбилейным датам крупных писателей, 50-летию Союза писателей СССР, о международных литературных встречах в нашей стране и других странах, о семинарах-совещаниях молодых писателей, научно-творческих конференциях и других.

В отчетный период регулярно публиковались подборки материалов под рубрикою «Решения XXVI съезда КПСС — в жизнь» и «Навстречу XXVII съезду КПСС». Материалы под этими рубриками посвящались наиболее важным мероприятиям, проведенным в писательских организациях страны.

Редакция стремилась оперативно откликнуться своими материалами на важнейшие решения Пленумов ЦК КПСС, партийные документы, определяющие задачи идеологических работников, творческих союзов в тот или иной период. Так, в частности, после опубликования постановления ЦК КПСС о работе с молодыми творческими кадрами редакция ввела новую рубрику «Молодым писателям — внимание и заботу!». Она регулярно появляется на страницах «Информационного бюллетеня».

После решения ЦК КПСС о реформе средней школы «Бюллетень» ввел рубрику «Писатель и реформа школы».

С 10-го номера 1981 года на страницах «Информационного бюллетеня» регулярно публикуются материалы под рубрикой «Наши интервью». За это время опубликовано 54 интервью, авторы которых — писатели всех союзных республик — посвящали свои выступления наиболее актуальным проблемам общественной жизни и литературного процесса.

В 1984 — 1985 гг. большое место в «Информационном бюллетене» было отведено подготовке к празднованию 40-летия Победы в Великой Отечественной войне. Кроме того, под рубрикой «Ради жизни на земле» опубликованы материалы о писателях-фронтовиках, их участии в войне и творческой работе в послевоенное время. В дни празднования годовщины Великой Победы в трех номерах были опубликованы ответы писателей — участников войны на анкету редакции под девизом «Нам дороги эти позабыть нельзя».

Редакция много лет регулярно публикует очерки о писателях, героически погибших на фронтах Великой Отечественной войны, сопровождая их фотографиями погибших. На страницах «Информационного бюллетеня» под рубрикой «Имена, запечатленные в мраморе» уже опубликовано около 120 очерков.

В «Информационном бюллетене» в период подготовки к VIII съезду писателей СССР регулярно публиковались сообщения о ходе отчетно-выборной кампании в писательских организациях страны.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФОНД СССР

Председатель правления — А. КЕШОКОВ.
Директор — Ю. ВОРОНИН.

За период, прошедший с VII съезда писателей, деятельность Литературного фонда СССР в соответствии с уставом была, как и прежде, направлена на создание наиболее благоприятных бытовых и материальных условий для членов Союза писателей, способствующих их творческой работе.

Источником покрытия всех расходов Литфонда являются средства, образованные из отчислений издательств в размере 10 процентов суммы авторского гонорара и отчислений от сборов театрально-зрелищных предприятий в размере 2 процентов. Кроме того, в сумму доходов включаются взносы членов Литфонда и прибыль рентабельных предприятий и организаций.

Общая сумма доходов Литфонда за 5 лет составила 47 млн. рублей, из них 34 млн. рублей — отчисления от издательств и театрально-зрелищных предприятий. Кроме того, Секретариат Правления Союза писателей СССР за последние 5 лет передал Литфонду на капитальное строительство и приобретение оборудования 29,6 млн. рублей.

В соответствии со сметами расходов, утверждаемыми Секретариатом Правления Союза писателей СССР, эти средства были израсходованы по следующим направлениям: на социально-бытовые нужды писателей — 14,9 млн. рублей; на дотацию культурно-бытовым учреждениям — 17,0 млн. рублей; на капитальное строительство, реконструкцию и приобретение оборудования — 23,3 млн. рублей; на капитальный ремонт основных фондов — 6,8 млн. рублей; прочие расходы — 8,9 млн. рублей.

Всего за период 1981—1985 гг. Литфонд СССР израсходовал 70,9 млн. рублей.

С 1981 года число членов Литфонда возросло с 8774 до 9500 человек, то есть на 8,3 процента.

Соответственно возросли и доходы от уплаты членских взносов. Эта сумма в 1981 году составляла 81,6 тыс. рублей, а в 1985 году уже 89,9 тыс. рублей.

Как и в предшествующие периоды, в 1981—1985 гг. Литфонд СССР оказывал писателям различную материальную помощь, способствующую улучшению условий их труда и быта.

Одним из видов этой помощи являются средства, выделяемые на творческие командировки писателей. В течение отчетного периода по этой статье было израсходовано 1,3 млн. рублей. За 5 лет эти расходы выросли на 11 процентов.

Нуждающимся писателям, работающим над созданием новых произведений, выдано единовременное пособие на общую сумму 1,9 млн. рублей.

Помимо этого, Литфонд СССР оказывает помощь писателям выдачей возвратных ссуд. За последние 5 лет их сумма составила 1785 тыс. рублей.

Начинающим литераторам также оказывается помощь в их творческой деятельности. За отчетный период на оплату консультаций, переводов, печатания рукописей, проведение семинаров израсходовано 464 тыс. рублей.

В соответствии с уставом Литфонда СССР писателям в случае их временной нетрудоспособности на основании предъявленных больничных листов производится выдача пособий. В основном эти пособия выдаются за период до 4 месяцев, но в случае особо тяжелых и длительных заболеваний этот срок может быть продлен. Всего за отчетный период эти выплаты составили 7015 тыс. рублей, что на 82 процента превышает сумму, выплаченную за предыдущие 5 лет.

Писателям, нуждающимся в санаторно-курортном лечении, предоставляются путевки в специальные оздоровительные учреждения страны. Ежегодно выделяется около 300 путевок. На их полную или частичную оплату за 5 лет израсходовано 590 тыс. рублей.

Льготы, предоставляемые писателям по оплате путевок в дома творчества, составили 1,9 млн. рублей.

Постоянно оказывается помощь семьям умерших и погибших писателей (около 100 тыс. рублей).

Около 3 млн. рублей ежегодно выделяет Литфонд на прочие пособия писателям, не учтенные в предыдущих статьях.

Сумма расходов на творческие и социально-бытовые нужды ежегодно растет. За 5 лет — на 19 процентов.

В настоящее время сеть подведомственных Литфонду СССР предприятий и учреждений насчитывает 19 домов творчества (в том числе 8 — без питания) с общей пропускной способностью 23,2 тыс. человек в год, 3 пансионата, 33 клуба, 9 поликлиник, 6 книжных лавок, детский сад, 2 промкомбината и ремонтно-строительное управление.

Эксплуатация домов творчества писателей по-прежнему является одной из наиболее важных и сложных отраслей в деятельности Литфонда СССР. Сеть домов творчества растет, география расширяется. За период 1981—1985 гг. открыты дома творчества в Ниде и Арашане. Ежегодно в домах творчества отдыхают и работают до 12 тысяч писателей и членов их семей.

За последние 5 лет многое сделано для улучшения условий в домах творчества, однако не все они, к сожалению, отвечают современным требованиям.

Ремонт, замена оборудования, мебели, создание дополнительных удобств — все это требует значительных затрат. Средства от продажи путевок не покрывают всех расходов, связанных с эксплуатацией домов творчества, в связи с чем Литфонд ежегодно выделяет дотацию на их содержание. За 5 лет сумма дотации превысила 8 млн. рублей.

В целях эксплуатации домов творчества в несезонное время Литфонд реализует путевки по договорам с рядом отраслевых профсоюзов страны. Это позволяет несколько сократить сумму дотации на 127,0 тыс. рублей.

В последние годы доля писательского контингента в домах творчества увеличивается.

На медицинское обслуживание писателей и членов их семей за пять лет израсходовано 3,9 млн. рублей. Расходы эти ежегодно увеличиваются.

В Москве построено новое здание для Центральной поликлиники Литфонда, обслуживающей московских писателей, она оснащена новым современным оборудованием и укомплектована квалифицированными медицинскими кадрами.

На базе 7-й городской больницы в Москве открыто стационарное терапевтическое отделение на 300 мест для писателей.

В перспективе — создание отделения реабилитации на базе одного из подмосковных домов творчества.

Писательские клубы ведут работу в столицах союзных республик и некоторых областных центрах. Пленумы, конференции, собрания, концерты, творческие вечера, лекции — вот неполный перечень мероприятий, осуществляемых клубами писателей. Крупнейшими из

них являются Центральный Дом литераторов, Дом писателя имени В. В. Маяковского в Ленинграде и Дом литераторов в Киеве.

На клубную работу ежегодно расходуются более 600 тыс. рублей.

Книжные лавки, снабжающие писателей необходимой литературой, открыты в 6 городах. Кроме обеспечения книжной продукцией членов Союза писателей, книжные лавки дают ощутимый доход — около 1 млн. рублей в год. Ведущая роль в этой работе принадлежит Центральной книжной лавке, которая снабжает книгами не только московских писателей, но как оптовая база помогает другим книжным лавкам в выполнении плана товарооборота.

Для индивидуального пошива литераторам одежды и изделий из меха в Москве существует производственный комбинат, а в Ленинграде — ателье мод. Московский комбинат, кроме того, имеет машинописный, переплетный и фотоцехи, обслуживающие писателей.

Московским комбинатом за эти 5 лет было изготовлено около 7 тысяч изделий по индивидуальным заказам писателей и членов их семей.

Ателье в Ленинграде ежегодно выполняет заказы ленинградских писателей на сумму 58,0 тыс. рублей.

Детский сад Литфонда СССР рассчитан на 180 детей. На его содержание ежегодно расходуются около 140 тыс. рублей. По содержанию воспитательной работы с детьми он является одним из лучших детских садов столицы.

Ремонтно-строительное управление Литфонда СССР помогает содержать в нормальных

эксплуатационных условиях подмосковные дома творчества и писательский городок в Переделкино. В последние годы им осваивались также объемы строительных работ в Пичунде, Гагре, Коктебеле и Ялте.

План по капитальному ремонту РСУ выполнен за 5 лет на 107,4 процента (объем работ — 4 912 тыс. рублей). Капитальное строительство за тот же период произведено в объеме 2 172 тыс. рублей, что превысило плановое задание на 1,0 процента.

В настоящее время финансовое положение Литфонда СССР можно считать устойчивым, так как по итогам последних лет имелось превышение доходов над расходами, и все же в дальнейшем Литфонду предстоит искать пути сокращения расходов и увеличения доходной части. Необходимо также выполнить в текущем пятилетии намеченную программу по приведению в порядок домов творчества.

В свете решений XXVII съезда КПСС необходимо значительно улучшить работу всех звеньев работы Литфонда СССР, повысить культуру обслуживания писателей, чутко и внимательно относиться к их просьбам, создавать все условия для успешного творческого труда. В домах творчества следует организовать не только хороший отдых, но и необходимую рабочую атмосферу, ввести систему проката пишущих машинок, продажу бумаги, пополнить и укомплектовать библиотеки необходимой справочной литературой. Литфонду СССР требуется обратить особое внимание на качество строительных и ремонтных работ РСУ, организацию широкого социалистического соревнования среди трудящихся подведомственных организаций.

СТАТИСТИЧЕСКАЯ СПРАВКА
ПО СОЮЗУ ПИСАТЕЛЕЙ СССР
НА 1 МАРТА 1986 Г.

Всего членов СП СССР — 9 561	1983	— 407
мужчин — 8 075	1984	— 370
женщин — 1 486	1985	— 287
	1986	
По жанрам:	По партийности:	
прозаиков — 3501	членов КПСС — 5636	
поэтов — 3466	членов ВЛКСМ — 26	
драматургов — 401	беспартийных — 3899	
критиков и литературове- дов — 1210	По возрасту:	
детских писате- лей — 277	до 30 лет — 43	
переводчиков — 610	от 31 до 35 лет — 221	
очеркистов — 92	от 36 до 40 лет — 631	
фольклористов — 4	от 41 до 50 лет — 2447	
	от 51 до 60 лет — 2824	
	от 61 до 70 лет — 1973	
	от 71 и старше — 1422	
Начало лит. работы:	По образованию:	
до 1916 года — 20	высшее — 7785	
1917—1933 гг. — 797	н/высшее — 770	
1934—1940 гг. — 845	среднее — 880	
1941—1945 гг. — 521	н/среднее — 103	
1946—1954 гг. — 2408	начальное — 15	
1955—1958 гг. — 1617	самообразование — 8	
1959—1966 гг. — 2207	Героев Советского Союза — 21	
1967—1973 гг. — 914	Героев Социалистического Тру- да — 46	
1974—1976 гг. — 164	Лауреатов Ленинской премии — 28	
1977—1985 гг. — 68	Лауреатов Госпремии СССР — 145	
По стажу пребывания в СП:	Лауреатов республиканских государственных премий — 458	
1934 год — 157	Лауреатов премий ЦК ВЛКСМ — 56	
1935—1940 гг. — 310	Лауреатов премий ЦК ЛКСМ республик — 215	
1941—1945 гг. — 217	Депутатов Верховного Совета СССР — 28	
1946—1954 гг. — 695	Депутатов Верховного Совета республик — 76	
1955—1958 гг. — 786	Имеющих ученую степень и звание — 1481	
1959—1966 гг. — 1664	Имеющих почетное звание — 1146	
1967—1970 гг. — 874	Имеющих почетное звание — 4706	
1971—1975 гг. — 1296	Награжденных орденами и медалями	
1976—1980 гг. — 1677		
1981 — 340		
1982 — 481		

**ПЕЧАТНЫЕ ОРГАНЫ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР,
СОЮЗОВ ПИСАТЕЛЕЙ СОЮЗНЫХ И АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИК
НА 1 МАРТА 1986 ГОД**

ГАЗЕТЫ И ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКИ

- «Литературная газета» — орган Союза писателей СССР
- «Литературная Россия» — орган Союза писателей РСФСР и Московской писательской организации Союза писателей РСФСР
- «Московский литератор» — орган парткома и правления Московской писательской организации Союза писателей РСФСР.
- «Літературна Україна» — орган Союза писателей Украинской ССР
- «Літаратура і мастацтва» — орган Министерства культуры и Союза писателей Белорусской ССР.
- «Ўзбекистон адабиёти ва санъати» — орган Министерства культуры и Союза писателей Узбекской ССР
- «Казах адабиеті» — орган Союза писателей Казахской ССР
- «Литературиლი Сакартвело» — орган Союза писателей Грузинской ССР
- «Адабият ве индженет» — орган Министерства культуры и Союза писателей Азербайджанской ССР
- «Литература ир мянас» — орган Министерства культуры и Союза писателей Литовской ССР
- «Литература ши Арта» — орган Министерства культуры и Союза писателей Молдавской ССР
- «Литература ун Максла» — орган творческих союзов и Театрального общества Латвийской ССР
- «Кыргызстан маданияты» — орган Министерства культуры и Союза писателей Киргизской ССР
- «Адабиёт ва санъат» — орган Министерства культуры и Союза писателей Таджикской ССР.
- «Гракан терт» — орган Союза писателей Армянской ССР
- «Эдебият ве сунгат» — орган Министерства культуры и Союза писателей Туркменской ССР.
- «Сирп я вазар» — орган Министерства культуры и творческих союзов Эстонской ССР.

ЖУРНАЛЫ

- «Вопросы литературы» — орган Союза писателей СССР и Института мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР
- «Детская литература» — орган Госкомиздата СССР, Госкомиздата РСФСР, Союза писателей СССР, Союза писателей РСФСР
- «Дружба народов» — орган Союза писателей СССР
- «Звезда» — орган Союза писателей СССР
- «Знамя» — орган Союза писателей СССР.
- «Иностранная литература» — орган Союза писателей СССР
- «Литературная учеба» — орган Союза писателей СССР и ЦК ВЛКСМ
- «Литературное обозрение» — орган Союза писателей СССР
- «Новый мир» — орган Союза писателей СССР
- «Советская литература» на иностранных языках и «Произведения и мнения» на французском языке — орган Союза писателей СССР
- «Советиш геймланд» (на еврейском языке) — орган Союза писателей СССР.
- «Театр» — орган Союза писателей СССР и Министерства культуры СССР.
- «Юность» — орган Союза писателей СССР
- «Москва» — орган Союза писателей РСФСР и Московской писательской организации Союза писателей РСФСР
- «Наш современник» — орган Союза писателей РСФСР
- «Нева» — орган Союза писателей РСФСР и Ленинградской писательской организации Союза писателей РСФСР
- «Октябрь» — орган Союза писателей РСФСР.

- «Волга» — орган Союза писателей РСФСР и Саратовской писательской организации Союза писателей РСФСР.
- «Дальний Восток» — орган Союза писателей РСФСР и Хабаровской писательской организации Союза писателей РСФСР
- «Дон» — орган Союза писателей РСФСР и Ростовской писательской организации Союза писателей РСФСР
- «Подъем» — орган Союза писателей РСФСР и Воронежской писательской организации Союза писателей РСФСР
- «Север» — орган Союза писателей РСФСР, Карельской АССР, Коми АССР, Мурманской, Архангельской и Вологодской писательских организаций Союза писателей РСФСР
- «Сибирские огни» — орган Союза писателей РСФСР и Новосибирской писательской организации Союза писателей РСФСР.
- «Театральная жизнь» — орган Министерства культуры РСФСР, Союза писателей РСФСР и ВТО.
- «Урал» — орган Союза писателей РСФСР, Башкирской АССР, Удмурдской АССР, Свердловской, Пермской, Челябинской, Тюменской, Оренбургской и Курганской писательских организаций Союза писателей РСФСР
- «Уральский следопыт» — орган Союза писателей РСФСР, Свердловской писательской организации Союза писателей РСФСР, Свердловского обкома ВЛКСМ
- «Вітчизна» — орган Союза писателей Украинской ССР
- «Всесвіт» — орган Союза писателей Украинской ССР, Украинского общества дружбы и культурных связей с зарубежными странами, Украинского республиканского Комитета защиты мира
- «Донбасс» — орган Союза писателей Украинской ССР
- «Жовтень» — орган Союза писателей Украинской ССР
- «Киев» — орган Союза писателей Украинской ССР и Киевской писательской организации Союза писателей Украинской ССР
- «Прапор» — орган Союза писателей Украинской ССР
- «Радуга» (на русском языке) — орган Союза писателей Украинской ССР
- «Радянське літературознавство» — орган Союза писателей Украинской ССР и Института литературы Академии наук Украинской ССР имени Т. Г. Шевченко.
- «Беларусь» — орган Союза писателей Белорусской ССР
- «Маладосць» — орган ЦК ЛКСМ и Союза писателей Белорусской ССР
- «Неман» (на русском языке) — орган Союза писателей Белорусской ССР
- «Полымя» — орган Союза писателей Белорусской ССР
- «Шарк юлдузи» — орган Союза писателей Узбекской ССР
- «Звезда Востока» (на русском языке) — орган Союза писателей Узбекской ССР
- «Йилдыз» — орган Союза писателей Узбекской ССР
- «Аму-Дарья» — орган Союза писателей Каракалпакской АССР
- «Ешлик» — орган Союза писателей Узбекской ССР
- «Жулдыз» — орган Союза писателей Казахской ССР
- «Простор» (на русском языке) — орган Союза писателей Казахской ССР
- «Литературная Грузия» (на русском языке) — орган Союза писателей Грузинской ССР
- «Мнатоби» — орган Союза писателей Грузинской ССР
- «Цискар» — орган Союза писателей Грузинской ССР
- «Алашара» — орган Союза писателей Абхазской АССР
- «Фидуаг» — орган Юго-Осетинского отделения Союза писателей Грузинской ССР
- «Азербайджан» — орган Союза писателей Азербайджанской ССР
- «Гракан Адрбеджан» — орган Союза писателей Азербайджанской ССР
- «Литературный Азербайджан» (на русском языке) — орган Союза писателей Азербайджанской ССР
- «Улдуз» — орган Союза писателей и ЦК ЛКСМ Азербайджанской ССР
- «Литва литературная» (на русском языке) — орган Союза писателей Литовской ССР
- «Нямунас» — орган Союза писателей и ЦК ЛКСМ Литовской ССР
- «Пяргале» — орган Союза писателей Литовской ССР
- «Кодры» (на русском языке) — орган Союза писателей Молдавской ССР
- «Нистру» — орган Союза писателей Молдавской ССР
- «Горизонт» — орган Союза писателей и ЦК ЛКСМ Молдавской ССР
- «Даугава» (на русском языке) — орган Союза писателей Латвийской ССР
- «Карогс» — орган Союза писателей Латвийской ССР
- «Ала-Тоо» — орган Союза писателей и Министерства культуры Киргизской ССР
- «Литературный Киргизстан» (на русском языке) — орган Союза писателей и ЦК ЛКСМ Киргизской ССР
- «Памир» (на русском языке) — орган Союза писателей Таджикской ССР
- «Садон Шарк» — орган Союза писателей Таджикской ССР
- «Гарун» — орган Союза писателей и ЦК ЛКСМ Армянской ССР
- «Литературная Армения» (на русском языке) — орган Союза писателей Армянской ССР
- «Советакан Граканутюн» — орган Союза писателей Армянской ССР
- «Ашхабад» (на русском языке) — орган Союза писателей Туркменской ССР.

- «Совет эдебияты» — орган Союза писателей Туркменской ССР
 «Лооминг» — орган Союза писателей Эстонской ССР
 «Кеэл я кирьяндус» — орган Академии наук и Союза писателей Эстонской ССР
 «Таллин» (на русском языке) — орган Союза писателей и Министерства культуры Эстонской ССР
 «Аврора» — орган ЦК ВЛКСМ, Союза писателей СССР, Союза писателей РСФСР
 «Костер» — орган ЦК ВЛКСМ, Центрального совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина, Союза писателей СССР
 «Агидель» — орган Союза писателей Башкирской АССР
 «Байгал» (на бурятском языке) — орган Союза писателей Бурятской АССР
 «Байкал» (на русском языке) — орган Союза писателей Бурятской АССР
 «Соколенок» — орган Союза писателей Дагестанской АССР и обкома ВЛКСМ
 «Литературный Дагестан» — орган Союза писателей Дагестанской АССР
 «Эльбрус» — орган Союза писателей Кабардино-Балкарской АССР
 «Теегин герл» — орган Союза писателей Калмыцкой АССР
 «Пуналиппу» — орган Союза писателей Карельской АССР
 «Войвыв кодзув» — орган Союза писателей Коми АССР
 «Ончыко» — орган Союза писателей Марийской АССР
 «Мокша» — орган Союза писателей Мордовской АССР
 «Сятко» — орган Союза писателей Мордовской АССР
 «Мах дуг» — орган Союза писателей Северо-Осетинской АССР
 «Казан утлары» — орган Союза писателей Татарской АССР
 «Молот» — орган Союза писателей Удмуртской АССР
 «Таван Атал» — орган Союза писателей Чувашской АССР
 «Хатёр пул» — орган Союза писателей Чувашской АССР, Чувашского обкома ВЛКСМ, областного Совета пионерской организации
 «Ялав» — орган Союза писателей Чувашской АССР
 «Полярная звезда» (на русском языке) — орган Союза писателей Якутской АССР
 «Хотугу сулус» (на якутском языке) — орган Союза писателей Якутской АССР

АЛЬМАНАХИ

- «Алтай» (г. Барнаул)
 «Аргун» (г. Грозный)
 «Гантиади» (г. Кутаиси)
 «Дружба» (г. Майкоп)
 «Дружба» (г. Махачкала)
 «Дружба» (г. Чебоксары)
 «Енисей» (г. Красноярск)
 «Жалын» (г. Алма-Ата)
 «Идел» (г. Казань)
 «Критика» (г. Тбилиси)
 «Кубань» (г. Краснодар)
 «Лиахви» (г. Гори)
 «Литературный Владивосток» (г. Владивосток)
 «Литературная Осетия» (г. Орджоникидзе)
 «Огни Кузбасса» (г. Кемерово)
 «Рица» (г. Сухуми)
 «Саундже» (г. Тбилиси)
 «Сибирь» (г. Иркутск)
 «Современная драматургия» (г. Москва)
 «Ставрополье» (г. Ставрополь)
 «Улуг-Хем» (г. Кызыл)
 «Утро гор» (г. Грозный)
 «Чорохи» (г. Батуми)
 «Шаги» (г. Москва)
 «Ылдыс» (г. Горно-Алтайск)

СПИСОК ДЕЛЕГАТОВ ВОСЬМОГО СЪЕЗДА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

РСФСР

Москва

1. АКУЛОВ Иван Иванович
2. АЛЕКСЕЕВ Михаил Николаевич
3. АЛЕКСЕЕВ Сергей Петрович
4. АЛЕКСИН Анатолий Георгиевич
5. АЛИГЕР Маргарита Иосифовна (АЛИ-ГЕР-МАКАРОВА)
6. АМЛИНСКИЙ Владимир Ильич
7. АНАНЬЕВ Анатолий Андреевич
8. АНДРЕЕВ Владимир Михайлович
9. АНТОНОВ Сергей Петрович
10. АНТРОПОВ Юрий Васильевич
11. АРБУЗОВ Алексей Николаевич
12. АРДАМАТСКИЙ Василий Иванович
13. БАБАЕВСКИЙ Семен Петрович
14. БАКЛАНОВ Григорий Яковлевич
15. БАРАБАШ Юрий Яковлевич
16. БАРУЗДИН Сергей Алексеевич
17. БЕРДНИКОВ Георгий Петрович
18. БОБКОВ Сергей Филиппович
19. БОНДАРЕВ Юрий Васильевич
20. БОРЗУНОВ Семен Михайлович
21. БОРОВИК Генрих Авиэзерович
22. БОРЩАГОВСКИЙ Александр Михайлович
23. ВАНШЕНКИН Константин Яковлевич
24. ВАСИЛЬЕВА Лариса Николаевна
25. ВЕРГЕЛИС Арон Алтерович
26. ВИКУЛОВ Сергей Васильевич
27. ВИНОГРАДОВ Юрий Александрович
28. ВИНКУРОВ Евгений Михайлович
29. ВОЗНЕСЕНСКИЙ Андрей Андреевич
30. ВОРОНОВ Юрий Петрович
31. ГАНИНА Майя Анатольевна
32. ГАНИЧЕВ Валерий Николаевич
33. ГОДЕНКО Михаил Матвеевич
34. ГОРБАЧЕВ Николай Андреевич
35. ГРИБАЧЕВ Николай Матвеевич
36. ГРИБОВ Юрий Тарасович
37. ГУЛИА Георгий Дмитриевич
38. ГУСЕВ Владимир Иванович
39. ДАНГУЛОВ Савелий Артемович
40. ДЕМЕНТЬЕВ Андрей Дмитриевич
41. ДЕМЕНТЬЕВ Валерий Васильевич
42. ДОЛМАТОВСКИЙ Евгений Аронович
43. ДОРИЗО Николай Константинович
44. ДРУНИНА Юлия Владимировна
45. ЕВДОКИМОВ Николай Семенович
46. ЕВТУШЕНКО Евгений Александрович
47. ЕРЕМЕНКО Владимир Николаевич
48. ЖУКОВ Юрий (Георгий) Александрович
49. ЗАЛЫГИН Сергей Павлович
50. ИВАНОВ Анатолий Степанович
51. ИСАЕВ Егор Александрович
52. КАВЕРИН Вениамин Александрович
53. КАЗАКОВА Римма Федоровна
54. КАРЕЛИН Лазарь Викторович
55. КАРПЕКО Владимир Кириллович
56. КАРПОВ Владимир Васильевич
57. КАТАЕВ Валентин Петрович
58. КЕШОКОВ Алим Пшемахович
59. КИМ Анатолий Андреевич
60. КОЗЛОВСКИЙ Яков Абрамович
61. КОЗЬМИН Мстислав Борисович
62. КОЛЕСНИКОВ Михаил Сергеевич
63. КОЛОСОВ Михаил Макарович
64. КОПТЯЕВА Антонина Дмитриевна
65. КОСТРОВ Владимир Андреевич
66. КРИВИЦКИЙ Зиновий (Александр) Юрьевич
67. КРУПИН Владимир Николаевич
68. КУЗНЕЦОВ Феликс Феодосьевич
69. КУЛЕШОВ Александр Петрович (НОЛЛЕ А. П.)
70. КУНЯЕВ Станислав Юрьевич
71. ЛАВЛИНСКИЙ Леонард Илларионович
72. ЛЕОНОВ Борис Андреевич
73. ЛЕОНОВ Леонид Максимович
74. ЛИХАНОВ Альберт Анатольевич
75. ЛИЧУТИН Владимир Владимирович
76. ЛОМИДЗЕ Георгий Иосифович
77. ЛЬВОВ-МАЛИКОВ Михаил Давыдович
78. МАКАНИН Владимир Семенович
79. МАЛЫЦЕВ Елизарий Юрьевич (ПУПКО)
80. МАРКОВ Георгий Мокеевич
81. МАТУСОВСКИЙ Михаил Львович
82. МЕЖИРОВ Александр Петрович
83. МИХАЙЛОВ Александр Алексеевич
84. МИХАЛКОВ Сергей Владимирович
85. МИШАРИН Александр Николаевич
86. МОЖАЕВ Борис Андреевич
87. МОТЯШОВ Игорь Павлович
88. НАГИБИН Юрий Маркович
89. НЕМЧЕНКО Гарий Леонтьевич
90. НИКОЛАЕВ Петр Алексеевич
91. НОВИКОВ Василий Васильевич
92. ОГНЕВ Владимир Федорович
93. ОЗЕРОВ Виталий Михайлович
94. ОСТРОВОВ Сергей Григорьевич
95. ОШАНИН Лев Иванович
96. ПАДЕРИН Иван Григорьевич

97. ПОВОЛЯЕВ Валерий Дмитриевич	121. СОКОЛОВ Владимир Николаевич
98. ПОЖЕНЯН Григорий Михайлович	122. СОЛОДАРЬ Цезарь Самойлович
99. ПОЛЯКОВ Юрий Михайлович	123. СОРОКИН Валентин Васильевич
100. ПОПОВ Владимир Федорович	124. СОФРОНОВ Анатолий Владимирович
101. ПОПЦОВ Олег Максимович	125. СТАДНЮК Иван Фотиевич
102. ПРИЛЕЖАЕВА Мария Павловна	126. СУББОТИН Василий Ефимович
103. ПРОКУШЕВ Юрий Львович	127. СУРОВЦЕВ Юрий Иванович
104. ПРОСКУРИН Петр Луквич	128. ТЕЛЬПУГОВ Виктор Петрович
105. ПРОХАНОВ Александр Андреевич	129. ФЕДОРЕНКО Николай Трофимович
106. РЕКЕМЧУК Александр Евсеевич	130. ФИРСОВ Владимир Иванович
107. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ Роберт Иванович	131. ФРОЛОВ Леонид Анатольевич
108. РОЗОВ Виктор Сергеевич	132. ХРАПЧЕНКО Михаил Борисович
109. РОСЛЯКОВ Василий Петрович	133. ЦЫБИН Владимир Дмитриевич
110. РЫБАКОВ Анатолий Наумович	134. ЧАКОВСКИЙ Александр Борисович
111. САЛЫНСКИЙ Афанасий Дмитриевич	135. ШАТРОВ Михаил Филиппович
(МАРШАК)
112. САМВЕЛЯН Николай Григорьевич
(ЛЕСИН Н. Г.)	136. ШЕВЕЛЕВА Екатерина Васильевна
113. САНГИ Владимир Михайлович	137. ШЕВЧЕНКО Михаил Петрович
114. САРТАКОВ Сергей Венедиктович	138. ШЕСТИНСКИЙ Олег Николаевич
115. САХНИН Аркадий Яковлевич	139. ШКЛЯРЕВСКИЙ Игорь Иванович
116. СБИТНЕВ Юрий Николаевич	140. ШТЕЙН Александр Петрович
117. СЕМЕНОВ Георгий Витальевич	141. ШУГАЕВ Вячеслав Максимович
118. СЕМЕНОВ Юлиан Семенович	142. ШУНДИК Николай Елисеевич
119. СИДОРОВ Евгений Юрьевич	143. ШИПАХИНА Людмила Васильевна
120. СМИРНОВ Сергей Васильевич	

Автономные республики, автономные области и города РСФСР

1. АБУКОВ Камал Ибрагимович	Дагестанская АССР
2. АГАШИНА Маргарита Константиновна	Волгоград
3. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ Виктор Николаевич	Хабаровск
4. АЛИЕВА Фазу Гамзатовна	Дагестанская АССР
5. АНДРЕЕВ Юрий Андреевич	Ленинград
6. АРТЕМЬЕВ Александр Спиридонович	Чувашская АССР
7. АСТАФЬЕВ Виктор Петрович	Красноярск
8. АФАНАСЬЕВ Порфирий Васильевич	Чувашская АССР
9. БЕЛОВ Василий Иванович	Вологда
10. БИИШЕВА Зейнап Абдулловна	Башкирская АССР
11. БИКЧЕНТАЕВ Анвер Гадеевич	Башкирская АССР
12. БЛАГОВ Николай Николаевич	Ульяновск
13. БОЛОГОВ Александр Александрович	Псков
14. БОРИСОВ Евгений Иванович	Калинин
15. БОРИСОВА Майя Ивановна	Ленинград
16. БОРОДКИН Юрий Серафимович	Ярославль
17. ВАСИЛЬЕВ Иван Афанасьевич	Псков
18. ВИНГРАДОВ Иван Иванович	Ленинград
19. ВИШНЕВСКИЙ Семен Алексеевич	Марийская АССР
20. ВОРОНИН Сергей Алексеевич	Ленинград
21. ГАЛИ М.
(ГАЛЕЕВ Габдрахман Галеевич)	Башкирская АССР
22. ГАЛИУЛЛИН Талгат Набиевич	Татарская АССР
23. ГАМЗАТОВ Расул Гамзатович	Дагестанская АССР
24. ГАТАУЛЛИН Радиф Кашфуллович	Татарская АССР
25. ГОГОЛЕВ Иван Михайлович	Якутская АССР
26. ГОНЧАРОВ Юрий Данилович	Воронеж
27. ГОРБОВСКИЙ Глеб Яковлевич	Ленинград
28. ГОРЕЛОВ Анатолий Ефимович	Ленинград
29. ГОРЫШИН Глеб Александрович	Ленинград
30. ГРАНИН Даниил Александрович
(ГЕРМАН)	Ленинград
31. ГУСАРОВ Дмитрий Яковлевич	Карельская АССР
32. ГУШИН Евгений Геннадьевич	Алтайский край
33. ДАМДИНОВ Николай Гармаевич	Бурятская АССР
34. ДАНИЛОВ Софрон Петрович	Якутская АССР
35. ДАНИЛЬЧЕНКО Анатолий Борисович	Волгоград
36. ДВОРЕЦКИЙ Игнатий Моисеевич	Ленинград
37. ДЕДКОВ Игорь Александрович	Кострома
38. ДУДИН Михаил Александрович	Ленинград

39. ЕМЕЛЬЯНОВ Анатолий Викторович	Чувашская АССР
40. ЕНИКЕЕВ Амирхан Нигметзянович	Татарская АССР
41. ЕРМОЛАЕВ Алексей Афанасьевич	Удмуртская АССР
42. ЖУКОВ Владимир Семенович	Иваново
43. ЖУРАВЛЕВ Николай Андреевич	Архангельск
44. ЗАВРАЖИН Иван Сергеевич	Липецк
45. ЗОЛОТОВ Василий Антонович	Рязань
46. ЗУМАКУЛОВА Танзиля Мустафаевна	Кабардино-Балкарская АССР
47. ИЛЬИНА Валентина Александровна
(ЗАХАРОВА)	Чувашская АССР
48. КАЛИНИН Анатолий Вениаминович	Ростов-на-Дону
49. КАЛИНКИН Иван Алексеевич	Мордовская АССР
50. КАРИМОВ Мустафа Сафич
(Мустай КАРИМ)	Башкирская АССР
51. КАШПУРОВ Иван Васильевич	Ставрополь
52. КИЛЬЧИЧАКОВ Михаил Еремеевич	Хакасская АО
53. КНЯЗЕВ Лев Николаевич	Владивосток
54. КОЗЫРЬ Леонид Иванович	Смоленск
55. КОНЕЦКИЙ Виктор Викторович	Ленинград
56. КОНОВалОВ Григорий Иванович	Саратов
57. КОПТЕЛОВ Афанасий Лазаревич	Новосибирск
58. КОРНИЛОВ Владимир Григорьевич	Кострома
59. КРАПИВИН Владислав Петрович	Свердловск
60. КУГУЛЬТИНОВ Давид Никитич	Калмыцкая АССР
61. КУДАЖИ Кызыл-Эник Кыргыз	Тувинская АССР
62. КУЗЬМИН Валентин Григорьевич	Кабардино-Балкарская АССР
63. КУЗЬМИН Лев Иванович	Пермь
64. ЛАГУНОВ Константин Яковлевич	Тюмень
65. ЛАЗАРЕВ Евгений Васильевич	Куйбышев
66. ЛЕБЕДЕНКО Петр Васильевич	Ростов-на-Дону
67. ЛИХАЧЕВ Дмитрий Сергеевич	Ленинград
68. ЛИХОНОСОВ Виктор Иванович	Краснодар
69. ЛУКЬЯНИН Валентин Петрович	Свердловск
70. ЛЮБОВИКОВ Овидий Михайлович	Киров
71. МАКШЕЕВ Вадим Николаевич	Томск
72. МАШБАШ Исхак Шумафович
(МАШБАШЕВ)	Адыгейская АО
73. МИННУЛЛИН Туфан Абдуллоевич	Татарская АССР
74. МИРЗАГИТОВ Асхат Масгутович	Башкирская АССР
75. МОРДИНОВ Николай Егорович	Якутская АССР
76. МУРЗАКОВ Валерий Николаевич	Омск
77. НИКИТИН Юрий Михайлович	Саратов
78. НИКОЛЬСКИЙ Борис Николаевич	Ленинград
79. НОВИЧИХИН Евгений Григорьевич	Воронеж
80. НОСОВ Евгений Иванович	Курск
81. ОРЕШИНА Нонна Николаевна	Татарская АССР
82. ПОГОДИН Радий Петрович	Ленинград
83. ПОТАНИН Виктор Федорович	Курган
84. РАМАЗАНОВ Гилемдар Зигандарович	Башкирская АССР
85. РАСПУТИН Валентин Григорьевич	Иркутск
86. РАСУЛОВ Магомед-Расул Расулович	Дагестанская АССР
87. РЕШЕТНИКОВ Леонид Васильевич	Новосибирск
88. РОМАНОВ Борис Степанович	Новгород
89. РУГОЕВ Яков Васильевич	Карельская АССР
90. РЫБАКОВ Николай Федорович	Марийская АССР
91. РЫТХЭУ Юрий Сергеевич	Ленинград
92. САЗОНОВ Александр Александрович	Пенза
93. САМСОНОВ Семен Александрович	Удмуртская АССР
94. САНЕЕВ Николай Васильевич	Камчатка
95. СЕРДЮК Виталий Ефимович	Иваново
96. СКВОРЦОВ Константин Васильевич	Челябинск
97. СОБОЛЕВ Анатолий Пантелеевич	Калининград
98. СОРОКИН Лев Леонидович	Свердловск
99. ТРОЕПОЛЬСКИЙ Гавриил Николаевич	Воронеж
100. УСМАНОВ Миркасым Абдулахатович	Татарская АССР
101. УХСАЙ Яков Гаврилович	Чувашская АССР
102. ФАТТАХОВ Нурихан Садрильманович
(ФАТТАХ Нурихан)	Татарская АССР
103. ФИЛИППОВ Ростислав Владимирович	Иркутск
104. ФОКИНА Ольга Александровна	Вологда
105. ХАКИМОВ Ахияр Хасанович	Башкирская АССР

106. ХАКИМОВ Сибгат Тазиевич
(ХАКИМ Сибгат)	Татарская АССР
107. ХАЛОВ Павел Васильевич	Хабаровск
108. ХАМЕТОВА Ханбиче Шихрагимовна
(САИДОВА)	Дагестанская АССР
109. ХАРИСОВ Ренат Магъсумович	Татарская АССР
110. ХОЛОПОВ Георгий Константинович	Ленинград
111. ХУБИЕВ Осман Ахьяевич	Карачаево-Черкесская АО
112. ЦАГАРАЕВ Максим Николаевич	Северо-Осетинская АССР
113. ЦАКУНОВ Олег Александрович	Ленинград
114. ЦИРИХОВ Михаил Тасолтанович	Северо-Осетинская АССР
115. ЦЫРЕНДОРЖИЕВ Сергей Сультимович	Бурятская АССР
116. ЧЕБАЛИН Евгений Васильевич	Чечено-Ингушская АССР
117. ЧЕПУРОВ Анатолий Николаевич	Ленинград
118. ЧЕРАПКИН Николай Иосифович	Мордовская АССР
119. ШАМШУРИН Валерий Анатольевич	Горький
120. ШЕФНЕР Вадим Сергеевич	Ленинград
121. ШОГЕНЦУКОВ Адам Огурлиевич	Кабардино-Балкарская АССР
122. ЩЕЛОКОВ Юрий Михайлович	Тула
123. ЭЛЬЯШЕВИЧ Аркадий Павлович	Ленинград
124. ЮЗЕЕВ Илдар Гафурович	Татарская АССР
125. ЮРОВ Геннадий Евлампиевич	Кемерово
126. ЮШКОВ Геннадий Анатольевич	Коми АССР
127. ЯКУШЕНКО Александр Кириллович	Брянск
- Украинская ССР**
1. АВТОМОНОВ Павел Федорович	32. КРАВЧЕНКО Анатолий Иванович
2. БОРТНЯК Анатолий Агафонович	33. КУДИЕВСКИЙ Константин Игнатьевич
3. БРАТАН Николай Иванович	34. ЛЕВАДА А.
(КОСЯК-ЛЕВАДА Александр Степанович)
4. БУРЛАКОВ Сергей Романович	35. ЛУБКОВСКИЙ Роман Марьянович
5. ВИНГРАНОВСКИЙ Николай Степанович	36. ЛУЦЕНКО Дмитрий Емельянович
6. ВЫШЕСЛАВСКИЙ Леонид Николаевич	37. МОРОЗ Анатолий Трофимович
7. ВОРОНЬКО Платон Никитович	38. МУСИЕНКО Алексей Григорьевич
8. ГЛУШКО Александр Кондратьевич	39. МУШКЕТИК Юрий Михайлович
9. ГЛУШКО Мария Васильевна	40. НОВИЧЕНКО Леонид Николаевич
10. ГОЛОВАНОВСКИЙ Савва Евсеевич	41. ОЛЕЙНИК Борис Иванович
11. ГОНЧАР Олесь
(Александр Терентьевич)	42. ОСАДЧУК Петр Ильич
12. ГОНЧАРУК Захар Власович	43. ПАВЛЫЧКО Дмитрий Васильевич
13. ГУЦАЛО Евгений Филиппович	44. ПЕРЕБЕЙНОС Петр Моисеевич
14. ДЗЕВЕРИН Игорь Александрович	45. ПИДСУХА Александр Николаевич
15. ДИМАРОВ Анатолий Андреевич	46. ПОЛЯНКЕР Григорий Исаакович
16. ДОВНАР Геннадий Станиславович	47. ПУШИК Степан Григорьевич
17. ДОМБРОВСКИЙ Анатолий Иванович	48. РЕБРО Петр Павлович
18. ДРАЧ Иван Федорович	49. РОГОЗА Борис Петрович
19. ДРОЗД Владимир Григорьевич	50. РУДЬ Николай Данилович
20. ЗАБАШТАНСКИЙ Владимир Емельянович	51. РЫБАЛКО Николай Александрович
21. ЗАГРЕБЕЛЬНЫЙ Павел Архипович	52. САМБУК Ростислав Феодосьевич
22. ЗАРУДНЫЙ Николай Яковлевич	53. СИЗОНЕНКО Александр Александрович
23. ЗБАНАЦКИЙ Юрий (Григорий) Олиферович	54. СИЛАЕВ Борис Дмитриевич
24. ИВАНЕНКО Оксана Дмитриевна	55. СКОМАРОВСКИЙ Вадим Петрович
25. ИЛЬЧЕНКО Александр Елисеевич	56. ТИТОВ Владислав Андреевич
26. КАНИВЕЦ Владимир Васильевич	57. УПЕНИК Николай Александрович
27. КОЗАЧЕНКО Василий Павлович	58. ФАЩЕНКО Василий Васильевич
28. КОЛОМИЕЦ Алексей Федотович	59. ФЕДОРОВ Роман Николаевич
29. КОЛЕСНИЧЕНКО Анатолий Илларионович	60. ФОЛЬВАРОЧНЫЙ Василий Иванович
30. КОРОТИЧ Виталий Алексеевич	61. ЦЮПА Иван Антонович
31. КОСТЕНКО Лина Васильевна	62. ЧЕНДЕЙ Иван Михайлович
	63. ШВЕЦ Василий Степанович
	64. ЩЕРБАК Юрий Николаевич
	65. ЯВОРИВСКИЙ Владимир Александрович
- Белорусская ССР**
1. АДАМОВИЧ Александр Михайлович	5. БУРАВКИН Геннадий Николаевич
2. АДАМЧИК Вячеслав Владимирович	6. БЫКОВ Василий Владимирович
3. БОРОДУЛИН Григорий Иванович	7. ГИЛЕВИЧ Нил Семенович
4. БРЫЛЬ Янка
(БРИЛЬ Иван Антонович)	8. ГРЕЧАНИКОВ Анатолий Семенович
	9. ДУДАРЕВ Алексей Ануфриевич

10. ЖУК Александр Александрович
11. ЗУЕНОК Василий Васильевич
12. КАРАМАЗОВ Виктор Филимонович
13. КИРЕЕНКО Константин Тихонович
14. КОЗЬКО Виктор Афанасьевич
15. КУДРАВЕЦ Анатолий Павлович
16. ЛУЖАНИН Максим
(ЛУЖАНИН-КАРАТАЙ
Александр Амвросьевич)

17. НАУМЕНКО Иван Яковлевич
18. ПАНЧЕНКО Пимен Емельянович
19. САЧЕНКО Борис Иванович
20. ТАНК Максим
(СКУРКО Евгений Иванович)
21. ЧИГРИНОВ Иван Гаврилович
22. ШАМЯКИН Иван Петрович

Узбекская ССР

1. АЗИМОВ Сарвар Алимджанович
2. АЙМУРЗАЕВ Джолмурза Мурзаевич
3. АРИПОВ Абдулла
(ОРИПОВ)
4. БАБАДЖАН Рамз Насырович
5. БЕРЕЗИКОВ Евгений Ефимович
6. ВАХИДОВ Эркин Вахидович
7. ГУЛЯМ Хамид
(ГУЛЯМОВ Хамид Убайдуллаевич)
8. ЗУЛЬФИЯ
(ИСРАЙЛОВА Зульфия)
9. КАДЫРОВ Пиримкул Кадырович
10. КАИПБЕРГЕНОВ Тулепберген
11. КАЮМОВ Лазиз Пулатович
12. МАТЧАНОВ Аманбай
13. МАХМУДОВ Латып
14. МИРМУХСИН
(МИРСАЙДОВ Мирмухсин)
15. МУРАД Тагай
(МИНГНАРОВ Тагай Буриевич)
16. МУХАММАД Али
(АХМЕДОВ Мухаммат-Али)
17. МУХТАР Аскад
(МУХТАРОВ Аскад)
18. НОРМАТОВ Умарали
19. НУРУЛЛАЕВА Гульчехра
20. ОСМАН Айдер
(ОСМАНОВ Айдер Асанович)

21. ПУЛАТОВ Тимур Исакович
22. САИД Ахмад
(ХУСАНХОДЖАЕВ Саид Ахмад)
23. СИДЕЛЬНИКОВ Олег Васильевич
24. СУЛТАН Иззат
(СУЛТАНОВ Иззат Атаханович)
25. ТУЛА Тураб
(ТУЛАХОДЖАЕВ Тураб)
26. УДАЛОВ Александр Андреевич
27. УЙГУН
(АТАКУЗИЕВ Уйгун)
28. УМАРБЕКОВ
Ульмас-Камал Рахимбекович
29. ФАЙЗИ Рахмат
(ФАЙЗИЕВ Рахмат)
30. ХАШИМОВ Уткур
31. ХОДЖИЕВА Ойдин
32. ХУДАЙБЕРДИЕВА
Халима Умматкуловна
33. ЧЕРКЕЗ-АЛИ
(АМЕТОВ Черкез-Али)
34. ШУКРУЛЛО
(ЮСУПОВ Шукрулло)
35. ЮСУПОВ Ибрагим
36. ЯКУБОВ Адыл
37. ЯШЕН Камиль
(НУГМАНОВ Камиль Нугманович)

Казахская ССР

1. АБИШЕВ Альжаппар
2. АЙТХОЖИНА Марфуга Галиевна
3. АЛИМЖАНОВ Ануарбек Турлубекович
4. АШИРОВ Ахмет Аксупиевич
5. БЕЛЬГЕР Герольд Карлович
6. ЖУНУСОВ Сакен Нурмакович
7. ИСАБЕКОВ Дулат
8. КАРАТАЕВ Мухамеджан
9. КЕКИЛЬБАЕВ Абиш
10. КРИВОЩЕКОВ Леонид Данилович
11. МАГАУИН Мухтар Муханович
12. МОЛДАГАЛИЕВ Туманбай
13. МУЛДАГАЛИЕВ Джубан
14. МУРАТБЕКОВ Сайын
15. МУРЗАЛИЕВ Кадыр Гинятович

16. МУРТАЗАЕВ Шерхан
17. НАЙМАНБАЕВ Калдарбек
18. НУРГАЛИЕВ Рымгали Нургалиевич
19. НУРПЕИСОВ Абдижамил Каримович
20. САРСЕКЕЕВ Медеу
21. СУЛЕЙМЕНОВ Олжас Омарович
22. ТАРАЗИ А.
(АШИМОВ Аким Уртаевич)
23. ТЛЕГЕНОВ Бекежан
24. ТОЛМАЧЕВ Геннадий Иванович
25. ТУРСУНКУЛОВ
Калаубек Кудайбергенович
26. УНГАРСЫНОВА Фариза Унгарсыновна
27. ШАХАНОВ Мухтар
28. ШЕГОЛИХИН Иван Павлович

Грузинская ССР

1. АБАШИДЗЕ Григол
(АБАШИДЗЕ Григорий Григорьевич)
2. АБАШИДЗЕ Иракий Виссаронович
3. АМАШУКЕЛИ Реваз Бидзинович
4. АМИРЭДЖИБИ Чабуа
(АМИРЭДЖИБИ
Мзечабук Ираклиевич)

5. БЕРУЛАВА Хута Михайлович
6. БУАЧИДЗЕ Тенгиз Павлович
7. ГАГУА Хута Лаврентьевич
8. ДЖАПАРИДЗЕ Реваз Андреевич
9. ДЖОНУА Алексей Несторович
10. ИНАНИШВИЛИ Реваз Константинович
11. КАЛАНДАДЗЕ Анна Павловна

12. КАЛАНДИЯ Гено Владимирович	23. СУЛАКАУРИ Арчил Самсонович
13. КВИЦАРИДЗЕ Давид Васильевич	24. ТАБУКАШВИЛИ Лаша Ревазович
14. КОЗАЕВ Исидор Софронович	25. ТАРБА Иван Константинович
15. ЛЕБАНИДЗЕ Мурман Силованович	26. ХАЛВАШИ Фридон Ишигович
16. ЛОРДКИПАНИДЗЕ
Константин Александрович	27. ЦИЦИШВИЛИ Георгий Шалвович
17. МАЧАВАРИАНИ Мухран Иванович	28. ЧАРКВИАНИ
Джануки (Джансуг) Авдидович
18. МИМИНОШВИЛИ Роман Северьянович	29. ЧЕЛИДЗЕ Вахтанг Васильевич
19. НИШНИАНИДЗЕ Шота Георгиевич	30. ЧИЛАДЗЕ Отар Иванович
20. НОДИЯ Отар Филимонович	31. ЧИЛАДЗЕ Тамаз Иванович
21. ПАНДЖИКИДЗЕ Гурам Иванович	32. ШИНКУБА Баграт Васильевич
22. ПОЦХИШВИЛИ Морис Фомич	

Азербайджанская ССР

1. АББАСЗАДЕ Гусейн Аббас оглы	12. ДИЛЬБАЗИ Мирварид Паша кызы
2. АЗЕРОГЛЫ
(АБИ-ЗАДЕ
Балаш Аллахабагыш оглы)	13. ИБРАГИМБЕКОВ
Максуд Мамед Ибрагим оглы
3. АЙЛИСЛИ Акрам
(НАИБОВ-АЙЛИСЛИ
Акрам Наджаф оглы)	14. ИБРАГИМОВ Гусейн Мамедали оглы
4. АКОПЯН Вартан
(АКОПЯН Славик Саркисович)	15. ИБРАГИМОВ Мирза Аждар оглы
5. АНАР
(РЗАЕВ Анар Расул оглы)	16. НАБИ ХАЗРИ
(БАБАЕВ Наби Хазри Алекпер оглы)
6. БАЙРАМОВ Байрам Салман оглы	17. НАБИЕВ Бекир Ахмед оглы
7. ВАГАБЗАДЕ Бахтияр Махмуд оглы	18. НОВРУЗОВ Джабир Мирзабек оглы
8. ВЕКИЛОВ Юсиф Самед Вургун оглы
(САМЕДОГЛУ)	19. РУСТАМ Сулейман
(РУСТАМ-ЗАДЕ Сулейман-Али Абас оглы)
9. ВЕЛИЕВ Сулейман Вели оглы	20. ТРЕТЬЯКОВ Иван Поликарпович
10. ГАСАНЗАДЕ Нариман Алимамед оглы	21. ШИХЛЫ Исмаил
(ШИХЛИНСКИЙ
Исмаил Гахраман оглы)
11. ГУСЕЙНОВ Иса Мустафа оглы	22. ЭЛЬЧИН
(ЭФЕНДИЕВ
Эльчин Ильяс оглы)

Литовская ССР

1. АВИЖЮС Йонас Казимерович	8. ЛАНКУТИС Йонас Ионович
2. БАЛТАКИС Альгимантас Юргевич	9. МАЛДОНИС Альфонсас Мотеевич
3. БЕЛЮСКАС Альфонсас Пятрович	10. МАРЦИНКЯВИЧЮС
Юстинас Мотеевич
4. БРАЖЕНАС Пятрас Антанович	11. МЕЖЕЛАЙТИС
Эдуардас Беньяминевич
5. БУБНИС Витаутас-Юргис Казевич	12. ПАЛЬЧИНСКАЙТЕ Виолета Стасевна
6. КАРЧЯУСКАС Миколас Антанович	13. СЛУЦКИС Миколас Гецелевич
7. КАШАУСКАС
Александрас-Раймондас Феликсович	

Молдавская ССР

1. БЕШЛЯГЭ Владимир Васильевич	7. ЛАРИ Леонида
(ЙОРГА Любовь Ивановна)
2. БОТЕЗАТУ Елиза Николаевна	8. ЛУПАН Андрей Павлович
3. БОЦУ Павел Петрович	9. ПРОХИН Виктор Дмитриевич
4. БУСУЙОК Аурелиу Александрович	10. ЧОБАНУ И. К.
(ЧЕБАН Иван Константинович)
5. ДАБИЖА Н.
(ЧОБАНУ Николай Трофимович)	11. ШИШКАН Константин Борисович
6. КОРБУ Харлампий Григорьевич	

Латвийская ССР

1. АЗАРОВА Людмила
(ВАЦИЕТЕ Людмила Тимофеевна)	8. СВИРЕ Мара
(КАЙЯКА Мара Яновна)
2. БЭЛ Алберт Артурович	9. СКУИНЬ Зигмунд Янович
3. ЗАЛИТЕ Мара Эдвиновна	10. ХАНБЕРГ Эрик Карлович
4. ЗИЕДОНИС Имантс Янович	11. ЧАКЛАИС Марис Албертович
5. МИСИНЯ Мара
(ДУМБЕРЕ Марите Фрицевна)	12. ЭЗЕРА Регина
(КИНДЗУЛ Регина Робертовна)
6. ПЕТЕРС Янис Янович	13. ЭЛСБЕРГС Клавс Зигурдович
7. РОКПЕЛНИС Янис Фрицевич	

ПРИЛОЖЕНИЯ

Киргизская ССР

1. АБДУМОМУНОВ Токтоболот
2. АЙТМАТОВ Чингиз Торекулович
3. АКМАТОВ Казат
4. ДАНИКЕЕВ Оскен
5. ЖУСУПОВ Кенеш
6. КОЛЕСНИКОВ Евгений Григорьевич

7. МАМЫТОВ Жолон
8. СООРОНБАЕВА Зуура
9. СЫДЫКБЕКОВ Тугельбай
10. ТОКОМБАЕВ Аалы
11. УМЕТАЛИЕВ Темиркул

Таджикская ССР

1. ГУЛРУХСОР
(САФИЕВА Гулрухсор)
2. ИКРАМИ Джалол
3. КАНОАТ Мумин
(КАНОАТОВ Муминша)
4. ЛОИК
(ШЕРАЛИ Лоик)

5. МУХАММАДИЕВ Фазлидин Аминович
6. НИЯЗИ Фатех Ниязович
7. ПШЕНИЧНЫЙ Борис Николаевич
8. ФАЙЗУЛЛОЕВ Ибод
(ФАЙЗУЛЛАЕВ Ибодулло)

Армянская ССР

1. АДАЛЯН Нораир Мартиросович
2. АРУТЮНЯН Жора Сагатович
3. АРУТЮНЯН Сагател Мамиконович
4. ГРИГОРЯН Арам Паруйрович
5. ГУКАСЯН Ованес Арамович
6. ДАВОЯН Размик Никогосович
7. ДАВТЯН Ваагн Арменакович
8. ДАВТЯН Гагик Тигранович
9. ДЖРБАШЯН Эдуард Мкртычевич
10. КАПУТИКЯН Сильва Барунаковна
11. МАРКАРЯН Маро Егишевна
12. МАТЕВОСЯН Грант Игнатьевич

13. МКРТЧЯН Левон Мкртычевич
14. ОВАНЕСЯН Рачия
(ОГАНЕСЯН Рачия Карапетович)
15. ПЕТРОСЯН Вардгес Амазаспович
16. СААКЯН Арамаис Адамович
17. САГИЯН Амо
(ГРИГОРЯН Амаяк Саакович)
18. САИНЯН Анаит
(Аник) Арамовна
19. ХАНЗАДЯН Серо Николаевич
20. ЭМИН Геворг Григорьевич

Туркменская ССР

1. АТАБАЕВ Атамурад
2. БОРДЖАКОВ Шахер Ниязович
3. ДИВАНКУЛИЕВ Худайберды
4. КУЛИЕВ Клыч Мамедович

5. КУРБАННЕПЕСОВ Керим
6. КУРБАНСАХАТОВ Курбандурды
7. РЫБИН Валентин Федорович
8. УССАЕВА Огульгерек
9. ХАИДОВ Аллаберды

Эстонская ССР

1. БАССЕЛЬ Нафтолий Мордухович
2. БЕЭКМАН Владимир Эугенович
3. ИЫЭРЮЮТ Яак Сигурд-Хансович
4. КАЛДА Майе Юхановна
5. КРОСС Ян Янович
6. КУРГ Калле Фердинандович
7. КУУСБЕРГ Пауль Аугустович

8. МЕРИ Леннарт-Георг Георгиевич
9. МУРУ Карл Яакович
10. СИЙГ Арни Карлович
11. ХАЙНСАЛУ
(СЕЭТ)
Лехте Эльмаровна

ЗАРУБЕЖНЫЕ ГОСТИ ВОСЬМОГО СЪЕЗДА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

1. А. Ботелью де Васкоселуш (Ангола)
2. Гулям Дастагир Панджшери (Афганистан)
3. Любомир Левчев (Болгария)
4. Лучезар Еленков (Болгария)
5. Леда Милева (Болгария)
6. Николай Петев (Болгария)
7. Нелида Пиньон (Бразилия)
8. Миклош Хубай (Венгрия)
9. Миклош Вереш (Венгрия)
10. Джеймс Олдридж (Великобритания)
11. Марк Ле Фаню (Великобритания)
12. Кауполикан Овальес (Венесуэла)
13. Денсиль Ромеро (Венесуэла)
14. Нгуен Динь Тхи (Вьетнам)
15. Нгуен Минь Тяу (Вьетнам)
16. Герхард Хеннигер (ГДР)
17. Макс Вальтер Шульц (ГДР)
18. Абдурахман аль-Хамиси (Египет)
19. Немайн Садхан Бош (Индия)
20. Свами Локешварананда (Индия)
21. Гаура Пант Шивани (Индия)
22. Шейла Сахни (Индия)
23. Абдель Амир Муалля (Ирак)
24. Кирон Кигли (Ирландия)
25. Альдо де Яко (Италия)
26. Марио Грассо (Италия)
27. Хорхе Элиесео Пардо (Колумбия)
28. Ким Ен Вон (КНДР)
29. Пак Док Хун (КНДР)
30. Квон Чи Хо (КНДР)
31. Лисандро Отеро (Куба)
32. Нозль Наварро (Куба)
33. Хусто Васко (Куба)
34. Густаво Эгурен (Куба)
35. Раймундо Респаль (Куба)
36. Дожоогийн Цэдэв (Монголия)
37. Дамдинсүрэнгийн Урианхай (Монголия)
38. Джоиконда Белли (Никарагуа)
39. Алехандро Браво (Никарагуа)
40. Зияд Абдель Фаттах (Палестина)
41. Войцех Жукровский (Польша)
42. Зыгмунт Вуйчик (Польша)
43. Зыгмунт Лихняк (Польша)
44. Наталия Коррейя (Португалия)
45. Думитру Радупопеску (Румыния)
46. Николае Дан Фрунтелатэ (Румыния)
47. Али Окля Орсан (Сирия)
48. Филипп Боноски (США)
49. Патрик Девис Смит (США)
50. Мухаммед аль-Аруси аль-Матви (Тунис)
51. Яшар Кемаль (Турция)
52. Йорма Каннила (Финляндия)
53. Ганс Петер Блойель (ФРГ)
54. Ян Козак (Чехословакия)
55. Ян Солович (Чехословакия)
56. Иван Скала (Чехословакия)
57. Камил Маржик (Чехословакия)
58. Володя Тейтельбойм (Чили)
59. Отто Бени (Швейцария)
60. Гунасена Витана (Шри-Ланка)
61. Миро Вуксанович (Югославия)
62. Абдуллах Карьягдиу (Югославия)
63. Анна Лилова — президент Международной федерации переводчиков
64. Клод Авис — президент-координатор Европейского общества писателей-фантастов
65. Фредерик Пол — вице-президент Всемирной организации научной фантастики
66. Бхишам Сахни — и. о. генерального секретаря Ассоциации писателей Азии и Африки

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ СЪЕЗДА. 24 ИЮНЯ 1986 ГОДА

Утреннее заседание

Открытие съезда	3
Выборы руководящих органов съезда	4
Доклад Г. Маркова «Никогда не отгораживаться от тревог современного мира, от жизни народа»	4
В. Тельпугов	21
С. Михалков	25
Б. Олейник	26
А. Чаковский	28
Д. Гранин	29
С. Залыгин	31

Вечернее заседание

Ю. Бондарев	33
М. Танк	36
А. Лизичев	37
Н. Грибачев	39
Ф. Кузнецов	40
У. Умарбеков	42
Г. Бакланов	43
Г. Цицишвили	45
М. Слуцкис	46
Ю. Мушкетик	48
В. Мишин	49
Р. Гамзатов	51
Н. Горбачев	53
Любомир Левчев	55
Лисандро Отеро	55

ВТОРОЙ ДЕНЬ СЪЕЗДА 25 ИЮНЯ 1986 ГОДА

Заседание комиссии по прозе

А. Иванов	57
А. Салуцкий	64
Э. Ананишвили	66
В. Амлинский	70
А. Якубов	71
И. Стаднюк	73
В. Бешлягэ	75

С. Дангулов	78
Б. Набиев	79
Р. Кашаускас	81
А. Иванов	82
В. Крупин	82
Ю. Сбитнев	83
Б. Никольский	84
Э. Сафонов	85
В. Яворивский	87

Вечернее заседание

Т. Каипбергенов	89
А. Анфиногенов	90
С. Муратбеков	92
Б. Леонов	93
В. Адамчик	95
В. Каргалов	96
Н. Адалян	98
М. Джохадзе	99
Т. Джумагельдыев	101
З. Скуинь	102
Ю. Щербак	103
И. Чигринов	105
Н. Горбачев	106
И. Падерин	108
А. Иванов	108

Приложения

Ф. Автомонов	108
О. Даникеев	110
С. Борзунов	112

Комиссия по критике

Утреннее заседание

Ю. Суровцев	115
В. Озеров	115
Л. Новиченко	125
Л. Лавлинский	132

Вечернее заседание

В. Дементьев	138
Эльчин	140
Ю. С. Мелентьев	142
Д. Лихачев	144
В. Гусев	145
И. Ланкютис	147
В. Лукьянин	148
А. Григорян	149
А. Эльяшевич	151
Л. Каюмов	153

А. Михайлов	155
Х. Корбу	156
Г. Бердников	157
К. Акматов	159
И. Дедков	160
Е. Сидоров	161
К. Кург	163
П. Николаев	164
Ю. Андреев	165
В. Новиков	165
М. Каратаев	167
Г. Гоц	169
Ю. Суровцев	171
Р. Миминошвили	172
В. Коваленко	173
М. Козьмин	175
Я. Рокпелнис	177
Л. Мкртчян	177
В. Озеров	179

Приложения

У. Норматов	180
Б. Жутдиев	182
В. Оскоцкий	183
А. Овчаренко	185

Заседание комиссии по поэзии

Выборы президиума	188
Е. Исаев	188
С. Куняев	196
В. Цыбин	200
Д. Павлычко	203
Я. Козловский	205
Л. Ошанин	208
А. Арипов	209
А. Вергелис	210
Н. Гилевич	211
Е. Долматовский	213
Д. Чарквиани	216
Р. Ованесян	217
Д. Новруз	218
О. Шестинский	220
М. Чаклайс	221
В. Сорokin	222
А. Балтакис	224
Н. Дабижа	225
Г. Горбовский	226
Ю. Поляков	228
Г. Эмин	229
В. Субботин	231
А. Кекильбаев	232
В. Костров	234
Г. Сафиева	235

К. Курбансахатов	236
В. Ганиев	237
В. Карпеко	240
Ю. Прокушев	242
М. Дудин	244
Е. Исаев	245

Приложения

Р. Амашукели	245
------------------------	-----

Заседание комиссии по драматургии

Г. Боровик	247
А. Караганов	259
А. Бородин	261
Н. Мирошниченко	262
М. Шатров	265
Н. Зарудный	269
Г. Хухашвили	271
А. Дударев	273
А. Коломиец	273
Х. Абдусаматов	273
М. Карим	275
А. Салынский	276
А. Ашимов	277
Е. Зайцев	278
Ц. Солодарь	282
М. Роцин	283
А. Софронов	284
М. Залите	284
В. Арро	285
А. Гельман	288
А. Агабаев	290
Т. Абдумомунов	291
А. Казанцев	293
А. Лауринчюкас	294

Заседание комиссии по детской и юношеской литературе

Утреннее заседание

С. Михалков	296
И. Мотяшов	297
А. Алексин	301
А. Лиханов	305
И. Токмакова	308

Вечернее заседание

С. Алексеев	311
Ю. Збанацкий	312
С. Баруздин	314
М. Ибрагимбеков	315
О. Попцов	316
К. Тангрыкулиев	317

Р. Инанишвили	318
И. Стрелкова	319
М. Кондаков	321
В. Пальчинскаяте	322
В. Крапивин	323
В. Козько	324
Р. Сеф	327
А. Кулешов	327
Р. Погодин	329
П. Шермухамедов	330
В. Санги	332
А. Веян	334
И. Ходыркэ	335
К. Найманбаев	336
С. Арутюнян	337
К. Жусупов	339
Л. Кузьмин	340
Т. Полозова	341

ТРЕТИЙ ДЕНЬ СЪЕЗДА 26 ИЮНЯ 1986 ГОДА

Утреннее заседание

А. Вознесенский	343
Я. Петерс	344
В. Розов	346
В. Шугаев	347
А. Алексин	349
В. Озеров	351
М. Ненашев	354
Ю. Друнина	356
Г. Боровик	357
Е. Евтушенко	359
В. Петросян	362
Д. Лихачев	364
М. Каноат	366
А. Мишарин	367
Нгуен Динь Тхи	369
Альдо де Яко	370

Вечернее заседание

Н. Боцу	371
Е. Исаев	372
В. Безкман	373
Р. Рождественский	375
М. Ганина	377
М. Ибрагимов	379
Ю. Семенов	381
Ф. Кузнецов	382
Н. Доризо	383
А. Иванов	383
А. Мирзагитов	386
К. Ваншенкин	388

Б. Можаяв	389
Е. Шевелева	391
Дожоогийн Цэдэв	393
Ким Ен Вон	394
Бхишам Сахни	395

ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕНЬ СЪЕЗДА 27 ИЮНЯ 1986 ГОДА

Утреннее заседание

В. Распутин	396
В. Проскурин	398
В. Карпов	401
В. Белов	402
О. Сулейменов	403
К. Скворцов	405
Ю. Прокушев	406
Д. Кугультинов	408
А. Проханов	409
В. Жукровский	410
Ф. Пол	411
А. Лилова	411
М.-В. Шульц	412
К. Курбаннепесов	413
А. Адамович	415
Г. Тропольский	417
В. Амлинский	418
Т. Миннуллин	419

<i>Вечернее заседание (закрытое)</i>	421
--	-----

ПЯТЫЙ ДЕНЬ СЪЕЗДА 28 ИЮНЯ 1986 ГОДА

Заключительное заседание

Гулям Дастагир Панджшери	422
Ян Козак	423
Думитру Раду Попеску	423
Патрик Смит	424
Миро Вуксанович	425
Али Окля Орсан	425
Алеjandro Браво	426
Адриано Ботелью де Вашкоселуш	426
Абдель Амир Муаля	426
В. Коротич (Обращение)	427
Пленум Правления Союза писателей СССР	429
Прием в Кремле по случаю завершения работы Восьмого съезда писателей СССР	430

ПРИЛОЖЕНИЯ

В. Огнев	431
И. Петрянов-Соколов	433

Резолюция Восьмого съезда писателей СССР	435
Обращение к писателям мира	437
Президиум Восьмого съезда писателей СССР	438
Секретариат Восьмого съезда писателей СССР	442
Мандатная комиссия Восьмого съезда писателей СССР	443
Редакционная комиссия Восьмого съезда писателей СССР	444
Повестка дня съезда	445
Руководящие органы Союза писателей СССР, избранные Восьмым съездом писателей СССР. Правление Союза писателей СССР	447
Центральная Ревизионная комиссия	451
Отчет об организационно-творческой работе Правления Союза писателей СССР между Седьмым и Восьмым съездами писателей СССР (июнь 1981 — июнь 1986 г.)	453
Статистическая справка	494
Печатные органы Союза писателей СССР. Союзов писателей союзных и автономных республик	495
Список делегатов Восьмого съезда писателей СССР (по республикам)	498
Зарубежные гости Восьмого съезда писателей СССР	505

Составители:

Сергей Петрович Колов

Ким Николаевич Селихов

Антонина Александровна Тюрина

ВОСЬМОЙ СЪЕЗД ПИСАТЕЛЕЙ СССР

(Стенографический отчет)

Редакторы *М. И. Самойлова, С. А. Николаева*. Художественный редактор *Ф. С. Меркуров*.
Технические редакторы *Н. Н. Талько, Н. Г. Алеева*. Корректоры *Л. И. Жиронкина, Т. М. Павлюченко*

ИБ № 6709

Сдано в набор 31.07.87. Подписано к печати 23.05.88. А 05369. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага офс. № 1.
Литературная гарнитура. Офсетная печать. Усл. печ. л. 44,8. Уч.-изд. л. 66,25. Тираж 10 000 экз.
Заказ № 509. Цена 2 руб.

Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11.
Тульская типография Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 300600, г. Тула, проспект Ленина, 109